

АРХЕОЛОГИ- ЧЕСКИЕ ВЕСТИ

- 6 -

• 1999 •

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

ARCHAEOLOGICAL NEWS

№ 6

ДБ

St.-PETERSBURG

1999

Археологические Вести

№ 6

ДБ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1999

В очередной том ежегодника «Археологические Вести» включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии. Впервые публикуются материалы о древнейшем прошлом человека на территориях Западной Африки, Европы и Русской равнины, анализируются ремесленные мастерские и орудия палеолитического времени. В нескольких статьях рассматриваются вопросы хронологии различных древностей эпох энеолита и бронзы, материалы античных памятников Северного Причерноморья и средневекового времени северных районов Восточной Европы. Особый раздел сборника составляют статьи по актуальным проблемам археологии, в которых освещаются вопросы культурных контактов в различные исторические периоды, рассматривается соотношение археологических и нумизматических данных. В сборнике также дается информация о важнейших международных конференциях и обзор новейших зарубежных публикаций. Один из разделов посвящен истории науки. Среди авторов сборника ученые России, Украины, Латвии, Франции, Греции и Республики Кот д'Ивуар.

Редакционная коллегия: В. М. Массон, Е. Н. Носов (отв. редакторы),
В. А. Алёшкин, М. Ю. Вахтина, Т. С. Дорофеева, В. А. Завьялов,
Н. В. Хвоцинская (отв. секретарь), Л. Г. Шаяхметова.

Адрес редакции: Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18.
Институт истории материальной культуры РАН.
Тел. (812) 312 14 84; факс (812) 311 62 71; E-mail: vesti@km1213.spb.edu

Издательская группа: Т. С. Дорофеева, Г. А. Кузнецова, К. А. Матехин, В. Я. Стеганцева.

Editorial board: V. M. Masson, E. N. Nosov.
V. A. Alekshin, T. S. Dorofeeva, N. V. Khvoshchinskaya, M. Yu. Vakhtina,
V. A. Zav'yalov.

Address: Institute of the History of Material Culture Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya nab., 18. Saint-Petersburg, 191186. Russia.
Tel. (812) 312 14 84; fax (812) 311 62 71; E-mail: vesti@km1213.spb.edu

Publishing group: T. S. Dorofeeva, G. A. Kuznetsova, K. A. Matekhin, V. Ya. Stegantseva.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) согласно проекту № 98-01-16156.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Е. Н. Носов. Институту истории материальной культуры РАН 80 лет	9
В. М. Массон. Урбанизация и городской образ жизни	15
М. В. Малевской-Малевиц — 80 лет	17
А. К. Филиппову — 70 лет	18

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

В. П. Любин, Ф. Й. Гедде. Исследование палеолита в Западной Африке (Республика Кот д'Ивуар)	19
Жан Клотт. Последние данные о гроте Шове	41
Н. Ф. Лисицын. К вопросу о технике первичного расщепления в верхнем палеолите Среднего Енисея	51
Г. В. Григорьева. Исследования на верхнепалеолитическом поселении Юдиново в 1995—1997 гг.	56
А. В. Карих, С. Н. Лисицын, Н. Д. Праслов, А. А. Сеницын. Открытие новой верхнепалеолитической стоянки в Костенковско-Борщевском районе на Дону	71
Л. Б. Кирчо, Г. М. Ковнурко. Минералого-петрографическая характеристика находок из погребений Алтын-депе и вопросы хронологии	76
И. В. Каминская, Э. С. Шарафутдинова. Жилой комплекс Гамовская балка — новый памятник эпохи средней бронзы на Северо-Западном Кавказе	86
В. Я. Стеганцева. Относительная хронология погребений катакомбной культуры в междуречье Маныча и Сала	101
А. Я. Щетенко, Ю. Г. Кутимов. Керамика степного облика эпохи поздней бронзы Теккем-депе (Южный Туркменистан)	114
Е. Д. Паульс. Еще раз о назначении так называемых «моделей ярма»	124
М. Е. Килуновская, Вл. А. Семенов. Оленные камни Тувы (часть 2. Сюжеты, стиль, семантика)	130
В. И. Денисова. Горгонейон-скифос из Ольвии	146
Е. В. Власова. Сосуды в форме рога из кургана Куль-Оба	163
В. И. Мордвинцева. Старобельский клад	168
В. И. Мордвинцева, Е. П. Мысков. Курганы сарматской знати у поселка Октябрьский	179
И. В. Сергацков. Серебряный кубок из Бердии и некоторые вопросы истории сарматов в I в. н. э.	192
С. В. Бельский. Юго-Восточное Приладожье в период 860—950-х годов: проблемы формирования и развития основных типов погребального обряда и их взаимодействие	197
А. Н. Егорьков. Газохроматографическая методика обнаружения органического связующего в древней настенной живописи	215
Т. А. Чукова. К вопросу о формировании Новгородского и Псковского иконостасов	221
В. Ф. Столба, Ю. Е. Варваровский. Николаевский клад серебряных джучидских монет XIV века	231
А. В. Курбатов, О. В. Овсянников. Изделия кожевенного производства в городах Русского Заполярья XVI—XVII вв. (Мангазея)	245

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

А. Е. Матюхин. О структуре, типах и принципах изучения палеолитических мастерских	272
Н. Н. Скакун. Прогресс техники в эпоху энеолита на Юго-Востоке Европы (по материалам земледельческих культур Болгарии)	287
З. П. Марина. О культурных контактах в энеолите — бронзовом веке племен левобережного предстепья и Северного Кавказа	308
В. Д. Рыбалова. Два поселения предскифского времени на левобережье Среднего Днестра и некоторые проблемы белогрудовской культуры (по материалам разведки Юго-Подольской экспедиции в 1953—1954 гг.)	320
А. М. Гилевич. Хронология и топография кладов и коллективных находок херсонесских монет IV—II вв. до н. э.	346
П. В. Шувалов. Монеты между археологией и нумизматикой	374
М. М. Казанский. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов	404

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Палеолитическая живопись Страны Басков.* Jesus Altuna. L'Art des Cavernes en Pays Basque. Ekain et Altxerri. Avec la collaboration de Amelia Baldeon et Koro Mariezkurrena. Paris. 1997. (Рец. З. А. Абрамовой) 420
- О системе цивилизаций бронзового века на Ближнем Востоке.* С. Lamberg-Karlovsky. Beyond the Tigris and Euphrates. Beer-Sheva. Studies by Department of Bible and Ancient East. v. IX. 1996. (Рец. В. М. Массона) 426
- Новый труд по археологии и истории Казахстана.* История Казахстана с древнейших времен до наших дней в четырех томах. Т. 1. Казахстан от эпохи палеолита до позднего средневековья. Алматы. 1996. (Рец. Ю. Заднепровского) 430
- Победили ли пешие дротикометатели колесничих?* (По поводу гипотезы Р. Дрюса о причине падения восточносредиземноморских цивилизаций около 1200 г. до н. э.). Drews R. The End of the Bronze Age: Changes in Warfare and the Catastrophe ca. 1200 B. C. Princeton. 1993. (Рец. А. К. Нефедкина) 433
- Новая серия публикаций древностей Северного Причерноморья античной эпохи.* M. Mielczarek. Armes grecques, scythes et sarmates du littoral septentrional de la Mer Noire dans la collection du Musée de l'Armée Polonaise a Varsovie. Torun. 1995. (Рец. В. А. Горончаровского) 436

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ

- Н. К. Гурова.* Проблемы организации археологического парка в центре Афин 439

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК-ЗАПАД

- Г. М. Буров, Ю.-Т. В. Уртанс.* Конференция «Использование человеком пещер» (Ньюкасл, 6—9 июля 1993 г.) 448
- С. А. Кулаков.* О работе международной конференции «Пещерный палеолит Урала» (Уфа, 9—14 сентября 1997 г.) 450
- В. М. Лозовский.* Конференция «Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры» (Сергиев Посад, 1—5 июля 1997 г.) 453
- Д. Абдуллоев.* Международная научная конференция «50 лет раскопок древнего Пенджикента» (Пенджикент, 15—20 августа 1997 г.) 455
- В. М. Массон.* Международный коллоквиум по культурному наследию государства Саманидов (Душанбе, 14—19 июня 1998 г.) 456
- Л. Б. Кирчо.* Новое обследование Алтын-депе 458
- А. Е. Мусин.* Вторая Всероссийская церковно-археологическая конференция, посвященная 150-летию заслуженного профессора Санкт-Петербургской Духовной Академии, директора Императорского Археологического Института Николая Васильевича Покровского (1848—1917) (Санкт-Петербург, 1—3 ноября 1998 года) 460

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

- Н. И. Платонова, М. И. Артамонов* — директор ИИМК 466
- Р. Ш. Левина.* Митрополит Евгений и Н. Н. Мурзакевич 479

ПЕРСОНАЛИИ

- В. И. Тимофеев, Т. М. Гусенцова.* Памяти Л. Я. Крижевской 489
- Л. Я. Крижевская.* К вопросу о раннем неолите Урала и его генезисе 491
- З. А. Абрамова.* Памяти Учителя (к 90-летию со дня рождения А. П. Окладникова) 498
- Г. Ф. Коробкова.* 100-летие со дня рождения С. А. Семенова 503

ХРОНИКА

- Л. Б. Кирчо, С. А. Кулаков.* Научно-исследовательская и научно-организационная деятельность Института истории материальной культуры РАН в 1995—1996 годах 512
- С. А. Кулаков.* Институт истории материальной культуры РАН в 1997 году 515
- Памяти Юрия Викторовича Андреева (1937—1998)* 517

CONTENTS

EDITORIAL

<i>E. N. Nosov.</i> The eightieth anniversary of the Institute of History of Material Culture	9
<i>V. M. Masson.</i> Urbanization and urban lifestyles	15
<i>M. V. Malevskoy-Malevich</i> — 80	17
<i>A. K. Filippov</i> — 70	18

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

<i>V. P. Lyubin, F. Yiode Guedé.</i> Palaeolithic Researches in the West Africa (Républic Côte d'Ivoire) . . .	19
<i>Jean Clottes.</i> Recent Evidence on Chauvet Cave	41
<i>N. F. Lisitsyn.</i> On Stone Knapping Techniques in the Upper Paleolithic of the Middle Yenisey	51
<i>G. V. Grigoryeva.</i> Excavations at the Upper Paleolithic site of Yudinovo (1995—1997 field seasons)	56
<i>A. V. Karikh, S. N. Lisitsyn, N. D. Praslov, A. A. Sinitsyn.</i> The discovery of a new Upper Paleolithic site in the Kostenki-Borshevo region, the Don	71
<i>L. B. Kircho, G. M. Kovnurko.</i> A mineralogical and petrographic characteristics of finds from Altyn-Depe burials (with reference to chronology)	76
<i>I. V. Kaminskaya, A. S. Sharafutdinova.</i> Dwelling complex of Gamovskaya balka — a new Middle Bronze Age site in the North-Western Caucasus	86
<i>V. Ya. Stegantseva.</i> Relative chronology of Catacomb Culture burials, Middle Bronze Age, in the Manych — Sal interfluve	101
<i>A. Ya. Shchetenko, Yu. G. Kutimov.</i> Late Bronze Age Pottery of the Steppe Type Appearance from Tekkem-depe (South Turkmenistan)	114
<i>E. D. Pauls.</i> So-called «yoke models» revisited	124
<i>M. E. Kilunovskaya, V. A. Semenov.</i> Deer stones in Tuva	130
<i>V. I. Denisova.</i> Gorgoneion skyphos from Olbia	146
<i>E. V. Vlasova.</i> Horn-shaped vessels from Kul-Oba	163
<i>V. I. Mordvintseva.</i> The Starobelsk Hoard	168
<i>V. I. Mordvintseva, E. P. Myskov.</i> Burial mounds of the Sarmatian elite near Oktyabrsky	179
<i>I. V. Sergaukhov.</i> A silver bowl from Berdia and certain issues in the history of the Sarmatians in the 1 st century AD	192
<i>S. V. Bel'ski.</i> The Southeastern Ladoga area in AD 860—950: Issues in the origin, development, and interaction of the principal types of the burial rite	197
<i>A. N. Yegorkov.</i> Gas chromatographic method for revealing organic binder in old wall painting	215
<i>T. A. Chukova.</i> On the origins of the Novgorodian and Pskovian iconostases	221
<i>V. F. Stolba, Yu. Ye. Varvarovsky.</i> The Nikolaevsk hoard of 14 th century. A. D. Juchid silver coins . .	231
<i>A. V. Kurbatov, O. V. Ovsyannikov.</i> Leathern footwear from excavations of Mangazea — a 17 th century Russian town in Arctic Regions of West Siberia	245

TOPICAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

<i>A. E. Matyukhin.</i> On the Structure and Types of Paleolithic Workshops, and the Principles of Their Study	272
<i>N. N. Skakun.</i> Technological progress in the Chalcolithic of Southeastern Europe (Based on early agricultural sites in Bulgaria)	287
<i>Z. P. Marina.</i> On cultural contacts of tribes of the left-bank near-steppe region and those of the Northern Caucasus in Aeneolith-Bronze Age periods	308
<i>V. D. Rybalova.</i> Two pre-Scythian sites on the left bank of the Middle Dniester: Results of pilot excavations carried out by the South Podolsk Expedition in 1953—54 (with reference to problems in the study of Belogradovka Culture)	320
<i>A. M. Gilevich.</i> Chronology and topography of hoards and collective finds of 4 th — 2 nd centuries B.C. chersonesian coins	346
<i>P. V. Švalov.</i> Between Archaeology and Numismatics: Coins in the Archaeological and Numismatic	374
<i>M. M. Kazanskiy.</i> On the Balts in the Forest Zone of Russia in the Period of the Great Migration of Peoples	404

REVIEW ARTICLES AND BOOK REVIEWS

<i>Paleolithic Cave Art of the Basque Country.</i> Jesus Altuna. L'Art des Cavernes en Pays Basque. Ekain et Altxerri. Avec la collaboration de Amelia Baldeon et Koro Mariezkurrena. Paris. 1997. (Rev. by Z. A. Abramova)	420
<i>On the system of Near Eastern Bronze Age civilizations.</i> C. Lamberg-Karlovsky. Beyond the Tigris and Euphrates. Beer-Sheva. Studies by Department of Bible and Ancient East. v. IX. 1996. (Rev. by V. M. Masson)	426
<i>A new study into the archaeology and history of Kazakhstan.</i> История Казахстана с древнейших времен до наших дней в четырех томах. Т. I. Казахстан от эпохи палеолита до позднего средневековья. Алматы. 1996. (Rev. by Yu. A. Zadneprovskii)	430
<i>Did unmounted projectile throwers defeat the charioteers?</i> On Drews's hypothesis regarding the collapse of Eastern Mediterranean civilizations ca. 1200 BC Drews R. The End of the Bronze Age: Changes in Warfare and the Catastrophe ca. 1200 B. C. Princeton. 1993. (Rev. by A. K. Nefedkin)	433
<i>A new series of publications of the Northern Pontic classical antiquities.</i> M. Mielczarek. Armes grecques, scythes et sarmates du littoral septentrional de la Mer Noire dans la collection du Musée de l'Armée Polonaise a Varsovie. Torun. 1995. (Rev. by V. A. Goroncharovskii)	436

THE ORGANIZATION OF SCIENCE

<i>N. K. Gurova.</i> Problems in the organization of the archaeological park in downtown Athens	439
---	-----

THE EAST-WEST COOPERATION

<i>G. M. Burov, Yu.-T. V. Urtans.</i> Conference «The use of caves by man» (Newcastle, 6—9 July, 1993)	448
<i>S. A. Kulakov.</i> International conference «The cave Paleolithic of the Urals» (Ufa, 9—14 September, 1997)	450
<i>V. M. Lozovsky.</i> Stone age of the European plains: organic objects and settlement structure as a reflection of human culture (Sergiev Posad, 1—5 July, 1997)	453
<i>D. Abdulloev.</i> International conference «Fifty years of excavations at old Pendzhikent» (Pendzhikent, 15—20 August, 1997)	455
<i>V. M. Masson.</i> International colloquium on the cultural legacy of the Samanid state (Dushanbe, 14—19 June, 1998)	456
<i>L. B. Kircho.</i> New studies at Altyn-depe	458
<i>A. E. Musin.</i> Second All-Russian conference on ecclesiastic archaeology celebrating the 150 th anniversary of the birth of N. V. Pokrovsky (Saint-Petersburg, 1—3 November, 1998)	460

HISTORI OF SCIENCE

<i>N. I. Platonova.</i> M. I. Artamonov as Director of IIMK	466
<i>R. Sh. Levina.</i> Mitropolite Eugene and N. N. Murzakevich	479

PERSONALIA

<i>V. I. Timofeev, T. A. Gusentsova.</i> Obituary: L. Ya. Krizhevskaya	489
<i>L. Ya. Krizhevskaya.</i> On the early Neolithic of the Urals and its origins	491
<i>Z. A. Abramova.</i> The Teacher: The ninetieth anniversary of the birthday of A. P. Okladnikov	498
<i>G. F. Korobkova.</i> Centenary of the birth of S. A. Semenov	503

CHRONIKLE

<i>L. B. Kircho, S. A. Kulakov.</i> Scholarly and organizational activities of the Institute of History of Material Culture RAN in 1995—96	512
<i>S. A. Kulakov.</i> Institute of History of Material Culture RAN in 1997	515
<i>Obituary: Yu. V. Andreev (1937—1998)</i>	517

ИНСТИТУТУ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН 80 ЛЕТ

Е. Н. НОСОВ

Сто сорок лет назад 9 февраля 1859 г. в Санкт-Петербурге, столице Российской империи, указом Александра II Правительствующему сенату было основано первое государственное археологическое учреждение России Императорская археологическая комиссия, ставшая во главе всех археологических изысканий в стране. Осенью 1918 г. она была преобразована в Российскую государственную археологическую комиссию, на базе которой 18 апреля 1919 г. декретом, подписанным Председателем Совета Народных Комиссаров, В. И. Лениным была создана Российская Академия истории материальной культуры (РАИМК) — прямой предшественник нынешнего Института истории материальной культуры РАН и Института археологии РАН. На заседаниях учредительного собрания по случаю образования нового учреждения, состоявшегося 5—7 августа 1919 г. в Зимнем дворце, где тогда размещалась Археологическая комиссия, приняли участие выдающиеся отечественные археологи, востоковеды, историки, этнографы, избравшие состав членов Академии и ее председателя Н. Я. Марра, возглавлявшего Академию с 1919 по 1934 год. Сохранился уникальный снимок, сделанный во дворе Зимнего дворца во время этого исторического собрания, где запечатлен практически весь «цвет» тогдашней российской гуманитарной науки (рис. 1).

В задачи Академии истории материальной культуры входило исследование памятников древности, искусства и старины и разработка основ их охраны; изучение вопросов этнологии, археологии и истории искусства; раскопки и сбор предметов древности; руководство научной стороной всех предпринимаемых археологических раскопок, работ по реставрации и ремонту древних монументальных памятников; развитие и распространение знаний о памятниках

древности и искусства; публикация ежегодных отчетов и научных трудов. В соответствии с поставленными перед ней задачами Академия имела три отделения: этнологическое, археологическое и художественно-историческое. При Академии был создан Институт археологической технологии, а в ее ведении находились также Общество поощрения художеств и Комитет популяризации художественных изданий.

В 1926 г., после образования СССР, РАИМК была переименована в Государственную Академию историю материальной культуры (ГАИМК). В 1937 г. она была преобразована в Институт истории материальной культуры в составе Академии Наук СССР. Головная часть Института, его архивы и библиотека находились в Ленинграде, а в Москве существовало Московское отделение. В 1943 г. дирекция ИИМК АН СССР была переведена в Москву и утверждено положение о двух отделениях института в Москве и в Ленинграде. В 1959 г. институт был переименован в Институт археологии АН СССР. В 1991 г. на очередном витке российских реформ и при расширении административной самостоятельности целого ряда институтов Санкт-Петербургского научного центра, решением Президиума Академии Наук, Ленинградское отделение Института археологии было преобразовано в самостоятельный Институт с возвращением ему прежнего названия — Институт истории материальной культуры, вошедший в состав Отделения истории Академии наук. Такова самая краткая история нынешнего академического центра Санкт-Петербурга.

Она соответствует истории становления других гуманитарных научных академических учреждений бывшей столицы, сформированных на базе предшествовавших им центров науки Российской империи и наследующих их ценнейшие архивные собрания и

Рис. 1 Групповой портрет участников учредительного собрания по образованию Российской Академии истории материальной культуры (Снимок сделан 6 августа 1919 г. во дворе Зимнего дворца фотографом И. Ф. Чистяковым. Диапозитив на стекле. Фотоархив ИИМК РАН). Расшифровка диапозитива предпринята М. П. Грязновым в 1960-гг. (дополнения Г. В. Длужневской).

Сидят слева направо: В. В. Бартольд; Б. В. Фармаковский; И. Э. Грабарь; С. Ф. Ольденбург; В. В. Латышев; Н. Я. Марр; А. А. Васильев; А. А. Шахматов; В. К. Мальберг; Н. П. Сычев.

Стоят слева направо: П. К. Симони; М. В. Фармаковский; М. Раевский; А. А. Миллер; С. С. Лукьянов; К. К. Романов; В. К. Шилейко; И. И. Толстой; П. П. Покрышкин; Д. А. Золотарев; Б. А. Тураев; Н. П. Лихачев; Н. Б. Бакланов; И. А. Орбели; А. М. Эфрос; Н. Н. Шокальский; И. Ю. Крачковский; В. В. Богданов; С. П. Яремич; Б.-Ф. Ф. Адлер; С. Н. Тройницкий; Щедринский (?); И. И. Мещанинов; А. А. Ильин; С. Г. Елисеев; А. К. Марков; В. К. Никольский.

Fig. 1 A photograph of the participants of the constituent session on which the Russian Academy of History of Material Culture was founded (taken by I. F. Chistyakov on August 6, 1919, in the courtyard of the Winter Palace). Daguerrotype. Photographic archives of IIMK. The photograph was attributed by M. P. Gryaznov in the 1960^s. Further identifications were made by G. V. Dluzhnevskaya.

библиотеки. ИИМК РАН включает в свой состав два уникальных архива — Рукописный и Фото документов.

Рукописный архив является старейшим и единственным в стране хранилищем, собранным по одному принципу — археология и охрана древностей во всех их проявлениях. Архив стал складываться одновременно с учреждением самой Императорской археологической комиссии в 1859 г. В настоящее время он насчитывает 102 фонда и более 70 тысяч единиц хранения (рукописные материалы, картографическая и графическая документация, рисунки). Без преуве-

личения можно сказать, что в архиве сосредоточено не менее 80% информации о всех полевых археологических исследованиях в Российской империи и СССР до 1941 г. включительно.

Фотоархив ИИМК РАН также начал формироваться с момента учреждения Императорской археологической комиссии в 1859 г., сначала при библиотеке, а в 1918 г. было создано специальное архивное подразделение. В настоящее время в архиве насчитывается более 900 тысяч единиц хранения (негативы и позитивы, 8 кинофильмов). Он является одним из крупнейших хранилищ в

Европе, где находятся фотографии 1840—1998 гг. Это старейший и единственный специализированный фотоархив в России.

Библиотека института — крупнейшая в России и одна из крупнейших в мире специальных археологических библиотек. Она была основана, как библиотека Императорской археологической комиссии и сейчас насчитывает более 200 тысяч экземпляров монографий, серийных и периодических изданий, причем более половины фонда составляет зарубежная литература. С 1959 г. Библиотекой ИИМК издается многотомный ретроспективный указатель «Советская археологическая литература». В 1997 г. был опубликован десятый том этого издания (тома охватывают период с 1918 по 1984 гг.), а в 1998 г. завершена подготовка одиннадцатого тома.

Структурно, наряду с архивами и библиотекой, ИИМК РАН состоит из четырех отделов (Отдел археологии палеолита; Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа; Отдел истории античной культуры; Отдел славяно-финской археологии) и двух лабораторий (Лаборатория археологической технологии и Экспериментально-трасологическая лаборатория), которые соответствуют основным направлениям научно-исследовательской деятельности коллектива, который сейчас насчитывает 107 научных сотрудников, включая 24 докторов и 53 кандидатов наук. Институт сохраняет традиционные связи со многими центрами стран СНГ, ведет совместные исследования с археологическими учреждениями Финляндии, Швеции, Норвегии, Польши, Германии, Великобритании, Ирландии и некоторых других стран.

Сотрудники ИИМК РАН проводят широкие полевые археологические исследования на территории России и стран СНГ, принимают участие в раскопках в дальнем зарубежье. В результате раскопок древностей разных эпох и народов археологами Ленинграда — Санкт-Петербурга сделан ряд открытий новых археологических памятников и культур, изучение которых существенно изменили наши представления о прошлом Евразии и Африки. Широкие исследования проведены по изучению древнейшего заселения человеком Кавказа и территории Русской равнины. Большая работа предпринята по археологическому изучению раннеземледельческих и античных культур Центральной Азии. Постоянно ведутся раскопки античных памятников Крыма и Тамани. Большое научное значение имеет систематическое изучение вопросов расселения славян в лесной зоне Восточной Европы, становления древнейших городских центров Киев-

ской Руси, взаимоотношений славян с коренным финским и балтским населением и скандинавами. Сотрудники института проводят комплексные исследования на Русском Севере. Богатейшие материалы разных эпох получены археологами ИИМК РАН во время масштабных экспедиционных исследований на новостройках Сибири. Коллекции, собранные учеными института, пополнявшие и пополняющие фонды различных музеев, составляют бесценное культурное достояние народов России и сопредельных территорий.

Используя в своих исследованиях богатейшие материалы архивов и библиотеки, коллекции, полученные во время экспедиций, и музейные собрания, ученые института написали многие крупные обобщающие труды, охватывающие огромные территории и различные периоды — от первого появления человека до позднего средневековья. Исследования Лаборатории археологической технологии открыли новую страницу в изучении функционального и технологического использования древних орудий, а результаты сотен дат радиоуглеродного датирования создали надежную базу для хронологического определения широкого спектра материальных памятников прошлого.

История нынешнего ИИМК РАН в Санкт-Петербурге тесно переплетена с историей Института археологии РАН в Москве и можно сказать, что оба этих академических центра Европейской России, как сыновья одной матери, имеют общие корни, сходные черты и часто одних учителей, но сохраняют свою индивидуальность. Как отмечал в юбилейной статье, посвященной шестидесятилетию Института археологии АН СССР, его ученый секретарь В. В. Волков «структура Института в ее современном состоянии сложилась в 50-е годы, а в 1958 г. «была проведена реорганизация, имевшая целью ликвидировать параллелизм в работе отделений Москвы и Ленинграда» (Волков 1980: 11), то есть современных ИА РАН и ИИМК РАН. В дальнейшем по мере развития науки структура московского и ленинградского археологических центров естественно несколько изменялась, как менялись названия их подразделений, но в своей основе сохранялась исторически сложившаяся в них специфика и направленность работы отделов и лабораторий, во многом взаимно дополняющая друг друга. В этом году наши коллективы отмечают общий юбилей Институтов и важную веху в развитии российской археологической науки.

Традиция вести отчет истории Института истории материальной культуры — Ин-

ститута археологии с известного декрета В. И. Ленина 1919 г. сложилась и поддерживалась в советское время. В тоже время история центрального государственного учреждения России началась в 1859 г. с момента учреждения Императорской археологической комиссии и не прерывается до

наших дней. Институт Востоковедения АН РАН в 1998 г., как свой юбилей, отметил 180-летие Азиатского Музея, на базе которого он возник. Может быть и нам археологам, отмечая 80-летний юбилей, стоит задуматься о реальных 140-летних корнях нашего учреждения.

Волков, В. В. 1980. Институт археологии АН СССР в 50—70-х годах // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 163: 11—18.

THE EIGHTIETH ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE OF HISTORY OF MATERIAL CULTURE

E. N. NOSOV

One hundred forty years ago, on February 9, 1859, a bill issued by Alexander II in Russia's capital, Saint-Petersburg, instructed the Senate to found Russia's first governmental archaeological institution: the Imperial Archaeological Commission, which was to coordinate all archaeological research conducted in the country. In autumn 1918, it was transformed into the Russian State Archaeological Commission which provided the basis on which the Russian Academy of History of Material Culture (RAIMK) was founded by a decree signed by Lenin on April 18, 1919. RAIMK was the direct predecessor of the present Institute for the History of Material Culture (IIMK) and the Institute of Archaeology, both affiliated with the Academy of Sciences. The constituent session was held on August 5-7, 1919, in the Winter Palace, the former residence of the Archaeological Commission, and many prominent Russian archaeologists, orientalists, historians, and ethnographers took part. The Academy members were elected, and its new head was N. Ya. Marr who chaired it from 1919 to 1934. A unique photograph, taken in the courtyard of the Winter Palace during this historical event, depicts most of Russia's scholarly elite (fig. 1).

The Academy of History of Material Culture focused on the preservation of the antiquities and old art, as well as on ethnology, archaeology, and history of art. It was also engaged in field studies and the acquisition of

antiquities, and it coordinated all the excavations, restoration of architectural monuments, and the dissemination of knowledge concerned with archaeology and art. Also, it published annual reports and proceedings. In accordance with these tasks, the Academy had three departments: ethnological, archaeological, and one dealing with art history. Its affiliates were the Institute of Archaeological Technology, the Society for the Promotion of Painting, and the Committee for the Propagation of Art.

In 1926, after the creation of the U.S.S.R., RAIMK was renamed (State Academy of the History of Material Culture, GAIMK). In 1937, it was transformed into the Institute for the History of Material Culture affiliated to the Academy of Sciences of the U.S.S.R. Its administration, the archives, and the library, were situated in Leningrad, the Moscow division being an affiliate. In 1943, the administration was transferred to Moscow, and the Leningrad division became an affiliate. In 1959, the institute was renamed (Institute of Archaeology). In 1991, in the course of reforms that had affected many spheres of life in Russia, several institutes affiliated with the Saint-Petersburg Scientific Centre were granted more independence, and by a decision of the Presidium of the Academy of Sciences the Leningrad division became an independent institute affiliated with the Academy of Sciences and received its former name: Institute for the History of Material Culture (IIMK).

The history of this institute broadly parallels that of other scholarly research centres of the former capital that were formed on the basis of pre-Revolutionary centres and had inherited their valuable archives and libraries. IIMK has two archives: those of manuscripts and photographic documents.

The archives of manuscripts are the oldest and Russia's only collection arranged according to a single criterion: anything dealing with archaeology and the protection of antiquities in all its aspects. The archives were founded simultaneously with the foundation of the Imperial Archaeological Commission in 1859. At present they number 102 divisions and over 70 thousand storage units (manuscripts, maps, reports, and drawings). It would hardly be an overstatement to say that the archives contain at least 80% of information on all the field studies in Russia and the Soviet Union up to 1941.

The photographic archives, too, were formed together with the Imperial Archaeological Commission in 1859. Initially, they were affiliated with the library, and in 1918 a special archival department was founded. At present, the archives possess more than 900 thousand storage units (negatives, prints, and films). They are the only specialized photographic archives in Russia, the oldest in this country and among the oldest in Europe, and the photographs span the period from 1840 to 1998.

The library of IIMK is the largest archaeological library in Russia and one of the largest in the world. It was founded as the library of the Imperial Archaeological Commission, and at present it numbers over 200 thousand monographs and periodicals, more than a half being foreign ones. Since 1959, the library has been publishing a retrospective index «Soviet Archaeological Literature», whose ten volumes, covering the period of 1918-1984, have already been published (the last one in 1997), and the 11th volume was prepared for publication in 1998.

Apart from the archives and the library, IIMK consists of four departments: those of the Paleolithic, of Central Asia and Caucasus, of the Classical Culture, and of Slavono-Fennic Archaeology, as well as two laboratories: those of Archaeological Technology and Experimental Use-Wear Analysis. This structure corresponds to the principal directions of research at the institute, who has a staff of 107, including 23 Doctors of Sciences and 53 Candidates of Sciences (the latter degree, roughly corresponding to Ph. D., is the first one to be awarded, and the doctoral degree usually being received many years later). The institute maintains traditional bonds with many centres

in the CIS and is carrying out several joint projects with archaeological institutions of Finland, Sweden, Norway, Poland, Germany, Britain, Ireland, and several other countries.

Archaeologists associated with IIMK are engaged in a large-scale field research in Russia and the CIS as well as in foreign countries. In the course of excavations, a number of important discoveries have been made, resulting in a significant increase of knowledge regarding the prehistoric past of Eurasia and Africa. These findings are relevant for several issues, the principal ones being the earliest population history of Caucasus and the Russian Plain, early agricultural and classical civilizations of Central Asia, Greek colonization of Crimea and northwestern Caucasus, Slavonic migrations into the forest zone of Eastern Europe, the emergence of urban centres in Old Russia, relationships between the Slavs and the aboriginal Finnish and Baltic tribes, and the Norsemen. Comprehensive studies are being conducted in the Russian North and in Siberia, the latter ones focusing on various periods represented by extremely rich materials. Archaeological collections resulting from these excavations are part of cultural legacy, both Russia's and that of adjacent nations.

Based on these collections, and using extremely rich materials housed in the archives and in the library, specialists associated with IIMK have authored major comprehensive studies, their topics ranging from man's early history to late Middle Ages. Studies carried out at the Laboratory of Archaeological Technology have revealed many important functional and technological aspects in the use of ancient tools, and hundreds of radiometric dates have provided a solid framework for reconstructing the past.

The present history of IIMK is tightly intertwined with that of the Moscow Institute of Archaeology. The two fraternal centres share a common ancestry, an ideological legacy inherited from the same personalities. This accounts for the fact that they have much in common. Despite that, they have preserved their individuality. As V. V. Volkov, the Research Secretary of the Institute of Archaeology, has noted in a memorial article on the occasion of the 60th anniversary of this centre, «the re-organization was aimed at putting an end to a parallelism in the activities of both divisions, those of Moscow and Leningrad» (Волков 1980: 11), that is, the Moscow Institute of Archaeology and IIMK. Over the following years, both centres were renamed and their structure was modified, but their specific characteristics have largely remained the same. Most importantly, both centres are mutually

complementary. In 1999, they celebrate their common anniversary, which is an important event in the history of Russia's archaeology.

During the Soviet period, it was traditionally believed that the history of both institutes started with Lenin's bill of 1919. Its actual beginning, however, was the founda-

tion of the Imperial Archaeological Commission in 1859. Indeed, the Institute of Oriental Studies celebrated its anniversary in 1998, the 180th anniversary of the Asiatic Museum. Possibly our 80th anniversary, too, must not make us forget that our actual history is 140 years long.

УРБАНИЗАЦИЯ И ГОРОДСКОЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

В. М. МАССОН

Известно, что город является выдающимся феноменом истории. Города возникают как важнейший фактор формирования цивилизации, изменяются в различные исторические эпохи и во многих отношениях накладывают характерный отпечаток на сами эти эпохи. Вместе с тем следует различать город как специфический социо-культурный организм и урбанизацию как исторический и во многом культурный процесс.

Количественным параметрам урбанизации как суммы поселений городского типа неизменно уделяется большое внимание в археологии. Для древнерусской археологии достаточно указать на разработки А. В. Кузы, кратко суммированные в одном из томов «Археологии СССР». Но это лишь одна сторона происходивших процессов. Формирование и развитие городов вызвало к жизни целый комплекс культурных, социальных и психологических изменений, которые в целом можно именовать урбанизацией. Важнейшими его проявлениями стали: градостроительная деятельность, положившая начало в отличие от архаического строительства собственно архитектуре; утверждение стереотипов нового образа жизни и изменение социо-психологического контекста. Возникнув как концентрация пассионарности (в том смысле, как в активной части популяции придавал ей Л. Н. Гумилев), город стимулирует различные виды активности, в том числе предпринимательскую деятельность. Складывается особый психологический тип предпринимателя, особенно характерный для западных цивилизаций, происходит актуализация ценностной ориентации этого типа личности (Хренов 1996). Резкое усиление получили тенденции к стандартизации культуры и процессы культурной интеграции. Это способствовало аккумуляции и ассимиляции в тех случаях (а они наиболее многочисленны), когда города развивались как полиэтнические структуры. В общей форме можно говорить о трех фазах процесса урбанизации. На первой фазе налицо накопление в крупных центрах культурного и экономического потенциала. Во второй фазе происходит приобщение к городской культуре сельского населения — так называемая «культурная ассимиляция». На третьей фазе сельская и

городская периферия превращаются в органически составное звено функционирования ведущих центров, что заметно по мегаполисам наших дней.

Из прочих проявлений урбанизации на археологических материалах достаточно определено могут быть прослежены изменения в образе жизни проявляющиеся с формированием городов и концентрацией в них значительного числа обитателей. Г. Е. Марков характеризует образ жизни как совокупность типичных условий жизни, норм и форм жизнедеятельности, взаимоотношений людей, отношения общества к окружающей среде (Марков 1985). В более формализованном определении под образом жизни понимается устойчиво воспроизводимая объективизация человеческой деятельности и жизнедеятельности, взятая в «фактах повседневности». При этом имеется в виду повседневная жизнь, рассматриваемая в целостности ее различных сфер и областей, начиная от трудовой деятельности и кончая бытом и досугом. Систематизация этой информации, освещающей образ жизни древних коллективов и его типологические черты, имеет немаловажное значение для изучения исторических процессов. Так совершенно определено с началом специализированной скотоводческой деятельности в зоне евразийских степей устанавливается своего рода «степной образ жизни». Его наиболее заметной приметой в сфере археологии является курганный обряд погребения, зачастую сопровождаемый помещением в гробницы колесной повозки или коней и установление на вершине кургана памятных стел, хорошо сохраняющихся в тех случаях, когда они изготавливались из неорганических материалов. Генетически преемственен кочевой образ жизни с целым рядом материальных примет от передвижных разборных жилищ до типа одежды, включающей шаровары и мягкие сапоги. Неотъемлемой частью быта становится портативная утварь, пригодная для регулярных перевозок. Тяжелые глиняные сосуды древних горожан как правило мало подходили для массовых перекочевков и могли использоваться как раритеты состоятельности наподобие изделий из драгоценных металлов.

Обильные археологические материалы характеризуют городской образ жизни и специфические черты процесса урбанизации в разных обществах и в разные исторические периоды. Сами пути урбанизации были различны и в них сочетались явления как спонтанной, так и стимулированной трансформации. Классическим примером спонтанной трансформации является характерный для Ближнего Востока процесс перехода к городскому образу жизни на основе культуры раннеземледельческих обществ отличавшихся высоким уровнем благосостояния и быта. Развитие специализированных ремесел способствовало прочному установлению новых стандартов и эталонов получивших массовое распространение, как например, в изготовлении гончарной посуды. Утверждение нового городского образа жизни ярко проявляется в элитарной субкультуре, где берут начала многие стереотипы и эталоны урбанизации. В древних городских центрах Северного Причерноморья на первом этапе урбанизации происходила прямая интродукция греческих эталонов, лишь в малой степени сопровождаемая стимулированной трансформацией местных культурных традиций. Лишь позднее здесь стали зримо проявляться черты культурной интеграции, синтезирующей античные и местные, в основном, степные традиции. В древнем мире отчетливо представлена и вторая фаза урбанизации — распространение городских эталонов на сельскую округу. Не говоря уже о римской державе с ее по-

литическими установками на гиперинтеграцию, эти явления характерны и для кушанского государства, как это показывают археологические работы на юге Средней Азии. Здесь раскопки сельских поселений дают практически те же стандарты и эталоны, что и в городах, хотя порой сами вещи выполнены в более провинциальном стиле. Если в городах налицо монументальные памятники буддизма, то в кушанских деревнях распространены небольшие буддийские образки и терракоты (Массон 1996).

На основе культуры сельских общин в условиях активизации международной торговли с ее массовым перемещением материальных культурных ценностей шел процесс урбанизации в балтийском регионе. Позднее городской образ жизни в восточнославянских центрах в значительной мере развивается в условиях господства христианства как общенациональной идеологической системы. Именно в городах эти ценностные ориентации особенно заметно сказались на образе жизни и бытовых формопроявлениях. Пока правда не наблюдается мощная экспансия городских стандартов в сельскую округу в отличие от римской эпохи или кушанского урбанизма. Изучение образа жизни средневекового города на материалах археологии требует значительных усилий по типологической организации имеющихся материалов и оценки их сущностной значимости, но это одно из перспективных направлений современной археологической науки.

Марков, Г. Е. 1985. Структура и исторические типы образа жизни // Этнографические исследования развития культуры. Москва.

Массон, В. М. 1996. Исторические реконструкции в археологии. Самара.

Хренов, Н. А. 1996. Диалог как проблема групповой и социо-культурной дифференциации в городах России на рубеже XIX—XX веков // Культурный диалог города во временном пространстве исторического развития. Москва.

Марианне Владимировне Малевской-Малевич — 80 лет

Сердечно поздравляем Марианну Владимировну Малевскую-Малевич с ее прекрасным юбилеем. В нашем Институте она трудилась с 1952 по 1986 гг., но ее работа фактически не прерывается вплоть до сегодняшнего дня. Годы словно обходят Марианну Владимировну стороной. Активна, энергична, полна научных интересов, доброжелательна, скромна, справедлива и взыскательна в оценке трудов своих товарищей. В Отделе славяно-финской археологии олицетворяет лучшие сложившиеся научные традиции.

М. В. Малевская-Малевич признанный авторитет в области славяно-русской и, особенно, архитектурной археологии. Будучи ученицей М. К. Каргера на кафедре истории архитектуры на факультете истории и теории искусств Всероссийской Академии Художеств и с 1940 года постоянной участницей архитектурно-археологических экспедиций под его руководством, Марианна Владимировна прошла хорошую школу полевых исследований. Ею открыты выдающиеся памятники древнерусской архитектуры на территории Украины и Белоруссии, в том числе, в Киеве, Переяславле-Хмельницком, Владимире-Волынском, Львове, Луцке, Галице, Любомле, Полоцке, Новогрудке и других городах, а также сельских местностях. М. В. Малевская-Малевич участвовала в наиболее крупных полевых изысканиях средневековых архитектурных и археологических комплексов и обладает виртуозной методикой раскопок храмов и других древних построек. Она автор ряда обоснованных реконструкций, связанных с этими объектами. Следует отметить ее глубокие филигранно отточенные штудии, посвященные бытовой и художественной посуде русского средневековья. Ею опубликовано свыше 60 научных работ, подготовлены к печати две монографии: «Керамика городов Черной Руси X—XIII вв.» и «Зодчество западно-русских земель второй половины XIII—XIV вв.». Эти работы и полевые изыскания М. В. Малевской-Малевич помогли становлению новых поколений археологов.

М. В. Малевская-Малевич всегда радушна к товарищам и коллегам и любима всеми, кто ее знает. Безупречная плодотворная трудовая и научная деятельность Марианны Владимировны вызывает восхищение. Желаем ей здоровья, счастья, творческих успехов.

**Анатолию Кузьмичу Филиппову —
ведущему сотруднику Института
истории материальной культуры РАН,
доктору исторических наук — 70 лет**

Анатолий Кузьмич родился 18 января 1929 г. в Ленинграде. Как и многие ленинградские дети, он пережил все тяготы блокады, страшную эвакуацию по последнему льду Ладожского озера в марте 1942 г. После войны — учеба в Художественном училище, где он приобрел специальность «художника-исполнителя», а затем заочное обучение в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Академии художеств и приобретение второй специальности — историка искусств. За плечами Анатолия Кузьмича работа в институте Арктики и Антарктики, длительная командировка в Арктику, которая отражена в книге «На острове Фадеевском» (Л., 1958).

С 1962 г. А. К. Филиппов работает в нашем Институте. Он является одним из первых учеников основателя экспериментально-трассологического метода С. А. Семенова, участвовал в археологических экспедициях в Костенках, Литве, Молдавии, на Кавказе, в Крыму, на Урале и в Якутии. В 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию «Связь формы и функции изделий человека в палеолите (Опыт изучения технического и эстетического формообразования)», а в 1992 г. докторскую диссертацию «Истоки и природа искусства палеолита». В своих изысканиях Анатолий Кузьмич успешно соединяет все три его специальности — искусствовед, археолога-трассолога и художника.

Список научных трудов Анатолия Кузьмича включает около 50 работ — монографии, статьи, тезисы, заметки, многочисленные иллюстрации к собственной печатной продукции и работам коллег. Монография «Хаос и гармония в искусстве палеолита», включающая более 100 иллюстраций и 15 авторских листов текста, уже семь лет ждет своего издателя. В 1997 г. вышла книга «Происхождение изобразительного искусства», которая включила только часть разработок автора, объемлющих широкий круг вопросов: технология палеолитического искусства, истоки возникновения эстетического, структуры и организация изобразительных комплексов пещер Западной Европы.

От всей души желаем Анатолию Кузьмичу здоровья, бодрости, интересных открытий, новых публикаций, всего того, что составляет смысл его разносторонней творческой природы.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОЛИТА В ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ (РЕСПУБЛИКА КОТ Д'ИВУАР)

В. П. ЛЮБИН, Ф. Й. ГЕДЕ*

1. Введение. Вплоть до недавнего времени эталонные материалы древнекаменного века Африки — общепризнанной прародины человечества — были известны российским археологам только по публикациям, в то время как ученые ряда других стран издавна вели там большие и плодотворные экспедиционные исследования. Включиться в эти исследования российским специалистам удалось лишь в 1991 г., когда в Западной Африке, на территории Республики Кот д'Ивуар (бывш. Берег Слоновой Кости), провела разведывательные работы первая совместная российско-ивуарийская палеолитическая экспедиция. В 1993 г. состоялся второй (раскопочный) сезон работ этой же экспедиции.¹

Необходимость проведения палеолитических исследований на территории Кот д'Ивуара была вызвана не только ее слабой археологической изученностью, но и расположением этой страны на берегу Гвинейского залива, близ экватора (между 5—10° с. ш.) (рис. 1А), в районе, где проходят важнейшие природный и «культурно-исторический» рубежи. Страна лежит на стыке огромной современной зоны влажных тропических лесов и зоны саванн (рис. 1Б), се-

вернее которой простирается Сахара — самая большая из жарких пустынь земного шара. Здесь же находится северный предел гигантской области, выделяемый в науке под названием «Африка к югу от Сахары», которая тянется вплоть до Трансвааля и отличается своеобразием культур каменного века: только в ее пределах распространены палеолитические индустрии типа «санго» и MSA («средний каменный век»). К северу же, на территории Сахары и Северной Африки им, в общем, соответствуют индустрии позднего ашеля, мустье и атера. Причины такой резкой культурной разобщенности этих областей допустимо отчасти объяснить чередованием периодов увлажнения и иссушения климата. В межледниковые влажные периоды, когда Сахара превращалась в край, изобиловавший озерами и реками (Рзоска 1990: 130—131, рис. 9, 1), на юге ее образовывалось обширное южно-сахарское (южно-малийское) море, которое могло препятствовать контактам населения в этой части Западной Африки. В ледниковья же, когда происходило иссушение Сахары (Уильямс 1990: 51—52, рис. 3, 7), тропические леса к югу от нее сильно сокращались, а саванновые биотопы, напротив, расширя-

* В. П. Любин — Россия, 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

Ф. Й. Геде — République Côte d'Ivoire, Abidjan 08, BP 945, IНААА.

¹ С российской стороны в экспедициях принимали участие: В. П. Любин (руководитель), Е. В. Беляева, С. Н. Седов, И. Я. Мармер, П. М. Маркин; с ивуарийской: Ф. Й. Геде, Годе Зади, Франсуа Зузуа Байере, Теодор Лоньон. Экспедиции проводились, в основном, на личные средства Ф. Й. Геде. Существенное содействие оказывали также Национальный университет Кот д'Ивуара (ректор Т. Туре Бакари) и Российское посольство (посол М. В. Майоров). Приносим им глубокую благодарность. Сердечно благодарим также всех участников экспедиций, обеспечивших успех полевых работ, а также исследователей, проводивших лабораторные естественно-научные изыскания (С. Н. Седов, О. А. Куликов) или помогавших в подготовке текста и иллюстраций (Е. В. Беляева, Н. Ю. Косьянковская).

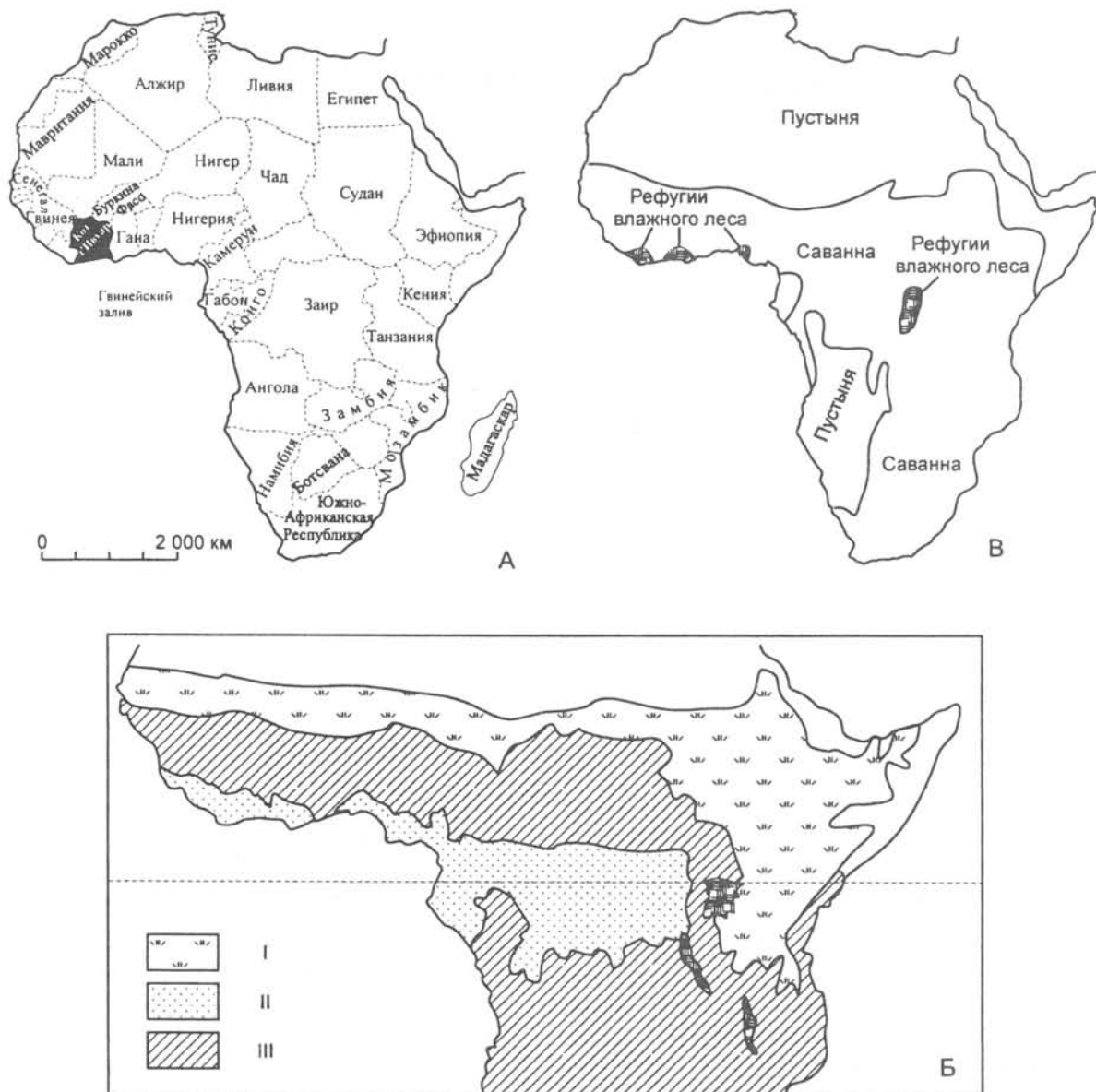

Рис. 1 Африка. Карты: А — современная политическая карта (территория Республики Кот д'Ивуар залита черным); Б — современные растительные зоны: I — сахель (полупустыня); II — леса; III — саванны (по Coppens Yves 1983: 115); В — растительные зоны в ледниковый период (по Фоули 1990: рис. 5, 10В).

Fig. 1 Africa. Maps: А — a present political map (the territory of République Côte d'Ivoire is blackened); Б — present vegetation zones: I — sahel (semi-desert); II — forest; III — savanna (after Coppens Yves 1983: 115); В — vegetation zones in glacial period (after Фоули 1990: fig. 5, 10 В).

лись. На гвинейском побережье леса сохранились лишь на изолированных «экологических островках» — рефугиумах (Фоули 1990: 146—147, рис. 5, 10В) (рис. 1В). Такие периоды, на наш взгляд, должны были быть наиболее благоприятными для расселения гоминид, которые предпочитали селиться не в «непроницаемых для солнечных лучей густых тропических лесах», а в более открытых саванновых средах (Фоули 1990: 146, 244, 324).

Тем не менее, культурные контрасты здесь сохранялись, причем до недавнего времени считалось, что относимые к среднепале-

олитическому этапу индустрии суб-сахарского региона (санго и MSA), хронологически моложе среднего палеолита Северной Африки и Европы и датируются концом верхнего плейстоцена (Григорьев 1977: 48,172; Елинек 1982: 147,149; Shaw 1989: 267). В настоящее время появились данные в пользу значительного удревнения санго и MSA (Allsworth-Jones 1987; McBrearty 1987; Cornelissen 1995) и есть основания полагать, что соответствующие ивуарийские материалы сыграют важную роль в разрешении этой проблемы.

Особый интерес в этой связи представляет стратифицированная сангоанская индустрия

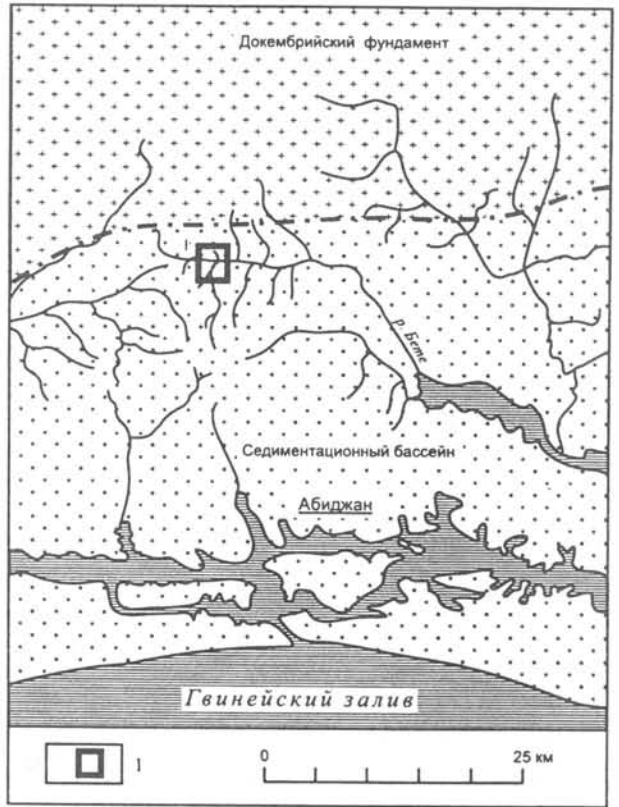
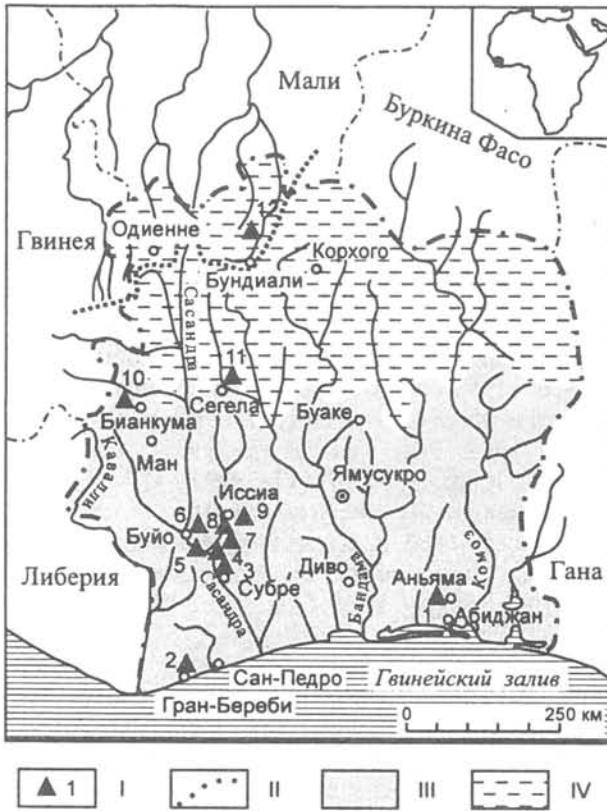

Рис. 2 Карта Республики Кот д'Ивуар. I — палеолитические памятники: 1 — Бетэ I-IV; 2 — Гран-Жако; 3 — Водопад Науа; 4 — Ньяпуйо; 5 — Саблиер; 6 — Нуво-Буйо; 7 — Гуабуо I и II; 8 — Мира; 9 — Горэ; 10 — Гуессессо-Гбабласо; 11 — Сегела; 12 — Кантара; II — южная граница бассейна р. Нигер; III — леса и лесосаванны; IV — саванны.

Fig. 2 Map of République Côte d'Ivoire. I — Paleolithic sites: 1 — Beté I-IV; 2 — Grand-Jako; 3 — Chute Naoua; 4 — Niapouyo; 5 — Sablière; 6 — Nouveau-Bouyo; 7 — Gouabuo I and II; 8 — Mirá; 9 — Goré; 10 — Gouessesou-Gbablaso; 11 — Segela; 12 — Kantara; II — the south limit of the Niger river basin; III — forest and forest savanna; IV — savanna.

Рис. 3 Геологическая карта района г. Абиджан. I — местоположение стоянок Бетэ I-IV (по Guedé, Tastét 1986).

Fig. 3 Geological map of Abidjan area. I — location of the Beté I-IV sites (after Guedé, Tastét, 1986).

стрия из ивуарийских стоянок Бетэ I—IV, анализ которой занимает центральное место в этой статье. Материалы этих стоянок, полученные благодаря раскопкам Ф. Й. Геде в 80-е годы и российско-ивуарийской экспедиции в 1993 г., позволили нам не только сделать хронологические прикидки, но и затронуть общую проблематику санго, актуальность которой еще более возрастает ввиду предположений о связи индустрий санго с архаичными *Homo sapiens*.

Большое внимание в работе уделено методике изучения местных сангоанских индустрий, поскольку широко распространенная в Африке классификационная система Д. Кларка и М. Клейндист (Kleindienst 1962; Clark and Kleindienst 1974: 71—106), оказалась здесь продуктивной лишь отча-

сти. Новые методические подходы, как полагают авторы, позволили наметить особенности, как ивуарийских, так и западноафриканских сангоанских индустрий и сопоставить их с подобными индустриями более южных районов Африки.

Другие аспекты палеолитических исследований в Кот д'Ивуаре (история исследования, условия залегания палеолита и т. д.) представлены в статье более сжато: они частично рассмотрены в предшествующих публикациях (Любин, Геде, Седов, Беляева 1994: 9—11; Любин, Беляева, Геде 1995: 41—53; Геде 1997; Guedé 1995).

2. *Краткая история исследований.* Единичные палеолитические орудия в Кот д'Ивуаре были обнаружены еще в 40-х годах: долеритовый бифас был найден в алмазо-

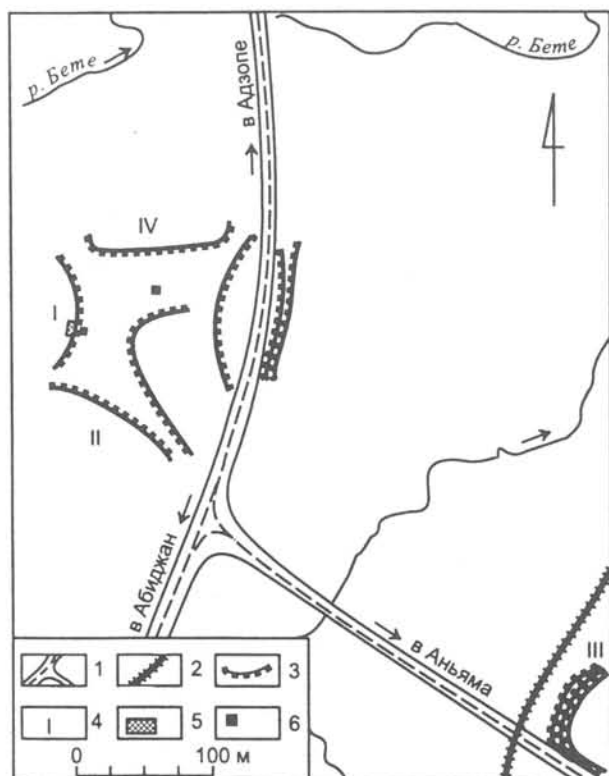

Рис. 4 Схематическая карта карьеров близ Аньямы. 1 — шоссе; 2 — железная дорога; 3 — карьеры; 4 — стоянки Бетэ I, II, III, IV; 5 — раскоп; 6 — шурфы (по Guedé, Tastét 1986).

Fig. 4 Schematic map of quarries near Anyama town. 1 — highway; 2 — railway line; 3 — quarries; 4 — sites Beté I, II, III, IV; 5 — excavation area; 6 — test pits (after Guedé, Tastét, 1986).

носном аллювии близ г. Сегела в центре страны (Mauny 1972: 11), кварцевый бифас — в карьере близ г. Бинжервиль к востоку от г. Абиджана (Creac'h 1945: 429). Первые специализированные поиски, проведенные английским археологом О. Дэвисом в 50-х годах в юго-восточной и центральной части страны, выявили находки, отнесенные им к санго, верхнему ашелю (два бифаса) и галечной культуре (Davies 1959: 108; 1964: 84, 92). В 1980 г. французский геолог Г. Паради открыл в песчано-глинистых толщах «Terre de Wagge», вскрытых карьерами Аттенгие и Аньямы близ Абиджана, сангоанские стоянки *in situ* (Paradis 1980: 1393—1395; Chenorkian, Paradis 1981). Особенный интерес специалистов вызвали четыре пункта находок в карьерах Аньямы (стоянки Бетэ I—IV). Это второй (после стоянки Асокрошена в Гане) случай открытия в Западной Африке стратифицированных стоянок с культурными слоями MSA и санго. В 1983 г. Аньяму посетили палеонтолог Ив Коппенс, геолог Ж.-П. Тастэ, преисторики Р. де Байл де'Зерман и Ф. Олсворт-Джонс. В 1985 г. с памятником познакоми-

лись французские ученые П. Гулеткер, Ж. Девис и представитель ЮНЕСКО во Франции.

Главным объектом планомерных исследований в карьерах Аньямы стала стоянка Бетэ I: в 1982—1983 и 1985—1987 гг. раскопки на ней производила ивуарийская экспедиция во главе с Ф. Й. Геде (Guedé, Tastét 1986: 1—15), в 1993 г. — российско-ивуарийская экспедиция во главе с В. П. Любиным. В 1993 г. та же российско-ивуарийская экспедиция произвела раскопки ранее (1991 г.) открытой ею сангоанской стоянки Гуабуо I в центре страны (Беляева и др. 1992: 162; Геде и др. 1992: 102—108; Любин и др. 1994: 9—11; 1995: 41—53).

Параллельно велись новые поисковые работы. В 1983 г. их вела французско-ивуарийская экспедиция на северо-западе и в центре страны, в 1987 и 1990 гг. бельгийская — на севере, близ границы с Буркина Фасо. Первая выявила пункты с «галечными» и «ашельскими» изделиями (Bayle des Hermens et al. 1983: 241—247), вторая — «галечные орудия, напоминающие олдувайские» (Raumaeckers et Petre 1990: 61—66). В 1987 г. Ф. Йоде Геде произвел новые сборы в районе г. Сегела (обушковый долеритовый бифас, чоппер и др.). Однако, наиболее обширные разведки выполнила российско-ивуарийская экспедиция 1991 г. в западной части страны (от побережья Гвинейского залива до бассейна р. Нигер), обнаружив при этом более десятка местонахождений MSA (Саблиер, Ньяпуйо, водопад Науа и др.), санго (Горé, Гуессессо) и ашеля (Кантара). В 1993 г., наконец, эта же экспедиция открыла богатое сангоанское местонахождение Гуабуо II (Геде и др. 1992: 102—108; Любин и др. 1995: 41—53; Геде 1997; Guedé 1995: 79—91) (рис. 2).

К сожалению, в настоящее время о палеолите Республики Кот д'Ивуар мы можем судить, в основном, по коллекциям, добытыми Й. Геде в 80-е годы и российско-ивуарийскими экспедициями в 1991 и 1993 гг. Сведения об остальных находках представлены лишь в кратких предварительных публикациях или мимолетных упоминаниях.

3. Геологические условия залегания палеолита. Большая часть территории Кот д'Ивуара сложена породами докембрийского фундамента (граниты, сланцы, магматиты). Скальный цоколь перекрыт тонкими четвертичными и голоценовыми осадками. Мощные толщи четвертичных осадочных отложений залегают лишь в 40—50 км приморской полосе, известной под названием «седиментационный бассейн» (рис. 3) (bassin sédimentaire), и в речных палеодолинах. В соответствии с этим большинство па-

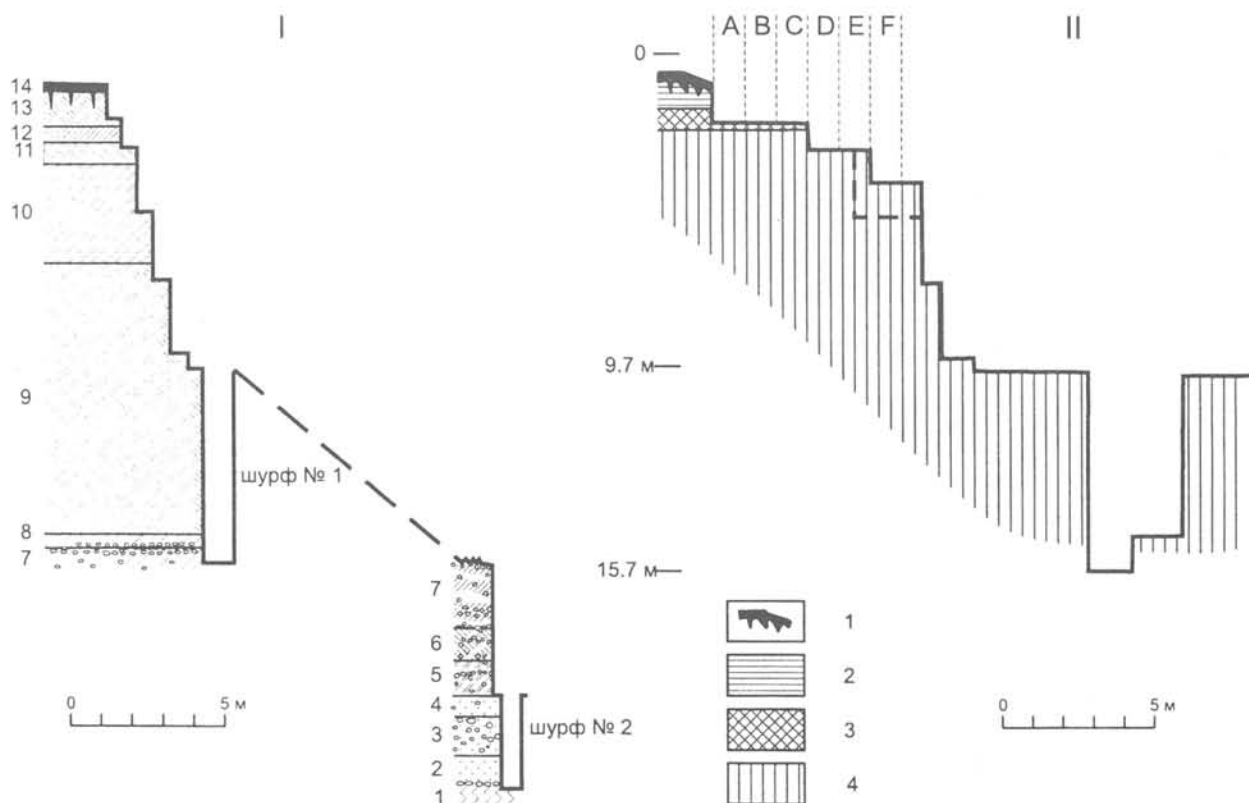

Рис. 5 Разрезы отложений на стоянке Бетэ I: I — схематический разрез борта карьера и шурфов №№ 1 и 2 (по С. Н. Седову); II — продольный разрез раскопа (ступеньки 1—3), борта карьера (ступеньки 4—6) и шурфа № 1 (ступенька 7) с указанием археологических слоев: 1 — слой А; 2 — слой В; 3 — слой С; 4 — слой D. Раскоп 1993 г.

Fig. 5 Sections of deposits at the Beté I site: I — schematic section of sediments in the quarry wall and test pits № 1 and 2 (after S. N. Sedov); II — longitudinal section across the excavation area (steps 1—3), wall of the quarry (steps 4—6) and test pit № 1 (step 7) with indication of archaeological layers: 1 — layer A; 2 — layer B; 3 — layer C; 4 — layer D. Excavation 1993.

Рис. 6 Стоянка Бетэ I. Общий вид на многоступенчатый разрез в момент завершения работ 1993 г.

Fig. 6 General view on the multisteped section at the end of excavation work in 1993.

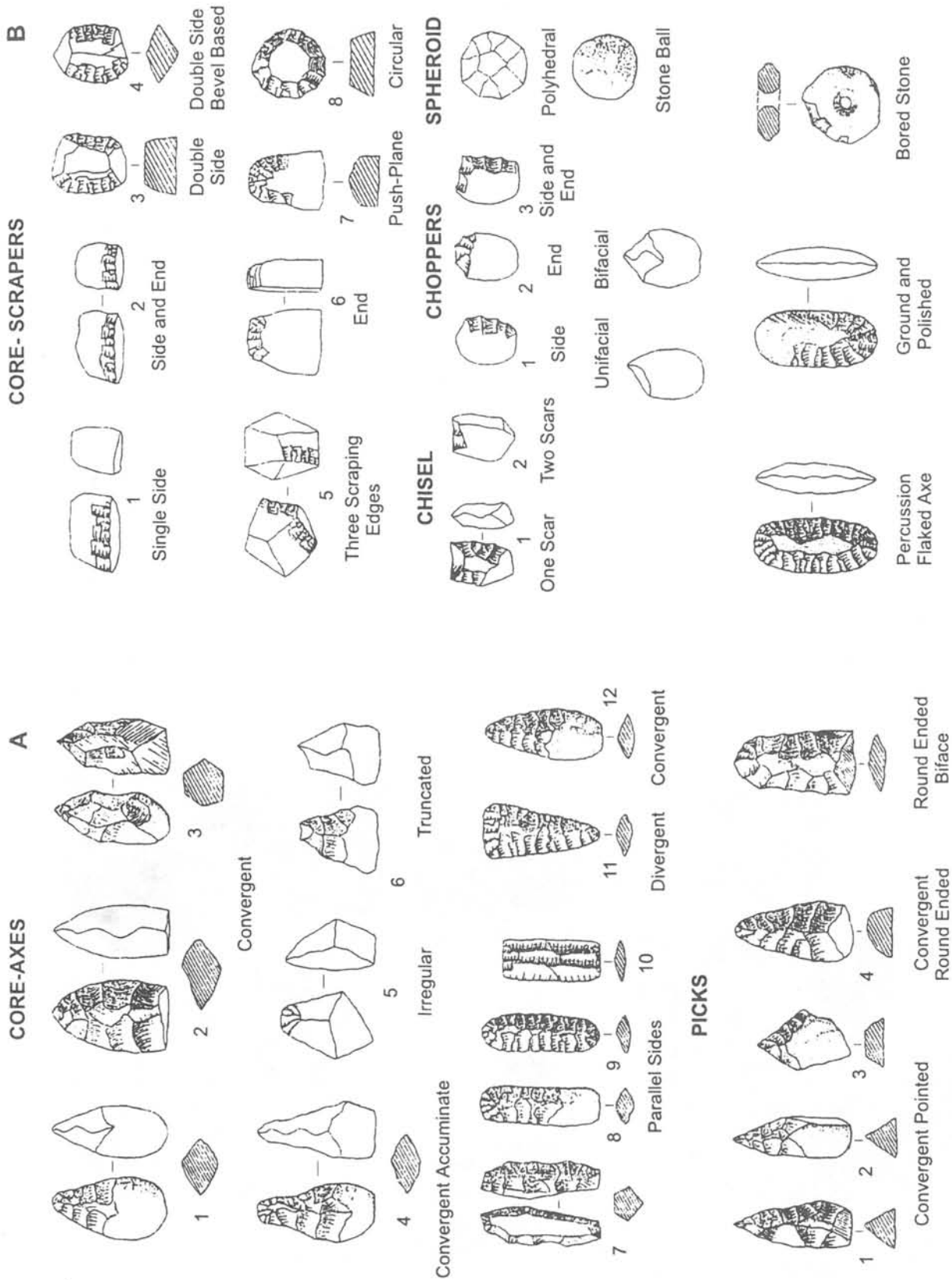

Рис. 7 Грубые рубящие орудия: А — нуклеидные орудия и пики; В — нуклеидные скребки, чопперы и пр. (по Clark and Kleinienst 1974: 96—97, fig. 12-13).

Fig. 7 Heavy duty tools: A — core axes and picks; B — core scrapers, choppers etc. (after Clark and Kleinienst 1974: 96—97, fig. 12—13).

леолитических находок в «зоне цоколя» встречается либо на поверхности у мест выходов сырья (Кантара), либо — в переотложенном состоянии — в голоценовых почвенных горизонтах (Гран-Жако, Ньяпуйо и др.), налегающих непосредственно на элювий докембрийских пород, либо в галечном четвертичном (?) аллювии первой надпойменной террасы (Саблиер). С несомненно плейстоценовыми отложениями в «зоне цоколя» связана стоянка Гуабуо I, приуроченная к 2—3 м толще древнего делювия, и находки в глубоко погребенном алмазоносном аллювии в районе г. Сегела. В зоне «седиментационного бассейна» бесспорно четвертичный возраст стоянки в толщах континентальных осадочных отложений, вскрытых карьерами Аньяма (рис. 3, 4) и Аттенгие. Стоянки Аньямы (Beté I—IV), как упоминалось, содержат несколько археологических слоев (слои с микролитами, MSA и санго).

Стоянки Аньямы, изученные французскими геологами Г. Паради (1980) и Ж.-П. Тастэ (1982) и русским геологом С. Н. Седовым (1993), представляют наибольший интерес. Г. Паради дал первую литолого-стратиграфическую характеристику стоянки. Толща отложений, вмещающая орудия (так называемая «Terre de Barge»), по его мнению, образовалась в результате плоскостной эрозии предшествующих отложений (так называемой «Continental Terminal») в течение относительно сухого периода (Paradis 1980).

Ж.-П. Тастэ, который произвел обстоятельное геологическое обследование района стоянок Аньямы, а также гранулометрический анализ отложений, дает следующее описание разрезов (снизу вверх): 1) докембрийский цоколь; 2) 9 метровая толща грубообломочных отложений — породы базальной части седиментационного бассейна (= «Continental Terminal»); 3) 17 метровая толща однородных красноцветных песчано-глинистых коллювиальных отложений (= «Terre de Barge»), образовавшаяся в результате переотложения материалов предшествующих осадков при аридном климате. Верхние 15 метров содержат каменные орудия (Guedé, Tasté 1986: 1—15).

Исследования С. Н. Седова, опиравшиеся на зондажи всей толщи отложений седиментационного бассейна и комплекс физико-химических анализов, позволили выделить в разрезах Аньямы 14 литологических уровней (рис. 5: I) и уточнить выводы предшественников. Толща «Continental Terminal» подразделялась на 6 уровней (2—7), толща «Terre de Barge» — на 7 (8—14). Последние различались по окраске и структуре:

в верхах (10—12) появлялась пятнистость, уменьшалось количество ила. Образование пятен, судя по их форме, было связано с корнями и зоогенными порами. Фитолитный анализ показал преобладание в толще «Terre de Barge» фитолитов травянистых растений (преимущественно злаков), что подтвердило засушливость климатических условий. В большинстве образцов были найдены кутикулярные слепки — специфические фитолиты, свойственные только поверхностным горизонтам. Это говорит о том, что накопление наносов «Terre de Barge» шло достаточно медленно, и каждый слой был в течение определенного времени поверхностным горизонтом, на котором мог селиться человек. Наличие таких горизонтов подтвердилось обнаружением уровней обитания.

В геологической литературе отложения «Continental Terminal» обычно относят к неогену. RTL-датирование образцов отложений, произведенное в Московском университете, дало для нижней части «Continental Terminal» возраст $1\ 410 \pm 350$ тыс. лет назад, для верхней части — 309 ± 62 тыс. лет назад, для низов «Terre de Barge» — 254 ± 51 тыс. лет назад, что утверждает плейстоценовый возраст всего седиментационного бассейна и верхнеплейстоценовый, в основном, возраст толщи «Terre de Barge».

4. Стоянки в районе Аньямы (Beté I—IV). Расположение и раскопки. Стоянки расположены в двух песчаных карьерах, в 25 км к северу от Абиджана, близ северной границы седиментационного бассейна. По имени реки, протекающей к северу от этих карьеров, они получили название Бетэ. Плановым раскопкам подвергалась лишь стоянка Бетэ I на самом северном карьере. К концу работ 1993 г. было получено семи-ступенчатое вскрытие, приуроченное к краю карьера и прорезавшее всю толщу «Terre de Barge». Оно состояло из трех частей: три верхние ступеньки представляли собой археологический раскоп, ступеньки 4—6 (до глубины 9,7 м) — зачистку борта карьера, седьмая ступенька (до глубины 15,7 м) — образовывалась шурфом № 1 (рис. 5: II; 6). Размеры раскопа на первой ступеньке равнялись 30 кв. м, на третьей — 6 кв. м. Раскопки выявили четыре археологических слоя: А — современный — 0,2 м; В — с микролитами — 0,5 м; С — среднепалеолитический (MSA) — 1,0 м; D — сангоанский — 13—14 м. К настоящему времени слой D в раскопе вскрыт на глубину 2,8 м. Коллекция сангоанских изделий из слоя D, которая рассматривается в этой статье, содержит 560 изделий. Она происходит из раскопа на Бетэ I (512), зачисток и

поверхностных сборов во всех четырех пунктах.

Каменный инвентарь слоя D. Сырье.

Сырье происходит из плитообразных кварцевых жил, расположенных на контакте «Continental Terminal» и докембрийских пород. Местный кварц был низкого качества: трещиноватый, кавернозный, хрупкий, с плоским, но занозистым изломом. В качестве заготовок для изготовления подавляющего большинства макро-орудий использовались крупные фрагменты плитчатых кусков кварца, оконтуриваемых при помощи вертикальных обрубков. Нижние и верхние поверхности плит при этом нередко сохранялись, лимитируя в известной мере габариты крупных предметов. Изредка использовались и кварцевые валуны, находимые в русле р. Бетё. Орудия из названных заготовок были массивными, тяжелыми (0,5—1,5 кг) и имели, как правило, грубый вид.

Техника расщепления. Технику расщепления характеризуют 17 нуклеусов, плохо выраженных морфологически, отбойник и более 450 отщепов, чешуек, обломков. Среди нуклеусов преобладают одноплощадочные (8) и дисковидные (4) формы. В сборах Г. Пароди имелось ядрище *levallois à pointe* (Chenorkian 1983: 129, fig. 2: 4). Расщепление ядрищ с целью получения заготовок для орудий, судя по характеру последних, было здесь минимальным. Основная масса отщепов (пластины отсутствуют), чешуек и фрагментов тех и других, по-видимому, является отходами от оббивки преобладающих в данной индустрии макро-орудий.

Состав орудий. Орудия (70 экз.) представлены бифасиальными лезвийными формами (15), пиковидными изделиями (19), заготовками для пиков (10), чопперами (5), полиэдрами (2), нуклевидными скребками (6), скреблами (10) и группой разных (3). Таков самый обобщенный и суммарный перечень орудий, встреченных в слое D. В дальнейшем будет дана более дробная их классификация, которой мы предпосылаем обоснование предлагаемой нами методики описания и атрибуции изделий данной индустрии.

Вопросы классификации. В Африке к югу от Сахары широко распространена классификационная система американских ученых Максин Клейндинст и Дж. Д. Кларка (Kleinindienst 1961, 1962; Clark and Kleinindienst

1974). Система эта используется многими специалистами по палеолиту Африки (Cole 1964; Nygaard, Talbot 1984; Allsworth-Jones 1986, 1987; McBrearty 1987 и др.). Орудия, не имеющие в ней адекватных эквивалентов в номенклатуре синхронных европейских комплексов, получают здесь особые наименования и дефиниции. Согласно предполагаемой функции и размерам все орудия подразделяются на три крупные группировки (субкатегории). Первая включает крупные режущие орудия (*large cutting tools*) — ручные рубила, кливеры, ножи и листовидные изделия (*lanceolate*), — имевшие регулярно обработанные режущие края и размеры более 10 см. Вторая объединяет грубые и тяжелые орудия (*heavy duty tools*) — *core-axes*, пики, чопперы, сфероиды, нуклевидные скребки (*core-scrapers*) и др., не имевшие правильной стандартизированной формы. Размеры их были также не менее 10 см (рис. 7). Третья включает в себя орудия более мелкие (*light duty tools*).

В классификационной системе Кларка-Клейндинст впервые было произведено определенное упорядочение африканских палеолитических материалов, относимых к ашелю, санго и лупемба, предложены надлежащая номенклатура и дефиниции встречаемых орудий, выделены такие специфические африканские формы, как *core-axes*, *heavy duty scrapers* типа *circular* и «*push-plane*», *chisels*, *round ended bifaces*, *lanceolates*² и др. Разделение материалов на три крупных группировки по признакам функции и размеров изделий и учет удельного веса каждой группировки позволяли в общих чертах определить относительный возраст, местную специфику и функциональные особенности изучаемых ансамблей.

В то же время, система Кларка-Клейндинст является чрезмерно обобщенной, лишенной единых разделительных критериев и строгих типологических подходов. Первая и вторая группировки были выделены по признаку предполагаемой функции (орудия режущие — орудия тяжелые, ударные), третья — по размерам. В силу этого одни и те же формы, разделяемые по признаку больше/меньше 10 см, могли оказаться в разных группировках. Разделение по признаку предполагаемой функции также, на наш взгляд, не бесспорно, так как часть тяжелых ударных орудий (выделенных, к примеру под №№ 8—12 в группе *core-axes + round*

² *Core-axe* в буквальном русском переводе означает нуклевидное рубило; *heavy duty scraper* (у французских типологов — *gabat* или *grattoir nucléiforme*) — тяжелый массивный скребок, который может быть круглым (*circular*) или концевым с плоским основанием и полукруглым узким лезвием (*push-plane*); *chisel* — стамеска, долото; *round ended biface* — бифас с закругленным концом; *lanceolate* — крупное удлиненное бифасиально ретушированное листовидное орудие, характерное для африканских индустрий типа лупемба (*lupemba*).

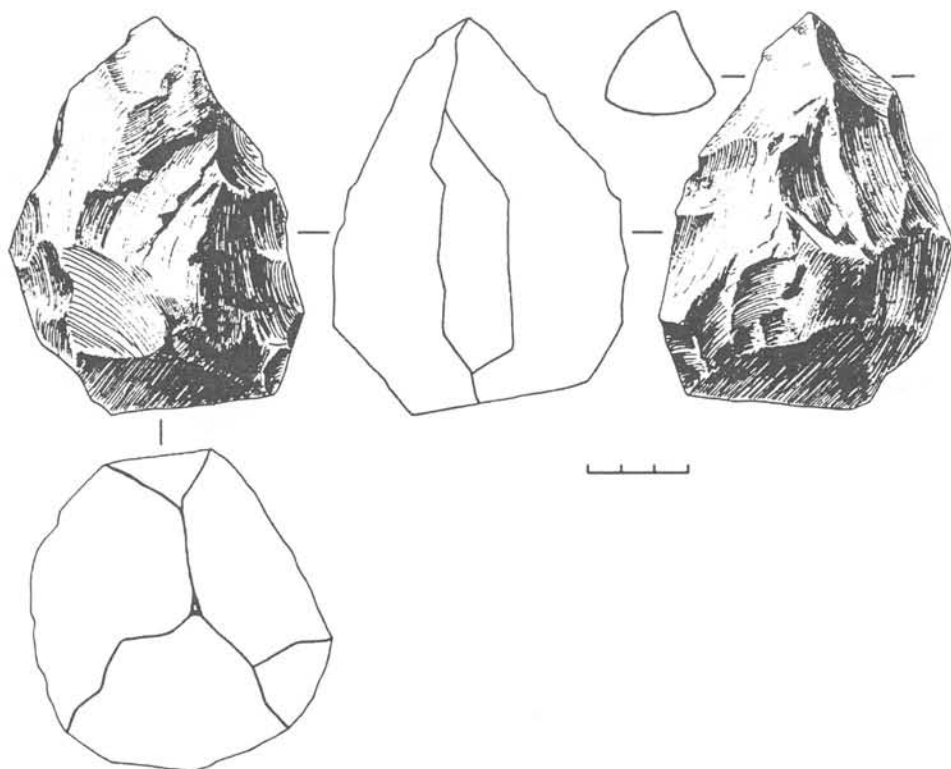

Рис. 8 Пик грушевидной формы с округло-подчетыреугольным поперечным сечением и хорошо центрированным трехгранным дистальным острием («бойком»).

Fig. 8 Pear-shaped pick with rounded-subquadrangular cross-section and neatly centred trihedral distal point («striker»).

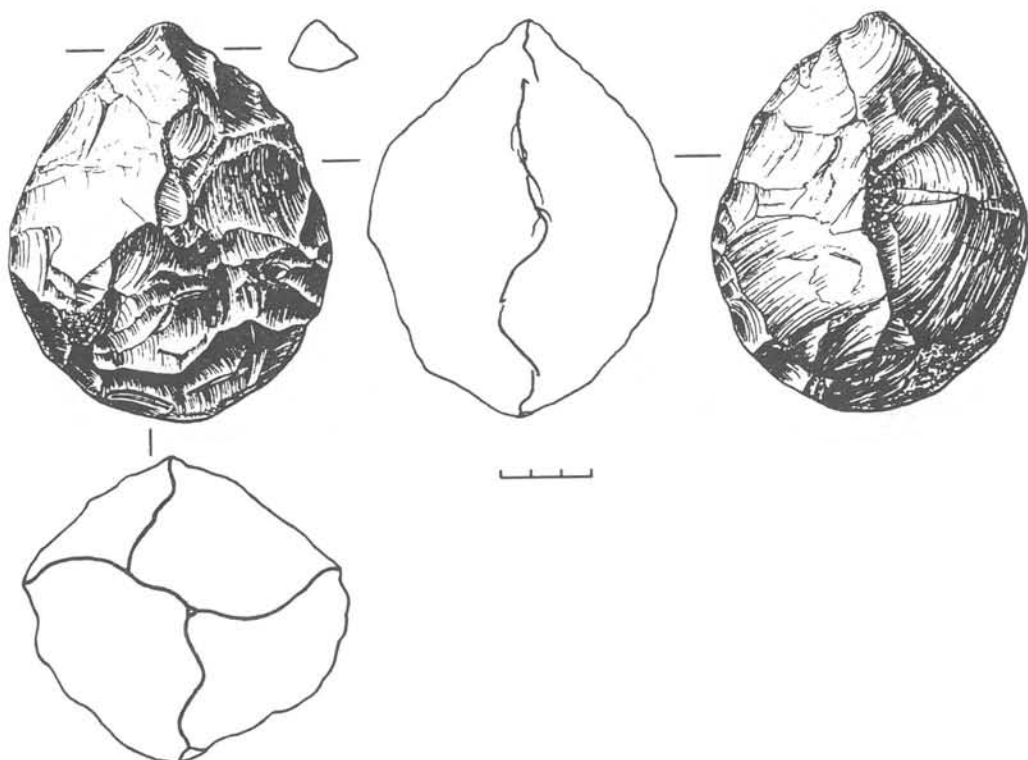
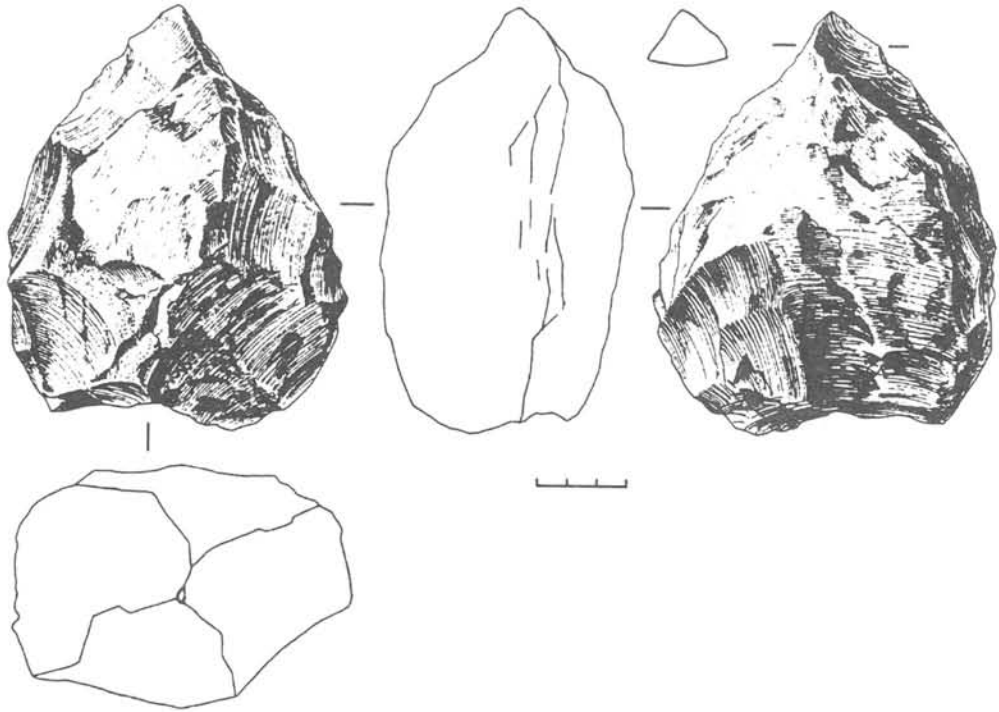

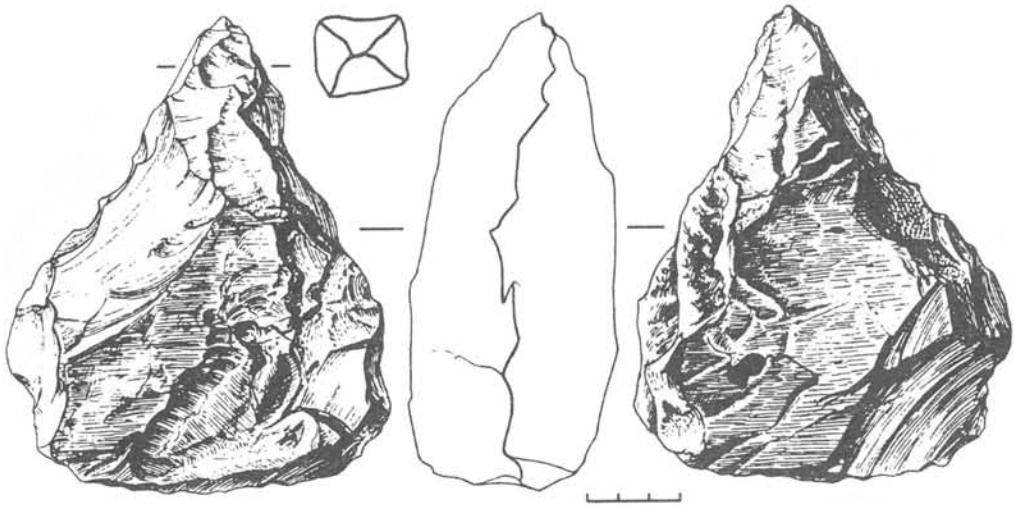
Рис. 9 Пик овальной формы с подчетыреугольным поперечным сечением и хорошо центрированным трехгранным дистальным острием («бойком»).

Fig. 9 Oval-shaped pick with subquadrangular cross-section and neatly centred trihedral distal point («striker»).

Рис. 10 Пик грушевидной формы — двояко-плоский (с подпрямоугольным поперечным сечением) с хорошо центрированным трехгранным дистальным острием («бойком»).

Fig. 10 Pear-shaped pick with double-flat (subrectangular) cross-section and neatly centred trihedral distal point («striker»).

Рис. 11 Пик грушевидной формы — двояко-плоский (с подпрямоугольным поперечным сечением) и хорошо центрированным четырехгранным дистальным острием («бойком»).

Fig. 11 Pear-shaped pick with double-flat (subrectangular) cross-section and neatly centred tetrahedral distal point («striker»).

ended biface: см. рис. 7А) обладали режущими лезвиями, а некоторые из режущих (cutting) орудий типа ручных рубил и кливеров могли использоваться и для ударных функций.

Недостатки, связанные с отдельными классами орудий в разных группировках,

еще более существенны. Так, ассортимент бифасов и скребел сильно обеднен по сравнению с таковым, например, у Ф. Борда. Ножи практически являются скреблами с обушками. Класс пиков ограничен формами типа *rostro-caréné*. Наибольшие же нарекания вызывает класс *core-axes*: «типологичес-

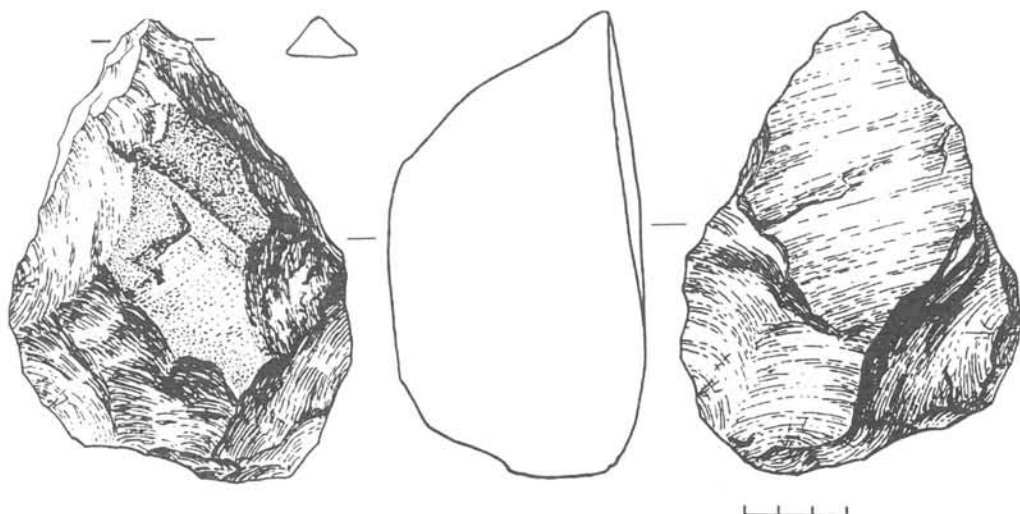

Рис. 12 Пик ладьевидный (pic rostroïde) с плоско-выпуклым (куполообразным) поперечным сечением и трехгранным дистальным острием, расположенным в плоскости вентральной стороны предмета.

Fig. 12 Rostriform pick (pic rostroïde) with plano-convex (dome-shaped) cross-section and trihedral distal point whose tip is coincided in section with the flat surface of this tool.

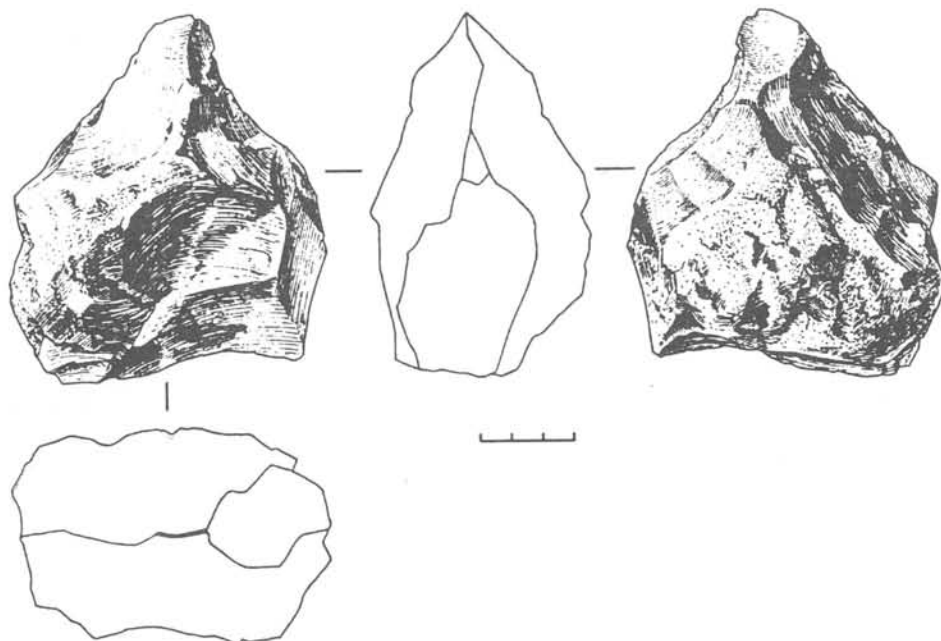
кий монстр», объединяющий орудия явно разнородные в технологическом, типологическом и функциональном отношениях (рис. 7А: 1—12). В классе core-axes, как справедливо отмечает Е. Корнелиссен, объединена под одним термином «целая гамма форм» (Cornelissen 1995: 62). Классификационная единица «core-axes» настолько расплывчата и неопределенна, что она не помещена ни в один из известных нам словарей и учебников по преистории (Археологический словарь каменных орудий 1991; Brézillon 1971; Bordes 1979; Leroi-Gourhan 1988, 1997).

Наименование core-axe, как, кстати сказать, и классификационную систему Кларка-Клейндинст, в целом, не используют многие специалисты по палеолиту Африки (М. Leakey, О. Davies, R. de Bayle des Hermens и др.). Ряд форм, при этом (№№ 1—7, по крайней мере: см. рис. 7А), отнесенные в этой системе к core-axes, определены в работах этих и других специалистов в качестве различных вариантов пиков и пиковидных орудий. Таковы pic и pic grossier (Heinzelin de Braucourt 1962); heavy-butted uniface pick, heavy pebble pick, pebble butted pick, tortoise-backed pick (Davies 1967, 1976); heavy pick, ciseau-pick (Oakley 1968); heavy-duty pick, oblong pick (Leakey 1971); biface-

pic, pic (trois faces), pic triédrique (Bordes 1979: pl. 91: 4; 96: 2), trihedral pick (Hourse 1975), pick-biface (Isaak 1977); pick-double, chisel-pick, plane-pick (Bayle des Hermens 1975, 1989) и др.³ Одна часть этих названий является синонимами или терминами близкими по значению (pic grossier, heavy pick, heavy-duty pick), другая — наименованиями, как кажется, близких форм (heavy biface pebble pick, pick-biface), третья, по-существу, включает разные орудия (trihedral pick, chisel-pick, plane-pick и др.). Критериями выделения пиков в одних случаях были тяжеловесность, тип заготовки, наличие пятки, в других — характер поперечного сечения, в третьих — особенности вторичной обработки и рабочих элементов.

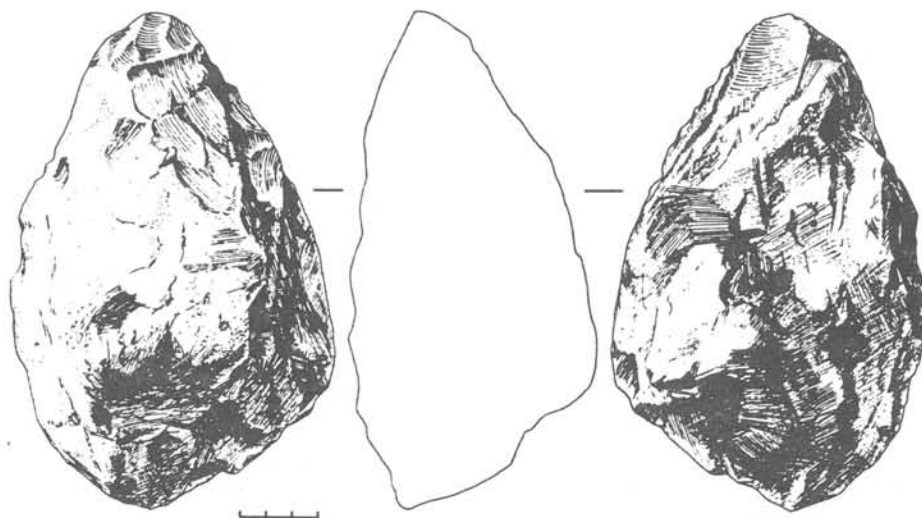
На практике, таким образом, многие исследователи относят к пикам орудия, включенные Кларком-Клейндинст в «безразмерный» класс «core-axes». Чрезвычайный разницей в атрибуции пиков в значительной мере обусловлен отсутствием договоренности между исследователями. В то же время несомненна вариабельность этих орудий, связанная, вероятнее всего, с сырьем и местными традициями. Вслед за большинством археологов, мы используем наименование «пики» (кирковидные формы), которое, на наш взгляд, вполне удовлетворяет представ-

³ Приводим русские соответствия перечисленным английским и французским наименованиям: pic grossier — пик грубосделанный; heavy pick — тяжелый пик; heavy-duty pick — пик тяжелого типа, мощный; heavy-butted uniface pick — тяжелый пик с пяткой и односторонней оббивкой; heavy pebble pick — тяжелый пик, изготовленный из гальки; pebble-butted pick — пик из гальки с необбитой пяткой; tortoise-backed pick — пик (односторонний) с «черепаховой спинкой»; trihedral pick, pic (trois faces), pic triédrique — пик трехгранный; ciseau-pic, chisel pick — пик с долотовидным концом; pick-biface, biface-pic — пик-бифас; pick-double — двуконечный пик; plane-pick — плоский пик; oblong pick — удлиненный пик.

Рис. 13 Пик грушевидной формы с подпрямоугольным поперечным сечением и хорошо центрированным долото-видным дистальным лезвием.

Fig. 13 Pear-shaped pick with subrectangular cross-section and neatly centred chisel-like distal end.

Рис. 14 Пик плоско-выпуклый с куполообразным поперечным сечением и скребковидным дистальным концом, расположенным в плоскости нижней стороны предмета.

Fig. 14 Pick with plano-convex, dome-shaped cross-section and scraper-like distal end whose working edge is coincided in section with the flat surface of this tool.

лению об их форме и вероятной функции. Единными критериями выделения пиков, по нашему представлению, являются массивность и тяжеловесность их мощных в поперечном сечении корпусов, отсутствие на них продольных лезвий, резкое сужение этих корпусов к дистальным концам, представляющих здесь единственные специально оформленные и выделенные рабочие элементы.

Классификация ивуарийских пиковидных форм. Классификационная система Кларка-Клейндинст оказалась непродуктивной для типологизации пиковидных форм ивуарийских стоянок. Мы классифицируем эти формы, опираясь не только на отмеченные выше общие «родовые» черты, но и на их местные «видовые» особенности. Учет последних позволяет выделить, по меньшей

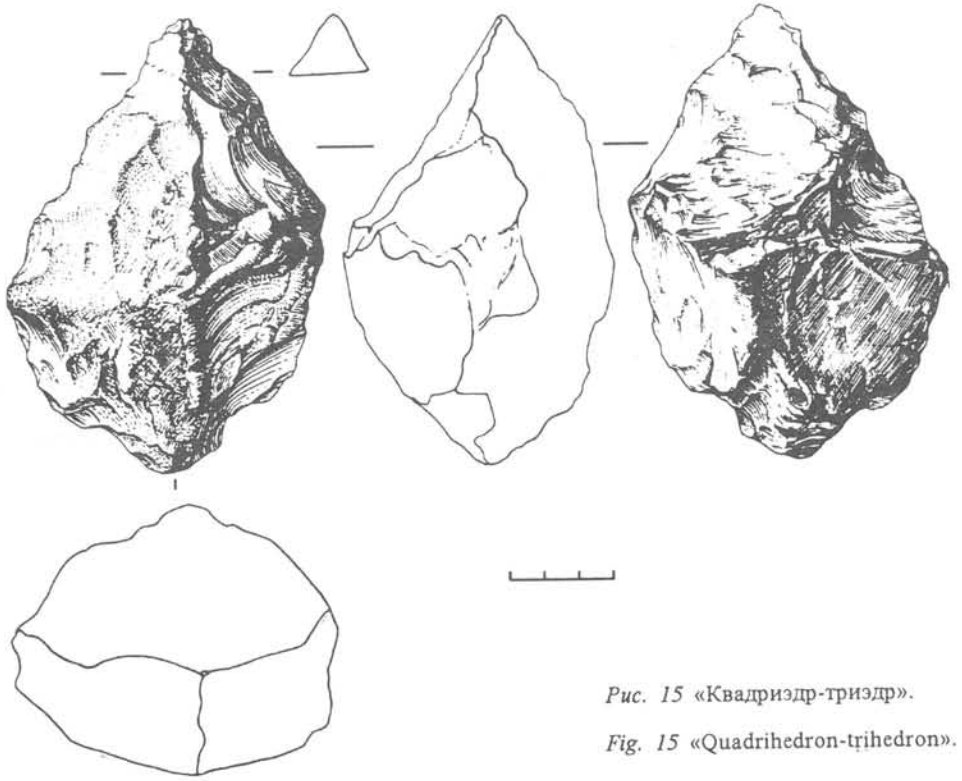

Рис. 15 «Квадриэдр-триэдр».
Fig. 15 «Quadrihedron-trihedron».

Рис. 16 Лимасоподобный пик (pic-limasoïde) со скребковым дистальным концом.

Fig. 16 Pick-limasoid with scraper-like distal end.

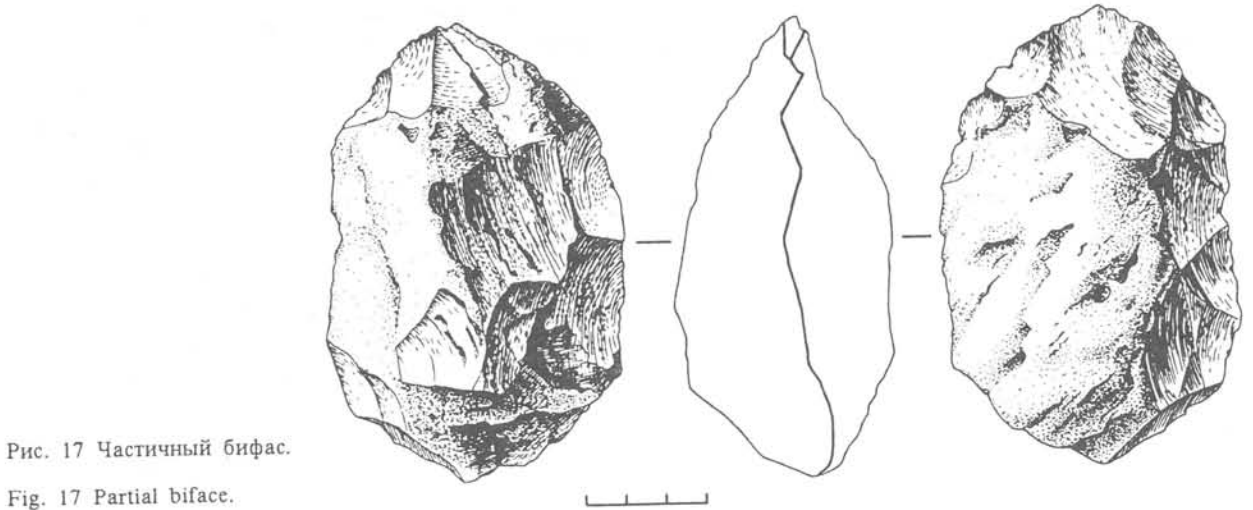
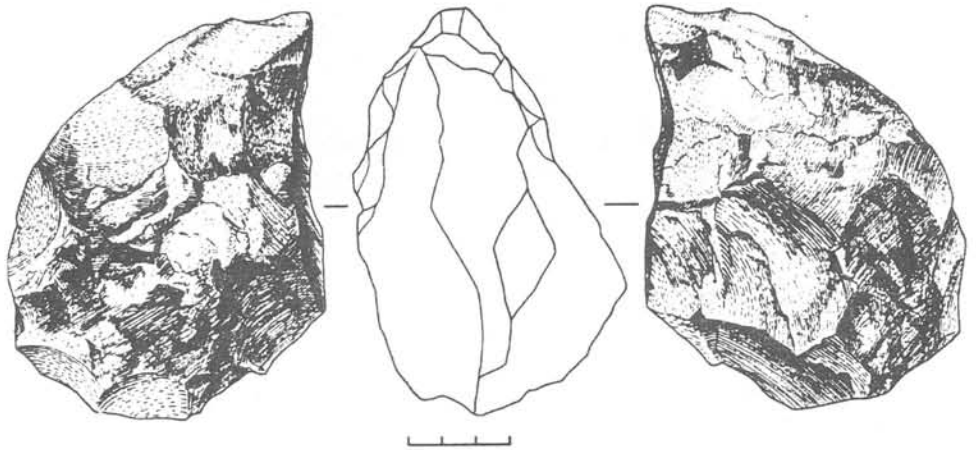

Рис. 17 Частичный бифас.
Fig. 17 Partial biface.

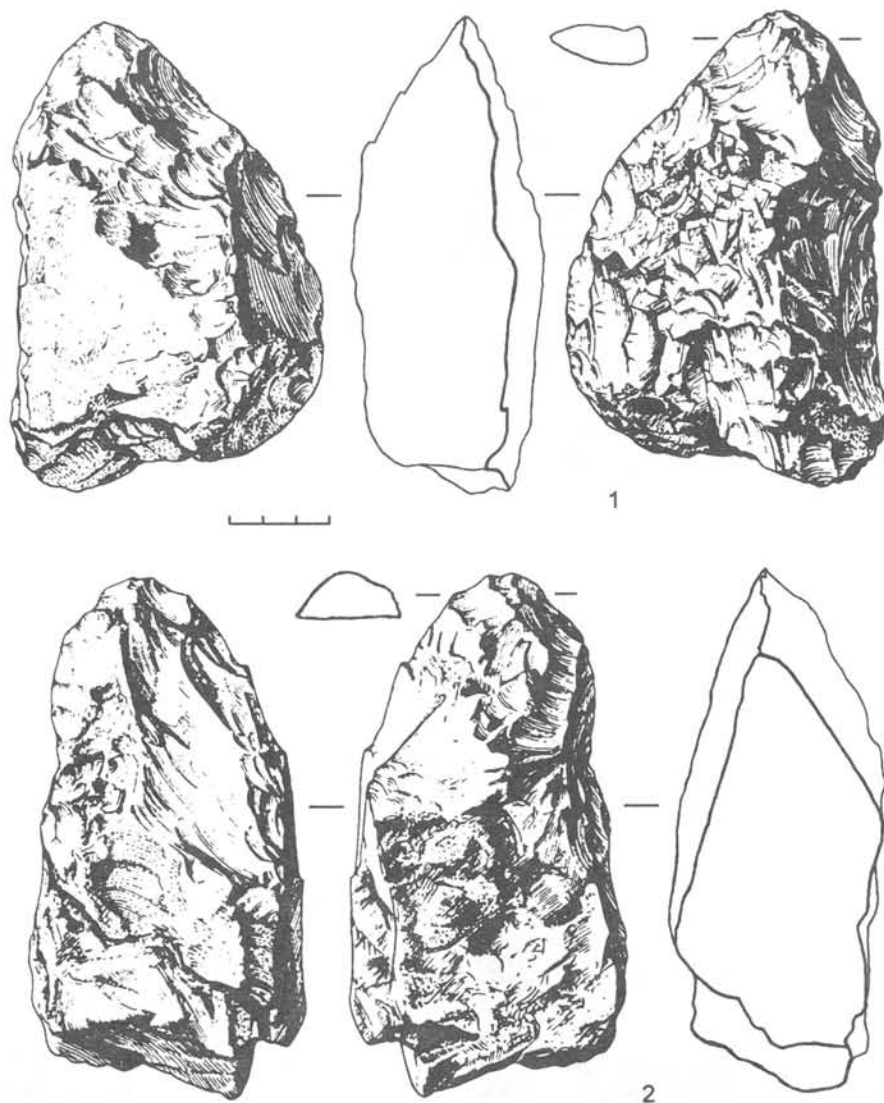

Рис. 18 Бифасы с обушками: 1 — асимметричный с одним обушком; 2 — частичный с двумя обушками.

Fig. 18 Backed bifaces: 1 — asymmetrical one with a single back; 2 — partial one with two backs.

мере, две основные разновидности рассматриваемых орудий, подтверждаемые их повторяемостью (серийностью) и известной стандартизацией. Разграничение этих разновидностей производится по характеру их поперечного сечения и связанного с ним положения дистальных рабочих элементов. Первая разновидность представлена короткими (гару) грубо конусовидными (грушевидными, каплевидными: рис. 8), реже — овальными (рис. 9) формами с подчетыреугольным или полигональным поперечным сечением (рис. 8, 9), либо близкими к ним двоякоплоскими формами с подпрямоугольным поперечным сечением (рис. 10, 11). Пики этой разновидности, — независимо от формы и очертаний сечения корпуса — обладают достаточно хорошо центрированными (расположенными в геометрических центрах этих

сечений) дистальными рабочими элементами.

Пики второй разновидности отличаются плоско-выпуклым, подтреугольным или куполообразным (рис. 12) поперечным сечением и расположением дистальных рабочих элементов в плоскости их наиболее широкой вентральной стороны. Оббивка корпусов пиков обеих разновидностей носила существенно формообразующий, аккомодационный характер. В первом случае она полностью или частично покрывала поверхность объемистых корпусов, во втором — покрывала, главным образом, лишь верхние выпуклые поверхности предметов, будучи круто направленной вверх от их плоских вентральных сторон.

Что же касается дистальных концов этих макро-орудий, то у пиков первой разновид-

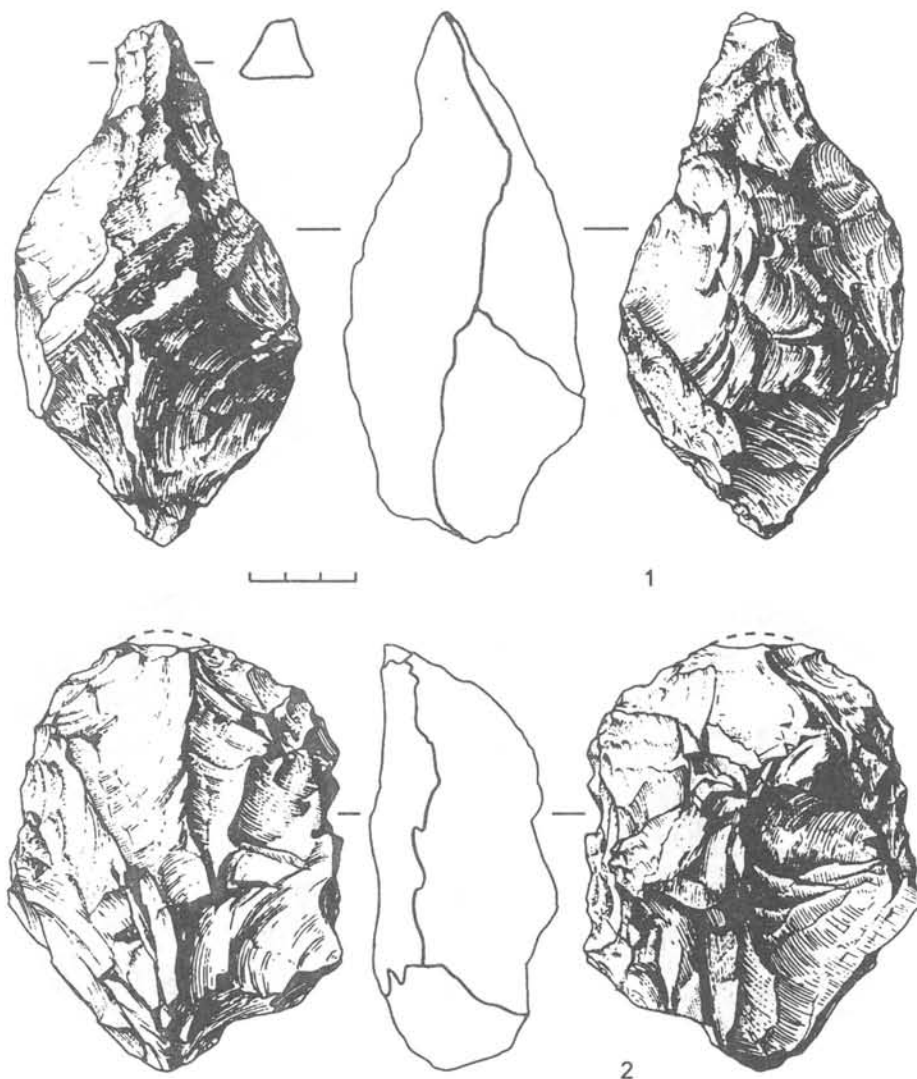

Рис. 19 1 — бифас-триэдр; 2 — кливеровидный бифас.

Fig. 19 1 — Trihedral biface; 2 — cliver-like biface.

ности они были оформлены в виде мощных и, как отмечалось, центрированных трех-четырёхгранных острий-бойков, напоминающих кирки, заостренные молотки (рис. 8—11), и лишь изредка имели завершение в виде стамесок — узких поперечных лезвий (рис. 13). Значительный вес остроконечных предметов этой разновидности и их удобные для захвата пятки придавали им большую мощь и давали возможность нанесения сильных почти точечных ударов, что, по нашему мнению, позволяет рассматривать их как пики ударного действия (*pic percutant*). У пиков второй, плоско-выпуклой разновидности, напротив, преобладали дистальные концы узко-лезвийного или скребковидного характера (рис. 14), и лишь у образцов с субтреугольным сечением корпуса завершались мощными трехгранными остриями

(рис. 12). Этот последний, морфологически весьма четко обозначенный вариант, выделяется нами под названием ладьевидных пиков (*pic rostroide*).

К основным разновидностям пиковидных форм примыкает еще один своеобразный вариант. Он, по-существу, является «гибридом» этих разновидностей: базальная половина его имеет подквадратное или округло-пентагональное поперечное сечение, дистальная — субтреугольное, с трехгранным «бойковым» завершением, лежащим, как и положено у подобных ладьевидных форм в плоскости наиболее широкой стороны «треугольника». Но, в отступление от настоящих ладьевидных форм, эта плоскость совпадает с линией основной симметрии предмета и «боек», поэтому, является хорошо центрированным (рис. 15). Прида-

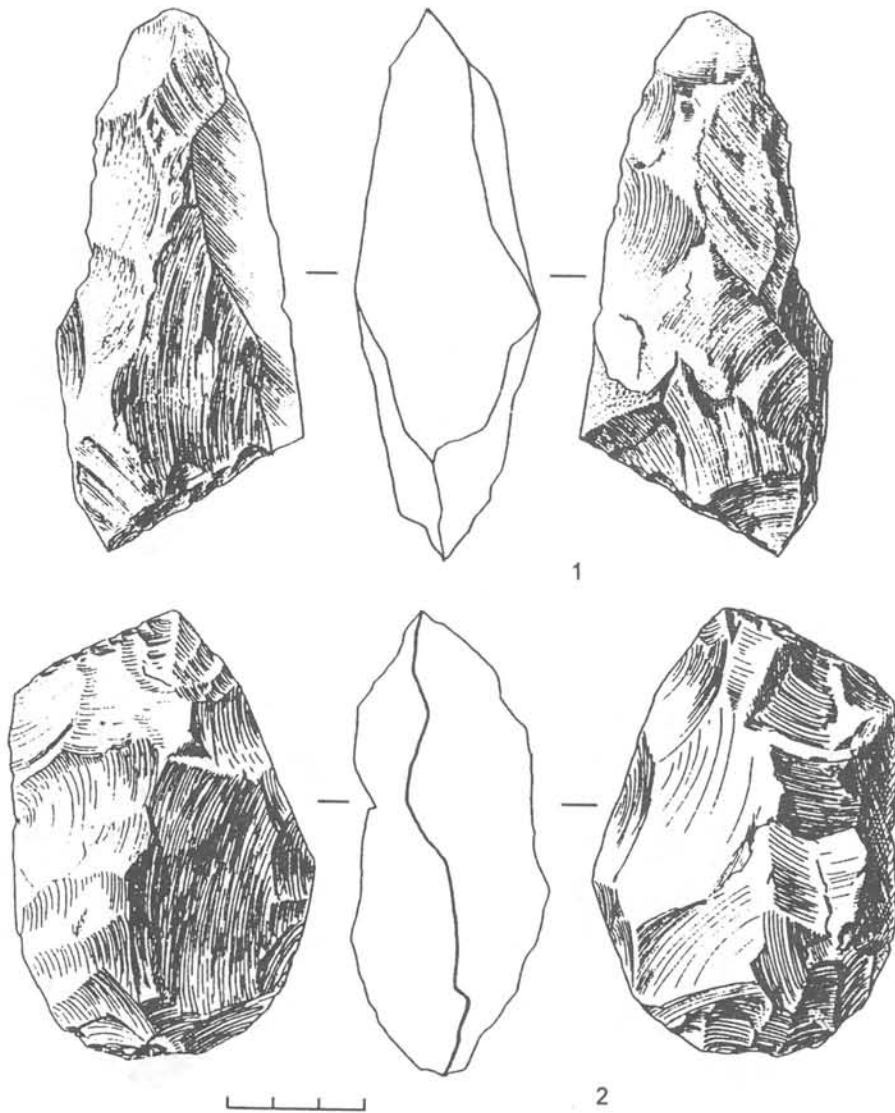

Рис. 20 Бифасиальные долотовидные орудия: 1 — двуконечное; 2 — однолезвийное.

Fig. 20 Bifacial chisel-like tools: 1 — double-ended; 2 — single-ended.

ние дистальной половине предмета треугольного сечения было достигнуто бифасиальной плоско-выпуклой оббивкой: вначале крупные снятия, нанесенные сбоку, срезали и уплощали, по меньшей мере, третью часть верхней половины предмета (см. продольный разрез), образовав при этом боковые лезвия. С краев последних, как с площадок, была снята затем грубая крутая ретушь, которая отчасти подправила вторую, выпуклую сторону предмета и приострила сами края. Таким образом, пики этой разновидности, в отличие от ранее описанных, обладают двумя рабочими элементами: трехгранным бойком на вершине и бифасиально приостренными лезвиями в верхней половине орудия. По характеру сечений разных половин мы условно называем их «квадриэдрами-триэдрами», по наличию мощных

центрированных концевых острий — причисляем их к *pis percutant*, по наличию коротких лезвий — к орудиям двойного функционального назначения. Иначе говоря, данную форму можно рассматривать как промежуточную между собственно *pis percutant* и бифасиальными орудиями с режущими лезвиями.

К пиковидным формам следует, возможно, отнести еще одно оригинальное орудие весом около 1 кг, отдаленно напоминающее очень высокий и крупный лимас (длина — 14,3 см, высота — 9,5 см). Один конец его вытянут, заужен и оформлен наподобие кареноидного скребка. Оббивка боковых сторон этого орудия произведена снятиями, направленными навстречу друг другу от гладкого основания вверх и от дугообразного гребня вниз (рис. 16). Мы условно назвали

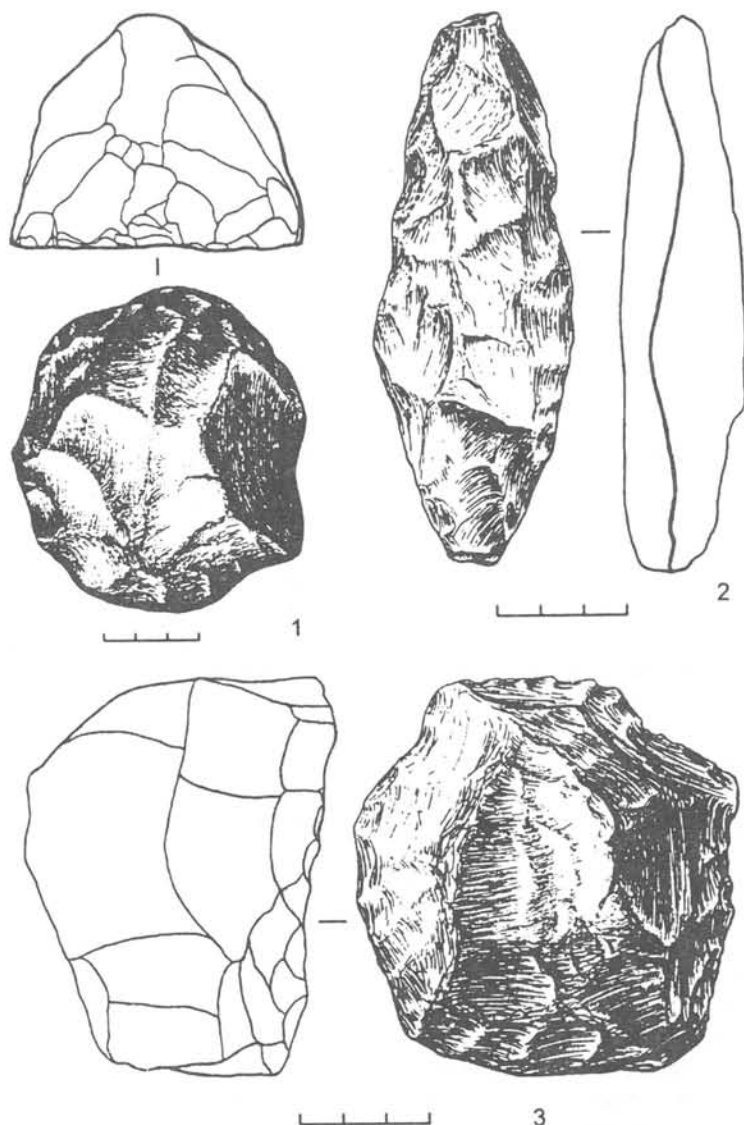

Рис. 21 1, 3 — крупные нуклеидные округлые скребки (так называемые Tea-cosy scraper), 2 — бифасиальный наконечник лупембанского типа (1 — со стоянки Гуабуо I; 2 — из местонахождения Гуабуо II; 3 — из слоя D стоянки Бетэ I).

Fig. 21 1, 3 — Large circular core scraper (so called «tea-cosy scraper»), 2 — lupemban bifacial lanceolate piece (1 — from the Gouabuo I site; 2 — from the Gouabuo II occurrence; 3 — from the layer D of the Beté I site).

его *pic limacoïde*. Отметим, наконец, еще одно орудие, напоминающее так называемый *pic asturien*. Оно изготовлено на продолговатом кварцитовом валуне ($15,8 \times 9,6 \times 8,8$ см), имеет подквадратное поперечное сечение, оббивку только с одной стороны и скребковидно оформленный дистальный конец.

Таким образом, в принятой нами классификации пиков они подразделяются по форме корпусов и поперечных сечений, позиции и характеру оформления дистальных концов. При этом наибольшую устойчивость, почти стереотипность демонстрируют каплевидные и ладьевидные варианты пиков. Изготовление этих, а отчасти и остальных форм следовало, на наш взгляд, определенной мысленной модели, целена-

правленной технологической схеме, призванной создать крупное орудие с тяжелой пяткой и мощным дистальным концом. Помимо пиков, кстати сказать, заранее заданную форму в известной мере приобретали и такие орудия, как *core-scrapers*, что расходитя с заключением Кларка и Клейндинст о том, что орудия суб-категории *heavy-duty* «... не имели никакой регулярной стандартизованной формы» (Clark, Kleindienst 1974: 94—95).

Инвентарь стоянок Бетэ I—IV. Значительная часть остальных орудий в большей или меньшей мере может быть охарактеризована в рамках классификационных определений Кларка-Клейндинст. Это бифасиальные лезвийные формы (15 экз.), чопперы

(5 экз.), полиэдры (2 экз.), нуклевидные скребки (6 экз.), скребла (10 экз.) и другие (3 экз.). Бифасиальные орудия изготовлены на плитчатых кусках кварца и отличаются массивностью (m/e 2,35) и грубой (частичной, в основном) обработкой. В их составе: ручные рубила (2 экз.) (рис. 17), бифасы с обушками (четыре одинарных — *backed bifaces* и три двуобушковых — *double backed bifaces*: рис. 18), бифас-триэдр (рис. 19: 1), *cleaver-like biface* (рис. 19: 2), два бифасиальных долотовидных орудия — двуконечное (рис. 20: 1) и одноконечное (рис. 20: 2) и два фрагмента листовидных форм типа *luremban*. Чопперы разнообразны: одинарные боковые (*lateral*) — 1, двойные поперечно-продольные (*lateral-transversal*) — 2, концевые (*distal*) — 1 и с острием (*à pointe*) — 1. Среди нуклевидных скребков наиболее интересны типа *push-plane* и округлый (fig. 21: 1, 3).

Таким образом, типологическое ядро инвентаря составляют пиковидные формы (33,2%, а с заготовками — более 43%). Далее идут бифасиальные лезвийные формы (24,6%), нуклевидные скребки, чопперы, скребла, полиэдры. Состав инвентаря, в целом, характерен для индустрий типа санго в Африке к югу от Сахары. В этом отношении особенно показательны пики, *coke-scrapers*, грубые бифасы, листовидные и долотовидные формы. Если исключить скребла, все орудия изготовлены на плитчатых кусках или валунах кварцевой породы, что говорит о принадлежности данного ансамбля к индустриям типа «*pebble-coke*». Это можно объяснить формой и очень низким качеством сырья или функциональным аспектом памятника (мастерская по изготовлению макро-орудий у мест выходов сырья — ?).

О возрасте санго Бетэ I—IV. Верхний слой D, вскрытые на глубину около 5 м, судя по находкам в них фрагментов *лупембанских* наконечников и бифасиальных долотовидных форм (рис. 20, 21: 2), могут быть отнесены ко времени позднего санго. Для низов же этого слоя, как отмечалось, имеется радио-термолюминисцентная дата 254 ± 51 тыс лет назад, полученная в лаборатории Московского государственного университета по образцу супеси, взятом на глубине около 14 м, в 1,5—2 м ниже наиболее глубоко залегающих кварцевых изделий. Дата эта может быть принята во внимание, поскольку близкие возрастные оценки получены и для других африканских стоянок санго (McBrearty 1987). Упомянем также оценку, ранее предложенную французским геологом Ж.-П. Тастэ. Если коллювиальные отложения, содержащие

макро-орудия в Бетэ I синхронны, как он считает, аридному периоду, то они могут датироваться временем от 100 000 до 18 000 лет назад (Guedé et Tastét 1986: 11).

5. Заключение. Исследования палеолита в Республике Кот д'Ивуар — в первую очередь работы Й. Геде в 80-е годы и российско-ивуарийских экспедиций в 1991, 1993 гг. — установили высокий палеолитический потенциал страны, очевидность заселения ее территории, по крайней мере, с ашеля. Палеолитические памятники были обнаружены во всех современных природных зонах республики. Наибольшую научную ценность представили стратифицированные сангоанские стоянки Бетэ I—IV, которые наряду со стоянкой Асокрошона в соседней Гане, являются опорными для всей Западной Африки.

Ивуарийские сангоанские индустрии близки к таковым на обширной территории Африки к югу от Сахары. Индустрии эти, однако, по мнению О. Дэвиса, не родственны. Подлинное «санго», как он полагает, должно быть ограничено Центральной Африкой, где оно родилось. Пики — ведущая форма сангоанских индустрий — в индустриях Центральной Африки резко, по его мнению, отличаются от таковых в индустриях Южной и Западной Африки. Сангоанские пики Центральной Африки характеризуются удлинённостью, приостренностью обоих концов (*pebble-butts* отсутствуют), иногда пластинчатым завершением одного из них, предназначенным, возможно, для насаживания на рукоятку. Кроме того, в Центральной Африке чаще встречаются ручные рубила, кливеры, тяжелые *coke-tools*. «В Западной Африке, Натале и на побережье Анголы, напротив, обычны грубо оббитые *pebble-butted picks*: они удобно удерживаются рукой и используются для удара сверху вниз при выкапывании насекомых, клубней и т. д.» (Davies 1976: 907). Пики Западной Африки (пики из известных, видимо, ему индустрий Ганы, Того и Бенина, где он производил значительные работы) — более короткие и коренастые (*trapez*). Другие орудия представлены здесь крупными *coke-scrapers*, редкими ручными рубилами, долотовидными формами (*gouges*) и *cleaver-flakes*. Индустрии Западной Африки, заключает Дэвис, настолько своеобразны, что их правомерно именовать другим образом (Davies 1976).

Состав и особенности инвентаря стоянок Аньямы, пиковидных форм в первую очередь, достаточно хорошо, как кажется, укладываются в характеристики, данные Дэвисом. Мы уточнили, углубили эти характеристики, дифференцировали пиковидные

формы, попытались обосновать их классификацию и дефиниции. Укороченные массивные одноконечные пики нескольких разновидностей, атипичные одно- и двуобушковые бифасы, чопперы-дискоиды и другие орудия характеризуют, по всей видимости, местную ивуарийскую фацию санго. На следующем этапе работ планируется изучить в рамках наших классификационных подходов доступные материалы соседних территорий (ганской стоянки Асокрошона, в первую очередь).

Ивуарийское санго, как кажется, не следует все же резко обособлять от санго регионов, расположенных к югу от Западной Африки. Многие встреченные в нем орудия, несколько модифицируясь, более или менее широко представлены и в других областях распространения сангоанско-лупембанского индустриального комплекса. Таковы, например, грубые бифасы, нуклевидные скребки разных вариантов, лупембанские бифасиальные наконечники, долотовидные изделия (*gouges*), лимасоподобные пики (*pic limacoïde*). Поразительно, в частности, близкое сходство лимасоидного пика Аньямы с подобными пиками, встреченными на местонахождениях Vlaaubank близ Трансвааля (Mason 1969: 187, fig. 101, 109) и на стоянке Mussolegi в Анголе (Clark 1982: fig. 4, 8, № 12).

Весьма показательны и крупные округлые (*circular*) нуклевидные скребки (*corescrapers*) известные под названием «tea-cosy scraper» (скребки в форме стеганого чехольчика от чайника), встреченные в слое D стоянки Бетэ I (рис. 21: 3) и в горизонте 5 стоянки Гуабуо I (рис. 21: 1) в 1993 г., а также бифасиальный наконечник лупембанского облика из сборов на местонахождении Гуабуо II (рис. 21: 2). Близкие аналогии этим орудиям можно найти в санго и MSA Южной и Центральной Африки (Clark 1959: 150—151, fig. 24: 5; 1970: 113, fig. 23: 4; Cahen 1975: 96, pl. 48).

До недавнего времени санго рассматривалась как переходная индустрия от ашеля к MSA. В последние годы, однако, появилось сомнение относительно самостоятельности статуса санго. Сомнения исходили из технико-типологического содержания санго и, в особенности, из неопределенности такой его руководящей формы, как *coke-axe*, и близости возрастных рамок санго и MSA (Cornelissen 1995: 55, 66, 67). В трактовке, предложенной Д. Кларком, санго рассматривалось лишь как фация деятельности в пределах других индустриальных комплексов (ашель и MSA) (Clark 1982: 283—286; McBrearty 1987: 501—502). Ряд обстоятельств, тем не менее, на наш взгляд, говорит о валидности понятия санго и о его переходном характере. Об этом говорит стратиграфическое положение санго между ашелем и MSA на одних стоянках (Асокрошона, Бамбата), подстилание его ашелем — на других (Каламбо-Фолз, Исимила), перекрывание слоями MSA — на третьих (Бетэ I—IV). В санго сохранялась еще ашельская модель обработки камня, хотя на смену стандартизованным ашельским ручным рубилам и кливерам пришло производство менее четких форм подобных крупных орудий, вместе с которыми появились весьма характерные для санго пиковидные формы, нуклевидные скребки, долотовидные изделия и др. Сангоанские и среднепалеолитические ансамбли, встреченные в Кот д'Ивуаре, разделяются также и стратиграфически и типологически и не могут рассматриваться как слагаемые одного «единства» («entity»). Здесь прослеживается определенная устойчивость набора характерных орудий подтверждающих самобытность и «суверенный» статус сангоанских индустрий. В то же время наличие некоторых специфических форм предполагает существование особой ивуарийской фации санго.

Археологический словарь. 1991. Археологический словарь каменных орудий (Ред. О. А. Соффер). Москва.

Беляева, Е. В., В. П. Любин, Ф. Й. Гедде. 1992. О первоначальном заселении Западной Африки // Вестник древней истории: 162. Москва.

Гедде, Й. 1997. Палеолит Кот д'Ивуар и его место в палеолите Западной Африки. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.

Гедде, Й., В. П. Любин, Е. В. Беляева. 1992. Исследования палеолита в Республике Кот д'Ивуар // Россияская археология 4: 102—108. Москва.

Григорьев, Г. П. 1977. Палеолит Африки // Палеолит мира: 45—197. Ленинград: Наука.

Елинек, Я. 1982. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага.

Любин, В. П., Е. В. Беляева, Ф. Й. Гедде. 1995. Российско-ивуарийские экспедиции в Западной Африке // Природа 10: 41—53.

Любин, В. П., Ф. Й. Гедде, С. Н. Седов, Е. В. Беляева. 1994. Исследование палеолита в Западной Африке (Республика Кот д'Ивуар) // Изучение древних культур и цивилизаций. Материалы к пленуму Института истории материальной культуры РАН 5—7 апреля 1994: 9—11. Санкт-Петербург.

Рзоска, Ж. 1990. Временные и другие водоемы // Сахара: 130—131. Москва.

Уильямс, М. 1990. Геология // Сахара: 51—52. Москва.

- Фоули, Р. 1990. Еще один неповторимый вид. Экологические аспекты эволюции человека. Москва: Мир.
- Allsworth-Jones, Ph. 1986. An archaeological visit to the Ivory Coast // *Humanitas. Journal of Archaeology and Anthropology Students Association*.
1987. The earliest Human Settlement in West Africa and the Sahara // *West African Journal of Archaeology* 17.
- Bar-Yosef, O., N. Goren-Inbar. 1993. The Lithic assemblages of 'Ubeidiya. A Lower palaeolithic site in the Jordan valley. *Quedem* 34. Jerusalem.
- Bayle des Hermens, R. de. 1975. Recherches préhistoriques en République Centrafricaine. Paris.
1989. The préhistoire of Central Africa.
- Bayle des Hermens, R. de, Fauquez Colette et Galli Ginette. 1983. Recherches préhistoriques dans le nord-ouest de la Côte d'Ivoire. *Mission 1983 // L'Anthropologie* 87/2: 241—247.
- Bordes, F. 1979. Typologie du Paléolithique ancien et moyen. *Cahiers du quaternaire* 1, Editions du C.N.R.S. Paris.
- Brézillon, M. N. 1971. La dénomination des objets de pierre taillée. *Éditions du C.N.P.S. Paris*.
- Cahen, D. 1975. Le site archéologique de la Kamoa (region du Shaba, République du Zaïre). De l'âge de la pierre ancien a l'âge du fer. *Musée royal de l'Afrique centrale — Tervuren. Belgique. Annales* 8, serie in-8, Sciences humaines 84.
- Chenorkian, R. 1983. Ivory Coast Prehistory: recent developments // *The African Archaeological Review* 1: 127—130. Cambridge.
- Chenorkian, R., G. Paradis. 1981. Une industrie paléolithique découverte dans la «Terre de Barre» d'une terrasse proche d'Anyama (Region d'Abidjan) // 3-e Coll. West. Afr. Archaeol. Assosiat. Dakar.
1982. Une industrie paléolithique découverte dans la «Terre de Barre» d'une terrasse proche d'Anyama (Region d'Abidjan) // *Nyame Akuma*: 18—27.
- Clark, J. D. 1959. The prehistory of Southern Africa. London.
1970. The prehistory of Africa. New York.
1982. The cultures of the Middle Palaeolithic (Middle Stone Age) // *The Cambridge History of Africa* (ed. J. D. Clark) 1: 248—341. Cambridge University Press.
- Clark, J. D., M. R. Kleindienst. 1974. The Stone Age Cultural Sequence: Terminology, Typology and Raw Material // *Kalambo Falls Prehistoric Site* (ed. J. D. Clark) 2: 71—106. London.
- Cole, J. D. 1964. The Prehistory of East Africa. Pinguin Book. London.
- Coppens, Yves. 1983. Le singe, l'Afrique et l'homme. Fayard.
- Cornelissen, E. 1995. Indications du post-acheuleen (Sangoen) dans la formation Kapthurin, Baringo, Kenya // *L'Anthropologie* 99/1: 55—73. Paris.
- Creac'h, P. 1945. Sur quelques nouveaux sites et nouvelles industries préhistoriques // 1-ere Confer. Internat. des Africanistes de l'Ouest, *Compte rendus* 2: 397—430. Dakar.
- Davies, O. 1959. The distribution of Old Stone Age material in Guinea // *Bulletin IFAN XXI, serie B. Dakar*.
1964. The Quaternary in the Coastland of Guinea. (ed. Jackson Son and Co). London.
1967. West Africa before the Europeans. London: Methuen and CO Ltd.
1976. The «Sangoen» industries // *Annals Natal Museum* 22/3: 885—991. Pietermaritzburg.
- Guedé, Y. 1995. Contribution à l'étude du Paléolithique de la Côte d'Ivoire: état des connaissances // *Journal des Africanistes* 65/2: 79—91.
- Guedé, Y., J.-P. Tastét. 1986. Premiers resultats de l'étude sur la stratigraphie et les industries du site paléolithique de la Beté (Basse Côte d'Ivoire, Afrique de l'Ouest) // *Archéologie africaine et sciences de la nature appliquées a l'archéologie. 1-er Sympos. internat. Bordeaux 1983 ACCT, CNRS, CRIAA, Bordeaux III*: 1—15.
- Glynn, Isaac L. 1977. Olorgesailie. *Archéological Studies of a Middle Pleistocene Lake Basin in Kenya*. (Ed. Karl W. Butzer and Lesil G. Freeman). Chicago.
- Heinzelin de Braucourt, Jean de. 1962. *Manuel de typologie des industries lithiques*. Bruxelles.
- Hours, Fr. 1975. The Lower paleolithic of Lebanon and Syria // *Problems in prehistory: North Africa and the Levant*. (Ed. F. Wendorf an A. E. Marks): 249—271. Dallas.
- Kleindienst, M. R. 1961. Variability within the Late Acheulian Assemblage in Eastern Africa // *The South African Archaeological Bulletin XVI/62*: 35—52. Claremont. Cape Town.
1962. Components of the East African Acheulian assemblages an analytic approach. Tervuren. *Musee Royal de l'Afrique Centrale*: 81—105.
- Leakey, M. D. 1971. *Olduvai Gorge. Vol. 3. Excavations in Beds I and II, 1960—1963*. Cambridge.
- Leroi-Gourhan, A. 1988. *Dictionnaire de la préhistoire. 1-er édition*. Presses Universitaires de France. Paris.
1997. *Dictionnaire de la préhistoire. 2-me édition*. Presses Universitaires de France. Paris.
- Mason, Revil. 1969. *Prehistory of Transvaal*. Johannesburg.
- Mauny, R. 1972. Contribution à la connaissance à l'archéologie préhistorique et protohistorique ivoiriennes // *Ann. Univ. Abidjan, Serie I*: 11—32.
- McBrearty, S. 1987. Une évaluation du Sangoen: son age, son environnement et son rapport avec l'origine d'Homme sapiens // *L'Anthropologie* 91/2: 497—510. Paris.
- Nygaard, S. E., M. R. Talbot. 1984. Stone age archaeology and environment on the Southern Accra Plains, Ghana // *Norwegian Archaeological Review* 17/1: 19—38.
- Oakley Kenneth. 1968. *Frameworks for dating fossil man*. London.
- Paradis, G. 1980. Découverte d'une industrie paléolithique d'âge «Sangoen» dans les sables argileux «neogene» (ou «Terre de Barre») de la Basse Côte d'Ivoire. Note de Paradis G. présentée par Theodore Monod // *Comptes Rendus Acad. Sceances* 290/D: 1393—1395. Paris.
- Raymaekers, P., O. Petre. 1990. Préhistoire en Côte d'Ivoire // *Archeologia* 262: 61—66.
- Shaw, C. T. 1989. *Prehistory of West Africa // General History of Africa. I. Methodology and African Prehistory*. (Ed. J. Ki-Zerbo). Abridged Edition California. UNESCO.

PALAEOLOGICAL RESEARCHES IN THE WEST AFRICA (RÉPUBLIQUE CÔTE D'IVOIR)

V. P. LYUBIN, F. YIODE GUEDÉ

The Republic Côte d'Ivoire is situated in the West Africa — in the region where important natural and «cultural and historical» border-lines are passing. The country lies at the joint of the moist tropical forest zone and the zone of savannas bordering the Sahara (fig. 1). This is also the place where the north limit of an enormous area distinguished in science under the name of «the Africa to the south of Sahara» is situated. To the south of this limit the palaeolithic industries of types «Sango» and MSA (the Middle Stone Age) are widespread; to the north (in the Sahara) those of Acheulian and Aterian types are found.

Up to the 1980 only rare finds of tools assigned to Sango had been registered in Côte d'Ivoire (Mauny 1972: 11; Davies 1959: 108; 1964: 84—92). In 1980, French geologist G. Paradis discovered *in situ* palaeolithic sites in the sandy loam deposits exposed in the quarries of Attengie and Anyama near Abidjan (Paradis 1980: 1393—1395; Chenorkian, Paradis 1981). That was the second in the West Africa (after the site of Asokrochona in Ghana) occasion of discovering sites with Sango and MSA cultural layers. The site of Bété I in the quarry of Anyama became the major objective of excavations. In the 80's an Ivoirian expedition headed by Y. Guedé worked at the site (Guedé, Tastét 1986: 1—15); in 1993 the excavation was carried out by a Russian-Ivoirian expedition (Director V. P. Lyubin). Two years earlier, the same expedition discovered in the inland another Sango site (Guabuo I) and over ten occurrences of MSA (Sablier, Niapouyo, etc.), Sango (Goré, Guessesso) and Acheulian (Cantara) (Lyubin *et al.* 1994: 9—11; 1995: 41—53; Guedé 1997).

A geological examination of the Bété I site was carried out by geologists G. Paradis (1980), J.-P. Tastét (1982) and S. N. Sedov (1993) (figs. 3, 4). In the sediment section there were found (upwards): 1) Precambrian basement; 2) 9-metre bed of coarse-debris deposits (so called «Continental Terminal»); 3) 17-metre bed of homogeneous red sandy loam colluvial deposits (the so-called 'Terre de Barre') formed as the result of re-deposition of materials of the previous deposits in the arid climate (figs. 5—6). The upper 15 m of

the latter bed contained stone tools: microliths in layer B; MSA in layer C; Sango in layer D.

Stone inventory of layer D was composed of 17 cores (discoid and uni-directional) poorly pronounced morphologically, 450 flakes, chips and debris, and 70 tools. As the raw material for their production, slab-like pieces of the local vein quartz had been used. The studies of the layer D industry required new methodical approaches because the classification system developed by D. Clark and M. Kleindienst (Clark and Kleindienst 1974: 71—106), and widely used in Africa, turned out to be only partly effective in our case. This system seems to be extremely generalised and lacking in common dividing criteria and strict typological rules. The most arguable is the class of «core-axes» uniting tools manifestly heterogeneous in terms of technology, typology and function (fig. 7A: 1—12). «Core-axe» as a classification unit is so vague and indistinct that it has found no place in any prehistory dictionary or textbook (Brézillon 1971; Bordes 1979; Leroi-Gourhan 1988, 1997). Many of the tools included into the «dimensionless» class of core-axes are assigned by other scholars to picks. The authors are treating such tools in the same way.

The amount of picks at the site of Bété I is more than 43 percent of the entire tool collection (19 tools + 10 blanks). The common criteria for distinguishing picks, to the authors' opinion, are the massiveness and heaviness of their mighty in cross-section bodies, the absence of longitudinal cutting edges on the latter, and the sharp narrowing of the bodies toward the distal ends where specially formed working elements are found. In the Ivoirian Sango there are two major varieties of picks (pic percutant and pic rostroïde) differing in shapes of their body and cross-section profiles as well as in the position and fashioning of the distal effective elements. The first type is represented by short roughly cone-shaped (pear-shaped and drop-shaped: fig. 8), and more rare oval (fig. 9) shapes with sub-quadrangular or polygonal cross-section (figs. 8, 9), or by the close to the latter double-flat shapes with sub-rectangular cross-section (figs. 10, 11). The picks of this type have neatly centred (placed in the geometrical centres of the

cross-sections) distal working elements. To picks of the second variety, plano-convex, sub-triangular or dome-shaped cross-sections (fig. 12) and the position of the distal working elements in the plane of their widest ventral side are characteristic. The flaking of the bodies of both type picks was of an exclusively shape-forming accommodative character. But the distal ends of the first type picks were shaped as strong centred tri- or tetrahedral strikers resembling pointed hammer heads (fig. 8—11), and only sometimes an end was shaped as narrow transversal cutting edge (fig. 13). The majority of picks of the second plano-convex type, on the contrary, had distal ends of a chisel-like or scraper-like character (fig. 14), and only the samples with the sub-triangular body cross-section ended with trihedral points (fig. 12).

Yet two more peculiar pick varieties, that we provisionally called «quadrihedron-trihedron» and (fig. 15) «pic limacoïde» (fig. 16), are represented by single examples. The first essentially is a hybrid of the two main types: its basal half has sub-quadrangular cross-section, the distal one being sub-triangular with a trihedral (neatly centred in that part) striking tip. Contrary to the «classical» shapes of picks, the distal half of this tool, in addition to the striking tip, has a second working element: bifacially flaked longitudinal edges. The second peculiar variant resembles a large high limace which has one of the ends shaped as a carinate end scraper. Manufacturing of the majority of the Ivoirian picks, to the authors' opinion, followed a certain mental template and technological pattern intended for production of a large tool with heavy butt and mighty distal end.

The rest of the Ivoirian macro-tools is represented by rough handaxes (2 items) (fig. 17), backed bifaces (4 items), double backed bifaces (3 items) (fig. 18), a biface-trihedron (fig. 19: 1), a cleaver-like biface (fig. 19: 2), bifacial gouges — a two-ended (fig. 20: 1) and one-ended (fig. 20: 2), fragments of foliate tools of the lupemban type (2 items), choppers (5 items) and core-scrapers — those of the 'push-plane' type and circular (fig. 21). All tools, except for ten atypical scrapers, have not been made of flakes that is possibly explained either by the poor quality of the raw material or by the site's functional aspects (a macro-tool workshop?). The uppermost levels of layer D, judging by the found fragments of the lupemban points, may be assigned to the late Sango, the lowest levels being RTL-dated to 254 ± 51 thousand years B. P.

The layer D industry at the site of Bété I is in all likelihood a local facia of Sango. It is characterized first and foremost by short massive one-ended picks of several types, atypical

backed or double backed bifaces and choppers-discoids. The similar forms according to O. Davies (1976) are peculiar to the West African Sango in general distinguishing the latter from the Sango of the Central Africa. However, the Ivoirian Sango, as it seems, should not be considered isolated from Sango of the other regions of Africa because many of its tools are met also in the other areas where the sangoan-lupemban industry complex is widespread. The parallels may be found e.g. in the rough bifaces, core-scrapers of various types (including those of the «tea-cosy scraper» type — see fig. 21: 1, 3), chisel-like tools (gouges), limace-like picks (pic limacoïde), lupemban points resembling those found at the Ivoirian site of Guabuo II (fig. 21: 2). (Clark 1959: 150—151, fig. 24: 5, 1970: 113, fig. 23: 4, 1982, fig. 4. 8, № 12; Mason 1969: 187, fig. 101, 109; Cahen 1975: 96, pl. 48).

Until recent times Sango was considered as an industry intermediate between the Acheulian and Mousterian ones. However, recently the independent status of Sango aroused doubts. These doubts originated of the uncertainty of such leading shape of Sango as the core-axe and the closeness of the chronological ranges of Sango and MSA (Cornelissen 1995: 55, 66, 67). According to the proposed by D. Clark interpretation Sango was treated as an activity facia placed within the frames of other (Acheulian and MSA) industry complexes (Clark 1982: 283—286; McBrearty 1987: 501—502). Nevertheless, there is a number of facts that, to the authors' opinion, speak in favour of the validity of the conception of Sango and of intermediate character of the latter. This supposition is suggested by the stratigraphical position of Sango between Acheulian and MSA at some sites (Asokrochona and Bombata), its being underlied by the Acheulian at others (Kalambo-Falls and Isimila), and the MSA layers covering it at the third ones (Bété I—IV). In Sango the Acheulian pattern of flaking technique was still retained though the standardized Acheulian bifaces and cleavers were replaced by the production of similar large tools of not so distinct shape; simultaneously very typical of Sango various picks, core-scrapers, gouges etc. were common.

The Sangoan and MSA assemblages found in Côte d'Ivoire are differentiated one from another as regards both stratigraphy and typology, and they can not be considered as components of a single «entity». One can trace in these assemblages a certain stability of the set of characteristic tools that prove the originality and «sovereign» status of the Sangoan industries. At the same time, the presence also of some specific forms suggests the existence of a special Ivoirian facia of Sango.

ПОСЛЕДНИЕ ДАННЫЕ О ГРОТЕ ШОВЕ*

Жан Клотт**

Открытие грота Шове относится к декабрю 1994 г. Его изучение по-настоящему еще не начато. Оно потребует годы, учитывая сложность ансамбля и возникающие проблемы. Эта предварительная, очевидно неполная, публикация дает представление о том, что нам известно в настоящее время, и какие проблемы возникают.

Установление подлинности. Открытие каждого памятника доисторического искусства, каково бы ни было его значение, требует установления его подлинности. Подделки в этой области редки, но они существуют и могут быть успешными. Для доказательства того, что многочисленные произведения из грота Зубиальд около Витория были фальшивками, необходимо было их длительное исследование баскскими специалистами И. Барандиараном, Х.-М. Апелляницем и Х. Альтуной, настолько тщательно подделки были выполнены: применение естественных пигментов (окиси железа для красных изображений, двуокиси марганца для черных), изображения животных и знаки, известные по рисункам в других пещерах, замечательное использование природных рельефов для изображения некоторых животных. Напротив, когда несправедливо обвинили изображения в гроте Коскер в Марселе (смотри по этому сюжету: Clottes et Courtin 1994), общественность в течение нескольких месяцев считала их мистификацией, прежде чем изучение и анализы опровергли всякие сомнения в их подлинности.

Следовательно, подход к изучению нового грота должен быть осторожным. После того, как первооткрыватели объявили о своей находке, было оперативно организовано посещение грота для «установления подлинности» изображений. Оно состоялось 29 декабря 1994 г. под руководством авторов открытия. Я приступил к обследованию вместе с региональным хранителем археологии Ж.-П. Дога и его сотрудником Б. Жели, который в течение многих лет исследует гроты Арьежа.

Если рассматривать под лупой древний красочный рисунок, то заметно, что линия, на первый взгляд, непрерывная, фактически имеет некоторое количество мельчайших разрывов, возникших в результате эрозии, незаметных для невооруженного глаза. Линия позднего рисунка будет значительно более связной и непрерывной. Что касается внутренней части гравированной линии, которая сразу после создания была отчетливо белой и чистой, она оказывается заполненной микрокристаллическими частицами, отложенными в течение тысячелетий на стенах грота. В гроте Шове к этим наблюдениям добавляются вуали конкреций или натечи кальцита, которые местами перекрывают росписи, — неопровержимые свидетельства длительного времени, прошедшего с момента их создания.

Этих наблюдений было бы достаточно для подтверждения древнего возраста изображений, но имеются и другие. Например, в обширном зале скальные выступы были покрыты гравировками, среди которых фигуры совы и великолепной лошади. Первоначально они были выполнены стоящим в полный рост взрослым человеком. Теперь изображения находятся в 5 м от пола, так как в результате гигантского обвала возник кратер 6 м диаметром и 3—4 м глубиной. Если бы эти гравюры были поздними, они могли бы быть выполнены только с помощью большой лестницы, которая оставила бы следы. Внести такую лестницу в грот, при единственном известном входе, невозможно.

Качество исполнения и натурализм изображений животных не вызывают подозрений. Для фальсификации росписей надо было обладать способностями большого художника-анималиста и превосходными знаниями как палеолитического искусства, так и животных той эпохи.

Наконец, состояние поверхности почвы в гроте отвергло мысль о подделке. Она была усеяна костями пещерного медведя. Только черепа насчитываются десятками. Ничто не было сдвинуто. Различаются от-

* Перевод З. А. Абрамовой. Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел палеолита.

** Jean Clottes. 11, rue du Fourcat Montgauzy. 09000. Foix. France.

печатки лап, которые медведи оставили во время своих передвижений в гроте, и следы их когтей. Благодаря осторожности исследователей, все было непотревоженным и это позволяло видеть, что грот не посещался прежде. Отсутствовали отпечатки обуви, которые не могли бы остаться незамеченными на рыхлой почве, особенно у подножия некоторых панно с изображениями, если бы фальсификаторы ходили в пещере. Следовательно, изображения грота Шове — вне всякого сомнения подлинные.

Впоследствии, 7 февраля 1995 г., я, Ж.-М. Шове, несколько французских специалистов и один испанский (Х. Фортеа) посетили пещеру и смогли увидеть эти росписи и гравюры. Никто не высказал ни малейшего подозрения в том, что они подделаны.

Почва. Еще недавно расплатой за всякое открытие была вереница разрушений. В 1970 г. первые исследователи Сети Кластра в Нио (Арьеж) затоптали, не увидев, 17 участков с отпечатками человеческих ног. Очень редко первооткрыватели действовали так, как Люк Валь. Он, открыв Фонтане в Орнолак-Усса-Ле-Бен (также в Арьеже), немедленно сообщил о своей находке, что и позволило защитить ее от повреждений. В течение долгого времени доисторики собирали с пола гротов археологические остатки, главным образом для того, чтобы попытаться их датировать и определить с их помощью возраст настенных произведений. Часто поспешные раскопки оканчивались разрушением того, что существовало. Так было в Ляско и в других декорированных гротах.

В наши дни общепризнано значение археологического контекста для понимания человеческой деятельности в этих пещерах. Отпечатки ног позволяют узнать сопровождали ли взрослых дети, посещался ли грот редко или часто. Иногда предметы были намеренно положены, кости воткнуты в трещины, разводились костры. Эти следы и остатки являются ориентирами для поисков и исследований. К счастью, благодаря добросовестности и предосторожности первооткрывателей, которые ничего не сняли и позаботились о сохранности поверхности пола, по данным грота Шове можно сделать все заключения. Определенно можно утверждать: глубокие галереи грота были необитаемы. Палеолитическое жилье легко определяется — почва вокруг очагов обычно усеяна расколотыми костями. В гроте Шове нет ничего подобного. Разумеется, можно спросить себя, не могли ли археологические остатки быть перекрыты глинистыми отложениями и не нужны ли раскопки для их выявления. На первый взгляд это

маловероятно, так как сохранились следы и остатки другого происхождения.

Немногие следы могут быть приписаны палеолитическим людям. На потемневшем дне нескольких небольших (около 50 см в диаметре) углублений сохранились угли. Возможно, что в них горел огонь, но никаких признаков прокаливания не отмечено. Это не был очаг для приготовления пищи. Если здесь и разводили огонь, то только для освещения, как это известно в других местах. Собран десяток рассеянных на поверхности пола кремней. Дальнейшие исследования помогут определить происхождение сырья и способы использования найденных пластин и отщепов. Наконец, многочисленные древесные угли, определенные Стефани Тиебо (CNRS, Монпелье) как угли сосны обыкновенной (*Pin Sylvestris*), наблюдались в нескольких скоплениях в переходе, который связывает зал с панно лошадей и последний зал. Это очень хорошо сохранившиеся угли больших размеров. А ригидные скопления напоминают скорее выбросы из очагов, чем угли, упавшие с факелов.

Факелы, несомненно, использовались древними посетителями. В некоторых местах пещеры на стенах имеются характерные скопления пятен. Само собой разумеется, что одновременность этих пятен от факела и росписей еще должна быть доказана. По крайней мере в одном случае — на Панно Лошадей — пятна появились позже рисунков, поскольку они накладываются на кальцит, покрывающий ноги одного из изображенных животных.

Широкий интерес прессы вызвало еще одно открытие в гроте Шове. Речь идет о черепе медведя, лежащем на отдельно стоящем камне в зале, соседнем с Панно Лошадей, который мы назвали Залом Черепа. Писали о «культе медведя», о гравированном камне, специально отесанном и приспособленном для «постаментов». В действительности, каменный блок естественным образом отделился от свода и разбился, коснувшись пола. Череп медведя был намеренно положен на этот камень, не имеющий никаких следов обработки человеком. Два других медвежьих черепа лежали у подножия блока и, по меньшей мере, еще 20 находились на полу в этой части пещеры. Отсутствие других костей позволяет предположить, что они также были принесены сюда намеренно с неизвестной нам целью.

Пещерные медведи широко представлены в гроте Шове. Их кости часто разбросаны, иногда собраны в кучи человеком или самими животными во время их перемещений по гроту, или потоками воды. Этот вопрос должен быть уточнен будущими исследова-

дованиями. Некоторые скелеты сохранились относительно хорошо, с позвоночными столбами, расположенными в анатомическом порядке. В целом, насчитывается несколько десятков черепов. После медведей осталось некоторое количество берлог, часто отмеченных следами их когтей или меха. На рыхлых отложениях хорошо видны настоящие тропинки с поразительно четкими отпечатками лап. Стены испещрены гриффадами, поверх которых нанесены древние рисунки и гравировки.

Итак, несомненно медведи обитали в этой пещере до людей, но возникает ряд вопросов. Существовал ли тысячелетний перерыв между периодами обитания в гроте медведей и появлением в нем людей, или доисторический человек освоил пещеру сразу после того, как медведи ее покинули? В соответствии с ответом, полностью меняется представление о характере посещений. На одной из росписей в Глубоком зале — рисунок с контурами трех львов, наложенными друг на друга — кажется, что гриффады прорезают спину животных. Если это подтвердится при более близком и детальном изучении изображений, то будет ясно, что медведи возвращались в пещеру после того, как люди ее покинули. Это может объяснить отсутствие отпечатков человеческих ног, тогда как отпечатки медвежьих лап хорошо сохранились. Один из возможных ответов — отпечатки ног древних художников были стерты в результате подъема уровня воды и подтоплением грота перед тем, как медведи появились здесь снова. Изучение почвы поможет решить проблему соотношения периодов обитания в пещере медведей и посещений ее человеком.

Сюжеты. Основными темами изображений, как и во всех палеолитических декорированных гротах, являются геометрические знаки и животные.

Знаки. В гроте Шове знаков и изображений животных значительно больше, чем в любой из пещер ардешской группы, хотя по сравнению с пиренейскими, перигордийскими или кантабрийскими гротами они немногочисленны. Сугубо ардешской чертой является отсутствие знаков, непосредственно наложенных на изображения животных, в противоположность таким гротам как Нио или Коскер. Пока что можно упомянуть лишь длинную без зубцов черту на одном из гравированных горных козлов позади Панно Лошадей, а на последнем — пять коротких красных полос на вытянутой шее прекрасного льва, красную точку на его ноздре, а также две красные точки и короткую черту на ноздре лошади. За первым из северных оленей около Панно Лошадей вер-

тикальная широкая красная линия частично дублирована более тонкой. Несколько черных линий в разных местах, например, на одном из противостоящих носорогов, возможно относятся к разряду знаков. Дальнейшее изучение, вероятно, решит этот вопрос и, без сомнения, позволит выделить знаки, в настоящее время затерянные в хаосе изображений. Было бы удивительно, если бы не существовала разная трактовка знаков. Например, точно под ноздрей носорога, справа от большого панно в Глубоком зале, полдюжины красных черточек могут быть интерпретированы как сложный знак, или как дыхание животного, или как кровь, текущая из его морды. Наконец, на голове и передней части тела крупного бизона справа от ниши с большим панно прослеживается десяток параллельных косых черточек, как если бы его хотели стереть.

Слева от этого большого панно, между группой носорогов и группой кошачьих, имеется десяток крупных красных точек, расположенных в виде дуги, десяток маленьких красных точек, нарисованных в одну линию и еще две отдельные красные точки. Они кажутся связанными с плохо заметными рисунками животных, выполненными также красной краской, которые предшествовали черным росписям. Это ставит вопрос о хронологическом соотношении между красными и черными рисунками, к которому мы еще вернемся.

Одни большие красные точки изолированы, другие нанесены по краю некоторых красных панно (панно с пантерой). На большом черном панно в глубине пещеры под головой носорога, изображенного внизу, имеется красная метка. Тем не менее, красные знаки в залах, расположенных вблизи от входа, значительно более многочисленны и разнообразны. Наиболее характерны часто встречаемые скопления округлых точек с большим диаметром (6—8 см). Они создают всякого рода конфигурации: от небольших скоплений, расположенных вертикально или в виде прямоугольника по пять или по шесть точек, до площадок, в которых их количество варьирует от десяти до сотни или более единиц, с тремя главными концентрациями. Одна напоминает форму животного, может быть, бизона или мамонта. Другая занимает почти всю поверхность скального навеса. Третья — на стене слева в 20 м от входа — простирается на несколько метров и с правой стороны заканчивается двумя крестами, которые венчают нечетко изображенный знак с многочисленными боковыми отростками. Эти росписи из больших красных точек напоминают панно из Пеш-Мерль в Ло.

Некоторые красные знаки из этих залов иногда известны по рисункам других гротов. Это короткие или длинные полосы, нанесенные по две или по три, полукруг из мелких точек на Панно позитивных «Рук», «костили», отмеченные в других ардешских гротах. Иногда они оригинальны. Наиболее необычные сосредоточены в одной и той же зоне, и мы не можем сказать, идет ли речь о знаках или о стилизованных изображениях животных. Два из них, занимающие нижнюю часть скального навеса, напоминают бабочек или птиц без головы с большими крыльями. Два идентичных знака видны на противоположной стене около странного изображения с массивным продолговатым прямоугольным телом, продолженным двумя вертикальными антеннами. По горизонтали его пересекают шесть волнообразных линий: знак или насекомое?

Животные. Определенные к настоящему времени изображения животных, на которых основываются приводимые далее наблюдения, очень многочисленны: 263. Все они выполнены в смешанных техниках. Но грот еще не изучен. Его полное обследование затруднено из-за рыхлых почв, которые необходимо сохранить. Это мешает тщательному осмотру отдаленных уголков, стен и сводов пещеры. Общее число изображений животных, видимо, колеблется от 300 до 400. Тем не менее, во время первичного подсчета достоверно определено 263 изображения. Они дают достаточную базу для предварительных замечаний.

Преобладают носороги: 53 или 1/5 (20%) всех изображенных животных. Черные рисунки (39) — встречаются чаще, чем красные (8) или гравированные (6, из которых один покрыт черной краской). Они имеют несколько общих черт, присущих представителям этого семейства: характерные уши в виде двойной дуги, такие же маленькие «крылья» по обеим сторонам шейно-спинной линии, ноги, заканчивающиеся шариками, черную широкую полосу, разделяющую тело посередине. У некоторых из них (двух красных, нескольких черных, которые изображены на большом панно) — фронтальный непропорционально длинный рог.

Мамонты и львы занимают второе место: 37 (14%) мамонтов (из них 12 черных, 3 красных и 22 гравированных) и 36 (13,7%) львов (из которых 28 черных, 7 красных и 1 гравированный). Независимо от примененной техники изображения живота и ног животных выполнены одной линией в виде подковы лошади. Кажется, что мамонт на правом краю ниши в центре большого панно — молодой, нескладный, с огромными ступнями в виде шариков. На

большом панно, где особенно многочисленны львы, изображены только головы и вытянутые передние части тела животных. Клыки никогда не изображались, тогда как маленький пучок на конце хвоста всегда представлен на целых фигурах. Ни одно животное не имеет гривы как у африканских львов, которая обычно ассоциируется с самцами. Несомненно, пещерные львы, как и другие кошачьи, ее не имели. В палеолитическом искусстве ни один из них не изображен с гривой, несмотря на характерную черту самца, имеющуюся на некоторых фигурах: например, в перспективе Глубокого зала грота Шове у очень крупных львов обозначена мошонка.

Лошадей — 35 (13,3%). Красные изображения редки (4), черные (как и в других группах животных) — преобладают (21), некоторые гравированы (8) и две из них — совсем маленькие желтые головы — единственные росписи этого цвета в гроте. Независимо от использованной техники у изображенных лошадей — широкие, образующие густую массу, гривы. На плече одной гравированной лошади нанесены две черточки, у другой (также гравированной) — линия в виде уплощенной «М» фиксирует различие в цвете шерсти между животом и боком. Этот прием появился в гротах Коскер и в Ляско, а затем успешно использовался в течение мадлена.

Бизоны — 20 или 7,6% — все черные рисованные, за исключением одного гравированного. Еще один был гравирован и после этого окрашен черным. Представленные на двух главных панно и в промежуточном переходе, они очень близки собой: густой и толстый шиньон, голова в 3/4 оборота или в фас со смещенными глазами, рога во фронтальной перспективе. На скальной грани в центре большого панно изображены в фас четыре головы бизонов, слегка перекрывающие друг друга.

Медведи (15 или 5,7%), в противоположность другим животным, чаще красные (9), черных — пять, одно изображение — гравированное. Речь идет, скорее, о пещерных медведях, чем о бурых, если судить по сильному изгибу, отделяющему лоб от носа.

Северные олени (12 или 4,5%) преимущественно рисованные: черные (10) и один красный. Гравированный олень только один. За исключением северного оленя на большом панно, они группируются в двух местах: около Панно Лошадей, где некоторые из них частично стертые (что довольно странно), и на скальном навесе соседнего Зала Черепя.

Другие животные немногочисленны: 9 черных зубров на Панно Лошадей или в

непосредственном соседстве с ним; 10 горных козлов: одно изображение — красное, два — черные, 7 — гравированные, большая часть их изображена не полностью, непосредственно за Панно Лошадей; три черных оленя-мегацера в той же галерее легко узнаваемы по их выступающей холке, даже если огромные рога самцов не изображены; один красный благородный олень; одна красная пантера, животное, впервые изображенное в палеолитическом искусстве, так же как гравированная сова; у красного животного над пантерой такая же голова как у медведей, но более высокие ноги и передняя часть тела покрыта пятнами, что позволяет квалифицировать эту фигуру как гиену. Наконец, около 15 изображений животных в настоящее время не определены.

Среди тех животных, изображения которых особенно многочисленны, можно выделить группу изображений, редко встречающихся в других местах (носороги, львы, мамонты, медведи). Для этой группы характерно то, что они рассеяны по всему гроту и выполнены в различной технике. Лошади — главным образом, черные, а медведи — красные, но со значительными исключениями. Напротив, изображения бизонов, зубров, северных оленей и мегацеров — только черные — и встречаются только в залах и галереях дальних от входа.

На больших панно выделяются продуманные группы изображений: животные одного и того же вида, противостоящие друг другу (два носорога); в виде вереницы (четыре красных носорога); одни фигуры частично перекрывающие другие и повернутые в одном направлении (четыре прекрасные лошади; зубры на том же панно; две группы из трех львов в Глубоком зале); в виде плотных групп в одной и той же вытянутой позе (львы в правой части большого панно, обращенные к группе бизонов и львы в левой части того же панно), или создающие эффект многочисленности (носороги в центре большого панно). Возникает вопрос: не идет ли речь о настоящих сценах. Фактически, животные частично изображены в действии, что не так часто встречается в настенном искусстве. У одного бизона нарисовано восемь ног, несомненно, чтобы вызвать в памяти движение; у находящегося недалеко от него зубра ноги выброшены вперед, что напоминает позу некоторых коров из Ляско; у львов вид зверя подстерегающего или готового к охоте; а северные олени изображены в беге с высоко поднятой головой.

Люди. Общеизвестно, что изображения человека являются редчайшими в палеолитической искусстве. Грот Шове не исключение, поскольку здесь еще не открыто ни одного изображения человека; найдено только несколько изображений частей тела и составное существо.

В залах, расположенных вблизи от входа, на панно с красными росписями есть три негативных оттиска руки, выполненных в трафаретной технике при помощи выдувания краски, и пять позитивных отпечатков рук. В настенном искусстве последние значительно более редки: например, в гроте Коскер известна только одна. На другом панно, недалеко от предшествующего, четыре негативных «руки» связаны с красными точками и условным силуэтным изображением лошади, которое выполнено черной краской. Все негативные отпечатки рук имеют целые пальцы. В Галерее Мегацеров, ведущей к Панно Лошадей в Глубоком зале, выгравированы два больших треугольника с обозначением вульвы.

Наконец, на одной стороне скального выступа, в нескольких метрах от большого панно, черной краской изображены фигуры двух кошачьих и лошади, а на другой — существо, также черное, стоящее, с легким наклоном вперед, верхняя часть тела которого — бизон, а нижняя — две хорошо переданные человеческие ноги. Это существо занимает все доступное пространство и расположено напротив большого панно. Именно его увидели исследователи первым, когда вошли в зал. Перед существом находится нечто вроде целого треугольника вершиной вниз, с сильно вогнутым основанием, подчеркнутым чертой. Этот необычный персонаж воскрешает в памяти «колдунов» из гротов Труа-Фрер в Арьеже, Габийю в Дордони и составное существо из Холенштайн-Штадель в Германии (Hahn 1986).

Изобразительные техники. Использование конкретной техники изображения связано с определенными частями пещеры. Мы видели, что большинство красных знаков находится в залах, близких ко входу. Это характерно и для большей части красных рисунков животных, обнаруженных к настоящему времени. Напротив, гравированные изображения животных (три из которых окрашены черным поверх гравировки) и большинство черных животных находятся в залах, более отдаленных от входа (есть одно животное, выполненное красным). Следовательно, в глубоких частях грота охотнее использовалась черная краска или гравировка, в то время как красной краской предпочитали рисовать около входа. Разумеется, это ставит вопрос о хронологичес-

кой или культовой значимости применявшейся техники. Мы к этому еще вернемся.

Все наблюдатели отмечают натурализм фигур и правдоподобие поз. Большая часть животных легко узнаваема. Это не стереотипные изображения, которые постоянно повторялись, чтобы передать идею «лев» или «носорог», а реально существовавшие животные, точно воспроизводимые, благодаря использованию освоенных в совершенстве нескольких видов техники изображения.

Наиболее очевидна передача перспективы. В многочисленных повторах изображений головы или тела животные несколько смещены одни по отношению к другим. Без сомнения, этот прием использовался для создания эффекта многочисленности, по крайней мере, речь не шла о передаче движения. Этот прием поиска перспективы наблюдается у полудюжины черных росписей и, по меньшей мере, один раз — у гравированных изображений (два мамонта, наложенные один на другой), но ни разу — у красных росписей. Можно отметить некоторые нюансы: например, на Панно Лошадей линия контура льва с вытянутой головой прерывается шесть раз на контакте с фигурами трех лошадей, изображенными прежде, так, что животное кажется частично спрятанным за их телами.

Некоторые участки стен пещеры перед нанесением рисунка были специально выскоблены, чтобы лучше их выделить. Так было с Панно Лошадей, мегацеросом у входа в галерею, ведущей в Глубокий зал, и в этом последнем — на части большого панно. Здесь, чтобы лучше выделить изображения некоторых животных, поверхность стены вдоль их контуров была выскоблена, что создавало эффект пробела и рельефа (группа носорогов).

Другой прием, часто используемый в гроте Шове, редчайший или неизвестный в других местах, — это прием эстампа. Он заключается в размывании краски рукой или орудием, чтобы смягчить тона, передать оттенки шерсти и рельеф. Поразительный пример этого представляют изображения голов четырех лошадей, перекрывающих друг друга, но есть и другие примеры. Такой прием был использован и для некоторых красных росписей, например, для изображения носорогов и медведей (Вестибюль Медведей).

Каким временем датируются эти рисунки? Основной вопрос, встающий перед исследователями после доказательства подлинности изображений, это их датирование. Для получения наиболее точных данных необходимо сделать максимально возможную

серию радиоуглеродных анализов без повреждения росписей и детально изучить наслоения.

Достаточно очевидно, что все изображения выполнены в разное время разными людьми. Например, справа от Панно Лошадей рисунки неумелые и неуверенные (голова и шея лошади, бизон с ногами в виде «У») сосуществуют с изображениями, которые свидетельствуют о превосходной твердости руки и мастерстве. Эти рисунки не могли быть произведением одного и того же художника. Можно выделить и последовательность нанесения изображений. В левой части большого панно едва различимы красные волнообразные линии. По большей части они стертые и перекрыты сверху крупными головами львов. Наконец, люди пришли в грот какое-то время спустя после того, как были выполнены росписи, поскольку следы от факелов, которыми пользовались древние художники для освещения пещеры, находятся поверх кальцита, который покрывает некоторые рисунки. Результаты радиоуглеродного датирования взятых с почвы образцов угля могут лишь определить их возраст, но не будут доказательством того, что эти угли появились в момент нанесения тех или иных росписей. Они могли быть оставлены на несколько тысячелетий раньше или позже.

На первый взгляд, красные росписи отличаются от рисунков, выполненных черной краской, их можно рассматривать как более древние. На это указывает стертость рисунков большого панно, незаконченность и часто меньшая четкость красных изображений животных. Однако, более детальное изучение обнаруживает удивительные совпадения между фигурами красными и фигурами черными. Прежде всего, это заметно в выборе сюжетов. Изображения носорогов, кошачьих и медведей редки в настенном искусстве. А здесь они выполнялись и той, и другой краской. Если бы красные и черные росписи были разделены тысячелетиями, то из этого следовало бы то, что более поздние художники копировали в глубоко расположенных залах пещеры самобытные сюжеты своих предшественников, оставив только несколько черных росписей около входа; тогда как создатели красных росписей поступали наоборот: они предпочитали входные зоны и только несколько фигур нарисовали в глубине грота.

Другие наблюдения свидетельствуют против хронологической значимости красок. На одной композиции в глубине пещеры изображены три идентичные фигуры крупных кошачьих, наложенные одна на другую, в одной и той же вытянутой позе:

в середине — красная, две другие — черные. В этом случае установлено, что красная краска была использована вместе с черной одним и тем же художником. Кроме того, в этой же части грота, у черного носорога — красные рога и линии под ноздрями. Красные точки и тире — у черной лошади и фигуры кошачьего на Панно Лошадей; маленький красный носорог был нарисован за одним из противостоящих друг другу черных носорогов.

Наконец, похожие приемы и условности в изображении были использованы в двух случаях, обнаруживая близость восприятия. Например, одна из оригинальных черт многочисленных черных носорогов — изображение ушей в виде двойной дуги. У красного носорога во главе вереницы на Панно позитивных «Рук» такие же уши, как и у гравированного изображения носорога на Панно Лошадей, который был стерт перед созданием панно, дошедшего до нас. Кроме того, некоторые носороги, красные и черные, обладают преувеличенно длинным рогом. Другой пример: часто используемый для черных изображений животных прием эстампа, был также применен для красных рисунков медведей и носорогов.

Все эти общие черты красных и черных изображений, позволяют сделать вывод о том, что они не принадлежали различным хронологически последовательным культурам, даже если значимость красного и черного цвета была неравноценна для тех, кто эти цвета использовал, и если наносили изображения разные люди. При отсутствии точных дат на этом предварительном этапе исследований, единственно, что мы можем использовать для определения культурной и хронологической принадлежности изображений — это сравнение с тем, что известно по другим памятникам пещерного искусства. Очевидно, что этот метод является достаточно рискованным для грота, столь уникального во многих отношениях.

На первый взгляд, скопления крупных точек напоминают аналогичные знаки в Пеш-Мерль (Ло). Уже давно были сопоставлены пещеры Ардеша с пещерами Ло, в особенности Пеш-Мерль и Куньяк. Наблюдения в гроте Шове ведутся в том же направлении: негативные отпечатки рук также изображены в Пеш-Мерль в композиции с красными точками. В Пеш-Мерль, как и в Куньяк, был изображен мегацерос. Рисунок этого редкого вида также допускает сравнение со второй фазой, датированной 18 500—19 200 лет в гроте Коскер, расположенном в 150 км от Шове. Как и изображения бизонов грота Коскер, головы бизонов ардешского грота нарисованы в фас или в 3/4, со

смещенными глазами, с рогами во фронтальной перспективе. Ноги животных иногда изображены в виде «У», в характерном ракурсе, представленном также в Эббу.

Другие элементы изображений животных напоминают детали, ранее известные по другим ардешским пещерам. Рога зубров на Панно Лошадей в форме «S» очень похожи на рога гравированных зубров в Эббу. Еще более характерны ноздри, вытянутые в форме «клюва утки» у гравированной лошади с двойной линией плеча, живот стрелчатой формы или в виде «подковы лошади» у мамонтов, очень частый прием изображения в гротах Ардеша (Шабо, Дё-Увертюр). Ж. Комбье рассматривал его как типичный для локальных солютрейских изображений, тогда как в других местах он значительно более древний (Жовель в Дордони).

Следовательно, изображения грота Шове, а priori, могут рассматриваться как предшествующие Ляско. Тем не менее, радиоуглеродные анализы росписей дали даты, значительно более древние, чем ожидалось. Действительно, три образца, взятые с нарисованных углем фигур двух носорогов и бизона, дали даты, заключенные между 30 340 и 32 410 лет до наших дней. Учитывая допустимые статистические интервалы, можно говорить, что росписи были сделаны в очень древнее время, около 31 000 лет тому назад, в промежутке 1300 лет. Дата $26\ 120 \pm 400$ л. н. (образцы, взятые с пятен от факелов, наслоенных на кальцит, покрывающий рисунок), доказывает, что, по крайней мере, некоторые из изображений были выполнены в глубокой древности и что следует отказаться от гипотезы, впрочем и так невероятной, о солютрейских или мадленских посетителях грота, которые собрали на почве «ориньякские» угли и использовали их для нанесения рисунков на тысячи лет позже появления первых пришельцев в пещере (Clottes et al. 1995).

Эти наиболее древние в мире даты росписей поколебали наши представления о происхождении и развитии пещерного искусства. Известно, что ориньякцы Южной Германии в период между 35 000 и 30 000 лет тому назад создали изысканное искусство малых форм со статуэтками из бивня, одновременно натуралистическими и стилизованными. Это говорит о том, что теории о линейном развитии искусства с первыми робкими и неумелыми попытками в ориньяке, за которыми в течение тысячелетий следовал прогресс, необоснованы (Clottes 1993: 176). Искусство грота Шове, удивительно оригинальное и «развитое», одновременное

этим статуэткам, доказывает, что художественные изобретения ориньякцев могли столь же успешно использоваться как в настенном искусстве гротов (росписи и гравировки), так и в искусстве малых форм (мелкие рельефные статуэтки).

В настоящее время возникает вопрос о связях между художниками Ардеша и Швабской Юры. Статуэтки из Фогельхерда и Гейсенкlostерле, несмотря на их малое количество, представляют сюжеты, идентичные сюжетам грота Шове: мамонты, кошачьи, бизоны, медведи, лошади, носороги. Есть даже составное существо — человек с головой льва на стоянке Холенштайн-Штадель. Являются ли эти совпадения результатом прямых связей между Южной Германией и Ардешем, долиной Рейна и долиной Роны? Мифические сюжеты в эту эпоху, очевидно, отличались от известных в дальнейшем, когда многочисленные изображения носорогов и кошачьих сменились изображениями лошадей и бизонов (Clottes 1995).

Это вынуждает нас вернуться к обсуждению изобразительных сюжетов гротов, относимых ранее к той или иной культуре исключительно по стилистическим критериям, без прямой датировки. Некоторые из зубров, изображенных в гроте Шове, как мы видели, имеют характерные S-видные рога, идентичные рогам животных того же вида в Эббу (Ардеш). У некоторых рисунков мамонтов животы напоминают форму стрелки свода или подковы; эта условность часто встречается в изображениях гротов Ардеша (Шабо, Дё-Увертюр), где она рассматривается как типичная для локального солютре (Combieg 1993). Следует ли думать, что эти условности продолжали существовать в течение 10 тысячелетий или что некоторые изображения в этих гротах являются более древними, чем считалось прежде? Это ставит проблему о значении и длительности существования стилистических приемов (Bahn et Lorblanchet 1992).

Наконец, представленные сюжеты и очень ранние даты некоторых росписей грота Шове противоречат схемам А. Леруа-Гурана, которые оказали большое влияние на исследование настенного искусства со времени выхода его большого труда (Leroi-Gourhan 1965), переизданного в 1995 г. с некоторыми дополнениями. Его стиль I, коррелируемый с ориньяком, может теперь применяться только к архаичным стоянкам, главным образом, локализованным в Дордони. Новое открытие полностью выпадает из этих рамок. Что касается доминирующего центрального положения изображений кошачьих и носорогов на панно, оно про-

тиворечит давно высказанным идеям А. Леруа Гурана, согласно которым кошачьи должны находиться по краям панно, при входах или в глубине гротов.

Уникальность грота Шове. Открытие вызвало шок, настолько грот показался важным и уникальным даже для неспециалистов. Это объясняется несколькими причинами. Первая — изображенный животный мир (носороги, львы и медведи). Обычно животные, изображенные в палеолитических пещерах, являются объектами охоты древнего человека, даже если их количественные пропорции не совпадают с данными, полученными при раскопках поселений. Здесь же представляющие опасность животные (животные, которые не фигурировали в меню палеолитических людей), широко преобладают (около 60% определимых животных, если добавить мамонта). Привлекают внимание сова, пантера и, возможно, гиена — виды, которые появились впервые, но у каждого грота большой значимости есть свои сюжетные особенности (заяц в Габийю, ласка в Сети Кластра, пингвины в Коскер).

Использованные приемы изображения животных также своеобразны: постоянное применение эстампа и поиски перспективы (фигуры животных, смещенных одни по отношению к другим; головы бизонов с одной и другой стороны скального выступа; бизон, голова которого передана фронтально на одной плоскости, в то время как тело расположено перпендикулярно на другой).

Индивидуальность изображений животных, полных жизненной силы, и композиционные особенности рисунков, также подчеркивают оригинальность живописи грота Шове. Вероятно, что все это не могло быть создано в одно и то же время. Однако, большое количество черных росписей сходны между собой настолько, что становится очевидным — они выполнены одной рукой, «художником-анималистом», мастером рисунка. По крайней мере, этого художника не сопровождали какие-то лица (помощники, ассистенты), которые подражали бы ему, используя его изобразительные приемы.

Расположение грота Шове в Ардеше меняет наше представление о декорированных гротах. До сих пор считалось, что существовали главные центры пещерного искусства: Перигор-Керси, Пиренеи, кантабрийский берег, и что остальная территория включала меньшие группы, такие как Ардеш, Мезета и юг Испании, юг Италии и гроты в разных местах. Ардешское открытие, сделанное вслед за гротом Коскер, доказывает, что гроты первостепенного значения могут

находиться и в других регионах. Грот Шове поставил Ардеш в один ряд с «классическими» центрами пещерного искусства.

Изучение грота Шове только начато. В течение следующих лет к этим первым данным добавится новая информация. Возможны и другие неожиданности. Тем не менее,

важность и оригинальность этой ардешской пещеры, даже на предварительной стадии изучения таковы, что можно быть уверенным (как это было в случае Альтамыры и Ляско) — наше знание о первых художественных проявлениях человечества преодолевает решающий рубеж.

- Bahn, P.-G., M. Lorblanchet (dir.)* 1992. The Post-Stylistic Era or Where do we go from here? // Second AURA Congress, Cairns, Australia: 19—25.
- Chauvet, J.-M., E. Brunel-Deschamps, C. Hillaire.* 1995. La Grotte Chauvet à Vallon-Pont-d'Arc. Postface de J. Glottes. Paris: Le Seuil.
- Clottes, J.* 1993. La naissance du sens artistique. *Revue des Sciences morales et politiques*: 173—184.
1995. Changements thématiques dans l'art du Paléolithique supérieur. *Bulletin de la Société Préhistorique Ariège-Pyrénées*: 13—34.
1996. L'originalité de la Grotte Chauvet-Pont-d'Arc, Vallon-Pont-d'Arc (Ardèche). *Comptes-Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*: 561—566.
- Clottes, J., J.-M. Chauvet, E. Brunel-Deschamps, Ch. Hillaire, J.-P. Dugas, M. Arnold, H. Cachier, J. Evin, Ph. Fortin, Ch. Oberlin, N. Tisnerat, H. Valladas.*

1995. Les peintures paléolithiques de la Grotte Chauvet-Pont-d'Arc, à Vallon-Pont-d'Arc (Ardèche, France): datations directes et indirectes par la méthode du radiocarbone // *C. R. Acad. Sci. série IIa/320*: 1133—1140. Paris.
- Clottes, J., J. Courtin.* 1994. La Grotte Cosquer. Peintures et gravures de la caverne engloutie. Paris: Le Seuil.
- Combiar, J.* 1993. Faits nouveaux sur l'art pariétal de l'Ardèche (Résumé). *La Protecciyon y Conservaciyon del Arte rupestre paleolitico. Servicio de Publicaciones del Principado de Asturias.*
- Hahn, J.* 1986. Kraft und Aggression. Die Botschaft der Eiszeitkunst im Aurignacien Süddeutschlands? Tübingen, Institut für Urgeschichte der Universität Tübingen, Verlag Archaeologica Venatoria.
- Leroi-Gourhan, A.,* 1965. Préhistoire de l'art occidental. Paris: Mazenod.

RECENT EVIDENCE ON CHAUVET CAVE

JEAN CLOTTES

The discovery in December 1994 of the Chauvet cave in Ardeche, eastern France, was an event of world importance. Since that time, Ardeche has been viewed as a centre of the classical Paleolithic cave art, along with other ancient sanctuaries such as Perigord-Quercy, the Pyrenees, and the Cantabrian coast. Because the geographic location, the nature of representations, and the technique were unusual, it was first and foremost necessary to ascertain their authenticity. Almost immediately after the discovery, Chauvet was visited by several leading specialists none of which expressed any doubts regarding the paleolithic age of the paintings, evidenced by their technique, by the fact that they are covered with deposits of calcite, and by the nature of animal representations. Most notably, the cave is unaffected by late human activities. Imprints of bear footprints are seen on the floor, claw marks are present on the walls, and bones of bears are scattered around. Thanks to the precautions taken by the discoverers, nothing was moved. The floor has not been damaged.

After the paintings had been made, the cave was never visited by humans until the moment of discovery. It thus offers excellent possibilities for studying the activities of paleolithic people. The deep galleries were uninhabited and there is very little evidence attesting to the presence of prehistoric artists. There is a row of small pits (up to 50 cm in diameter) on the floor, and they contain some charcoal. The pits themselves, however, bear no traces of fire, suggesting that fire was used for lighting rather than for cooking. Neither are there any cracked bones around, but a dozen of flint artifacts (blades and flakes) were found on the floor. The charcoal (as the results of analysis suggest, the wood was that of *Pinus sylvestri*) concentrates in one of the passages. It appears more likely that it was thrown out of the hearths rather than it fell down from the torches. The latter were evidently used since groups of dark spots are present on the walls. It has yet to be determined whether they are contemporaneous with the painting, but in at least one instance a sooty spot covers a repre-

sentation of a horse. Numerous bones of cave bears, including dozens of skulls, were found. One skull was intentionally placed on an isolated block which had fallen down from the ceiling. Two other skulls lay near the bottom of the block, and at least twenty lay on the floor of the same hall. Absence of other bones of cave bears implies that skulls were collected by humans for some unknown purpose. The bears, then, had inhabited the cave before the humans appeared, but it is impossible to assess the interval between these events. There are indications that bears could have returned to the cave after the people had arrived. This is all the more likely since no human footprints were found.

As in most other caves, representation are either geometric or zoomorphous. Although symbols are less numerous than in classical centres, they are more frequent in Chauvet than in any other of the Ardeche caves. They are mostly dots of various size, sometimes arranged in groups, as well as stripes or lines. A peculiarity of the Ardeche group is that signs are never superimposed on animal figures. The total number of the latter is 263, but this is not the final figure since some remote places of the cave have not yet been examined. The most frequently represented animal is the rhinoceros (53, or 20%), black representations being much more numerous than red or engraved ones. The second and third most frequent animals are the mammoth (37, or 14%), and the lion (36, or 13,7%). Mammoth figures were mostly engraved, and those of lions painted black. Horses are about as numerous (35, or 13,3%). They are mostly painted black, but there are also two small yellow heads, the only ones of that colour in the cave. Bisons are represented by 20 figures (7,6%), all of them black except one which is engraved. There are 15 bears (5,7%), most of them red, in contrast to other animals, and only one is engraved. Reindeer figures (12, or 4,5%) are mostly black. Other animals include bulls, ibexes, and megaceros deer. Stag, panther, and possibly hyena are represented by one figure each, all of them red. About 15 figures have not been attributed. Among the most numerous animals represented, those which are rare elsewhere (rhinoceros, lion,

mammoth, and bear) are found throughout the cave. Large walls are covered with compositions. Some animals are shown in motion. As in other caves, anthropomorphous representations are quite rare. They include several bodily segments (mostly imprints of hands made in paint), and a composite being.

Concerning the techniques, there is some regularity in the distribution of black, red, and engraved figures. All the observers have noted the naturalistic manner in which the postures of animals are rendered. The artists evidently had some notion of perspective. Certain walls had been polished before the representations were applied. A technique which has not yet been noted elsewhere is the print.

Once the authenticity has been established, the next question is that of dating. Doubtless, the representations were made neither by a single person nor at a single time. While some figures are rigid and display utter lack of skill, others are quite masterly. At first sight, red paintings appear to be different from black ones and might be considered more ancient; however, a closer look reveals striking similarities. There are other reasons why colour should not be used as a chronological indicator. Similar stylistic conventionalities and manners reveal basically similar artistic notions. Although cultural and chronological attribution is usually based on a comparative method, this approach would be apparently misleading in the analysis of a site which is unique in so many respects. *Apriori*, the Chauvet painting may be regarded as an immediate precursor of Lascaux art. However, analyses of paint taken from two figures of rhinos and that of a bison painted in charcoal, yielded much earlier dates than expected: 30 340 and 32 410 BP. This finding shattered previous views regarding the origins and evolution of the paleolithic cave art. A new problem has emerged: that of linking Ardeche painting with the Aurignacean figurines of the Swabian Jura. Representations described and their early dates refute *Leroi-Gourhan's* schemes which were quite influential in the study of cave art. His style I, corresponding to the Aurignacean, may now only apply to archaic sites situated mostly in Dordogne.

К ВОПРОСУ О ТЕХНИКЕ ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ

Н. Ф. ЛИСИЦЫН (†)

Своеобразие инвентаря стоянок Среднего Енисея, расположенных в межгорной области Западного Саяна и Кузнецкого Алатау, обусловлено исключительным разнообразием используемых пород камня и изготовлением нуклеусов из галек. Обилие сырья позволяло подбирать на береговом пляже стандартизированные заготовки, наиболее пригодные для получения желаемого результата при наименьшей затрате сил: округлой в сечении и овальной в плане формы. С этим же связано и незначительное использование рабочей поверхности ядрищ.

На всем протяжении верхнего палеолита при подготовке нуклеусов использовался единый технологический прием: удаление одного или двух концов гальки под углом к длинной оси камня и скалывание заготовок орудий с гладких ударных площадок. Практически на каждой стоянке встречаются галечные изделия с негативами снятий на одной или двух плоскостях в субпараллельном, встречном или продольно-поперечном направлениях. Ядрища других форм немногочисленны, поэтому при типологических разработках основное внимание исследователей привлекают коллекции каменных орудий. Отходы производства в лучшем случае лишь упоминаются, хотя на всех стоянках они количественно преобладают.

При изучении коллекций, в инвентаре которых орудия и нуклеусы немногочисленны, следует обратить внимание на такой показатель как соотношение пластин и отщепов без следов вторичной обработки. Именно этот признак в данном случае может оказаться решающим для определения культурно-исторической принадлежности стоянки.

В качестве примера рассмотрим процентное соотношение отщепов и пластин без следов ретуши в коллекциях некоторых достаточно известных палеолитических стоянок Среднего Енисея, относящихся к различным археологическим культурам.¹ В подсчеты не включены чешуйки и микропластинки. Последние являются продуктом особой техники расщепления мелких торцовых ядрищ. Включение микропластинок в статистические подсчеты вместе с пластинчатыми заготовками, снятыми с крупных галек, неправомерно и искажает картину.

Таблица (Table) 1

Стоянка (Site)	Отщепы (Flakes)	% Percent	Пластины и пластинчатые отщепы (Blades and blade flakes)	% Percent	Всего (Total)
Куртак 4 (Kurtak 4)	697	98,0	14	2,0	711
Сабаниха (Sabanikha)	605	80,6	246	19,4	751
Голубая 1 (Golubaya 1)	229	55,2	186	44,8	415
Мальтинско-буретская культура (Malta-Buret Culture)					
Афанасьева Гора (Afanasyeva Gora)	850	63,8	482	36,2	1332
Тарачиха (Tarachikha)	1511	79,2	398	20,8	1909
Шленка (Shlenka)	1018	80,4	248	19,6	1266
Афонтовская культура (Afontova Culture)					
Кокорево 2 (Kokorevo 2)	3185	98,7	43	1,3	3228

¹ Подсчеты автора с использованием данных в публикациях — Абрамова 1979, 1979а, 1983; Астахов 1986; 1987.

Таблица 1 (продолжение)

Стоянка (Site)	Отщепы (Flakes)	% Percent	Пластины и пластинчатые отщепы (Blades and blade flakes)	% Percent	Всего (Total)
Кокорево 3 (Kokorevo 3)	3247	97,6	79	2,4	3326
Кокорево 4а (Kokorevo 4a)	2880	97,2	73	2,8	2953
Таштык 2 (Tashtyk 2)	1208	98,0	25	2,0	1233
Таштык 1, слои 1—2 (Tashtyk 1, levels 1—2)	2070	96,8	68	3,2	2138
Кокоревская культура (Kokorevo Culture)					
Кокорево 1 (Kokorevo 1)	15 492	92,6	1247	7,4	16 739
Новоселово 7 (Novoselovo 7)	2435	90,9	245	9,1	2680
Новоселово 6 (Novoselovo 6)	3069	87,7	431	12,3	3500
Новоселово 13, 1 слой (Novoselovo 13, level 1)	1711	85,6	288	14,4	1999
Первомайское 1 (Pervomayskoye)	2328	85,5	395	14,5	2723

Судя по таблице, техника снятия отщепов характерна для стоянки Куртак 4 и памятников афонтовской культуры. Доля пластинчатых заготовок здесь колеблется в пределах 1,3—3,2%. Интересно отметить, что в нижнем культурном слое стоянки Афонтова Гора 2 встречено более 20 000 отщепов и других отходов производства, а также около 250 пластин (Астахов 1966), что составляет соответственно 98,8% и 1,2%. Если допустить, что среди отходов производства отщепы составляют только половину артефактов, то доля пластин в коллекции будет всего 2,4%. Этот индекс не выходит за пределы показателей остальных памятников афонтовской культуры.

Процентное отношение пластин к отщепам в классическом памятнике кокоревской культуры Кокорево 1 более чем в 2 раза превышает аналогичный показатель для коллекций афонтовских стоянок — 7,4%.

Еще больше этот индекс в более поздних по времени новоселовских памятниках, где он колеблется в пределах 9,1—14,4%.

Достаточно высока доля пластин в коллекциях мальтинско-буретской культуры и среди изделий стоянки Сабаниха — 19,4—36,2%. Наиболее пластинчатый комплекс представлен на стоянке Голубая 1 — свыше 44,0%.

Таким образом, уже при сопоставлении артефактов из группы отходов производства можно сделать вывод о существовании в технике первичного расщепления верхнего палеолита Енисея двух направлений: преимущественное скалывание отщепов для изготовления орудий и снятие пластин-заготовок.

Интересно сопоставить данные по технике расщепления, полученные на основе изучения отходов производства с соотношением пластин и отщепов в орудийном наборе. Обратимся снова к таблице.

Таблица (Table) 2

Стоянка (Site)	Отщепы (Flakes)	% Percent	Пластины и пластинчатые отщепы (Blades and blade flakes)	% Percent	Всего (Total)
Куртак 4 (Kurtak 4)	19	—	1	—	20
Сабаниха (Sabanikha)	12	13,2	79	86,8	91
Голубая 1 (Golubaya 1)	88	~ 60	58	~ 40	146
Мальтинско-буретская культура (Malta-Buret Culture)					
Афанасьева Гора (Afanasyeva Gora)	26	12,7	179	87,3	205
Тарачиха (Tarachikha)	25	27,2	67	72,8	92
Шленка (Shlenka)	28	27,7	73	72,3	101

Таблица 2 (продолжение)

Стоянка (Site)	Отщепы (Flakes)	% Percent	Пластины и пластинчатые отщепы (Blades and blade flakes)	% Percent	Всего (Total)
Афонтовская культура (Afontova Culture)					
Кокорево 2 (Kokorevo 2)	236	90,5	25	9,5	261
Кокорево 3 (Kokorevo 3)	148	91,9	13	8,1	161
Кокорево 4а (Kokorevo 4a)	141	91,1	15	8,9	156
Таштык 2 (Tashtyk 2)	73	92,4	6	7,6	79
Таштык 1, слои 1—2 (Tashtyk 1, levels 1—2)	255	89,8	29	10,2	284
Кокоревская культура (Kokorevo Culture)					
Кокорево 1 (Kokorevo 1)	207	48,9	216	51,1	423
Новоселово 7 (Novoselovo 7)	28	28,6	70	71,4	98
Новоселово 6 (Novoselovo 6)	62	27,0	168	73,0	230
Новоселово 13, 1 слой (Novoselovo 13, level 1)	15	25,4	44	74,6	59
Первомайское 1 (Pervomayskoye)	51	42,5	69	57,5	120

Судя по таблице, доля пластинчатых заготовок в орудийном наборе стоянок выросла в 2—7 раз, по сравнению с аналогичными (забракованными?) изделиями из группы отходов производства. В памятниках мальтинско-буретской культуры процентное отношение пластин к отщепам колеблется в пределах 72,3—87,3%, в кокоревской культуре 51,1—74,6%, на стоянке Сабаниха 86,8%, на стоянке Голубая 1—40%.² Интересно отметить, что в афонтовской культуре этот показатель достиг лишь 7,6—10,2%.

Таким образом, существует тесная связь между соотношением пластин и отщепов без следов обработки и соотношением таких заготовок, но с обработкой, в орудийном комплексе. Используя эту зависимость, можно отнести исследуемые комплексы (особенно сборы на разрушенных памятниках) к одной из двух линий развития техники первичного расщепления в палеолите Среднего Енисея. Уточнение хронологического и культурно-исторического места каждого памятника в рамках этой линии развития можно сделать, анализируя не только количественный, но и качественный состав заготовок для орудий и набор

ядрищ. В рамках данной статьи это положение можно изложить только в тезисном варианте.

Памятники афонтовской культуры и стоянка Куртак 4, которая характеризуется техникой отщепа, различаются не только временным диапазоном в 7—8 тыс. лет,³ но и наличием в коллекциях афонтовских памятников своеобразной серии мелких микроядрищ с торцовым скалыванием. Следует отметить, что эти изделия занимают господствующее положение по отношению к крупным галечным нуклеусам. Соотношение мелких ядрищ к крупным соответственно в комплексах Кокорево 2—56 экз. и 48 экз., в Кокорево 3—49 экз. и 39 экз., Таштык 1—34 экз. и 12 экз., Таштык 2—13 экз. и 4 экз. Время появления торцовых микроядрищ на Енисее определяется в рамках 17—15 тыс. лет назад. Эти изделия отмечают появление новой техники первичного расщепления, характеризующейся снятием микропластинок правильной призматической формы. Находка таких микронуклеусов или микропластинок в сочетании с комплексом, где преобладают отщепы, может свидетельствовать о сартанском возрасте изучаемого

² Данные С. Н. Астахова — более 40%, данные С. А. Васильева — 65%. В том и в другом случае дается не соотношение пластин и отщепов, а доля пластин в орудийном наборе, где есть также изделия на гальках, осколках, обломки орудий.

³ Возраст стоянки Куртак 4 по радиоуглеродным датам в пределах 25—24 тыс. лет назад, время появления афонтовской культуры около 17—16 тыс. лет назад. В статье речь идет только о технике первичного расщепления, поэтому различия между енисейскими палеолитическими культурами по типологическому составу изделий с вторичной обработкой не приводятся.

Таблица (Table) 3

Стоянка (Site)	Галечные ядрища (Pebble cores)	Мелкие торцовые ядрища (Small wedgeshaped cores)	Всего (Total)
Новоселово 13, 1 слой (Novoselovo 13, level 1)	24	20	44
Новоселово 7 (Novoselovo 7)	45	53	98
Новоселово 6 (Novoselovo 6)	124	52	176
Кокорево 1 (Kokorevo 1)	367	69	436
Первомайское 1 (Pervomayskoye 1)	95	35	140

памятника и о его принадлежности афонтовской культуре.

Среди памятников, в инвентаре которых преобладают орудия на пластинах, мелкие торцовые ядрища представлены на стоянках кокоровской культуры. Значение этих изделий по отношению к галечным нуклеусам можно представить по следующей таблице.

Находка таких торцовых микроядрищ в сочетании с пластинчатым комплексом может указывать на принадлежность к кокоровской культуре.

В памятниках мальтинско-буретской культуры нет клиновидных мелких ядрищ. Техника первичного расщепления направлена на получение мелких, неправильной формы пластинок, сколотых с небольших нуклеусов, часто микролитических по размерам. Размеры заготовок в данных комплексах — качественный признак, отличающий коллекции этой группы памятников от других памятников с пластинчатой индустрией. Наличие таких пластинок в сочетании с односторонними микроядрищами дает возможность датировать артефакты в пределах 20—18 тыс. лет назад.

Совершенно иной облик имеет коллекция стоянки Сабаниха, имеющей радиоуглеродные даты в диапазоне 24—23 тыс. лет назад. Найдены крупные галечные ядрища и соответствующие их размерам крупные

пластины. Нет мелких форм, в том числе и клиновидных. Хотя в орудийном наборе процент пластин в Сабанихе и в Афанасьевой Горе почти одинаков (86,8% и 87,3%), по размерам заготовок и в типологическом отношении эти комплексы легко можно отличить друг от друга.

Таким образом, при анализе техники первичного расщепления уже в период 24—23 тыс. лет назад в палеолите Енисея прослеживаются две традиции раскалывания камня: изготовление орудий из отщепов или из пластин. Эти традиции существуют параллельно вплоть до голоцена. В период 17—15 тыс. лет назад появляется техника микропластин, скалывавшихся с торцовых микроядрищ. Качественные и количественные различия в соотношении пластин, отщепов, микропластин, в наличии или отсутствии определенных типов нуклеусов, различия в размерах ядрищ позволяют существенно дополнить выводы по комплексам с небольшим количеством изделий с вторичной обработкой. Определение хронологической и культурно-исторической принадлежности подъемных сборов только по технике первичного расщепления без привлечения данных по типологическому составу орудий становится вполне возможным на материалах енисейских памятников.

Абрамова, З. А. 1979. Палеолит Енисея (афонтовская культура). Новосибирск: Наука.
 1979а. Палеолит Енисея (кокоровская культура). Новосибирск: Наука.
 1983. Палеолитическая стоянка Тарачиха на Енисее // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 173: 43—50. Москва.

Астахов, С. Н. 1966. Поселения Афонтовой Горы и их место в палеолите Сибири. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
 1986. Палеолит Тувы. Новосибирск: Наука.
 1987. Палеолитическая стоянка Кокорево 4а // История и культура востока Азии: 27-44. Новосибирск.

ON STONE KNAPPING TECHNIQUES IN THE UPPER PALEOLITHIC OF THE MIDDLE YENISEY

N. F. LISITSYN (†)

The principal features of the Upper Paleolithic sites in the Middle Yenisey area situated between the Western Sayan and Kuznetsk Alatau mountain ranges are an unusual abundance and diversity of raw materials and the use of pebble cores. Due to the former factor, the working surface of the cores was mostly being left unused.

Nearly all sites have yielded pebble tools with sub-parallel, opposite, or longitudinal-transverse flake-scars on one or two surfaces. Because cores of other types are few, the researchers mostly focus on tools. The debris are generally neglected although numerically they predominate.

When studying assemblages in which tools and cores are few, one should pay attention to the numerical proportion of blades and unretouched flakes since this may be the most important criterion of cultural attribution (table 1).

Flaking technique is highly typical for Kurtak 4 and Afontova Culture sites. The proportion of blade preforms is 1,3—3,2% here. Notably, in the lower level of Afontova Gora 2, more than 20 000 flakes and other debris were found as against 250 blades (98,8% and 1,2%, respectively). Assuming that the flakes make up only one half of the total mass of debris, the share of blades in the assemblage would be just 2,4%, no higher than in other Afontova Culture sites.

The proportion of blades and flakes in Kokorevo 1, the key site of Kokorevo Culture is more than twice higher than in Afontova sites: 7,4%. In Novoselovo sites, which are younger, this proportion is even higher (9,1—14,4%).

Blades are frequent in assemblages from Malta-Buret culture sites and Sabanikha (19,4—36,2%). Their share is the largest at Golubaya 1 (over 44%).

Among the tools, blade preforms are 2—7 times more frequent than debris. In Malta-Buret Culture assemblages, the blade/flake

ratio is 72,3—87,3, in those representing Kokorevo Culture, 51,4—74,6, at Sabanikha, 86,8%, and at Golubaya 1, 40%, as against 7,6—10,2% in Afontova Culture assemblages (table 2).

The blade/flake ratio among the unretouched pieces, then, is tightly correlated with that among the retouched pieces. Using this correlation, one can separate assemblages (especially from destroyed sites) representing two different traditions of stone knapping in the Middle Yenisei Basin.

The appearance of wedge-shaped cores attests to the emergence of a new knapping technique characterized by detaching regular prismatic bladelets from the core. Small cores appeared in the Yenisei Basin ca. 17—15 000 years ago. Like the bladelets detached from them, they may be suggestive of the final Paleolithic (fig. 3). Based on the predominance of blades or flakes, the assemblage can be attributed either to Kokorevo culture or to Afontova Culture.

In Malta-Buret assemblages, typical small wedge-shaped cores do not occur. Knapping technique was aimed at obtaining irregular bladelets detached from small or microlithic cores. The size of preforms is a feature separating this group from other assemblages with blades. Based on the presence of such bladelets and small cores, the assemblages can be dated to 20-18 000 years BP.

We conclude that as early as 24—23 000 years BP two stone knapping traditions can be traced in the Paleolithic of the Yenisey area: one based mostly on flakes, another on blades. These traditions co-existed up to the Holocene. In the final Late Paleolithic, the technique of detaching bladelets from wedge-shaped cores emerged. The numerical proportion of flakes, blades, and bladelets, then, along with the presence or absence of certain types of cores, is a highly diagnostic criterion which is especially useful when retouched tools are rare.

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОМ ПОСЕЛЕНИИ ЮДИНОВО В 1995–1997 гг.

Г. В. ГРИГОРЬЕВА*

Юдиново — один из самых значительных памятников конца ледникового периода на Русской равнине. На нем обнаружены остатки четырех жилищ из костей мамонта, ямы, очаги, свидетельствующие о долговременной хозяйственной деятельности древних людей. Собраны богатые коллекции каменных и костяных изделий.

Поселение Юдиново находится в с. Юдиново Погарского района Брянской области. Оно расположено на первой надпойменной террасе р. Судости, правого притока р. Десны.

Памятник открыт К. М. Поликарповичем в 1934 г., и исследовался им в 1934 и 1947 гг. (Поликарпович 1968: 140—185). В 60-е годы работы продолжил В. Д. Будько (Будько 1967: 651—653). В 1980 г. после длительного перерыва З. А. Абрамова возобновила изучение памятника (Абрамова 1995; Абрамова, Григорьева, Кристенсен 1997), которое продолжается до настоящего времени (Григорьева 1995, 1997). В 1984 г. над остатками двух жилищ из костей мамонта колхозом «Победа» был построен павильон. Музейный павильон стал филиалом Юдиновского краеведческого музея.

Исследования поселения в 1995—1997 гг. проводились при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда с целью изучения палеоэкологии района, структуры поселения, выявления новых конструктивных элементов, анализа хозяйственной деятельности, консервации и сохранения остатков жилищ из костей мамонта, сбора вещественных материалов.

Работы проводились в музейном павильоне и за его пределами. В музейном павильоне ежегодно очищали 150 кв. м от водорослей и микроорганизмов. По методике, предложенной кандидатом химических наук, ведущим научным сотрудником Государственного Эрмитажа Е. П. Мельниковой, кости обработаны антисептическими и консервирующими составами. После обработки кости не растрескиваются и на них нет сле-

дов микрофлоры, что указывает на прекрасное действие консервантов.

Наряду с консервацией остатков жилищ продолжено изучение поселения. В 3 м южнее музейного павильона в 1988 г. заложен раскоп. К нему в 1989, 1990, 1995—1997 гг. сделаны прирезки (рис. 1). В 1995—1997 гг. вскрыта площадь 77 кв. м. Культурный слой находится на глубине 2—2,5 м от дневной поверхности, в лёссовидном суглинке.

В 1995 г. расчищена часть крупного скопления костей, имеющего форму полукруга (рис. 2). Возможно, что это либо остатки какой-то конструкции, либо запас костей, не использованных при строительстве. К сожалению, вскрыть полностью скопление невозможно, поскольку часть костей уходит в стену раскопа, расположенную недалеко от музейного павильона. Длина полукруглой части скопления костей 2,3 м. Оно включает крупные кости мамонта: череп, челюсти, лопатки, тазовые кости, куски позвоночного столба, ребра, отдельные позвонки, трубчатые кости. Среди костей мамонта лежит череп овцебыка (?). Кости законсервированы и оставлены для дальнейшего изучения. Кроме крупного скопления выявлены небольшие группы костей, имеющие, видимо, производственное значение. Они включали обычно несколько крупных костей и мелкие обломки. Состав костей в группах разный. В 0,2—0,25 м восточнее упомянутого скопления, в верхней части культурного слоя, на квадрате б-47 был расчищен череп мамонта, а юго-западнее его найдена челюсть детеныша мамонта. Вокруг черепа лежало несколько костей песка в анатомическом порядке: сомкнутые верхняя и нижняя челюсти, часть позвоночного столба с лопаткой, кости конечностей (Григорьева 1995: 7, рис. 11). В 0,1 м севернее черепа найден молоток из рога северного оленя. Вокруг черепа собрано много расщепленного кремня, включая отдельные орудия, пластинок из бивня и осколков кос-

* Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

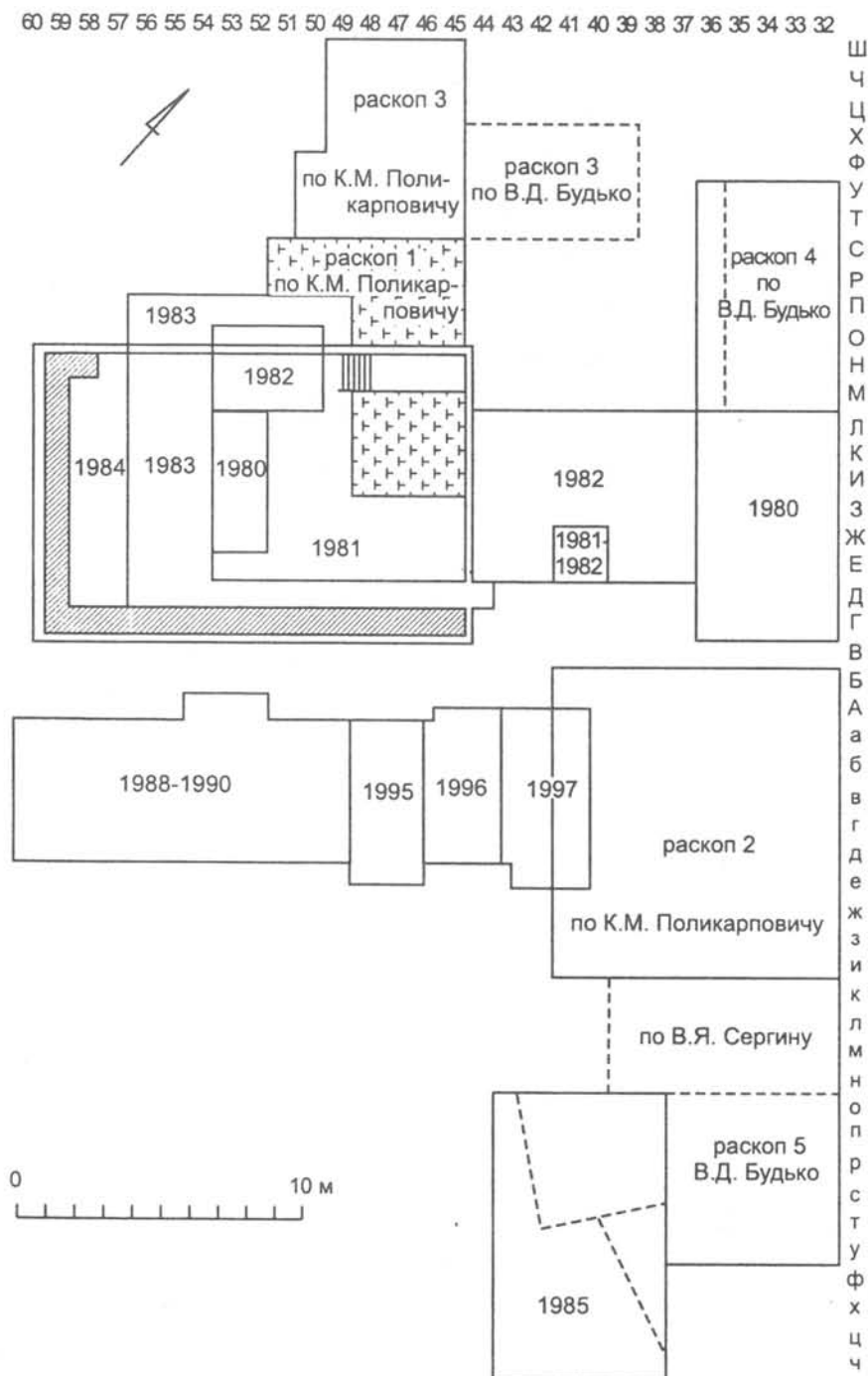

Рис. 1 Исследованная площадь стоянки Юдиново, включая 1997 г.

Fig. 1 Yudinovo, excavated area (including that studied in 1997).

тей. Не исключено, что это одна из площадок, на которых производили обработку кремня и кости.

В 1996 г. обнаружено еще 3 небольшие группы костей. Две из них находились почти на одной линии, в 0,8-0,9 м друг от друга (рис. 3). Более северная группа на квадратах б-44, 43 площадью $0,95 \times 0,65$ кв. м — состояла из крупного ребра и локтевой кости мамонта, позвонков, обломков ребер, трубчатых костей и осколков

бивня. В 0,2 м севернее ее расчищено скопление кремней площадью $0,2 \times 0,19$ кв. м. В нем насчитывалось 50 кремней: отщепы, пластинки и мелкие чешуйки. Следующая группа костей, площадь которой $0,65 \times 0,4$ кв. м, выявлена на квадратах в, г-44. Она состояла из трубчатой кости без эпифизов, обломка черепа мамонта с мышелком, костей стопы, позвонков, обломков ребер и трубчатых костей. Среди костей найдено много кремней и пластинок бивня. Еще одна группа

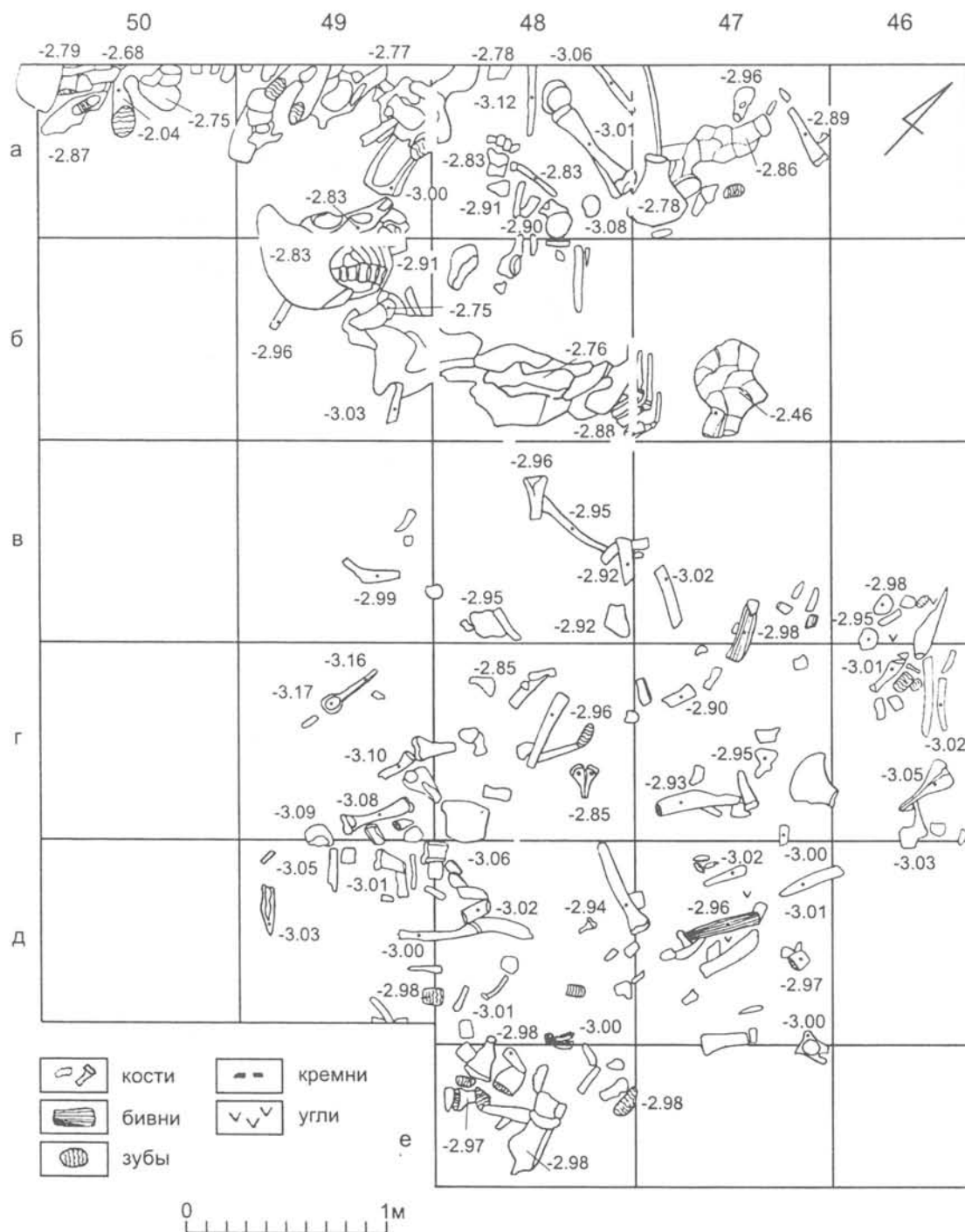

Рис. 2 План нижней части культурного слоя раскопа 1995 г.

Fig. 2 Plan of cultural deposits in the 1995 excavation area.

костей располагалась в 3—3,5 м юго-западнее двух предыдущих, на квадратах г, д-48 (рис. 3). Площадь ее в верхней части — 1,8 × 1 кв. м, в нижней части — 1,2 × 1 кв. м, она слегка сужалась книзу. Из крупных костей в ней найдены большая берцовая, обломок бедренной, кусок лопатки мамонта, много костей стопы, обломков ребер, зубов и трубчатых костей. Из находок следует отметить крупный

молоток из рога северного оленя. Кремни были сосредоточены, в основном, в верхней и средней частях культурного слоя, а пластины бивня попадались во всей толще культурного слоя. По составу находок небольшие группы костей служили, вероятно, площадками по обработке кремня и кости.

В раскопах 1995 и 1996 гг. обнаружены крупные зольные пятна, достигающие мес-

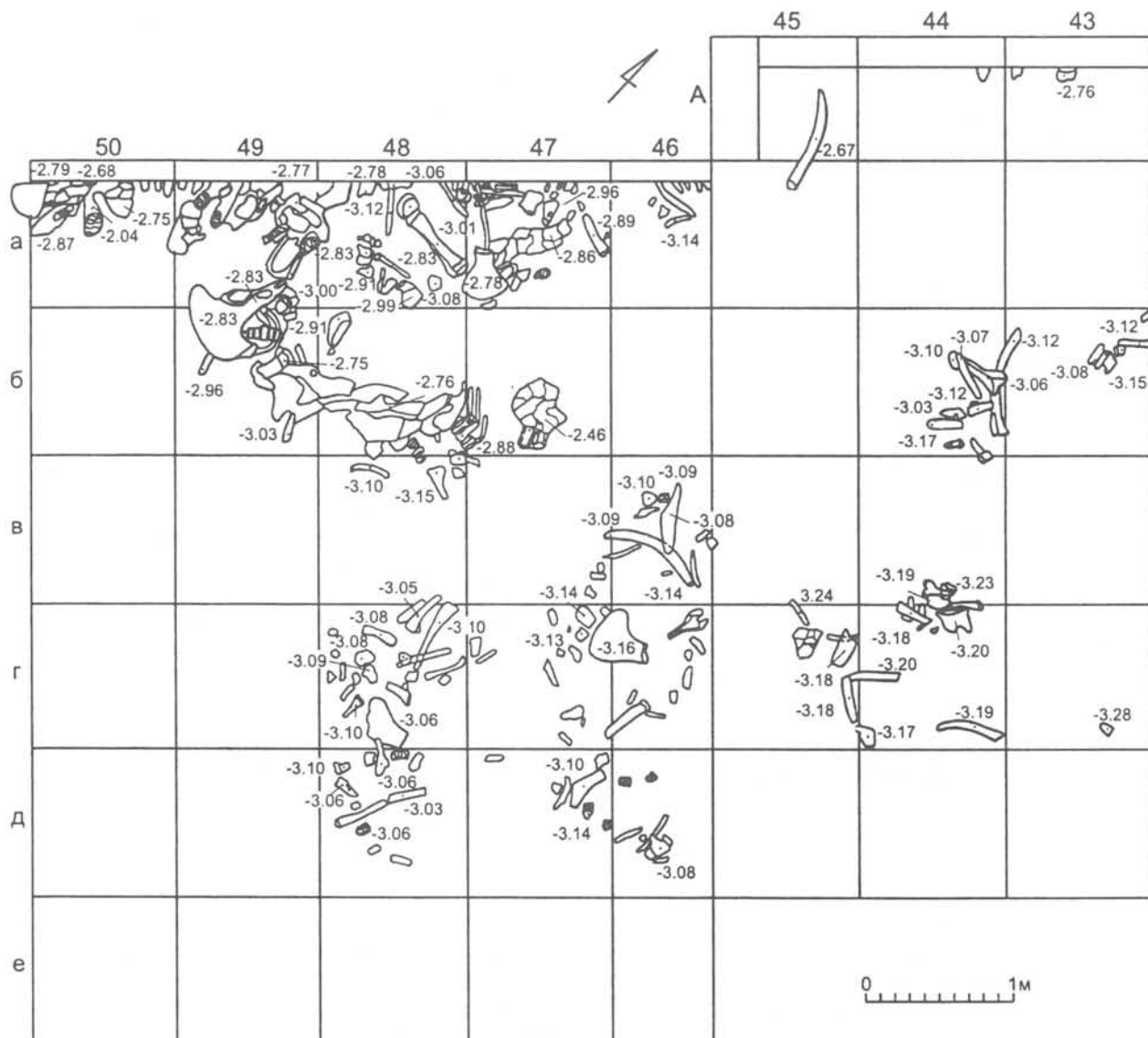

Рис. 3 План нижней части культурного слоя раскопа 1996 г. и недобранной части раскопа 1995 г.

Fig. 3 Plan of cultural deposits in the 1996 and part of 1995 excavation area.

тами мощности 0,1—0,3 м и обильно насыщенные культурными остатками. Крупные зольные пятна заканчивались в восточной части раскопа 1996 г.

В 1997 г. раскоп, заложенный в 1988 г., был соединен с раскопом К. М. Поликарповича 1947 г. В северной части раскопа костей обнаружено меньше, чем в центральной и южной. Изредка попадались небольшие зольные пятна (рис. 4). На квадрате д-41 обнаружены два бивня детенышей мамонта, лежавшие рядом. На южном участке раскопа расчищено около 20 ребер, а на границе с раскопом 1947 г. найдена лопатка с отверстием, в которое вставлено ребро.

Нами вскрыт небольшой участок раскопа 1947 г. В нем обнаружены кости, лежа-

щие компактной группой на квадрате д-40. Среди них череп мамонта, бедренная, плечевая и локтевая кости, часть позвоночного столба из семи позвонков, обломки крестца и альвеолы. Отдельные крупные кости уходили в восточную стену раскопа. Все кости в раскопе 1947 г. лежат в мешаной земле. К. М. Поликарпович писал, что на месте стоянки был вырыт котлован, который был им обследован в 1934 г. Позже поблизости котлована вырыты еще 3 ямы для погребов (Поликарпович 1968: 142). Остатки жилища, выявленные К. М. Поликарповичем в 1947 г., были расчищены и оставлены неразобранными. Кости, найденные в раскопе 1947 г., описаны К. М. Поликарповичем и нанесены на план раскопа на квадратах е-40, 41 (Поликарпович 1968: 142—145,

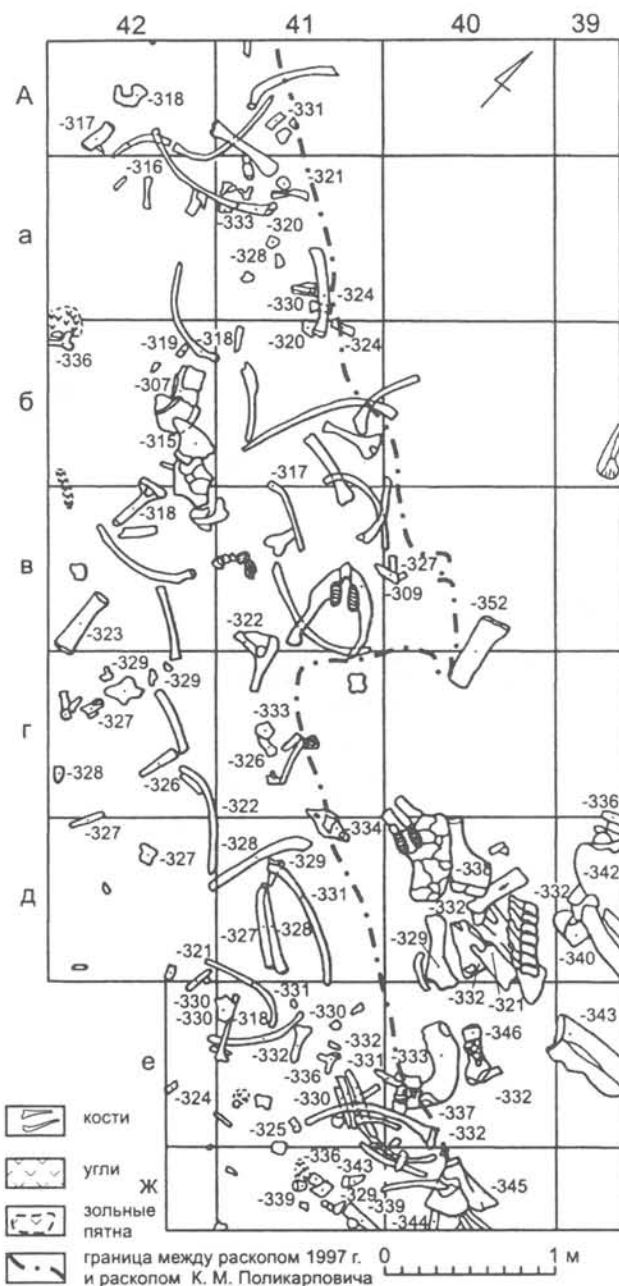

Рис. 4 План нижней части культурного слоя раскопа 1997 г.

Fig. 4 Plan of cultural deposits in the 1997 excavation area.

рис. 56). Не ясно, почему они находятся в мешаной земле? Ответ на этот вопрос может дать повторное вскрытие раскопа 1947 г. Кости в раскопе 1947 г. оставлены нами на местах. И еще на одно обстоятельство было обращено внимание. Граница раскопа 1947 г. не совпадает с указанной ориентацией.

В результате исследований Юдинова в течение трех лет обнаружены остатки крупного скопления костей и четыре небольших группы костей, которые, возможно, служили площадками по обработке кремня и

кости. В двух из них найдены молотки из рога северного оленя.

Фаунистические остатки принадлежат, главным образом, мамонту и песцу, но найдены также кости лошади, северного оленя, овцебыка (?).

Кремни распределялись по исследованной площади неравномерно. Наибольшее их количество было сосредоточено в зольных пятнах и около небольших групп костей. В 1995, 1996 гг. на одном квадратном метре собрано от 1500 до 5000 кремней, учитывая промывку, а в 1996 г. — 140—200.

Каменная коллекция насчитывает более 31 000 предметов. Это отщепы и чешуйки, осколки, пластины и пластинки, резцовые и краевые сколы, нуклеусы и орудия. Техника расщепления призматическая. Отщепы разных размеров, крупные 4—6 см и мелкие 0,2—0,5 см длиной. Более 150 краевых и отщепков резцовых сколов. Пластины и пластинки представлены, в основном, фрагментами. Нуклеусов около 30, среди них одно-, двух- и многоплощадочные ядрища. Отдельные нуклеусы использовались в качестве отбойников, на что указывает забитость на концах и боковых краях. Орудия составляют менее 2% от общего количества предметов. Основной группой орудий являются резцы, которых более 200, из них половина боковых с ретушью, около 30 двойных, единичны угловые, на углу пластины и срединные двугранные (рис. 5: 21—30). Скребок в 3,5 раза меньше, чем резцов. Они изготовлены из пластинок и отщепов, округлые и двойные скребки редки (рис. 5: 12—16). В 1997 г. в раскопе не найдено ни одного скребка. Следующую группу орудий представляют ретушированные пластины и пластинки. Среди них экземпляры с притупленным краем, с ретушью на конце и по краю, с мелкой краевой ретушью (рис. 5: 1—11). Единичны комбинированные орудия: скребки-резцы, резцы-острия (рис. 5: 17—20). Есть долотовидные формы (рис. 5: 33) и острия (рис. 5: 31, 32). Многие отщепы, осколки и краевые сколы ретушированы по краям, реже — на концах.

Итак, среди каменных орудий преобладают резцы. Меньше найдено скребков, ретушированных пластин и пластинок. Единичны комбинированные орудия, острия, долотовидные формы.

Богата и разнообразна в Юдинове коллекция костяных изделий, насчитывающая более 5000 предметов. Бивни использовали зачастую как нуклеусы для получения пластин, отщепов и осколков. Много найдено пластин бивня, обрезанных эпифизов трубчатых костей, обломков ребер, осколков трубчатых костей с негативами ско-

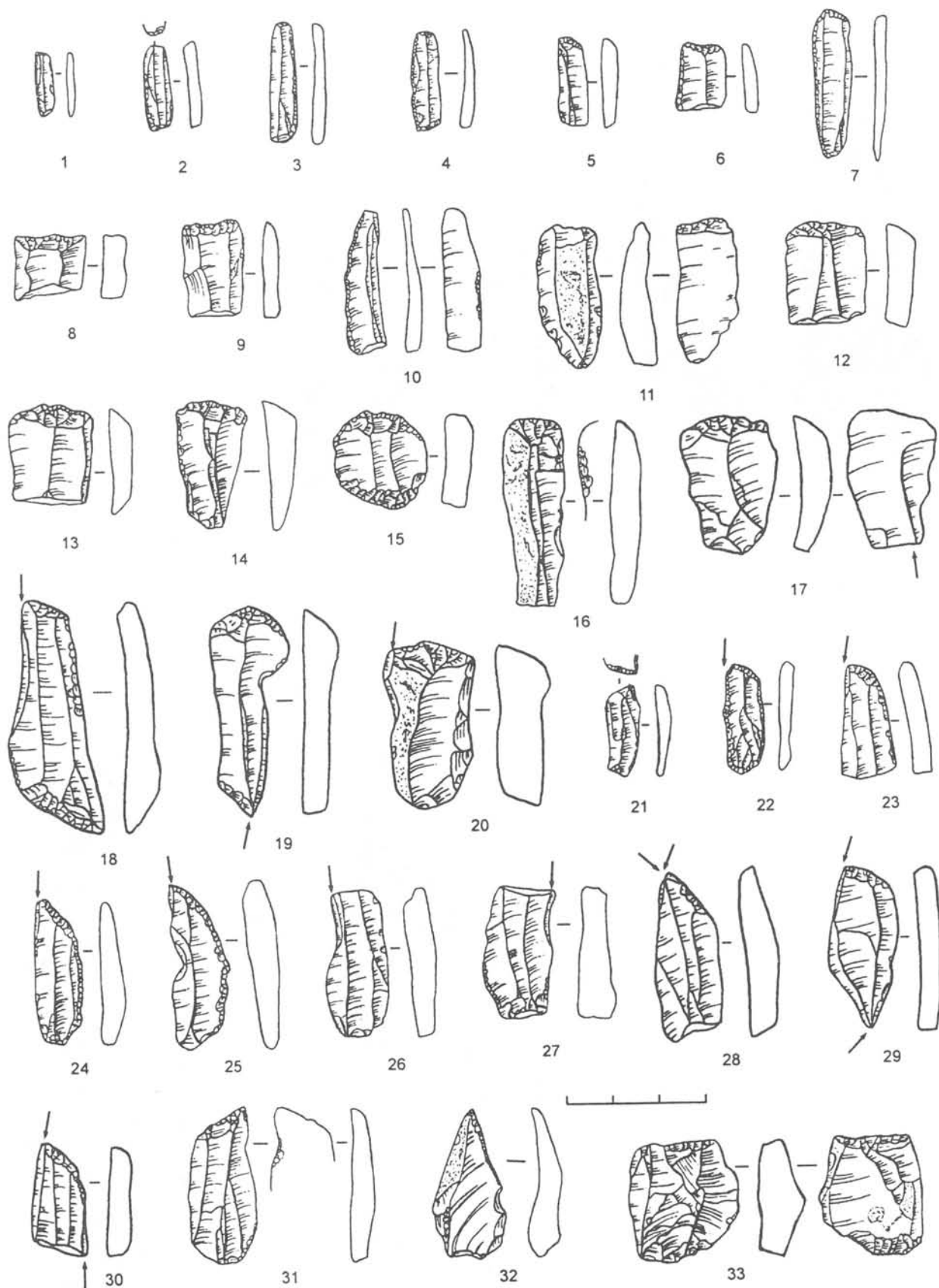

Рис. 5 Кремневые орудия: 1-11 — ретушированные пластинки и пластины; 12-16 — скребки; 17-20 — комбинированные орудия; 21-30 — резцы; 31,32 — острия; 33 — долотовидная форма.

Fig. 5 Flint tools: 1-11 — retouched bladelets and blades; 12-16 — end-scrapers, 17-20 — combined tools; 21-30 — burins; 31,32 — points; 33 — scaled piece.

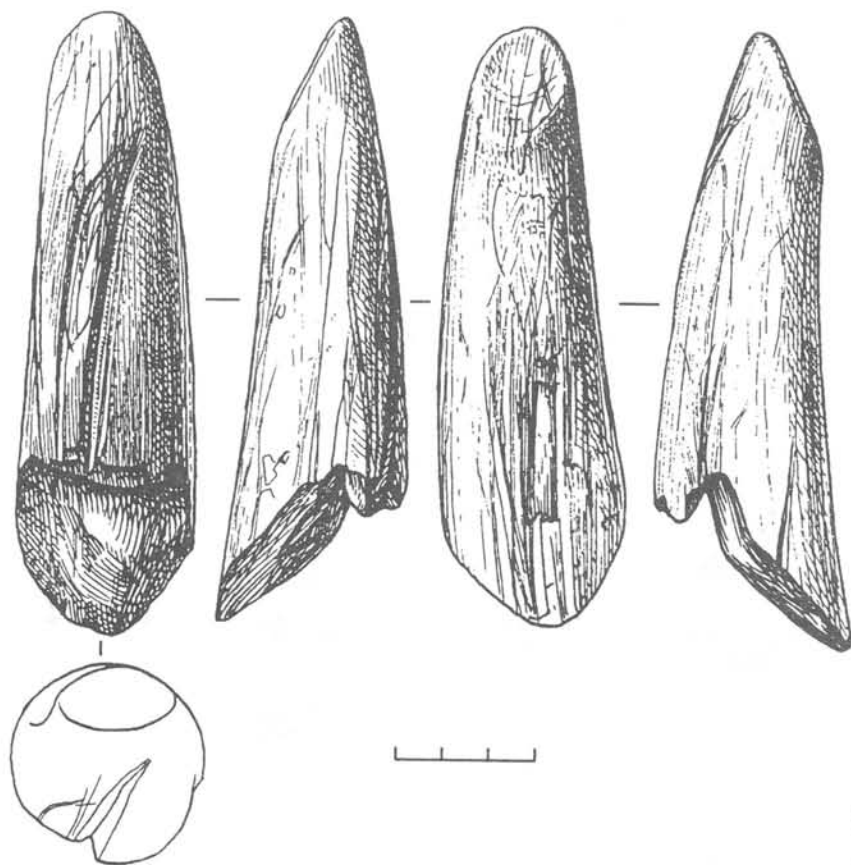

Рис. 6 Обломок мотыги из бивня.

Fig. 6 Fragment of ivory hoe.

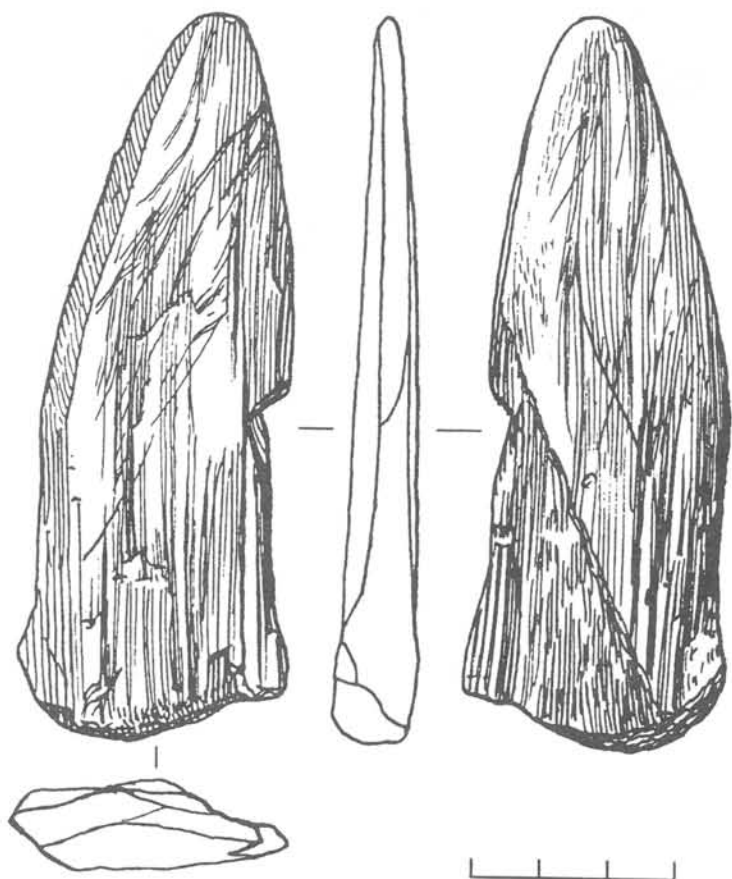

Рис. 7 Нож из бивня.

Fig. 7 Ivory knife.

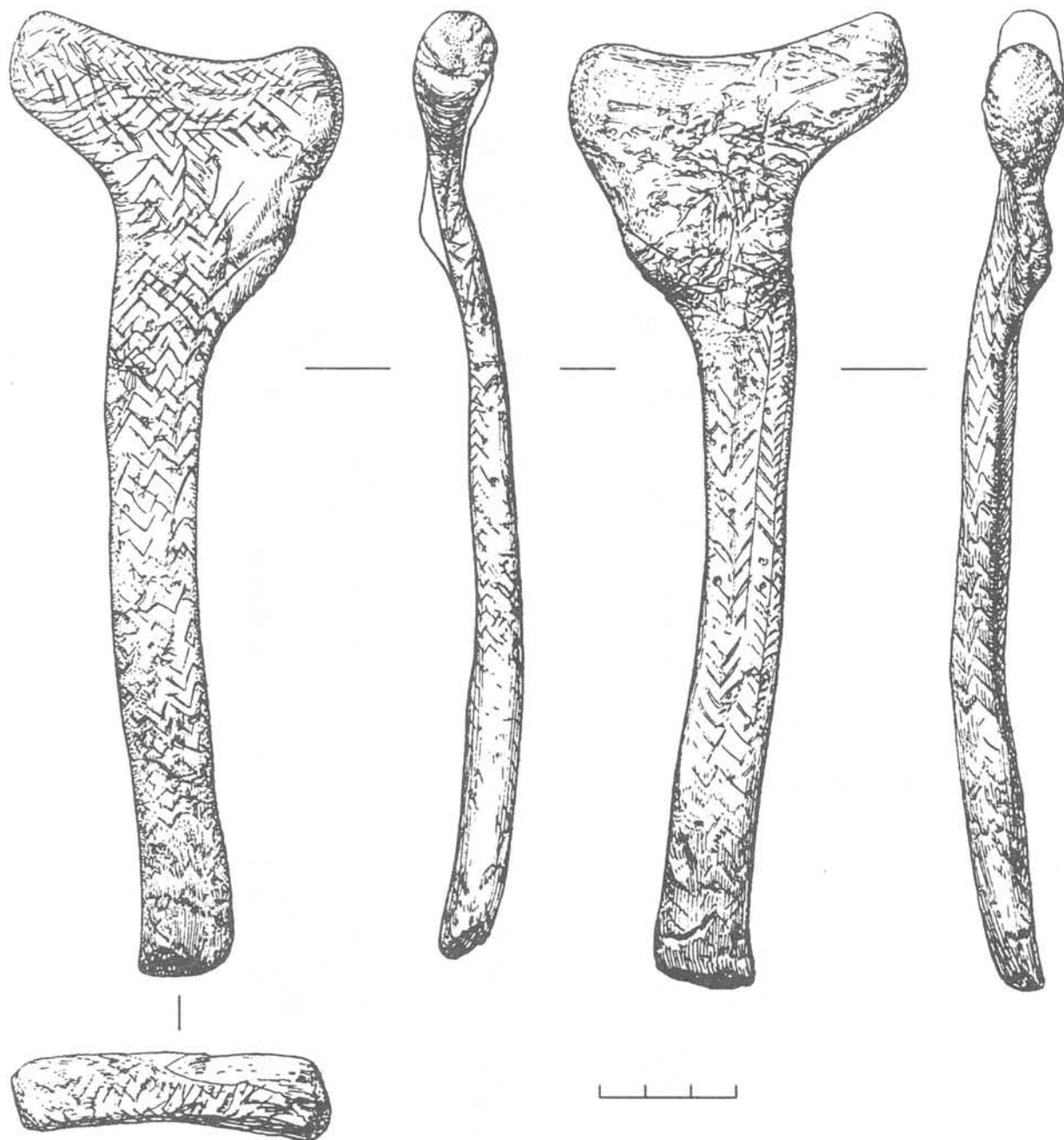

Рис. 8 Молоток из рога северного оленя.

Fig. 8 Hammer made of reindeer antler.

лов. Костяные изделия демонстрируют различные приемы обработки от резания до сверления. Все костяные поделки можно разделить на несколько групп: орудия охоты, предметы труда или домашнего обихода, украшения и орнаментированные предметы.

Орудия охоты представлены мелкими фрагментами наконечников дротиков, разной длины и толщины, с приостренными, заужено-овальными и скошенными основаниями; стрелами, длиной от 2 до 7 см, с наметанным и специально выделенным череш-

ком; стержнями, более тонкими и изящными, чем наконечники.

Разнообразны орудия труда: шилья и иглы из трубчатых костей, лошिला, мотыга и землекопные орудия из ребер и бивня, молотки из рога северного оленя, кинжаловидный предмет — нож из бивня. Впервые были обнаружены обломок мотыги из бивня (рис. 6) и кинжаловидный предмет, напоминающий современные ножи для разрезания бумаги (рис. 7). Оригинальны орнаментированные молотки из рога северного оленя. Один из них маленький, уплощен-

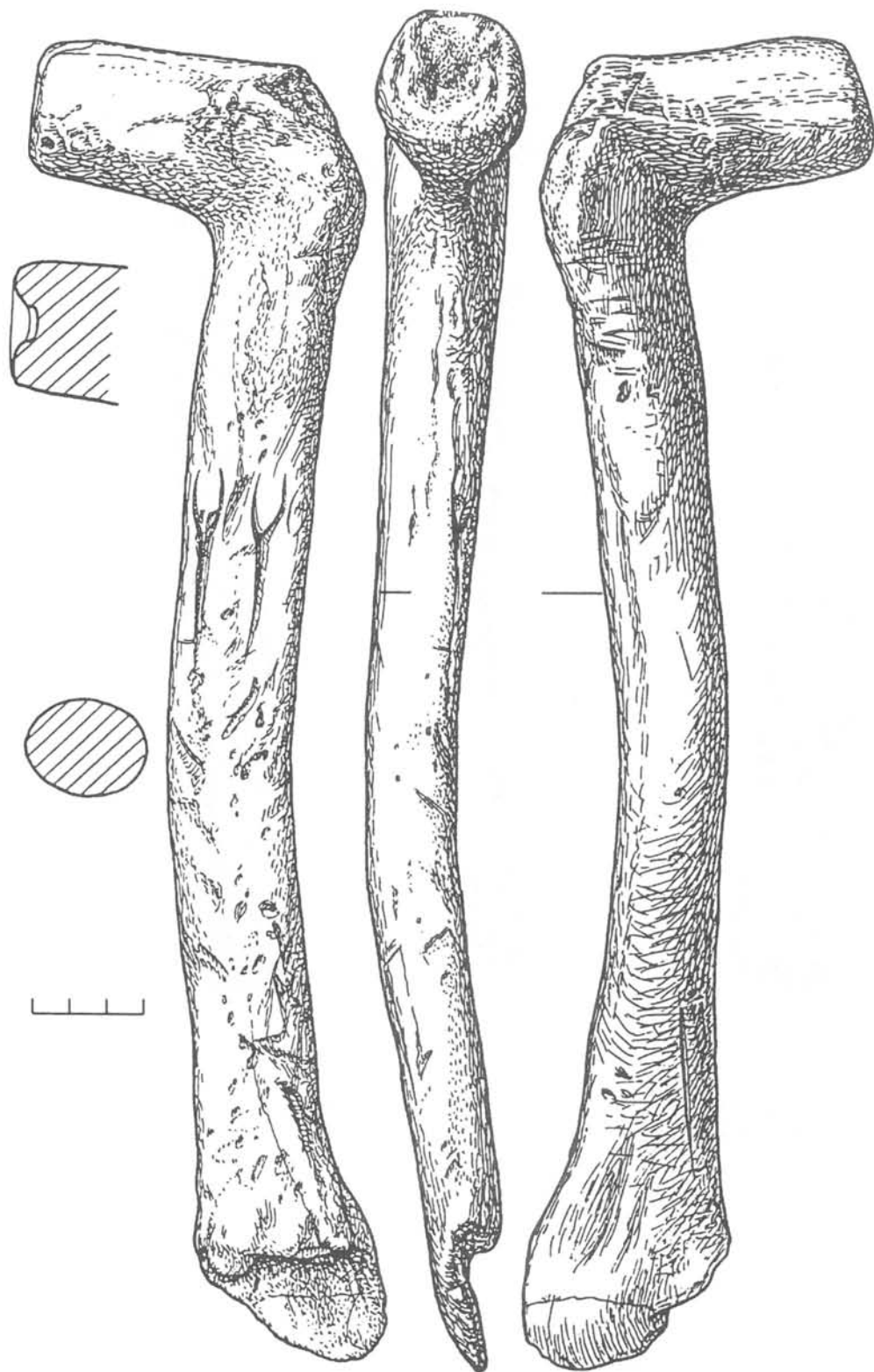

Рис. 9 Молоток из рога северного оленя.

Fig. 9 Hammer made of reindeer antler.

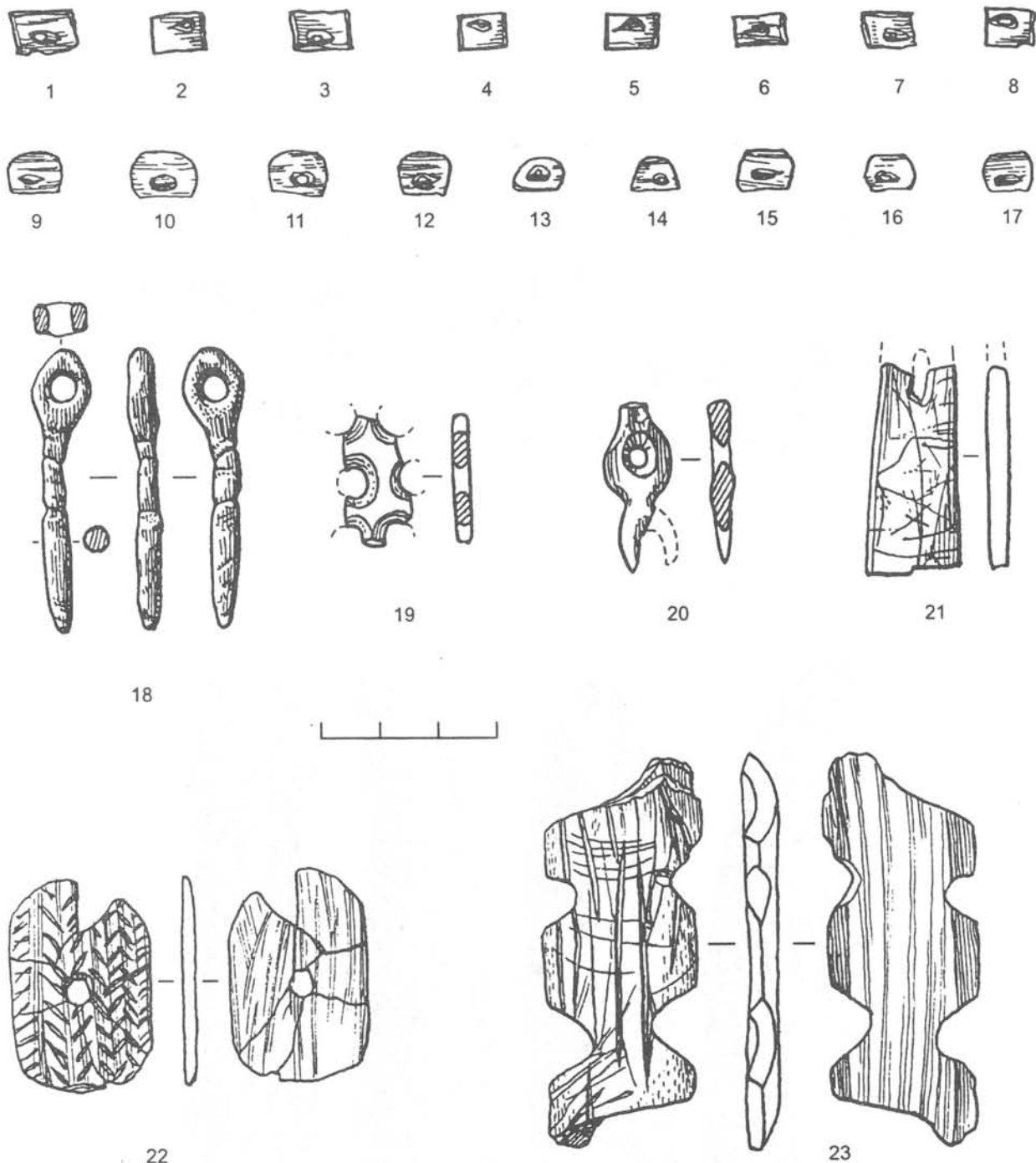

Рис. 10 Костяные изделия: 1-17 — бусы; 18 — фибула; 19-21 — подвески; 22 — брошка-пряжка; 23 — пластина с овальными вырезами по продольным краям.

Fig. 10 Bone artifacts: 1-17 — beads; 18 — fibula; 19-21 — pendants; 22 — buckle-brooch; 23 — blade with notched sides.

ный, двухсторонний из рога молодого оленя. Вся поверхность его украшена шевронами (рис. 8). Другой молоток крупный, массивный, односторонний, с длинной рукоятью (рис. 9). Расщепление на конце рукоятки позволяет предположить, что его могли использовать и как муфту. На рукоятки имеются 3 изображения, напоминающие

по форме рогатины-двузубцы, одно из них только намечено, но не закончено. Подобные изображения встречаются в Юдиново впервые.

Большую группу составляют украшения: бусы, подвески, фрагменты браслетов и, возможно, диадем, брошка-пряжка, фибула, оригинальные пластины. К достопримеча-

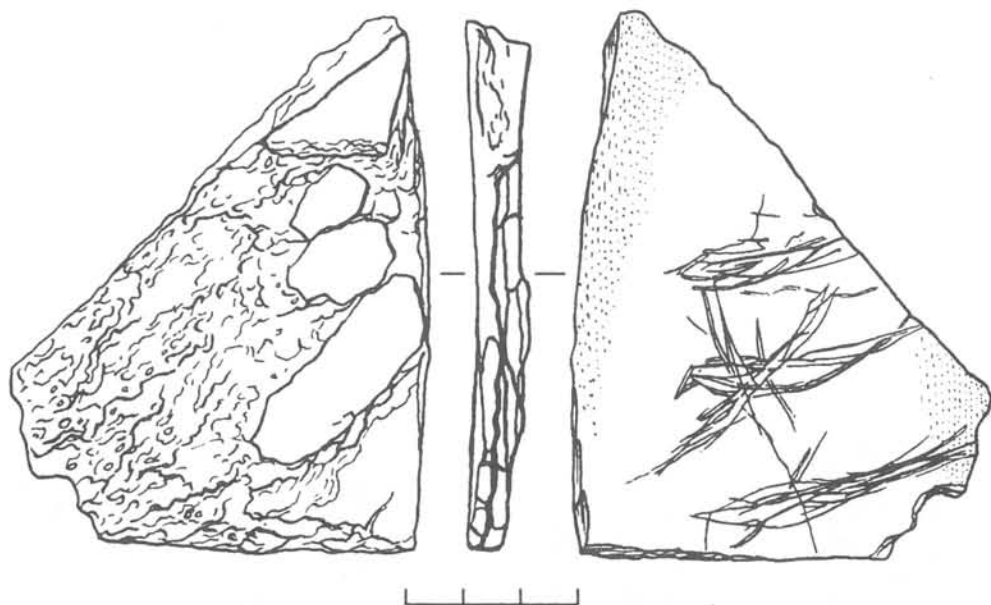

Рис. 11 Изображения на обломке лопатки мамонта.

Fig. 11 Representations on a fragment of a mammoth's scapula.

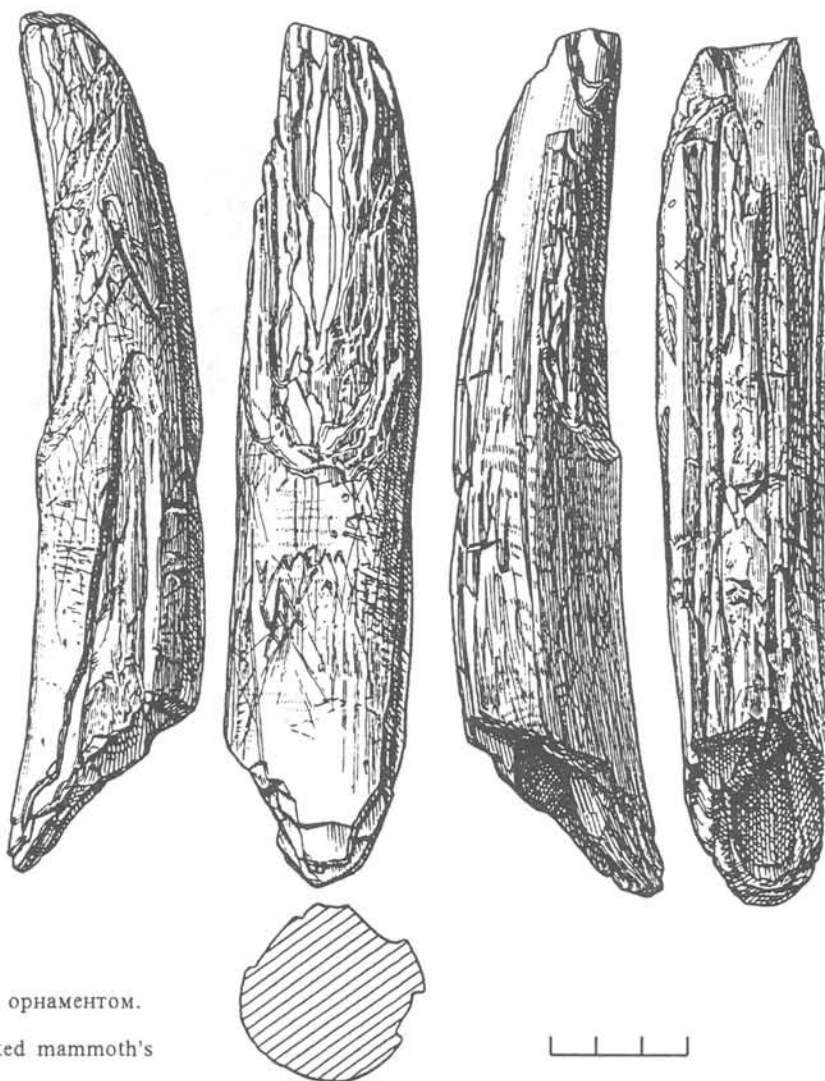

Рис. 12 Бивень с орнаментом.

Fig. 12 Ornamented mammoth's tusk.

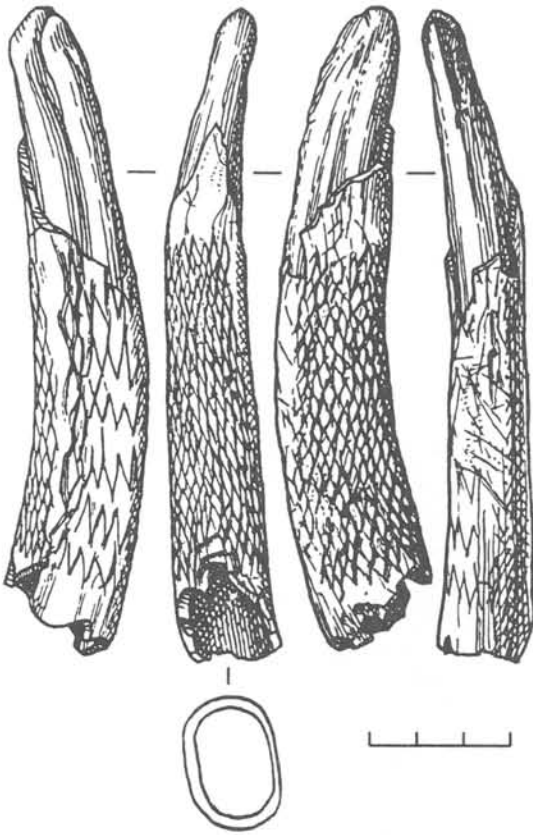

Рис. 13 Орнаментированный бивень.

Fig. 13 Ornamented mammoth's tusk.

тельностям и наиболее многочисленным находкам на поселении относятся бусы-нашивки из бивня. Они разной формы: прямоугольные, сегментовидные, округлые, с прорезанным отверстием. За три года собрано около 1500 подобных изделий, считая фрагменты и заготовки (рис. 10: 1—17).

Кроме бус, найдено около десятка раковин вместе с обломками. У большинства из них имеются отверстия. Их использовали тоже как украшения.

Многообразны подвески из бивня с просверленным отверстием, овальные, прямоугольные, трапециевидные, фигурные (рис. 10: 19—21). Любопытна фибула из бивня с овальным навершием и просверленным отверстием на одном конце, и заостренным вторым концом (рис. 10: 18). По форме она напоминает фибулу, найденную в яме-зольнике, но, в отличие от нее, неорнаментирована (Абрамова, Григорьева, Кристенсен 1997: 129, рис. 73: 2). Найдены фрагменты пластин разной ширины с заглаженной поверхностью с одной стороны и прорезанными продольными и поперечными линиями, которые, возможно, были браслетами или диадемами. К единичным изделиям относится поделка овально-прямоуголь-

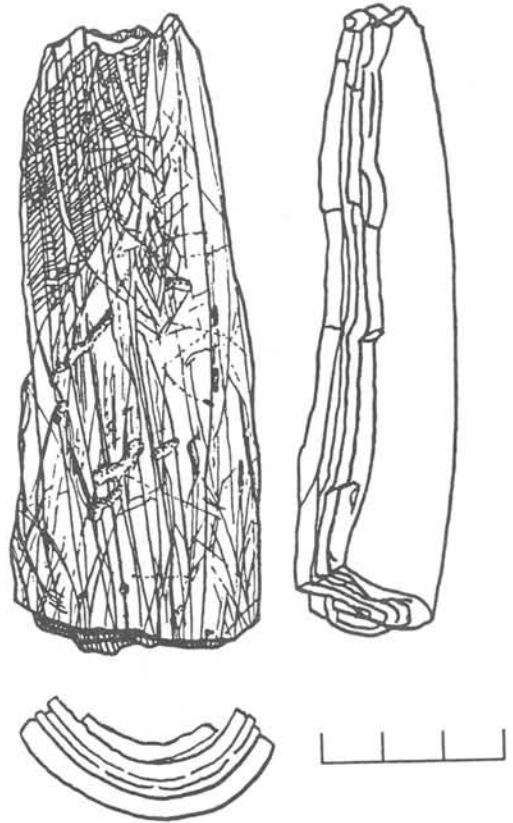

Рис. 14 Орнаментированный бивень.

Fig. 14 Ornamented mammoth's tusk.

ной формы с отверстием в центре, лицевая сторона которой украшена шевронами (рис. 10: 22). Этот предмет напоминает брошку или пряжку. Редкое изделие представляет пластина из бивня с овальными вырезами по продольным краям (рис. 10: 23). На лицевой стороне ее нанесены продольные и поперечные линии.

Отдельную группу составляют орнаментированные предметы: плоские кости, бивни, пластины бивня, ребра, трубчатые кости. На поверхности их прорезаны линии, отдельные ромбы, или сетка ромбов, композиции из разных элементов орнамента. Так, на обломке лопатки мамонта обнаружены изображения трех фигур, как бы соединенных между собой линиями (рис. 11). Наиболее выразительна средняя фигура, удлиненной формы, сужающаяся у одного конца, а другой ее конец напоминает остроконечную головку «птицы» с клювом. Туловище «птицы» разделено линиями. Верхняя фигура тоже удлиненной формы с одним более широким и приостренным концом, другой конец более узкий и заканчивается прямой линией. Нижнее изображение, удлиненно-овальное, с заостренным одним концом и расходящимся пучком линий на другом

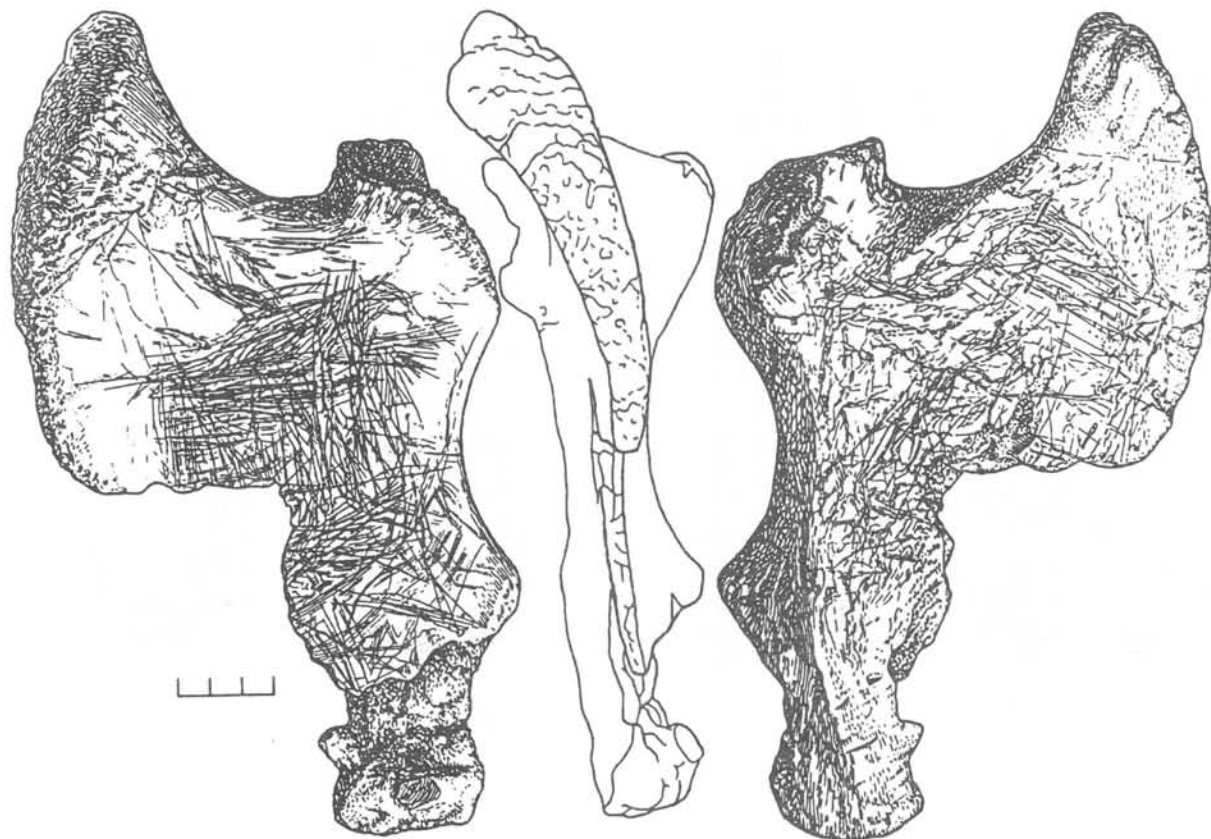

Рис. 15 Тазовая кость с линейными следами и изображениями.

Fig. 15 Pelvic bone with engraved lines and representations.

конце. Внутри фигур прорезаны линии разных направлений.

Имеются орнаментированные бивни. Один из них использовали для скалывания пластины, о чем свидетельствуют негативы сколов. А на сохранившейся поверхности бивня в нескольких местах вырезаны ромбы, углы, зигзаги (рис. 12). Другой бивень принадлежал детенышу мамонта. У узкого конца бивень частично расслоился. Поверхность его покрыта сеткой разновеликих ромбов, которая прерывается цепочкой удлиненных ромбов и рядами поперечных зигзагов (рис. 13). Еще у одного бивня, надрезанного и обломанного с обоих концов и расколотого вдоль, вся поверхность покрыта линиями и штрихами. У узкого конца бивня нанесены линии, некоторые из них при пересечении образуют углы (рис. 14). Пространство внутри линий заполнено косыми и прямыми штрихами. Правее их вырезаны ромбы. Имеются и другие бивни и осколки бивней с участками орнаментированной поверхности.

Особо выделены лопатки и тазовая кость с линейными следами. Лопатка разломана в древности. Обе поверхности ее покрыты многочисленными линейными следа-

ми. Возможно, лопатку использовали в качестве подставки. На тазовой кости, наряду с линейными следами, на одной поверхности прослеживаются контуры фигур, возможно, наложенных друг на друга (рис. 15). Выделить фигуры трудно, но разница между линейными следами и контурами фигур прослеживается четко.

Одной из отличительных особенностей Юдинова является геометрический орнамент, основной фигурой которого служил ромб. Наиболее простые элементы орнамента, встречающиеся на предметах, — прямые и волнистые линии, штрихи, более сложные элементы — ромбы, зигзаги, шевроны. Отдельные ромбы и сетка из ромбов — наиболее распространенный орнамент. Встречаются и сложные композиции, включающие вместе ромбы, шевроны, зигзаги.

В целом Юдиновское поселение свидетельствует не только о высокой культуре строительства жилищ из крупных костей мамонта, но и о разнообразной хозяйственной деятельности древних людей. Изделия из бивня, кости и рога и особенно геометрический орнамент характерны для памятников Среднего Поднепровья.

По времени существования и характеру материальной культуры Юдиново соответствует мадлену Европы. Только в Юдиново 15—14 тыс. лет назад жили охотники на

мамонта, в то время как в Западной и Центральной Европе обитали охотники на лошадь и северного оленя.

Абрамова, З. А. 1995. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 1. Санкт-Петербург.

Абрамова, З. А., Г. В. Григорьева, М. Кристенсен. 1997. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 2. Санкт-Петербург.

Будько, В. Д. 1967. Новое сооружение из костей мамонта в пункте Юдиново I // Доклады Академии наук Белорусской ССР XI/7: 651—653.

Григорьева, Г. В. 1995. Работы на верхнепалеолитической стоянке Юдиново в 1995 г. Санкт-Петербург: Петербургкомстат.

1997. Исследования верхнепалеолитического поселения Юдиново в 1996 и 1997 гг. Санкт-Петербург.

Поликарпович, К. М. 1968. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск: Наука и техника.

EXCAVATIONS AT THE UPPER PALEOLITHIC SITE OF YUDINOV (1995—1997 FIELD SEASONS)

G. V. GRIGORYEVA

Yudinovo, Pogar District, Bryansk Province, Russia, is one of the most important Late Pleistocene mammoth-hunters' sites in the Russian Plain. It contains remains of four dwellings made of mammoth bones as well as pits and hearths attesting to longterm domestic activities. A large collection of stone and bone tools has been obtained.

The site is located on the lower terrace of the right bank of the Sudost', a right tributary of the Desna. It was discovered by K. M. Polikarpovich in 1934 and studied by V. D. Bud'ko and, from 1980 on, by Z. A. Abramova. Excavations have continued up to the present. In 1984, a pavilion was constructed above the remains of two dwellings situated nearby.

The objectives of the excavations, which were sponsored by the Russian Foundation for the Humanities, were to examine the structure of the site, find new constructive elements, preserve remains of dwellings, analyse domestic activities, and collect artifacts. Works were conducted both inside and outside the pavilion. The inside part was being cleared (150 sq m per year on average) from algae and microorganisms. Bones were treated with antiseptic and conservant substances.

Outside, a surface area of 77 sq m was been cleared in 1995—97 (fig. 1). Cultural deposits lie in loess loam at the depth of 2—2.5 m.

Over the three-year period, part of a large semicircular accumulation of bones was uncovered which represents either remains of some structure or stocks of bones unused in construction (fig. 2). It is impossible to clean out the entire accumulation since it is overlaid by a wall situated near the pavilion. Apart from this feature, four groups of bones were discovered (fig. 3) around which there were many pieces of processed flint and bone along with flint and ivory tools. In two groups, hammers made of reindeer antler were found. Possibly these and other similar groups are places where flint and bone were being processed.

In 1997, the 1988 excavation was connected with that launched by Polikarpovich in 1947 (fig. 4). In the earlier excavation, the ground containing the bones was intermixed. In 1947, Polikarpovich discovered remains of a dwelling which he left untouched, apart from having cleaned it out.

The distribution of flint artifacts over the area studied is uneven. Most were found in ashes and near the accumulations of bones mentioned above. The 1995—96 excavation seasons have yielded 1500—5000 pieces per square (due to flotation), but in 1997 the number dropped to 140—200.

The inventory of stone artifacts includes over 31 000 items. Tools comprise less than 2% of the total number. The most frequent

ones are burins, mostly of the side type (fig. 5: 21—30). End-scrapers are 3,5 times less numerous than burins (fig. 5: 12—16). Among tools of other types, there are retouched blades and bladelets (fig. 5: 1—11). Combined tools (fig. 5: 17—20) and scaled pieces (fig. 5: 33) are unique.

Bone implements are diverse and numerous (over 5 000 specimens). Some are ivory cores from which blades and flakes had been detached. There are many flakes, separate epiphyses and fragmented shafts of long bones, and fragments of ribs with flake-scars. Several groups of bone artifacts can be distinguished: hunting tools, domestic ones, ornaments, and decorated artifacts. Hunting tools include fragments of projectile points and shafts. Domestic tools are awls, needles, burinishers, a hoe, digging tools, hammers, knives, etc. (fig. 6—9). Ornaments include beads (fig. 10: 1—17), pendants (fig. 10: 19—21), fibulae (fig. 10: 18), fragments of bracelets and diadems, and other pieces (fig. 10: 22,

23), as well as pierced shells. Finally, there are ornamented pieces of flat and long bones, and ivory blades. The design consists of lines, lozenges, or hatching. A piece of scapula bears three designs (fig. 11).

The surface of ivory pieces, too, is covered with geometric designs (fig. 12—14). On a piece of pelvic bone, apart from hatching, there are some poorly preserved representations (fig. 15). The distinctive feature of Yudinovo is that the design is mostly lozenge-shaped.

The overall level of material culture was rather high, judging by complex structures made of mammoth bones. Bone tools with geometric designs have parallels among the finds from the Middle Dniepr area. While people who lived at Yudinovo 15—14 000 years ago were mammoth-hunters, those who lived in Central and Western Europe hunted horses and reindeer. The culture of Yudinovo is broadly similar to the European Magdalenian.

ОТКРЫТИЕ НОВОЙ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ В КОСТЕНКОВСКО-БОРЩЕВСКОМ РАЙОНЕ НА ДОНУ*

А. В. КАРИХ, С. Н. ЛИСИЦЫН, Н. Д. ПРАСЛОВ,
А. А. СИНИЦЫН**

Последняя по времени открытия стоянка в Костенках была обнаружена Н. Д. Прасловым в 1956 г. — это Гмелинская стоянка или Костенки 21. С той поры не было зафиксировано ни одного нового памятника. Недавнее открытие верхнепалеолитической стоянки в селе Борщево свидетельствует о том, что возможности поисков памятников палеолита в этом районе далеко не исчерпаны.

В начале 90-х гг. один из авторов сообщения, А. В. Карих, при сельскохозяйственных работах на своем приусадебном участке обратил внимание на многочисленные находки расщепленных кремней. К настоящему времени постепенные регулярные сборы составили довольно значительную коллекцию изделий. Часть предметов, в основном, продукты расщепления, были переданы музеем местной школы, а наиболее выразительные изделия, в том числе и орудия, сохранились у владельца участка. О своих находках А. В. Карих в 1995 г. сообщил в Воронежский музей. Однако составить представление об этом местонахождении только по поверхностным сборам было трудно. Летом 1998 г. группа сотрудников Костенковской палеолитической экспедиции ИИМК РАН, по просьбе А. В. Кариха, провела краткое предварительное обследование, в результате которого выявлен новый памятник эпохи верхнего палеолита, получивший название Борщево 5.

Памятник расположен на правом борту приустьевой части большого Борщевского лога, приблизительно в 500 м от Дона и от известной стоянки Борщево 2. Стоянка приурочена к высокому (более 30 м над урезом реки) террасовидному мысу, по-видимому,

третьей надпойменной террасы. Сборы кремня происходят с возвышенной части уступа, распаханной под огород, а также со склона, спускающегося к грунтовой дороге, подрезающей мыс по дуге с юга на север. Приблизительные размеры участка распространения находок — 45 м с запада на восток и 30 м с юга на север. Зачистка шириной 2 м восточного борта дороги, сделанная для выяснения характера залегания культурных остатков, позволила проследить следующее строение данного участка:

1. Чернозем, частично поврежденный дорожными работами — 0,28 м.

2. Суглинок серо-бурый, опесчаненный, с кротовинами, меловой щебенкой и конкрециями сферосидерита малинового цвета — 0,40 м.

3. Песок желто-коричневый, сортированный, крупнозернистый, залегающий отдельными линзами — 0,08 м.

4. Суглинок коричневатого-бурый, опесчаненный, с меловой щебенкой. Содержит выклинивающуюся прослойку (толщиной 2-6 см) чуть более светлого суглинка — 0,24 м.

5. Суглинок коричневатого-рыжеватый, опесчаненный — 0,08 м.

6. Суглинок светло-коричневый, опесчаненный, с мелкими обломками сферосидерита, по простиранию выклинивается — 0,20 м.

7. Суглинок зеленовато-коричневый, глинистый, по простиранию выклинивается. Состоит из 2 прослоек: верхняя — 0,12 м — замещает собой горизонт 6; нижняя — 0,06 м, отделенная от верхней 6 см промежуток, вклинивается в слой 8.

* Работы выполнены при финансовой поддержке РГНФ согласно проекту № 98-01-18069.

** Карих А. В. Россия. 396072. г. Нововоронеж. Набережная, 86/25.

Лисицын С. Н., Праслов Н. Д., Сеницын А. А. Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

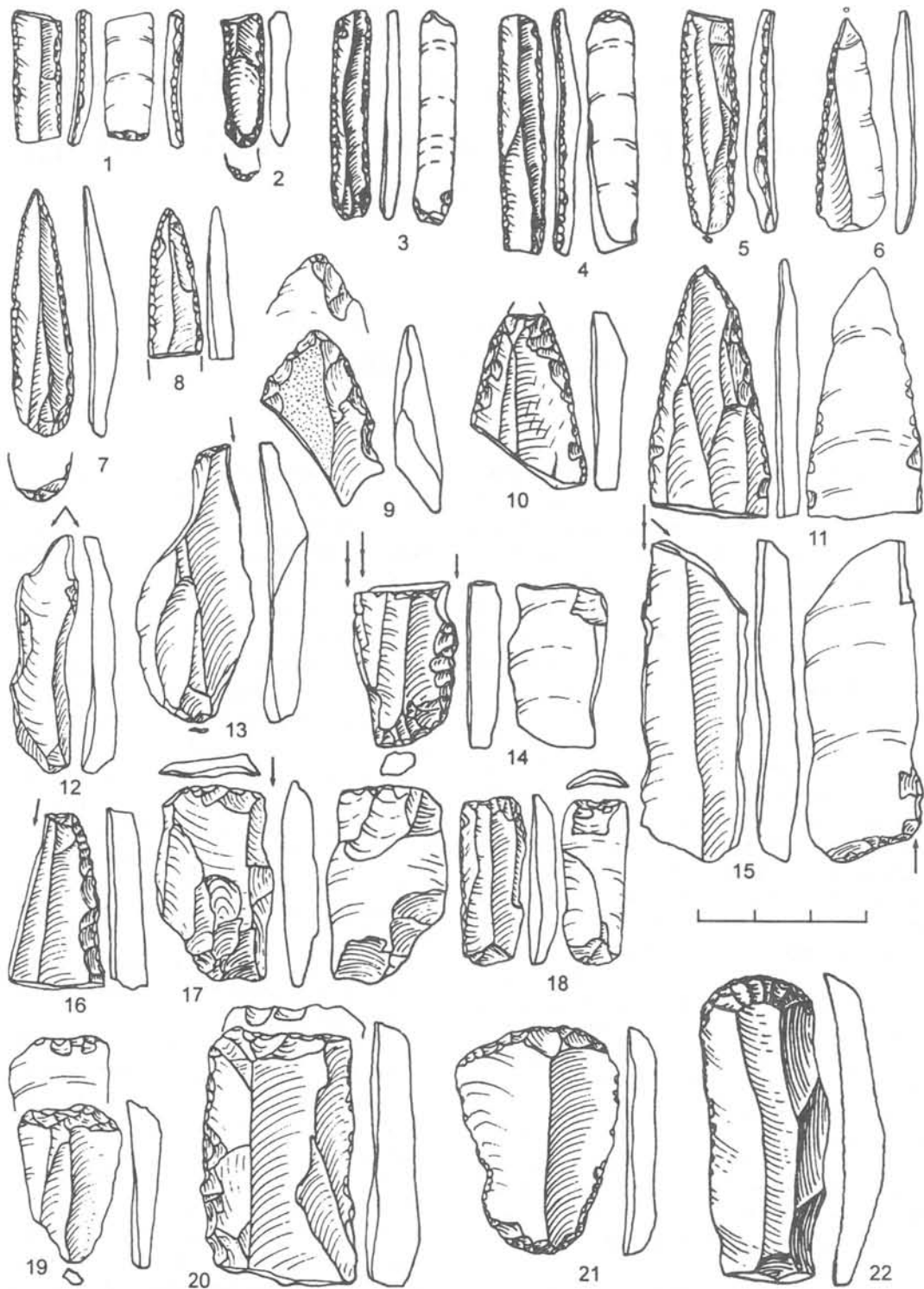

Рис. 1 Боршево 5. Кремневые изделия: 1—6 — микропластинки с притупленным краем; 7—8 — микроострия; 9—11 — острия; 12—16 — резцы; 17—18 — долотовидные орудия; 19—22 — скребки.

Fig. 1 Borshevo 5. Flint tools: 1—6 — backed microblades; 7—8 — micropoints; 9—11 — points; 12—16 — burins; 17—18 — pieces esquilees; 19—22 — end-scrapers.

8. Суглинок глинистый, пятнистый, темно-серо-буроватый до темно-коричневого — видимая мощность — 0,30 м.

Горизонт культурных остатков прослежен в нижней части серо-бурого опесчаненного суглинка (слой 2). Культурный слой не

окрашен. Насколько можно судить по вскрытой площади около 2,8 кв. м, находки залежали практически горизонтально. Насыщенность культурного слоя достаточно значительная: на вскрытой площади зафиксировано 23 кремневых изделия, а также 7 об-

ломков костей, среди которых выделяется крупное ребро мамонта. Важно отметить, что непосредственно поверх ребра лежали 2 мелких фрагмента кости и обломок кремневого резцового скола. Остальные находки не образовывали скоплений. Примерно в 40 см ниже основного слоя находок были найдены обломок крупного эпифиза и осколок трубчатой кости мамонта (?), отличающиеся от верхних фаунистических остатков тем, что костная ткань была окрашена окислами железа. Возможно, эти остатки относятся к другому культурному горизонту. На данном этапе исследования с уверенностью можно говорить только о наличии лишь одного культурного слоя, хотя можно предполагать, что это многослойный памятник.

На возвышенном участке стоянки, в огороде, примерно в 43—44 м к юго-востоку от зачистки была вскрыта хозяйственная яма размерами 2 × 2 м, глубиной около 2 м. Здесь видны следующие отложения:

1. Чернозем — 1,10 м.

2. Суглинок светло-серо-бурый, опесчаненный, с меловой щебенкой — 0,20 м.

3. Суглинок коричневато-бурый, опесчаненный, с меловой щебенкой — 0,70 м.

4. Суглинок темно-буро-коричневый — видимая мощность 0,04 м.

В черноземе было найдено несколько кремневых отщепов во вторичном залегании. На глубине около 1,7 м *in situ* была зафиксирована уходящая в стенку ямы крупная обломанная трубчатая кость мамонта, внешняя поверхность которой окрашена окислами марганца. Кость была оставлена на месте, а яма засыпана.

Коллекция кремневых предметов Борщево 5, включая сборы А. В. Кариха и материалы 1998 г., насчитывает 356 экз.

Кремневое сырье очень хорошего качества представлено несколькими основными разновидностями. Кремень черный меловой однородный полупрозрачный, единичные экземпляры частично патинизированы голубой патиной — примерно 71% находок. Кремень серый меловой полупрозрачный однородный и пятнистый, единичные предметы частично патинизированы — около 7% изделий. Кремень коричневый, полупрозрачный, однородный, меловой, единичные предметы частично патинизированы — чуть более 1%. Кремень меловой однородный полупрозрачный, целиком патинизированный по всей поверхности молочной патиной, скрывающей изначальный цвет кремня — порядка 21% всех предметов. Разновидности кремневого сырья встречены на всей площади стоянки, но распространены неравномерно. Так, большая часть сборов непатинизированного кремня происходит с западного участка, на-

рушенного дорогой, а патинизированный кремень преимущественно встречен среди сборов в черноземе на возвышенном восточном участке памятника. Таким образом, предметы, попавшие на поверхность подверглись патинизации сильнее.

Набор кремневых изделий включает:

— 81 отщеп — отдельные экземпляры имеют остатки корки и следы использования;

— 103 обломка и осколка;

— 13 технических сколов, в том числе 8 краевых, 1 реберчатый, 1 скол подправки площадки нуклеуса, 3 ныряющих скола с остатками площадок нуклеусов;

— 94 пластины и микропластинки, из которых целых лишь 20, остальные в обломках;

— 2 ретушера на отщепах с характерной забитостью по двусторонне ретушированным краям;

— 4 отщепа с ретушью, обработаны крутой краевой ретушью: 3 дорсальной и 1 вентральной;

— 14 пластин с краевой ретушью по 1—2 краям представлены в обломках, ретушь крутая и вертикальная;

— 9 микропластинок с притупленным краем, в том числе 2 целых изделия и 7 обломанных. 4 орудия имеют вентральную обработку концов плоской и крутой ретушью (рис. 1: 1—5). Край, противоположный притупленному, ретуширован во всех случаях мелкой крутой ретушью, за исключением 1 экз. (рис. 1: 6);

— 2 микроострия на микропластинках: 1 целое и 1 дистальный обломок (рис. 1: 7—8). Оба обработаны мелкой ретушью почти по всему периметру. Целое изделие примечательно вентральной микроподтеской основания;

— 3 острия на пластинах, все в обломках (рис. 1: 9—11), обработаны по периметру крутой краевой ретушью. Первое из изделий (рис. 1: 9) имеет участок плоской ретуши по одному из краев у острия;

— 8 резцов целых и обломков, все на пластинах. Из них 2 резца ретушных (рис. 1: 13, 16), 4 на углу сломанной пластины (рис. 1: 14), 1 двугранный на пластинке (рис. 1: 12) и 1 комбинированный (рис. 1: 15);

— 7 долотовидных изделий на отщепах и пластинах, в том числе 2 двойных изделия (рис. 1: 17—18). Плоская подтеска концов орудий придает им характерную желобчатую форму;

— 13 скребков, в том числе 7 на отщепах и 6 на пластинах и их обломках. Среди первых, не имеющих регулярной ретуши по краям, обращает на себя внимание мелкий скребочек с вентральными фасетками ретуши утилизации на скребковом лезвии

(рис. 1: 19) и двойной скребок на пластинчатом отщепе (рис. 1: 21), частично обработанный мелкой крутой ретушью по обоим краям у нижнего, суженного, рабочего лезвия. Скрепки на пластинах также не имеют регулярной краевой ретуши. Среди последних выделяется скребок с дугообразным лезвием, сформированным полукрутой ретушью (рис. 1: 22);

— 3 индивидуальных орудия: обломок притупленной по 1 краю крупной пластины, конец которой поперечно усечен вертикальной ретушью, а на обратной стороне имеются 2 плоских вентральных фасетки. Комбинированный скребок-резец на обломке крупной пластины, у которого один режущий скол нанесен со слома проксимального конца, а второй — со слома на дистальном конце, превращенном крутой ретушью в стрельчатое лезвие скребка. Бифасиально обработанное небольшое орудие на отщепе размерами $31 \times 23 \times 6$ мм вытянутой трапециевидной формы со скругленными углами. Оно происходит из сборов с возвышенной части стоянки; его облик, а также качество кремня (белый непрозрачный, выщелоченный) сильно отличается от остального кремневого комплекса. Это орудие, скорее всего, не входит в состав данного комплекса.

Итак, кремневый комплекс Борщево 5 отличается высоко развитой техникой первичного расщепления и разнообразием форм орудийного набора. К сожалению, в коллекции нет ни одного нуклеуса. Но по массивным техническим сколам, сохранившим негативы пластинчатых снятий, можно предположить, что нуклеусы представляли

собой одно- и двух- площадочные ядрища полуконической и плоско-призматической формы. Большое количество пластин и орудий на пластинах свидетельствует о пластинчатом облике комплекса. Здесь представлены микропластинки и крупные пластинчатые заготовки. Нет целых крупных пластин, но наиболее массивные имеют ширину до 3 см и толщину до 1 см.

Сочетание совершенной пластинчатой и микропластинчатой техники, а также развитого инструментария на крупных пластинчатых заготовках с микроинвентарем, серия долотовидных изделий на пластинах, крупных симметричных острий, микроострий центральноевропейского типа с подтеской основания, микропластинок с обоими притупленными краями и поперечно обработанными концами, комбинированных и поперечно тронкированных орудий — все это определяет круг аналогий комплекса в пределах средней поры верхнего палеолита, датирующихся 23—20 тыс. лет назад. В Костенковско-Борщевском районе памятники, с которыми можно сравнивать данный кремневый комплекс, представлены третьим слоем Костенок 21, Костенками 4 (2), Костенками 11 (2), а также, возможно, памятниками костенковско-авдеевской культуры.

Дальнейшие исследования этой новой стоянки позволят более четко определить стратиграфию и характер данного памятника, а также решить вопрос: имеем ли мы дело с одной из уже известных палеолитических культур, или же с новым культурным явлением в Костенковско-Борщевском районе.

THE DISCOVERY OF A NEW UPPER PALEOLITHIC SITE IN THE KOSTENKI-BORSHEVO REGION, THE DON

A. V. KARIKH, S. N. LISITSYN, N. D. PRASLOV, A. A. SINITSYN

It was one of the authors, A. V. Karikh, who, working in his gardenplot in Borshevo village (Voronezh region, the Upper Don basin), first paid attention to knapped flint items and collected a considerable number of finds in recent years. In summer 1998 this

place was inspected by the Kostenki Paleolithic expedition researches and the new Upper Paleolithic site discovery was proved. The site named Borshevo 5 is located on the high slope on the right side of the large Borshevo dean 500 m far from the river and from the well-

known site Borshevo 2. During brief field works a tentative area of flint distribution was established. In a small exposure pit excavated in the abrupt eastern roadside cutting the slope inside loam deposits was found a horizon of cultural remains. Finds comprise flint artifacts and faunal remains of mammoth.

It is difficult to define geomorphologic disposition of this locality now but according to longstanding field investigations in the Kostenki-Borshevo paleolithic region this spot can be considered apparently entering into the third terrace of the river Don bottomland.

At present the collection of flint artifacts collected in Borshevo 5 area numbers more than 350 specimens. All of them are represented by high quality cretaceous flint of several colors. No cores were found while by the

guise of knapping products the blade technique domination could be considered prevailing as well as the number of tools made on blades. The tools assemblage consists of 65 items including: backed microblades of several types (fig. 1: 1—6), specific micropoints (fig. 1: 7-8), fragments of large points (fig. 1: 9—11), truncation burins (fig. 1: 13, 16), dihedral burins (fig. 1: 12, 15), break burins (fig. 1: 14), pièces esquillées (fig. 1: 17—18) and end-scrapers of various types (fig. 1: 19—22). These tool types are typical for the middle stage of the Upper Paleolithic and have analogies in such complexes as the third cultural layer of Kostenki 21, the second cultural layer of Kostenki 4 and the second cultural layer of Kostenki 11. Nevertheless without complex field investigations all the cultural attribution conclusions are preliminary.

МИНЕРАЛОГО-ПЕТРОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАХОДОК ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ АЛТЫН-ДЕПЕ И ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ

Л. Б. КИРЧО, Г. М. КОВНУРКО*

Настоящая работа** посвящена описанию минерального состава разных по форме, функциональному назначению и типологическим особенностям каменных артефактов, происходящих из погребений Алтын-депе — одного из крупнейших и наиболее изученных на сегодняшний день поселений эпохи энеолита — бронзы Средней Азии. Поселение находится в Южном Туркменистане, в 5—6 км к востоку от первой линии предгорных всхолмлений Копетдага, в древней долине р. Теджен. Коллекция изделий из камня, датируемая концом IV—началом II тыс. до н. э., состоит из нескольких сотен предметов.

Первоначально изделия из природного камня были разделены на однородные по составу группы, используя стандартные приемы диагностики минералов. В пределах выделенных групп наблюдаются вариации таких свойств минералов и горных пород, как цвет, характер пятнистости кремня, мощность отдельных слоев известняка и доломита в тонкорасслоенных карбонатных породах. Масштаб подобных неоднородностей трудно восстановить в связи с незначительными размерами некоторых предметов.

После макроскопического исследования выделенных групп артефактов, некоторые из них были отобраны в качестве образцов для микроскопической диагностики в шлифах, а также для рентгеновского фазового анализа.

При изучении предметов, размеры которых менее одного сантиметра, в первую очередь, бус, возникают значительные сложности. Поверхность бусин в большинстве случаев пришлифована, отсутствует поверхность свежего скола. Нередко бусины покрыты пленкой, состоящей из солей, отлагавшихся в течение тысячелетий из почвенных вод. Преобладают корочки карбо-

натного состава, вскипающие под действием соляной кислоты. Наличие солевых отложений на поверхности артефактов препятствует использованию таких неразрушающих методов анализа, как, например, рентгено-спектральный микроанализ.

Существует еще одна сложность при диагностике минерального состава бус, обусловленная древностью изделий. Под влиянием почвенных вод иногда происходит фрагментарное выщелачивание растворимых минеральных фаз, изменяется микроструктура поверхности и, следовательно, ее свойства, в частности, твердость. Твердость выветрелой поверхности изделий может быть значительно меньше твердости внутренней части бусин, имеющих многофазный состав.

В коллекции изделий из Алтын-депе широко представлены разнообразные предметы — туалетные сосуды, светильники, бусины-пряслица, наверхия и антропоморфные фигурки, сложенные полосчатой мраморовидной породой с прослоями доломита. У этих артефактов отдельные слои карбонатного состава различаются благодаря окраске. Бесцветные слои чередуются с породами шоколадного, светло-бежевого цвета, контакты между прослоями — четкие, взаимно параллельные. Мощность отдельных полос обычно колеблется в интервале 2—7 мм.

Полосчатая текстура горной породы проявляется при микроскопическом изучении и в минеральном составе, и в гранулометрии перекристаллизованных карбонатов. Окраска отдельных полос, наблюдаемая в образцах, обусловлена примесью мельчайших зерен полупрозрачных и непрозрачных глинистых минералов и гидроокислов железа. Контакты между полосами разного состава в шлифах — неровные, часто изогнуты. Под микроскопом видны следы де-

* Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа

** Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 96-01-00010 «Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (могильник Алтын-депе)».

формации горной породы: трещины, заполненные кальцитом, пересекают осадочную слоистость.

Внутри группы изделий из полосчатой мраморовидной породы можно выделить несколько их разновидностей. Они характеризуются индивидуальными оттенками окрашенных полос. В подгруппах изменяется соотношение мощностей бесцветных (белых) и окрашенных полос.

Почти половина косметических сосудов (12 экз.), обнаруженных в погребениях Алтын-депе, изготовлены из гипса. Однородный плотный мелкозернистый агрегат кристаллов гипса окрашен в бледные розоватые, желтоватые тона. Стенки сосудов из гипса слабо просвечивают. На плоскостях спайности наблюдается стеклянный блеск. Шероховатость поверхности сосудов обусловлена мельчайшими неровностями, возникшими вследствие растворения минерала почвенными водами. Гипс легко диагностируется благодаря низкой твердости, отсутствию газовых пузырьков при воздействии на минерал соляной кислоты. Результаты макроскопических определений подтверждены с помощью дифрактометра. Некоторые изделия из гипса слабо деформированы. При деформации появились изогнутые трещины, нередко сквозные и открытые. Взаимная ориентировка их не наблюдается. Появление этих трещин в стенках сосудов из гипса, возможно, обусловлено механическими напряжениями, возникающими в культурном слое и воздействующими на лежащие в нем предметы.

На поселении найдены заготовки изделий из гальки гипса хорошей окатанности. Эти находки свидетельствуют о том, что источником сырья служили рыхлые отложения четвертичного возраста, например аллювиальные или пролювиальные.

Кремень использовали для изготовления наконечников. Это — мелкозернистая горная порода, в которой отдельные кристаллы халцедона различимы лишь под микроскопом. Структуры кремней, изучаемые в шлифах, довольно однообразны. Блеск поверхности скола в большинстве образцов стеклянный, в отдельных случаях с жирным или тусклым оттенками. Некоторые участки пятнистых кремней обладают матовым блеском. В тонких сколах многие наконечники и отщепы из кремня полупрозрачны, другие совершенно не пропускают света. Между этими типами кремня существует постепенный переход. Чаще других встречаются кремни, окрашенные с разной интенсивностью в серые тона от темно-серого до бесцветного. Весьма распространены кремни желто-бурых цветов с красноватыми и

фиолетовыми оттенками. Блеск, прозрачность, цвет изменчивы нередко в пределах одного образца размером 2—3 см. Классификация часто проводится на основе детального описания их пятнистости. Некоторые кремни покрыты патиной. Мощность патины зависит от структурных особенностей кремня, времени его обработки и физико-химических условий в толще культурного слоя. Твердость кремня около 7 по шкале Мооса. Изделия из кремня имеют волнистые, раковистые изломы с острыми сколами. Диагностическими признаками кремня являются мелкозернистая структура, оптические свойства, твердость, характер излома. Встречаются изделия из однородного непрозрачного кремня, например, наконечник из погребения 765 (№ 6 — номера находок приводятся по инвентарным описям погребений).

Из стеатита сделаны как небольшие по размерам предметы, не превышающие 5—6 см по длинной оси, так и крупные тяжелые («жезл» из погребения 362 длиной 1,2 м). Стеатит представляет собой плотную, мелкозернистую массу, окрашенную в зеленовато-черные тона. На поверхности некоторых изделий (сосуд 4 из помещения 371 раскопа 9; светильник с крышкой из погребения 626—627) различимы пятна красновато-бурого цвета неправильной формы. Размер пятен колеблется в широких пределах от 2 до 10 мм (преобладают размеры 2—3 мм). Окраска пятен обусловлена, вероятно, присутствием гидроокислов железа.

Стеатит является разновидностью талька, который в десятибальной шкале твердости занимает первую ступень. Весьма низкая твердость талька (стеатита) является свойством, определяющим появление крупных, грубых следов механической обработки. Тонкие сколы на изделиях из этого минерала отсутствуют. Он легко режется, шлифуется, но не раскалывается. На его шлифованной поверхности трудно определить естественный блеск минерала, структурно-текстурные особенности, характер спайности. Изделия из стеатита являются жирными на ощупь, в связи с чем плотные массы талька называют также жировиком или мыльным камнем.

Особую группу изделий на Алтын-депе представляют бусы. Диагностика минерального состава бус из поделочных камней не представляет затруднений. К таким минералам относятся сердолик, агат, бирюза, лазурит.

Характерная для сердолика окраска варьирует слабо. На отдельных сердоликовых бусинах видны следы травления. Например, на поверхности уплощенной бусины из по-

гребения 403—409 (№ 1) видны бесцветные полоски, расположенные на ее краях. Ширина белых полосок около 0,5 мм хорошо выдержана и не изменяется. Определить глубину травления не представляется возможным.

Изделия из агата характеризуются наличием контрастной полосчатости. В бусинах, ввиду их малых размеров, полосчатость не замкнута. Мощность отдельных полос колеблется в широких пределах. Наиболее тонкие имеют толщину менее десятых долей миллиметра. Цветовые оттенки отдельных агатовых полосок — разнообразны, их характеристики приведены при описании отдельных бусин. В коллекции представлены три основные группы бусин по цветовым сочетаниям: бесцветные с бледными голубоватыми или сероватыми полосами, красно-белые и желтоватые с коричневыми и темно-коричневыми полосами.

Диагностическими признаками бирюзы и лазурита, из которых изготовлены некоторые бусины, являются, в первую очередь, характерные цветовые особенности этих минералов.

Для изучения минерального состава бус со скрытокристаллической, микрозернистой структурой был использован рентгеновский фазовый анализ. Дифрактограммы показали, что наряду с изделиями из гипса и кальцита встречены бусы из минеральных образований, полученных при высокотемпературном обжиге природных минералов. Одним из примеров таких искусственных материалов является смесь кварца и высокотемпературного кристобалита. Бусины подобного состава имеют формы шариков диаметром 5—6 мм. Поверхность непрозрачных бус слабо окрашена в желтовато-зеленоватые тона, их твердость по шкале Мооса достигает 7. Под лупой различима микрозернистая структура. Размер отдельных минеральных частиц не превышает 0,2 мм.

Расшифровка дифрактограммы показала, что в смеси, о которой идет речь, содержится около 40 % кварца и около 60 % β -кристобалита. В природе такая минеральная ассоциация не обнаружена. Изготовить пастообразное вещество, состоящее на 100% из кремнезема не представляется возможным. Температура фазового перехода кварца в кристобалит превышает 1400 С. Можно предположить, что исходным материалом для изготовления этих бус являлись такие кремнистые пористые породы, как диатомит и трепел, легко поддающиеся механической обработке. После изготовления бусин, они подверглись высокотемпературному обжигу, в результате которого произошла перекристаллизация минералов кремнезема с резким

увеличением механической прочности вещества.

Искусственным материалом, обнаруженным с помощью дифрактометра, сложены также тонкостенные бусины цилиндрической формы с внешним диаметром 2,5 мм и длиной 6 мм (раскоп 9, горизонт 2, помещение 11, № 22). Эти непрозрачные белые бусины обладают матовым блеском, их поверхность легко царапается, но вещество истирается с большим трудом. Возможно, поверхность бусин подверглась избирательному выщелачиванию.

Дифрактометрия показала, что более двух третей объема вещества бусин составляет энстатит — силикат магния — $Mg_2[Si_2O_6]$. На долю кварца приходится около 10—15%, обнаружен также высокотемпературный кристобалит. Такой минеральный состав для естественных образцов не характерен. Температура кристаллизации энстатита в природных условиях в оливиновых базальтах не ниже 1200 С. Содержание этого минерала в базальтах обычно невелико. Для образования его в значительных количествах в материале бусин необходимы еще более высокие температуры. По видимому, бусины первоначально были изготовлены из талька — $Mg_3[Si_4O_{11}][OH]_2$ — магнезиального минерала с весьма низкой твердостью. В процессе обжига происходила дегидратация этого минерала, образование фаянсоподобного материала, основой которого является энстатит.

Минералого-петрографическое изучение находок из погребений Алтын-депе позволяет сделать следующие выводы.

Для изготовления макроизделий, размеры которых превышают несколько сантиметров или дециметров, были использованы горные породы, сложенные минералами с низкой твердостью. Это — разнообразные карбонатные породы, в первую очередь, мраморовидные полосчатые породы, мергели, гипсы, тальковые породы (стеатит). Они служили материалом для изготовления сосудов разной формы, а также статуэток, светильников, пряслиц и «наверший». Разнообразный по окраске кремень использовали для изготовления наконечников.

Все эти горные породы входят в состав геологических разрезов этого региона (Геология СССР 1957; Прозоровский 1991). Их можно обнаружить в виде галек, валунов, глыб в аллювиальных осадках, конусах выноса и других типах рыхлых отложений. Вероятнее всего, именно эти обломочные образования служили сырьем для изготовления изделий из камня.

Происхождение минералов и горных пород, из которых сделаны бусы, представ-

ляется более сложным. Часть бус получена в результате механической обработки местного каменного материала, например, некоторых известняков. Другой тип бус был изготовлен из минеральных образований с весьма низкой твердостью. Отличие их от бус первого типа заключается в том, что после механической обработки минералы подвергались обжигу при температуре около 1400—1500 С. При этом происходила перекристаллизация исходного вещества, резко возрастала прочность изделий. Из пористых, мягких диатомита и трепела образовались кварц-кристобалитовые бусины, а вследствие обжига талька — фаянсоподобный материал с высоким содержанием энстатита.

Часть бус была изготовлена из таких поделочных камней как агат, сердолик, лазурит, бирюза и т. п. Эти декоративные минералы были принесены из различных месторождений. Например, агаты встречаются среди базальтов в районе Бадхыза, Кушки на крайнем юго-востоке Туркменистана. В значительном количестве агаты встречены на Большом Балхане. Геркезское проявление агата расположено в 13 км северо-западнее современного пос. Огланды, в районе горы Геркез в северо-западном Туркменистане. В конгломератах здесь обнаружены переотложенные гальки, валуны агата диаметром 2—25 см. Преобладают агаты серовато-сиреневого, палевого, розовато-сиреневых тонов.

Общеизвестно месторождение лазурита на территории современного Афганистана. Менее определенными являются сведения об источниках бирюзы, однако, несомненным представляется её среднеазиатское происхождение.

Минералого-петрографическая характеристика находок из погребений Алтын-депе в сочетании с типологическим и технологическим анализом изделий позволяет сделать ряд заключений, существенных для хронологических построений.

Представляется, что бусы могут служить датировочным материалом в основном по четырем параметрам: 1) техника изготовления; 2) материал; 3) отдельные редкие типы формы бус; 4) массовые типы специфической формы.

1) К середине—концу периода ранней бронзы предположительно относится появление искусственного высокотемпературного материала для изготовления бус и других предметов. Техника изготовления таких бус в режиме длительного высокотемпературного обжига ($t = 1000—1400\text{С}$ — показатель высокоспециализированного ремесленного производства) до сих пор не была известна в материалах эпохи бронзы на юге Средней Азии. Однако такая техника изготовления предметов из стеатита, в первую очередь белых цилиндрических и кольцевидных бус, с последующим обжигом — характерный компонент древнеиндийской цивилизации Хараппы III тыс. до н. э. (Kenoyer 1997: 267), а в последние годы зафиксирована и в неолитических, и энеолитических материалах Мергара (Vidale 1990).

Технологическим новшеством времени НМЗ V¹ являлось и нанесение орнамента травлением на сердоликовые бусы (погребения 105, 196, 252, 403—409, «святилище»).

2) Лазурит, видимо, бирюза и горный хрусталь являются импортными материалами для Алтын-депе. Однако бусы простых, геометрических форм из лазурита и бирюзы представлены в погребениях Южного Туркменистана, начиная со среднего энеолита (Массон 1962: табл. X: 1—3; Сарияниди 1965: рис. 11: 6—16; табл. I: XXVII).

3) В связи с этим, наиболее важными для поисков источника импорта представляются два типа лазуритовых бус, найденных единично — это уплощенные трапециевидные (погребение 818, раннее НМЗ IV)² и брусковидная бусина с золотой обтяжкой (погребение 60, НМЗ V), а также бирюзовые округлые, двояковыпуклые в сечении, с нарезками по краю бусины (типа IVB2 из погребения 60, НМЗ V; рис. 1).

4) С другой стороны, для выявления экспорта и импорта и, соответственно, хронологических параллелей, важны специфические (массовые на Алтын-депе) типы бус такие, как округлые (типа IVB1; рис. 1) и прямоугольные, двояковыпуклые в сечении, с нарезками (типа IA'2; рис. 1) бусы из искусственного материала.³

Косметические сосуды из камня (рис. 2) наиболее широко представлены в погребениях позднего энеолита и ранней бронзы.⁴ Они

¹ Видимо, также древнеиндийского происхождения. Травленные сердоликовые бусы представлены в комплексе мастерской по изготовлению бус в хараппском городе Лотхале (Rao 1985: 180).

² Трапециевидные (подтреугольные по терминологии В. М. Массона) бусы из гипса (?) были представлены в погребении 31 горизонта Кара 2 (Массон 1962: 9).

³ Оба типа бус, например, широко распространены в инвентаре погребений могильника Шахдад (Nakemi 1997: 657).

⁴ Что, возможно, объясняется относительной пористостью и хрупкостью керамики этого времени.

ФОРМА		сечение		1	2	3	4
		план					
I	A						
	A'						
	Б						
	Б						
	В						
II	A						
	Б						
III	Б						
	В						
IV	A						
	Б						
	Б						
	В						

Рис. 1 Типы бус из погребений Алтын-депе.

Fig. 1 Types of beads from Altyn-Depe burials.

обнаружены почти во всех коллективных захоронениях, а также в индивидуальных и двойных погребениях с богатым⁵ инвентарем эпохи ранней бронзы. В период средней бронзы каменные косметические сосуды входили в состав инвентаря двух погребальных камер (помещение 13, горизонт 1, раскоп 5 и

помещение 321, горизонт 2, раскоп 9) и трех индивидуальных захоронений (погребение 310 раскопа 8, погребения 252 и 813 в помещении 322, горизонт 2, раскоп 9).

Косметические сосуды времени НМЗ III и раннего НМЗ IV изготовлены, в основном, вручную из гипса (погребения 278,

⁵ По разработанным В. А. Алексиным критериям богатым является инвентарь погребений, в составе которого имеются предметы не менее трех категорий

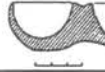
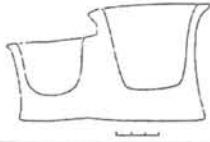
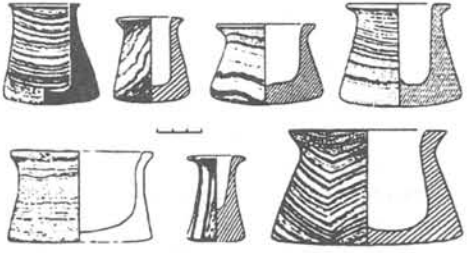

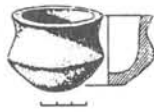

	Гипс	Мраморовидный известняк	Стеатит
1			
2			
3			
4			
5			
6A			
6B			
7			
8			

Рис. 2 Типы каменных косметических сосудов из погребений Алтын-депе.

Fig. 2 Types of stone toilet vessels from Altyn-Depe burials.

296, 736, 828);⁶ из белого гипса в ручной архаичной технике изготовлен и двойной сосуд из погребения 252. Пять гипсовых сосудов (из погребальных камер — помеще-

ние 47 горизонта 4Б раскопа 5 — 2 сосуда; помещение 321 горизонта 2 раскопа 9; помещение 371 горизонта 4 раскопа 9 и снаружи у стены камеры — помещение 260 го-

⁶ В 9 горизонте раскопа 5 Алтын-депе (финальное НМЗ III — начало НМЗ IV) найдены грубо оббитые и подтесанные подцилиндрические предметы из гипса — заготовки для сосудов, в первых публикациях ошибочно именуемые предметами из мраморовидного известняка (Кирчо 1988, 1991).

ризонта 1 раскопа 9; позднее НМЗ IV—НМЗ V), сосуд из стеатита (из погребальной камеры в помещении 371 горизонта 4 раскопа 9; позднее НМЗ IV) и практически все сосуды из мраморовидного известняка⁷ изготовлены с помощью механического вращающегося инструмента (станкового сверла).

По формам, характеру обработки поверхности и материалу каменные сосуды можно разделить на 8 групп (рис. 2). Самые ранние — косметические сосуды 7 и 8 типа (флаконы), представленные только в погребениях позднего энеолита — начала ранней бронзы и наиболее архаичные по материалу (гипс), ручной технике изготовления и обработке поверхности (вертикальные или горизонтальные желобки). В период ранней бронзы для изготовления сосудов начинают применять более твердый мраморовидный известняк, хорошо обрабатываемый только при появлении механического вращающегося инструмента. Появляются сосуды (тип 5) по форме тулова близкие типу 7 и 8 (расширяющийся книзу устойчивый конус) с простым плоским подтреугольным венчиком. Усовершенствование техники обработки ведет к появлению на позднем этапе ранней бронзы сосудов типа 6 — горшочков с таким же плоским венчиком, но уже с выпуклым в середине⁸ или биконическим туловом. Наконец, в начале эпохи средней бронзы, видимо когда техника обработки еще более развилась, появляются сосуды со скошенным наружу венчиком типа 6А' и 6Б'. В то же время, нужно еще раз подчеркнуть, что наибольшее распространение косметические сосуды из камня имели в эпоху ранней бронзы, а в погребениях времени Намазга V они представлены реже, в основном, в погребениях 3 и 2 горизонтов Алтын-депе. Такие сосуды практически отсутствуют в погребениях финального периода Алтын-депе (единственное исключение — погребение 252 с архаичным двойным сосудом из гипса).

В инвентарь погребений Алтын-депе входили 10 каменных светильников, имеющие в верхней части специальное углубление — емкость для горючего вещества. У некоторых светильников емкость была накрыта сверху специальной крышечкой с отверстием для фитиля. Светильники изготов-

лены, в основном, вручную из мраморовидного известняка (один — из стеатита и один — из камня красновато-шоколадного цвета) и представлены изделиями четырех типов. Все они найдены в погребениях периода ранней бронзы и являются характерным признаком археологического комплекса Намазга IV.⁹

Выше, при описании сырья для изготовления бус, указано значение лазурита и бирюзы для выявления направления культурных связей населения Алтын-депе и хронологии комплексов. И лазурит, и бирюза являлись импортными материалами. Возможно в Южную Туркмению импортировались уже готовые бусы из этих поделочных камней.

Нам представляется, что важную роль при определении хронологии культурных горизонтов Алтын-депе играет и стеатит. Предметы неизвестного назначения («колонка», «гиря» и «жезл» найденные в «святилище» — помещение 7 горизонта 3 раскопа 7) изготовлены из стеатита. Из этого же материала изготовлены печать-штамп и светильник-чашечка из погребения 626—627, а также один туалетный сосуд — биконический горшочек из помещения 371 горизонта 4 раскопа 9. Все эти предметы найдены в погребениях самого конца периода ранней бронзы — начала периода средней бронзы. Аналогичную картину встречаемости предметов из стеатита (сосудов, бус, печатей и т. п.) дают находки из культурных слоев поселения Алтын-депе (не ранее 4—5 горизонтов). Как выяснилось в результате рентгеноскопического анализа, белые бусы разных типов, печать (погребение 413) и статуэтка (погребение 634—638) изготовлены, видимо, из стеатита, подвергнутого высокотемпературному обжигу. Самые ранние бусы и антропоморфная статуэтка из такого материала найдены в погребальной камере (помещение 1 горизонта 6 раскопа 5); все остальные предметы из этих материалов обнаружены в погребениях времени НМЗ V, главным образом, 2, 1 и 0 горизонтов Алтын-депе. Следовательно, наличие изделий из стеатита в комплексе дает основание датировать его не ранее конца периода ранней бронзы.

Таким образом, проведенный впервые минералого-петрографический анализ арте-

⁷ Единственное исключение — миниатюрный двойной сосуд из мраморовидного известняка (погребение 626, позднее НМЗ IV), из-за своей формы был изготовлен вручную. Однако даже изготовленные с помощью вращающегося инструмента сосуды, как правило, неровные по высоте или внутренняя емкость находится не совсем в центре.

⁸ При этом, наиболее ранние горшочки типа 6А, найденные в камере (помещение 47) горизонта 4Б раскопа 5, изготовлены из гипса — новая техника обработки осваивалась на более мягком архаичном материале.

⁹ В заполнении помещений и дворов Алтын-депе обломки светильников и их крышек найдены в перемещенном состоянии в слоях раннего Намазга V.

фактов из погребений Алтын-депе дал интересные, а в части выявленных высоко-

температурных материалов и техники их производства, и неожиданные результаты.

Геология СССР. 1957. Геология СССР: Туркменская ССР. Геологическое описание XXII/1. Москва: Госгеолиздат.

Кирчо, Л. Б. 1991. Изучение слоев эпохи позднего энеолита на Алтын-депе в 1984—89 гг. // Новые археологические открытия 1. Санкт-Петербург.

Массон, В. М. 1962. Памятники развитого энеолита юго-западной Туркмении. Энеолит южных областей Средней Азии II. Свод археологических источников Б 3-8. Москва—Ленинград.

Сарианиди, В. И. 1965. Памятники позднего энеолита юго-восточной Туркмении. Энеолит южных областей Средней Азии IV. Свод археологических источников Б 3—8. Москва.

Прозоровский, В. А. 1991. Верхняя юра и нижний мел Запада Средней Азии: стратиграфия и история геологического развития. Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета.

Kircho, L. B. 1988. The Beginning of the Early Bronze Age in South Turkmenia on the Basis of Altyn-depe Materials // *East & West* 38 (1—4): 33—64.

Hakemi, A. 1997. Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran // *Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente. Centro Scavi e Ricerche Archologiche. Reports & Memoires XXVII.* Rome-New Delhi.

Kenoyer, J. M. Trade and technology in the Indus Valley: new insights from Harappa, Pakistan // *World Archaeology* 29 (2): 262—280.

Masson, V. M. 1988. Altyn-depe. University Museum Monograph 55. Philadelphia.

Vidale, M. 1990. Early Harappan steatite, faience and paste beads in a necklace from Mehrgarh—Nausharo // *East & West* 39 (1—4): 291—300.

Rao, S. R. 1985. Lothal — a Harappan port town (1955—1962) V/II. New Delhi.

A MINERALOGICAL AND PETROGRAPHIC CHARACTERISTICS OF FINDS FROM ALTYN-DEPE BURIALS (WITH REFERENCE TO CHRONOLOGY)

L. B. KIRCHO, G. M. KOVNURKO

The article contains a mineralogical description of typologically and functionally diverse stone artifacts excavated from the burials of Altyn-Depe, one of the largest and most thoroughly studied Chalcolithic and Bronze Age sites in Central Asia. The site is situated in southern Turkmenia, 5—6 km east of the first line of the piedmont elevations of Kopet-Dag, in the ancient valley of the Pra-Tedzhen. The collection of stone artifacts, dating from late 4th—early 2nd millennium BC, comprises several hundreds of items.

Initially, objects made of natural stone were subdivided into homogeneous groups using standard methods of mineral identification. After the macroscopic study of these groups, several artifacts were sectioned for microscopic examination and x-ray phase analysis.

The Altyn-Depe collection includes numerous and diverse artifacts made of marbly rock with seams of dolomite. They are toilet vessels, lamps, spindle-whorl-beads, mace heads,

and anthropomorphic figurines. Carbonate seams in these artifacts differ by colour. The stratified texture of the rock is revealed microscopically both in the mineral composition and in the granulometry of recrystallized carbonates. The colour of seams is due to the admixture of tiny grains of semi-translucent and opaque minerals, such as argillaceous rock, and ferrous hydro-oxides.

Nearly a half of toilet vessels found at Altyn-Depe (12 specimens) are made of alabaster. A homogenous dense fine-grained aggregate of alabaster crystals is light-pink or yellowish. Some alabaster artifacts are slightly deformed possibly due to mechanical tensions in the cultural deposits. Several preforms made of rounded alabaster pebbles were found at the site, suggesting that raw material was provided by loose quaternary deposits, alluvial or proluvial.

Flint was used for making points. It is a fine-grained rock in which crystals of chalced-

ony are only visible under the microscope. The most common shades of flint are gray, ranging from dark to almost colourless. Yellowish flint with red or purple shades is very common as well.

Luster, opacity, and colour frequently vary within a section 2-3 cm in size. Classification is often done using a detailed description of spots. Some artifacts, such as one represented by a section from burial 765, № 6, are made of homogeneous opaque rock.

Steatite artifacts can be either small (less than 5-6 cm long) or large and heavy («staff» from burial 362, 1,2 m long). Steatite is a dense fine-grained greenish-black mass.

The surface of certain artifacts, such as vessel 4, room 371, excavation 9, or a lamp with lid from burial 626-627, is covered with irregular reddish spots, likely due to the presence of ferrous hydro-oxides. The softness of steatite accounts for large coarse traces of processing seen on these artifacts, thin flaking scars being absent. Steatite can be easily cut and polished but does not crack.

A distinct group is represented by beads made of cornelian, agate, turquoise, and lapis lazuli. Cornelian beads are homogeneous with respect to colour. Some bear traces of etching (burial 403-409, № 1). Agate beads are stripy. Three groups are distinguished with regard to colour: colourless with pale-blue or grayish stripes; red-and-white, and yellowish with brown or dark-brown stripes. Turquoise and lapis lazuli are primarily diagnosed by colour.

Beads with latent crystalline fine-grained structure were studied using x-ray phase analysis. The diffractograms showed that along with plaster and calcite artifacts, those made of rock that had been subjected to high-temperature firing were used. One of these artificial minerals is a mixture of quartz and high-temperature cristobalite. Beads made of it are balls 5-6 mm in diameter. They are opaque yellowish-green, and their hardness can reach 7 units on the Mohs scale. The fine-grained structure is seen under the magnifying glass, the grains being below 0,2 mm in size. As evidenced by the diffractogram, this compound contains ca. 40% of quartz and ca. 60% of beta-cristobalite. It does not occur under natural conditions. It is impossible to prepare a paste consisting of pure silica. The temperature of a phase shift of quartz into cristobalite is above 1400 C. It can be suggested that the initial material for making these beads was siliceous porous rock such as diatomite or trepel, which is easily processed. After the beads had been made, they were subjected to high-temperature firing, resulting in re-crystallization of silica with a sharp increase in mechanical strength.

Thin-walled cylindrical beads, 2,5 mm in outer diameter and 6 mm long (9-2-11-22) are also made of an diffractometrically detected artificial material. They are opaque white and shiny, their surface is easily scratched, but it is quite difficult to pulverize the substance. Possibly the surface was subjected to partial leaching. As revealed by diffractometry, more than two thirds of the mass of these beads consists of enstatite, or magnesium silicate — $Mg_2 [Si_2O_6]$. The proportion of quartz is 10-15%, and a high-temperature cristobalite has also been detected. This compound is not characteristic of natural samples. The temperature at which enstatite crystallizes under natural conditions in olivine basalts is above 1200 C. Its content in basalts is normally low. Even higher temperatures are needed to obtain it in large quantities such as those found in beads. The beads were apparently first made of talc ($Mg_3 [Si_4O_{11}] [OH]_2$), a very soft magnesian mineral. In the process of firing a dehydration of talc occurred resulting in a fayence-like material mostly composed of enstatite.

Some beads are made of agate, cornelian, lapis lazuli, turquoise, etc. The sources of these decorative minerals are different. Agates occur among the basalts in the region of Badkhyz and Kushka in the utmost southeast of Turkmenia, and near Bolshoy Balkhan. Outcrops of agate at Gerkhez are situated 13 km northwest of Oglandy near the mountain of Gerkhez, northwestern Turkmenia. Local conglomerates contain redeposited pebbles and boulders of agate 2-25 cm in diameter, mostly grayish-lilac, pale yellow, or pinkish-lilac in colour. The best-known outcrops of lapis lazuli are those in Afghanistan. Information about the sources of turquoise is more scanty, but they were doubtless situated in Central Asia.

The mineralogical and petrographic characteristics of finds from Altyn-Depe and the results of typological and technological analyses enable us to draw several conclusions which are relevant for chronology. Four features of beads can apparently be used as dating criteria: (1) technology, (2) material, (3) certain rare types, and (4) common types.

(1) By the middle or end of Early Bronze Age, the method of obtaining artificial materials by prolonged high-temperature firing had been mastered. The fact that the temperature of firing must have been ca. 1000-1400 C attests to a high level of technology hitherto undocumented by any Bronze Age finds from southern Central Asia. Making artifacts, such as white cylindrical and ring-shaped beads, of steatite with subsequent firing was a characteristic feature of the Harappa civilization, India, in the 3rd millennium BC (Kenoyer

1997: 267). Recently, this method was also revealed by finds from the neolithic and chalcolithic layers of Mergarh (Vidale 1990).

A technological innovation of the Namazga V period was etching, which was used to decorate cornelian beads (burials №№ 105, 196, 252, 403—409, and «sanctuary»).

(2) Lapis lazuli and possibly turquoise and rock crystal were imported to Altyn-Depe. However, beads of simple (geometric) forms made of these materials occur in southern Turkmenian burials from the Middle Chalcolithic onward (Masson 1962: Tab. X: 1—3; Sarianidi 1965: fig. 11, 6—16; Tab. I; XXVII).

(3) Those most important for locating the source of import are two unique types of lapis lazuli beads: flat trapezoid ones (burial 818, Early Namazga IV), a bar-shaped bead with a golden setting (burial 60, Namazga V), and turquoise round beads, biconvex in section, with notched rims (type IVB'2 from burial 60, Namazga V; fig. 1). Trapezoid beads (subtriangular, according to Masson), possibly made of alabaster (?), were found in burial 31 of Kara 2 (Masson 1962: 9).

(4) Common types of beads relevant for revealing export and import routes and, accordingly, chronology, are those made of natural materials: round ones (type IVB1; fig. 1) and rectangular biconvex ones with notched rims (type IA'2; fig. 1). Both types are common in Shahdad burials (Hakemi 1997: 657).

Toilet vessels made of stone (fig. 2) are the most common in late chalcolithic and early Bronze Age burials. They were found in nearly all collective burials and also in rich single and double ones dating from the early Bronze Age. Also, they were among the inventory of two late Bronze Age burial chambers (room 13, level 1, excavation 5, and room 321, level 2, excavation 9), and three single burials (№ 310, excavation 8, №№ 252 and 813, room 322, level 2, excavation 9).

With respect to shape, surface finish, and material, stone vessels can be subdivided into 8 groups (fig. 2). The earliest ones are toilet vessels №№ 7 and 8 (flasks), found in late chalcolithic and early Bronze Age burials. They are the most archaic in terms of material (alabaster), technology (hand-made), and decoration (vertical or horizontal cannelures). During the Early Bronze Age, vessels made of hard marbly limestone appear. This material can only be processed on a lathe. Type 5 vessels appear, which are similar to those of types 7 and 8 in having cone-shaped bodies widening toward the bottom, and simple flat subtriangular rims. The sophistication of technique by the end of Early Bronze Age resulted in the appearance of type 6 vessels, which are

small and have a flat rim, like the earlier ones, but their bodies are convex in the middle or biconical. Finally, at the beginning of Middle Bronze Age, apparently due to further technological progress, type 6A' and 6b' vessels appear, their distinct feature being that the rim is slanted toward the outer side. However the period when toilet vessels were the most popular was Early Bronze Age. At Namazga V stage they are less common and were found mostly in burials of levels 3 and 2 at Altyn-Depe. They are virtually absent from burials of the final stage of Altyn-Depe, the archaic alabaster double vessel from burial 252 being the only exception.

The inventory of Altyn-Depe burials includes ten stone lamps. Their upper parts have special depressions destined for fuel. In some specimens it is covered with a lid having an opening for the wick. Most lamps were evidently hand-made of marbly limestone (one is made from steatite, another one from a reddish-brown rock) and are represented by four types. All of them were found in Early Bronze Age burials and are a distinctive feature of Namazga IV assemblage.

Steatite, too, appears to be important for assessing the chronology of Altyn-Depe. Objects of unknown destination, found in the «sanctuary» (room 7, level 3, excavation 7) and referred to as «column», «weight», and «staff», are made of steatite, and this also applies to a seal-stamp and a lamp-cup from burials 626—627, and a small biconical toilet vessel from room 371, level 4, excavation 9. All these were found in burials dating from the final stage of Early Bronze Age or the beginning of Middle Bronze Age. A similar distribution of steatite artifacts (vessels, beads, seals, etc.) is characteristic of cultural deposits of Altyn-Depe (no earlier than levels 4—5). As revealed by x-ray analysis, white beads of various types, a seal (burial 413), and a figurine (burials 634—638) were evidently made of steatite and subjected to high-temperature firing. The earliest beads and an anthropomorphic figurine made of the same material were found in a burial chamber (room 1) of level 6 in excavation 5; all the remaining steatite objects were found in burials of the Namazga V period, mostly in levels 2, 1, and 0 of Altyn-Depe. The presence of steatite artifacts, then, is suggestive of a date no earlier than the final Early Bronze Age.

It should be concluded that the mineralogical and petrographic analysis of artifacts from Altyn-Depe has yielded nontrivial results, some of which (related to high-temperature firing) were unexpected.

ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС ГАМОВСКАЯ БАЛКА – НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

И. В. КАМИНСКАЯ, Э. С. ШАРАФУТДИНОВА*

В предгорной зоне Северо-Западного Кавказа, на левом берегу р. Кувы в 1988 г. работами Восточно-Кубанской экспедиции Краснодарского Государственного историко-краеведческого музея-заповедника (начальник экспедиции В. Н. Каминский) был открыт жилой комплекс эпохи средней бронзы. Комплекс обнаружен в навесе 1 грота Гамовская Балка И. В. Каминской и полностью ею раскопан (Каминская, Шарафутдинова 1993: 45–47; Шарафутдинова 1996: 94–95). Гамовская Балка, расположенная южнее Карачаево-Черкессии, в предгорьях Закубанья, начинается на отрогах горы Бараниха (разлом скалистого хребта) и соединяется в 3-х км к югу от хутора Илвич с ущельем р. Кувы — правым притоком верхнего Урупа (рис. 1).

Скальный грунт Гамовской Балки сложен из доломита и известняка. Скалы, подвергаясь сильной эрозии, разрушаются и по сей день. Поэтому здесь возникло много пещер, гротов, навесов и щелей, составивших три яруса скальных выходов. Склоны балки покрыты густым смешанным лесом и кустарником.

Навес 1 располагается на среднем ярусе, на высоте примерно 50–60 м над уровнем воды в ручье, протекающем по дну Гамовской Балки. Он представляет собой небольшой низкий грот (площадь — 7,7 × 5,0 м; высота входа — 1,6 м), резко повышающийся перед входом. Длинной осью он ориентирован по линии север-юг (рис. 2), дно его сложено из мелкого щебня и желтого суглинка.

В западной части грота находились ограбленные аланские погребения. От одного из них уцелела каменная кладка, возведенная примерно по линии север—юг (рис. 2).

Под остатками каменного заклада, отгораживавшего пространство, за которым в глубине грота совершались аланские захоронения, зафиксирован более древний куль-

турный слой эпохи бронзы. Слой незначительной толщины — 0,10–0,15 м залегал по всей площади грота, но был почти везде перекопан грабителями. При тщательной выборке этого слоя вплоть до суглинистого дна был обнаружен обильный керамический материал, состоявший из 9700 обломков сосудов, в числе которых 12 целых форм, 280 обломков венчиков и крупных фрагментов.

На дне, близ входа находился очаг с небольшим содержанием угля и золы, представлявший собой слегка углубленную (на 8–10 см) площадку диаметром 0,6–0,7 м. Ровное дно очага прокалено до красноты. В 0,4 м к югу от очага и в 0,75 м к северу от него, на суглинистом дне стояли две массивные каменные плиты. Размеры плит: 0,35 × 0,18 м и 0,60 × 0,40 м (рис. 2). Вероятно, эти плиты — остатки ограды очага. В 0,7 м к западу от плиты, находившейся к северу от очага, так же на дне грота стоял каменный «стол» квадратной формы. «Стол» этот был разбит при разборке завалов камней в гроте и поэтому на плане отсутствует.

Указанные каменные конструкции, как и насыщенность культурного слоя керамикой, среди которой преобладают фрагменты от крупных сосудов, зачастую тарного, хозяйственного назначения, а также встречаются целые формы — все это свидетельствует об остатках жилого комплекса.

Анализ гамовской керамики позволил понять значение данного памятника. Оно состоит не только в том, что это первый поселенческий однослойный памятник конца эпохи средней бронзы в данном регионе, но и в том, что местная, гамовская керамика обнаруживает явную связь с сосудами Ливенцовской крепости в дельте Дона. Указанная крепость, как и соседняя Каратаевская, открыты и исследованы С. Л. Братченко в 60-х годах. Им свыше 20 лет назад было высказано предположение о близости

* Каминская И. В. Россия. 356620. Краснодар, ул. Ворошилова, 67. Краснодарский государственный историко-краеведческий музей-заповедник.
Шарафутдинова Э. С. Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной

керамики Ливенцовской крепости — степного памятника в низовьях Дона — с керамикой из погребений Закубанья, известной, в основном, по раскопкам Н. И. Веселовского (Братченко 1976: 127), подтвердившееся материалами поселения Гамовская Балка (Шарафутдинова 1996: 94—96).

Разнообразие форм гамовской керамики позволило ее классифицировать. Удалось выделить несколько типов или групп по крупным фрагментам верхней части сосудов и по немногочисленным, но целым экземплярам небольших размеров.

Самая характерная и наиболее распространенная керамика представлена двумя численно равными и близкими по форме группами.

1. Большие сосуды с венчиком-раструбом, резко переходящим в крутые плечики. Верхняя часть сосуда обычно богато украшена рельефным и углубленным орнаментами, которые в трети случаев встречаются вместе.

Рельефный орнамент опоясывает основание шейки сосуда и нередко сочетается: 1) с расчлененным валиком — зигзагообразным или вертикальным в виде нескольких отрезков, расположенных на шейке; 2) либо иногда — с валиком-«змейкой» на плечиках (рис. 3: 3; 4: 1, 2, 6; 6: 3—5; 7: 6). Зафиксирован один случай, когда валик опоясывает верхнюю часть сосуда в два ряда: по основанию шейки и под краем венчика (рис. 7: 8). Валик покрыт различными узорами: сетка, косые насечки, уголки, стоящие заштрихованные треугольники.

На фрагментах стенок крупных сосудов встречен рельефный орнамент других типов: дуговидный выступ, расчлененный косыми насечками и представляющий собой, очевидно, декоративные ручки-выступы; длинный гладкий горизонтальный выступ, круглый в сечении (зафиксирован на двух обломках стенок больших сосудов); круглые парные налепы-шишечки (рис. 8: 1—2, 4, 6—8).

Углубленный орнамент, нанесенный по основанию шейки и плечикам, весьма разнообразен по технике исполнения, чаще всего — врезной, несколько реже — зубчатый. Это — многорядные опоясывающие линии, многорядный горизонтальный зигзаг, нередко сочетающийся с указанными линиями; штрихи в различных направлениях, горизонтальная и вертикальная «елочка»; реже встречаются стоящие небрежно заштрихованные треугольники (рис. 3: 3; 4: 6; 5: 2—6; 7: 6—8). В некоторых случаях наблюдается асимметричность в нанесении мотивов углубленного орнамента, нарушая его ритмичность, что подчеркивает нарядность узора в целом.

Рис. 1 Предгорья Закубанья, междуречье Чамлыка и Урупа.

Fig. 1 Trans-Kuban Foothills: regions between rivers Chamlyk and Urup.

2. Большие сосуды с венчиком-раструбом, резко или плавно переходящим в крутые, либо плавные плечики. Украшены только валиком, расчлененным подквадратными или круглыми вмятинами (рис. 3: 1; 6: 1—3, 5—7; 7: 2), реже косыми насечками сеткой (рис. 3: 2; 7: 1); изредка валик гладкий (рис. 6: 4). Он тоже опоясывает основание шейки, но встречается и под краем венчика в один-два ряда (рис. 6: 1—2; 6: 9). Валик, опоясывающий основание шейки, иногда тоже дополняется зигзагообразным горизонтальным, гладким либо расчлененным валиком (рис. 3: 1—2), а также рельефной фигуркой неясной формы, может быть, типа букрании (рис. 6: 7).

Видимо, к этой же группе керамики относятся фрагменты стенок сравнительно крупных сосудов, опоясанных по плавно округлому перегибу от плечиков к бокам расчлененным валиком в один, реже в два ряда (рис. 4: 3—5).

3. Небольшие обычно плавно профилированные сосуды, орнаментированные, как и первая группа керамики, врезным узором, который нанесен иногда на валик (рис. 5: 1; 7: 3—5).

4. Две стенки корчаг грубо обмазаны глиной в виде беспорядочных сосцевидных налепов (рис. 8: 3, 5).

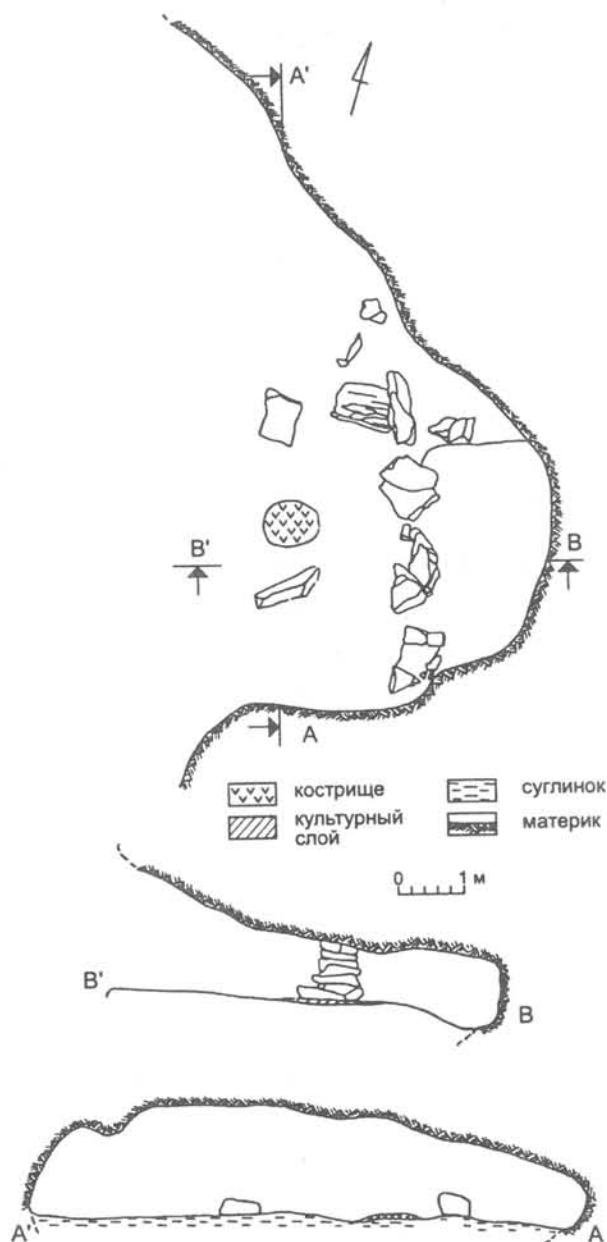

Рис. 2 Гамовская Балка, навес I. План и разрезы.

Fig. 2 Gamovskaya Balka, canopy 1: plan and sections.

5. Небольшие горшочки резко или плавно профилированы (то есть как и крупные сосуды венчиком-раструбом) и опоясаны по основанию шейки врезными или веревочными линиями (рис. 9: 2, 4).

6. Горшочки без орнамента, иногда встречаются тонкостенные. Отогнутый венчик в ряде случаев имеет вид оттянутого наклепного «воротничка» (рис. 10: 1, 2, 4, 5).

7. Боченковидные банки — со стянутым устьем, под которым нанесен врезной или

зубчатый узор из горизонтальных линий и зигзага под ними (рис. 9: 1, 3, 6).

8. Стаканообразные баночки, на которых может быть нанесен скромный узор из узких косых вдавлений в один ряд (рис. 9: 7, 8).

Днища сосудов, в основном, плоские, но встречаются и округло-уплощенные от небольших экземпляров (рис. 9: 5; 10: 3, 6—8).

Обнаружены также четыре округло-конических пряслица (рис. 10: 9—12).

Яркая и выразительная керамика Гамовской Балки вполне сопоставима в Закубанье с орнаментацией на сосудах из катакомбных погребений с вытянутыми костяками в Успенском могильнике (Каминский 1986). Могильник расположен на левом берегу реки Кубани в 86—88 км к северу от Гамовской Балки. На успенских сосудах тоже имеются разнообразно расчлененные валики: вертикальные из нескольких групп, горизонтальные опоясывающие линии, горизонтальный зигзаг. Все три вида такого валикового орнамента нередко вместе встречаются на сосудах. Другие виды узора — веревочные горизонтальные линии, врезной горизонтальный зигзаг. Эта орнаментация нередко сочетается с указанными валиковыми узорами.

В западной части Закубанья, на черноморском побережье под Геленджиком среди матерала из разрушенного поселения есть параллели некоторым типам гамовской орнаментации. Здесь встречены фрагменты крупных сосудов с расчлененными валиками. Узор из валиков опоясывает сосуд в один или два ряда, либо представлен группой из вертикальных рядов. Встречен врезной орнамент — горизонтальный тройной зигзаг, расположенный под горизонтальным рядом из овальных вмятин (хранится в Геленджикском музее краеведения; раскопки И. И. Аханова в 1988 г.). Но особого внимания заслуживает близость гамовской керамики с сосудами Ливенцовской крепости в дельте Дона, о чем было сказано выше. Причем, эта близость проявляется более ощутимо, чем с керамикой Северо-Западного Кавказа (Геленджикская коллекция, где материал, правда, фрагментирован и перемешан; Успенский могильник).

Среди ливенцовской посуды, где немало крупных фрагментов и целых экземпляров, С. Н. Братченко выделил две основные группы сосудов, которые, как теперь видно, аналогичны характерным гамовским формам.¹ Первая группа (Братченко 1976: 124,

¹ Выражаю благодарность С. Н. Братченко, ознакомившему в свое время меня с ливенцовскими сосудами, включая и неопубликованные экземпляры (однако, и то, что опубликовано, отчетливо демонстрирует близость керамики обоих памятников). С. Н. Братченко также ознакомлен с керамикой Гамовской Балки и признает ее близость с ливенцовскими сосудами.

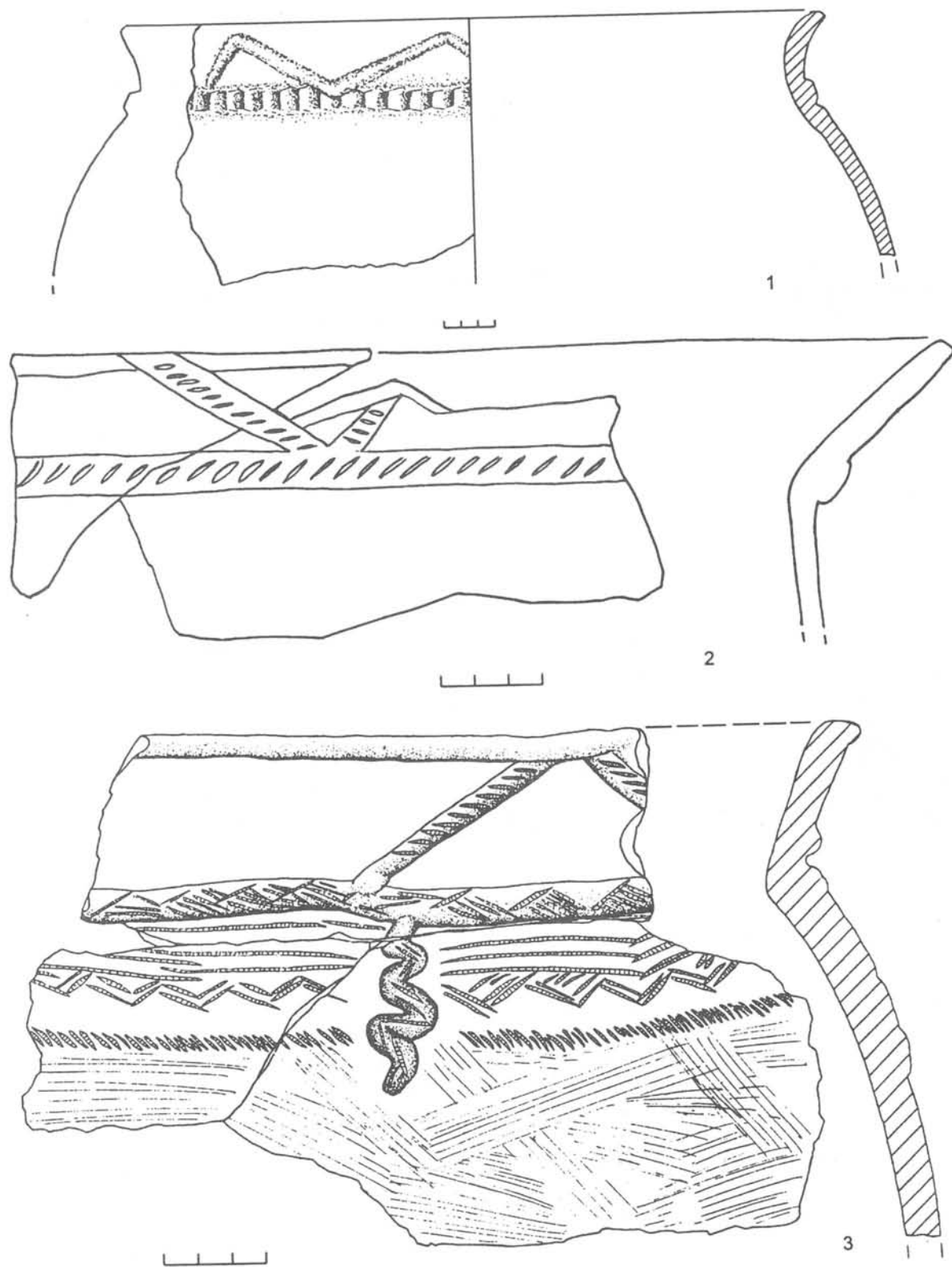

Рис. 3 Гамовская Балка, навес 1. Керамика: 1—2— вторая группа; 3— первая группа.

Fig. 3 Gamovskaya Balka, canopy 1: 1, 2— second group; 3— third group.

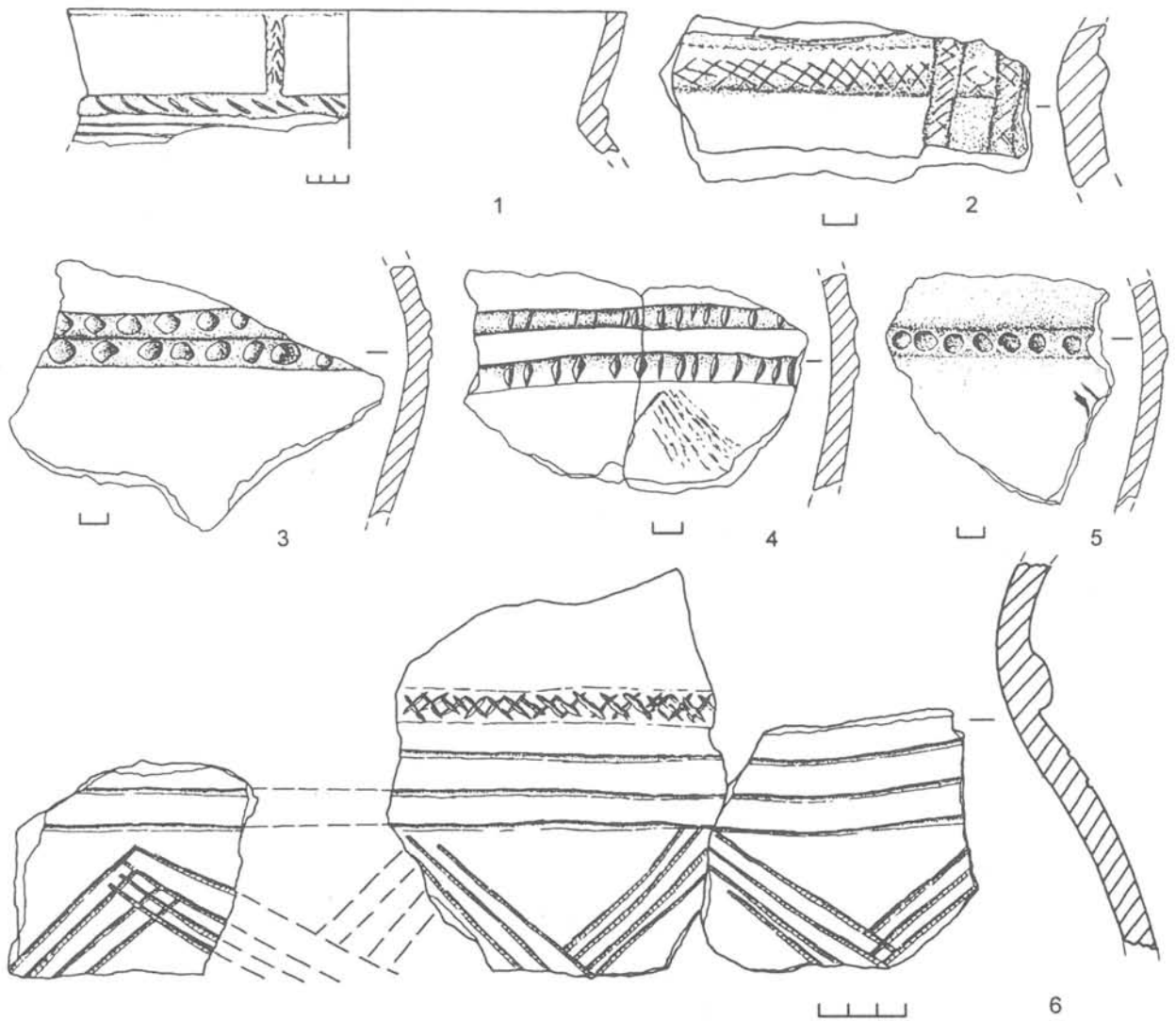

Рис. 4 Гамовская Балка, навес I. Керамика: 1—2, 6 — первая группа; 3—5 — вторая группа.

Fig. 4 Gamovskaya Balka, canopy I: 1, 2, 6 — first group; 3, 5 — second group.

рис. 66: 3, 4, 6, 11, 13—15): крупные горшки с венчиком-раструбом и широкими биконическими или округлыми боками. Большинство их орнаментировано расчлененным валиком, опоясывающим сосуд в один-три ряда: по основанию шейки, плечикам и тулову в месте перегиба, т. е. в наиболее широкой части. Близкий узор — валик, опоясывающий тулово по перегибу, известен и на гамовских сосудах (рис. 4: 3—5). Указанный ливенцовский орнамент дополняется вертикальными отрезками валиков или горизонтальным зигзагообразным валиком. Встречается также врезной и зубчатый орнамент, сочетающийся на сосудах в виде мотивов из многорядных горизонтальных линий, косых овальных вдавлений и косых крестиков. Косые крестики создают впечатление сетки и часто встречаются на валиках гамовских сосудов.

Вторая, более малочисленная группа ливенцовской керамики, представлена сосудами с прямой или слабо отогнутой шейкой. Форма тулова у них, как логично предполагает С. Н. Братченко, такая же, что и у сосудов первой группы (Братченко 1976: 124, рис. 66: 1—2). Сосуды второй группы орнаментированы скромнее: основание шейки опоясано расчлененным валиком либо, что реже, вертикальными вмятинами; иногда этот валик дополняется такими же вмятинами по краю венчика.

Красновато-коричневый цвет части ливенцовской керамики (Братченко 1976: 122, 124) тоже близок красновато-оранжевой поверхности на многих гамовских сосудах.

Приведенные выше две основные группы ливенцовской керамики по форме и типам орнамента очень перекликаются, а по сути почти соответствуют гамовским

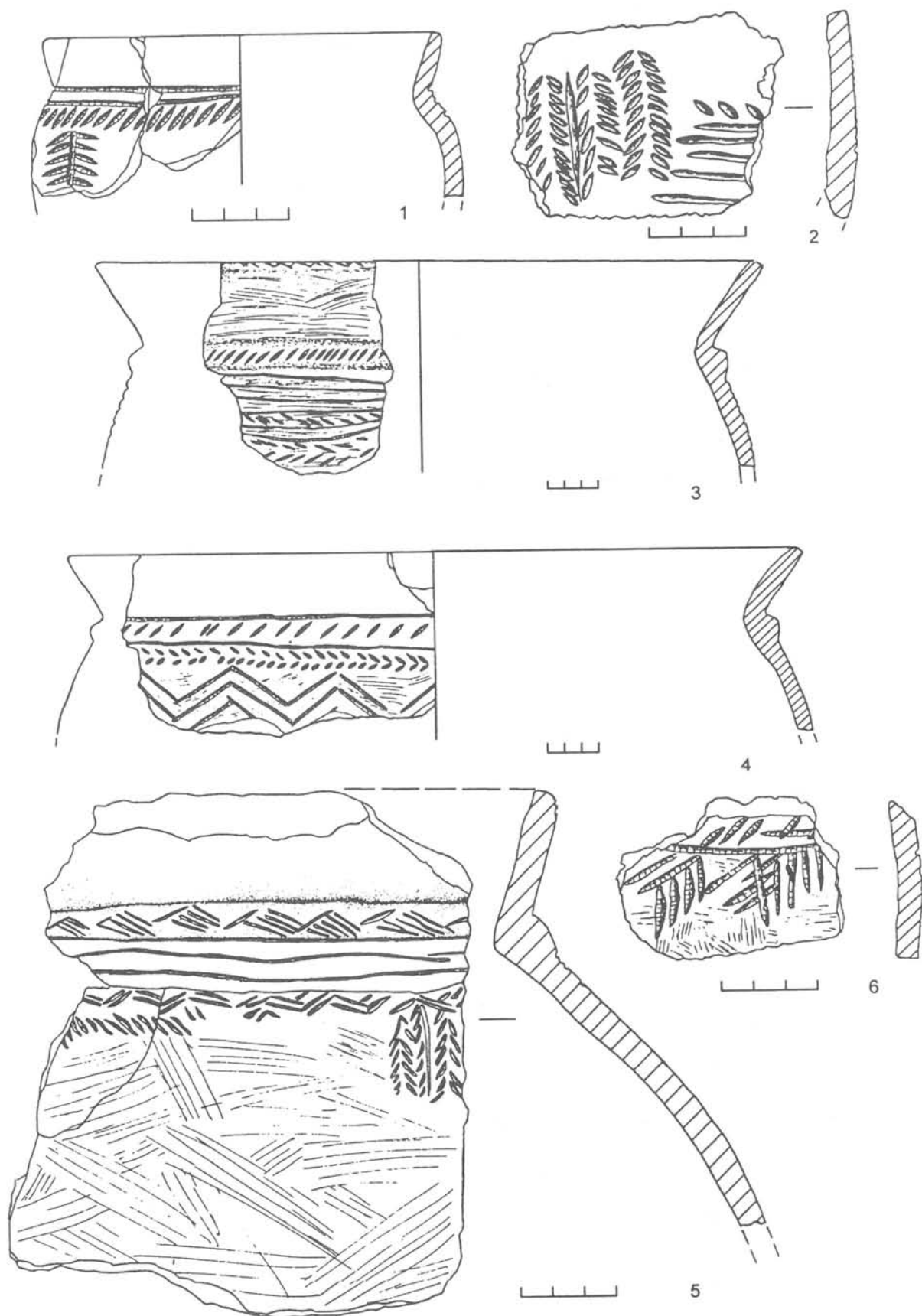

Рис. 5 Гамовская Балка, навес I. Керамика: 1 — третья группа; 2—6 — первая группа.

Fig. 5 Gamovskaya Balka, canopy 1: 1— third group; 2, 6— first group.

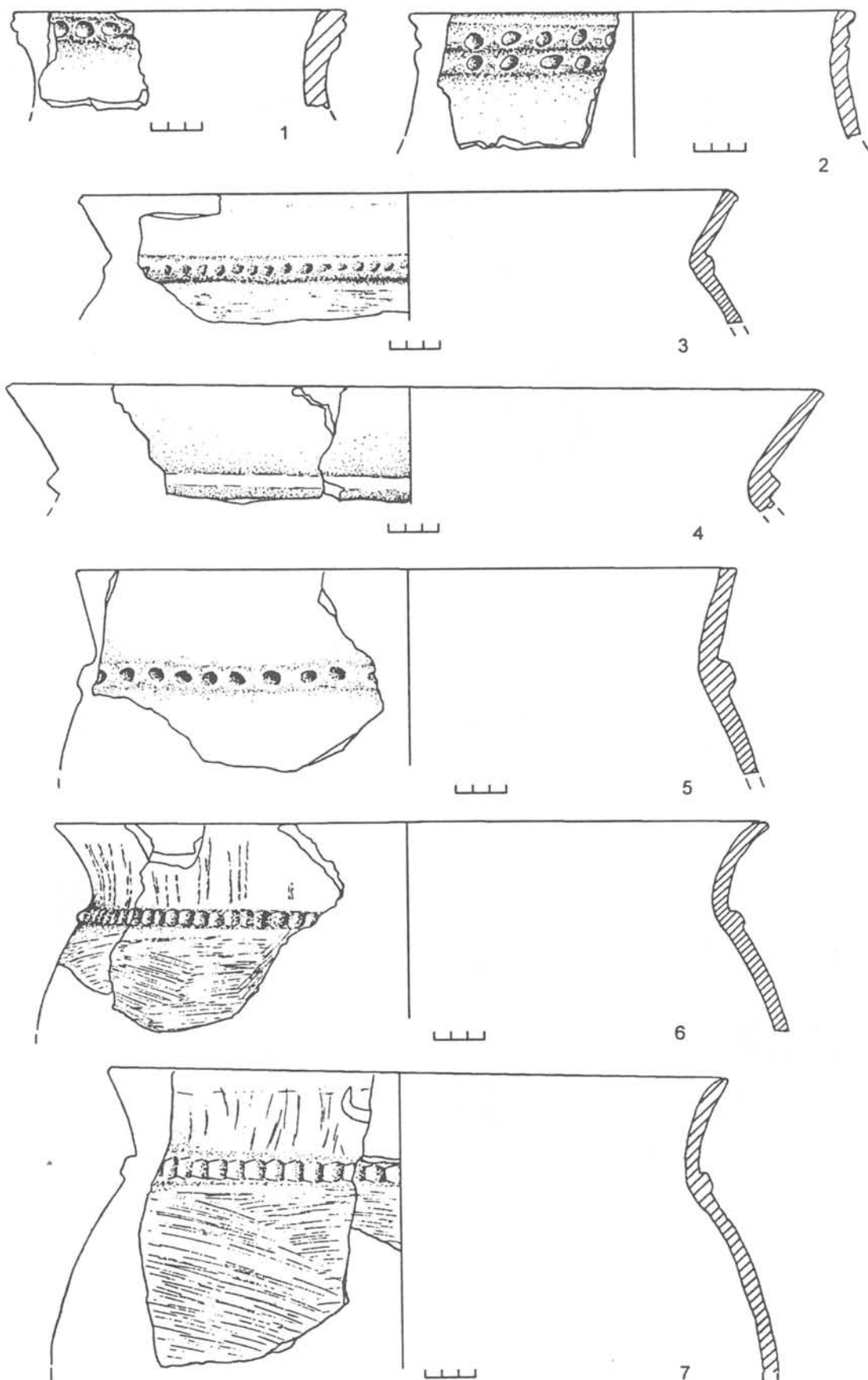

Рис. 6 Гамовская Балка, навес I. Керамика: 1—7 — вторая группа.

Fig. 6 Gamovskaya Balka, canopy 1: 1, 7 — second group.

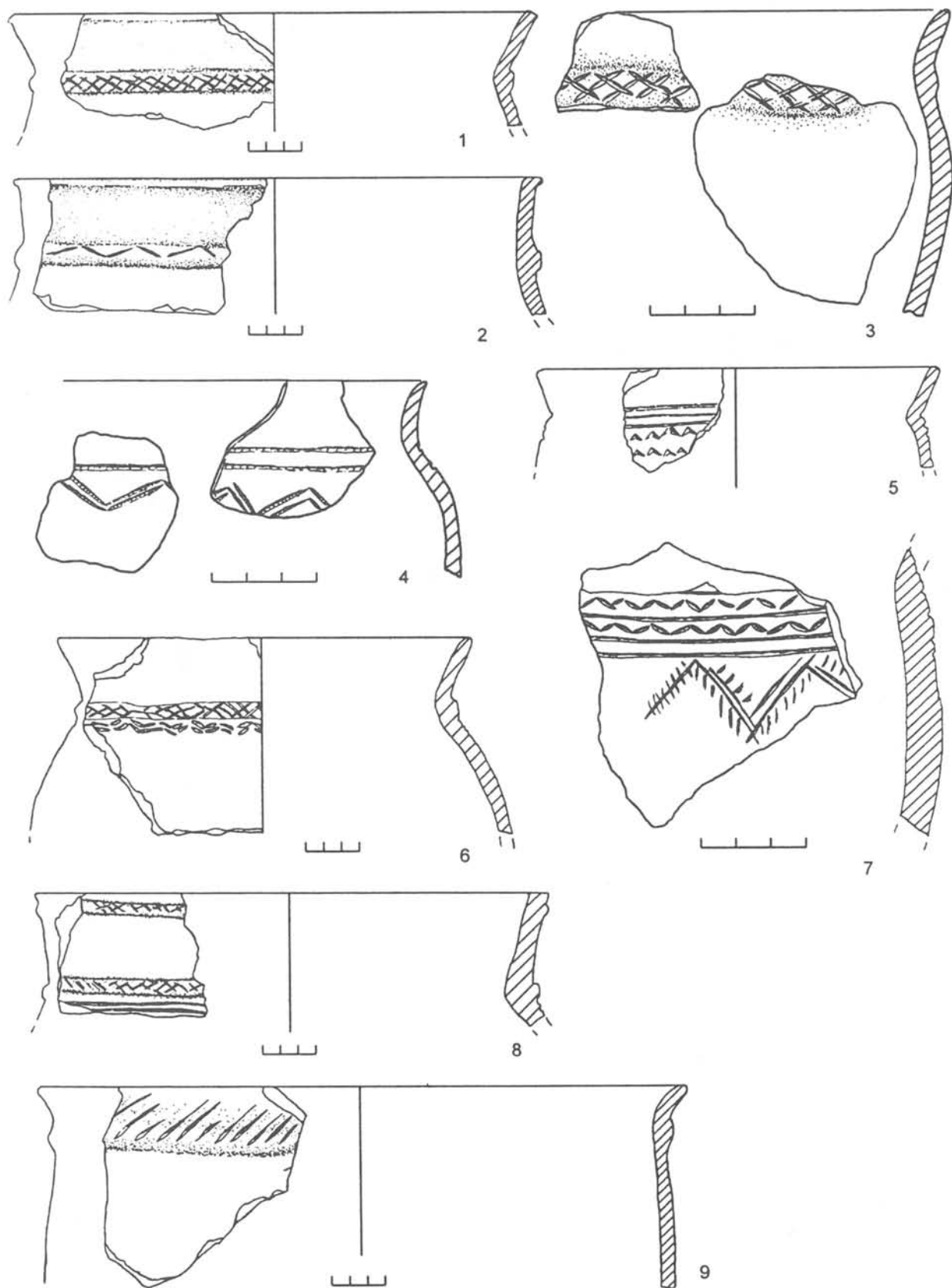

Рис. 7 Гамовская Балка, навес I. Керамика: 1, 2, 9 — вторая группа; 3—5 — третья группа; 6—8 — первая группа.

Fig. 7 Gamovskaya Balka, sanopy 1: 1, 2, 9 — second group; 3—5 — third group; 6—8 — first group.

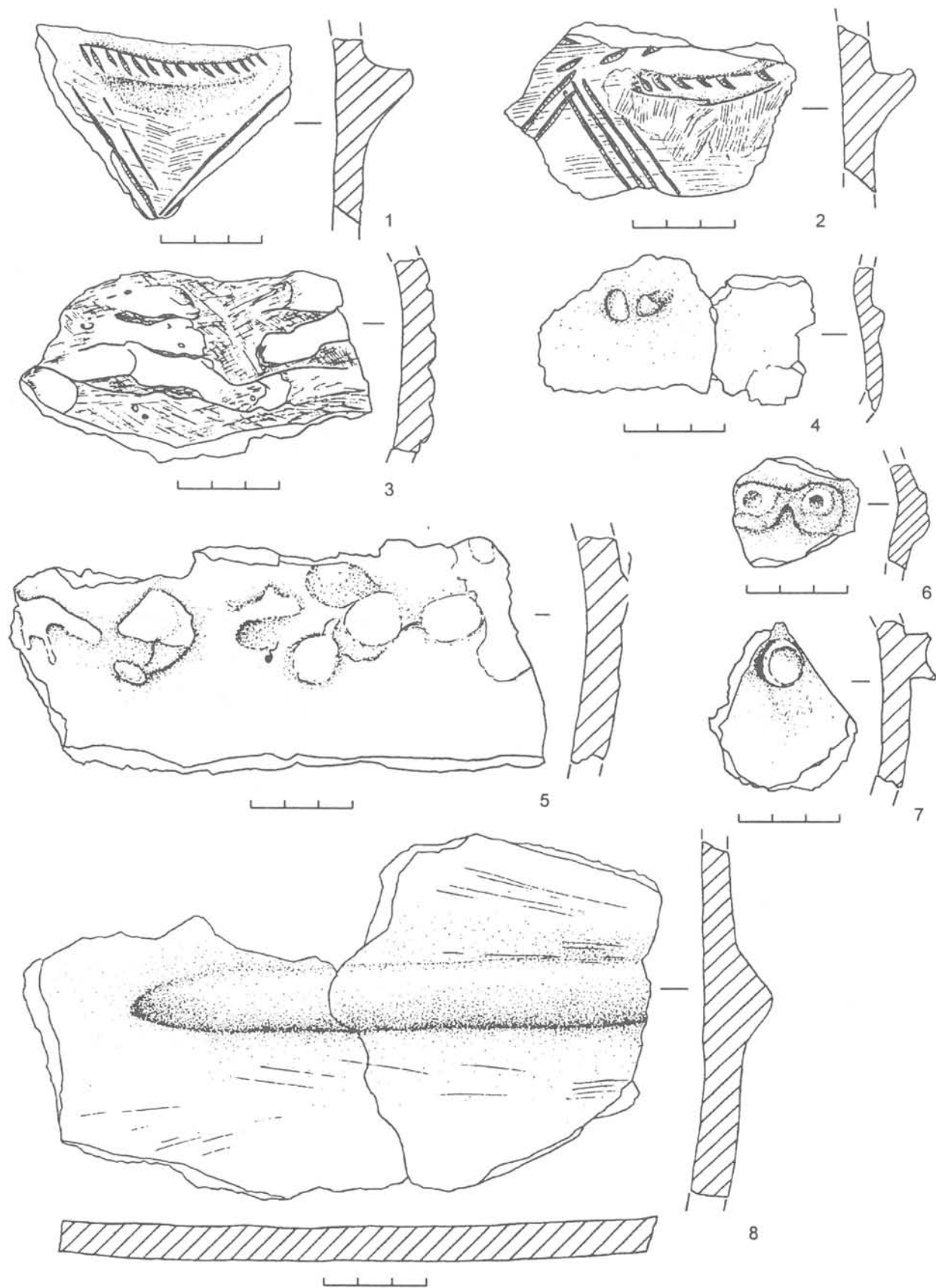

Рис. 8 Гамовская Балка, навес I. Керамика: 1, 2, 4, 6—8—первая группа; 3, 5—четвертая группа

Fig. 8 Gamovskaya Balka, canopy 1: 1, 2, 4, 6—8—first group; 3, 5—fourth group.

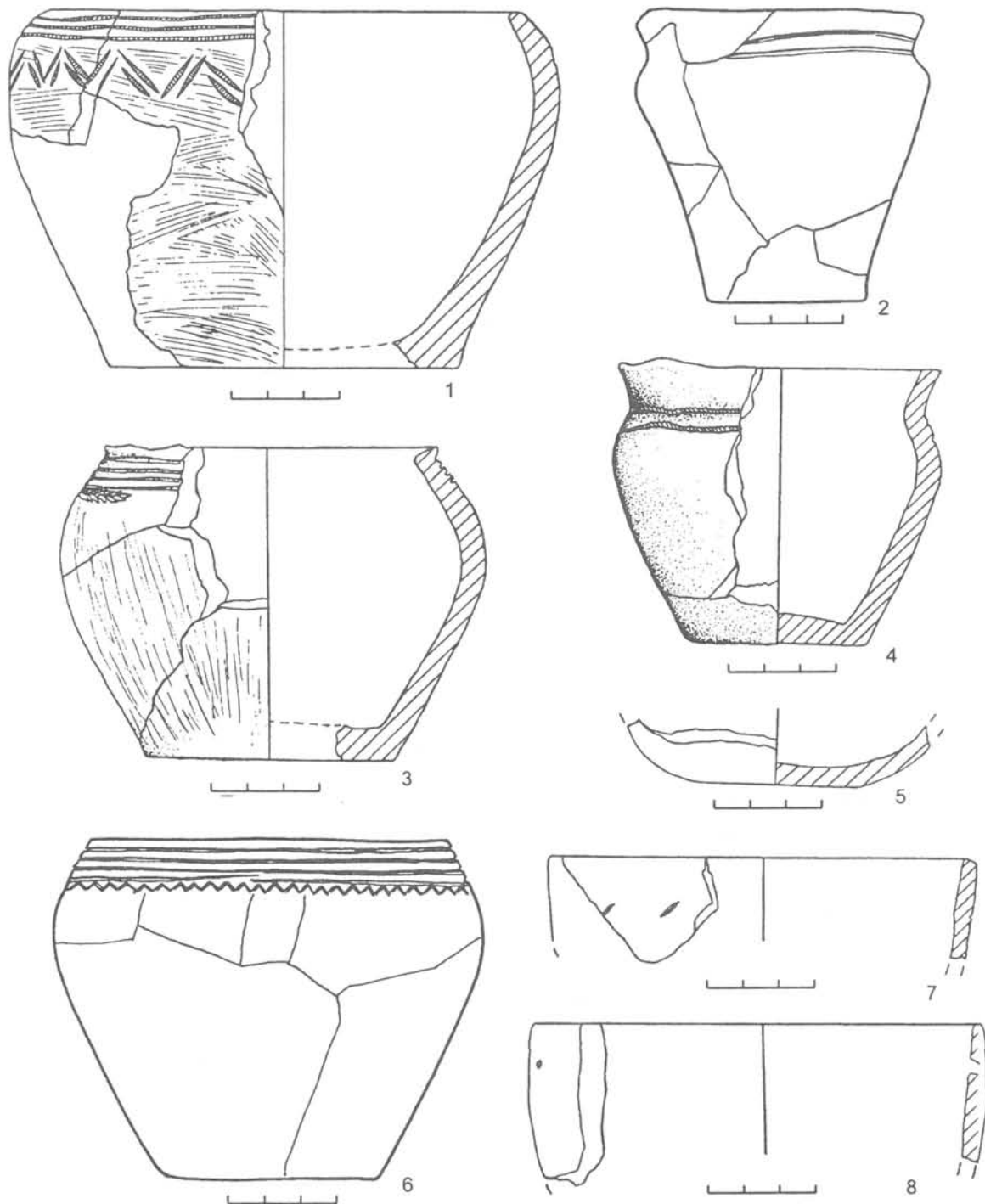

Рис. 9 Гамовская Балка, навес I. Керамика: 1, 3, 6 — седьмая группа; 2, 4 — пятая группа; 5 — донце; 7—8 — восьмая группа.

Fig. 9 Gamovskaya Balka, canopy 1: 1, 3, 6 — seventh group; 2, 4 — fifth group; 5 — base; 7, 8 — eighth group.

сосудам первой и второй групп. Остальная ливенцовская посуда относится, как указывает Братченко, к редким одиночным формам (Братченко 1976: 124, рис. 66: 5, 7, 9, 10). Сходство гамовской и ливенцовской керамики по основным характерным типам с их богатой и разнообразной орнаментацией указывает, скорее всего, на культурно-генетическое родство обоих памятников.

Очевидно, часть населения культуры типа Гамовской Балки переселилась из предгорий в районе бассейна верхней Кубани (Закубанье) на север, в степь, на высокий правый берег донской дельты. Проникновение в низовья Дона племен Кубани справедливо предположил и Братченко, объясняя причины определенного сходства ливенцовской посуды с керамикой из

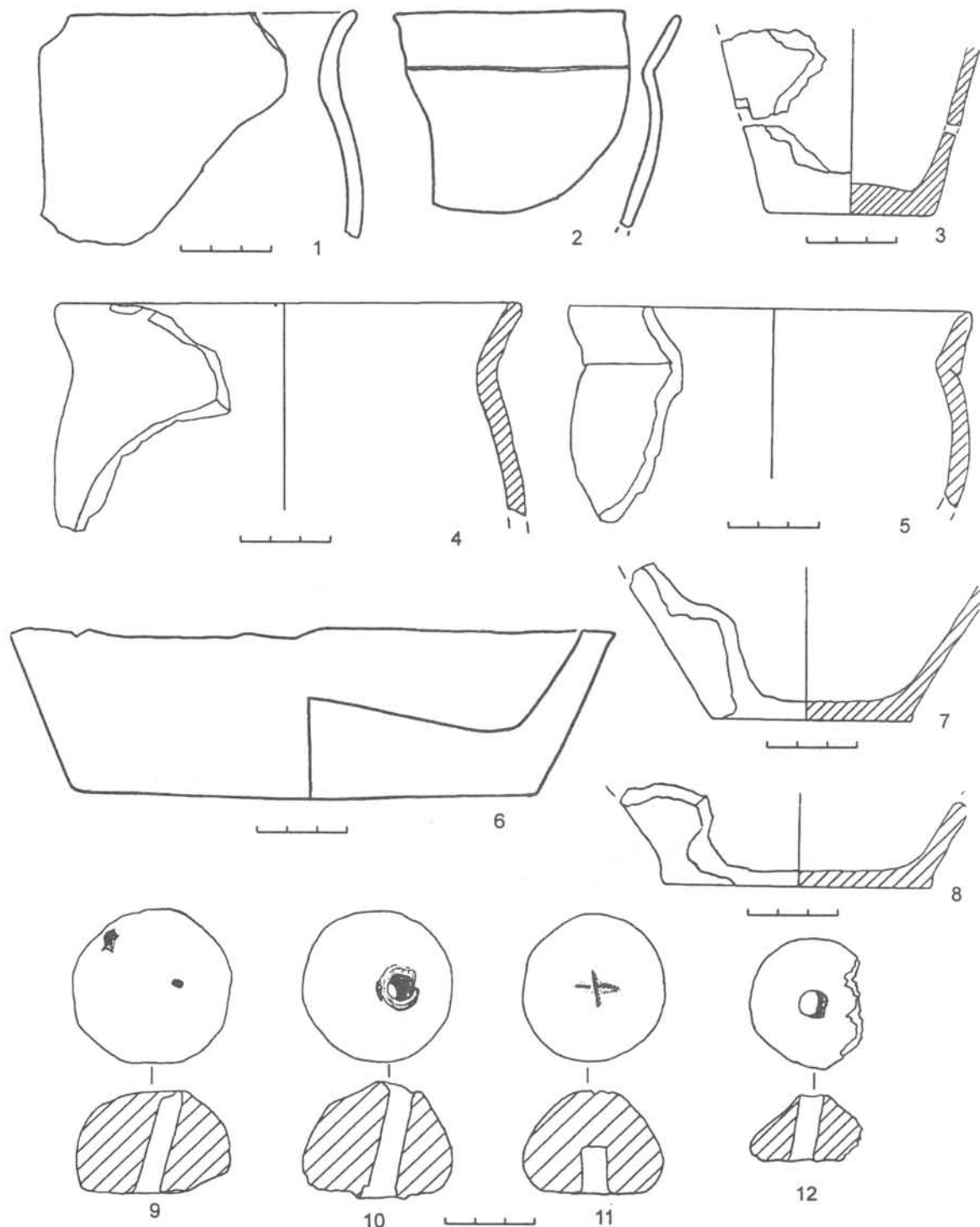

Рис. 10 Гамовская Балка, навес I. Керамика: 1, 2, 4, 5 — шестая группа; 6—8 — днища; 9—12 — пряслица.

Fig. 10 Gamovskaya Balka, canopy 1: 1, 2, 4, 5 — sixth group; 6—8 — base; 9—12 — loom weight.

курганов, раскопанных Н. И. Веселовским (Братченко 1976: 127—128). Отсюда понятна необходимость сооружения крепостей пришлым населением на территории с инкультурной средой. В этой связи понятно и высказывание Братченко о некоторых чертах близости посуды крепости и культуры многоваликовой керамики, выражен-

ное, правда, лишь в применении на ливенцовской посуде валикового орнамента, который был вообще характерен для ряда культур эпохи средней бронзы на юге Восточной Европы (Братченко 1976: 127—128). Существенно здесь то, что в ливенцовской орнаментации полностью отсутствует сложный многоваликовый узор из вертикальных

«елок», треугольников и паркета, столь типичный для посуды культуры многоваликовой керамики (Братченко 1976: 124; 1985: 461).

Между тем, следует отметить определенные отличия между гамовской и ливенцовской керамикой, что объясняется миграцией части населения в другой регион. Ливенцовские сосуды чаще украшаются веревочным, более нарядным узором, абсолютно несвойственным посуде культуры многоваликовой керамики, а среди врезного орнамента содержатся мотивы, не встреченные на гамовских сосудах. Выпески населения из Северо-Западного Кавказа на север, в степь в эпоху бронзы известны и в более раннее время (майкопская культура), и в более позднее (кобяковская культура).

Время существования Гамовской Балки определяется хронологической позицией Ливенцовской крепости. Крепость, обоснованно причисленная к поздним северокавказским памятникам, синхронна культуре многоваликовой керамики (Братченко 1976:

133, схемы на рис. 69; 72), то есть бабинской культуре. Эта культура конца эпохи средней бронзы предшествует памятникам покровского культурного типа, с которого и начинается эпоха поздней бронзы на юге Восточной Европы (Бочкарев 1991: 24—25, 1995: 25—27; Шарафутдинова 1993: 87—89). Примечательно, что Ливенцовская крепость погибла в результате штурма ее покровскими племенами, кремневые стрелы которых, как и стрелы осажденных, усеяли руины, в том числе и рвы крепости.²

Исходя из хронологии памятников покровского типа (Бочкарев 1991: 24—25, 1993: 42—43; Шарафутдинова 1995: 107), бабинскую культуру теперь можно датировать первой четвертью II тыс. до н. э. Следовательно, к этому же времени относится и Ливенцовская крепость. В таком случае можно полагать, что жилой комплекс навеса I Гамовской Балки существовал в указанный для культуры многоваликовой керамики и Ливенцовской крепости период.

Бочкарев, В. С. 1991. Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте: материалы методологического семинара Института истории материальной культуры РАН: 24—27. Санкт-Петербург.

1992. Концептуальные основы хронологии эпохи поздней бронзы южной половины Восточной Европы // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Тезисы докладов конференции Института истории материальной культуры РАН: 42—43. Санкт-Петербург.

1995. Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы: (Опыт сравнительной характеристики) // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи неолита — бронзы Средней и Восточной Европы. Материалы конференции в Саратове. Институт истории материальной культуры РАН, Саратовский государственный университет 1: 18—29. Санкт-Петербург.

Братченко, С. И. 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наукова думка.

1985. Каменско-Ливенцовская группа памятников // Археология Украинской ССР 1: 458-462. Киев: Наукова думка.

Каминская, И. В., Э. С. Шарафутдинова. 1993. Новый памятник эпохи бронзы на Северо-Западном Кавказе // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов: 45—47. Краснодар: Кубанский государственный университет.

Каминский, В. И. 1986. Отчет о раскопках курганов в селе Успенском Успенского района Краснодарского края (НА-452). Архив Краснодарского историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицина.

Шарафутдинова, Э. С. 1992. Памятники покровского типа в нижнем Подонье // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Тезисы докладов конференции Института истории материальной культуры РАН: 87—90. Санкт-Петербург.

1995. Начальный этап эпохи поздней бронзы в нижнем Подонье и на Северском Донце // Донские древности 4: 93—116. Азов.

1996. Новые памятники эпохи средней и поздней бронзы Северо-Западного Кавказа // Между Азией и Европой. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Н. Иессена: 93—95. Санкт-Петербург.

² Наконечники стрел штурмующих автор раскопок определил как раннесрубные (Братченко 1976: 125-127), а приведенные автором для этого аналогии содержатся, как теперь установлено, в покровских комплексах.

DWELLING COMPLEX OF GAMOVSKAYA BALKA — A NEW MIDDLE BRONZE AGE SITE IN THE NORTH-WESTERN CAUCASUS

I. V. KAMINSKAYA, A. S. SHARAFUTDINOVA

In 1988, in the foothills of the North-Western Caucasus, on the Kuva River left bank, there was discovered a dwelling complex dated to the Middle Bronze Age (Каминская, Шарафутдинова 1993: 45—47; Шарафутдинова 1996: 94—95). The complex was found in canopy 1 of the Gamovskaya Balka grotto (fig. 1: 1). In the western part of the grotto there were Alan burials damaged by robbers. On the bottom close to the entrance there was a fireplace, to the south and to the north of which two massive stone slabs — possibly remains of its enclosing wall — were standing (fig. 1: 2). An earlier Bronze Age cultural layer lay buried throughout the whole area of the grotto. In this layer, ceramic material composed of 9700 vessel fragments including 12 complete shapes and 280 rim fragments and other large sherds was discovered.

The significance of the site lies not merely in the fact that it is the first single-period settlement of the late Middle Bronze Age in the region. The site is of great importance also because the Gamovskaya pottery shows a distinct connection to the vessels of the Liventsovskaya fortress in the Don delta. The latter site was investigated in the 60^s by S. L. Bratchenko who as far back as 20 years ago proposed a hypothesis of the closeness of the Liventsovskaya fortress pottery to that from the Trans-Kuban burials known from excavations of N. I. Veselovskiy (Братченко 1976: 127). The material from the Gamovskaya Balka settlement confirmed this hypothesis (Шарафутдинова 1996: 94—96). The diversity of shapes of the Gamovskaya pottery enabled us to distinguish several types or groups in it. The most characteristic and widespread pots are represented by two groups equal in quantity and close in their shapes.

1. Large vessels with a funnel-shaped rim making a sharp transition into a steep shoulder. The upper parts of the vessels usually are richly decorated with relief and impressed ornaments; in a third of the pieces decorations of both types were met together. The *relief decorations* are encircling the vessel neck bases and often match with: 1) a clay cylinder split into several parts — a zigzag or a vertical one in the shape of several segments placed on the

neck; or in some cases 2) a cylinder-«snake» on the shoulder (figs. 2: 3; 3: 1, 2, 6; 4: 3-5; 6: 6). On one occasion the cylinder encircled the upper part of the vessel in two rows: along the neck base and below the rim edge (fig. 6: 8). This cylinder was covered with different types of decoration: net, slant incisions, small angles, hatched triangles. On the wall fragments of large vessels relief decorations of other types were found: arch-like ledge split with slant incisions and possibly representing decorative handles-ledges; a long smooth horizontal ledge circular in section; round paired knobs of applied clay (figs. 7: 1—2, 4, 6—8). *Impressed decorations* drawn on the neck bases and shoulders are mostly incised, less often notched. It is several rows of encircling lines; rows of horizontal zigzags often combined with the above mentioned lines; traits drawn in various directions — the horizontal and vertical «herring-bones»; less often, standing hatched triangles are met (figs. 2: 3; 3: 6; 4: 2—6; 6: 6—8). In some cases one may observe asymmetry in drawing motifs of the impressed decoration that disturbs the rhythm of the latter emphasising the smartness of the pattern in general.

2. Large vessels with funnel-shaped rims that make a sharp or soft transition into steeply or softly curved shoulders, the latter are decorated only with a clay cylinder split by sub-square or round depressions (figs. 2: 1; 5: 1—3, 5—7; 6: 2), less often with slant incisions forming a net (figs. 2: 2; 6: 1); in rare cases the cylinder is smooth (fig. 5: 4). The cylinder is also encircling the neck base, but occasionally forms one or two rows beneath the rim (figs. 5: 1—2; 6: 9). The cylinder encircling the base of the neck sometimes also is complemented with either a zigzag horizontal, or a smooth or split cylinder (fig. 2: 1—2), as well as with a relief figurine of an indeterminate shape (fig. 5: 7). Possibly, to the same group of pottery one may also assign the wall fragments of relatively large vessels encircled with a split cylinder in one or, less often, two rows along the softly rounded articulation between the shoulder and sides (fig. 3: 3—5).

3. Rather small vessels usually having a softly pronounced profile and similarly to the

first group decorated with incised pattern that occasionally is drawn on the cylinder (figs. 4: 1; 6: 3—5).

4. Two wall fragments of large pots coarsely plastered with clay in shape of irregular applied nipples (fig. 7: 3, 5).

5. Small pots with sharply or softly pronounced profiles and encircled with incised or cord-imprinted lines along the neck bases (fig. 8: 2, 4).

6. Undecorated small pots, occasionally thin-walled. The outturned rim in a number of pieces is shaped as a welded pulled aside «collar» (fig. 9: 1, 2, 4, 5).

7. Barrel-shaped jars with a narrowing mouth; beneath the latter an incised or notched pattern of horizontal lines and a zigzag below them are drawn (fig. 8: 1, 3, 6).

8. Beaker-shaped small jars that occasionally have a pattern of a row of narrow slant indentations drawn upon them (fig. 8: 7, 8);

In the Trans-Kuban region the Gamovskaya Balka pottery finds parallels in decorations of vessels from catacomb graves with stretched skeletons at the Uspenskoe burial ground (Каминский 1986). There are some parallels to certain types of Gamovskaya decorations in the western part of the Trans-Kuban region, on the Black Sea coast near Gelendjik, among the material from a ruined settlement. Among the Liventsovskaya ware S. N. Bratchenko singled out two major groups of vessels close to the Gamovskaya shapes.³ The first group (Братченко 1976: 124, fig. 66: 3, 4, 6, 11, 13—15) includes large pots with funnel-shaped rims and wide biconical or rounded sides. The majority of these pots are decorated each with a split clay cylinder encircling the vessel in one, two or three rows: along the neck base, shoulder and the body in the bending place. A similar pattern — the cylinder encircling the body on the bend — has been registered also on the Gamovskaya vessels (fig. 3: 3—5). The mentioned Liventsovskaya ornament is complimented either with vertical cylinder segments or with a horizontal zigzag cylinder. Also one meets incised and notched decorations combined on the vessels as motifs composed of several rows of horizontal lines, slant oval indentations and slant small crosses. The second group of the Liventsovskaya pottery is represented by vessels with a straight or slightly turned out neck. The body shape of these vessels is the same

as by the first group (Братченко 1976: 124, fig. 66: 1—2). The vessels of the second group are not decorated so richly: the base neck is encircled with a split cylinder or with vertical indentations the former being occasionally complimented with similar indentations along the rim edge. The reddish-brown colour of a part of the Liventsovskaya pottery (Братченко 1976: 122, 124) also is close to the reddish-orange surface of the Gamovskaya vessels.

The two main groups of the Liventsovskaya pots in terms of their shape and decoration types correspond to the Gamovskaya vessels of the first and second groups. The closeness of the Liventsovskaya and Gamovskaya pottery suggests a cultural-genetic relationship of both sites. Possibly, a part of population of the Gamovskaya Balka Culture had migrated from the foothills to the North — into the steppes on the right bank of the Don delta — as was quite correctly supposed by S. L. Bratchenko (Братченко 1976: 127—128). From this the necessity for the arrived population to build fortresses becomes clear. And so does the statement on certain features of closeness between the fortress earthenware and the culture of multi-cylinder pottery. This statement was expressed only relative to the Liventsovskaya ware with the cylinder-decorations characteristic of a number of cultures of the Middle Bronze Age in the south of the Eastern Europe (Братченко 1976: 127—128). It is essential that in the Liventsovskaya ornamentation there is no multi-cylinder pattern of vertical «herring-bones», triangles and «parquetry» typical to the ware belonging to the culture of multi-cylinder pottery (Братченко 1976: 124; 1985: 461). One should note certain differences between the Gamovskaya pottery and that of Liventsovskaya which may be accounted for by migration of a part of the population. The Liventsovskaya vessels more frequently are decorated with a cord ornament not peculiar to the multi-cylinder pottery culture; also, among the incised decorations there are motifs not encountered on the Gamovskaya vessels. Splashes of population out of the North-Western Caucasus to the north have been registered also for earlier periods (the Maikop Culture) and for the later ones (Kobyakovskaya Culture).

The time of rendering the grotto of Gamovskaya Balka habitable is defined by the chronological position of the Liventsovskaya

³ We wish to express our gratitude to S. N. Bratchenko who kindly showed us Liventsovskaya vessels including the unpublished ones (though the material that has already been published distinctly indicates the closeness of the pottery from both sites). S. N. Bratchenko was in his turn shown the ceramics from the Gamovskaya Balka and he acknowledges its similarity to the Liventsovskaya vessels.

fortress. The fortress is synchronous to the culture of multi-cylinder pottery (Братченко 1976: 133; charts in figs. 69; 72), *i. e.* to the Babinskaya Culture. This culture preceded the sites of the Pokrovsk cultural type with which the period of Late Bronze in the south of the Eastern Europe actually begins (Бочкарев 1991: 24-25; 1995: 25-27; Шарафутдинова 1993: 87-89). It is noteworthy that the Liventsovskaya fortress perished during its assault by Pokrovsk tribes whose flint arrows strewed

the fortress ruins.⁴ Basing on the chronology of Pokrovsk type sites (Бочкарев 1991: 24-25; 1993: 42-43; Шарафутдинова 1995: 107) the Babinskaya Culture may be dated to the first quarter of the 2nd millennium B.C. To the same time also the Liventsovskaya fortress belongs. We suppose that the dwelling complex of canopy 1 of the Gamovskaya Balka existed during the period indicated for the culture of multi-cylinder pottery and the Liventsovskaya fortress.

---

⁴ The arrow-heads of the assaulting warriors were identified by the author of the excavation as early Srubnaya ones (Братченко 1976: 125—127), but at present it has been stated that the parallels referred by the author are found in the Pokrovsk complexes.

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ПОГРЕБЕНИЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ В МЕЖДУРЕЧЬЕ МАНЫЧА И САЛА

В. Я. СТЕГАНЦЕВА*

Вопросы относительной хронологии погребальных памятников имеют большое значение для установления периодизации и абсолютной хронологии культур, представленных в основном погребениями. Помимо случаев прямой стратиграфии (погребения прорезают друг друга), возможно установление вертикальной стратиграфии (выявление связей погребения с определенным выбросом погребенной почвы, с насыпью или поздней досыпкой) и горизонтальной стратиграфии (погребение в поле кургана позднее, чем центральное захоронение). В результате подобного анализа С. Н. Братченко создал относительную хронологическую колонку Лысого кургана, раскопанного в 1960 году. С тех пор исследователи в своих отчетах пытаются установить последовательность погребений. Позднее, в 70-х годах сотрудники Донской экспедиции стали помещать в полевых отчетах стратиграфические схемы для каждого кургана (Каменецкий, 1986: 189—190, рис. 43).

Существуют работы по хронологии и периодизации культур эпохи энеолита и бронзы Нижнего Дона. В них рассмотрены разнокультурные группы памятников. В настоящее время внимание археологов обращено на изучение региональных вариантов катакомбной культуры, причем наибольшее значение имеет исследование их периодизации и культурной динамики. Таковы работы А. М. Смирнова по донецкой катакомбной культуре и С. В. Арапова по катакомбной культуре Восточного Маныча.

Одной из дискуссионных проблем восточноевропейской археологии эпохи бронзы является разработка относительной хронологии маньчской катакомбной культуры, с которой как с эталоном часто сравнивают катакомбные культуры соседних территорий.

В сальско-маньчских степях в 70—80-е годы были проведены масштабные стро-

ительные работы, что дало возможность раскопать большое количество курганов. Их насыпи были частично распаханы до раскопок. Тем не менее для многих курганов удалось установить стратиграфические колонки.

В работе учтены более 400 катакомбных погребений и 89 стратифицированных курганов. Погребения разделены на группы в соответствии с конструкцией погребального сооружения. Для этого использована классификация С. Н. Братченко, которая учитывает форму входной шахты и ее сопряжение с погребальной камерой (Братченко 1976: 20, рис. 6). Катакомбы разделены на две группы. К первой относятся могилы, у которых продольная ось камеры больше параллельного ей сечения шахты. У второй группы эти величины равны или продольная ось камеры немного меньше (рис. 1).

Для определения хронологического соотношения выделенных типов погребений использован метод сравнительной стратиграфии, уже неоднократно применявшийся в археологии (Бочкарев, Шапошникова, Шарфутдинова 1977; Трифонов 1989, 1991; Кияшко А. В. 1990). В нашем распоряжении имеются 89 стратиграфических колонок, состоящих из 2—5 ступеней. Их данные сведены в сравнительно-стратиграфическую таблицу (рис. 2). По вертикали в ней размещены типы погребений, которые перекрывают какие-либо захоронения, по горизонтали — те же типы, когда они перекрываются другими захоронениями. Особо отмечены основные погребения и случаи прямой стратиграфии. Анализ сравнительно-стратиграфической таблицы позволяет сделать следующие выводы:

К типу I-1 относятся самые ранние катакомбы. Они либо перекрывают могилы ямной культуры, либо являются основными погребениями в курганах. В одном случае

* Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

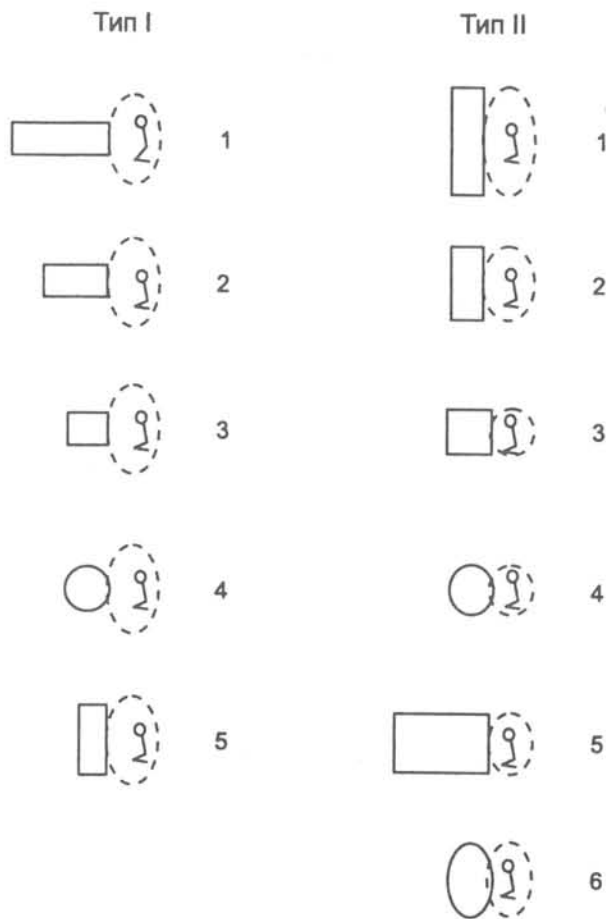

Рис. 1 Типология погребальных сооружений (по С. Н. Братченко, 1976).

Fig. 1 Typology of burial constructions (after Bratchenko 1976).

захоронение этого типа перекрывает другое такое же погребение. За ним следуют почти все типы, кроме II-5.

Катакомбные погребения типа I-2 перекрывают ямные захоронения и катакомбные могилы типа I-1, I-2. В двух случаях погребения типа I-3, II-3, также перекрывают захоронениями типа I-2. Все прочие типы катакомбных погребений, кроме типа II-5, являются более поздними, чем тип I-2. По времени тип I-2 следует за типом I-1 и частично синхронен типам I-3 и II-3.

Катакомбные захоронения типа I-3 перекрывают ямные могилы и катакомбные погребения типов I-1, I-2, I-3, II-2, II-3, II-5. В свою очередь их перекрывают катакомбные захоронения типов I-2, I-3, I-4, II-2, II-3. Катакомбные могилы типа I-3 позднее захоронений типов I-1, II-5, но синхронны погребениям типов II-2, II-3.

Катакомбные погребения типа I-4 — самые поздние. Лишь в одном случае погребение этого типа перекрывается захоронением типа II-3. Погребения типа I-4 малочисленны, возможно потому, что конструкцию по-

гребального сооружения не могли проследить в насыпи.

Поздние катакомбные могилы типов I-5 и II-6 — редки и малочисленны. Они перекрывают ямные и катакомбные погребения типов I-1, I-2, I-3.

Катакомбные могилы типа II-1 малочисленны. Они позднее ямных погребений и катакомбных захоронений типа II-5. В свою очередь могилы типа II-1 перекрываются захоронениями типа II-3. Могилы типа II-1 сходны с захоронениями типа II-2 и в дальнейшем оба типа погребений рассматриваются как один тип II-2.

Малочисленная группа погребений типа II-4 синхронна погребениям типа I-2, I-3, II-3.

Катакомбные могилы типа II-5 составляют 8% от общего числа погребений. Они перекрывают только ямные захоронения или являются основными погребениями. Их перекрывают погребения типа I-3, II-2, II-3, I-4, II-1. Очевидно можно сделать вывод, что погребения типа II-5 позднее, чем погребения типа I-1.

Для проверки и уточнения полученной последовательности типов погребений построена корреляционная таблица. В ее горизонтальных колонках расположены типы погребений в изложенной выше последовательности, а в вертикальных — типы погребального инвентаря (рис. 3).

Ступенчатое расположение типов погребений на поле таблицы подтверждает, что их последовательность имеет хронологический характер. В поздних типах катакомб не встречаются ранние типы вещей, такие как ямная керамика с округлым дном, костяные молоточковидные булавки, бусы из зубов рыбы *Spragus spondilus*. Поздние типы вещей (реповидная керамика, ножи с перехватом клинка, наборы инструментов, выпрямители древков стрел, бородавчатые бусы, кольцевидные подвески с несомкнутыми концами) присутствуют в поздних типах катакомб. В то же время некоторые категории инвентаря существуют на протяжении довольно длительного времени (бронзовые шилья, бронзовые маленькие, из-за своей сработанности, листовидные ножи, бронзовые и пастовые округлые одно- и двусоставные бусы). Практически во всех типах катакомбных погребений присутствуют жаровни из фрагментов сосудов, а курильницы отсутствуют только в самых ранних захоронениях типа I-1. В поздних типах катакомб наряду с типично маньчжурской высокогорлой и реповидной керамикой встречаются сосуды с короткой шейкой, украшенные оттисками шнура и тесьмы.

Затем были установлены коэффициенты сходства типов погребений (таблица 1) и в

Таблица 1

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	1.00												
2	0.10	1.00											
3	— 0.06	— 0.21	1.00										
4	— 0.13	— 0.22	0.56	1.00									
5	— 0.15	— 0.18	0.20	0.63	1.00								
6	— 0.12	— 0.16	0.23	0.76	0.79	1.00							
7	— 0.16	— 0.17	0.08	0.69	0.84	0.91	1.00						
8	— 0.11	— 0.14	0.08	0.57	0.84	0.91	0.89	1.00					
9	0.02	— 0.26	— 0.20	— 0.01	0.14	0.22	0.24	0.28	1.00				
10	0.32	— 0.21	0.36	0.41	0.35	0.59	0.46	0.44	0.18	1.00			
11	— 0.11	— 0.12	0.31	0.61	0.78	0.76	0.71	0.87	0.22	0.26	1.00		
12	0.01	— 0.18	0.19	0.61	0.67	0.92	0.83	0.86	0.19	0.68	0.67	1.00	
13	— 0.08	— 0.16	— 0.06	0.64	0.74	0.88	0.89	0.80	0.23	0.48	0.54	0.79	1.00

соответствии с полученными значениями построен граф, демонстрирующий характер связей между ними (рис. 4). Наиболее сильная связь существует между погребениями типов I-3, II-2, II-3, I-4, причем эта связь не последовательная. Типы II-2, II-3, I-4 связаны между собой слабее, чем каждый из них с типом I-3. Эти типы, по-видимому, образуют однородную группу, причем типы II-2, II-3, I-4, видимо, развились из типа I-3.

Тип I-1 связан только с типом I-2, причем связь эта довольно слабая. Тип I-1 представляет особую культурную группу, не связанную со всеми последующими. Тип II-6 связан только с типом I-4. Это наглядно демонстрирует самое позднее положение погребений типа II-6. Поздний тип II-4 связан с типом I-4 и очень слабо с типом I-3.

На основании данных, сгруппированных в корреляционную таблицу (рис. 3), могут быть выделены следующие хронологические группы.

Группа I. Погребения совершались в катакомбах типа I-1. Для них характерны прямоугольные шахты со ступеньками-уступами вдоль длинных стен и лоткообразный спуск, который вел ко входу в овальную камеру. Шахта расширялась ко дну, иногда уступами. На ее стенах прослеживаются узкие (до 2 см ширины) следы землекопных орудий. Погребенные расположены на пра-

вом боку в слабо скорченном положении, с поворотом на спину. Их руки лежат вдоль туловища, левая рука иногда согнута в локтевом суставе и кисть ее находится на тазовых костях. В одном случае костяк располагался в вытянутом положении. Сохранность костей скелета, как правило, плохая. На дне камеры зафиксированы меловая подсыпка, камышовый тлен, охра, коричневый тлен. У скелета иногда окрашены охрой череп и кости кистей. Инвентарь скуден и присутствует примерно в 50% погребений. К нему относятся жаровни из верхних или боковых частей больших сосудов типов IIА и IIБ,¹ покрытых расчесами зубчатого штампа, и в некоторых случаях украшенных оттисками шнура, отступающей лопаточки или зубчатого штампа. Жаровни были наполнены углями. Из других вещей встречаются бронзовые шилья, бронзовые, серебряные, фаянсовые и костяные одно- и двусоставные бусы, бронзовые и серебряные спиральные подвески в полтора оборота, в одном случае — бронзовые подвески, имитирующие зубы оленя; в другом — обломки костяной молоточковидной булавы, украшенной по стержню нарезным орнаментом, кремневые отщепы. Практически во всех погребениях имеются кости животных: череп и кости ног овцы.

К этой группе относится 10% учтенных мною могил. Она включает самые ранние

¹ Здесь и далее обозначения типов керамики даны по классификации С. Н. Братченко (Братченко 1976: 23—30, рис. 8—9).

	I-1	II-5	I-2	I-3	II-2	II-3	II-1	II-4	I-4	I-5	II-6
	••••• • □	••••• ••••• □	••••• □	••••• ••••• □	••••• ••••• □	••••• ••••• □	•		••	••	•••
I-1	••••• •• •	•	•••••	••••• ••••• □	•••	••••• ••••• □		••	••• □	•	•
II-5		••••• •••		•	•	•••	•		••		
I-2			••••• ••	••	•••	••••• •••		•	••• □		•• □
I-3			••	••••• ••	••••• □	••••• •••		•	•		•
II-2				•	••••• ••	•					
II-3			•••••	• ••••• □	•••••	••••• ••••• □		••	•••••		
II-1						•					
II-4			••	•	••	••		• •	•		
I-4						•			•		
I-5											
II-6											

• 1   ◦ 2   □ 3

Рис. 2 Сравнительно-стратиграфическая схема. Условные обозначения: 1 — погребение типа, указанного в столбце, следует за погребением типа, указанного в строке (относительная стратиграфия); 2 — основное погребение; 3 — погребение типа, указанного в столбце, пререзает погребение типа, указанного в строке (прямая стратиграфия).

Fig. 2 Comparative-stratigraphic scheme. 1 — burial of the type specified in a given column follows that specified in a given line (relative stratigraphy); 2 — main burial; 3 — burial of the type specified in a given column through one of the type specified in a given line (direct stratigraphy).

катакомбные захоронения, которые или впущены в ямные курганы, или являются основными в катакомбных курганах. В одном случае погребение типа I-1 впущено в катакомбный курган вслед за погребением такого же типа, так что трудно сказать, какое из них является основным.

Группа I соответствует группе XI, варианту 3, выделенному В. Я. Кияшко на Нижнем Дону (Кияшко 1974: табл. XXXV), первой хронологической группе катакомбной культурной общности на Кубани (Трифонов 1991: 145—148), раннекатакомбной преддонецкой группе на Северском Донце (Смирнов 1996: 10—12). Некоторые незначительные различия в инвентаре могил этой группы можно объяснить тем, что их количество сравнительно невелико в анали-

зируемой выборке. В целом эта группа принадлежит к раннему общекатакомбному горизонту погребений наиболее полно охарактеризованному В. А. Трифоновым (Трифонов 1991: 150).

Группа II представлена погребениями в катакомбах типа I-2. Для них характерны прямоугольные шахты без внутренних конструкций и овальные камеры, выведенные под узкую стену. Дно камеры обычно находится ниже дна шахты и отделено от него невысокой ступенькой. Погребенные лежат на правом боку, в умеренно скорченном положении, их руки лежат вдоль туловища, левая рука согнута в локте и кисть ее лежит на костях таза. В ряде случаев руки направлены к бедренным костям. В одной могиле погребенный располагался в умеренно скор-

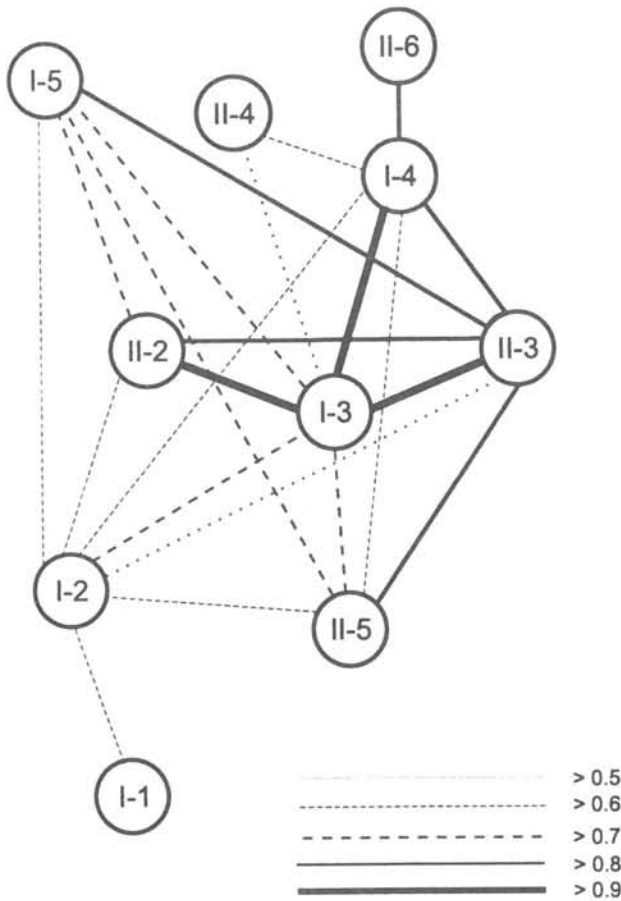

Рис. 4 Граф сходства катакомбных погребений по инвентарю.

Fig. 4 Graph showing ties between catacomb burials according to burial goods.

ченном положении, кисти рук находились перед лицом.

Погребальный инвентарь включал сосуды, украшенные отпечатками шнура и тесьмы (типы IA, IIA и IIB); высокогорлые сосуды без орнамента или украшенные по горлу, или в верхней части плечиков отпечатками тесьмы или шнура (типы IIIB, IIIV, и IIIG); реповидные сосуды без орнамента или украшенные валиками с пальцевыми вдавлениями. В одном случае реповидный сосуд украшен по плечикам кроме валиков поясом из прочерченных заштрихованных треугольников.

Наряду с жаровнями из частей сосудов в двух могилах этой группы встречены курительницы б типа.² Кроме керамики в могилах представлены изделия из металла (бронзовые шилья, ножи-«карасики», ножи листовидной формы с крутыми плечиками и ножи с удлиненным ромбовидным клинком и подостренным в нижней части лезвием).

Украшения представлены бронзовыми и костяными бусами, бляшками из раковин, костяными трубочками-пронизками и костяными кольцами.

Погребения типа I-2 составляют 9% от общего числа могил. Они впущены в курганы ямного времени, а также в курганы, насыпанные над ранними катакомбными погребениями, но их нет в курганах, возведенных над погребениями типа II-5. Погребения типа I-2 являются единственными обнаруживающими сходство с ранними катакомбными погребениями типа I-1.

Группа III представлена погребениями в катакомбах типа II-5. Для них характерны широкие прямоугольные шахты с ровным дном и маленькими, по сравнению с шахтами, камерами, выведенными под узкую стену. Вход в камеру имеет форму узкого овала. Ее дно находится ниже дна шахты и отделяется невысокой ступенькой. На стенах шахты прослеживаются следы тесловидных орудий. Их рабочая часть имеет ширину до 4 см. Погребенные лежат на правом боку, в умеренно скорченном положении. Их руки направлены к бедренным костям. В катакомбах этого типа встречаются кенотафы и захоронения нескольких покойников. Под скелетом обычно находится тлен коричневого и черного цвета. Охра используется в небольших количествах. Ее пятна обнаружены в изголовье и возле костей ног. Часть погребального инвентаря (песты, ступы, жаровни и кости животных) иногда находится на дне шахты.

Погребальный инвентарь включает керамику, бронзовые и каменные орудия и украшения. Керамический комплекс состоит из реповидных сосудов с гладкой поверхностью, иногда украшенных наклепными валиками с пальцево-ногтевыми вдавлениями и высокогорлых неорнаментированных сосудов типа IIIB, IIIV, IIIG, в двух случаях украшенных по горлу отпечатками шнура и тесьмы. Каждое погребение сопровождается жаровней из части сосуда или курительницей. В одном случае представлены и жаровня, и курительница. Почти все курительницы представляют собой чашу с внутренним отсеком и четырьмя сросшимися ножками (тип 4). Лишь у одной курительницы ножки соединены в основании, а в средней части отделены друг от друга (тип 6). Снаружи курительницы богато орнаментированы отпечатками шнура, тесьмы, вдавлениями круглого штампа. Металлические орудия представлены бронзовыми ножами различных видов: маленькие сработанные ножи листовидной формы;

² Здесь и далее обозначения типов курительниц даны по В. Г. Егорову (Егоров 1970: 156).

ножи-«карасики»; ножи-«морковки»; ножи с удлиненным ромбовидным клинком и подостренным лезвием в нижней части; ножи с выделенными плечиками, плавным перехватом клинка и треугольным лезвием, подостренным в нижней части; ножи с удлиненным клинком параллельными сторонами и лезвием, подостренным в нижней части; долота с раскованной и не до конца свернутой в трубку втулкой; тесла удлиненной трапециевидной формы со скругленным лезвием. Набор каменных орудий состоит из пестов, ступок и выпрямителей древков стрел. К украшениям относятся округлые и бочонковидные бусы из бронзы и фаянса, а также спиральные бронзовые подвески в полтора оборота.

Погребения, относящиеся к группам II и III, вряд ли разделены большим промежуточком времени, поскольку они имеют общие типы ножей («карасики», листовидные, ромбовидные) и общие типы реповидной и высокогорлой керамики. При этом могилы группы III относятся к новому культурному этапу развития катакомбной культуры. Именно в погребениях этой группы появляются функциональные наборы орудий труда.

Погребения типа II-5 составляют 8% от общего числа учтенных мною могил. Эти катакомбы практически всегда являются первыми впускными захоронениями в курганы ямной культуры или основными в катакомбных курганах. Только в одном случае погребение типа II-5 было введено в курган вслед за катакомбой типа I-1 (Колдыри, курган 21, погребение 3).

Группа IV представлена погребениями в катакомбах типа I-3. Для них характерны квадратные шахты и овальные камеры. Шахта имеет ровное дно. Иногда ко входу в камеру ведет лоткообразный спуск. Дно камеры располагается ниже дна шахты и отделяется от нее невысокой ступенькой. Погребенные лежат на правом боку, в умеренно скорченном положении. Их руки вытянуты к бедренным костям, иногда правая рука вытянута к бедрам, а левая лежит вдоль туловища. В нескольких случаях руки согнуты в локтях, их кисти находятся перед животом. На дне камер зафиксирован коричневый тлен и небольшие пятна охры.

Погребальный инвентарь состоит из керамики, металлических и каменных орудий труда и украшений. Керамический комплекс представлен реповидными сосудами с гладкой поверхностью, которая украшена наlepными валиками с пальцевидными и ногтевидными вдавлениями. Высокогорлые сосуды (типа IIIБ, IIIВ, IIIГ) в основном не имеют орнамента. В одном случае сосуд

(тип IIIБ) украшен по основанию горла наlepным валиком с пальцевыми вдавлениями, в пяти случаях сосуды (тип IIIГ) украшены по горлу оттисками шнура и тесьмы. В двух случаях сосуды (тип IIА) украшены оттисками шнура и тесьмы. В могилах также найдены воронки и амфоры. Погребения сопровождаются жаровнями из части сосудов или курильницами (в основном, тип 4). В единичных случаях найдены курильницы типов 3, 6 и 10. Бронзовые ножи представлены как типами, характерными для группы III (маленькие листовидные, с удлиненным ромбовидным клинком; листовидные, с удлиненным клинком и лезвием подостренным в нижней части), так и новым типом (короткий нож с выделенными плечиками, плавным перехватом в верхней части клинка и подостренным в нижней части лезвием). В одной могиле найдено бронзовое долото. В числе каменных орудий представлены песты, ступы и выпрямители древков стрел. В одном из погребений обнаружена булава. В могилах имеются также украшения (бронзовые и фаянсовые одно и многосоставные бусы, костяные бусы и пронизы, бронзовые спиральные подвески в полтора оборота). Новые типы украшений представлены фаянсовыми бородавчатыми бусами и пронизями, витыми каплевидными подвесками и кольцевидными подвесками с несомкнутыми концами. В одном случае найдена бляха в виде бычьей головы. Погребения типа I-3 составляют 19% от общего числа учтенных мною могил.

Группа V включает катакомбные погребения типов II-2 и II-3. Тип II-2 представляют погребения в катакомбах с прямоугольной шахтой и овальной камерой (в двух случаях камеры имели прямоугольную форму). Вход в погребальную камеру находится в широкой стене шахты, имевшей ровное дно. Пол камеры располагается ниже дна шахты. Камера и шахта соединены невысокой ступенькой. На стенках шахты прослежены следы тесловидного инструмента. Эти следы имеют ширину около 4 см. Погребенные лежат на правом боку, в умеренно скорченной позе. Правая рука скелета вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте, кости предплечья лежат на поясничных позвонках. Иногда обе руки вытянуты вдоль туловища. Под костями погребенных обычно фиксируются следы коричневого тлена. Часть погребального инвентаря иногда находится на дне шахты (песты, ступы, жаровни и кости животных).

Погребальный инвентарь состоит из реповидных сосудов, имеющих гладкую поверхность и украшенных наlepными валиками с пальцево-ногтевыми вдавлениями; не-

орнаментированных высокогорлых сосудов (типы IIIВ, IIIГ, IIIД) (только в одном случае сосуд типа IIIВ украшен оттисками шнура); жаровен из частей сосудов и курильниц (тип 4). В одной могиле найдена воронка. Орудия труда представлены бронзовым ножом с выделенными плечиками, плавным перехватом клинка и треугольным лезвием, подостренным в нижней части; ножом с удлинённым клинком, имеющим параллельные стороны и лезвие, подостренное в нижней части; долотами с раскованной и не до конца свернутой в трубку втулкой; теслами удлинённой трапецевидной формы со скругленным лезвием; каменными пестами и ступами. В одном из погребений найдена булава. В погребениях этого типа найдено костяное орудие из локтевой кости овцы. Его рабочий конец приострен и раздвоен. Возможно, это орудие является пинцетом. В могилах также обнаружены украшения (костяные и бронзовые пронизы, бронзовые биноклевидные, каплевидные и кольцевидные подвески с несомкнутыми концами, костяные трубочки с нарезками и костяными кольцами). Погребения типа II-2 составляют 13% от общего числа учтенных мною могил.

Тип II-3 включает погребения в катакомбах с квадратной шахтой, имеющей скругленные углы и маленькой овальной камерой. Шахта имеет ровное дно, отделенное от камеры невысокой ступенькой. На стенках шахты прослежены следы тесловидного инструмента. Они имеют ширину около 4 см. Погребенные лежат на правом боку, в умеренно скорченном положении. Кости правой руки умершего вытянуты вдоль туловища, левая — согнута в локтевом суставе. Кости предплечья лежат на поясничных позвонках. Иногда обе руки вытянуты вдоль туловища. Под костяком фиксируются следы коричневого тлена.

Именно этот тип погребений сопровождается керамикой орнаментированной по тулову оттисками шнура, тесьмы, круглого или спирального штампа (типы IIА, IIБ, IIГ); а также сосудами, украшенными по горлу оттисками шнура и тесьмы, в одном случае — валиком в основании горла и без орнамента (типы IIIБ, IIIВ, IIIГ). В могилах найдены реповидные сосуды разнообразных форм имеющие гладкую поверхность и украшенные налепными валиками. В одном случае орнамент выполнен оттисками тесьмы на плечиках. Реповидная керамика составляет большую часть керамического комплекса. Погребения сопровождаются жаровнями из частей сосудов и большим числом курильниц. Почти все курильницы (29 экземпляров) относятся к 4 типу, одна — к 10

типу (курильница с отделением на четырех отдельных ножках), две — к 12 типу (курильница с отделением на круглом поддоне), одна — к 13 типу (курильница без отделения на круглом поддоне) и две курильницы на трех соединенных вместе ножках. Металлические орудия представлены бронзовыми ножами различных видов (маленькие сработанные ножи листовидной формы; ножи-«морковки»; ножи с выделенными плечиками, плавным перехватом клинка и треугольным лезвием, подостренным в нижней части; ножи с удлинённым клинком, имеющим параллельные стороны и лезвие, подостренное в нижней части; короткий нож с выделенными плечиками, плавным перехватом в верхней части клинка и подостренным в нижней части лезвием; долота с раскованной и не до конца свернутой в трубку втулкой; тесла удлинённой трапецевидной формы со скругленным лезвием). Каменные орудия включают песты, ступки и выпрямители древков стрел. В двух случаях кроме наборов металлических орудий найдены костяные пинцеты (?). К украшениям относятся округлые, бородавчатые, ребристые, цилиндрические бусы и пронизки из фаянса; округлые, бочонковидные, биноклевидные, каплевидные, цилиндрические с навитой проволокой бусы и пронизки из бронзы; бронзовые спиральные подвески в полтора оборота; округлые и цилиндрические с нарезками бусы и пронизы из кости; в одном случае найден бронзовый круглый маленький медальон с ушком и в двух случаях — гешировые бусы.

В погребениях III, IV и V хронологических групп обнаружены наборы орудий труда. Они состоят из металлических и каменных орудий. В 35 случаях набор, включающий нож и шило, встречен в погребениях типов I-3, II-3, II-2, II-5, а также в погребениях типа I-2, I-4 и II-4. Набор, состоящий из ножа, шила, тесла, долота два раза сопровождал погребения типа II-3 и один раз — захоронение типа II-5. Набор, включающий два ножа, шило, тесло, долото три раза найден в погребениях типа II-2. Набор состоящий из ножа и двух шильев найден в погребении типа I-3 и дважды в погребениях типа II-3. Набор состоящий из двух ножей, шила и тесла присутствовал в погребении типа I-3; набор включающий нож, два шила, тесло и долото найден в погребении типа II-2; набор состоящий из ножа-тесла обнаружен в погребении типа II-3. Тесла из катакомбных погребений донского Левобережья хронологически находятся между теслами привольненского и костромского типов. Они уже и длиннее привольненских тесел, но шире и короче костромских, даже самое длинное и узкое

тесло из могильника Алитуб кургана 3 погребение 26. Наборы металлических орудий обычно сопровождаются каменными пестами и ступками, а иногда и выпрямителями древков стрел. Из общей массы погребений с наборами орудий труда выделены погребения мастеров-изготовителей стрел (Смирнов 1983). Детальный анализ инвентаря позволит выделить и другие его функциональные наборы. Погребения типа II-3 составляют 29% от общего числа учтенных мною могил. Эти захоронения составляют самую многочисленную и представительную группу.

Погребения типов II-2 и II-3 сходны как по составу погребального инвентаря, так и по конструкции могил. При небольших размерах шахты трудно определить какую она имеет форму: прямоугольную или квадратную, особенно, если ее углы закруглены. Погребения этих типов имеют прямую и обратную стратиграфию, и несомненно относятся к одной хронологической группе. Могилы типов II-2 и II-3 наиболее тесно связаны с захоронениями I-3, относящимися к IV хронологической группе. Все эти типы погребений имеют прямую и обратную стратиграфию, следовательно, хронологические группы IV и V какое-то время были синхронны.

VI группу составляют поздние погребения (типы I-4, I-5, II-4 и II-6). Тип I-4 представлен погребениями в катакомбах с округлыми шахтами и овальными камерами большего диаметра. Дно шахты, обычно ровное или плавно покатое ко входу в камеру, отделено от нее невысокой ступенькой. Погребенные лежат на правом боку, в умеренно скорченном положении. Правая рука покойного вытянута вдоль туловища, левая — согнута в локте, кости предплечья лежат на поясничных позвонках. Под костяком фиксируются следы коричневого тлена.

Погребальный инвентарь этих могил идентичен инвентарю предыдущей группы, но без обилия металлических орудий. В двух случаях найдены ножи (маленький сработанный нож листовидной формы и нож с выделенными плечиками, плавным перехватом клинка и треугольным лезвием, подостренным в нижней части). В могилах обнаружены разнообразные реповидные сосуды с гладкой поверхностью. Они украшены наклепными валиками с пальцево-ногтевыми вдавлениями, в одном случае сосуд украшен прочерченным орнаментом. Посуда с высоким горлом представлена незначительным количеством экземпляров. В двух случаях сосуды украшены по горлу шнуровым орнаментом. Примерно в равных пропорциях представлены жаровни и курильницы. Последние относятся к 4 типу и лишь одна из

них — к 6 типу. В могилах найдены округлые одно- и двусоставные и бородавчатые бусы из фаянса; округлые, биноклевидные и цилиндрические с навитой проволокой бусы из бронзы и бронзовые пронизи; гешировые рубленные бусы.

Погребения типа I-4 составляют 6% от общего числа учтенных мною могил. Они связаны с погребениями типа I-3 и значительно слабее с погребениями типа II-3. Поздняя датировка погребений типа I-4 подтверждается данными стратиграфии. Только в одном случае погребение типа I-4 совершено ранее погребения типа II-3.

Тип II-4 представлен погребениями в катакомбах с округлыми шахтами и округлыми камерами. Шахты имеют ровное дно. Иногда оно немного понижается ко входу в погребальную камеру, которая отделяется от шахты небольшой ступенькой. Погребенные лежат на правом боку, в умеренно скорченном положении. Правая рука покойного вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте, ее кисть находится перед поясничными позвонками. Иногда кости рук вытянуты к бедренным костям. В одном погребении умерший лежит в сильно скорченном положении.

Погребальный инвентарь состоит из сосудов с короткой шейкой (типы IIА, IIБ) и сосудов с высоким горлом (тип IIВ), в двух случаях украшенных по горлу оттисками тесьмы. В трех могилах найдены реповидные сосуды и в одной — амфора. В этих погребениях нет курильниц, а жаровни найдены только в двух захоронениях. Кроме керамики в погребениях этого типа найдены округлые одно- и двусоставные бусы и бисер из фаянса; округлые и бочонковидные бусы из бронзы и бронзовая кольцевидная подвеска с несомкнутыми концами; сердоликовая бусина.

Погребения типа II-4 составляют 1% от общего числа учтенных мною могил. Они имеют прямую и обратную стратиграфию с погребениями типов I-2, I-3, II-2, II-3. Следовательно погребения типа II-4 либо синхронны захоронениям названных типов, либо выделены неверно и их следует отнести к типу II-3.

Тип I-5 представлен погребениями, совершенными в катакомбах с прямоугольными шахтами и овальными камерами, выведенными под длинную стенку. Эта группа могил малочисленна и составляет 2% от общего числа учтенных мною могил. Погребальный инвентарь состоит из бронзового маленького листовидного сработанного ножа, жаровни, двух курильниц (4 тип) и реповидного сосуда с наклепными валиками.

Поздний возраст погребений этого типа подтверждается данными стратиграфии.

Незначительное число захоронений типа II-6 представлено погребениями в катакомбах с овальными шахтами и овальными камерами, выведенными под широкую стенку. Перепад высот между шахтой и камерой оформлен невысокой ступенькой. Погребенные лежали на правом боку, в сильно скорченном положении. Кости рук скелетов согнуты в локтевых суставах, кости кистей находятся у поясничных позвонков.

В погребальном инвентаре появляются новые типы бронзовых ножей (ножи с выделенными плечиками, плавным перехватом клинка и подостренным в нижней части скругленным лезвием; ножи сходной формы, но с заостренным лезвием; ножи со слабо выделенными плечиками, слабым перехватом в верхней части клинка и расширенным книзу подостренным лезвием. Керамический комплекс состоит из сосуда, имеющего форму чугунка, двух курильниц 4 типа, высокогорлого сосуда и двух реповидных, один из которых украшен оттисками свернутого шнура. В погребениях также найдены фаянсовые одно- и двусоставные бусы. Так же как и могилы типа I-5 погребения типа II-6 являются поздними.

Кроме вышеописанных погребений существует масса катакомбных захоронений, впущенных в насыпь и не достигших материка. Особенности конструкций этих могил проследить не удалось. Найденный в них погребальный инвентарь, близок инвентарю погребений более ранних хронологических групп. В целом эти захоронения бедны. В них почти отсутствуют металлические орудия. При детальном рассмотрении часть этих могил может быть отнесена к описанным выше типам погребений по некоторым чертам погребального обряда. В общем смысле скорченное положение погребенного может считаться хронологическим признаком. Костяки в ранних катакомбных захоронениях имеют слабую степень скорченности. Бедрa составляют с позвоночником тупой угол, кости рук лежат вдоль туловища. Погребенные в катакомбах типов I-2, I-3, II-2, II-3, II-5 находятся в умеренно скорченном положении, бедрa составляют с позвоночником прямой угол. Положение рук скелетов различное: они могут быть вытянуты по направлению к бедренным костям, левая рука может быть согнута в локте, а кости предплечья перекрещиваться с позвоночником. Самые поздние погребения имеют сильную степень скорченности. Бедрa

составляют с позвоночником острый угол. Руки умерших согнуты в локтях, кисти находятся перед лицом. В кургане 21 могильника Колдыри³ погребение 8, в котором костяк лежал в умеренно скорченном положении, прорезало погребение 9, где скелет имел слабую степень скорченности. В кургане 4 (II Крепенский могильник) погребение 16, относящееся к типу I-4, было нарушено захоронением 15, в котором у покойника руки были согнуты в локтях, кисти рук находились перед лицом. Конструкцию этой могилы проследить не удалось. В кургане 5 (II Крепенский могильник), где основным являлось ямное захоронение, было впущено катакомбное погребение 10 типа I-1 со слабо скорченным костяком, однако он скорчен значительно сильнее, чем у скелета в ямной могиле. Катакомбное погребение было нарушено могилой 6 с непрослеженной конструкцией и положением погребенного более скорченным, чем в могиле № 10. Затем в кургане было впущено погребение 7, где находился сильно скорченный костяк. Кисти его рук находились перед лицом. В кургане 2 Веселовского могильника (Мошкова, Максименко 1974: 33, табл. XX, 1), в погребении 5 (тип II-6) найден сильно скорченный костяк с кистями рук перед лицом.

Хронологическим индикатором для ма-нычской керамики отчасти является шнуровой и тесемчатый орнамент. В группах II и III он присутствует лишь на некоторых сосудах. Позже (группы IV и V, представленные погребениями типа I-3, II-2, II-3) почти половина высокогорлых сосудов украшена по горлу оттисками шнура и тесьмы. В самых поздних погребениях, конструкцию могил которых не удалось проследить, количество орнаментированных высокогорлых сосудов уменьшается. Налепные валики, расчлененные пальцевыми вдавлениями, украшают самые ранние реповидные сосуды. Прочерченным орнаментом украшены всего 4 реповидных сосуда, два из них относятся ко II и III группам, один к VI и один найден в насыпи. Шнуровой орнамент обнаружен всего в трех случаях: на сосудах из погребений типа II-3, II-6 и в насыпи кургана. В целом для исследуемой территории характерны неорнаментированные реповидные сосуды, а также реповидные сосуды с налепными валиками. Посуда с высоким горлом, составляющая большую часть керамического комплекса, имеет гладкую поверхность. Примерно треть сосудов по горлу украшена шнуровым или тесемчатым орнаментом и всего пять сосудов орнаментированы налепными валика-

³ Выражаю искреннюю признательность автору раскопок Е. И. Беспалому за любезное разрешение ознакомиться с неопубликованными материалами раскопок.

ми в основании горла. Почти во всех хронологических группах погребений встречены сосуды с короткой шейкой (типы IА, IБ), украшенные шнуром и тесьмой. Однако находки этой керамики единичны.

Таким образом, для исследуемой территории после общего для всего северо-восточного Причерноморья горизонта раннекатакомбных погребений следуют горизонты вполне сформировавшихся маньчских катакомбных погребений с единичными находками сосудов с короткими шейками. Эта посуда имеет тесемчато-шнуровой орнамент. На более поздних этапах катакомбной культуры появляются орнаментированные оттисками шнура и тесьмы маньчские сосуды с высоким горлом. В погребении 12 кургана 17 (I Сагванский могильник), найден украшенный орнаментом из многорядной тесьмы, кубок, характерный для позднего этапа донецкой катакомбной культуры. Это захоронение было совершено в

небольшой яме, в которой погребенный лежал в сильно скорченном положении.

На Северском Донце после горизонта раннекатакомбных погребений, названных А. М. Смирновым раннекатакомбными преддонецкими, следует горизонт раннего этапа донецкой культуры с комплексами, в которых представлены донецкие кубки. На следующем позднекатакомбном этапе в числе прочих появляются погребения так называемого маньчского круга с неорнаментированными сосудами, имеющими высокое горло и реповидной керамикой.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о возможной синхронности погребений донецкой и маньчской катакомбных культур и предположение, что и на других территориях возможна такая же последовательность развития, когда после раннекатакомбного горизонта следует горизонт катакомбной культуры из числа тех, которые в 60—70-х годах назывались вариантами: донецкая, маньчская, бахмутская, приазовская.

- Братченко, С. Н.* 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наукова думка.
- Бочкарев, В. С., О. Г. Шапошникова, И. Н. Шарафутдинова.* 1977. О памятниках эпохи меди — ранней бронзы в бассейне р. Ынгула // Древности Поингуля: 7—36. Киев: Наукова думка.
- Егоров, В. Г.* 1970. Классификация курганных катакомбной культуры // Статистико-комбинаторные методы в археологии: 156—164. Москва: Наука.
- Каменецкий, И. С.* 1986. Код для описания погребального обряда (часть вторая) // Археологические открытия на новостройках: 136—194. Москва: Наука.
- Кияшко, А. Я.* 1990. Ранний этап катакомбной культуры на Нижнем Дону. Рукопись дисс. ... канд. ист. наук. Архив ИИМК РАН, Ф-35, оп. 2Д, № 443. Ленинград.
- Кияшко, В. Я.* 1974. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы. Рукопись дисс. ... канд. ист. наук. Архив ИА РАН, Р-2, № 2143. Москва.

- Мошкова, М. Г., В. Е. Максименко.* 1974. Работы Багаевской экспедиции в 1971 году // Археологические памятники Нижнего Подонья II: 7—79. Москва: Наука.
- Смирнов, А. М.* 1996. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. Москва.
- Смирнов, Ю. А.* 1983. Погребения мастеров-изготовителей древков и кремневых наконечников стрел // Древности Дона: 164—187. Москва: Наука.
- Трифонов, В. А.* 1989. Метод сравнительной стратиграфии как основа построения периодизации (принципы, возможности, ограничения) // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. Тезисы докладов: 56—58. Москва: Наука.
1991. Степное Прикубанье в эпоху энеолита — средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья: 92—166. Ленинград: Наука.

RELATIVE CHRONOLOGY OF CATACOMB CULTURE BURIALS, MIDDLE BRONZE AGE, IN THE MANYCH — SAL INTERFLUVE

V. YA. STEGANTSEVA

The relative chronology of burials is especially important for cultures such as Catacomb Culture that are mainly represented by burials.

Apart from direct stratigraphic observations (one burial cutting through another), significant clues can be provided by vertical strati-

graphy, that is, instances where a burial is linked (by means of sections) with buried soil, burial mound or its later extensions, and horizontal stratigraphy, or instances where a burial made in the peripheral part of the mound is considered to be later than the central one. Having performed such an analysis, Bratchenko was able to establish a chronological sequence for Lysy burial mound excavated in 1960. His scheme was used by all specialists in the Chalcolithic and Bronze Age of the Lower Don and adjacent areas. Fifteen years later, archaeologists associated with the Don Expedition provided stratigraphic schemes for each mound in their reports to the Field Committee (Kamenetsky 1986).

Published studies into the chronology of the Middle Bronze Age in the Lower Don region encompass a large territory on which sites representing various cultures are situated. At present, these studies focus on the periodization and cultural evolution of local groups (see Smirnov's studies into the Donets Catacomb Culture and Arapov's works addressing the same culture in the Eastern Manych area).

One of the important issues in the Middle Bronze Age archaeology of the Lower Don is the relative chronology of the Manych Catacomb Culture since its sites are often regarded as standard when Catacomb Culture sites in other areas are being studied.

In the 1970^s and 80^s, numerous mounds were excavated in the Sal—Manych steppes. Because of prolonged plowing, the mounds had been largely destroyed, but it was possible to construct stratigraphic sequences for many of them. In the present study, over 400 burials and 89 stratified mounds were registered. Burials were subdivided into groups according to the typology of graves. Bratchenko's classification, based on the shape of the shaft and its combination with the chamber, was used. Catacombs were subdivided into two groups. The first one includes graves in which the long axis of the chamber is larger than the width of the shaft parallel to it. In graves of the second group, these dimensions are equal or the long axis of the chamber is somewhat smaller (fig. 1; Bratchenko 1976: 20, fig. 6).

To assess the chronological relationships between these groups, we used a comparative stratigraphic method widely employed in archaeology (Bochkarev 1977; Trifonov 1989, 1991; Kiyashko 1990). Data on 89 stratigraphic sequences, consisting of 2-5 stages each, were used to construct a comparative stratigraphic scheme (fig. 2) in which the transecting burials are arranged in the vertical fashion, and the transected ones in the horizontal fashion. Special attention was paid to main burials and instances of direct stratigra-

phy. The analysis of this scheme makes it possible to draw certain conclusions:

Type I-1 is the earliest and is preceded only by burials in pits. It is followed by all types except II-5.

Type I-2 follows I-1 and is preceded by burials in pits and those of types I-1, I-2, or, in two instances, I-3 and II-3. It is followed by nearly all types except II-5. Chronologically, it follows type I-1 burials and is partly synchronous to types I-3 and II-3.

Type I-3 is preceded by burials in pits and those of types I-1, I-2, I-3, II-2, II-3, and II-5. It precedes burials of the types I-2, I-3, I-4, II-2, and II-3. Chronologically, it follows types I-1, II-5 and is synchronous only to types II-2 and II-3.

Type I-4 is the latest and is preceded by virtually all others. Only in one instance does it precede another type (II-3). This is a small group, possibly because the burial construction could not be traced in the mounds.

Types I-5 and II-6 are late and rare, each one being represented by few cases only. They are preceded only by burials in pits and those of the types I-1, I-2, and I-3.

Type II-1, too, is rare. It is preceded by pit burials and those of type II-5, and precedes those of type II-3. This type is very similar to type II-2, and has been included in it.

Type II-4 is very rare (represented by 1% of the total number of burials). It is preceded by burials of types I-1, I-2, I-3, II-3, and II-4, and precedes those of types I-2, I-3, II-2, II-3, II-4, and I-4, implying that burials of this type are contemporaneous with those of types I-2, I-3, and II-3.

Type II-5 is represented by 8% of burials. It is preceded only by burials in pits or is represented by the main burial. It precedes burials of types I-3, II-2, II-3, I-4, II-1. It may be suggested that burials of type II-5 postdate those of type I-1.

To specify the resulting sequence, a correlation table was constructed with types of burials, arranged as above, making up the lines, and types of burial goods making up the columns (fig. 3).

The resulting arrangement of data is stepwise, suggesting that the sequence of burials is chronological. Early types of goods, such as the Pit Grave Culture round-based ceramics, bone hammer-shaped pins, beads made of fish teeth (*Sparus spondilus*), do not occur in late types of catacombs. Late types of goods, such as turnip-shaped vessels, knives with notched blades, tool kits, arrow straighteners, «warty» beads, and ring-shaped pendants with disconnected ends, are found in late types of catacombs. However, certain goods, such as bron-

ze awls (possibly because they are so standard), small bronze leaf-shaped knives (because they are heavily worn), round bronze and paste beads, both simple and composite, exist over a long time. In nearly all types of catacomb burials, braziers made of fragments of vessels are present, and censers occur in all types except the earliest (I-1). In late types of catacombs, long-necked and turnip-shaped vessels typical of the Manych area co-occur with short-necked ones decorated with imprints of cord and braid.

Based on the tabulated data, coefficients of pairwise similarity between types of burials were calculated, and a graph showing the ties between them was constructed (fig. 4). The strongest ties exist between types I-3, II-2, II-3, and I-4. Ties between types II-2, II-3, and I-4 are weaker than are those between each of them and type I-3. Possibly the former three types form a homogeneous group that had originated from type I-3.

Type I-1 has a weak connection with type I-2 only. Perhaps it represents a separate group isolated from other types.

Type II-6 is connected only with type I-4, suggesting that it is the latest of all.

Type II-4 is connected with type I-4 and, in a much lesser degree, with type I-3. It must be very late.

Based on tabulated data, six chronological groups may be established (fig. 3). Group I, that of early catacomb burials common for

the entire area northeast of the Black Sea, is followed by horizons with completely formed Manych-type burials and isolated finds of short-necked vessels with cord and braid imprints (groups II, III, and IV). Burials of «artisans» appear (groups III and IV). At later stages, long-necked vessels with cord and braid imprints appear (group V and VI). The amount of metal artifacts in burials decreases (group VI). In burial 12 of mound 17 at Sagvansky I, made in a small pit with a skeleton lying in a very flexed position, a beaker ornamented with multiple braid imprints was found, which is typical of the late stage of the Donets Catacomb Culture.

On the Seversky Donets, the horizon of early catacomb burials, which Smirnov denoted as early Catacomb pre-Donets, is followed by a horizon of the early Donets Culture with completely formed assemblages with characteristically Donets beakers. At the next, late Catacomb stage, burials of so-called Manych type appear, with long-necked unornamented and turnip-shaped vessels.

Given all the above, it may be concluded that Donets catacomb burials may be contemporaneous with Manych catacombs. The same evolution (the early Catacomb horizon followed by the Catacomb Culture assemblages which were described as variants in the 1960^s and 70^s, viz. Donets, Manych, Bakhmut, and Azov) may also be characteristic of other territories.

КЕРАМИКА СТЕПНОГО ОБЛИКА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ТЕККЕМ-ДЕПЕ (ЮЖНЫЙ ТУРКМЕНИСТАН)

А. Я. ЩЕТЕНКО, Ю. Г. КУТИМОВ*

Работы американской экспедиции в 1904 г. на холмах Анау впервые выявили на юге Туркмении существование многовековой оседло-земледельческой традиции, заключительные этапы которой на южном холме характеризовались появлением нового керамического комплекса Анау IVA, предположительно увязываемого с пришлым варварским населением и относимого к так называемой «эпохе варварской оккупации» (Schmidt 1908: 49, 149).

Б. А. Куфтин, обнаруживший такого же типа керамику в нижних слоях Елькендепе и в кроющем слое Овадан-депе, называл ее керамикой «эпохи возрожденных оседло-земледельческих традиций конца бронзы» (Куфтин 1956: 360, 363). По его мнению прекращение жизни на «вышке» Намазга-депе и Теккем-депе «совпадает с появлением в самых поверхностных слоях холмов примитивной, грубой ручной лепки «кочевнической» керамики из сильно древесной глины с простым рубчатым орнаментом по венчику» (Куфтин 1954: 25; 1956: 270).

Эти материалы послужили основой для гипотезы о продвижении во 2-ой половине II тыс. до н.э. степных скотоводческих племен к земледельческим оазисам Южного Туркменистана. Атрибуция «кочевнической» керамики была различной: ее связывали с андроновской (Ганялин 1956: 84; Латынин 1958: 46, 48) и тазабагьябской (Итина 1959: 53) культурами, рассматривая последнюю как вариант первой либо как самостоятельное явление. Применялись и смешанные термины: тазабагьябо-андроновская (Массон 1959: 116-117) или срубно-андроновская (Марущенко 1956: 9; Кузьмина 1964: 154). В последние годы керамика степного облика, обнаруженная на территории Южной Туркмении, ассоциировалась с керамикой срубной культуры, племена которой в процессе постепенной

миграции с северо-запада достигли земледельческих поселений, в том числе и Теккем-депе (Виноградова, Кузьмина 1986: 129; Кузьмина 1988: 49, 53).

Теккем-депе находится в 120 км к востоку от Ашхабада и в 4 км к юго-западу от станции Каахка Среднеазиатской железной дороги. Поселение расположено справа от шоссе Каахка — Арабкала, в 100 м к западу от моста через речку Лоин-су, на ее левом берегу и в 1,5 км к югу от Намазга-депе (рис. 1). Оно представляет собой овальной формы холм площадью около 2 га, вытянутый в меридиональном направлении (рис. 2). Его южная, более высокая вершина (5,5—6 м над окружающей равниной) соединяется с северной частью хорошо выраженной седловиной, в 40 м к северу от которой находится раскоп А. Ф. Ганялина (Ганялин 1956: 68).

На поселении, открытом А. А. Марущенко в 1935 г., исследования были начаты С. А. Ершовым в 1950 г., который заложил несколько шурфов, и продолжены небольшим раскопом (170 кв. м) в 1952-53 гг. (Ганялин 1956). В течение 17 полевых сезонов (1970—84, 1986—88 гг.) раскопки Теккем-депе производились Каахкинской экспедицией ЛОИА АН СССР совместно с XIV отрядом ЮТАКЭ АН ТССР (Щетенко 1972, 1973).

Среди трех основных типов керамики Теккем-депе (столовая, хозяйственная и кухонная), в основном изготовленной на гончарном круге, выделялась лепная посуда, в том числе и керамика степного облика, украшенная резным и штампованным орнаментом. В 1972 и 1974 гг. было учтено 2073 фрагмента (венчики, донца, стенки с орнаментом) и три археологически целых формы. Целиком сохранились хозяйственные сосуды — хумы и хумчи, вкопанные в полы помещений. Столовая посуда, включая редкие формы, составила 1164 экземпля-

* Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

ров (56,1%), хозяйственная посуда и кольцевые подставки — 466 (22,5%), кухонная — 443 (21,4%). Среди лепной керамики были отобраны для сравнительного анализа 215 фрагментов и один целый горшок из помещения 53, что составляет 10% от общего числа всей керамики двух полевых сезонов, или 49% посуды, изготовленной способом ручной лепки. Кроме этого, был учтен целый сосуд, в котором находилось детское погребение № 11 (раскоп 2, 1971 г.), и 5 фрагментов из материалов 1976 г. (раскоп 1).

Кроющий слой холма, мощностью 1,5—2 м, представлен остатками разновременных построек, имеющих несколько уровней обживания, что и демонстрирует продольный, по линии север-юг, разрез холма (рис. 3). Ареалы находок керамики степного облика также подтверждают это.

Весь исследуемый материал происходит из стратиграфического раскопа 1 на южной оконечности холма и из раскопа 2, расположенного в 5 м к югу от раскопа А. Ф. Ганялина. На раскопе 1 эта керамика найдена в кроющих перемешанных слоях, в которые впущены средневековые могилы. На раскопе 2 керамика степного облика обнаружена в трех местах (рис. 4). В южной части она происходит из двора № 4 и из помещений № 31, 32, 34, 35, 41—44, 49, 51, 53, 54. Здесь обнаружен 51 фрагмент, из них 20 — с орнаментом. В северной части раскопа 2 на территории двора № 1 и в заполнении построек № 1—9 найдено всего 9 фрагментов (один с орнаментом). В центральной части раскопа 2 найдено 74 фрагмента (30 с орнаментом). Они находились в заполнении помещений № 10—17, 19, 20), реже на полах некоторых из них: № 10/11, 14, 15. Треть исследуемой керамики (77 фрагментов, из них 31 с орнаментом) найдена вне помещений, главным образом в кроющем слое и дерне.

При анализе керамики степного облика учитывались основные характеристики глиняной посуды: способ формовки, состав теста, обработка поверхности, цвет, обжиг, форма, орнамент и размеры.

Способ формовки. Вся исследуемая керамика — лепная. При изготовлении посуды использовался метод ленточного налета, при котором соединение частей сосуда проходило по ровному торцу лент. Линии разломов черепков показывают, что в большинстве случаев разлом проходит по нижней части горловины сосуда — по линии соединения ее с плечиками. Под венчиками и на верхних границах плечиков прослеживаются небольшие утолщения, характерные для мест соединения отдельных частей сосу-

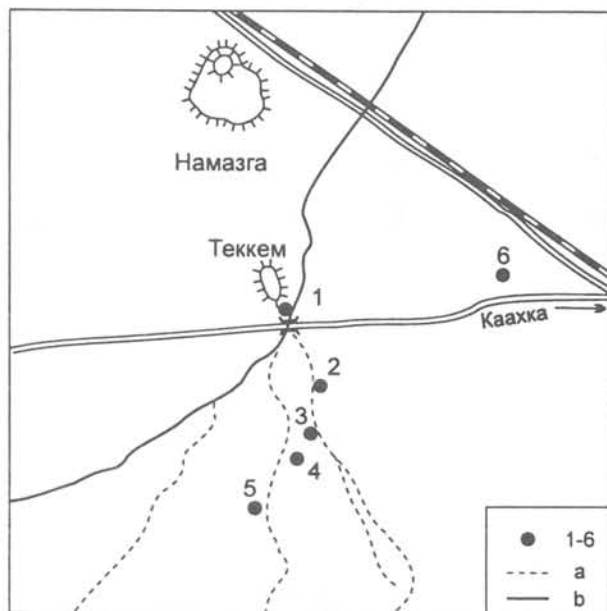

Рис. 1 Схема местонахождения Теккем-депе. 1—6 — поселения эпохи бронзы. А — древние русла реки Лоинсу; Б — современное русло.

Fig. 1 Schematic map of Tekkem-depe geographic location.

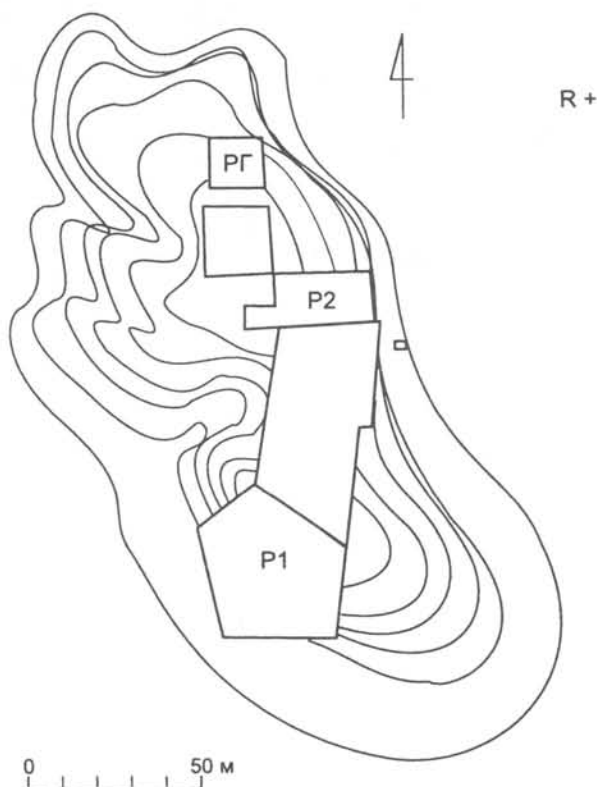

Рис. 2 Теккем-депе. План расположения раскопов: PГ — раскоп А. Ф. Ганялина; P₁ — раскоп 1; P₂ — раскоп 2.

Fig. 2 Plan of Tekkem-depe: PГ — Ganyalin's trench; P₁ — excavation area 1; P₂ — excavation area 2.

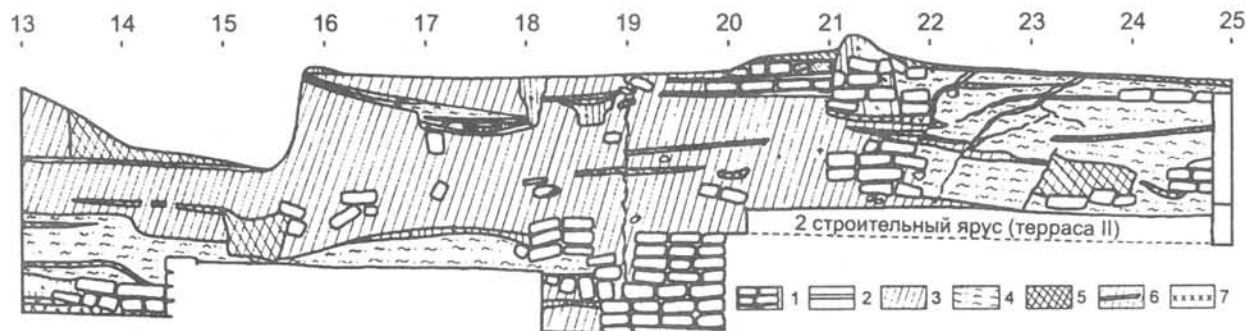

Рис. 3 Теккем-депе. Раскоп 1. Стратиграфия юго-западной части поселения. Западная часть разреза НК: 1 — сырцовый кирпич; 2 — промазки полов; 3-7 — слои: 3 — глинистые натечно-надувные с остатками строительного мусора; 4 — глинисто-гумусовые светло-зеленого цвета; 5 — мусорные с золой; 6 — линзы глинистого намыва; 7 — зола и угли.

Fig. 3 South-north section of the site.

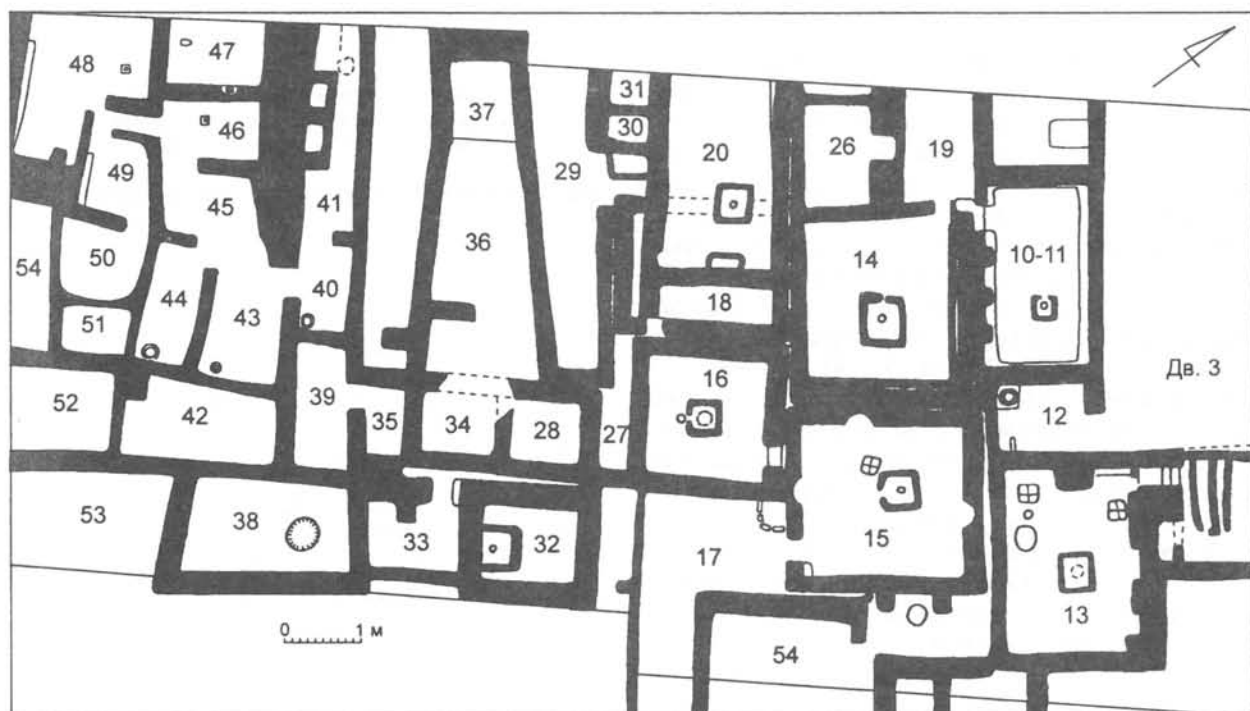

Рис. 4 Теккем-депе. Раскоп 2. Планировка южного и центрального участков

Fig. 4 Plan of excavation area.

да. Ширина лент в зоне плечика и тулова не превышает 7 см. Общее число лент зависит от высоты сосуда и составляет, в среднем, 4—5 оборотов. На внутренней стороне одного фрагмента стенки сосуда и одного доньшка присутствуют следы отпечатка материи, что свидетельствует о редком применении техники матерчатого шаблона при изготовлении посуды.

Глиняное тесто демонстрирует различные минеральные добавки, применявшиеся в качестве отощителей: дресва (толченый мергель), кварциты (песок) и шамот. Есть и органические примеси. Часто в тесте одного

сосуда присутствует сочетание сразу нескольких добавочных компонентов таких, как органика и кварц, дресва и кварц, шамот и органика.

Цветовая гамма поверхности сосудов разнообразна, но в основном преобладают темные тона. Доминируют светло-коричневый и кремевые цвета, иногда присутствуют светло-оранжевые и желтые оттенки. Внешняя поверхность фрагментов сосудов — часто черного цвета из-за сильной закопченности.

Обжиг — неравномерный, в изломе черепок трехслойный, с чернотой посередине. Иногда внутренняя поверхность черепка

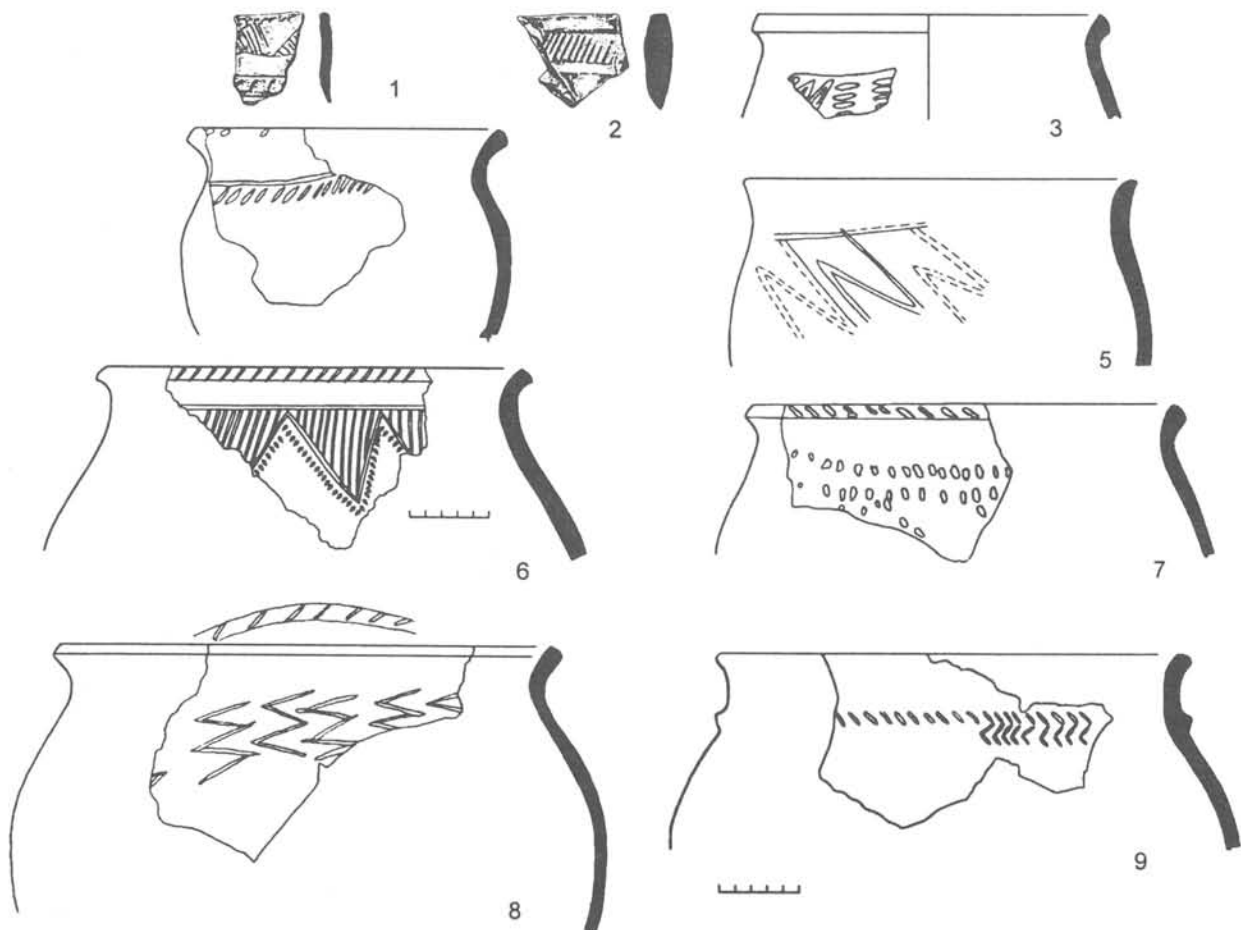

Рис. 6 Теккем-депе. Орнаментированная керамика.

Fig. 6 Decorated pottery: 1, 2 — two fragments of the Alakul culture; 6 — rim fragment with the triangular decoration.

имеет более светлую окраску, нежели внешняя.

Обработка поверхности производилась достаточно равномерно. Большинство фрагментов имеют следы заглаживания на обеих сторонах сосуда. Эти следы представляют собой параллельно расположенные относительно друг друга узкие горизонтальные полоски, разделенные очень тонкими нитеобразными перемычками. По всей видимости, заглаживание производилось по влажной основе пальцами рук, вытянутыми вдоль линии поворота сосуда. Иногда встречаются фрагменты, у которых заглажена только внешняя поверхность. Совсем редко попадаются фрагменты без каких-либо следов обработки поверхности сосуда и тогда черепки выглядят более грубо. Лощение отсутствует.

Основной формой посуды являлись горшки с мягко выгнутым, слабо выраженным профилем и плоским дном (рис. 5). Сосуды, судя по двум целым экземплярам (их высота 30 см), имеют несколько вытянутые в высоту пропорции. Диаметры устьев этих сосудов по отношению к донцам имеют соотношение 3 :

1 и 2,5 : 1. Остальная, фрагментированная часть коллекции дает некоторые варианты подобной формы. Шейка у большинства экземпляров — небольшая, маловыраженная. Венчик — либо прямой, либо отогнутый наружу и имеет округлый, плоский или приотстренный край. Его толщина по верхнему краю колеблется от 0,9 до 1,5 см. Выделяются три венчика особой формы — в виде отогнутого «воротничка».

По диаметрам венчиков намечается 4 группы сосудов: 1) горшочки — диаметр 8—16 см — 24,5% от общего числа; 2) малые горшки — 18—22 см — 33,1%; 3) средние горшки — 24—28 см — 25,8%; 4) крупные горшки или котлы — 30—36 см — 16,6%. Толщина стенок сосудов в верхней части, под венчиком, составляет 0,6—1,1 см.

Орнамент присутствует на 82 фрагментах (37,9%) из 215 и на венчике одного из целых сосудов, в котором находилось детское погребение № 11. Всего выявлено семь элементов декора (рис. 5, 6):

1. *Насечки* в виде подпрямоугольных или линзовидных с приотстренными краями

овалов нанесены, вероятно, гладким приостренным штампом. Три фрагмента украшены оттисками мелкозубчатого штампа. Насечки, зафиксированные на 67 фрагментах, имеют вид косо или прямо расположенных углублений, нанесенных по верхнему краю венчика на определенном расстоянии друг от друга. Семь раз они покрывают валики, опоясывающие сосуд под венчиком.

2. *Елочки*, встреченные на шести фрагментах, представляют собой те же насечки, но расположенные под прямым углом друг к другу и образующие своего рода горизонтальную стрелку. Последние расположены по краю венчика, в одном случае елочка присутствует на шейке под валиком с насечками.

3. *Жемчужины* — небольшие круглые или овальные вдавления (вмятины) на венчиках и шейках сосудов. Круглые жемчужины, зафиксированные в 5 случаях, наносились или по внешней стороне поверхности, под самым краем среза, или же по верхней части венчика. Овальные, — встреченные три раза, — расположены в нижней части шейки, в том месте, где она граничит с плечиками.

4. *Прочерченные линии* разной длины были нанесены заостренным предметом под разными углами на шести фрагментах. Они располагаются на шейках и плечиках сосудов и не имеют какого-либо композиционного смысла. Только в некоторых случаях сочетание этих линий образует подобие узора.

5. *Крестики* из пересекающихся овальных насечек, чередующихся с группами из трех таких же насечек, встречены однажды на верхнем крае венчика.

6. *Валики* шириной 9—12 мм в виде рельефно выступающих утолщений с полукруглым сечением проходят по верхней границе плечиков сосудов. Они — налепные и украшены косым рядом резных насечек. Встречены семь раз.

7. Ряд *треугольников* вершинами вниз, внутреннее пространство которых заполнено прочерченными линиями. Маленькие каплевидные углубления — «бахрома» — расположены вдоль двух внешних сторон треугольников, острыми концами вниз. Этот орнамент уникален для керамики Теккем-депе, а технология изготовления сосуда, на котором он был нанесен, отлична от остальной исследуемой коллекции. К нему мы еще вернемся ниже.

Как видно из описания, керамика степного облика, найденная в верхних слоях Теккем-депе, представлена единообразной формой — лепным плоскодонным горшком со слабо изогнутой линией тулова, небольшой шейкой и отогнутым наружу венчиком. Тесто, из которого была сделана посуда, содержит различные отощители, в основном

минерального происхождения. Орнамент сосудов имеет ограниченное число составных элементов (семь видов) и не отличается большим разнообразием. Он покрывает лишь верхние части сосуда — венчики, плечики и очень редко шейку. В большинстве случаев на сосудах наносился один элемент орнамента, повторяющийся неоднократно, при этом он всегда располагался в пределах одной зональной линии. Сочетание различных элементов узора на одном сосуде присутствует только на незначительном числе фрагментов. Преобладающий элемент орнаментации — косые насечки, расположенные, в основном, по верхним краям венчиков. Способ нанесения орнамента — нарезка и плоский штамп. Некоторая часть сосудов украшена налепным валиком, а также особого типа венчиком в виде отогнутого «воротничка».

Керамика степного облика Теккем-депе имеет достаточно большое число аналогий в археологических комплексах степных районов Евразии, хронологически относящихся к заключительной стадии позднебронзового века.

Наиболее близкие типологические соотношения ей можно найти в керамических традициях саргаринско-алексеевской культуры, которая относится к последнему периоду существования андроновской культурно-исторической общности. Саргаринские сосуды имеют вытянутые в высоту пропорции, широко открытую горловину, небольшую мало-выраженную шейку и слабопрофилированное, асимметричное тулово. В тесте присутствует большое число различных добавок: шамот, песок и дресва. Обжиг — неравномерный, в изломе черепок всегда черный. Орнаментальные элементы на сосудах большей частью невыразительные и состоят из различного рода прочерченных линий, насечек, «елочки», ямочных вдавлений. Геометрические узоры в композициях встречаются крайне редко. Способ нанесения орнамента — плоский штамп и нарезка. Характерной деталью саргаринской керамики являются валик, размещенный по основанию шейки и почти всегда украшенный орнаментацией, а также своеобразный тип венчика в виде «воротничка» (Зданович С. 1984: 81—94).

Таким образом, керамический материал степного облика, найденный на поселении Теккем-депе, может быть отнесен к саргаринско-алексеевской культурной традиции на основании сходства главных типологических параметров: преобладание формы горшка вытянутых пропорций со слабо изогнутым туловом; наличие венчиков-«воротничков»; одинаковый способ и техника нанесения орнамента на поверхность сосудов; бедность орнаментальных элементов, среди

которых доминируют простые насечки; появление валиков на плечиках сосудов. Саргаринско-алексеевская культура датируется сейчас серединой XII—XI вв. до н. э. (Зданович Г. 1988: 148; Аванесова 1991: 92, 94), а ее ранний этап — XIII в. до н. э. (Варфоломеев 1991: 18). Вероятно, эти рамки охватывают и основную часть керамики степного облика Теккем-депе.

Из коллекции степной керамики Теккем-депе выделяется фрагмент крупного сосуда (диаметр венчика 26 см) с треугольным орнаментом (рис. 6: 6). Он найден на раскопе 1 на южной вершине холма в 80 см от современной поверхности (Щетенко 1972: 530) в культурном слое мусора около двухъярусной гончарной печи. По фактуре и технологии изготовления он несколько отличается от всей остальной лепной посуды Теккем-депе. Тесто — грубой структуры с большой примесью крупных зерен дробленных слюды, кварца и других камней. Обжиг — хороший, равномерный. В изломе цвет черепка — темно-оранжевый. Внутреннюю и внешнюю поверхности фрагмента покрывает хорошо сохранившийся ангоб. Анализ черепка показал, что сосуд покрывался ангобом дважды: первоначально полностью в растворе темно-оранжевого цвета, а затем внешняя поверхность сосуда была еще раз покрыта ангобом светло-оранжевого (беловатого) оттенка, после нанесения которого поверхность дополнительно загладили пальцами рук также, как и все остальные сосуды степной коллекции. Орнамент на фрагменте состоит из ряда треугольников (сохранились три), внутреннее пространство которых заполняют десять прочерченных линий, нанесенных от основания треугольников к их вершинам. Художественной особенностью этих треугольников, опущенных вершинами вниз, является «бахрома» — маленькие каплевидные углубления, расположенные вдоль их внешних сторон. Орнамент занимает верхнюю часть плечика горшка, а основания треугольников составляют одну прочерченную линию, опоясывающую нижнюю часть шейки сосуда. Венчик под углом 45 градусов скошен наружу и покрыт четкими наклонными насечками (сохранилось 18) через одинаковые (1 см) интервалы.

Похожий орнамент, с небольшим лишь отличием, — рядом косых насечек между двумя прочерченными линиями над рядом треугольников под венчиком, встречен на одном из черепков, собранных А. А. Марущенко в котлованах выдувания у Овадана, вместе с другими фрагментами лепной керамики (Кузьмина 1964: 145, рис. 3: 1). Значительно шире эти треугольники (четыре типа

этого мотива) встречены в тазабагъябской культуре (Итина 1977: рис. 63, вид орнамента 12, 14, 20, 48). Есть они и на посуде некоторых поселений саргаринско-алексеевской культуры Северного Казахстана (Зданович Г. 1988: рис. 10: 5; 20: 6). В Восточном Казахстане этот узор вместе с шестью другими мотивами керамики степного облика Теккем-депе, широко представлен в глиняной посуде поселения Канай (Черников 1960: табл. XVII—XIX) и в керамике верхнего горизонта поселения Усть-Нарым (Черников 1960: табл. XXVIII—XXXI). Керамика обоих поселений хорошо соотносится с поселенческими керамическими комплексами федоровской культуры Зауралья, Северного и Центрального Казахстана (Зданович Г. 1988: 146).

Уникальное значение находки фрагмента сосуда с треугольным орнаментом трудно переоценить. Сочетание в нем различных технологических традиций изготовления керамической посуды свидетельствует о непосредственных культурных контактах прошлого степного и местного земледельческого населения на поселении Теккем-депе. Форма, способ изготовления и орнаментация фрагмента сосуда безусловно относятся к степным признакам, а покрытие сосуда ангобом (причем, в два слоя!) и качественный печной обжиг позволяют видеть в этом случае земледельческие технологические принципы производства глиняной посуды.

Наконец, отдельно следует остановиться на двух черепках из более ранних напластований Теккем-депе (рис. 6: 1, 2). Они найдены на раскопе 1, в помещении 43 на втором уровне пола и стратиграфически предшествуют верхнему кроющему слою Теккем-депе, где обнаружен основной массив керамики степного облика. Первый экземпляр представляет собой фрагмент верхней части лепного темно-серого (внутри — светло-коричневого) горшка средней степени обжига, о чем свидетельствует темный цвет излома черепка. В тесте присутствует примесь дресвы. Внешняя поверхность черепка залощена, внутренняя содержит следы заглаживания. Реконструируемая форма — горшок с невыделенным венчиком и прямой шейкой, в нижней части которой четко выраженный уступчик. Орнамент располагается под верхним краем венчика: линия неглубоких овальных вдавлений, ниже которых идут ряды косых треугольников, заполненных внутри прочерченными линиями. На уступчике, между двумя прочерченными горизонтальными линиями нанесены ряды полукруглых вдавлений. Треугольники и линии выполнены в технике нарезки, вдавления — плоским штампом. Второй черепок аналогич-

чен первому, но сохранился хуже. Технология изготовления, форма и орнамент этих черепков позволяют видеть в них фрагменты сосудов алакульского круга.

Таким образом, керамика степного облика Теккем-депе отражает несколько этапов культурных взаимоотношений земледельцев Южного Туркменистана с северными племенами скотоводов: первый — завершающие

фазы раннего периода Намазга VI (появление алакульских черепков) и второй — время заключительной стадии эпохи Намазга VI (керамика саргаринско-алексеевского круга). Дальнейшая работа по изучению материалов Теккем-депе помогут выявить характер этих взаимоотношений, их хронологическую и пространственную направленность.

- Аванесова, Н. А.* 1991. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент: Фан.
- Варфоломеев, В. В.* 1991. Сарыарка в конце бронзового века. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата.
- Виноградова, Н. М., Е. Е. Кузьмина.* 1986. Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока: 126—151. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Ганялин, А. Ф.* 1956. Теккем-депе // Труды Института истории, археологии и этнографии II: 67—86. Ашхабад.
- Зданович, Г. Б.* 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. (Основы периодизации). Свердловск: Издательство Уральского университета.
- Зданович, С. Я.* 1984. Керамика саргаринской культуры // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья: 79-96. Челябинск.
- Итина, М. А.* 1959. Первобытная керамика Хорезма // Труды Хорезмской экспедиции IV: 5—62. Москва: Издательство Академии наук СССР.
1977. История степных племен Приаралья // Труды Хорезмской Экспедиции X. Москва: Наука.
- Кузьмина, Е. Е.* 1964. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового веков Евразии: 141—158. Москва: Наука.
1988. Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы // Вестник древней истории 2: 35—59.
- Куфтин, Б. А.* 1954. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению культур Анау // Известия Академии Наук СССР I: 21—25. Ашхабад.
1956. Полевой отчет о работах XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культур первобытнообщинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции VII: 260—290. Ашхабад: Издательство Академии наук Туркменской ССР.
- Латынин, Б. А.* 1958. О южных границах ойкумены степных культур эпохи бронзы // Советская археология 3: 46—53
- Маруценко, А. А.* 1956. Итоги полевых археологических работ 1953 г. Института истории, археологии и этнографии АН ТССР // Труды Института истории, археологии и этнографии II: 5—10. Ашхабад.
- Массон, В. М.* 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы. Материалы и исследования по археологии СССР 73. Москва-Ленинград: Наука.
- Черников, С. С.* 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. Материалы и исследования по археологии СССР 88. Москва-Ленинград: Академия наук СССР.
- Щетенко, А. Я.* 1972. Раскопки Теккем-депе и Намазга-депе // Археологические открытия 1971: 529—530. Москва: Наука.
1973. Теккем-депе — поселение эпохи поздней бронзы // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам археологических исследований 1972 года в СССР: 234—236. Ташкент: Фан.
- Schmidt, H.* 1908. Archaeological Excavations in Anau and Old Merv // Pumpelly, R. (ed.). Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric civilizations of Anau. Origins, growth and influence of environment I: 81—186. Washington: Carnegie Institution of Washington.

LATE BRONZE AGE POTTERY OF THE STEPPE TYPE APPEARANCE FROM TEKKEM-DEPE (SOUTH TURKMENISTAN)

A. YA. SHCHETENKO, YU. G. KUTIMOV

Results of many seasons of excavation at Tekkem-depe (Щетенко 1972, 1973) and the new material obtained during study of the late

Bronze Age steppe cultures in the zone of Eurasian steppes enable us to find new approach to the problem of identification of some

steppe-type pottery published here for the first time.

Tekkem-depe is situated 120 km to the east of Ashkhabad and 4 km to the south-west of the Central-Asian Railroad station of Kaakhka. The site is also 1,5 km to the south of Namazga-depe (fig. 1). It is an oval hill (with an area of 2 hectares) elongated in the meridional direction (fig. 2). Its southern summit raised 5,5—6 m above the surrounding plain joins the northern part through a marked saddle; 40 km to the north of the latter the area excavated by A. F. Ganyalin (Ганялин 1956: 68) is situated.

The cultural layers of Tekkem-depe are 11 m deep. The lower 8 m contain the remains of many-room houses made of mud-bricks and dated to the early stage of Namazga VI; synchronous to the latter is the peculiar feature on the northern hill — the summit or so called «tower» of Namazga-depe (periods 5—7). After a period of desolation at Tekkem-depe, registered also on the «tower», there existed a settlement of the late stage of Namazga VI contemporary with the settlement of the upper layers of the «tower» (1—4). On the site under discussion complexes of the late Bronze Age interrupted by periods of desolation were identified (fig. 4). These complexes contained pottery of the steppe type that found parallels in the earthenware of the main stages of the Andronovo culturo-historical communities.

Among the three main types of the Tekkem-depe pottery (table-ware, household's and cooking ware) that was mostly wheel-made one may distinguish also hand-made pottery including that of a steppe-type appearance decorated with carved and stamped ornaments. During the seasons of 1972 and 1974 there were registered 2073 fragments (rims, bases, decorated walls) and archaeologically complete shapes. The tableware (including the rare forms) amounts to 1164 items (56,1%); the household's pottery (together with circular trivets) includes 466 items (22,5%); cooking pottery is composed of 443 items (21,4%). Of those examples 215 fragments and one complete pot from room 53 — *i. e.* 10 percent of the total amount of the two field seasons pottery, or 49% of the hand-made pottery — have been selected for a comparative analysis.

The upper layer of the hill (it is 1,5—2 m deep) is represented by remains of constructions dated to different times and having several levels of occupation that is demonstrated in the section of the southern part of the hill (fig. 3). The location of ceramic finds of the steppe-type appearance also confirms the fact. All the studied material comes from stratigraphic area 1 situated in the southern extremity of the hill and from excavation area 2 lo-

cated farther to the north and encompassing the major part of the settlement upper layer. In excavation area 1 this pottery was found in the upper mixed layers that had been disturbed by medieval graves. In area 2 pottery of the steppe-type appearance was found in three places (fig. 4). In the southern part, it comes from the fills of courtyard № 4 and from rooms 31, 32, 34, 35, 41—44, 49, 51, 53, 54. Here 51 fragments were discovered including 20 decorated ones. In the northern part, in the area of courtyard no. 1 and in fills of constructions 1-9, in total 9 fragments were found (one decorated). In the central part of area 2 there were found 74 fragments (30 decorated). The latter fragments were in fill of rooms 10—17, 19, 20, and what is of the greatest importance — on the floors of some of the rooms (10/11, 14, 15). One third of the pottery studied (77 fragments including 31 decorated) was discovered outside the rooms, mainly in the upper layers. In the analysis of the earthenware the shaping technique, paste composition, the surface finish, colour, firing and decorations were taken into consideration. All the pottery is hand-made: produced by the band-applying technique, with the band width up to 7 cm, the number of the latter (4—5) depending on the total vessel height. In two pieces cloth imprints were used. Pounded marl, quartzites (sand), potsherd and organic admixtures were used for tempering. Occasionally combinations of the tempers were used: organics and quartz, rotten stone and quartz, potsherd and organics. In the colour gamut light-brown and cream colours, *i. e.* light-orange and yellow hues, prevail. The firing is irregular. The inner and outer surfaces show traces of smoothing. Polishing is lacking. The most common shape is a pot of elongated proportions, a slightly outturned profile and flat bottom. The necks are rather small and are not well pronounced; rims are either straight or out-curved and have a rounded, flat or pointed edge. Three rims have the profile of outturned «collar». Four vessel groups are distinguished by their rim diameters (in cm): 1) tiny pots — 8—16; 2) small pots — 18—22; 3) medium-sized pots — 24—28; 4) large pots — 30—36.

Of the total 215 fragments 82 (37,9%) are decorated. The decorations are composed of seven major elements and cover the upper parts of the vessels — rims, shoulders, and very rarely the neck. Prevailing are slant incisions of several types (figs. 5, 6): lens-shaped ovals; «herring-bones» — horizontal arrows, less often small crosses; drawn lines; «pearls» — oval imprints; a row of slanting and hatched inside triangles with their apexes turned down and a «fringe» along the outer sides. The patterns were made in the

incising or flat stamping technique that included impressions of a fine-tooth comb. Seven of the pieces were encircled along their shoulder upper boundaries with relief cylinders of applied clay decorated with a sloping row of incisions. This Tekkem pottery in terms of its main technological features is close to the Sargarinsko-Alekseevskaya Culture ware: the prevalence of the pot shapes of elongated proportions with slightly curved body; presence of rims-«collars»; the similar methods and techniques of making decorations; the scarcity of ornamental elements; appearance of cylinders on the shoulders (Зданович С. 1984: 81-94). The latter pottery is dated to the middle of the 12th-11th centuries B.C. (Зданович Г. 1988: 148; Аванесова 1991: 92, 94) while its early stage falls to the 13th century B.C. (Варфоломеев 1991: 18). Probably, the major part of the Tekkem-depe pottery may be also dated to the same range.

Of special interest is the upper part of a large round vessel (rim diameter 26 cm). This vessel differs in its texture and technology from the other hand-made ware (fig. 6: 6): the paste has a coarse texture and is tempered with great amount of quartz grain, mica, and organic material; the clay is regularly fired. The inner and outer surface was slipped twice: originally the vessel (inside and outside) was coloured dark-orange, then its outer surface was coated with light-orange slip. The surface was additionally smoothed with fingers. The decoration in the shoulder upper part is composed of a row of triangles (with their apexes turned down); the inner space of the triangles is filled with 10 slanting drawn lines and along the outer sides of the triangles a «fringe» is drooping — small drop-like depressions. The rim is slanting outwards at an angle of 45 degrees and decorated with slant incisions. A similar decoration was met on a sherd found near the Ovadan site (Кузмина 1964: 145, fig. 3, 1) and on the Sargarinskaya Culture ware in the Northern Kazakhstan (Зданович Г. 1988: figs. 10, 5, 20, 6). In the Southern Kazakhstan similar decorations are represented at the settlements of Kanai and Ust-

Narym (Черников 1960: tables XVII—XIX, XXVIII—XXXI). Thus the rim fragment with the triangular decoration demonstrates a combination of two technological traditions in pottery-making. The shape, the manufacturing technique and decoration are typical to the pots used by the steppe population, while slipping and high-quality firing in a pottery kiln represent the pottery technique of agricultural groups. This fact suggests the presence of cultural contacts between the steppe and agricultural populations.

Two sherds (fig. 6: 1, 2) found in room 43 of area 1 on the second floor level preceding stratigraphically the upper layer of Tekkem-depe give evidence of the initial time of the mentioned process. The first item is a fragment of the upper part of a hand-made dark-grey (light-brown inside) pot of a medium extent of firing that is indicated by the dark colour of the sherd in break. The paste includes admixtures of rotten stone. The outer surface is polished; the inner shows traces of smoothing. The reconstructed shape is a pot with a poorly pronounced rim and straight neck; in the lower part of the latter a well marked small ledge is visible. The decoration is located beneath the rim upper edge: a line of rather shallow oval impressions below which there are rows of slanting triangles hatched inside. On the ledge, between two drawn horizontal lines, there are rows of semicircular impressions. The triangles and lines are executed in carving technique; the impressions are made with a flat stamp. The second sherd is similar to the first but has not preserved so well. The manufacturing technology, shapes and decorations of these fragments are typical to the Alakul stage of the Andronovo Culture.

Thus the pottery of the steppe-type appearance from Tekkem-depe reflects several stages of the cultural relations between agricultural groups of the South Turkmenistan and cattle-breeders' tribes: the earlier pots are dated to the Alakul period, and the later — to the Sargarino-Alekseevskaya Culture time.

ЕЩЕ РАЗ О НАЗНАЧЕНИИ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «МОДЕЛЕЙ ЯРМА»

Е. Д. ПАУЛЬС*

Предлагаемая работа посвящена вопросу о назначении трех групп бронзовых предметов, происходящих из археологических комплексов Китая, Монголии, Забайкалья и Южной Сибири. Речь идет об изделиях, известных в археологической литературе под различными названиями, одним из которых является «модель ярма». Рассматриваемые предметы нигде в мире, кроме вышеперечисленных районов, не найдены. Время их бытования на различных территориях также ограничено. В Китае они известны в эпохи Инь и Чжоу (XIV—VII вв. до н. э.). В Минусинской котловине эти изделия появляются на заключительной стадии карасукской культуры (примерно в XI—X вв. до н. э.) и встречаются в памятниках последующей тагарской культуры вплоть до III в. до н. э. В тагарское время «модели ярма» становятся миниатюрными, их форма изменяется. Если артефакты из Китая и Южной Сибири (рис. 1: 1—3) чрезвычайно близки по форме и размерам, то предметы, изображенные на оленных камнях Монголии и Забайкалья, лишь отдаленно напоминают первые две группы изделий. Время создания оленных камней в настоящее время определяется лишь приблизительно. Скорее всего, они относятся к скифскому времени. Изображения «моделей ярма», сходных с выбитыми на оленных камнях, встречаются на алтайских шаманских бубнах (Членова 1972: табл. 58).

В настоящее время практически ни у кого нет сомнений в том, что иньские, чжоуские и карасукские «модели ярма» имели одинаковое функциональное назначение. Среди китайских специалистов до недавнего времени было распространено убеждение, что эти предметы использовались в качестве центральной накладки на лук (Cheng Tek'un 1960). Среди российских исследователей данная версия не получила признания. Некоторые из них, в том числе и А. В. Варенов, опубликовавший статью о предназначении найденных в Китае «моделей ярма», считают, что они каким-то образом

связаны с колесницами (Варенов 1984; Леонтьев 1980: 82). При этом одни авторы интерпретируют данные изделия как символические, другие же, включая А. В. Варенова, полагают, что «модели ярма» имели утилитарное назначение. По мнению упомянутого исследователя, загадочный предмет являлся пряжкой, которая крепилась на поясе колесничего, чтобы освободить его руки от поводов.

Оставляя в стороне гипотезу о символическом назначении рассматриваемых артефактов — ее невозможно ни опровергнуть, ни доказать — скажу, что попытка А. В. Варенова установить утилитарное назначение «моделей ярма» оправдана. В самом деле, массивность предметов, их серийность и размеры, наконец, несомненные следы использования (во всяком случае, на части карасукских экземпляров) — все это свидетельствует об их утилитарном назначении.

Однако, ни одна из предложенных версий не дает ответа на вопрос, как использовались предметы, изображенные на оленных камнях. Найденное Г. П. Сосновским в Забайкалье массивное бронзовое изделие (рис. 1: 5), аналогичное по форме большей части предметов, выбитых на оленных камнях, свидетельствует о том, что эти вещи не предназначались для утилитарного использования (Гришин 1981: 29—131). Видимо, не следует объединять в одну группу находки из Монголии и Забайкалья с изделиями, происходящими из Китая и Южной Сибири. Однако все эти предметы имеют сходную форму. В чем здесь дело? Может быть, все же правы те исследователи, которые трактуют рассматриваемые артефакты как вещи-символы?

К сожалению, работы, посвященные этим загадочным предметам, иногда наполнены отвлеченными рассуждениями, создавая впечатление, что их авторы не держали в руках «моделей ярма». Это ни в коей мере не относится к китайским специали-

* Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

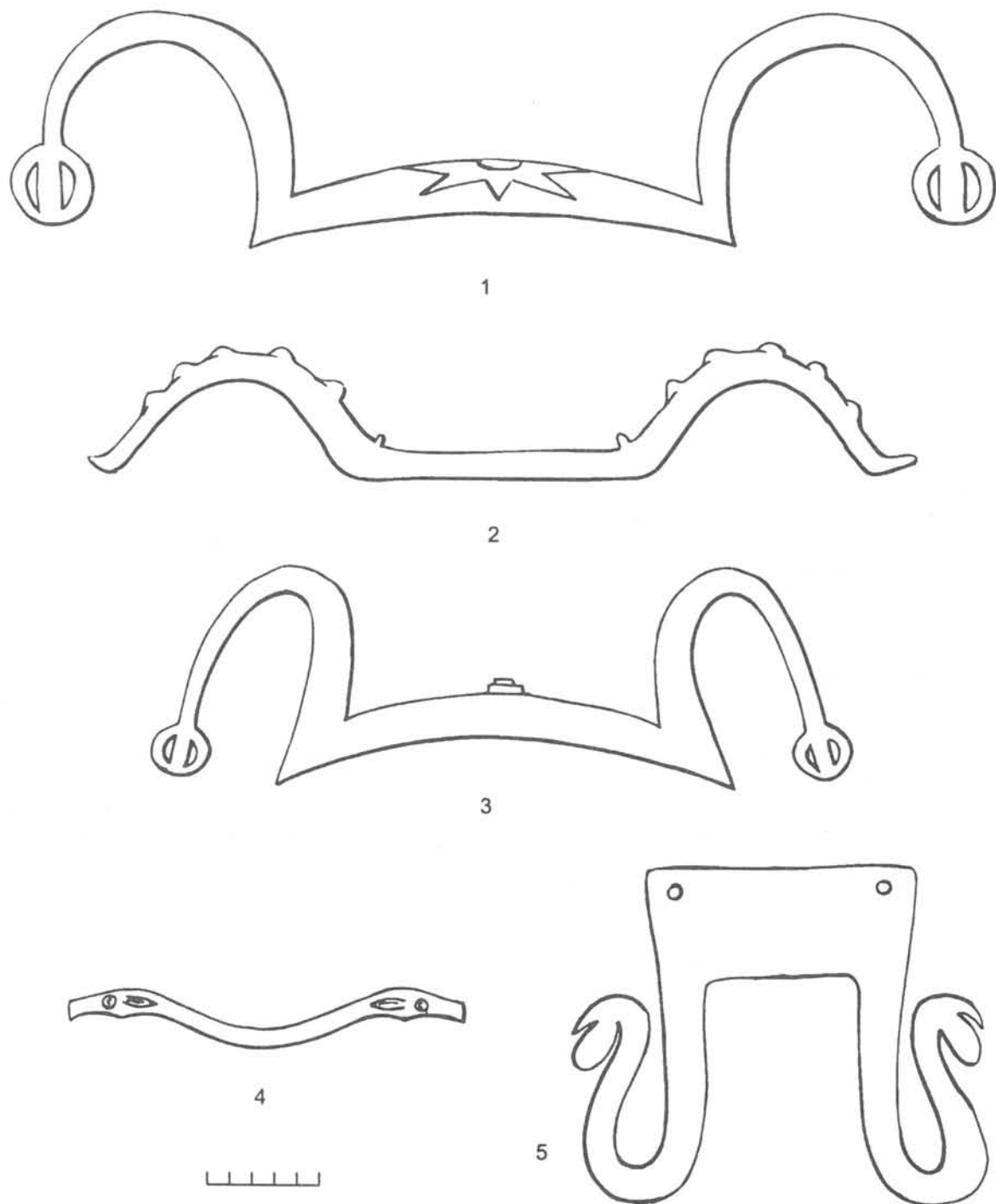

Рис. 1. Различные типы «модели ярма». 1 — Китай, эпоха Инь (по С. В. Киселеву); 2 — Минусинская котловина, карасукская эпоха (по Н. Л. Членовой); 3 — Китай, эпоха Чжоу (по А. В. Варенову); 4 — Минусинская котловина, тагарская эпоха (по Г. Н. Курочкину); 5 — Забайкалье (по Г. П. Сосновскому).

Fig. 1. 1 — China, Yin period (after S. V. Kiselev); 2 — Minusinsk Basin, Karasuk Culture (after N. L. Chlenova); 3 — China, Chou period (after A. V. Varenov); 4 — Minusinsk Basin, Tagar Culture (after G. N. Kurochkin); 5 — Trans-Baikal region (after G. P. Sosnovsky).

стам, которые, вне всякого сомнения, имеют такую возможность. В отечественной археологической литературе единственная работа, в которой подробно анализируются найденные в России «модели ярма», принадлежит перу М. Д. Хлобыстиной, рассмотревшей карасукские изделия из Южной Сибири

(Хлобыстина 1970: 190). Однако эта исследовательница допустила очень серьезную неточность, утверждая, что отсутствие следов смятости на концах дуг «моделей ярма» (на так называемых «копытцах») свидетельствует против предположения об их использовании в качестве накладки на лук (Хло-

быстина 1970). Это, с моей точки зрения, странное заключение о том, что бронза должна сминаться от соприкосновения с деревом, было, тем не менее, некритично воспринято другими специалистами. Так в нашей науке гипотеза о том, что «модель ярма» является накладкой на лук, надолго лишилась права на существование. Ссылка на вывод М. Д. Хлобыстиной присутствует во всех последних публикациях, в том числе и в статье А. В. Варенова. Однако окончания дуг карасукских изделий, имеющих следы использования, отогнуты и места их возможного соприкосновения с деревянной частью лука заполированы. У этих «моделей ярма» дуги всегда неодинаково отогнуты относительно оси центральной планки. У некоторых экземпляров дуги поломаны, причем излом находится в средней части дуги. Это говорит о том, что она испытывала большую нагрузку, идущую со стороны «копытца». У многих «моделей ярма», как со следами использования, так и без них, внутренняя поверхность дуг имеет острые режущие края: остатки необработанных литых швов. Последнее наблюдение противоречит тому способу использования предметов, которое предположил А. В. Варенов. Острые кромки швов быстро привели бы в негодность поводья.

Ширина центральной планки почти всех карасукских изделий, варьирует в пределах ширины ладони взрослого человека. До сих пор ни один из исследователей не обратил внимания на этот факт. Иногда внешняя поверхность центральной планки «модели ярма» украшена тем же орнаментом, что и рукоятки некоторых коленчатых ножей. С внешней стороны планки во всех случаях имеются либо шпеньки, либо петли для привязывания. Примечательно, что даже в том случае, когда мастер отливал петли не с внешней, а с внутренней стороны центральной планки, она имеет форму корытца, а петли «утоплены» в ней. Внутренняя сторона центральной планки всегда имеет форму дуги в поперечном сечении.

На основании вышеперечисленных характеристик можно утверждать, что карасукские «модели ярма» являлись накладками на лук, ибо только в этом случае окончания их дуг могли испытывать значительную нагрузку. Однако такое объяснение все же вызывает сомнения, так как неизвестно улучшает ли такая накладка боевые качества лука? Кроме того, вычурность анализируемых изделий не соответствует возможности их длительного использования. Нет ответа и на вопрос, почему «модели ярма» размещались на поясе погребенных. Целый лук в могиле не мог бы поместиться. В карасукских могилах, даже и

в неграбленных, эти изделия никогда не встречались вместе с наконечниками стрел. И, наконец, данная гипотеза совершенно не объясняет назначения предметов, изображенных на оленных камнях Монголии и Забайкалья. Все эти соображения не позволяют безоговорочно принять предложенную китайскими археологами версию.

Ниже я даю новую интерпретацию загадочных предметов. Чтобы установить их назначение, обратимся к китайскому мифу о стрелке И (Юань Кэ 1987: 139—164; Рифтин 1987: 407). Такой подход правомерен, так как области распространения «моделей ярма» и мифа частично совпадают. Я имею в виду ту его часть, в которой говорится о том, как И стрелял из лука в солнце. Возможно, что в позднейшей записи мифа сохранились воспоминания о древнем магическом обряде избавления от засухи, совершая который люди высокого социального ранга «стреляли по солнцу». В Древнем Китае они, судя по характеру археологических находок, обладали одновременно и светской, и духовной властью. Со временем реально существовавший обряд трансформировался в миф о герое — стрелке И. При такой интерпретации находит объяснение и вычурность формы загадочного предмета, и его положение на поясе (атрибут священнослужителя). Из сказанного следует, что «модель ярма» являлась съемной накладкой на лук, которую присоединяли к нему лишь во время совершения обряда. Дополнительным аргументом в пользу этого предположения может служить и упоминание в мифе лука красного цвета, что хорошо сочетается с красным цветом меди, из которого изготовлялась накладка. И, наконец, количество наконечников стрел, найденных в некоторых могилах Аньяна, точно соответствует следующей детали мифа: верховный владыка, посылая на землю стрелка И, дает ему вместе с красным луком десять белых стрел. В древности подобный обряд видимо был распространен и в засушливой Минусинской котловине.

Отсутствие наконечников стрел в тех карасукских могилах, где найдены «модели ярма» вероятно объясняется тем, что в Минусинской котловине вместо упоминаемых в мифе «белых стрел» использовали ивовые прутья. В отличие от Китая, люди, совершавшие обряд избавления от засухи на юге Сибири, могли и не совмещать в одном лице функции духовного и военного лидера. И вообще, судя по отсутствию оружия в карасукских могилах, заметной социальной дифференциации в ту эпоху в Минусинской котловине не было.

Как уже говорилось, вопрос о времени возникновения оленных камней на сегод-

нышний день не выяснен окончательно. Однако в целом их появление следует, видимо, относить к эпохе существования в азиатских степях скифских культур. Изображенные на оленных камнях монголо-забайкальские «модели ярма», вероятно, относятся к более позднему времени, чем китайские и минусинские. Скорее всего, в Монголии рассматриваемые предметы уже не служили накладками на луки, а лишь символизировали власть над миром духов, повелителем которого после своей смерти стал стрелок И.

Тагарские «модели ярма» (рис. 1: 4) — безусловно, являются предметами символического назначения. Концы их дуг выполнены в виде головок копытных животных. Это соответствует общей солярной символике предметов. Сходные изображения на алтайских шаманских бубнах также можно считать связанными с той же символикой.

- Варенов, А. В.* 1984. О функциональном предназначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы: 42—51. Новосибирск: Наука.
- Гришин, К. С.* 1981. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. Москва: Наука.
- Леонтьев, Н. В.* 1980. Колесный транспорт эпохи бронзы на Енисее // Вопросы археологии Хакасии: 65—84. Абакан.
- Рифтин, Б. Л.* 1987. О китайской мифологии в связи с книгой профессора Юань Кэ // Мифы Древнего

Тагара. Москва: Наука.

Таким образом, можно предположить, что загадочные предметы были атрибутами шаманов. В Китае и в Минусинской котловине карасукского времени их использовали в качестве съемных накладок на лук только во время совершения обряда избавления от засухи. Изображение многолучевой звезды на внешней стороне «моделей ярма», найденных в Китае, также соответствует моей трактовке. Не являются случайными и бубенчики на концах дуг накладки на лук. Однако их интерпретацию я сейчас предложить не могу. В Монголии и Забайкалье рассматриваемые изделия сохраняют лишь символические функции.

Предложенная мною трактовка объясняет функциональное назначение всех групп загадочных предметов, а также, сочетая археологические факты со сведениями из письменных источников, открывает перспективу для дальнейшего исследования.

- Китая: 378—477. Москва: Наука.
- Хлобыстина, М. Д.* 1970. К изучению минусинских культовых древностей // Советская археология 3: 186—193.
- Членова, Н. Л.* 1972. Хронология памятников карасукской эпохи. Москва: Наука.
- Юань Кэ.* 1987. Мифы Древнего Китая. Москва: Наука.
- Cheng Te-k'un.* 1960. Archaeology in China 2. Cambridge: Heffer.

SO-CALLED «YOKE MODELS» REVISITED

E. D. PAULS

The present article focuses on the meaning of three groups of bronze artifacts found in China, Mongolia, the Trans-Baikal area, and Southern Siberia. They are known under various names, one of them being «models of yoke». In his article dealing with «models of yoke» found in China, Varenov (1984: 42—51) summarized all the views and materials relevant for the function of these artifacts, which have not been found outside the regions mentioned above. In China they date to the Yin and Chou periods (1 400—600 BC). In the Minusinsk Basin they appeared ca. 1100—900 BC, at the final stage of Karasuk Culture, and continued to function during the Scythian pe-

riod (Tagar Culture) until the 3-d century BC, becoming progressively smaller and eventually acquiring a different shape. While Chinese and Minusinsk specimens (figs. 1: 3) are quite similar both in shape and size (most notably, in both groups the tips of the arches are modelled like bells), those represented on the deer stones of Mongolia and Trans-Baikal region bear just a remote resemblance to the former two groups. The date of these stelae is unclear. Most likely, they were made during the Scythian period. Objects resembling those carved on the deer stones were attached to the drums used by the Altai shamans less than a century ago (Членова 1972: Table 58).

At present, there is little doubt that «models of yoke» had the same function in China and Southern Siberia. Of the various interpretations concerning their purpose, two are the most oft-cited. The Chinese researchers apparently believed that these objects were attached to the bows (Cheng Te-k'un 1960), an idea which was not supported by the Russian scholars, who tended to associate them with chariots (Варенов 1984; Леонтьев 1980: 82). The «chariot version» is known in two variants. One is that the objects served some symbolic purpose, and the other one is that their function was utilitarian. The latter explanation has been lately advocated by Varenov, who believes that the objects in question were buckles which fastened the reins and were attached to the belt so the charioteer's hands could be left free.

So far as I know, no comments upon Varenov's idea have been made. Leaving the «symbolic» hypothesis aside (for it can be neither proved nor refuted), I would say that Varenov's attempt at finding a utilitarian explanation to the «models» appears to be justified. Indeed, the objects discussed are massive and standard in size, and on some of the Karasuk specimens unmistakable traces of wear are present. All this attests to a utilitarian function.

None of the versions suggested, however, may apply to the artifacts carved on the deer stones. Moreover, the bronze specimen found by Sosnovsky east of Baikal, being identical to those on the stelae in terms of shape, is too massive to have functioned in a way suggested by Varenov (Гришин 1981: 29—131). Maybe the Mongolian specimens should not be associated with those from China and Southern Siberia? But all of them were attached to the front part of the belt, and their shape, too, is similar. What, then, might the explanation be? Could the advocates of the «symbolic hypothesis» be right after all?

Regrettably, most scholars appear to have analyzed the representations of these artifacts rather than looking at the artifacts themselves. One can't avoid the impression that the writers never held the alleged «models of yoke» in their hands. This does not in the least apply to Chinese researchers, who certainly do have this possibility. As to their Russian colleagues, the only one of them to have had a closer look at these objects is Khlobystina, the author of the only Russian article in which they are discussed in detail with regard to the Karasuk group (Хлобыстина 1970: 190). However, Khlobystina's interpretation is inaccurate in one important respect. Having virtually admitted that the «bow version» suggested by Chinese writers is the most plausible one,

she makes a step back saying that this idea is contradicted by the fact that the so-called «hooves» on the tips of the branches are not crumpled as they allegedly should be if the objects were parts of the bows. Despite being evidently irrelevant (can wood really crumple bronze?), this remark was uncritically accepted by other writers and taken to disprove the «bow hypothesis». Varenov, too, cites Khlobystina's view. However, on those specimens which have signs of wear, the tips of the branches are bent, and the areas where they might have touched the wooden part of the bow are polished. In such specimens the degree to which the branches are bent is different. Also, some arches, despite being massive, are broken exactly in the middle, attesting to the stress to which the lateral parts were subjected. The final observation is that in many specimens, regardless of presence or absence of traces of wear, the insides of the arches have sharp cutting edges which had not been removed after casting. The latter fact contradicts Varenov's interpretation since these edges would have rapidly destroyed the reins.

Concerning the central plank, it is inconceivable how the previous scholars could fail to notice a simple fact: in virtually all specimens, the width of this plank varies within the breadth of an adult human palm. In some cases, the outer surface of the plank is ornamented with the same design as that which covers the hilts of some bent knives. On the outer side of the plank there are always either pegs or lugs for attaching. Notably, even if these were cast from the inside rather than from the outside of the plank, the latter is shaped like a trough with lugs embedded in it. Finally, in all cases, the cross-section of the inside of the central plank is arch-shaped.

Given all the above, I would suggest a mental experiment: one must think of attaching an object, round in section, to the central plank, then taking the entire construction and applying considerable force to the tips of the branches. Thinking of objects that might satisfy these conditions around 1000 BC, one can't avoid the conclusion that the object in question could have been none other than a bow. So the idea that the bronze artifacts discussed here were indeed attached to bows appears plausible. Certain doubts do remain, though. First, how should these metal additions enhance the quality of the bows? Second, such a simple function does not agree with the fact that these objects are very elegant and difficult to cast. Third, it is not clear why they are found near the belt of the deceased since the grave could not accommodate the entire bow in this position. Also, in Karasuk burials, the objects in question never co-occur with ar-

rowheads. Finally, the explanation suggested does not account for the Mongolian specimens. The «bow version» supported by the Chinese scholars, then, cannot be unreservedly supported.

The hypothesis that I am going to outline is based on the Chinese myth about the archer named Yi (Юань Ке 1987: 139—164; Рифтин 1987: 407). The parallel is all the more warranted since the distribution areas of the myth and of the objects in question partly overlap. What specifically concerns us here is the part of the myth where Yi kills the suns by shooting arrows at them. Perhaps the late record of the myth contains the recollection of an ancient rite performed by certain persons who, judging by the nature of the finds, were endowed with both secular and magical power. If so, it may be suggested that the actual rite aimed at combatting draught by shooting arrows at the sun eventually evolved into a myth about the heroic archer Yi. This would explain both the elegance of these objects and the fact that they were worn on the belt (being the attributes of priests). It follows that they were attached to the bows only during the rite. The bow mentioned in the myth is red, as is the bronze of which the mysterious artifacts are made. Finally the number of arrowheads in some graves of Anyang is ten, the same as the number of white arrows which the Supreme Ruler gives to Yi together with the red bow.

After having been introduced to Minusinsk Basin by some migrants, this rite could have survived there for a long time given the arid climate of the region. The absence of arrowheads in Karasuk graves may be explained by the assumption that «white arrows» mentioned in the myth were merely withes. Contrary to

China, people who performed this rite in Siberia may not have combined temporal and religious functions, the more so that the inventory of Karasuk burials, except the weapons, does not indicate that marked social differentiation existed.

As mentioned above, it is unclear when the deer stones first appeared, but in broad terms, they evidently date to the Scythian period. Mongolian and Baikalian specimens must be younger than those from China and Minusinsk. In Mongolia, they were apparently no longer attached to the bows but merely symbolized the power over the world of spirits (according to the myth, Yi becomes the ruler of the other world after his death).

Late Tagar specimens (fig. 1: 4) are doubtless symbolic. Their tips are often shaped like heads of ungulate animals. This agrees with their solar symbolism, and the same applies to representations on the shamanic drums from Altai.

It may be tentatively suggested, then, that the mysterious objects in question were attributes of the «shamans». While in China and Minusinsk (during the Karasuk period) they were actually attached to bows, their function was only symbolic in Mongolia. Because they could hardly been used frequently anyway, the issue of technical efficiency is irrelevant. If our interpretation is correct, the many-pointed star represented on the outside of the specimens from China is also understandable. It is apparently not incidental that points of the branches are shaped like bells, but so far I am unable to explain that. The hypothesis suggested here provides a single explanation for all the groups of mysterious objects and seems to open up a prospect for future studies.

ОЛЕННЫЕ КАМНИ ТУВЫ

(Часть 2. Сюжеты, стиль, семантика)

М. Е. КИЛУНОВСКАЯ, ВЛ. А. СЕМЕНОВ*

Стилистический анализ изображений, выполненных на оленных камнях, позволяет четко соотнести их с памятниками искусства раннескифского времени. Оленные камни входят неотъемлемой частью в изобразительные комплексы, существующие в Центральной Азии на ранних этапах становления и развития скифо-сибирского звериного стиля (Килуновская 1994: 13—16). Изобразительные комплексы характеризуются определенной художественной традицией, которая прослеживается как в оформлении самих стел, так и воспроизводимых на них сюжетах, особенно образах животных — оленей, кабанов, коней, козлов, баранов, хищников и др. Можно выделить 4 класса изображений животных на оленных камнях (под «классом» мы понимаем совокупность изображений, связанных одной изобразительной традицией; класс объединяет типы, характеризующие разные образы).

Первый класс (рис. 4) составляют изображения животных, выполненные широким контуром и отличающиеся четкостью и изяществом рисунка. У животных плавными линиями передано туловище. Переход живота в бедро может быть показан либо углом, либо плавной линией. В основе моделировки тела животного лежит S-овидная линия. На спине подчеркивается треугольная или приостренная холка. Все звери изображены стоящими на прямых ногах с выделенным коленным суставом и приостренными копытами. Такими чертами наделены рисунки оленей первого типа (рис. 1: 1—3), козлов первого типа (рис. 2: 1—4), кабанов первого типа (рис. 3: 1, 2), лошади с Самагалтайского камня (рис. 2: 12), то есть фигуры с Чаргинского, Аржанского и Самагалтайского камней. В других регионах подобные изображения на оленных камнях не известны.

Изображения 2 класса (рис. 5) выполнены в силуэтной технике. Для них так же характерна плавность и четкость рисунка. По рисунку и в деталях они совпадают с изо-

бражениями 1 класса. Для них характерно преобладание S-овидных элементов в моделировке линий, поджарость, длинные стройные ноги с проработанными копытами, подогнутые под брюхо или вытянутые («на кончиках копыт»), реалистично переданные морды (для копытных — лосиноподобные), поднятые вверх. К таким изображениям относятся фигуры оленей второго типа (рис. 1: 4—9), козлов второго типа (рис. 2: 5—9), кабанов второго типа (рис. 3: 3—11), лошадей второго типа (рис. 2: 13, 15). Все эти изображения встречаются на камнях из Орзак-Аксы, Уюк-Аржана, Туранском, Втором Чаргинском, валунах из Улуг-Хорума. Аналогии им есть среди рисунков на оленных камнях Монголии (Волков 1981: рис. 31, 34, 69, 70, 92). Однако тувинские изображения отличаются четкостью рисунка, вытянутостью фигур, стройностью ног, плавностью линий, ровностью края выбивки. Они выполнены более тщательно, с большим мастерством.

Третий класс (рис. 6) — это стилизованные изображения, в которых животные утрачивают натуралистические черты за счет их трансформации, — у оленей удлиняется морда и становится похожей на птичий клюв; тело тоже вытягивается; показывается большой треугольный горб, образующийся в месте соединения двух S-овидных линий; рог чрезмерно увеличивается и извивается вдоль всей спины, но иногда его нет совсем; ноги часто не воспроизводятся. Хищники изображаются свернувшимися в кольцо (даже в спираль) или скребущими. Туловища у них непропорционально удлинены, как и шеи, для образования круга или полукруга. В этот класс входят изображения оленей с клювовидными мордами третьего типа (рис. 1: 10, 11), кабанов с подогнутыми ногами третьего типа (рис. 3: 13, 14), лошадей второго типа (это скорее изображения куланов) (рис. 2: 14, 16) и хищников. Они характерны для оленных камней 2 типа (типы камней даны в первой части ста-

* Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

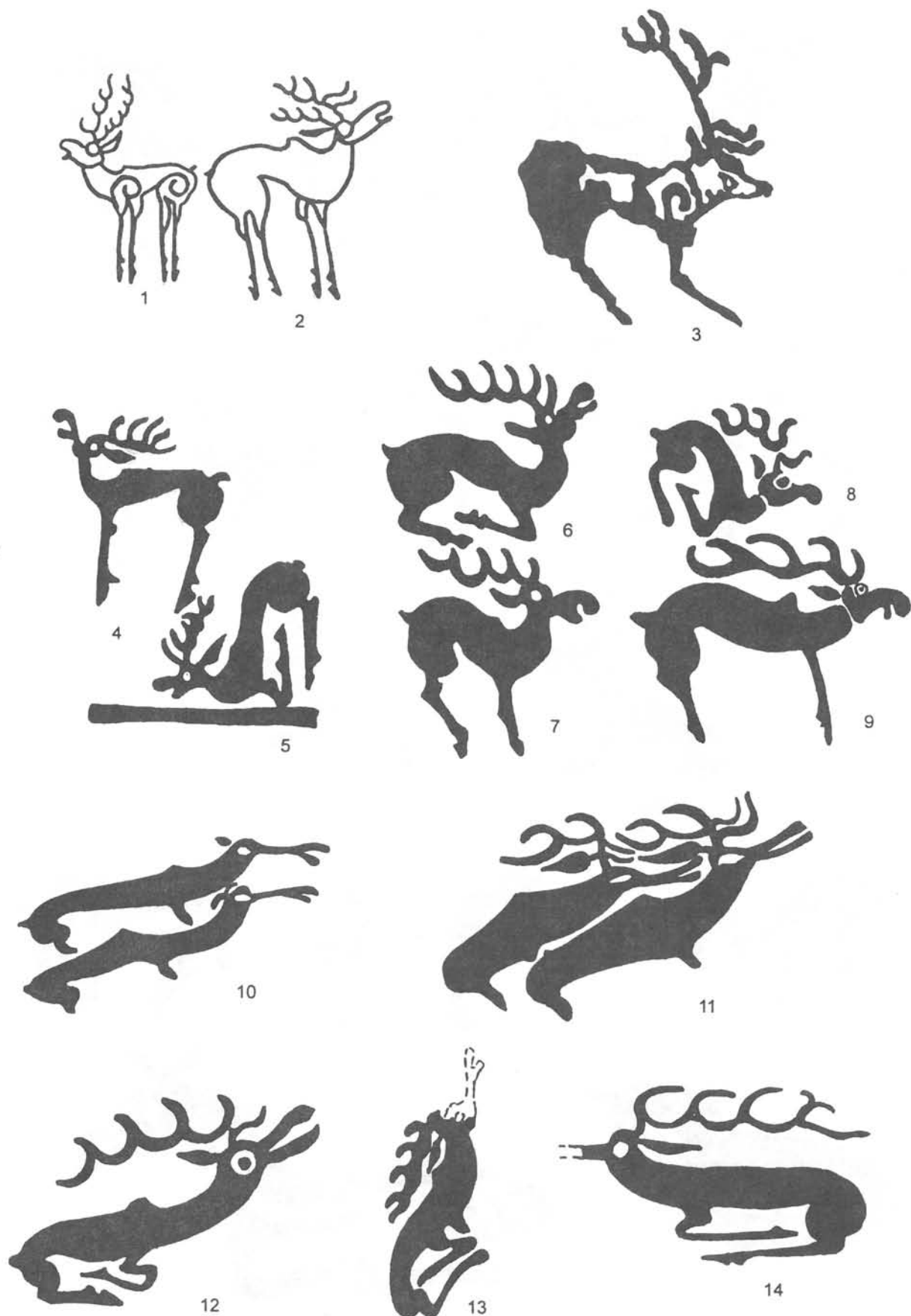

Рис. 1 Типология изображений оленя на оленевых камнях: 1—3 — олени 1 типа; 4—9 — олени 2 типа; 10—11 — олени 3 типа; 12—14 — олени 4 типа.

Fig. 1 Types of deer representations on deer stones: 1—3 — type 1 deer; 4—9 — type 2 deer; 10—11 — type 3 deer; 12—14 — type 4 deer.

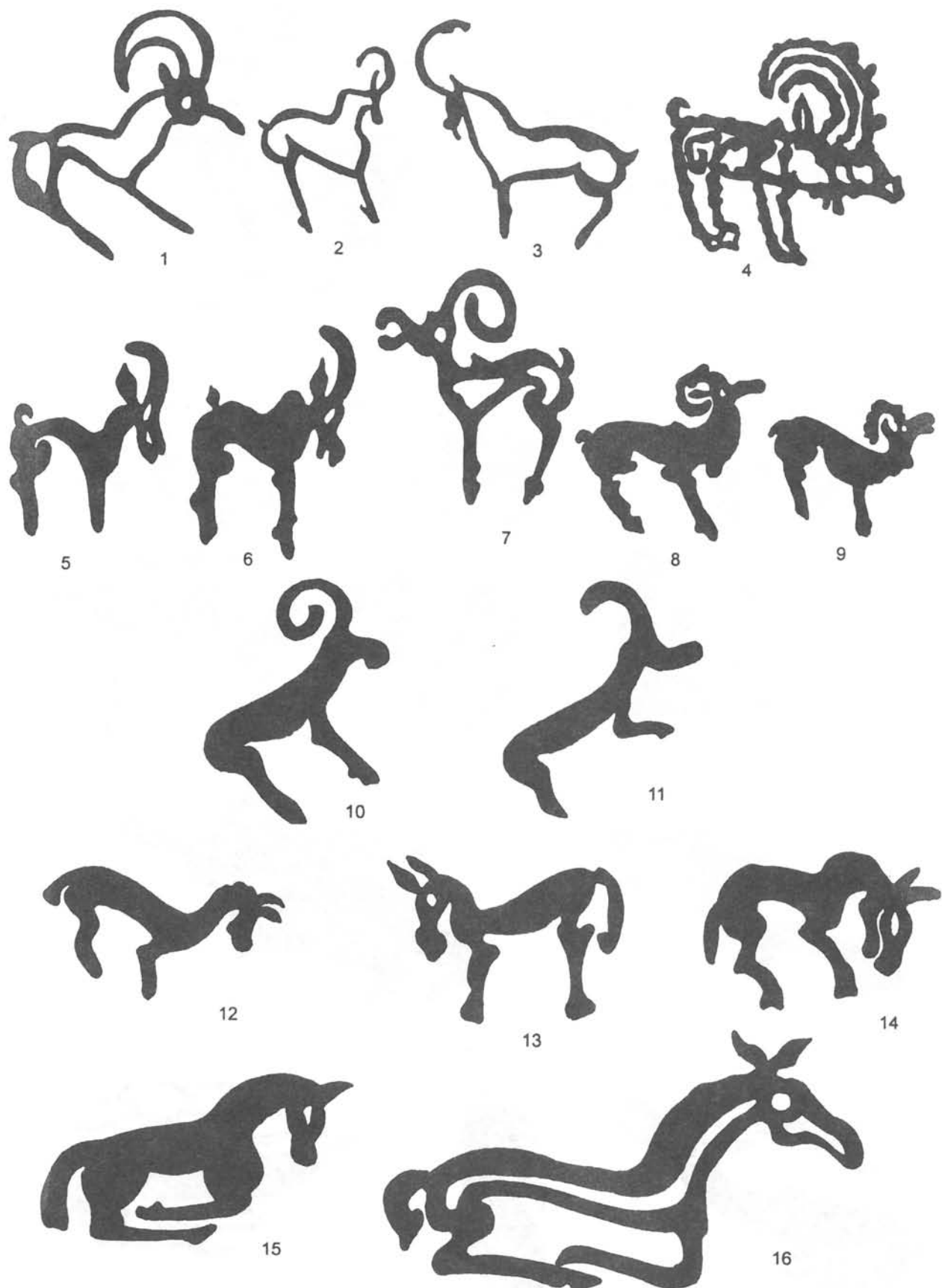

Рис. 2 Типология изображений козлов и лошадей на оленных камнях: 1—4 — козлы 1 типа; 5—9 — козлы 2 типа; 10—11 — козлы 3 типа; 12 — лошадь 1 типа; 13—16 — лошади 2 типа.

Fig. 2 Types of goat and horse representations on deer stones: 1—4 — goats of type 1; 5—9 — type 2 goats; 10—11 — type 3 goats; 12 — type 1 horse; 13—16 — type 2 horses.

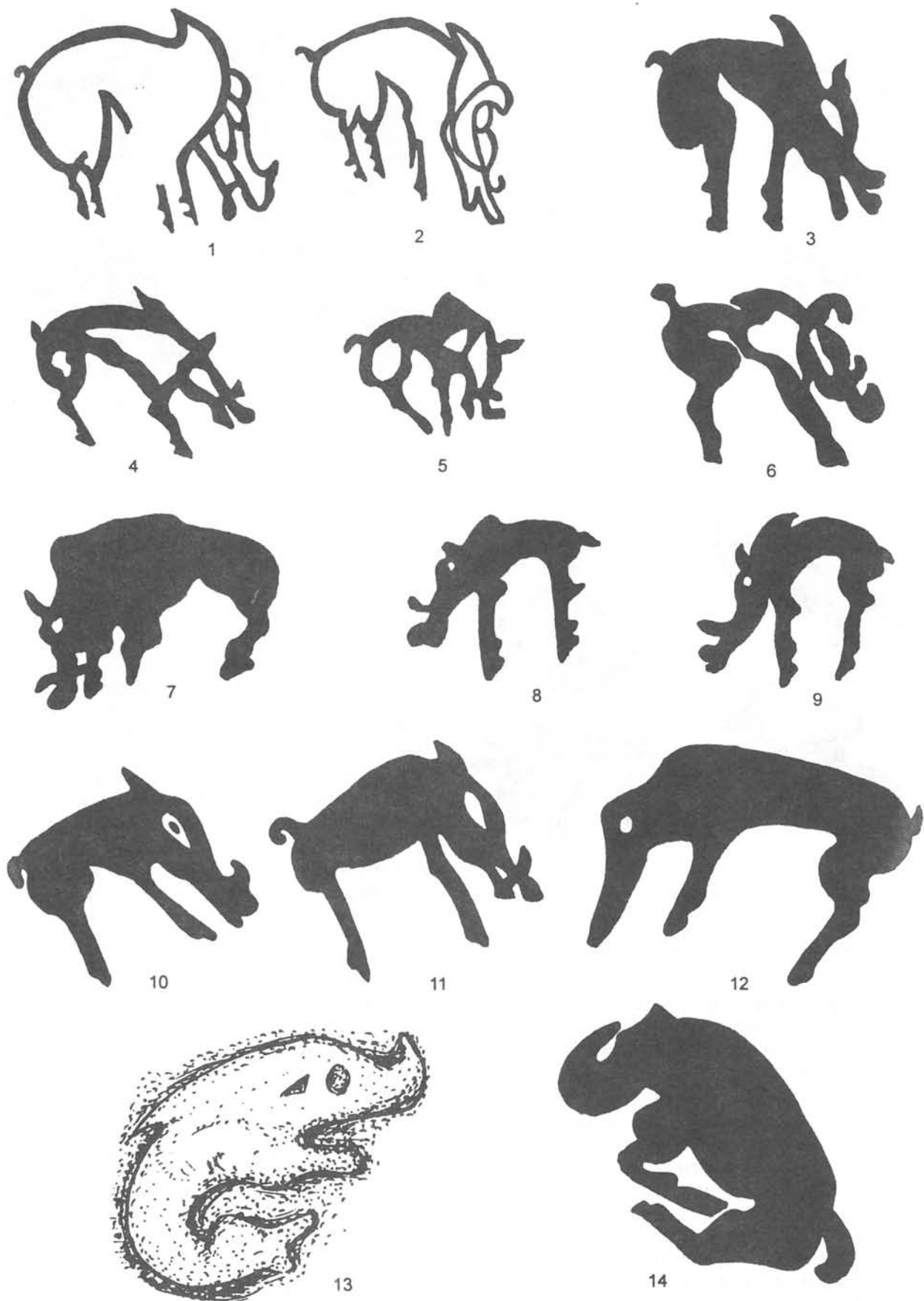

Рис. 3 Типология изображений кабанов на оленних камнях: 1—2 — кабаны 1 типа; 3—11 — кабаны 2 типа; 13—14 — кабаны 3 типа.

Fig. 3 Types of wild boar representations on deer stones: 1—2 — type 1 boars; 3—11 — type 2 boars; 13—14 — type 3 boars.

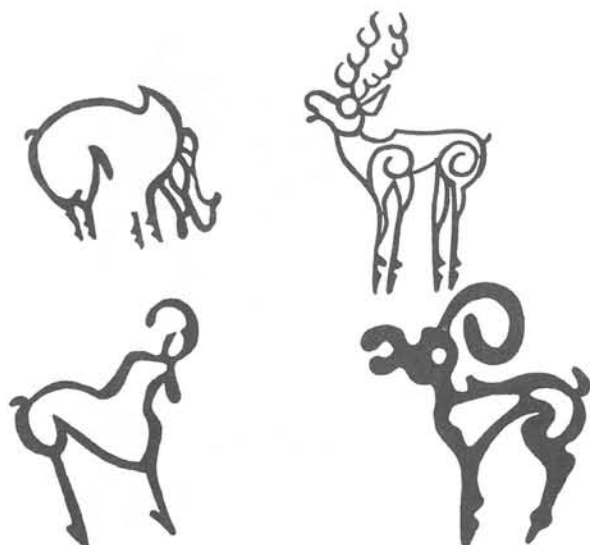

Рис. 4 Изображения животных на оленних камнях 1 класса.

Fig. 4 Animals on deer stones of the 1st class.

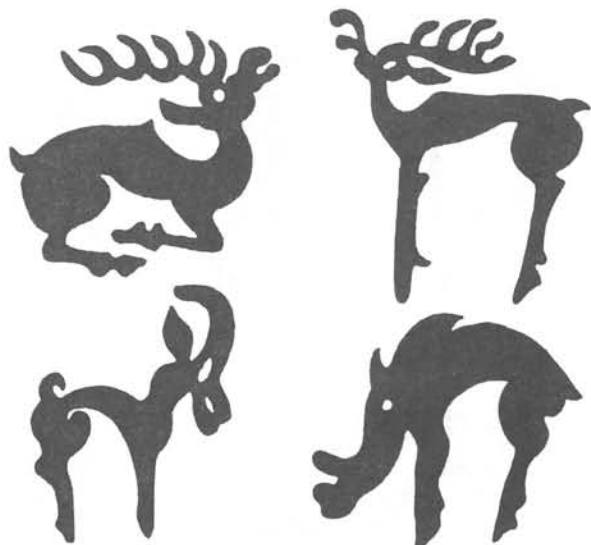

Рис. 5 Изображения животных на оленних камнях 2 класса.

Fig. 5 Animals on the 2nd class deer stones.

Рис. 6 Изображения животных на оленних камнях 3 класса.

Fig. 6 Animals on the 3rd class deer stones.

ть) — Эрзинского, с оз. Белое, Большой Ажик, ур. Чингатаг, Кош-Пейского, Уюк-Тарлак. Аналогий таким изображениям много — они представлены на камнях монголо-забайкальского типа, найденных в Монголии, Забайкалье и на Алтае. Тувинские изображения можно считать вторичными по отношению к монгольским образцам. У них чаще всего нет рогов, морды не столь удлинены и т. п.

К третьему классу можно отнести фигуры хищников на Чаргинском камне, выполненные очень схематично. Фигуры оленей с этого камня, несмотря на грубость выбивки, принадлежат к 1 классу. Таким образом, этот камень сочетает в себе черты обоих классов, но в тоже время представляет

собой особенный памятник, рисунки на котором выполнены в манере наскальных изображений.

Рисунки четвертого класса характеризуются меньшей стилизацией, чем третьего — они сочетают в себе черты первых двух «реалистичных» классов и третьего (стилизованных изображений) (рис. 7). У оленей — клювовидные морды, но не столь вытянуты, ноги короткие или подогнутые под брюхо, фигура поджарая (четвертый тип) (рис. 1: 12—14). Такие рисунки представлены на третьем типе оленних камней (Сушинском, с р. Элегест, у поселка Самагалтай). Лошадь подобного типа выбита на Кош-Пейском камне, сочетающем в себе черты стел всех трех типов. Аналогии рисункам четвертого класса представлены на Алтае, есть они и в Монголии.

Различия в оформлении фигур животных на оленних камнях обусловлены не только хронологией, но и существованием в предскифское время в Центральной Азии нескольких изобразительных канонов (окуневского, карасукского), на основе которых складывался определенный вариант скифо-сибирского звериного стиля. Однако можно выделить общие стилистические признаки изображений на оленних камнях, которые находят соответствия в других категориях изобразительного творчества и составляют понятие скифо-сибирского звериного стиля. «Скифский» звериный стиль характеризуется замкнутым и очень пластичным построением изображений. Стремление к декоративности приводит к деформации фигур. Изображения обладают внутренней ярко

выраженной динамикой, хотя некоторые из них и передаются в статичных позах. Эта экспрессия достигается упругостью линий, очерчивающих внешний контур рисунка. В основе построения раннескифских фигур лежит S-овидная линия, которая повторяется в изображении несколько раз: линия, моделирующая нижнюю часть туловища, острым углом переходит в бедро и заднюю ногу с выделенным коленным суставом; линия шеи, переходящая в лопатку; линия спины состоит из двух S-овидных линий, в месте соприкосновения которых образуется треугольный выступ (рис. 8). Так создаются изображения и копытных, и хищников. Затем они дополняются различными видовыми признаками, которые передаются орнаментальными элементами: глаз — круг; ухо — листовидное или треугольное; оленьи рога — волнистая линия, образующаяся из соединения полукругов или серповидных фигур; козий рог — полукруг, бараний — спираль и т. д.

Для изображений 3 класса характерна высокая степень стилизации, когда животные практически утрачивают свой реалистический облик. Это обусловлено, в первую очередь, тем, что животные здесь подчиняются определенной изобразительной конструкции, а часто и изобразительной композиции. Так, для создания орнаментального поля на камне олени вписываются друг в друга (рис. 9: 1), а фигуры хищников сворачиваются в круг или даже в спираль (рис. 9: 7). Для этого нарушаются естественные пропорции: тела и шеи удлиняются, ноги уменьшаются или вообще отсутствуют и т. д. Такая манера вписывания одной фигуры в другую характерна и для некоторых произведений мелкой пластики, сделанных из кости — пластин, гребней и др. Здесь также изменяются естественные пропорции тел животных, они передаются в неестественных позах, применяется метод инверсии — поворот частей тела вокруг своей оси, чередование прямых и зеркальнообразных элементов (рис. 9: 4).

Очень важным признаком скифского стиля является воспроизведение копытных животных (оленей, козлов, баранов) в канонизированных позах: с подогнутыми под брюхо ногами и с прямыми, свисающими вниз ногами. На ранних этапах характерно изображение животных в обеих позах с высоко поднятой головой. Они как бы трубят, пасть приоткрыта. У оленей, баранов и козлов морда сильно расширяется на конце и напоминает морду лося. У кабанов голова тоже приподнята и животное смотрит вперед. Такая манера передачи животных ха-

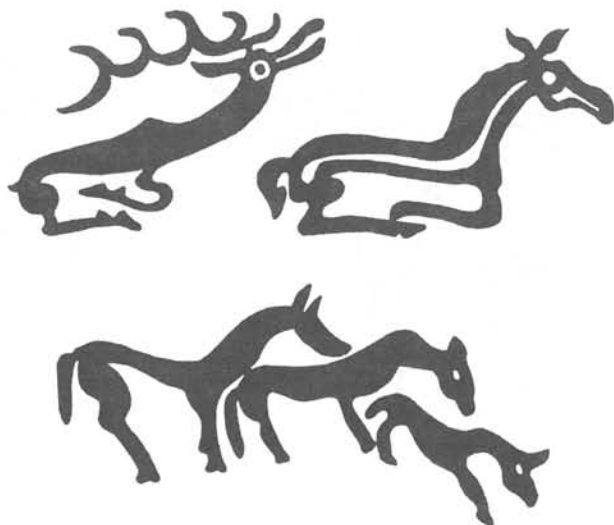

Рис. 7 Изображения животных на оленных камнях 4 класса.

Fig. 7 Animals on the 4th class deer stones.

рактерна для 1 и 2 классов изображений на оленных камнях.

Таким образом, изображения животных на оленных камнях могут быть отнесены к раннескифскому времени по некоторым стилистическим признакам: 1 — замкнутое построение фигуры с помощью S-овидных линий; 2 — использование геометризованных модулей для передачи деталей рисунка — кругов, треугольников, листовидных форм, серповидных линий; 3 — изящество, собранность, лаконичность образов без излишней декорированности, высокая степень стилизации проявляется, в основном, во внешнем контуре рисунка (одно из проявлений этой стилизации — треугольный выступ на спине); 4 — животные представлены в канонизированных позах (копытные с подогнутыми и прямыми ногами, хищники свернувшиеся в кольцо или скребущие); 5 — определенный набор образов (олени, козлы, бараны, лошади, кабаны, хищники).

Звери воспроизводятся на оленных камнях обычно в средней зоне — над линией пояса и изредка под поясом. Они не являются неотъемлемым атрибутом всех оленных камней (группа камней без изображений гораздо многочисленнее, чем с изображениями). Изображения зверей в некоторых случаях дополняют и раскрывают тот семиотический код, отражением которого является оленный камень. Они украшают более крупные и выразительные стелы. Животные на камне располагаются в определенной последовательности друг под другом (лишь изредка друг за другом — Чаргинский камень). Здесь применя-

Рис. 8 Стилистические особенности раннескифских изображений (S-овидная линия).

Fig. 8 Stylistic peculiarities of Early-Scythian representations (S-shaped lines).

ется прием простейшей аллитерационной композиции — повторения. Очень часто рисунки похожи и совпадают по размерам. Такое построение одинаковых элементов усиливает их воздействие и смысловую значимость. Иногда фигуры вписываются друг в друга. Камень приобретает причудливый облик, соответствующий его мифологическому содержанию.

Образ оленя тесно связан с оленными камнями, а следовательно, и с представленной на них картиной Мира. Олень является полисемантическим символом. С одной стороны, он связан со средним миром (как символ умирающей и возрождающейся природы, как жертва), а с другой — с верхним миром, как солнечное или небесное существо (Килуновская 1987, 1990; Килуновская,

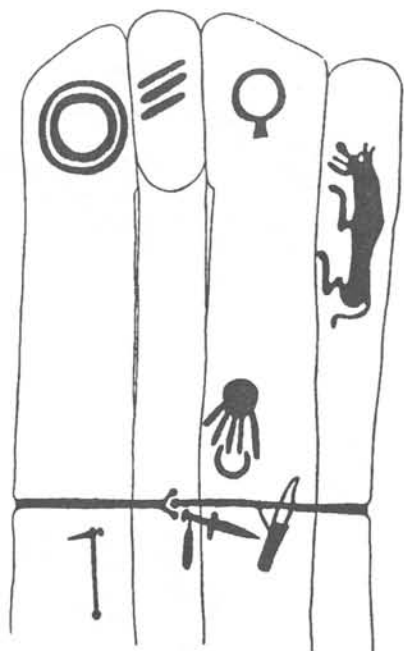

Рис. 9 Приемы создания орнаментального поля.

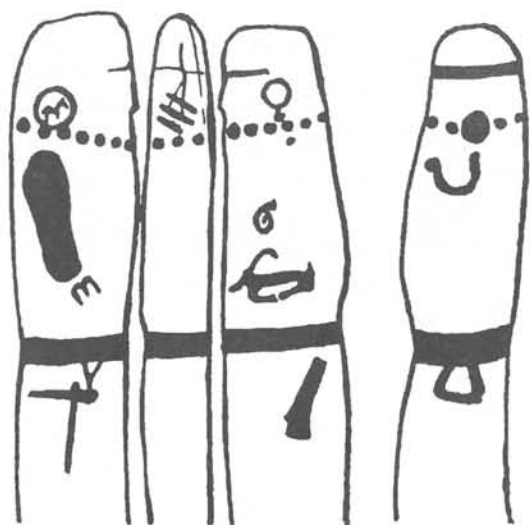
Fig. 9 Techniques of ornamental field construction.

Семенов 1993). Разную семантическую нагрузку могут нести рисунки «реалистических» оленей с подогнутыми и вытянутыми ногами и оленей с клювовидными мордами. В первой манере с подогнутыми и прямыми ногами изображаются не только олени, но и лошади, и бараны, и козлы. Здесь, видимо, важен не столько вид животного, сколько его поза. Нужно отметить, что у копытных не бывает такого положения ног, которое мы видим в изображениях. Обе позы могут интерпретироваться как жертвенные (Савинов 1987, 1990). Олень, козел, баран и конь

заменяют друг друга и символизируют жертву, являющуюся отправной точкой, которая необходима для создания и поддержания мирового порядка. Поскольку скифский пантеон божеств имеет зооморфное воплощение и каждое животное является носителем божественного фарна, то каждый образ зверя несет самостоятельную семантическую нагрузку. Так, в образе оленя, представляющего перед нами в жертвенных позах, вполне могло воплотиться представление о воскресающем и умирающем божестве, главным атрибутом которого являются рога, они же

0
30 cm

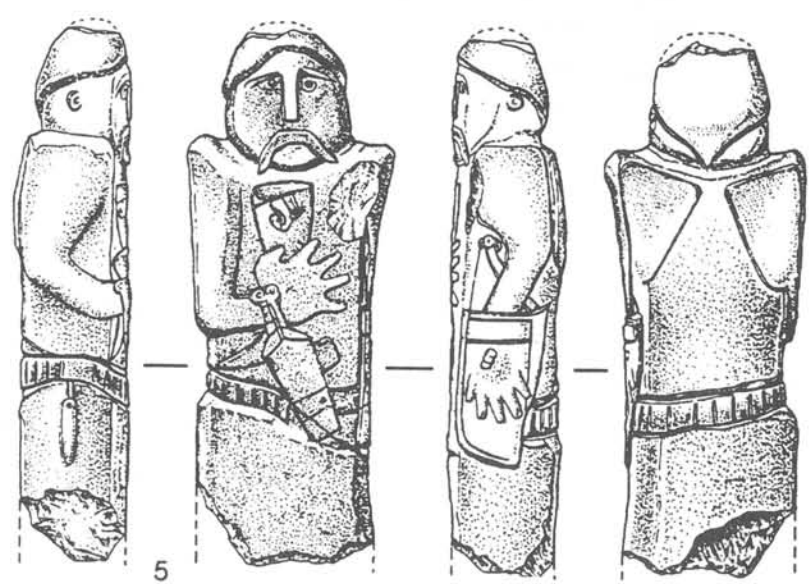
2

3

4

5

0 10 cm

Древо жизни, по которым весной течет кровь, а зимой они опадают (Килуновская 1990: 12). В завитках рогов на оленних камнях иногда изображают других животных. С представлением о Мировом древе связан и образ коня, так в индийской мифологии мировое древо ашвадха — это лошадиная стойка.

В фигурах оленя с клювовидной мордой подчеркнута игнорируется положение ног. Здесь воплощается птицеподобная, крылатая сущность образа. Перед нами фантастическое существо — птица-олень-конь, которую Д. С. Дугаров предлагает соотнести с бурятским «загалмай», связанным с культом бога творца и громовержца Айы, корни которого очень убедительно прослежены в скифскую эпоху (Дугаров 1991). Олень и конь в индоевропейской мифологии являются психопомпными животными — проводниками душ в иные миры (Элиаде 1987: 175). Олень и конь являются одновременно душой шамана и его «ездовыми» животными для проникновения в верхний и нижний миры (Емельянов 1980). Выбитые на оленних камнях олени могут восприниматься как духи-помощники людей, совершающих культовые действия, помогающие донести молитвы и жертвы до божества, а также перенести души умерших в иной мир, т. е. при совершении определенных ритуальных действий эти изображения могли служить медиаторами для общения с божественным миром. Также при совершении обрядов изображения животных отождествлялись с божеством, к которому обращались моления. Изображения оленя-птицы тесно связаны с представлениями о небесной божественной сущности образа оленя (Грязнов 1978; Килуновская 1987).

Особое место на оленних камнях занимает кабан. Он располагается чаще всего в нижней части камня и относится к хтоническим существам нижнего мира. Совершенно уникально горельефное изображение кабана на камне с горы Кош-Пей у Аржана, где зверь расположен на правой стороне камня, ниже пояса на одной вертикальной линии со свернувшейся кольцом пантерой и серьгой. Как хтоническое существо, кабан может быть отождествлен со змеем, в том

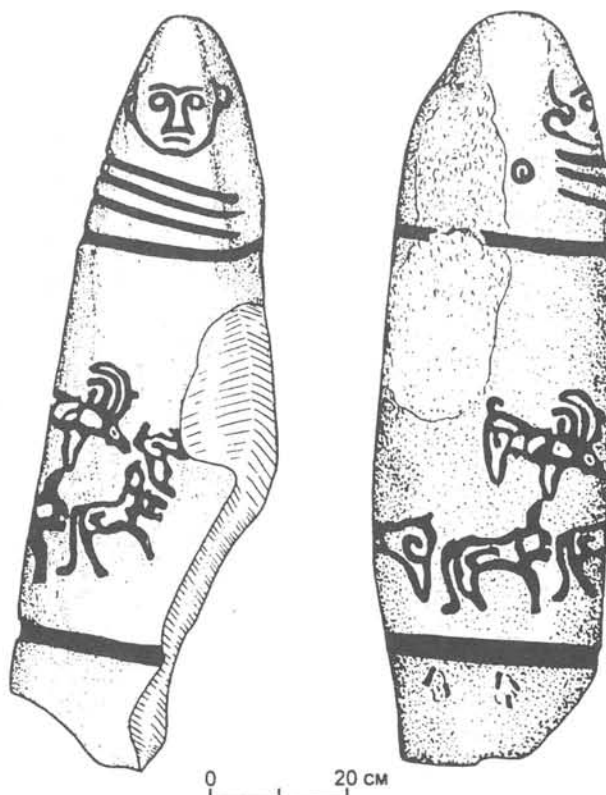

Рис. 11 Антропоморфный оленний камень из Туранского музея (по К. В. Чугуну).

Fig. 11 Anthropomorphic deer stone from the Turan Museum (according to K. V. Chugunov).

числе с мировым змеем, на котором покоится земля. Как сцену борьбы ведического героя Триты-Таргитая с демоном Вритрой, принявшим облик вепря, можно рассматривать композицию на золотом навершии из Балгазына (Грач Н., Грач А. 1987: 144; Килуновская, Семенов 1992: 17—18). Сцена борьбы с вепрем встречается на золотых пряжках из коллекции Петра I, известных под названием «охота в лесу» (Грязнов 1961: 21, рис. 8). Поскольку Вритра имел несколько ипостасей, выступая как змей, то можно провести параллель кабан = змей, на котором покоится земля. Это и объясняет особое положение кабана среди других копытных на оленнем камне, его помещение в нижний мир. Горельефное изображение на Кош-Пейской стеле особо подчеркивает значение этого демонического существа.

Рис. 10 Оленние камни с изображением кисти руки и аналогии к ним: 1 — оленний камень из пос. Аржан (по Л. С. Марсадолову); оленний камень из пос. Самагалтай (по Ю. А. Плотникову и Ю. С. Худякову); камень из села Уюк (по Л. Р. Кызласову); 4 — петроглифическое изображение из Зевакино (по З. С. Самашеву); 5 — скифское изваяние из Терновки (по В. С. Ольховскому и Г. Л. Евдокимову).

Fig. 10 Deer stones and their parallels with hand representations: 1 — deer stone from the village of Arzhan according to L. S. Marsadolov; 2 — deer stone from the village of Samagaltay (according to Yu. A. Plotnikov and Yu. S. Khudyakov); 3 — stone from the village of Uyuk (according to L. R. Kyzlasov); 4 — petroglyphic representation from Zevakino (according to Z. S. Samashev); 5 — Scythian sculpture from Ternovka (according to V. S. Ol'khovskiy and G. L. Yevdokimov).

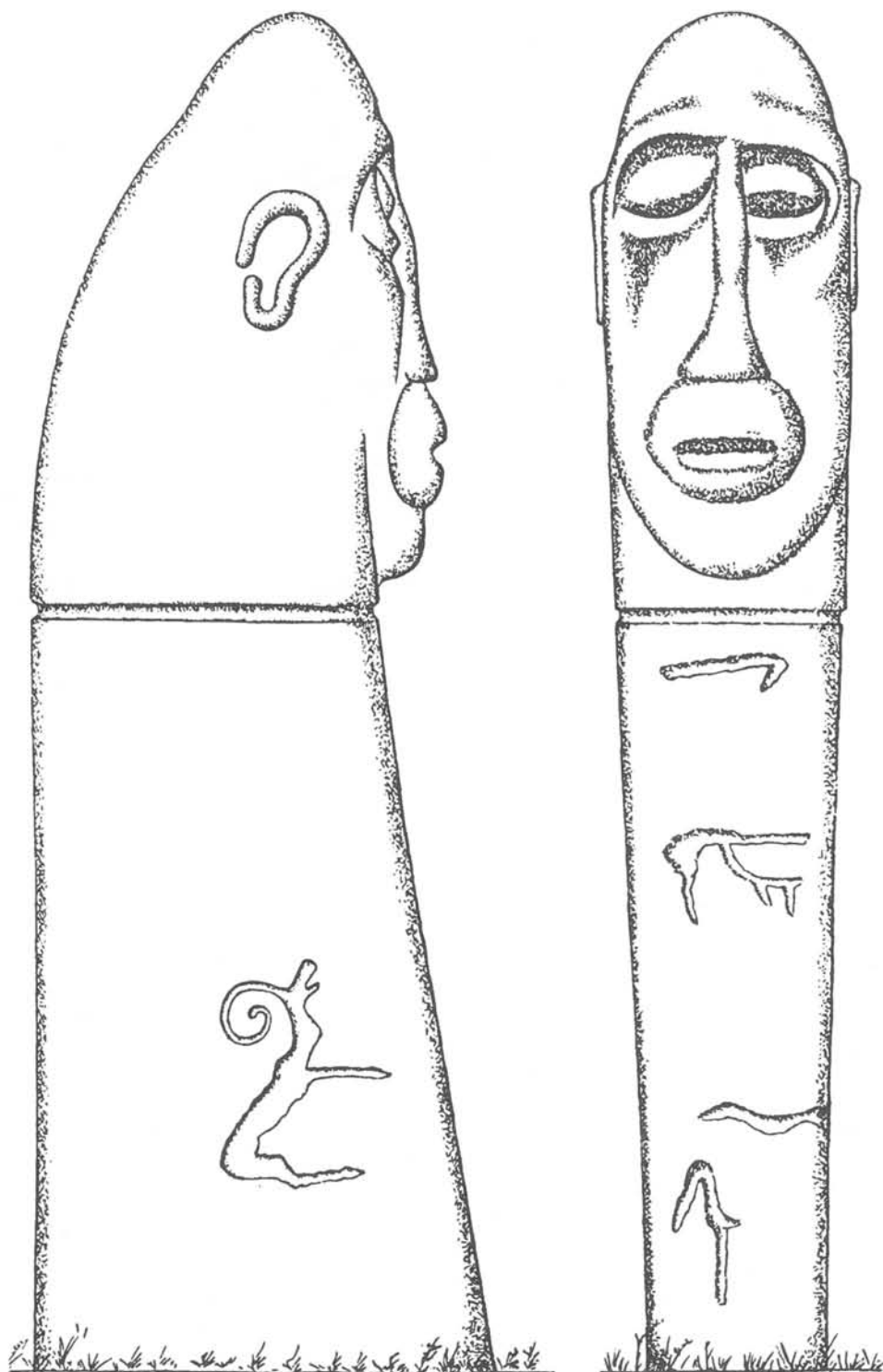

Рис. 12 Антропоморфный олений камень, найденный у горы Чарга.

Fig. 12 Anthropomorphic deer stone found near to the Charga Mountain.

Хищники на оленных камнях изображались обычно в верхней зоне. Они выбивались или выше линии гривны-ожерелья или под ней, но выше оленей. На некоторых камнях представлены изображения кошачьих хищников, свернувшихся в кольцо. На оленном камне с горы Кош-Пей выбиты вписанные друг в друга два свернувшихся в

кольцо хищника. Ж. Дюмезиль сопоставил свернувшегося в кольцо хищника с образом великана, у которого Сослан-Сосруко добывает огонь. Огонь горит в центре круга, образованного телом великана, который лежит, прижав голову к ногам (Дюмезиль 1978: 114—117). А. К. Акишев интерпретировал эту позу, как утробную, призванную

выразить идею «окружения» (Акишев 1980: 184). Д. С. Раевский сопоставляет с этим изображением образ мирового змея (например, мирового змея Ермунгада, державшего зубами свой хвост) (Раевский 1985: 119). Образ кошачьего хищника (пантеры, барса) обладает двойственной природой — он принадлежит верхнему и нижнему мирам в космогонической модели. Хищник может рассматриваться как «орудие» жертвоприношения. Через терзание, поедание, умерщвление происходит акт перерождения к новой жизни, в ином мире. Очень интересная фигура пантеры выбита на камне из поселка Аржан, обнаруженном Л. С. Марсадаловым (рис. 10). Она расположена в верхней зоне, но на задней грани камня в скребущей позе и имеет большие размеры 25-30 см длиной. Других животных на камне нет, но на левой грани над поясом выбит круг с отходящими вниз пятью отростками, очень напоминающий ладонь с растопыренными пальцами, и полукруг. Изображение руки с кистью с растопыренными пальцами известно на оленном камне из Самагалтая (Плотников, Худяков 1987) (рис. 10). На оленном камне с озера Белое круг с пятью лучами или ладонь выбита на лицевой грани под поясом и клевцом (Кызласов 1978: рис. 1: 5) (рис. 10). Все эти три камня имеют своеобразное оформление верха — схематичным скульптурным выступом выделена голова, т. е. они имеют подчеркнутый антропоморфный облик. Такое выделение головы уступом встречается на монгольских оленных камнях (Агрын-бригада и др. — Волков 1981). На месте лица у всех трех камней показаны три косые линии, по бокам — серьги, причем слева серьги с подвеской, а справа на Самагалтайском камне — круг-серьга с фигуркой лошади внутри, а на Аржанском — двойной круг. У всех трех камней под поясом показан чекан-клевец и лук в налучье. Очевидно, что перед нами представлен мифологический персонаж с присущими ему атрибутами.

Ключом к раскрытию данного образа служит изображение ладони — мотив, в целом, не характерный для оленных камней. Анализ антропоморфных изображений с преувеличенно разросшимися ладонями в Евразийском наскальном искусстве позволяет сделать заключение о их принадлежности к классу богов-громовиков. Как правило, эти изображения датируются бронзовым и ранним железным веком и встречаются в Итальянских Альпах, Скандинавии, Закавказье, на Верхнем Иртыше (Зевакино) (Семенов 1994: 90—92). Персонаж с гипертрофированной кистью руки из Зевакино (Самашев 1992: 136), относящийся к сакскому

времени, сопоставим по ряду знаков-индексов таких, как акинак, лук в налучье и собственно раскрытая ладонь со знаками на упоминаемых камнях (рис. 10) и также может рассматриваться как персонаж верхнего мира. Отсюда перекидывается мостик в Восточноевропейский ареал скифского монументального искусства, где изваяние из Терновки также имеет подчеркнуто увеличенные кисти рук, причем одна из них покоится на левом боку рядом с горитом, также как и на оленном камне из Аржана, другая с рогом для питья прижата к груди, при этом ладонь раскрыта и пальцы растопырены (Ольховский, Евдокимов 1994: 18, рис. 8) (рис. 10), то изваяние датируется VI—V вв. до н. э. Образ бога-громовика, имеющего большую ладонь с растопыренными пальцами, вероятно, конвергентно развивался в разных частях материка, но восходит к общеиндоевропейскому архетипу, этому заключению не противоречит и изображение рога на изваянии из Терновки, так как фаллический снаружи и полый внутри он имеет сложное символическое значение, включая лингам или символ продолжения рода (см. роль рога в обряде поворотности у скифов). В тоже время атрибутами богов этого класса являются горные козлы (Тор, Перун, Зевс, которого вскормила коза Амалфея; см. пословицы: где козел ногою, там жито копою) (Семенов 1990: 55—66). Возможно, что и серповидная фигура у ладони на камне из поселка Аржан также является изображением рога.

Антропоморфная стела, которую можно соотнести с оленными камнями, находится в Туранском краеведческом музее (обследована Чугуновым) (рис. 11). Здесь на лицевой грани голова также обозначена нависающим выступом — массивным подбородком, а противоположная грань камня скошена. Стела отличается тщательной проработкой деталей головы и лица: рельефными валиками показан большой овальный рот, прямой длинный нос, овальные глаза, надбровные дуги, уши, плавным рельефом — слегка выступающие скулы. Голова изображения расположена в верхней части камня и отделена желобком-ожерельем от средней его части, где выбиты схематичные изображения животных. Такое детальное оформление головы на оленном камне в Туве встречено впервые, в Монголии ближайшие аналогии — это камни из Ушкйин-Увер, Дундсомола, Агрын-бригада. Изображение человеческого лица в Туве описано нами на примере Чаргинского оленного камня (рис. 12), но оно — более схематично, сделано контурной выбивкой; хотя сигаровидная форма камня, линия «гривны»,

грубые фигуры животных сближают эти два памятника.

Изображение лица позволяет видеть в оленном камне атропоморфный образ. Однако таких камней существует не много, что указывает на то, что в семиотическом плане личина не имеет большого значения, поскольку образ был и так понятен в том социуме, в культуре которого он существовал. Большее значение имело изображение вместо лица трех косых линий, которые указывают на некую иную, не вполне человеческую, природу изображенного в камне персонажа.

Непременным атрибутом верха камня являются серьги или височные кольца, выбитые в виде кругов с отходящей вниз линией с маленьким кружком или треугольником, или просто кругов. Они часто сопоставимы с реальными предметами из погребений скифского времени и имеют персоналогическое назначение, подчеркивая антропоморфность стелы, и в общей картине мира играют роль солярного знака (Новгородова 1989: 215—225). Другими словами, серьга, являясь атрибутом верха, может служить символом Луны и Солнца, а также атрибутом власти, апотропеем.

В нижней зоне камня, под поясом или на поясе, часто изображалось оружие. Если рассматривать оленный камень как воплощение космического божественного персонажа — бога-громовика или божественного первопредка, то оружие принимает особый семиотический смысл. Обычно выбивались изображения кинжала, чекана или клевица, оселка (точильного бруска) и лука. Иногда какие-то предметы из этого набора отсутствуют. О генетативных функциях вооружения в этом контексте уже говорилось ранее (Килуновская, Семенов 1993: 88—103). Здесь просматривается устойчивая связь внутренней сущности предметов-символов, изобра-

жаемых на оленных камнях. В их число входят лук, соотносимый со стрельбой, рогом, бракосочетанием, плодородием. Кинжал, точильный камень и чекан сопряжены с жертвоприношением — смертью-перерождением, переходом к новому универсуму. Все эти атрибуты могут быть знаками божества верхнего мира, что находится в соответствии и с изображением руки.

Сложным для прочтения рисунком на оленном камне являются так называемые щиты — решетчатые пятиугольные фигуры, которые располагаются или на задней грани камней или в зоне пояса. Наиболее правдоподобной, нам кажется, гипотеза Д. Г. Савинова о том, что так изображались вместилища душ умерших (Савинов 1980: 326; 1994: 84-94). В целом эти изображения следует рассматривать в комплексе с символикой шаманского костюма. Решетчатые изображения, правда иной конфигурации, встречаются и на скифских изваяниях Восточной Европы (Ольховский, Евдокимов 1994: 169, 172, рис. 81, 84). Сближения эти весьма условны, так как восточноевропейские антропоморфные стелы (иногда полномерные скульптуры) восходят, вероятно, к местным традициям эпохи бронзы и неолита. Оленные камни Центральной Азии лишь условно могут быть названы «антропоморфными» изваяниями. Отсутствие на подавляющем большинстве камней антропоморфных признаков заставляет искать другие истоки их происхождения. Здесь сам собой напрашивается вывод о какой-то культурной (не генетической) связи между окуневскими стелами и оленными камнями. Их ареалы совершенно не совпадают, но доминирование анималистических образов на окуневских и оленных камнях свидетельствует о возникновении этого искусства из какого-то третьего источника.

Акишев, А. К. 1980. Искусство и идеология саков Семиречья (по материалам кургана Иссык). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.

Волков, В. В. 1981. Оленные камни Монголии. Улан-Батор: Издательство Академии наук МНР.

Грач, Н. Л., А. Д. Грач. 1987. Золотая композиция скифского времени из Тувы // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства: 134—148. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.

Грязнов, М. П. 1961. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 3: 7—30. Ленинград: Издательство Государственного Эрмитажа.

1978. Саяно-Алтайский олень (эпюда на тему скифо-сибирского звериного стиля) // Проблемы археологии 2: 222—232. Ленинград.

Дугаров, Д. С. 1991. Исторические корни белого шаманства. На материале обрядового фольклора бурят. Москва: Наука.

Дюмезиль, Ж. 1976. Осетинский эпос и мифология. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.

Емельянов, И. В. 1980. Сюжеты якутских Олонхо. Москва.

Килуновская, М. Е. 1987. Интерпретация образа оленя в скифо-сибирском искусстве (по материалам петроглифов и оленных камней) // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология: 103—108. Новосибирск.

1990. Лось-олень — носитель мироздания архаической Евразии // Третий международный симпозиум по лосю. Тезисы: 107. Сыктывкар.

1994. Искусство скифского времени Тувы. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.

- Килуновская М. Е., Вл. А. Семенов. 1992. Мотив змеборчества в искусстве ранних кочевников Евразии // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова 2: 17—18. Омск.
1993. Олений камень — образительная и мифологическая структура // Современные проблемы изучения петроглифов: 88—103. Кемерово.
- Кызласов, Л. Р. 1978. К изучению оленных камней и менгиров // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 154: 25—30.
- Новгородова, Э. А. 1989. Древняя Монголия. Москва: Наука.
- Ольховский В. С., Г. Л. Евдокимов. 1994. Скифские изваяния VII—III вв. до н. э. Москва.
- Плотников Ю. А., Ю. С. Худяков. 1987. Оленные камни Южной Тувы // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология: 108—112. Новосибирск.
- Раевский, Д. С. 1985. Модель мира скифской культуры. Москва: Наука.
- Савинов, Д. Г. 1980. Изображение собак на оленных камнях (некоторые вопросы семантики) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: 319—329. Кемерово.
1990. Наскальные изображения в стиле оленных камней // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР: 174—181. Москва.
1994. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. Санкт-Петербург.
- Самашев, З. С. 1992. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Гылым.
- Семенов, В. А. 1990. Башмачок Золушки (знак/символ — след/стопа как явление культуры) // Традиционная духовная культура народов Европейского Севера: ритуал и символ: 55—67. Сыктывкар.
1994. Два знака-индекса в наскальном искусстве Фенноскандии // Равдоникасовские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете: 90—92. Санкт-Петербург.
- Элиаде, М. 1987. Космос и история. Москва: Прогресс.

DEER STONES IN TUVA

M. E. KILUNOVSKAYA, VL. A. SEMENOV

The «deer stones» represent an integral part of the art complexes that existed in the Central Asia at the early stages of the formation and development of the Scytho-Siberian animal style (Килуновская 1994: 13-16). These complexes are characterised by a stylistic tradition that may be traced both in the design of the stelae in general and in the subjects represented on the latter — especially in representations of animals — deer, wild boars, he-goats, rams, predators *etc.* One may single out four classes of animal representations on the deer stones (the authors mean under a «class» the totality of representations united by a single art tradition; a class unites different types of images).

The first class (fig. 4) includes animal representations executed in a wide outline and distinguished by clearness and subtlety of their design. The bodies of animals are rendered in smooth lines. The transition between the belly and hip is shown either with a pointed outline or smooth line. The modelling of the animal's body is based on a S-shaped line. On the back a triangular or pointed withers are shown. The beasts are represented as standing on straight legs with a strongly marked knee-joints and pointed hooves. Such features belong to drawings of type 1 deer, type 1 goats, type 1 wild boars, of the horse on the Samagaltay Stone, *i. e.* to the figures on the Charginskiy, Arzhan

and Samagaltay stones. In other regions similar representations have not been registered.

The representations of the second class (fig. 5) are executed in a silhouette technique. In their design and details these representations are identical to those of the first class. The images are characterised by prevailing S-shaped elements in the line modelling, leanness of the torso, long slender legs with carefully executed hooves, the legs being either tucked under their bellies or stretched — drooping from the body («as upon the hoof tips»); their realistically rendered muzzles (the elk-like ones by hooved animals) are raised upwards. Such representations include deer of type 2, type 2 goats, and type 2 horses. Such representations have been found on the stones: of Turan, Orzak-Aksy, Uyuk-Arzhan, the Second Charginskiy Stone, and on the boulders from Ulug-Khorum. One finds parallels among drawings on deer stones of Mongolia (Волков 1981: figs. 31, 34, 69, 70, 92). However, the representations from Tuva are distinguished by the clearness of their patterns, strongly elongated figures, slenderness of their legs, line smoothness, and by very evenly struck edges. They are executed more carefully and with a great skill.

The third class (fig. 6) includes stylized representations in which the animals lose their naturalistic features — deer have their muzzles more elongated and acquiring likeness

to a bird's beak; their bodies also become more elongated, a large triangular hump (formed in the junction of two S-shaped lines) appears; the horns become excessively large and winding along the whole back (however, sometimes the horn is totally absent); the legs often are not represented. The predators are depicted either as coiled up or as clawing. Their bodies are elongated out of proportion, as also are their necks, to form a circle or semicircle. This class includes representations of deer with beak-like muzzles of type 3, type 3 wild boars with tucked in legs, horses of type 2 (that more probably are representations of koulans), and predators. These images are characteristic of deer stones of the second type—the Erzinskiy one, that from Lake Beloe, Bolshoy Azhik, Urochishche-Chingatag, Kosh-Peyskiy, Uyuk-Tarlak. There are numerous parallels to such representations including those on the stones found in Mongolia, Trans-Baikal regions and in Altai. The representations from Tuva may be considered as the secondary ones as related to the examples from Mongolia. The former have no horns, their muzzles are not so elongated, *etc.* One may assign to the third class the figures of predators on the Charginiyskiy Stone executed in a very rough manner. The deer on this stone notwithstanding the roughness of their cutting belong to the first class. Thus, the stone combines features of both classes but at the same time it is a peculiar work with drawings executed in the rock art manner.

The drawings of the fourth class are characterised by a lesser degree of stylization than by the third class—they are combining features of the both «realistic» classes and of the third class comprising the stylized images (fig. 7). The deer have the beak-like muzzles but the latter are not so much elongated, their legs are short or tucked under the belly; the figures are lean (type 3). Similar drawings are represented on the third type deer stones (the Sushinskiy Stone, those from the Elegend River and from the village of Samagaltay). A horse of a similar type is struck on the Kosh-Peyskiy Stone that combines features of all three types. Parallels to the drawings of the fourth type are found in Altai and Mongolia.

The differences in the design of animal figures on the deer stones are due not only to the chronological reasons but also to the existence of a number of art canons (the Okunevskiy, the Karasuk) in the Central Asia in the ante-Scythian period. Those canons lay in the base of the formation of a definite variant of the Scytho-Siberian animal style. However, one may identify general stylistic features of the deer-stone representations corresponding to other categories of graphic arts and

composing the idea of the Scytho-Siberian animal style. The «Scythian» animal style is characterised by a closed and extremely plastic design of the representations. The tendency to pronouncements for effect resulted in deformation of the figures. The representations possess an inner vivid dynamics although some of them are rendered in static postures. This expression is achieved due to the elasticity of the outlines of the pattern. The base of the drawing in the early Scythian figures is formed by a S-shaped line repeated several times: the line modelling the lower part of the body makes an acute angle transition into hips and a hind leg with a marked knee-joint; the neck-line makes a transition into the shoulder-blade; the line showing the back is composed of two S-shaped lines in the junction of which a triangular bulge is formed (fig. 5). The representations of ungulate animals and predators were originally created in this manner. Then these representations were complimented with various specific features rendered in ornamental elements: eye — a circle; ear — a leaf or triangle; antlers — an undulated line formed by combination of semicircles or crescent-shaped figures; goat-horns — a semicircle; ram-horn — a spiral, *etc.*

To representations of the third class a high degree of stylization is peculiar the animals losing almost completely their realistic appearance. This is due to the fact that the animals are constrained here to a certain figurative order and often to some graphic composition. Thus when depicting deer the artist inserts them one into another to create the ornamental field of the deer stone and he coils the predators' figures into a circle or even a spiral. This distorts the natural proportions of the animals: their bodies and necks become elongated their legs being shortened or lacking at all, *etc.* A similar manner of inserting figures one into another is characteristic also to some objects of small plastic arts: bone plates, combs, *etc.* Here, the natural body proportions of the animals change too: the latter are rendered in unnatural postures and an inversion technique is used — rotation of body parts around their axis and alternation of straight and mirror-like elements (fig. 6).

An important feature of the Scythian style is the representation of hooved animals in canonised postures: with legs tucked under their bellies and with straight and hanging down legs. At the early stages, depicting animals in both poses with their heads raised high was typical. They look as if they are trumpeting and their muzzles are partly opened. Deer, rams and goats have their muzzles strongly widened at the end and resemble elk's muzzle. Boars also have their heads raised and are fac-

ing forwards. Such a manner of rendering images is typical to the 1st and 2nd classes of deer-stone representations.

Thus, according to certain stylistic features, animal representations on the deer stones may be dated to the early Scythian period: 1 — a closed design of a figure using S-shaped lines; 2 — the use of geometrical modules for rendering the pattern details — circles, triangles, leaf-like figures, and crescent-shaped lines; 3 — refinement, compactness and laconicism of the images devoid of superfluously decorative character, the high degree of stylization appearing mainly in the outer contour of the drawing (one of the manifestations of this stylization is the triangular protuberance on the back); 4 — the animals are represented in canonised poses (the hooved animals with their legs tucked in or straight; the predators coiled into a circle or clawing); 5 — a limited set of images (deer, he-goats, rams, horses, boars, and predators).

Animals are represented on the deer stones most commonly in the central zones of the latter — above the belt line and, occasionally, beneath it. It is not an indispensable attribute of all deer stones (the group of stones without such representations is even more numerous than that possessing them). In some cases the animal figures are complimenting and disclosing that semiotic code which is embodied in deer stone. The largest and most expressive stelae are decorated with these figures. Animals on the stones are disposed in a definite sequence one beneath another (and only rarely one after another — the Charginiskiy Stone). Here, the technique of the simplest alliteration composition — repetition — is applied. Very commonly the drawings resemble each other and are of equal sizes. Ordering of similar elements emphasises their effect and semantic significance. Occasionally the figures are inserted one into another. The stone acquires a rich decoration that stresses its fantastic «cosmic» appearance.

The image of deer is closely connected to deer stones and to the World picture represented on them. Deer is a polysemantic symbol. On the one hand, it is connected with the

Middle World (in the capacity of sacrifice it is a symbol of the dying and resurrecting Nature), on the other hand it is connected with the Upper World as a solar or celestial being (Килуновская 1987, 1990; Килуновская, Семенов 1993). The drawings of the «realistic» deer with tucked in and stretched legs and deer with the beak-like muzzles may bear different semantic contents. In the former manner of the tucked in and straight legs, not only deer but also horses, rams, and he-goats were represented. Here, not so much the animal species as its pose seems to have been of importance. It should be noted that naturally one does not encounter such posture of legs as we can see in the representations. Both poses may be interpreted as sacrificial (Савинов 1987, 1990). The deer, goats, rams or horses substitute each other and symbolise a sacrifice that is the initial point indispensable for the creation and maintenance of the World Order. Since the Scythian Pantheon has a zoomorphic personification and each animal is a bearer of the divine *pharn* therefore each animal's image is bearing its own semantic content. On the deer stones, the animals are the coordinators in the creation of the World Order. Thus, in the deer images that appear before us in sacrificial poses, a conception of some dying and resurrecting deity may have been embodied. Horns are the main attribute of this deity and simultaneously these horns represent the Tree of Life, blood flowing in them in spring while in winter they fall away (Килуновская 1990: 12). Inside the horn volutes on the deer stones other animals occasionally were represented. The image of a horse also is connected to the World Tree, thus in the Indian mythology the World Tree — *ashvadha* — is a horse site.

In the figures of deer with beak-like muzzles the position of legs is markedly disregarded. Here, the bird-like winged essence of the image is embodied. We see a fantastic being — a bird-deer-horse that according to D. S. Dugarov's proposal may be related to the Buryatian «*zagalmay*» connected to the cult of *Айна* — God the Creator and Thunderer — whose origin has been convincingly traced back to the Scythian time (Дугаров 1991).

ГОРГОНЕЙОН-СКИФОС ИЗ ОЛЬВИИ*

В. И. ДЕНИСОВА**

В 1987 г. в Ольвии¹ среди обломков различной глиняной посуды VI—V вв. до н. э., обнаруженных в засыпи одной из античных хозяйственных ям, были замечены части открытого тонкостенного керамического сосуда с двумя ручками по бокам. Наличие вдоль кромки некоторых обломков маленьких сквозных отверстий (диаметром около 0,15 см) указывало, что еще в древности сосуд был разбит — чему могла способствовать малая толщина его стенок (около 0,3 см), затем его отремонтировали обычным для того времени способом, а именно, соединили разбитые части свинцовыми скрепами, пропущенными через предварительно просверленные отверстия. После данной «реставрации» сосуд еще некоторое время служил для каких-то целей, пока не пришел в полную негодность и был за ненадобностью выброшен с бытовым мусором.

На наружной поверхности найденных обломков имелось выполненное в технике чернофигурной росписи изображение какого-то существа с почти человеческими глазами. В процессе склейки сосуда разрозненные части изображения слились в легко узнаваемое обличье Горгоны² (рис. 1).

Этот грозный и таинственный персонаж древнегреческой мифологии, «научный» интерес к которому проявляли уже позднеантичные авторы, поставил ряд непростых задач перед учеными-антиковедами. Не вдаваясь в детали проделанного ими сложного исследовательского процесса,³ отметим лишь некоторые узловые моменты.

Поскольку ни один античный письменный источник не сохранил связанное изложение мифа о Горгоне, его сюжетную канву

пришлось исследователям реконструировать, взяв за основу текст Ферикида Афинского, дополнив его разрозненными свидетельствами, рассеянными в сочинениях Гомера, Гесиода, Пиндара, Эсхила, Еврипида, других античных авторов, а затем сопоставив литературные свидетельства с памятниками античного изобразительного искусства, донесшими до наших дней различные эпизоды этого мифа, рассказанные языком художественных образов.

В результате этой титанической кропотливой работы обозначились контуры предания, генеалогического по своему жанру, насыщенного яркими сказочными мотивами.⁴ Главный его герой — Персей, сын Зевса и Данаи, мифический основатель Микен, отправился по просьбе хитрого и вероломного Полидекта — царя острова Серифос добыть и принести ему голову Горгоны. Три Горгоны, три сестры — Сфено, Евриале, Медуза — антропоморфные крылатые чудища, с ужасными обличьями и страшным, все живое обрацавшим в камень, взором обитали на крайнем Западе, в соседстве с Гесперидами, у входа в потусторонний мир. Евриале и Сфено обладали даром бессмертия; Медуза была такого дара лишена, что и предопределило ее участь. Обезглавив ее спящей и спрятав отсеченную голову в предусмотрительно захваченный для этой цели мешок, Персей сумел ускользнуть от преследовавших его Сфено и Евриале. Затем, с помощью головы Медузы, взгляд которой и после отсекования сохранял свое губительное колдовское свойство, Персей совершил немало славных деяний и, в конце концов, согласно одной из версий мифа, подарил этот грозный талисман Афине.

* При финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 96-01-00555 «Ольвия VI—V вв. до н. э. (источники, гипотезы, проблемы)».

** Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры. Отдел истории античной культуры.

¹ Раскопки Ольвийской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии (ЛОИА) АН СССР (с 1991 г. — Институт истории материальной культуры РАН). Руководитель экспедиции В. И. Денисова.

² Реставрацию выполнила сотрудник Лаборатории камеральной обработки ЛОИА АН СССР Г. А. Усова. Номер сосуда по инвентарной описи находок Ол. 87—253. Размеры сосуда: высота — 12 см, диаметр верхнего края — 17,5 см, диаметр подставки — 10 см.

³ Обстоятельное освещение основного комплекса вопросов, связанных с Горгоной, и список основной научной литературы см.: Dahlinder 1988.

⁴ Детальное рассмотрение мифа и его вариантов см.: Furtwängler 1886—1890. Ziegler 1912.

Рис. 1 Чернофигурный скифос из Ольвии (№ Ол. 87-253): 1 — общий вид; 2 — вид сбоку.

Fig. 1 Black-figured skyphos from Olbia (№ Ол. 87-253): 1 — space between the handles; 2 — one of the handle sides.

Именно Медуза, ее называют также Горгоной, пользовалась в античном мире особой популярностью. Свидетельство тому — ее многочисленные изображения (Six 1885). Сестрам Медузы — Сфено и Евриале, судя по памятникам античного изобразительного искусства, было отведено в системе мифологических образов весьма скромное место.

От пытливого взгляда А. Фуртвенглера — одного из крупнейших исследователей античности не ускользнуло то обстоятельство,

что в древнегреческом искусстве первые изображения Горгоны появились лишь в архаический период, причем горгонейон — маска (или голова) Горгоны хронологически предшествовали как изображениям Горгоны в полный рост, так и трактовкам сцен, навеянных легендой о Персее и Горгоне (Furtwängler 1886-1890: 1701, 1704).

Это наблюдение было сопоставлено с одним из пассажей XI песни «Одиссеи», с той ее частью (Od. XI, 633—635), в которой

Одиссей рассказывает, как по велению злой волшебницы Кирки ему пришлось отправиться в путешествие ко входу в Аид, чтобы там получить от тени прорицателя Тирсея, давно ушедшего в мир иной, некоторые интересовавшие Кирку сведения. Добравшись до назначенного места, совершив предписанный обряд жертвоприношения, пообщавшись с тенью Тирсея, Одиссей проникся затем желанием войти в контакт также с тенями «великих мужей, в отдаленные веки славных, богами рожденных» (перевод В. Жуковского). Но собравшиеся тени подняли такой невообразимый шум, что Одиссей немедленно отказался от своего намерения: его сковал холодный ужас при мысли, что привлеченная этими криками Персефона вышлет против него, Одиссея, из «Аидова мрака» страшную голову. Чья это голова — Одиссей не конкретизировал. Должно быть, аудитория, которой был адресован данный пассаж, хорошо это знала. Но в последующее время эти знания были, по-видимому, утрачены, и эрудитам периода поздней античности пришлось предпринять «научные» изыскания для выяснения этого вопроса.

Многие современные исследователи придерживаются мнения, впервые высказанного У. Виламовицем-Мёллендорфом (Besig 1937: 5), согласно которому в упомянутых выше стихах XI песни «Одиссеи» подразумевается именно голова Горгоны — но не того inferнального антропоморфного существа по имени Медуза, из-за которой Персей совершил далекое и опасное путешествие, а апо-тропеическая маска демона — персонажа древнейшего пласта религиозных представ-

лений, корнями уходящего в доисторическое прошлое (Croon 1955).⁵ Именно этими доисторическими корнями объяснял А. Фуртвенглер (Furtwängler 1886—1890: 1704—1706) такие впечатляющие черты одного из широко распространенных вариантов иконографического облика Горгоны, как усы, борода, высунутый язык.

Что касается античной вазовой живописи, то приоритет в разработке иконографии Горгоны принадлежал мастерам Коринфа. Первыми они облекли в эстетическую форму примитивный, лишенный художественных элементов культовый предмет — безобразную маску демона, очевидно издавна использовавшуюся для отвращения «дурного взгляда»; им принадлежал также приоритет в художественном воплощении мифа о Персее и Медузе. В Аттике самый ранний из известных горгонейонов был нарисован примерно в конце VII в. до н. э. вазописцем, вошедшим в историю античной вазовой живописи под условным именем «мастер Неттоса» (the Nettos Painter), названным так по вазе Афинского национального музея (Beazley 1986: 13; Boardman 1974: 15).⁶

Теперь, когда нам кое-что известно о персонаже, изображенном на публикуемом сосуде из Ольвии, рассмотрим внимательно сам сосуд (рис. 1: 1, 2). Его силуэт изящен, прост и выразителен. Вместилище в виде глубокой с гладкими стенками чаши, почти полусферических очертаний, покоится на устойчивой кольцевидной подставке — подставка и дно сохранились частично. Место соединения вместилища с подставкой подчеркнуто узким плоским ободком. Две дуго-

⁵ Эта точка зрения утрачивает почву, если внять доводам тех исследователей, которые рассматривают указанные стихи «Одиссеи» (Od., XI, 633-635) как послегомеровскую интерполяцию (Lesky 1958: 811, 812). В данной связи заслуживают упоминания также выводы К. Хопкинса (Hopkins 1934). Этот исследователь, не подвергая сомнению аутентичность сейчас упомянутых стихов «Одиссеи», согласившись с тем, что горгонейон восходит к примитивной маске первобытного демона, уча время появления Горгоны в древнегреческом искусстве (VII в. до н. э.) и указав на интересные ближневосточные параллели для ряда композиционных схем, разрабатывавшихся в архаическую эпоху художниками некоторых античных центров, пришел к выводу о наличии ассирийских элементов в древнегреческом мифе о Персее и Горгоне и о формировании в Греции этой легенды лишь в VII в. до н. э.

⁶ В древнегреческом языке не существовало специальных терминов ни для сосудов, украшенных росписью, ни для обозначения профессии ремесленника, занимавшегося их декорировкой; изготовителя керамической посуды называли «керамевс». Слово «вазы» закрепилось за античными керамическими расписными сосудами с XVIII в., со времени первых массовых их находок в погребениях античных некрополей в Кампании (Южная Италия). В современной немецкой, английской, французской научной литературе древнегреческий специалист по росписи сосудов обозначается существительным «живописец», «художник» (Maler, painter, peintre). В отечественной литературе по установившейся традиции обычно оперируют двумя равнозначными терминами: «вазописец» и «мастер». Из множества древнегреческих вазописцев (Beazley 1956, 1971) под подлинными именами известно всего около десяти мастеров. Безымянным вазописцам в научной литературе были присвоены различные условные наименования, как правило, без какой-либо строгой регламентации. Одни вазописцы получили их по названию музея или коллекции, то есть, по месту хранения атрибутированного сосуда (или группы сосудов); другие — по фамилии их первого исследователя; третьи — по имени гончара или по другим начертанным на сосуде надписям. Условное наименование для того или иного анонимного вазописца также могло быть подсказано изображенным на сосуде сюжетом, своеобразным видом представленных персонажей, особенностями художественного стиля и пр.

Мы, приводя по ходу нашего изложения традиционные условные наименования того или иного вазописца (мастера), даем в скобках их написание, общепринятое в современной англоязычной литературе по расписной керамике Аттики.

образные отходящие в стороны и вверх ручки — их основания находятся на одном уровне, а именно, ниже верхнего края сосуда примерно на треть его общей высоты — сообщают легкость очертаниям сосуда, в действительности, весьма приземистого (соотношение верхнего диаметра сосуда к его общей высоте составляет примерно 1,46).

В современной научной литературе по аттической чернофигурной керамике сосуды аналогичной формы определяют как «Ure's class of skyrhoi A-1» — «скифосы класса А-1 по (классификации) Юэр». Здесь необходимы некоторые пояснения. С именами английских исследователей П. Юэр и А. Юэр связаны, в частности, раскопки одного из некрополей древней Беотии,⁷ а также издание отдельных категорий обнаруженных в нем керамических сосудов. В одной из своих работ П. Юэр и А. Юэр выборочно опубликовали серию чернофигурных скифосов из этого некрополя (Ure P. N. /Ed. 1927: 57 f.). По таким признакам, как форма сосуда и украшающая его роспись, издатели разделили эти скифосы на 17 «классов» («групп») и 35 подгрупп; «классам» присвоили буквенные обозначения, подгруппы — пронумеровали; для некоторых «классов» указали даты. Что касается скифоса № 31. 176, найденного в погребении № 31 совместно с пятнадцатью другими, отличающимися от него скифосами (Buttows, Ure 1907-1908: 271 ff.), то А. Юэр отнесла его к «классу А-1» (Ure P. N. /Ed. 1927: 58).⁸ Эта классификация, формализованная и весьма условная, была разработана А. Юэр на находках из некрополя Ритзоны и для их систематизации; при этом за ее пределами остались многие чернофигурные скифосы из погребений того же некрополя, не укладывавшиеся в намеченные А. Юэр классификационные рубрики. Данное обстоятельство, как и ненадежность предложенных авторами датировок,⁹ огра-

ничивает возможность практического использования их классификации.

Заметим к слову, что Дж. Бизли, в монументальном каталоге которого имеются разделы, озаглавленные «класс», особо подчеркнул в вводной части, что под данным термином подразумевается только форма (Beazley 1956: VIII). В дополнительном томе — приложении к основному труду (Beazley 1971: 83 f.) Дж. Бизли ввел раздел «Ure's class of skyrhoi A-1», в который включил скифосы, близкие по форме уже упоминавшемуся выше скифосу № 31. 176, но с различными сюжетами украшающей их росписи, в их числе — ряд горгонейон-скифосов.

Остановиться детально на классификации А. Юэр побудила нас тенденция, отчетливо прослеживаемая в ряде статей и публикаций последних лет, расширительного истолкования термина «Ure's class of skyrhoi A-1» и оперирование весьма спорными датами из работы П. Юэр и А. Юэр, опубликованной в 1927 г. При этом игнорируется тот факт, что впоследствии ряд дат скорректировали сами авторы. К вопросу о датах мы ниже еще вернемся, а сейчас продолжим изучение ольвийского скифоса. Внутри сосуд (рис. 2) почти сплошь окрашен черным лаком, в цвете глины оставлены: тонкая полоса под венчиком и дисконидный медальон в центре дна, от которого сохранилась лишь небольшая часть (диаметр медальона в целом виде составлял около 4 см). Снаружи лаком покрыты: верхний, подчеркнутый неглубоким желобком край чаши; внешняя поверхность ручек; верхняя и боковая поверхности кольцевидной подставки.¹⁰ На нижнюю, сужающуюся часть сосуда нанесены мягкой кистью черным лаком вертикальные штрихи — так называемый палочный орнамент. Выше палочного орнамента тулово сосуда опоясано чернолаковой полосой, сверху и снизу об-

⁷ Некрополь, вошедший в научную литературу как некрополь Ритзоны (по современному географическому наименованию), раскапывали в 1907-1909 гг. Р. Бэрроу и П. Юэр, в 1921 и 1922 гг. — П. Юэр и А. Юэр (Ure P. 1950).

⁸ А. Юэр указала следующие признаки, характерные для скифосов «класса А» ее классификации: 1) форма сосуда; 2) сюжет росписи (гомозротическая сцена в обрамлении больших горизонтально расположенных чернолаковых пальметт); 3) наличие под ручкой эмблемы (обращенный вниз стилизованный цветок лотоса). В итоге, в одном классе («класс А») классификации оказалось четыре скифоса, различающиеся между собой и по форме венчика и по отдельным деталям росписи, что поставило автора перед необходимостью разделить четыре скифоса на три подгруппы: А-1, А-2, А-3 (Ure P. N. /Ed. 1927: 58 ff.).

⁹ Согласно первой публикации находок из некрополя Ритзоны, осуществленной Р. Бэрроу и П. Юэр, в погребении № 31 было найдено 360 различных керамических сосудов, в их числе — 30 сосудов с чернофигурной росписью: 9 лекифов, 5 киликов, 16 скифосов (Buttows, Ure 1907-1908: 271-281). Обратившись к этому материалу, нетрудно установить, что ряд скифосов относится к более позднему времени, чем 530 г. до н. э., которым П. Юэр и А. Юэр датировали это погребение (Ure P. N. /Ed. 1927: 40). Подчеркнем, что в первой публикации (Buttows, Ure 1907—1908: 307) погребение № 31 датировано концом VI в. до н. э.

¹⁰ Внутренний скос кольцевидной подставки (рис. 2) тоже покрыт черным лаком. На нижней поверхности донышка внутри кольцевидной подставки, на его сохранившейся части, видны следы округлости, которая была нанесена по глине черным лаком.

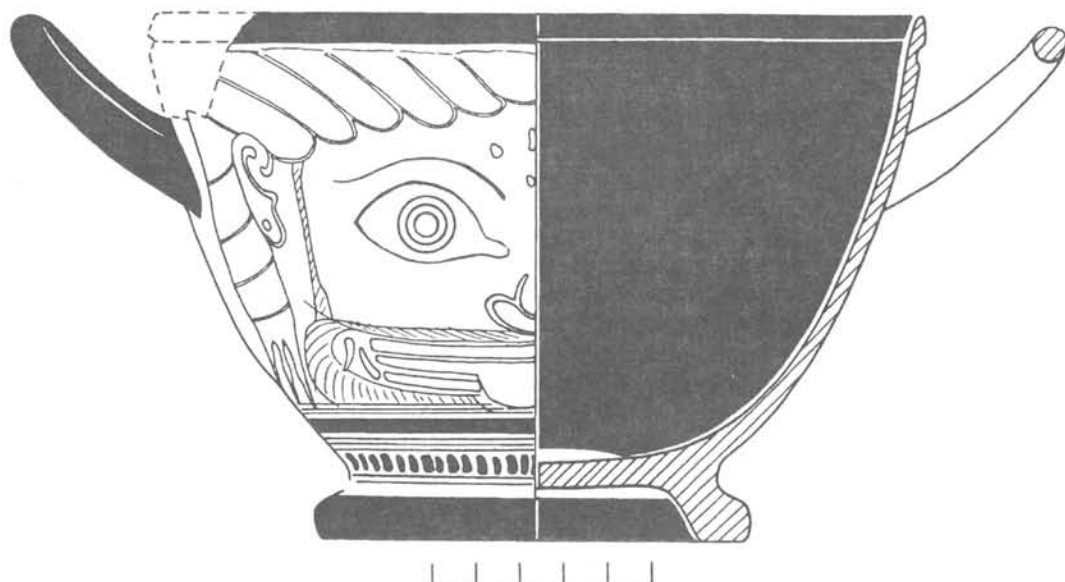

Рис. 2 Профиль чернофигурного скифоса из Ольвии (№ Ол. 87-253).

Fig. 2 Profil of the black-figured scyphos from Olbia (№ Ол. 87-253).

рамленной тонкими параллельно проведенными линиями буровато-красного цвета — по три линии с каждой стороны. Две подобные тонкие линии нанесены ниже палочного орнамента; такая же линия проведена по нижней границе желобка, акцентирующего гладкий венчик. Рассмотренные элементы декоративного убранства, подчеркивая архитектуру сосуда, вместе с тем составляют обрамление горгонейона (рис. 1: 1), наделенного, что заметно даже при беглом на него взгляде, яркой выразительностью.

Доминируют раскосые, несколько сдвинутые к переносице глаза, с подчеркнутыми внутренними углами. Брови, нарисованные легким движением мягкой тонкой кисти, как бы следуют контуру глазниц. Над переносицей — отметины, четыре черные точки: свидетельство демонической сущности персонажа. Высоко поставленные уши с маленькими круглыми украшениями в мочках, непропорционально маленький уродливых очертаний нос, узкая почти горизонтальная полоска длинных усов, кончиками находящихся на бакенбарды, широко растянутый в гримасе рот со звериными клыками и высунутым между зубов языком, окладистая борода, нижняя часть которой как бы закрыта декоративными полосами — все элементы изображения подчинены одной цели: создать устрашающий образ чудовища. Волосы, обрамляющие фестонами лоб, спускаются за ушами на шею заостряющимися на

концах прядями — по четыре пряди с каждой стороны (рис. 1: 2). Концы прядей, заходящие под ручку, соприкасаются с прядями другого горгонейона, который был симметрично нарисован на противоположной стороне скифоса — на нашем сосуде от него сохранилась лишь правая часть. Ниже основания ручки, в поле, обрамленном с боков прядями обоих горгонейонов, черным лаком изображен дельфин в изящном движении вправо. По форме головы его можно отнести к «бесклювым» дельфинам. Едва различимый штришок перед его головой, вероятно, изображает рыбешку.

Сосуд и нарисованный на нем горгонейон производят удивительно цельное впечатление. Художник, выполнивший роспись, хорошо владел мастерством компоновки и сумел объединить в одно целое и форму сосуда, и детали его декоративного убранства, и маску Горгоны, что становится особенно заметным при сопоставлении публикуемого нами скифоса с найденной на Березани чашей (Горбунова 1972), также несущей на себе изображение горгонейона. На березанской чаше большие небрежно нарисованные у ручек многолепестковые пальметты механически соединены с горгонейоном. Иное дело публикуемый нами скифос. Он впечатляет органическим слиянием формы сосуда и трактованной средствами вазовой живописи «личины», точно угаданными ее размерами по отношению к величине и пропор-

циям скифоса, благодаря чему невольно рождается ощущение, что перед нами не сосуд с нарисованным на нем горгонейоном, а сама голова Горгоны. Возможно, что именно к этому и стремился художник, нанося изображение на сосуд. Можно полагать, что устрашающий образ головы Горгоны в качестве культового символа прочно сохранял свое место в системе религиозных представлений всего античного периода. Ведь даже во II в. на рыночной площади Аргоса, как рассказывает Павсаний, показывали земляной курган, под которым якобы была захоронена голова Горгоны (Paus., II, 21,5).

Несколько слов о технике исполнения горгонейона. До обжига сосуда были нарисованы: нос и уши — контуром; глаза, волосы, бакенбарды, усы — сплошным силуэтом. Выполненные в технике сплошного силуэта части рисунка, приобретшие после обжига вид черных, блестящих, лакообразных пятен, затем были «оживлены» гравировкой и накладными красками — пурпурной и белой. Радужки глаз в виде трех concentрических окружностей мастер прочертил циркулем, точку в центре зрачка — след от ножки циркуля подчеркнул пурпуром и такой же краской обвел зрачок. Гравировкой от руки, с помощью тонкого острого предмета типа шила, были прорисованы: пряди волос, окрашенные потом через одну пурпуром; контуры рта, растянутого в устрашающем оскале белых звериных клыков и двух рядов зубов в виде двух горизонтальных мазков белой краски с пурпурной полосой между ними — она обозначает ротовую щель, из которой свисает язык, также окрашенный пурпуром. Свободными штрихами прошелся мастер по усам, «зачесав» их кверху, по симметрично обрамляющей рот бороде, по узким полоскам бакенбардов, допустив, однако, здесь определенную небрежность: бакенбарды на обеих сторонах «лица» оказались «заштрихованными» в одну сторону. Некоторую неточность можно уловить и в общем рисунке «лица»: по отношению к его вертикальной оси рот немного смещен вправо. Однако общее эмоциональное воздействие образа Горгоны заслоняет мелкие погрешности рисунка.

По форме, сюжету, композиции, технике росписи скифос из Ольвии находит прямые параллели среди группы сосудов, составивших предмет специального научного интереса Б. Фрайер-Шауэнбург. Исследовательница дала этим сосудам название *Gorgoneion-Skyphoi* (Freyer-Schauenburg 1970).

Изучив двенадцать скифосов — целых и в виде фрагментов (из различных музейных

Рис. 3 Чернофигурный скифос. Бостон, Музей изящных искусств (по: Freyer-Schauenburg 1970: 12, Abb. 15).

Fig. 3 Black-figured skyphos. Boston, Museum of fine Arts (after Freyer-Schauenburg 1970: 12, Abb. 15).

собраний, в основном — неопубликованных), Б. Фрайер-Шауэнбург пришла к выводу, что десять из них были расписаны рукой одного и того же мастера, художественный стиль которого постепенно эволюционировал в сторону огрубления и небрежности. Исходя из своей посылки, Б. Фрайер-Шауэнбург выстроила эти сосуды в один типологический ряд, отражающий, по ее представлению, относительную их хронологию. В этом ряду более ранними оказались семь скифосов (Ibid. 1-3, № 1—6, 8) с одинаковым типом горгонейона, для которого характерны (рис. 3): три точки на лбу; радужка глаз из трех concentрических окружностей; нос, напоминающий по форме луковицу, лежащую на валике; сходные с человеческими уши. К концу своей хронологической цепочки Б. Фрайер-Шауэнбург отнесла два скифоса (Ibid.: № 7, 11). Один из них (№ 7), сохранившийся крайне фрагментарно, мало пригоден для сколько-нибудь серьезных заключений, зато второй (№ 11) — вполне удовлетворительной сохранности сосуд из раскопок Одессоса (Tončeva 1967: 164, fig. 11) дает хорошее представление о типе горгонейона. Действительно, он весьма близок горгонейону семи сейчас упомянутых скифосов, но имеет и определенные различия: не три, а четыре ромбообразно расположенные отметины на лбу; радужки глаз — в виде двух, а не трех concentрических окружностей; нос — наподобие незамкнутой петли, касающейся прогнутого валика; уши в виде S-образных крючков. Такие явные различия в трактовке отдельных деталей горгонейона, наряду с жесткостью рисунка и монотонностью гравировки, казалось, должны были подвести к предположению, что горгонейон скифоса из Одессоса является работой другого мастера, менее одаренного и хуже обученного в

Рис. 4 Чернофигурный скифос. Кассель, Государственный художественный музей (по: Scheffer 1986: 118, fig. 6).

Fig. 4 Black-figured skyphos. Kassel, Staatl. Kunstsammlungen (after Scheffer 1986: 118, fig. 6).

сравнении с вазописцем, которому Б. Фрайер-Шауэнбург приписала семь упомянутых выше скифосов. Но Б. Фрайер-Шауэнбург рассудила по-иному. Не обозначив конкретно признаки, по которым скифос из Одессоса можно считать поздней работой вазописца семи скифосов, якобы относящейся ко времени угасания его творческой активности, Б. Фрайер-Шауэнбург поместила данный сосуд в конец своей хронологической цепочки и, основываясь на нем, сделала следующий, весьма обязывающий, вывод: будто эмблема в виде двойной чернолаковой пальметты под ручкой и палочный орнамент, охватывающий нижнюю часть тулова сосуда, — элементы, отсутствующие на семи уже неоднократно упоминавшихся скифосах, но имеющиеся на скифосе из Одессоса — могут служить при датировке горгонейон-скифосов в качестве надежных хронологических индикаторов, указывающих на позднюю дату сосуда (Freyer-Schauenburg 1970: 24).

Связующим звеном между семью «ранними» (Ibid.: № 1—6, 8) и двумя «поздними» (Ibid.: № 7, 11) скифосами в своей хронологической цепочке Б. Фрайер-Шауэнбург сочла скифос из Национального музея Варшавы (Ibid.: № 12), отнеся этот, весьма фрагментарной сохранности, сосуд (имеется только его верхняя часть) к переломному периоду творчества того же вазописца по следующим соображениям. Во-первых, у горгонейона варшавского скифоса на лбу четыре точки, что, как полагает Б. Фрайер-Шауэнбург, указывая на сосуд из Одессоса, характерно для поздних скифосов вазописца; во-вторых, радужки глаз варшавского горгонейона прорисованы, как на ранних скифосах ее хроно-

логического ряда, тремя концентрическими окружностями (на сосуде из Одессоса их две); наконец форма носа сближает горгонейоны обоих скифосов — варшавского (Freyer-Schauenburg 1970: № 12, Abb. 16 und 17) и из Одессоса (Tončeva 1967: fig. 14).

Позже Б. Фрайер-Шауэнбург дополнила свой типологический ряд еще тремя горгонейон-скифосами (Freyer-Schauenburg 1976),¹¹ два из них, основываясь на своей классификации, отнесла к числу ранних, один — скифос из Пестума — к поздним.

Даже при беглом взгляде на горгонейон последнего из сейчас упомянутых скифосов (Ibid.: 203—204, 207, Abb. 6 und 7), нельзя не отметить удивительную его близость горгонейону скифоса из Одессоса, выдающую руку одного и того же мастера. На это же указывает и имеющаяся под ручкой каждого из этих сосудов одинаковая эмблема в виде двойной чернолаковой пальметты, небрежно изрезанной линиями гравировки. Но схема декорировки обоих сейчас рассматриваемых скифосов, при бесспорном общем сходстве, имеет одно немаловажное различие — нижняя часть тулова сосуда из Пестума охвачена двойным чернолаковым пояском, а не палочным орнаментом, характерным для скифоса из Одессоса. Как мы помним, именно этот скифос Б. Фрайер-Шауэнбург поместила в конец своего типологического ряда, выделив палочный орнамент в качестве своего рода хронологического индикатора, по которому якобы можно отличить поздние горгонейон-скифосы от ранних (Freyer-Schauenburg 1970: 24). Совершенно справедливо отнеся в разбираемой сейчас статье (Freyer-Schauenburg 1976: 206) скифосы из Одессоса и Пестума к одному времени, Б. Фрайер-Шауэнбург никак не оговорила указанные различия в декорировке их нижней части. А ведь эти различия вносят явный дисбаланс в внешне стройную и, по утверждению автора (Freyer-Schauenburg 1970: 24), вполне надежную классификацию.

Здесь время вспомнить, что в эту схему явно не вписался и неоднократно уже упоминавшийся выше скифос из Варшавы (Freyer-Schauenburg 1970: 3, № 12, Abb. 16 und 17), отличающийся в существенных деталях рисунка как от «ранних», так и от «поздних» — по представлениям Б. Фрайер-Шауэнбург — горгонейон-скифосов. Все сказанное дает основания усомниться в правильности типологического ряда Б. Фрайер-Шауэнбург и побуждает отдать предпочтение выво-

¹¹ Чернофигурному скифосу с иной формой венчика и иным типом горгонейона, хранящемуся в Национальном музее Тарента, Б. Фрайер-Шауэнбург посвятила отдельную статью, предположительно определив в ней данный сосуд в качестве продукции местной, южно-италийской, керамической мастерской (Freyer-Schauenburg 1971).

дам, сформулированным относительно горгонейон-скифосов Ш. Шеффер (Scheffer 1986).

Так, в отличие от Б. Фрайер-Шауэнбург, приписавшей почти все опубликованные ею горгонейон-скифосы одному мастеру-вазописцу, но разным периодам его деятельности, и попытавшейся проследить относительную их последовательность, Ш. Шеффер увидела в них продукцию двух вазописцев. Дополнив серию Б. Фрайер-Шауэнбург еще четырьмя горгонейон-скифосами, Ш. Шеффер определила роспись двенадцати из них как работу одного художника и объединила их в группу с условным названием — по городам тех музеев, в которых хранятся наиболее показательные образцы — «Париж-Бостон-Копенгаген группа» (рис. 3 — воспроизведение одного из горгонейон-скифосов этой группы). Работой другого художника Ш. Шеффер сочла роспись трех других скифосов, а именно: прекрасной сохранности сосуд из музейного собрания г. Касселя (рис. 4) и уже знакомые нам по предыдущему изложению скифосы из Одесса и Пестума. Эти сосуды, названные Ш. Шеффер «Кассель группа», роднит не только одинаковый тип горгонейона, но и наличие на каждом сосуде, под ручкой, эмблемы в виде двойной чернолаковой пальметты. К «Кассель группе» Ш. Шеффер предположительно отнесла также небольшой фрагмент горгонейон-скифоса из Лентини (Freyer-Schauenburg 1970: 3, 14, № 7, Abb. 18; Scheffer 1986: 119).

Таким образом, выстроенную Б. Фрайер-Шауэнбург типо-хронологическую цепочку Ш. Шеффер расчленила на две части, разделив почти все известные к настоящему времени горгонейон-скифосы между двумя вазописцами, в противовес Б. Фрайер-Шауэнбург, которая сочла их работой одного мастера. Скифосы, отнесенные Б. Фрайер-Шауэнбург к числу ранних его изделий, Ш. Шеффер включила в «Париж-Бостон-Копенгаген группу» (в иной, чем Б. Фрайер-Шауэнбург, последовательности их сгруппировав), а в «Кассель группе» оказались сосуды, которые Б. Фрайер-Шауэнбург посчитала поздними работами того же вазописца.

Вполне убедительно разделив горгонейон-скифосы между двумя вазописцами, Ш. Шеффер оказалась перед сложной дилеммой, пытаясь установить, который из них разрисовал упоминавшийся выше скифос из коллекции Национального музея Варшавы? Вспомним, что Б. Фрайер-Шауэнбург усмотрела в этом сосуде своего рода связующее звено между горгонейон-скифосами раннего и позднего периодов творчества одного вазописца, либо, если мы воспользуемся терминологией Ш. Шеффер, то

скажем: между скифосами «Париж-Бостон-Копенгаген группы» и «Кассель группы».

Расчленив на две части типо-хронологическую цепочку, выстроенную Б. Фрайер-Шауэнбург, но согласившись при этом с ее мнением, якобы отдельные элементы рисунка горгонейона варшавского скифоса указывают на его связь со скифосами и «Париж-Бостон-Копенгаген группы» и «Кассель группы», или, другими словами, с работами двух вазописцев (а не одного, как полагала Б. Фрайер-Шауэнбург), Ш. Шеффер отнесла варшавский скифос к числу работ первого из них, а именно, к создателю «Париж-Бостон-Копенгаген группы», а ссылкой на сейчас упомянутое сходство отдельных элементов рисунка его горгонейона с горгонейонами сосудов обеих групп обосновала свой вывод, что оба мастера вероятно работали бок о бок в одной керамической мастерской или (что для Ш. Шеффер предпочтительнее) в различных, но тесно сотрудничавших мастерских, взаимно оказывая влияние и перенимая друг у друга различные изобразительные приемы (Scheffer 1986: 120, 121).

Однако, на наш взгляд, более правдоподобно иное решение: горгонейон-скифос из Национального музея Варшавы является работой еще одного, третьего по счету, вазописца, также занимавшегося декорировкой горгонейон-скифосов.

Обратимся вновь к ольвийскому сосуду (рис. 1). Поочередно сопоставив его со скифосами «Париж-Бостон-Копенгаген группы» (рис. 3), «Кассель группы» (рис. 4) и со скифосом из Варшавы (Freyer-Schauenburg 1970: 3, Abb. 16 und 17), мы легко установим, что на ольвийском сосуде «личина» нарисована рукой явно иного — четвертого, по порядку нашего перечисления, вазописца — мастера весьма высокой профессиональной выучки, хорошо знавшего свое дело. Трудились ли все четверо сейчас упомянутых вазописца в одной мастерской? Вопрос непростой и на имеющемся материале однозначно нерешаемый. Попытаемся уяснить, как были установлены даты горгонейон-скифосов.

Основательно перекроив типо-хронологическую классификацию, разработанную Б. Фрайер-Шауэнбург, Ш. Шеффер полностью солидаризировалась с ее хронологическими выводами, согласно которым самые ранние горгонейон-скифосы относятся примерно к 530 г. до н. э., а поздние — к последней четверти VI в. до н. э. (Freyer-Schauenburg 1970: 27). Небезынтересно установить, как были получены эти даты. Справедливо сославшись на крайне ограниченную возможность привлечь для этой

цели стилистические особенности росписи горгонейон-скифосов, Б. Фрайер-Шауэнбург пошла по иному пути, а именно: сделала попытку проследить, когда примерно в керамическом производстве Афин появились скифосы класса А-1 по классификации Юэр («Ure's class of skyphoi A-1»), чтобы затем приурочить к этому времени первые горгонейон-скифосы своей хронологической цепочки. Поскольку среди аттической чернолаковой керамики VI—V вв. до н. э., хронология которой в настоящее время довольно хорошо разработана, сосуды подобной формы не систематизированы, Б. Фрайер-Шауэнбург пришлось в своих разысканиях основываться на отдельных, по форме аналогичных горгонейон-скифосам, сосудах, но с иными сюжетами росписи, и на бытующих в специальной литературе датах этих сосудов. Так, для этой цели Б. Фрайер-Шауэнбург привлекла скифосы работы мастера Верблюда (the Camel Painter) — неизвестного по имени вазописца, условно названного так по изображению на одном из расписанных им сосудов: идущий в сопровождении юноши верблюд (Beazley 1956: 120). Особенности художественного почерка мастера Верблюда позволили исследователям аттической вазовой живописи синхронизировать начальный этап его деятельности с позднейшим периодом творчества великого афинского вазописца Лидоса, работавшего примерно до 530 г. до н. э., и, соответственно, датировать этим временем сосуды, расписанные указанным безымянным мастером.

Итак, дату скифосов мастера Верблюда, установленную по стилистическим признакам, Б. Фрайер-Шауэнбург использовала в качестве своего рода стартовой даты не только для скифосов класса А-1 по классификации Юэр («Ure's class of skyphoi A-1»), что в принципе правомочно, но и для горгонейон-скифосов своей хронологической классификации (Freyer-Schauenburg 1970: 22—24).¹² Между тем, совершенно очевидно,

что для столь прямолинейного хронологического отождествления нет никаких оснований и что дата скифосов мастера Верблюда, а именно — 530 г. до н. э., может при подобных разысканиях служить лишь в качестве *terminus post quem*.

Предпринимая попытку разобраться в вопросах датировки горгонейон-скифосов и рассматривая 530 г. до н. э. в качестве своего рода начальной точки отсчета, нелишне вспомнить, что последние тридцать лет VI в. до н. э. явились для аттического керамического производства и вазовой живописи эпохой значительного технического и художественного прогресса. В это время аттические керамисты наладили массовый выпуск сосудов новых, ранее неизвестных, форм. Примерно в 530-525 гг. до н. э., возможно в мастерской Андокида — одного из ведущих керамистов того времени, была изобретена новая техника оформления сосудов — краснофигурная роспись, вначале сосуществовавшая с чернофигурной росписью, но к концу VI в. до н. э. основательно ее потеснившая. Вазописцы демонстрируют значительные успехи в композиции и рисунке. Наряду с техническими и художественными достижениями этот период характеризуется и заметным обогащением репертуара образов, избравшихся вазописцами для украшения сосудов — популярность приобретают маски Диониса, апотропеические глаза, горгонейоны. Правда, нам неизвестны ни движущие силы, сообщившие столь мощное ускорение развитию афинского керамического производства и вазописи, ни причины, способствовавшие всплеску в обществе интереса к столь своеобразной тематике. И здесь приходится довольствоваться лишь предположениями.¹³

Возвращаясь к горгонейон-скифосам, уместно вспомнить, что Б. Фрайер-Шауэнбург фактически перенесла на сосуды, сочтенные ею наиболее ранними, дату скифоса мастера Верблюда. Исключив в первых своих публикациях возможность приписать

¹² Сославшись по ходу своего изложения также на погребение № 31 некрополя Ритзоны, в котором наряду с другими сосудами (см. примечания 7—9) был найден скифос «класса А-1 по классификации Юэр», Б. Фрайер-Шауэнбург обошла, однако, полным молчанием дискуссию, развернувшуюся в свое время вокруг даты этого погребения, и не указала причины, побудившие ее отдать предпочтение дате, впоследствии неоднократно пересматривавшейся самими издателями материалов некрополя Ритзоны. Так, А. Юэр и П. Юэр, отнесшие к 530 г. до н. э. погребение № 31 в одной из своих ранних работ (Ure P. N. /Ed. 1927: 40) и решительно оспаривавшие (Ure A. 1937; 1938: 258,259; Ure P. N. 1950: 510) выводы Е. Хаспельс, которая доказывала (Haspels 1936: 108,110; 1938: 237), ссылаясь на найденные в погребении сосуды, что оно было совершено не ранее 500—490 гг. до н. э., сами потом несколько «омолодили» погребение № 31, датируя его то 520 г. до н. э. (Ure A. 1937: 265; Ure P. N. 1950: 500), то последним десятилетием VI в. до н. э. (Ure A. 1963: 18).

¹³ Одна из гипотез (Halm-Tisserant 1986) предположительно объясняет особый интерес к горгонейону, в частности, его появление примерно в середине VI в. до н. э. на изображениях Афины в качестве ее эмблемы, какими-то пропагандистскими действиями Писистрата (560—528 гг. до н. э.) и его сыновей (528—510 гг. до н. э.), якобы манипулировавших этим магическим символом в своей политической борьбе. П. Маркс (Marx 1993) оспаривает это предположение и, привлекая далеко не бесспорные данные, связывает с иными причинами появление горгонейона на шите и эгиде Афины.

горгонейон-скифосы руке какого-то определенного вазописца, Б. Фрайер-Шауэнбург много позже обратилась к этой проблеме в статье «Горгонейон-скифос. Творение мастера Тименора?» (Freyer-Schauenburg 1991), по-видимому, подразумевая анонимного вазописца, декорировавшего чашу с сигнатурой гончара Тименора (Beazley 1956: 201) и в исследованиях по истории аттической вазовой живописи получившего, по этой чаше, условное имя «мастер Тименора» (the Timenor Painter).

Из-за недоступности издания, в котором опубликована указанная выше работа, мы, к сожалению, не смогли узнать, какой ответ дала Б. Фрайер-Шауэнбург, а именно: идентифицировала ли она вазописца опубликованных ею горгонейон-скифосов с неизвестным по имени, работавшим в паре с гончаром Тименором, художником — как в свое время (Tončeva 1967: 164) поступил Д. Якоби при публикации найденного на Родосе сходного скифоса — или, подобно Г. Тончевой, отклонила возможность такой идентификации.

На наш взгляд, сопоставление горгонейон-скифосов «Париж-Бостон-Копенгаген группы» (рис. 3) с горгонейоном, украшающим дно сейчас упомянутой чаши гончара Тименора (Norpin 1924: 362), отнюдь не подтверждает такое отождествление. Правда, и мастер гончара Тименора и рисовальщик упомянутой группы скифосов сходным образом изображали уши; но нос — весьма существенный элемент в характеристике образа каждый из них трактовал по-своему. Мастер гончара Тименора умел четкой контурной линией осязаемо передать уродливость мясистого носа чудища. Вазописец скифосов «Париж-Бостон-Копенгаген группы» на месте носа небрежным движением кисти рисовал некое подобие луковицы. По-разному эти мастера трактовали и другие детали «личины» — бороду, усы, зубы, клыки, высунутый язык. В целом, горгонейон мастера Тименора выдает руку незаурядного рисовальщика, в мастерстве превосходившего вазописца скифосов «Париж-Бостон-Копенгаген группы».

Что касается скифосов «Кассель-группы», то украшающие их горгонейоны (рис. 4) дают основание охарактеризовать их исполнителя как добросовестного ремесленника, основательно набившего руку в декорировке горгонейон-скифосов, но по уровню мастерства заметно уступавшего вазописцу «Париж-Бостон-Копенгаген группы».

Возвращаясь к проблеме датировки горгонейон-скифосов, следует отметить, что история развития скифосов с чернофигурной

росписью фактически все еще остается не до конца выясненной. И в первую очередь, это касается скифосов А-1 и А-2 по классификации Юэр («Ure's class of skyphoi A-1», «Ure's class of skyphoi A-2»), различающихся между собой формой венчика. Значительная часть хронологических выводов, связанных с этой группой материала, базируется не на фактических данных, а на заключениях, относящихся к разряду предположений и гипотез, зачастую подкрепленных ссылками на необоснованно удрежденную дату погребения № 31 некрополя Ритзоны, которая более семидесяти лет тому назад была введена в научный обиход П. Юэр и А. Юэр.

Так, Б. Фрайер-Шауэнбург, эскизно наметив развитие формы чернофигурных аттических скифосов на протяжении VI в. до н. э., свой, весьма обязывающий вывод о появлении скифосов А-1 около 530 г. до н. э. подкрепила ссылкой на сейчас упомянутую дату погребения № 31 (Freyer-Schauenburg 1970: 22,23).

К. Шауэнбург при публикации психтера с чернофигурной росписью работы анонимного вазописца, причисленного им к кругу мастера Андокида — художника, по имени тоже неизвестного, работавшего у гончара Андокида и получившего от исследователей наименование «мастер Андокида» (the Andokides Painter), — привлек для решения вопросов хронологии чернофигурный скифос класса А-1 из музейного собрания, при датировке которого он также избрал одну из дат погребения № 31, введенных П. Юэр и А. Юэр в научную литературу, а именно — 520 г. до н. э. (Schauenburg 1965).

Согласно информации, почерпнутой мною из статьи В. Гюнтера (Günter 1995: 495), М. Пипили проследила на ста восьми чернофигурных скифосах развитие интересующих нас классов А-1 и А-2 (по классификации Юэр), отнеся их к 530-510 гг. до н. э. (Corpus Vasorum Antiquorum. Grèce Athènes M. N. f. 4) Из-за отсутствия этого издания в доступных нам библиотеках мы не смогли ознакомиться с аргументацией М. Пипили, в частности с ее обоснованием указанных дат. Можно, однако, предположить, что М. Пипили исходила из той же, постулированной в свое время П. Юэр и А. Юэр, даты погребения № 31 некрополя Ритзоны — 530 г. до н. э.

Как ни странно, возражения Е. Хаспельс против этой даты (см. наше примечание 12) не пробудили у специалистов желания в них разобраться. Ими незамеченной осталась и дискуссия между Е. Хаспельс и А. Юэр, в частности, касавшаяся двух чернофигурных скифосов №№ 172 и 173 из погребения № 31 (Burgows, Ure 1907-1908: 276), кото-

рые А. Юэр отнесла к «классу В» своей классификации (Ure P. N. /Ed. 1927: 59).

Е. Хаспельс увидела в них продукцию так называемой мастерской «Белой цапли»; А. Юэр рассудила по-иному. Вникнем в суть их разногласий.

На рубеже VI—V вв. и в начале V в. в Афинах активно работала какая-то гончарная мастерская по изготовлению чернофигурных сосудов, преимущественно — скифосов. Продукцию этой мастерской, отличавшуюся выбором необычных сюжетов, живописностью их трактовки, обильным использованием белой накладной краски, выделил и ввел в науку П. Мингазини, определив их, по нарисованной под ручкой эмблеме, как работу мастера «Белой цапли» (Mingazzini 1930: 313—317). Однако, по наблюдениям Дж. Бизли, не все сосуды с эмблемой в виде белой цапли были расписаны одним мастером: в мастерской «Белой цапли» наряду с группой посредственных вазописцев работал художник незаурядного дарования (Beazley 1934: 86). Е. Хаспельс за любовь этого анонимного мастера к изображению сцен, связанных с Тезеем, назвала его «мастер Тезея» (the Theseus Painter). Е. Хаспельс также обозначила группу сосудов из мастерской «Белая цапля», разрисованных, по ее заключению, подражателями и учениками мастера Тезея. Что же касается скифосов № 172 и 173 из погребения № 31, хорошо вписывающихся по художественно-стилистическим признакам в группу «Белой цапли», то, как полагает Е. Хаспельс, они были созданы около 500 г. до н. э., незадолго до появления среди вазописцев «Белой цапли» мастера Тезея (Haspels 1936: 108, 110, 142; 1938: 257). А. Юэр возражала против этих выводов (Ure A. 1937, 1938).

Много позже А. Юэр опубликовала статью (Ure A. 1955), в которой, в противовес сложившейся к тому времени в науке тенденции приписывать мастеру Тезея и его последователям все скифосы так называемой мастерской «Белой цапли», поставила своей целью доказать, якобы эта керамическая мастерская была процветающим предприятием задолго до появления в ней около 500 г. до н. э. мастера Тезея, и что те вазописцы, в которых Е. Хаспельс увидела подражателей мастера Тезея, будто, наоборот, были не только его старшими напарниками по ремеслу, но и, в определенной степени, его наставниками. Скажем сразу: фундаментом для этих построений послужила неоправданно удрежденная дата погребения № 31.

Итак, среди сосудов, традиционно рассматривавшихся в качестве продукции «Белой цапли», А. Юэр вычленила группу

скифосов и чаш — весьма вероятно, работы одного вазописца, названного ею, по шафранно-желтому цвету одеяния его женских персонажей, мастер Крокотос (the Krokotos Painter). Затем, охарактеризовав вазописца скифосов № 172 и 173 (из погребения № 31) как малоодаренного коллегу мастера Крокотос, А. Юэр, сообразно своей, ревностно отстаиваемой, датировке погребения № 31, сочла возможным отнести мастера Крокотос примерно к 30-м гг. VI в. до н. э. Мастер Крокотос, превращенный таким способом из современника мастера Тезея в его предшественника, «перетянул» за собой в последнюю четверть VI в. до н. э. еще нескольких вазописцев, которых по устоявшейся традиции относили к кругу мастера Тезея. Вычлененную ею группу Крокотос А. Юэр отнесла к раннему этапу мастерской «Белая цапля», до появления в ней мастера Тезея.

Несмотря на отсутствие под данным построением серьезных обоснований, принадлежащая А. Юэр датировка группы Крокотос укоренилась в научной литературе и воспроизводится на страницах высокоавторитетных научных исследований, например, на страницах издания, публикующего материалы из раскопок Афинской агоры (Moore 1986).

Здесь время раскрыть причину нашего пристального внимания к скифосам № 172 и 173: оно вызвано наличием на этих сосудах, под каждой ручкой, эмблемы в виде дельфина (Burgows, Ure 1907—1908: 276, № 172, 173; Ure P. N. /Ed. 1927: 59; Ure A. 1955: 91, № 7, 8). Такая же эмблема видна на сохранившейся части горгонейон-скифоса из Ольвии (рис. 1: 2).

Как было уже отмечено выше, А. Юэр определила скифосам № 172 и 173 место в классе «В» своей классификации. Нам, однако, не следует упускать из виду, что скифосы классов «В» и «А-2» (классификации А. Юэр) по форме тождественны и, кроме этого, бесспорные свидетельства указывают на сосуществование скифосов классов «А-1» и «А-2», различающихся между собой формой венчика. Встречающееся в работах некоторых исследователей утверждение, якобы класс «А-1» по времени предшествует классу «А-2» никем не было доказано; по-видимому, оно сформировалось под гипнотическим воздействием классификации А. Юэр. Построенная по формально-типологическому принципу классификация А. Юэр несомненно удобна при описании скифосов, но любая попытка основываться на ней при решении вопросов хронологии неизбежно приведет к ошибочным выводам. Отметим еще, что в погребении № 31 были найдены скифосы всех трех сейчас упомянутых клас-

сов: «А-1», «А-2», «В», а это позволяет предположить их хронологическую близость. Индикаторами при датировке скифосов класса «А-1» может служить скифос мастера Верблюда (около 530 г.) и установленная Е. Хаспельс дата погребения № 31 (500-490 гг.), что позволяет отнести время бытования «Ure's class of skyphoi A-1» примерно к трем последним десятилетиям VI в. до н. э. Попытаемся для горгонейон-скифосов этот период несколько сузить. Хотя их роспись малоинформативна, но ряд наблюдений она все же позволяет сделать. Одним из ориентиров послужит имеющаяся на нашем горгонейон-скифосе эмблема в виде дельфина. Кроме неоднократно упоминавшихся скифосов № 171 и 172 и сосуда, упомянутого А. Юэр (Ure A. 1955: 91, № 8), обратим внимание еще на скифос из собрания Виллы Джулия (Beazley 1971: 91, 11), отнесенный П. Мингазини к продукции «Белой цапли» (Mingazzini 1930: pl. 88, 7—8). Вместе с тем, нельзя не отметить существование большого количества чаш (киликов) с эмблемой в виде дельфина под ручками. Такова, например, чаша с именем гончара Никосфена, наружную поверхность которой анонимный художник украсил изображениями кораблей (Beazley 1956: 231, 8) или чаши группы Ватикан G. 66 (Beazley 1956: 206, 1. 2). Но особенно часто эмблема в виде дельфина присутствует на сосудах так называемой «безлиственной группы» (the «Leafless Group»), а говоря точнее, на чашах одного из главных вазописцев этой группы, которому было дано название «мастер Келюса» (the Caylus Painter): по чашам из собрания графа Келюса — антиквара, гравера, писателя (Франция, первая половина XVIII в.), прославившегося, в частности, своей коллекцией древностей, поступившей впоследствии в Лувр.

Полагая целесообразным воздержаться в данном случае от конкретных хронологических построений, отметим лишь некоторые, бросающиеся в глаза, моменты. Так, мастерская керамиста Никосфена, начавшая свою деятельность после середины VI в. до н. э., функционировала примерно до 515/510 гг. до н. э., когда на первый план вышла керамическая мастерская Памфая, объединившая в своих стенах группу вазописцев, до того сотрудничавших с Никосфеном. Упомянутая выше чаша с кораблями относится к сравнительно позднему периоду работы мастерской Никосфена. Мастер Келюса работал примерно на рубеже VI—V вв. до н. э. в какой-то неизвестной керамической мастерской, в большом количестве изготавливавшей чаши. Анализируя эти хронологические данные, нельзя не отме-

Рис. 5 Аттическая чернофигурная чаша с изображением Горгоны. Карлсберг, Новая глиптотека (по: Poulsen 1968: 19, fig. 5).

Fig. 5 Attic black-figured cup with Gorgo. Carlsberg, New Glyptothek (After Poulsen 1968: 19, fig. 5).

тить, что если исходить из первоначальной даты скифосов группы Крокотос, впоследствии, как отмечалось выше, необоснованно удрежденной А. Юэр, то окажется, что сосуды (скифосы и чаши) с эмблемой «дельфин» укладываются примерно в два последних десятилетия VI в. до н. э.

Размышляя над этими данными, нельзя не обратить внимание на полное совпадение в оформлении внутренней поверхности скифосов № 172 и 173 из погребения № 31 (Ure P. N. /Ed. 1927: 59) и публикуемого сосуда из Ольвии (рис. 2): внутри весь сосуд покрыт черным лаком, за исключением круглого медальона в центре и узенькой полосы под венчиком — они оставлены в цвете глины. Таким же образом оформлена внутренняя поверхность скифоса работы вазописца «Белой цапли», близкого кругу мастера Тезея (Beazley 1956: 521); причем под каждой ручкой этого сосуда изображен крылатый дельфин (Mercklin 1943: 7—10, Abb. 1—4).

Приведенный материал позволяет, на наш взгляд, датировать горгонейон-скифос из Ольвии не ранее последнего десятилетия VI в. до н. э. Красочная небрежность в трактовке горгонейона, сочетающаяся с размашистой манерой исполнения, вполне согласуется с этой датой.

Попытаемся рассмотреть публикуемый ольвийский скифос с точки зрения его художественного стиля, сопоставив его с горгонейонами таких незаурядных специалистов

вазовой живописи, как мастер Неттоса (Beazley 1986: p1. 10,5), Клитий (Beazley 1986: p1. 30,3), Лидос (Diepolder 1962: p1. 30). Перечисленные шедевры вазовой живописи, отделенные один от другого приблизительно двумя десятилетиями и в совокупности охватывающие около семидесяти лет — от рубежа VII—VI вв. до н. э. примерно до 530 г. до н. э., наглядно свидетельствуют об удивительной стойкости изобразительной традиции. Эти тщательно вырисованные изображения с своеобразным разрезом глаз и с узорчатыми сложного рисунка мясистыми ушами трактованы в полном соответствии с существовавшей в тот период в вазовой живописи практикой. Вазописец горгонейон-скифоса из Ольвии (рис. 1: 1), воспроизводя тот же, подчиненный устоявшимся условным правилам, традиционный облик inferнального существа, творил явно в иную эпоху. Под влиянием новых художественных веяний он вдохнул жизнь в каноническую формулу, наделив свой горгонейон осмысленным взором и почти реальными человеческими ушами. Судя по этим элементам изображения, вазописец ольвийского горгонейона пошел дальше мастера Тименора, нарисовавшего горгонейон на уже упоминавшейся выше чаше из коллекции Лувра (Norpin 1924: 362). От горгонейона мастера Тименора веет ярко выраженной экспрессивностью, но в декоративной трактовке глаз и ушей еще ощущается влияние старых художественных традиций. Именно эти элементы архаизации исключают, на наш взгляд, возможность причислить вазописца ольвийского горгонейона к кругу мастера Тименора. Д. Хоппин счел мастера Тименора близким кругу Никосфена.

Определенный материал для дальнейших размышлений дает чаша из собрания Новой глиптотеки Карлсберга (Poulsen 1968): снаружи чаша украшена «глазами», всю внутреннюю поверхность занимает изображение коленапреклоненной Горгоны с двумя геральдически скомпонованными крылатыми телами, отходящими от одной головы; в руках у Горгоны — лань (рис. 5). В. Пульсен, опубликовавший эту чашу и сопроводивший ее разнообразными аналогиями, воздержался от идентификации вазописца. В краткой аннотации библиографического указателя (*Fasti archaeologici to the year 1968 XXIII: № 1718*) отмечена близость ее вазописца к мастеру Тименора.

Действительно, рисунок глаз, носа, ушей, растительности на «лице», а также весьма индивидуальный изобразительный элемент в виде «дрожащей» линии, обрамляющей пряди волос, являются вполне убедительными основаниями для подобного сближения. Однако мы полагаем необходи-

мым привлечь внимание к манере трактовки одеяния Горгоны на чаше из Карлсберга, близко напоминающей трактовку одежды некоторых персонажей на вазах мастера Андокида (the Andokides Painter). Не вдаваясь в сложный, в ряде деталей противоречивый, круг вопросов, связанных с творчеством мастера Андокида, оставив в стороне спорную проблему его идентичности с мастером Лисиппида и столь же дискуссионную проблему хронологии приписываемых ему сосудов, обратимся вновь к чаше из собрания Новой глиптотеки (рис. 5) и зададим себе вопрос: можно ли считать мастера Тименора создателем образа Горгоны, представленной на чаше, или он скопировал образ, созданный каким-то другим художником? На наш взгляд, более правдоподобно предположение, что существовал какой-то, нам неизвестный, прототип, вдохновивший и мастера Тименора, и анонимного мастера, разрисовавшего чашу из коллекции Музея искусств в Санта Барбаре (Калифорния) (Poulsen 1968: 20, note 11), и вазописцев горгонейон-скифосов. Что касается публикуемого нами сосуда из Ольвии, то как на ближайшую изобразительную параллель украшающей его «личине» следует указать на горгонейон чаши В. 427 из коллекции Британского музея (*Corpus Vasorum Antiquorum. British Museum f. 2: p1. 20, 2*). Данная параллель весьма показательна и наличием на мочке каждого уха горгонейона маленького, переданного одиночной точкой, украшения. Сходными ушными украшениями обладает «личина» ольвийского скифоса (рис. 1). Наличие этой детали весьма существенно, поскольку, как отметил Дж. Бизли (Beazley 1961: 66), горгонейоны с украшениями в ушах чрезвычайно редки.

В сводах Дж. Бизли чаша В. 427 коллекции Британского музея не получила своего места. К. Шауэнбург, отнеся ее к разряду дорогих изделий, изготавливавшихся предположительно в гончарных мастерских Никосфена и Андокида (Shauenberg 1970: 35, Anm. 30), наметил тем самым определенные критерии для ее датировки.

Завершая изучение горгонейон-скифоса из Ольвии, подведем основные итоги. Прежде всего, необходимо отдать должное исследовательской работе Б. Фрайер-Шауэнбург, взявшей на себя нелегкий труд ввести в научный обиход группу сосудов, оставшихся до недавних пор вне поля зрения исследователей. Проведя большую и сложную работу, Б. Фрайер-Шауэнбург создала надежную базу для их изучения. Именно это обстоятельство позже позволило Ш. Шеффер выделить среди группы собранных Б. Фрайер-Шауэнбург скифосов работы двух ва-

зописцев: «Париж-Бостон-Копенгаген группа» и «Кассель группа». Сложности, вставшие и перед Б. Фрайер-Шауэнбург и перед Ш. Шеффер при работе со скифосом из Национального музея Варшавы, связаны с его плохой сохранностью. На наш взгляд, скифос из Варшавы — работа еще одного, третьего, вазописца. Ольвийский скифос по особенностям художественного почерка следует определить как работу иного, четвертого по счету, мастера, а иконографические параллели ведут нас в круг вазописцев, ра-

ботавших с гончарами Никосфеном, Андокидом и, возможно, Памфаем.

Как мы установили выше, датировка горгонейон-скифосов, предложенная Б. Фрайер-Шауэнбург, остается в известной мере проблематичной: отнесение ею наиболее ранних сосудов к третьей и началу четвертой VI в. до н. э. при современном состоянии материала не получает подтверждения.

Что касается ольвийского горгонейон-скифоса, то, на наш взгляд, его следует отнести к последнему десятилетию VI в. до н. э.

- Горбунова, К. С.* 1972. Глубокая чаша с масками Медузы Горгоны // Сообщения Государственного Эрмитажа 35: 44—45. Ленинград.
- Beazley, J. D.* 1934. (Note) Corpus Vasorum Antiquorum. USA f. 4 (The Robinson Collection, Baltimore, f. 1) // Journal of Hellenic Studies XLIV-1: 89.
1956. Attic Black-figure Vase-painters. Oxford.
1961. An Amphora by the Berlin Painter // Antike Kunst 4—2: 49—67.
1971. Paralipomena. Additions to the Attic Black-figure Vase-painters and to the Attic Red-figure Vase-painters. Oxford.
1986. The Development of Attic Black-figure // Sather Classical Lecture 24: Rev. ed. Berkely—Los Angeles—London: University of California Press.
- Besig, H.* 1937. Gorgo und Gorgoneion in der archaischen griechischen Kunst. Berlin.
- Boardman, J.* 1974. Athenian Black Figure Vases. London.
- Burrows R. M., P. N. Ure.* 1907—1908. Excavations at Rhitsona in Boeotia // Annual of the British School at Athens 14: 226—318.
- Cook, R. M.* 1960. Greek Painted Pottery. London.
- Croon, J. H.* 1955. The Mask of the Underworld Daemon // Journal of Hellenic Studies LXXV: 9—16.
- Dahlinder, S. -Ch.* 1988. Gorgo, Gorgones (Literarische Quellen) // Lexicon iconographicum mythologiae classicae IV: 285—287.
- Diepolder, Я.* 1962. Eine Neuerwerbung der Münchener Antikensammlungen // Antike Kunst 5—2: 76.
- Freyer-Schauenburg, B.* 1970. Gorgoneion-Skyphoi // Jahrbuch des Deutschen archäologischen Instituts 85: 1—27.
1971. Ein Gorgoneion-Skyphos aus Tarent // Archäologischer Anzeiger, Beiblatt zum Jahrbuch des Deutschen archäologischen Instituts 4: 538—542.
1976. Attisch oder böotisch? Nochmal zu den Gorgoneion-Skyphoi // Archäologischer Anzeiger, Beiblatt zum Jahrbuch des Deutschen archäologischen Instituts 2: 203—213.
1991. Der Gorgoneion-Skyphos. Eine Erfindung des Timenor-Malers? // E. Atalay memorial. Izmir.
- Furtwängler, A.* 1886-1890. Die Gorgonen in der Kunst // Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie. Herausgegeben von W. H. Roscher 1—2: 1701—1727. Leipzig.
- Günter, W.* 1995. Ein attisch schwarzfiguriger Skyphos mit erotischen Werbszenen // Archäologischer Anzeiger, Beiblatt zum Jahrbuch des Deutschen archäologischen Instituts 3: 487—495.
- Halm-Tisserant, M.* 1986. Le gorgonéion, emblèmes d'Athéna. Introduction du motif sur le bouclier et l'égide // Revue archéologique 2: 245—278.
- Haspels, C. H. E.* 1936. Attic Black-figured Lekythoi. Paris.
- Hopkins, Cl.* 1934. Assyrian Elements in the Perseus-Gorgon Story // American Journal of Archaeology 38/3: 341—358.
1938. (Note) Attic Black-figured Lekythoi // Journal of Hellenic Studies LVIII-2: 256—258.
- Hoppin, J. C.* 1924. A Handbook of Greek Black-figured Vases. Paris.
- Howe, T. P.* 1954. The Origin and Function of the Gorgon-Head // American Journal of Archaeology 58/I: 209—221.
- Lesky, A.* 1958. Homeros // Paulys Real-Encyclopädie des klassischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa. Herausgegeben von K. Ziegler. Suppl. XI: 811—812.
- Marx, P. A.* 1993. The Introduction of the Gorgoneion to the Shield and Aegis of Athena and the Question of Endoios // Revue archéologique 2: 227—268.
- Mercklin, E. v.* 1943. Ein Skyphos aus der Werkstatt des Theseusmalers // Archäologischer Anzeiger, Beiblatt zum Jahrbuch des Deutschen archäologischen Instituts 1/2: 1—14.
- Mingazzini, P.* 1930. Vasi della Collezione Castellani. Roma.
- Moore, M. B. and al.* 1986. Attic Black-figured Pottery // The Athenian Agora. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens XXIII.
- Poulsen, V.* 1968. Ein attisk Drikkeskaal // Meddelelser Fra Ny Carlsberg Glyptotek XXV: 15—26.
- Roscher, W. H.* 1886-1890. Gorgones und Gorgo // Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie. Herausgegeben von W. H. Roscher 1/2: 1695—1701. Leipzig.
- Schauenburg, K.* 1965. Ein Psykter aus Umkreis des Andokidesmalers // Jahrbuch des Deutschen archäologischen Instituts 80: 76—104.
1970. Zu attisch-schwarzfigurigen Schalen mit Innenfriese // Studien zur griechischen Vasenmalerei (Antike Kunst 7. Beih.): 33—46. Bern.
- Scheffer, Ch.* 1986. Some Further Comments on the Gorgoneion Skyphoi // Skrifter Utgivna av Svenska Institutet i Athen. Opuscula Atheniensia XVI. Acta Instituti Atheniensis Regni Sueciae series in 4 XXXIV: 117—122.
- Six, J.* 1885. De Gorgone. Amsterdam.
- Tončeva, G.* 1967. Matériaux archaïques d'Odessos // Académie Bulgare des sciences. Bulletin de l'Institut d'archéologie XXX: 156—180.
- Ure, A. D.* 1937. (Notice) C. H. E. Haspels. Attic Black-figure Lekythoi // Journal of Hellenic Studies LVII/2: 263—265.

1938. (Note) C. H. E. Haspels. Attic Black-figured Lekythoi // *Journal of Hellenic Studies* LVIII/2: 258—259.
1955. Krokotos and White Heron // *Journal of Hellenic Studies* LXXV/1: 90—103.
1963. Small Vases from Euboean Workshops // *Annual of the British School at Athens* 58: 14—19.
- Ure, P. N. /Ed. 1927. *Sixth and Fifth Century Pottery from Rhitsona*. London: Oxford University Press.
1950. Mykalessos // *Paulys Real-Encyclopädie des klassischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa. Herausgegeben von W. Kroll und K. Mittelhaus. Suppl. VII: 495—510.
- Ziegler, K. 1912. Gorgo // *Paulys Real-Encyclopädie des klassischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa. Herausgegeben von W. Kroll VII, 13: 1630—1655.

GORGONEION SKYPHOS FROM OLBIA

V. I. DENISOVA

In 1987, during the archaeological excavations in the central part of Olbia,¹⁴ fragments of a black-figured skyphos with a gorgoneion (fig. 1) were found together with fragments of other 6th—5th century BC black and plain wares in a pit.¹⁵ Freyer-Schauenburg (1970), who published a group of similar vessels, described them as gorgoneion skyphoi. Having examined twelve skyphoi, both intact and fragmented, from various museum collections, mostly unpublished, Freyer-Schauenburg concluded that ten of them had been decorated by one single painter whose artistic skill was gradually decreasing. Proceeding from this assumption, Freyer-Schauenburg arranged the skyphoi in what she believed to be a chronological sequence. According to her view, seven skyphoi (1970: № 1—6, 8) with a similar type of gorgoneion (fig. 3) were the earliest. The allegedly latest ones were two vessels (1970: № 7, 11). One of them is a specimen from Odessos (Tončeva 1967: 165, fig. 11), with a gorgoneion broadly similar to that painted on the seven specimens mentioned above. A row of tongues in the lower part of the body and a sort of double black-glazed palmette below the handle (decorative elements present on the Odessos skyphos but absent on the remaining seven skyphoi) were mentioned by Freyer-Schauenburg as criteria relevant for distinguishing late gorgoneion skyphoi from those which were allegedly characteristic of the hey-

day of the same painter's artistic career. Its turning point, in her view, was marked by a fragment of a gorgoneion skyphos from the National Museum of Warsaw (1970: № 12) which, in Freyer-Schauenburg's classification, links seven «early» with two «late» gorgoneion skyphoi.

Later, Freyer-Schauenburg supplemented her typochronological series by having published three more gorgoneion skyphoi (1976). In her opinion, two of these are early, and the third one, from Paestum, is late and contemporaneous with the Odessos specimen. However, Freyer-Schauenburg has neglected differences in the decoration of the lower part of these two skyphoi. Specifically, one from Odessos has the row tongues which, according to Freyer-Schauenburg, is a late feature. On the Paestum specimen, this part bears black encircling bands which Freyer-Schauenburg previously believed to be early. Apart from this discrepancy, the skyphos from the National Museum of Warsaw, too, is inconsistent with her classification.

In terms of iconography, the Gorgo masks on these skyphoi are indeed very similar. However, the nature of the differences should have prompted Freyer-Schauenburg to search for an alternative explanation.

Scheffer (1986) was doubtless right that the skyphoi listed by Freyer-Schauenburg was not the work of one single painter, but, rather,

¹⁴ Olbia (Borysthene) is a Milesian colony in the Northern Pontic area. It existed from the 6th BC to the 3rd century AD near the modern village of Parutino, Ochakov district, Nikolaev region, Ukraine. The excavations were conducted by the Olbian Archaeological Expedition from the Institute of Archaeology Leningrad Department (since 1991, IIMK), headed by V. I. Denisova.

¹⁵ The inventory number of the vessel is Ol. 87—253. Its dimensions are as follows: height, 12 cm, diameter of the upper margin, 17,5 cm, diameter of base, 10 cm.

two different hands. Having added four more gorgoneion skyphoi to the series, Scheffer attributed twelve of them (a group she referred to as Paris-Boston-Copenhagen) to one artist (fig. 3 shows one sample of this group). Four skyphoi were said to have been painted by another draftsman and referred to as Kassel group, which consists of a vessel from the Kassel Museum (fig. 4) and similar specimens from Odessos and Paestum. Essentially, Scheffer subdivided Freyer-Schauenburg's series into two independent parts: while her Paris-Boston-Copenhagen group includes skyphoi which Freyer-Schauenburg believed to be the painter's early works, the Kassel group comprises allegedly late works of the same master.

Having convincingly demonstrated that the skyphoi were painted by two artists, Scheffer faced some difficulties when trying to attribute the Warsaw skyphos. As noted above, Freyer-Schauenburg regarded it as intermediate between «early» and «late» works of the same painter. Scheffer joined the Warsaw specimen, which, as far as the gorgoneion is concerned, is similar to both groups, to the Paris-Boston-Copenhagen group and suggested that both painters worked in close contact and were able to share their artistic techniques.

This part of Scheffer's reasoning is unconvincing and needs to be modified. Indeed, an unbiased examination of the gorgoneion on the skyphos from the National Museum of Warsaw (Freyer-Schauenburg 1970: № 12) demonstrates that it was painted by a third painter.

One more artist, the fourth one, had decorated a skyphos from Olbia published in the present article (fig. 1). The peculiarity of his manner is evident when the gorgoneion is compared with those of the Paris-Boston-Copenhagen group (fig. 3) and the Kassel group (fig. 4).

As more and more vessels of this kind are published, new painters will certainly be identified, as evidenced by two gorgoneion skyphoi published by Freyer-Schauenburg (1970: №№ 9, 10). They have not been included in her typo-chronological sequence because of apparent differences in the way in which the gorgoneion is rendered.¹⁶

Freyer-Schauenburg has dated the earliest Gorgo skyphoi of her series to 530 BC, and the latest ones to early last quarter of the 6th century BC (1970: 27). Scheffer, who rejected this classification, accepted all the dates suggested by Freyer-Schauenburg. This part of Freyer-Schauenburg's work, then, requires special attention.

Because in terms of shape, the gorgoneion skyphoi belong to «Ure's class of skyphoi A-1», Freyer-Schauenburg used the date suggested by A. Ure for similar skyphoi from Ritzona (Ure P. N. /Ed. 1927: 58). It should be noted, however, that the evolution of Attic black-figured skyphoi is far from being completely understood. Specifically, the position of the skyphoi of types A-1 and A-2 of Ure's classification, which differ in the shape of the rim, is not clear. The dates of this group suggested by modern authors are largely based on a date which A. Ure and P. Ure proposed for burial 31 of the Ritzona necropolis more than seventy years ago and which appears far too early: 530 BC. This date was used by A. Ure in her classification.

Having accepted 530 BC for burial 31 as a starting point for dating the gorgoneion skyphoi, Freyer-Schauenburg failed to mention that this date had engendered some debate. Haspels, based on vessels found in this burial, dated it to 500—490 BC (Haspels 1937: 108, 110; Haspels 1938: 237). A. Ure and P. Ure, who initially rejected this date without having provided any alternative evidence, more recently based this date themselves (A. Ure 1937: 265; 1963: 18; P. Ure 1950: 500). In the first publication of finds from the necropolis of Ritzona, burial 31 was dated to late 6th century BC (Burrows, Ure 1907-1908: 307). Clearly, the date of the burial established on the basis of the latest vessels found in it is a *terminus ante quem* for other artifacts in the same assemblage.

The date of the skyphos painted by the the Camel Painter (530 BC), to which Freyer-Schauenburg also refers, is somewhat problematic since it was established on the basis of stylistic criteria of the painting. In any event, as regards the gorgoneion skyphoi, this date may only be used as a *terminus post quem*.

Using chronological indicators such as the date of the skyphos painted by the Camel Painter (530 BC) and that of the burial 31 at Ritzona (500—490 BC), one can define the period when A-1 type skyphoi were in use. Notably, there is no reason whatever to suggest that all gorgoneion skyphoi were exactly contemporaneous, although it is beyond doubt that they were made during that period. Let us try and specify their dates.

Although the painting is not of primary importance in this respect, it does provide some clues. The Olbia skyphos published by us bears an representation of a dolphin below the handle (fig. 1). Other specimens with this

¹⁶ Freyer-Schauenburg (1971) has also published a black-figured skyphos from the National Museum of Tarent. Its rim is shaped differently and the gorgoneion, too, is different.

emblem include a bowl with the potter's name, Nikosthenes (Beazley 1956: 231, 8), and bowls of the group Vatican G. 66 (Beazley 1956: 206). A dolphin was a common emblem on bowls of the Leafless group, specifically those made by the Caylus Painter (Beazley 1956: 632 ff.). It is also present on certain skyphoi which, however, differ from the gorgoneion skyphoi in rim shape. They include a skyphos from Castellani which J. Beazley attributed to «Ure's class of skyphoi A2» (Beazley 1971: 91, 11), and two skyphoi, № 172 and 173, from burial 31 of the Ritzona necropolis (Burrows, Ure 1907—08: 276). A. Ure included skyphoi № 172 and 173 in class B of her classification and dated them to ca. 530 BC according to the alleged date of burial 31 (Ure P. N. /Ed. 1927: 59). Information concerning the date of burial 31 was presented above. Haspels attributed these skyphoi to the production of the «White Heron» workshop and dated them to ca. 500 BC (Haspels 1937: 108, 110). Much later, A. Ure published an article in which these two skyphoi were included in the Krokotos group which she again dated on the basis of her much too high date of burial 31. Leaving the latter aside, these examples suggest that black-figured vessels (bowls and skyphoi) with the dolphin emblem date from the period spanning two final decades of the 6th century BC and early 5th century, most of them tending toward the latter date. Interestingly, the

decoration of the interior of the Olbia skyphos (fig. 1) is identical to that of skyphoi № 172 and 173 from burial 31 (Ure P. N. /Ed. 1927: 59): the entire inner surface is black except for a round medaillon in the middle of the bottom and a narrow strip below the rim, both of which had been left unpainted and preserve the natural colour of the clay. The inner surface of the skyphos painted by some draftsman associated with the «White Heron» workshop (Mercklin 1943) and close to the circle of the Theseus Painter (Beazley 1956: 521) is decorated in a similar way, and a winged dolphin is represented below each handle of this vessel.

In our opinion, all these parallels suggest that the gorgoneion skyphos from Olbia dates from the last decade of the 6th century. The artistic colourful manner in which the gorgoneion is represented and a careless bold drawing is fully consistent with this date.

We conclude that the dates of gorgoneion skyphoi suggested by Freyer-Schauenburg are too high. The iconographic and stylistic characteristics of the Olbia skyphos, of the Paris-Boston-Copenhagen group, and of the specimen from the National Museum of Warsaw are so close that all these vessels may be regarded as the production of a single workshop, that of the Athenian Kerameikos, with which several painters were associated. The origin of skyphoi of the Kassel group is problematic. Possibly they were made outside Athens.

СОСУДЫ В ФОРМЕ РОГА ИЗ КУРГАНА КУЛЬ-ОБА

Е. В. ВЛАСОВА*

В 1830 г. в окрестностях города Керчи был открыт курган Куль-Оба, который сразу стал знаменит благодаря сделанным там уникальным находкам. Обилие найденных в кургане золотых вещей затмило и несколько отодвинуло на второй план другие обнаруженные там предметы, такие как, например, два серебряных сосуда в форме рога. Согласно отчету П. Дюбрюкса, руководившего раскопками, эти сосуды лежали в стоявшем у западной стены склепа серебряном позолоченном тазу вместе с круглодонным сосудом и чашей (Древности Боспора Киммерийского 1854: XVIII—XIX).

Один из сосудов представляет собой небольшой рог для питья с наконечником в виде полуфигуры лежащего барана с подогнутыми ногами (рис. 1; Гос. Эрмитаж, инв. № К-О. 104; Древности Боспора Киммерийского 1854: табл. XXXVI, рис. 4; Minns 1913: fig. 90; Hoffmann¹ 1961: pl. 11, fig. 10; Culican 1965: fig. 55; Артамонов 1966: табл. 250; Античное художественное серебро 1985: 22, № 14; Маразов 1978: 54—55, рис. 48). Его высота 12,3 см. Край сосуда слегка отогнут наружу. Тулово, изогнутое почти под прямым углом, покрыто горизонтальными каннелюрами. Наконечник спаян из двух частей. Рога и ныне утраченные уши были сделаны отдельно, вставлены в отверстия на голове и припаяны. Шерсть животного обозначена врезанными кружками с точкой внутри, нанесенными чеканом. Исследования в Лаборатории научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа показали, что вся внешняя поверхность сосуда была позолочена химическим путем, то есть с помощью ртутной амальгамы. К настоящему моменту позолота утрачена.

Во всех предшествующих публикациях сосуд неправильно назван ритонем. Очевидно, это связано с тем, что пробоины на ноздре и колене барана могли принять за сливные отверстия, которых на самом деле нет. Эти пробоины слишком малы, чтобы быть сливными отверстиями. Кроме того,

сливное отверстие обычно размещалось в пасти или на груди животного строго по середине (по центральной оси сосуда). Если было 2 сливных отверстия, то они располагались бы строго симметрично.

Существуют различные точки зрения относительно времени и места изготовления сосуда. Его датируют первой половиной V в. до н. э. (Culican 1965: 248-249, № 55), концом V в. до н. э. (Svoboda 1956: 56), началом IV в. до н. э. (Hoffmann 1961: 24), первой половиной IV в. до н. э. (Античное художественное серебро 1985: 22, № 14), 370-ми гг. до н. э. (Маразов 1978: 55) и относят к работам переднеазиатских (Minns 1913: 197; Svoboda 1956: 56), ахеменидских (Culican 1965: 248, № 55), скифских (Piotrovsky, Galanina, Grach 1986: № 211), греческих (Hoffmann 1961: 24; Маразов 1978: 55) мастеров.

Что касается конструктивных особенностей и пропорций кульобского рога, то его создатель, очевидно, использовал в качестве образца ахеменидские рога-ритоны небольшого размера с крупными наконечниками в виде полуфигуры лежащего животного с подогнутыми ногами, такие, как, например, серебряный ритон с наконечником в виде полуфигуры быка из музея Цинциннати (Culican 1965: 249, № 56; Маразов 1978: 52, 54, рис. 47), серебряный ритон с наконечником в виде полуфигуры козла из коллекции Н. Шиммеля, хранящейся в музее Метрополитен (Muscarella 1992: 16; Маразов 1978: 55, рис. 49), серебряный ритон с наконечником в виде полуфигуры лани из Лувра (Аракелян 1976: 41, табл. LIV). Близок кульобскому рогу по конструкции и пропорциям также серебряный с позолотой ритон с наконечником в виде полуфигуры быка, найденный в Болгарии (Маразов 1978: 50—55, рис. 42,43), который считают подражанием ахеменидским ритонам и датируют временем около 370 г. до н. э.

Относительно датировки выше упомянутых ахеменидских ритонов нет единого мнения. Ритон из музея Цинциннати датируют

* Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж. Отдел истории античного мира.

¹ Х. Хоффманн и В. Куликан ошибочно считают, что данный сосуд найден в Семибратних курганах.

VI—V вв. до н. э. (Culican 1965: 248—249, № 56) или началом V в. до н. э. (Маразов 1978: 54), а ритон из коллекции Н. Шиммеля — первой половиной V в. до н. э. (Muscarella 1992: 16), V—IV вв. до н. э. (Маразов 1978: 55). Точной датировки нет и у ритона из Лувра (Svoboda 1956: 48, 107; Аракелян 1976: 41). Такой разброс в датах, вероятно, связан с консервативностью ахеменидского искусства.

Хотя наконечник в виде полуфигуры барана с подогнутыми ногами создан под влиянием иранских образцов, голова животного трактована в реалистической манере, без стилизации. Подобным образом трактованы головы баранов у аттических краснофигурных рогов для питья V в. до н. э. (Hoffmann 1962: pl. II, fig. 1; pl. XIV, fig. 2; pl. XXIV, fig. 4).

Отсутствие прямых аналогий не позволяет установить точное время изготовления кульобского сосуда. По-видимому, рог следует датировать V — первой четвертью IV вв. до н. э., отдавая предпочтение V в. до н. э. Местом же изготовления сосуда могла быть и Греция, и Малая Азия, и Северное Причерноморье.

Второй сосуд из кургана Куль-Оба (рис. 2е; Государственный Эрмитаж, инв. № К-О. 105; Древности Боспора Киммерийского 1854: табл. XXXVI, рис. 5; Артамонов 1966: табл. 251; *From the lands of Scythians* 1975: pl. 17, № 79) также является не ритоном, а рогом для питья. Его высота 12,8 см, длина 29 см. В отличие от выше рассмотренного сосуда, он имеет другие пропорции и конструкцию. Его конусовидное гладкое тулово со слегка отогнутым наружу краем резко изогнуто (почти под прямым углом). Оно состоит из двух частей, на стыке которых напаяны узкое гладкое кольцо, а поверх него — кольцо рубчатой проволоки. На нижнюю часть сосуда, длинную и узкую, надета золотая втулка с маленьким наконечником в виде головки льва с оскаленной пастью. Головка спаяна из двух половин. Она трактована довольно схематично, небрежно, без акцентирования деталей. Четыре кольца двойной плетеной проволоки делят втулку на три части; на двух из них напаян орнамент из спиралей в виде латинской буквы S. Часть орнамента утраче-

на, сохранившаяся часть — потерта; очевидно, сосудом интенсивно пользовались.

Аналогичные данному рогу по конструкции, пропорциям, размеру и стилю серебряные сосуды с маленьким наконечником в виде головки животного были найдены и в других курганах второй половины IV в. до н. э.:

— в женском погребении Мордвиновского кургана № 1; наконечник сосуда не сохранился (рис. 2а; Макаренко 1916: 272; Ростовцев 1925: 423; Лесков 1981: 154—158);

— в Мастюгинском кургане № 29/21; наконечник не сохранился (рис. 2б; Либеров 1965: 28, табл. 30, № 5; Манцевич 1973: 23, рис. 4, № 3; Пузикова 1995: рис. 27);

— в детском погребении кургана Толстая Могила (рис. 2г; Мозолевский 1979: 142, 144, рис. 127, № 2; Ильинская, Тереножкин 1983: 144). Рог с наконечником в виде головы льва. Втулка и наконечник золотые. Орнаментация втулки близка орнаменту на втулке кульобского рога. К настоящему времени тулово сосуда из-за плохой сохранности распалось, сохранился только наконечник;

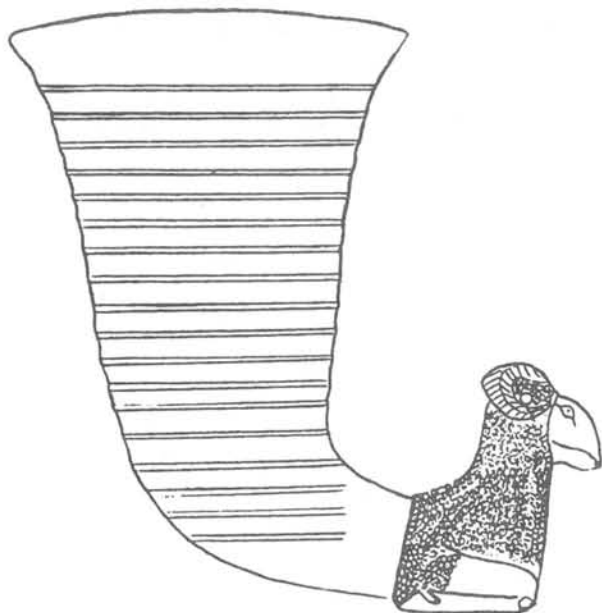
— в кургане Соболева могила. Рог с наконечником в виде головы барана. В верхней части сосуда фриз с изображением сцен терзания; фриз позолочен (рис. 2д; *Koczownicy Ukrainy* 1996: № 28-3);

— в кургане № 1 у села Дуровка. Рог с наконечником в виде головы барана. В верхней части сосуда золоченый растительный орнамент в виде лаврового венка, в месте соединения двух частей тулова — полоса из ов (рис. 2в; Пузикова 1966: 83, 88—89, рис. 30; Пузикова 1995: 10, рис. 27).

Все перечисленные сосуды найдены в курганах второй половины IV в. до н. э. Курган Толстая Могила датируют 350—320 гг. до н. э. (Мозолевский 1979: 229; Алексеев 1992: 150—151, 156—157), Куль-Обу, Мордвиновский курган — 340—320 гг. до н. э. (Алексеев 1992: 156—157); этим же временем следует датировать Мастюгинский курган (Манцевич 1973: 41). Курганы Дуровский² и Соболева Могила³, вероятно, сооружены несколько позже. Вещевые комплексы этих памятников имеют аналогии в Александропольском кургане, который датируют

² А. И. Пузикова датирует курган V — началом IV вв. до н. э. на основании найденной в кургане амфоры неизвестного происхождения (Пузикова 1966: 83, 89), хотя остальные вещи из кургана явно относятся к более позднему времени; особенно показательны конский набор и золотые бляшки, аналогичные бляшкам из Александропольского кургана (Пузикова 1966: рис. 29, рис. 31 № 17, 18; Пузикова 1995: рис. 26).

³ Полной публикации результатов исследования Соболевой Могилы нет, но отдельные предметы из этого кургана, опубликованные в каталогах выставок (*Koczownicy Ukrainy* 1996: № 27; *Tesori delle Steppe* 1995: 195—197, № 56—66), свидетельствуют о его хронологической близости Александропольскому кургану.

последней третью IV в. до н. э. (Алексеев 1992: 154, 156—157).

Основываясь на датировках курганов, можно прийти к заключению, что найденные в них сосуды были изготовлены в течение небольшого временного периода. Возможно, сосуды из Соболевой Могилы и Дуровки были сделаны несколько позже, чем остальные. Примечательно, что у рогов именно из этих двух курганов орнаментирована верхняя часть тулова.

Местом изготовления этой группы из 6 сосудов следует, на наш взгляд, считать Северное Причерноморье. Но существуют и другие мнения. Так, А. И. Пузикова считает сосуд из Дуровки греческим (Пузикова 1966: 88; 1995: 6), а А. И. Мелюкова сосуд из Мастюгинского кургана — фракийским (Мелюкова 1989: 113), хотя для этого нет никаких оснований. Отсутствие находок аналогичных сосудов в других регионах и тот факт, что все 6 экземпляров найдены в скифских курганах, как нам кажется, свиде-

Рис. 1 Рог с наконечником в виде барана. Курган Куль-Оба.

Fig. 1 Horn with a tip shaped like a ram. Kul-Oba.

Рис. 2 Рога для питья одного типа: а — из Мордвиновского кургана № 1; б — из Мастюгинского кургана № 29/21; в — из кургана № 1 у с. Дуровка; г — из кургана Толстая Могила; д — из кургана Соболева Могила; е — из кургана Куль-Оба. Каменные изваяния, на которых изображены рога для питья этого типа: ж — из с. Буторы в Молдавии (Ольховский, Евдокимов 1994: № 4); з — из Кривого Рога (Ольховский, Евдокимов 1994: № 63).

Fig. 2 Drinking horns of the same type: а — Mordvinov, mound № 1; б — Mastyugino, mound № 29/21; в — Durovka, mound № 1; г — Tolstaya Mogila; д — Soboлева Mogila; е — Kul-Oba. Stone sculptures representing horns of this type: ж — Butory, Moldavia (Ol'hovskiy and Evdokimov 1994: № 4); з — Krivoy Rog (Ol'hovskiy and Evdokimov 1994: № 63).

тельствует именно в пользу Северного Причерноморья.

В заключение отметим, что рога для питья изображены на половине всех скифских изваяний V—IV вв. до н. э. По-види-

мому, и изваяния, на которых изображены рога для питья этого типа (рис. 2 ж, з; Ольховский, Евдокимов 1994: № 4, 63), также следует датировать второй половиной IV в. до н. э.

- Алексеев, А. Ю.* 1992. Скифская хроника. Санкт-Петербург.
- Античное.* 1985. Античное художественное серебро. Каталог выставки. Ленинград: Государственный Эрмитаж.
- Аракелян, Б. Н.* 1976. Очерки по истории искусства древней Армении (VI—III вв. до н. э.). Ереван.
- Артамонов, М. И.* 1966. Сокровища скифских курганов. Прага-Ленинград: Артия.
- Древности.* 1854. Древности Боспора Киммерийского. Санкт-Петербург.
- Ильинская, В. А., А. А. Тереножкин.* 1983. Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев: Наукова думка.
- Лесков, А. М.* 1981. Курганы: проблемы, находки. Ленинград: Наука.
- Либеров, П. Д.* 1965. Памятники скифского времени на среднем Дону // Свод археологических источников Д 1 — 311. Москва: Наука.
- Макаренко, Н. Е.* 1916. Первый Мордвиновский курган // Гермес 12: 267—272. Петроград.
- Манцевич, А. П.* 1973. Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа 15 // Археологический сборник Государственного Эрмитажа: 12—46. Ленинград.
- Маразов, И.* 1978. Ритоните в древна Тракия. София: Български художник.
- Мелюкова, А. И.* 1989. Деревянная и металлическая посуда // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР: 110—113. Москва: Наука.
- Мозолевский, Б. М.* 1979. Товста Могила. Київ: Наукова думка.
- Ольховский, В. С., Г. Л. Евдокимов.* 1994. Скифские изваяния VII—III вв. до н. э. Москва.

- Пузикова, А. И.* 1966. Новые курганы скифского времени в Белгородской области // Краткие сообщения института археологии АН СССР 107: 80—91. Москва: Наука.
1995. Скифы среднего Дона (Белгородская и Воронежская области). Москва: Практик-А.
- Постовцев, М. И.* 1925. Скифия и Боспор. Ленинград.
- Culican, W.* 1965. The Medes and Persians. London: Thames and Hudson.
- From the Lands of the Scythians.* 1975. From the Lands of the Scythians. Ancient treasures from the museums of the USSR 3000 B. C.—100 B. C. Catalogue. New York.
- Hoffmann, H.* 1961. The Persian origin of Attic rhyta // Antike Kunst 1: 21—26.
1962. Attic red-figured rhyta. Mainz: Verlag Philipp von Zabern.
- Koczownicy Ukrainy.* 1996. Katalog wystawy. Katowice: Stapis.
- Muscarella, O. W.* 1992. Rhyton Terminating in the Forepart of a Ram // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. Spring: 16.
- Minns, E. H.* 1913. Scythians and Greeks. Cambridge.
- Piotrovsky, B. B., L. K. Galanina, N. L. Grach.* 1986. Scythian Art. Leningrad: Avrora.
- Svoboda, B.* 1956. Zur Geschichte des Rhytons // Neue Denkmäler Antiker Toreutik: 7—113. Praha: Nakladatelstvn Ieskoslovenské Akademie Vmd.
- Tesori delle Steppe.* 1995. Cimмери, Sciti, Sarmati, Unni, Avari e Cazari. Catalogo della mostra. Milano: La Rinascente.

HORN-SHAPED VESSELS FROM KUL-OBA

E. V. VLASOVA

Finds from the Kul-Oba mound excavated in 1830 include two silver vessels shaped like horns. According to a report made by Paul Dubruc, who conducted the excavations, these vessels, together with a round-based vessel and a bowl, lay in a silver gilded basin that stood at the western wall of the vault (Древности 1854: XVIII—XIX).

One of the vessels is a small drinking horn with a tip shaped like a protome of a lying ram with bent legs (fig. 1). Its height is 12,3 cm. The rim of the vessel is slightly

everted. Its body, curved at an almost right angle, is decorated with horizontal cannelures. The tip is made of two pieces welded together. Horns and ears (now lost) were made separately, inserted in holes pierced in the head, and soldered. The wool is denoted by punched circles with dots inside. As the results of an examination carried out at the Hermitage Technological Laboratory indicate, the entire outer surface of the vessel was chemically gilded using mercury amalgam, which has not been preserved.

In all publications, the vessel is erroneously described as a rhyton. This is possibly due to the fact that holes in the ram's nostril and knee may be taken for spouts. Actually, this is a drinking horn. Its date and origin are a matter of debate, and widely divergent views have been expressed.

Concerning the construction and proportions of the horn, its likely prototypes were small silver Achaemenid horn-rhytons with large tips shaped like protomes of lying animals with bent legs, such a rhyton with a tip modelled like a bull's protome from the Cincinnati Museum, one with a tip shaped like a goat's protome from Schimmel's collection, and one with a tip shaped like a fallow deer's protome from Louvre. Another parallel to the Kul-Oba specimen is a silver gilded rhyton with a tip modelled like a bull's protome, found at Borovo, Bulgaria (it is believed to be a replica of Achaemenid rhytons and dated to ca. 370 BC).

In contrast to Achaemenid rhytons, the ram's head on the Kul-Oba specimen is realistic and lacks stylization, attesting to the influence of Greek art. The rams' heads on 5th century BC Attic red-figured drinking horns are modelled in a similar manner (Hoffmann 1962: pl. II, fig. 1; pl. XIV, fig. 2; pl. XXIV, fig. 4).

Absence of direct parallels precludes the assessment of the exact date or source of the Kul-Oba horn. Apparently, it was made in the 5th or the 1st quarter of the 4th century BC, the latter date being more likely. It could have been manufactured either in Greece or in Asia Minor or in the northern Pontic area.

The second vessel from Kul-Oba (fig. 2-e), too, is a drinking horn rather than a rhyton. Its height is 12,8 cm, and its length is 29 cm. Its cone-shaped smooth body with a gently everted rim is sharply curved at an almost straight angle. It consists of two parts, their junction being covered with a narrow smooth hoop with a ribbed wire soldered on it. The long and narrow bottom bears a golden tip modelled like a lion's head with bared teeth. The head is made of two halves soldered together. The manner is rather careless and sche-

matic and the details are not elaborated. Four hoops made of double plaited wire divide the tip into three parts, two of which are decorated with S-shaped spirals soldered onto them.

Silver horns very similar to this one in terms of construction, proportions, size, and style, and bearing tips shaped like animals' heads were found in other late 4th century BC burials, such as the female burial in Mordvinov № 1 (fig. 2-a), Mastyugin № 29/21 (fig. 2-б), a child's burial at Tolstaya Mogila (fig. 2-г), Soboleva Mogila (fig. 2-д), and at Durovka № 1 (fig. 2-в). The tips of vessels from Mordvinov and Mastyugin have not been preserved, the vessel from Tolstaya Mogila has a tip shaped like a lion's head, and those from Durovka and Soboleva Mogila have tips modelled like rams' heads.

All these vessels were found in late 4th century BC mounds. Tolstaya Mogila dates from 350—320 BC (Мозолевский 1979: 229; Алексеев 1992: 150—151, 156—157), Kul-Oba, Mordvinov, and Mastyugin from 340—320 BC (Алексеев 1992: 156-157; Манцевич 1973: 41). Durovka and Soboleva Mogila are contemporaneous with Alexandropol, which has been dated to the last quarter of the 4th century BC (Алексеев 1992: 154, 156—157).

Given these dates, it may be concluded that the vessels were manufactured during a relatively short time span. Those from Soboleva Mogila and Durovka could have been made somewhat later than the other ones. Notably is that these vessels share a common feature which sets them apart from others: the upper parts of their bodies are ornamented.

In our view, all the six vessels were made in the northern Pontic area. Indeed, all of them were found in Scythian mounds, and no parallels are known elsewhere.

Drinking horns are depicted in a half of all the known 5th—4th century BC Scythian stone sculptures. Apparently those sculptures on which vessels of this type are represented (fig. 2-ж,з) should also be dated to the second half of the 4th century BC.

СТАРОБЕЛЬСКИЙ КЛАД

В. И. МОРДВИНЦЕВА*

Со времени открытия известного Старобельского клада прошло более ста лет. В полном составе клад был издан А. А. Спицыным в 1909 г. без какой-либо его интерпретации (Спицын 1909: 27-28, рис. 58—69), но отдельные вещи из него публиковались ранее (Отчет 1892: 95, рис. 57). Интерес к ним не ослабевал и в дальнейшем (Тревер 1940: 51—57, табл. 7—10; Fettich 1953: 141—144). Отсутствие полного анализа всех предметов Старобельского клада явилось причиной новой публикации этой замечательной находки.¹

Клад был найден в районе г. Старобельска Харьковской области в 1892 г. на дне балки. Вещи обнаружены «в вершине оврага, на дне кручи, образовавшейся от обвалов земли» (Спицын 1909: 27).

В состав клада входят 5 крупных фаларов и множество мелких бляшек различных типов.

Фалар № S-231² (рис. 1—2). Диаметр 15,5 см, высота 8,8 см. В центре фалара изображена розетка, состоящая из восьми лепестков водяной лилии двух видов. Внутри одного прочерчены зигзагообразные линии. Второй разделен валиком на два сектора, каждый из которых делит пополам прочерченная линия. От нее отходят тонкие штрихи «елочкой». В центре розетки расположена выпуклость с точкой в центре. Вокруг розетки проходит валик с косыми насечками. Такой же валик отделяет основной орнаментальный пояс от бортика. Оба валика обведены резцом.

Между двумя валиками по бокам фалара изображены две пары животных: львица и бык, лев и кабан. Животные имеют массивные тела и короткие лапы. Шерсть показана короткими вертикальными насечками. Грива льва и щетина кабана переданы в виде прядей.

Бортик фалара украшен полосой «бегущей волны». Образованные ею внешние треугольники заштрихованы прямыми горизонтальными черточками. По самому краю бортика нанесена вертикальная штриховка.

Розетка, животные и бортик фалара позолочены. В бортике пробиты четыре отверстия, в которых сохранились серебряные заклепки луковичной формы. С их помощью к фалару присоединялись железные скобы для крепления к сбруе, видимо, расположенные крест-накрест, судя по обнаруженным на обороте остаткам. Такая же система крепления обнаружена у других полусферических фаларов. Фалар помят, бортик погнут.

Фалар № S-234 (рис. 3). Диаметр 15,5 см, высота 8,6 см. В центре находится выпуклость с точкой, обведенная резцом. Вокруг нее расположены четыре небольших лепестка водяной лилии, от которых отходят шесть чередующихся пар листьев лотоса и аканфа. Центральная розетка окружена валиком с косыми насечками. В средней части фалара изображен венок из листьев лавра. Промежутки между листьями заполнены вертикальными штрихами, расположенными горизонтальными рядами. По бортику проходит ряд «бегущей волны», завитки которой закручены поочередно вверх и вниз. Розетка, венок и бортик позолочены. Фалар сильно деформирован, сохранилась только его половина.

Парные фалары №№ S-232, S-233 (рис. 4) незначительно различаются размерами. Диаметр первого 16,1 см, высота 8,5 см. Диаметр второго 15,6 см, высота 8 см. В центре — выпуклость с прочерченной шестилепестковой розеткой, от которой отходят листья трапециевидной формы с закругленными углами. Внутри них изображены узкие остроконечные лепестки лотоса, показанные с помощью тонкого валика с косыми насечками (имитация «веревочки»). Центральная часть обнесена широким валиком с косыми насечками, к которому примыкают 6 листьев лотоса, чередующиеся с 6 треугольниками, вершинами вниз. Пржилки листьев показаны валиком с прямыми насечками. По бортику изображена «бегущая волна», внешние треугольники которой заполнены вертикальной штриховкой горизонтальными рядами. Розетка, длинные узкие листья лотоса и бортик позолочены.

* Россия. 400062. Волгоград. 2-ая Продольная, 30. Волгоградский государственный университет.

¹ Я приношу глубокую благодарность Е. В. Зеймалю и Т. И. Зеймаль, предоставившим мне возможность ознакомиться с этими материалами.

² Здесь и далее даются номера фаларов в хранении отдела Востока Государственного Эрмитажа.

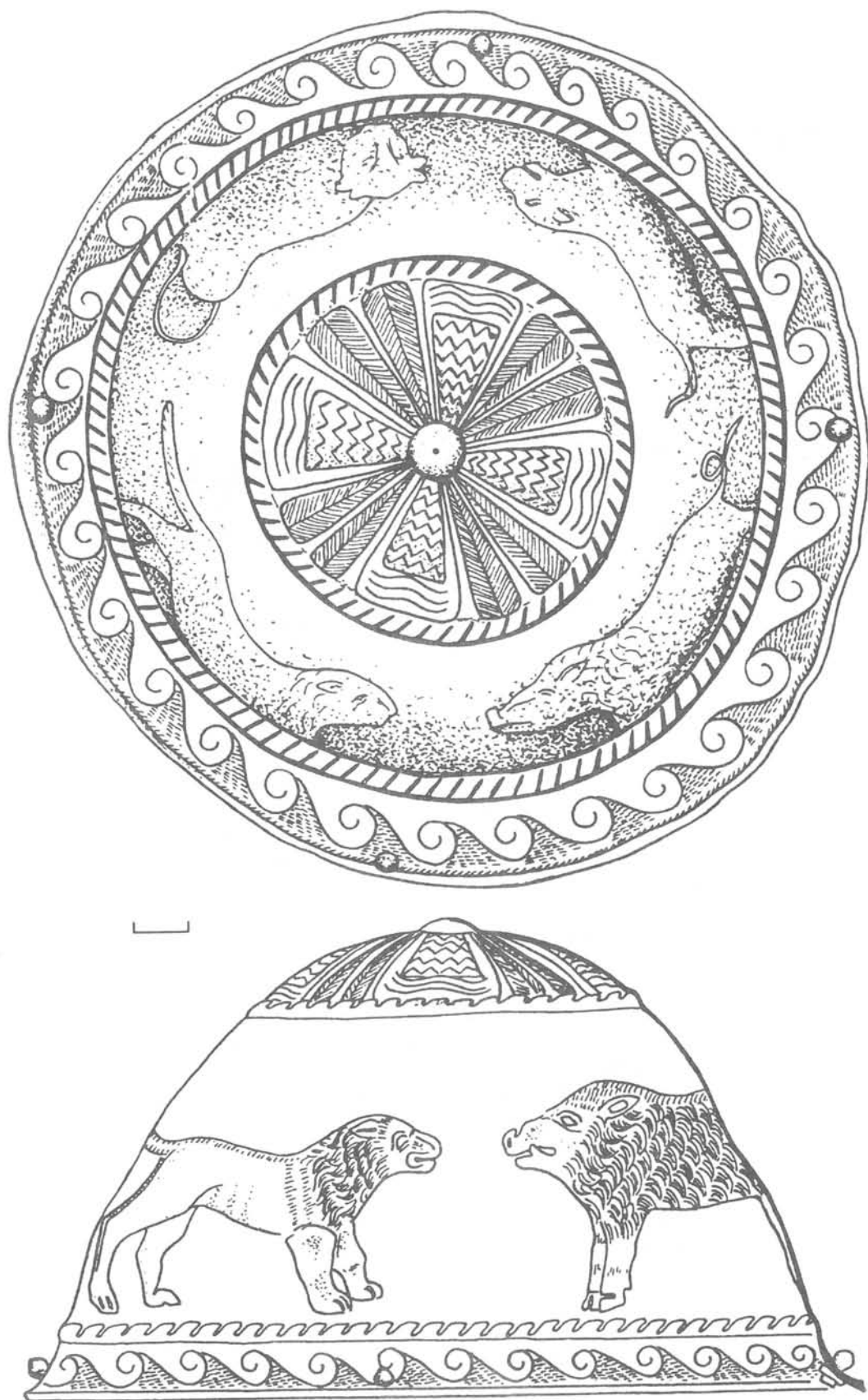

Рис. 1 Фалар № S-231. Вид сверху и в профиль.

Fig. 1 Phalera № S-231. View from above and profile view.

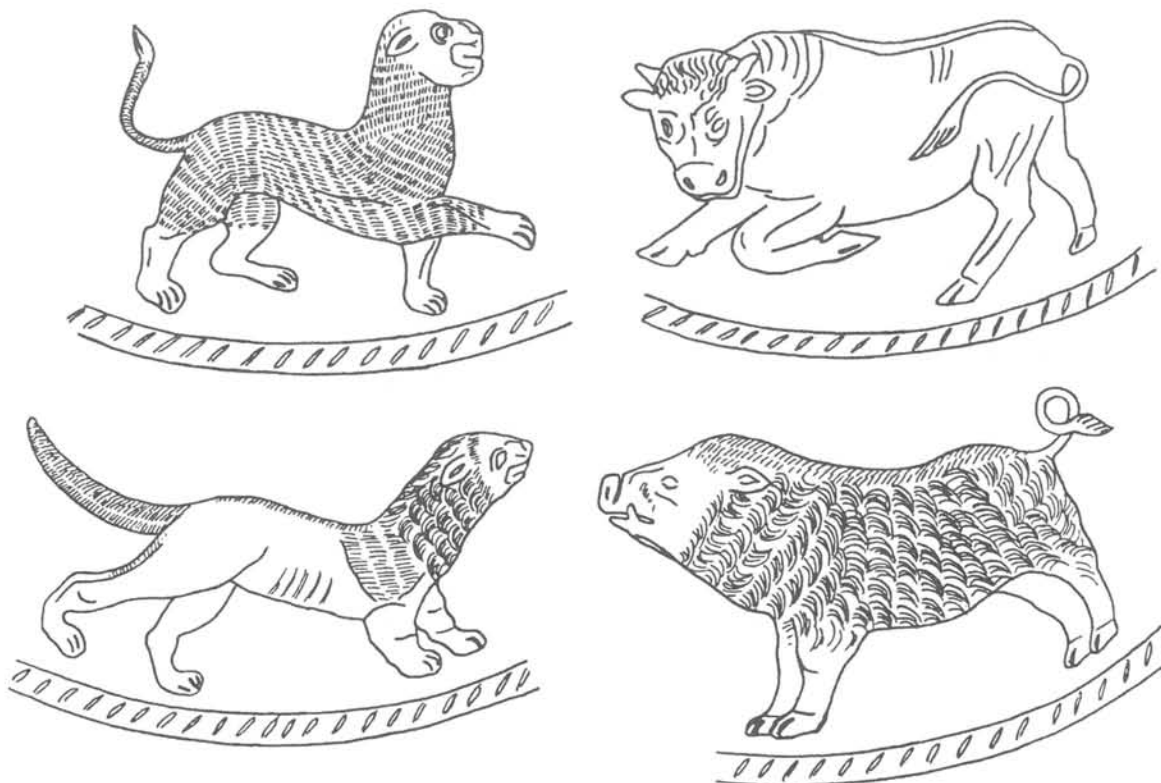

Рис. 2 Фалар № S-231. Прорисовка животных.

Fig. 2 Phalera № S-231. Contours of animals.

Бляхи немного позолочены, бортик отогнут вниз.

Фалар № S-235 (рис. 5: 1). Диаметр 13,73 см, высота 1,5 см. В центре изображена сложная розетка, состоящая из трех орнаментальных зон. В самом центре имеется шестилепестковая розетка с точкой посередине, выполненная резцом. Вокруг нее располагается розетка из шести листьев лотоса, центральные прожилки которых показаны двумя прочерченными линиями и рядом кружков, нанесенным пунсоном-трубочкой. Пространство между ними занято шестью расширяющимися кверху листьями аканфа, прожилки которых также украшены кружочками. Розетка окружена валиком с прямыми насечками. По бортику фалара проходит ряд «бегущей волны», нанесенной резцом. Розетка, венки и бортик позолочены. Центральная часть пробита в четырех местах заклепками с крупными шляпками полусферической формы с уплощенной верхушкой, диаметром 1,1 см.

Все описанные выше фалары выкованы из довольно толстого серебряного листа. Высокий рельеф выполнен в технике выколотки. Край фаларов утолщен, и в результате проковки его профиль получил вид треугольника.

№№ S-239, S-240 (рис. 5: 4), S-242 (рис. 5: 3). Перечисленные бляшки сходны по технике исполнения и декору и различаются только формой. Две первые бляшки имеют прямоугольную форму, размеры 4,7 × 2,8 см, высота 1 см. Круглая бляшка имеет диаметр 4,13 см, высоту 1,1 см. Выпуклая часть бляшек покрыта «жемчужным орнаментом», выбитым изнутри с помощью круглого пунсона, диаметром 1 мм. Этим же пунсоном, но снаружи, набиты точки, окружающие центральную выпуклость. По краю схематично изображена «бегущая волна». Этот орнамент сделан следующим образом: пунсоном-трубочкой были нанесены кружочки на равном расстоянии друг от друга. Затем между ними резцом были проведены соединительные линии. В бортике пробито по два отверстия с остатками серебряных гвоздей, с помощью которых крепилась железная скоба. Все бляшки сделаны из серебряного листа толщиной 1 мм. Они полностью вызолочены холодным способом, позолота отслаивается.

№ S-245 (рис. 5: 2). Круглые серебряные бляшки, 81 экземпляр. Диаметр 3,8 см, высота 0,25 см. Толщина листа 0,3 мм. Бляшки имеют выпуклый рант, центральная часть выпуклая. Они выполнены в технике тиснения по твердой модели. В средней

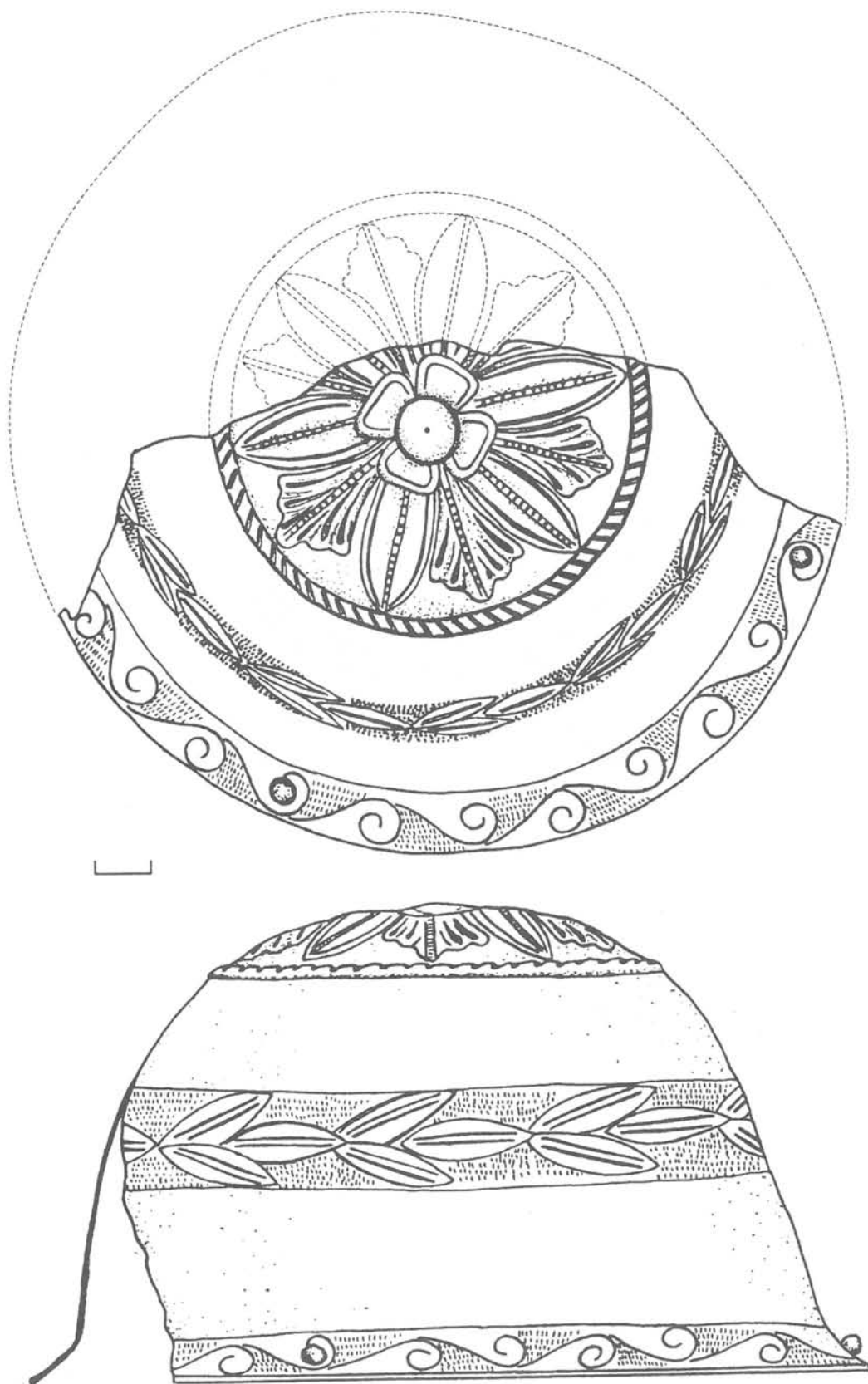

Рис. 3 Фалар № S-234. Вид сверху и в профиль.

Fig. 3 Phalera № S-234. View from above and profile view.

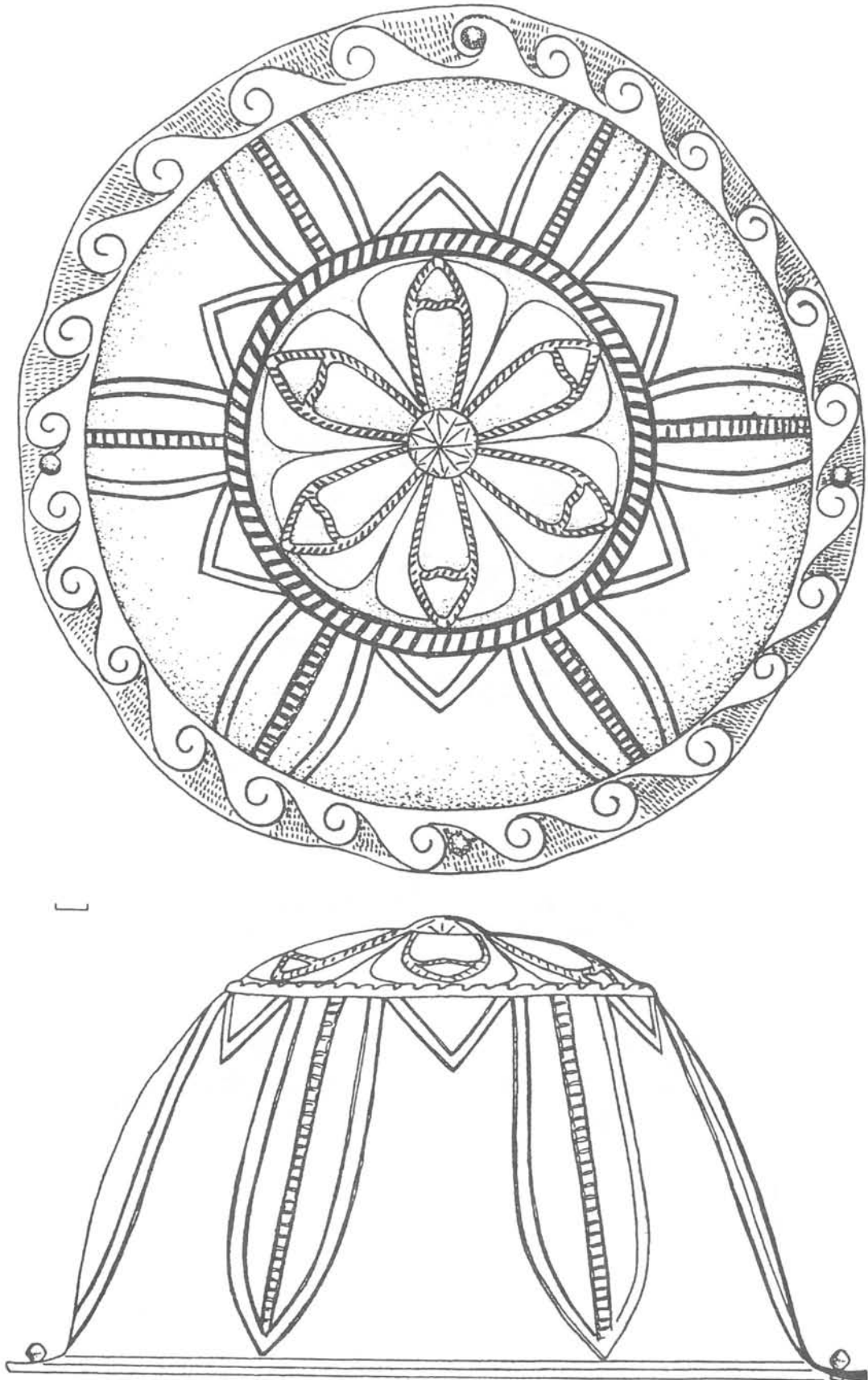

Рис. 4 Фалар № S-232, S-233. Вид сверху и в профиль.

Fig. 4 Phalera № S-232, S-233. View from above and profile view.

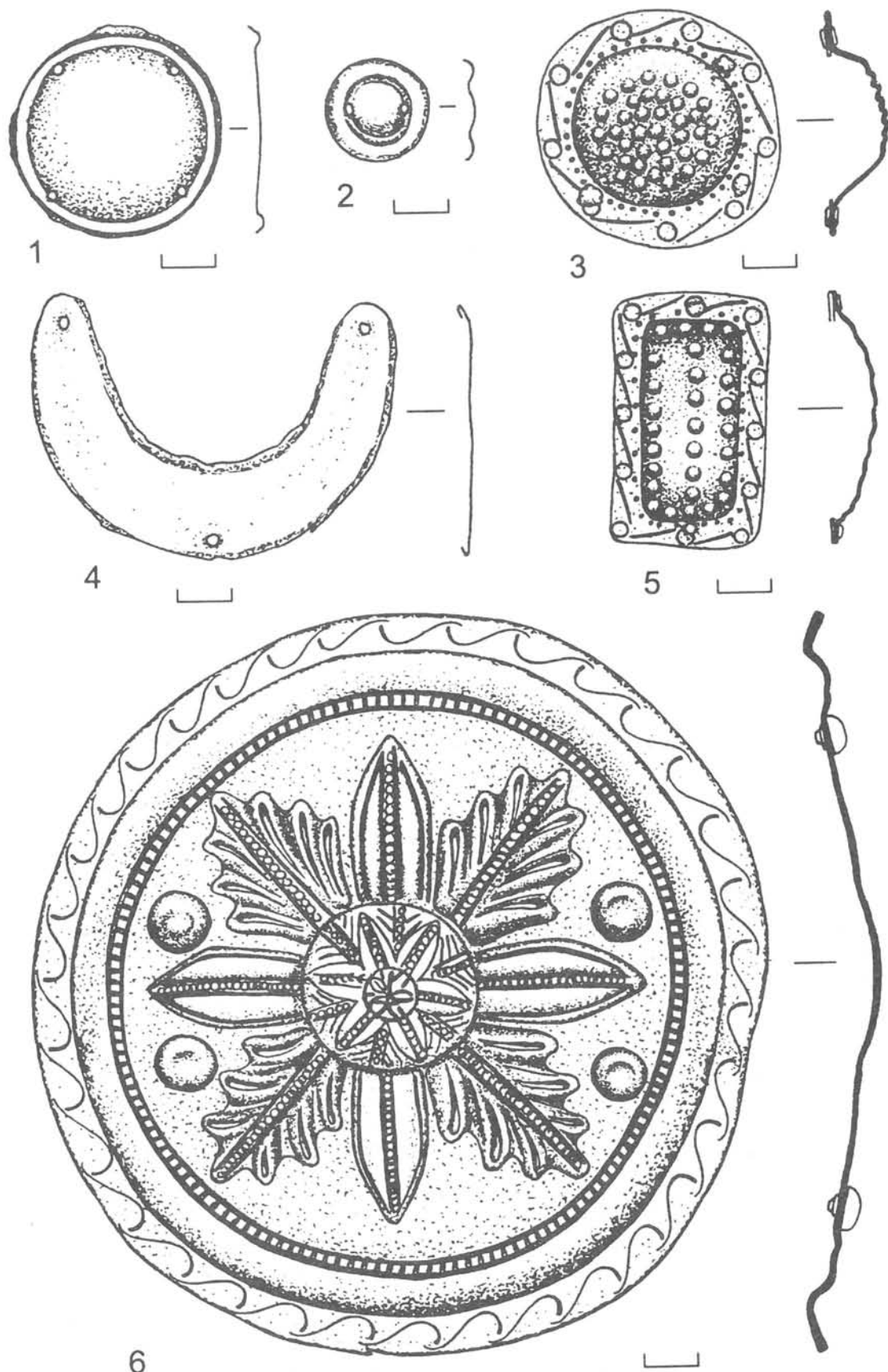

Рис. 5 1 — бляшки № S-244; 2 — бляшки № S-245; 3 — Фалар № S-242; 4 — бляшки № S-238; 5 — Фалар № S-239, № 240; 6 — Фалар № S-235.

Fig. 5 1 — plaques № S-244; 2 — plaques № S-245; 3 — phalera № S-242; 4 — plaques № S-238; 5 — phalera № S-239, S-240; 6 — phalera № S-235.

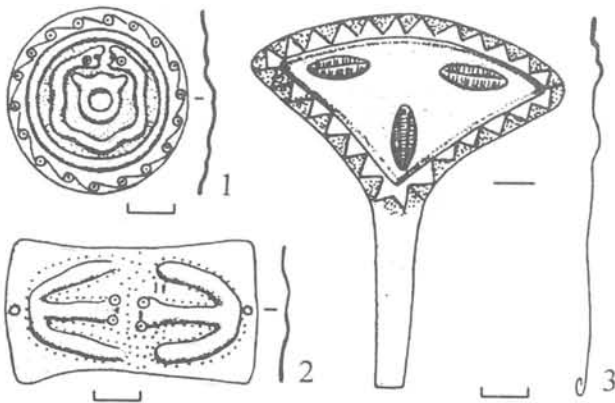

Рис. 6 1 — фалар № S-243; 2 — бляха № S-241; 3 — бляха № S-236

Fig. 6 1 — phalera № S-243; 2 — plaque № S-241; 3 — plaque № S-236.

части их имеются два отверстия для пришивания или прибивания к основе.

№ S-244 (рис. 5: 5). Круглые серебряные позолоченные бляшки, 93 экземпляра. Диаметр 3,8 см, высота 0,25 см. Толщина листа 0,3 мм. По краю имеется выпуклый рант, центральная часть плоская. Бляшки выполнены в технике тиснения. С обратной стороны обнаружены следы белой пасты белого цвета. По краям пробиты четыре отверстия для пришивания или прибивания.

№ S-238 (рис. 5: 6). Серебряные позолоченные бляшки в форме полумесяца, 9 экземпляров. Размеры 6,6 × 4,7 см, высота 0,15 см. Толщина листа 0,3 мм. Край загнут на обратную сторону, где зафиксированы следы медных окислов. Видимо, декоративная часть крепилась краями за бронзовую основу. По краям полумесяцев пробиты три отверстия. Позолота отслаивается.

№ S-243 (рис. 6: 1). Круглые серебряные позолоченные бляшки, шесть экземпляров. Диаметр 3,9 см, высота 0,35 см. Толщина листа 0,5 мм. В центре оттиснуто рельефное изображение свернувшейся в круг змеи с двумя головами, повернутыми навстречу друг другу. Глаза змеи показаны кружочками, выполненными с помощью пунсона-трубочки. В центре каждого кружка выбита точка. По бортику проходит стилизованная «бегущая волна» в виде кружков, соединенных прочерченными линиями. Позолота нанесена холодным способом. Какие-либо следы крепления бляшек отсутствуют.

№ S-241 (рис. 6: 2). Серебряная прямоугольная бляха с выпуклым изображением протом двух зверей, обращенных навстречу друг другу. Контуры обведены точечными наколами. Размеры бляхи 5,4 × 3,1 см, толщина листа 0,3 мм. По краям пробиты два отверстия для пришивания или прибивания.

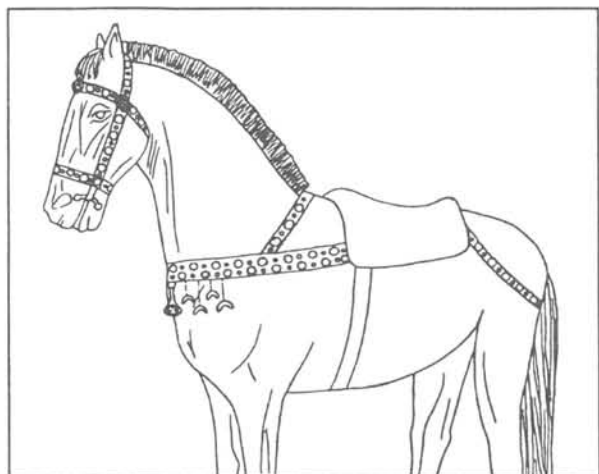
№ S-236 (рис. 6: 3). Серебряная позолоченная бляха. Длина 8,2 см, толщина листа в широкой части 0,5 мм, в узкой — 0,1 мм. Узкий край завернут на обратную сторону, образуя петлю. По бортику широкой треугольной части проходит зигзагообразный орнамент, внешние треугольники которого беспорядочно заполнены точками. Во внутреннем поле широкой части расположены три овальные выпуклости, видимо, имитирующие листья. Край и выпуклости позолочены холодным способом.

Все вещи Старобельского клада, видимо, когда-то представляли собой детали упряжи. Полусферические крупные фалары (рис. 1—4) крепились, скорее всего, к седельному снаряжению — одна пара на плечах, другая на крупе лошади. Плоская крупная бляха (рис. 5: 1), по всей видимости, служила нагрудным фаларом. Изображения верховых коней с таким убором встречаются среди памятников Северного Причерноморья и Европы последних веков до н. э. — I в. н. э. (Сокольский 1976: рис. 58: 3, 7; Flemming etc. 1991: fig. 8; Bishop, Coulston 1993: 27, fig. 4: 1—2). Аналогичные наборы фаларов входят в состав парадных упряжных уборов II—I вв. до н. э., найденных на территории Северного, Северо-Западного Причерноморья и Прикубанья (Спицын 1909: 41—42, рис. 51—55, 57; Смирнов 1984: рис. 38, 52; Анфимов 1987: 198—199, 202; Щукин 1994: рис. 51).

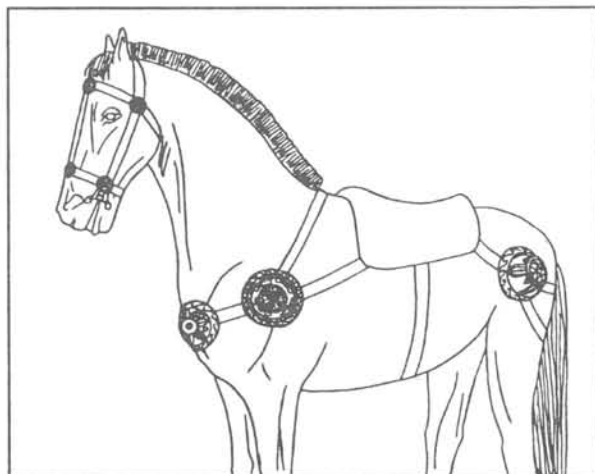
Маленькие бляшки с железными скобами на обороте (рис. 5: 3, 4), возможно, скрепляли ремни уздечки. Лунницы, круглые и треугольные бляхи (рис. 5: 6, 6: 1, 3), скорее всего, подвешивались к особому декоративному нагруднику. Тисненные золотые и серебряные полумесяцы и кружки встречаются в составе скифских конских уборов, они служили украшением и упряжных, и верховых лошадей (Мозолевский 1979: 37, рис. 21: 8; Мелюкова 1981: 53). Аналогичные старобельским золотые бляшки в виде лунниц были известны в составе Ахтанизовской находки (Спицын 1909: 33, рис. 14).

Найденные в большом количестве круглые бляшки двух типов (рис. 5: 2, 5) были, вероятно, нашиты или прибиты к ремням конской упряжи. Не вполне ясно назначение серебряной бляхи с изображением двух протом зверей (рис. 6: 2). Возможно, она крепилась к налобному ремню уздечки.

Нельзя, однако, уверенно говорить о принадлежности всех вещей клада к одному конскому убору. Некоторые декоративные бляшки из его состава (рис. 5: 2, 6) аналогичны элементам скифской упряжи IV—III вв. до н. э. Другие детали — фалары седельного снаряжения (рис. 1—4, 5: 1) — появляются в

1

2

Рис. 7 Реконструкция конских уборов Старобельского клада

Fig. 7 Reconstruction of harnesses from Starobelsky hoard.

Восточной Европе только во II в. до н. э. Мне неизвестны древние изображения, где бы сочетались эти два типа декора упряжи. Не исключено, что в состав Старобельского клада попали вещи от двух конских уборов, один из которых был близок традиционной скифской узде (рис. 7: 1), а другой относился к упряжи, популярной у населения Северного Причерноморья во II—I вв. до н. э. (рис. 7: 2). Эта особенность состава Старобельской находки (наличие вещей, близких скифской традиции) позволяет считать ее одной из наиболее ранних среди сарматских комплексов с упряжью II типа, диагностирующим признаком которой является наличие двух пар наплечных фаларов (Мордвинцева 1996: 20). Наиболее вероятной представляется датировка комплекса первой половиной II в. до н. э.

Что касается места производства вещей Старобельского клада, то ответ на этот вопрос напрямую зависит от изучения особенностей их стиля и техники исполнения. В соответствии с этими характеристиками их можно разделить на три группы.

К первой группе относятся тисненные бляшки (рис. 5: 2,6), которые отличаются отсутствием декора и примитивностью исполнения. Они, скорее всего, местного производства.

Вторая группа состоит из небольших блях с довольно грубым чеканным орнаментом (рис. 5: 3—4; 6: 1—3). Характерными элементами декора этой группы вещей являются «бегущая волна» из окружностей, соединенных наискосок резной линией, и точечные наколы, которые в одних случаях дублируют контуры изображения (рис. 5: 3—4; 6: 2), в других выполняют роль штриховки, заполняя другие элементы орнамента (рис. 6: 1—

3). На ряде бляшек точечные удары, нанесенные чеканом с оборота, принимают вид «жемчужин» на лицевой стороне (рис. 5: 3—4). Таким образом, круг орудий, с помощью которых дорабатывался орнамент блях данной группы, весьма ограничен: резец, пунсоны-трубочки разных размеров (диаметром 2 и 3,5 мм), пунсоны с заостренным рабочим краем (диаметром 2 и 0,5 мм). Стиль блях близок кельтским орнаментам, особенно на монетах (Tour N. de la 1892: pl. XXX № 7465; № Th 2612 в собрании Национального музея Дании). К. Ф. Смирнов предполагал их северо-причерноморское происхождение (Смирнов 1984: 86).

Третья группа включает крупные фалары (рис. 1—4; 5: 1). Их отличает разнообразие элементов орнамента и тщательность отделки. По стилю и технике изготовления крупные фалары Старобельского клада аналогичны парадным упряжным II—I вв. до н. э., найденным на территории Северного и Северо-Западного Причерноморья (Таганрог, Булаховка, Балаклея, Янчокрак, Твардица, Галиче) и Прикубанья (Новоджерелиевская, Кореновск). Наиболее характерными чертами данной группы являются графичность и плоскостность изображений, своеобразное декоративное оформление. Орнаментация фаларов этого стиля отличается большим количеством и разнообразием растительных геометрических элементов. Наибольшее распространение среди центральных изображений этих вещей получили разного рода растительные розетки. Гораздо реже встречаются антропоморфные и зооморфные образы, в создании которых преимущественную роль играют контур, силуэт и разного рода штриховые и линейные ор-

наменты. Кроме того, фалары данной группы отличаются определенной формой. Они сильно выпуклые, у большинства из них высота составляет от трети до половины диаметра. Край имеет подтреугольную форму.

Из фаларов, относящихся к данной группе, наиболее близки старобельским бляхи, найденные в насыпи кургана у села Твардица в Молдавии (Щукин 1994: 151—152). Их сближают такие элементы орнамента, как широкие лепестки водяной лилии, листья лотоса без поперечных прожилок, рельефные листья аканфа с плавными очертаниями, широкие ровные валики с косой насечкой, «бегающая волна», у которой образованные ею внешние треугольники заполнены рядами мелких черточек. Более поздние наборы (Янчокрак, Булаховка) отличаются гораздо более грубым исполнением, отсутствием позолоты, появлением новых элементов орнамента — «ов», выполненных с помощью определенного штампа, схематично изображенных, плоских листьев аканфа со стреловидными окончаниями и др.

Зооморфный мотив, помещенный на одном из фаларов (рис. 1—2), имеет иконографические параллели среди изображений эллинистического и более раннего времени. По всей видимости, его можно рассматривать и как символ пространственного деления мира на страны света, и как отражение четырехсезонного деления годового цикла. Четыре аналогичные сцены изображены на скифской бляхе из Виташково (Западная Польша) конца VI—V вв. до н. э. (Скорый 1984: 89, рис. 7). Изображения противостоящих пар — лев и кабан, пантера и кабан, лев и бык, пантера и козел, а также другие оппозиции — довольно часто встречаются на фризах греческой расписной керамики VI—V вв. до н. э., причем таких оппозиций обычно помещаются две пары (Горбунова 1983: № 6-7, 14, 31, 33, 43, 94). Подобные сцены изображались и на драгоценных сосудах греческой работы (Античное 1985: 17, № 12), и на золотых обивках скифских горитов (Ильинская, Тереножкин 1983: 160—161, цв. вклейка). Подобное старобельскому изображению имеется на одном из фаларов, найденных у села Твардица. Однако, наряду с иконографическим сходством, между ними наблюдаются и определенные стилистические различия. В отличие от старобельского фалара, животные, изображенные на твардицкой бляхе, имеют стройное тело, вытянутую шею, их длинный тонкий хвост пропущен между ногами, уши подняты. Крылья одной из львиц имеют характерную для греческих изображений заостренную форму. Животные показаны попарно, как бы в прыжке по направлению друг к другу. Сти-

листически изображение на фаларе из Твардицы в большой степени близко классическим греческим изображениям. Это относится не только к зооморфным образам, но и к характерному орнаменту в виде пальметок, разделяющему персонажи композиции. Изображение на старобельском фаларе более варварское, но тоже не чуждо греческой традиции. Совершенно аналогичные старобельскому изображения быка имеются на боспорских монетах (Карышковский, Клейман 1985: рис. 21: 1). Сближает старобельский и твардицкий фалары способ показа шерсти животных, которая выполнена с помощью коротеньких вертикальных черточек. Кроме того, очень близки они по набору элементов орнамента. Возможно, они были сделаны в одной мастерской, но разными мастерами, по-своему представившими один и тот же мотив.

Фалары Старобельского клада отличаются особой формой заклепок, с помощью которых крепились железные скобы. Заклепки луковичной формы, встреченные у наплечных фаларов (рис. 1, 3—4) имеются также на бляхах из Балаклеи (Сибильов 1926: табл. XXXI, XXXIX) и на фаларах кельтского стиля из Хелдена и Манербио (Allen 1971: pl. XVIa, pl. XVIII). Крупные полусферические заклепки с приплюснутым верхом, как у нагрудной бляхи (рис. 5: 1), крепят скобы фаларов, найденных у деревни Антиповка Воронежской области (Гущина 1961: 243, рис. 2). Такая форма заклепок может свидетельствовать если не о единой традиции изготовления всех этих фаларов, то по крайней мере об общей мастерской, в которой производилась их доработка или починка.

В отличие от первых двух групп вещей Старобельского клада, вопрос о месте производства крупных фаларов является дискуссионным. К. В. Тревер включила эти вещи в каталог греко-бактрийских изделий (Тревер 1940: табл. 7—10). Наряду со старобельскими фаларами, она считала произведенными в Греко-Бактрии федуловские фалары со львом, ахтанизовскую бляху с Медузой Горгоной, янчокракский фалар с божеством, фалары из Галиче и другие аналогичные бляхи (Тревер 1940: 52—57, 60—61). Дальнейшие исследования показали, что большинство этих вещей было произведено в Северо-Западном Причерноморье (Fettich 1953: 177) и на Боспоре (Берхин 1962: 39). Проведенный выше анализ стилистических особенностей крупных фаларов Старобельского клада не позволяет присоединиться к точке зрения К. В. Тревер и сделать вывод об их греко-бактрийском происхождении. Большинство фаларов, аналогичных старобельским по назначению, форме и декору (Таганрог, Балак-

лея, Янчокрак, Булаховка и др.) были, видимо, изготовлены в мастерских греческих городов Северного Причерноморья. Основная часть их датируется концом II—I вв. до н. э. Что же касается фаларов Старобельского клада, то учитывая определенные отличия в орнаментации, особо тщательный характер их отделки, а также находку в комплексе с ними блях-лунниц, аналогичных скифским, можно предположить несколько более ран-

нюю их дату — не позднее первой половины II в. до н. э. Не исключено также, судя по стилистическим особенностям зооморфных изображений и некоторых деталей орнамента — пышные листья аканфа и водяной лилии, имеющие аналогии в рельефной керамике Пергама (Courby 1922: fig. 82: 7) — что изготовлены они были не на Боспоре, а в другом месте, например, в одном из производственных центров Малой Азии.

Античное. 1985. Античное художественное серебро. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. Ленинград: Наука.

Анфимов, Н. В. 1987. Древнее золото Кубани. Краснодар: Краснодарское книжное издательство.

Берхин, И. П. 1962. О месте производства серебряных фаларов из «Федуловского клада» // Сборник Государственного Эрмитажа XXII: 37—40. Ленинград.

Горбунова, К. С. 1983. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Ленинград.

Гуцина, И. И. 1961. Случайная находка в Воронежской области // Советская археология 2: 241—246.

Ильинская, В. И., А. И. Тереножкин. 1983. Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев: Наукова думка.

Мелюкова, А. И. 1981. Краснокутский курган. Москва: Наука.

Мозолевський, Б. М. 1979. Товста могила. Київ: Наукова думка.

Мордвинцева, В. И. 1996. Фалары конской упряжи на территории степной Евразии в III в. до н. э.—первой половине II в. н. э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.

Отчет. 1892. Отчет Археологической Комиссии. Санкт-Петербург.

Ростовцев, М. И. 1993. Сарматские и индо-скифские древности // СКИФИКА. Избранные труды академика М. И. Ростовцева. Петербургский Археологический Вестник 5: 39-56. Санкт-Петербург.

Сибильов, М. 1936. Фалари Изюмщины // Хроніка археології та мистецтва. Київ.

Скорый, С. А. 1984. Доспех скифского типа в Средней Европе // Вооружение скифов и сарматов: 82—103. Киев.

Смирнов, К. Ф. 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. Москва: Наука.

Соколовский, А. И. 1976. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. Москва: Наука.

Спицын, А. А. 1909. Фалары южной России // Известия Императорской Археологической комиссии 29. Санкт-Петербург.

Тревер, К. В. 1940. Памятники греко-бактрийского искусства. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР.

Щукин, М. Б. 1994. На рубеже эр. Санкт-Петербург: «Фарн».

Allen, D. F. 1971. The Sark Hord. Oxford.

Bishop, M. C., J. C. N. Coulston. 1993. Roman Military Equipment. London.

Courby, F. 1922. Les Vases Grecs a Reliefs. Paris.

Fettich, N. 1953. Archdologische Beitrage zur Geschichte der sarmatisch-dakischen Beziehungen // Acta Archaeologica Hungarica V/III: 127—178. Budapest.

Flemming, K., I. Marazov, J. Best, N. de Vries. 1991. Thracian Tales on the Gundestrup Cauldron. Amsterdam: Najade Press.

THE STAROBELSK HOARD

V. I. MORDVINTSEVA

The hoard described in the present article was found in 1892 near the town of Starobelsk, Kharkov Region, on the bottom of a gully (Спицын 1909: 27). All its items are elements of a ceremonial harness.

One pair of large hemispherical phalerae (figs. 1—4) was evidently attached to shoulder straps, another to haunch straps, and a large flat plaque (fig. 5: 1) decorated the breast strap. In the northern Pontic region and in Europe, representations of saddle-horses with

such harnesses date to the last centuries BC and 1st century AD (Соколовский 1976: fig. 58: 3,7; Flemming e. a. 1991: fig. 8; Bishop, Coulston 1993: 27, fig. 4: 1—2). Similar phalerae belong to ceremonial harnesses from the northern and northwestern Pontic territories and the Kuban Basin dating to 200—0 BC (Спицын 1909: 41—42, figs. 51—55, 57; Смирнов 1984: figs. 38,52; Анфимов 1987: 198—199, 202; Щукин 1994: fig. 51). Small plaques with iron lugs on the inside (fig. 5: 3,

4) were apparently used as junctions. Crescent-shaped, round and triangular plaques (fig. 5: 6; 6: 1,2) were likely appendages connected with a special decorative breast piece. Stamped golden and silver crescents and circles were parts of Scythian harnesses. Numerous round plaques, falling in two types (fig. 5: 2, 5), were probably sewn on, or nailed to, the straps. It is not possible to say, however, if all the items of the hoard belonged to a single harness. While some decorative plaques (fig. 5: 2, 6) resemble Scythian ones, others, such as the phalerae (figs. 1—4; 5: 1), appear in Eastern Europe in the 2nd century BC only. I am unaware of any earlier representations showing both elements. It is possible that Starobelsky hoard includes items belonging to two harnesses, one being close to the traditional Scythian set (fig. 7: 1), another to that which was popular in the northern Pontic region in 200-0 BC (fig. 7: 2). This distinctive feature (presence of Scythian-type objects) makes it possible to regard Starobelsky as one of the earliest Sarmatian associations with type II harness, as evidenced by two pairs of shoulder phalerae (Мордвинцева 1996: 20).

To determine the centre where these objects were manufactured, style and techniques are crucial. In this regard, three groups of items may be distinguished.

The first group includes stamped plaques (fig. 5: 2, 6) which are crude and lack decoration. They are most likely local.

The second group consists of small plaques with a rather crude stamped design (figs. 5: 3,4; 6: 1—3) which was applied with very few tools: a chisel, punches of various sizes (2 mm and 3,5 mm in diameter), and stamps with a sharp working edge (0,5 mm and 2 mm in diameter). The design on these plaques is reminiscent of the Celtic one, especially that on coins (de la Tour 1892: pl. XXX, № 7465, Th 2612 in the collections of the National Museum of Denmark). According to Smirnov (1984: 86), they were manufactured north of the Black Sea.

The third group includes large phalerae (figs. 1—4, 5: 1). They are very finished and elements of their design are variable. In terms of style and technique they resemble phalerae

from 200-0 BC ceremonial harnesses found in territories north and northwest of the Black Sea (Taganrog, Bulakhovka, Balakleya, Yanchokrar, Tvarditsa, Galiche) and the Kuban Basin (Novojerelievskaya, Korenovsk). Their most characteristic features are high-quality bidimensional representations, and a peculiar ornamentation. The designs with which they were decorated include a variety of vegetable and geometrical motifs, the most common one being the rosette. Anthropomorphous and zoomorphous representations (mainly outlines with hatched and linear designs) are by far less frequent. Phalerae of this group are convex, their height mostly ranging from one third to one half of the diameter. The rim is subtriangular in section.

Their origin, unlike that of items of the former two groups, is a matter of debate. Trever (1940: tabs. 7—10) included them in her catalogue of Greco-Bactrian art, along with phalerae from Fedulovka representing a lion, a plaque from Akhtanisovka with Medusa, a phalera from Yanchokrak with a deity, those from Galiche, and other similar plaques (Тревер 1940: 52—57, 60—61). More recent studies demonstrated, however, that most of these objects had been manufactured in northwestern Pontic area (Fettich 1953: 177) and in Bosphorus (Берхин 1962: 39). Our stylistic analysis of Starobelsk phalerae does not allow us to subscribe to Trever's view since most specimens similar in terms of purpose, shape, and design (Taganrog, Balakleya, Yanchokrak, Bulakhovka, etc.) were apparently manufactured in Greek cities of the northern Pontic region. Most of them date from late 2nd and 1st centuries BC. Because phalerae from the Starobelsk hoard differ in design, are very elegant, and belong to the same assemblage as the Scythian-type crescent-shaped plaques, they may be somewhat earlier (no later than the first half of the 2nd century BC). Judging by the stylistic peculiarities of zoomorphous representations and certain details of the design, such as lush leaves of acanthus and water lily resembling those on the relief ceramics of Pergamum (Courby 1922: fig. 82: 7), it is also possible that they were manufactured in Asia Minor rather than in Bosphorus.

КУРГАНЫ САРМАТСКОЙ ЗНАТИ У ПОСЕЛКА ОКТЯБРЬСКИЙ

В. И. МОРДВИНЦЕВА, Е. П. МЫСЬКОВ*

В 1993 г. Волго-Ахтубинской археологической экспедицией Волгоградского педагогического университета под руководством Е. П. Мыськова были произведены раскопки двух групп курганов в районе поселка Октябрьский Волгоградской области, на высокой террасе р. Есауловский Аксай. В обеих группах раскопано семь курганов, которые относятся к сарматскому времени. Все они разграблены, но часть вещей была оставлена нетронутой. Наибольший интерес в могильниках представляют курган № 1 в первой группе и курганы № 1 и 2 — во второй. Раскопки их дали очень выразительный материал, позволяющий отнести эти курганы к погребениям сарматской знати.

Курган № 1 (группа Октябрьский-1) имел диаметр 26 м, высоту — 1,1 м. В центре его находилась широкая прямоугольная яма погребения, длинной осью ориентированная по линии северо-северо-восток — юго-юго-запад. Ее длина 2,72 м, ширина — 1,85 м, глубина от уровня погребенной почвы — 1,83 м (рис. 1: 1). Погребение ограблено. В разных частях могилы найдены кости мужчины 25—30 лет. На дне ямы сохранились остатки деревянных планок, положенных поперек могилы.

В заполнении, в юго-восточном углу ямы, найдена серебряная портупейная пряжка (рис. 1: 10). Основанием ее служит треугольная рамка, один из углов которой оформлен в виде горбоносой головы лосихи или сайгака. Глаза показаны выпуклыми, круглыми гнездами, украшенными гранатовыми вставками. Уши прижаты к рамке, возможно, имитирующей небольшие рожки. В каплевидных гнездах ушей — вставки бирюзы. Ноздри широко раздуты, показаны глубокими гнездами, возможно, когда-то содержавшими каменные вставки. В пасти животного зажато кольцо овальной формы с неподвижным крючком в виде головы утки. Пряжка цельнолитая, подправлена резцом. Длина ее — 5 см.

В заполнении и на дне ямы обнаружено 3 фрагмента чаши или блюда из полихромного стекла, выполненного в технике «миллефиоре» (рис. 2: 2). Дно сосуда опиралось на низкий кольцевой поддон, диаметром 14—16 см. Край был выделен и отогнут наружу. Более точно форму и размеры сосуда восстановить невозможно.

В разных частях ямы собраны фрагменты ажурной серебряной бляхи в виде пальметки, восемь арочных лепестков которой отходят от центрального медальона (рис. 2: 1). В средней части бляхи имеется вертикальный рельефный валик. Бляха сделана из низкопробного серебра в технике литья.

По всей яме были разбросаны различные штампованные бляшки: 1) фрагменты бронзовых тисненых бляшек (восемь штук) в форме 7-лепестковой розетки с выступом в центре (рис. 1: 7); 2) золотые бляшки в виде розетки (рис. 1: 2), буквы «V» (рис. 1: 3), ступенчатых пирамидок (рис. 1: 5), а также треугольные (рис. 1: 4) и цилиндрические (рис. 1: 6) бляшки.

На дне, у западной стенки ямы, найдена серебряная скрепка от деревянного сосуда (рис. 1: 9). Там же обнаружены фрагменты ткани двух типов. Первый тип представляет собой полотно из грубых шерстяных нитей. Видимо, это остатки подстилки. Другой тип представлен тканью более тонкой работы, возможно, шелком. Эта ткань найдена свернутой во много слоев. На поверхности ее сохранились мелкие бронзовые проволочки, согнутые в виде калачиков. Вполне вероятно, что ткань эта служила пологом или была развешена по стенам погребальной камеры.

В заполнении и на дне встречены многочисленные обломки бронзового сосуда, сделанного из тонкого кованого листа, толщиной 1,2 мм. Судя по профилю фрагментов, относящихся к стенкам предмета, сосуд имел довольно большой диаметр, позволяющий интерпретировать найденные обломки

* Мордвинцева В. И. Россия. 400062. Волгоград. 2-ая Продольная, 30. Волгоградский государственный университет.

Мыськов Е. П. Россия. 400013. Волгоград. Пр. Ленина, 27. Волгоградский государственный педагогический университет.

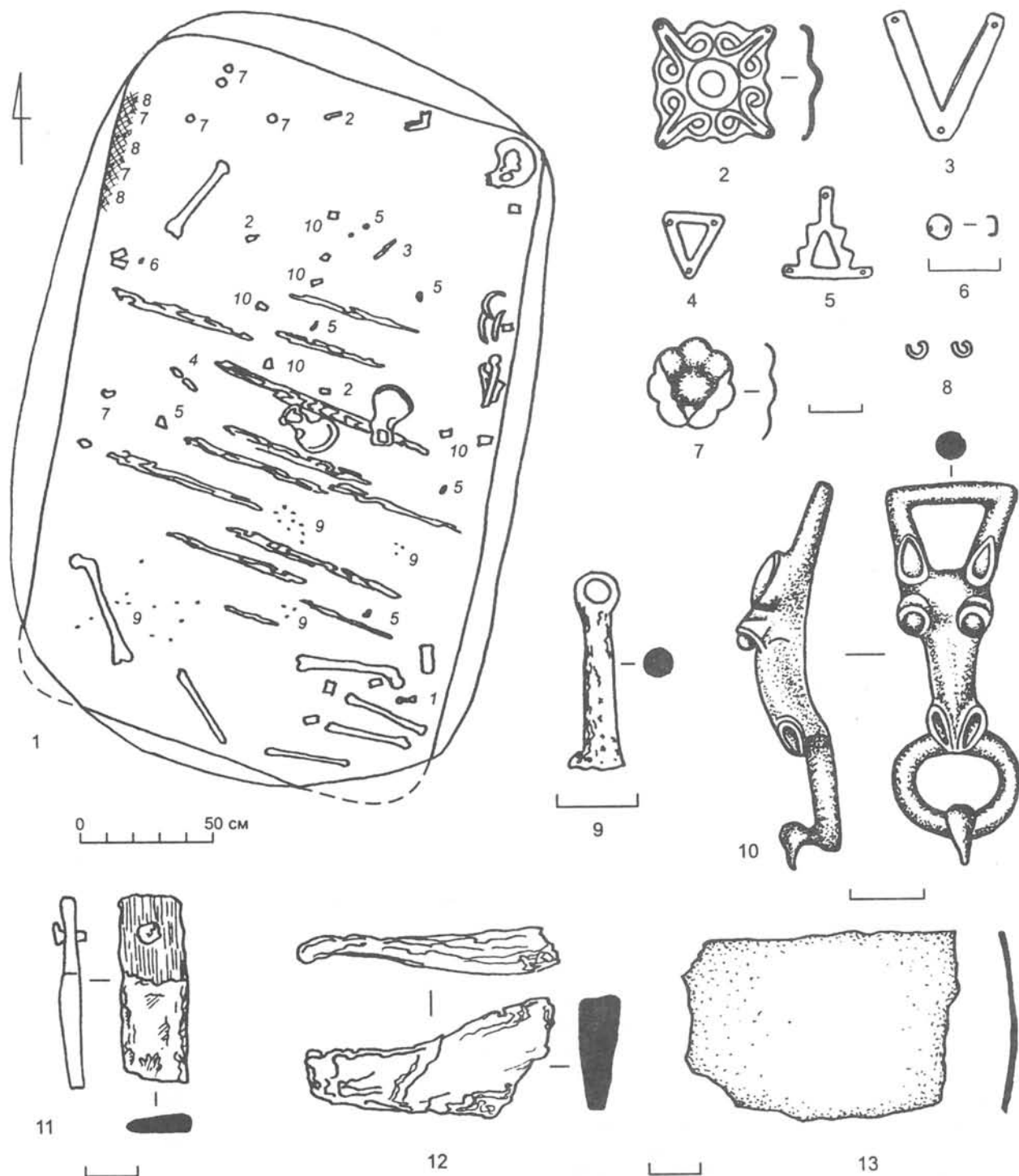

Рис. 1 План погребения и вещи из кургана 1 могильника Октябрьский-I. 1 — план погребения. На плане: 1 — серебряная пряжка; 2 — фрагменты стеклянного сосуда; 3 — железный нож; 4 — фрагменты железного предмета; 5 — фрагменты серебряной ажурной бляхи; 6 — серебряная скрепка от сосуда; 7 — бронзовые бляшки; 8 — ткань с бронзовыми колечками; 9 — золотые бляшки; 10 — фрагменты бронзового сосуда; 2-6 — золото; 9-10 — серебро; 7-8, 13 — бронза; 11-12 — железо.

Fig. 1 Plan of burial and finds from Oktyabrskiy I mound 1. 1 — plan of the burial (1 — silver buckle; 2 — fragments of a silver openwork plaque; 6 — silver brace from a vessel; 7 — bronze plaques; 8 — cloth with bronze rings; 9 — golden plaques; 10 — fragments of a bronze vessel); 2-6 — gold; 7, 8, 13 — bronze; 9, 10 — silver; 11, 12 — iron.

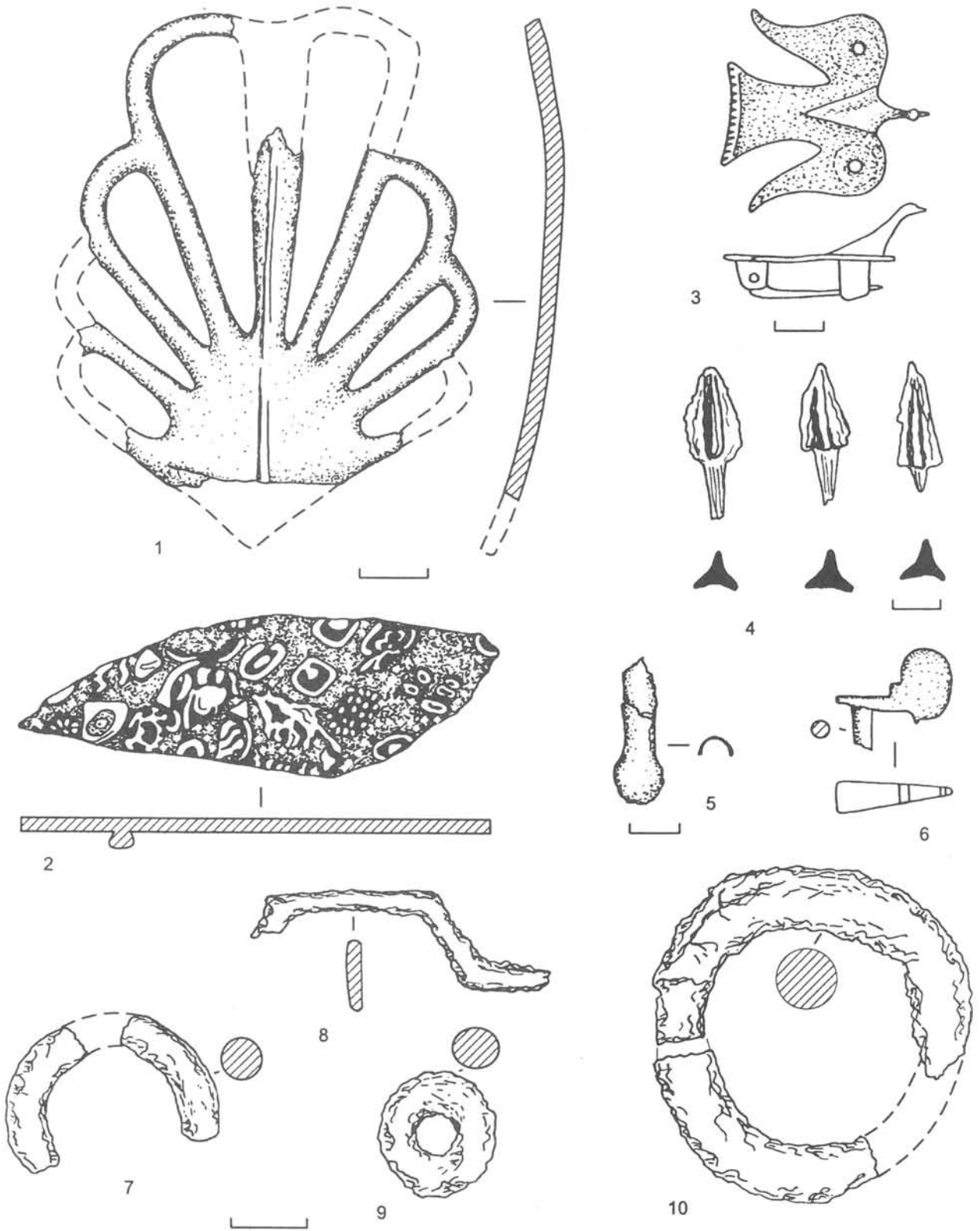

Рис. 2 Вещи из кургана 1 могильника Октябрьский-I (1—2) и из кургана 1 могильника Октябрьский-II (3—10). 1 — серебро; 2 — стекло; 3, 5—6 — бронза; 4, 7—10 — железо.

Fig. 2 Finds from Oktyabrsky I mound 1 (1, 2) and Oktyabrsky II mound 1 (3-10): 1 — silver; 2 — glass; 3, 5, 6 — bronze; 4, 7, 10 — iron.

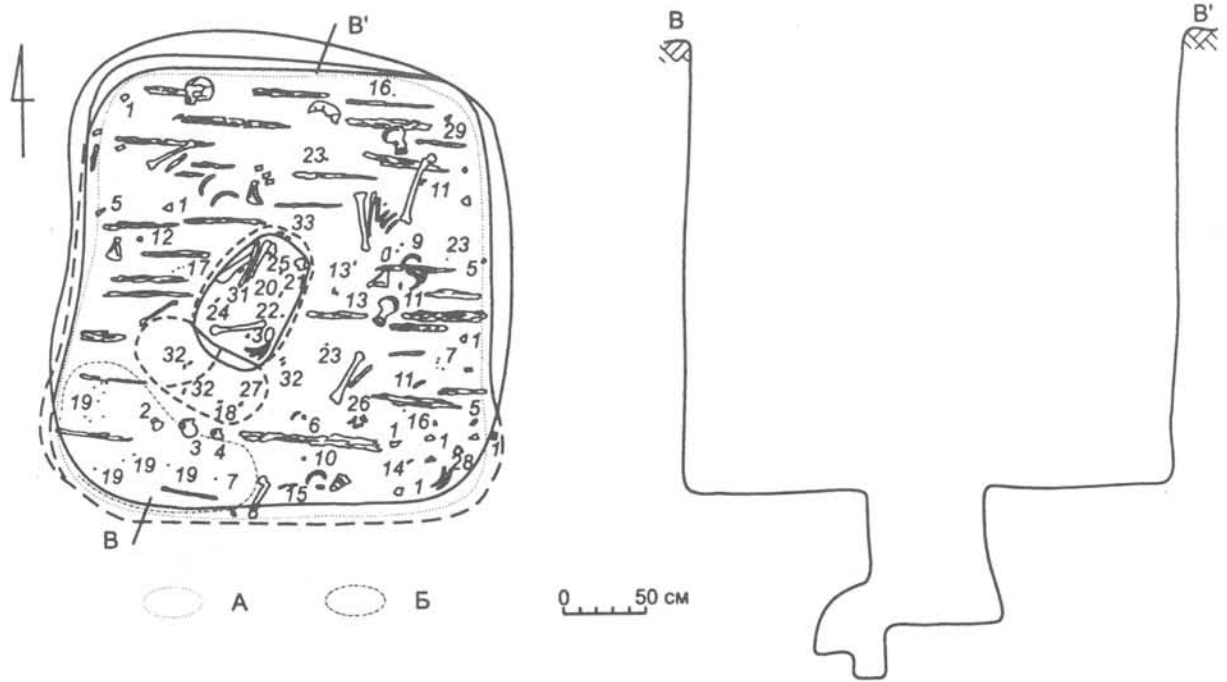

Рис. 3 План погребения в кургане 1 могильника Октябрьский-II. На плане: 1, 26, 28—29 — фрагменты глиняных сосудов; 2—4, 21 — глиняные сосуды; 5 — фрагменты стеклянного канфара; 6 — бронзовая дуга; 7 — бусы; 8—9, 12 — железные кольца; 10, 22, 24 — бронзовые пряжки; 11 — фрагменты железного браслета; 13 — железные наконечники стрел; 14 — бронзовый предмет; 15 — фрагменты железного предмета; 16 — бронзовая фибула; 17 — бронзовые бляшки; 18 — золотая пронизь; 19 — золотые бляшки; 20 — бронзовый оконечник ремня; 23 — розовая пудра; 25 — бронзовая деталь шкатулки; 27 — золотой фалар; 30 — бронзовый колокольчик; 31 — фрагмент железного меча; 32 — бронзовые скрепки; 33 — фрагменты железной скобы; А — граница черного тлена; Б — граница прослойки куги.

Fig. 3 Oktyabrsky II mound 1, plan of burial. Numbers on the plan: 1, 26, 28—29 — fragments of clay vessels; 2—4, 21 — clay vessels; 5 — fragments of a glass kantharos; 6 — bronze arch; 7 — beads; 8—9, 12 — iron rings; 10, 22, 24 — bronze buckles; 11 — fragments of an iron bracelet; 13 — iron arrowheads; 14 — bronze object; 15 — fragments of an iron object; 16 — bronze fibula; 17 — bronze plaques; 18 — golden bead; 19 — golden plaques; 20 — bronze belt tip; 23 — pink powder; 25 — bronze detail of a box; 27 — golden phalera; 30 — bronze bell; 31 — fragment of an iron sword; 32 — bronze braces; 33 — fragment of an iron brace; А — border of black decay; Б — border of rush layer.

как части кованого котелка или таза (рис. 1: 13).

Кроме того, в могиле найдены фрагмент железного ножа и какого-то железного предмета (рис. 1: 11—12).

Курган № 1 (группа Октябрьский-II) имел диаметр 34 м, высоту — 1,05 м. В центре его обнаружена квадратная могильная яма, ориентированная стенками по сторонам света. Размеры ямы по линии запад-восток — 2,6 м, по линии север-юг — 2,7 м. Глубина ее — 2,80 м от уровня погребенной почвы. В центре дна ямы был устроен тайник сложной конструкции. Входная яма тайника имела овальную форму, длинной осью ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. В ее юго-западной стенке была устроена камера овальной формы, в дне которой сделано круглое углубление (рис. 3). На дне ямы выявлены остатки досок, шириной до 8 см, ориентированных по линии запад-восток, на которых прослежен черный тлен со следами грубой ткани.

В юго-восточном углу ямы, в заполнении, отмечена прослойка белого тлена от куги или камыша толщиной до 15 см.

Погребение разрушено грабителями. Встреченные в яме разрозненные кости принадлежали мужчине старческого возраста и женщине 20-25 лет. В заполнении ямы в большом количестве встречались обрывки тонкой кожи, окрашенной в красный цвет.

В различных частях погребальной камеры найдены фрагменты сероглиняного сосуда. Сероглиняный гончарный кувшин с двумя налепами стоял в юго-западном углу ямы (рис. 4: 8). Рядом с ним найдены миниатюрные сосудик и кувшинчик, ручка которого украшена двумя налепами (рис. 4: 1,2). Небольшой сероглиняный сосудик лежал на дне входной ямы-тайника (рис. 4: 4). Фрагменты большого сероглиняного гончарного сосуда обнаружены в южной части могилы (рис. 4: 3). В различных местах ямы найдены фрагмент еще одного со-

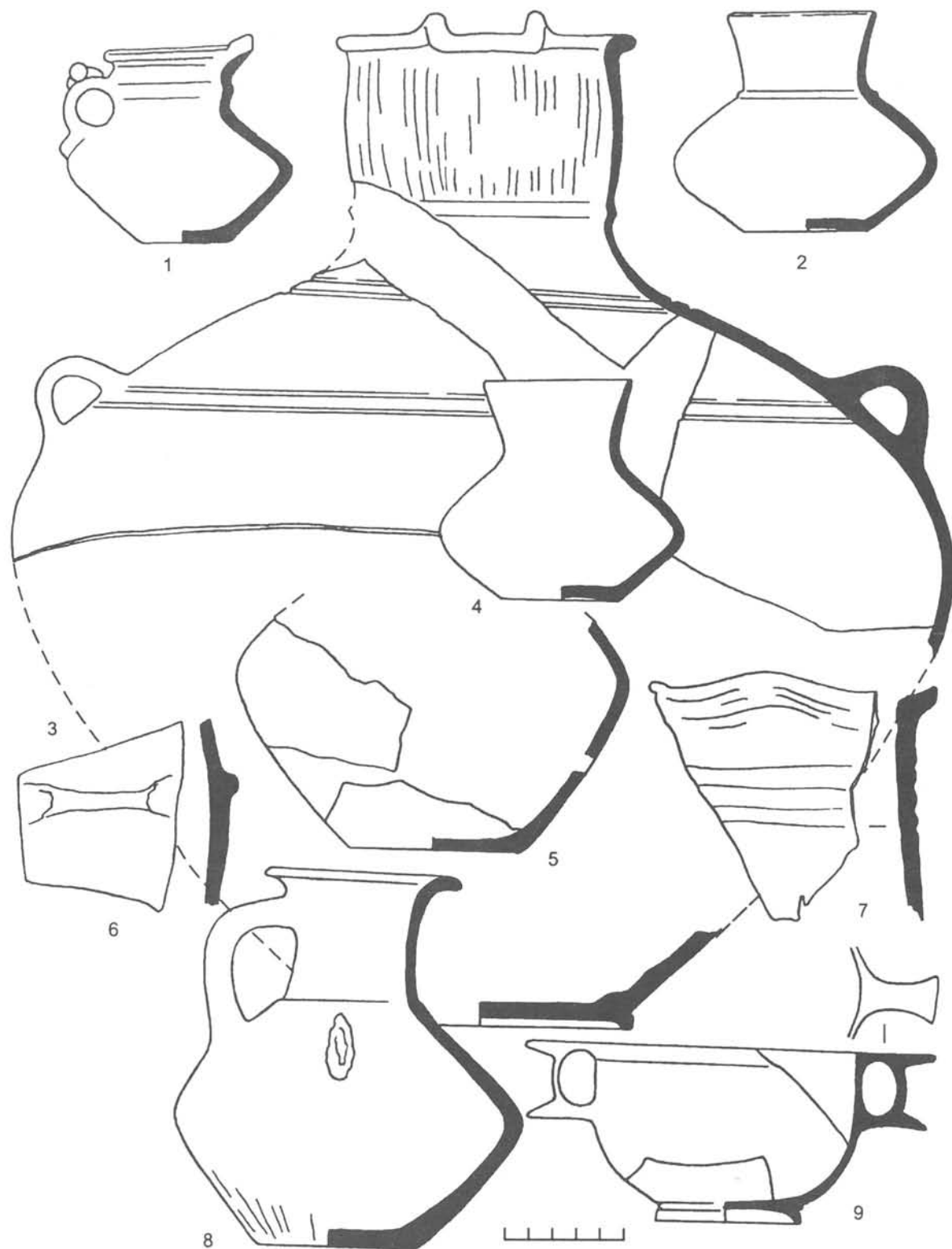

Рис. 4 Вещи из кургана I могильника Октябрьский-II. 1-8 — глина; 9 — стекло.

Fig. 4 Objects from Oktyabrskiy II mound 1: 1-8 — clay; 9 — glass.

суда (рис. 4: 6), а также верхняя часть глиняной ойнохой (рис. 4: 7).

В заполнении могильной ямы обнаружены фрагменты литого стеклянного канфара с фигурными ручками и невысоким поддоном. В верхней части тулова проходила горизонтальная круговая бороздка (рис. 4: 9).

В юго-восточном углу ямы найдена бронзовая фибула. Она представляет собой бронзовую пластину, отлитую в виде силуэта орла, к которой припаяны с лицевой стороны — объемное изображение шеи и головы птицы, с оборотной — пружинная игла-застежка и приемник. На крыльях имеются отверстия, окруженные желобками. Край хвостового оперения орнаментирован насечками (рис. 2: 3). Фрагмент бронзового предмета — судя по всему, деталь шкатулки — найден в заполнении входной ямы тайника (рис. 2: 6).

Бусы стеклянные и каменные обнаружены в различных местах: в заполнении и на дне ямы и тайника. Среди них: крупная бусина из прозрачного голубовато-зеленого стекла с выпуклыми синими глазками, окантованными белой, синей и вновь белой полосами (рис. 5: 1); бусина из непрозрачного многоцветного наборного стекла (рис. 5: 2); круглая бусина из непрозрачного желтого стекла, фриз которой занят четырьмя квадратными плакетками с изображением человеческого лица (рис. 5: 9); рифленая бусина из голубого египетского фаянса (рис. 5: 3); красная сердоликовая бусина с едва заметным рифлением (рис. 5: 4); гешировые бусины двух типов (рис. 5: 5,6); несколько десятков дисковидного бисера из белой пасты (рис. 5: 8); 4 стеклянные темно-синие бусины, украшенные белыми колечками, инкрустированными золотом (рис. 5: 7 а-г).

В западной части могилы обнаружены бронзовые тисненые полусферические бляшки. С внутренней стороны каждой напаян железный штифт для крепления (рис. 5: 21). Золотые тисненые бляшки округлой формы собраны в разных частях ямы (рис. 5: 10).

На дне, в южной части ямы найдена золотая «амулетница» — трубочка, свернутая из тонкого золотого листа, по краям которой припаяна переплетенная золотая проволока. В центральной части припаяны 2 тонких проволочных полукольца и кольцо (рис. 5: 11).

В заполнении ямы найдено большое количество нитей золотой парчи.

Из заполнения могилы происходят также фрагменты бронзовой литой дуги (рис. 5: 24), кованые железные кольца (рис. 2: 7,9,10), бронзовая литая пряжка (рис. 5: 17), фрагменты кованого железного браслета, покрытого обмоткой из бронзо-

вой проволоки (рис. 5: 23), бронзовый литой предмет (рис. 2: 5) и фрагменты железного предмета.

В центральной части ямы обнаружено 20 железных черешковых трехлопастных наколочников стрел (рис. 2: 4).

В тайнике найдены обрывки кожаных ремней и малый фалар от конской упряжи, бронзовая основа которого покрыта золотой фольгой. Драгоценная обкладка фалара деформирована, но тщательное ее обследование позволило реконструировать ее внешний вид (рис. 5: 18). В центре бляхи изображена голова козла (вид анфас, сверху), вокруг которой расположено вывернутое тело животного, ногами к краям обкладки. Некоторые части тела были украшены вставками из стеклянной пасты. Большая часть их выкрошилась. Лишь в одном гнезде (лопатка) сохранились остатки вставки грязно-белого цвета. К бронзовой основе фалара припаяны две Г-образные бронзовые скобы для прикрепления к ремням оголовья. Обрывки кожаных ремней, лежавшие рядом с фаларом, пропитаны бронзовыми окислами.

Один из фрагментов имеет округлую форму с двумя симметричными вырезами в центре. Очевидно, к этим вырезам и крепился фалар. Диаметр фрагмента чуть меньше диаметра фалара (рис. 5: 19). Еще один фрагмент имеет окончание в виде петли, в которую продет обрывок второго ремешка (рис. 5: 20).

Бронзовый литой колокольчик лежал на дне входной ямы тайника. Утраченный язычок колокольчика был сделан из железа, о чем свидетельствует остаток его стержня (рис. 5: 22). В заполнении входной ямы тайника найден фрагмент рукояти железного ножа. Здесь же обнаружены небольшая бронзовая пряжка прямоугольной формы (рис. 5: 13), кольцевидная бронзовая пряжка, соединенная с подпрямоугольной обоймой, в которой сохранились остатки кожаного ремня (рис. 5: 14) и бронзовый оконечник ремня, украшенный орнаментом (рис. 5: 12).

В камере тайника обнаружены бронзовые колечки с несомкнутыми концами, видимо, от конской упряжи (рис. 5: 15-16), фрагменты железной скобы (рис. 2: 8) и кусочки пудры розового цвета.

Рядом с этим курганом находился курган № 2 (группа Октябрьский II). Его диаметр — 24 м, высота — 0,82 м.

Квадратная погребальная яма, расположенная в его центре, была ориентирована по сторонам света. Ее размеры: 2,34 x 2,14 м, глубина — 2 м. На дне выявлены остатки деревянного гробовища — ящика

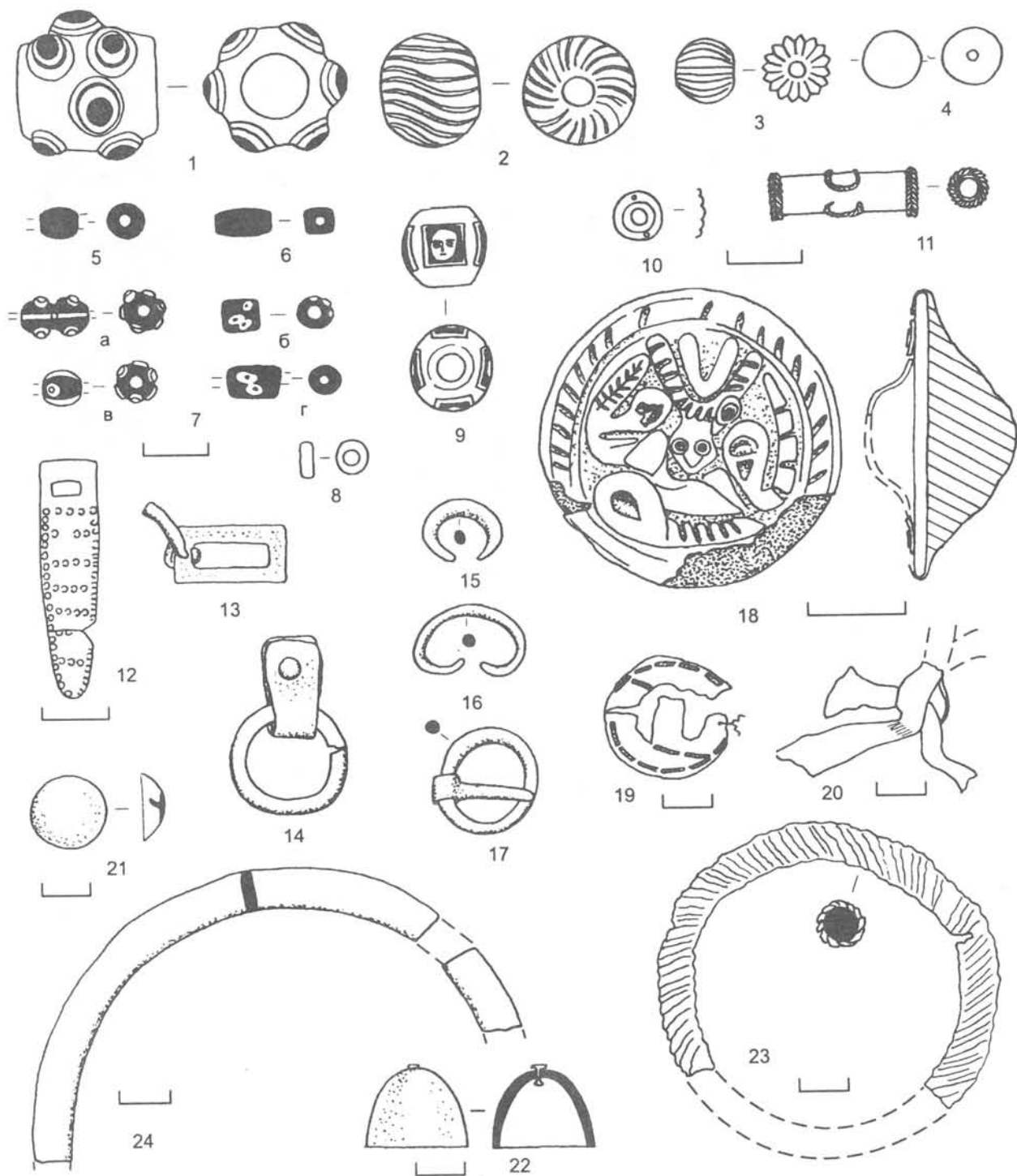

Рис. 5 Вещи из кургана 1 могильника Октябрьский-II. 1—2, 7—9 — стекло; 3 — египетский фаянс; 4 — сердолик; 5—6 — гегат; 10—11 — золото; 18 — золото, бронза; 12—17, 21—22, 24 — бронза; 19—20 — кожа; 23 — железо, бронза.

Fig. 5 Objects from Oktyabrsky II mound 1: 1, 2, 7, 9 — glass; 3 — Egyptian faience; 4 — cornelian; 5, 6 — gagate; 10, 11 — gold; 18 — gold, bronze; 12—17, 21—22, 24 — bronze; 19—20 — leather; 23 — iron, bronze.

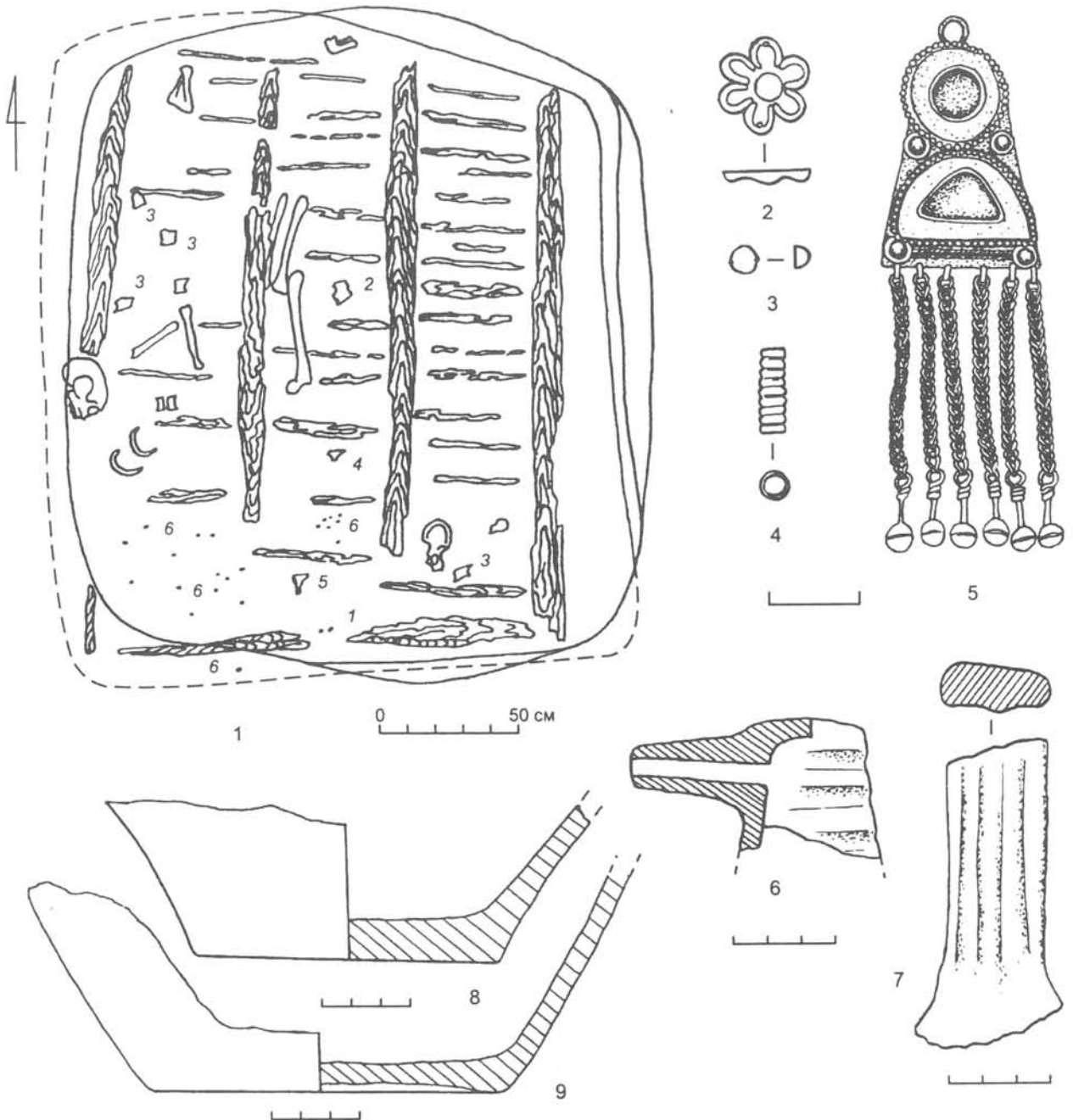

Рис. 6 План погребения и вещи из кургана 2 могильника Октябрьский-II. 1 — план погребения. На плане: 1 — фрагмент железного предмета; 2—4 — фрагменты глиняных сосудов; 5 — золотая серьга; 6 — золотые бляшки и пронизи; 2—5 — золото; 6—9 — глина.

Fig. 6 Oktyabrsky II mound 2: plan of burial and finds: 1 — plan (1 — fragment of an iron object; 2—4 — fragments of clay vessels; 5 — golden earring; 6 — golden plaques and beads; 2—5 — gold; 6—9 — clay).

прямоугольной в плане формы. Его длина — 2,2 м, ширина — 1,7 м, ориентировка — северо-северо-восток — юго-юго-запад. На досках и поперечных плахах гробовища зафиксирован черный тлен (рис. 6: 1). Погребение разрушено грабителями. В заполнении могилы найдены кости женщины старческого возраста. Судя по костям правой ноги, найденным *in situ*, умершая лежала на спине, вытянута, головой на юг.

Тело ее было несколько смещено к западной стенке ямы относительно центральной оси.

В заполнении могильной ямы найдены остатки железных удил, фрагмент лепного сосуда (рис. 6: 9), фрагменты гончарного сероглиняного кувшина (рис. 6: 6,8), фрагмент чернолощеного сосуда с носиком-сливом, на поверхности которого имеются горизонтальные желобки (рис. 6: 7).

В южной части могилы, на дне, обнаружена золотая серьга со стеклянными вставками (рис. 6: 5). Основание серьги — пластина треугольной формы с закругленной вершиной. К основанию припаяны два гнезда, украшенные зернью по внешнему контуру. Верхнее гнездо округлой формы, внутри него находится пластинка со сферической вставкой изумрудно-зеленого цвета. Ниже расположено гнездо в форме сегмента со вставкой лилового цвета. Между гнездами и в углах основания припаяно четыре полых цилиндрика. К внутренней стороне основания серьги припаяны три V-образных проволочки, верхние концы которых загнуты в колечки. К ним прикреплены 6 цепочек с подвесками в виде шариков, спаянных из двух половинок. Над шариками находились мелкие жемчужины, рассыпавшиеся в порошок.

В южной части ямы собраны золотые рубчатые пронизки (рис. 6: 2) и тисненные бляшки двух типов: полусферические (рис. 6: 3) и фигурные, в виде 6-лепестковой розетки (рис. 6: 4).

Курганы могильника Октябрьский расположены в районе, известном богатыми сарматскими погребениями последних веков до н. э. — первых веков н. э. Рядом, например, расположен такой известный могильник, как Жутовский, давший немало интереснейшего материала (Шилов 1975: рис. 52: 2, 53: 1—2, 54—55, 58: 1; Мордвинцева 1994: 96—101), а также другие могильники по р. Аксаю: Чиковский, Терновский (раскопки В. П. Шилова) и Антоновский (Мамонтов 1994: 15—47).

К сожалению, погребения Октябрьских курганов оказались разграбленными.¹ Тем не менее, некоторые находки в них являются весьма редкими для территории Волго-Донских степей. Именно им и будет главным образом посвящено настоящее исследование.

Рядовой материал из октябрьских погребений характерен для сарматской культуры первых веков н. э. Миниатюрные сосудики, найденные в кургане I группы Октябрьский II, в массовом количестве встречаются в сарматских погребениях Среднего и Нижнего Поволжья в I—начале II вв. н. э. (Медведев 1990: рис. 24: 2; Сеницын 1959: рис. 1: 11; Сеницын 1960: рис. 11: 5, 21: 4; Гущина, Мошкова 1990: рис. 1: 6). Налепной орнамент, встреченный у двух сосудов (рис. 4: 6, 8), получил широкое распространение в Крыму, а также в сарматских погребениях

в первые века н. э. (Высотская 1979: рис. 41). Ту же самую дату подтверждают и золотые нашивные бляшки и пронизы, найденные в публикуемых погребениях (Гущина, Засецкая 1994: кат. № 60, 228, 285, 310: 3, 396, 427: 1, 9, 503: 2, 517: 1; Илюков, Власкин 1992: рис. 7: 5, рис. 10: 14).

Наибольший интерес среди находок в кургане I могильника Октябрьский-I вызывает серебряная пряжка в виде головы сайгака. По своему типу она относится к восьмеркообразным пряжкам, распространившимся у сарматов в III—I вв. до н. э. (Мошкова 1960: 293; Скрипкин 1990: 97, 164). Пряжки указанного типа являлись частью военной амуниции сарматов.

Однако, экземпляр из Октябрьского отличается по ряду признаков от раннесарматских пряжек и является, видимо, результатом развития данного типа. Его характерными особенностями являются зооморфность и наличие каменных вставок. Точной аналогии ему нами не обнаружено. Материал вставок — бирюза и гранаты — а также грубый, варварский стиль исполнения, позволяют выдвинуть гипотезу, что местом производства пряжки были восточные ремесленные центры, граничившие с кочевыми племенами евразийских степей. Возможно, это были города кушанской Бактрии, ювелирное искусство которой во многом было подчинено вкусам кочевой знати, пришедшей здесь к власти на закате эпохи эллинизма.

Интересна находка в этом кургане фрагментов стеклянной чаши, сделанной в технике миллефиоре. Аналогичные по качеству стекла и характеру узора экземпляры датируются концом I в. до н. э.—I в. н. э., преимущественно первой половиной I в. н. э. (Eggers 1951: Taf. 14: 181; Шедевры: кат. № 238). Фрагмент мозаичной чаши, выполненной в той же технике, найден в кургане 30 Жутовского могильника (Шилов 1975: рис. 55: 1). Находки подобных стеклянных сосудов не только в Волго-Донских степях, но и в районах более близких к античным центрам (например, в Прикубанье) чрезвычайно редки. Это свидетельствует, видимо, о синхронности указанных выше курганов Аксайской группы и, что также не исключено, одинаковых путей попадания этих вещей к сарматам данного региона.

Серебряная ажурная бляха (рис. 2: 1) из того же погребения являлась атташем ручки сосуда. Фрагмент бронзового таза из Олборга (Aalborg) с совершенно аналогичным

¹ В 1995 г., когда эта статья уже была написана, экспедицией под руководством Е. П. Мыськова и А. В. Княшко в том же месте было раскопано неграбленное богатейшее сарматское погребение I в. н. э. Материалы его готовятся к печати.

тип время	одно- цвет- ные	многоцветные				гешир		египетский фаянс	сердолик
	56	81	246	384	409-411	8а	65	16а	2в
IV век н. э.									
III век н. э.									
II век н. э.									
I век н. э.				?					
I век до н. э.									
II век до н. э.									
III век до н. э.									

Рис. 7 Таблица корреляции хронологических позиций бус из кургана I могильника Октябрьский-II.

Fig. 7 Correlation of dates of beads from Oktyabrsky II mound 2.

атташем находится в коллекции Национального музея Дании (№ 9380). находка датируется раннеримским временем.

Курган I второго Октябрьского могильника дал особенно обильный материал. О керамике из этого комплекса уже говорилось выше. К достаточно редким среди сарматских древностей Волго-Донского междуречья находкам можно отнести стеклянный литой канфар голубого стекла, точная аналогия которому есть в материалах раннеримского времени в Прикубанье (Гущина, Засецкая 1994: кат. № 206), с датой I в. до н. э. — I в. н. э.

Интересен набор бус из этого кургана. Бусины-амулеты с изображением человеческих лиц (Алексеева 1982: 38, типы 409-411) редко, но все же встречаются в сарматских памятниках первых веков н. э. (Медведев 1990: 37, рис. 11: 36; Ильюков, Власкин 1992: рис. 29: 19). находки бус, подобных крупной глазчатой пронизи (рис. 5: 1) — единичны (Алексеева 1975: 68, тип 81). Хронологические позиции бус кургана распределились таким образом, что наиболее ве-

роятной датой набора является I—начало II вв. н. э. (рис. 7).

Фибула-брошь в виде парящего голубя впервые встречена в Волго-Донском регионе. Точные аналогии есть в Пантикапее и Ольвии (Амброз 1966: 35, табл. 15: 23). Фибулы этого типа обычно украшались эмалью. Следы вставок имеются и на октябрьском экземпляре. Большое количество таких фибул найдено в римских провинциях Паннонии и Германии (Patek 1942: 127, 221, 222, Taff. XXI: 19,23).

Детали шкатулки, обнаруженные в этом комплексе, являются частым атрибутом богатых сарматских погребений римского времени (Прохорова, Гугуев 1992: рис. 9; Гущина, Засецкая 1994: Кат. № 490, 491: 1, 493, 500). К сожалению, найденных деталей недостаточно, чтобы восстановить форму шкатулки.

Колокольчик из того же комплекса относится к типу колькольчиков в виде колпачков с гладкой поверхностью (Гущина, Засецкая 1994: 23, Кат. № 17, 148, 376: 1). Бронзовые колокольчики достаточно часто

встречаются в погребениях первых веков н. э. как античных, так и варварских (Абрамова 1972: 53; Гущина 1982: 24). Вполне вероятно, что колокольчик из Октябрьского относился к конской упряжи.

Деталими конской упряжи являлись также маленький золотой фалар с изображением свернувшегося козла, железные и бронзовые пряжки. По форме, стилю и изображенному мотиву фалар из Октябрьского совершенно аналогичен бляхам Запорожского кургана (Манцевич 1976: рис. 5), кургана 2 могильника Кирсановский-III (Раев 1979: рис. 4,5), кургана 29 у станицы Усть-Лабинской и кургане 2 у станицы Тифлисской (Гущина, Засецкая 1994: Кат. № 329, 540). Столь многочисленные аналогии изображению на октябрьском фаларе говорят о массовом производстве таких блях в первых веках н. э. Пик популярности данного мотива в сарматской торевтике приходится именно на этот период и позднее практически не встречается. Сам мотив — свернувшийся в кольцо козел или баран (?) с вывернутыми в виде свастики ногами — видимо связан с верой в магическую силу такого знака. Так, баран и козел были одним из воплощений иранского божества Фарна. Знак свастики отражает также солярную символику изображенного мотива. Местом производства таких фаларов, видимо, были античные центры Северного Причерноморья. Об этом свидетельствует техника изготовления подобных блях, известная на Боспоре еще в эллинистическую эпоху.

Другие детали упряжи — пряжки (рис. 5: 13—17) и наконечник ремня (рис. 5: 12) также имеют многочисленные аналогии в сарматских древностях (Симоненко, Лобай 1991: рис. 13: 5, 14: 4; Медведев 1990: рис. 12: 14, 21: 4, 36: 8—9; Ильюков, Власкин 1992: рис. 3: 18-19; Гущина, Засецкая 1994: Кат. № 9, 52, 183: 1—2, 515).

Золотые цилиндрики-амулеты, подобные нашему (рис. 5: 11), широко встречаются в Северном Причерноморье, на Кавказе и в сарматских погребениях в первые века н. э. (Пятьшева 1956: 60; Берхин 1961: 143; Гущина, Засецкая 1994: Кат. № 460).

Во втором кургане могильника Октябрьский II наиболее примечательна находка золотой серьги. Близкие ей экземпляры происходят из женского погребения у села Пороги и хутора Алитуб (Симоненко, Лобай 1991: рис. 19: 1, фото 34: 1). Совершенно аналогичные ей серьги (даже цвета вставок совпадают) найдены в погребении 40 кургана 5 I Чертовицкого могильника на Среднем Дону (Медведев 1990: рис. 11: 6,7). Видимо, они были сделаны в одной мастерской.

Состав инвентаря курганов у поселка Октябрьский позволяет сделать вывод о том, что погребенные в этих курганах принадлежали к верхушке сарматского общества. Хронологические рамки таких захоронений, как показал Б. Раев, довольно узки — вторая половина I—начало II вв. н. э. (Раев 1986: diagramm). Распространение их обычно связывается с появлением в восточноевропейских степях аланов.

Абрамова, М. П. 1972. Нижнедзулатский могильник. Нальчик: Северо-кавказское книжное издательство.

Алексеева, Е. М. 1975. Античные бусы Северного Причерноморья // Свод археологических источников Г 1-12. Москва: Наука.

1982. Античные бусы Северного Причерноморья // Свод археологических источников Г 1-12. Москва: Наука.

Амброз, А. К. 1966. Фибулы юга европейской части СССР // Свод археологических источников Д 1-30. Москва: Наука.

Берхин, И. П. 1961. О трех находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 2: 141—154. Ленинград.

Высотская, Т. Н. 1979. Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев: Наукова думка.

Гущина, И. И. 1982. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н. э. // Труды Государственного исторического музея 54. Москва.

Гущина И. И., И. П. Засецкая. 1994. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. Санкт-Петербург: Фарн.

Гущина, И. И., М. Г. Мошкова. 1990. Курганы у с. Харьковка в Заволжье // Проблемы скифо-сарматской археологии: 26-48. Москва.

Дворниченко, В. В., Г. А. Федоров-Давыдов. 1993. Сарматское погребение скептуха I в. н. э. у с. Косика Астраханской области // Вестник древней истории 3: 141-180.

Ильюков, Л. С., М. В. Власкин. 1992. Сарматы между речья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского государственного университета.

Мамонтов, В. И. 1994. Курганный могильник Антонов I // Древности Волго-Донских степей 4: 15—47. Волгоград.

Манцевич, А. П. 1976. Находка в Запорожском кургане (к вопросу о Сибирской коллекции Петра I) // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии: 164—194. Москва.

Медведев, А. П. 1990. Сарматы и лесостепь. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета.

Мордвинцева, В. И. 1994. Серебряные фалары из Жутковского курганного могильника // Петербургский археологический вестник 8: 96—101. Санкт-Петербург.

- Мошкова, М. Г. 1960. Раннесарматские бронзовые пряжки // Материалы и исследования по археологии СССР 78: 293—307. Москва.
- Прохорова, Т. А., В. К. Гугуев. 1992. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // Советская археология 1: 142—162.
- Пятьшева, Н. В. 1956. Ювелирные изделия Херсонеса. Москва: Наука.
- Раев, Б. А. 1979. Новое погребение с римским импортом в Нижнем Подонье // Советская археология 4: 201—212.
- Синицын И. В. 1959. Археологические исследования Заволжского отряда // Материалы и исследования по археологии СССР 60: 39-205. Москва.
1960. Древние памятники в низовьях Еруслана // Материалы и исследования по археологии СССР 78: 10-168. Москва.
- Симоненко, А. В., Б. И. Лобай. 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. (погребение знати у с. Пороги). Киев: Наукова думка.
- Скрипкин, А. С. 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Издательство Саратовского государственного университета.
- Шедевры. 1987. Шедевры древнего искусства Кубани. Краснодар: Краснодарское книжное издательство.
- Шилов, В. П. 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Ленинград: Наука.
- Eggers, H. J. 1951. Der römische Import im freien Germanien. Hamburg.
- Patek, E. von. 1942. Der breitung und Herkunft der römischen Fibeltypen von Pannonien. Budapest.
- Raev, B. A. 1986. Roman Imports in the Lower Don Basin. British Archaeological Reports. International Series 278. Oxford.

BURIAL MOUNDS OF THE SARMATIAN ELITE NEAR OKTYABRSKY

V. I. MORDVINTSEVA, E. P. MYSKOV

In 1993, during the expedition by Volgograd Pedagogical University under the direction of E. P. Myskov, two groups of burial mounds were excavated on a high riverine terrace of the Yesaulovskiy Aksay near Oktyabrsky, Volgograd Region (fig. 1, 3, 6). Ordinary finds from these excavations are typical of the Sarmatian culture of the first centuries AD.

The most remarkable find from mound № 1 of Oktyabrsky I burial ground is a silver buckle representing a saiga's head (fig. 1: 10). It is shaped like the figure of eight and belongs to the type which was popular with the Sarmatians in 300-0 BC (Мошкова 1960: 293; Скрипкин 1990: 97, 164). Such buckles were part of the Sarmatian military costume. The specimen from Oktyabrsky, however, differs from the early Sarmatian buckles in a number of traits and apparently results from the evolution of this type.

Another interesting find from this mound is a fragmented glass bowls made in the millefiore technique (fig. 2: 2). Bowls similar in terms of glass quality and design date to late 1st century BC — 1st century AD, mostly first half of the 1st century AD (Eggers 1951: tab. 14: 181; Шедевры 1987: Cat. № 238).

A silver openwork plaque (fig. 2: 1) from the same burial had been attached to the handle of the vessel. A fragment of a bronze basin from Aalborg with an identical attach-

ment is owned by the National Museum of Denmark (№ 9380) and dates to the early Roman period.

Mound № 1 of Oktyabrsky II (fig. 3) has yielded an especially abundant material. A find rather rare among the Sarmatian antiquities of the Volga-Don interfluvium is a kantharos cast of blue glass (fig. 4: 9). An identical specimen dating from the 1st century BC or 1st century AD is known among the early Roman materials from the Kuban Basin (Гущина, Засецкая 1994: cat. № 206).

Also noteworthy is the collection of beads from this mound (fig. 5: 1-9). They are chronologically arranged in such a way that the most likely date is 1st—early 2nd century AD (fig. 7).

A brooch or fibula shaped like a soaring pigeon (fig. 2: 3) has no parallels in the Volga-Don area. Identical specimens, however, were found in Panticapaeus and Olbia (Амброз 1966: 35, tab. 15: 23). Fibulae of that type were usually decorated with enamel. Traces of enamel inserts are also visible on the specimen from Oktyabrsky. Many such fibulae were found in the Roman provinces of Pannonia and Germania (Patek 1942: 127, 221, 222, tab. XXI: 19, 23).

Other elements of the harness were a small golden phalera representing a rolled-up goat

(fig. 5: 18), a bronze bell (fig. 5: 22), and iron and bronze buckles (fig. 5: 13,14,17). In terms of form, style, and motif, the phalera from Oktyabrsky is identical to plaques from Zaporozhsky burial mound (Манцевич 1976: fig. 5), Kirsanovsky III mound 2 (Раев 1979: figs. 4,5), Ust-Labinskaya mound 29, and Tiflisskaya mound 2 (Гущина, Засецкая 1994: cat. № 329, 540). The abundance of these parallels attests to the mass production of such plaques in the first centuries AD. This motif was especially popular in the Sarmatian toreutics at that time but is virtually unknown in later assemblages. The motif itself (goat or ram coiled up in a ring-like fashion, legs turned and crossed like a swastika) was evidently related to some magical belief. Indeed, the ram and the goat were manifestations of the Iranian deity Farn. The sign of swastika refers to the solar symbolism of this motif. These phalerae were apparently manufactured in Greek colonies of the northern Pontic region, as evidenced by the technique, which was used in the Bosphorus already in the Hellenistic

period. Other details of the harness, such as buckles (fig. 5: 13-17) and belt tip (fig. 5: 12), too, have numerous parallels among the Sarmatian antiquities.

The most notable find from Oktyabrsky II mound 2 is a golden earring from the female burial near Porogi and Alitub (Симоненко, Лобай 1991: fig. 19: 1, photo 34: 1). Identical earrings were found in mound 5, burial 40, of Chertovitsky I burial ground on the Middle Don (Медведев 1990: fig. 11: 6,7). Because their similarity extends even to the colour of the inserts, they must have been made in the same workshop.

Assemblages from Oktyabrsky suggest that people buried in these mounds belonged to the Sarmatian elite. According to Raev, the chronological range of the burials is rather narrow: second half of the 1st century—early 2nd century AD (Raev 1986: diagramme). Their distribution over vast territories is usually linked with the appearance of the Alans in the Eastern European steppes.

СЕРЕБРЯНЫЙ КУБОК ИЗ БЕРДИИ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ САРМАТОВ

В I в. н. э.

И. В. СЕРГАЦКОВ*

В 1993 г. экспедицией Волгоградского университета проводились раскопки курганов в окрестностях железнодорожной станции Бердия Иловлинского района Волгоградской области (левый берег р. Иловли). В одноименном могильнике был исследован курган № 8, относящийся к I в. н. э. Наибольший интерес в нем представляет впускное погребение № 2. В прямоугольной яме была захоронена взрослая женщина, она лежала вытянуто на спине, голова на юг с небольшим отклонением к востоку. По обряду это погребение вписывается в круг древностей среднесарматского времени. Указанное захоронение выделялось своим богатством. В нем обнаружены бронзовая пряжка, два гипсовых сосулика и гончарный сероглиняный кувшин, два каменных пряслица, железное кольцо, нож, стеклянные бусы и золотые украшения: пронизки, бляшки, подвески и серьги. Особенно интересна находка серебряного кубка. Он сильно деформирован землей и полностью его реставрировать не удалось. Кубок представляет собой сосуд усеченно-конической формы высотой 9,2 см. После отливки он был тщательно прокован. На боку и на дне сосуда острым предметом процарапаны две одинаковые тамги. Знак представляет собой окружность, от которой вверх и вниз отходят прямые линии, заканчивающиеся разомкнутыми окружностями. Одно из их ответвлений образует небольшой завиток, обращенный наружу. Помимо этого, на дне процарапан еще один знак из трех прямых линий, пересекающихся в одной точке. Первая тамга прочерчена позже, поверх последнего знака. В боку кубка пробито два отверстия, через них продета нитка, на которой он, видимо, подвешивался (рис. 1). Под сосудом сохранились кусочки ткани, возможно, остатки мешочка, в котором он хранился. Скорее всего, он уже не использовался по прямому назначению, а играл какую-то иную, вероятно, ритуальную роль.

Кубок, аналогичный бердиевскому, найден в Помпеях (Spinazzola 1928: 228), что предполагает дату не позднее 79 г. н. э. Учитывая простоту формы кубка, вряд ли следует датировать его ранее середины I в. н. э.

Особый интерес представляют тамги, помещенные на сосуде. Наличие их на кубке не удивительно — аналогичный случай, например, зафиксирован в погребении у села Пороги (Симоненко, Лобай 1991: рис. 16). У ираноязычных кочевников сосуды из драгоценных металлов играли культовую роль, поэтому изображение тамги на посуде такого рода вполне понятно.

Как известно, тамга является символом родовой принадлежности, знаком собственности. Их происхождение, эволюция и семантика подробно исследовались Э. И. Соломоник и В. С. Драчуком (Соломоник 1959; Драчук 1975). Оба знака на кубке хорошо известны в Северном Причерноморье. Наиболее ранний знак в виде трехлучевой крестообразной фигуры находит аналогии среди причерноморских тамг первых веков н. э. (Соломоник 1959: рис. 177; Драчук 1975: табл. XIII, рис. 2: 2). Две более поздние тамги относятся к схеме Инисмея. Основу знаков данной схемы составляют центральные окружности, от которых отходят прямые линии, заканчивающиеся волютами, перекладинами или какими-либо другими фигурами. Тамги из Бердии несколько отличаются от них, они завершаются разомкнутыми окружностями с завитком. Такое же навершие имеется у тамги, помещенной на серебряной чаше, передельанной в фалар, из погребения у села Грушка в Молдавии. Автор публикации вполне обоснованно сопоставил ее с эмблемой царя Фарзоя (Гросу 1986: 261, рис. 1: 24).

Очень близкие тамгообразные псалии, почти идентичные по своей форме бердиевскому знаку, найдены в кургане № 64 могильника «Царский», который датируется второй половиной I — началом II вв. н. э.

* Россия. 400062. Волгоград. 2-ая Продольная ул., 30. Волгоградский государственный университет.

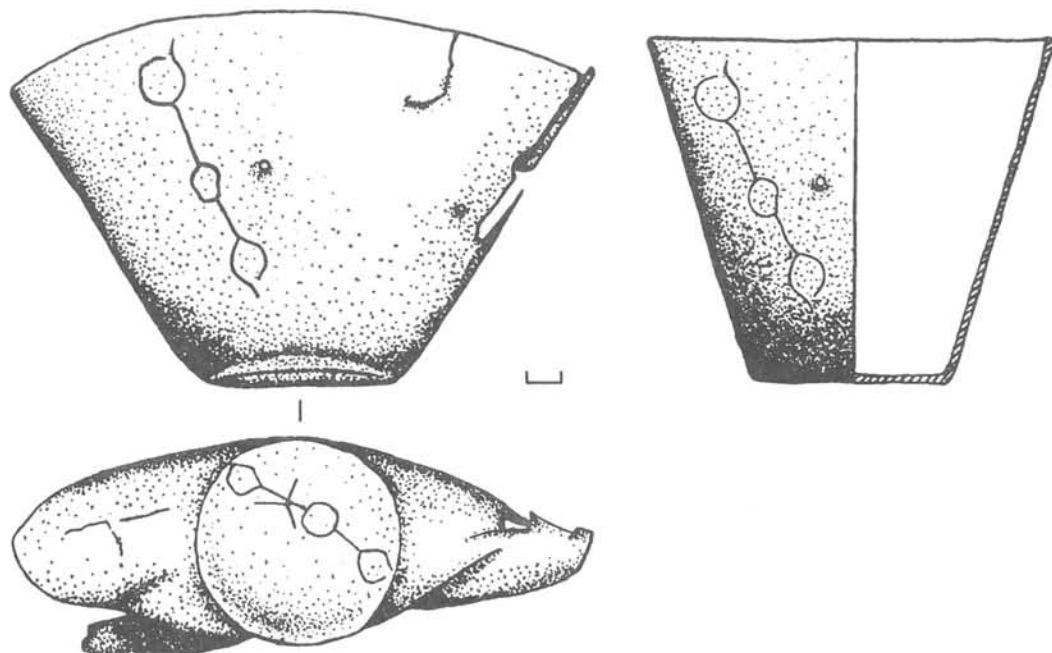

Рис. 1 Серебряный кубок из Бердии. Современное состояние и реконструкция.

Fig. 1 Silver bowl from Berdia. Present state and reconstruction.

(Власкин 1990: 64-68, рис. 1: 1). Такие же псалии имеются в комплексе из впускного погребения кургана у станицы Воздвиженской на Кубани (Гущина, Попова 1970: рис. 19: 2). По своим очертаниям указанные псалии близки тамге Фарзоя из Грушки. Знаки этой же схемы известны в Средней Азии и Казахстане (Вайнберг, Новгородова 1976: рис. 7, табл. II).

Тамга из Бердии занимает промежуточное положение между знаками Фарзоя и Инисмея, но, судя по наличию центральной окружности — обязательной детали тамг Инисмея — принадлежит к схеме последнего. Тамги обоих царей помещены на их монетах, чеканенных в Ольвии в промежутке между 48/49 и 83 гг. н. э. (Карышковский 1982: 72—79). При этом эмиссия Инисмея датируется концом 70-х — началом 80-х годов (Карышковский 1982: 73-74). Само появление тамги, сочетающей в себе элементы знаков Фарзоя и Инисмея, вряд ли можно датировать временем ранее конца 70-х годов, когда появляются тамги последнего из этих царей. Впрочем, можно предположить и иной вариант, правда, труднодоказуемый: тамги Инисмея происходят от знаков типа бердиевского, которые, в свою очередь, являются производными от тамг Монголии и Средней Азии, в целом более ранних, чем причерноморские знаки. На скалах Цаган-гола имеется тамга практически идентичная символам Инисмея и весьма близкая тамге из Бердии (Вайнберг, Новго-

родова 1976: рис. 56). Более предпочтительным все же представляется первый вариант.

Сам же кубок был изготовлен раньше указанного времени (конец 70-х годов), так как на нем имеется более ранняя тамга первого владельца, от которого он попал в руки последней хозяйки, видимо, принадлежавшей к роду Инисмея.

Несколько отвлекаясь от основной темы, хотелось бы вкратце остановиться на одном вопросе. Речь идет о датировке известного погребения у станицы Воздвиженской, одного из ключевых комплексов зубовско-воздвиженской группы сарматских курганов Прикубанья. Суммарная дата этой группы памятников у разных исследователей варьирует довольно значительно (Щукин 1992: 103—104), при этом само воздвиженское погребение датировалось в пределах II в. до н. э. — I в. н. э. (Гущина, Попова 1970: 89—90). Сейчас этот комплекс принято относить к рубежу нашей эры (Гущина, Засецкая 1989: 88; Щукин 1992: 109). Его узкая дата основывается, собственно говоря, лишь на двух находках: стеклянном скифосе и римском пилуме. Не подвергая сомнению их датировку, хотелось бы обратиться и к другим материалам, которым почему-то не было уделено должного внимания. В погребении найдены два бронзовых котла — большой и маленький. Такое сочетание отмечается в богатых погребениях Нижнего Поволжья и Подонья среднесарматского периода (I—середина II вв. н. э.). В более раннее время подобные совместные находки не встречаются. В состав

воздвиженского комплекса входят два длинных ножа, видимо, ритуального назначения. Такие же ножи были обнаружены в кургане № 2 могильника Котлубань (Скрипкин 1989: 174, рис. 1: 16,17). Аналогичные находки имеются в кургане № 2 могильника Петрунино IV и в кургане № 6 могильника Петрунино II (раскопки автора). Помимо перечисленных случаев, А. В. Симоненко привел перечень еще нескольких памятников с ножами, подобными воздвиженским (Симоненко, Лобай 1991: 42). Все они относятся к позднесарматскому времени. Скорее всего, авторы последней по времени полной публикации воздвиженского погребения исходили из традиционной даты среднесарматских древностей — I в. до н. э.—I в. н. э. (Гущина, Засецкая 1989: 96—101). Например, в качестве аналогии воздвиженской фигурирует гривна из известного калиновского погребения и приводится датировка В. П. Шиловой I в. до н. э.—I в. н. э. Но в последнем комплексе содержится бронзовая лучковая фибула раннего варианта, время существования которого I в. н. э. (Амброз 1966: 48; Скрипкин 1977: 105). Следует заметить, что хронологические рамки среднесарматской культуры сейчас сдвинуты в I—начало II вв. н. э. (Скрипкин 1990: 175—178), а именно в среднесарматских древностях находит аналогии абсолютное большинство материалов воздвиженского комплекса. И, наконец, как уже отмечалось, появление тамг схемы Инисмея, — а именно к ней относятся псалии из Воздвиженской, — вряд ли можно датировать ранее середины I в. н. э. Таким образом, представляется возможным несколько повысить дату воздвиженского погребения до середины I в. н. э.

Возвращаясь к основной теме статьи, надо отметить, что в последнее время сарматологи все чаще привлекают тамги в своих исследованиях этнической истории сарматских племен. В этом отношении особенно любопытно поразительное сходство знаков Цаган-гола (Монгольский Алтай), Хорезма и Согда с тамгами Северного Причерноморья. Б. И. Вайнберг и Э. А. Новгородова считают тамги на монетах Хорезма, Бухары и Самарканда принадлежащими династии «дома Юечжи» Чжаову китайских источников, а сходство их с причерноморскими знаками отражает, по мнению исследователей, родство племен, их оставивших, а также, вероятно, и путь их расселения (Вайнберг, Новгородова 1976: 69—72). Кем же были эти кочевники, продвинувшиеся из Средней Азии в причерноморские степи и принешие с собой тамги? Ответ на этот вопрос далеко не прост, среди исследователей нет единства мнений по этому поводу. Так, А. В. Симоненко считает Фарзоя и Инис-

мея царями аорсов (Симоненко, Лобай 1991: 75; Симоненко 1992: 161,162). Близкой точки зрения придерживается М. Б. Щукин (Щукин 1982: 36). А. С. Скрипкин высказался в пользу аланской принадлежности тамг схемы Фарзоя и Инисмея (Скрипкин 1990: 208). Какая же из этих гипотез предпочтительнее? Этот вопрос следует рассматривать в общем контексте той этнокультурной ситуации, которая существовала в волго-донских и причерноморских степях в последних веках до н. э.—первых веках н. э.

Аорская принадлежность раннесарматских памятников Нижнего Поволжья и Подонья, установленная на основе этногеографической номенклатуры Страбона (Смирнов 1974: 38—41), никем не подвергается сомнению. Однако, в раннесарматской культуре отсутствуют тамги — те тамгообразные знаки, которые встречаются на посуде савроматского и раннесарматского времени (Соломоник 1959: 17, 159; Драчук 1975: табл. II), вряд ли вообще являются тамгами, по крайней мере, к знакам I в. н. э. они никакого отношения не имеют. Подлинные тамги появляются в Восточной Европе в I в. н. э., где они фиксируются в памятниках среднесарматской культуры и являются одним из ее признаков. Становление в I в. н. э. в волго-донских степях среднесарматской культуры некоторыми исследователями связывается с миграцией из Азии аланов (Raev 1986: 59—63; Скрипкин 1990: 214—218). Исходя из этой точки зрения, аорсы не использовали в своей практике тамги, а появление в Восточной Европе этих знаков, типологически идентичных или производных от среднеазиатских тамг, выступает в качестве одного из аргументов миграционной версии происхождения аланов. При этом тамги из Волго-Донского междуречья (Косика, Бердия) могут служить иллюстрацией продвижения алан в Восточную Европу и заполняют территориальную лауну между Средней Азией и Северным Причерноморьем. Таким образом, вторая точка зрения («аланская») по поводу принадлежности тамг схем Фарзоя и Инисмея представляется более убедительной, хотя и не лишенной некоторых слабых сторон. Я отнюдь не склонен считать каждое среднесарматское погребение, даже если в нем имеется тамга, в том числе и бердиевское, принадлежащим аланам. Обстановка, видимо, была сложнее. После появления аланов в Волго-Донских степях происходит перегруппировка ранее обитавших здесь сарматских племен. Часть их была интегрирована в новое этнополитическое объединение, которое, скорее всего, скреплялось не только военной мощью племени-гегемона, но и, возможно, брачными связями. Не исключено, что курган № 8 Бер-

диевского могильника, где в погребении № 2 был найден публикуемый кубок, является отражением именно такой ситуации. В этом кургане обнаружено четыре весьма близких друг другу по времени погребения. Их расположение под насыпью очень напоминает планировку захоронений в раннесарматских курганах-кладбищах, где число могил иногда достигает нескольких десятков. В среднесарматскую эпоху, как известно, абсолютно преобладают погребения под индивидуальной насыпью. Этот случай можно рассматривать

как сохранение старых, еще раннесарматских традиций в новых этнокультурных условиях. Вполне возможно, что женщина, захороненная в погребении № 2, была связана брачными отношениями с мужчиной из основного погребения № 1. Скорее всего, она принадлежала к роду Инисмея, и вместе с ней серебряный кубок попал на берега Иловли. Разумеется, такой путь поступления сюда кубка гипотетичен, но вполне допустим. По крайней мере, он не более невероятен, чем иные варианты.

Амброс, А. К. 1966. Фибулы юга европейской части СССР // Свод археологических источников Д 1-30. Москва.

Вайнберг, Б. И., Э. А. Новгородова. 1976. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века): 66—74. Москва: Наука.

Власкин, М. В. 1990. Уздечный набор с тамгообразными псалями из могильника «Царского» // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. 9: 64—68. Азов.

Гросу, В. И. 1986. Сарматское погребение в Поднепровье // Советская археология 1: 258—261.

Гущина, И. И., И. П. Засецкая. 1989. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н. э.—начало II в. н. э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды Государственного исторического музея 70: 71—141. Москва.

Гущина, И. И., Т. Б. Попова. 1970. Воздвиженский курган — памятник III тысячелетия—I в. до н. э. // Ежегодник Государственного исторического музея 1965—1966: 71—90. Москва.

Драчук, В. С. 1975. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка.

Карышковский, П. О. 1982. О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья: 72—79. Киев: Наукова думка.

Симоненко, А. В. 1992. Фарзой и Инисмей — аорсы или аланы? // Вестник древней истории 3: 148—162.

Симоненко, А. В., Б. И. Лобай. 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. Киев: Наукова думка.

Скрипкин, А. С. 1977. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // Советская археология 2: 100—120.

1989. Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов // Советская археология 4: 172—181.

1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Издательство Саратовского государственного университета.

Смирнов, К. Ф. 1974. Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Дона и Волги в IV в. до н. э.—II в. н. э. (историко-археологический очерк) // Советская археология 3: 33—44.

Соломоник, Э. И. 1959. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев.

Щукин, М. Б. 1982. Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья // Сообщения Государственного Эрмитажа XLVII: 35—38.

1992. Некоторые замечания к вопросу о хронологии Зубовско-Воздвиженской группы и проблеме ранних алан // Античная цивилизация и варварский мир 1: 103—124. Новочеркасск.

Raev, B. A. 1986. Roman Imports in the Lower Don Basin // British Archaeological Reports. International Series 278. Oxford.

Spinazzola, V. 1928. Le Arti Decorative in Pompei e nel museo nazionale de Napoli. Casa editrice d'arte bestetti e Tumminelli. Milano-Roma-Venezia-Firenze.

A SILVER BOWL FROM BERDIA AND CERTAIN ISSUES IN THE HISTORY OF THE SARMATIANS IN THE 1ST CENTURY AD

I. V. SERGAUKHOV

In 1993, during the excavations of a group of mounds near the railway station of Berdia (Ilovlya District, Volgograd Region, left bank

of the Ilovlya, a left tributary of the Don), a silver bowl was found in burial 2 of mound 8 among rich and diverse burial goods (fig. 1).

On its side and bottom, there are carved tamgas belonging to Inismeus's scheme. Similar signs were stamped on Olbian coins minted in AD 70^s and 80^s. They are also known in Central Asia, Kazakhstan, and Mongolia. Tamga-like psalias of this shape were found in Tsarskiy burial ground, the lower Don, and in a mound near Vozdvizhenskaya, the Kuban.

Pompean parallels to the bowl, the tamga of Inismeus's scheme, and some other facts suggest that the burial dates to late 1st century AD. The Berdia find provides yet another proof that the Vozdvizhenskaya burial, one of the key assemblages in the Zubov-Vozdvizhenskaya group, is younger than previously believed. Its likely date is mid — 1st century AD.

Over the recent years, specialists in Sarmatian history have more and more often used tamgas in their ethnic reconstructions. Notably, signs carved on the rocks of Tsagan-gol (Mongolian Altai), Khoresmia, and Sogdia, bear a striking resemblance to northern Pontic tamgas. According to Weinberg and Novgorodova, the chain-like geographical distribution of these signs ranging from Mongolia to the Balkans marks the route of the nomads from the innermost areas of Asia into Eastern Europe. Who, then, were these nomads? Who

left the tamgas of Farzoy's and Inismeus's schemes? Shchukin, Simonenko, and Vinogradov believe that these people were the Aorses. In Skripkin's view, these signs were left by the Alans. The issue should be considered in the context of the ethno-cultural situation in the Eastern European steppes in the last centuries BC and first centuries AD.

According to Strabo's ethno-geographic terminology, the Aorses were bearers of traditions represented by the Early Sarmatian culture of the Lower Volga and Don regions. However, in none of the sites of these cultures have any tamgas been found. They first appear at the Middle Sarmatian stage and belong to its distinctive features. Many researchers link the emergence of the Middle Sarmatian culture with the migration of Alans from the innermost parts of Asia. According to Dion Cassius and Ammian Marcellin, Alans were former Massagets, who lived in the western part of Central Asia. No one, however, has ever localized the Aorses in those regions. The resemblance of Eastern European tamgas including that on the bowl from Berdia with those from Central Asia and Mongolia is yet another argument in favour of the «Alanian theory» of Middle Sarmatian origins.

ЮГО-ВОСТОЧНОЕ ПРИЛАДОЖЬЕ В ПЕРИОД 860–950-х ГОДОВ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ОСНОВНЫХ ТИПОВ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

С. В. БЕЛЬСКИЙ*

Курганные могильники, расположенные по берегам рек, впадающих с юго-востока и востока в Ладожское озеро, часто привлекали внимание исследователей, занимающихся проблемами средневековой истории и археологии Северной и Восточной Европы эпохи конца I—начала II тыс. н. э. (рис. 4). Первыми наиболее крупными исследованиями курганов в этом регионе стали раскопки Н. Е. Бранденбурга 1878—1886 годов, результаты которых до сих пор составляют основу источниковой базы для погребальной культуры Приладожья (исследовано более 130 погребальных сооружений на рассматриваемой территории). Н. Е. Бранденбургу и известному систематизатору русских древностей А. А. Спицыну принадлежит и первая попытка обобщения полученных материалов (Бранденбург 1895, Спицын 1895: 143—154). Именно в их работах курганы Юго-Восточного Приладожья впервые предстали как единый пласт древностей. Были выявлены специфические черты обрядности этих памятников, отличающие их от известных на то время других погребальных насыпей. В статье А. А. Спицына весьма точно был очерчен ареал распространения и определена их позиция среди средневековых древностей Северной и Восточной Европы как промежуточное звено между Прикамьем, Аландскими островами, о. Готланд и Финляндией (Спицын 1895: 153).

Целостная концепция развития Приладожского населения, его этнические характеристики были представлены гораздо позднее в работах В. И. Равдоникаса, который сам проводил археологические исследования в регионе (Равдоникас 1934; Raudonikas 1930). Несмотря на получение абсолютно

нового материала (впервые были открыты курганные могильники на Олонецком перешейке в бассейне реки Капши, представляющие собой иной не известный до того времени тип погребальных сооружений, получены детальные данные по памятникам в верховьях Сяси — то есть в регионах, где Н. Е. Бранденбург не проводил раскопок) исследователь придерживался точки зрения на курганы Юго-Восточного Приладожья как памятники, оставленные однородным в этническом плане населением — предками современных карел и вепсов (Равдоникас 1934: 25). Одновременно с этим В. И. Равдоникас вступает в полемику со шведским исследователем Т. Арне, который, основываясь на материалах Н. Е. Бранденбурга, придерживался противоположной точки зрения на этническую принадлежность курганов Юго-Восточного Приладожья. Согласно концепции Т. Арне, большое количество скандинавских вещей, найденных вдоль торговых путей и датированных IX—X вв. свидетельствовало об интенсивном проникновении скандинавов в русские земли. Результатом этого проникновения стало создание целого ряда колоний вдоль наиболее важных торговых путей. По мнению Т. Арне, именно в Юго-Восточном Приладожье, а точнее на р. Паше, в первой половине IX в. возникла самая ранняя на Руси скандинавская колония (Arne 1917: 61—63, 54—55). В. И. Равдоникас выступил с развернутой критикой положений Т. Арне. По его мнению, появление импортных вещей скандинавского происхождения на территории Приладожья было следствием интенсивной торговли местного населения с пришлым, которое не составляло здесь сколько-нибудь

* Россия. 199034. Санкт-Петербург. Менделеевская линия, д. 5/2. Санкт-Петербургский государственный университет, исторический факультет, кафедра археологии.

значимого числа (Raudonikas 1930: 134—135).

Таким образом, начиная с работ В. И. Равдоникаса в историографии, посвященной курганам Юго-Восточного Приладожья, развивались в основном два направления: выяснение этнической принадлежности погребенных и определение роли скандинавов в сложении специфичной культуры региона. Привлекая новые материалы, полученных прежде всего благодаря раскопкам курганных могильников на реке Оять А. М. Линевским, ряд авторов высказали мнение, согласно которому эти памятники принадлежат летописной Веси, вернее одной из ее племенных группировок, попавшей под сильное влияние скандинавов в силу географической близости к торговым путям (Линевский 1949: 57—72; Голубева 1973: 5—56; Кочуркина 1973: 53-80). В работах шведских археологов Юго-Восточное Приладожье выступало как освоенная в IX—X веках скандинавскими колонистами территория, которые вследствие своей оторванности от метрополии изменили свой обряд, возможно, под некоторым влиянием многочисленного местного населения (Arbman 1961, 1962: 68—82; Stender-Petrsen A. 1956: 76—89).

Ситуация изменилась в 70-е годы вследствие появления серии работ В. А. Назаренко. Начиная с конца 60-х годов, исследователем проводились систематические раскопки погребальных сооружений в Юго-Восточном Приладожье. Высокий методический уровень этих исследований позволил реконструировать процесс создания курганов, составляющих их элементов, наметить основные пути развития обрядности. Такие реконструкции были предложены им в ряде работ (Назаренко 1973: 38—42, 1976: 96—100). На основе этого В. А. Назаренко сделал вывод, что подобные памятники представляют собой единое целое и выделил признаки, достаточные для отнесения погребальных памятников к одному кругу древностей. В качестве основных признаков исследователь предложил считать присутствие в насыпи курганов очагов и ритуальных огневищ; расположение погребения в центре погребального сооружения или разделение кургана на мужскую и женскую половины; расположение предметов в захоронениях в соответствии с определенными принципами, независимо от положения остатков умерших и состава инвентаря, а также выделение по своему положению предметов без следов пребывания на погребальном костре (Назаренко 1983: 113—117). Определение Приладожских курганов как цельного и стабильного явления позволило создать типологию

погребальной обрядности на основе применения статистических методов обработки материала, что было произведено ученым в диссертационном исследовании (Назаренко 1983).

Под типологией погребальной обрядности автор понимал определенную совокупность типов и вариантов обряда захоронения, учитывающую их связи во времени и пространстве (Назаренко 1983: 133). Определение этих типов и вариантов обряда проводилось путем статистической обработки группы признаков для выделения устойчивых сочетаний между ними. В качестве таких признаков были выбраны исключительно особенности могильных сооружений, состав и положение останков умерших, состав и размещение погребального инвентаря. В результате было получено шесть сочетаний, которые были интерпретированы как разные варианты 2-х типов погребального обряда в Приладожье. По мнению В. А. Назаренко, каждый из них в основных своих чертах восходит к памятникам докурганного периода. Развитие собственно курганного обряда на рассматриваемой территории было в первую очередь обусловлено взаимодействием этих традиций, что привело к появлению значительного числа комплексов, сочетающих в себе элементы нескольких типов обряда (Назаренко 1983: 159—161).

На основании проделанной работы В. А. Назаренко делает вывод о наличии в Приладожье двух регионов — Южного и Восточного, которым соответствуют две, различные в этно-культурном отношении, финские группировки (Назаренко 1979а: 154). Исследователь относит памятники Восточного Приладожья к древнему финскому населению, на основе которого в XII—XIV вв. сложилась карельская народность и, в частности, одна из ее диалектных групп, и ныне живущая здесь — карелы-ливвики. Различия в погребальной обрядности, с точки зрения В. А. Назаренко, не позволяют считать жителей Южного Приладожья идентичными в этно-культурном отношении жителям Восточного Приладожья. Но принадлежность жителей Южного Приладожья к прибалтийско-финской языковой группе, доказанная лингвистами, не вызывает сомнений. Исследователь условно называет это население «Приладожской Чудью» (Назаренко 1979а: 155-156). Однако эти важные выводы не получили дальнейшего развития поскольку отсутствие разработанной хронологии погребальных комплексов не давало возможности детально проследить эти процессы во времени, выявить различные аспекты взаимодействия разных типов памят-

ников для разных районов Юго-Восточного Приладожья.

Хронологии погребальных памятников рассматриваемого региона были посвящены диссертационное исследование О. И. Богуславского (Богуславский 1992) и ряд его публикаций (Богуславский, Яблоник 1987: 25-26, Богуславский 1991: 99-114). Не останавливаясь подробно на методике, предложенной автором, нужно сказать, что в результате этой работы были получены даты мужских и женских погребений, распределенные по семи хронологическим периодам — D2 (860—890-е годы), D1 (890—920-е годы), C2 (920—950-е годы), C1 (950—980-е годы), B (980—1020-е годы), A2 (1020—1070-е годы) и A1 (после 1070-х годов). Серия работ исследователя была посвящена анализу динамики культурно-исторических процессов в каждый период времени (Богуславский 1992б: 44—68, 1993: 132—155). Не рассматривая подробно вопросы этнической и политической истории Приладожья, используя в работе исследование предшественников, автор уделяет пристальное внимание изменениям в материальной культуре региона. О. И. Богуславским убедительно доказано, что эти изменения, их интенсивность, были обусловлены изменениями трассы торговых путей, характером торговых операций. Международная торговля выступает в его работах как ведущий фактор в развитии Юго-Восточного Приладожья (Богуславский 1993: 155). От этого непосредственно зависели и этнические, и социальные и политические процессы, протекавшие в регионе в IX—XIII веках.

Недавно возможности корреляционно-комбинаторного метода построения относительной хронологии погребений, которые использовал в своей работе О. И. Богуславский, были подвергнуты критике Ю. М. Лесманом (Лесман 1995: 194—209, 1996: 52—65). Не вдаваясь в подробности аргументации каждого из авторов и не пытаясь предложить иную — третью хронологию погребений Юго-Восточного Приладожья, для исследования курганной обрядности приходится делать выбор между двумя предложенными системами датировки и обосновывать его. По моему мнению, важны прежде всего конечные результаты как сами по себе, так и в контексте их использования для конкретной работы. Ю. М. Лесманом предложены датировки далеко не всех погребений. Публикации автора были посвящены лишь памятникам небольшого региона (Лесман 1995: 194—209) или возможностям датировки части мужских комплексов (Лесман 1996: 52—65). Ю. М. Лесманом была проведена датиров-

ка по новгородской вещевой шкале комплексов, отнесенных О. И. Богуславским к относительно поздним периодам A1 (после 1070-х годов), A2 (1020—1070-е годы), B (980—1020-е годы), C1 (950—980-е годы) (Лесман 1996: 54). Однако, только имея дробные датировки погребений для всех периодов существования курганной традиции захоронения в Приладожье, возможно наиболее адекватное исследование развития обрядности. Поэтому в данном случае будет использоваться только хронология, разработанная О. И. Богуславским.

Таким образом, при детально разработанной хронологии появляется возможность датировки конкретных типов обряда на основе соотнесения их с конкретными датированными комплексами (под понятием «комплекс» в данном случае выступает не только собственно погребение, но и относящиеся к нему элементы обрядности: очаг и очажный набор, отдельно уложенные предметы сопровождающего инвентаря, сопутствующие жертвенные захоронения и т. д.). Однако на основе анализа, проведенного В. А. Назаренко, затруднительно соотнести конкретные комплексы и типы по ряду причин. Во-первых, статистически выделенным группам (Назаренко 1983: рис. 54) свойственна значительная взаимоналагаемость и, как следствие, групп, характеризующихся устойчивым сочетанием признаков оказалось больше, чем шесть. Во-вторых, сила связи у каждого из сорока используемых в работе признаков друг с другом была различна, следовательно, вероятность появления в комплексах, относящихся к разным типам обряда, одного и того же признака и наоборот была велика. Таким образом, для дальнейшего исследования в этом направлении необходимо, во-первых, соотнести конкретные комплексы с конкретными типами погребального обряда, а во-вторых, на основе такого анализа датировать выделяемые типы и проследить их развитие во времени и пространстве.

Для анализа погребального обряда в предложенном контексте (под термином «погребальный обряд» в данном случае я понимаю совокупность признаков, характерных для каждого конкретного датированного комплекса, в отличие от обрядности — совокупности всех признаков, в разной степени связанных друг с другом) следует отказаться от учета коэффициентов силы связей. В таком случае признак становится не статистической категорией, а описательной — погребальный комплекс описывается как совокупность выделенных фиксированных признаков, находящихся в определенных связях друг с другом. Для вы-

Рис. 1 Таблица встречаемости признаков погребального обряда в комплексах Юго-Восточного Приладожья: А — мужские комплексы; Б — женские комплексы.

Признаки: 1 — расположение погребений в насыпи сооружения; 2 — разделение площадки на мужскую и женскую половины; 3 — расположение погребений в восточной части сооружения; 3* — расположение погребений в западной части сооружения; 4 — расположение погребений на основании; 5 — расположение погребений без разделения площадки на мужскую и женскую половины; 6 — расположение погребений рядом друг с другом; 7 — расположение погребений в центральной части сооружения; 8 — расположение очага или огневища в насыпи; 9 — расположение очага или огневища на основании; 10 — расположение очага или огневища в насыпи; 11 — расположение очага или огневища в нецентральных частях сооружения; 12 — труположение с меридиальной ориентировкой; 13 — погребение в материковой могильной яме; 14 — труположение с западной ориентировкой.

Комплексы А: 1. Карлуха — курган 17, погребение 1; 2. Костино — курган 101, погребение 2; 3. Кручевский ручей — курган 85, погребение 2; 4. Сязнига VI — курган 65, погребение 1; 5. Сязнига VI — курган 61, погребение 1; 6. Овино-Сладкий Бор — курган 6, погребение 1; 7. Галично I — курган 1, погребение 7; 8. Галично II — курган 3, погребение 7; 9. Карлуха — курган 9, погребение 1; 10. Вахрушево — курган 116, погребение 4; 11. Сязнига III — курган 45, погребение 1; 12. Галично II — курган 2, погребение 5; 13. Галично II — курган 2, погребение 4; 14. Городище — курган 124, погребение 1; 15. Городище — курган 124, погребение 3; 16. Городище — курган 126, погребение 1; 17. Городище — курган 128, погребение 1; 18. Вахрушево — курган 116, погребение 1; 19. Сязнига VI — курган 60, погребение 2; 20. Галично I — курган 2, погребение 1; 21. Костино — курган 100, погребение 1; 22. Кашино — курган 8, погребение 1; 23. Заозерье — курган 6, погребение 3; 24. Кирилина — курган 88, погребение 1; 25. Вихмель — курган 69, погребение 1; 26. Чемихино — курган 1, погребение 1; 27. Сязнига VI — курган 60, погребение 1; 28. Сязнига VI — курган 58, погребение 1; 29. Карлуха — курган 10, погребение 1; 30. Галично I — курган 2, погребение 6; 31. Сязнига VIII — курган 1, погребение 1; 32. Шангиничи — лес — курган 3, погребение 2; 33. Усть-Рыбежна — курган 19, погребение 1; 34. Сязнига VI — курган 60, погребение 4; 35. Подъелье — курган 104, погребение 2; 36. Галично II — курган 1, погребение 1; 37. Городище — курган 127, погребение 1; 38. Галично II — курган 3, погребение 5; 39. Галично II — курган 3, погребение 6; 40. Городище — курган 3, погребение 1; 41. Конбежка-Костино — курган 95, погребение 1; 42. Сязнига II — курган 45, погребение 1; 43. Гиттойла — курган 1, погребение 1; 44. Костино — курган 102, погребение 1; 45. Сязнига II — курган 10, погребение 1; 46. Гайгово — курган 2, погребение 1; 47. Сязнига VI — курган 65, погребение 4; 48. Шангиничи — лес — курган 5, погребение 1.

Комплексы Б: 1. Карлуха — курган 17, погребение 2; 2. Кручевский ручей — курган 85, погребение 2; 3. Сязнига VI — курган 65, погребение 3; 4. Сязнига VI — курган 61, погребение 2; 5. Галично II — курган 2, погребение 9; 6. Карлуха — курган 9, погребение 2; 7. Галично II — курган 3, погребение 8; 8. Городище — курган 124, погребение 2; 9. Городище — курган 124, погребение 4; 10. Конбежка-Костино — курган 95, погребение 2; 11. Городище — курган 5, погребение 1; 12. Сязнига II — курган 19, погребение 2; 13. Кашино — курган 8, погребение 2; 14. Сязнига VI — курган 60, погребение 3; 15. Вихмель — курган 69, погребение 1; 16. Вихмель — курган 72, погребение 2; 17. Кирилина — курган 88, погребение 2; 18. Костино — курган 100, погребение 2; 19. Подъелье — курган 105, погребение 1; 20. Вахрушево — курган 116, погребение 3; 21. Заозерье — курган 6, погребение 6; 22. Овино-Сладкий Бор — курган 12, погребение 2; 23. Галично I — курган 1, погребение 8; 24. Галично I — курган 2, погребение 3; 25. Галично I — курган 2, погребение 5; 26. Карлуха — курган 10, погребение 2; 27. Сязнига II — курган 10, погребение 2; 28. Карлуха — курган 18, погребение 1; 29. Карлуха — курган 20, погребение 2; 30. Яровщина — курган 3, погребение 2; 31. Кашино — курган 8, погребение 4; 32. Сязнига VI — курган 62, погребение 1; 33. Заозерье — курган 6, погребение 2; 34. Шугозеро — курган 4, погребение 1; 35. Галично I — курган 2, погребение 1; 36. Подъелье — курган 104, погребение 3; 37. Кирилина — курган 89, погребение 2; 38. Галично II — курган 1, погребение 2; 39. Сязнига III — курган 45, погребение 3; 40. Городище — курган 3, погребение 2; 41. Галично II — курган 3, погребение 3; 42. Городище — курган 125, погребение 3; 43. Леоново — курган 112, погребение 2; 44. Орехово — курган 8, погребение 2; 45. Гиттойла — курган 1, погребение 2; 46. Яровщина — курган 6, погребение 1.

Fig. 1 Co-occurrence of elements of burial rite in burials of southeastern Ladoga area: A — male burial complexes; B — female burial complexes.

Features: 1 — position of graves in the mound of the burial structure; 2 — division of the burial area into the male and female halves; 3 — position of the graves in the eastern part of the structure; 3* — position of the graves in the western part of the structure; 4 — position of the graves on the base; 5 — position of the graves in the area that is not divided into the male and female halves; 6 — position of the graves near each other; 7 — position of the graves in the central part of the structure; 8 — position of the hearth or fire-place in the centre; 9 — position of the hearth or fire-place on the base; 10 — position of the hearth or fire-place in the mound; 11 — position of the hearth or fire-place in the non-central parts; 12 — meridional orientation of the dead; 13 — burial in a bed-rock grave; 14 — orientation of the dead to the west.

Complexes A: 1. Karlukha kurgan 17 grave 1; 2. Kostino kurgan 101 grave 2; 3. Kruchevskiy Ruchey kurgan 85 grave 2; 4. Siasniga VI kurgan 65 grave 1; 5. Siasniga VI kurgan 61 grave 1; 6. Ovino — Sladkiy Bor kurgan 6 grave 1; 7. Galichno I kurgan 1 grave 7; 8. Galichno II kurgan 3 grave 7; 9. Karlukha kurgan 9 grave 1; 10. Vakhrushevo kurgan 116 grave 4; 11. Siasniga III kurgan 45 grave 1; 12. Galichno II kurgan 2 grave 5; 13. Galichno II kurgan 2 grave 4; 14. Gorodishche kurgan 124 grave 1; 15. Gorodishche kurgan 124 grave 3; 16. Gorodishche kurgan 126 grave 1; 17. Gorodishche kurgan 128 grave 1; 18. Vakhrushevo kurgan 116 grave 1; 19. Siasniga VI kurgan 60 grave 2; 20. Galichno I kurgan 2 grave 1; 21. Kostino kurgan 100 grave 1; 22. Kashino kurgan 8 grave 1; 23. Zaozerye kurgan 6 grave 3; 24. Kirilina kurgan 88 grave 1; 25. Vikhmes' kurgan 69 grave 1; 26. Chemikhino kurgan 1 grave 1; 27. Siasniga VI kurgan 60 grave 1; 28. Siasniga VI kurgan 58 grave 1; 29. Karlukha kurgan 10 grave 1; 30. Galichno I kurgan 2 grave 6; 31. Siasniga VIII kurgan 1

деления типа как группы комплексов, характеризующихся устойчивым сочетанием определенного набора признаков внутри своей группы, необходимо добиться такого их распределения, которое было бы свойственно исключительно для данной группы и не могло бы заведомо встречаться в других. Такой анализ всех сорока выделенных В. А. Назаренко признаков (Назаренко 1983: рис. 54) позволил определить в качестве типологически определяющих только те, которые характеризуют положение останков умершего в системе курганной насыпи. Полученный результат представлен в виде таблицы совстречаемости признаков в комплексах для каждого хронологического периода (рис. 1). В результате было получено распределение по трем основным группам.

Основной характеристикой комплексов I группы является разделение площадки сооружения на мужскую (восточную) и женскую (западную) половины. Составляющие ее комплексы расположены либо в насыпи (по-видимому, на кольцевом или подковообразном валике, идущем по периметру площадки), либо прямо на основании сооружения (рис. 1).

Основной характеристикой комплексов II группы является отсутствие разделения на мужскую и женскую половины. Нечеткость в определении создает известные трудности в типологии, поскольку любое отступление от нормы (мужское погребение в восточной части, женское — в западной) может трактоваться как отсутствие такого разделения. В данном случае главным для типологической атрибуции становится признак расположения парных погребений рядом друг с другом либо в центральной части сооружения (рис. 1).

Основной характеристикой комплексов III группы является погребение по обряду ингумации с меридиональной или западной ориентировкой, совершенное в материковой могильной яме (рис. 1).

Наряду с типологически определяющими признаками существует ряд других, которые, не образуя жестких связей, характеризуют специфику обрядности Приладожских курганов. Их следует рассматривать в несколько ином — культурологическом аспекте с детальным исследованием их позиций вообще в системе погребального обряда с привлечением максимально широких аналогий. Это следующие признаки — захоронение коня, захоронение отдельных человеческих голов, присутствие отдельных медвежьих лап, присутствие жертвенных животных и птиц. К ним же следует отнести и признак многоярусности расположения погребений, совстречаемость кремаций и ингумаций в одном ярусе сооружения и т. д.

В данной работе я не буду рассматривать погребальный инвентарь, как еще одну характеристику обряда. Это тема для отдельного исследования.

В связи с изложенным подходом к систематизации погребальных памятников Юго-Восточного Приладожья необходимо сделать одно важное замечание. Полученный результат есть следствие не более чем механической обработки материала на основе заранее оговоренных критериев выборки. Поэтому он является не конечной целью работы, как часто происходит при математических исследованиях данных археологии, а лишь первым этапом, предварительной обработкой имеющихся фактов. Интерпретация должна строиться не на результатах чисто статистического анализа, которые не должны являться само-

grave 1; 32. Shaginovich — forest kurgan 3 grave 2; 33. Ust'-Rybezha kurgan 19 grave 1; 34. Siasniga VI kurgan 60 grave 4; 35. Podyelye kurgan 104 grave 2; 36. Galichno II kurgan 1 grave 1; 77. Gorodishche kurgan 127 grave 1; 38. Galichno II kurgan 3 grave 5; 39. Galichno II kurgan 3 grave 6; 40. Gorodishche kurgan 3 grave 1; 41. Konbezha — Kostino kurgan 95 grave 1; 42. Siasniga II kurgan 45 grave 1; 43. Gittojla kurgan 1 grave 1; 44. Kostino kurgan 102 grave 1; 45. Siasniga II kurgan 10 grave 1; 46. Gaygovo kurgan 2 grave 1; 47. Siasniga VI kurgan 65 grave 4; 48. Shaginovich — forest kurgan 5 grave 1.

Complexes B: 1. Karlukha kurgan 17 grave 2; 2. Kruchevskiy Ruchey kurgan 85 grave 2; 3. Siasniga VI kurgan 65 grave 3; 4. Siasniga VI kurgan 61 grave 2; 5. Galichno II kurgan 2 grave 9; 6. Karlukha kurgan 9 grave 2; 7. Galichno II kurgan 3 grave 8; 8. Gorodishche kurgan 124 grave 2; 9. Gorodishche kurgan 124 grave 4; 10. Konbezha — Kostino kurgan 95 grave 2; 11. Gorodishche kurgan 5 grave 1; 12. Siasniga II kurgan 19 grave 2; 13. Kashino kurgan 8 grave 2; 14. Siasniga VI kurgan 60 grave 3; 15. Vikhmes' kurgan 69 grave 1; 16. Vikhmes' kurgan 72 grave 2; 17. Kirilina kurgan 88 grave 2; 18. Kostino kurgan 100 grave 2; 19. Podyelye kurgan 105 grave 1; 20. Vakhrushevo kurgan 116 grave 3; 21. Zaozerye kurgan 6 grave 22; Ovino — Sladkiy Bor kurgan 12 grave 2; 23. Galichno I kurgan 1 grave 8; 24. Galichno I kurgan 2 grave 3; 25. Galichno I kurgan 2 grave 5; 26. Karlukha kurgan 10 grave 2; 27. Siasniga II kurgan 10 grave 2; 28. Karlukha kurgan 18 grave 1; 29. Karlukha kurgan 20 grave 2; 30. Yarovshchina kurgan 3 grave 2; 31. Kashino kurgan 8 grave 4; 32. Siasniga VI kurgan 62 grave 1; 33. Zaozerye kurgan 6 grave 2; 34. Shugozero kurgan 4 grave 1; 35. Galichno I kurgan 2 grave 1; 36. Podyelye kurgan 104 grave 3; 37. Kirilina kurgan 89 grave 2; 38. Galichno II kurgan 1 grave 2; 39. Siasniga III kurgan 45 grave 3; 40. Gorodishche kurgan 3 grave 2; 41. Galichno II kurgan 3 grave 3; 42. Gorodishche kurgan 125 grave 3; 43. Leonovo kurgan 112 grave 2; 44. Orekhovo kurgan 8 grave 2; 45. Gittojla kurgan 1 grave 2; 46. Yarovshchina kurgan 6 grave 1.

целью. В конечном счете, любая типология является лишь одним из множества возможных вариантов. Принципы ее построения, на мой взгляд, следует увязывать с задачами конкретного исследования. Задача настоящей работы — изучение позиций всех полученных распределений в конкретном регионе в конкретный период времени, выявления закономерностей их развития. Только после проведения такой процедуры появляется возможность интерпретации имеющихся фактов: определение типов погребального обряда, анализ их взаимосвязей и т. д. Для этого необходимо непосредственно обратиться к проблематике Юго-Восточного Приладожья в ранний период.

Появление в Юго-Восточном Приладожье погребальных памятников, характеризующихся размещением останков, кремированных в стороне от места захоронения покойников под относительно невысокими курганными насыпями в сопровождении значительного количества вещей, относится к 860-м годам (Богуславский 1992: 143). Памятники этого периода занимают весьма небольшой район нижнего течения рек Паши и Ояти и количество их невелико (Богуславский 1992: 145). По мнению В. А. Назаренко, большая часть археологически улавливаемых элементов обряда, присутствовавшая уже в наиболее ранних могильных насыпях, не появилась внезапно и не была привнесена извне, а восходит к докурганным памятникам местного населения (Назаренко 1972а: 106—115, 1972б: 152—156, 1982: 142—147). Этими памятниками были наземные, квадратные в плане дерево — земляные сооружения с очагом в центре и с разделением на мужскую и женскую половины. За подобными памятниками в литературе закрепилось название «домики мертвых». Действительно, сооружения подобного типа представляют собой наиболее архаичный вид памятников вообще для лесной зоны, что подтверждается сейчас исследованиями А. Н. Башенькина в Юго-Западном Белозерье (Башенькин 1995: 9-12). Начало подобной традиции в Белозерье исследователь относит к концу I тыс. до н. э. и связывает с появлением новых групп населения с юго-востока со стороны Волги (Башенькин 1995: 20—29). Но пока на территории Юго-Восточного Приладожья неизвестно ни одного памятника типа «домика мертвых», дата которого, в тех случаях когда ее можно определить, была бы ранее времени начала сооружения курганных насыпей (до середины IX века). Ситуация осложняется еще тем, что среди тех памятников, которые исследованы сейчас на современном уровне фиксации, нет двух типологически одинаковых

объектов (Богуславский 1995: 41—45). Это обстоятельство позволяет говорить о многообразных формах взаимодействия между группами населения в самом Юго-Восточном Приладожье. Становится очевидным, что курганный обряд был присущ лишь части этого населения, по крайней мере, во второй половине IX—X веках. Объяснения и интерпретации данного факта могут быть различны. В качестве одного из вариантов можно предложить рассматривать курганы как погребальные памятники группы людей, контролировавших добычу и сбыт пушнины. Поскольку они были включены в активные торговые контакты, вероятно, в их среде происходило знакомство с курганным обрядом. Эти люди также могли ездить в район Нижнего Поволжья, начиная с середины IX века или еще ранее. Это предположение подтверждается тем фактом, что наиболее ранние комплексы представляют собой мужские захоронения в сопровождении большого количества оружия и, обычно, жертвенного захоронения коня. Развиваясь в местной среде, новый обряд усложняется, добавляются новые элементы инокультурного происхождения, и территория, занимаемая курганами, значительно расширяется. Взрывообразно возникает новая культура, яркий облик которой определяется тесным взаимодействием разных по происхождению компонентов. Все это заставляет нас вновь обратиться к проблеме роли скандинавов в сложении культуры Приладожских курганов.

Данная проблема, как уже отмечалось выше, стала одной из ключевых в изучении погребальных памятников региона. Оценки роли скандинавов, основанные на анализе одного и того же материала, весьма противоречивы. Такая ситуация была обусловлена спецификой самого материала — наличием черт скандинавской обрядности и многочисленных вещей импортного происхождения в погребальных памятниках, обряд которых в совокупности не находит каких-либо аналогий вообще. Единственным исключением здесь, пожалуй, является предположение Х. Арбмана о связи курганов Юго-Восточного Приладожья с насыпями известными в районе озера Меларен в Средней Швеции (Arbman 1962a: 114). Однако в последствии это предположение всерьез исследователями не рассматривалось. Наиболее последовательно данный вопрос решался в работах В. А. Назаренко (например Назаренко 1982: 142—147). Исследователь полагал, что роль скандинавов в сложении курганного обряда на территории Юго-Восточного Приладожья была очень велика, особенно на ранних этапах его развития. Определен-

ные черты обрядности этих памятников определенно указывают на сильное влияние скандинавских ритуалов на сложение культуры Приладожских курганов (Назаренко 1982: 145—146). Автор делает вывод, что скандинавский обряд стал одним из источников заимствования приладожскими финнами курганного способа захоронения. Но поскольку сохранялись другие специфичные черты обряда, присущие аборигенному населению более раннего времени, то влияние норманнов на погребальный обряд обитателей Приладожья нашло выражение лишь в замене, да и то, по-видимому, неполной ранее существовавших видов погребальных памятников курганами (Назаренко 1982: 146—147). Тем не менее остались нерешенным ряд принципиальных вопросов: почему в этом регионе на протяжении всего времени существования курганов нет ни одного комплекса, который можно было бы признать скандинавским как по чертам обряда, так и по составу инвентаря захоронений; почему элементы скандинавских традиций и многочисленные вещи импортного происхождения появляются в первую очередь в среднем и нижнем течении рек Паши и Ояти, то есть районах значительно удаленных от каких-либо торговых магистралей того времени. Решение этих вопросов, по моему мнению, следует видеть в признании выборочного усвоения финским населением ряда новых элементов материальной и духовной культуры (аккультурации) как ведущего фактора в формировании и генезисе погребальной обрядности курганов на территории Юго-Восточного Приладожья. Можно говорить лишь о процессе адаптации этих элементов в местной среде, синтез которых обусловил сложение особого облика новой общности, не имеющего аналогий ни в самой Скандинавии, ни на территории Восточной Европы. Таким образом, появление черт скандинавской обрядности в памятниках нижнего и среднего течения рек Паши и Ояти есть следствие не непосредственного пребывания пришлого населения в этом районе, что археологически не прослеживается, а реакции местной культуры и погребальной обрядности в частности на знакомство с иными традициями. Эти особенности заключаются в первую очередь в восприимчивости погребальной обрядности финнов этой территории к инокультурным влияниям, включении их в традиционный ритуальный комплекс. Археологически это выражается в широком распространении «чужих» в рамках местной культуры типов вещей и элементов обряда при сохранении выработанных в предшествующую эпоху норм захоронения умершего. В рамках пред-

ложенной гипотезы можно рассматривать не только роль скандинавов в Юго-Восточном Приладожье, но и влияние носителей «сопочной» традиции на сложение других типов памятников в регионе.

По мнению В. А. Назаренко, обряд совершать погребения рядом, либо в центральной части насыпи сформировался под влиянием «сопочной» традиции (Назаренко 1979: 106—115, 1979а: 152—156). Высокие погребальные сооружения так называемые «сопки» известны на реке Сясь. Значительное их скопление существовало в районе деревни Городище. Здесь же известен могильник, несомненно связанный с «приладожскими» традициями. Он возникает в период 890—920-х годов. Все комплексы этого и последующего времени относятся ко II группе — без разделения на мужскую и женскую половины, либо погребения расположены в центре сооружения (курганы № 124 погребения 1, 2, 3, 4; № 126, погребение 1, № 128, погребение 1) (Бранденбург 1895: 143). Некоторые из них зафиксированы на достаточно большой высоте от основания кургана, практически под дерном. Данная черта напрямую указывает на сильное влияние «сопочной» традиции, поскольку очень часто погребения в сопках делались практически на поверхности или даже на самой поверхности этих монументальных сооружений. Поэтому кальцинированные кости часто в перемешанном состоянии находятся сразу под дерном. Для приладожских насыпей других районов такая черта обряда, как погребения на поверхности, не характерна. В могильнике к юго-востоку от деревни Городище подобная традиция зафиксирована и позднее в период 920—950-х годов: это курган № 7 и № 15 (Равдоникас 1934: 36—37), № 18 и № 17 (Богуславский 1994: 74—106; Богуславский, Щеглова 1996: 60—61). Еще одной чертой, отличающей данные курганы от других приладожских насыпей, можно назвать небольшое количество очагов. В это время в курганах на Паше и Ояти большие прямоугольные очаги с выразительным очажным набором встречены практически в каждой насыпи, причем там они имеют значительные размеры до 2,5 м в длину и 1,5 м в ширину. Здесь они представлены всего в 5 курганах и только на одном из них найден лепной горшок (курган № 3, раскопки Н. И. Репникова). Очаги в погребальных насыпях этого могильника отличаются и по форме. Они имеют округлую форму и 20—30 см в диаметре, что значительно отличает их от памятников других районов Юго-Восточного Приладожья. Такие очаги встречаются и в сопках, в насыпях № 9 и № 18 в сопочном

могильнике к северу от деревни Городище (раскопки В. И. Равдоникаса) и в некоторых насыпях Нижнего Поволжья. Крайне важно отметить следующее обстоятельство: рассматриваемый могильник появляется значительно позднее, чем, например, само Сяськое городище или высокие сопковидные насыпи в его районе. Вероятно, его функционирование можно связать с группой пришлого населения, чьи погребальные традиции попали под сильнейшее влияние уже существовавшей здесь обрядности. Как бы то ни было, указанные особенности комплексов в этом могильнике, на мой взгляд, позволяют выделять их в особый тип погребального обряда — «курганы Среднесяского типа» (рис. 2: III). Этот тип образует достаточно замкнутую группу внутри распространения инокультурных погребальных памятников и напрямую не связан с центральными районами Приладожья — реками Пашой и Оятью. Вероятно, к этому же типу можно отнести и функционирующий в более позднее время могильник у деревни Новосельск. Таким образом, тезис В. А. Назаренко о сопках, как одном из источников заимствования жителями Приладожья курганного способа захоронения, вполне подтверждается. Однако, это касается лишь очень небольшой группы памятников существовавших в узком регионе непродолжительное время. Для всего остального Юго-Восточного Приладожья сопки по-видимому не сыграли сколько-нибудь значимой роли.

В этот же период памятники, расположенные в среднем и нижнем течении рек Паши, Ояти, Капши, Тихвинки и Свири демонстрируют значительное разнообразие погребальных обрядов. То обстоятельство, что для данных курганов характерно своеобразие черт обряда с одной стороны и его разнообразие с другой, давало большие возможности исследователям выделять отдельные типы обряда, имеющие разное происхождение, и на основе этого выделять отдельные регионы их распространения. Однако в подавляющем большинстве случаев такая работа была направлена на определение этнической принадлежности населения, оставившего эти курганы. Соответственно, разные типы обряда маркировали не только отдельные регионы, но и определяли, по мнению тех или иных авторов, этническую принадлежность погребенных. Вопрос каким образом отражаются этнические характеристики в материальных остатках ритуальных действий, направленных на реализацию погребальных традиций общества, обычно не ставился. Обстоятельства происхождения Приладожских курганов, о которых было сказано выше, заставляют по-

иному взглянуть на эту проблему. Промонстрированная в работе на конкретных примерах сильная связь в облике обряда погребальных насыпей с чертами памятников докурганного периода или источника заимствования курганного способа захоронения («дома мертвых» — скандинавские ритуалы — приладожские курганы; сопковидные насыпи — среднесяские курганы) позволяет определять ряд генеральных линий в развитии обряда (традиций), существовавших в конкретных регионах в конкретный период времени. Эти традиции составляют определенные памятники, связанные общностью происхождения. Черты таких памятников могут быть чрезвычайно разнообразны, особенно это касается собственно «курганов Юго-Восточного Приладожья», а потому типы и варианты обряда захоронения хорошо выделяются статистическими методами обработки материала. Тем не менее, на мой взгляд, они представляют собой разные варианты какой-то одной гипотетической традиции, вобравшей в себя элементы самых разных культур и из-за этого достаточно нестабильной. К главнейшим характеристикам ее можно отнести ярко выраженную символику очага, что археологически зафиксировано в большинстве насыпей (конфигурация, размеры, преимущественно центральное положение в насыпи, наличие очажного инвентаря), системность расположения погребений относительно друг друга и очажного комплекса, многоярусность захоронений, наличие жертвенных погребений — отдельных человеческих голов, погребений коней, коров, собак. Таким образом, курганы, расположенные в нижнем и среднем течении рек Паши, Ояти, Свири, Капши и Тихвинки, очерчивают единый культурно-исторический регион. «Курганы Юго-Восточного Приладожья», появившись в низовьях Паши и Ояти, в последующий период занимают большую территорию, определяя в уже самое раннее время стабильные границы этого культурного образования, просуществовавшие вплоть до окончания вообще сооружения курганных насыпей на этой территории (60-е годы XIII века) (рис. 3). Поиски конкретного имени этого населения и, соответственно, определение его этнической принадлежности к настоящему времени не увенчались успехом. Выигрывающую позицию в этом отношении занял В. А. Назаренко, назвав это население условно «Приладожская Чудь» (Назаренко 1979: 106—115, 1979а: 152—156, 1982: 142—147). Интереснейшая гипотеза Д. А. Мачинского о соответствии жителей Приладожья колбягам «Русской Правды», однако, также не дает оснований для отождествления

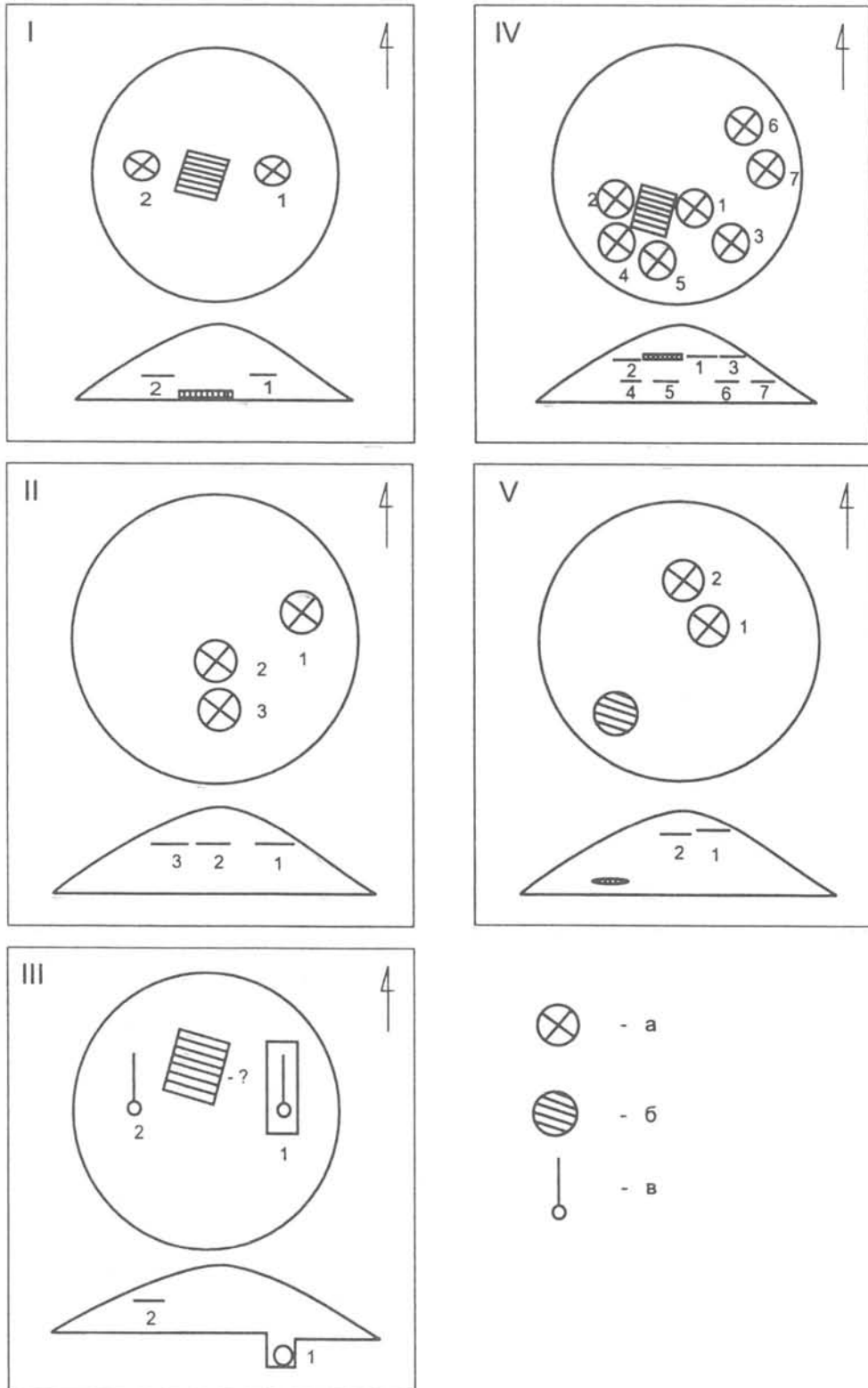

Рис. 2 Типы и варианты погребального обряда в Юго-Восточном Приладожье: I — Костино, курган 101 (Бранденбург 1895: 123-124): 1 — мужское погребение; 2 — женское погребение («курганы Юго-Восточного Приладожья» вариант 1); II — Подолье, курган 104 (Бранденбург 1895: 125): 1, 2 — мужские погребения; 3 — женское погребение («курганы Юго-Восточного Приладожья» вариант 2); III — Сязнига II, курган 10 (Кочуркина 1989: 127-128): 1 — мужское погребение; 2 — женское погребение («курганы Юго-Восточного Приладожья» вариант 3); IV — Капшейла, курган 1 (Равдоникас 1934: 7-8): 1-4, 7 — мужские погребения; 5, 6 — женские погребения («Олонецкие трупосожжения»); V — Городище, курган 18 (Богуславский 1994: 102-103): 1, 2 — мужские погребения («среднеясыские курганы»). Условные обозначения: а — погребение по обряду трупосожжения; б — очаги; в — погребение по обряду трупоположения.

этого термина с этническим образованием, поскольку упоминания о них в разных источниках XI—XIII веков, анализируемых автором, не говорят о колбяхгах-кулпингах-кюльфингах как об этносе. В первую очередь эти люди выступают как вооруженная группа, имеющая определенный социальный статус и активно действующая в политической жизни Древнерусского государства и его соседей (Мачинский 1988: 90—103). Иными словами, есть основания говорить о колбяхгах как об этносоциальной группировке, состоящей, вероятнее всего, действительно из выходцев с территории Юго-Восточного Приладожья. Возможно, для многочисленного, жившего разрозненно на отдельных мелких поселениях или хуторах населения не существовало общего обозначения или имени. Вследствие чего нет упоминаний о нем в более ранних источниках. Отметим, что в этом районе было мало пригодных для проживания земель, поэтому население существовало разрозненно. Этот факт повлиял на разнообразие погребальной культуры, выразившейся в большом количестве вариантов обряда. Определения их практически совпадают с описанными выше статистическими группами, однако, полагая, это лишь варианты одной традиции. *Вариант 1* — площадка кургана разделена на мужскую (восточную) и женскую (западную) половины (рис. 2: I-1). *Вариант 2* — погребения расположены рядом в одной части сооружения (рис. 2: I-2). *Вариант 3* — погребения совершены в могильной яме, либо имеют меридиональную ориентировку (подвариант 3а), либо западную (подвариант 3б) (рис. 2: I-3).

В своем развитии эта традиция прошла несколько фаз. Анализ типологии конкретных комплексов периода 860—890-х годов позволяет заключить, что все они относятся к I-ой группе (рис. 1). Исключением является лишь один достаточно странный комплекс Прилуки 10, на который необходимо обратить особое внимание. В этом кургане очаг расположен в насыпи сооружения — черта обычно, но не без исключений, связываемая с группами обряда второго типа. Необычно расположение погребений — мужское в северной части площадки (черта вообще нетипичная для приладожской тради-

ции раннего времени), а погребение коня в южной части, нетипично и расположение женского погребения в восточной части (Бранденбург 1895: 99). В целом, комплекс Прилуки 10 выбивается из системы всей обрядности Приладожских курганов. Таким образом, для периода 860—890-х гг. характерны комплексы исключительно I варианта — одноярусные насыпи, содержащие только одну пару погребений — мужское и женское — и сопровождающее их захоронение коня. Однако начало курганной традиции в Юго-Восточном Приладожье (860—920-е гг.) характеризуется лишь сложением основных норм обрядности, вследствие чего появляется большое количество комплексов, которые вообще сложно отнести к какому-либо из них (Прилуки 10 и 12, Конбежка-Костино 95, Орехово 1, Мергино 10, Кучевичский ручей 84) (рис. 3).

Таким образом в период 890—920-х гг. на территории Юго-Восточного Приладожья возникают два разных историко-культурных региона, в значительной степени отличающихся друг от друга. Первый занимает среднее течение Сяси и непосредственно включен в контекст событий на Северо-Западе рубежа I—II тыс. н. э. Второй занимает значительно большую территорию и, хотя материальная культура демонстрирует чрезвычайно широкие связи, представляет собой более замкнутый район, в котором происходят уже собственные внутренние трансформации.

Последующий период 920—950-х гг. можно охарактеризовать как время расцвета Приладожских курганов, когда количество памятников наибольшее и они крайне многообразны, а материальная культура представлена огромным количеством вещевых находок (Богуславский 1992: 157). В этот период появляется особый тип памятников на Олонецком перешейке.

В серии работ В. А. Назаренко предположил в качестве одного из источников погребального обряда в Приладожье рассматривать грунтовые погребения, но конкретно не указал с каким кругом древностей («сопки», «длинные курганы» или карельские могильники) они связаны (Назаренко 1979: 106—115, 1979а: 152—156, 1982: 142—147). К сожалению, состояние источниковед-

Fig. 2 Types and variants of burial rites in the South-Eastern Ladoga area: I — Kostino, kurgan 101 (Бранденбург 1895: 123-124): 1 — male burial; 2 — female burial («kurgans of the South-Eastern Ladoga area» variant 1); II — Podyelye, kurgan 104 (Бранденбург 1895: 125): 1, 2 — male burials; 3 — female burial («kurgans of the South-Eastern Ladoga area» variant 2); III — Siasniga, kurgan 10 (Кочкуркина 1989: 127-128): 1 — male burial; 2 — female burial («kurgans of the South-Eastern Ladoga area» variant 3); IV — Kapshelya, kurgan 1 (Равдоникас 1934: 7-8): 1-4, 7 — male burials; 5, 6 — female burials («Olonets cremations»); V — Gorodishche, kurgan 18 (Богуславский 1994: 102-103): 1, 2 — male burials («Middle-Sias kurgans»). Legend: a — cremation; б — fire-place; в — inhumation.

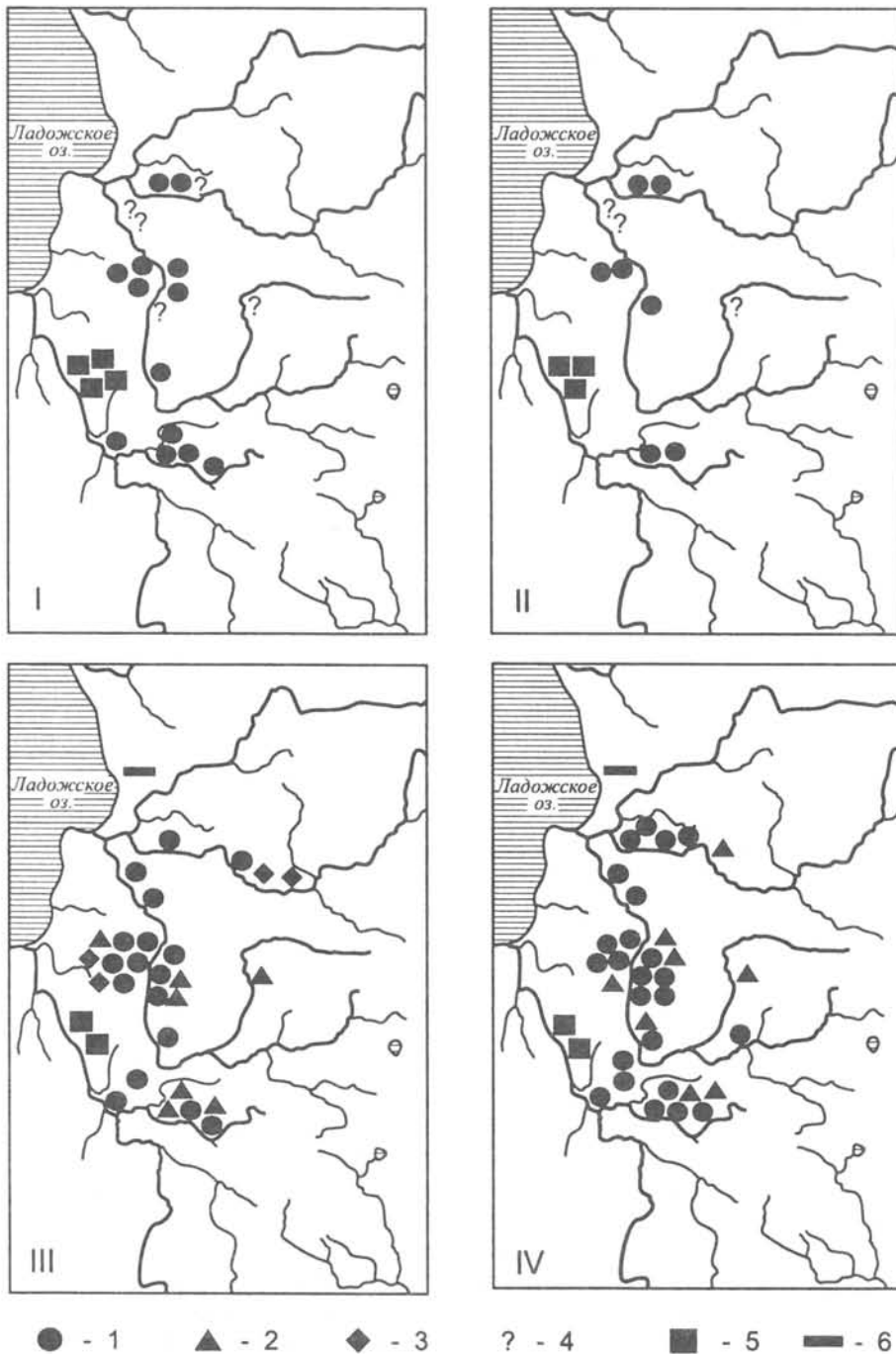

Рис. 3 Расположение погребальных памятников в Юго-Восточном Приладожье (860—950-е годы): I — мужские комплексы периода 860—920-х годов; II — женские комплексы периода 860—920-х годов; III — мужские комплексы периода 920—950-х годов; IV — женские комплексы периода 920—950-х годов. Условные обозначения: 1 — комплексы 1-го варианта; 2 — комплексы 2-го варианта; 3 — комплексы 3-го варианта; 4 — атипичные комплексы; 5 — «Среднесясьский тип»; 6 — «Олонетские ТПС».

Fig. 3 Location of burial sites in the South-Eastern Ladoga area (860-950 A.D.): I — male complexes dated to 860—920 A.D.; II — female complexes dated to 860—920 A.D.; III — male complexes dated to 920—950 A.D.; IV — female complexes dated to 920—950 A.D. 1 — variant 1 complexes; 2 — variant 2 complexes; 3 — variant 3 complexes; 4 — atypical complexes; 5 — «Middle-Sias type»; 6 — «Olonets cremations».

ческой базы на современном этапе не позволяет однозначно ответить на этот вопрос. Однако, есть ряд памятников, генезис обрядности которых может быть связан с грунтовыми захоронениями. Я имею в виду некоторые насыпи, содержащие погребения по обряду трупосожжения, раскопанные В. И. Равдоникасом на Олонецком перешейке (Равдоникас 1934: 4—20). Подобные курганы в данном районе значительно отличаются от памятников более южных территорий. Во-первых, внешняя форма самих сооружений (большой диаметр и аморфность самой насыпи) говорит о неразвитости курганной традиции. Во-вторых, по-видимому, подобные насыпи служили для совершения впускных погребений в течение некоторого времени, что прямо указывает на черты грунтовых могильников (погребения в них расположены без какой-либо выраженной системы и относятся к разным хронологическим периодам, причем это, очевидно, не многоярусные сооружения). Также этим исследователем были раскопаны два достаточно необычных погребения, являющихся по сути грунтовыми захоронениями по обряду трупосожжения. Я имею в виду комплекс IV на реке Видлице у деревни Симон-Наволоки и комплекс на реке Тулоксе напротив деревни Рабола (рядом с погребением № 1, там же был найден предмет похожий на весовую гирьку X—XI веков) (Равдоникас 1934: 13, 18, табл. IV: 10). Но все же указанные черты могут вполне рассматриваться в качестве характеристик особого локального типа курганов в Приладожье, отличного от двух предыдущих, рассмотренных выше. Его можно определить как «Олонецкие трупосожжения» (рис. 2: III). Несомненно, что происхождение курганной традиции в этом регионе связано с влияниями центральных районов Приладожья (наличие очагов в насыпях, большое количество импортных вещей, в том числе и скандинавского происхождения). В данном случае происходит «вторичная передача» курганного обряда местному населению, причем и в таких памятниках особенности погребального обряда докурганного периода находят свое максимальное выражение. По-видимому, это общая черта для всего Юго-Восточного Приладожья. Появления уже собственно курганов на Олонецком перешейке, наоборот, знаменует собой разрыв с грунтовой традицией, поскольку связаны они уже с другим типом памятников, по-видимому не местного происхождения (погребения в срубках), но это сюжет более позднего времени.

Таким образом, ко времени 920—950-х годов относится появление трех основных культурных регионов в Юго-Восточном

Приладожье, внутренне несомненно связанных друг с другом, однако обстоятельства их происхождения и судьбы различны.

Новации в погребальной обрядности происходят и на территории занимаемой собственно «курганами Юго-Восточного Приладожья». К ним можно отнести появление небольшого числа комплексов, относящихся к III варианту обряда (погребения в могильных ямах и западная ориентировка умерших). Все комплексы — исключительно мужские погребения. Проблема перехода от обряда кремации к ингумации и появления курганов «древнерусского» облика на территории Восточной Европы в целом продолжает оставаться дискуссионной. Недавно Ю. М. Лесман предложил связывать эту традицию с непосредственным влиянием христианства (Лесман 1995: 196). Материалы курганов Юго-Восточного Приладожья могут сыграть большую роль в изучении этих вопросов. Однако особенность памятников региона заключается в том, что чаще всего в это время встречается ситуация, когда ингумация от кремации отличается лишь способом обращения с телом умершего. Все остальные черты обряда остаются неизменными — разделение на мужскую и женскую половины, расположение парных погребений в насыпи или на основании на одном уровне, многоярусность в расположении погребений, состав и размещение очажного комплекса, присутствие жертвенных захоронений. Для средневековой христианской традиции характерно ориентирование головой на запад и безынвентарные ингумации, совершенные на кладбищах. Но эти критерии далеко не надежны, как показал Ю. М. Лесман (Лесман 1995: 196). Даже для тех четырех комплексов, выделяемых в III вариант, характерны типично приладожские черты обряда, такие как разделение площадки на мужскую и женскую половины (Сязнига II курган 10), наличие очагов (Гайгово курган 2), захоронение коня (Шангиничи — лес курган 5 погребение 1), и только одно погребение видимо впускное в более раннюю насыпь — Сязнига VI курган 65, погребение 4. Показательно и территориальное положение комплексов — средняя Паша, как географический и культурный центр Приладожья, где сосуществуют все варианты обряда, и периферийные районы — средняя Оять и Капша (рис. 3). Видимо, для раннего времени переход к обряду ингумации был следствием разных процессов. Во-первых, происходят какие-то внутренние трансформации обрядности, скорее всего связанные с активным включением жителей Приладожья в этот период в систему трансевразийской торговли (Богуслав-

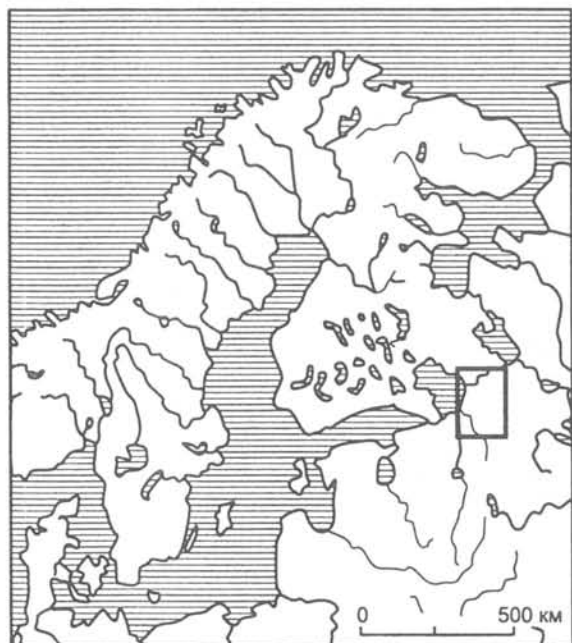

Рис. 4 Район Юго-Восточного Приладожья.

Fig. 4 Southeastern Ladoga area.

ский 1993: 145), выразившиеся только в изменении способа обращения с телом умершего при сохранении всего остального обрядового комплекса. Во-вторых, в связи, вероятно, с этими процессами происходит и проникновение христианских традиций погребения — в первую очередь погребение в могильной яме и западная ориентировка умершего как черт не характерных для ранних и большинства синхронных им памятников — но опять же при сохранении элементов «языческой» обрядности.

Все остальные типы обряда отличаются крайним многообразием и выразительностью. К существенным новациям в обряде можно отнести появление многоярусных насыпей, увеличение характерных для региона элементов обрядности — очагов и очажных комплексов, жертвенных захоронений коней и других животных, огромное количество вещевых находок, находки оружия практически во всех мужских комплексах. Наиболее представительны в этот период обряды I варианта (рис. 1), характеризующиеся сложностью и выразительностью обряда и чрезвычайно широким распространением — памятники этого времени известны практически во всех микрорегионах Приладожья. Впервые курганные древности появляются в междуречье Сяси и Паши (Заозерье), в верховьях р. Паши (Шугозеро) (рис. 3). Территориальная локализация вариантов обряда позволяет выявить внутренние связи между

разными регионами для рассматриваемого времени.

В нижнем и среднем течении р. Паши представлено наибольшее количество комплексов I варианта. Данный микрорегион, как уже указывалось, географический и культурный центр Приладожья, где сосуществуют рядом разные памятники на протяжении долгого времени. Схожая ситуация фиксируется и на Ояти, однако, к сожалению, недостаточная с точки зрения погребального обряда источниковедческая база не позволяет сделать более конкретных выводов. Исключительно комплексы II варианта фиксируются только на реке Капше (Орехово). На Тихвинке в рамках одного могильника (Галично) нужно отметить наличие обоих вариантов. Таким образом, в период 920—950-х гг. на этой территории формируются два совершенно определенных культурных центра: средняя Паша — район реки Сязнеги и нижняя Оять — скопление могильников в районе деревень Карлуха и Яровщина. Неустойчивость погребальной традиции у местного населения послужила причиной появления на компактной территории комплексов, относящихся к разным вариантам обряда. Расширение ареала распространения подобных памятников привело к появлению небольшого числа ранних курганов, погребальная обрядность которых сильнее подвержена влияниям извне. Наиболее ранние из них, появившиеся на Капше, в верховьях Паши и междуречье Паши и Сяси, схожи с памятниками центральных районов. Однако достаточно быстро новые могильники приобретают другие черты, связанные с иными влияниями. В первую очередь это касается появления ингумаций в могильных ямах, имеющих немеридиональную ориентировку. И хотя эти процессы происходили несколько позднее, формирование структуры «центр — периферия» в Приладожье начинается уже к середине X века (рис. 3). Поэтому причины разнообразия, а главное — соотношения между собой разных типов и вариантов обряда захоронения кроются в специфике и связях конкретного микрорегиона, а не устанавливаются для всего Приладожья в целом. Успешная попытка выявить эти связи была недавно продемонстрирована О. И. Богуславским (Богуславский 1997: 83—105). Тем не менее, есть перспективы дальнейших разработок в этом направлении. Высокая степень изученности курганных могильников в каждом районе Приладожья и дробная хронология вещевых комплексов (причем имеется возможность сравнения двух разных шкал применительно к какой-либо задаче) позволяют выделять более мелкие территориальные

подразделения, скопления могильников, в конечном счете, изучать систему расселения древних коллективов во второй половине IX—XIII веках. Необходим в этом отношении также осознанный и целенаправленный поиск раннесредневековых памятников, датированных временем до середины IX столетия, и поселений, синхронных курганным могильникам.

Таким образом, на основе проделанной работы можно сделать ряд выводов. Погребальные памятники Юго-Восточного Приладожья не представляют собой единого пласта древностей не только с точки зрения традиций захоронения в целом, но и на уровне взаимодействия разных составляющих их типов и вариантов. Собственно обрядность составляют как минимум три разных типа (или четыре, поскольку появившимся несколько позднее погребениям в срубках необходимо уделить особое внимание), возникшие по разным причинам, имеющие собственную специфику развития и занимающие свои конкретные территории. Внутри этих территорий также происходят разные процессы формирования, развития и взаимодействия друг с другом вариантов и типов обрядности, вследствие чего образуются иные регионы, самостоятельно взаимодействующие с центром и периферией. Тем не менее Юго-Восточное Приладожье традиционно рассматривалось исследователями как особый, но единый регион. Различные попытки разделения территориальных групп памятников (например, предложенное В. А. Назаренко разделение региона на Южное и Восточное Приладожье или предложенное в настоящей работе определение различных региональных типов памятников, имеющих разное происхождение) в целом не меняет картину культурной ситуации в лесной зоне Восточной Европы в эпоху раннего средневековья. Это заметное внутреннее единство Приладожья позволяет включать его в широкий культурный контекст, сравнивать процессы формирования или смены типов памятников с различ-

ными областями обширного финно-угорского мира. Наиболее широкое обобщение таких процессов провел в фундаментальном исследовании Е. А. Рябинин (Рябинин 1997). Автор выделил две основные модели культурного синтеза, определяемые интенсивностью межэтнических контактов. Одна из них связана с воздействием внешнего культурного импульса, не приведшего к радикальному изменению этнической ситуации. Наибольшее воздействие новаций устанавливается в материале чудских регионов, оторванных в предшествующую эпоху от источников поступления цветных металлов или же оказавшихся на перекрестке путей активного межобластного обмена (Юго-Восточное Приладожье, Восточное Прионежье, Заволочье). В итоге на этих территориях складываются качественно новые типы древностей (Рябинин 1997: 241—242). Необходимо отметить, что широкие процессы аккультурации, разворачивающиеся в XI—XIII веках, затрагивают практически все территории финно-угорского ареала. В первую очередь это связано с сильным древнерусским влиянием на местную культуру, что приводит к формированию особых региональных культур: Костромское Поволжье, Северо-Запад Новгородской земли, Юго-Западное Белозерье (Башенькин 1986: 15—17; Рябинин 1993: 114—131, Рябинин 1997: 195—196). Таким образом, разные формы межкультурного взаимодействия (аккультурация, ассимиляция), приведшие к формированию новых типов древностей в той или иной степени характерны для всего финно-угорского ареала. В этом ряду Юго-Восточное Приладожье занимает особое место. Северорусский и североευропейский культурный импульс VII—X веков, определивший появление и развитие курганного обряда на этой территории, позднее сменяется «древнерусским» воздействием. Особенности этого явления и возможности его сравнения с другими регионами требуют изучения комплексов более позднего времени. Однако эта тема выходит за рамки данной статьи.

Башенькин, А. Н. 1986. Юго-Западное Белозерье во второй половине I—начале II тыс. н. э. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Ленинград.
 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э.—I тыс. н. э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси. Славяно-русские древности 3: 3—29. Санкт-Петербург.
 Богуславский, О. И. 1991. К хронологии Юго-Восточного Приладожья IX—XIII века // Проблемы хронологии и периодизации в археологии: 99—114. Ленинград.

1992. Южное Приладожье во второй половине I—начале II-ого тысячелетия н. э. (опыт историко-культурной периодизации). Архив ИИМК РАН. Рукопись дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
 1993. Южное Приладожье в системе трансевразийских связей IX—XIII веков // Древности Северо-Запада: 132—155. Санкт-Петербург.
 1994. Новые открытия в Юго-Восточное Приладожье // Новые источники по археологии Северо-Запада: 74—106. Санкт-Петербург.

1995. Об одном типе памятников Юго-Восточного Приладожья // Ладога и Северная Русь: 41—45. Санкт-Петербург.
1997. Южное Приладожье. Историко-культурные регионы и их взаимодействие // Древности Поволжья: 83—105. Санкт-Петербург.
- Богуславский, О. И., Д. Л. Яблоник.* 1987. Ранние скандинавские находки в юго-восточном Приладожье в контексте синхронных скандинавских импортов // История и археология Новгородской земли: 25—26. Новгород.
- Богуславский, О. И., О. А. Щеглова.* 1996. Новые исследования комплекса памятников у деревни Городище // Ладога и Северная Европа: 57—62. Санкт-Петербург.
- Бранденбург, Н. Е.* 1895. Курганы Южного Приладожья. Материалы по археологии России 18. Санкт-Петербург.
- Голубева, Л. А.* 1973. Весь и славяне на Белом озере в X—XIII вв. Москва.
- Кочуркина, С. И.* 1973. Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. Ленинград.
1989. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск.
- Лесман, Ю. М.* 1995. Кремации и ингумации в курганах нижней и средней Паши (к хронологии изменений погребального обряда) // «Храм и культура» — 17-е заседание древнерусского семинара. Чтения памяти Н. Е. Бранденбурга. Тезисы докладов: 194—209. Санкт-Петербург.
1996. Хронология средневековых древностей лесной зоны Восточной Европы (возможности и перспективы разработки) // Археология Петербурга 1: 52—65. Санкт-Петербург.
- Линевский, А. М.* 1949. Общество Юго-Восточного Приладожья в XI в. // Известия Карельского филиала АН СССР 1: 57-72. Петрозаводск.
- Мачинский, Д. А.* 1988. Колбятки «Русской Правды» и Приладожская курганная культура // Тихвинский сборник 1: 90—103. Тихвин.
- Назаренко, В. А.* 1972. О погребальном ритуале приладожских курганов с очагом // Проблемы комплексного изучения Северо-Запада РСФСР: 38—42. Ленинград.
1976. Раскопки курганов на Тихвинке // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 146: 96—100. Москва.
1979. Исторические судьбы Приладожья и их связь с Ладогой // Славяне и Русь: 106—114. Киев.
- 1979а. Об этнической принадлежности Приладожских курганов // Финно-угры и славяне: 152—156. Ленинград.
1982. Норманны и появление курганов в Приладожье // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья: 142—147. Ленинград.
1983. Погребальная обрядность Приладожской Чуди. Архив ИИМК РАН. Рукопись дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- Равдоникас, В. И.* 1934. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье. Известия Государственной академии истории материальной культуры 94. Москва-Ленинград.
- Рябинин, Е. А.* 1993. Финно-угорские племена Новгородской земли на современном этапе историко-археологического изучения // Древности Северо-Запада: 114—131. Санкт-Петербург.
1997. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. Санкт-Петербург.
- Спицын, А. А.* 1895. Дополнительные замечания // Курганы Южного Приладожья. Материалы по археологии России 18: 143—154. Санкт-Петербург.
- Arbman, H.* 1961. The Vikings. London.
1962. Sverige ock Ostern under vikingatiden // Sverige ock Europa under forntid ock medeltid: 68—82. Stockholm.
- 1962a. Vikingarna. Stockholm.
- Arne, T. J.* 1917. Svenska vikingakolonier i Russland. Stockholm.
- Raudonikas, W. I.* 1930. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm.
- Stender-Petersen, A.* 1956. Russian Studies // Acta Jutlandica XXVIII (H 2): 19-31.

THE SOUTHEASTERN LADOGA AREA IN AD 860—950: ISSUES IN THE ORIGIN, DEVELOPMENT, AND INTERACTION OF THE PRINCIPAL TYPES OF THE BURIAL RITE

S. V. BEL'SKIY

The present paper is dedicated to the problems of the origin, formation and development of burial rites in the South-East Ladoga Area (fig. 4). The most significant opinions on the origin of the kurgan rites and ethnic features of the ancient population of the region are

briefly analysed. A special attention is paid to a number of questions that have not been touched upon or considered but summarily in discussions (of description and comparison of various groups of sites, of their types and chronology). It was only in the 70^s and early

80^s that the typology of the burial rites of South-East Ladoga kurgans was first developed by V. A. Nazarenko who had considered them in their integrity and identified their general features. O. I. Boguslavskiy proposed a chronology of the artifact assemblages in the Ladoga regions. In this paper a method of the rite type identification is proposed for a number of male and female burials dated to a narrow range of 860—950 B. C. (fig. 1).

In the second large part of this article the problems of the origin of the kurgan rites in the South-East Ladoga area and questions of their interaction with other cultural traditions have been considered. At present one should recognize that the Scandinavian-Finnish cultural synthesis was of an extremely complex character. A typological consideration of the burial rites enables us to arrive at a conclusion that the appearance of some Scandinavian traits in the rites at the sites of the Lower and Central regions of rivers Pasha and Oyat was not caused by the direct presence of the foreign population. Such presence has not been identified archaeologically and the Scandinavian features must have resulted of a reaction of the local cultural peculiarities to learning foreign traditions — in particular the Scandinavian ones.

Another cultural impulse is represented by a tradition of burying the dead in high funerary constructions — the so called «*sopkas*». Similar mounds have been registered in the region of the Sias River. In the same region a kurgan burial ground is known that without doubt has remained of a group of the «Ladoga» population. Its ritual features — placing the burials on top of the mounds, rounded shape of the ritual fire-places, the peculiarities of the mound constructions — suggest very strong influence of the «*sopkas*». The mentioned peculiarities enable us to single them out into a special type of funerary rites — «the kurgans of the Middle-Sias type». This type comprises a fairly closed group within that of the foreign-culture burial sites and is not connected directly to the central Ladoga regions — rivers Pasha and Oyat (fig. 3: 1 and 2).

Another local site type was formed on the Olonets Isthmus. The kurgans containing graves made according to cremation rites differ considerably here from sites on the territories farther to the south. The outer shape of these barrows suggests a kurgan tradition not wholly developed. Such mounds evidently served for introducing new burials during a certain period. This is a direct evidence of some traits of the ground burial sites. One connects the development of this tradition with the appearance of a kurgan tradition among the population that before had been

using ground burials as the main type. These peculiarities enable us to identify a second local type of burial rites — «the Olonets Cremations» (fig. 2, II; fig. 3: 3,4).

However, the major part of the present paper is dedicated to consideration of the burial rites of the South-East Ladoga kurgans as such. The relation of the mound funerary rites to the sites of ante-kurgan periods — *i. e.* of the sources of borrowing the kurgan burial type — is demonstrated in examples («the houses of dead» — Scandinavian rituals — Ladoga kurgans; «*sopka*»-type mounds — Middle-Sias kurgans). Types and variants of the funerary rites are well defined by means of statistical procedures. As a whole the development of a certain hypothetical tradition that had imbibed the elements of very different cultures and become unstable may be traced. To the main features of this tradition one may assign: the strongly marked symbolism of fire-place (its configuration, dimensions, prevalently central position in the mound, the presence of fire-place inventory), the system character of the location of burials relative each other and to the fire-place complex, the many-tier burials, and presence of sacrificial burials (separate human heads, burials of horses, cows, and dogs). Similar type of sites has a number of varieties (fig. 2: 1, 2, 3). However, the beginning of the kurgan tradition in the South-East Ladoga regions (860—920 B.C.) is characterised by formation of only the basic norms of the ritual. «The kurgans of the South-East Ladoga area» having appeared in the lower reaches of Pasha and Oyat in the later period occupied a great territory and already in their earliest period defined the stable boundaries of this cultural formation. These boundaries had been existing till the general cessation of building kurgan mounds on this territory (the 60^s of the 13th century) (fig. 3).

The later transformations of the burial rites of this population are connected with the «Ancient Rus influence» expressed in adoption of the inhumation rite. These processes have a peculiar character in the South-Eastern Ladoga area. During this period a situation is very common when the inhumation differs from cremation only in the treatment of the deceased person's body. All other features remain unchanged.

The material of this paper enables us to make some conclusions. The South-East Ladoga area does not present a single phenomenon both in terms of the burial rites in general and of the interaction of different constituents and variants of these rites. Here at least three differing traditions may be stated that originate from various causes, develop

different ways and are located on different particular territories. Within these territories too, differing processes of formation, development and interaction of the variants take place that result in the formation of other regions interacting independently with the centre and periphery. At the same time, the inner unity of the Ladoga area allows us to consider it within the wide cultural context of the vast Finno-Ugric world where the South-East

Ladoga occupies its special place. The North-Russian and North-European cultural impulse of the 7th—10th centuries A.D. that determined the appearance and development of the kurgan rites on the territory under discussion later is replaced by the «Ancient Russian» influence. For elucidation of the peculiarities of this phenomenon and of its place among the other ones an investigation of later complexes is necessary.

ГАЗОХРОМАТОГРАФИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА ОБНАРУЖЕНИЯ ОРГАНИЧЕСКОГО СВЯЗУЮЩЕГО В ДРЕВНЕЙ НАСТЕННОЙ ЖИВОПИСИ

А. Н. ЕГОРЬКОВ*

Проблема установления наличия и определения вида красочного связующего в образцах древней настенной живописи поставлена давно (Бергер 1930), но и по сей день далека от разрешения, хотя методы исследования связующего красок станковой живописи, главным образом методы инструментального анализа, развиваются достаточно успешно (Mills 1966; Mills, White 1982; White 1984; Halpine 1992). Такое положение предопределено своеобразием процессов старения настенной живописи, что связано в первую очередь с ее нанесением на большие объемы пористой и смачиваемой водой штукатурки, дающей к тому же в случае извести сильнощелочную реакцию. В таких условиях способны произойти глубокие изменения в составе органического связующего, на которые, равно как и на неэффективность капельного микрохимического анализа применительно к настенной живописи, уже достаточно давно указано (De Silva 1963). Впрочем, на малую эффективность этого метода, даже применительно к произведениям станковой живописи, ссылаются и современные исследователи (Halpine 1992: 23). В условиях же многовекового контакта органического связующего с пигментом и штукатуркой трудно ожидать, что такие компоненты органического связующего, как белки, жиры и углеводы останутся негидролизованнными, а водорастворимые продукты их гидролиза, к которым относятся все образующиеся при гидролизе вещества кроме жирных кислот, не будут потребляться микроорганизмами, вымываться и распределяться по штукатурке вместе с движением влаги. Эти процессы способны привести не только к сильным искажениям концентрационного профиля компонентов в пределах одного класса, но и к потере некоторых классов веществ, в результате чего не только идентификация связующего на основе сравнения концентрационных профилей классов веществ в настенной живописи и

предполагаемом связующем, но и микрохимическое открытие и определение на его основе вида связующего могут привести к ошибочным выводам.

На то, до какой глубины могут доходить превращения органических веществ при контакте со штукатуркой, косвенно указывает обнаружение в минеральном составе пигментов и штукатурки минералов вевеллита и ведделлита — кальциевых солей низшей органической двухосновной кислоты щавелевой (Le pellicole 1989), хотя вопрос о генезисе этих минералов — они же оксалаты кальция с разным содержанием кристаллизационной воды — остается дискуссионным. Кроме того, само присутствие этих соединений, из которых щавелевая кислота выделяется при действии минеральных кислот, способно исказить результаты микрохимического и спектрального анализа.

Вообще, вопрос о присутствии загрязнений, в том числе и случайных, часто выпадает из поля зрения исследователей. Вероятность же ошибочного заключения особенно велика при работе с образцами, отобранными с малой поверхности стены, где загрязнения, имеющие неравномерное распределение, могут по количеству оказаться соизмеримыми с определяемыми компонентами связующего. И, наконец, допуская превращение связующего при старении, следовало бы поставить вопрос и о том, всегда ли остаточное количество связующего или продуктов его деструкции выше порога обнаружения. Ясно, что глубокая деструкция связующего может привести исследователя к ошибочному отрицательному результату.

Представляется, что изучение органического вещества в произведениях древней настенной живописи следует начинать с определения возможности извлечения органических компонентов (которые, как можно заключить из вышесказанного, в значительной мере могут быть представлены продуктами пре-

* Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Лаборатория археологических технологий.

вращения исходных компонентов связующего), их идентификации и установления по их строению ретроспективного пути к материнским веществам. Осуществление всех этапов этого анализа позволило бы решить задачу идентификации связующего, однако сама возможность решения труднопредсказуема и требует масштабной экспериментальной проверки с одновременной разработкой ряда методик. Но даже в том случае, если поставленная задача не сможет быть решена в полном объеме, частичное ее решение, заключающееся в отыскании методики обнаружения органических веществ в красочном слое и штукатурке, идентификации продуктов превращения исходных веществ и установлении глубины, до которой могут осуществляться эти превращения, дало бы ценную информацию для понимания реальных процессов старения и позволило бы критически оценить иные методы исследования связующего в настенной живописи.

Наиболее предпочтительным инструментальным окончанием метода установления связующего представляется газовая хроматография, что определяется ее доступностью, высокой чувствительностью, универсальностью, то есть способностью к определению всех главных классов связующих, высокой эффективностью, дающей возможность четкого разделения компонентов даже при одновременном анализе нескольких классов веществ (например, трифторацетатов метиловых эфиров аминокислот и метиловых эфиров жирных кислот), а также возможностью прямого сочетания с таким исключительно информативным методом для идентификации компонентов, каким является масс-спектрометрия. Вместе с тем, конкретный подход к анализу разных классов веществ с помощью газовой хроматографии требует конкретного построения анализа. Это связано с тем, что аминокислоты и сахара не могут быть прямо, без защиты полярных групп, подвергнуты газовой хроматографии. Для жирных кислот дериватизация, состоящая в переводе кислот в эфиры, также предпочтительна. Разные подходы к анализу разных классов веществ диктуют и необходимость выбора класса для определения. Учитывая отмеченную выше неустойчивость сахаров и аминокислот, предпочтение по нашему мнению следует отдать гораздо более устойчивым нерастворимым в воде жирным кислотам. На установлении присутствия этих кислот в красочном слое и построена предлагаемая методика. Разумеется, не каждое органическое связующее содержит насыщенные жиры в заметных количествах, и это является естественным ограничением предлагаемого метода. Однако, даже в составе кис-

лот растительных масел, употребляемых для масляной живописи, в общем составе жирных кислот сумма насыщенных (т. е. пальмитиновой и стеариновой) превышает 10% (Mills 1966: 93), значительное количество жиров увлекается при варке в животный клей (Skans, Michelsen 1968), то же можно предполагать и в отношении казеина. Что же касается наиболее распространенного связующего стенописных красок — яичного желтка — то он имеет преимущественно жировой характер (Желнинская 1971: 6) и даже при использовании яйца целиком содержание жиров в органическом связующем останется на высоком уровне.

Процедура извлечения кислотных компонентов приведена на схеме. На первой стадии концентрированной соляной кислотой выделяют кислоты из солей (упомянутое выше обнаружение кальциевых солей щавелевой кислоты указывает на возможность нахождения кислот в солевой форме), затем, после отдувки соляной кислоты воздухом при нагревании, извлекают органические кислоты ацетоном, после отгонки ацетона к экстракту добавляют эфирный раствор diazometana для перевода кислот в метиловые эфиры и отгоняют эфир с избытком diazometana до постоянного объема в несколько мкл. Неизбежность стадии экстракции обусловлена тем, что непосредственная этерификация эфирным раствором diazometana сухого остатка после отгонки соляной кислоты ведет к образованию больших количеств эфирорастворимых нехроматографируемых веществ, в которых целевые хроматографируемые компоненты оказываются очень сильно разбавленными. Ацетон же выбран с таким расчетом, чтобы извлечь и жирные кислоты, и щавелевую.

Для того, чтобы вывести на хроматограмму и аминокислоты, следует в схеме экстракцию ацетоном заменить на извлечение трифторуксусным ангидридом с предварительным кипячением смеси, после чего действовать далее по схеме. Однако газохроматографическое определение аминокислот даже в произведениях станковой живописи представляется исследователям (White 1984: 10) далеким от идеального, что по опыту автора настоящей статьи может быть, помимо прочего, связано с неполнотой ацетилирования для некоторых аминокислот, установленной на индивидуальных аминокислотах, вопреки данным, приводимым в литературе (Сунозова Е. В. и др. 1976). В результате на искажение состава аминокислот в процессе старения накладываются дополнительные искажения от неполноты ацетилирования и выявление профиля аминокислот для сравнительной оценки методом газовой хроматографии теряет смысл, если только речь не идет о животном клее, в составе аминокислот которого присутствует жесткий критерий для его идентификации — оксипролин.

Газохроматографический анализ осуществлен на хроматографе *Chrom-41* в режиме ДИП, на стеклянной колонке длиной 2,5 м и внутренним диаметром 3 мм с насадкой 2,5% OV-225 на газхроме Q, фракция 100—120 меш. Скорость газа-носителя азота 30 мл/мин, температуру колонки программировали от 70 до 230°C со скоростью 5 К/мин от начала анализа.

Использование предлагаемой методики проиллюстрировано на примере памятников X—XIII вв. древнерусской и грузинской архитектуры. Примеры хроматограмм приведены на рисунке (рис. 1), нумерация хроматографических пиков единая.

Хроматограмма № 1 — холостой опыт. При помощи хромато-масс-спектрометрии (хроматограф *HP5890* с детектором ионов *HP5972* фирмы *Hewlett-Packard*, кварцевая капиллярная колонка) установлено, что компоненты 2 и 3 изомерные 1Н-4-хлорпиразолы, не имеющие отношения к органическому связующему, а возникающие как побочные продукты синтеза диазометана при действии хлороформа на смесь едкого кали и гидразингидрата с добавкой изопропанола. Концентрация этих веществ в пробах для хроматографии сильно варьируется, что видно на других представленных хроматограммах, однако причины этого явления не ясны. Последний компонент 6 — дибутилфталат также не берет свое начало из образцов живописи, а широко используется

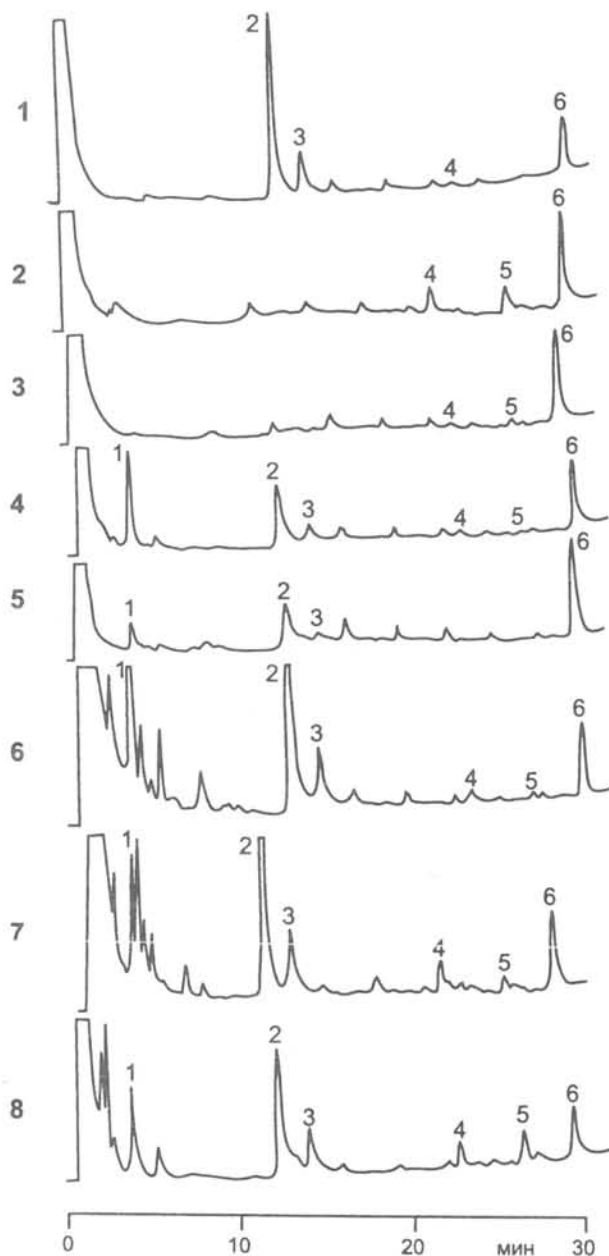

Рис. 1 Хроматограммы холостого опыта (1) и продуктов, выделенных из красочного слоя (2, 4, 6, 7, 8) и штукатурки (3, 5). Компоненты: 1 — диметилоксалат; 2, 3 — 1Н-4-хлорпиразолы; 4 — метилпальмитат; 5 — метилстеарат; 6 — дибутилфталат (контаминант).

Fig. 1 Chromatograms of blank test (1) and products derived from paint layer (2, 4, 6, 7, 8) and plaster (3, 5). Components: 1 — dimethyl oxalate; 2, 3 — 4-chloro-1H-pyrazoles; 4 — methyl palmitate; 5 — methyl stearate; 6 — dibutyl phthalate (contaminant).

в качестве пластификатора пластмасс, является контаминантом растворителей, контактирующих с пластмассовыми пробками или бутылками. Несмотря на предварительную перегонку растворителей, полностью от него избавиться не удастся. Вместе с тем, дибутилфталат не только не мешает опреде-

лению, но и играет роль метки, показывающей, что выделяемые компоненты не потеряны в процессе пробоподготовки, а отсутствуют в исходном образце. Лишь в очень низкой концентрации на хроматограмме обнаруживается метиловый эфир одной из наиболее распространенных в природных жирах пальмитиновой кислоты — компонент 4.

Высокая концентрация побочных компонентов является следствием высокой степени концентрирования из-за отгонки больших количеств растворителя до очень малых объемов, что позволяет фиксировать вещества в количествах, значительно меньших 1 мкг. Вообще же, чувствительность метода в первую очередь определяется классом используемой хроматографической аппаратуры. В описанных ниже случаях для получения уверенного результата берется порядка 3 см² красочного слоя и примерно равное по весу (10—20 мг) количество штукатурки. Однако автор располагает далеко не самой современной и высококлассной аппаратурой, при использовании же таковой и современных приемов хроматографии, таких, например, как техника «холодного ввода», чувствительность может быть повышена не менее, чем на порядок при одновременном упрощении процедуры пробоподготовки. Реагенты по отношению к навеске взяты в количествах: соляная кислота — 5 мл, ацетон — 10 мл, эфирный раствор диазометана — 10 мл с произвольной концентрацией последнего, определяемой полнотой метилирования, т. е. сохранением до окончания реакции желтой окраски диазометана в растворе. Высокая чувствительность метода и низкое содержание жирных кислот в образцах требуют исключить мыло из средств для мытья используемой посуды.

Хроматограмма № 2 — темная охра на известковой штукатурке из Десятинной церкви (X в.). Компоненты 4 и 5, как определено при помощи хромато-масс-спектрометрии и проверкой времени удерживания, — метиловые эфиры соответственно пальмитиновой и стеариновой кислот. Эти кислоты — главные среди насыщенных кислот природных жиров и их обнаружение в повышенной по сравнению с холостым опытом концентрации указывает на использование природных органических веществ в качестве связующего для краски. Полученный результат удивляет, поскольку считается, что охра характерна для фрескового письма (Виннер 1948: 73), тем более для памятника византийской технологии (Раппопорт 1982: 7). Однако хроматограмма № 3, сделанная из штукатурки под этим слоем на глубине

10 мм, показывает гораздо более низкую концентрацию жирных кислот и, следовательно, подтверждает использование органического связующего в краске.

Вместе с тем, сложности, возникающие при использовании методики, иллюстрируют хроматограммы № 4 и 5, выполненные соответственно для красочного слоя светлой охры и штукатурки на глубине 23 мм той же церкви. В этом случае присутствие пальмитиновой и стеариновой кислот в красочном слое выражено не столь отчетливо и лишь практическое их отсутствие в штукатурке позволяет вынести заключение об использовании органического связующего в красках. На этих хроматограммах обнаруживается также диметилноксалат (I), то есть эфир щавелевой кислоты, причем в составе кислот красочного слоя щавелевая кислота преобладает, что можно было бы расценить как свидетельство в пользу возникновения щавелевой кислоты в результате деструкции органического связующего, однако для уверенного заключения следует проанализировать большое число образцов.

То, до какой степени может доходить оксализация образцов, показывает хроматограмма № 6, выполненная для серого живописного слоя около шва на известковой штукатурке полоцкой Софии (XI в.). Диметилноксалат (I) преобладает в смеси, а кроме того в значительных количествах присутствуют и другие неидентифицированные компоненты, причем их преобладание над целевыми жирными кислотами столь велико, что заставляют вообще усомниться в возможности достоверного определения органического связующего в красках методами, не доводящими анализ до определения компонентного состава с уверенной идентификацией компонентов. В роли веществ, не связанных с органическим связующим, могут выступать и случайные загрязнения, в том числе и внесенные в процессе пробоподготовки, что при хорошей постановке анализа не стало бы помехой для применения предложенной методики, но с большой долей вероятности сделало бы невозможным использование микрохимических или спектральных методов.

На хроматограмме № 7 для синего по рефти красочного слоя старолadoжской Успенской церкви (XII в.), видно, что в составе неидентифицированных компонентов щавелевая кислота может и не преобладать. Нанесение красочного слоя по рефти требует использование органического связующего в краске, что полностью подтверждает выполненный по предлагаемой методике анализ, не показавший одно-

менного присутствия жирных кислот в штукатурке.

Творения красок на органическом связующем требуют и роспись по гипсовой или гипсо-глиняной (ганчевой) штукатурке. Примером росписи по последней служит хроматограмма № 8, сделанная для зеленого (глауконит) красочного слоя росписи храма Богородицы (XIII в.) средневекового грузинского пещерного монастыря Бертубани. Метилловые эфиры пальмитиновой и стеариновой кислот видны на хроматограмме исключительно отчетливо и не обнаруживаются в штукатурке на глубине 5 мм. Оксализация образца также значительна и подтверждает рентгеноструктурное определение оксалатов в образцах из этого памятника (Днепровская, Дубик 1995: 46). Эта же хроматограмма имеет и еще одну особенность: стеариновая кислота преобладает над пальмитиновой, что не наблюдается для жирнокислотного состава традиционных растительных и животных связующих. Проведенный хромато-масс-спектральный анализ с использованием высокоэффективных капиллярных колонок показал, что в таких случаях пик 5, соответствующий метилстеарату, содержит еще и метилловые эфиры ненасыщенных кислот C₁₈, главным образом олеиновой. Это говорит о том, что в отличие от масляной станковой живописи (Mills 1966), полимеризация ненасыщенных кислот в штукатурке может не происходить на полную глубину, а следовательно, по самому набору кислот и по их соотношению в некоторых

случаях может быть установлен и конкретный вид органического связующего. Перспективы дальнейших шагов в развитии методики, таким образом, видны, однако решение вопроса о виде связующего требует уже масштабного исследования с использованием высококлассной аппаратуры и выходит за рамки настоящей работы.

Предложенная методика, несмотря на приведенные удачные примеры ее использования, все же далека от идеальной, так как далеко не во всех случаях позволяет определить органическое связующее, реальное использование которого в красках может быть в некоторых случаях установлено по имеющимся на боковых поверхностях затекам краски в трещины левкаса, свидетельствующим о темперном исполнении росписи по сухой и растрескавшейся до кракелюра штукатурке. Причиной этого может быть, как уже отмечено, употребление связующих с низким содержанием жиров или же глубокая деструкция органического материала, причем предварительные результаты показывают, что штукатурки на основе гипса менее активны и способствуют лучшей сохранности жирных кислот. Тем не менее, предлагаемая методика способна занять свое место в ряду методов, предназначенных для решения задачи об использовании органического связующего в древних красках для настенной живописи, поскольку может привести к получению достоверных результатов в тех случаях, когда иные методы анализа дать бы их не смогли.

Бергер, Э. 1930. Техника фрески и техника сграффито. Москва.

Виннер, А. В. 1948. Фресковая и темперная живопись. II. Материалы и техника древнерусской стенной живописи XI—XVII веков. Москва—Ленинград.

Днепровская, М. Б., О. Ю. Дубик 1995. Комплексный анализ пигментов настенных росписей храма Богородицы из Бертубани // *Художественное наследие* 16: 44—56.

Желнинская, З. М. 1971. Приспособление метода тонкослойной хроматографии для анализа белковых и углеводосодержащих связующих, используемых в живописи // *Сообщения ВЦНИЛКР* 26: 3—23.

Раппопорт, П. А. 1982. Русская архитектура X—XIII вв. Каталог памятников. Свод археологических источников Е 1—47. Ленинград.

Сунозова, Е. В., В. И. Трубников, К. И. Сакодынский. 1976. Газовая хроматография аминокислот. Москва.

Halpine, S. M. 1992. Amino acid analysis of proteinaceous media from Cosimo Tura's «The annuncia-

tion with Saint Francis and Saint Louis of Toulouse» // *Studies in Conservation* 37: 22—38.

1989. Le pellicole ad ossolati: origine e significato nella conservazione della opere d'arte. Milano.

Mills, J. S. 1966. The gas chromatographic examination of paint media. Part 1. Fatty acid composition and identification of dried oil films // *Studies in Conservation* 11: 92—107.

Mills, J., R. White. 1982. Organic mass spectrometry of art materials: work in progress // *National Gallery Technical Bulletin* 6: 3—18.

Silva, R. H., de. 1963. The problem of the binding medium particularly in wall painting // *Archaeometry* 6: 56—64.

Skans, B., P. Michelsen. 1968. Die Bedeutung von Fett in Tierleim für Malzwecke // *Maltechnik Restaura* 92/2: 63—71.

White, R. 1984. The characterization of proteinaceous binders in art objects // *National Gallery Technical Bulletin* 8: 5—14.

GAS CHROMATOGRAPHIC METHOD FOR REVEALING ORGANIC BINDER IN OLD WALL PAINTING

A. N. YEGORKOV

The revealing and identification of binding medium in old wall painting present a major difficulty, while the methods for examination of easel painting, mainly the methods of instrumental analysis, are successfully developed. The prolonged contact of organic binder with an immense quantity of plaster and pigments allows to expect that proteins, carbohydrates and fats do not remain unhydrolysed, water soluble products of hydrolysis being capable of distribution all over the plaster with the movement of moisture and the consumption of micro-organisms.

A method proposed for revealing the organic binder deals with the saturated fatty acids of binder, predominantly palmitic and stearic, which are resistant to chemical and microbial degradation. The procedure includes the evaporation of the specimen of paint layer (ca 3 cm², 10—20 mg) or plaster with hydro-

chloric acid to obtain free acids from salts, extraction with acetone, esterification with ethereal diazomethane and evaporation to 1—2 μl for subsequent gas chromatography.

The examination of plaster fragments with painting of Russian and Georgian churches of the 10th—13th centuries containing organic binder in the paints (tempera on the gypsum plaster or evidence of spots of paint on the flank surface of plaster fragments caused by tempera painting on the dried and craced lime plaster) indicates that in many cases (fig. 1) the fatty acids C₁₆ and C₁₈ may be detected. On the other hand, the proposed method is inefficient for binder with low fat content or in the case of advanced degradation of organic matter.

The method also allows to reveal the oxalic acid present as calcium oxalates and the oxalization of paint layer (both on the gypsum and on the lime) may be considerable.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НОВГОРОДСКОГО И ПСКОВСКОГО ИКОНОСТАСОВ

Т. А. ЧУКОВА*

Древнерусский иконостас изучается преимущественно на примере памятников московского круга. Между тем, для истории иконостаса, несомненно, важными являются процессы, происходившие в культуре Новгорода и Пскова в XIV—XV вв., в период, когда эти центры развивают традиции домонгольского искусства и еще не испытывают давления московских образцов. Именно здесь, на домонгольском Северо-Западе, в XI—XII вв. появляются первые древнерусские деревянные алтарные преграды (Чукова 1995: 273—287), из которых развиваются иконостасы XIV—XV вв.

Как исторический источник, иконостас весьма сложен, так как являет собой ансамбль, сочетающий элементы архитектуры, станковой (следовательно, легко перемещаемой и заменяемой) живописи, прикладного искусства. Источник этот многоуровневый, раскрытие которого подразумевает рассмотрение его организации по вертикали (количество, номинация, высота регистров); организации по горизонтали (протяженность регистров, их состав); характеристику досок чиновных икон; их иконографических особенностей и др. При этом ни один иконостас Новгорода или Пскова домосковского времени не может рассматриваться как закрытый комплекс с фиксированным для того или иного периода составом икон (по наблюдению М. А. Ильина не сохранилось ни одного древнерусского иконостаса старше XVII в. — Ильин 1966: 79). Перемещались и помещались в новые иконостасы не только отдельные иконы, но и чины (об этом свидетельствуют опиленные, обрубленные или надставленные доски одночиновых икон), и если расширение чина бесспорно устанавливается по наличию в нем разновременной живописи, то его редуцирование фиксируется только предположительно.

Следует отметить, что круг памятников для разработки данной темы весьма ограничен: почти нет сведений о конструкциях новгородских и псковских иконостасов

XIV—XV вв., чрезвычайно фрагментарна сохранность фонда икон рассматриваемого периода: каталоги памятников новгородской иконописи конца XIII—XV вв. включают около 120 иконных досок (Смирнова 1976; Смирнова и др. 1982), при этом только иконостас Софийского собора в 1528 г. насчитывал 66 икон (Филатов 1968: 63). Причины утрат икон очевидны: пожары, замена старых иконостасов новыми. В XVI в. иконы, особенно почитавшиеся чудотворными, активно вывозились в Москву (Смирнова и др. 1982: 200; Попов 1973: 358—360), безусловно среди них были и чиновные иконы и, даже если они сохранялись как отдельные доски, иконостасы, из которых они происходили, разрушались как ансамбли. В 1913 г. в Новгороде был основан епархиальный музей, собрание которого пополнялось и из иконостасов новгородских храмов (Грищенко 1917: 63—64), что вело к разрушению иконных комплексов. События отечественной истории последних десятилетий также не способствовали сохранению икон.

Несмотря на это, поскольку конструкции тябловых иконостасов почти полностью утрачены, основным источником для рассмотрения истории ранних иконостасов Новгорода и Пскова служат именно чиновные иконы (отметим, что это характерно для изучения ранней истории иконостасов не только древнерусских, но и византийских памятников (Chatzidakis 1973: 339—346).

О происхождении икон из иконостаса свидетельствуют либо их иконография (например, деисусный чин), либо их ансамблевость (праздничный чин), либо документированность (прежде всего, это относится к иконам местного чина; мы исходим из того, что помещение икон XIV—XV вв. и в более поздние иконостасы отражает традицию почитания этих икон как чиновных). Из новгородских икон конца XIII—XV вв. к чиновным можно отнести около 80 (источниковедческой базой для рассмотрения истории новгородского иконостаса этого времени является

* Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

фундаментальные исследования Э. С. Смирновой, В. К. Лауриной, Э. А. Гордиенко: Смирнова 1976; Смирнова и др. 1982; учтены датировки и атрибуции этих авторов), из псковских — около 20. Таким образом, состояние источников позволяет проследить лишь некоторые тенденции развития новгородского и псковского иконостасов послемонгольского домосковского времени.

Деисусный чин. Безусловно, достоверно иконографически атрибутируются как чиновые иконы деисусного регистра. Согласно толкованиям отцов церкви (Сафроний Иерусалимский), бема, отделяемая от остального пространства храма иконостасом, выступает как «место, являющее второе пришествие» (Успенский 1963: 229). Это понимание алтаря определило эсхатологическую тему в убранстве иконостаса, которую и выражает деисус (Chatzidakis 1973: 340; Epstein 1981: 23). К моменту появления на Руси, деисусные композиции насчитывали уже несколько веков развития (Мыслевец 1973: 60—61; Voguay 1966: 1180).

Из четырех новгородских деисусов XIV в., иконы которых сохранились, три — поясные, один — полнофигурный. Последний, представленный двумя иконами архангелов (Смирнова 1976: 206—207), является единственным иконописным полнофигурным деисусом XIV в. не только для Новгорода, но и для всей Руси и рассматривается в литературе как доказательство существования полнофигурных иконостасных деисусных чинов уже в XIV в. (Смирнова 1976: 207).

Поясные новгородские деисусные чины XIV в. относятся к концу столетия; один, от которого сохранилась икона «Апостол Петр», вероятно, происходит из северной провинциальной мастерской и имеет широкую дату — конец XIV—XV в. (Смирнова 1976: 247).

Отметим, что при всей своей малочисленности, новгородские деисусные чиновые иконы XIV в. демонстрируют иконографическую вариабельность: так в одном случае «Архангел Гавриил» изображен без традиционных сферы и посоха в руках (Смирнова 1976: 230—232). Иконы с изображением апостола Петра, напротив, строятся по одной иконографической схеме, известной, наряду с другими, по памятникам византийского искусства XIV—XVI вв. (Смирнова 1976: 248—249). Так, поясной деисусный чин греческого письма XIV в., так называемый Высоцкий (Лазарев 1971: 357—371), обнаруживает те же иконографические черты, что и новгородские деисусные апостольские чиновые иконы (при этом отметим, что иконы Высоцкого чина значительно превосходят

новгородские по размерам). Высоцкий чин попал на Русь в 90-е гг. XIV в. (Лазарев 1971: 358). Вряд ли новгородские иконописцы, авторы рассматриваемых деисусов, создавали свои иконы под непосредственным влиянием именно Высоцкого чина, но в Новгороде XIV в., испытывающем активное воздействие византийского искусства (Гордиенко 1984: 167), безусловно были известны другие подобные греческие образцы.

Один из новгородских поясных деисусных чинов, представленный семью иконами, вероятно, сохранился полностью (Смирнова 1976: 246—247), что дает возможность рассматривать его на уровне комплекса: размеры икон, почти совпадающие по высоте (колебания размеров в пределах 1,5 см), демонстрируют расстояние между тяблами — около 33 см; протяженность чина — около 170 см, то есть деисус располагался только перед центральной частью алтаря. Структура досок чина не единообразна: пять досок с ковчегами, две, при этом непарные («Архангел Гавриил» и «Апостол Петр»), — без ковчегов; центральная доска чина не выделена по ширине из общего ряда.

В XV в. поясные деисусные чины в Новгороде неизвестны (возможное исключение составляет упомянутая выше чиновая икона «Апостол Петр» с широкой датой, выходящей в XV в.), хотя в других древнерусских центрах они продолжают существовать и в XVI в. (Гусарова 1978: 104—131).

Поясные деисусные чины, возможно, помещались и в псковские иконостасы XIV в. Из такого чина может происходить, судя по его иконографии и размерам, например, «Спас Елеазаровский» середины XIV в. (Родникова 1990: 292); а о существовании поясных деисусных чинов в псковских иконостасах начала — первой половины уже XV в. свидетельствуют четыре иконы: «Спас», «Богоматерь», «Иоанн Предтеча», «Архангел Гавриил», происходящие из одного чина (Родникова 1990: 296). Они превосходят по высоте (110 см) доски новгородских деисусов XIV в. в 2—3 раза (исключение составляет новгородский «Архангел Михаил», который и при опиленных полях имеет размеры 83 × 59 см). Это образа, рассчитанные на восприятие со значительного расстояния, которые могли создаваться для иконостаса большого храма. Судя по монументальности икон, чин, который они составляли, был не менее, чем семифигурным, в таком случае его протяженность превосходила 4,5 м. Отметим, что, как и в новгородских поясных деисусных чинах XIV в., центральная доска псковского чина не выделена по ширине.

Хотя памятники прикладного искусства уже домонгольского времени, а также иконописи XV в., демонстрируют более развитые деисусные композиции, включающие уже и русских святых, свидетельств о том, что поясные деисусные чины Новгорода и Пскова состояли в XIV—XV вв. более чем из семи досок, нет. В чины входили изображения Спаса, Богоматери, Иоанна Предтечи, архангелов Михаила и Гавриила, апостолов Петра и Павла. Высота поясных деисусных чинов колебалась от 32-33 до 110 см.

В XV в. иконостасы Новгорода и Пскова включают полнофигурные деисусные чины. Расширяется круг персонажей: самая пространная редакция новгородского деисусного чина (первая половина XV в.) насчитывает, по меньшей мере, 11 досок (Смирнова и др. 1982: 192—198). Кроме предстоящих, известных в деисусных чинах XIV в., в первой половине XV в. появляются святители (Иоанн Златоуст, обычно изображаемый в первой святительской паре с Василием Великим (Смирнова и др. 1982: 193), русские святые (князь Владимир, парной иконой к образу которого могла быть «Княгиня Ольга» (Смирнова и др. 1982: 293).

Иконография центральной иконы новгородских деисусных чинов отлична от московской — «Спас на престоле» — с изображением предстоящих Богоматери и Иоанна Предтечи на одной с ним доске или без них. Эта особенность («Спас на престоле», а не «Спас в силах») новгородской иконографии центральной иконы чина могла быть обусловлена почитанием в Новгороде «Спаса царя Мануила», иконы XI—XII вв., хранившейся до XVI в. в Софийском соборе (Смирнова и др. 1982: 181—186). В XIV—XV вв., в условиях противостояния Новгорода Москве, происходит подчеркнутое усиление культа местных святынь («Богоматерь Знамение», Варлаам Хутынский (Гордиенко 1984: 158). Если «Спас на престоле» связывался в представлении новгородцев со «Спасом царя Мануила», помещенные иконы именно этой иконографии в чин придавало новгородским деисусам особый смысл.

На фоне пространного чина с «Князем Владимиром» подчеркнуто кратким выглядит пятифигурный деисусный чин 1438 г. из Софийского собора (Смирнова и др. 1982: 208-209). Параметры чина задаются размерами древней алтарной преграды собора, располагавшейся между предалтарными столбами (Штендер 1968: 95—98), а также размерами более ранних икон преграды, что отмечалось Э. А. Гордиенко (Смирнова

и др. 1982: 208—20). Здесь мы обращаемся к уже затронутой теме подчеркнутого сохранения культа местных святынь в Новгороде XIV—XV вв., в число которых могла войти и алтарная преграда новгородского кафедрала, сами древние формы которой могли рассматриваться как составляющее особой святости Софийского собора (примечательно, что Софийский деисусный чин был расширен за предалтарные столбы только в 1509 г. (Филатов 1968: 68). Но и заключенный в пространство между предалтарными столбами деисусный чин мог быть более пространным, его иконы необычно велики (высота 235-236 см) и превосходят по размерам иконы других новгородских деисусных чинов XV в. в 2—3 раза. Фактором, определяющим необычные размеры икон Софийского деисусного чина, мог являться местный чин древней преграды с иконами «Петр и Павел» и «Спас на престоле» («Спас царя Мануила»); размещение этих икон в интерколуниях Софийской преграды обосновано в литературе Г. М. Штендером и С. И. Сивак (Штендер, Сивак 1995: 289). Стремясь сохранить архитектуру Софийской преграды, иконописец (или иконописцы) XV в. принял за модуль высоту икон «Петр и Павел» и «Спас на престоле» — 236 см.

В Софийском деисусе впервые проявляются некоторые иконографические черты, которые неизменно будут повторяться в новгородских деисусных чинах XV в.: «шагающие» архангелы в накинутых на одно плечо гиматиях с широкими окаймлениями хитонов (Смирнова и др. 1982: 254). Вместе с тем, другие особенности иконографии Софийского деисусного чина, как, например, изображение Иоанна Предтечи в милоти, а не в хитоне, в новгородских деисусных чинах второй половины XV в. не встречаются. Таким образом, мы не можем сделать вывод о строго регламентирующей роли Софийского чина в развитии иконографии деисусных чинов Новгорода.

Во второй половине XV в. происходит дальнейшее расширение круга предстоящих в новгородских деисусных чинах: появляются изображения мучеников — Георгия, Дмитрия Солунского (Смирнова и др. 1982: 253—254), возможно, вторая пара святителей — Никола, который, как отмечает Э. С. Смирнова (Смирнова и др. 1982: 257), изображается во второй паре, с Григорием Богословом после Иоанна Златоуста и Василия Великого; таким образом, появление деисусной иконы с изображением Николы косвенно свидетельствует о включении в деисусные чины второй половины—конца XV в. двух пар святителей. Вместе с тем,

следует отметить, что на новгородском па-нагиаре второй половины XV в. Никола изображен в паре с Иоанном Златоустом (Смирнова и др. 1982: 260). Не было, вероятно, жестко закреплено и местоположение икон с изображениями святителей относительно царских врат: известны иконы с изображением Иоанна Златоуста как из правой, так и из левой части чина.

Итак, сохранившиеся новгородские иконы XV в. свидетельствуют о том, что деисусный чин этого времени не был, в отличие от византийских и южнославянских чинов, апостольским. Напротив, состав его включал различные иерархические категории и институты церкви; в нем выражено литургическое, евхаристическое начало: святители — творцы литургии, совершители таинства. При этом, новгородские деисусы не включали изображения русских иерархов, в отличие от московских, где в середине XV в., а, возможно, и раньше, помещается, например, изображение митрополита Петра (Смирнова 1988: 284).

Несмотря на большую идейную насыщенность, «смешанный» чин мог быть более кратким, чем апостольский. Предполагаемая протяженность полнофигурных новгородских деисусных чинов XV в. от 4 до 6 м, то есть эти чины могли размещаться как по всей предалтарной линии небольших церквей, так и только перед центральной частью бемы больших храмов.

Нетипичный для Руси апостольский деисус представлен семнадцатифигурным чином из церкви Успения с Пароменья в Пскове (Родникова 1990: 299; Ткачева 1992: 35; Ткачева 1994: 27). Появление такого ансамбля может свидетельствовать о непосредственном участии в его создании византийских или южнославянских мастеров. В связи с этим следует упомянуть отмеченные И. С. Родниковой изображение приоткрытого Евангелия в руках у апостола Андрея (?) из Успенского чина, а также деревянный рельефный нимб, которые, по ее мнению, «обнаруживают знакомство псковских художников с южнославянскими и восточными образцами» (Родникова 1990: 299).

По высоте иконы деисусных чинов XV в. превосходят современные им иконы других регистров иконостаса. Их размеры по вертикали колеблются от 69 до 191 см (без учета Софийского деисуса), наиболее характерны размеры в диапазоне от 140 до 160 см, при этом никакой хронологической закономерности в изменении этих размеров не прослеживается; прежде всего, они, вероятно, были обусловлены размерами храма, для иконостаса которого создавался чин. Центральная икона полнофигурного чина

выделяется среди остальных по ширине. Ширина досок в одном чине, в том числе и с парными изображениями, могла значительно колебаться (до 14 см).

Наряду с полнофигурными деисусными чинами XV в. с изображением персонажей на отдельных досках, известен, датируемый XV в., погрудный деисус-тримофорий из Обонежья (Лазарев 1946: 76; Смирнова 1967: 114). От отдельных чинов обонежская икона отличается и иконографически: в центре — «Спас Нерукотворный», фланкируемый поясными с жестами адорации изображениями Богоматери и Иоанна Предтечи. Икона свидетельствует об отсутствии строгого единообразия иконостасных деисусов и представляет вариант провинциального архаизирующего новгородского иконостаса XV в. (Лазарев 1946: 76).

Праздничный чин. Не позднее, чем с XI в. (об этом свидетельствуют как письменные источники, так и памятники византийской иконописи) на алтарные преграды помещаются праздничные иконы, как составлявшие отдельный регистр, так и сочетавшиеся, например, с деисусом (Chatzidakis 1973: 339). Уже в это время формируется круг сюжетов праздничного чина, ядром которого становятся: Благовещение, Рождество Христово, Сретение, Крещение, Преображение, Воскрешение Лазаря, Вход Христа в Иерусалим, Распятие, Сошествие во ад, Вознесение, Сошествие Св. Духа, Успение (Вейцман 1971: 142—175; Залеская 1995: 19—21 и др.). Эти сюжеты включали шесть Господних праздников, два Богородичных, один экклезиологический (Успенский 1963: 241), а также иконы, связанные с праздниками «Лазарева суббота», пасха и одну страстную (Барская 1993: 47). Иконы располагались в устойчивом порядке, основой которого являлся не годовой литургический круг, а хронология изображаемых событий.

Этот состав и последование сюжетов были приняты при создании самого раннего сохранившегося праздничного чина, происходящего из Новгорода — Софийского (первая половина XIV века) (Филатов 1974). Создававшиеся, вероятно, провинциальными византийскими мастерами, возможно, при участии новгородских иконописцев, Софийские праздники следовали ранним византийским образцам, что определило архаичность чина, заключавшуюся в написании каждых четырех сцен на одной доске; таким образом, чин состоял из трех досок, размещенных между предалтарными столбами собора (Смирнова 1976: 65; Филатов 1968: 68, 77; 1974) (отметим, что все остальные известные праздничные иконы новгородских иконостасов рассматриваемого периода на-

писаны на отдельных досках). Эта архаичность Софийских праздников вряд ли была случайной. Возможно, иконописцы апеллировали к более ранним Софийским праздничным чиновым иконам, без которых трудно представить алтарную преграду кафедрального собора новгородской епархии. Размах работ, проводившихся по инициативе архиепископа Василия с 1333 по 1342 г. свидетельствует о том, что он, безусловно располагал и кадрами и средствами для возведения в Софийском соборе после пожара 1339 г. нового иконостаса с более пространственным иконным убранством. Мог быть более широк и круг праздничных икон: так византийский темплон со времени не позднее XIII в. мог включать, например, «Тайную вечерю», «Омовение ног» (Вейцман 1971: 151). К. Вейцман отмечает, что «Тайная вечеря» и «Омовение ног» являлись «относительно частыми добавлениями к циклу праздников ибо они иллюстрировали два отрывка об умывальнице, читавшихся в Великий четверг, и весьма высоко чтятся среди литургических праздников» (Вейцман 1971: 151). В рублевское время иконы, написанные на эти сюжеты, будут помещаться в праздничные чины иконостасов московского круга.

Судя по немногочисленным сохранившимся новгородским иконам из праздничных чинов, круг сюжетов, известных по Софийским праздникам, не менялся до конца XV в. Э. А. Гордиенко справедливо отметила, что Софийский состав праздников в Новгороде был, по-видимому, принят за образец (Смирнова и др. 1982: 249). Примечательно, что участвовавшие в создании иконостаса Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря новгородские мастера пишут и там иконы только на сюжеты известные по Софийскому иконостасу, но при этом, изводы этих икон — московские (Смирнова и др. 1982: 322-325).

Расширение круга сюжетов новгородских праздничных чинов происходит лишь после присоединения Новгорода к Москве: так гостинопольский чин (рубеж XV—XVI вв.) включал уже «Преполовение» и «Троицу». Появление икон, написанных на новые сюжеты, в праздничном чине новгородского иконостаса в этот период было связано с общим процессом переориентации новгородской иконописи, протекавшим «чрезвычайно интенсивно» (Вилинбахова 1980: 22). Уже в последней четверти XV в. «новгородская иконопись обогащается новшествами, меняющими ее лицо» (Вилинбахова 1980: 2—3). Эти новшества, несомненно, охватывали не только художественные

особенности новгородских икон, но и состав новгородского иконостаса.

Косвенным подтверждением намеренной «канонизации» в Новгороде древней Софийской преграды, программности следования сюжетному составу ее праздничного чина, является то, что, судя по сохранившимся не чиновым иконам, новгородским иконописцам была известна иконография праздников, не включаемых ими до конца XV в. в праздничные иконостасные чины. Такова, например, икона первой половины XV века «Земная жизнь Христа», состоящая из 25 клейм, иллюстрирующих евангельские события (Смирнова и др. 1982: 201), и находящаяся, по наблюдениям Э. С. Смирновой, «известную аналогию в византийских иконах-эпистилиях XI—XII вв.» (Смирнова и др. 1982: 204). В числе сюжетов иконы и те, которые встречаются в праздничных чинах иконостасов московского круга конца XIV—XV в., но неизвестны среди икон новгородских праздничных чинов: «Тайная вечеря», «Омовение ног», «Христос перед Пилатом», «Уверение Фомы» и др.

По наблюдению П. А. Раппопорта, такой же намеренной, подчеркнутой консервативностью, «искусственной изоляцией» от Москвы отмечена и новгородская архитектура XV в., характеризующаяся приверженностью к старым, в том числе и домонгольским, формам, о чем свидетельствует улавливаемое археологически «чисто реставрационное» восстановление обветшавших церквей XII в. (Раппопорт 1970: 66).

Выборка икон, достоверно происходящих из новгородских праздничных чинов XIV—XV вв., слишком мала, чтобы делать выводы о возможной эволюции их размеров; отметим лишь, что максимальная высота икон праздничного чина XV в. — 90 см, в то время как высота Софийского, единственного сохранившегося от XIV в., — 72 см. О протяженности новгородских праздничных чинов XV в. можно судить лишь по волотовским иконам — около 7 м.

Пророческий чин. На рубеже XV—XVI вв. был написан самый ранний из сохранившихся новгородских пророческих чинов — чин Никольской церкви в Гостинополье (Смирнова и др. 1982: 342—343). Создается он под явным влиянием пророческого чина Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря, над иконостасом которого новгородские мастера предположительно работали совместно с иконописцами из Москвы и Ростова (Смирнова и др. 1982: 321). Вероятно, именно участие новгородских иконописцев в работе над пророческим чином Кирилловского иконостаса кладет начало включению икон с изображе-

нием пророков в новгородский иконостас, хотя Кирилловский и гостинопольский чины и обладают рядом иконографических и конструктивных отличий.

Местный чин. Местный чин иконостаса наименее регламентирован по составу. Включая, наряду с изображениями Спаса и Богоматери, храмовую икону (появление именно этих икон в интерколумниях византийских темплов в XI—XII вв. (Chatzidakis 1976: 186—187) кладет начало формированию местного чина будущего иконостаса), местный чин больше чем другие зависит от посвящения храма.

Иконография икон местного чина не столь унифицирована как иконография деисусного и пророческого регистров. Эти иконы лишены той ансамблевости, которая характерна для икон других чин, что делает атрибуцию местных икон как чиновых особенно сложной. Среди новгородских и псковских икон рассматриваемого периода, отнесенных к местному чину, большинство представляют храмовые; несколько икон документировано происходят из местных чин иконостасов более позднего времени.

Как характерная черта икон нижнего регистра иконостаса в литературе отмечается подчеркнутая монументальность их композиций (Chatzidakis 1976: 186—187) и, хотя этот признак отмечен определенной субъективностью, большинство икон местного чина согласуются с ним.

При этом, рассмотрение икон местного чина позволяет выделить и ряд характеризующих их формальных признаков и особенностей:

— Доски икон уступают по размерам только иконам полнофигурного деисусного чина, приближаясь к ним. В связи с этим отметим, что именно большие размеры храмовой и парной ей икон Георгиевского собора Юрьева монастыря побудили В. Н. Лазарева в 1953 г. усомниться в том, что эти иконы могли находиться в алтарной преграде и предположить что они помещались на стене или столбах (Лазарев 1953: 213). Открытие высоких деревянных алтарных преград Новгорода и Пскова, введение в научный оборот данных о них, изменили представление о возможном иконном убранстве древнерусских темплов.

— Абсолютные размеры икон местного чина имеют тенденцию к уменьшению (средние размеры в XII в. — 230 см; в XIII в. — 184 см; в XIV в. — 139 см; в XV в. — 136 см), что может отражать усложнение структуры иконостаса (увеличение количества самостоятельных регистров, появление полнофигурного деисуса на досках

больших размеров), развитие его архитектуры.

— Храмовые иконы как поясные, так и полнофигурные, выдерживаются как в традициях «портретной» композиции, так и более пространной, с «пейзажными» фонами.

— Средник икон мог дополняться как изображениями архангелов, святых, так и житийными клеймами. Иконописца не смущает, что изображения на полях почти бессмысленны с точки зрения их восприятия из наоса; таким образом, эти изображения в контексте иконостаса не несли художественной или дидактической нагрузки, но при этом могли выражать то или иное идейное начало. Так в храмовой иконе церкви Николы на Липне (конец XIII в.) расположенные на полях «по чину» (Смирнова 1976: 173), изображения архангелов, апостолов, святителей, мучеников (упрощенная реплика деисуса), вероятно, призваны усилить заступническое начало святого. Идея деисуса могла проявиться в храмовой иконе и не столь повествовательно. Так из двух известных изводов «Собора двенадцати апостолов» при написании храмовой иконы церкви Двенадцати апостолов в Новгороде (первая половина XV века) избран тот, который отмечен идеей моления, предстояния, как и деисусный чин иконостаса (Смирнова и др. 1982: 207). Выбор именно этого, «деисусного» извода, возможно, был определен назначением иконы как чиновой.

Храмовые иконы могли включать не только изображения патрона храма, но и святых, близких ему по особенностям культа, а также святых, которым посвящались предельные алтари храма (Смирнова и др. 1982: 274, 299—300) («Власий и Спиридон» — вторая половина XV века; «Кирилл и Афанасий Александрийские, Леонтий Ростовский» — конец XV в.). По этому поводу Э. С. Смирнова отмечает, что «подобная группировка персонажей, близких по характеру культа, должна была сообщать храмовым иконам повышенную сакральную значимость» (Смирнова и др. 1982: 274).

Сохранившиеся «нехрамовые» иконы местного чина свидетельствуют о том, что он включал изображения Богоматери с младенцем — «Богоматерь Умиление (Любятковская)» — первая половина XV в.; одиночные и многофигурные в ряд изображения святых — «Никола» — XIV в.; «Иаков Иерусалимский, Никола и Игнатий Богоносец» — вторая половина — конец XV в.

Сопоставление регистров иконостасов показывает, что самыми высокими были иконы полнофигурного деисусного чина, не-

сколько уступали им иконы местного чина, более чем в 2—3 раза — праздничные.

На оборотной стороне досок чиновых икон делались пометки (как правило процарапанные штрихи), возможно, обозначающие место иконы в чине (Смирнова 1976: 193). Доски чиновых икон почти всегда имели ковчег, но известны и бесковчегные иконы, происходящие из иконостасов; при этом, в одном чине могли сочетаться одновременно иконы на досках обоих видов. Абсолютное большинство чиновых икон XIV—XV вв. написано на отдельных досках; на рубеже XV—XVI вв. фиксируется появление двухрядных икон.

В создании регистров иконостаса одновременно могли принимать участие несколько иконописцев, при этом один мастер мог писать иконы, находящиеся в разных частях чина, а авторство парных икон чина (например, в деисусе изображения архангелов или апостолов и т. д.) не всегда было единым.

Царские врата. Сохранившиеся новгородские царские врата XIII—XV вв. свидетельствуют о разнообразии способов их убранства: 1) деревянные с темперной живописью (Смирнова 1976: 166—170; Смирнова и др. 1982: 236—238); 2) деревянные, украшенные резьбой, с живописными вставками (Плешанова 1974: 107—114); 3) деревянные, покрытые медными листами, с «золотым письмом» (Лазарев 1970: 209—212).

Наиболее распространенными хронологически являются врата, относящиеся к первому виду, — они известны как во второй половине XIII, так и в конце XV в., врата второго вида появляются в XV в., третьего — зафиксированы в XIV в.

Высота сохранившихся врат колеблется от 136 до 176 см. Малочисленность рассматриваемых памятников не позволяет судить о хронологической закономерности в изменении размеров врат, но тенденция к их увеличению вероятна.

Навершие врат, независимо от их вида, второй половины XIII — первой половины XIV в. полукруглые, врат XV в. — сложной «коронаобразной» формы.

В навершие всех известных врат помещены «Благовещения», которые сочетаются либо с изображениями святителей (вторая половина XIII—конец XV в.), либо с изображениями евангелистов (первая половина XIV—XV в.) на полотнищах. Первый иконографический тип («Благовещение» и святители) не характерен для врат византийского круга (Смирнова 1976: 168), но именно к этому типу относятся как древнейшие (из Кривецкого погоста), так и наиболее поздние (из Гостинополя) врата рассматри-

ваемого периода. На вратах XIII в. святители изображены фронтально, в XV в. — в трехчетвертном повороте к центру, что, как отмечают Э. С. Смирнова и В. К. Лаурина, связано с изменениями в алтарной росписи, с распространением в монументальной живописи композиции «Служба святых отцов» (Смирнова 1976: 169; Смирнова и др. 1982: 337). Возможно, в этих изменениях отразилось и развитие деисусных чинов, прежде всего полнофигурных, задающих ритм всему ансамблю иконостаса. Как и в деисусном чине, местоположение святителей относительно вертикальной оси иконостаса жестко не регламентировалось: так на кривецких вратах Василий Великий изображен на правой, а на гостинопольских на левой створке. От царских врат именно такого типа происходят и самые ранние из сохранившихся новгородских столбиков (XV в.) (Смирнова и др. 1982: 259).

Если первый иконографический тип известен только на примере врат с темперной живописью, то второй иконографический тип («Благовещение» в навершии и четыре евангелиста на полотнищах) представлен вратами, как с резьбой по дереву с живописными вставками, так и украшенными медью с «золотым письмом».

Вместе с тем, следует отметить группу новгородских провинциальных царских врат конца XV — первой половины XVI в., на которые, кроме традиционных живописных изображений Благовещения и евангелистов, в верхний ярус основного поля створок помещена «Евхаристия» (Лаурина 1968: 145—178). Исследовавшая эти врата В. К. Лаурина полагает, что они происходят из одной мастерской и были написаны по образцу XIV в. (Лаурина 1968: 169); в этом случае перед нами еще один, усложненный, вариант второго иконографического типа новгородских врат рассматриваемого периода. Иконография провинциальных новгородских врат еще раз обращает внимание на присутствие в убранстве новгородского иконостаса литургической, евхаристической темы, представленной здесь в конкретно-повествовательной форме.

Врата с изображением Благовещения и евангелистов известны в XV в. и в Пскове; об этом свидетельствует группа врат, исследованных И. И. Плешановой (Плешанова 1974: 107—114); все они украшены резным деревом (в одном случае дополненным басмой) с живописными вставками.

Царские врата, в отличие от икон, дают представление не только о художественной программе иконостаса, но, являясь частью иконостасных конструкций, могут служить источником для суждений об их декоратив-

ном убранстве, о приемах украшения тябел (так, например, тябла иконостаса с резными орнаментированными царскими воротами вряд ли украшались живописью или не украшались вовсе).

Царские ворота — единственный компонент иконостасного ансамбля, устойчиво изображавшийся на иконах («Покров»). Все новгородские и псковские иконы рассматриваемого периода демонстрируют изображения царских ворот без какого-либо декора или с крестами на створках. Вряд ли это свидетельствует о бытовании в реальных иконостасах ворот без изображений. Скорее эта повторяющаяся иконография, не находящая соответствия среди сохранившихся ворот, свидетельствует о том, что иконописец изображал не конкретные ворота или их конкретный иконографический тип, а давал символическое обозначение, при этом не лишённое связи с реальными образцами: так изображение царских ворот на иконах демонстрирует усложнение во времени формы на вершинах, что в тенденции соответствует эволюции наивысших сохранившихся памятников.

По наблюдению Э. С. Смирновой, столбики царских ворот на древнерусских миниатюрах и иконах также изображаются без росписи (Смирнова и др. 1982: 259). Э. С. Смирнова допускает, что столбики могли расписываться не всегда (Смирнова и др. 1982: 259), но вряд ли это можно предположить и относительно самих ворот, так как: 1) изображения на воротах несли важную смысловую нагрузку (Смирнова 1976: 166—169; Chatzidakis 1973: 343 и др.); 2) общий художественный строй иконостаса подразумевал безусловную изобразительную насыщенность прежде всего его центральной вертикали, выделенной архитектурной иконографией регистров.

Касаясь изображений царских ворот с крестами на створках, отметим, что именно так украшены, например, ворота низкого

темплона в сцене «Евхарастии» в стенной росписи XII в. храма Ахталы в Грузии (Лазарев 1966: Табл. 73); возможно, это ранняя, неизвестная по сохранившимся воротам, иконография ворот алтарных преград. Изображая Влахернский храм, древнерусские иконописцы XIV—XV вв., возможно, сознательно стремились избежать анахронизмов, какими могли выступить в сцене «Покрова» черты современного им храмового интерьера.

Несовпадение иконографии реальных царских ворот и их изображений демонстрирует сложный характер связи форм храмового интерьера и их отражения памятниками церковного искусства.

Рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы. На протяжении XIV—XV вв. в новгородском иконостасе, развивающемся в содержательной и иконографической оппозиции Москве, представлены три чина — местный, деисусный (поясной и полнофигурный) и праздничный. В развитии новгородского праздничного чина можно выделить два формирующих фактора — Софийские праздники первой половины XIV в. и московские образцы, активное вторжение которых происходит на рубеже XV—XVI вв. С этим же московским влиянием связано и появление в новгородском иконостасе пророческого чина икон.

Псковский иконостас, наряду с иконами местного чина, включал в XV в. как поясной (начало — первая половина века), так и полнофигурный, апостольский, нетрадиционный для других древнерусских художественных центров, в том числе и Новгорода, (вторая четверть — конец века) деисусный чин.

Ограниченный круг памятников, безусловно, дает представление лишь об общей тенденции в развитии иконостаса, но, тем не менее, мы можем констатировать переменчивость этого процесса для Новгорода и Пскова, что, вероятно, обусловлено различием источников влияния на эти центры.

Барская, Н. А. 1993. Сюжеты и образы древнерусской живописи. Москва.

Вейцман, К. 1971. Диптих слоновой кости из Эрмитажа, относящийся к кругу императора Романа // Византийский временник 32: 141—156.

Вилинбахова, Т. Б. 1980. Станковая живопись Новгорода первой четверти XV—первой половины XVI столетия. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.

Гордиенко, Э. А. 1984. Основные направления в художественной культуре Новгорода XIV века // Древнерусское искусство XIV—XV вв.: 156—167. Москва.

Гусарова, Е. Б. 1978. Русские поясные деисусные чины XV—XVI веков (опыт иконографической класси-

фикации) // Советское искусствознание 1: 104—131. Москва.

Гриценко, А. 1917. Русская икона как искусство живописи // Вопросы живописи 3. Москва.

Залесская, В. Н. 1995. Реконструкция византийского деревянного эпистоля XIV в. // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. Тезисы докладов: 19—21. Санкт-Петербург.

Ильин, М. А. 1966. Некоторые предположения об архитектуре русских иконостасов на рубеже XIV—XV вв. // Культура средневековой Руси: 79—88. Москва.

Лазарев, В. Н. 1946. Два новых памятника русской станковой живописи XII—XIII веков (К истории иконостаса) // Краткие сообщения Института ис-

- тории материальной культуры АН СССР 13: 67—76.
1953. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // Византийский временник VI: 186—222.
1966. Михайловские мозаики. Москва.
1970. Васильевские врата 1336 года // Лазарев В. Н. Русская средневековая живопись. Статьи и исследования: 179—215. Москва.
1971. Новые памятники византийской живописи XIV века. Высоцкий чин // Лазарев В. Н. Византийская живопись: 357—372. Москва.
- Лаурина, В. К. 1968. Об одной группе новгородских провинциальных царских врат // Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода: 145—178. Москва.
- Мысливец, Й. 1973. Происхождение «Деисуса» // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. Сборник статей в честь В. Н. Лазарева: 59—63. Москва.
- Попов, Г. В. 1973. Три памятника южнославянской живописи XIV века и их русские копии середины XVI века // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. Сборник статей в честь В. Н. Лазарева: 252—364. Москва.
- Плешанова, И. И. 1974. Два памятника древнерусской резьбы по дереву в собрании Русского музея // Сообщения Государственного Русского музея X: 107—104. Ленинград.
- Родникова, И. С. 1990. Псковская икона XIII—XVI вв. Ленинград.
- Раппопорт, П. А. 1970. Древнерусская архитектура. Москва.
- Смирнова, Э. С. 1976. Живопись Великого Новгорода. Середина XIII—начало XV века. Москва.
1988. Московская икона XIV—XVII веков. Ленинград.
- Смирнова, Э. С., В. К. Лаурина, Э. А. Гордиенко. 1982. Живопись Великого Новгорода. XV век. Москва.
- Ткачева, Н. М. 1992. Древняя живопись Пскова // Творчество 1: 34—37. Москва.
1994. Святая Русь. Приложение к каталогу выставки в Нойя (Германия) 17 апреля—29 мая 1994 г. Каталог. Псков.
- Успенский, Л. 1963. Вопросы иконостаса // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата 44: 223—255. Paris.
- Филатов, В. В. 1968. Иконостас новгородского Софийского собора // Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода: 63—82. Москва.
1974. Праздничный ряд Софии Новгородской. Ленинград.
- Чукова, Т. А. 1995. Алтарные преграды в зодчестве домонгольской Руси // Литургия, архитектура и искусство византийского мира. Византинороссика I: 273—287. Санкт-Петербург.
- Штендер, Г. М. 1968. К вопросу об архитектуре малых форм Софии Новгородской // Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода: 83—107. Москва.
- Штендер, Г. М., С. И. Сивак. 1995. Архитектура интерьера новгородского Софийского собора и некоторые вопросы богослужения // Литургия, архитектура и искусство византийского мира. Византинороссика I: 288—297. Санкт-Петербург.
- Bogyay, T. 1966. Deesis // Reallexikon zur Byzantinischen Kunst. I: 1178—1186. Stuttgart.
- Chatzidakis, M. 1973. Ikonostas // Reallexikon zur Byzantinischen Kunst. III: 326—353. Stuttgart.
1976. L'evolution de l'icone aux 11-e—13-e siecles et la transformation du templon // XV-e congres international d'etudes Byzantines: Rapports et co-rapports. III: 159—191. Athenes.
- Epstein, A. 1981. The middle Byzantine sanctuary barrier: Templon or Iconostasis? // Journal of the British Archaeological Association 134: 1-28. London.

ON THE ORIGINS OF THE NOVGORODIAN AND PSKOVIAN ICONOSTASES

T. A. CHUKOVA

Studies into the Old Russian iconostasis are mostly based on paintings by masters of the Moscow circle. However, processes that occurred in the culture of Pskov and Novgorod in late 13th—15th century were no less relevant since at that time both centres developed the traditions of pre-Mongolian art and had not yet experienced the pressure of the Moscovite artistic canon.

It should be noted that the database for these studies is very restricted since we have virtually no information concerning the construction of 14th and 15th century Novgorodian and Pskovian iconostases, and generally few

icons of that period have been preserved. Of all the late 13th to 15th century Novgorodian icons, only 80 can be attributed to so-called Deisuses (from Grk. deesis, praying). A Deisus is a set of three icons, that of Christ in the centre, and those of Virgin Mary and John the Baptist, both praying, on the sides. Among the Pskovian icons, only 20 possibly belong to this category. The existing sample, then, only enables one to trace certain tendencies in the development of Novgorodian and Pskovian iconostases.

Of the four 14th century Novgorodian Deisuses the icons of which have been preserved,

there are three half-length icons and a full-length one. The former ones date from the end of the century, and the latter one is broadly dated to late 14th or 15th century. Iconographically, these four icons are rather diverse.

Half-length icons were apparently placed in Pskovian 14th century iconostases as well, as evidenced by four icons (dating from early 15th century, though) belonging to a single iconostasis.

The 14th century iconostases comprised icons of Christ, Virgin Mary, John the Baptist, the archangels, St. Peter, and St. Paul.

The 15th century Novgorodian and Pskovian iconostases comprise full-length Deisus icons. Iconographic characteristics of the central icon in the Novgorodian Deisuses differ from those of its Moscovite counterpart, «Our Saviour on the throne», which depict Virgin Mary and John the Baptist standing nearby. New characters appear, such as prelates, Russian saints, and martyrs. The preserved 15th century Novgorodian icons demonstrate that in contrast to its Byzantine and southern Slavonic counterparts, the Novgorodian Deisus iconostasis was not apostolic. Rather, it encompassed several hierarchical categories and ecclesiastic institutes.

The only known example of an apostolic Deisus is a 17-figure iconostasis from the Assumption Church in Poromenye, Pskov. This unusual assemblage was possibly created by Byzantine or southern Slavonic masters. From no later than 11th century on, festive icons were being placed on the altar gates. By that time, topics of the festive iconostasis had been formed, the most important ones being Annunciation, Christmas, Candlemas, Epiphany, Transfiguration, Resurrection of Lazarus, Christ's Entrance to Jerusalem, Crucifixion, Descent to Hell, Ascension, Descent of the Holy Spirit, and Assumption. This sequence was adopted in the earliest preserved festive iconostasis from Novgorod: that from St Sophia Church (first half of the 14th century), and it apparently did not change until late 15th century.

Around 1500, the earliest among the preserved Novgorodian prophetic iconostases was created: that in St Nicholas Church, Gostinopolye. It was likely influenced by the prophetic iconostasis of the Assumption Cathedral in Cyril-Belozerye Monastery, the icons of which appear to have been jointly painted by masters from Novgorod, Moscow, and

Rostov. Possibly the participation of Novgorodian masters marked the beginning of the period when icons representing prophets were included in the Novgorodian iconostasis.

The analysis of local iconostases makes it possible to reveal some of their formal characteristics: (1) In terms of size, these icons are surpassed only by full-length Deisus icons, but the difference is rather small; (2) Novgorodian icons tend to diminish over the relevant period; (3) The cathedral icons, both half-length and full-length ones, follow the traditions of «portrait» composition as well as those of the landscape painting, with more space being used as background. (4) Archangels, saints, and hagiographic scenes could be depicted on the icons.

The preserved 13th—15th century Novgorodian altar gates are rather diverse in terms of decoration. They could be: (a) wooden with tempera painting; (b) wooden with carving and painted inserts; (c) wooden, covered with sheets of brass and «golden painting».

Those with tempera painting were the most common. They are known both in the second half of the 13th century and in late 15th century. Carved ones appear in the 15th century, and those covered with sheets of brass are only known in the 14th century.

The conclusions of our study are as follows.

Over the period of 14th—15th centuries, Novgorodian iconostases, which, in terms of both content and form, were opposed to the Moscow tradition, were represented by three types: (a) local, (b) Deisus (half-length and full-length), and (c) festive. Two factors were most important in the development of the Novgorodian festive iconostasis: Sophia festivals of the early 14th century, and the active advent of the Moscovite tradition around 1500. The appearance of prophetic icons in the Novgorodian iconostases was also due to the influence of Moscow.

The Pskovian iconostasis, in the 15th century, included both half-length Deisus icons (which appeared in the first half of this century) and full-length apostolic ones, the latter being unusual for other Old Russian artistic centres including Novgorod (from the second quarter to the end of 15th century). Although too few icons have been preserved, it is evident that significant differences existed between Novgorod and Pskov, possibly due to different sources of influences.

НИКОЛАЕВСКИЙ КЛАД СЕРЕБРЯНЫХ ДЖУЧИДСКИХ МОНЕТ XIV ВЕКА

В. Ф. СТОЛБА,* Ю. Е. ВАРВАРОВСКИЙ (†)

Территория Нижнего и Среднего Поволжья образует основной ареал распространения нумизматических памятников золотоордынского периода; находки кладовых комплексов и отдельных джучидских монет отмечаются здесь как обычное явление. Несколько обособленными на этом фоне выглядят северные и центральные районы Волгоградского Заволжья, на территории которых до настоящего времени клады ордынских монет не фиксировались (Федоров-Давыдов 1960: 130, рис. 5). Публикуемый комплекс серебряных монет XIV в., найденный в Николаевском районе Волгоградской области, расширяет уже существующую топографическую сводку местонахождений джучидских монет и в определенной степени заполняет обозначенную выше лакуну.

Клад был обнаружен летом 1980 г. в районе речного причала г. Николаевска, на левом склоне «Заячьей» балки, в результате абразии волжской береговой линии. Местные школьники, в руках которых оказалась основная часть монет, собирали их по мере размывания обрушенного участка клифа, на строго ограниченном отрезке берега, протяженностью в 5—10 м. Отдельные экземпляры встречались на этом месте и в течение последующих двух лет. Форма сокрытия и исходные размеры клада неизвестны. Со слов находчиков, никаких обломков сосуда, либо иного вместилища, в котором могли первоначально содержаться монеты, обнаружено не было. Для публикации оказались доступными 303 экземпляра, сосредоточенные в настоящее время в нескольких частных собраниях.

Описание монет клада¹

Токта (1291-1314 г.)

- 1—3. Сарай ал-Махруса, 710 г. х. (1310/1311 гг.). 3 экз. Вес 1,29; 1,33; 1,45 г. Фр. 5, № 28; Ян. I 431, № 10. Все экземпляры сильно потеряны.

Узбек (1314—1341 г.)

4. Сарай, 717 г. х. (1317/1318 гг.). Вес 1,47 г. Ян. I 434, № 28.
5—6. То же, год ?, тип 717 г. х. 2 экз. Вес 1,45; 1,49 г. Фр. 6, № 31; Ян. I 434, № 28.
7. То же, вариант. Вес ? На Rv. слово «чекан» расположено слева от картуша.
8—9. Сарай ал-Махруса, 722 г. х. (1322 г.). 2 экз.; Вес 1,40; 1,55 г. Фр. 7, № 38; Ян. I 434, № 31.
10-11. То же. 2 экз. Вес 1,31; 1,48 г. Ян. 2, 198, № 5. На Rv. под словом «год» — три точки.
12. Сарай, год не виден, тип 731 г. х. (1330/1331 гг.). Вес 1,42 г. Ян. I 434, № 33.
13—15. Сарай, 734 г. х. (1333/1334 гг.). 3 экз. Вес 1,47; 1,49; 1,53 г. Av. как Ян. I 436, № 39, но дата — 734; Rv. как Ян. I 436, № 38.
16. Сарай, год ?, тип 734 г. х. (1333/1334 гг.). Вес 1,44 г. Фр. 8, № 51; Ян. I 436, № 38.
17. То же, вариант. Вес 1,50 г. На Rv. над словом «ас-султан» виньетка отсутствует. Над картушем расположено слово

* В. Ф. Столба. Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН. Отдел античной археологии.

Ю. Е. Варваровский. Россия. 400066. Волгоград. Пр. Ленина, 7, Волгоградский областной краеведческий музей. Исторический отдел. Ю. Е. Варваровский трагически погиб 18.04.1998.

¹ Для большинства джучидских монет применима существующая типологическая классификация, что избавляет нас от необходимости приводить содержание монетных легенд. В качестве основных критериев варианта, как подчиненной типу классификационной единицы, в данном случае приняты: а) расположение обязательных частей надписи; б) изменения второстепенных элементов декора; в) дата чеканки. В описании используются следующие сокращения: Гр. — Григорьев: 1850; Марк. — Марков: 1896; Сав. — Савельев: 1858; Фр. — Френ: 1832; Ф.-Д. — Федоров-Давыдов: 1980; Ф.-Д. 2 — Федоров-Давыдов: 1965; Ян. I — Янина: 1954; Ян. II — Янина: 1958; Ян. IV — Янина: 1962.; Ян. 2 — Янина: 1970; Rec. — Fraehn: 1826.

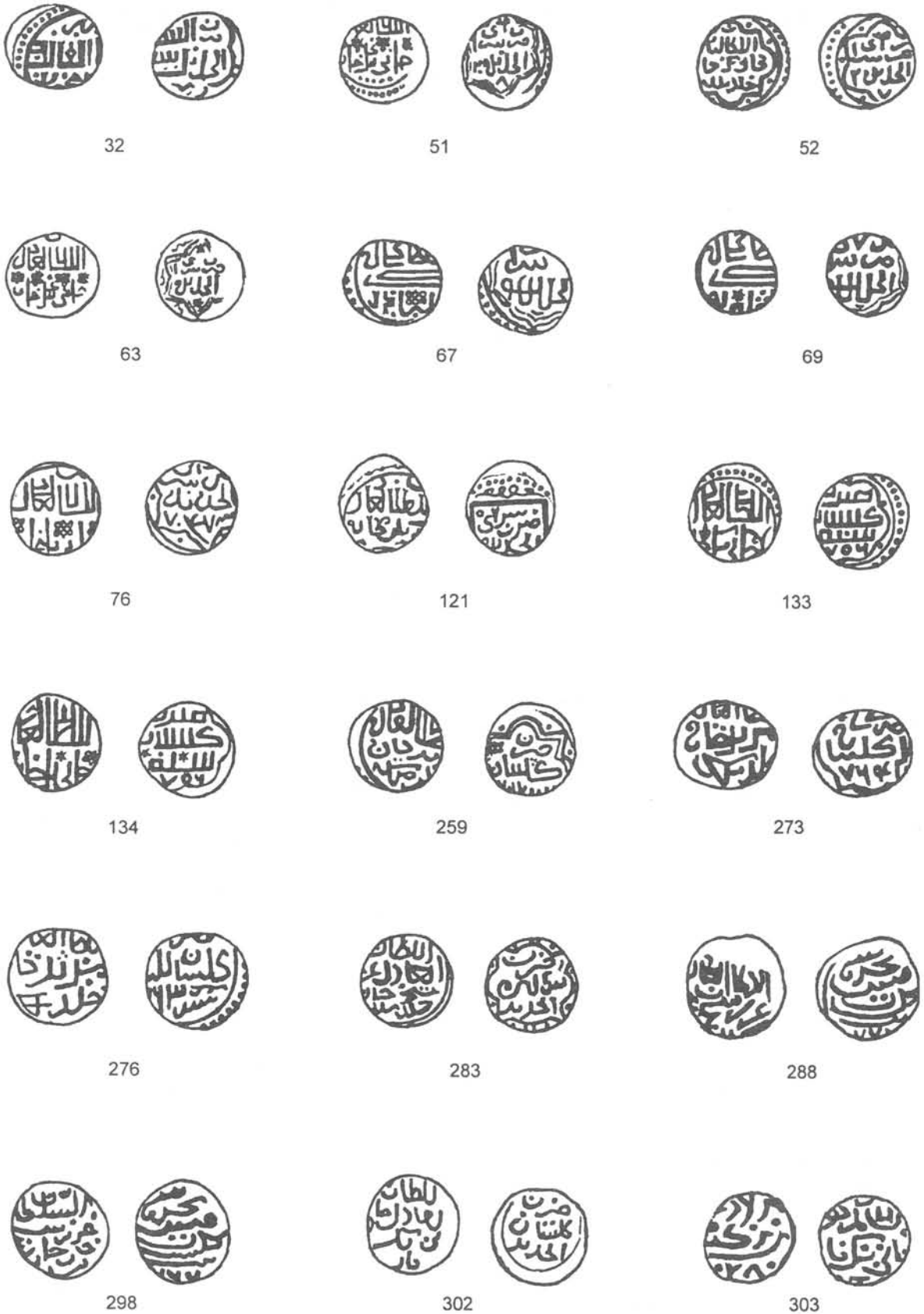

Рис. 1 Монеты Николаевского клада 1980 г. Номера рисунков соответствуют номерам каталога.

Fig. 1 Coins of the Nikolaevsk hoard found in 1980.

«чекан», справа от картуша — цифры даты.

18. То же, год не виден, тип 734 г. х. Вес 1,43 г. Фр. 8, № 52.
 19. То же, вариант. 737 г. х. (1336/1337 гг.). Вес 1,46 г. Ян. I 436, № 39.
 20—23. То же, год ?, по типу 734 или 737 г. х. 4 экз. Вес 1,53; 1,54; ? ; ? г.
 24—26. Сарай, 739 г. х. (1338/1339 гг.). (конъектура С. А. Яниной, см.: Ян. IV 156). 3 экз. Вес 1,48; 1,50; ? г. Ян. I 434, № 33.

Джанибек (1341—1357 гг.)

- 27—29. Сарай ал-Джедид, год ?, тип 741 г. х. (1340/1341 гг.). 3 экз. Вес 1,41; 1,48; 1,52 г. Ян. I 437, № 45.
 30—32. То же, год ?, тип 741 г. х. 3 экз. Вес 1,29; 1,51; 1,54 г. Ав. как Ян. I 437, № 45, но другой почерк. Rv. Гр. 21, № 75. Рис. 1: 32.
 33. Сарай ал-Джедид, 742 г. х. (1341/1342 гг.). Вес 1,50 г. Ян. I 437, № 46.
 34. То же, 743 г. х. (1342/1343 гг.). Вес 1,49 г. Фр. 10, № 72. Штемпель Ав. с трещиной. С обеих сторон часть монеты покрыта серым матовым налетом в виде «натёка».
 35—40. Сарай ал-Джедид, 743 г. х. 6 экз. Вес 1,19; 1,31; 1,46; 1,47; 1,50; 1,54 г. Фр. 11, № 73; Ян. I 437, № 47.
 41. Сарай ал-Джедид, 745 г. х. (1344/1345 гг.). Вес 1,51 г. Фр. 13, № 103.
 42—43. То же. 2 экз. Вес 1,48; 1,49 г. На Rv. цифра «четыре» в дате написана ретроградно. На Ав. над словом «ас-султан» — виньетка.
 44—48. То же. 5 экз. Вес 1,48; 1,51—2; 1,57; 1,60 г. На Rv. слева — 45, справа — 75. На Ав. над словом «ас-султан» — виньетка. Ф.-Д. 61, № 59.
 49—50. То же, год ?, тип 745 или 746 г. х. (1345/1346 гг.). 2 экз. Вес 1,50; ? г.
 51. Сарай ал-Джедид, 746 г. х. Вес 1,45 г. Фр. 11, № 78. На Ав. слово «бек» написано . Под третьей строкой не три, а пять точек. Рис. 1: 51.
 52. Сарай ал-Джедид, 746 г. х. Вес 1,51 г. Ав. как Ф.-Д. 64, № 152, 153. Rv. как Фр. 11, № 78, но цифра «семь» передана правильно. Рис. 1: 52.
 53. То же. Вес 1,54 г. Марк. 453, № 275.
 54—56. То же. 3 экз. Вес 1,49; 1,50; ? г. Фр. 11, № 78; Марк. 453, № 276.
 57. То же. Вес ?. Ян. I 439, № 54.
 58. То же, 746 г. х. «Псевдобрактеат». Вес 1,43 г. Rv. как Ян. I 439, № 54, но цифра «четыре» соединилась с конечным «дал» в слове «ал-Джедид». Вместо

- нижнего штемпеля использована патрица. Изображения обеих сторон несколько смещены относительно друг друга.
 59—62. Сарай ал-Джедид, 746 г. х. 4 экз. Вес 1,46; 1,47; 1,55; 1,56 г. Ф.-Д. 61, № 69.
 63. То же, год выражен числительными. Вес 1,53 г. Rv. Фр. 12, № 88. Ав. не опубликован. Рис. 1: 63.
 64. То же, год ?, тип 746 г. х. Вес 1,64 г. Фр. 12, № 88.
 65—68. Сарай ал-Джедид, 747 г. х. (1346/1347 гг.). 4 экз. Вес 1,48 - 2; 1,51; 1,52 г. Ф.-Д. 62, № 97. Рис. 1: 67.
 69. То же. Вес 1,48 г. Фр. 11, № 82. На Ав. над «дал» в третьей строке вместо точки — звездочка. Рис. 1: 69.
 70—75. То же. 6 экз. Вес 1,29; 1,46; 1,47; 1,50 - 2; 1,51 г. Ф.-Д. 62, № 84.
 76. То же. Вес 1,48 г. Ф.-Д. 62, № 91. На Ав. иное написание слова «султан» в 1-й строке и «бек» в имени хана во 2-й строке. На Rv. в слове «Сарай» «йа» расположен над «син». В дате справа от цифры «четыре» — «семь». Рис. 1: 76.
 77—87. То же. 747 г. х. 11 экз. Вес 1,37; 1,49; ? г. Вариант типа Фр. 11, № 79; Ян. I 439, № 57.
 88. То же. Вес ?. Первая цифра монетной даты передана в перевернутом изображении.
 89. То же, год ?, тип 746-748 г. х. Вес ? г.
 90—93. Сарай ал-Джедид, 747 г. х. 4 экз. Вес 1,33; 1,53 - 2; 1,54 г. Ав. Ян. I 439, № 57. Вместо второй справа виньетки — звездочка. Rv. Ян. I 439, № 57а.
 94—100. То же. 7 экз. Вес 1,26; 1,31; 1,45; 1,52 - 2; 1,53; 1,54 г. Фр. 11, № 79; Ян. I 439, № 57а.
 101. То же. Вес 1,50 г. Фр. 11, № 79; Ян. I 439, № 57а. Двойной удар штемпеля.
 102. Сарай ал-Джедид, 747 г. х. Вес 1,55 г. Фр. 11, № 82; Ян. II 406, № 576.
 103—105. Сарай ал-Джедид, 748 г. х. (1347/1348 гг.). 3 экз. Вес 1,45; 1,49; 1,50 г. Ян. I 440, № 58.
 106—108. То же. 3 экз. Вес 1,39; 1,53; 1,57 г. Фр. 11, № 83; Ян. II 407, № 58а.
 109. Сарай ал-Джедид, (74)8 г. х. Вес 1,46 г. Ян. II 407, № 58а. На Rv. слева и внизу вместо цифр по две точки.
 110. То же, 748 г. х. Вес 1,55 г. Ф.-Д. 62, № 104.
 111. То же. Вес 1,49 г. Ф.-Д. 62, № 108.
 112. Сарай ал-Махруса, 749 г. х. (1348/1349 гг.). Вес 1,56 г. Фр. 12, № 85.
 113. То же. Вес 1,51 г. Ян. I 438, № 59.
 114—116. Сарай ал-Джедид, 749 г. х. 3 экз. Вес 1,47; 1,49; 1,50 г. Ян. I 440, № 60.
 117. То же. 749 г. х. (1348/1349 гг.). Вес ? г. Вариант типа Фр. 12, № 86; Ян. I 440, № 60.

118. Сарай ал-Джедид, 74? г. х. Вес 1,43 г. Rv. как Ян. I 439, № 55. Av. как Фр. 11, № 79 (последняя цифра даты вне поля монетного кружка).
119. Сарай ал-Джедид, 750 г. х. (1349/1350 гг.). Вес 1,58 г. Ф.-Д. 63, № 133.
120. То же, год не поместился, тип 750 г. х. Вес 1,43 г. Ф.-Д. 63, № 133.
121. Сарай ал-Джедид, год ?, тип 751 г. х. Вес 1,51 г. Ян. I 440, № 64. На Rv. кружок в левом верхнем углу. Квадратная рамка, по сторонам виньетки. На Av. вместо виньетки над слогом «ха» — веточка. Рис. 1: 121.
122. То же, 752 г. х. (1351/1352 гг.). Вес 1,54 г. Гр. 16, № 53.
123. То же, Вес 1,33 г. Rv. как Гр. 17, № 55 (квадратная рамка); Av. типа Гр. 15 сл., № 50, но другой почерк.
124. То же, Вес 1,47 г. Ян. 2, 202, № 28. На Av. во второй строке над словом «Махмуд» — две точки. На Rv. во второй строке над словом «ал-Джедид» — точка.
125. Сарай ал-Джедид, 752 г. х. Вес 1,50 г. Ф.-Д. 64, № 156. На Av. «бек» в имени хана написано иначе; над «джим» в начале 2-й и 3-й строк вместо диакритических точек — «галочки».
126. Гюлистан, 752 г. х. Вес 1,49 г. Фр. 12, № 96; Ян. II 408, № 65а.
- 127—131. Гюлистан, 752 г. х. 5 экз. Вес 1,51; 1,53; 1,59 ; ? г. На Rv. шрифт с элементами куфи. Фр. 12, № 95; Ян. I 440, № 65; Ян. 2, 202, № 26.
132. То же, вариант. Вес 1,46 г. Легенда на Rv. выполнена более мелким почерком. Над словом «год» отсутствует виньетка.
133. То же. Вес 1,47 г. Вариант типа Фр. 12, № 95; Ян. 2, 202, № 26. На Av. над «ха» вместо звездочки — цветок. На Rv. цифра 2 в дате вырезана ретроградно.² Над словом «год» вместо виньетки — точка. Рис. 1: 133.
134. То же, вариант. Вес 1,50 г. На Av. во 2-й строке над «джим» вместо веточки — виньетка, над «ба'» — звездочка, над «ха» вместо звездочки — точка. На Rv. цифра 2 в дате передана ретроградно. Над словом «год» вместо виньетки — звезда. Рис. 1: 134.
135. То же, вариант. Вес 1,14 г. Фр. 12, № 95; Ян. 2, 202, № 26. На Av. «бек» написано . На Rv. цифра 2 в дате передана ретроградно.
- 136—140. То же, вариант. 753 г. х. (1352 г.). 5 экз. Вес 1,53; 1,54; 1,56—2; 1,57 г. Ф.-Д. 65, № 193.
- 141—147. Гюлистан, год не попал на монетный кружок, по типу 752-753 г. х. 7 экз. Вес 1,48; 1,51; 1,53; 1,54 - 2; 1,57; ? г. Фр. 12, № 95; Ян. 2, 202, № 26.
148. То же, год ?, тип 752-753 г. х. Вес 1,55 г. Ф.-Д. 65, № 190. На Av. верхняя часть «каф» в слове «бек» изображена зеркально.
149. То же. Год ?, тип 752-753 г. х. Вес 1,48 г. Вариант типа Фр. 12, № 95; Ян. 2, 202, № 26. На Av. над «джим» — веточка. На Rv. над словом год вместо виньетки — точка.
150. Гюлистан, 753 г. х. Вес 1,52 г. Ф.-Д. 65, № 198.
151. Гюлистан, 753 г. х. Вес 1,52 г. Гр. 19, № 62.
- 152—154. Гюлистан, 753 г. х. 3 экз. Вес 1,45; 1,49; 1,54 г. Фр. 12, № 99; Ян. I 441, № 69.
155. Сарай ал-Джедид, год ?, тип 752 г. х. Вес ? г. Ф.-Д. № 152.
156. То же, вариант. Вес 1,55 г. Ф.-Д. 64, № 153.
157. Сарай ал-Джедид, год ?, тип 753 г. х. Вес 1,51 г. Фр. 12, № 98; Ян. I 441, № 71.
158. Сарай ал-Джедид, 754 г. х. (1353 г.). Вес 1,47 г. Как Ф.-Д. № 156, но год — 754.
- 159—160. Гюлистан, 754 г. х. 2 экз. Вес 1,51; 1,52 г. Ян. II 408, № 72а; Ян. 2, 203, № 32.

Бердибек (1357—1359 гг.)

- 161—168. Сарай ал-Джедид, 759 г. х. (1357/1358 гг.). 8 экз. Вес 1,22; 1,41; 1,47; 1,51; 1,56 — 2; ? г. Фр. 14, № 110; Ян. I 442, № 76.
- 169—171. То же. 3 экз. Вес 1,53-3. Тип Ян. I 442, № 76; Ф.-Д. 66, № 226. На Rv. нет звездочки справа от даты.
172. То же. Вес 1,49 г. На Rv. — другой картуш (двойная розетка из шести «скобок»).
173. Сарай ал-Джедид, год не виден, по типу 759 г. х. Вес 1,52 г. Ян. I 442, № 76; Ф.-Д. 66, № 227. На Av. виньетка внизу отсутствует. На Rv. не видно звездочки справа от даты; другой картуш.
174. То же, вариант. 760 г. х. (1358/1359 гг.). Вес 1,59 г. Фр. 14, № 115; Ян. II 409, № 78а.

² Г. А. Федоров-Давыдов (1980: 66 № 206—209) читает дату как 756. На наш взгляд, здесь следует, скорее, предполагать зеркальную передачу последней цифры даты (= наиболее распространенная ошибка резчиков штемпелей!), чем думать, что спустя три года монетные мастера вдруг снова вернулись к старому типу с элементами куфи, характерному для гюлистанской чеканки Джанибека лишь 752—753 гг. х.

175. То же. Вес 1,52 г. Как Ян. II 409, № 78а, но на Av. слово «бек» написано .
176. То же, год ?, тип 759 или 760 г. х. Вес ? г.
- 177—181. Гюлистан, 759 г. х. 5 экз. Вес 1,51—2; 1,52—2; 1,56 г. Фр. 14, № 111; Ян. I 441, № 75.
- 182—184. То же, вариант. 3 экз. Вес 1,50; 1,50; ? г. На Rv. другая виньетка.
- 185—190. То же. 759 г. х. 6 экз. Вес 1,41; 1,49; 1,50—2; 1,51; 1,55 г. Как Ян. I 442, № 75, но на Rv. справа от цифры 5 в дате — точка. Одна из монет имеет следы «пробы на зуб».
191. Гюлистан, 753 г. х. (1352/1353 гг.). Вес 1,55 г. Старый штемпель Rv. времени Джанибека. Тип Av. Ян. I 441, № 75; Rv. Ян. I 440, № 65; Ф.-Д. 67, № 240.
- 192—195. Гюлистан, 760 г. х. 4 экз. Вес 1,46; 1,48; 1,51; ? г. Вариант типа Фр. 14, № 114; Ян. I 442, № 77.
196. То же. Вес 1,55 г. На Rv. «ноль» в виде кружка.
197. Азак, 759 г. х. Вес 1,19 г. Фр. 14, № 112.
198. Хорезм, 760 г. х. Вес 1,82 г. Av. Ф.-Д. 2, тб. VI, 15; Rv. Все кроме даты как Ф.-Д. 2, тб. VI, 14.
218. То же. Вес 1,53 г. Как Ян. I 443 сл., № 85, но на Rv. справа от даты — точка.
219. То же. Вес 1,39 г. Монета фальшивая, с медной сердцевиной. На поверхности присутствует окисл меди.
220. То же. Год ?, тип 761 г. х. Вес 1,40 г. Ян. I 443 сл., № 85.
- 221—225. Сарай ал-Джедид, 762 г. х. (1360/1361 гг.). 5 экз. Вес 1,37; 1,38; 1,53; 1,54; ? г. Фр. 15, № 128; Ян. I 444, № 89.
- 226—227. То же. Год ?, тип 761 или 762 г. х. 2 экз. Вес ? г.
228. То же. Год ?, тип 762 г. х. Вес 1,37 г. Ян. I 44, № 89.
- 229—230. Гюлистан, 761 г. х. 2 экз. Вес 1,59; ? г. Фр. 15, № 126; Ян. I 443, № 84.
231. То же. Вес 1,55 г. На Rv. в отличие от предыдущего номера иное расположение букв в слове «хан». Ян. I 443, № 84.
- 232—234. То же. 3 экз. Вес 1,16; 1,53; 1,55 г. Как Ян. I № 84, но на Rv. справа от цифр «семь» и «один» в дате по точке.
- 235—242. То же. 8 экз. Вес 1,39; 1,47; 1,51-2; 1,52; 1,53-2; 1,55 г. На Rv. справа от цифры «один» вместо точки — звездочка.
- 243—249. То же. 762 г. х. 7 экз. Вес 1,49; 1,50; 1,51; 1,53-2; 1,54; ? г. Вариант типа Фр. 16, № 132; Ян. I 444, № 87.
250. То же. Год ?, тип 761 или 762 г. х. Вес ? г.

Кульна (1359—1360 гг.)

199. Сарай ал-Джедид, год не виден, тип 760 г. х. (1359 г.). Вес 1,54 г. Фр. 14, № 118.
- 200—201. Гюлистан, 760 г. х. 2 экз. Вес 1,48; ? г. Фр. 14, № 117; Ян. I 442, № 79.
202. Гюлистан, 760 г. х. Вес 1,52 г. Брактат. Rv. как Фр. 14, № 117.
- 203—205. Гюлистан, 761 г. х. (1359/1360 гг.). 3 экз. Вес 1,53; 1,64; ? г. Вариант типа Фр. 14, № 120; Ян. I 442, № 80.
206. То же, год ?, тип 760-761 г. х. Вес ? г.

Науруз (1360 г.)

207. Сарай ал-Джедид, 761 г. х. Вес 1,52 г. Фр. 15, № 124.
- 208—213. Гюлистан, 761 г. х. 6 экз. Вес 1,52-2; 1,53; 1,54-2; 1,57 г. Фр. 15, № 122; Ян. I 443, № 83.
- 214—215. То же. 2 экз. Вес 1,54; 1,60 г. Как Ян. I 443, № 83, но на Rv. справа от цифры «семь» в дате — точка.

Хызр (1359—1361 гг.)

- 216—217. Сарай ал-Джедид, 761 г. х. 2 экз. Вес 1,51; ? г. Ян. I 443-444, № 85.

Кильдибек (1361—1362 гг.)

- 251—254. Сарай ал-Джедид, 762 г. х. 4 экз. Вес 1,43; 1,48; 1,54; 1,54 г. Фр. 17, № 142; Ян. II 410, № 92а.
255. Сарай ал-Джедид, год ?, по типу 762 г. х. Вес 1,48 г.

Абдаллах (1362—1370 гг.)

256. Сарай ал-Джедид, 764 г. х. (1362/1363 гг.). Вес 1,29 г. Ян. I 445, № 99, однако на Av. кружок над именем хана справа от звездочки.
257. То же, год не виден, тип 764 г. х. Вес 1,49 г. Ян. I 445, № 99.
258. Азак, 764 г. х. Вес 1,32 г. Фр. 20, № 166.

Мюрид (1361/1362—1363/1364 гг.)

259. Гюлистан, 762 г. х. (sic!). Вес 1,54 г. Фр. 18, № 150 (Френ читает дату 732 = испорченный 763 г. х., однако на рисунке Фр. тб. V, CXXIX и на нашем экземпляре

- пляре отчетливо читается 762).³ На Rv. в верхнем левом углу картуша — виньетка. Рис. 1: 259.
- 260—265. Гюлистан, 763 г. х. (1361/1362 гг.). 6 экз. Вес 1,45; 1,51; 1,52; 1,54; 1,57; ? г. Фр. 17, № 149; Ян. I 445, № 95.
266. То же. Вес 1,55 г. Ян. I 445, № 95. Следы окисла меди на поверхности. Монета фальшивая, с медным основанием.
267. То же. Вес ? г. Цифра «три» передана зеркально.
- 268—270. То же. 3 экз. Вес 1,48; 1,50; 1,51 г. Ян. I 445, № 96.
271. Гюлистан, 763 г. х. Вес 1,54 г. Ав. как Ян. I 445, № 96. Rv. как Ян. I 445, № 95; фигурный картуш.
272. То же. Вес 1,47 г. В отличие от предыдущего номера на Rv. отсутствует точка справа от даты.
- 273—274. Гюлистан, 764 г. х. (1362/1363 гг.). 2 экз. Вес 1,46; 1,58 г. Фр. 18, № 152. Рис. 1: 273.
275. То же, год ?, тип 763 или 764 г. х. Вес ? г.
276. Гюлистан лис-Сарай, 763 г. х. Вес 1,53 г. Ав. как Ян. I 445, № 96, но другой шрифт. Rv. как Фр. 18, № 151. Рис. 1: 276.
144. На Rv. иное место чекана — «Сарай ал-Джедид». Рис. 1: 283.
284. Гюлистан, 766 г. х. Вес 1,55 г. Гр. 34, № 127. На Ав. буква «шин» в слове «шейх» имеет только две диакритические точки, а «нун» от «хан» изображен над слогом «ха» в виде ~. Rv. картуш из 6 скобок.
285. Гюлистан ал-Махруса, 767 г. х. Вес 1,51 г. Гр. 35-36, № 130; Ф.-Д. 70, № 308.
- 286—295. То же. 10 экз. Вес 1,48; 1,50; 1,51; 1,55-4; 1,56; 1,65; ? г. Ф.-Д. № 308-309. На Ав. иное начертание имени хана. Рис. 1: 288.
- 296—298. То же. 3 экз. Вес 1,50-2; 1,58 г. Ф.-Д. 70, № 309. На Ав. иное начертание легенды. Рис. 1: 298.
299. Гюлистан, 767 г. х. Вес 1,54 г. Фр. 19, № 160.
300. Гюлистан, 767 г. х. Вес 1,52 г. Ф.-Д. 70, № 307.
301. То же. Вес 1,44 г. Ф.-Д. 70, № 307. На Rv. цифра 6 передана правильно.

Джанибек II (1366 ?)

302. Гюлистан ал-Джедид, без указания года. Вес 1,59 г. Перечекан. Тип не опубликован. Ср. Рес. 254, по. 102; Фр. 13 № 107.⁴ Рис. 1: 302.

Хайр-Булат (1362/1363 г.)

277. Сарай ал-Джедид, 764 г. х. Вес 1,24 г. Ян. I, № 97, 98.

Булат-Ходжа (1364/1365 г.)

- 278—281. Гюлистан ал-Джедид, 766 г. х. (1364/1265 гг.). 4 экз. Вес 1,31; 1,51; 1,55; 1,57 г. Ф.-Д. 69, № 296.

Азиз-Шейх (1364/1365—1366/1367 гг.)

282. Сарай ал-Джедид, 767 г. х. (1365/1366 гг.). Вес 1,59 г. Цифра 6 написана ретроградно. Ф.-Д. 69, № 301.
283. Сарай ал-Джедид, без указания года. Вес 1,15 г. Для Ав. ср. Гр. 40 сл., №

Булат-Тимур (1365?—1366/1367 г.)

303. Без обозначения места чеканки, 768 г. х. (1366/1367 гг.). Вес 1,46 г. Как Сав. 405, № 403, но иное начертание легенды Rv. Рис. 1: 303.

Сохранность изученных монет различна. Если дирхемы Токты, Узбека а отчасти и Джанибека нередко потерты, то начиная с Бердибека монеты не имеют, как правило, выраженных признаков износа в обращении. Металл монет отличается высокой пробой. Ряд экземпляров имеет темно-серую патину. Для пяти монет (Джанибек (2), Хызр, Мюрид, Азиз-шейх) был проведен анализ металла методом рентгенофлюоресцентной спектроскопии.⁵ Каждая монета

³ По данным А. Г. Мухамадиева (Мухамадиев 1983: 90), четыре монеты Мюрида 762 г. х. присутствовали также в Мало-Атрысинском кладе 1954 г. Это дает основания предполагать, что Мюрид начал править еще в самом конце 762 г. х.

⁴ За атрибуцию данного экземпляра не к Джанибеку, сыну Узбека, а к Джанибеку II говорит как эпитет Гюлистана — «ал-Джедид», появляющийся на монетах не ранее 766 г. х., так и близость типа Rv. некоторым недатированным дирхемам Азиз-Шейха. Подобное определение было уже предложено Григорьевым (1850: 49 сл.) для близкого нашему, судя по описанию Френа (Рес. 254, № 102), экземпляра из собрания Императорской Академии Наук. На более позднюю дату, чем время правления Джанибека I, указывает также превосходная сохранность публикуемой здесь монеты.

⁵ Анализ выполнен доцентом кафедры ядерной геофизики и радиоэкологии геологического факультета СПбГУ кандидатом технических наук К. В. Букиным, которому, пользуясь случаем, мы выражаем благодарность. Для

Таблица 1. Состав металла монет клада по результатам рентгенофлуоресцентной спектроскопии.

Table 1. Metal composition of the hoard coins defined by X-ray-fluorescence spectroscopy.

№№ каталога	Состав металла (усл. %)						
	Ag	Au	Bi	Cu	Fe	Hg	Pb
34 (Av.)	основа	0,1	0,5	0,6	0,1	3,6	0,3
34 (Rv.)	основа	0,2	0,5	0,6	0,08	4,8	0,3
159	основа	0,4	—	0,4	0,06	1,4	1,4
219	основа	0,7	—	5,5	0,06	4,2	1,2
266	основа	0,3	—	1	0,09	1,5	1,7
288	основа	0,3	—	0,9	0,04	1,5	1,2

измерялась 5 раз по 100 секунд. Относительная случайная ошибка измерений составляет не более 15%. Относительная систематическая ошибка может достигать в некоторых случаях 100 относительных %, что не мешает, однако, сравнивать полученные данные между собой (по этой причине содержания даны в усл. %). Результаты этого анализа сведены в таблице 1. Необходимо напомнить, что приведенные ниже данные характеризуют только поверхностный слой металла.

Две из пяти подвергшихся измерениям монет клада (№ 219 и 266) являются древними подделками и имеют медную сердцевину. Относительно высокое содержание ртути, которое показал анализ для монеты № 219 заслуживает особого внимания, так как может, по-видимому, указывать на использовавшуюся в данном случае технику серебрения. Ртутное серебрение как и более известное ртутное золочение являлись распространенными в древности методами фальсификации как монет, так и художественных изделий (Lins, Oddy 1975: 365-373; Oddy, Padley, Meeks 1978: 237; La Niece 1993: 230 f.),⁶ основанными на использовании амальгамы из ртути и плакировочного металла (соотв. серебра или золота), которая наносилась на медное основание.⁷ На использование для подделки монеты Хызра (№ 219) именно этой техники указывает также отсутствие на гурте каких-либо следов спайки.⁸ Напротив, следы подобного «шва», а, следовательно, и иной техники фальсификации, хорошо различимы на

гурте монеты Мюрида (№ 266), которая была плакирована с использованием тонкой серебряной фольги.

Несмотря на то, что часть монет клада оказалась недоступной для изучения, есть основания думать, что представленная в каталоге выборка достоверна и дает более или менее правильное представление о его первоначальном составе. Судя по единственному дирхему Булат-Тимура, датированному 768 г. х. и являющемуся младшей монетой комплекса, 1366/1367 г. кажется наиболее вероятной датой сокрытия Николаевской находки.

Подобно известнымкладам джучидского серебра периода «великой замятни» из Нижнего Поволжья основная масса публикуемых монет представлена экземплярами сарайской (56,11%) и гулистанской (42,57%) чеканки. Монетная продукция иных центров, среди которых выделяются Азак (2 экз.) и Хорезм (1 экз.), составляет в общей сложности не более 1%. Такое соотношение отражает, по-видимому, реальный состав денежного обращения в регионе в данный период. Более детальное представление о распределении монет клада по эмитентам и центрам чеканки дает таблица 2.

Как уже отмечалось, публикуемый комплекс позволяет расширить топографию находок золотоордынских кладов XIV в., включив сюда центральные районы волгоградского Заволжья. Находки же единичных джучидских монет на территории Николаевского района отчасти уже получили

измерений использовался рентгенофлуоресцентный спектрометр, включающий Si (Li)-полупроводниковый детектор (ППД) фирмы Princeton Gamma-Tech с энергетическим разрешением около 180 эВ (по линии FeK α — 6,4 кэВ) и рентгеновский излучатель «РЕИС-И» с прострельной трубкой типа БХ-9.

⁶ З. Штос-Фертнер установила также наличие примеси ртути в целом ряде дирхемов времени Аббасидов и Саманидов, происходящих из кладов, найденных на территории Польши (Stós-Fertner 1975: 218; 1980: 109).

⁷ Такой же способ серебрения отмечен Д. М. Меткалфом и Дж. М. Мерриком для фальшивой монеты Пипина (VIII в.) (Metcalfe, Merrick 1967: 174 f.).

⁸ Более неожиданным оказывается присутствие ртути на поверхности монеты № 34, подлинность которой сомнений не вызывает. Возможно, ртутный «фон» связан здесь с «натеком» неизвестного происхождения на обеих сторонах экземпляра.

Таблица 2. Распределение монет Николаевского клада по эмитентам и месту чеканки.

Table 2. Distribution of the Nikolaevsk hoard coins according to their issuers and places of minting

Эмитент	Место чекана (количество экз.).						Всего (%)
	Сарай (ал-Махруса)	Сарай ал-Джедид	Гюлистан (ал-Махруса, ал-Джедид, лис-Сарай)	Азак	Хорезм	без указания места чеканки	
Токта	3						0,990
Узбек	23						7,591
Джанибек	2	101	31				44,224
Бердибек		16	20	1	1		12,541
Кульна		1	7				2,640
Науруз		1	8				2,970
Хызр		13	22				11,551
Кильдибек		5					1,650
Абдаллах		2		1			0,990
Мюрид			18				5,941
Хайр-Булат		1					0,330
Булат-Ходжа			4				1,320
Азиз-Шейх		2	18				6,601
Джанибек II			1				0,330
Булат-Тимур							0,330
Всего (%)	9,241	46,865	42,574	0,660	0,330	0,330	100

Весовые данные монет клада обобщены в таблице 3.

Таблица 3. Сводная таблица весовых данных монет Николаевского клада.

Table 3. Summary table of coin weights of the Nikolaevsk hoard.

Вес, г	Токта	Узбек	Джанибек	Бердибек	Кульна	Науруз	Хызр	Кильдибек	Абдаллах	Мюрид	Хайр-Булат	Булат-Ходжа	Азиз-Шейх	Булат-Тимур	Джанибек II
легче 1,21			2	1			1						1		
1,21				1											
1,22															
1,23															
1,24											1				
1,25															
1,26			1												
1,27															
1,28															
1,29	1		2						1						
1,30															
1,31		1	2									1			
1,32															
1,33	1		2						1						
1,34															
1,35															
1,36															
1,37			1				2								
1,38							1								
1,39			1				2								
1,40		1					1								
1,41			1	2											
1,42		1													
1,43		1	3					1							
1,44		1											1		
1,45		1	4							1					
1,46		1	5	1						1				1	
1,47		2	7	1			1			1					
1,48		2	9	1	1			2		1			1		
1,49		2	9	2			1		1						
1,50		2	11	4			1			1			3		

Таблица 3 (продолжение)

Вес, г	Токта	Узбек	Джани бек	Бердибек	Кульна	Науруз	Хызр	Кильдибек	Абдаллах	Мюрид	Хайр-Булат	Булат-Ходжа	Азиз-Шейх	Булат-Тимур	Джани бек II
1,51			13	5			4			2		1	2		
1,52			7	4	1	3	1			1			1		
1,53		2	8	3	1	1	7			1					
1,54		1	10		1	3	2	2		3			1		
1,55		1	5	3			3			1		1	5		
1,56			4	3											
1,57			4			1				1		1			
1,58			1							1			1		
1,59			1	1			1						1		1
1,60			1			1									
1,61															
1,62															
1,63															
1,64			1		1										
1,65													1		
тяжелее				1											

отражение в специальной работе Г. А. Федорова-Давыдова (1963: 189 № 369 [= слобода Николаевская, «Старая Николаевка» — В. С., Ю. В.]; 192 № 389—390). В настоящее время данная сводка может быть пополнена новыми, заслуживающими отдельного рассмотрения находками как медных, так и серебряных монет, охватывающих период от Узбека до Тохтамыша и маркирующих довольно обширную «зону обитания» от села Бережновка на севере до с. Солодушино на юге.

В соответствии с периодизацией, предложенной Г. А. Федоровым-Давыдовым (1960), Николаевский клад джучидских монет характеризует второй этап денежно-

го обращения в Золотой Орде (1310—1380 гг.). При этом следует отметить, что среди зарегистрированных на территории Поволжья монетных комплексов этого времени заметно преобладают находки, сокрытие которых приходится на 60-е гг. XIV века. Как показывает анализ соответствующей группы кладов, результаты которого сведены нами в представленной ниже диаграмме, эта группа, в свою очередь, также не образует хронологического единства.

Распределение привлеченного нами материала по датам выпуска «младших» монет позволяет констатировать, что время тезаврации большинства поволжских кладов приходится на 762 (5 кладов) (Фе-

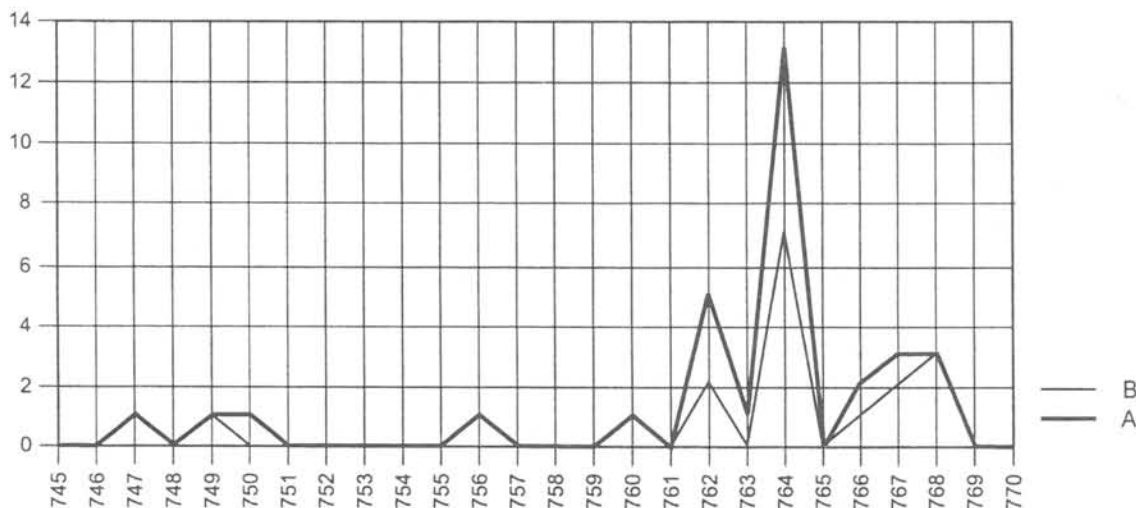

График 1. Диаграмма хронологической дистрибуции кладов джучидских монет с территории Нижнего (А) и Среднего (Б) Поволжья.

Graph. 1. Chart of chronological distribution of coins of the Juchid hoards found in the Lower Volga (A) and Central Volga (B) areas.

доров-Давыдов 1960: № 15, 32, 49, 57-58 (вероятно, один комплекс); 1974: № 52в.)⁹ 764 (13 кладов) (Федоров-Давыдов 1960: № 18, 22—23, 35, 43—46, 52, 63, 65, 67; 1974: № 326а. Обоснование датировки последнего комплекса см. ниже)¹⁰ и 766—768 гг. хиджры (8 кладов) (Федоров-Давыдов 1960: № 16, 20, 28, 50—51; 1974: № 27в; 1980: 58—76. Сюда же мы включаем и публикуемый клад). Не подлежит сомнению то обстоятельство, что отмеченная дистрибуция монетных комплексов фиксирует периоды наибольшего обострения политической конфронтации в рамках рассматриваемого региона. Такие события 762 г. х. (1360/1361 гг.), как ожесточенная борьба за сарайский престол, приведшая к смене пяти верховных правителей в течении указанного года (Хызр, Тимур-Ходжа, Орду-Мелик, Кильдибек, Мюрид), и обособление «Мамаевой Орды» в западной части государства могли явиться реальной причиной, обусловившей массовое сокрытие кладов, относящихся к первой из выделенных нами групп. Последующая активизация политической деятельности Мамая, приведшая к открытому противостоянию с представителями рода Шибанидов, утвердившихся к этому времени на сарайском престоле, способствовала дальнейшей эскалации напряженности в данном регионе. Эпизодами этой борьбы явились утверждение ставленника Мамая — хана Абдаллаха в Сарае ал-Джедид, а также последующее вооруженное столкновение с Мюридом из-за контроля над нижеволжскими центрами. Не исключено, что именно обстоятельствами похода Мамая на Нижнюю Волгу следует объяснять появление наиболее значительной группы монетных комплексов, датированных 764 г. х. (1362/1363 гг.).

Наряду с монетнымикладами отражением усилившейся военной опасности стало возведение оборонительных сооружений Царевского городища, исследованных Поволжской археологической экспедицией (ПАЭ). Судя по самой поздней монете, происходящей из подстилающего вал слоя (Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев

1970: 79), 764 г. х. выступает здесь не только как *terminus post quem*, но, по-видимому, и как наиболее вероятная дата фортификационного строительства.¹¹ Об экстренном характере этих работ свидетельствует клад из 12 медных анонимных монет, найденный на участке 27, раскоп IX — 1962 (Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев 1970: 78 сл.; Федоров-Давыдов 1974: 181 № 326а). Несмотря на то, что младшая из монет клада датируется 761 г. х., более позднее его попадание в землю подтверждается стратиграфическими наблюдениями. Судя по опубликованному отчету ПАЭ, клад был найден в верхнем слое, связанном с валом и синхронными ему конструкциями (Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев 1970: 79). Это делает маловероятным предположение авторов раскопок, что «скрытый в конце 1350-х годов клад был при позднейшем разрушении города выкопан на поверхность и лег на более поздние завалы». Учитывая данные стратиграфии, следует думать, что отсутствие в нем более поздних монет носит случайный характер.

Конфронтация между Мамаем и восточными ставленниками на сарайском престоле, отмечаемая для первой половины 60-х гг., имела место и в последующее время, о чем свидетельствуют события 767—768 гг. х. Весьма показательным в этой связи представляется начало монетной чеканки от имени Мамаевой креатуры — хана Абдаллаха в Маджаре в 767 г. х. (1365/1366 гг.) (Ртвеладзе 1971: 84) и, что особенно характерно, в Сарае в 768 г. х. (1366/1367 гг.) (Федоров-Давыдов 1960: 162 № 158а, 161; 1974: 179 № 171а). Как представляется, последнее могло иметь место лишь в результате захвата ордынским «темником» соответствующих районов Северного Кавказа и Нижнего Поволжья. Следствием нового похода Мамая, направленного на подчинение нижеволжских столичных центров, явилось, по-видимому, закрытие гюлистанского монетного двора, последние выпуски которого относятся к указанному времени, а также приостанов-

⁹ Этой же группе, возможно, принадлежат два клада, датированные суммарно временем Хызра (Федоров-Давыдов 1963: № 26а; 1974: № 52г = Мухамадиев 1983: 144 № 17). Как уже отмечено, к анализу привлечены лишь материалы Нижнего и Среднего Поволжья. Монеты, обнаруженные в составе погребального инвентаря и включенные Г. А. Федоровым-Давыдовым в топографическую сводку кладов, а также комплексы, в которых атрибутирована лишь незначительная часть, сознательно не принимались во внимание.

¹⁰ Возможно, что к этой группе следует также отнести 12 кладов, суммарно датированных временем правления Мюрида (762-765 гг. х.), не учтенных при построении диаграммы в силу отсутствия их исчерпывающей характеристики (Федоров-Давыдов 1960: № 24, 29, 34, 37, 41—42, 47, 53—55, 64, 69).

¹¹ В литературе принято, однако, датировать строительство оборонительной линии целиком 60-ми годами XIV в. См., к примеру: Федоров-Давыдов 1966: 242; 1984: 86; Мухамадиев, Федоров-Давыдов 1970: 160; Гусева 1975: 10.

ление чеканки монеты в Сарае ал-Джедид.¹² Вероятно, с этой же акцией необходимо соотносить небольшой клад серебряных джучидских монет, обнаруженный в 1963 г. в слое пожара и разрушений Царевского городища. Не подлежит сомнению, что данная находка представляет собой комплекс кратковременного накопления; из 34-х монет клада 20 экземпляров принадлежат гулистанскому чекану Азиз-Шейха 766—767 гг. х. (Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев 1970: 101; Федоров-Давыдов 1974: № 27в.). Все это дает достаточные основания полагать, что причиной сокрытия значительной части комплексов последней из выделенных нами групп, к числу которых относится и публикуемый клад, послужили указанные выше события. В связи с этим весьма характерной оказывается статистика монетных находок, и в первую очередь меди, из раскопок целого ряда золотордынских городищ. Так, по данным Г. А. Федорова-Давыдова (1963: табл. 1), 68,8% медных монет из раскопок Царевского городища приходится на ханов 1357—1368 гг., в то время как находки монет последующего периода (1368—1380 гг.) составляют лишь 0,7%. Еще более показательна картина, наблюдаемая для Увекского и Наровчатского городищ. Здесь для тех же периодов перепад составляет от 54,1% до 0% и от 50,6% до 0% соответственно. Учитывая, что эти наблюдения определенно коррелируют с хронологией кладов джучидских монет второй

половины XIV в., естественно, встает вопрос: только ли различиями в интенсивности денежного обращения в тот или иной период обусловлены подобные колебания? Как показывает анализ массового нумизматического материала из раскопок ряда античных и ранневизантийских центров Северного Причерноморья и Подунавья, пики наиболее интенсивного выпадения монет в культурный слой конкретных памятников соответствуют, как правило, периодам военно-политических потрясений и катастроф, во время которых происходила наиболее активная археологизация предметов материальной культуры (Столба 1990: 6, 16, рис. 1-2; Шувалов 1994: 40). Думается, что и ордынские города не представляли в этом смысле исключения. Внешне- и внутриполитическая нестабильность времени «великой замятни», а также опустошительные походы Мамаия и фиксируемая раскопками последующая деструкция целого ряда поволжских городищ не могли не сыграть здесь своей роли.

Нет оснований, однако, полагать, что поход Мамаия оказал существенное влияние на политическую конъюнктуру в Среднем Поволжье и мордовских землях, где появление кладов 766—767 гг. х. могло быть обусловлено событиями локального характера, среди которых следует отметить поход новгородских ушкуйников 1366 года, а также образование здесь суверенных владений Секиз-бея, Тагая и Булат-Тимура.

- Григорьев, В. В. 1850. Описание клада из золотоордынских монет, найденного близ развалин Сарая // Записки археолого-нумизматического общества II: 1—63.
- Гусева, Т. В. 1975. Золотоордынский город Сарай ал-Джедид (основные этапы развития, социальная топография). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Марков, А. К. 1896. Инвентарный каталог мусульманских монет имп. Эрмитажа. Санкт-Петербург.
- Мухамадиев, А. Г. 1983. Булгаро-татарская монетная система XII—XV вв. Москва: Наука.
- Мухамадиев, А. Г., Г. А. Федоров-Давыдов. 1970. Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарае // Советская археология 3: 149—161.
- Настич, В. Н. 1987. Улджайтимура — неизвестный золотоордынский хан // Новое в советской нумизматике и нумизматическом краеведении. Тезисы докладов: 80—82. Ленинград.
- Ртвеладзе, Э. В. 1971. Новые данные о монетном чекане города Маджар // Нумизматический сборник

Государственного исторического музея IV/III: 77—83.

- Савельев, П. С. 1858. Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джелайридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. Санкт-Петербург: Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг.
- Столба, В. Ф. 1990. Херсонес и скифы в V—II вв. до н. э.: проблемы взаимоотношений. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- Федоров-Давыдов, Г. А. 1960. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика I: 94—192.
1963. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика IV: 165—221.
1965. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // Нумизматика и эпиграфика V: 179—224.
1966. Новый Сарай по раскопкам в 1963—1964 гг. // Советская археология 2: 233—248.
1974. Находки кладов золотоордынских монет // Города Поволжья в средние века: 176—181. Москва.

¹² Лишь недавно, благодаря кладу 1980 г. из пос. Новая Казанка в Западном Казахстане, удалось выделить монеты ранее неизвестного хана Улджай-Тимура, битые в Сарае ал-Джедид (Настич 1987: 80-82; Nastich 1997). Необычайно редкие пулы и дирхемы с его именем, датированные соответственно 768 и 769 гг. х., явились, очевидно, последним выпуском, после которого деятельность столичного монетного двора была на некоторое время приостановлена.

1980. Клад серебряных джучидских монет с Селитряного городища // Нумизматика и эпиграфика XIII: 58—76.
1984. Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья // Советская археология 3: 83—95.
- Федоров-Давыдов, Г. А., И. С. Вайнер, А. Г. Мухамадиев.* 1970. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959—1966 гг. // Поволжье в средние века: 68—171. Москва.
- Френ, Х. М.* 1832. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных мухамеданских династий в прибавлении. Санкт-Петербург: Издательство Императорской академии наук.
- Шувалов, П. В.* 1994. Позднеримские и ранневизантийские монеты как основа для абсолютного датирования в археологии // Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов: 39—40. Санкт-Петербург.
- Янина, С. А.* 1954. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946—1952 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР 42: 424—484. Москва.
1958. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1953—1954 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР 61: 392—423. Москва.
1962. Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах (1946—1958 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР 111: 153—178. Москва.
1970. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище в 1959—1962 гг. // Поволжье в средние века. Материалы и исследования по археологии СССР 164: 194—223. Москва.
- Fraehnii, Ch. M.* 1826. Recensio numorum muhammedanorum academiae imp. scient. Petropolitanae. Petropoli.
- La Niece S.* 1993. Technology of Silver-Plated Coin Forgeries // Metallurgy in Numismatics 3: 227—236. Ed. M. M. Archibald and M. R. Cowell. London.
- Lins, P. A., W. A. Oddy.* 1975. The Origins of Mercury Gilding, Journal of Archaeological Science 2: 365—373.
- Metcalf, D. M., J. M. Merrick.* 1967. Studies in the Composition of Early Medieval Coins // Numismatic Chronicle 7/VII: 167—181.
- Nastich, V.* 1997. Uljaytimur — an Unknown Khan of the Golden Horde // Oriental Numismatic Society. Newsletter No. 154, Autumn.
- Oddy, W. A., T. G. Padley, N. D. Meeks.* 1978. Some unusual Techniques of Gilding in Antiquity // Archae-Physika 10: 230—242.
- Stós-Fertner, Z.* 1975. Zastosowanie radioizotopowej analizy fluorescencyjnej do oznaczania zanieczyszczeń ciężkimi metalami srebra dirhemów arabskich // Wiadomości Numizmatyczne XIX/4: 207—224.
1980. Some Remarks on the Imitations of Arabic Dirhams the 8th to 10th Century based on the Examination of Coin Metal (Part 2) // Proceedings of the International numismatic symposium. Ed. by I. Gedai and K. Biró-Sey: 109—113. Budapest.

THE NIKOLAEVSK HOARD OF 14th CENTURY A. D. JUCHID SILVER COINS

V. F. STOLBA AND YU. YE. VARVAROVSKIY (†)

1. In the present article a hoard of the 14th century Golden Horde silver coins is presented. This hoard was found in 1980 in the town of Nikolaevsk of the Volgograd Oblast. The original receptacle and volume of the hoard are not known. The authors have had a possibility of registering 303 pieces the earliest of which fall to the rule of Khan Tokhta and are dated to the 710 H. The time of the hoard hiding has been identified owing to a coin of Janibeg II struck in Gulistan al-Jedid and a 768 H. dirhem of Bulat-Timur. Similar to the already known hoards of Juchid Dynasty silver of the «Great Troubles» period from the Lower Volga area the majority of the coins published here is represented by pieces of the Sarai (56,11%) and Gulistan (42,57) minting. The coins of other centres including those of Azak (2 items) and Khoresm

(1 item) amount in total to less than 1% (table 2). This fact reflects the real composition of the monetary circulation in this region in the period under discussion.

2. As X-ray-fluorescence spectroscopy carried out on the metal of a limited number of coins showed (table 1) two of the pieces were ancient forgeries made in different techniques: 1) using a silver leaf and 2) using a silver amalgam (the so called mercury silvering).

3. According to the chronological classification proposed by G. A. Fedorov-Davydov (Федоров-Давыдов 1960) the Nikolaevsk hoard of the Juchid coins belongs to the second stage of the monetary circulation in the Golden Horde (1310—1380 A. D.). It has been noted that among the coin sets registered in the Volga area of this period the finds hidden in the 1360s A. D. are significantly pre-

vailing. As a consideration of the corresponding group of hoards presented in chart 1 shows this group in its turn does not make up a chronological unity.

The distribution of the studied material according to the emission dates of the latest coins enables us to state that the period of the thesaurization of the majority of Volga hoards falls to the years 762 (5 hoards), 764 (13 hoards) and 766—768 (8 hoards) of Hegira.

There can be little doubt that the mentioned distribution reflects the periods of the strongest aggravation of political situation within this region. Such events of 762 H. (1360/1361 A. D.) as the bitter struggle for the Sarai throne that resulted in replacement of five supreme rulers during that year (Khizyr, Timur-Khoja, Ordu-Melik, Kildibeg, Murid) and the separation of the 'Mamai's Horde' in the western part of the state were really able to cause mass concealing the hoards belonging to the first of the identified groups. The subsequent stirring up of Mamai's politic activities that resulted in an open confrontation with members of the Shybanid clan, who by that time had gained a firm hold of the Sarai throne, was adding to the escalation of the tension. The rise of the Mamai's protégé — Khan Abdullah — in Sarai, as well as the ensuing armed conflict with Murid for control over the Lower Volga centres, were the episodes of that struggle. It is probably by the circumstances of Mamai's raid to the Lower Volga region that the appearance of the most significant group of the coin sets dated to 764 H. (1362/1364 A. D.) should be explained.

Along with the monetary hoards the increased war danger was reflected in building the fortifications of the Tsarev townsite that have been investigated by the Volga Archaeological Expedition (ПАЭ). Judging by the latest coin from the layer covered by the earthen wall, 764 H. is not here only the *terminus post quem* but also the most probable date of the building of the fortifications. A hoard of 12 copper anonymous coins found in area 27 of excavation area IX-1962 is an evidence of the urgent character of those construction works. Although the latest of the coins is dated to 761 H. the stratigraphic observations suggest that the coin came into earth during the later period. According to the published report of ПАЭ the hoard was found in the upper layer connected with the earthen wall and the structures contemporary to the latter. This fact is contrary to the supposition of the authors of the report that «the hoard was concealed in the late 1350^s and during the later ruination of the town was brought to the surface and

has remained on the top of the later breakdowns». Taking into account the stratigraphic data one should rather think that the absence of later coins in the hoard is accidental.

The confrontation between Mamai and the protégés from the East on the Sarai throne falling to the first half of the 60s was taking place also in the ensuing period as is evidenced by the events of 767—768 H. In this connection the beginning in 768 H. (1365/1366 A. D) of issuance of coins in the name of Mamai's creature — Khan Abdallah — in Majar, and what is especially demonstrative — in Sarai, seems very significant. This fact could take place only if the corresponding regions of the Northern Caucasus and Lower Volga area had been occupied by the Horde's «*temnik*» (general). The burying of the Gulistan mint the last emissions of which are dated to the mentioned period, as well as suspending of coin issuance in Sarai al-Jedid, were evidently caused by the new Mamai's campaign aimed to subjugation of the Lower Volga centres. Possibly one should assign to the same activities a small hoard of silver Juchid coins found in 1963 in the fire and destruction layer of the Tsarev townsite. This find undoubtedly represents a set accumulated during a short period; of the 34 coins of the hoard 20 examples belong to the Gulistan minting of Aziz-Sheikh of 766-767 H. The mentioned facts suggest that the above described events were really the cause of hiding the majority of the sets of the last group identified by us including the hoard published here. In this connection the statistics of the coin finds, in the first place those of copper, from excavations of a number of Golden Horde townsites seem very instructive. Thus according to G. A. Fedorov-Davydov (Федоров-Давыдов 1963: table 1) 68,8% of copper coins from Tsarev townsite falls to the Khans of 1357—1368 A. D. the coin finds of the ensuing period (1368—1380 A. D.) amounting only to 0,7%. The situation observed at the townsites of Uvek and Narovchatskoe is even more demonstrative. Here the difference between the same periods is 54,1% to 0% and 50,6% to 0% correspondingly. As these observations certainly correlate with the chronology of hoards of Juchid coins of the second half of the 14th century B.C. one should naturally question if those variances were due only to the different intensity of the monetary circulation in different periods. As an analysis of the mass numismatic material from excavations of ancient and early Byzantine centres of the northern Black Sea coast and Danube areas shows the peaks of coin deposition into the cultural layers correspond as a rule to the periods of military and politi-

cal disturbances and catastrophes (Столба 1990: 6, 16 fig. 1—2; Шувалов 1994: 40). It is likely that cities of the Horde were not an exception to this rule. In this connection, the external and internal political instability in the «great Troubles» time as well as the devastating raids of Mamai resulting in the destruction of a number of Volga sites, as it has been confirmed by excavations, could not be of no significance.

There is, however, no evidence that Mamai's campaign influenced much the political situation in the Central Volga area and Mordova lands where the appearance of hoards in 766—767 H. was possibly caused by some local events including the raid of the Novgorod «*ushkuyniks*» (river-pirates) in 1366 A. D. and formation here of independent domains of Sekiz-Bei, Tagai and Bulat-Timur.

ИЗДЕЛИЯ КОЖЕВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГОРОДАХ РУССКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ XVI—XVII вв. (МАНГАЗЕЯ)

А. В. КУРБАТОВ, О. В. ОВСЯННИКОВ*

Мангазея: город? фактория? Исследование остатков погибшей полярной экспедиции XVII в. на северной оконечности полуострова Таймыр — у залива Симса и на острове Фаддея впервые приоткрыло завесу над ранней и необычайно выразительной страницей русской культуры на огромных сибирских просторах (Окладников 1945; Исторический памятник 1951). Результаты раскопок Мангазеи в 1968—1970, 1973 гг. явились выдающимся событием в изучении различных аспектов культуры русского населения Сибири конца XVI—XVII вв. В двух томах «Мангазеи» отражены, с разной степенью полноты, основные категории археологического материала (Белов, Овсянников, Старков 1980; 1981).

В небольшой статье-приложении И. И. Баранова и Г. Н. Комлева справедливо отметили важность мангазейских находок для изучения истории обуви русского населения Сибири, выделили два типа кожаной обуви, по мнению исследователей, относящихся к единому пласту русской материальной культуры XIV—XVII вв. (Белов, Овсянников, Старков 1981: 50—52). Поскольку сопутствующие материалы (сапожные подковки, шилья) опубликованы в других разделах исследования, мангазейская обувь и обувное дело, в данной работе, оказались представлены более чем скромно.

Между тем, характер «обувной отрасли» северорусского ремесла представляет интерес, по крайней мере, в двух основных аспектах. Во-первых, речь идет о элементе культуры населения Северной России, во многом связанного с арктической деятельностью (морские зверобойные и рыболовные промыслы, пушной промысел, морские походы и т. д.). Во-вторых, данная категория археологического материала несет в себе дополнительную информацию для более дифференцированной характеристики первого русского города в Западносибир-

ском Заполярье, о его роли в формировании культуры русского населения в этом регионе Сибири.

Историки едины в том, что Мангазея входила в число тех первых русских северных сибирских городских центров, которые, по существу, определили весь ход истории начального освоения края (Сергеев 1960: 113-124) и процесс формирования самого русского населения Сибири.

1. Концепция историко-культурной роли Мангазеи в освоении Сибири. Энергичная деятельность профессора М. И. Белова — организатора и начальника Мангазейской историко-географической экспедиции 1968-1973 гг. позволила не только организовать большую многолетнюю экспедицию, добиться ее финансирования со стороны НИИ Арктики и Антарктики, но и издать результаты экспедиционных работ. Он был одним из авторов двухтомной монографии, а также ее составителем и редактором.

В монографии М. И. Белов проводил свою точку зрения на историю Мангазеи. По его концепции «Мангазея — типично русский, точнее северорусский позднесредневековый город в Сибири. И как таковой он прежде всего характеризуется средоточием ремесла и торговли» (Белов 1970: 30). Возможно поэтому М. И. Белов считал неактуальными поиски специфических черт, присущих этому сибирскому поселению. При этом основным его оппонентом оставался С. Б. Бахрушин, аргументированно писавший: «... Мангазейский город силою своего положения на одном из важнейших путей промышленного движения в Сибирь был в течении первых десятилетий XVII в. значительной станцией на пути торговых и промышленных людей на енисейские и ленские промыслы» (Бахрушин 1955: 333). По его мнению Мангазея была «... в сущности большой укрепленной факторией, служившей средоточием главной массы русского

* Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

промышленного люда, шедшего на промыслы, и одной из главных задач небольшого государева города с его деревянными башнями и мало пригодной к делу артиллерией, являлась защита торговых и промышленных людей и сбор с них десятой пошрины» (Бахрушин 1955: 334).

После С. Б. Бахрушина более детально о характере русского населения в Мангазее и Мангазейском уезде высказывался В. А. Александров, отметивший, по материалам таможенных книг Мангазеи и Туруханского зимовья 30-х годов XVII в., что наряду с часто менявшимся населением здесь была и категория промышленников, составлявшая «более или менее постоянное, хотя и не осевшее в определенном месте, население» (Александров, 1964: 63, 133—134). А это постоянно меняющееся и кочующее по обширному уезду население Мангазеи порой было значительно — от 400 до 1000 и более человек (Бахрушин 1955: 298—299). На основе письменных источников В. А. Александров заключил, что «постоянное русское население в Мангазейском уезде начало формироваться в массе своей только на рубеже середины XVII в. и в это время по своей численности по-прежнему уступало непостоянному промысловому люду» (Александров 1964: 63).

Постоянные жители Мангазеи немногочисленны: воеводы, их челядь, администрация, церковный причт и стрелецкий гарнизон. Последний до 1625 г. был «переменным» (годовальщики), а затем, частично стал постоянным, приезжая на место службы с семьями. В 1626 г. документы фиксируют: «В Мангазее же служилых людей: сотник стрелецкий, 48 человек стрельцов с пятидесятники и с десятники. Да в стрельцах же два человека черкес, литвин казак. И всего в Мангазее служилых людей 53 человека. Да к тем же мангазейским служилым людям посылают на прибавку с Березова годовальщиков по 50 человек» (Белов, Овсянников, Старков 1980: 55). Безусловно, это была преобладающая часть стабильного населения города. Кроме того, указанное дает веские основания для объяснения многочисленных находок женской и детской обуви в культурном слое поселения. Воеводская семья и челядь также имела в своем составе этот контингент населения. Можно отметить, что в 30-х годах XVII в., после пожара гостиного двора, по письменным данным «торговые и промышленные люди с своими русскими товары и с хлебными запасы стоят по анбарам и по избам у мангазейских стрельцов» (Бахрушин 1955: 333). Приведенный документ недвусмысленно указывает на дворы мангазейских стрельцов

как на жилища основного, постоянного населения Мангазеи.

Мангазейская мирская община, объединившая преимущественно сезонное население города, по выражению С. В. Бахрушина, являлась «сколком», подражанием мирской организации черносошного Русского Севера. Но, отражая местные, сибирские особенности, она имела существенные отличия: объединяя территорию не с постоянно проживающим населением (на Русском Севере — это волость, уезд, посад), а временных жильцов — промышленных и торговых людей (Бахрушин 1955: 297—330).

Таким образом, именно преобладание в Мангазее сезонного, постоянно перемещающегося по обширным промысловым угодьям Мангазейского уезда контингента промышленного люда, было характерной чертой этого русского города в Западносибирском Заполярье, наложившей отпечаток на все стороны жизни и деятельности его обитателей. Мы особо отметим этот аспект, так как только соотношение постоянного посадского населения — с одной стороны, и временного (например, служилых людей) — дает основание говорить о характере самого поселения. Это или военно-административный центр, или торгово-ремесленное поселение (Вилков 1967).

Такие выводы были сделаны историками на основании изучения письменных источников. Археологический этап изучения Мангазеи внес в дискуссию абсолютно новый аспект. Уникальность проведенного исследования очевидна — на площади около 15 тыс. кв. м изучены практически все составные части древнего поселения. Важно и то, что весь комплекс проблем, связанных со стратиграфией, хронологией и интерпретацией памятника все годы раскопок решался как непосредственно в полевой период, так и после его завершения, в период подготовки монографии к изданию (Белов, Овсянников 1972; Белов, Старков 1971: 221—222; Овсянников 1973). Так, например, типологический и технологический анализы различных категорий мангазейских находок позволили выделять группы изделий местного производства и категории несомненно привозных вещей.

2. Особенности археологического изучения памятника. Археологические раскопки Мангазеи явились, по существу, первым опытом масштабного исследования древнего культурного слоя в климатических условиях Заполярья. Трудности работы здесь связаны, прежде всего, с мерзлотными явлениями, а также с консервацией и последующей транспортировкой коллекций находок. Отметим, что культурный слой с остатками

строительных конструкций и находками, залегающая непосредственно под растительным покровом, представлял собой единую ледовую линзу. Это проявление не «вечной» арктической мерзлоты, а промерзания почвы в зимний период. Образовавшийся поверх древних строительных остатков растительный покров уже никогда не позволял оттаивать и прогреваться нижележащим слоям. При раскопках использовалась, вероятно, единственно возможная здесь методика — удалялся растительный покров, а теплый воздух и солнце арктического лета размягчали поверхность культурного слоя, который затем и разбирался. После зачистки деревянных конструкций участок оставался для дальнейшего послойного прогрева.

При стратиграфических наблюдениях выделены основные строительные горизонты мангазейских комплексов, а полученная серия дендродат значительно повысила информативность археологического материала и его объективность, как исторического первоисточника.

Все жилищно-хозяйственные комплексы и культовые сооружения Мангазеи имеют дендродаты, что определяет их функционирование довольно узкими хронологическими рамками. Всего датировано 236 спилов (Шиятов 1980: 93—107). Этот материал, в соответствии со стратиграфией, позволяет определять и время возведения, и перестройки каждого строения. Именно комплекс дендродат заставляет не согласиться с периодизацией основных строительных этапов поселения по М. И. Белову (Белов, Овсянников, Старков 1980: главы 3—5; табл. 1—26).

На наш взгляд, М. И. Белов предложил слишком дробную периодизацию застройки города, которая смещает акценты с больших общегородских строительных периодов на этапы ремонтных работ. Иногда можно отметить и некорректное использование им списка имеющихся дендродат. Представляем основные этапы застройки по М. И. Белову: 1. 1572—1600 гг.; 2. 1601—1606 гг.; 3. 1607—1629 гг.; 4. 1630—1642 гг.; 5. 1643—1652 гг.; 6. 1653—1672 гг.

М. И. Белов, несомненно, правильно не включил в строительную историю поселения спилов, датированные XVIII в., явно не относящиеся к истории древней Мангазеи. Но в отношении дат других спилов имеются существенные возражения. Самая поздняя из мангазейских дендродат по М. И. Белову — 1672 г., но реального спила с такой датой нет. Есть спил с гробовой доски детского захоронения в Троицком соборе мангазейского кремля и эта доска датирована 1667/1668 г. (спил № 16). Таким образом,

детское захоронение определяется более поздним временем, чем дата доски, но оно могло быть произведено и значительно позднее, учитывая повторное использование доски для гроба. Из трех групп дендродат самая поздняя включает: 1653, 1654 и 1658 гг. (спилов № 17, 60, 181).

Образцов с датой до 1600 г. всего 5: 1572—1575 гг. (спил № 52), 1580 г. (спил № 20 — в данном случае С. Г. Шиятов отметил, что дерево, возможно, усохло на корню), 1593 г. (спил № 188), 1590—1591 гг. (спил № 221) и 1578—1579 гг. (спил № 182). По этим данным М. И. Белов отнес первый этап застройки к 1572—1600 гг. Он писал, что «Тазовский поморский городок возник до того, как в Сибирь отправился отряд во главе с Ермаком». Однако заметим, что бревна с этими датами поруба найдены в разных концах поселения и интерпретировать их как остатки «поморского городка» (?) вряд ли есть веские основания, учитывая, что площадь этого мифического «городка», по-существу, равна площади городской застройки периода расцвета Мангазеи. К сожалению, версия о «поморском городке» используется некоторыми авторами как доказанная (Старков 1995: 133—134).

Между тем, дендродаты позволяют более объективно и конкретно определить основные периоды строительной активности в Мангазее. Из срубленных деревьев на зиму 1600—1601 г. приходится 44 спилов, между 1603 и 1607 гг. — 17 спилов, а в период с 1607/8 по 1625 гг. — 57 спилов и еще около 70 спилов датированы периодом 1625—1638 гг. Это обосновывает отнесение основного объема строительства (жилые, хозяйственные и административные постройки) и материала в жилищно-хозяйственных комплексах к первой половине XVII в., или более «узко» — к 1600—1638 гг., что значительно повышает историко-культурную ценность мангазейских находок.

Абсолютные даты не позволяют определить четкие периоды смены одной застройки на другую на всей территории поселения. Вероятно, этого и не было. Речь может идти о другом: большие по площади и значимые в социально-экономическом отношении градостроительные комплексы имеют самостоятельные строительные этапы, на что указывает и список дендродат. Например, строительство раннего комплекса построек воеводского двора, начавшееся ранее возведения городских оборонительных сооружений, относится к 1600/1601—1601 гг. (25 спилов), а послепожарный восстановительный период датируется 1624/1625 —

1648/1649 гг. (7 спилов). Ранний комплекс гостиного двора датируется 1606/1607—1619/1620 гг., а реконструкция его относится к 1632—1650 гг. Таким образом следует определять строительные этапы и для других сооружений.

Экспедиционные условия не позволяли провести консервацию всех находок из органики на месте. Часть вещей, извлеченная из промерзшего культурного слоя, интенсивно разрушалась. Эти вещи графически фиксировались в первую очередь, что позволило сохранить для дальнейшей работы практически всю мангазейскую коллекцию из раскопок 1968—1969 гг.

К сожалению, мангазейские археологические коллекции оказались разрозненными: часть наиболее эффектных вещей была передана в Музей научно-исследовательского института Арктики и Антарктики, а основная часть материала — в Государственный Исторический Музей (г. Москва). Случайно уцелела полностью коллекция кожаной обуви, ставшая предметом нашего исследования, а также несколько деревянных колодок и инструментов. Существенным подспорьем оказались и рисунки находок 1968—1969 гг., сделанные О. В. Овсянниковым «в поле», что значительно дополнило имеющийся в нашем распоряжении материал. По составу комплекс обуви и других предметов из кожи, а также колодок и инструментов сапожника уникален и интересен для изучения типов кожаных изделий, бытовавших на территории Русского (Архангельского) Поморья и Сибири в конце XVI—XVII вв.

3. Ситуационное распределение находок в площади раскопок. Судя по опубликованным сведениям, в Мангазее собрана значительная коллекция кожаных изделий разного назначения, в том числе редко встречаемые в археологическом материале кожаные книжные переплеты с тиснением, в частности, покрытые золотой краской; не менее 3-х футляров для компаса (матки) с тиснением на внешней и внутренней поверхностях; круглая нашивка на одежду (?) с вырезным орнаментом и, вероятной, прошивкой цветными нитями. Среди массовых предметов выделены модели и отдельные детали обуви, рукавицы, чехлы для ножей и одно кожаное налучье. В комплексе «гостиного двора» отмечены предметы, связанные с кожевенно-обувным производством: железные обувные подковки, в том числе, одна литая с растительным декором, деревянные колодки, сапожный нож. Серия находок относится к таможенному двору и дому, принадлежавшему таможенному голове Михаилу Фу-

тину «аккуратно сшитые рукавицы, скребки для очистки мездры от кожи».

На воеводском дворе найдены остатки домашних производств, в том числе сапожного. Здесь в одной из построек найдены «шитьи иглы» в кожаных мешочках. В прихожей «горницы» «стояла добротная кожаная обувь, как привозная, так и изготовлявшаяся на месте. Встречены шилья, целые колодки, в частности, для детской обуви (12,6 × 2,5 × 4,4 см), наборные и обтянутые кожей деревянные каблучки с закаблущем полусферической формы, удобной для пятки». Исследователи отметили, что «материалы для сапожного ремесла имелись на самом воеводском дворе. Обувь всегда можно найти на мангазейском рынке». «В коллекции с воеводского двора представлены... скребки и другие инструменты для выделки кожи из звериных шкур, костяные иглы». В одной из построек таможенного комплекса найдены сапожные колодки, обувь и большой кожаный «портфель».

В целом, раскопки Мангазеи показывают наличие местного кожевенно-обувного производства, а также присутствие привозной обуви и других кожаных изделий, отмеченных в таможенных книгах среди перечня ввозимых товаров.

4. Методика описания мангазейских кожаных предметов. Поршни всех групп изготовлены из толстой (до 4—5 мм) кожи из шкур крупного рогатого скота, различной по качеству выделки. Некоторые изделия, особенно из толстого материала, расслаиваются. На них видны неглубокий продуб и неполное мездрение. Однако, дубилась, видимо, вся кожа для обуви, за что говорят коричневый цвет материала, наличие более светлых полос в толще кожи (зоны недостаточного продуба), а также сильное выделение таннидов при размыве находок в лабораторных условиях. При этом, чрезмерно сильное выделение коричневого пигмента позволяет предполагать использование жирового дубления мангазейских кож. Традиции местного населения включают жировое дубление кож ворванью. После археологических раскопок и перенесения вещей в более теплые условия, окисление могло протекать значительно быстрее, чем при длительном сохранении в мерзлом слое. Известно, что воздействие азотных соединений на жировые клетки приводит к «сжиганию» вещества с образованием коричневого цвета поверхности. Возможно с жировым дублением связана и большая расслоимость серии кожаных изделий, предположительно местного изготовления, например, поршней третьей группы (смотри ниже).

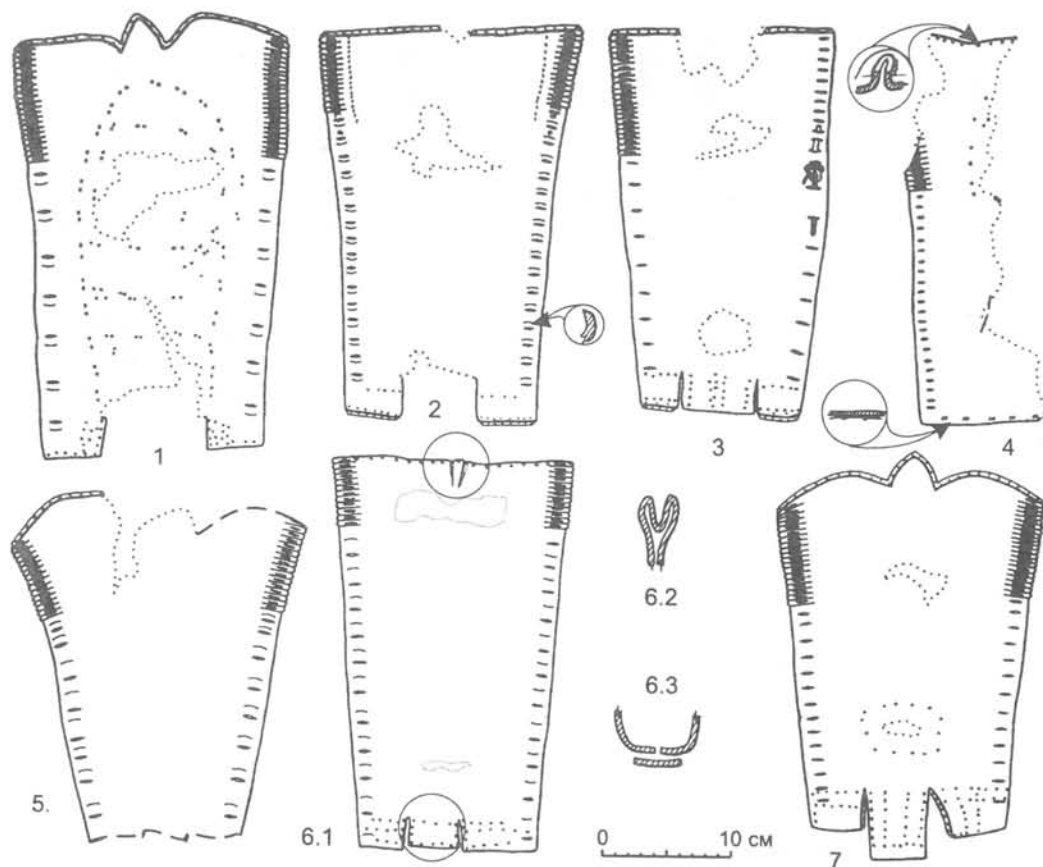

Рис. 1 Поршни первой группы. Формы раскроя и особенности сшивания.

Fig. 1 Porshens of the first group. Patterns of cutting and joint peculiarities.

В описании кожаных предметов авторы придерживаются единой схемы, предложенной в 1991 г. (Курбатов 1991а: 134, 136, 138, рис. 1—3). При этом основным представляется графический показ, дающий и форму раскроек отдельных деталей, и незначительные индивидуальные признаки, а также особенности соединения с другими частями изделий. Авторы предлагают использовать понятие графическое описание, что включает не только чертеж раскроек деталей, но и способы соединения всех деталей в конструкции отдельной модели с выделением особенностей раскроя, показывающих не только конструкцию изделия, но и, возможно, «почерк» мастера.

5. Описание кожаных предметов. Среди рассмотренных здесь кожаных предметов из раскопок Мангазеи (318 деталей и полных изделий) выделено 289 деталей обуви, 18 других кожаных предметов, 8 обрезков от раскроя, а также рассматриваются 16 обувных колодок, 83 железных обувных подковки, 5 шилев и раскроечный нож. Детали обуви по конструктивным признакам представляют 4 различных вида моделей.

Простейшими в изготовлении были поршни. Имеется 17 целых и фрагментированных изделий, обрывок обору и 3 подметки. Практически все изделия скроены из одного куска кожи, имеют стянутые или сшитые растительной нитью носок и пятку и кожаный ремешок-обору для закрепления обуви на стопе. По форме раскройки, способу оформления объемов пятки и носка и отделке поверхности выделено 3 группы изделий.

К первой отнесено 11 предметов с прямоугольной или трапециевидной раскройкой расширяющейся к носку (рис. 1; 2: 1—4). Носок сшивался двояко: — тачным швом, когда два передних угла заготовки смыкаются и сшиваются «встык» со стороны бахтармы в вывернутом состоянии (рис. 1: 1, 2 и др.); при этом четыре модели выделяются фигурным обрезом переднего края с центральным язычком и изгибом к краям (рис. 1: 1, 5, 7; 2: 1); — соединением двух половин переднего обреза сквозным наружным швом двойной строчкой при сложении сторон бахтармой (рис. 1: 4,6; 2: 3,4). Первый вариант, где в трех моделях имелся фигурный обрез переднего края с централь-

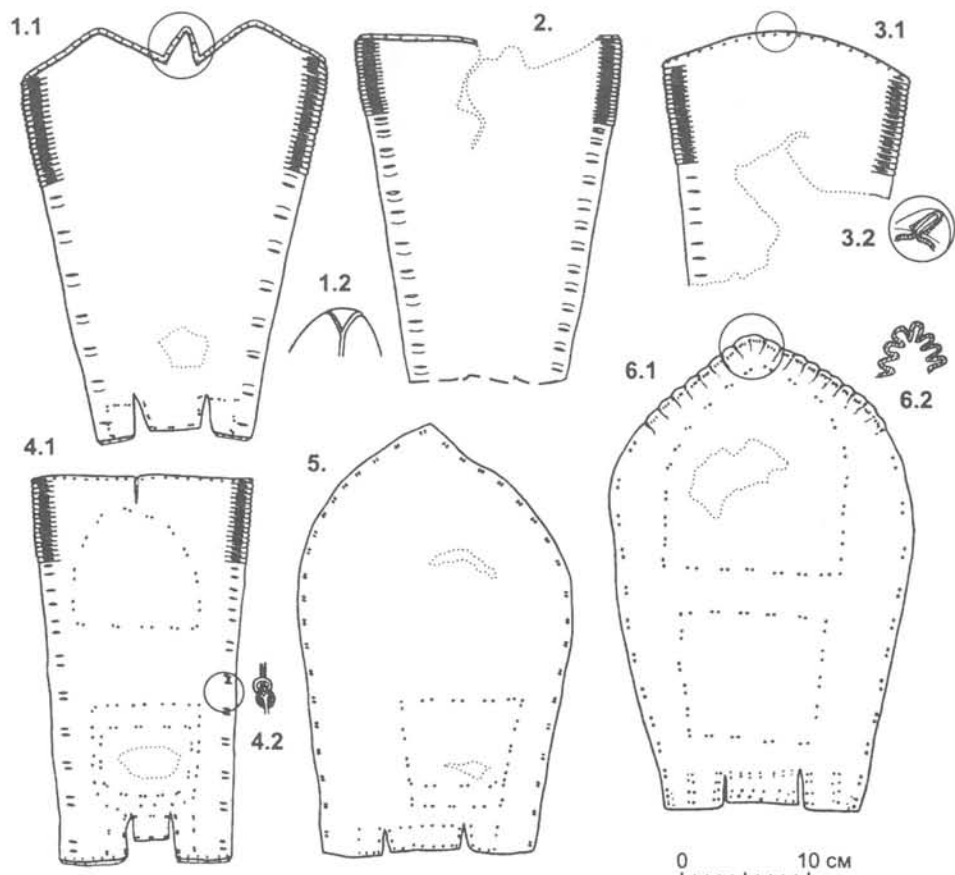

Рис. 2 Поршни первой (1-4) и третьей (5-6) групп. Формы раскроя и особенности сшивания.

Fig. 2 Porshens of the first (1-4) and third (5-6) groups. Patterns of cutting and joint peculiarities.

ным язычком и изгибом обреза к углам, отличается большей плотностью и влагонепроницаемостью. Во втором варианте на сгибе образуется складка, а иногда дополнительно делалась еще одна сборка, сообщавшая большую полноту и скругленность носку обуви. Пятка оформлялась единообразно в 9-и моделях: на задней — нижней — стороне раскройки делались два прореза длиной 3—4 см примерно на равном расстоянии от боков и при сгибании краев детали три образовавшихся клапана сшивались между собой: боковые — тачным швом, а центральный — поверх них сквозным швом (рис. 1: 6). Только в одном случае задник стягивался растительной нитью, пропущенной сквозь узкие (2—4 мм) парные прорезы (рис. 1: 4). В одном случае оформление пятки не установлено. На стопе поршни этой группы крепились при помощи кожаных обор шириной 4,5—6 мм, продернутых сквозь ряды прорезов вдоль длинных сторон заготовки, сделанных с разной частотой, шириной 9—11 мм. Отличительным признаком этой группы поршней является декоративное оформление носка, где видны группы частых прорезов (через 4—5 мм)

глубиной от края заготовки 16—20 мм, со сквозной прорезью в каждой из полуотрезанных узких лент. Эти ленты, при продергивании в них оборы, разворачивались на 90 градусов, создавая контрастный рельефный пояс на подъеме.

Ко второй группе поршней отнесено 4 изделия с раскройкой прямоугольной или трапециевидной формы, со стянутыми или сшитыми «через край» носком и пяткой (рис. 3). Только одна модель имеет на пятке сшивные клапаны, как и поршни первой группы (рис. 3: 4). Крепление на ноге обеспечивали, в трех случаях, кожаные оборы шириной 4—6 мм, продернутые сквозь серии прорезов по бокам детали. На одном поршне были сделаны парные короткие прорезы (3—4 мм) для узкого кожаного ремня или растительной нити, возможно служившей оборой. Однако, не исключено, что здесь узкие парные прорезы являются следами нитяного шва, оставшегося от подшивавшегося голенища или другой детали верха. Поршни этой группы отличаются большей упрощенностью изготовления.

Третья группа из двух изделий с раскройкой овальной формы и прямым обре-

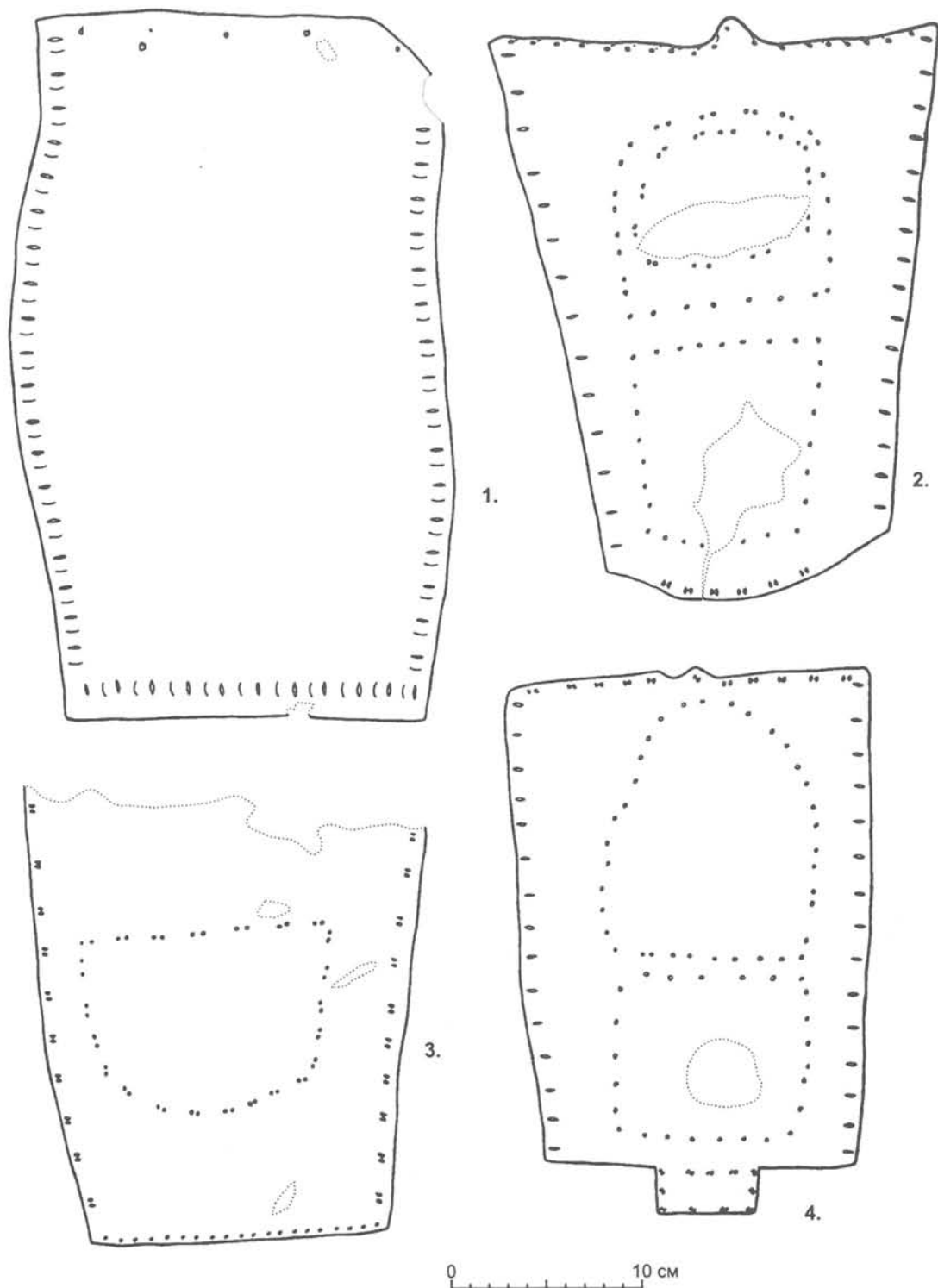

Рис. 3 Поршни второй группы. Формы раскроя.

Fig. 3 Porshens of the second group. Patterns of cutting.

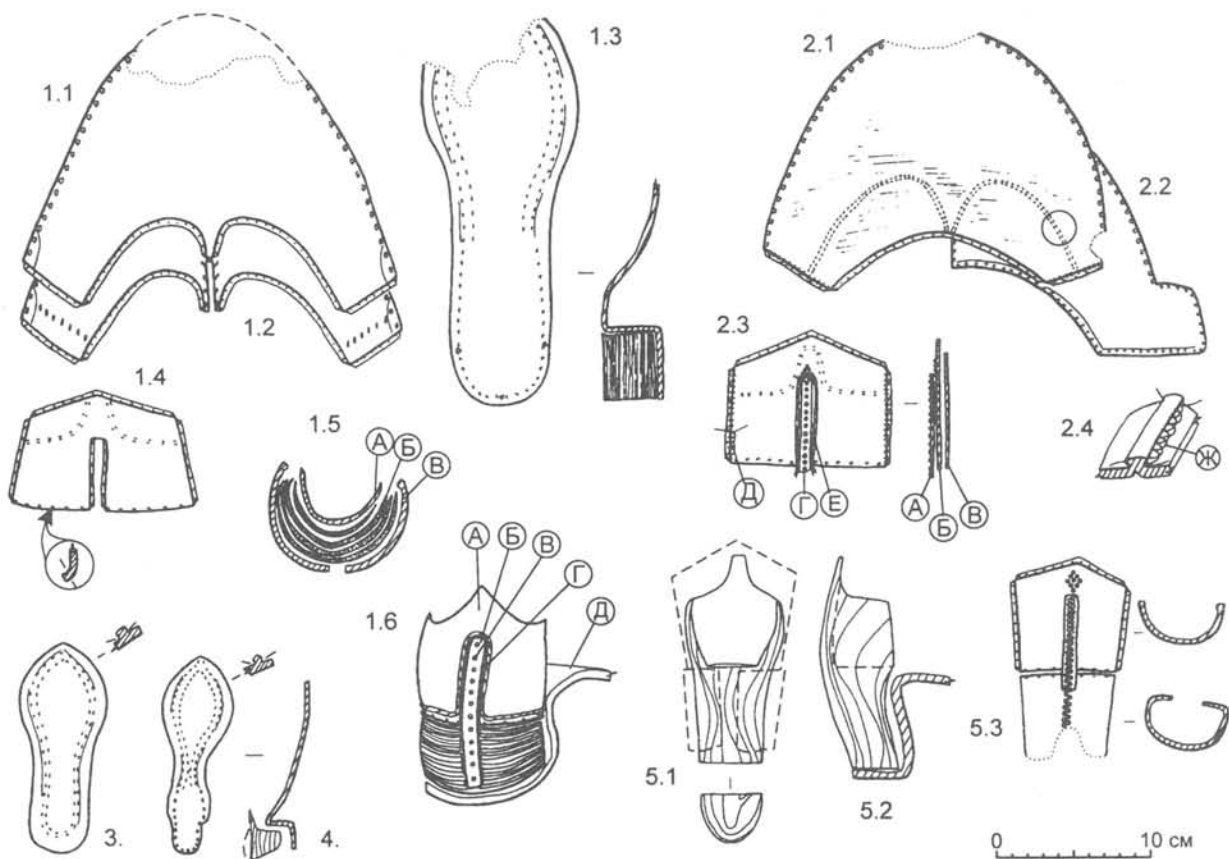

Рис. 4 Детали и узлы башмаков (1, 2, 4, 5) и подошва детской уледи (3). 1.1 — головка; 1.2 — составной двухчастный поднаряд; 1.3 — подошва «с крокулем» и набор кожаных фликов каблука; 1.4 — задник; 1.5 — набор деталей задника (горизонтальное сечение: а — карман задника; б — 4 берестяных вставки; в — задник; 1.6 — набор каблука и задника: а — задник; б — узкая кожаная вставка; в — малые бронзовые декоративные гвозди; г — перевитые растительная и бронзовая нити вдоль шва; д — подошва; 2.1 — головка с расшивкой растительной нитью; 2.2 — часть составного поднаряда, пришитая к головке; 2.3 — сохранившиеся детали задника: а — узкая кожаная вшивная полоса; б — задник; в — внутренняя кожаная прокладка; г — малые бронзовые декоративные гвозди; д — перевитые растительная и бронзовая нити вдоль шва; е — декоративная растительная нить малинового цвета; 2.4 — схема декоративного шва на головке: ж — растительная нить малинового цвета; 3 — подошва детской уледи; 4 — подошва детской обуви с деревянной основой каблука; 5.1 — фронтальная и 5.2 — боковой виды деревянной основы каблука и схема кожаной обшивки; 5.3 — сохранившиеся кожаные детали обшивки каблука: план и сечение.

Fig. 4 Shoe components and assemblies (№№ 1, 2, 4, 5) and sole of a children's *uled* (№ 3). 1.1 — shoe-head; 1.2 — complete two-part lining; 1.3 — sole with «a *krokul*» and a set of leather heel *fliks*; 1.4 — counter; 1.5 — set of counter components (horizontal section): а — counter recess; б — four birch bark inserts; в — counter; 1.6 — set of the heel unit assembled: а — counter; б) narrow sewn-in leathern band; в — small bronze decorative nails; г — braid of twisted vegetable and bronze threads going along the seams; д — sole; 2.1 — head with ornamental textile stitch; 2.2 — a half of complete lining cut as one together with a counter component; 2.3 — preserved set of counter components: а — narrow sewn-in leathern band; б — counter; в — inner leathern padding; г — small bronze decorative nails; д — braid of twisted vegetable and bronze threads going along the seams; е — ornamental exterior stitch of vegetable wine-coloured thread; 2.4 — ornamental seam on the exterior side of the head: ж — vegetable wine-coloured thread; 3 — children's *uled* sole; 4 — children's shoe sole and wooden heel base; 5.1 — frontal and 5.2 — side view of the wooden heel base and leathern heel cover; 5.3 — preserved leathern components of a heel cover: plan and section.

зом разделенного на 3 клапана задника. В конструкции использован оригинальный метод получения необходимой емкости — стягиванием растительной нити, пропущенной сквозь мелкие парные отверстия

до получения регулярных складок по всему носку (рис. 2: 5, 6).¹ Задник оформлялся так же, как и у большей части изделий первой группы. На боковых обрезках также были сделаны короткие парные прорезы для ни-

¹ Для поршней третьей группы предполагается использование дополнительной треугольной или трапециевидной детали, закрывавшей пальцы стопы. Деталь не отмечена на схеме раскройки (рис. 2: 6), так как характерные для стыкующихся краев смятости, стертости и сочленения шивных отверстий невыразительны. Эта деталь позволяет сопоставлять мангазейские изделия с «составными поршнями» из Старой Ладogi и Орешка.

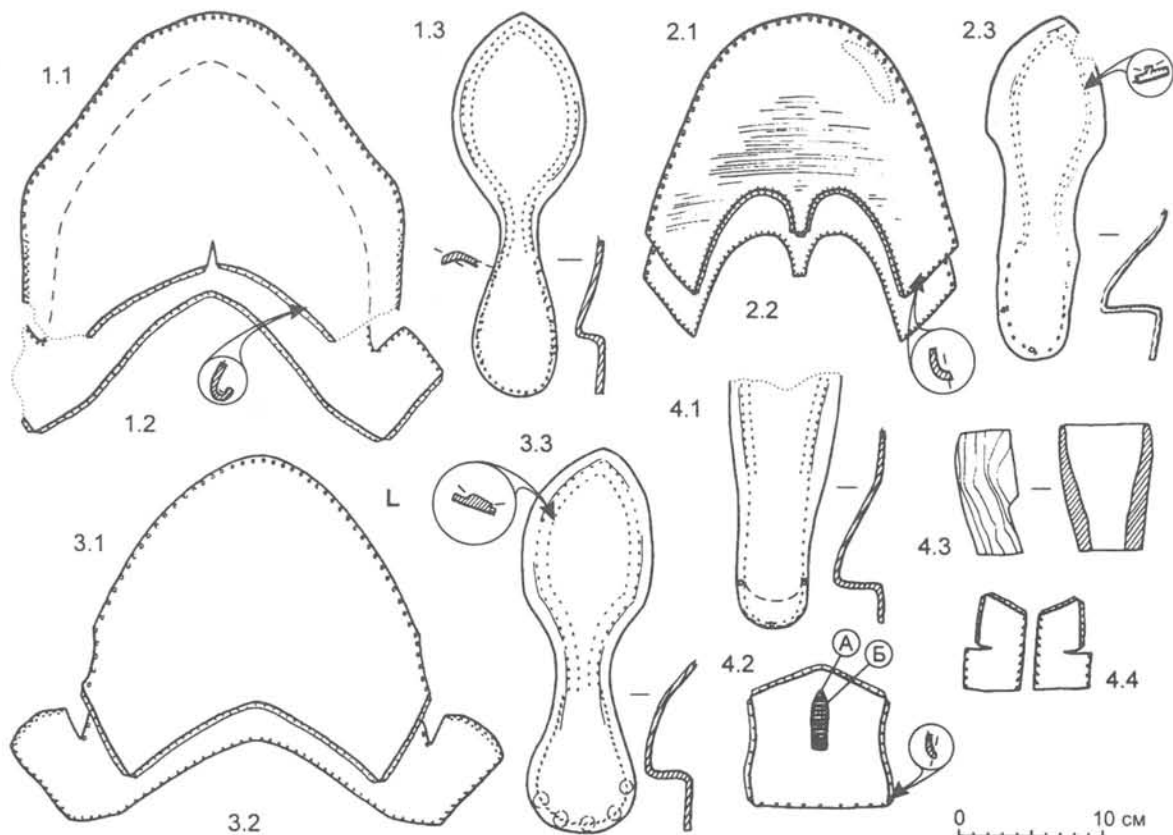

Рис. 5 Наборы деталей башмаков: 1.1 — головка; 1.2 — однодетальный полный поднаряд; 1.3 — подошва «с крокулем»; 2.1 — головка; 2.2 — однодетальный полный поднаряд; 2.3 — подошва «с крокулем»; 3.1 — головка; 3.2 — однодетальный полный поднаряд; 3.3 — подошва «с крокулем»; 4.1 — подошва «с крокулем»; 4.2 — задник: а — кожаная накладка; б — малые бронзовые декоративные гвозди; 4.3 — деревянная основа каблука; 4.4 — две половины кожаной обшивки деревянного каблука.

Fig. 5 Sets of shoe components. 1.1 — shoe-head; 1.2 — unbroken and complete lining; 1.3 — sole with «a krokul»; 2.1 — shoe-head; 2.2 — unbroken and complete lining; 2.3 — sole with «a krokul»; 3.1 — shoe-head; 3.2 — unbroken and complete lining; 3.3 — sole with «a krokul»; 4.1 — sole with «a krokul»; 4.2 — counter: a — exterior leather detail; б — small bronze decorative nails; 4.3 — wooden counter and heel base; 4.4 — both halves of inner cover of the wooden base.

тяного шва (стяжки), что предполагает подшивание какого-либо верха (кожаного, войлочного, мехового).

На большинстве поршней выражены следы подшивания подметок. При этом, подметки, видимо, ставились не только по мере истирания подошвы, но и непосредственно при изготовлении обуви.

Башмаки (коты). Имеется не менее 32 моделей, сохранившихся как в относительно полных наборах, так и в виде отдельных деталей или узлов, как например, каблучные наборы из 15-20 тонких кожаных фликов, скрепленных деревянными шпёнками, или пакета деталей задника (рис. 4—8). Конструкция отличается большим числом деталей — кожаных и деревянных (каблук), сложностью раскроя и сборки. Можно говорить о разных фасонах обуви, например, с широкими и узкими каблуками, высокими и низкими.

Жесткая подошва толщиной 3—4 мм из шкуры крупного рогатого скота, видимо,

особой выделки, имела внутреннее крепление каблучного набора (набора кожаных фликов) железными гвоздями, деревянными шпёнками и нитяной прошивкой. Это так называемая «подошва с крокулем» (рис. 4 и др.). Каблук набирался из 15—25 тонких (1—2 мм) кожаных деталей-фликов, соединенных в пакет деревянными шпёнками. Высота каблучков достигала 3—3,5 см, а в отдельных случаях — до 6 см. В сочетании с кожаным наборным каблучком использовался набор задника, состоящий из наружной детали — собственно задника, внутренней — кармана задника, 1—2-х кожаных и 3—4 берестяных уплотнительных вкладышей (рис. 4: 1. 5, 1. 6). В башмаках использовались и деревянные каблучки различной формы (фасона), обшиваемые снаружи кожей. Встречены высокие деревянные основы — до 13—14 см, сочетающие в себе собственно каблук, высотой до 4—5 см, с прокладкой в задник, заменяющей берестяные вставки (рис. 4: 5. 1—2; 5. 4. 3—4; 7: 6. 2;

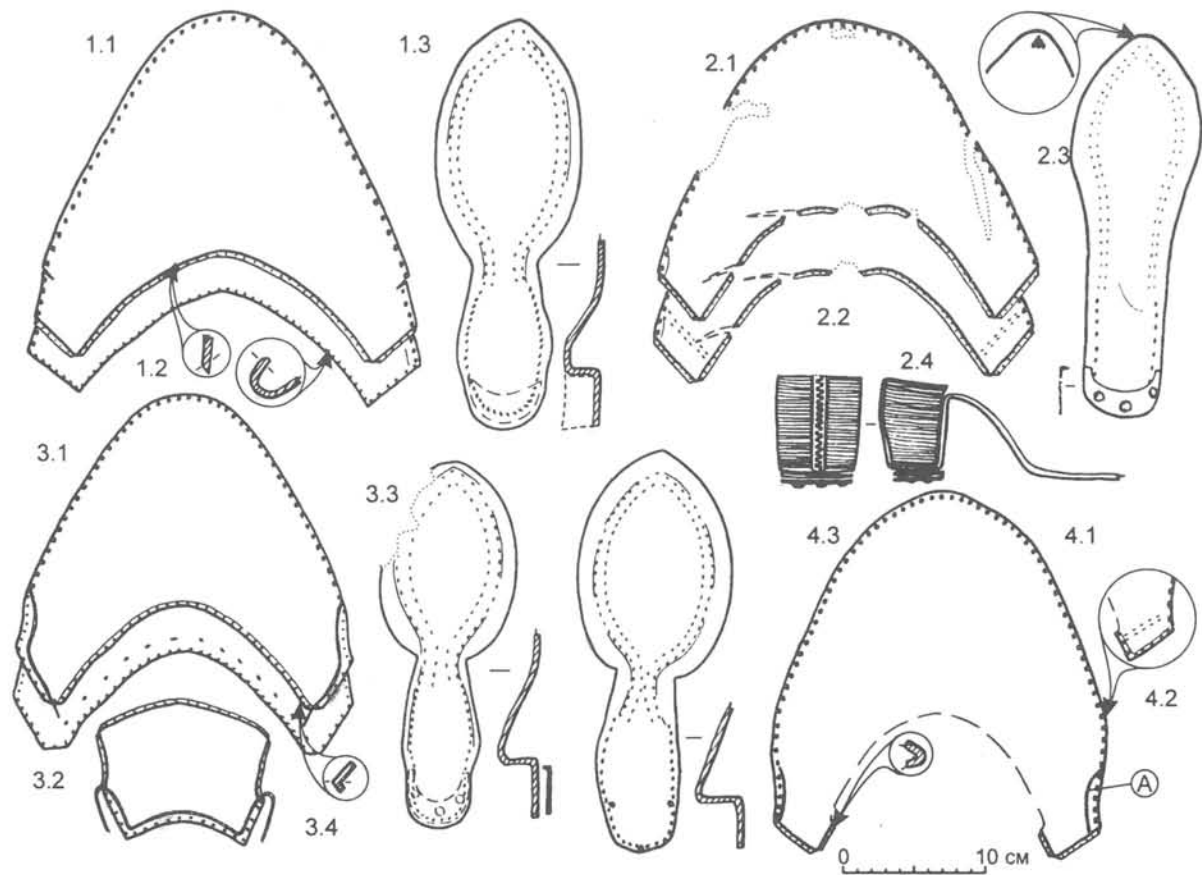

Рис. 6 Наборы деталей башмаков: 1.1 — головка; 1.2 — однодетальный полный поднаряд; 1.3 — подошва «с крокулем»; 2.1 — головка; 2.2 — однодетальный полный поднаряд; 2.3 — подошва «с крокулем» (здесь сохранились бронзовые треугольные гвозди на носке и железная подковка); 2.4 — боковой вид подошвы и каблука в момент фиксации находки в слое; 3.1 — головка; 3.2 — однодетальный полный поднаряд; 3.3 — подошва «с крокулем»; 3.4 — задник с растительной нитью вдоль швов; 4.1 — головка; 4.2 — крупный план угла однодетального полного поднаряда; 4.3 — подошва «с крокулем».

Fig. 6 Sets of shoe components. 1.1 — shoe-head; 1.2 — unbroken and complete lining; 1.3 — sole with «a krokul»; 2.1 — shoe-head; 2.2 — unbroken and complete lining; 2.3 — sole with «a krokul» (there has preserved a row of ornamental bronze nails in the toe base and an iron heel tap); 2.4 — side view of the sole and heel set in their original condition; 3.1 — head; 3.2 — unbroken and complete lining; 3.3 — sole with «a krokul»; 3.4 — counter with a textile braid along the seams; 4.1 — shoe-head; 4.2 — representation of an angle of unbroken and complete lining; 4.3 — sole with «a krokul».

9: 9. 1, 10). Эти детали имеют отличительные черты модельной обуви — наклон основания, изгиб задней линии и другие. Имеются и небольшие деревянные каблуки высотой 2—3,5 см с расширенным ложем для пятки (рис. 9: 1—8, 11—13). Одна модель башмака имела резкое сужение каблука к низу, наподобие современных дамских туфель (рис. 9: 13). Заметим, что по конструкции женские и детские башмаки не различаются. Одна из подошв длиной 12 см относилась к модели башмака для стопы 11—11,5 см, то есть для ребенка в возрасте 3—4 лет (рис. 4: 4).

Верх обуви состоял из головки с поднарядом, набора задника и, вероятно, других пришитых элементов. Наличие швов на верхних обрезках деталей предполагает использование кожаных, шерстяных или меховых голенищ (берцев) или меховой опушки

(рис. 4: 1. 1 и др.). Поднаряд кроился цельным или из 2—4-х деталей, а в некоторых моделях включал и часть обтяжки каблука (рис. 5: 1. 2, 2. 2 и др.).

Декор башмаков отличался разнообразием. Выделены: — поперечное линование головки и задника (рис. 4: 2,1; 5: 2. 1; 9: 9. 2); — фигурная набивка мелких бронзовых гвоздей со шляпками диаметром 2—2,5 мм на задник, на каблук или даже носок подошвы (рис. 4: 5. 3; 5: 4. 2; 6: 2. 4; 7: 1, 2, 4); — строчка, выполненная цветной нитью на головке и заднике (рис. 4: 2. 1—4); — крепление металлической нити, иногда в сочетании с растительной нитью, скрученных вместе, поверх шва по ранту и на заднике (рис. 4: 1. 6, 2. 3).

Для башмаков характерно использование железных подколок (рис. 5: 2.3, 4.1 и др.), в ряде случаев сохранившихся на каб-

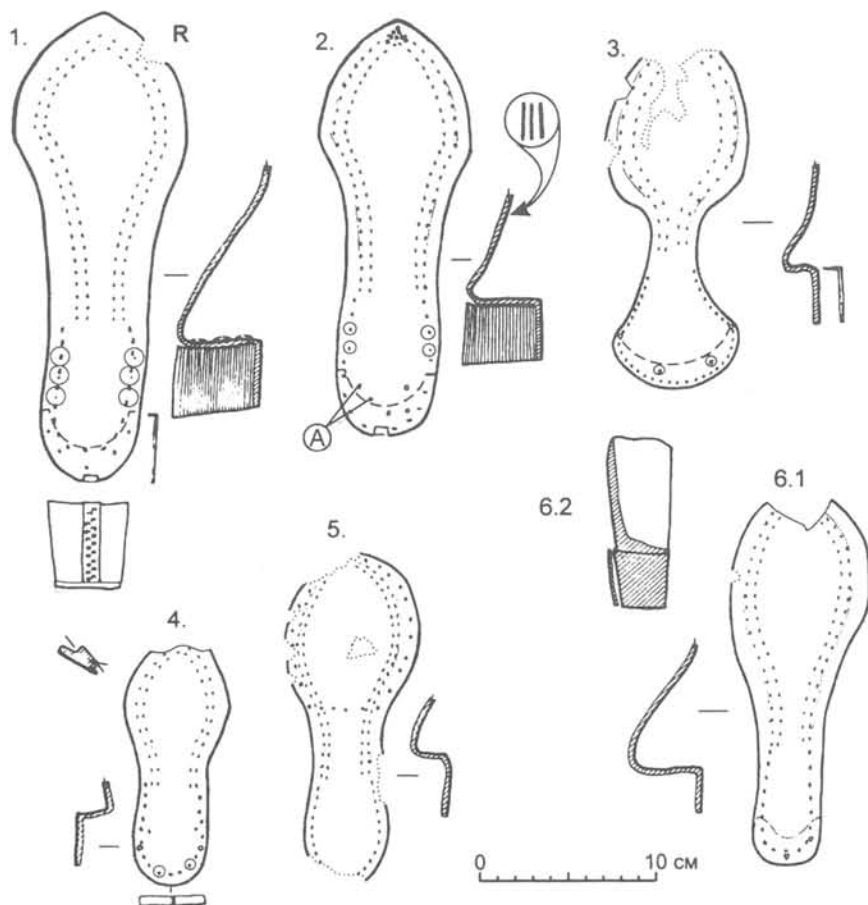

Рис. 7 Подошвы туфель с каблуками.

Fig. 7 Soles and heel sets of shoes.

луках или определяемых по отпечаткам и отверстиям от гвоздей. В некоторых моделях отмечено совместное употребление подковки и железных гвоздей с широкой шляпкой (рис. 7: 1, 2), где гвозди могут выполнять и декоративную роль. Известны и модели с низким открытым верхом, что определяется по сшитому с поднарядом верхнему обрезу головки, загнутаю внутрь и такому же оформлению поднаряда (рис. 5: 1; 6: 1). В одном случае широкий открытый верх башмака, что определяется загибом края головки внутрь, представляется переделкой первоначальной модели при ее ремонте. Поэтому, на схеме раскройки показан первоначальный вид раскроя (рис. 4: 2), тогда как сохранившиеся на изделии сгибы и смятость отражают позднейшую перекройку (рис. 4: 2. 1).

Размеры башмаков уверенно определяются в 23 случаях. Три изделия предназначены для детей с длиной стопы 10,0—12,0 см, остальные можно отнести к формам женской обуви под размер стопы 16,0/16,5—22,5 см.

Сапоги. К ним относится не менее 9 моделей, в основном с неполным комплектом

деталей (рис. 10—11). Сапоги, в отличие от башмаков, имели серии из 3—5 подпяточных прокладок вместо каблука, общей высотой 1,2—1,5 см, закрепленных на внутренней стороне подошвы (рис. 10: 3. 3). Подошва плоская, без изгиба, характерного для башмаков. Обувь, в основном, подбивалась гвоздями с широкой шляпкой (диаметром 12—16 мм), иногда в сочетании с подковкой. Практически все подошвы в коллекции несут следы значительного износа и ремонта, в частности, наложения подметок. Отмечено использование кожаной стельки (рис. 10: 1. 3).

Верх собирался из набора головки с поднарядом, блока деталей задника и голенища. Раскрой и сборка деталей верха сочетала приемы, отмеченные и в башмаках: соединение головки и подошвы «в подтай», а задников — «сандальным», сквозным швом. Для сапог ширина захвата кожи с внутренней стороны подошвы на шве «в подтай» (рис. 10: 1. 4), в среднем больше, чем для башмаков (9—11 мм против 5—8 мм). Этот признак, вместе с другими, видимо, отражает различие в традициях моделировки.

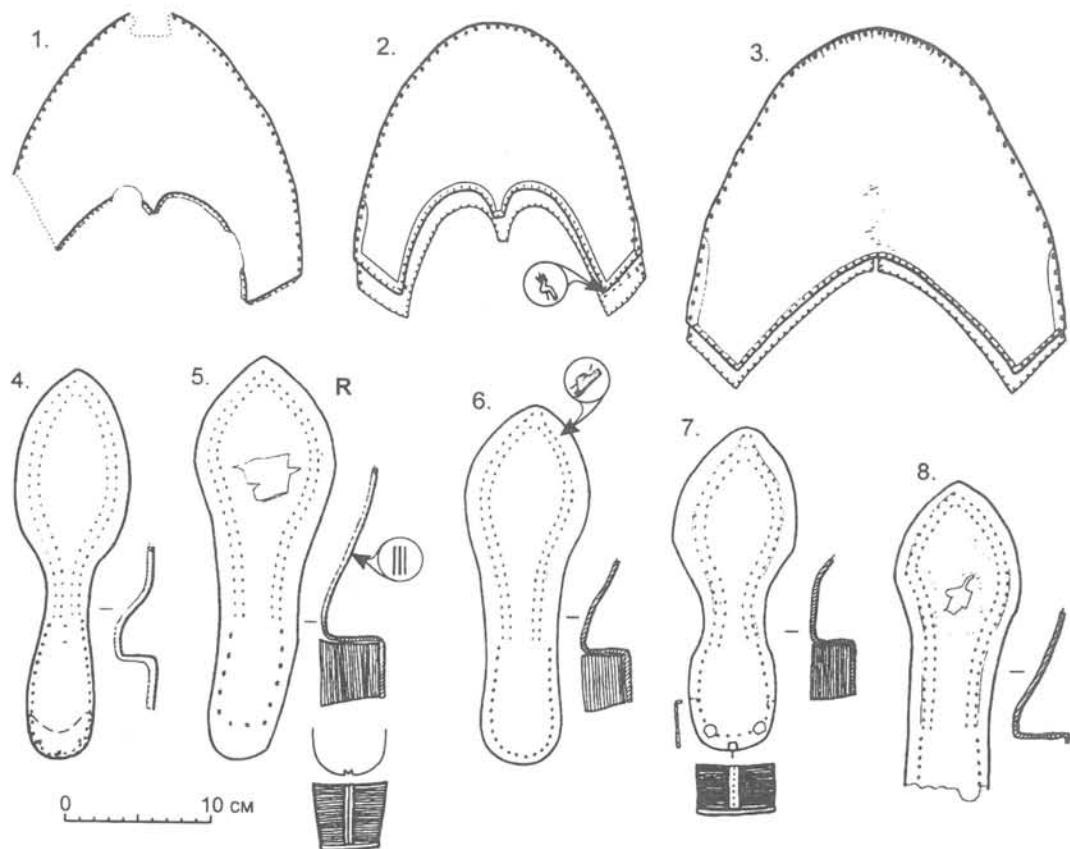

Рис. 8 Головки и подошвы туфель с каблуками.

Fig. 8 Shoe-heads and soles of shoes with a heels.

Как правило, длина крыльев поднаряда в сапогах больше, чем у головок, и первые сшивались с внутренними деталями задника при взаимоналожении — «внаклад», а не встык, что улучшало влагонепроницаемость конструкции (рис. 10: 1. 2, 2. 1). О форме и длине голенищ можно судить только по единственному полному экземпляру длиной более 25 см (рис. 12: 3). Среди двух других деталей голенищ одна, возможно, связана с моделями башмаков (рис. 12: 2), а другая — с уледами (рис. 12: 1).

В декоре сапог использована перевитая бронзовая проволока на пяточном ранте (рис. 10: 2. 3).

Размеры обуви определяются в 9 случаях и позволяют считать сапоги преимущественно мужской обувью для стоп длиной 25 см и более.

Уледы. Представляют отдельную группу в количестве не менее 16 моделей (рис. 11: 1—3, 7—8; 13; 14). В конструкции использована относительно толстая (до 3—3,5 мм) и широкая подошва, слабо профилированная в плане, без каблука или подпяточных подкладок. Иногда подошва усилена подметками отдельно для пятки и носка. В большинстве моделей использован однодетальный

крой верха, с симметричной, относительно продольной оси, головкой с длинными крыльями, сшитыми на пятке. Некоторые головки кроились асимметричными, с боковым швом на внутренней стороне стопы (рис. 13: 1. 1), или даже из двух деталей (рис. 13: 5. 1), что можно связывать исключительно с экономией материала. Верх был невысокий с открытым широким устьем. Ряд сдвоенных отверстий длиной 2,5—3,5 мм, равномерно расположенных по периметру верхнего обреза, говорит о подшивании дополнительной детали — голенища, практически отсутствующего в материалах. Имеется только одна деталь, предположительно, связанная с уледами. Это прямоугольная раскройка половины голенища высотой более 38 см при ширине 20 см (рис. 12: 1). Можно предположить преимущественное использование в моделях войлочного или мехового голенища.

Декор обуви включал тиснение кожи «сеточкой», поперечное линование и продольное тиснение по носку (рис. 13: 1. 1; 14: 1. 1, 2. 1, 3. 1).

По размерам преобладает обувь взрослого населения — для стоп длиной 23—

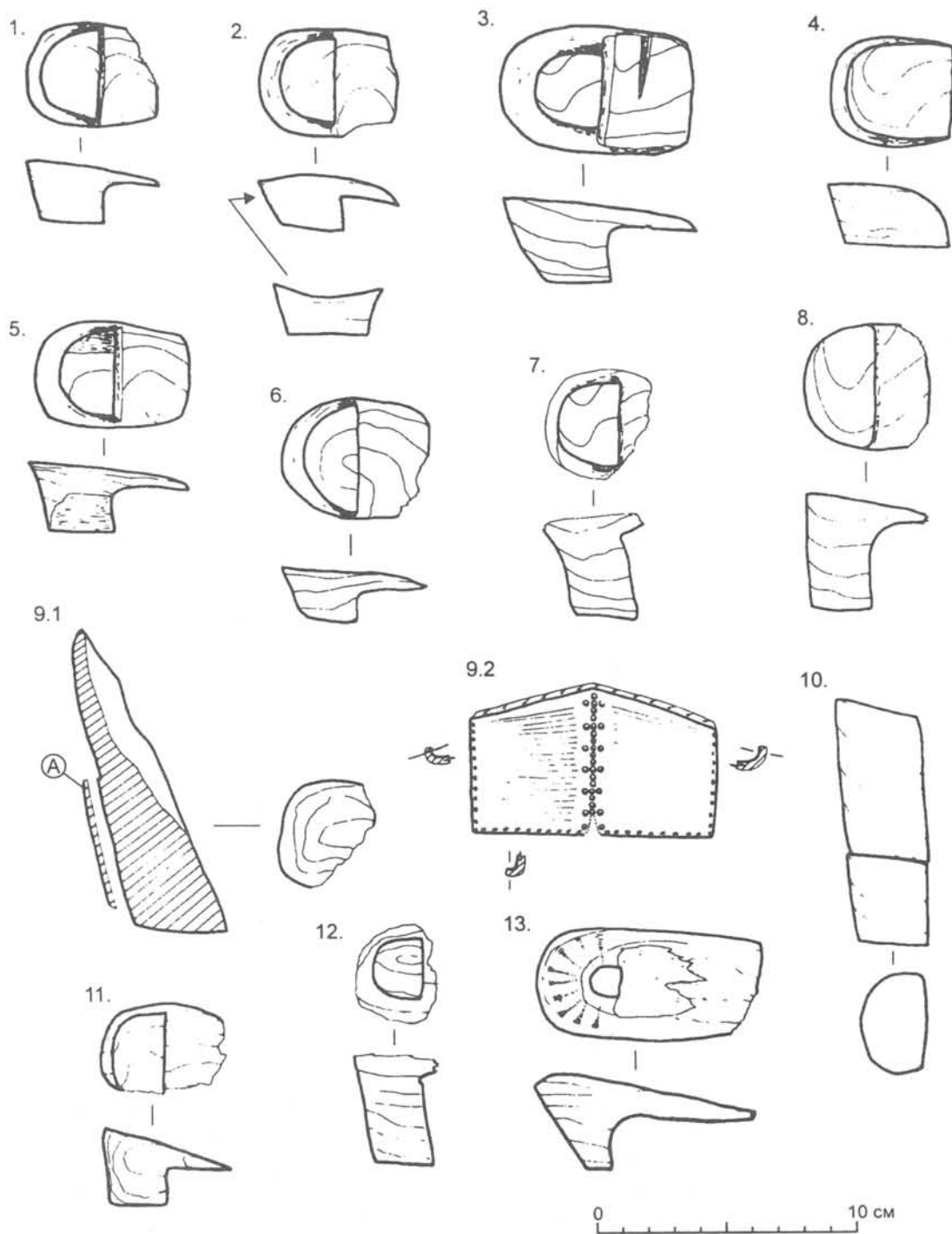

Рис. 9 Деревянные основы каблучков.

Fig. 9 Wooden bases of heels.

26,5 см. Три модели принадлежали подросткам — для стопы 12,5—18 см.

6. Размеры и половозрастная градация обуви. Реконструированы размеры 64 моделей обуви разных видов (рис. 15). Размеры определяются: — по длине сохранившихся подошв — для обуви многочастного кроя; — по индивидуальным признакам (соединение краев и затяжка верха) однодетальных моделей поршней. При определении вероят-

ных размеров стопы человека для конкретной модели учитывается возможное ношение обуви с холщовыми или шерстяными обертками и носками, а также использование войлочных или меховых стелек. Принимается в расчет и, вероятная, линейная деформация деталей при повседневной эксплуатации в древности, при их длительном нахождении в культурном слое, а также при размыве и сушке — как археологических на-

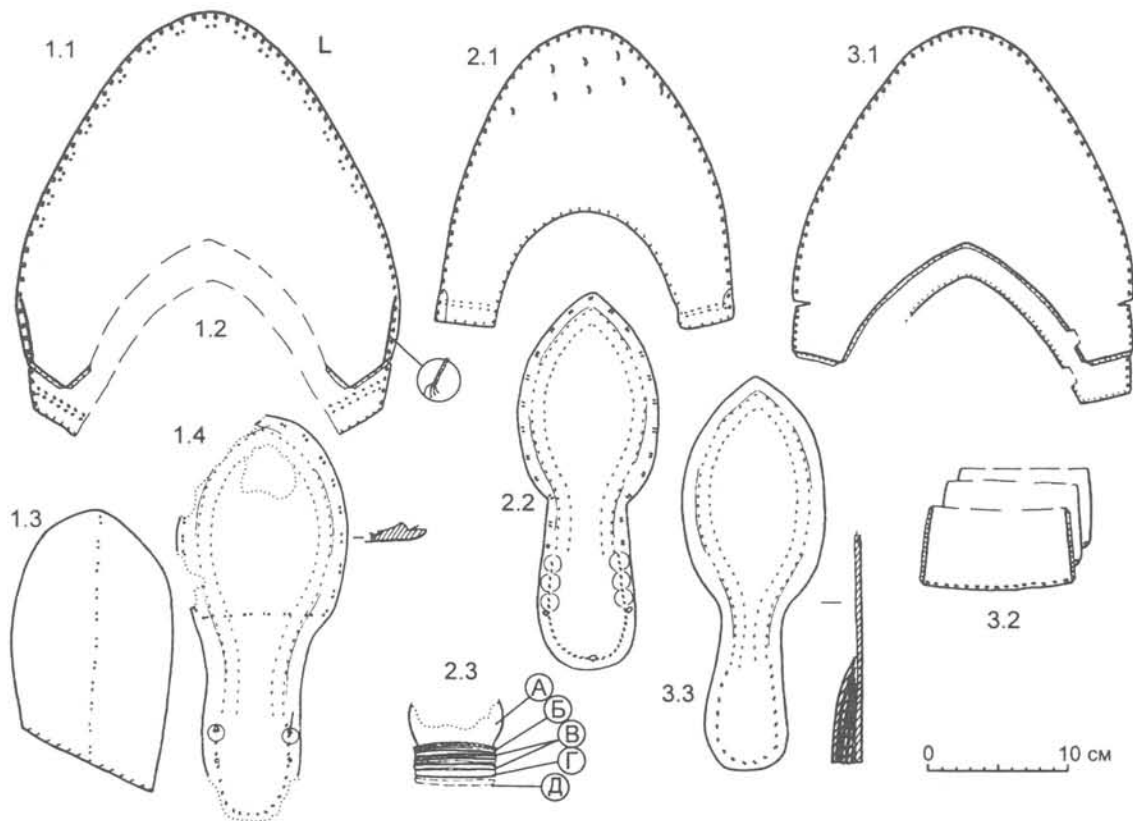

Рис. 10 Наборы деталей сапог: 1.1 — головка; 1.2 — однодетальный полный поднаряд; 1.3 — стелька; 1.4 — подошва; 2.1 — головка; 2.2 — подошва; 2.3 — схема сборки каблука (вид сзади): а — задник; б — декоративная оплетка из 4 витых бронзовых нитей; в — 4 кожаные прокладки; г — подошва; д — обувная подковка (не сохранилась); 3.1 — головка и поднаряд; 3.2 — задник и две кожаные вставки; 3.3 — подошва с подпяточными подкладками.

Fig. 10 Sets of high-boots components. 1.1 — boot-head; 1.2 — unbroken and complete lining; 1.3 — leathern insole; 1.4 — sole; 2.1 — boot-head; 2.2 — sole; 2.3 — heel unit assembling scheme (view from behind): а — counter; б — ornamental seam-length four-thread braid of bronze twisted wire; в — four leathern under-heel linings; г — sole; д — iron heel-tap (not preserved); 3.1 — head and lining; 3.2 — counter and two leathern inner paddings; 3.3 — sole with inner paddings.

ходок. Отмечены преобладания отдельных видов обуви в разных половозрастных группах населения.

Среди башмаков и уледей есть 4 модели детской обуви для стопы длиной 10—12 см. По принятой в современном отечественном моделировании классификации (ГОСТ 23251-83) это обувь для детей ясельного возраста. Обувь под размер стопы 16—19 см — подростковая (Иванов и др. 1990: 247—252, табл. 9). Она встречается только в формах башмаков (7 экз.) и уледей (2 экз.).

Среди взрослой обуви наименьшими размерами отличаются башмаки. Здесь, при максимальной длине стопы 23 см, количественные пики падают на длину 20 и 22 см, указывая на исключительное употребление данной обуви женщинами разных возрастных групп. Косвенно это подтверждается разнообразием и некоторым изяществом декоративного оформления, многообразием фасонов, высокими каблуками. Видимо женщины носили и другую обувь — поршни и

сапоги, среди которых имеются размеры 21—23. В письменных документах по мангазейской таможне есть записи о привозе как «мужских сапог», так и «женских». Однако количественно мужские сапоги безусловно доминировали.

Размеры сапог, поршней и большинства уледей составляют от 21—22 см до 28 см и более по метрической шкале, то есть использовались взрослой частью населения и, вероятно, имели различное употребление. Так, своеобразный покрой уледей позволяет предполагать их специфическое использование для хождения на лыжах и во время промыслов. Среди них преобладают размеры 26 см и более, но имеется и группа с меньшими размерами — 22—24 см. Кроме того, два экземпляра рассчитаны на длину стопы 17 см и один — для стопы 12 см. Надо полагать, что уледи использовались исключительно мужской половиной населения для промыслов и охоты, куда для обучения брали и подростков. Среди сапог преобла-

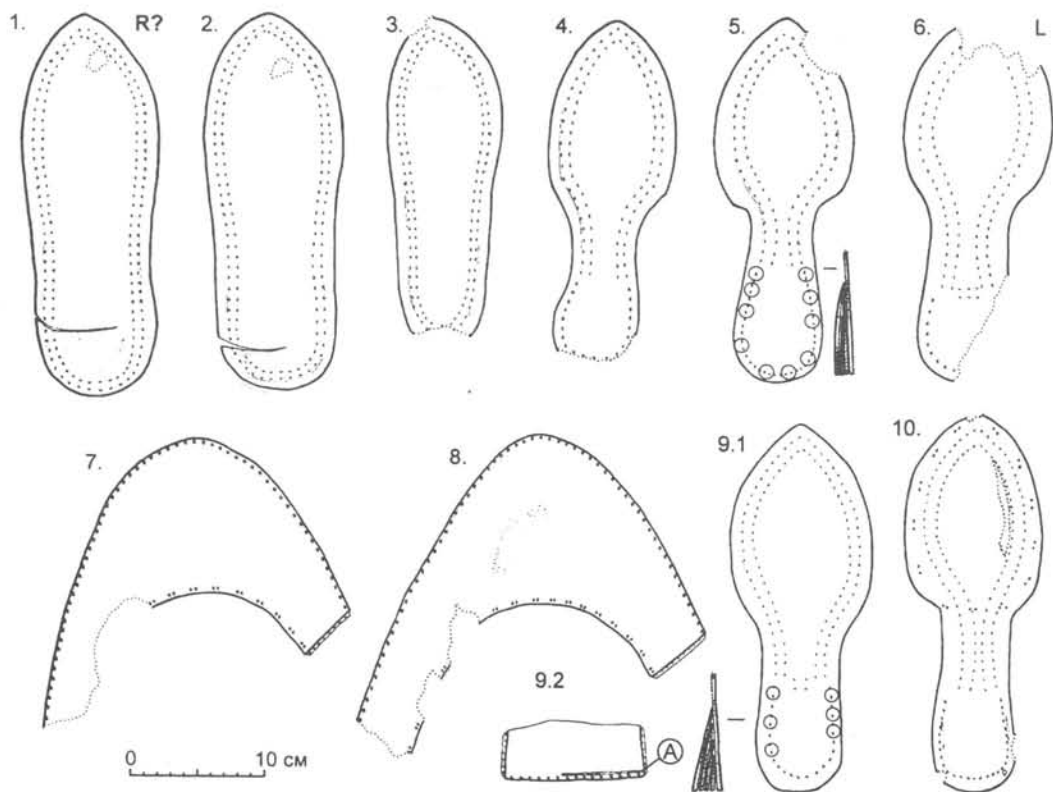

Рис. 11 Подошвы и детали верха уледей и сапог.

Fig. 11 Soles and the upper part of uled's and high-boots.

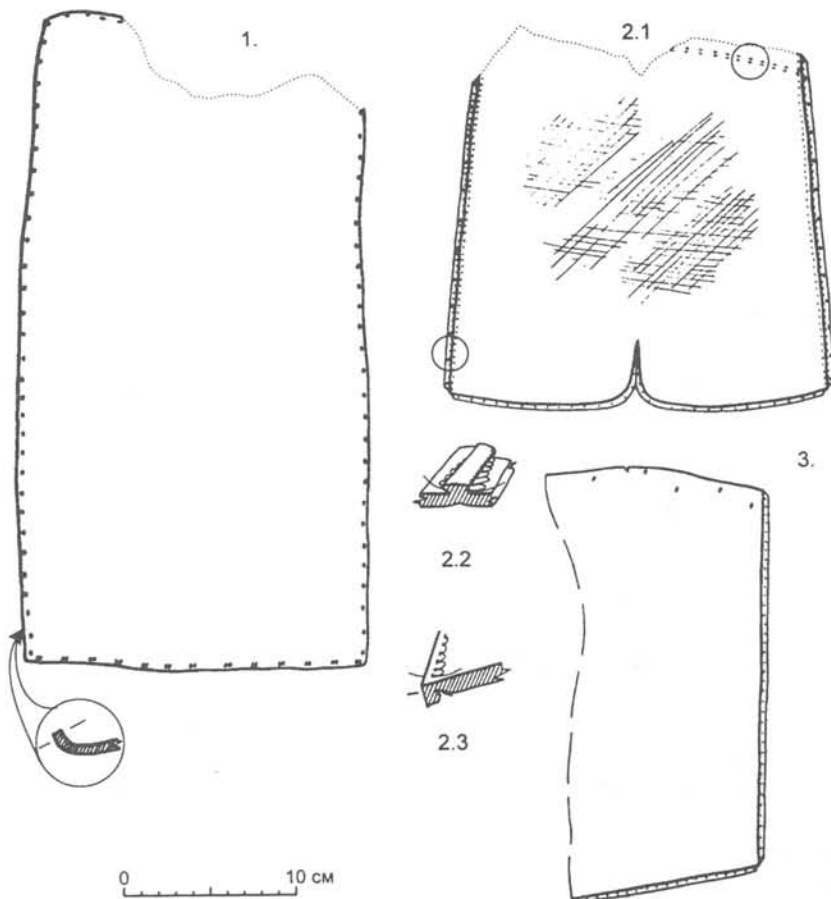

Рис. 12 Голенища различных видов обуви.

Fig. 12 Parts of bootlegs of different types of footwear.

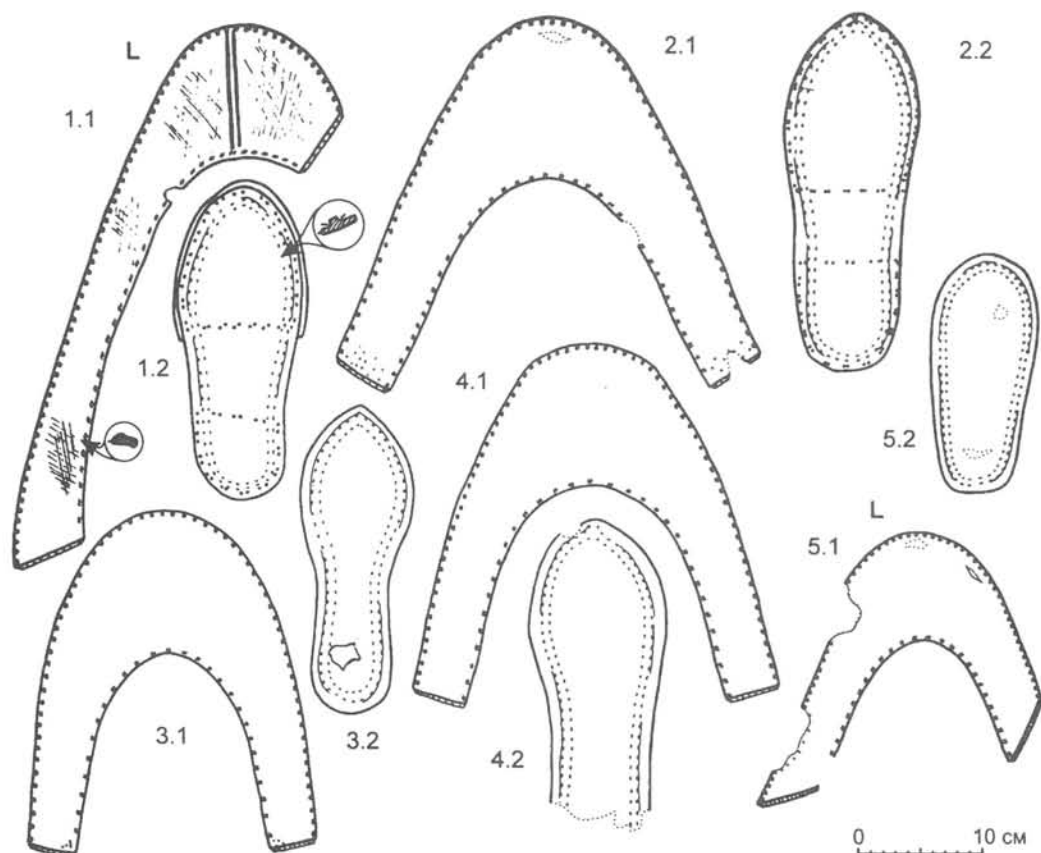

Рис. 13 Детали уледей. 1.1 — деталь верха; 1.2 — подошва с подметкой; 2.1 — деталь верха; 2.2 — подошва со следами крепления подметки; 3.1 — деталь верха; 3.2 — подошва; 4.1 — деталь верха; 4.2 — подошва; 5.1 — деталь верха; 5.2 — подошва.

Fig. 13 Sets of uled' components. 1.1 — the footwear upper part; 1.2 — sole and bottom-sole; 2.1 — the footwear upper part; 2.2 — sole bearing traces of basting; 3.1 — the footwear upper part; 3.2 — sole; 4.1 — the footwear upper part; 4.2 — sole; 5.1 — the footwear upper part; 5.2 — sole.

дали размеры 25—27 см, принадлежащие мужскому населению. Поршни использовались как женщинами (5 экз. из 16), так и мужчинами. Эта обувь для повседневной домашней и рабочей носки, видимо, одинаково использовалась всеми жителями Мангазеи. При этом, распределение размеров обуви по выделенным группам поршней достаточно своеобразно. Так, поршни первой группы в основном рассчитаны на стопу 21—24,5 см, и единственный экземпляр для стопы 26—26,5 см. Поршни второй группы также распадаются: 3 — для стопы 21—24 см и один на очень большую стопу — до 30—31 см, что предполагает употребление толстых меховых «чулок» или валяной обуви, поверх которых одевались кожаные поршни. Поршни третьей группы соответствуют размерам стопы 25—26 см и 28—29 см. В последнем случае также предполагается ношение с меховыми «чулками» (унтами). Интересно распределение размеров уледей. Из 16 экз. имеется один детский, два подростковых (длина 17 см), 4 взрослых

модели для стопы 22—24 см и 9 экз. одного размера — 26 см. Неравномерное распределение размеров уледей позволяет предполагать их специфичное употребление мужским населением для особых целей. Некоторая гипотетичность такого взгляда сохраняется за счет незначительности самой выборки (16 из 64) что явно недостаточно для полной характеристики массового материала — изделий повсеместного употребления.

7. Сравнительный анализ мангазейской обуви. Поршни можно разделить на изделия профессионалов-обувщиков и домашнего (непрофессионального) пошива. Профессиональные изделия (первая группа) отличаются точностью раскройки и нарезов по носку, равномерными прорезями для обор, регулярно размещенными по всей длине детали, дополнительным декоративным оформлением. Все эти приемы соответствуют профессиональным изделиям XV—XVII вв. в других русских городах: в Москве (Рабинович 1964: 286, рис. 124: 4), Пскове (Курбатов 1994: рис. 1: 8), Ивангороде (Курба-

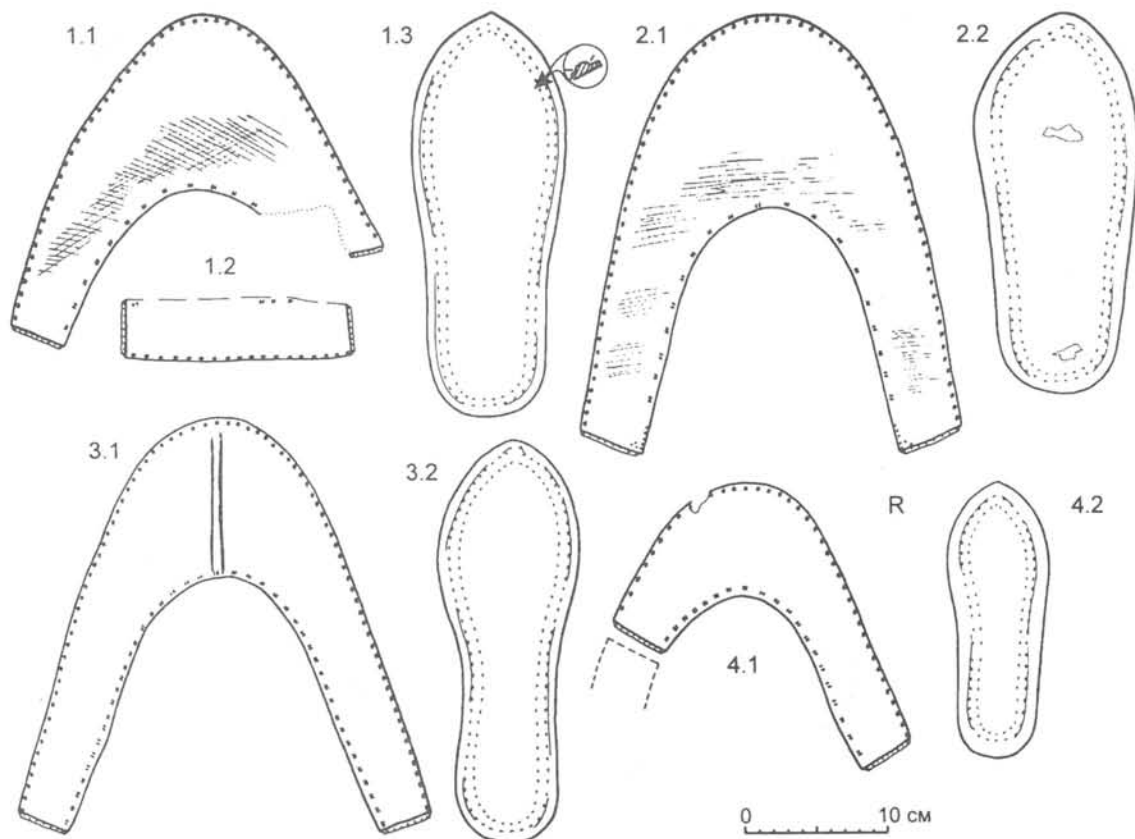

Рис. 14 Детали уледей. 1.1 — основная деталь верха; 1.2 — дополнительная деталь верха; 1.3 — подошва; 2.1 — деталь верха; 2.2 — подошва; 3.1 — деталь верха; 3.2 — подошва; 4.1 — деталь верха; 4.2 — подошва.

Fig. 14 Sets of uled' components. 1.1 — the footwear upper part; 1.2 — an additional component of the top part; 1.3 — sole; 2.1 — the footwear upper part; 2.2 — sole; 3.1 — the footwear upper part; 3.2 — sole; 4.1 — the footwear upper part; 4.2 — sole.

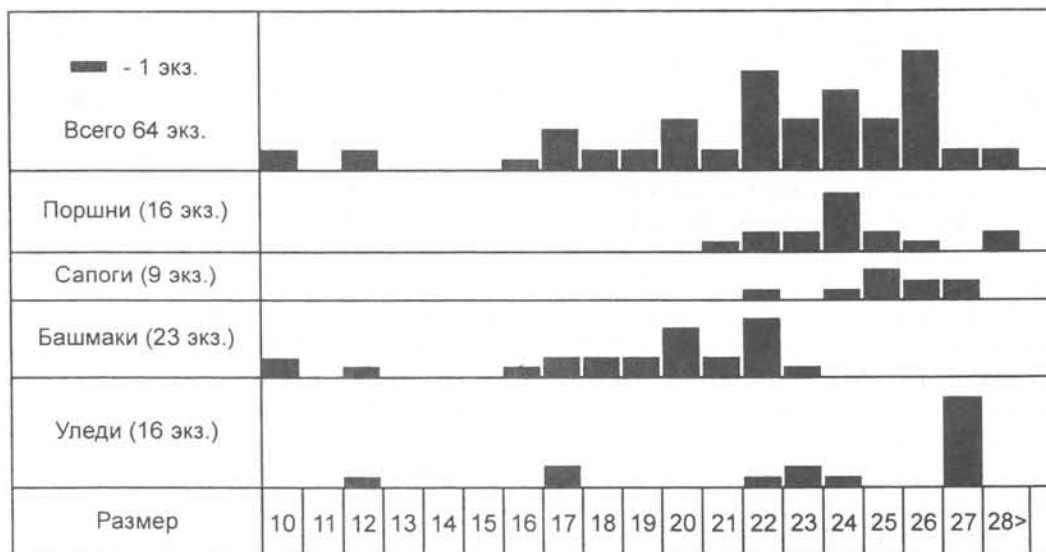

Рис. 15 Диаграмма размеров разных видов обуви.

Fig. 15 Flow chart of different sizes of footwear.

Рис. 16 Кожаные рукавицы-голицы. Формы раскроя.

Fig. 16 Leathern mittens-golitsas. Patterns of cutting.

тов 1991: 71-75, рис. 1: 3), Новгороде (Изьмова 1959, рис. 3: 9а; Гайдуков 1992: рис. 86: 3), Старой Ладогe (Оятева 1965: 52, рис. 5: 2), Орешке (Фонды ГМИЛ), в городах Среднего Поволжья — Чебоксарах (Краснов, Каховский 1978: рис. 79: 1, 2), в других центрах.

Мангазейские находки имеют конструктивное своеобразие. В оформлении носка — язычок на переднем обрезе раскройки, сшитый тачным швом, а в соединении задника — полуотрезные клапаны, соединенные тачным швом (боковые) и «в наклад» (центральный) (рис. 1: 6. 3). Близкий способ зашивания пятки для мягкой однодетальной обуви встречался в примитивных конструкциях северных народов Европы, например в Норвегии (Hald 1972: fig. 206, 209—211) у саамов но, видимо, нехарактерен для их южных соседей. В опубликованных коллекциях из Финляндии, Швеции, Эстонии, Исландии он не отражен (Hald 1972: 168—200; Heikinmaki 1975). Надо полагать, при освоении Заполярья русское население перенимало элементы быта аборигенов, связанные со спецификой существования в экстремальных условиях, но привнося свою технику и технологию

кустарных ремесел, что проявляется здесь в особом раскрое обуви. Другой вид мангазейской обуви — уледи — практически неизвестен в городах средней полосы.

В связи с выделением специфичных моделей мангазейской обуви следует обратить внимание на отдельные находки в городах Северо-Запада России (Курбатов 1995а: 49—51), которые можно рассматривать как привозные. Сюда относится «составной поршень» из слоев XVI—XVII вв. Старой Ладогe (Оятева 1965: 52, 54, рис. 5: 3) и близкий вариант из Орешка. Староладожская находка состоит из трех деталей: основной, закрывавшей подошву и пятку, вшивного треугольника на носке и полосы кожи шириной 4—5 см для боковин по всему периметру верха. Здесь отчетливо видны черты северных моделей: вырезы «углом» на заднем обрезе основной детали, оставляющие два боковых клапана и треугольный язычок посередине, а также треугольная деталь, закрывающая пальцы. Кроме того, боковины в виде полос шириной 5—6 см имеются в некоторых коллекциях из Заполярья, например в материалах О. В. Овсянникова из Пустозерска. Оформление пятки с вырезами в соединяемых краях встречаются в прими-

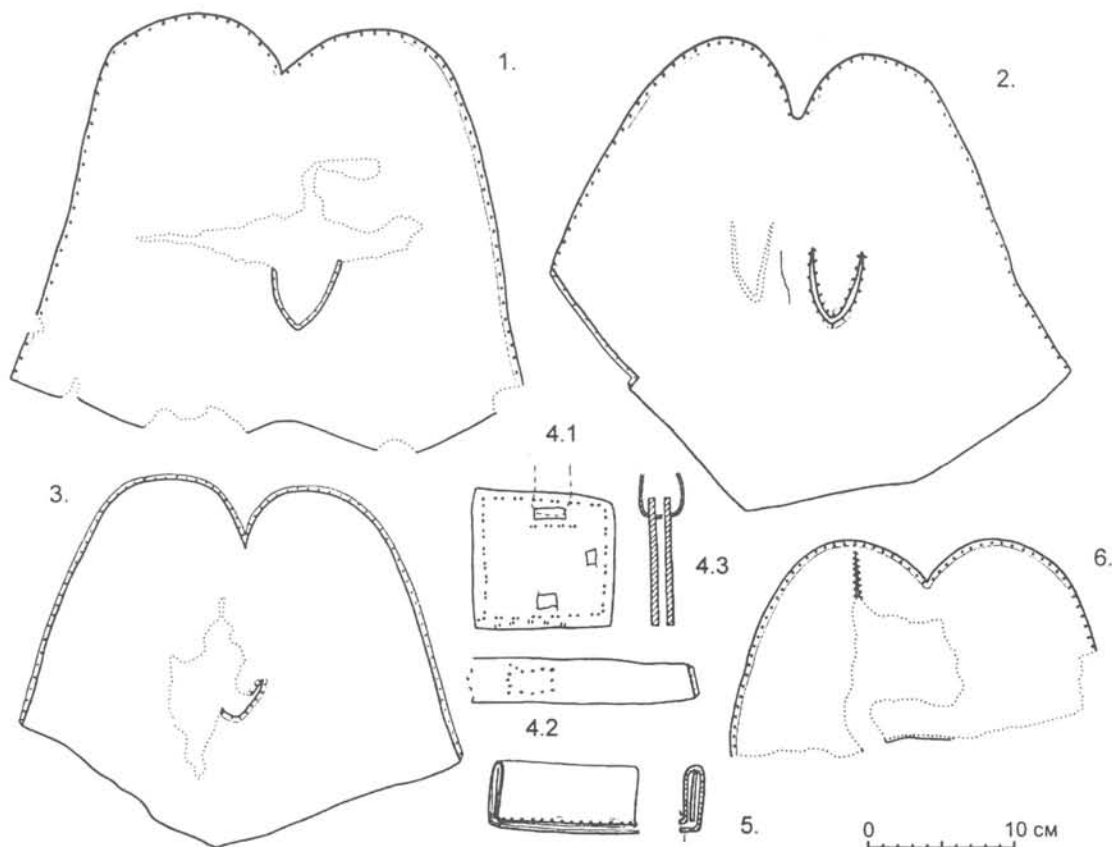

Рис. 17 Кожаные рукавицы-голицы (1-3, 6) и части неопределимых изделий (4, 5). Формы раскроя.

Fig. 17 Leathern mittens-golitsas (1-3, 6) and parts of unidentified goods (4, 5). Patterns of cutting.

тивной обуви VIII—X вв. в Ирландии (Hald 1972: 156, fig. 190,191), Финляндии (Heikinmäki 1975, куца 1: с; 2: а, б; 3), у саамов Норвегии и в этнографических материалах народов Сибири (Василевич 1963, табл. XXXV: 2—12; 4а, б). Близкая по типу, но из 4-х деталей, обувь найдена в Орешке в заполнении канала между церковью Иоанна Предтечи и Офицерским корпусом, где отнесена к XVII в. (Кирпичников 1980: 91; фонды ГМИЛ, шифр О69/2375). Здесь также есть основная деталь, составлявшая подошву и часть верха, закрывающего пальцы, вшивная треугольная деталь, частично закрывающая пальцы и подъем и две одинаковые полосы шириной 4—4,5 см, закрывающие пятку и боковины стопы. Носок сшит выворотным швом, другие детали — тачным. Треугольная вставка в носок декорирована линованием из параллельных полос, сходящихся под углом к продольной оси носка (Кильдюшевский, Курбатов 1997: рис. 4). Возможно, эта модель отражает вкусы карело-финского населения региона, хотя в манере раскроя и сборки виден производственный опыт русских городских сапожников. Видимо, близкой к указанным моделям была и обувь первой половины

XVII в., найденная среди остатков русской полярной экспедиции на берегу залива Симса (Якунина 1951: 179, табл. X: 6).

Мангазейские башмаки и сапоги близки по конструкции и декору находкам в слоях XVI—XVII вв. ряда городов Восточной Европы. Известны они в Москве (Рабинович 1964: 104, рис. 44, 45), Старой Ладоге (Оятева 1965: 54—57, рис. 5: 1; 6; 7), в городах Белоруси — Витебске (Левко 1984: 49—52, рис. 30—32) и других центрах. Появление в русских городах башмаков и развитие конструкции сапог со второй половины XVI в. связано с западноевропейским влиянием, элементы которого отчетливо видны в моделях обуви узко датированных комплексов, например в Ивангороде. В комплексах конца XVI—начала XVII в., относящихся к раннему этапу шведского присутствия в крепости, отмечены новые виды обуви — башмаки, туфли и сапоги с каблучками, подбитые железными подковками. По сравнению с предшествующей обувью они имели ряд своеобразных конструктивных приемов сборки и декорирования (Курбатов 1995: 198 и сл.). Эти же черты присутствуют на обуви со стоянки в заливе Симса (Якунина 1951 179, табл. X: 8).

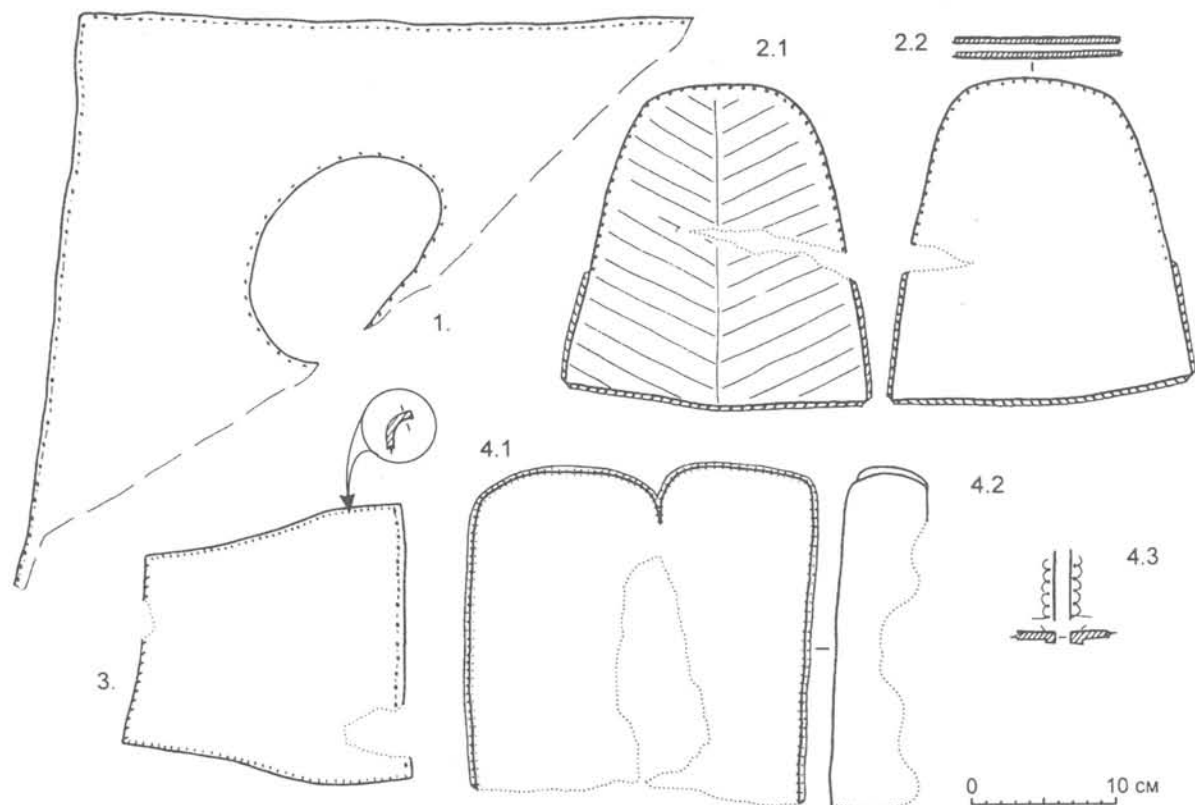

Рис. 18 Части неопределимых изделий.

Fig. 18 Parts of unidentified leathern goods.

8. Историческое наименование обуви. В росписи товаров, проходивших через мангазейскую таможенную в 30-е годы XVII в. (Белов, Овсянников, Старков 1981: 90-92, табл. XVIII) отмечены юфти, дубленая и сыромятная кожи, кисы олени, лосиные, конинные, камусы олени и лосиные, коты, переды котовые, сапоги мужские, женские, переды сапожные, подошвы дубленые, скелоты подошвенные, башмаки, необходимые для промыслов уледи лыжные, из одежды — рукавицы-голицы, а также товары, используемые в кожевенном и сапожном производстве — воск, гвозди, скобы сапожные, шилья. Часть этих товаров можно соотносить с археологическими находками.

Мангазейская коллекция является идеальным источником для историко-культурной атрибуции археологических данных, синхронизированных с письменными источниками. Продуктивным представляется здесь выделение местных — региональных или национальных терминов и их соотнесение со специфичными по конструкции и декору археологическими находками, редкими или отсутствующими в других регионах.

Для мангазейской обуви своеобразными являются, в первую очередь, уледи. Несомненно профессиональная раскройка и

сборка моделей, выраженная в точности линий раскроя, стандартной форме деталей, ровных отверстиях сшивных и стяжных соединений, равномерном размещении швов, использовании дополнительных профессиональных приемов, как например, подрезка подошвы с бахтармы и ее выскабливание по краю, косая подрезка краев верха для удобства ношения. Отличительным признаком уледей служит простота пошива — минимальное число деталей, слабая профилировка подошвы, не имеющей каблука, но усиленной подметками, использование толстой кожи для верха, широкое устье модели — все это предполагает одевание на толстую мягкую нижнюю обувь — меховые ноговицы, войлочные валенки или шерстяные чулки, а также пришивание длинных прямых голенищ, войлочных или меховых. Все признаки указывают на специфичность такой обуви, применяемой в условиях Заполярья в соответствии со сложившимися стереотипами жизнедеятельности аборигенного населения.

Среди наименований обуви и одежды у В. Даля как самые простые и грубые изделия указаны уледи (улеви, улеги, улиди), распространенные у поморов, в Архангельской и Вологодской областях, обозначаю-

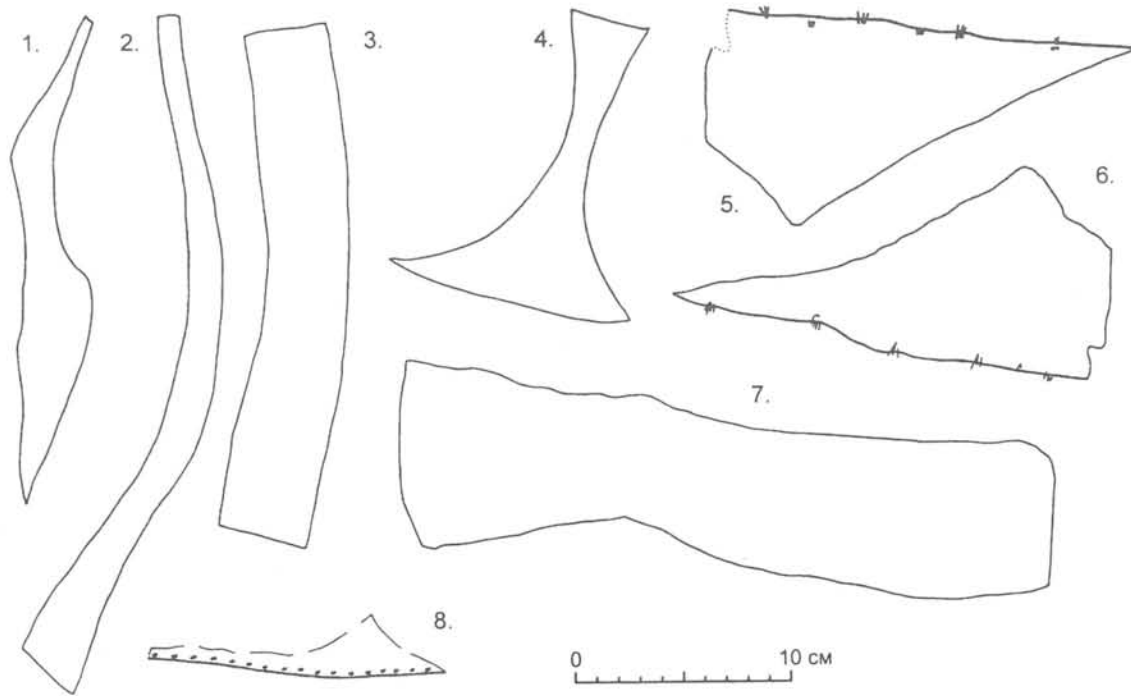

Рис. 19 Обрезки первичного (1-7) и вторичного (8) раскроя.

Fig. 19 Shreds remained of primary (1-7) and secondary (8) cutting.

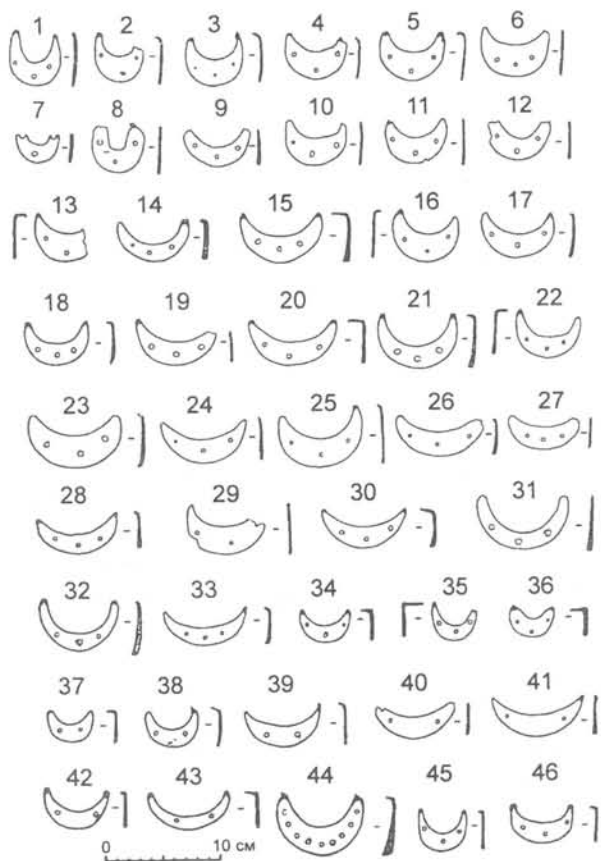

Рис. 20 Железные обувные подковки.

Fig. 20 Iron heel-taps.

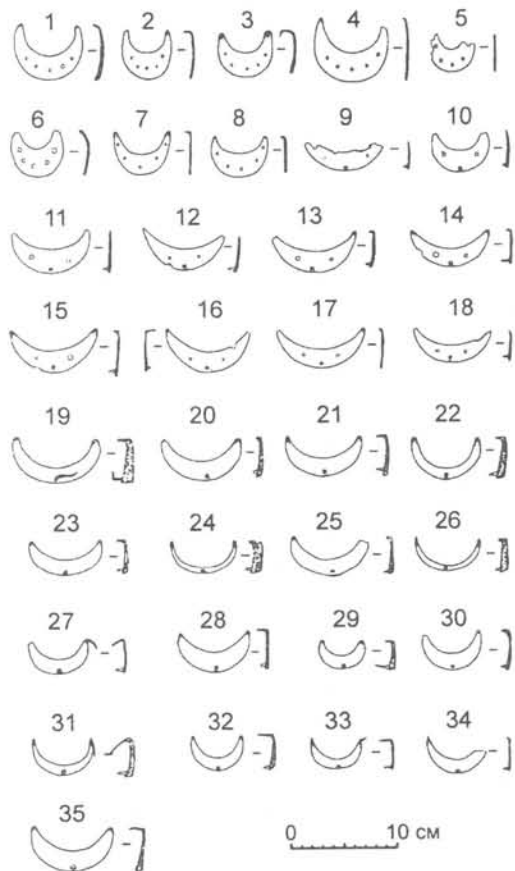

Рис. 21 Железные обувные подковки.

Fig. 21 Iron heel-taps.

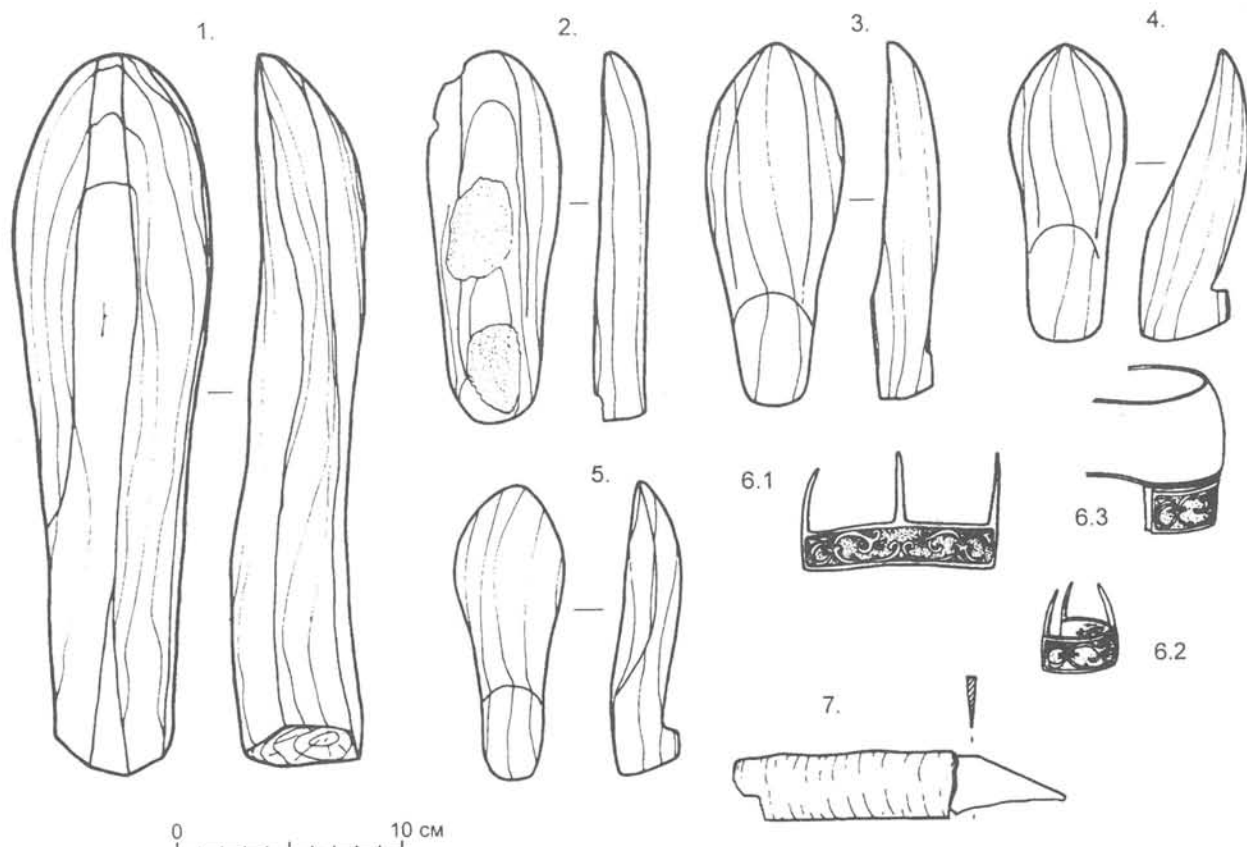

Рис. 22 Деревянные обувные колодки (1-5), железная обувная подковка (6), раскроечный нож (7).

Fig. 22 Wooden boot-trees (1-5); iron heel-tap (6), shoe-maker's knife (7).

щие род грубых котов, а также поршни, лыжную обувь, род сапог, бахил, в том числе и с суконными голенищами, а в Сибири — верхние сапоги «из оленьих камысов» (Даль 1882, IV: 487). Надо считать, что распространенные в северных областях Европейской части Евразии, а также в Сибири уледи были позаимствованы, как вид обуви, наилучшим образом приспособленной для ходьбы на лыжах, так и название специальной обуви, пришлым русским населением у аборигенных финно-угорских народов.

У саамов лыжная обувь имела загнутые вверх носки (Вахрос 1959: 176—179), как на рисунках Кнуда Лема 1767 г. (Hald 1972: fig. 212, 213). Таковы же были зимние яры и летние нюреньки — повседневный наряд лопарей (Харузин 1890: 92—93, вклейка с. 90). Из мангазейских находок к этим изображениям близки два поршня третьей группы где носок, стянутый швом по продольной оси, несколько загибается вверх. Наличие по периметру верхнего края мелких сдвоенных отверстий предполагает подшивание голенищ. Швы, говорящие о подшивании дополнительных деталей верха специфичны для коллекций из Мангазеи и Пустозерска. Это парные мелкие отверстия,

определяющие пунктирный шов в одну нить «змейкой». Такие швы не встречаются в городах средней полосы России, кроме как на подметках, то есть в другом применении. Отнесенные к поршням на основе однодетального края, эти находки выделяются своей формой и способом сшивания, что позволяет относить их к изделиям, отражающим северный стереотип моделирования. Сведения о быте северных народов XVIII—XX вв. отмечают обувь жителей заполярных областей Норвегии и Финляндии, где сохраняется моделировка, напоминающая русские поршни — раскрой подошвы и боковин из одного куска кожи с загибом краев вверх и вертикальным швом на заднике имеет сходство с клапанами на мангазейских поршнях (Hald 1972: fig. 205—213). Обычай сгибания краев подошвенной детали вверх, если она кроилась отдельно, для закрывания боковой части ступни и пальцев, видимо, является единым для многих народов северной части Евразии. Этнографический материал по самодийской группе народов показывает именно такой раскрой всех форм обуви XVIII—XX вв. у ненцев, нганасан, селькупов (Прыткова 1970: рис. 12, 13, 42, 44, 65, 66). Изображения по-

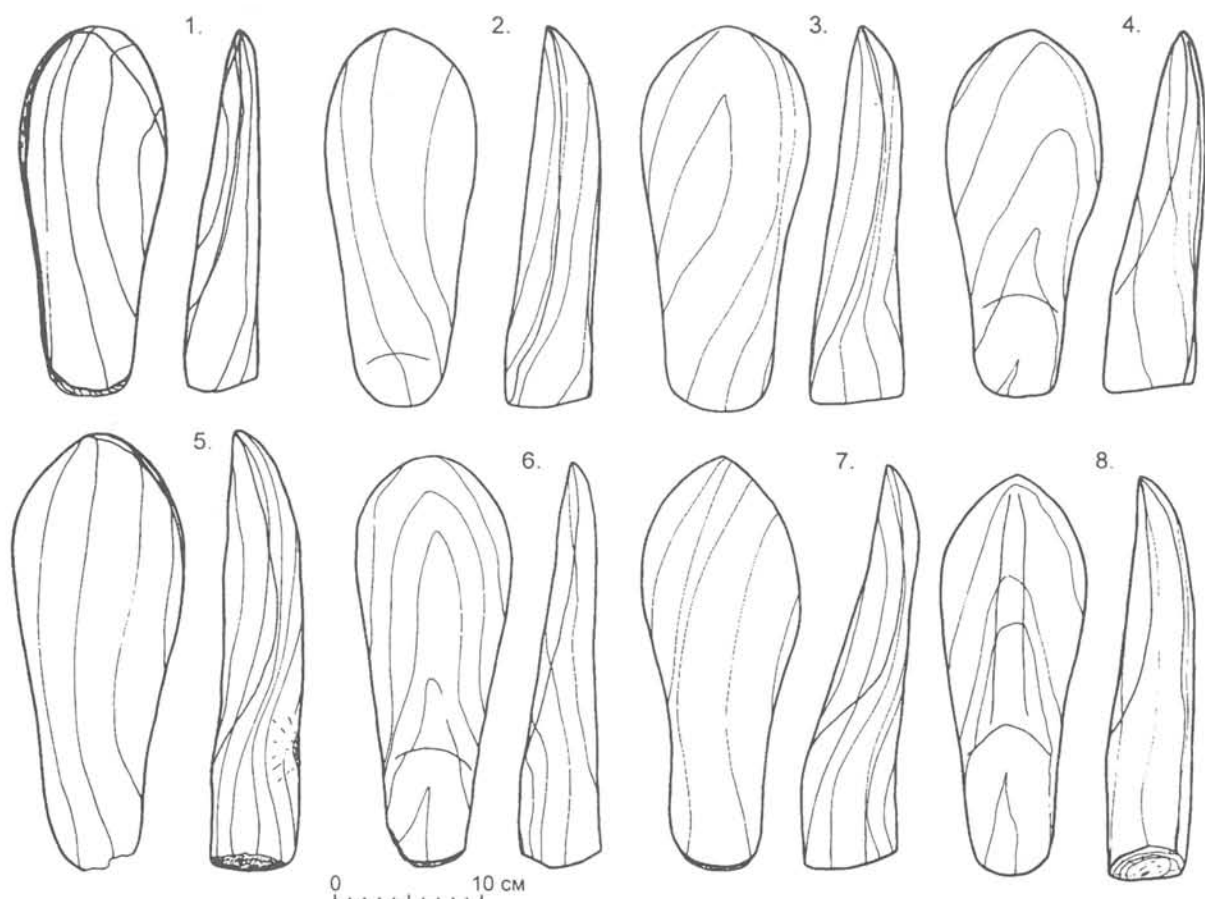

Рис. 23 Деревянные обувные колодки (не сохранились).

Fig. 23 Wooden boot-trees (not preserved).

добной обуви имеются и в работе Н. Харузина.

Описанные формы уледей, типологически близкие обуви северных народов Евразии, судя по техническим приемам раскроя, пошива и декорировки, являлись продукцией русских ремесленников севера Европейской части России или Сибири. В приемах пошива видны общие технические нормы, стандарты, традиции производства при сравнении с изделиями городов центральной России, но учитывающие специфику ношения в зоне тайги и тундры. На это указывают: «стандартизованный» раскрой подошвы и верха и техника сшивания — шов «в подтай» для основного соединения и тачной для боковин, а также точность всех элементов раскроя и сборки моделей.

По мангазейской таможне проходили и другие товары, названия которых заимствованы у ненцев (самоедов) — «пимы» или «кисы», обувь сшитая из полос камуса мехом наружу (Прыткова 1970: 27). Если сами наименования представляется трудным ассоциировать с каким-либо видом мангазейской обуви, то «камусы», отмеченные таможенными книгами, видимо, присутство-

вали на многих моделях в виде меховых голенищ — оленьих и лосиных, следы пришивания которых сохранились в виде мелких сдвоенных отверстий по верхнему обрезу обуви. В коллекции есть единственный образец высокого голенища с такими шивными отверстиями, который можно соотносить с упомянутыми, видимо немеховыми, «кисами конинными».

Специфично северным является наименование «коты», распространенное в Сибири и северных районах Европейской России и обозначавшее «женскую обувь: род полусапожек, башмаки с высокими передами, либо круглые, будто с отрезанными голенищами, с алою суконной оторочкой» (Даль 1881, II: 179). И. С. Вахрос рассматривает термин «коты» как заимствование из языка коми при освоении русскими Севера. В деловой письменности термин встречается с начала XVII в., хотя проник в русскую речь ранее (Вахрос 1959: 118—119). Судя по источникам XVII в., коты шили из дубленой кожи — черные, серые и красные и снабжались опушкой. В словаре Нордстета 1780 г. отмечено наличие у котов низких каблуков, а сама обувь названа крестьянскими башма-

ками. В начале XX в. слово приобрело более широкое значение — от кожаных башмаков, преимущественно женских, с высокими передами, до босовиков, лаптей, грубой обуви вообще — распространенное в северных губерниях Европейской России (Вахрос 1959: 115—116).

Название «коты» прямо соответствует мангазейским моделям башмаков с каблуками, по размерам и разнообразию декора относимых к женской обуви. Нельзя исключать, что часть башмаков могла именоваться в таможенных книгах «женскими сапогами». Следы швов на верхнем обресе башмаков — котов говорят о подшивании дополнительной детали — камусов или опушки, не сохранившихся в коллекции. Но имеются и экземпляры с открытым устьем, где швы по верхнему обрису головки и поднаряда свидетельствуют о соединении их между собой тачным швом, исключая подшивание какого-либо верха (рис. 5: 1. 1). Такие модели с наибольшей вероятностью можно отождествлять с указанными в записях таможни «башмаками» или «передами котовыми».

Терминология археологической обуви, в определенной степени, условна из-за отсутствия наименований обуви в присьменных источниках применительно для конкретных периодов или регионов. Так, документы XVII в. по Мангазее не называют «поршней», выделенных в археологической коллекции и имеющих соответствие с изделиями XV—XVII вв. из ряда городов лесной зоны России. Но в отечественной научной литературе данный термин закрепился за простейшей однодетальной обувью. Филологи отметили употребление термина «поршни» в источниках XVI—XVII вв. для средней полосы России — Московской и Новгородской земель, а также для северных областей — Архангельской, Вологодской и Пермского края (Вахрос 1959: 158—159). Условность отождествления данного термина с находками на всей территории лесной полосы России видна уже в том, что во Пскове в начале XVII в., согласно словаря Тони Фенне, обувь типа поршней, видимо, называли «курпами», а рабочую обувь в виде низких бот, башмаков или сапог с отрезанными голенищами «ступнями» (Курбатов 1994: 90). Возможно, в Мангазее второй вид обуви называли «уледи». Сам же последний термин обозначает обувь, надеваемую на мягкую исподнюю и встречается в Архангельской области и районах Сибири (Даль 1882, IV: 487; Вахрос 1959: 176—177).

Кроме целых изделий, в таможенных книгах указаны отдельные детали и наборы деталей обуви, то есть полуфабрикаты, предполагающие известную специализацию

мангазейских ремесленников — как ремонтников или сборщиков новых моделей из готовых частей. Это переды котовые, сколоты подошвенные, переды сапожные, подошвы дубленые. «Передами», видимо, названы наборы деталей верха обуви — головки с поднарядами или наборы задников, то есть именно те узлы, массовый стандартизованный раскрой которых (возможно с применением шаблонов — «мер сапожных») не исключает индивидуальную подгонку обуви по стопе заказчика при сшивании деталей. Термин «сколоты» происходит, по-видимому, от глагола «сколачивать, сколотить» в значении «соединять, скреплять, сбивать вместе несколько деталей» (Даль 1882, IV: 201). Бытовали термины отглагольной формы «сколотень» — платье, набранное из остатков, лоскутьев или «сколотуха» — женский овчинный полшубок (Ibid.). Возможно, «сколотень» обозначал и блоки подошв с кожаными наборными каблуками, составленными «сколотыми» — из серии тонких кожаных фликов, соединенных деревянными шпеньками. Также нельзя исключать, что «переды сапожные и котовые» представляли полностью собранную модель, но без голенища.

9. Другие кожаные изделия. Из 18 предметов, не имеющих отношения к обуви, выделены 8 деталей рукавиц (рис. 16; 17: 1—3, 6). Все они цельнокроенные, длиной от 22,5 до 28,5 см, с намеченным разделением пополам по верхнему обрису, с подшивной деталью для большого пальца. В ряде случаев видны следы подшивания небольших кусков кожи к основной детали, что связано как с экономией материала, так и вероятным ремонтом изделия. Все рукавицы несут следы эксплуатационного износа и заплаток на стертых участках.

Другие 10 находок неопределимы по назначению (рис. 17: 4, 5; 18). Среди них есть обрезки крупных кожаных деталей, возможно, пологов (рис. 18: 1). Кроме того, в коллекции присутствуют 8 обрезков кожи, среди них — 7 от первичного раскроя и 1 вторично кроеный фрагмент задника сапога (рис. 19). Среди обрезков первичного раскроя есть фрагменты с краев шкуры с остатками волоса и характерным утолщением края, а также обрезки от раскроя подошв. Все обрезки принадлежат шкурам крупного рогатого скота взрослых особей, толщиной 2—4 мм, продублены.

10. Деревянные и металлические предметы. В Мангазее отмечены «сапожные гвозди» и «скобы сапожные» — обувные подковки, характерные среди привозных товаров XVII в. в Мангазее и Тобольске (Вилков 1967: табл. 10). В коллекции имеется 82 обув-

ные подковки, при этом 8 сохранилось непосредственно на обуви или отдельно взятых каблуках (рис. 6: 2, 3; 20; 21). Железные подковки типологически делятся на 2 основные группы по способу крепления на каблучке: с помощью сапожных гвоздей или посредством штырей, расположенных на самих подковках. Однако, на многих подковках присутствуют и гвозди и штыри. Поэтому, как нам представляется, следует ввести дополнительный признак — наличие или отсутствие центрального штыря и, кроме того, учитывать число гвоздевых отверстий.

В мангазейской коллекции подковки без центрального штыря составляют 54 экз. (из 83-х), остальные — со штырями. Они закрепляются на каблучке боковыми штырями и дополнительно несколькими гвоздями, число которых не было связано с размерами и формой подковок. Штыри на подковках, судя по хорошо сохранившимся экземплярам, делались длинными — до 1,0—1,5 см, или короткими — до 0,2—0,4 см. Число гвоздевых отверстий, видимо, не было определено связано с размерами или формой подковок. Так, на подковках шириной 4—4,5 см встречается по 2, 3 и 5 отверстий, а на изделиях шириной 6,5—8 см может быть от 2 до 9 отверстий.

Также трудно определить взаимосвязь между размерами, способом крепления подковок на каблуках и формой их в плане. Форма деталей в плане довольно разнообразна — от серповидной (или луновидной) различной ширины до узкой скобы различной толщины. Большинство подковок тонкие — до 1—2 мм, плоские или несколько утолщающиеся к задней стороне. Но встречены и более толстые — 2—4 мм, а отдельные экземпляры имеют толщину 7—8 мм. Наибольшей толщиной отличаются два предмета: один шириной 1,5 см при толщине скобы 1,2 см, а другой — в форме скобы шириной 0,6 см и толщиной 0,8—1,1 см (рис. 21: 19, 24). Большую толщину, в среднем, имеют подковки со штырями, а не с гвоздевым креплением.

Подавляющее большинство подковок крепилось непосредственно на нижней стороне каблука, за исключением двух предметов, для которых можно предполагать наличие небольших канавок (выборок) на основании каблука (рис. 21: 24, 26). Однако самих каблуков с такими пазами в коллекции не выделено.

Проблематичность выделения отчетливо членящихся групп подковок по сериям призна-

ков, включая линейные размеры и сечение, позволяет предполагать наличие многих серий предметов, как производившихся на месте, так и привозимых из разных городов. Можно говорить о множестве кузнечных мастерских, производивших подковки, каждая из которых привносила в продукцию свои стереотипы и традиции. При этом, надо помнить, что вариативность подковок ограничена целесообразностью их употребления, в частности, размерами основания каблука.

В целом, мангазейские подковки представляют изделия разных форм и способов крепления на обуви, что усиливает сомнения в возможности типологического членения изделий по способу крепления.

Вопрос описания подковок и их значения в археологических комплексах может представляться частным и несущественным, но он приобретает значение при датировке позднесредневековых комплексов и слоев, исследуемых в различных городах России. В археологической литературе до настоящего времени доминирует мнение о появлении обувных подковок в XIV в., что и является основанием для датировки слоев наряду с другими признаками (Крауцэвіч 1991: 130; Краснов, Каховский 1978: 114; Сергина 1983: 96; Левко 1984: 48, рис. 29). Это мнение переносится и в обобщающие работы о городском средневековом быте и ремесле (Рабинович 1964: 288; 1988: 175; Древняя Русь 1985: 270). Однако обоснование датировок в этих и других работах сводится в конечном итоге к одному источнику — материалам Неревского раскопа в Новгороде 1953—54 гг. (Колчин 1959: 108, 110), подкрепленному позднее выводами по Нутному раскопу (Гайдуков 1992: 95).² Наблюдения в других городах за динамикой распространения обувных подковок позволяют относить их массовое появление к XVI в. по материалам Гродно (Трусау, Собаль, Здановіч 1993: 62), ко второй половине XVI в. по данным Минска и Полоцка (Тарасов 1989: 171). Для городов Северо-Запада России появление подковок можно проследить по комплексам конца XVI — начала XVII вв. из Ивангорода (Курбатов 1995: 203). Можно считать, что появление обувных подковок в русских городах связано с внедрением новых конструкций обуви на высоких каблуках. Эта обувь была привнесена в русское общество вместе с другими культурными инновациями из стран Западной Ев-

² Сопоставление полевой документации по Неревскому раскопу за указанные годы дает возможность, с определенной долей вероятности, предполагать наличие поздних ям и перекопов в местах находок обувных подковок в слое XIV в. Нахождение достоверных «закрытых» комплексов XIV—XV вв. с обувными подковками представляется проблематичным.

ропы, в том числе Скандии, видимо не ранее середины — второй половины XVI в.

Мангазейская коллекция отрицательно отвечает на вопрос о хронологическом членении подковок по типологическим признакам, ставившийся в отдельных работах (Левко 1984, рис. 29; Мултанен 1986: 66—67).

Кроме подковок в Мангазее найдены 5 шильев с деревянной рукояткой длиной 6,5—9 см и диаметром 1,5—2 см. Рабочая часть — железный стержень квадратного сечения длиной 2—5 см не имел изгиба. Близкие им по форме рукояти и острия шилья встречены на становище русских мореходов в заливе Симса, где они лежали в кожаной сумке сапожника (?) вместе с клубком суровой нити (Исторический памятник 1951: 177, табл. IX: 6,7; XIV: 9—11).

Сохранились три деревянные обувные колодки, одна — для обуви больших размеров — длиной 29,7 см и две для изготовления детской (подростковой) обуви — длиной 15,5 и 15,8 см (рис. 22: 1—3). Кроме того, в рисунках О. В. Овсянникова сохранились еще 8 обувных колодок (рис. 23).

11. Выводы. Таким образом, комплекс предметов из Мангазеи, связанный с коженно-обувным производством показывает одну из сторон материальной жизни и быта русского заполярного города первой половины XVII в. Модели обуви, имеющие отчетливое членение по половозрастному признаку, определяют и некоторые занятия населения, в частности, большое значение

промыслов и охоты. Ремесленное производство основывалось, по большей части, на привозном сырье (кожи) и полуфабрикатах (детали обуви) и обслуживало нужды населения в различных бытовых кожаных изделиях. Надо полагать, что в Мангазее производился преимущественно ремонт и перешив старых использованных изделий, хотя и существовал пошив новых изделий из привозимых кож и мехов. Надо учесть, что незначительная часть кож могла выделываться на месте (оленьи, лосиные).

В моделировке и декоре обуви отражены две традиции: — единая общерусская, связывающая мангазейские находки с материалами других позднесредневековых русских городов и, — местная, отражающая специфику жизнедеятельности в полярной зоне Евразии. Некоторые черты обувных моделей определенно свидетельствуют о влиянии традиций народов Севера, а возможно и об изготовлении обуви представителями коренного населения. Торговые контакты мангазейцев охватывают, в первую очередь, ближайшие районы Русского Севера, откуда видимо и поступали сапоги, кисы, камусы и другое. Это районы Пинеги, Мезени, Устюга, Вологды, Холмогор. Отсюда же в Мангазею попадали и модели обуви, отражающие влияние западного ремесла и моды, например женские башмаки на высоких каблуках. Специфичные модели северной обуви позволяют проследить поездки населения Заполярья в различные города средней полосы России.

- Александров, В. А. 1964. Русское население Сибири XVII—начала XVIII вв. (Енисейский край). Москва.
- Бахрушин, С. Б. 1955. Научные труды III. Москва.
- Белов, М. И. 1970. Раскопки «златокопящей» Мангазеи. Ленинград.
- Белов, М. И., О. В. Овсянников. 1972. Раскопки Мангазеи (некоторые итоги исследований 1968—1969 гг.) // Советская археология 1: 215—232.
- Белов, М. И., В. Ф. Старков. 1971. Раскопки городища Мангазеи // Археологические открытия 1970 г. Москва.
- Белов, М. И., О. В. Овсянников, В. Ф. Старков. 1980. Мангазея. Мангазейский морской ход. Часть 1. Ленинград.
1981. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв. Часть 2. Москва.
- Василевич, Г. М. 1967. Типы обуви народов Сибири // Сборник Музея антропологии и этнографии XXI: 3—64. Москва-Ленинград.
- Вахрос, И. С. 1959. Наименование обуви в русском языке. Хельсинки.
- Вилков, О. Н. 1967. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. Москва.
- Гайдуков, П. Г. 1992. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. Москва.
- Даль, В. 1880—1882. Толковый словарь живого великорусского языка I—IV. Москва.
- Древняя Русь. 1985. Древняя Русь: Город, замок, село. Археология СССР. Москва.
- Иванов, М. Н., И. Г. Шапканов, В. А. Панасенко. 1990. Товароведение обувных товаров. Москва.
- Изюмова, С. А. 1959. К истории коженного и сапожного ремесел Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР 65. Москва.
- Исторический памятник. 1951. Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. // Сборник статей. Москва-Ленинград.
- Кильдюшевский В. И., А. В. Курбатов. 1997. Кожаные изделия средневекового Орешка // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти В. Д. Белецкого (1919—1997) 1: 270—280. Санкт-Петербург—Псков.
- Кирпичников, А. Н. 1980. Древний Орешек. Историко-археологические очерки о городе-крепости в истоке Невы. Ленинград.
- Колчин, Б. А. 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР 65: 7—119. Москва.
- Крауцэвіч, А. К. 1991. Гараты і замкі Беларускага Паямоння XIV—XVIII ст. ст. Мінск.
- Краснов, Ю. А., В. Ф. Каховский. 1978. Средневековые Чебоксары. Москва.
- Курбатов, А. В. 1991. Коллекция кожаных предметов из Ивангорода (по раскопкам 1980—1986 гг.) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 205: 71—76. Москва.

- 1991а. Методические аспекты историко-археологического анализа средневекового кожевенного производства // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Археологические изыскания 3: 130—140. Ленинград.
1994. Опыт исторической интерпретации кожевенно-обувного производства // Древний Псков. Исследование средневекового города: 86—90. Санкт-Петербург.
1995. Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости // Российская археология 2: 198—208.
- 1995а. К вопросу об этно-социальной принадлежности кожаных предметов (по находкам в городах Северо-Запада России) // Ладога и Северная Русь: 49—51. Санкт-Петербург.
- Левко, О. Н.* 1984. Витебск в XIV—XVIII вв. Минск.
- Мултанен, А. А.* 1986. Детали позднесредневековой обуви из раскопок в Чернигове // Тезисы Черниговской областной научно-методической конференции посвященной 90-летию музея: 66—67. Чернигов.
- Овсянников, О. В.* 1973. Мангазея — русский город в Сибири в XVII в. (Историко-культурный очерк). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- Окладников, А. П.* 1945. Русские полярные мореходы XVII в. у берегов Таймыра. Москва.
- Оятева, Е. И.* 1965. Обувь и другие кожаные изделия Земляного Городища Старой Ладоги // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 7: 42—59. Ленинград.
- Прыткова, Н. Ф.* 1970. Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири: 1—99. Ленинград.
- Рабинович, М. Г.* 1964. О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан XI—XVI вв. М.
1988. Очерки материальной культуры русского феодального города. Москва.
- Сергеев, В. И.* 1960. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры 3 (21). Москва.
- Сергина, Т. В.* 1983. Раскопки в Окольном городе в 1978—79 гг. // Археологическое изучение Пскова. Москва.
- Старков, В. Ф.* 1995. Периодизация освоения русскими крайнего севера Восточной Европы и Азии // Средневековые древности Западной Сибири. Омск.
- Тарасов, С. В.* 1989. Технология и инструменты кожевенно-сапожного ремесла Полоцка и Минска (XI—XVIII вв.) // Памятники науки и техники. 1987—1988. Москва.
- Труссау, А. А., В. Е. Собаль, Н. I. Зданович.* 1993. Стары Замак у Гродне XI—XVIII ст. ст. Минск.
- Харузин, Н.* 1890. Русские лопари. Москва.
- Шиятов, С. Г.* 1980. Датировка деревянных сооружений Мангазеи дендрохронологическим методом // Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Часть 1: 93—107. Ленинград.
- Якунина, Л. И.* 1951. Фрагменты одежды и обуви // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в.: 179—186. Ленинград—Москва.
- Hald, M.* 1972. Primitive shoes. Copenhagen.
- Heikinmak, M.-L.* 1975. Koipikengat // Suomen Museo. 82. Tapiola.

LEATHERN FOOTWEAR FROM EXCAVATIONS OF MANGAZEA — A 17th CENTURY RUSSIAN TOWN IN ARCTIC REGIONS OF WEST SIBERIA

A. V. KURBATOV, O. V. OVSYANNIKOV

In this article a detailed analysis of 64 footwear patterns (289 components) of four different types, as well as a series of iron heel taps are presented in terms of artefact and historico-cultural studies. This collection is dated in general to the 1600—1638 AD. It is possible to trace three clearly distinguished cultural traditions in the ware design, shoe-making technology and decoration: a) a general Russian one represented in the leather and foot-wear industries of the towns in the north-western and central regions of Russia of the 16th—17th centuries; b) a local northern tradition developed by the natives of the regions close to the Arctic Zone and reflecting the specific living conditions in

those regions; c) West-European tradition the elements of which were being imported into the Russian society during the second half and the end of the 16th—17th centuries. To the mentioned traditions certain identified types of footwear correspond: top-boots (*sapogs*) and *porshens* of two groups to the general Russian tradition; *uled's* and *porshens* of the third group to the local one; and shoes (*kots*) to the West-European tradition. The presented footwear collection adds evidence to the specific character of the Mangazea settlement as a fortified trading station situated on the routes of the penetration of tradesmen and manufacturers into the Yenisei and Lena hunting and trading areas.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

О СТРУКТУРЕ, ТИПАХ И ПРИНЦИПАХ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ МАСТЕРСКИХ

А. Е. МАТЮХИН*

Первые мастерские каменного века и в том числе эпохи палеолита были открыты еще во второй половине 19 века. Однако систематическое изучение их началось в 20-е годы в Польше С. Круковским (Krukowski 1939: 1—117) и Венгрии И. Гиллебрандом (Hillebrand 1928: 53—59). В настоящее время на территории Евразии и Северной Африки известно немало мастерских, которые относятся к разным стадиям палеолита, начиная с ашельской.

Следует признать, что в ходе многолетнего изучения мастерских проводилась не только публикация материалов, но ставились вопросы их классификации (Любин 1965: 55—56; Kozłowski 1967: 7; Biro 1986: 2—5), типологической характеристики индустрий (Ginter 1974: 80—83; Kozłowski 1980: 35—37), делались попытки увязать мастерские с исходным сырьем (Ginter 1974: 82—85), или дать определение понятия мастерская (Kozłowski 1967: 12; Кулаков 1993: 7). Однако нельзя не отметить, что все обозначенные вопросы далеки от своего полного разрешения. В данной статье нам бы хотелось рассмотреть вопросы, связанные с классификацией, критериями выделения палеолитических мастерских, а также принципами и особенностями изучения их индустрий и др. Мы будем опираться прежде всего на материалы исследованных нами Калитвенских мустьерских мастерских в Каменском районе, а также позднепалеолитических мастерских, расположенных у хутора Кременского Константиновского района Ростовской области. В равной мере мы намерены привлечь данные по опубликован-

ным памятникам Евразии и Северной Африки.

Как показывают элементарные подсчеты в инвентаре стоянок, как правило, много качественных сколов и орудий. Отходы производства в процентном отношении могут быть значительны, но не обильны. Индекс орудий, по наблюдениям отдельных авторов (Kozłowski 1980: 36), доходит до 18% у выходов сырья и до 18—42% — вне их пределов. Существенно, например, что в индустриях мустьерских и позднепалеолитических памятников орудия в большинстве случаев представлены законченными, то есть функционально значимыми изделиями: скребками, скреблами, резцами, остроконечниками и другими. Даже морфологически грубые орудия на стоянках могли быть использованы в работе, о чем свидетельствуют результаты трасологического анализа. Если теперь обратиться к мастерским, то нельзя не увидеть, что по ряду процентных показателей (нуклеусы, отходы производства, сколы-заготовки) между ними и стоянками, непосредственно приуроченными к сырью (стоянками-мастерскими), может не быть существенного отличия. Во многих мастерских присутствует большое число желваков, валунов, плиток без обработки или с единичными сколами, нуклевидных кусков, пробных нуклеусов и тому подобное) (табл. 1—2). Это важный отличительный признак. Что касается орудий, то в мастерских они всегда малочисленны. Чаще всего представлены грубые, атипичные формы, а также незаконченные, неполучив-

* Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Экспериментально-трасологическая лаборатория.

шиеся и пробные орудия и заготовки орудий. Вообще орудийный критерий является важнейшим индустриальным показателем при разграничении стоянок и мастерских.

Мастерские связаны с двумя основными видами производственной деятельности: а) по первичному раскалыванию камня и б) по изготовлению орудий. Уместно выделять и третий вид деятельности, объединяющий два упомянутых выше. Мастерская — это отдельный памятник или самостоятельный производственный участок в пределах поселения, где осуществлялись отбор и опробование сырья (нередко добыча), частичная или полная его обработка с целью изготовления каких-то определенных, то есть профильных типов изделий. К числу последних относятся, например, пренуклеусы, сколы-заготовки, разные типы орудий, в частности, листовидные или треугольные наконечники, скребки, резцы и другие. Эти полуфабрикаты затем переносились на стоянки. Мастерские связаны со специфической производственной деятельностью, которая носила узконаправленный, конкретно-целевой характер. Хозяйственно-бытовая деятельность играла второстепенную роль и была направлена в первую очередь на поддержание жизнедеятельности первобытных мастеров. Кроме собственно мастерских уместно выделять мастерские-стоянки (Матюхин 1994а: 34; 1996: 32—35). В первом случае производственная узконаправленная деятельность в целом превалировала над деятельностью хозяйственно-бытовой. Однако роль последней была заметной. На стоянках-мастерских оба вида деятельности представлены примерно в равных объемах. Наконец, затронем вопрос о соотношении таких понятий как шахта, стоянка по добычи кремня, каменоломня и другие (см., например, Kozlowski 1991: 1—6). Правы, по-нашему мнению, те исследователи, которые эти горные выработки относят к мастерским в широком смысле слова (Chmielewski 1968: 135—138; Siman 1991: 53; Ginter 1984: 224). И это справедливо, поскольку в каждой шахте или карьере проводились не только добыча сырья, но и его различная по объему обработка.

В соответствии с тремя видами производственной деятельности логично выделять 3 основные группы мастерских: а) по первичной обработке камня; б) по изготовлению орудий; в) мастерские смешанного профиля. В свою очередь мастерские первых двух групп разделяются на 2 типа: мастерские начального цикла и мастерские основного цикла. К первым относятся, собственно, мастерские, а также мастерские-

шахты, мастерские-карьеры и т. п. Они, как правило, приурочены к богатым выходам сырья. Среди мустьерских мастерских назовем Калитвенку 1б (восточный участок), Гремячку, памятник, расположенный в Курской области (Матюхин 1996: 20), а также Аваш и Корлат в Венгрии (Siman 1986: 98—99). На Калитвенке 1б сосредоточено большое количество валунов и кусков кварцита без обработки и с единичными сколами, нуклевидных кусков, пробных нуклеусов, грубых отщепов и осколков. Типичные нуклеусы, качественные сколы и орудия единичны. Кроме отбойников применялись также простейшие способы раскалывания валунов, в частности, с помощью наковальни и путем прямого разбивания одного валуна о другой. Обнаруженные здесь атипичные макроорудия использовались для выкапывания валунов из песка (Матюхин 1988: 20—43). Памятник можно рассматривать как мастерскую-карьер, где происходила добыча кварцитовых валунов, их опробование, получение заготовок для нуклеусов и крупных орудий. Более характерные мастерские подобного типа известны для позднего палеолита. В долине Северского Донца это памятник Бирючья балка 3. Интересные мастерские были открыты на территории Западной и Центральной Европы и Северной Африки. Так, на памятнике Хатир (Египет), возраст которого около 30 тысяч лет, отмечена яма (шахта) по добыче кремня (Vermeersch, Paulissen, Gijssels and Janssen 1986: 65; Kozlowski 1991: 2). В этой связи стоит упомянуть и ориньякскую мастерскую Монте-Авена в Итальянских Альпах (Lanzinger, Cremaschi 1988: 125—139). Кроме мастерской, здесь выявлено углубление, где добывался кремьен. Типичные шахты и карьеры установлены на мадленских памятниках Воловице 2 (Dagnan-Ginter 1975: 11—25; Kozlowski 1991: 3) и Бржосквиния (Sobczyk 1984: 309—326) и на памятниках свидерской культуры Польши (Krukowski 1922: 136—137; Ginter 1969: 23—49, 1984: 224; Schild 1975: 79).

В большей степени характерны для палеолита мастерские по первичной обработке основного цикла. Их уместно разделить на 2 подтипа: мастерские, приуроченные к богатым месторождениям сырья, и мастерские, связанные с бедными выходами или удаленные от них на некоторое расстояние. Среди Калитвенских мустьерских мастерских к первому подтипу относятся Калитвенка 1б (западный участок), Калитвенка 1в, Калитвенка 10. Среди других мустьерских мастерских сюда могут быть причислены Бирючья балка 2, слои 5б и 5в (Матюхин 1994: 4—36), Лебедевка в Брянской области

Таблица 1. Список изделий из мустьерских мастерских по первичной обработке кварцита в долине Северского Донца.

Table 1. List of artifacts from Mousterian primary stone knapping workshops in the Seversky Donets valley.

	Калитвенка 1в				Калитвенка 1			
	верхний уровень		нижний уровень		горизонт 8		горизонт 9	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Валуны и куски без обработки	350	3,09	67	1,63	1	0,15	6	0,12
Валуны и куски с единичными сколами	196	1,73	40	0,97	7	1,05	5	0,21
Нуклевидные куски	517	4,56	168	4,08	1	0,15	37	1,58
Нуклеусы	339	2,99	121	2,94	18	2,69	72	3,08
Отщепы	4866	42,94	2489	60,39	219	32,74	732	31,27
Пластины	156	1,38	128	3,11	24	3,59	40	1,71
Осколки и чешуйки	4776	42,15	1039	25,21	379	56,65	1397	59,68
Отбойники	8	0,10	6	0,15	—	—	4	0,17
Орудия	124	1,09	6	0,15	20	2,99	48	2,05
Всего	11 332		4122		669		2341	

(Тарасов 1991: 15—16), Курдюмовка и Звановка в Донбассе (Колесник 1993: 7—11) и другие. В эту же группу входит ашельская мастерская, представленная 5-м комплексом Королево I в Закарпатье (Гладилин, Ситливый 1990: 55—65). На всех этих памятниках обычно много валунов, желваков и кусков камня без обработки, с единичными сколами, нуклевидных кусков, пробных нуклеусов и грубых отщепов. В данном отношении они близки к мастерским начального цикла. В то же время здесь присутствуют немало качественных сколов-заготовок. Среди орудий могут быть выделены редкие типичные формы и атипичные макроорудия. Таким образом, на этих мастерских осуществлялась добыча сырья и полная его обработка с целью получения заготовок для нуклеусов и орудий. К другим мустьерским мастерским мы относим памятники, обнаруженные в пустыне Негев в Израиле (Marks 1986: 275—285) и Назлет Сабаха Гарб в Египте (Vermeersch, Paulissen, Gijssels and Janssen 1986: 61—65).

Более многочисленна группа позднепалеолитических мастерских данного подтипа. Это, в частности, памятники, открытые в долине Оскола и Уразовой (Белгородская область и Луганская область Украины), Новогригорьевка в Волгоградской области, Костешты I в Молдавии и другие (Матюхин 1996: 32—33). Многочисленные мастерские обнаружены на территории Центральной Европы. Это, например, памятники

ранней поры позднего палеолита Странска Скала 3 и Странска Скала 3а (Svoboda 1987: 18—93), Лушчиц в Югославии (Montet-White, Lawille et Lesine 1986: 29—86), Краков-Звержинец в Польше (Sachse-Kozlowski 1982: 325—327). Отметим также свидерскую мастерскую Ридно 4 в Польше (Fiedorczuk 1992: 13—65), мадленскую мастерскую Гройч в Германии (Hanitsch 1958: 5—40), Костенки 19 (Борисковский 1963: 125—165). Три последние мастерские являются не самостоятельными памятниками, а отдельными производственными участками в пределах стоянок.

На памятниках второго подтипа выявлено значительно меньше обломков камня без обработки или с единичными сколами, а также нуклевидных кусков, пробных нуклеусов и вообще нуклеусов, оставленных на начальной стадии расщепления. Здесь преобладают заметно сработанные нуклеусы. Характерной мустьерской мастерской является Калитвенка 1 (табл. 1). Типичные орудия единичны. Некоторые атипичные макроорудия можно относить к числу горнодобывающих орудий (рис. 1: 10). На территории памятника обнаружено углубление, содержащее большое количество кусков кварцита с единичными сколами, нуклеусы, отщепы и атипичные макроорудия (Матюхин 1987: 87). Правда, точная связь этих находок с горизонтами 8—9 пока не доказана.

Таблица 2. Список изделий из позднепалеолитических мастерских, расположенных в устье балки Бирючьей в долине Северского Донца.

Table 2. List of artifacts from Late Paleolithic workshops at Biryuchya Balka, the Seversky Donets.

	Бирючья балка 1а				Бирючья балка 1б		Бирючья балка 1в	
	пункт I				раскоп I		раскоп I	
	слой 3		слой 3а		слой 2		слой 3	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Желваки и куски без обработки	2	0,01	—	—	2	0,04	7	0,12
Желваки и куски с единичными сколами	6	0,06	2	0,01	7	0,14	16	0,27
Нуклевидные куски	48	0,47	92	0,65	173	3,40	292	5,08
Нуклеусы	7	0,07	4	0,03	72	1,41	60	1,05
Отщепы	2326	23,23	2734	19,39	1502	29,50	2107	36,73
Пластины	200	2,00	200	1,42	451	8,85	524	9,13
Осколки и чешуйки	7318	73,09	11 034	78,27	2883	56,57	2662	46,40
Отбойники	1	0,01	—	—	4	0,08	2	0,03
Орудия	104	1,04	31	0,22	3	0,06	67	1,17
Всего	10 012		14 097		5097		5737	

К числу позднепалеолитических памятников мы относим такие мастерские как Новоклиновка 2 в Приазовье, Коршево 1 (слой 2) в Брянской области, Бирючья балка 1б и другие (Матюхин 1996: 25—29). Встречаются редкие типичные и атипичные орудия (рис. 1: 4). Все перечисленные памятники удалены от выходов сырья на незначительное расстояние.

Таблица 3. Список изделий из мустьерской мастерской по изготовлению орудий Калитвенка 1а в долине Северского Донца.

Table 3. List of artifacts from the Mousterian tool manufacturing workshop of Kalitvenka I, the Seversky Donets.

	Слой 1		Слой 2	
	кол-во	%	кол-во	%
Валуны и куски с единичными сколами	8	0,07	2	0,04
Нуклевидные куски	—	—	1	0,01
Нуклеусы	96	0,68	65	1,14
Отщепы	2520	22,98	1585	27,28
Пластины	455	4,15	215	3,78
Осколки и чешуйки	7735	70,54	3730	65,61
Отбойники	1	0,02	1	0,02
Орудия	151	1,38	86	1,51
Всего	10 966		5685	

Перейдем теперь к мастерским по изготовлению орудий. Типичной мустьерской мастерской начального цикла является памятник Калитвенка 1а (табл. 3). Она удалена от выходов сырья на расстояние 400 м.

Орудия представлены в основном грубыми формами: бифасами, атипичными орудиями с двусторонней обработкой, нуклевидными орудиями, скреблами с утонченным корпусом, орудиями с базальным утончением и др. (рис. 1: 9). Очень многие орудия сломаны. Практически все орудийные формы являются незаконченными по разным причинам листовидными остриями на разных стадиях обработки. Это мастерская по изготовлению заготовок листовидных острий и только часть из них доводилась до полной готовности. Мастерской аналогичного профиля выявлена на Калитвенке 1 (рис. 1: 7).

В качестве эталонного позднепалеолитического памятника является мастерская Бирючья балка 1а, состоящая из отдельных пунктов (Матюхин 1993: 10—13). Нуклеусы всюду малочисленны и невыразительны. Все отщепы, осколки и чешуйки, а также нуклевидные куски связаны с процессом изготовления листовидных острий и листовидных орудий с желобчатыми усеченными концами (рис. 1: 2; 2: 9д). Кроме упомянутых форм присутствуют бифасы, нуклевидные орудия, атипичные орудия с двусторонней обработкой (рис. 2: 9). Менее характерны грубые скребла, например, с утонченным корпусом, зубчатые и выемчатые формы, орудия с базальным утончением и др. (рис. 2: 1). Речь идет о незаконченных листовидных орудиях обоих типов, оставленных на разных стадиях обработки (рис. 2: 9). Готовые орудийные формы практически отсутствуют. Качественные заготовки орудий уносились на стоянки.

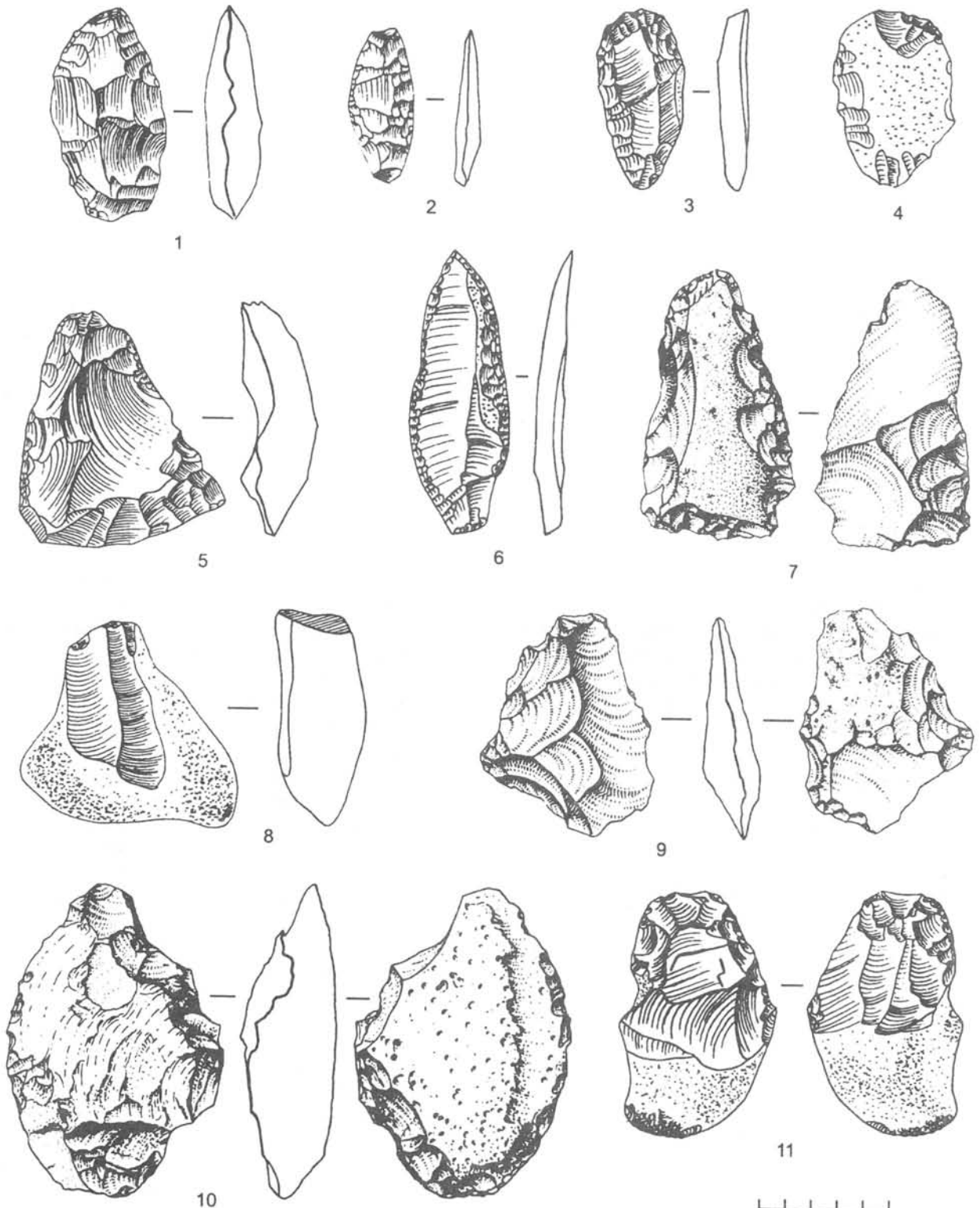

Рис. 1 Кремневые (1—6, 8, 11) и кварцитовые (7, 9, 10) орудия из позднепалеолитических мастерских Бирючья Балка 1а (1, 2), Бирючья Балка 2 (3—6, 11) и Бирючья Балка 1б (8) и мустьерских мастерских Калитвенка 1 (7, 10) и Калитвенка 1а (9): 1, 5, 11 — бифасы; 2 — листовидное орудие с усеченными концами; 3, 4 — концевые скребки; 6 — остроконечник; 7, 9 — атипичные орудия с двусторонней обработкой; 8 — пробный нуклеус; 10 — атипичное макроорудие.

Fig. 1 Flint (1—6, 8, 11) and quartzite (7, 9, 10) implements from Late Paleolithic workshops of Biryuchya Balka 1a (1, 2), Biryuchya Balka 2 (3—6, 11), and Biryuchya Balka 1b (8), and Mousterian workshops of Kalitvenka 1 (7, 10) and Kalitvenka 1a (9): 1, 5, 11 — bifaces; 2 — foliace with truncated ends; 3, 4 — end-scrapers; 6 — point; 7, 9 — atypical bifacial implements; 8 — test core; 10 — atypical large tool.

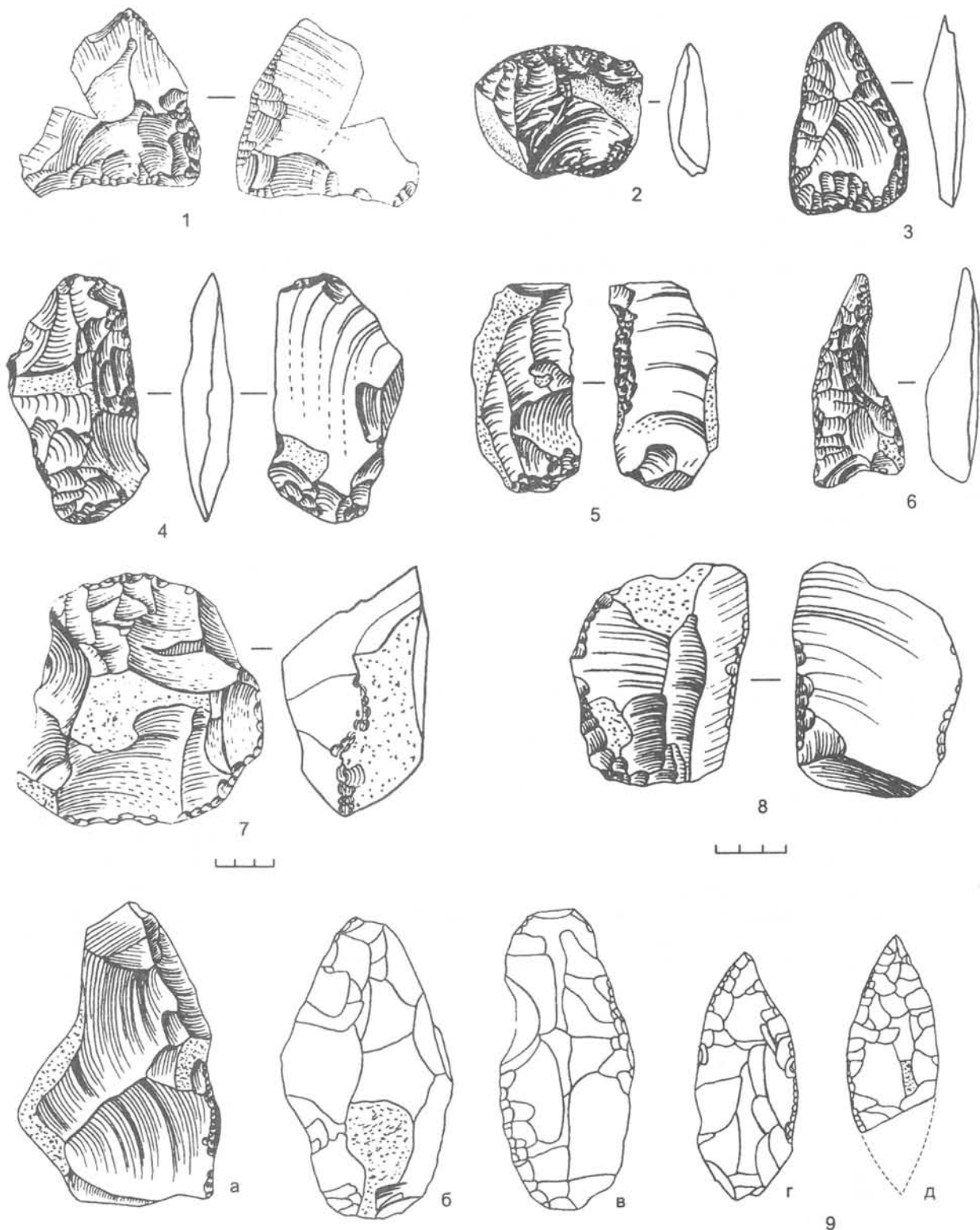

Рис. 2 Кремневые орудия из позднепалеолитических мастерских Бирючья Балка 1а (1, 9) и Бирючья Балка 2 (2—8): 1 — орудие с утонченным основанием; 2—5 — скребла; 6 — неполуившийся треугольный наконечник; 7 — чоппинг; 8 — орудие с уплощенным корпусом; 9 — редукционный ряд, иллюстрирующий процесс изготовления листовидного наконечника.

Fig. 2 Flint implements from the Late Paleolithic workshops of Biryuchya Balka 1a (1, 9) and Biryuchya Balka 2 (2—8): 1 — tool with thinned butt; 2—5 — scrapers; 6 — triangle point (waster); 7 — chopping tool; 8 — thinned piece; 9 — reduction series illustrating the manufacturing of a foliate point.

К мастерским основного цикла на территории Восточной Европы мы относим ашельский комплекс 56 Королево 1 (Гладилин, Ситливый 1990: 47—49) и производственные комплексы позднепалеолитической стоянии Ямы в Луганской области Украины (Кротова и другие 1989: 125—135). На территории Центральной Европы заслуживают внимания мустьерский памятник Рорсхайн в Германии (Hahn 1990: 79—93) и селетский памятник Морованы Длга в Восточной Словакии (Barta 1960: 314—315).

В индустриях смешанного типа в той или иной степени представлены продукты первичного расщепления, а также те или иные профильные типы орудий. В первую очередь назовем индустрию ашельского комплекса 5а Королево 1 (Гладилин, Ситливый 1990: 49—55). Мустьерской мастерской подобного рода является Калитвенка 2. В качестве примера позднепалеолитических мастерских этого типа приведем памятники Бирючья балка 1в (Матюхин 1996: 25—26), а также Корпач и Корпач-Мыс в Молдавии (Борзияк и др. 1981: 45—86). В инвентаре всех перечисленных мастерских отмечены качественные сколы-заготовки и наконечники. Соответственно — много нуклеусов (рис. 1: 8). Интересны мустьерская мастерская в Аркин 5 в Судане Chmielewski 1968: 134—146) и ориньякская мастерская Миток-Малул в Румынии (Otte et Chirica 1993: 55—68).

Перейдем к характеристике мастерских стоянок. Раньше этот тип памятника не выделялся. Их относили или к стоянкам, или мастерским. К мустьерским памятникам мы относим, например, Антоновку 1, Антоновку 2, Рихту, Стинку, Житомирскую стоянку,

Хотылево 1 и др. (Матюхин 1996: 32), а за пределами Русской равнины — Муселиево в Болгарии (Sirakova 1990: 63—78) и Боритов в Моравии (Oliva 1987: 21—44). В инвентаре мастерских-стоянок всегда много нуклеусов на разных стадиях расщепления, отходов производства, а также законченных и незаконченных профильных типов орудий. К последним, на примере перечисленных памятников, относятся листовидные острья. Значительной серией представлены также законченные орудия, в частности, скребла, остроконечники и др. В этой связи отметим, что многочисленные двусторонние формы, присутствующие в инвентаре отмеченных памятников, являются на деле незаконченными, неполучившимися листовидными острьями и их заготовками. Совершенно неоправданно многие из этих предметов зачислять в группу «сомнительных», «случайных» или «неопределимых» орудий (см. Гладилин 1976: 88).

Типичным позднепалеолитическим памятником рассматриваемого типа является Бирючья балка 2, слои 2—3, 3а, 3б (табл. 1). Это многослойный памятник, в котором выделено пять мустьерских, пять позднепалеолитических слоев и слой, относящийся к неолиту-энеолиту (Матюхин 1994: 4—36). Выходы кремня приурочены к противоположному склону балки. Нуклеусы представляют преимущественно параллельный плоскостной способ расщепления. В то же время пластины с относительно правильной огранкой не столь малочисленны. Все орудия следует разделить на две группы. К первой относятся законченные формы, в частности, типичные скребла, скребки, бифасы аббевильского типа, чоппинги и треугольные острья (рис. 1: 3, 6, 11; 2: 2, 7; 3:

Таблица 4. Список изделий из Мастерской-стоянки Бирючья балка 2.

Table 4. List of artifacts from a camp-workshop of Biryuchya Balka 2.

	Северный участок		Южный участок		Восточный участок	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Желваки и куски без обработки	—	—	6	0,01	—	—
Желваки и куски с единичными сколами	3	0,11	24	0,04	1	0,08
Нуклевидные куски	15	0,56	250	0,45	204	0,30
Нуклеусы	15	0,56	142	0,42	248	0,31
Отщепы	884	33,07	10 878	19,76	14 643	21,70
Пластины	85	3,18	1506	2,73	1558	2,31
Осколки и чешуйки	1656	61,95	41 892	70,12	50 031	74,14
Отбойники	—	—	1	0,01	19	0,03
Орудия	15	0,56	330	0,59	675	0,99
Всего	2673		55 029		67 493	

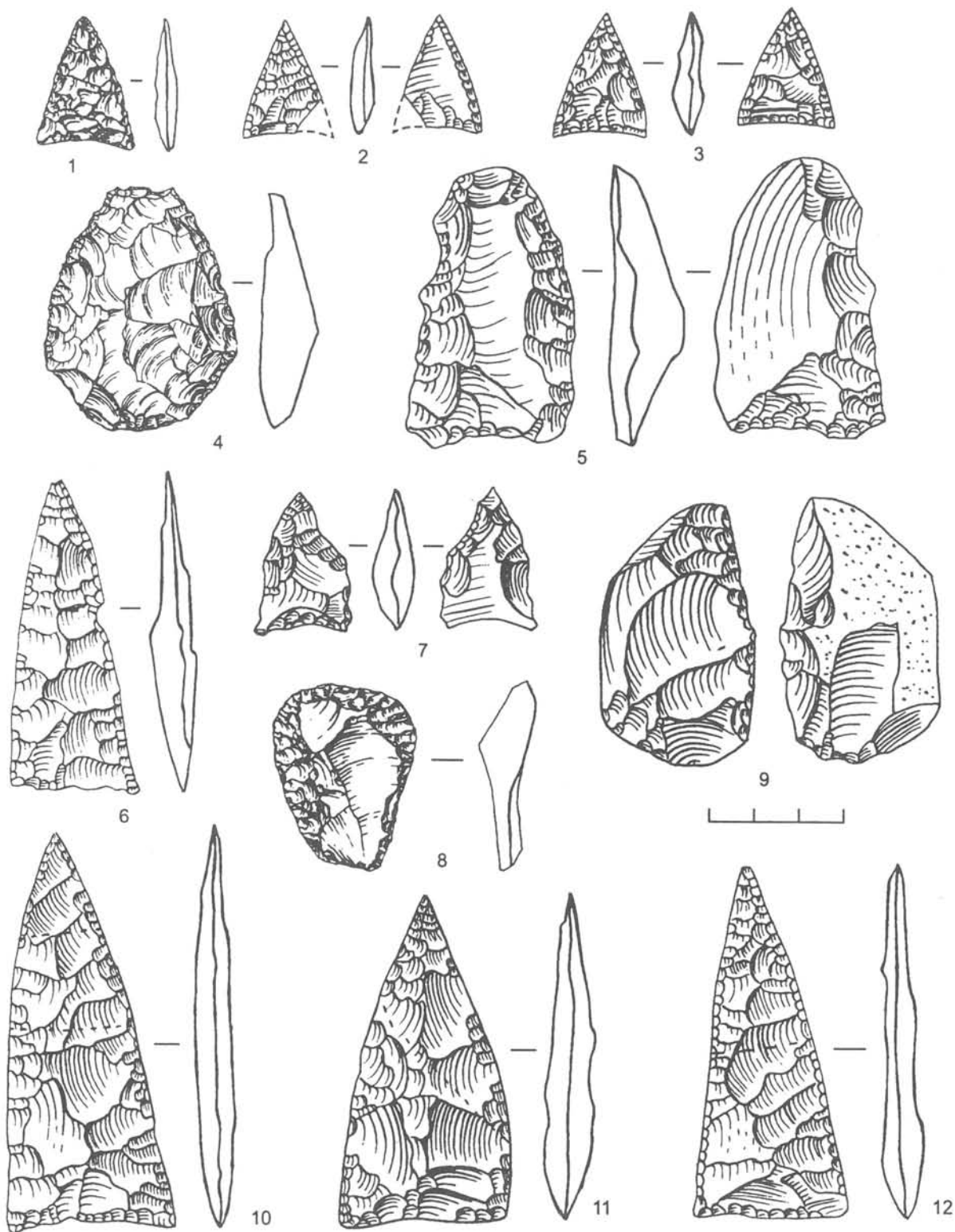

Рис. 3 Кремневые орудия из позднепалеолитической мастерской-стоянки Бирючья Балка 2: 1—3, 6, 7, 10—12 — треугольные наконечники; 4 — двусторонний остроконечник; 5 — атипичное орудие с двусторонней обработкой; 8 — концевой скребок; 9 — нуклеидное орудие.

Fig. 3 Flint implements from the Late Paleolithic camp-workshop of Biryuchya Balka 2: 1—3, 6, 7, 10—12 — triangle points; 4 — bifacial point; 5 — atypical bifacial implement; 8 — end-scraper; 9 — core-shaped tool.

8). Вторая — более многочисленна и включает разнообразные грубые формы: бифасы, атипичные макроорудия и атипичные орудия с двусторонней обработкой, нуклевидные орудия, отщепы с уплощенным корпусом, отщепы с базальным утончением, скребла с базальным утончением и утонченным корпусом и др. (рис. 1: 5; 2: 3—5, 6, 8; 3: 4—5, 9). Все они являются незаконченными треугольными острями, оставленными на разных стадиях обработки. Для данной мастерской последние следует рассматривать как профильный тип (рис. 3: 1—3, 6—7, 10—12).

Из памятников, расположенных на территории Центральной Европы, к мастерским-стоянкам целесообразно относить памятники, объединенные культурой «богунице». Это Богунице-Брно (Valoch 1976), Ондратице и Лишень (Svoboda 1982: 361—369), а также селетские памятники Ежерани 1 и Ежерани 2 (Oliva 1979: 45—78). Профильными типами для всех памятников являются леваллуазские сколы и листовидные наконечники.

Обратимся теперь к вопросу о критериях выделения мастерских. Наиболее полно он рассмотрен С. А. Кулаковым (Кулаков 1993: 7—8). Учитывая определенное типологическое отличие индустрий мастерских по первичной обработке и мастерских по изготовлению орудий, резонно будет привести критерии для каждого их вида отдельно. Так, для первых можно предложить следующие критерии: 1) прямая или близкая связь с выходами сырья; 2) присутствие большого числа разностей камня без обработки или с минимальным количеством сколов, а также нуклевидных кусков, пробных нуклеусов и вообще нуклеусов; 3) вероятное использование простейших приемов раскалывания камня; 4) присутствие относительно большого (иногда незначительного) числа качественных сколов; 5) наличие значительного количества сколов крупных размеров; 6) небольшое число орудий вообще; 7) вероятное присутствие горнодобывающих, а также пробных орудий. Индекс орудий находится в пределах 0,2—2%.

Для мастерских по изготовлению орудий предлагаются иные диагностические критерии: 1) присутствие большого количества некрупных грубых отщепов, мелких и очень мелких осколков и чешуек (качественных заготовок мало); 2) минимальное число или полное отсутствие разностей камня без обработки или с единичными сколами, нуклевидных кусков, слабо истощенных нуклеусов; 3) характерна умеренная и сильная сработанность нуклеусов; 4) большое количество незавершенных по той или иной причине, не-

удавшихся и сломанных, то есть незаконченных орудий и их заготовок, принадлежащих профильным типам; небольшое число орудий хозяйственно-бытового назначения; 5) отсутствие горнодобывающих орудий; 6) характерная морфология сколов и в том числе чешуек; 7) наличие на краях ударных площадок грубых сколов, в том числе чешуек, следов их специальной подготовки (притупление, фасетирование, затираание, шлифовка). Надо иметь в виду, что перечисленные признаки будут варьировать в зависимости от представленных в тех или иных коллекциях профильных типов, например, топоров, наконечников, скребков и т. п.

Несомненно, можно найти критерии, которые так или иначе объединяют мастерские обоих видов: 1) непосредственная или близкая связь с сырьем; 2) преобладание отходов производства и в целом небольшое количество качественных сколов-заготовок; 3) наличие минимального числа законченных (функционально значимых) орудий и бедный их ассортимент; 4) присутствие незаконченных орудий и заготовок орудий; 5) практическое отсутствие орудий из кости, рога и бивня. Индекс орудий колеблется от 1 до 10%. Однако для большей части мастерских процент орудий варьирует в диапазоне 0,5—1,5%. Кроме технологических и типологических показателей при общей оценке мастерских необходимо принимать во внимание критерии общепалеолитического порядка. Они могут быть следующие: 1) культурный слой чаще всего представлен в виде отдельных (нередко некрупных) скоплений; 2) отсутствие или небольшое число костей животных; 3) очаги и углисто-золевая масса мало характерны; 4) отсутствие хозяйственно-бытовых конструкций и сооружений; 5) предметы искусства не представлены.

Что касается мастерских смешанного профиля, то здесь в соответствующем сочетании необходимо использовать перечисленные выше критерии для обоих видов мастерских. Для мастерских-стоянок выделить четкие отличительные критерии довольно трудно. Они в той или иной мере характерны для мастерских по первичному расщеплению и мастерских по изготовлению орудий. Следует обратить внимание на возможное присутствие разнообразных макроорудий, а также порой неожиданное (но вполне объяснимое) сочетание последних с мелкими тщательно изготовленными орудиями, например, миниатюрными треугольными острями, как в случае с Бирючьей балкой 2. Индекс орудий может варьировать в широком диапазоне — от 0,5 до 20%.

Не рассматривая отдельно вопрос о стоянках-мастерских, отметим, что они непосредственно или близко связаны с выходами сырья. Разности камня без обработки и с единичными сколами представлены в отдельных случаях незначительным, а в других, заметным числом предметов. Отщепы, пластины и отходы производства всегда обильны. Качественные сколы-заготовки часто составляют большие серии. Орудия хозяйственно-бытового назначения в большинстве случаев разнообразны и многочисленны. Индекс орудий варьирует в пределах 1,5 до 15—25% и более. Среди общепалеонтологических критериев выступают те, которые характерны для стоянок.

Нетрудно заметить, что предложенные критерии выделения мастерских разных видов, кроме явного отличия, имеют немало общего. Говоря о критериях их отличия, надо иметь в виду не только специфические, показатели, но также комплекс характерных и непременно взаимосвязанных признаков, представленных в их динамике. Необходим анализ каждого конкретного памятника во всем его объеме. Нужно учитывать не только технологические критерии, но и общепалеонтологические. Так, в инвентаре некоторых стоянок присутствует мало орудий (около 1,5%). В то же время здесь выявлены сложные жилищно-бытовые комплексы. Каждый из используемых критериев должен быть детализирован. В частности, касаясь орудий, надо уточнять, о каких именно орудиях идет речь: типичных, атипичных, готовых или незаконченных, пробных, не получившихся, заготовках и т. п. В инвентаре мастерских по изготовлению орудий может оказаться вообще много орудий, но они в большинстве случаев будут незаконченными.

Как показывают раскопки палеолитических мастерских в балке Бирючьей, а также Миток-Малул, Костенки 19 и др. структура их культурного слоя может быть достаточно сложной. Наряду с огромным количеством расщепленного кремня выявлены кости животных, очажные и охристые пятна. На отдельных мастерских протекала весьма насыщенная жизнь и нередко — достаточно продолжительный срок, в разные времена года и в неодинаковых климатических условиях. Для поддержания элементарного жизнеобеспечения первобытные люди вынуждены были охотиться, производить здесь разделку туш животных, а также обработку шкур. В холодное время они разводили костры. Однако по сравнению со стоянками это имело ограниченный характер.

Теперь затронем вопрос о динамике понятия мастерская. Прежде всего отметим, что мастерские могут быть кратковремен-

ными, средней продолжительности и долговременными. На первых, как правило, культурный слой представлен в виде небольших локальных скоплений. Таковыми являются пункты 2—4 Бирючьей балки 1а. Речь может идти или о разовом, или весьма кратковременном эпизоде производственной деятельности. Мастерскими средней продолжительности следует считать Бирючью балку 1б, Бирючью балку 1в, слои 2, 3а и 3 на пунктах 1 и 4 Бирючьей балки 1а. Примером долговременной мастерской является Бирючья балка 2. Отсюда понятными становятся признаки, характеризующие ее и как стоянку. При этом надо подразумевать не столько непрерывное, сколько длительное, но периодическое обитание на разных участках склона балки.

Мастерские-стоянки, как отмечалось выше, функционировали, как таковые, с самого начала. С другой стороны, в них в течение времени могли превращаться стоянки, прежде всего кратковременные. Вполне возможно, что в пределах одной стоянки отдельные участки в разные сезоны или в разных ситуациях выполняли неодинаковые функции: преимущественно производственные или, наоборот, хозяйственные. В одних случаях это вело к смене функционального типа памятника, а в других нет. На это обращал внимание Л. Бинфорд (Binford 1982: 5—32). Реальным также представляется превращение мастерской в стоянку и последней — в мастерскую. Здесь могут быть разнообразные варианты. Что касается мастерских в пределах стоянок, так называемых «домашних мастерских» (Касымов, Крижевская 1968: 267), то они также могли в соответствующих ситуациях превращаться в хозяйственно-бытовую часть поселения.

Не во всех случаях выделение мастерских происходит с учетом существенных сторон производственной деятельности первобытных людей, то есть на реальной основе. Другими словами, речь не всегда идет о мастерской как отражении конкретной узконаправленной деятельности древних сообществ. В ряде случаев выделяемые мастерские, точнее, их индустрии, это всего лишь результат анализа, проведенного археологом, учитывающим в первую очередь процентное соотношение разных типов изделий, прежде всего орудий. Так, например, орудий мало, но все они типичны. Кроме того, присутствует немало леваллуазских сколов, то есть потенциальных орудий. Наконец, в слое обнаружены кости животных, очажные пятна и т. п. Быть может, перед нами результат обедненной хозяйственно-бытовой деятельности или ее ситуационный (кратковременный) вариант, или

речь идет об особом типе мастерских. Отметим, также, что необоснованно к мастерским причислять памятники с бедными индустриями. Как правило — это подъемные материалы (см. Деревянко и др. 1990: 141, 153, 271).

С учетом сказанного выше можно предложить следующую общую классификационную схему мастерских.

1. По степени удаленности от сырья: непосредственно у выходов; рядом с выходами; вдали от выходов сырья.

2. По продолжительности функционирования: долговременные (в том числе мастерские стоянки); средней продолжительности; кратковременные.

3. По характеру функциональной самостоятельности: самостоятельные мастерские; мастерские в пределах стоянок.

4. По производственному профилю: по первичному расщеплению; по изготовлению орудий; смешанного профиля.

5. По характеру технологической стадийности: начального цикла; основного цикла.

6. По характеру структуры памятника: мастерские открытого типа; мастерские-карьеры, мастерские-шахты; мастерские в пределах жилищ.

Теперь затронем вопрос о специфике изучения индустрий мастерских (Матюхин 1990: 93; 1995: 13—16; 1996: 3—7). Кроме типологически необходимого описания (использование тип-листов, описание основных метрических и морфологических параметров) существенным представляется целевое описание признаков, имеющих технологическое или функциональное содержание. Широко используются типолого-морфологический, функциональный и технологический подходы. Последний включает прежде всего эксперимент, ремонт и детальный целевой морфологический анализ. Кроме описания осуществляется объяснение отдельных признаков и в целом изделий и, наконец, реконструкция различных технологических и функциональных процессов. Необходимо принимать во внимание функциональные особенности изучаемых памятников (стоянка, охотничий лагерь, мастерская и тому подобное). В инвентаре мастерских основная часть орудий — это не готовые, функционально значимые формы, как на стоянках, а, наоборот, незаконченные орудия. Как уже отмечалось выше многие бифасы, нуклеидные орудия, атипичные макроорудия, некоторые типы скребел, двусторонние остроконечники, отщепы с базальным утончением, а также отдельные простые скребла, зубчатые и выемчатые формы, отщепы с ретушью и др. чаще всего являются незаконченными орудиями (различными стадияль-

ными формами), например, наконечниками (рис. 1: 1, 5, 7, 9; 2: 1, 4—5, 8, 9; 3: 4—6, 9). Для целей технологического анализа большое значение имеют такие понятия как готовые, типичные, атипичные, незаконченные, неполучившиеся, пробные и др. орудия, заготовки, а также понятия модель орудия, редуцированная последовательность, схема технологического процесса, редуцированные ряды, технологические контексты (Матюхин 1995: 13—26; 1996: 6). В ходе технологических реконструкций типологически разнообразные изделия находят свое место в тех или иных технологических процессах, раскрывая свое реальное содержание (рис. 2: 9). Технологический подход предохраняет от необоснованного включения типологически невыразительных форм, каких много в инвентаре каждой мастерской, в группы «прочие», «неопределимые», «сомнительные» и т. п. Число таких предметов должно быть минимальным.

Использование традиционного типологического подхода к материалам мастерских может привести к досадным недоразумениям. Наглядным примером можно считать памятник во Вьетнаме Гора До, отнесенный в свое время к шелю — раннему ашелю на основании присутствия грубых предметов, напоминающих бифасы, чопперы, колуны и другие макроорудия раннего палеолита (Борисковский 1966: 144—160). Изучение обширных коллекций данного памятника и ознакомление с условиями залегания находок на месте привело нас к выводу о том, что речь может идти о мастерской позднего времени: неолита или даже эпохи бронзы (Матюхин 1988: 23; 1990: 92—98). Все грубые формы, найденные на горе, то есть в зоне выхода базальта, являются на деле незаконченными, неполучившимися (бракованными) топорами и их заготовками, которые были выброшены по причине непригодности древними мастерами. Качественные заготовки приносились к подошве горы, на поселение, где они оббивкой доводились до определенного стандарта, а затем подвергались шлифовке. Следовательно, различные в типологическом отношении орудия, происходящие из мастерской и стоянки, относятся к одному процессу изготовления топоров, то есть одной технологической схеме. Инвентарь мастерских наглядным образом указывает на многозначность формы, ее несоответствие содержанию, на ее динамизм.

В заключение отметим, что определение культурного статуса мастерских является нелегким делом. И это вполне понятно, поскольку их инвентарь содержит минимальное число законченных орудий и большое количество незаконченных форм.

В первую очередь это относится к кратковременным мастерским и в определенной мере мастерским средней продолжительности. Другое дело — долговременные мастерские, где наряду с незаконченными орудиями, присутствует немало типологически выраженных форм. Культурные, то есть специфические признаки могут проявляться не только в законченных, но также незаконченных орудиях, имеющих те или иные специфические морфологические признаки, например, наличие желобчатых усеченных концов у незаконченных бифасов, как это отмечено в инвентаре Бирючьей балки 1а. Теоретически допустимо, что одна и та же культура может быть представлена мастерскими разного производственного профиля, другими словами, мастерскими с типологически разными индустриями. Например, это могут быть мастерские по изготовлению заготовок орудий (Бирючья балка 1а),

с одной стороны, и мастерские по изготовлению качественных сколов, в частности, пластин (Бирючья балка 1б), с другой. Уместно ставить вопрос о разной производственной установке одного и того же сообщества. Таким образом, среди различных функциональных типов памятников каменного века мастерские занимают существенное и равноправное место, отражая важнейшую часть деятельности человека — производство и прежде всего его узконаправленную сферу. Они имеют сложную структуру и функции. Кроме того материалы мастерских дают возможность проследить технологический динамизм каменных изделий и в первую очередь их формы и ее сложное соотношение с содержанием. Индустрии мастерских способствуют совершенствованию методики анализа каменных изделий всех эпох, начиная от палеолита и, кончая, эпохой бронзы.

- Борзьяк, И. А., Г. В. Григорьева, Н. А. Кетрару.* 1981. Поселение древнекаменного века на Северо-Западе Молдавии. Кишинев: Штинца.
- Борисковский, П. И.* 1963. Очерки по палеолиту бассейна Дона // *Материалы и исследования по археологии СССР* 121: 125—165.
1966. Гора До — древнепалеолитическое местонахождение во Вьетнаме // *Археология Старого и Нового Света*: 144—160. Москва: Наука.
- Гладилин, В. Н.* 1976. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев: Наукова думка.
- Гладилин, В. Н., В. И. Ситливый.* 1990. Ашель Центральной Европы. Киев: Наукова думка.
- Деревянко, А. П., Д. Дорж, Р. С. Васильевский.* 1990. Каменный век Монголии: палеолит и неолит Монгольского Алтая. Новосибирск: Наука.
- Касымов, М. Р., Л. Я. Крижевская.* 1969. О классификации кремнеобработывающих мастерских // *Советская археология* 1: 265—268.
- Колесник, А. В.* 1993. Ранний палеолит Юго-Восточной Украины (на украин. языке). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.
- Кротова, А. А., В. Ю. Коен, А. И. Евтушенко.* 1989. Опыт изучения древнеобработывающего производства позднелпалеолитической стоянки Ямы (по результатам планиграфического исследования) // *Каменный век: памятники, методика, проблемы*: 125—135. Киев: Наукова думка.
- Кулаков, С. А.* 1993. Мастерские в каменном веке: история выделения, критерии определения и классификации // *Петербургский археологический вестник* 7: 3—13. Санкт-Петербург.
- Любин, В. П.* 1965. К вопросу о методике изучения нижнелпалеолитических орудий // *Материалы и исследования по археологии СССР* 131: 7—75. Москва: Наука.
- Матюхин, А. Е.* 1987. Палеолитическая мастерская Калитвенка 1 // *Краткие сообщения Института археологии АН СССР* 189: 83—88.
1988. Макроорудия из палеолитических мастерских // *Советская археология* 2: 23—42.
1990. О спорных вопросах датировки палеолитического (?) местонахождения Гора До во Вьетнаме // *Советская археология* 2: 92—98.
1993. Новые позднелпалеолитические памятники в низовьях Северского Донца // *Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Тезисы докладов конференции*: 10—13. Санкт-Петербург.
1994. Многослойный палеолитический памятник Бирючья балка 2 // *Донские древности* 4: 4—36.
- 1994а. Палеолитические мастерские в бассейне Нижнего Дона // *Археологические вести* 3: 25—37.
1996. Особенности анализа палеолитических двустороннеобработанных изделий // *Российская археология* 3: 13—27.
1996. Палеолитические мастерские Восточной Европы. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Тарасов, Л. М.* 1991. Палеолит бассейна Десны. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Bārta, J.* 1960. K problému listovitých hrotov typu Moravana-Dlhá // *Slovenska archeológia* VIII/2: 295—324.
- Binford, L. R.* 1982. The Archaeology of Place // *Journal of Anthropological Archaeology* 1/1: 5—32.
- Biro, K. T.* 1986. Prehistoric Workshop Sites in Hungary // *The Social and Economic Contexts of Technological Change* 2: 13—23. Southhampton.
- Chmielewski, W.* 1968. Early and Middle Palaeolithic Sites near Arkin, Sudan // *The Prehistory of Nubia* 1: 110—147. Dallas: Southern Methodist University Press.
- Dagnan-Ginter, A.* 1975. Wielokulturowa pracownia krzemieniarska w Wołowicach, pow. Kraków // *Sprawozdania Archeologiczne* 27: 11—25.
- Fiedorczyk, J.* 1992. Późnolpaleolityczne zesholy krzemienne ze stanowiska Rydno IV 57 w swietle metody składek // *Przegląd Archeologiczny* 39: 13—65.
- Ginter, B.* 1969. Z problematyki badawczej schyłkowopaleolitycznych pracowni krzemieniarskich cyklu mazowszankiego w rejonie Wyzyny Wieluńskiej // *Prace i Materiały Museum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi* 16: 23—49.
1974. Wydobywanie, przetwórstwo i dystrybucja surowców i wyrobów krzemiennych w schyłkowym

- paleolicie w pylnocnej czesci Europy srodkowej // Przegląd Archeologiczny 22: 1—122.
1984. The Swiderian Flint Workshops in the Upper Warta Region // Upper Palaeolithic Settlement Patterns in Europe: 221—233. Tubingen.
- Hahn, J.* 1990. La technologie des pointes bifaciales de Rorschain et leurs relation avec l'Allemagne du Sud // Feuilles de pierre: les industries a pointes foliacées du paléolithique supérieur Européen 42: 79—93. Liège: Etudes et Recherches archéologiques de l'Université de Liège.
- Hanitzsch, H.* 1957. Die Shätmagdalénien-station Groitsch bei Eilenburg (Fundplatz A.). *Varia Praehistorica* // Forschungen zur Vor- und Frühgeschichte 7/1: 5—40.
- Hillebrand, J. von.* 1928. Über ein atelier des «Proto-Campignen» auf dem Avasberg in Miskolsz (Ungarn) // *Eiszeit und Urgeschichte* 5: 53—59.
- Kozłowski, J. K.* 1967. Zagadnienie górnopaleolitycznych pracowni krzemieniarskich // *Prace Archeologiczne* 8: 7—22.
1980. Technological and Typological Differentiation of Lithic Assemblages in the Upper Palaeolithic: an Interpretation Attempt // *Unconventional Archaeology: New Approaches and Goals in Polish Archaeology*: 33—55. Kraków.
1991. Paleolithic Quarry Sites: 1-6 // *Raw Material Economies among Prehistoric Hunter-Gatherers*. Kansas: University of Kansas.
- Krukowski, S.* 1922. Pierwociny krzemieniarskie górnictwa, transportu i handlu. w Holocenie Polski // *Wiadomości archeologiczne* VII: 34—57.
1939. Paleolit Polski. Kraków.
- Lanzinger, M., M. Cremaschini.* 1988. Exploitation and Production at Monte Avena in the Dolomitic Region of the Italian East Alps // *Upper Pleistocene Prehistory of Western Eurasia*: 125—139. Philadelphia: the University Museum University of Pennsylvania.
- Marks, A. E.* 1988. The Curation of Stone Tools During the Upper Pleistocene: a View from the Central Negev, Israel: 275—285 // *Upper Pleistocene Prehistory of Western Eurasia*. Philadelphia: the University Museum University of Pennsylvania.
- Matioukhine, A. E.* 1990. Les formes bifaciales d'ateliers et de station-ateliers // Feuilles de pierre: les industries à pointes foliacées du paléolithique supérieur Européen. Etudes et Recherches archéologiques de l'Université de Liège N 42: 141—162. Liège.
- Montet-White, A., H. Laville et A.-M. Lüsine.* 1986. Le paléolithique en Bosnie du Nord chronologie, environnement et préhistoire // *L'Anthropologie* 90/1: 29—86.
- Oliva, M.* 1979. Die herkunft des szeletien im lichte neuer funde von Jezefany // *Casopis Moravského Musea* 64: 45—78.
1987. Vyvinuty Micoquien z Návrsí «Horky» u Bořitova-Priní vý Sledky. Příspěvek kotázse stanic dilenskeho charakteru // *Casopis Moravského Musea* 82: 21—44.
- Otte, M. et V. Chirica.* 1993. Atelier aurignacien à Mitoc Malul Galben (Moldavie roumaine) // *Préhistoire Européen* 3: 55—68.
- Sachse-Kozłowska, E.* 1982. Core Exploitation Process at the Aurignacian Site Swierzyniec I // *Aurignacien et gravetien 2. Etudes et Recherches archéologiques de l'Université de Liège* 13: 325—337. Liège.
- Schild, R.* 1975. Późny paleolit // *Paleolit i mesolit. Prahistoria ziem Polskich* 1: 325—331. Warszawa.
- Siman, K.* 1986. Limnic Quartzite Mines in Northeast Hungary. International Conference on Prehistoric Flint Mining and Lithic Raw Material Identification: 95—99. Sümeg-Budapest.
1990. Consideration on the «Szeletian unity» // Feuilles de pierre: les industries à pointes foliacées du paléolithique supérieur européen. Etudes et Recherches archéologiques de l'Université de Liège 42: 49—57. Liège.
- Sirakova, S.* 1990. The leaf points of Muselievo // Feuilles de pierre: les industries à pointes foliacées du paléolithique supérieur européen. Etudes et Recherches archéologiques de l'Université de Liège 42: 63—78. Liège.
- Sobczyk, K.* 1984. Modes de débitage dans le magdalénien d'Europe Centrale // *L'Anthropologie* 88/1: 309—326.
- Svoboda, J.* 1982. Ondratice I: Early Upper Palaeolithic Technologies of Quartzite Working // *Aurignacien et gravetien 2. Etudes et Recherches archéologiques de l'Université de Liège* 13: 361—369. Liège.
1987. Stránská Skála. Bohunický typ v brněnské kotlině // *Studie Archeologického Ústavu Československé Académie věd v Brne XIV/I*. Praha: Academia.
- Valoch, K.* 1976. Die altsteinzeitliche fundselle in Brno-Bohunice // *Studie Archeologického Ústavu Československé Académie věd v Brne* 4/1. Praha: Academia.
- Vermeersch, P. M., E. Paulissen, G. Gijselings, J. Janssen.* 1986. Middle Palaeolithic Chert Exploitation Pits near Qena (Upper Egypt) // *Paléorient* 12/1: 61—65.

ON THE STRUCTURE AND TYPES OF PALEOLITHIC WORKSHOPS, AND THE PRINCIPLES OF THEIR STUDY

A. E. MATYUKHIN

The article addresses the structure and types of paleolithic workshops, the principles of their typology, and related issues, with spe-

cial reference to Eastern European workshops. Central European, Near Eastern, and Northern African parallels are discussed. Workshops are

associated with two kinds of activities: (a) primary stone knapping, and (b) manufacturing of tools. Sometimes both activities were inter-related. Workshops are separate sites or separate areas within sites where raw materials were selected (and sometimes extracted), and fully or partially processed with an objective of making specific implements, such as precores, blades, triangular or foliate pieces, burins, side-scrapers, etc. (fig. 3: 1—3, 6, 7, 10—12), or blanks thereof. Workshops attest to specialized activities.

Apart from workshops, camp-workshops and workshop-camps existed. In the former case, manufacturing activities prevailed over domestic ones. Although the assemblages from camp-workshops include a variety of typical (functionally meaningful) tools, such as side-scrapers, points, end-scrapers, etc. (fig. 1: 3, 6; 2: 2, 3, 8), incomplete tools, preforms and wasters prevail (fig. 1: 5; 2: 3—6, 8). Large tools, some of them used, are also present (fig. 1: 11; 2: 7). In contrast, assemblages from workshop-camps contain mostly typical and variable implements. Manufacturing and domestic activities in such sites were practiced on a roughly equal scale.

With regard to various kinds of manufacturing activities, three groups of workshops can be separated: (a) specialized in primary flint knapping; (b) specialized in tool manufacture; and (c) mixed. Assemblages from workshops of each type are described (Table 1—4). Workshops of the former two groups are subdivided into those of the initial cycle, and those of the main cycle. Each group is characterized by a specific assemblage.

Special attention is paid to criteria used for distinguishing workshops from other categories of sites. They include: (1) immediate proximity of sources of raw material; (2) presence of a large quantity of debris and, generally, a small number of high-quality blanks; (3) presence of a small number of finished (typical, functionally meaningful) tools and lack of variety; (4) possible presence of mining tools; and (5) absence of bone, antler, or ivory tools. Common archaeological criteria, too, should be taken into account, such as absence or scarcity of animal bones, lack of domestic or utility structures, certain features of the cultural deposits, etc. Given that two categories of workshops show not only similarities but differences as well, separate criteria should be used in each case. Specifically, the characteristic features of primary stone-knapping workshops are large number of nodules, cobbles, unprocessed pieces of rock and those with few flake-scars, atypical large tools that

could have been used for mining, debitage flakes, elementary knapping techniques, etc. In contrast, assemblages from tool-producing workshops usually contain a large quantity of debris, unfinished tools and wasters. Overall, speaking of criteria, one should consider not just strictly diagnostic traits but a number of related indicators as well.

Several types of workshops are described. In terms of period of existence, there are short-term, long-term, and medium-term workshops. Camp-workshops usually belong to the long-term category. Under certain conditions, workshops could have turned into camps, and vice versa. Also, various parts of a site could have had different functions depending on the season or the specific situation. Specialized manufacturing workshops could change into domestic activity areas, resulting in the change of profile of the site. Occasionally certain workshops could have become places of intense activities concerned with supplying food to people who worked at the workshop (hunting, processing carcasses, dressing skins, making fires, etc.). No wonder assemblages from workshops contain some finished tools, and on some of them animal bones and small lenses of charcoal and other are found. These features are infrequent, though.

The meaningful analysis of stone implements is only possible if the functional type of the site (long-term camp, short-term camp, hunting camp, or workshop) is taken into account. The archaeological study must include three separate but interdependent stages: description, interpretation, and reconstruction. Specific important concepts are being discussed, such as model of tool, finished (typical) tool, unfinished (atypical) tool, waster, blank, etc. Other concepts include reduction sequence, reduction series, technological process scheme, technological contexts, etc. Based on the specific techno-morphological context of the workshops, it can be assumed that all sorts of crude, atypical tools, such as core-shaped tools, atypical large ones, bifaces, certain types of side-scrapers, thinned flakes, flakes with thinned butts, etc. are not independent functionally meaningful items. Rather, they should be viewed as unfinished tools, specifically points abandoned at various manufacturing stages (figs. 1: 1—2, 5, 7, 9; 2: 1, 3—6, 8, 9; 3: 4, 5, 9). If so, typologically dissimilar tools having similar technological features (that is, related to the same technological process) can be attributed to the same typo-morphological category (fig. 2: 9). In the context of sites, however, many of the crude tools mentioned above will be not just technologically

but also functionally related. As the assemblages from the workshops demonstrate, there is no one-to-one relationship between the shape and the function of the tools. The use of standard type-lists for the assessment of status and age of workshops may be quite misleading. For example, unfinished axes from neolithic and Bronze Age workshops may be erroneously taken for Acheulean bifaces, cleavers, choppers, etc.

The evaluation of the cultural status of workshops is hampered by the presence of a few finished (typical) forms. One should pay

attention to similar technological features in both finished and unfinished items (fig. 1: 2). It is theoretically possible that a single culture may be represented by workshops differing in technological profile, that is, by typologically different industries.

Workshops, then, are complex in terms of both structure and function. They are no less important than other categories of sites. The study of their assemblages contributes to the sophistication of analytical strategies relevant for all periods from the Paleolithic to the Bronze Age.

ПРОГРЕСС ТЕХНИКИ В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА НА ЮГО-ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ (по материалам земледельческих культур Болгарии)*

Н. Н. СКАКУН**

Археологические изыскания послевоенных десятилетий заставили в корне пересмотреть устоявшиеся представления о древнеземледельческих культурах Юго-Восточной Европы как отсталой периферии ближневосточных цивилизаций. Раскопки многочисленных памятников эпохи энеолита в Балкано-Дунайском регионе и, в частности, в Болгарии, свидетельствуют о феноменальных достижениях ранних земледельцев юго-восточной Европы в различных сферах материальной и духовной жизни (Тодорова 1979, 1986; Мерперт 1995). Изучение орудийных комплексов позволяет считать, что одной из причин прогрессивного развития энеолитических культур Болгарии являлись технические открытия, способствовавшие подъему хозяйства на более высокую ступень по сравнению с предыдущими периодами. В первую очередь большое значение имело открытие плавки металлов: меди и золота (Рындина, Орловская 1978: 286—332; Рындина 1993; Черных 1978). Оно, несомненно, послужило толчком к кардинальным переменам во многих производствах (Скакун 1984; 1987). Тем не менее медь не стала доминирующим видом сырья для изготовления орудий труда. Она, в силу своих физико-химических свойств, применялась только для производства определенного круга инструментов и оружия. Из нее изготавливались мотыги, топоры, тесла, долота, шилья, пробойники (Черных 1978; Рындина 1993) и очень редко орудия с режущими или скребущими функциями, которые быстро тупились и поэтому были мало эффективны (Скакун 1987). Поэтому в энеолите основным сырьем для изготовления орудий труда продолжал оставаться кре-

мень. Наряду с ним использовались также камень, рог, кость, глина. В этом можно было бы увидеть прямое продолжение неолитических традиций и рассматривать данную часть инвентаря энеолитических культур как наиболее архаическую. Однако всестороннее изучение массовых коллекций инструментов и сопутствующих им материалов показывает, что в энеолитический период в кремнеобрабатывающем производстве происходят существенные изменения. Во-первых, в Балкано-Дунайском регионе и в более северных областях на смену мелкогалечным породам кремня, широко применявшимся в неолите, приходит более интенсивное использование кремня из меловых отложений, насыщенных крупными конкрециями этого сырья (Скакун 1982а, 1992а, 1992б, 1994; Skakun 1993, 1993с). Таковы, например, разработки кремня в Добрудже, на Волыни и другие. Во-вторых, происходит переориентация кремнеобрабатывающего производства на получение нового типа заготовок для орудий труда (Скакун 1982, 1984). В энеолите появляются крупные стандартные пластины-полуфабрикаты, которые предназначались для изготовления большинства инструментов (рис. 1). Эти пластины имеют прямой или слабоизогнутый профиль, параллельные боковые края с острыми прямыми кромками, подтреугольное или трапециевидное поперечное сечение, одинаковую толщину по всей длине и утончение у самого кончика заготовки. Уникальные экземпляры таких пластин достигают длины 40 см, многие другие — 25—30 см, а изделия длиной 15—20 см при ширине 2—4 см не являются редкостью. Эти заготовки стандартных размеров существенно отличаются

* В работе использованы данные, полученные при исследовании орудийных комплексов 12 неолитических и 10 энеолитических поселений Болгарии. Автор приносит сердечную благодарность всем коллегам, предоставившим материалы для работы.

** Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Экспериментально-трасологическая лаборатория.

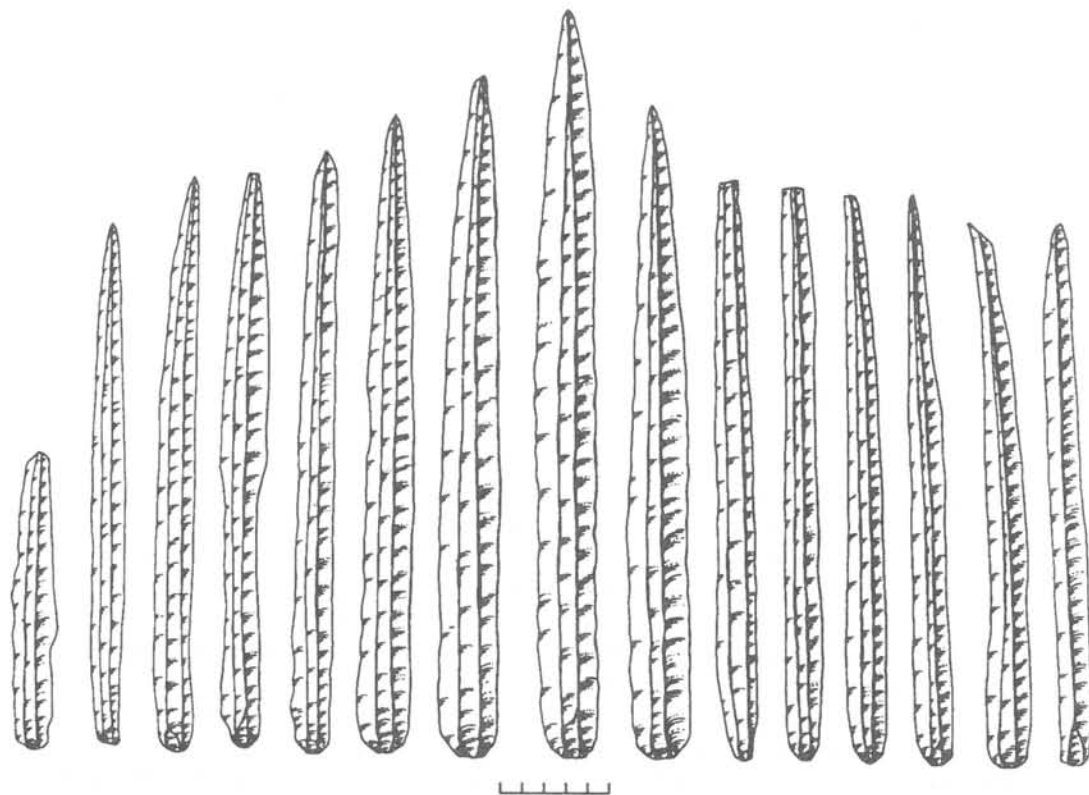

Рис. 1 Кремневые пластины. Поселение Голямо Делчево.

Fig. 1 Flint inserts. Golyamo Delchevo.

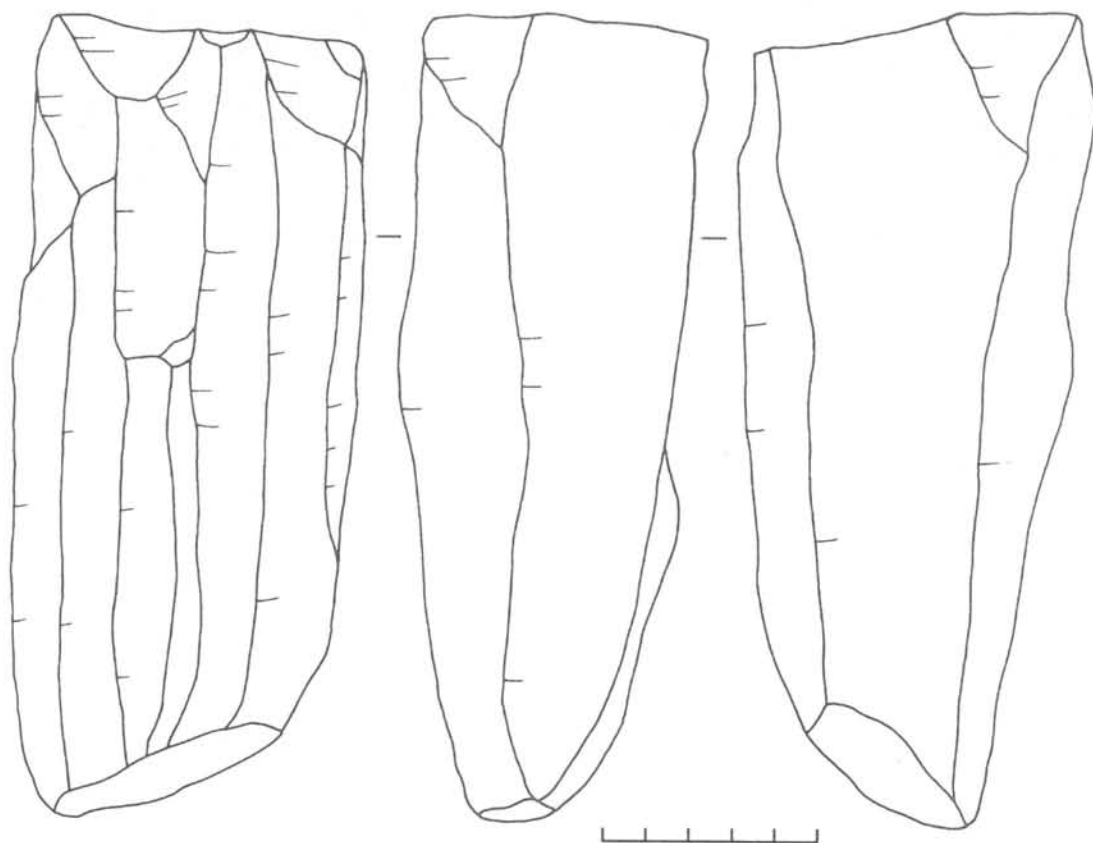

Рис. 2 Нуклеус. Поселение Кремиковцы.

Fig. 2 Core. Kremikovitsy.

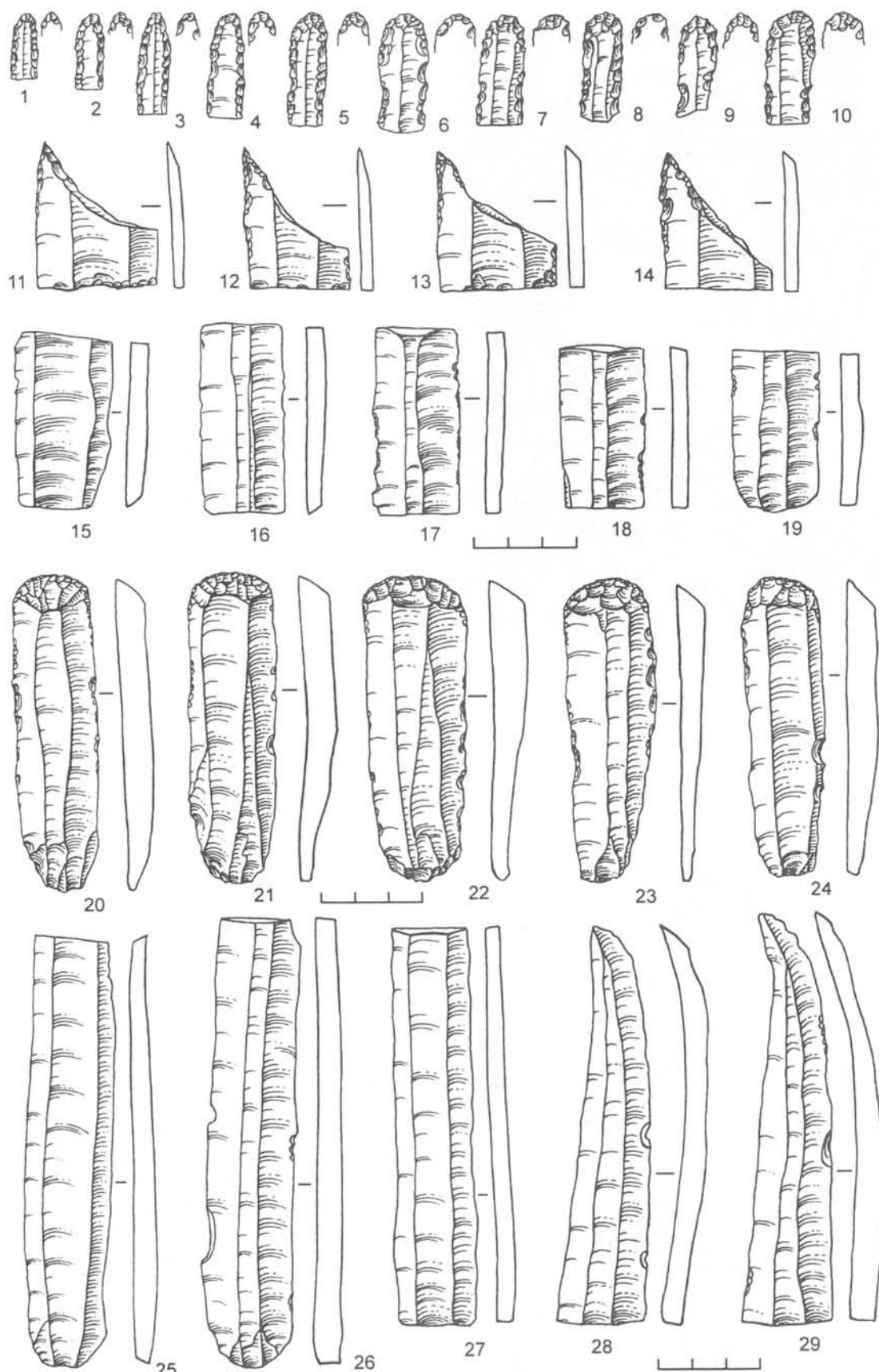
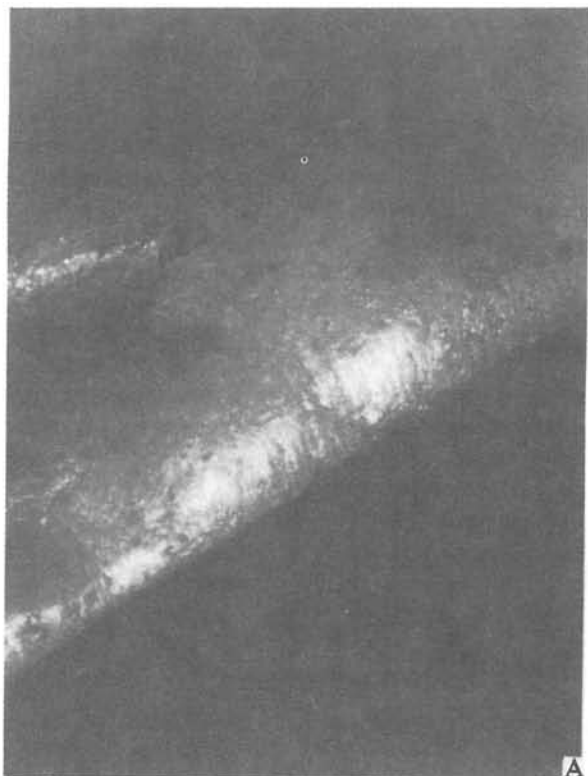
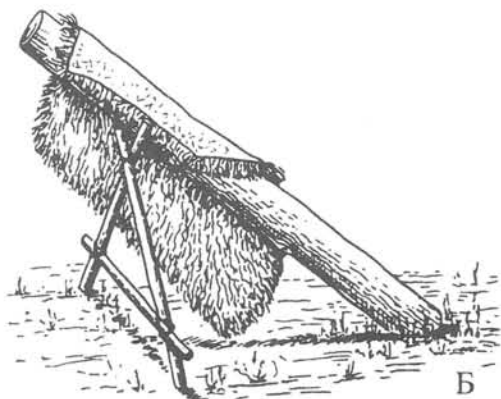
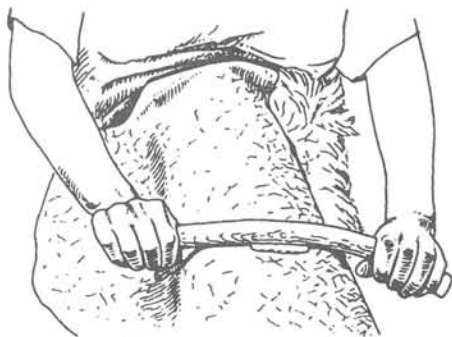

Рис. 3 Кремневые изделия из энеолитических поселений Поляница, Голямо Делчево, Дуранкулак: 1—10 — стержневидные сверла; 11—14 — проколки; 15—19 — вкладыши; 20—24 — концевые скребки; 25—29 — фрагменты пластин без ретуши.

Fig. 3 Flint tools from the chalcolithic sites of Polyanitsa, Golyamo Delchevo, Durankulak: 1—10 — drills; 11—14 — borers; 15—19 — inserts; 20—24 — end-scrapers; 25—29 — fragments of blades without retouch.

А

Б

В

от заготовок неолитического времени с их менее выраженной стандартизацией и неправильностью форм. Изобилие призматических нуклеусов и отходов производства в энеолитических мастерских позволяют с достаточной полнотой реконструировать процесс расщепления кремня. Как правило, при выборе желваков предпочтение отдавалось овальным, вытянутым формам. Для достижения желаемых результатов — получения пластин правильных геометрических пропорций — применялась хорошо разработанная технология, включавшая специальные способы подготовки ударной площадки, оформление нуклеуса и ребер на нем, обработку плоскости скальвания, а также подживление площадок нуклеусов после снятия с них серии заготовок (рис. 2). Для успешного раскалывания был немаловажен и подбор орудий, с помощью которых оно производилось. Кроме того, некоторые экспериментаторы считают, что подобное качество расщепления было невозможно без введения новшеств в его технологию, среди которых называют термическую обработку сырья и

Рис. 4 А — следы изношенности на скребке-стружке для шкур и кож ($\times 100$), Б — работа скребком-стругом, В — скорняк (кожухар) за работой в селе Нагорное Одесской области 1983 г.

Fig. 4 А — traces of wear on the scraper for processing skins ($\times 100$); Б — working with a scraper; В — leather-dresser at work (Nagornoe, Odessa Region, 1983).

употребление медного отжимника (Crabtree 1967). Соблюдение этих приемов обеспечивает высокий уровень качества раскалывания.

Многие пластины, благодаря остроте боковых кромок, использовались в работе без дополнительной подправки лезвий, но при необходимости применялись различные виды регулярного ретуширования. Стандартность заготовок обусловила ярко выраженную серийность орудий, среди которых процент случайных или переходных форм незначителен. Единообразие однотипных инструментов достигалось еще и специальным выбором той или иной части пластины для изготовления орудий конкретного назначения. Их размеры регулировались в установленных пределах с помощью контролируемого способа фрагментации заготовок в специальных приспособлениях. Так, например, концевые скребки, испытывавшие в работе большую нагрузку, изготавливались, как правило, из нижних неломких частей пластин, длиной от 6 до 9 см. Эксперименты показали, что именно эти размеры наиболее удобны при использовании орудия без рукояти. Стержневые сверла (длина 2,5—3 см) делались из самого прочного отрезка пластины, прилегающего к ее ребру. Стандартизация и серийность были присущи не только типологически выраженным формам орудий, но и вкладышам режущих инструментов (рис. 3). Так, по своим размерам средние сечения пластин четко разделяются на несколько групп. Трасологические исследования позволили установить, что каждая из этих групп имела конкретное функциональное назначение.

Новый тип заготовок привел не только к стандартизации инструментов, но и способствовал появлению новых специализированных орудий. Так, систематическое использование двуручных стругов для обработки шкур и дерева стало возможным только с появлением энеолитических пластин, потому что иные заготовки, не обладая их прочностью и размерами, были малоэффективны в работе. Археологические факты позволяют говорить и о более глубокой специализации самого кремнеобрабатываю-

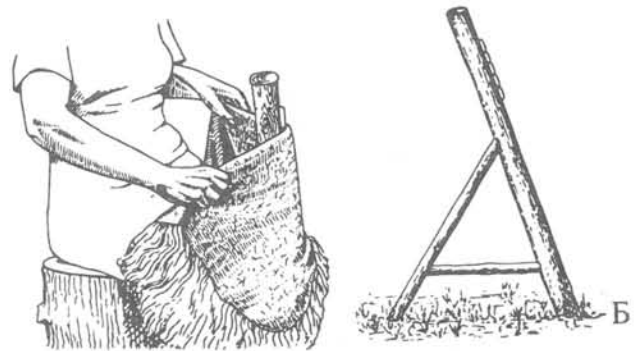
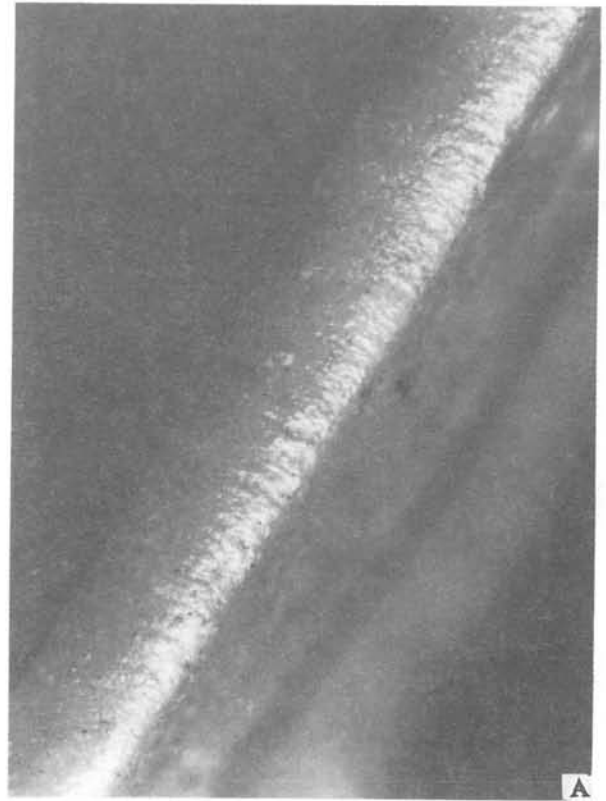
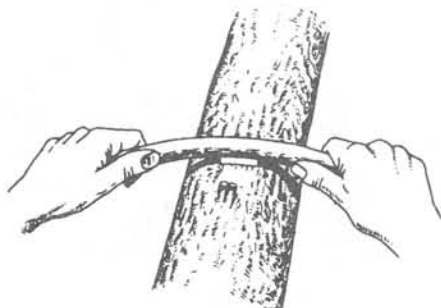
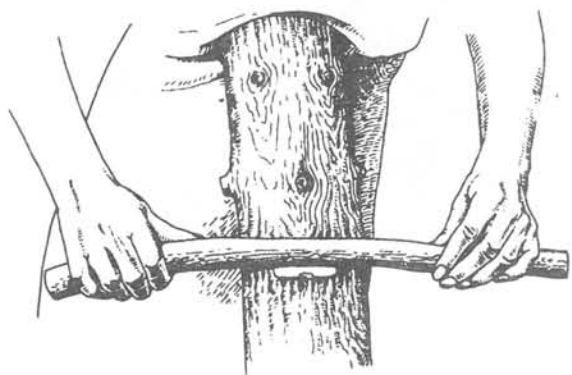
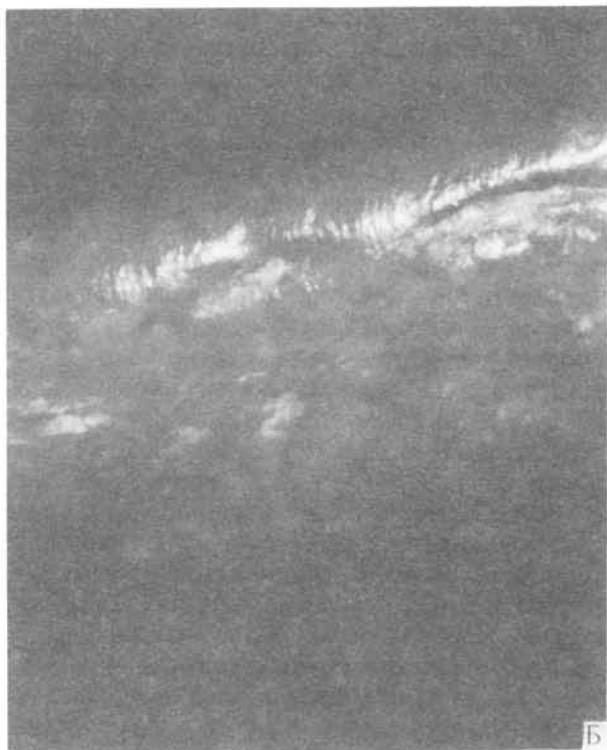

Рис. 5 А — следы изношенности на вкладыше кожеобрабатывающего станка ($\times 100$); Б — работа на кожеобрабатывающем станке; В — работа скорняков с помощью «косицы» (конец XIX — начало XX в., Болгария из архива Х. Вакарельского)

Fig. 5 Traces of wear on the insert for a skin-processing device ($\times 100$); Б — working on a skin-processing device; В — leather-dressers using the «kositsa» (late 19th—early 20th century, Bulgaria. Vakarelsky's archives).

В

шего производства в энеолите. Если в неолите расщепление кремня и изготовление орудий фиксируются в жилищах и около них, то в энеолите вблизи мест добычи сырья появляются мастерские, где производилась первичная обработка кремня, а изготовление орудий происходило на окрестных поселениях (Скакун 1993). Здесь найдены полуфабрикаты и готовые инструменты, которые часто не имеют следов использования. Часть из них транспортировалась в различные регионы. Интересен тот факт, что в некоторых районах, удаленных от мест добычи кремня (территория Болгарии, прилегающая к Черному морю; низовья Дуная в Молдове и на Украине), использовались орудия преимущественно из добруджанского сырья (Петрунь 1967), однако конкреции, нуклеусы, а также продукты расщепления здесь почти полностью отсутствуют. Изделия из местных пород кремня, не могут сравниться с привозными, что зависело не только от низкого качества местного сырья, но и от мастерства людей, занимавшихся обработкой кремня. Данные, свидетельствующие об импорте готовых орудий,

Рис. 6 А — следы изношенности на вкладыше строгального ножа-струга (рубанка) по дереву ($\times 100$), Б — следы изношенности на вкладыше скобеля-струга по дереву ($\times 100$), В — работа стругами по дереву.

Fig. 6 А — traces of wear on the insert for a scraper-plane for processing wood ($\times 100$); Б — traces of wear on the insert for a scraper for processing wood ($\times 100$); В — using the scrapers.

указывают на специализацию кремнеобрабатывающего производства, которая требовала наличия мастеров-профессионалов. Не абсолютизируя для каждого конкретного памятника характерные черты энеолитического кремнеобрабатывающего производства — использование желвачных пород кремня, усовершенствование технологии его расщепления, получение оптимальных заготовок, специализацию производства и появление мастеров-профессионалов — мы можем рассматривать комплекс этих признаков как качественно новое явление, определившее основные тенденции развития производства кремневых орудий. Аналогичная ситуация наблюдается в некоторых других районах Европы (в Гран Приссеньи во Франции, в Спиене в Бельгии, в районе Кременецкой возвышенности на Украине), а также в Малой Азии, на Ближнем Востоке и в Северной Индии (Скакун 1981, 1982, 1984, 1987, 1993а, 1996; Felix 1960; Kelterborn 1980; Pelegrin 1994; Pelegrin, Otte 1992; Rosen 1983, 1989, Skakun 1993а, 1996; Verheyleweghen 1953).

Экспериментально-трассологические исследования орудий труда, найденных на поселениях неолита и энеолита Болгарии (выборка составила свыше 20 000 предметов), позволили не только определить назначение инструментов, но и выявить те из них, которые появляются в энеолитическое время (Скакун 1982, 1982а, 1985, 1987, 1992, 1992а, 1992б, 1993, 1994; Skakun 1992, 1993, 1993б, 1993с). В таких традиционных отраслях хозяйства как обработка кожи и дерева кроме орудий, известных ранее — скребков, скобелей и других — появляются и новые инструменты, например: вкладыши скребков-стругов для шкур, вкладыши кожеобрабатывающего станка, вкладыши скобелей-стругов, строгальных ножей-стругов и стержневидные сверла для дерева. Заготовками для скребков-стругов служили средние части крупных и очень крупных пластин стандартных размеров (3—4,5 × 2—3 см) без вторичной обработки. Даже невооруженным глазом хорошо видно, что многие орудия этого типа предельно изношены. Их рабочие части — боковые стороны — сильно затуплены, а концы закруглены в результате длительного использования. Лезвия вкладышей одинаково сработаны по всей длине, что указывает на равномерное распределение прилагаемой при работе силы, возможное только при использовании их в рукояти, которую приходилось держать двумя руками. Рабочая кромка вкладышей ровная, округлая в профиле и несколько смещена на брюшко. На ней заметны характерный блеск и линейные следы в виде коротких,

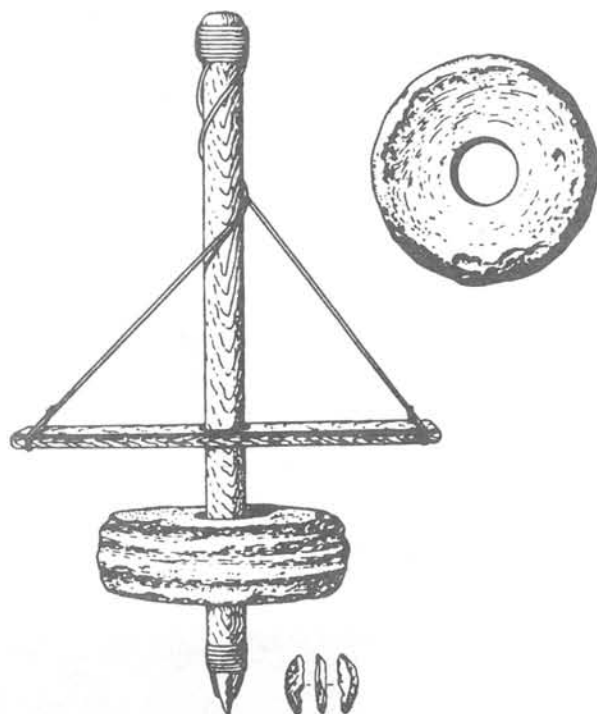

Рис. 7 Сверло с глиняным маховиком.

Fig. 7 Drill with a clay fly-wheel.

глубоких черточек, направленных поперек лезвия. Такой износ типичен для орудий по выделке шкур, а его интенсивность и рельефность линейных признаков свидетельствуют о том, что обработку проводили, положив шкуру на твердую основу (рис. 4: А).

На основании полученных наблюдений была сделана реконструкция этих инструментов и опробованы возможные способы работы ими. Экспериментальные скребки-струги представляют собой орудия с деревянной изогнутой рукоятью, расстояние между концами которой равняется 35—40 см. В центре вогнутой части рукояти был сделан паз, куда вставлялся кремневый вкладыш. Работа такими орудиями наиболее эффективна при использовании специального станка — хорошо обструганного бревна, верхний конец которого был укреплен неподвижно в козлах, а нижний упирался в землю. Экспериментатор, прижимая к бревну шкуру, помещенную на верхнем конце станка, обрабатывал ее, двигая струг двумя руками от себя и на себя (рис. 4: Б). Струги имели высокую производительность при обработке больших ровных поверхностей шкур, с которых предварительно скребками были удалены засохшие кусочки жира и слегка разрушен верхний слой мездры. Шкура площадью 6000 кв. см была выделана за 4 часа. Полученная в результате экспериментов замша мало отличается по качеству от замши, изготовленной в наше

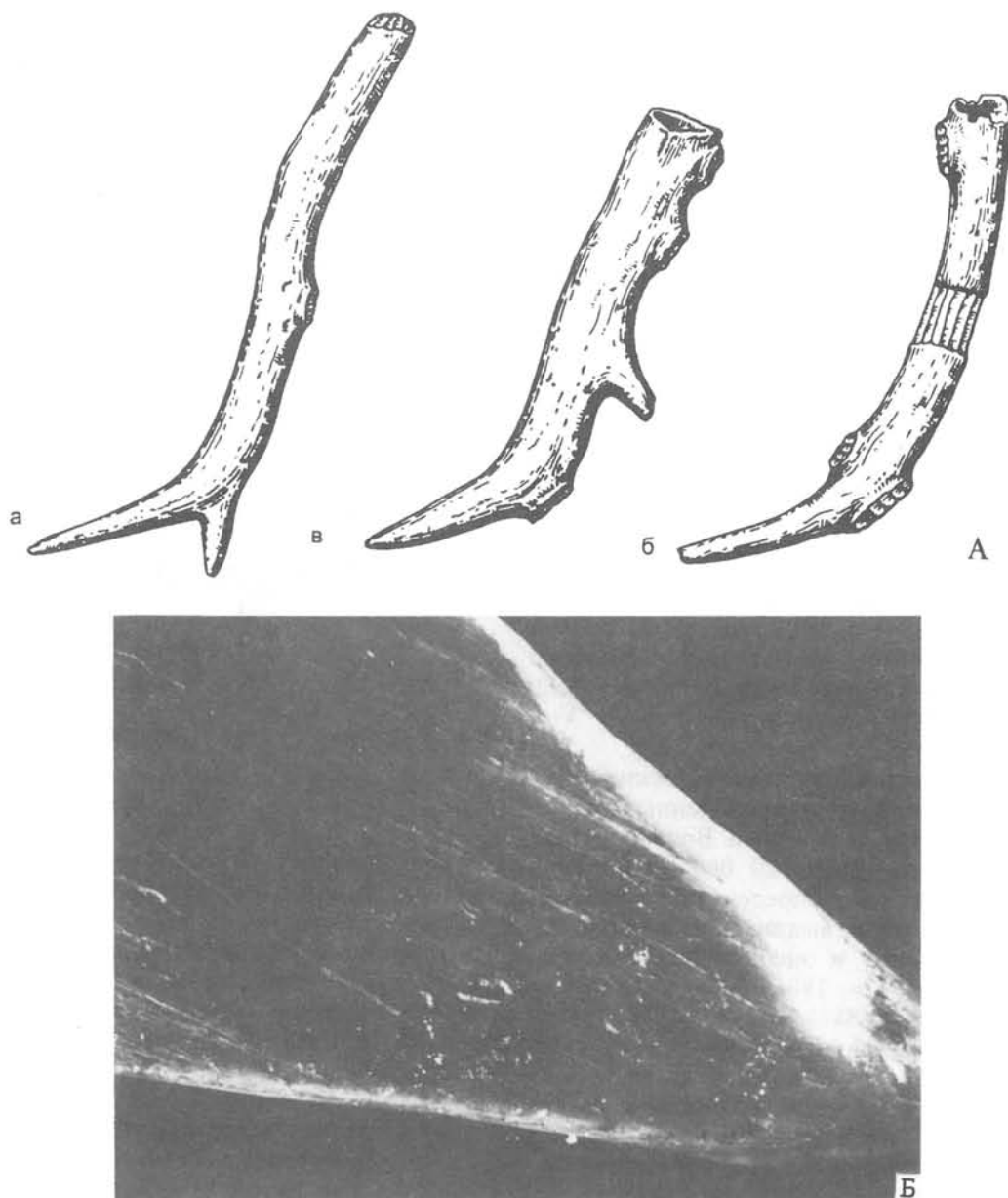

Рис. 8 А — роговые «рала» из энеолитических поселений; Б — следы изношенности на рабочей части «рала» ($\times 32$).

Fig. 8 А — antler «ploughs» from the chalcolithic sites in Bulgaria; Б — traces of wear on the working edge of the plough ($\times 32$).

время деревенскими кустарями. Наиболее удобными в работе оказались вкладыши, по внешнему виду и величине полностью соответствовавшие вкладышам из археологических коллекций. Вкладыши не столь правильной формы, имеющие изогнутый профиль и высокую спинку, затрудняли движение струга, часто выпадали из паза, задирали, а иногда и рвали шкуру и поэтому не были столь эффективны. Более тонкие вкладыши, изготовленные из пластин меньших размеров, не выдерживали сильной нагрузки и быстро ломались, а у орудий большой величины при обработке шкур использовалась лишь часть рабочего лезвия.

Характер и степень износа экспериментальных инструментов идентичны соответствующим характеристикам археологических орудий. Опыты показали, что форма рукояти скребка-струга и работа им на станке требуют вкладышей определенного типа, при этом особенно важно, чтобы они имели необходимые размеры и форму.

В некоторых селах Одесской области Украины мастера-скорняки до сих пор обрабатывают шкуры способом, близким описанному. Вначале сырье проходит предварительную обработку, затем шкуры растягивают, сушат и в завершение выскабливают с помощью металлического инструмента, из-

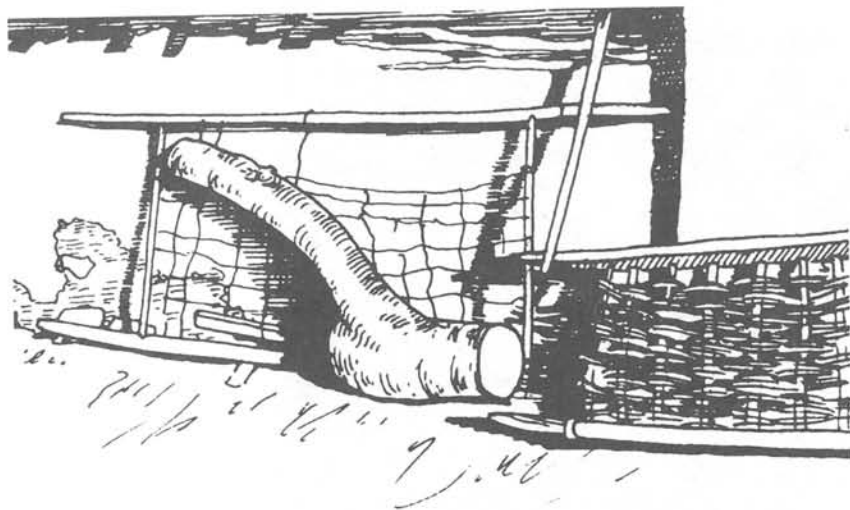

Рис. 9 Заготовка для деревянного «рала» (конец XIX—начало XX вв., Болгария, из архива.

Fig. 9 Preform for a wooden «plough» (late 19th—early 20th century, Bulgaria, Vakarelsky's archives).

готовленного из старой косы. Это орудие имеет изогнутую форму и определенным образом заточенный рабочий край. Мастера работают на наклонно установленном станке (рис. 4: В). Изделия деревенских скорняков до сих пор пользуются большим спросом у местного населения (Скакун, Семенов 1990).

Среди орудий эпохи энеолита выделен еще один тип кремневых вкладышей, которые применялись в кожевном производстве. Для их изготовления также использовали неретушированные средние части пластин стандартных размеров (3—4,5 × 2,5—3 см). На их боковых рабочих краях полоска блеска заметна на обеих поверхностях. Когда-то острая кромка рабочего края такого орудия стерта до такой степени, что стала плоской в сечении. По всей длине она испещрена поперечными линиями. Такой износ характерен для орудий, связанных с кожевным производством. Но интенсивность износа свидетельствует о том, что они не могли употребляться в качестве скребковых инструментов (рис. 5: А). Выявлены две группы орудий этого типа. Вкладыши первой группы имеют лезвия с острыми углами. У вкладышей второй группы один конец рабочего лезвия затуплен и закруглен, а другой — острый. Очевидно вкладыши первой группы занимали среднее положение в наборном лезвии инструмента и были плотно прижаты друг к другу, а вкладыши второй группы занимали крайние положения и поэтому только один из углов оказался скругленным. Анализируя характер макро- и микропризнаков, выявленных на упомянутых орудиях, мы пришли к убеждению, что рассматриваемые отрезки пластин составляли рабочую часть станка,

служившего для окончательной обработки шкур (разминание, вытягивание), а также для удаления шерсти при выделке кож.

Проведенные эксперименты по обработке шкур подтвердили и дополнили трасологические наблюдения. В неподвижной деревянной станине была наклонно установлена небольшая палка (диаметром 3—4 см), с внешней стороны которой выдолблен паз. В него вставили закрепленные фруктовым клеем кремневые вкладыши. При обработке шкур таким приспособлением избежать их повреждения можно только в том случае, если рабочее лезвие инструмента будет прямым и ровным. Вкладыши, составляющие орудие, необходимо плотно, без зазоров, подогнать друг к другу так, чтобы они выступали из паза на одинаковую высоту. Благодаря стандартности их размеров, удалось получить лезвие необходимой конфигурации. Опытным путем было установлено, что наиболее рациональная длина рабочей части орудий этого типа составляет 10—15 см, то есть требует двух-трех вкладышей.

Экспериментатор, поместив на кремневое наборное лезвие шкуру, двигал ее слева направо и справа налево, меняя участки обработки (рис. 5: Б). Давление на составное лезвие приводит к появлению на нем мелких выщербин сразу же после начала работы. В дальнейшем под воздействием трения границы выщербин нивелируются, рабочая кромка орудий становится ровной по всей длине и равномерно уплощенной в поперечном сечении. Эксперименты показали, что такой станок чрезвычайно эффективен в работе. На нем предварительно выделанные шкуры, главным образом, растягивали и разминали. В результате этих операций по-

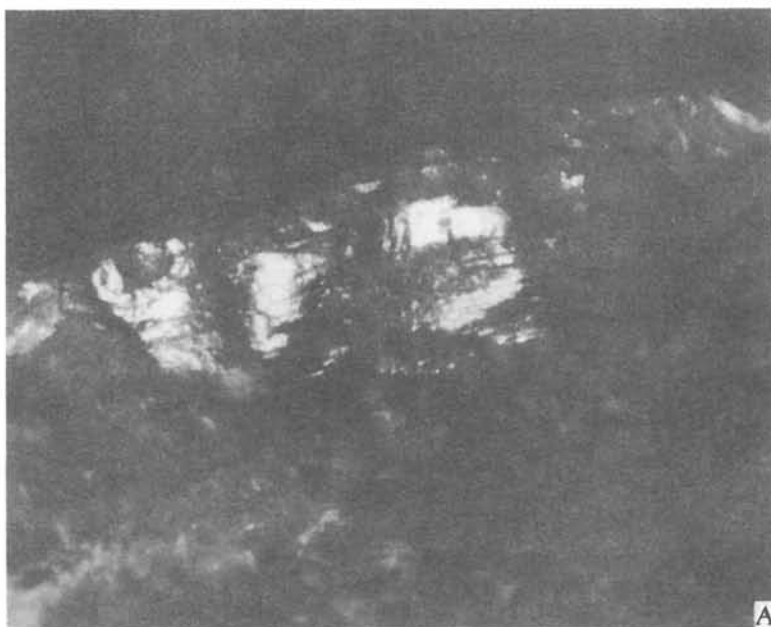
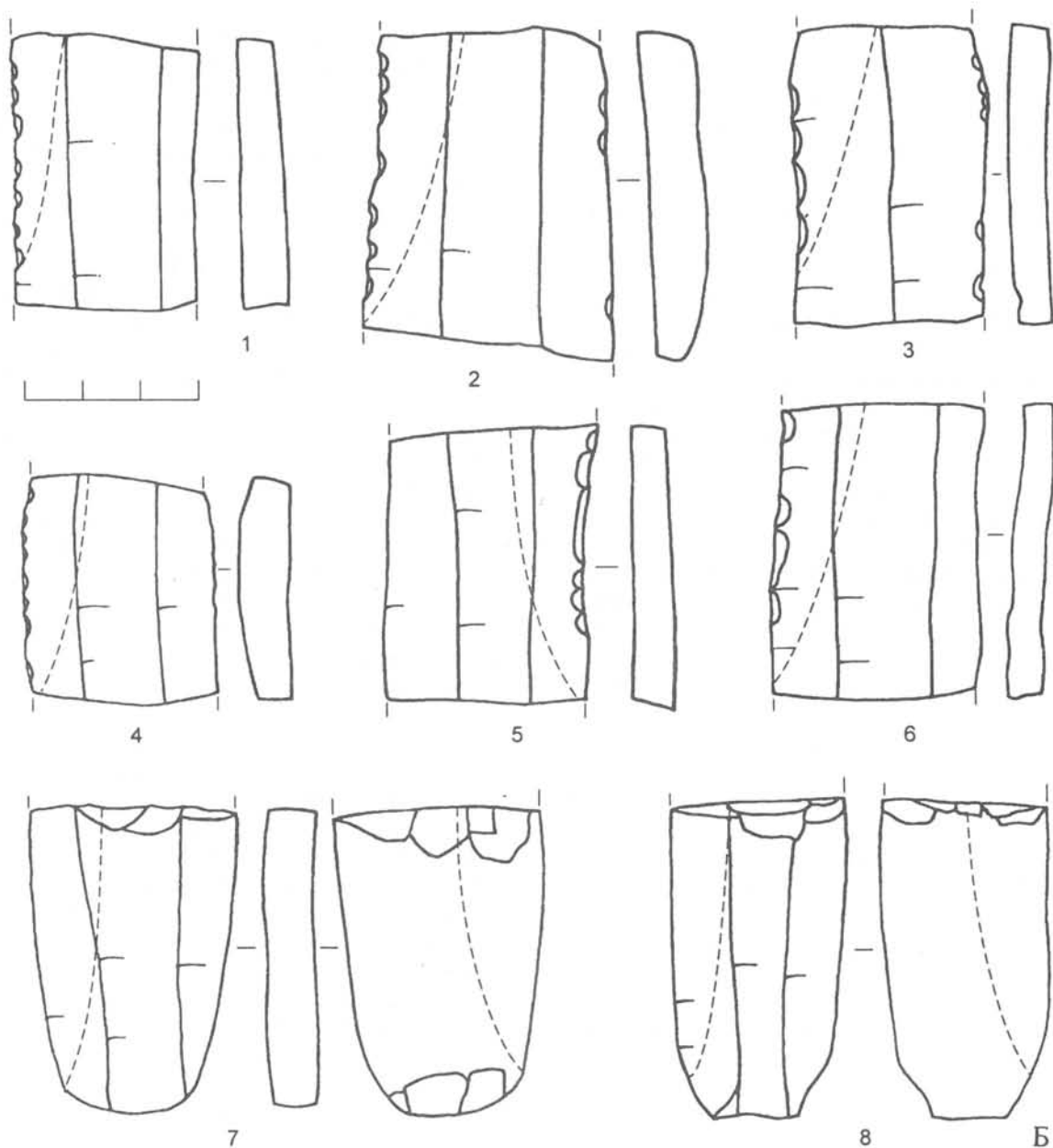

Рис. 10 А — следы изношенности на вкладыше молотильной доски ($\times 100$); Б — вкладыши молотильной доски из энеолитических поселений Болгарии.

Fig. 10 А — traces of wear on the insert for a threshing board ($\times 100$); Б — inserts for a threshing board from the chalcolithic sites in Bulgaria.

лучали прекрасную замшу, ровную по всей поверхности. Поскольку обработка не требовала очень острого лезвия, то составляющие инструмент пластины использовались в работа довольно долго. Этим и объясняется сильная изношенность найденных при раскопках вкладышей. Уже после окончания экспериментов нам удалось найти этнографические параллели этому станку. В болгарских деревнях еще в середине нашего века широко использовался устроенный подобным же образом кожеобрабатывающий станок, называемый «косица». Его рабочая часть была изготовлена из металла (Вакарельски 1977). Обработка шкур на «косице» проводилась таким же образом, как и на реконструированном станке (рис. 5: В).

С помощью описанных выше скребков-стругов и кожеобрабатывающего станка производилась окончательная выделка шкур, их растягивание и разминание. На первых же этапах — снятие мездры, пушение бахтармы — применялись концевые скребки, изготовленные из пластин. Эти орудия, составляющие хорошо выраженные серии, отличаются стандартностью форм и размеров.

Трасологические исследования выявили новые инструменты и в деревообрабатывающем производстве, где наряду с давно известными скобелями, строгальными ножами и другими орудиями, стали применяться струги, сделанные из средних частей плас-

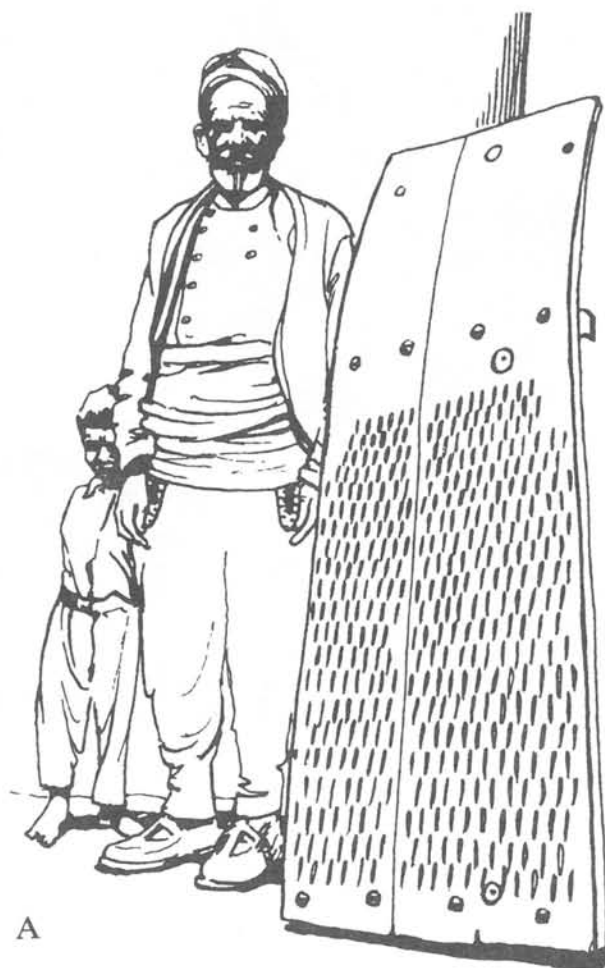

Рис. 11 А — молотильная доска; Б — молот'ба (конец XIX—начало XX вв., Болгария, из архива Х. Вакарельского).

Fig. 11 A — threshing board; Б — the process of threshing (late 19th—early 20th century, Bulgaria, Vakarelsky's archives).

Рис. 12 Молотильная доска из с. Нагорного Одесской области, начало XX в. (фото 1983 г.).

Fig. 12 Threshing board from the village of Nagornoe, Odessa Region, early 20th century (photographed in 1983).

Рис. 13 Эксперимент с молотильной доской. с. Нагорное, 1983 г.

Fig. 13 Experimenting with the threshing board. Nagornoe, Odessa Region, 1983.

тин (3—4 × 2—3 см). Микро- и макроизнос наблюдается у стругов по всей длине их рабочих лезвий, концы которых закруглены вследствие работы. Эти признаки характерны для вкладышей инструментов с двуручной рукоятью. Орудия, которыми строгали дерево, мы называли строгальными ножами-стругами («рубанками»). Орудия, предназначенные для скобления дерева — скобелями-стругами.

Для «рубанков» типичен макроизнос в виде крупных и мелких плоских выщербин, расположенных цепочкой в один или два яруса вдоль края инструмента. На кромке их лезвий заметна прерывистая линия заполировки. Небольшая заполированность фиксируется и на тех участках брюшка вкладыша, которые плотно соприкасались с обрабатываемой деревянной поверхностью. По обе стороны от режущего края инструмента обнаружены линейные следы — длинные штрихи, направленные перпендикулярно или слегка под углом к рабочей кромке орудия (рис. 6: А).

Макроизнос на вкладышах скобелей-стругов имеет иной характер. Это вертикальная многоступенчатая выщербленность, фасетки которой, располагаясь в два, а иногда и в три ряда, частично перекрывают друг друга. При этом более мелкие фасетки лежат на самом краю рабочей части инструмента. Лезвие скобеля-струга имеет в плане слегка вогнутую форму, в профиле — неровную. Линейные следы — короткие черточки, расположенные поперек рабочей кромки орудия — сохраняются только на ее отдельных невыщербленных участках (рис. 6: Б).

В процессе обработки дерева струги обоих видов держали двумя руками. Рабочее лезвие «рубанка» устанавливали наклонно к обрабатываемой поверхности, а само орудие двигали от себя. Рабочее лезвие скобеля-струга ставили вертикально, а сам инструмент двигали возвратно-поступательно (рис. 6: В). Обрабатываемые предметы, для большей устойчивости упирали в землю или зажимали в козлах. В ходе экспериментов были опробованы орудия с вкладышем, помещенным в центральную часть прямой или изогнутой рукояти. Плоские поверхности было удобнее обрабатывать прямыми стругами, изогнутые поверхности — выпуклыми.

Опыты показали большую эффективность деревообрабатывающих стругов. Этими орудиями можно быстрее и более качественно обработать гораздо большую площадь, чем обычными скобелями и строгальными ножами. В наших экспериментах струги применяли для снятия коры с крупных бревен, для строгания досок и для изготовления изделий сложной конфигурации.

В этнографических материалах есть прямые аналогии деревообрабатывающим орудиям, найденным при археологических раскопках. Речь идет о металлическом двуручном орудии — «рукане», которым до сих пор пользуются в современных деревнях.

В коллекциях энеолитических орудий встречаются единичные экземпляры вкладышей стругов, на рабочих частях которых сохранились линейные следы, характерные и для строгания, и для скобления дерева. Незначительное число стругов, которыми выполняли две эти операции объясняется тем, что после скобления макродеформация рабочих краев инструментов почти полностью исключает возможность строгания ими. Для строгания необходима тонкая рабочая кромка орудия, имеющая небольшой угол заострения. В процессе работы на лезвии вкладыша возникают плоские выщербины, не утолщающие, а часто самозатачивающие рабочий край. А при скоблении, кромка выкрашивается вертикально, при этом увеличивается угол ее заострения. Поэтому строгать дерево орудием, которое использовали для скобления, трудно, а часто и невозможно.

Среди орудий энеолитических культур Болгарии обнаружены также стержневидные сверла из кремня для механического сверлильного приспособления. Они изготовлены из самых прочных частей пластин, прилегающих к их центральному ребру. Сверла имеют стандартную длину от 2 до 2,5 см. Боковые стороны их острий симметрично стерты так сильно, что границы фасеток ретуши, оформлявшей рабочий край инструмента, сгладились от работы. Так же сильно изношен и конец острия орудия. На боковых сторонах и на рабочих частях сверл заметен блеск и идущие по кругу линейные следы. Кроме сверл на энеолитических поселениях Болгарии найдены глиняные диски диаметром от 15 до 18 см и толщиной около 3,5 см. Они имеют отверстие в центре, диаметром около 2,5 см (Годорова и другие 1975). На их боковых поверхностях видны углубленные бороздки от пальцев, что указывает на формовку дисков руками. Возле отверстий отсутствуют какие-либо следы трения или окатанности. Это свидетельствует о том, что диски не использовались в качестве грузил ткацкого станка или рыболовных сетей. Внутри отверстий дисков видны следы стертости и правильные круговые линии. Эти факты позволяют предположить, что подобные предметы служили маховиками механического сверлильного станка (рис. 7). Такое предположение было проверено экспериментальным путем. Опыты показали, что по размеру и весу

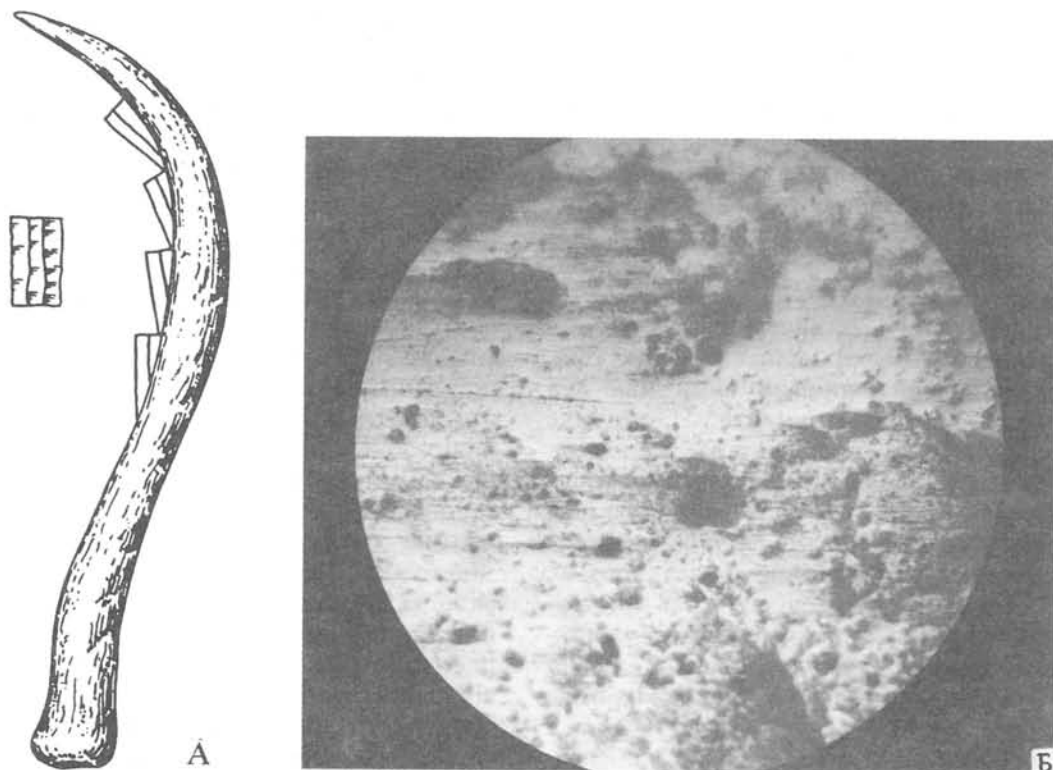

Рис. 14 А — реконструкция серпа карановского типа энеолитического времени, Б — следы изношенности на вкладыше серпа ($\times 100$).

Fig. 14 А — reconstruction of a Karanovo-type sickle, Chalcolithic; Б — traces of wear on the sickle insert ($\times 100$).

Рис. 15 А — растирание зерен злаков на зернотерке, Б — растирание зерен злаков (конец XIX—начало XX вв., Болгария, из архива Х. Вакарельского).

Fig. 15 А — grinding grains of cereals on a quern; Б — grinding grains of cereals (late 19th—early 20th century, Bulgaria, Vakarelsky's archives).

такие диски хорошо подходят к сверлильному станку, сверло которого имело форму аналогичную энеолитической. Доску толщиной 2 см просверливали на таком станке менее, чем за 1 мин.

Струги и механические сверла существенно увеличили набор энеолитических инструментов для работы по дереву и расширили круг возможных операций по его обработке.

Все выше сказанное позволяет считать, что в эпоху энеолита в коже- и деревообработке происходит усложнение технологии, способствовавшее дальнейшей специализации этих производств.

На территории нынешней Болгарии время возникновения земледелия как одной из основных отраслей производящего хозяйства относится к раннеэнеолитической эпохе (Георгиев 1974; Todorova 1981; Кънчев 1967: 50—64). На поселениях этого времени обнаружены разнообразные земледельческие орудия: мотыги для обработки почвы, серпы с кремневыми вкладышами и зернотерки. Многие из них, претерпев изменения, продолжали бытовать и в период энеолита. Кроме того, как уже указывалось выше, некоторые земледельческие орудия впервые появились только в меднокаменном веке (Скакун 1987).

Так, среди орудий из рога оленя обнаружена серия из семи однотипных предметов. Они представляют собой крупные изделия из длинной части основного ствола рога с отростком (рис. 8: А). Внимательное изучение этих артефактов с помощью микроскопа показало, что следы сработанности концентрируются на отростке, вся поверхность которого интенсивно заполирована, а ее отдельные участки покрыты штрихами, глубокими царапинами, бороздами, направленными вдоль длинной оси отростка к основному стволу рога. Наиболее сильный блеск и деформация отмечены на нижней поверхности отростка. Длинная часть орудия — ствол рога имеет изношенность на обтесанных участках, причем границы фасеток стесов несколько затерты и сnivelированы.

Многолетние экспериментально-трассологические наблюдения показывают, что обнаруженный вид износа типичен для почвообрабатывающих орудий (Семенов 1974; Коробкова 1975: 37,38). Подобная заполированность отростка, который отходит от ствола рога под тупым углом, образуется от соприкосновения рога с почвой, а царапины — от столкновений рабочей поверхности орудия с камнями и комками земли. Расположение заполированности и деформаций, а также наличие царапин на анализируемых

изделиях показывают, что во время работы в земле находилась только та часть орудия, на которой сохранились вышеупомянутые следы, — отросток, причем наибольшая нагрузка ложилась на его конец и нижнюю часть — подошву (рис. 8: Б). Орудие двигали отростком вперед, как бы вспарывая почву. Длинная часть рога служила стержнем, на стесанном участке которого, имеются следы затертости. На него могло быть надето приспособление для рукояти. Все перечисленные наблюдения дают основания отнести эти орудия к землеобрабатывающим и дать им условное название «рала». В качестве аналогий им можно указать лишь два роговых орудия. Одно из них найдено в Румынии на поселении Кэсчиоарели (Dumitrescu, Banaetanu 1965); другое — в России (Калининградская область) на поселении Цедмар (Краснов 1975: 153—161). Исследованное Г. Ф. Коробковой «рало» из трипольского поселения Новые Русешты имеет несколько отростков, отходящих от основного ствола рога, и этим оно отличается от болгарских орудий (Черныш 1982: 233). В специальной литературе эти изделия сравнивают с ручными бороздовыми орудиями, известными по этнографическим данным (Краснов 1975). Вместе с тем, общепризнано, что некоторые типы ручных бороздовых инструментов имеют все или почти все конструктивные особенности, присущие пахотным орудиям. Действительно провести четкую границу между ними, в особенности для периода перехода к пашенному земледелию, пока невозможно. На наш взгляд, при всей важности решения этого вопроса большее значение, в конечном итоге, имеет сам факт появления в энеолите принципиально новых, не известных ранее, орудий по обработке почвы, свидетельствующих о прогрессивном развитии землеобрабатывающей техники.

Зарождение пашенного земледелия в энеолите подтверждается находками костей волов (Цалкин 1967; Ghetie, Mateescu 1974; Тодорова 1979). Относительно небольшое количество найденных роговых «рал», видимо, объясняется длительным употреблением одного и того же орудия в нескольких хозяйствах, не исключено также, что в большинстве случаев «рала» были изготовлены из дерева, и поэтому не сохранились.

Этнографам известны многочисленные примеры использования деревянных пахотных орудий, изготовленных из сучковатых деревьев, стволы которых служили рабочими частями «рал», а сучья — их рукоятями. В болгарской деревне деревянные пахотные орудия без металлических наконечников применялись для обработки земли еще в

конце XIX в., причем одно и то же орудие использовалось несколькими хозяйствами (рис. 9). По мнению болгарского этнографа В. Маринова,¹ выделенные нами энеолитические роговые инструменты по своим техническим данным были вполне пригодны для пахоты земли на глубину от 6 до 8 см.

Наряду с пахотными орудиями в энеолите появляются первые металлические мотыги (Черных 1978), а также продолжают бытовать мотыги из рога и камня.

Еще одним новым типом земледельческих орудий, которые удалось выявить с помощью трасологического метода, являются вкладыши молотильной доски. Они обычно изготовлены из средних частей крупных пластин стандартных размеров (рис. 10: А). На торцах некоторых заготовок имеется подтеска, утончающая их с брюшка. Рабочая часть орудий, расположенная ближе к углу пластины — сильно сработана, округла, иногда деформирована. Хорошо сохранившиеся части кромок имеют округлое поперечное сечение. Заполировка на обеих поверхностях лезвий вкладышей молотильной доски напоминает блеск на вкладышах серпов. Однако границы ее не столь четко очерчены, а макро- и микроизнос этих двух типов орудий принципиально различен. Лезвия серпов никогда не бывают сильно изношены, линейные следы, обнаруженные на них, имеют «кометообразную» форму. Микроизнос вкладышей молотильной доски характеризуется глубокими черточками с рыхлыми краями, которые направлены параллельно друг другу и слегка под углом к кромке лезвия. Разница в микро- и макроизносе обоих типов орудий указывает на разницу в их рабочей кинематике (рис. 10: Б; 14: Б).

Молотильная доска упоминается еще в шумерийских текстах (Kramer 1964: 342), в Библии, в пророчествах Исайи (Ис. XLI, 3). Это орудие под названием *tribulum* описано многими латинскими авторами (Варрон 1963: 65). Оно применялось в недавнем прошлом в ряде районов Южной Европы, Балкан, Анатолии, Ближнего Востока, Закавказья и Северной Африки (Lucquet, Rivet 1933) (рис. 11: А, Б).

В селе Нагорное (низовья Дуная, Одесская область Украины), где живут болгары, переселившиеся в Россию в XIX в., мы обнаружили несколько целиком сохранившихся молотильных досок (рис. 12). По рассказам старожил, изготовление такого приспособления, называемого диканя, происходило следующим образом. Две или три доски, чаще всего из вербы, замачивали на

несколько дней в воде. Затем их сбивали вместе, изгибали передний край и на одной из образовавшихся плоскостей, предназначенной для того, чтобы служить рабочей частью, выдалбливали в шахматном порядке пазы. В них деревянными молотками забивали обломки кремня так, чтобы наружу выступали только углы вкладышей и часть их боковых сторон. При загонке вкладышей в паз на рабочей кромке кремней часто образовывались крупные плоские сколы. Готовое приспособление напоминало сани, к переднему изогнутому концу которых пристегивалась упряжь. Для молотыбы выбирали ровную площадку, утрамбовывали ее и равномерно расстилали на ней стебли пшеницы или ячменя, колосьями к центру площадки. Перед началом работы их хорошо приминали. После этого волов или коней, впряженных в диканю (молотильная доска), на которую сверху клали камни или сажали детей, гоняли по кругу. При этом кремневые вкладыши выбивали зерна злаков из колосьев. Оставшаяся после молотыбы разрезанная солома в сухом и распаренном виде шла на корм скоту или использовалась в домостроительстве. Так как жители села Нагорное до сих пор помнят как надо работать с помощью молотильной доски, то у нас появилась возможность полностью воспроизвести этот процесс (рис. 13). Для проверки трасологических наблюдений была использована молотильная доска одного из крестьян, изготовленная в 30-е годы XX в. В те пазы доски, из которых вкладыши выпали, были вставлены части кремневых пластин без следов использования из материалов энеолитического поселения Нагорное II. После проведенного эксперимента сравнили энеолитические вкладыши с этнографическими и экспериментальными орудиями. Оказалось, что макро- и микроизнос на всех трех группах вкладышей идентичен. Это заключение дает уверенность в правильности трасологических определений (Скакун 1981, 1987; Skakun 1992, 1993).

Вкладыши молотильной доски были обнаружены не только на территории нынешней Болгарии. П. Андерсон определила их среди орудий поселения Кутан (Ирак) (Anderson, Inizan 1994). Молотильная доска известна и в уникальных погребениях эпохи бронзы и раннего железного века в Закавказье (Гуммель 1949; Есаян, Шагинян 1962; Чубанишвили 1951; Morgan 1889: 59, 138, 139).

Энеолитические жатвенные орудия конструктивно повторяют неолитические серпы карановского типа (рис. 14: А), но вклады-

¹ Устная информация.

ши серпов медно-каменного века несколько отличаются от неолитических. Как уже отмечалось выше, в кремневой индустрии энеолита появляется новый тип пластинчатой заготовки. Энеолитические вкладыши серпов являются фрагментами средних частей крупных пластин, обычно стандартных по форме и размерам (2—2,5 × 3—4 см). Подобная унификация вкладышей жатвенных орудий давала возможность легко получать зубчатое лезвие нужной конфигурации. Многочисленные эксперименты показали большую эффективность серпов этого типа. Они оказались более производительными и удобными в работе, чем жатвенные ножи с прямой рукоятью, широко распространенные, например, в неолите Средней Азии. Производительность современных железных серпов лишь в 2,5 раза превышает производительность карановских (Коробкова 1974, 1978, 1981). Эксперименты показывают, что характерный зеркальный блеск и линейные следы «кометообразной» формы образуются на вкладышах жатвенных орудий уже после нескольких часов непрерывной работы (рис. 14: Б).

Растирание зерна в эпоху энеолита производилось, как и в неолите, на каменных зернотерках. Однако по сравнению с неолитическими размеры их значительно увеличились. Как показывают археологические наблюдения, многие зернотерки были установлены в жилищах стационарно. Рабочие поверхности большеинства из них интенсивно изношены. Некоторые зернотерки использовали для растирания руды. Об этом свидетельствуют длинные глубокие продольные следы-борозды, в которых сохранились мелкие крупинки сырья. Обнаружено несколько сломанных зернотерок, служивших наковальнями.

Вопреки распространенному мнению, процесс растирания зерна с помощью каменных орудий, оказался не таким трудоемким. Эксперименты показали (рис. 15: А), что один стакан зерна можно растереть за 40 минут (Коробкова 1974, 1981). Этнографические данные свидетельствуют о длительном бытовании зернотерок, которые существовали, наряду с ручными мельницами, в некоторых болгарских деревнях до конца XIX века (рис. 15: Б).

Следует подчеркнуть, что на территории Болгарии комплекс земледельческих орудий, включающий в себя почвообрабатывающие, жатвенные и зернообрабатывающие инструменты, складывается на ранних стадиях неолита. В энеолитическую эпоху эти орудия:

мотыги, серпы, зернотерки, — претерпевают некоторые изменения. Так, наряду с роговыми мотыгами, известны и металлические. Серпы, благодаря стандартизации вкладышей, становятся более производительными. Зернотерки увеличиваются в размерах. Кроме того, в энеолите впервые появляются пахотные орудия из рога и молотильные приспособления.

Итак, изучение орудий труда из энеолитических памятников Болгарии показывает, что во многих производствах этого времени появляются новые орудия труда и модернизируются старые, давно известные. Уровень технической оснащенности земледельцев качественно увеличивается. Немаловажную роль при этом сыграли достижения в технике расщепления кремня, которая достигла своего наивысшего развития и полностью исчерпала возможности ее дальнейшего совершенствования (Скакун 1984, 1987, 1996; Skakun 1996). Появляется новый тип заготовок — полуфабрикат — крупные суперправильные пластины, которые позволяли создавать новые инструменты.

С помощью трасологического анализа среди одинаковых фрагментов средних частей пластин без вторичной обработки были выделены новые, не известные ранее орудия — это вкладыши для молотильной доски, для стругов по обработке шкур и дерева, кожеобрабатывающего станка; стержневидные сверла для механического сверлильного приспособления. Интересно отметить, что орудия, предназначенные для выполнения одной и той же трудовой операции, обладают ярко выраженной стандартизацией. Для разных инструментов были установлены оптимальные размеры и формы заготовок. Такой высокий уровень стандартизации способствовал большой дифференциации орудий по операциям, что наглядно демонстрируют инструменты для обработки шкур, кож и дерева.

Кардинальные изменения в кремнеобрабатывающем, коже- и деревообрабатывающем производствах свидетельствуют о том, что они вышли за рамки домашних промыслов и трансформировались в специализированные отрасли первобытного ремесла (Скакун 1982а, 1985, 1987, 1992, 1993; Skakun 1992, 1993а). Огромную роль в развитии энеолитического хозяйства сыграл и новый уровень агротехники — переход к пахотной форме земледелия. Вероятно, эти качественные изменения в экономике и явились основой для расцвета энеолитических культур на Балканах.

- Вакарельски, Х. 1977. Етнография на България. София: Наука и искусство.
- Варрон. 1963. Сельское хозяйство. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР.
- Георгиев, Г. 1974. Стратиграфия и периодизация на неолита и халколита в днешните Български земи // Археология XVI: 121—141. София.
- Гуммель, Я. И. 1949. Курган близ Ханлара // Краткие сообщения Института истории материальной культуры 24: 55—59. Москва.
- Есаян, С. А., Л. Н. Шагинян. 1962. Археологические находки в Зангезури // Советская археология 3: 200—209.
- Коробова, Г. Ф. 1974. Экспериментальное изучение орудий труда трипольской культуры // Археологические открытия 1973 г.: 420—421. Москва: Наука.
1975. Трипольские мотыги и проблема трипольского земледелия // Тезисы докладов на конференции, посвященной 150-летию Одесского археологического музея Академии Наук УССР: 37—38. Киев.
1978. Древнейшие жатвенные орудия и их производительность (в свете экспериментально-трасологического изучения) // Советская археология 4: 36—52.
1981. Хозяйственные комплексы раннеземледельческих обществ юга СССР. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Москва.
- Краснов, Ю. А. 1975. Древнейшие пахотные орудия. Москва: Наука.
- Кънчев, К. 1967. Земледелчески оръдия от неолита и енеолита в Българския земи // Археология 3: 50—64. София.
- Мерперт, Н. Я. 1995. Българские земли в VI—V тысячелетии до н.э. и некоторые вопросы древнейшей истории Европы // Петербургский вестник 9: 96—103. Санкт-Петербург.
- Петрунь, В. Ф. 1967. К петрографическому определению состава и районов добычи минерального сырья раннеземледельческими племенами Юго-Запада СССР // Краткие сообщения Института археологии Академии Наук СССР 111: 50—53.
- Рындина, Н. В. 1993. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы (истоки и развитие в неолите-энеолите). Научный доклад, представленный в качестве дисс. ... докт. ист. наук. Москва.
- Рындина, Н. В., Л. В. Орловская. 1978. Результаты металлографического анализа. Приложение к кн.: Черных Е. Н. Горное дело и металлургия древнейшей Болгарии: 306—332. София: Болгарская Академия наук.
- Семенов, С. А. 1974. Происхождение земледелия. Ленинград: Наука.
- Скакун, Н. Н. 1981. Эксперименты в экспедиции «Добруджа 1979» // Интердисциплинарни изследвания 7/8: 59—69. София.
1982. Прогрессивные явления в экономике раннеземледельческих культур Болгарии // Тезисы конференции «Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа»: 94—96. Ереван: Издательство Академии наук Армянской ССР.
- 1982а. Оръдия на труда от неолитного селища при с. Дуранкулак Толбухински окръг // Археология 1: 49—53. София.
1984. Кремнеобрабатывающее производство в эпоху палеометалла Болгарии // III Seminar on Petroarchaeology: 83—92. Plovdiv: Издательство на Българската академия на науките.
1985. Нові дані про розвиток виробництва в епоху неоліта на території Болгарії // Археологія 52: 33—41. Киев.
1987. Опыт реконструкции хозяйства древнеземледельческих обществ эпохи энеолита Причерноморского района Болгарии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ленинград.
1992. Эпоха энеолита — время возникновения ранних форм ремесла // Северо-Западное Причерноморье: ритмы культурогенеза. Тезисы докладов семинара: 18—19. Одесса.
- 1992а. Типолого-трасологический анализ на оръдията на труда от жилищното помешение // Николов В. Раннеолитно жилище от Слатина // Разкопки и проучвания 25: 102—107. София.
- 1992б. Резултати от трасологическое исследование на кремъчните изделия от работилницата // Николов В. Раннеолитно жилище от Слатина. Разкопки и проучвания 25: 101—102. София.
1993. Развитие производств в эпоху энеолита в Болгарии // Pulpudeva 6: 152—164. Sofia.
- 1993а. Развитие кремнеобрабатывающего производства в эпоху развитого энеолита в юго-восточной Европе // Трипольська культура України. Тезиси докладов Международной научной конференции: 60. Львів.
1994. Резултати исследования производственного инвентаря неолитического поселения Усое I (Болгария) // Экспериментально-трасологическое исследование в археологии: 85—118. Санкт-Петербург: Наука.
1996. К вопросу о кремнеобрабатывающем производстве эпохи энеолита в юго-восточной Европе (по материалам Болгарии) // Археология 3: 124—128. Киев.
- Скакун, Н. Н., В. А. Семенов. 1990. Етнографски наблюдения вчерку българского село в Одески област на СССР // Векове 3: 31—51. София.
- Тодорова, Х. 1979. Энеолит Болгарии. София: София-Пресс.
1986. Каменномеднота епоха в България. София: Издательство на Българската Академия на науките.
- Тодорова, Х., Ст. Иванов, В. Василев, М. Хонф, Х. Квита, Г. Кол. 1975. Селищната могила при Голямо Делчево // Раскопки и проучвания: 5. София.
- Цалкин, В. И. 1967. Фауна из раскопок поселений культуры Гумельница // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР 111: 147—153.
- Черных, Е. Н. 1978. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София: Болгарская Академия наук.
- Черныш, Е. К. 1982. Энеолит Правобережной Украины и Молдавии // Археология СССР. Энеолит: 165—320. Москва: Наука.
- Чубанишвили, Т. Н. 1951. Погребение с молотильной доской на Самтаврском могильнике // Сообщения Академии наук Грузинской ССР XII: 61—67. Тбилиси.
- Anderson, P. S., M.-L. Inizan. 1994. Utilisation du tribulum au début du III-e millénaire: des lames «cananéennes» lustrées à Kután (Ninive V) dans la région de Mossoul, Iraq // Paléorient 20/2: 85—103.
- Crabtree, D. E. 1967. Notes on experiments in flintknapping: 4. Tools used for making flaked stone artifacts // Tebiwa Idaho 10 (1): 60—73.
- Dumitrescu, V., T. Banaetaru. 1965. A propos a un soc de neolithique de Cascioarele // Dacia XI: 59—67.
- Felix, R. 1960. Présentation de silex recueillis sur ateliers pressiginiens // Bulletin de la Société Préhistorique Française LVII: 493—507.

- Ghetie, B., N. Mateesco.* 1974. Le monton du neolithique moyen de Vadastra (Romania) // *L'Anthropologie* 78 (1): 5—16.
- Kelterborn, P.* 1980. Zur Frage der Livre de beurre // *Jahrbuch der schweizerischen Gesellschaft für Ur- und Frühgeschichte* 63: 7—23.
- Kramer, S. N.* 1964. The Sumerians: their history, culture and character. The University of Chicago Press.
- Lucquet, G. N., P. Rivet.* 1933. Sur trilulum // *Mélanges* № 10. IORGA: 613—638.
- Morgan, J. de.* 1889. Mission scientifique au Caucase. Études archéologiques et historiques 1. Paris: E. Leroux.
- Pelegrin, J.* 1994. Lithic technology in Harappan times // *Parpola A., P. Koskikallio (eds.) South Asia Archaeology 1993 2/II: 587—598.* Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia.
- Pelegrin, J., M. Otte.* 1992. Einige Bemerkungen zur Präparations- und Ausbeutetechnik der Kernstein aus Raum 29 // *Behm-Blancke M. R. Hassek Höyük. Naturwissenschaftliche Untersuchungen und lithische Industrie: 219—224.* Tübingen: E. Wasmuth.
- Rosen, S. A.* 1983. The Canaanite Blade and the Early Bronze Age. *Archaeological Survey at Israel // Israel Exploration Journal* 33: 15—29.
1989. The analysis of Early Bronze Age chipped stone industries: a summary statement // *Miroschedji P. R. de (éd.) L'urbanisation de la Palestine à l'âge du Bronze Ancien // British Archaeological Reports. International series 527: 199—224.* Oxford.
- Skakun, N. N.* 1992. Evolution des techniques agricoles en Bulgarie chalcolithique (d'après les analyses traceologiques // *Préhistoire de l'Agriculture: Nouvelles Approches Expérimentales et Ethnographiques. Monographie du CRA 6: 289—303.* Centre National de la Recherche Scientifique.
1993. Agricultural implements in the Neolithic and Eneolithic cultures of Bulgaria // *Études et recherches archéologiques de l'Université de Liège* 50: 361—368. Liège.
- 1993a. New implements and specialization of traditional industries in the Eneolithic of Bulgaria // *Études et recherches archéologiques de l'Université de Liège* 50: 139—145; 303—307. Liège.
- 1993b. Tekniska framsteg inom jordbruksbuttererua i södra Europa under kopparstenåldern // *Forntida teknik* 1: 4—24.
- 1993c. Results of traceological examination of flint implements from neolithic settlements in Western Bulgaria // *Gatsov I. Neolithic chipped stone industries in Western Bulgaria: 52—54.* Kraków.
1996. Le rôle et l'importance du silex dans le chalcolithique de sud-est de l'Europe (sur la base du matériel provenant de fouilles du campement de Badaki) // *La Préhistoire au Quotidien: 223—235.* Grenoble.
- Todorova, H.* 1981. Das Chronologiesystem von Karanovo im Lichte der neuen Forschungsergebnisse in Bulgarien // *Slovenská Archeológia* 29 (1): 203—216.
- Verheyleweghen, J.* 1953. Découverte sur le territoire de spiennes d'une phase d'occupation des hommes de Michelsberg antérieure à celle du plateau du «Camp a Coyaux» // *Bulletin de la Société Royale Belge d'Anthropologie et de Préhistoire* LXIV: 141—162. Bruxelles.

TECHNOLOGICAL PROGRESS IN THE CHALCOLITHIC OF SOUTHEASTERN EUROPE

(Based on early agricultural
sites in Bulgaria)

N. N. SKAKUN

Archaeological findings of the recent decades resulted in a radical revision of traditional views regarding early agricultural Southeastern Europe as an allegedly backward periphery of the ancient Oriental civilizations. Materials from numerous chalcolithic sites in the Balcano-Danubian area, specifically in Bulgaria, attest to an extremely high achievements of the early agriculturalists of southeastern Europe in various spheres of material culture and ideology (Тодорова 1979, 1986; Мерперт 1995).

In the Bulgarian Chalcolithic, large standard preform-blades appear, of which most

tools were made (fig. 1). They are straight or gently curved in profile, subtriangular or trapezoid in section, have parallel sides with sharp straight edges, their thickness is nearly the same in all parts, and they taper off near the tip. While some unique specimens are extremely large (40 cm), many others are 25—30 cm long, and those 15—20 cm long and 2—4 cm wide are quite common. The blades were made according to a well standardized technology which included special methods of preparing the striking platform, shaping the core and its ribs, processing the flaking surface, and retouching the platforms after several

blades had been detached (fig. 2). Blades were used for making several types of tools. End-scrapers were normally made on lower, stronger parts of the blades, 6—9 cm long. Drills, 2,5—3 cm long, were made of the strongest parts of the blades, closest to the rib. Not only tools of well-defined types, but inserts of cutting tools, too, were highly standardized.

New tools make their appearance, such as inserts for scrapers, those for complex skin-processing devices, knives for processing skins, and drills for wood. Scrapers were made on middle parts of large blades, 3—4,5 × 2—3 cm in size, and were not retouched. On some of them, traces of extensive wear are easily discernible, suggesting that they were used for processing skins. As the nature of the wear (intensity and relief of linear features) indicates, skins were placed on hard supports (fig. 4: A).

Based on these observations, a tentative reconstruction of these tools was made. Experimental scrapers are tools with curved wooden hilts, the distance between the ends being 35—40 cm. In the middle of the hilt, a slot was made for the flint insert. This tool was especially efficient if a special device was used: a well-planed log whose upper end was fixed and the lower one was rested on the ground. The experimenter pressed the skin, which was placed on the upper end of the device, to the log and processed it by moving the scraper to and fro with both hands (fig. 4: B). The resulting suede is very similar to that made by rural artisans in our days. In some villages of the Odessa Region, this technique of processing skins is still being used (fig. 4: B).

One more type of flint inserts was used in leather dressing. They were also made of unretouched middle parts of blades 3—4,5 cm by 2,5—3 cm. The heavy wear suggests that they could not have been used as scrapers. Apparently they were parts of devices for the final processing of skins (softening and stretching).

Results of the function-use-wear analysis were supported and supplemented by experiments. A small stick, 3—4 cm in diameter, with a slot on the outer side, was placed upright in a fixed wooden frame. Flint tools were inserted in the slot and fixed with fruit glue. Having placed the skin on the device, the experimenter moved it to and fro, subjecting various places to processing (fig. 5: B). This device was shown to be highly efficient. Skins that had already been subjected to primary processing, were stretched and softened on it. As a result, a high-quality suede was obtained. In Bulgarian villages, a similar device, called «kositsa», was still used in the mid—20th century. Its working part was made of metal (Вакарельски 1977).

Skins were processed on the kositsa in same way as described above (fig. 5: B).

The traceological analysis has revealed some new wood-working tools. Some of them were planes and some were scrapers. On both sides of the working edge of the «plane», linear traces of wear were found, which were situated at a right or nearly right angle to the edge (fig. 6: A).

The wear on the inserts of scrapers was different. Linear traces (short dashes situated across the working edge) were preserved only on some unworn parts (fig. 6: B). Apparently, the working edge of the «plane» was placed obliquely, and the tool was pushed forward. In contrast, the working edge of the scraper was placed upright, and the tool was in both directions (fig. 6: B). The processed objects were rested on the ground or fixed in a wooden vice.

The toolkit used by the chalcolithic people of Bulgaria includes rod-shaped flint drills for a mechanical device. They are made of the strongest parts of blades, those adjoining the central rib. Their normal length is 2—2,5 cm. Also, clay discs, 15—18 cm in diameter and 3,5 cm thick, were found. Each of them has an opening, ca. 2,5 cm in diameter, in the centre (Тодорова и др. 1975). Inside these openings, traces of wear and regular lines resulting from rotation are seen, suggesting that these disks were fly-wheels from a mechanical drilling device (fig. 7).

Also, various agricultural tools were found. Those made of reindeer antler include seven similar large artifacts made from the longer part of the main shaft with a twig (fig. 8: A). Their microscopic examination showed that traces of wear were concentrated only on the twig, whose entire surface is polished and some of its parts are covered with deep scratches and grooves directed toward the main stem and parallel to the long axis of the twig. These traces are the most expressed on the lower surface of the twig.

As the experimental studies demonstrate, this wear is typical of agricultural tools (Семенов 1974; Коробкова 1975: 37, 38). The twig becomes polished when the antler is rubbed against the ground, and the scratches are produced by stones and other hard particles. The working part of the tool was the twig, especially its tip and lower part (fig. 8: B). The tool was pushed, the twig being directed forward, ripping the ground open, as it were. The long part of the antler bears traces of wear near the hewn place, suggesting that some device for attaching the handle was fastened to the shaft. The tool, then, must have been very similar to a plough, but was possibly hand-driven.

There are many known ethnographic examples of using wooden agricultural tools made of trees, the shaft being used as a working part and the twig as a handle. In Bulgarian villages, wooden ploughs without metal points were still used in the late 19th century, one tool being owned by several families (fig. 9). According to the Bulgarian ethnographer Marinov, chalcolithic antler tools could well have produced 6–8 cm-deep furrows.

Another type of agricultural tools established by means of the function-use-wear analysis are inserts from a threshing board. They were normally made of the middle parts of large standard blades (fig. 10: A). The nature of polish on both their surfaces resembles that on the sickle inserts. The polish, however, is less sharply delimited, and the macro- and micro-wear, too, is different. The blades of sickles are never heavily worn, and the linear traces on them have a «comet» shape. In contrast, the threshing board inserts are covered with deep parallel dashes with loosely defined borders, directed slightly obliquely toward the cutting edge. The two tools, then, must have had different functions (fig. 10: B; 14: B).

The threshing board was used until recently by many peoples of southern and south-eastern Europe, Anatolia, the Near East, Transcaucasia, and northern Africa (Lucquet, Rivet 1933; fig. 11: A, B). We have found several well-preserved threshing boards in the village of Nagornoe, the Lower Danube, Odessa Region, Ukraine, which is inhabited by Bulgarians who had immigrated in the 19th century (fig. 12). Because people still remember the way in which the threshing board was op-

erated, we were able to reconstruct all stages of the process (fig. 13).

Chalcolithic harvesting tools are similar to neolithic sickles of Karanovo type in terms of construction (fig. 14: A), but their inserts are somewhat different.

In the Chalcolithic, as in the preceding period, grain was ground on stone querns. Their size, however, increased. Some were used for crushing ore, as evidenced by long longitudinal furrows with tiny particles of ore inside.

Contrary to a widespread view, grinding grain on querns is not very difficult or time-consuming. As the experiments showed (fig. 15: A), one glass of grain can be ground in 40 minutes (Коробкова 1974, 1981). According to ethnographic data, querns and hand mills were used in some Bulgarian villages until the late 19th century (fig. 15: B).

Several new types of tools, then, appear in the Chalcolithic of Bulgaria. Traceological analysis helped to identify new, previously unknown tools, such as inserts for the threshing board, those for scrapers, and those for the skin-processing device, and drills for a mechanical device.

Radical changes in flint working, and skin and wood processing indicate that these were no longer purely domestic crafts and had become specialized (Скакун 1982a, 1985, 1987, 1992, 1993; Skakun 1992, 1993a). An important factor was the rise of agricultural techniques, specifically the introduction of the plough. These qualitative changes apparently provided the base for the upsurge of the chalcolithic cultures in the Balcan area.

О КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТАХ В ЭНЕОЛИТЕ-БРОНЗОВОМ ВЕКЕ ПЛЕМЕН ЛЕВОБЕРЕЖНОГО ПРЕДСТЕПЬЯ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

З. П. МАРИНА*

Среди проблем культурогенеза древнего населения Циркумпонтийской зоны и Северного Кавказа особое место занимают формы взаимодействия участвующих в этом процессе племен (Массон 1992: 3—5; Массон: в печати),¹ свидетельством чему являются многочисленные работы публикационного и обобщающего плана (Ковалева 1976: 36; Марина 1983: 24—26; Нечитайло 1984: 127—138; 1991; 1994: 34—36). Поскольку общие вопросы миграций в эпоху энеолита-бронзового века, их направленность, приуроченность к пограничным природно-климатическим зонам получили достаточно полное освещение (Мерперт 1978: 9—28), автор ставит своей задачей раскрытие особенностей проявления этого процесса на конкретных материалах культур Левобережного Предстепья III—II тыс. до н. э.

Стало уже традицией привлекать отдельные категории инвентаря погребений Предкавказья, и прежде всего из металла, для датирования комплексов степных культур, в частности ямной и катакомбной. Следует отметить, что по данным А. Л. Нечитайло в памятниках ямной культуры преобладают в качестве импортов орудия труда и значительно реже в этой роли выступают «вилки, предметы украшения и оружие» (Нечитайло 1991: 29). При этом отмечается, что украшения из металла представлены исключительно пуансонными бляхами и только на стадии катакомбной культуры их ассортимент расширяется (Нечитайло 1991: 40,83). Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют дополнить этот список, а факт обнаружения двух идентичных комплексов ямной культуры из Присамарья исключает элемент случайности их присутствия здесь. Последнее, на наш взгляд, несколько меняет бытующие представления о типологическом составе так называемых импортов и позво-

ляет уточнить, основываясь на новых источниках, время возникновения взаимосвязей между двумя регионами. Погребение № 2 кургана 3 у села Новошандровка Павлоградского района впущено в курган ямной культуры. Входная яма размерами 2,7 × 2,5 м в материке заметно уменьшалась за счет заплечиков, устроенных по ее периметру. Форма могилы — прямоугольная, углы закруглены, размеры — 1,75 × 1,6 м, глубина на дне — 1,1 м от заплечиков. Дно закрывала органическая подстилка. Погребенный мужчина 25—35 лет лежал скорчено на спине, головой на юг. Правая рука вытянута вдоль тела, левая — согнута в локте, кисть на тазу. Ноги упали коленями вправо. Череп обильно окрашивала охра. Среди костей лицевого отдела найдены два тампона из темного смолистого вещества закрывавшие грушевидное отверстие погребенного. Справа от скелета, близ черепа и локтя размещалась напутственная пища (копытца овцы) и сопутствующий инвентарь, в составе которого костяная проколка, кремневое орудие на отщепе и часть «нагайки» (?). Сохранившаяся часть рукояти сечением 1,5 × 1 см имела оплетку из медной проволоки, кожаная часть изделия диаметром 0,8 см также в 2 местах была перехвачена проволокой. В силу своей миниатюрности нагайка вряд ли имела практическое применение и выступала, очевидно, в качестве инсигнии власти (рис. 1: 6). От одежды погребенного сохранился пояс из светлой кожи шириной 3 см. В его центральной части были попарно нашиты 22 бронзовые шаровидные подвески с петлей (рис. 1: 7).

Второе погребение происходит из кургана 6 у села Хащевое, известного у местных жителей под названием «Высока могила». Погребение № 17 впущено в курган с основным энеолитическим постмариупольским

* Украина. 320054. Днепропетровск. ул. Новосельная. д. 19, кв. 43.

¹ Благодарю автора за возможность ознакомиться с текстом.

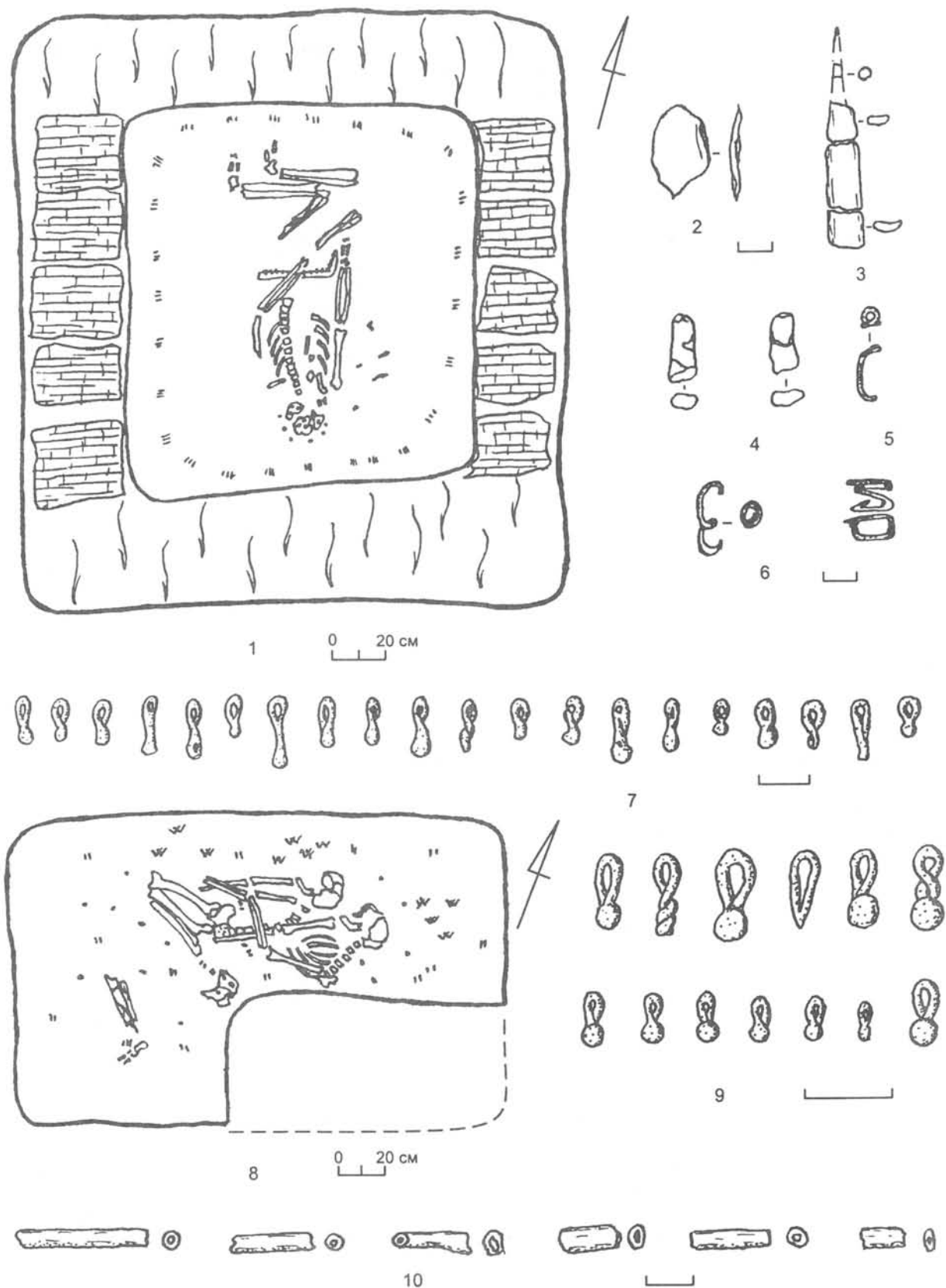

Рис. 1 Ямные погребения со стерженьками-подвесками из Присамарья.

Fig. 1 Pit-Grave burials containing rod-pendants from Samara area.

захоронением. Могила прямоугольной формы с закругленными углами размерами 2,3 × 1,45 м ориентирована по линии северо-восток—юго-запад. В заполняющем грунте обнаружены значительные включения углей и охры. Дно закрывала подстилка из коры, поверх которой была рассеяна охра в гранулах, а в северо-восточной ее части — концентрировались угли. Погребенные парное — взрослого и подростка. Скелет взрослого лежал скорчено на правом боку, головой на северо-восток. Правая рука вытянута вдоль тела, левая — согнута в локте и как бы обнимает скелет подростка. Ноги, судя по сохранившимся стопам, были уложены вправо (рис. 1: 8).

Скелет подростка помещен справа от взрослого, вплотную к нему. Положение аналогично взрослому. Обе руки вытянуты вперед к коленям, в предплечье перекрещены, кисти распрямлены. Ноги плотно сведены в коленях, стопы подтянуты к тазу. Черепа и стопы обоих окрашены охрой. На костях ног подростка обнаружены, возможно первоначально, нашитые на подол одежды бронзовые шаровидные с петлей (9 экз.), шнуровидные с одним шариком (2 экз.) и каплевидная (1 экз.) подвески (рис. 1: 9). В районе пояса лежали костяные пронизи (12 экз.) и часть клыка, просверленного в корневой части (рис. 1: 10).

С. Н. Санжаровым предпринято типолого-хронологическое членение стержневидных подвесок, входящих в комплексы с пуансонными бляхами в раннекатакомбных погребениях Северского Донца. Рассматриваемые нами украшения относятся им к группе «архаичных» и привлекаются в качестве аналогии комплексу из катакомбного погребения № 1 кургана 1 у села Майдан Донецкой области. Их датировка основывается на сопоставительном анализе других категорий инвентаря, образующих закрытый комплекс (Санжаров 1992: 6, 30—33; рис. 2: 8).

На Ставрополье, в могильнике Веселая Роща стерженьки-подвески данного типа обнаружены в ямах с вытянутыми костяками (Кореневский, Романовская 1989: 37, рис. 2; 38, рис. 3). Такие подвески относятся скорее к раннему этапу северокавказской культуры, а не позднеямной, как пишет С. Н. Санжаров (Кореневский, Романовская 1989: 30). Аналогичные рассматриваемым подвески из Прикубанья В. И. Марковин считает «прототипом более поздних подвесок, имитирующих обрывок шнура» и также связывает с ранним периодом северокавказской культуры (Марковин 1960: 33).

На территории Северного Кавказа стерженьки-подвески происходят из курганных

погребений этапа IV-C (Сафронов 1974: 23—306), характеризующих конец «древнеямной общности». Так, стерженьки-подвески найдены в погребении Чограй II, 33/7, относимом В. А. Сафроновым ко II обрядовой группе; их находки более многочисленны в погребениях III обрядовой группы (Чограй I, 36/3; Чограй II, 6/1), где они входят в комплексы с костяными молоточковидными булавками (Сафронов 1974: 76, 238, рис. 14: 9; Кореневский, Романовская 1989: 34—39) и знаменуют уже I фазу горизонта С.

А. Л. Нечитайло приводятся сведения о присутствии рассматриваемого типа подвесок в ряде погребений северокавказской культуры — станица Усть-Джегутинская, курган 24, погребение 1; станица Суворовская, курган 17, погребение 15 (Нечитайло 1978: 36, 48; рис. 13: 6; 20: 6). При этом отмечается «широкий диапазон» их бытования, что заставляет прибегнуть к привлечению категорий инвентаря, входящих в один комплекс со стерженьками-подвесками и имеющих более жесткие хронологические рамки. В первую очередь это относится к металлическим и костяным молоточковидным булавкам, выпуклым бляшкам с пуансонной орнаментацией (Константиновская 2/1, 8/2; Константиновское плато 2/7, 2/12, 2/14 и др.).

Нижняя граница I этапа северокавказских погребений, содержащих рассматриваемый тип украшений, определяется А. Л. Нечитайло рубежом III—II тыс. до н. э. Относительно определения верхнего рубежа этого этапа подчеркивается необходимость сопоставления с памятниками Закавказья и Передней Азии, что дает в абсолютных датах 2000—1800/1700 гг. до н. э. (Нечитайло 1978: 65, 103, 104). Привлекаемые исследователем даты по ¹⁴C подтверждают предлагаемую датировку. В. А. Сафронов считает, что «древняя граница для костяных молоточковидных булавок, образующих в ряде случаев, как это уже отмечалось, закрытые комплексы со стерженьками-подвесками, определяется временем не раньше рубежа III—II тыс. до н. э.». Привлечение ближневосточных аналогий позволяет ему установить верхнюю дату бытования некоторых совместно находимых с рассматриваемыми категорий украшений 1900—1700 гг. до н. э. (Сафронов 1974: 166). С. Н. Санжаров относит подвески «архаического типа», исходя из предлагаемых датировок А. Л. Нечитайло, «в пределах последних столетий III тыс. до н. э.» (Санжаров 1992: 33). С. Н. Кореневский, рассматривая металлические украшения Центрального Предкавказья выделяет две подгруппы, хронологические рамки которых

совпадают с ранним этапом северокавказской культуры. В раннюю группу включен и рассматриваемый тип подвесок, появление которых названным автором связывается с традициями погребального костюма посткуроаракских курганов Южного и Северного Кавказа, алано-беденской группы, сачхерских курганов и раннетриалетских памятников (Кореневский 1990: 92, 97; Санжаров 1992: 34).

Приведенные выше сопоставления позволяют отнести погребения ямной культуры Днепровского Левобережного Предстепья, содержащие стерженьки-подвески «архаического типа», к рубежу III—II тыс. до н. э. и рассматривать эту дату как время начала проникновения в Степь данного типа украшений.

Более сложные по технологии изготовления стерженьки-подвески происходят из катакомбного погребения № 3 кургана 9 у села Вербки в Присамарье. Они представлены многовитковыми шнуровидными с одним и двумя шариками на конце (3 экз.), а также в виде уплощенного стержня, состоящего из двух продольных половинок и утолщения-шарика на конце. Кроме них в составе инвентаря обнаружены металлические бочонковидные бусины, кольцевидные медальоны с ушком для подвешивания, литая полусферическая бляха с отверстием по центру, костяная молоточковидная булава, подвески из зубов псовых. Важным для датировки комплекса является присутствие кольцевидных медальонов со шнуровым орнаментом и костяной молоточковидной булавы. Почти аналогичный набор происходит из катакомбного погребения № 4 кургана 4 у села Голубовское Луганской области (Самойленко 1991: 149, рис. 6: 4), сопоставляемый Л. Г. Самойленко с украшениями I—II периодов северокавказской культуры (Самойленко 1991: 143). Е. Л. Фещенко, опубликовавший комплекс, подчеркивает широкие хронологические рамки кольцевидных медальонов с ушком, но отмечает при этом их концентрацию в «погребениях второго этапа развития северокавказской культурно-исторической области» (Фещенко 1992: 90). Приводимые А. Л. Нечитайло данные свидетельствуют о хронологическом их предшествовании дисковидным и миниатюрным медальонам, которые характерны «для второго этапа северокавказских культур» (Нечитайло 1991: 85).

С. Н. Братченко подвески-медальоны с «концентрическими (часто шнуровыми) кругами» связывает лишь с I этапом северокавказской культуры, отмечая при этом их довольно устойчивое сочетание со шнуровыми подвесками и ссылаясь на комплекс из Со-

ломенки и «Сачхерские курганы, верхний хронологический рубеж которых определяется О. М. Джапаридзе 1900—1800 гг. до н. э.» (Братченко 1976: 141).

Входящая в состав инвентаря погребения у села Вербки дисковидная бляха, очевидно, можно согласиться с Е. Л. Фещенко, представляет собой степное подражание северокавказским образцам с пуансонной орнаментацией, что позволяет нам проводить сопоставления с соответствующими комплексами Северного Кавказа. Важным является также присутствие костяной молоточковидной булавы, ибо подобное сочетание характерно и для памятников Северного Кавказа. Бляха с таким орнаментом найдена в погребении кургана X в Триалети (Куфтин 1941: табл. СХМ) и датируется Э. М. Гогодзе рубежом III—II тыс. до н. э. (Гогодзе 1970: 239—241). К последней четверти III тыс. до н. э. относит С. Н. Санжаров распространение слабовитковых блях с пуансонным орнаментом (Санжаров 1992: 37), что не противоречит, по мысли названного автора, «выводу С. Н. Кореневского о становлении основных черт среднебронзовой металлообработки в зоне Большого Кавказа и Предгорья в XXII, XXI вв. до н. э.» (Санжаров 1992: 37—38).

В. А. Сафронов отмечает устойчивое сочетание кольцевидных бляшек-подвесок (медальонов. — 3. М.) со шнуровой орнаментацией и усложненных типов стерженьков-подвесок, бляшек с пуансонной орнаментацией (Константиновское плато 2/1, 2/2, 2/12) (Сафронов 1974: 278, рис. 55) и относит их к началу среднебронзового века Северного Кавказа (Сафронов 1974: 87, 143).

Исходя из вышеприведенных культурно-хронологических сопоставлений нам представляется возможным отнести катакомбное погребение у села Вербки к первой четверти II тыс. до н. э. и верхнюю границу рассматривать в абсолютных датах 1800—1700 гг. до н. э. (Фещенко 1990: 100). Последнее предполагает временное сосуществование ямной и катакомбной культур на рассматриваемой территории, что уже неоднократно отмечалось исследователями.

Последнее в наших построениях основано на анализе обрядовых признаков, образующих устойчивые группы в стратифицированных курганах региона (Марина 1978: 55—69; 1982: 8—11). Как явствует из описания, погребение № 17 у села Хащевое произведено скорчено на боку и входит в группу позднейших (IV стратиграфический горизонт). Факт появления скорченного на боку обряда рассматривался нами как «свидетельство реальных контактов с катакомбны-

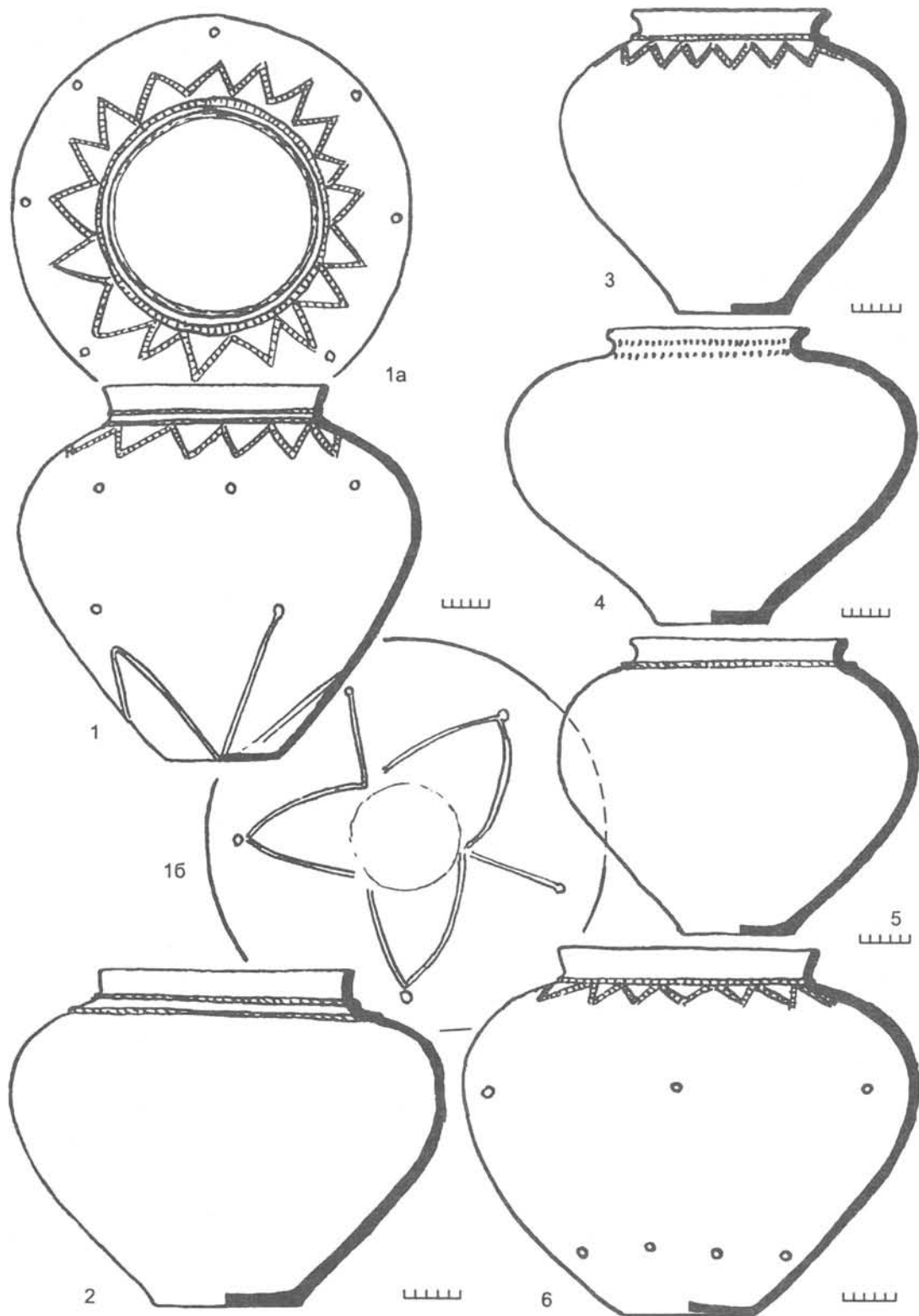

Рис. 2 Керамика из погребения № 2 из кургана 7 у с. Богдановка.

Fig. 2 Pottery from burial № 2 of kurgan 7 near the village of Bogdanovka.

ми племенами и, прежде всего, донецкой культуры, где эта поза является ведущей» (Марина 1990: 45). Анализируя катакомбную культуру Орельско-Самарского междуречья, И. Ф. Ковалева отмечает «хронологическое существование двух (ямной и катакомбной. — З. М.) «равноправных» областей» (Ковалева 1982: 39). Последнее не вызывает возражений в связи с предлагаемыми датировками для раннекатакомбных погребений сопредельных территорий. Так, время бытования катакомбных погребений I группы Северо-Восточного Приазовья, содержащих стерженьки-подвески, В. А. Посредниковым и С. Н. Постниковым определяется 2100—1900 гг. до н. э. (Посредников, Постников 1990: 89). Ранний этап катакомбной культуры Донеччины датируется С. Н. Братченко 2200/2100—2000 гг. до н. э. (Братченко 1989: 29).

Относительно взаимосвязей носителей катакомбных культур двух регионов довольно много данных, свидетельствующих о разнообразии форм последних, включая миграции в Степь и Лесостепь предкавказских племен. В связи с этим заслуживают особого внимания погребения так называемого маньчского типа, характеристика которых в рамках Орельско-Самарского междуречья предпринята И. Ф. Ковалевой (Ковалева 1983). Автор отмечает отсутствие в катакомбных погребениях Присамарья посуды предкавказского варианта, что объясняется географическим положением района и этноисторической ситуацией, сложившейся здесь (Ковалева 1983: 37, 39). Открытие в последние годы в Присамарье группы катакомбных погребений интересующего нас типа и неординарность погребального обряда последних позволяют еще раз проанализировать эти данные.

В кургане 7 у села Богдановка Павлоградского района найдено четыре погребения (№ 2, 6, 8, 11), отнесенных к группе маньчских (Марина, Фещенко 1989: 50—61). Они совершены в катакомбных могилах с прямоугольным входным колодцем и овальной камерой. Положение скелетов скорченное на правом боку, что, по мысли В. А. Сафронова, характерно для V группы погребений Калмыкии, непосредственно связываемой им с понятием «маньчский вариант» (Сафронов 1974: 100, 110). Исключением является погребение № 2, могила которого не фиксировалась из-за однородности заполнения грунта насыпи, но, судя по меловой посылке дна, имела подквадратную форму. Вплотную друг к другу, образуя равносторонний треугольник, стояли шесть реповидных сосудов. Внутри каждого из них находились сильно мацированные от-

дельные кости животного (овцы) и части скелета взрослого погребенного, что свидетельствует о ритуальном расчленении. Рядом с одним из сосудов зафиксировано пятно красной охры. Как уже отмечалось, нам неизвестны случаи преднамеренного расчленения погребенного и помещения его останков в сосуды вместе с пищей, оставшейся от гризны, хотя отдельные элементы, в частности, целенаправленное (ритуальное) нарушение анатомической целостности скелета встречается и отмечается некоторыми исследователями как отличительная черта катакомбных погребений Восточного Маныча (Эрдниев 1978: 5). По типологии, разработанной С. Н. Братченко, горшки погребения № 2 относятся к так называемым реповидным, с короткой шейкой и венчиком, отогнутым наружу в виде ободка (Сафронов 1981: 85). Следует отметить, что рассматриваемые экземпляры отличает значительная стройность, достигаемая вследствие перемещения линии плеча и уменьшения дна (рис. 2: 1—6). Близкие формы происходят из катакомбных памятников предгорной зоны Северной Осетии (Мошкова, Максименко 1974: рис. 5: 4; 14: 4). Заслуживает внимания тот факт, что использование пуговидных налепов в качестве самостоятельного элемента декора, как это сделано на двух горшках рассматриваемого комплекса, также имеет место, по данным В. А. Сафронова, на катакомбной посуде предгорной зоны Северной Осетии (Мошкова, Максименко 1974: 53). Относительно близкие экземпляры известны в маньчских погребениях Нижнего Подонья (Круглов, Подгаецкий 1941: Табл. XXV: 6; Сафронов 1981: 89).

А. Л. Нечитайло, рассматривая предкавказские импорты, отмечает концентрацию реповидной керамики в Поднепровье. Однако все анализируемые ею сосуды (Сафронов 1974) из погребений Крыма, Приазовья и Поднепровья рассматриваются «как подражания» (Нечитайло 1991: 76) маньчским. Подтверждением этого служит, по мысли вышеназванного автора, их массивность, незначительные размеры. Думается, что в нашем случае можно говорить не о копировании, а о собственном северокавказском импорте, о чем свидетельствует ареал приводимых нами выше аналогий. Последние подразумевают не только внешнее типологическое сходство керамики, но и близкие показатели основных параметров. Как известно, в анализируемой С. Н. Братченко серии маньчской керамики Нижнего Подонья индексы Н : Д и Дв : Д равны соответственно 0,5—0,7 и 0,4—0,6; в нашем случае они колеблются от 0,74 до 0,95 и 0,54—0,6.

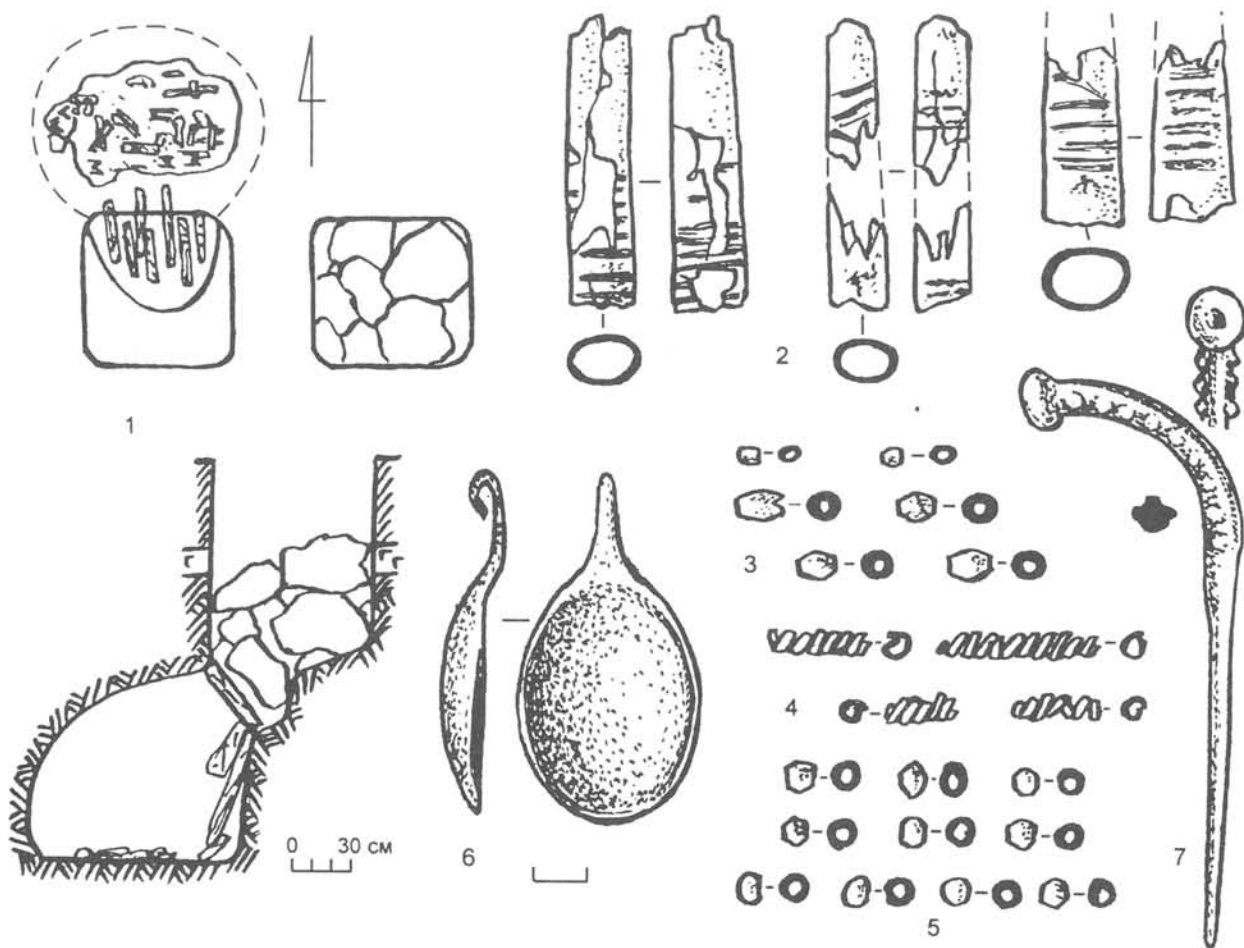

Рис. 3 Погребение № 11 из кургана 7 у с. Богдановка.

Fig. 3 Burial № 11 from kurgan 7 near Bogdanovka.

У керамики Кишлекского кургана в Кабардино-Балкарии соотношение Н:Д равно 0,88. В материалах Делийского поселения интересующая нас посуда происходит из раскопа № 1 (Синицын 1978: Табл. IX, 1, 2) и выделялась А. П. Кругловым и Г. В. Подгаецким в первую группу, характеризующуюся «большими размерами» и заглаженной поверхностью (Синицын 1978: 189—190). Реставрированные экземпляры дают соотношение Н:Д и Дв:Д соответственно 0,85 и 0,42, что близко к показателям рассматриваемой керамики. Толщина стенок как и у богдановских колеблется от 0,7 до 1,3 см. Кроме того, присутствующая в данном кургане группа погребений, идентифицируемая по обряду и сопутствующему инвентарю с памятниками предкавказской культуры, позволяет нам рассматривать их появление в Присамарье как результат миграций, что мы уже отмечали раньше (Марина, Федьщенко 1989: 60).

Имеющиеся в ряде публикаций искажения и неточности относительно местонахож-

дения и количества отдельных находок, в том числе и по так называемым «импортам» (Нечитайло 1974: 83), делают необходимым полное описание комплекса с посоховидной булавкой из того же кургана 7 у села Богдановка в Присамарье (рис. 3).

Погребение № 11 произведено в катакомбе, входной колодец которой имел форму квадрата со стороной 1,2 м. Заполнением служил слой суглинка и гранитные камни, размеры самого крупного из которых достигали $1 \times 0,5 \times 0,4$ м. Под южной стенкой устроена ступенька на глубине 1,4 м от верхнего уровня. Проход в камеру, примыкавшую вплотную к колодцу с севера, имел овальную форму и со стороны колодца закрывался поставленными под углом обработанными бревнышками диаметром 6—7 см. Камера почти круглая, площадь дна $1,6 \times 1,5$ м, высота свода в сохранившейся части — 1,25 м. Дно покрывала растительная подстилка, посыпанная мелом. Погребение совершено в деревянном решетчатом гробу, собранном из досок шириной

5—6 см при толщине 1 см. На нем устьем к северу лежал сосуд и череп овцы. Стенка от второго, большего по размерам сосуда, используемого в качестве жаровни, находилась на дне камеры, под западной стенкой, в ногах погребенного. В нем найдены многочисленные угли и кости животного. Рядом обнаружены фрагменты костяных, орнаментированных черной краской, цилиндрических трубочек. Скелет ребенка лежал скорчено на правом боку, головой на запад. Правая рука вытянута вдоль тела, кисть левой — в районе таза. Ноги подогнуты вправо, стопы на боку. У правой кисти обнаружено ожерелье из бронзовых и костяных бус бочонковидной и биконической формы, пронизей в виде свитых из бронзовой полоски спиралей, ложковидной подвески с загнутой петелькой и посоховидной булавки с круглой головкой со сквозным отверстием. Изогнутая часть иглы имеет рельефный «гребень» и двойной ряд полусферических выступов. Длина — 10,5 см, диаметр головки — 1,1 см (рис. 3: 7).

Бронзовые украшения данного комплекса выступают в качестве не только куль-

турного, но и хронологического показателя. Аналогии этим украшениям из погребений Калмыкии и Предкавказья (Сафронов 1974: 146, 155; рис. 18: 5; 1979: 75, табл. 67), датируются XVII в. до н. э. Однако В. А. Сафронов отмечает возможность их сосуществования «с самыми ранними комплексами» (Сафронов 1974: 92) горизонта Д, когда получают распространение памятники «маньчского варианта» с сосудами реповидной формы, чем расширяется датировка до XVI—середины XIV вв. до н. э. (Эрдниев 1978: 15), что свидетельствует о сравнительно широком проникновении групп маньчского населения в Днепровское Левобережье и длительности его пребывания здесь. На это указывает также серия металлических изделий, обнаруженных в катакомбных погребениях Днепровского Предстепья, рассмариваемых в качестве местных подражаний северокавказским прототипам (Фещенко 1992), что подразумевает непосредственные контакты между поставщиками сырья и мастерами-металлургами нижнеднепровского металлургического центра.

Братченко, С. Н. 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наукова думка.

1989. Катакомбные культуры Северского Донца и Северо-Восточного Приазовья // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: 27—29. Донецк.

Гогадзе, Э. М. 1970. К вопросу о генезисе и периодизации курганной культуры Триалети // Кавказско-ближневосточный сборник III. Вопросы древней истории. Тбилиси.

Ковалева, И. Ф. 1976. Катакомбные погребения волго-маньчского типа в Степном Поднепровье // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения: 35—43. Днепропетровск.

1982. Катакомбные погребения Орельско-Самарского междуречья // Древности степного Поднепровья III—I тысячелетия до н. э.: 35—45. Днепропетровск.

1983. Погребальный обряд и идеология ранних скотоводов. Днепропетровск.

Куфтин, Б. А. 1941. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси: Издательство Академии наук СССР.

Корневский, С. Н. 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья (Неженские курганы эпохи бронзы района Кавказских минеральных вод). Москва.

Корневский С. Н., М. А. Романовская. 1989. Металлические изделия бронзового века из могильника у хутора Веселая Роща в Ставрополье // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 196: 34—39.

Круглов, А. П., Г. В. Подгаецкий. 1941. Делийское поселение у г. Нальчика // Материалы и исследования по археологии СССР 3: 147—212.

Марина, З. П. 1978. Периодизация и хронология погребений ямной культуры в междуречье Орели и Са-

мары // Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. 2: 55—69.

1982. Энеолит-ранний бронзовый век степного левобережья Днепра. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.

1983. Кавказские импорты Левобережного Поднепровья в памятниках эпохи бронзы // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа: 24—26. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета.

1990. Позднеямные погребения Левобережья Днепра и их соотношение с памятниками катакомбной культуры // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. Тезисы докладов научной конференции: 45—46. Запорожье.

Марина, З. П., Е. Л. Фещенко. 1989. Новые погребения маньчского типа в Днепровском Левобережье // Проблемы археологии Поднепровья: 50—61. Днепропетровск: Издательство Днепропетровского государственного университета.

Марковин, В. И. 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы // Материалы и исследования по археологии СССР 93.

Массон, В. М. 1992. Исторический процесс и ритмы культурогенеза // Ритмы культурогенеза. Тезисы докладов и сообщений конференции «Северо-Западное Причерноморье»: 3—5. Одесса.

В печати. Евразийские степи в бронзовом веке (импорты и заимствования в контексте исторической ситуации).

Мерперт, Н. Я. 1978. Миграции в эпоху неолита и энеолита // Советская археология 3: 9—28.

Мошкова, М. Г., В. Е. Максименко. 1974. Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья 2: 5—80. Москва.

Нечитайло, А. Л. 1978. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев.

1984. О сосудах майкопского типа в Степной Украине // Советская археология 4: 127—138.
1991. Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. Киев.
1994. Импорты в корректировке археологического соотношения памятников энеолита-ранней бронзы Украины и Юга Восточной Европы // Проблемы хронологии культур энеолита-бронзового века Украины и Юга Восточной Европы. Тезисы докладов научной конференции: 34—36. Днепропетровск.
- Посредников, В. А., С. Н. Постников.* 1990. К вопросу о хронологии памятников катакомбной культуры Северо-Восточного Приазовья // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. Тезисы докладов научной конференции: 88—91. Запорожье.
- Самойленко, Л. Г.* 1991. Курганні поховання бронзового віку біля селища Голубовський Луганської області // Поховальний обряд давнього населення України: 134—150. Киев.
- Санжаров, С. Н.* 1992. Северскодонецкие раннекатакомбные погребения с орнаментированными бляхами // Каталог археологических коллекций 1. Луганск.
- Сафронов, В. А.* 1974. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников 7: 23—306. Москва.
1979. Хронологическая система энеолита и бронзового века Юга Восточной Европы // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы. Тезисы докладов научной конференции: 13—15. Донецк.
1981. Катакомбные памятники предгорной зоны Северной Осетии // Катакомбные культуры Северного Кавказа: 51—76. Орджоникидзе.
- Синицын, И. В.* 1978. Древние памятники Восточного Маньча. Саратов.
- Фещенко, Е. Л.* 1990. К вопросу о северокавказских импортах в катакомбной культуре Предстепья // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини: 99—100. Полтава.
1992. Изделия из металла в катакомбных погребениях Днепровского Предстепья // Проблемы археологии Поднепровья: 84—101. Днепропетровск.
- Эрднеев, У. Э.* 1978. Калмыцкая степь в эпоху катакомбной культуры // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста.

ON CULTURAL CONTACTS OF TRIBES OF THE LEFT-BANK NEAR-STEPPE REGIONS AND THOSE OF THE NORTHERN CAUCASUS IN AENEOLITH-BRONZE AGE PERIODS

Z. P. MARINA

Forms of interaction of the tribes that took part in the process of cultural evolution of the ancient population in the Circum-Pontic zone and Northern Caucasus are of a special interest (Масон 1992: 3—5). In this paper we are attempting to reveal peculiarities of this process using the material of the 3rd—2nd millennium B. C. cultures of the Left-Bank Near-Steppe area.

The metal objects from burials found to the north of Caucasus have been traditionally used for dating excavated sets of the Pit-Grave (Yamnaya) and Catacomb cultures. According to A. L. Nechitaylo, working tools were prevailing among the imports at sites of the Pit-Grave Culture, the «forks, decorative objects and weapons» being imported much more rarely. Moreover, the metal decorations were represented exclusively by punch-plates, and only at the stage of the Catacomb Culture the range of the decorations widened up (Нечитайло 1991: 29, 40, 83). The material obtained in recent years enable us to supplement the

list of imports, the discovery of two identical Pit-Grave Culture funeral sets ruling out the possibility of their presence here by mere chance.

Grave № 2 of kurgan 3 near the village of Novoshandrovka in the Pavlograd Region was introduced into an earlier Pit-Grave Culture barrow (1: 1—7). Of the deceased person's clothes a belt made of light-coloured leather has preserved. In the central part of the belt there were 22 sewn on in pairs bronze globular pendants with suspension loops (fig. 1: 7). A second burial was discovered in kurgan 6 near the village of Khashchevov. Grave № 17 was introduced into a kurgan of original Aeneolithic Post-Mariupol burial. On the leg bones of the buried adolescent there were found several bronze pendants, possibly sewn on the lap: globular with a suspension loop (9 items), cord-like with a single globule each (2 items), and one drop-shaped (fig. 1: 9). In the belt area there were lying bone spacer-beads

(12 items) and a fragment of a fang bored through in its base (fig. 1: 10).

These decorations were assigned by S. N. Sanzharov to the group of the «archaic» ones and he considered them as parallels to the set from grave № 1 of kurgan 1 near the village of Maidan in the Donetsk Oblast. On the basis of the dated by A. L. Nechitaylo other objects from that closed set of inventory the former author assigned the «archaic» pendants to the 3rd millennium B. C. (Санжаров 1992: 6, 30—33, fig. 2: 8; 30). Rod-pendants of this type were found in the burial ground of Veselaya Roshcha in the Stavropol Krai, in pits with extended skeletons (Кореневский, Романовская 1989: 37, fig. 2; 38, fig. 3). V. I. Markovin considers the similar pendants from the Kuban area as «a prototype of later pendants imitating a piece of cord» also connecting them with a later period of the North-Caucasus Culture (Марковин 1960: 33). In the Northern Caucasus, the rod-pendants come from the stage IB-C kurgan burials characteristic of the end of the «Ancient Pit-Grave unity» (Сафронов 1974: 23—306). A. L. Nechitaylo in pointing out the presence of such pendants in a number of burials of the North-Caucasus Culture notes a «wide period» of use of these pendants. The lower boundary of stage I of the North-Caucasus burials is dated to the turn of the 3rd—2nd millennia B.C. When defining the upper boundary it is necessary to make a comparison with the sites of the Trans-Caucasus and West Asia that gives the absolute dates of 2000—1800/1700 B. C. (Нечитайло 1978: 36, 65, 103, 104; figs. 13: 6; 48; 20: 6). These dates were also confirmed by ¹⁴C-method. According to V. A. Safronov «the lower boundary for the bone hammer-shaped pins accompanying the rod-pendants in closed assemblages falls to the period not earlier than the turn of the 3rd—2nd millennia B. C.»; the Middle East parallels allowed this author to state the 1900—1700 B.C. as the upper date of use of some types of decorations found together with the discussed ones (Сафронов 1974: 166). S. N. Korenevskiy singles out two sub-groups among the metal decorations found in the central part of the area to the north of Caucasus; both these groups coincide chronologically with the earlier stage of the North-Caucasus Culture. This author includes the pendants under discussion into the early group and connects their appearance with the funeral costume from post-Kura-Araks kurgans in the Southern and Northern Caucasus, kurgans of the Alan-Beden and Sachkhere groups, and the early Trialeti sites (Кореневский 1990: 92, 97; Санжаров 1992: 34). The mentioned comparisons enable us to date the Pit-Grave Culture buri-

als containing the «archaic» rod-pendants, in the Dnieper Left-Bank Near-Steppe area, to the turn of the 3rd—2nd millennia B.C. and to accept this date as the beginning of the penetration of such decorations into the Steppe.

Technologically more complicated rod-pendants come from catacomb grave № 3 of kurgan 9 near the village of Verbki in Samara area. These pendants are either many-coil cord-like ones with one or two globules at the end (3 items) or shaped as a flattened rod consisting of two longitudinal halves and a globular bulge at the end. Among the funerary inventory also barrel-shaped beads, ring-shaped lockets with suspension loops, a cast hemispherical metal plate with a hole in the centre, a bone hammer-shaped pin, and pendants made of canine teeth were found. The presence of the ring-shaped lockets and hammer-shaped pin is of great importance for dating this funerary set. Almost an identical set comes from catacomb grave № 4 of kurgan 4 near the village of Golubovskoe in the Lugansk Oblast. The latter set has been compared with the decorations of the Ist—IInd stages of the North-Caucasus Culture (Самойленко 1991: 143, 149, fig. 6: 4). E. L. Feshchenko who published this set emphasised the wide chronological range of the ring-shaped lockets with suspension loops and pointed out their high concentration in «the burials of the second stage of the North-Caucasus cultural and historical community development» (Фещенко 1992: 90). According to A. L. Nechitaylo's data these lockets preceded the discoid and miniature ones characteristic «of the second stage of the North-Caucasus cultures» (Нечитайло 1991: 85). S. N. Bratchenko connects the pendant-lockets «with concentric (often cord-like) circles» only with the first stage of the North-Caucasus Culture; he points out their stable combinations with the cord-like pendants and refers to the sets from Solomenki and «the Sachkhere kurgans for which the upper boundary has been defined by O. M. Dzhaparidze as the 1900—1800 B. C.» (Братченко 1976: 141).

The discoid metal plate from the Verbki burial represents a Steppe imitation of the North-Caucasus examples with the punch ornaments. The latter fact allows us to make a comparison with the North-Caucasus sets. Of importance is also the presence of the bone hammer-shaped pin because such a combination is typical to the North-Caucasus sites. Another metal plate with punch decoration comes from a grave of kurgan X in Trialeti (Куфтин 1941: table CXM) and is dated to the turn of the 3rd—2nd millennia B. C. (Гогадзе 1970: 239—241). The spreading of the slightly bulging metal plates with the punch

decoration is dated to the last quarter of the 3rd millennium B. C. that does not run counter to «S. N. Korenevskiy's supposition on establishing of the main traits of Middle-Bronze metal treatment in the Great Caucasus and Foothill zone in the 22nd and 21st centuries B. C.» (Санжаров 1992: 37—38). V. A. Safronov points out the stable combination of the ring-shaped plates-pendants having the cord-like decoration with the complicated types of rod-pendants and plates with punch decorations. He assigns the ring-shaped pendants to the early Middle-Bronze Age in the North Caucasus (Сафронов 1974: 87, 143, 278, fig. 55). On the basis of these comparisons one may date the catacomb burial near the village of Verbki to the first quarter of the 2nd millennium B. C. and accept the upper boundary within the 1800—1700 B. C. (Фещенко 1990: 100). Such a dating suggests the often supposed by scholars period of coexistence of the Pit-Grave and Catacomb cultures in the area under discussion.

This coexistence results from an analysis of the burial-rite features forming stable groups in the kurgans with known stratigraphy in this region (Марина 1978: 55—69; 1982: 8—11). Thus burial no. 17 near the village of Khashchevoe contained a flexed on one side skeleton and belonged to the group of the latest graves (stratigraphical level IV). The appearance of such a rite is considered as an «evidence of real contacts with Catacomb tribes and, in the first hand, with those of the Donetsk Culture for which such a pose is the leading one» (Марина 1990: 45). During analysis of the Catacomb Culture of the Orel-Samara region a chronological coexistence of «equally justified» Pit-Grave and Catacomb areas has been noted (Ковалева 1982: 39) that is not at variance with the proposed dating of the Early-Catacomb burials in the adjoining regions. The Catacomb burials of group 1 in the North-Eastern Azov area that included rod-pendants among the inventory are dated to the 2100—1900 B. C. (Посредников, Постников 1990: 89), and the early stage of the Catacomb Culture in the Donetsk area is dated to the 2200/2100—2000 B. C. (Братченко 1989: 29).

Fairly numerous data on interactions of bearers of the Catacomb cultures in both regions suggest a variety of forms of these interactions including migrations of cis-Caucasian tribes to the steppe and forest-steppe regions. The most noteworthy are the burials of the Manych type in the Samara regions that contained no pottery of cis-Caucasian variety in the catacombs; the latter fact is explained by the geographical situation of the region and ethno-historical conditions here formed

(Ковалева 1983: 37, 39). The recent discovery of this group burials in the Samara regions and the peculiarity of their funerary rite enable us to consider once more the known data.

Kurgan 7 near the village of Bogdanovka of the Pavlograd Region included four burials (№№ 2, 6, 8, and 11) assigned to the group of the Manych ones (Марина, Фещенко 1989: 50—61). The burials had been made in catacomb-type graves with a rectangular entrance shaft and an oval chamber. The position of the skeletons — flexed on the right side — is typical to the group V burials in Kalmykia that are connected with the concept of the «Manych Variety» (Сафронов 1974: 100, 110). An exception was burial № 2 the grave of which was not drawn but judging by its bottom chalk make-up had a sub-square shape. Six turnip-shaped vessels stood close to each other on the bottom (fig. 2: 1—6). Each of the vessels contained strongly macerated single bones of sheep and parts of adult's skeletons evidencing of dismembering. Close to one of the vessels a spot of red ochre was registered. Cases of intentional dismembering of the dead and placing the remains into vessels together with the funeral meals are unknown to us, though some particular elements of that — *i. e.* the purposeful disturbance of the skeleton integrity — have been registered and are considered by some scholars as the distinctive marks of the East Manych Catacomb burials (Эрдниев 1978: 5). In terms of the typology developed by S. N. Bratchenko the burial № 2 pots belong to the turnip-shaped ones with short necks and rims overturned like a felloe (Сафронов 1981: 85). One should note their slim shape resulted of the shift of the shoulder line and narrowing of the bottom (fig. 2: 1—6). Similar shapes come from Catacomb sites of the Foothill zone of the Northern Ossetia (Мошкова, Максименко 1974: figs. 5: 4; 14: 4). Use of button-shaped pellets of applied clay as it is seen on two pots from the set under discussion, according to V. A. Safronov, also is encountered on the pottery from the Foothill zone of the Northern Ossetia (Мошкова, Максименко 1974: 53). Relatively close examples have been registered in the Manych-type burials in Lower Don area (Круглов, Подгаецкий 1941: table XXV: 6; Сафронов 1981: 89).

A. L. Nechitaylo in considering cis-Caucasian imports pointed out the concentration of the turnip-shaped pottery in the Dnieper area. However, she interpreted all the studied by her vessels from burials in the Crimea, Azov and Dnieper areas «as imitations» to the Manych ones (Нечитайло 1991: 76) that is confirmed by their massiveness and rather small sizes. Possibly, in fact, we are dealing rather with

real North-Caucasian imports than with their copies that is evidenced by the area where the mentioned parallels have been found and by closeness of the main parameters of the latter.

Certain mistakes in publications concerning the location and quantity of particular finds including those of «imports» (Нечитайло 1974: 83) necessitate a complete description of the set with the crozier-shaped pin found in kurgan 7 near the village of Bogdanovka in Samara region (fig. 3). Burial no. 11 was located in a catacomb the entrance shaft of which was square in section with the side of 1,2 m. The filling had been made of loam and granite rubble with the largest stones of $1 \times 0,5 \times 0,4$ m. A step was made beneath the southern wall at the depth of 1,4 m from the upper level. The oval passage into the chamber closely adjoining to the shaft from the north was shut from that side with logs 6—7 cm in diameter. The chamber was almost round with the bottom area of $1,6 \times 1,5$ m and the vault height of 1,25 m in its preserved part. The bottom was covered with plant litter made up with chalk. The dead was buried in a wooden trellis coffin assembled of boards 5—6 cm wide and 1 cm thick. On the coffin there were a vessel lying with its mouth turned to the north and a sheep skull. On the bottom of the chamber, beneath its western wall — in the feet of the deceased — there was a wall of a larger vessel that had been used as a brazier. In this vessel charcoals and animal bones were found. Fragments of bone cylindrical tubes decorated with black-painted ornament were discovered nearby. A child's skeleton was lying flexed on the right side with its head to the

west. A necklace of bronze and bone barrel-shaped and biconical beads, spacer-beads shaped as spirals coiled of a bronze band, a spoon-shaped pendant with a bent suspension loop and a crozier-shaped pin having a round head with a through hole were discovered near child's right carpus. The bent part of the pin spike had a relief «comb» and a double row of hemispherical protuberances on it. Its length was 10,5 cm; the head diameter — 1,1 cm (fig. 3: 7).

The bronze decorations from this set are not only a cultural indicator but also a chronological one. Their parallels from burials of Kalmykia and regions to the north of Caucasus (Сафронов 1974: fig. 18: 5, 146, 155; 1979: 75, table 67) are dated to the 17th century B. C. However, S. A. Safronov (Сафронов 1974: 92) points out the possibility of their coexistence «with the earliest sets» of level «Д» to which the sites of the «Manych variety» with the turnip-shaped vessels are related. Due to the latter fact the dating range widens up to the 16th or the middle of 14th century B. C. (Эрдниев 1978: 15). This suggests a relatively wide penetration of the Manych population into the Dnieper Left-Bank area and their long presence there. A series of metal items found in Catacomb burials in the Dnieper Near-Steppe regions also adds evidence in favour of the latter supposition; these items are considered as local imitations to the North-Caucasus prototypes (Фещенко 1992) and confirm direct contacts between the raw material suppliers and the metallurgists of the Lower Dnieper metallurgic centre.

ДВА ПОСЕЛЕНИЯ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ СРЕДНЕГО ДНЕСТРА И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЛОГРУДОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(по материалам разведки Юго-Подольской
экспедиции в 1953–1954 гг.)

В. Д. РЫБАЛОВА* (†)

Работами Юго-Подольской археологической экспедиции, производившимися в конце 40-х—начале 50-х гг. в междуречье Южного Буга и Среднего Днестра, как известно, было выявлено и обследовано значительное количество памятников предскифского периода. Часть этих памятников, относящаяся к своеобразному местному варианту чернолесской культуры, к настоящему времени опубликована (Смирнова 1977: 94—107, 1983: 60—72; Осокин 1994: 104—108). Предшествовавшая им на территории белогрудовская культура в материалах экспедиции представлена слабо. К числу белогрудовских памятников относятся могильник у села Печёры Шпиковского района Винницкой области (Рыбалова 1961: 9) и небольшая группа поселений в окрестностях г. Могилев-Подольского той же области (разведки автора и Г. И. Смирновой).¹ Материалы белогрудовских и раннечернолесских поселений, имевших, в большинстве случаев, разрушенный культурный слой, до сих пор оставались неопубликованными, хотя о них имелись неоднократные упоминания в археологической литературе.

Несмотря на незначительный объем этих материалов, последние, несомненно, представляют научный интерес, тем более, что до того времени памятников белогрудовского типа на этой части лесостепи совсем не

было известно, благодаря чему у некоторых исследователей создавалось ложное впечатление, что чернолесская культура проникла в Поднестровье в сложившемся виде со Среднего Днестра (А. И. Тереножкин, В. А. Ильинская и др.).

В настоящей работе публикуются материалы лишь двух поселений этой группы, выявленных и обследованных разведкой автора. Остановимся сначала на характеристике более древнего из этих поселений, находившегося возле села Субботовка, на расстоянии около 10 км от села Яруга. Следы поселения выявлены в 1954 г. в верховьях ручья Дерло, впадающего в Днестр у села Субботовки. Поселение расположено в непосредственной близости от родника, почти у самых истоков ручья, на пологом склоне оврага, по которому протекал ручей. На большей части площади поселения, имевшего, по-видимому, небольшие размеры, культурный слой был полностью уничтожен корчевкой леса под пашню.

Собранная нами коллекция керамики довольно незначительна по объему, причем керамические находки в большинстве случаев невыразительны.² Большая часть керамики, а также вещевой инвентарь, происходят из разведочного раскопа (площадь около 8 кв. м), заложенного поблизости от родника, на месте скопления культурных остат-

* Доцент кафедры археологии исторического факультета ЛГУ, кандидат исторических наук; специалист: эпоха бронзы и ранний железный век.

¹ Основные работы Юго-Подольской экспедиции, производившиеся под руководством М. И. Артамонова, закончены в 1953 г. В 1954 г. работали лишь два разведочных отряда (В. Д. Рыбалова и Г. И. Смирнова), при этом мною проводились исследования поселения у села Яруга, а также поиски новых памятников в его ближайших окрестностях и некоторых других пунктах.

² Это объясняется не только разрушенностью культурного слоя, но и отчасти тем, что до нашего прихода сборы керамики на месте поселения производились учителем средней школы села Субботовки. Познакомиться со школьной коллекцией, к сожалению, не удалось.

ков, где слабозолистый слой был насыщен костями крупных домашних животных. Отсюда происходит также несколько комков обожженной глиняной обмазки с отпечатками колец и прутьев.

Керамика представлена, в основном, обломками толстостенных сосудов кухонного назначения, довольно небрежно изготовленных из глиняной массы с большим содержанием измельченного галечника. Обжиг стенок несильный и неравномерный, цвет внешней поверхности желтовато-серый, коричневатый. Нет сомнения, что большая часть принадлежит тюльпановидным сосудам, по форме, характеру валикового декора и технологическим особенностям типичным для белогрудовской культуры.

Среди обломков посуды этой группы, являющейся ведущей на поселении, преобладают стенки и днища. Венчиков, к сожалению, очень мало. Эти фрагменты могут происходить как от слабо профилированных горшков тюльпановидной формы (рис. 2: 4, 5), так и от почти прямостенных банок со слегка изогнутой шейкой (рис. 1: 1, 2, 4, 6; 3: 16). Те и другие близки двум разновидностям кухонной посуды на белогрудовском поселении у села Сандраки Хмельницкого района Винницкой области, где они представляют, по-видимому, более раннюю группу (Лагодовська 1954: табл. I: 1, 5, 9, 10; II: 8, 14; III: 7, 8). На этих сосудах преобладает пластическая орнаментация в виде гладкого оттянутого или налипшего валика треугольной формы, расположенного преимущественно у основания шейки (рис. 1: 4, 6; 2: 4), реже — ниже края (рис. 1: 1). В одном случае сосуд был украшен под краем двумя рядами оттянутого валика (рис. 1: 1), сочетающегося с проколами. В целом же, сквозные проколы встречаются здесь в виде исключения (рис. 3: 16). Расчлененный валик на сосудах кухонного назначения представлен единичными экземплярами (рис. 1: 2). Характерной особенностью днищ этих горшков является их большая толщина при наличии выступающей закраины (рис. 2: 8, 9). Найденные в Субботовке донца миниатюрных сосудов, скорее всего, принадлежат описанному виду грубой посуды (рис. 3: 11, 12).

В группу керамики столового назначения из Субботовки входят одиночные образцы корчаг, мисок, кубков и черпаков. По составу теста, характеру обработки поверхности и ее цвету, а также по форме можно выделить три разных вида корчаг. Во-первых, среди немногочисленных выразительных фрагментов присутствует венчик светло-желтой корчаги с черными пятнами на сглаженной поверхности (рис. 2: 1), ко-

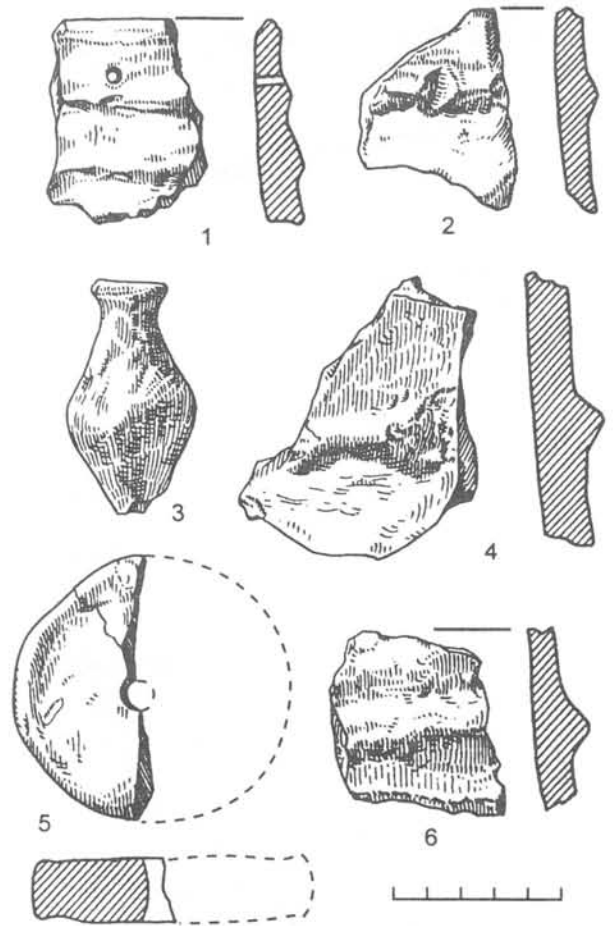

Рис. 1. Поселение у с. Субботовка. Глиняные изделия и керамика.

Fig. 1. Subbotovka. Clay artifacts and ceramics.

торый по всем признакам (рыхлое, тяжелое тесто с примесью шамота, красно-оранжевый цвет внутренней поверхности и профиль отогнутого края) может принадлежать сосуду, типичному для гальштатских культур Гава-Голиграды, с одной стороны (Смирнова 1976: 22, рис. 3: 3, 4; Крушельницька 1976: рис. 9: 4,11; 10:6), — и Кишинев-Корлэтець, с другой (Мелюкова 1961: 27, рис. 15: 1,2; Levički 1994: 84—88, fig. 23: 1; 70: 1,3).

Совсем к другому виду корчаг относятся два толстых днища с частью округлого скорее, шаровидного тулова со светлой желтоватой поверхностью, слегка заглаженной. В тесте содержится дресва, обжиг черепка — сильный, дно у этих сосудов узкое, при этом переход к боковым стенкам подчеркнут (рис. 2: 6,7). При поиске аналогий венчику светло-желтой корчаги из Яруги, выполняемой в той же технике, что и рассматриваемые днища корчаг из Субботовки (рис. 4: 10), находим близкие формы среди корчажек с коротким горлом и шаровидным корпусом белозерской культуры, в пер-

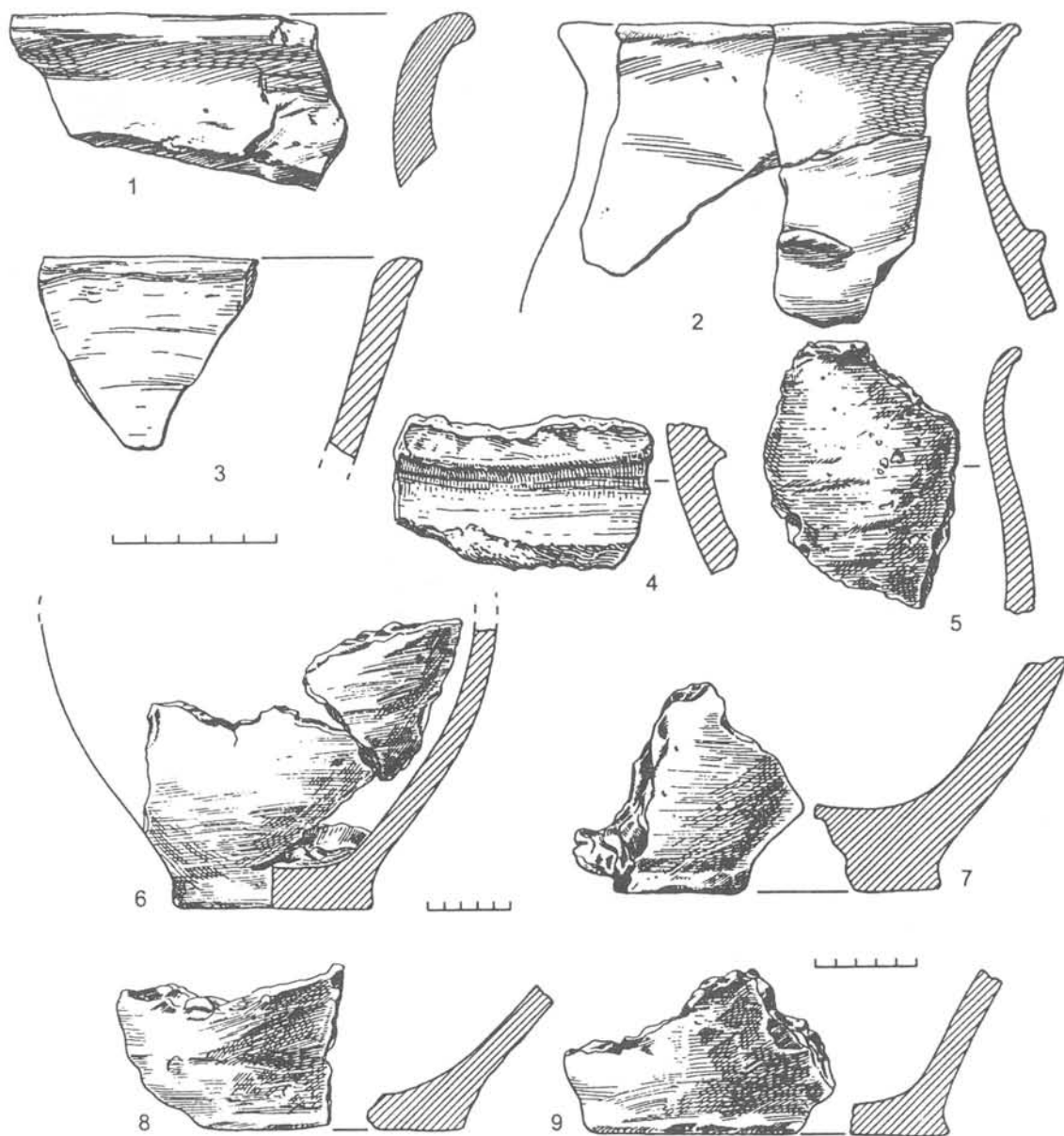

Рис. 2 Поселение у с. Субботовка. Образцы посуды.

Fig. 2 Subbotovka. Ceramics.

вую очередь, на поселениях балтской группы (Ванчугов 1982: 46, рис. 1: 1, 7; 1990: 73, рис. 25: 20; фото 1: 14; 4: 6).

К третьей разновидности сосудов этой категории относится верхняя часть небольшой корчажки с не лощеной, а слегка заглаженной поверхностью желтого цвета (рис. 2: 2). Стенки сосуда сравнительно тонкие, в тесте примесь сильно измельченного шамота. Отогнутый край венчика плавно переходит в изогнуто-коническое горло, в основании которого имеется невысокий короткий налуп — шишечка. Насколько можно судить по сохранившемуся фрагменту, округлые бока корчажки были умеренно выпуклыми. Этот сосуд, скорее всего, принадлежит корчаге местного типа, сложившегося, вероятно, под

влиянием форм так называемого фракийского, а точнее, каннелированного гальштата, так как ни комаровская, ни комаровско-тшинецкая культуры вообще не знают такого вида посуды как корчаги в обычном понимании этого слова.

Среди керамического набора столовой посуды из Собковки известны обломки двух невысоких кубков в виде круглодонных чашечек с слегка отогнутым краем (рис. 3: 1, 2) и только один небольшой фрагмент широко открытой миски со слабо загнутыми краями (рис. 3: 14). Примечательно, что миска и кубки, так же как и черпаки, представленные несколькими обломками ленточных ручек (рис. 3: 6), сделаны небрежно. В тесте этих видов столовой посуды присутст-

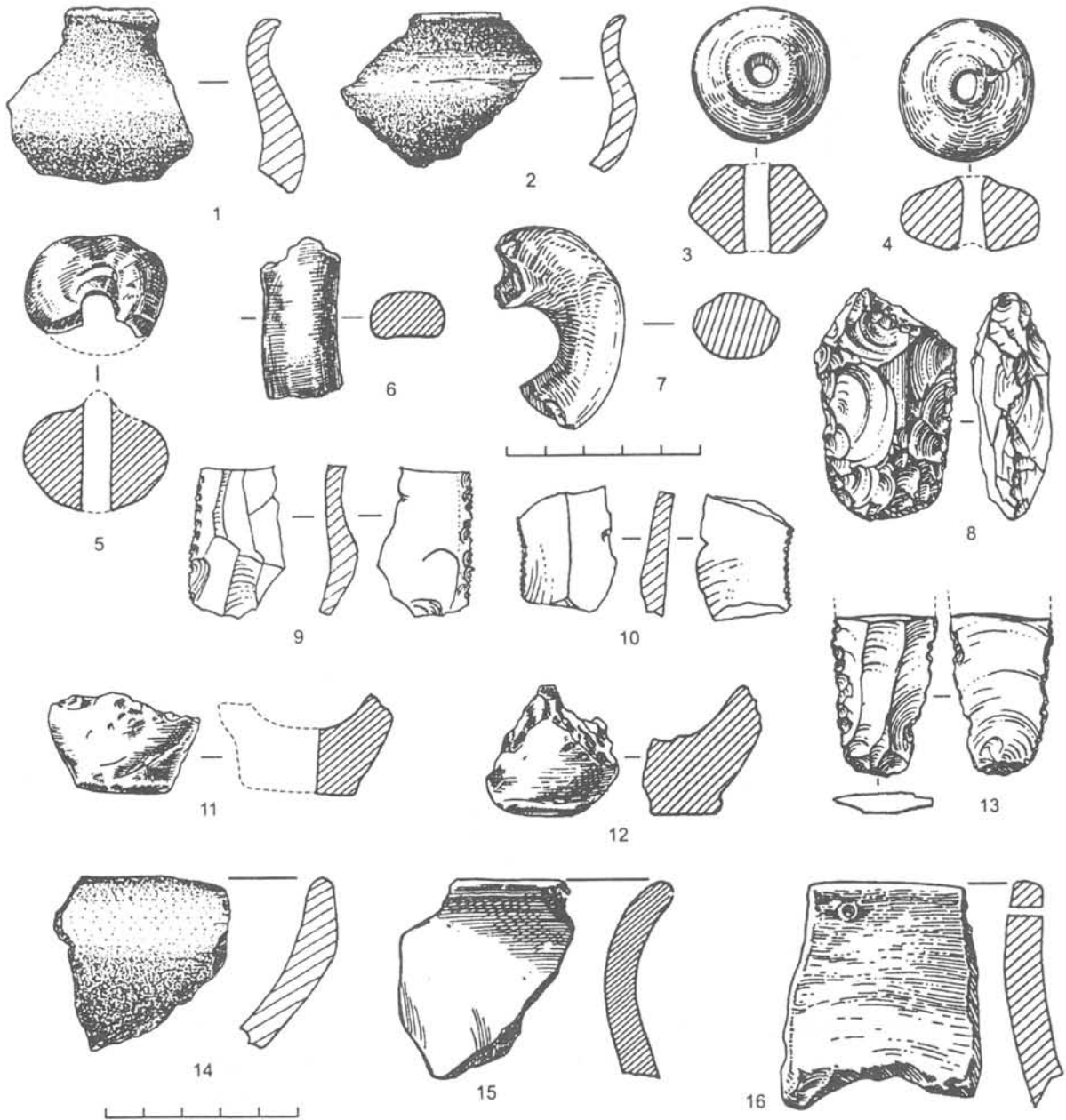

Рис. 3 Поселение у с. Субботовка. Керамика и изделия из глины (3—5) и кремня (8—10, 13).

Fig. 3 Subbotovka. Ceramics (1, 2, 6, 7, 11, 12, 14—16), clay artifacts (3—5), flint artifacts (8—10, 13).

вует мелко измельченный камень, а скорее песок, серая поверхность не имеет лощения, лишь иногда слегка заглажена.

Заканчивая описание тонкостенной посуды отметим, что фрагмент толстой кольцевидной ручки, отличающейся особо грубой техникой изготовления, по форме и характеру обработки явно не принадлежит сосуду столовой категории (рис. 3: 7).

В число глиняных изделий входят четыре пряслица: одно из них обычной биконической формы (рис. 3: 3), второе — приплюснуто-округлое (рис. 3: 4), третье в виде плоского кружка (рис. 1: 5) и четвертое — с

небрежно обработанной поверхностью — шаровидное (рис. 3: 5).

Среди поделок наибольший интерес представляет глиняная трещотка с округленно биконическим корпусом, плавно переходящим в расширяющуюся к концу «рукоять» (рис. 1: 3). Другой ее конец утрачен. Разнообразные по форме погремушки, в том числе и идентичные субботовской, широко известны в погребальных комплексах лужицкой культуры. Несколько реже встречаются такие предметы на поселениях. Субботовская погремушка находит близкие аналогии в инвентаре одного из

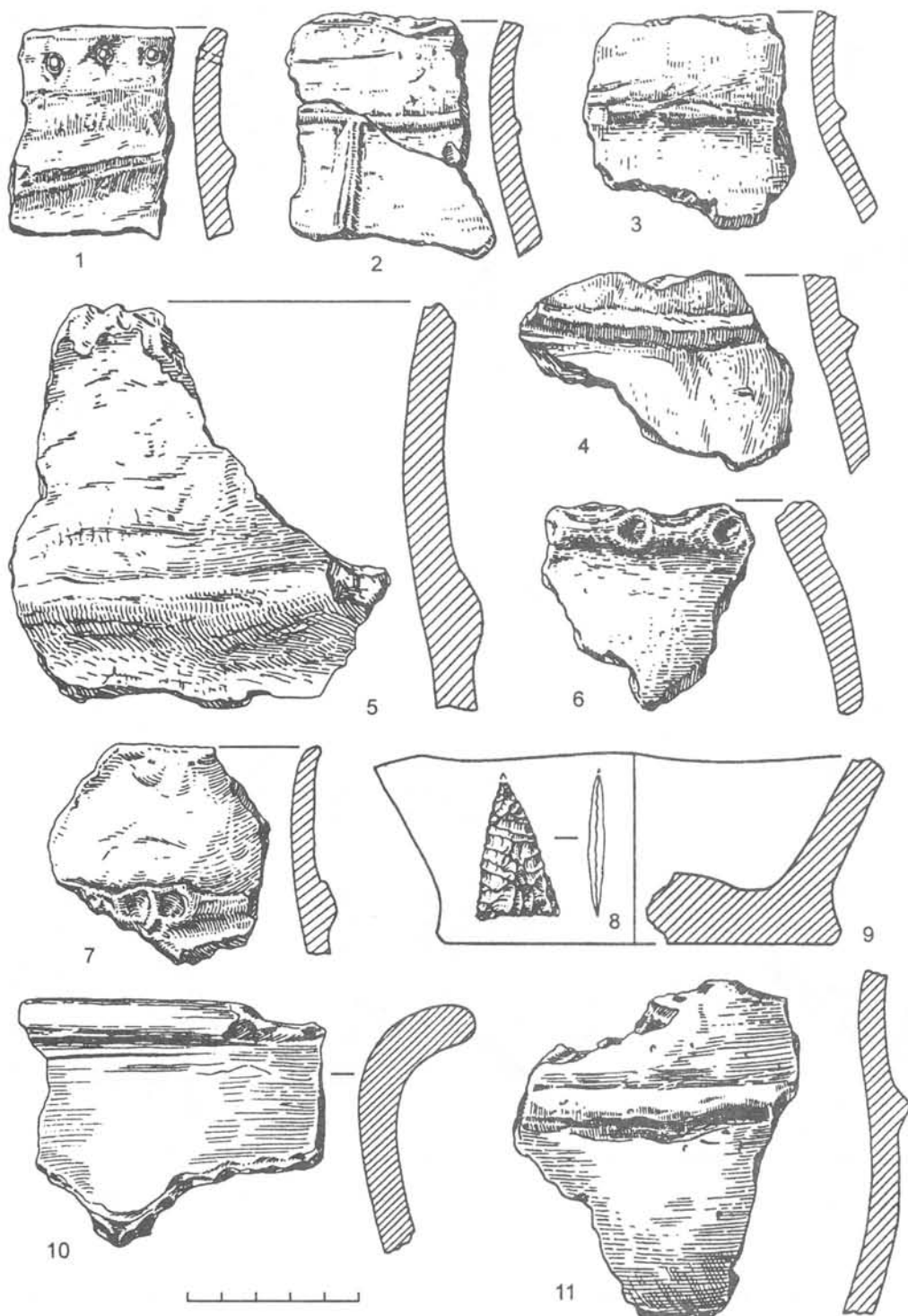

Рис. 4 Поселение у с. Яруга. Образцы кухонной посуды (1—7, 9, 11), столовой (10) и кремневая стрела (8).

Fig. 4 Yaruga. Kitchen ware (1—7, 9, 11); table ware (10); flint arrowhead (8).

урновых захоронений могильника близ Топорницы на Западном Буге, относимого Я. Домбровским ко второй фазе ульвиевской группы лужицкой культуры (Dąbrowski 1972: 150, рис. XXXII: 1). Такие же или несколько иные по форме погремушки, также относящиеся к лужицким вариантам, представлены в инвентаре могильников вы-

соцкой культуры, причем одна из них найдена при костяке взрослого человека (Sulimirski 1931: 11, 126, 127, tabl. XXII: 7, 10, 17). В связи с этим Т. Сулимирским была высказана мысль о том, что трещотки, происходящие из погребальных комплексов, отнюдь не являются детскими погремушками. По его мнению, они предна-

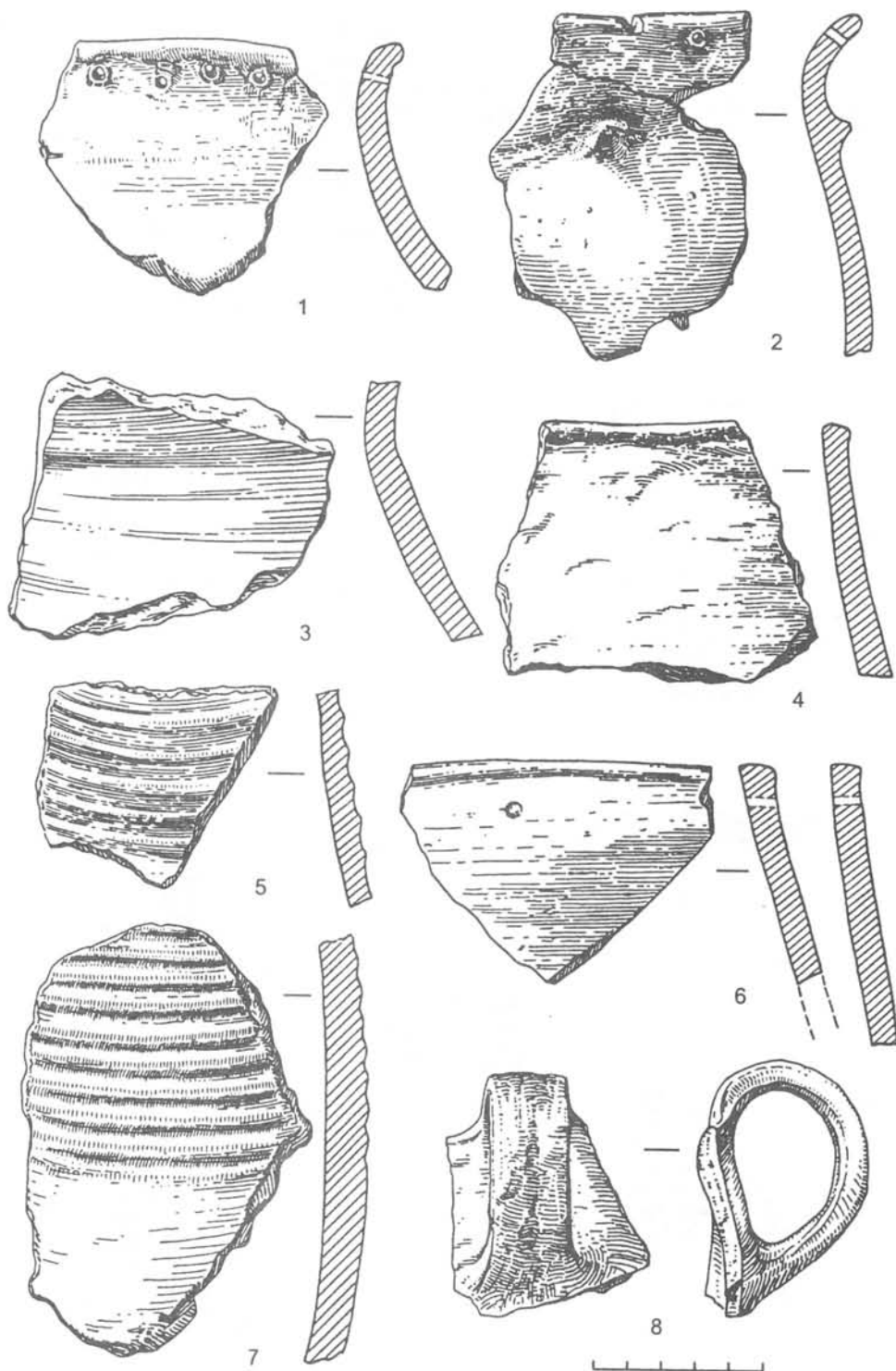

Рис. 5 Поселение у с. Яруга. Образцы столовой (1, 3—8) и кухонной (2) посуды.

Fig. 5 Yaruga. Table ware (1, 3—8); kitchen ware (2).

значались умершему для отпугивания злых духов, осаждавших его душу (Sulimirski 1931: 147). Присутствие трещоток в составе погребального инвентаря Т. Сулимирский связывает с развитием анимистических верований.

Эта точка зрения, безусловно, не лишена оснований. Однако, использование тре-

щоток в погребальном ритуале возможно лишь в том случае, если в повседневной жизни они выполняли такие же или сходные функции. Поэтому не исключено, что трещотка Субботовского поселения, как и погремушки с поселений лужицкой культуры, также предназначалась для выполнения каких-то магических, шумовых действий.

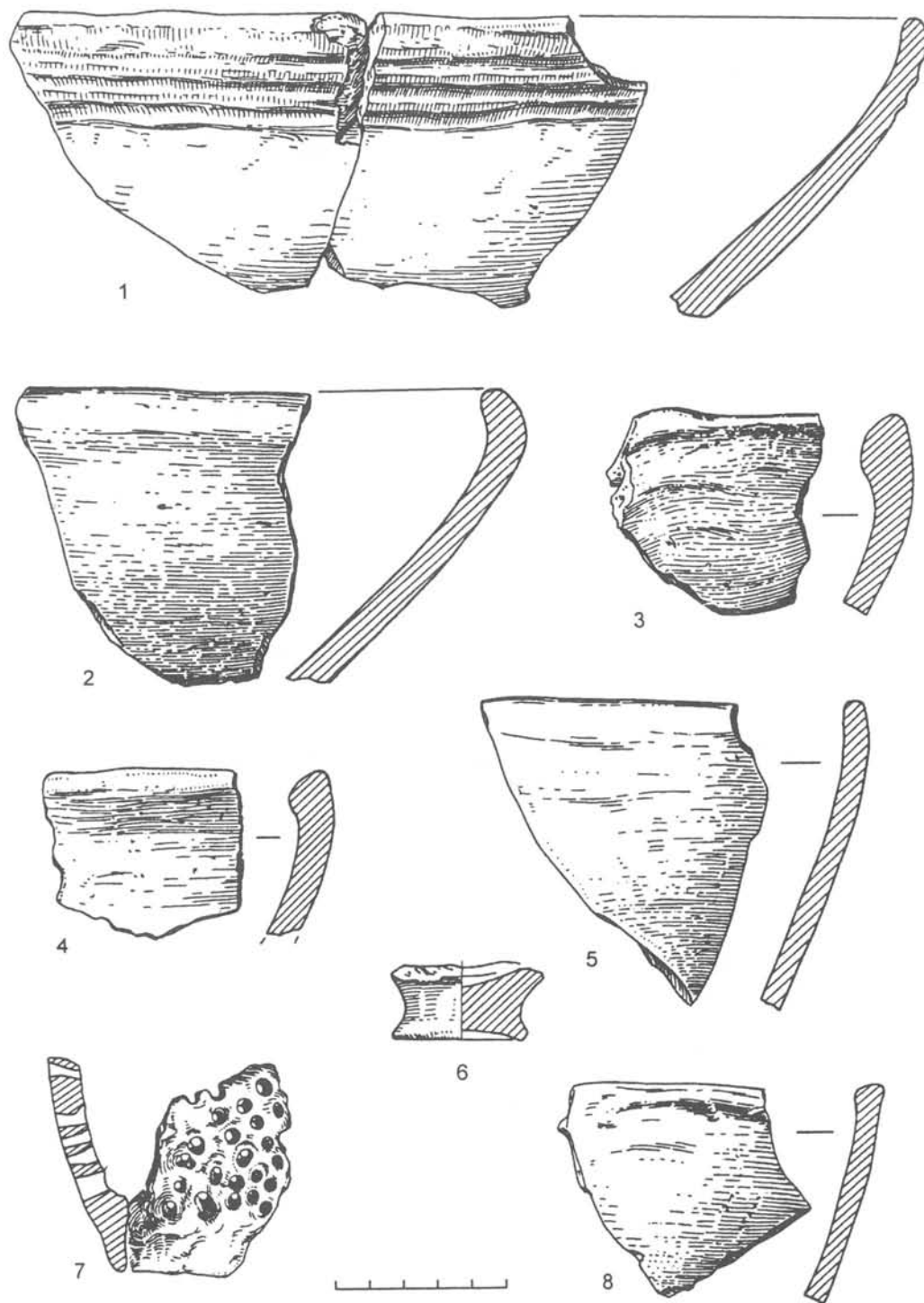

Рис. 6 Поселение у с. Яруга. Образцы мисок (1—5, 8), кубка (6), дуршлага (7).

Fig. 6 Yaruga. Bowls (1—5, 8); beaker (6); colander (7).

Среди кремневых находок из Субботовки имеются три сильно сработанных по краю вкладыша от составного серпа (рис. 3: 9, 10, 13) и долотовидное орудие (рис. 3: 8).

Возникновение Субботовского поселения, по-видимому, связано с весенне-летним выпасом скота небольшой семейной группой. О сезонном характере этого памятника

свидетельствует не только характер строительных остатков, но также незначительные размеры поселения и его непосредственная близость к воде.

Второе обследованное нами в 1953—54 гг. поселение выявлено в ближайшей окрестности села Яруга на противоположном селу правом берегу ручья Яружки,

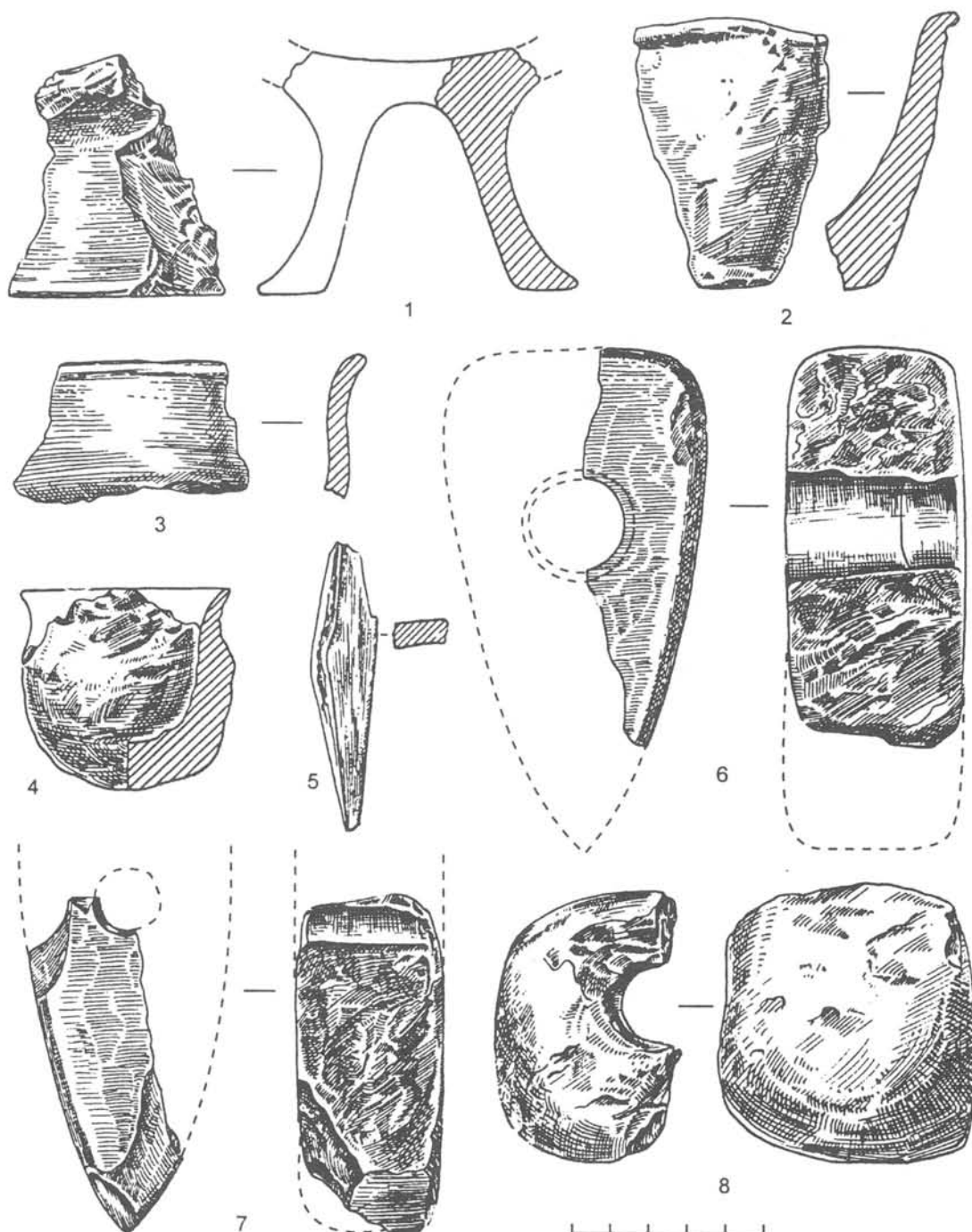

Рис. 7 Поселение у с. Яруга. Образца посуды (1—4), костяная проколка (5), каменные топоры (6—7) и молот (8).

Fig. 7 Yaruga. Ceramics (1—4); bone borer (5); stone axes (6, 7); hammer (8).

протекающего по дну глубокого оврага. Основная часть поселения была расположена на высоком мысу (гора Фигура), у впадения ручья в Днестр. Общая площадь поселения, вытянувшегося узкой полосой до оконечности мыса вдоль Яругки, до того места, где начинался пологий спуск к ручью (и роднику?), составляла примерно 200—230 кв. м.

В 1953 г. наиболее насыщенный культурными остатками и значительный по тол-

щине слой выявлен на мысу, на самом краю колхозного виноградника (пункт 1—1953 г.). Однако, на этом участке он был полностью разрушен глубокой тракторной вспашкой. На граничащем с мысом участке (пункт 2), находившемся под огородными культурами, в 1954 г. установлен слабо насыщенный, но почти ненарушенный культурный слой, мощность последнего местами достигала 0,25—0,30 м, однако, кое-где он почти полностью прерывался.

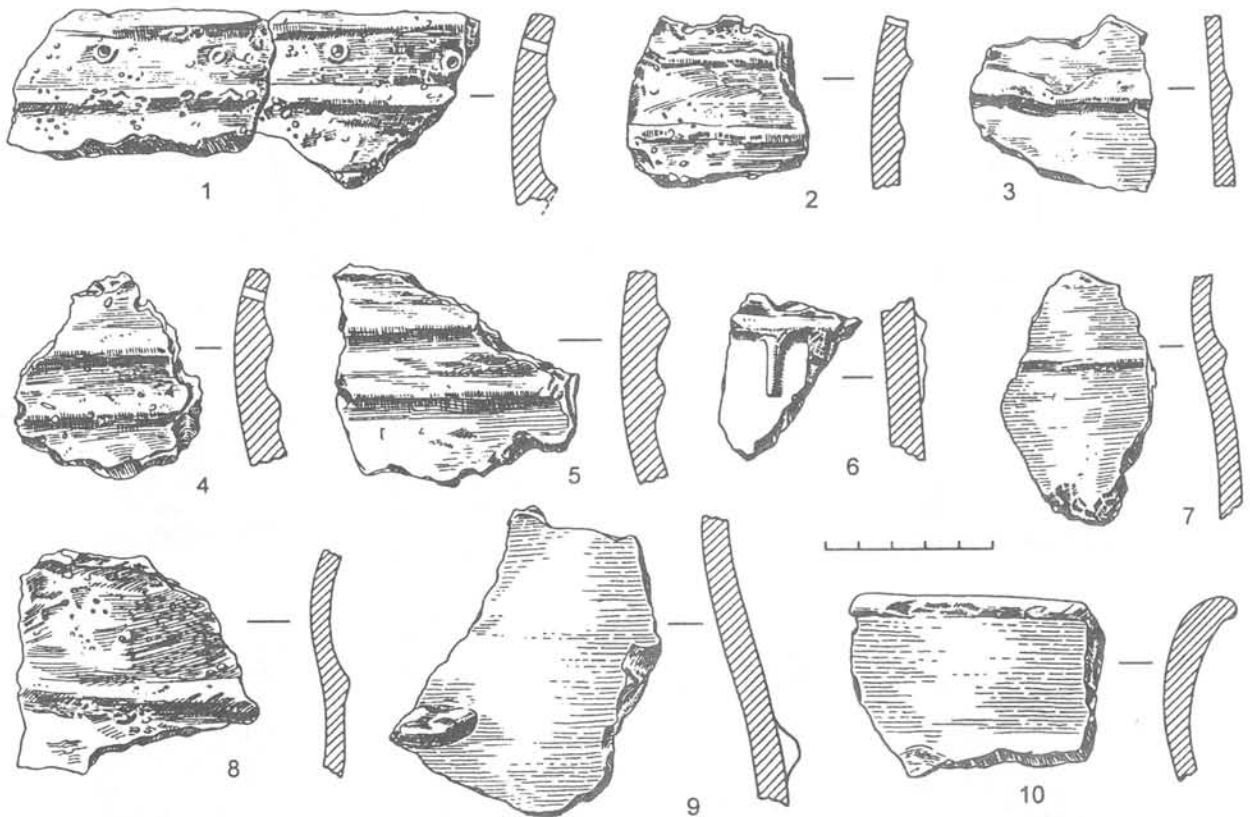

Рис. 8 Поселение у с. Яруга. Фрагменты кухонных горшков (1—8) и корчаг (9—10).

Fig. 8 Yaruga. Fragments of kitchen pots (1—8); fragments of ewers (9, 10).

В мысовой части поселения (пункт 1) на поверхности пашни были заметны пятна золотистого гумуса, соответствующего наибольшим скоплениям культурных остатков, среди которых имелось большое количество костей домашних животных, обломки керамики и каменных орудий, осколки кремня, в основании одного из скоплений обнаружено несколько беспорядочно лежащих крупных камней; встречены также мелкие вкрапления обожженной глины.

Керамика Яругского поселения в своей основной массе менее груба и толстостенна, несколько сильнее и равномернее обожжена. Однако, следы лощения нередко отсутствуют даже на сосудах столового назначения. На некоторых сосудах сохранились следы ангобирования тонким слоем жидкой глины. В качестве примесей к глиняной массе использовались мелкий или размельченный галечник, реже — шамот. Некоторые сосуды кухонного назначения (пункт 1) содержат лишь примесь крупного песка.

Хотя керамическая коллекция из Яруги значительно многочисленнее субботовской, из-за фрагментарности образцов кухонной посуды, преобладающей на поселении, не удастся реконструировать профиль тюльпановидной формы горшка от венчика до

дна и даже от венчика до основания шейки. Тем не менее, пользуясь типологией белоградской посуды, предложенной С. С. Березанской, с некоторой долей условности можно выделять в Яруге две разновидности тюльпановидных сосудов. Одни из них относятся к типу А по Березанской (Березанська 1964: 50, 51, рис. 1: 2, 4, 5; 2: 1), или, скорее, к его вариантам, характеризующимся вытянутыми пропорциями, сравнительно высокой выгнутой шейкой с плавно отогнутым краем и округленно выпуклым туловом (рис. 4: 3, 4, 6, 11; 8: 7, 8). Другие можно причислить к типу Б (Березанська 1964: 51, 52, рис. 1: 1, 3; 2: 2). Они имеют слабо профилированный корпус, менее выгнутую, близкую к прямой шейку с почти неотогнутым краем (рис. 4: 1, 2, 5, 7; 8: 1—6).

Наиболее характерным видом декора для обоих типов является гладкий валик, в большинстве случаев довольно узкий и треугольный в разрезе (рис. 4: 1—4; 8: 1—8), реже более массивный, широкий, округлый в разрезе валик, оттянутый или накладной (прочно вмазанный) (рис. 4: 5, 11). Иногда от гладкого горизонтального валика отходят вниз отрезки одинарных или парных налепов (рис. 4: 2; 8: 6). Не является исклю-

чением и декор в виде расчлененного валика (рис. 4: 6, 7).

На сосудах типа А валик размещался в основании шейки, а на горшках типа Б по середине шейки или ближе к венчику, при этом на последних встречаются двойные горизонтальные налепы. Валик или валики, помещенные на шейке сосуда, в некоторых случаях дополнялись сквозными проколами под краем (рис. 4: 1; 8: 1, 2, 4). Сквозные проколы встречены еще на одном сосуде, выполненном в той же технике, что и вся кухонная керамика на поселении. Это темно-серый горшок с шероховатой поверхностью. Он имеет невысокую выгнутую шейку и округло выпуклый корпус, на переходе шейки в тулово размещены маленькие конические выступы (рис. 5: 2). В целом же для орнаментики кухонной посуды Яругского поселения сквозные проколы и расчлененный валик не являются столь обычными, как для однотипной керамики некоторых чернолесских поселений данного микро-района (Осокин 1994: 105, 106, рис. 2: 1, 4, 8; 3: 1—4, 8, 9).

Что касается донец кухонных сосудов в Яруге, то все они массивны, толстостенны, при этом одни из них имеют закраины (рис. 4: 9), другие — без закраин. К какому из типов тюльпановидных горшков те и другие относятся сказать трудно.

Набор посуды столового назначения в материалах Яруги состоит, в основном, из обломков корчаг, мисок и лишь нескольких черпаков.

Среди корчаг различается несколько видов, как местного, так и неместного производства. По технологии, морфологии и каннелированному декору четко выделяются корчаги гальштатского облика. Из числа более чем 10 фрагментов с красной внутренней поверхностью, найденных на поселении, наиболее показательными являются следующие три. Первый принадлежит горлу небольшой корчаги с декором из шести (или более) рядов горизонтальных каннелюр (рис. 5: 5). Наружная сторона черепка, отличающаяся сильным обжигом и плотностью, черная лощеная со слабым блеском, внутренняя гладкая красновато-коричневого цвета. Второй принадлежит нижней части горла с плечиком большой корчаги, блестящей черной снаружи и ярко красной гладкой внутри (рис. 5: 3). И третий от горла или тулова (?) крупной корчаги, украшенной девятью рядами каннелированных полос (рис. 5: 7). Черепок с примесью шамота не отличается плотностью. На внешней поверхности следы коричневого ангоба, внутренняя сторона — красновато-желтая.

Все описанные образцы несомненно связаны с керамикой каннелированного гальштата в Восточном Прикарпатье (культуры Гава-Голиграды и Кишинев-Корлэтенъ). Но все-таки, если учитывать место размещения декора в виде горизонтальных каннелюр в верхней части шейки, то по этим признакам они ближе стоят к корчагам культуры Кишинев-Корлэтенъ (Leviński 1994: fig. 23: 4,5; 24: 1,2; 30: 3; 74: 33,34).

Второй тип корчаг или корчажек (рис. 4: 10) по форме и фактуре довольно необычен как для белогрудовской, так и чернолесской культур, предположительно сравнивается с одним из вариантов степных корчаг белозерской культуры (Ванчугов 1982: 46, рис. 1: 1,7; 1990: 73, рис. 25: 20; фото 1: 14; 4: 6). Речь идет о венчике с короткой шейкой, упоминавшемся выше при характеристике типов корчаг из Субботовки (рис. 4: 10). Этот фрагмент принадлежит сосуду светло-желтого цвета с отогнутым венчиком, короткой четко выделенной шейкой и шаровидным туловом.

Корчагам местного производства свойственно слегка изогнутое горло, плавно переходящее в умеренно выпуклые бока (рис. 5: 1; 8: 9, 10). Известны образцы с проколами под краем (рис. 5: 1). Среди керамики этой группы преобладают сосуды с хорошо заглаженной светло-желтой поверхностью, хотя и чернолощенные не составляют исключения. На тулове только одной корчаги имеются маленькие спаренные выступы-шишечки (рис. 8: 9).

Местные корчаги, явно имеющие прообразы в гальштатской посуде, мало чем отличаются по технологическим признакам и форме от собственно чернолесской посуды на Среднем Днестре. Параллели им находим на поселениях развитого Чернолесья, например, таких как Григоровское городище (Смирнова 1983: рис. 5: 43; 9) и Днестровка-Лука (Смирнова 1984: рис. 5: 12; 1985а: рис. 5: 12; 6: 1; 8: 2) и другие.

В керамическом наборе из Яруги четко выделяется необычная для белогрудовских памятников группа фрагментов от прямых, слабо наклоненных внутрь венчиков со стенками, которые принадлежат, по всей вероятности, широкооткрытым крупным сосудам биконической формы (рис. 5: 4, 6). По прямизне, степени наклона стенок и другим деталям они близки к биконическим сосудам высоцкой культуры (Крушельницка 1976: рис. 7: 20, 22), сложившимся на основе биконических сосудов лужицкой культуры.

В комплекте столовой посуды из Яруги наиболее широко и разнообразно представлены коническо-полусферической формы миски с краями, в разной степени загнуты-

ми внутрь. Примечательно, что в Яруге нет шлемовидных (с краями, отогнутыми наружу) мисок, встречающихся на Уманщине (Березанська 1964: 55, рис. 8: 1—3, 5—7, 9).

По имеющимся фрагментам выделяется не менее четырех вариантов этого вида посуды.

1. На основании четырех обломков венчиков, частично склеивающихся, на поселении выделяются не очень глубокие плоскодонные миски со слабо загнутыми краями, украшенными с наружной стороны пояском из неглубоких горизонтальных каннелюр (рис. 6: 1). Их внешняя поверхность — желтая подлощенная, изнутри черная со следами лощения. Этот вид мисок по форме в сочетании с декором в виде горизонтальных каннелюр с наружной стороны специфичен для мисок группы Кишинев-Корлэтеңь (Смирнова 1990а: 23, рис. 2: 7, 9; Levički 1994: 89, fig. 26: 3; 27: 2, 5; 28: 13, 14, 16, 18; 64: 1, 2, 4). Поэтому их неместные корни очевидны.

2. Полусферические миски с загнутыми внутрь краями и утолщением на месте сгиба. Окончания венчиков у них суженные. Все сосуды не имеют орнамента, как и большинство мисок на поселении. Похожие этому варианту сосуды имеются в материалах Сандраковского поселения (Лагодовська 1954: табл. II: 4, 5).

3. Глубокие миски почти конической формы. Стенки у них слабо выпуклые, срез края приближается к горизонтальному или слегка скошенный (рис. 6: 5, 8). Миски этой разновидности напоминают глубокие конические сосуды из Собковки на Уманщине (Березанська 1964: 55, рис. 8: 10).

4. Миски с загнутыми краями, плавно переходящими в слабоскошенный утолщенный краевой бортик. По краю одного из образцов имеется лепестковидный выступ (рис. 6: 3, 4). Их поверхность, как правило, качественно залощена, чем походит на лощение, свойственное столовой посуде развитого Чернолесья на Среднем Днестре.

Не исключено, что четвертой категории мисок принадлежит невысокий конический поддон, полый внутри (рис. 7: 1). Высокое качество лощения темнокоричневой поверхности поддона от фруктовой вазы позволяет присоединить его к мискам без конической подставки четвертой разновидности. Кстати, самые ранние вазы на поддонах прежде были нам известны на Днестре только в период развитого Чернолесья, как например, в Днестровке (Смирнова 1984: 46, рис. 4: 10; 5: 6, 7; 11: 2, 3; 1986: рис. 10: 7).

Черпаки в материалах Яруги представлены лишь одним крупным фрагментом и несколькими мелкими обломками стенок и

овальных в разрезе ручек (рис. 5: 8; 7: 3). Первый из них принадлежит, скорее всего, круглодонной чашке с широкой петельчатоленточной ручкой, помещенной на уровне края сосуда. Своей формой она напоминает степные черпаки балтской группы белозерской культуры (Ванчугов 1990: рис. 25: 9, 12; 28: 1), встречающиеся как в Поднестровье, так и на Днестре, вплоть до окраины Лесостепи (Покровська, Петровська 1961: рис. 8: 8).

Кубки известны в Яруге только по двум или даже по трем образцам миниатюрных сосудов. Это грубовыделанные толстостенные сосудики с короткой шейкой и округлым туловом (рис. 7: 4). Третий экземпляр в виде поддона с выемкой (рис. 6: 6) может принадлежать кубочку с кольцевидным полым поддном, выделяемым В. П. Ванчуговым в особый тип белозерских кубков (Ванчугов 1990: 71, рис. 18: 14; 24: 8).

Из числа мелких сосудиков иного типа заслуживает упоминания еще один образец, явно относящийся к группе кухонной посуды (рис. 7: 2). Однако, близких прообразов этому прямостенному сосудику в кухонном наборе Яруги не найдено.

Среди яругской керамики подсобно-хозяйственного назначения отметим обломок небольшого сквозного сосуда с частыми отверстиями в стенках (рис. 6: 7), представляющего собой дуршлаг для изготовления сыра. Дуршлаг такой формы известны из Андрусовки (Покровська, Петровська 1961: 142, рис. 9: 1—4) и Собковки (Березанська 1964: 54, рис. 6). Появление подобных форм на территории правобережной лесостепной Украины относится к комаровско-тшинецкому времени (Березанская 1972: 117, 118, рис. 46: 52, 78).

В состав вещевого комплекса Яруги входят: костяная проколка простейшего типа (рис. 7: 5), два обломка просверленных каменных топоров и кремневый наконечник стрелы (рис. 4: 8; 7: 6, 7).

Один из топоров имеет форму довольно правильного треугольного клина. Широкий проух, высверленный с двух сторон, расположен почти на середине, углы обушковой части слегка округлены (рис. 7: 6). Наиболее близким ему аналогом является недоделанный топор из зольника в Белоградском лесу на Уманщине (Березанская 1985: рис. 36: 2). Сходный по форме топор происходит из коллекции случайных находок в Кременецком районе на Вольни (Березанская 1972: табл. XXXIII: 1). Правда, связь его с комаровско-тшинецкой культурой вызывает сомнения.

Второй топор, в отличие от первого, имел хорошо заполированную поверхность

(рис. 7: 7). По своей форме он принадлежит к серии клиновидных топоров белогрудовской культуры.

Наконечник стрелы имеет вид вытянутого треугольника. Его края и слабо выемчатый насад тщательно обработаны заостряющей ретушью (рис. 4: 8). В настоящее время нам неизвестны кремневые наконечники, достоверно связанные с белогрудовской культурой. Например, наконечник из Сандрак, имеющий несколько иные пропорции и небольшие размеры (Лагодовська 1954: табл. I: 12), по мнению Лагодовской, мог попасть в белогрудовскую яму из трипольского слоя этого поселения.

К группе орудий из камня считаю возможным присоединить половину массивного молота с просверленным отверстием для рукояти (рис. 7: 8), найденного учителем школы в обресе берегового уступа Днестра недалеко от виноградника.

Описанные виды керамики, в первую очередь, кухонной, отражает различные периоды жизни яругского поселения. Наблюдая распределение находок на двух граничащих друг с другом участках, убеждаемся, что керамика, представляющая более ранней, преимущественно происходит из мысовой части поселения (пункт 1). Так, именно здесь найдены почти все фрагменты с гладким валиком, причем некоторые из них принадлежат сосудам, изготовленным из глиняной массы с примесью песка, и отличаются довольно слабым обжигом (рис. 4: 1, 2; 8: 1, 2, 4, 8).

Грубая керамика с соседнего участка (пункт 2) в ряде случаев характеризуется несколько более совершенной технологией изготовления — черепок, как правило, более плотный и хорошо обожженный, без значительных примесей песка (рис. 4: 3, 4; 8: 5, 6). Валики прочно вмазаны в стенки сосудов, часто расчленены пальцевыми вмятинами. В материалах этого участка широко представлены все виды мисок, кроме первого. Здесь же найден полый поддон фруктовой вазы (рис. 7: 1).

Четкое хронологическое разграничение всех материалов, конечно, невозможно. Поэтому, если начало жизни поселения, наиболее полно представленное материалами пункта 1 (мыс), условно можно относить к поздней фазе белогрудовской культуры, что вполне адекватно раннему Чернолесью данного района, то поздний его этап, когда стал более интенсивно использоваться соседний участок (пункт 2), отражает время непосредственного перехода от поздней белогрудовки к вполне развитому «позднему» Чернолесью.

Однако, представляется существенным то обстоятельство, что в керамическом комплексе Яруги, в целом, отсутствуют или почти отсутствуют вполне выработанные и стабильные виды чернолесской керамики, представленные, например, в Григоровке и на чернолесских поселениях по р. Яружке и р. Мурафе (Смирнова 1983: 60, рис. 1, 2, 3; Осокин 1994: 104—108).

Слабая и неравномерная насыщенность культурного слоя и почти полное отсутствие в его составе фрагментов глиняной обмазки, позволяют думать, что поселение носило сезонный характер. Однако, отнюдь не исключено, что на его площади, обследованной нами лишь частично, так же, как и в Субботовке, существовали легкие наземные сооружения с наружными очагами и ямами.

Первые упоминания о Яругском поселении, как о памятнике, относящемся к белогрудовской культуре или к переходу от белогрудовской культуры к чернолесской, а также краткая характеристика его керамики и вещей находок, появились в литературе уже в 50-х годах (Смирнова 1954: 5, 6; Артамонов 1955: 111; Мелюкова 1958: 11), при этом все исследователи датировали Яругу (по материалам пункта 1) VIII в. до н. э.

Это хронологическое определение полностью соответствовало существовавшей тогда в науке датировке позднего Чернолесья VIII—первой половиной VII вв. до н. э. (по А. И. Тереножкину). При этом А. И. Мелюкова исходила, главным образом, из сходства лощеной столовой керамики Яруги с тем же видом керамики чернолесской культуры на Среднем Днепре. Отмечая в яругской керамике некоторые элементы голиградской культуры, она привлекала для этой цели также хронологию фракийского гальштата. Появление на Днепре голиградских памятников И. К. Свешников в тот период датировал IX в. до н. э. (Свешников 1958: 27), а А. И. Мелюкова не ранее чем концом IX в., считая, однако, более вероятной их датой VIII в. до н. э. (Мелюкова 1958: 25). На основании этих дат яругское поселение было отнесено ею ко времени не ранее первой половины VIII в. до н. э. (Мелюкова 1958: 11).

Исходя из тех же общепринятых дат памятников голиградского типа и Чернолесья, а также учитывая переходный (белогрудовско-чернолесский) характер яругского материала, я датировала этот памятник началом VIII в. до н. э. (Рыбалова 1961: 23; 1966: 81). Эта дата рассматривалась мною тогда как конечная для белогрудовской культуры в целом. Такой вывод в значительной степени основан на том, что вместе с внешне

довольно архаичной валиковой керамикой, сходной с посудой уманских зольников, в Яруге были найдены фрагменты сосудов с черным лощением отличного качества и гладкой внутренней поверхностью красноватого цвета, имевших прямую связь с керамикой каннелированного гальштата. После произошедшего вскоре удревления возраста памятников раннего гальштата и так называемого позднего Чернолесья эта дата представляется, конечно, неприемлемой ни для поселений у села Яруга, ни для белогрудовских памятников Среднего Поднепровья.

Прежде чем пытаться определять древность поселений у сел Субботовка и Яруга, следует остановиться на вопросе хронологии белогрудовской культуры в целом в свете современных периодизаций и известных археологических данных, а также кратко коснуться истории этого вопроса.

В начале необходимо внести ясность в понимание высказанных мною ранее взглядов на датировку белогрудовской культуры IX — началом VIII вв. до н. э. В 60-е годы я датировала не белогрудовскую культуру в ее обычном понимании, как представлялось тогда некоторым исследователям, а лишь время ее расцвета и зрелости, отраженные на Среднем Днепре материалами Собковки и зольников. Однако и тогда я априорно допускала возможность возникновения какой-то части этих памятников еще в X в. до н. э. (Рыбалова 1961: 22, 23). При этом период формирования культуры, который большинством исследователей включается в ее общие хронологические рамки, был первоначально отнесен мною к X в. до н. э. (Рыбалова 1961: 23), позже — к последней четверти XI в. до н. э. (Рыбалова 1966: 80).

Возражая А. И. Тереножкину, относившему начальную дату белогрудовской культуры ко времени вплоть до XII в. до н. э. (Тереножкин 1961: 196—197; 1965: 82—85), я отмечала сравнительно поздний возраст одного из древнейших курганов Печёрского могильника, маркирующего самый рубеж комаровского и белогрудовского времени. Для подтверждения этого привлекались также материалы Печёрского кургана № 2/7, где вместе с тюльпановидным сосудом (Рыбалова 1961: рис. 10), по своей форме и фактуре близким к керамике комаровско-тшинецкой культуры, была найдена бронзовая выпуклая бляха с пунсонным орнаментом по краю (Рыбалова 1961: 21—23, рис. 11: 1). На основе аналогий с Повисленья и из Трансильвании бляха датировалась в рамках IV периода бронзы, по периодизации И. Костшевского, или периодом На_{A1}. Принимая во внимание поздний характер других бронзовых изделий из Печёр, эта

дата представлялась мне стоящей ближе к концу IV периода бронзы.

При всей неточности и условности приведенных дат трудно согласиться с утверждением С. С. Березанской и другими, что печёрская бляха совсем ничего не дает для датировки Печёрского могильника и белогрудовской культуры в целом, так как этот вид украшений существовал от 1400 до 700 гг. до н. э. (Березанская 1972: 164). Поэтому можно только приветствовать, что позднее эта находка все-таки была ею использована для датировки Печёрского кургана № 2/7 и начала белогрудовской культуры в пределах всего XI в. до н. э. (Березанская 1982: 86). С этой округленной и условной датой вполне можно согласиться, так как точно датированных находок в Печёрах действительно нет. К тому же речь идет о целой группе памятников, среди которых могли быть и несколько более ранние, чем печёрский курган № 2/7, например, поселение у села Подгорцы (пункт «Пахотное поле», раскопки В. Н. Даниленко в 1980 г.).

Исчезновение тшинецкой культуры на территории Восточной Польши, по мнению А. Гардавского, относится к началу XII в. до н. э. (Gardawski 1966: 533—536). В своей основной части последняя приняла участие в формировании восточных групп носителей лужицкой культуры. Однако, есть основания думать, что какая-то группа носителей тшинецкой культуры мигрировала на территорию Волыни уже в IV периоде эпохи бронзы, где она влилась в состав комаровско-тшинецкой культурной общности. Можно полагать, что к востоку от Вислы и Западного Буга памятники смешанного типа вполне могли существовать до начала XI в. до н. э.

В самом широком понимании временем перехода от комаровской и комаровско-тшинецкой культур к высоцкой и белогрудовской можно считать весь XII в. до н. э., однако, древнейшие памятники белогрудовской культуры едва ли относятся ко времени ранее, чем начало XI в. до н. э. При этом в своем лесостепном варианте, не окрашенном элементами степных влияний, они выступают лишь в северных и северо-западных районах Среднего Поднепровья и на Южном Буге.

Становится все более очевидным, что белогрудовская культура, представленная материалами уманских зольников, Собковки и Андрусовки, сложилась на основе синкретизма двух основных компонентов: лесостепного, восходящего к комаровско-тшинецкой (и возможно к собственно комаровской) культуре, и степного, являющегося

носителем традиций сабастиновской и белозерской культур. Поэтому, хотя хронология белозерской культуры, в известной степени, определяет нижнюю дату белогрудовской и позволяет значительно ее углубить, было бы ошибкой механически переносить даты белозерской культуры на белогрудовскую культуру Среднего Поднепровья и, тем более, на памятники, сложившиеся при ее участии. Есть основания думать, что последние относятся к несколько более позднему времени, чем древнейшие белозерские комплексы Северного Причерноморья (курган 7 у села Струмок, могильники в Степном, Широком, Лукьяновке и Первомаевке). Если ранее граница между сабастиновской и белозерской культурами определялась серединой XI в. до н. э. (Лесков 1967:150—152), то ныне ее относят, примерно, к середине XII в. до н. э. (Тереножкин 1976: 196,208; Отрощенко 1985: 524, 1986: 149) или к рубежу XIII—XII вв. до н. э. (Ванчугов 1990: 110—122; Vančugov 1996: 302—303). Основанием для столь значительного удревнения являются находки смычковых и арочных фибул, представленных в древнейших белозерских комплексах Северного Причерноморья.

Наиболее ранней из них является фибула из кургана 7 у села Струмок Одесской области (Ванчугов 1990: 110—111, рис. 35: 11). Время появления подобных фибул на территории Украины точно установить невозможно, тем более, что даже в эгейском мире и на Балканах они существовали довольно длительное время: от середины XIII—XII вв. до н. э. в культуре полей погребальных урн в бывшей Югославии до середины XI в. до н. э. на о. Крит (Смирнова 1985: 43, 45, рис. 5).

Простейшая по устройству и древнейшая из арочных фибул, происходящая из кургана 3 в Степном (Отрощенко 1975: рис. 7), относится к той разновидности, которая в Средиземноморье существовала в позднемикенское и субмикенское время и даже до протогеометрического периода (X в. до н. э.). Считая, что в Северное Причерноморье фибулы такой разновидности могли попасть лишь в субмикенское время и связывая это с участием степных племен в походах на юг Балканского полуострова на западное побережье Малой Азии, В. В. Отрощенко датировал находку из Степного XI в. до н. э. (Отрощенко 1975: 202—204). К XI—середина X вв. до н. э. относит этот вид фибул и Г. И. Смирнова (Смирнова 1985: 45).

В свете всего сказанного о времени обоих видов фибул, нельзя исключать, что в степях Северного Причерноморья эти за-

стежки существовали более или менее одновременно, где-то в конце XII—XI вв. до н. э., из чего, в свою очередь, следует, что нижний рубеж белозерской культуры с полным основанием может быть отодвинут до конца XII в. до н. э. Однако, в настоящее время мы не располагаем достоверными фактами, которые позволили бы датировать этим же временем древнейшие памятники белогрудовской культуры.

Опираясь, главным образом, на материалы Андрусовского поселения, которое считает древнейшим памятником белогрудовской культуры, Я. Домбровский относит нижнюю дату этой культуры к концу XI в. до н. э. (Dąbrowski 1972: 62—63). Если исходить из новой хронологии белозерской культуры, являвшейся одним из компонентов белогрудовской, эта дата представляется мне для Андрусовки вполне вероятной и приемлемой. Но аргументация Я. Домбровского основана на возможности синхронизировать этот памятник с заключительной фазой культуры Ноа, которую он, согласно существовавшей тогда хронологии, относил к концу XI в. до н. э. В настоящее время, когда верхняя дата культуры Ноа определяется концом XII в. до н. э., эта синхронизация влечет за собой удревнение возраста Андрусовского поселения и белогрудовской культуры в целом, по меньшей мере, на 100 лет. Правда, последнее не находит подтверждения в керамике и вещевом инвентаре Андрусовки, которую нельзя поставить в один хронологический ряд не только с Ноа и Сабастиновкой, но и с наиболее ранними памятниками белозерской культуры.

Основным аргументом в пользу синхронности ранних поселений белогрудовского типа с памятниками поздней фазы культуры Ноа, по мнению Я. Домбровского (Dąbrowski 1972: 62—63) и С. С. Березанской (Березанская 1985: 502—503), является находка в Андрусовке бронзовой булавы с кольцевидной головкой (Покровська, Петровська 1961: рис. 11: 1). По их представлениям, эта булава является свидетельством прямых контактов белогрудовской культуры с культурой Ноа. Для подтверждения этих связей С. С. Березанская привлекает и другие находки из Андрусовки и Собковки, такие, как обломок ручки, принадлежащей, по ее мнению, двуручной вазе ноусского типа, и баночные сосуды со следами штрихового сглаживания на внешней поверхности. С влиянием культуры Ноа связывает она существование у белогрудовцев обычая насыпать холмообразные зольники.

Но в связи с этим хотелось бы напомнить, что булавы с кольцевидной головкой, двуручные вазы и зольники представ-

лены и в сабастиновской культуре. При этом есть все основания думать, что они не исчезли у какой-то части степного населения и в белозерское время.

Что касается андрусовской булавки, представленной обломком верхней части, то она отличается от классического варианта заколок с кольцевидной формой головки, характерных для культур Ноа и Сабатиновки. Она имеет небольшую слабо выделенную головку подовальной, как бы слегка сплюснутой формы (Покровська, Петровська 1961: рис. 11: 1). Есть все основания думать, что булавка из Андрусовки изготовлена в одной из северо-причерноморских литейных мастерских позднесабатиновского или белозерского времени. В составе некоторых нижнеднепровских кладов литейщиков (Завадовка, Солоха, Николаев) представлены матрицы с негативами подобных булавок. Отливавшиеся в этих матрицах булавки отличаются от ноусских не только размерами и формой наверший, но также и значительно более длинным стержнем (Лесков 1967: рис. 2: 1—3, 17, 18; Гершкович, Ключко 1987: рис. 5; Шарафутдинова 1987: рис. 1: 5; Отрощенко 1986: рис. 41: 3). Примечательно, что в тех же матрицах отливались черешковые кинжалы с параллельными лезвиями, пламенивидные копья с прорезным пером и некоторые другие виды изделий, характерные для белозерской культуры.

Связь этих кладов с белозерской культурой как будто бы ни у кого сомнений не вызывает, но их абсолютные даты менялись в зависимости от существовавших представлений о древности белозерской культуры. Так, если А. М. Лесков датировал их XI—X вв. до н. э. (Лесков 1967: 101—113), то позже в работе Я. П. Гершковича и В. И. Ключко сделана попытка на основе анализа находок из клада в Завадовке углубить дату нижнеднепровских мастерских до XIII—XII вв. до н. э. (Гершкович, Ключко 1987: 109—112). Основанием для этого, по их мнению, является сходство завадовских копий с копьями пламенивидной формы, представленными в некоторых закарпатских кладах, содержащих вещи, характерные для периодов ВД—НаА₁. Более ранние аналогии они приводят и для черешковых кинжалов с параллельными лезвиями, отмечая при этом, что они крупнее и массивнее кинжала кишиневского поселения и некоторых белозерских памятников Северного Причерноморья (Гершкович, Ключко 1987: 110, рис. 5).

Тот факт, что Завадовская мастерская древнее Кишиневского поселения (XI—X вв. до н. э.), представляется вполне вероятным, однако, это еще не дает основания

углублять возраст Завадовки и других причерноморских мастерских, где вместе отливались кинжалы с параллельными лезвиями и булавки с кольцевидными головками, вплоть до XIII в. до н. э. Например, в кладе из Завадовки негативы кинжалов, полностью идентичных кишиневскому (Мелюкова 1961: рис. 17:1), находятся на одной створке матрицы с негативом булавки, одинаковой с николаевской (Воѣкарев, Leskov 1980: Taf. 10: 84; 15: 151; Отрощенко 1986: рис. 41: 3; Шарафутдинова 1987: рис. 1: 15). Остается также неясным, почему для авторов статьи о Завадовке большое сходство завадовских кинжалов с кишиневским вариантом представляется менее существенным для датировки этого памятника, чем близость представленных здесь копий с закарпатскими образцами, которые, по-видимому, являлись их древнейшими прототипами.

Факты, свидетельствующие о большой древности некоторых типов бронзовых изделий, представленных в Завадовке, еще не дают оснований для передатировки сабастиновской и белозерской культур в сторону их удревнения и, тем более, для уточнения нижней даты белорудовской культуры. Характерно, что на месте раскопок, производившихся в 1959 г. близ Андрусовки, в 1960 г. найден бронзовый кинжал кишиневского типа (Лесков 1967: 145, примечание 29), что является подтверждением связи обеих находок с северопричерноморским центром металлообработки, который мог существовать вплоть до X в. до н. э. Нельзя игнорировать и того обстоятельства, что на территории Среднего Поднепровья, несомненно связанной с этим центром, бронзовые булавки, идентичные завадовской и андрусовской, встречены в одном погребальном комплексе с изделиями из железа (Березанская 1982: 78,79, рис. 20: 1, 2, 8).

Что касается двуручных ваз, которым С. С. Березанская придает большое значение, то среди керамики из Андрусовки и Собковки достоверные находки таковых пока отсутствуют. Однако если отдельные невыразительные обломки ручек и происходят от двуручных ваз, что в принципе отнюдь не исключено, то это также еще не может служить доказательством одновременности этих памятников с поздними комплексами культур Ноа и Сабатиновки, так как на Нижнем Днепре двуручные вазы известны в материалах белозерской культуры (могильник в Широком — Отрощенко 1980: рис. 40: 10). Следы штрихового сглаживания на наружной поверхности белорудовских сосудов нельзя связывать с влиянием культуры Ноа хотя бы потому, что послед-

ней этот способ обработки поверхности совсем не характерен.

Синхронизируя Андрусовку с памятниками типа Ноа, Я. Домбровский, С. С. Березанская и другие прежде всего не учитывают ярко выраженный белозерский характер не только большей части грубой керамики этого поселения (Покровська, Петровська 1961: рис. 4: 1—5, 7), но также и значительной доли ее посуды столового назначения — кубков, корчаг, черпаков (Покровська, Петровська 1961: рис. 5: 4, 6; 8: 1—16). Отметим, что последняя имеет мало общего со столовой керамикой культур Ноа и Сабатиновка.

Следует учитывать и тот факт, что среди столовой посуды из Андрусовки нет наиболее архаичных видов посуды белозерского керамического комплекса, например, цилиндрических кубков с высоким четко выделенным горлом (Отрощенко 1975: рис. 5: 1, 2, 3; 1985: рис. 17; Евдокимов 1987: 120, рис. 1: 7, 10; 2: 2, 3). Типологически кубки Андрусовского поселения (Покровська, Петровська 1961: рис. 8: 14, 16) гораздо ближе к тому варианту, который представлен в нижнем слое Субботовского городища (Тереножкин 1961: рис. 33: 1). Кстати, корчаги из Андрусовки (Покровська, Петровська 1961: рис. 5: 4, 6) также мало чем отличаются от сосудов раннего Субботова (Тереножкин 1961: рис. 35: 2, 4). Поэтому, даже независимо от абсолютных дат Андрусовки, ее нельзя синхронизировать с культурой Ноа. Ввиду отсутствия сколько-нибудь убедительных доказательств глубокого влияния, оказанного культурой Ноа на белогрудовскую, а следовательно большей древности первой, С. С. Березанская в своих поздних работах прибегает к материалам сабадиновского поселения у села Чикаловка под Кременчугом, причисляя этот памятник к числу древнейших поселений белогрудовской культуры. Доказательства принадлежности Чикаловки к белогрудовской культуре в работах С. С. Березанской в основном сводятся к тому, что в керамическом комплексе этого поселения присутствуют двуручные вазы, а также баночные сосуды со следами сглаживания на наружной поверхности, что, по мнению исследовательницы, сближает ее не только с культурой Ноа, но и с некоторыми более поздними, чем Чикаловка, памятниками белогрудовской культуры (Березанская 1982: 93).

Присутствие в Чикаловке двуручных ваз, идентичных ноусским, вполне закономерно и является одним из свидетельств глубокого родства культур Ноа и Сабатиновки. Однако, для Собковки и Андрусовки существо-

вание этой формы не установлено, да к тому же оно не решает вопроса абсолютной датировки этих поселений. Обработка наружной поверхности пучком сухой травы, пальцами или иным путем известна во многих культурах поздней бронзы. Однако, как уже отмечалось выше, для культуры Ноа она совсем не характерна. Присутствие сосудов, изготовленных в этой технике в керамических комплексах лесостепной окраины Поднепровья, свидетельствует лишь о генетических связях местного населения с носителями степных культур — сабадиновской и белозерской, где эта техника широко применялась (Отрощенко 1985: 521; 1986: 135).

Итак, несмотря на сходство некоторых видов грубой керамики Чикаловского поселения с керамикой Андрусовки, нижнего слоя Субботова (в меньшей степени Собковки и уманских зольников), этот памятник нельзя относить к числу белогрудовских, так как, в отличие от последних, его керамический комплекс носит вполне однородный степной характер. К тому же в его составе совершенно отсутствует тюльпановидные сосуды, которые в большей или меньшей степени характерны для керамики всех групп белогрудовской культуры. Не известны в Чикаловке и другие виды белогрудовской керамики, сложившиеся в области лесостепных культур комаровско-тшинецкого круга. Представленные в Чикаловке банки с небольшим и плавным отгибом края (Шарафутдинова 1964: 161, рис. 5: 12; Шарафутдинова 1982: 94, рис. 33: 12; 34: 11), имеющие некоторое сходство с тюльпановидными формами, отличаются от них своими более приземистыми пропорциями. В некоторых случаях они имеют орнамент в виде прочерченных крестов. Как справедливо отмечает И. Н. Шарафутдинова (1982: 94), эта форма имеет прототипы в керамике срубной культуры.

Между Чикаловкой и Андрусовкой существуют не только культурные отличия, но и значительный хронологический разрыв. Если Чикаловка, как сравнительно поздний сабадиновский памятник, может быть датирована не ранее, чем вторая половина XIII в. до н. э., то Андрусовку, по характеру степной керамики соответствующую времени расцвета белозерской культуры, вероятно, следует датировать приблизительно концом XI—началом X вв. до н. э.

Примерно к тому же или даже несколько позднему времени относится белогрудовское поселение у села Собковка и основная масса зольников Уманщины. Датировка этих памятников X в. до н. э., предложенная А. И. Тереножкиным (1961: 194, 195), не вызывает особых сомнений, хотя, конеч-

но, и требует уточнения. Заметим, что его аргументация, основанная лишь на сопоставлении с высоцкой культурой, выглядела не слишком убедительно. Она базировалась лишь на том факте, что на поселении у села Собковка была найдена бронзовая двуспиральная височная подвеска (Тереножкин 1961: рис. 104: 2), идентичная подвеске из долговременного могильника высоцкой культуры близ села Гончаровка Львовской области, на площади которого вне комплекса обнаружена итальянская бритва. Вслед за В. И. Канивцем, А. И. Тереножкин отнес эту бритву к типу Беначчи I и датировал X в. до н. э. (Тереножкин 1961: 194, 195). Правда, оба исследователя не учитывали того, что по некоторым деталям — перекрученная рукоять с колечком на конце — бритву следует относить к типу Болонья I, который, по Г. Мюллеру-Карпе, датируется IX в. до н. э. (Müller-Karpe 1959: 80, 81, 83, 213, 228, Abb. 7; 48: 18; 64. Том таблиц: tabl. 30: D, 1; 58: A, 1; D, 1; J). Поздний характер гончаровской бритвы отмечался и в моих работах (Рыбалова 1961: 20, 21) и З. Буковским (Bukowski 1966: 85, 86).

Что касается двуспиральных височных подвесок, то этот вид украшений, появившийся еще в сабаминоское время (Шарафутдинова 1987: 80, рис. 6),³ существовал довольно долго, а в некоторых случаях сопутствовал булавкам с кольцевидной головкой и архаичным изделиям из железа (Бобрицкий могильник лебедовской культуры — Березанская 1982: 78, рис. 20: 1—10).

На Среднем Днепре стали известны некоторые другие данные, подтверждающие правильность датировки Собковки X в. до н. э. Так, в работах С. С. Березанской отмечается, что среди керамики белогрудовских поселений Среднего Поднепровья имеются обломки чернолощенных сосудов с гладкой подкладкой ярко-красного цвета. Происхождение этого необычного для Поднепровья вида сосудов она не без основания связывает с влиянием кишиневской группы фракийского гальштата (Березанская 1982: 93; 1985: 503). Последнее вполне вероятно, если учесть общность некоторых видов инвентаря Кишиневского поселения, с одной стороны, и Андрусовки с Субботовым, с другой (черешковый бронзовый кинжал и костяной трехдырчатый псалий) (Мелюкова 1961: 43, рис. 17: 1, 3; Березанская 1985: 506).

Другие находки, привлекаемые С. С. Березанской для датировки белогрудовских памятников X в. до н. э., в частности Собковки, и установления их связей с каннелированным гальштатом, на наш взгляд, не корректны. Так, к числу таких находок она относит лощеный круглодонный кубок из Собковки (Березанская 1964: 60—61, рис. 10: 11; 12; Березанская 1982: 93, рис. 22: 2), декор которого нанесен зубчатым штампом с последующим пастовым заполнением. Но, как известно, такой вид посуды как кубки, не говоря о штампованном узоре, не характерен для культур Гава-Голлиграды и Кишинев-Корлэтедь. Возможно, С. С. Березанская имеет в виду памятники типа Бабдаг II — Козия — Сахарна — Солочены, для которых характерны кубки и орнаментация разными видами штампа, в том числе зубчатого с инкрустацией. Кстати, нижний рубеж памятников типа Бабадаг II — Сахарна определяется временем не ранее конца X в. до н. э. (Смирнова 1985: 48—51, рис. 4; 1990: 23, 24, табл. 1), что почти выходит за рамки существования белогрудовской культуры. Говоря о происхождении собковского кубка, следует обратиться к степным культурам, где низкие кубки были известны уже в сабаминоской культуре, но более широко в белозерской. С белозерскими собковский кубок сближается по своим пропорциям (широкое отверстие при сравнительно небольшой высоте) и наличию узора, выполненного мелкозубчатым штампом (Отрощенко 1986: 135, 136, рис. 40: 6—9, 14, 18).

Происходящие из Собковки банки со следами вертикального полосчатого сглаживания на наружной поверхности (Березанская 1964: 50, 51, рис. 1: 6, 7, 8), так же как и близкие по форме банки Андрусовского поселения (Покровська, Петровська 1961: рис. 4: 1, 2, 5), относятся к довольно обычной разновидности грубой белозерской посуды (Отрощенко 1985: рис. 141: 5; Шарафутдинова 1982: рис. 58: 134, 136).

Приземистая широкодонная банка с шершавой наружной поверхностью (Березанская 1964: рис. 4) принадлежит к еще более широко распространенному виду степных банок, сложившемуся в рамках позднесабатиновской культуры и имевших широкое хождение в белозерское время (Отрощенко 1985: рис. 141: 6; Шарафутдинова 1982: рис. 35: 8, 9; Ванчугов 1987: рис. 4: 6).

³ От редакции. В сводку И. Н. Шарафутдиновой, естественно, не вошли две новые находки подвесок на белогрудовских памятниках. Это бронзовая двуспиральная подвеска из могильника у села Заломы в бассейне р. Тясмин (Бокий 1987: 23) и такое же украшение из золота из Гордеевского курганного могильника на Южном Буге (Березанская, Лобай 1994: 151, 152, рис. 3: 5).

Обработка поверхности белогрудовских банок Среднего Поднепровья вполне соответствует степному характеру отделки этих форм. Техника штрихового сглаживания, существовавшая на Днестре на раннем этапе культуры Гава-Голиграды, имеет иной, более резко выраженный характер (Смирнова 1965: 109, рис. 25: 2, 4, 5; 26: 1, 8, 14; Крушельницка 1983: 45—49, рис. 15: 1, 2). Эти приемы нанесения штриховки существенно отличается от белогрудовских.

Таким образом, материалы двух наиболее полно исследованных памятников — Андрусовки и Собковки — могут быть отнесены не ранее, чем к периоду расцвета белозерской культуры в Северном Причерноморье и появлению культур фракийского гальштата в Восточном Прикарпатье, что не позволяет их датировать ранее, чем концом XI—началом X вв. до н. э. Если Андрусовка полностью относится к X в. до н. э., то поселение нижнего слоя Субботова, как несколько более поздний памятник, непосредственно предшествующий развитому Чернолесью (IX в. до н. э., по современным представлениям), в настоящее время можно уверенно датировать в пределах второй половины X в. до н. э. Подтверждением этой даты может служить найденный в Субботове косяной трехдырчатый псалий (Тереножкин 1961: рис. 63: 1, 2), идентичный псалию кишиневского поселения, являющегося одним из позднейших памятников группы Кишинев-Корлэтеня (Мелкокова 1961: 43, рис. 17: 3).

Поселение близ хутора Ворошиловка под Житомиром, отражающее белогрудовско-чернолесскую культуру, выросшую на однородной лесостепной комаровско-тшинецкой основе, по-видимому, соответствует как нижнему, так и верхнему горизонтам Субботовского городища. Близость этого памятника ко времени развитого Чернолесья при частичной синхронности с верхним слоем Субботовского городища определяется не только характером его керамики, опубликованной очень неполно и выборочно,⁴ но также найденной на поселении бронзовой булавкой с конусовидной шляпкой и боковой петлей (Березанская 1982: рис. 21: 3). Булавки этого типа представлены в верхнем слое Субботова (Тереножкин 1961: рис. 101: 2) и в чернолесском слое Восточного Бельского городища на левобе-

режье Среднего Днепра (Шрамко 1975: 107, рис. 1: 7).

Основной слой Сандраковского поселения на Южном Буге (Лагодовська 1954: 133) как территориально, так и в культурном плане, занимает промежуточное место между уманской группой и открытыми на Среднем Днестре поселениями. Он содержит керамику очень близкую яругской, но без элементов сколько-нибудь значительного влияния культур каннелированного гальштата. Правда, поселение это не является однослойным, часть его керамики, по-видимому, принадлежит к переходному от комаровско-тшинецкого к белогрудовскому времени. К этой группе керамики в Сандраках с наибольшей вероятностью можно отнести сосуд с жемчужным орнаментом, некоторые тюльпановидные горшки и банки с высоко расположенным гладким, массивным валикам и несквозными проколами (Лагодовська 1954: табл. I: 3; II: 10, 11).

Случайно найденное бронзовое копье степного типа (Лагодовська 1954: табл. III: 4) идентичное копью из Вышетарасовки (Шарафутдинова 1986: рис. 30: 28) и Завадовки (Шарафутдинова 1982: рис. 51: 3), по-видимому, датирует именно этот горизонт. Не исключено, что с этим же слоем связан и сильно сработанный топорик с закраинами (Лагодовська 1954: табл. III: 5), хотя он может быть и еще древнее.

Приведенные материалы, более или менее точно устанавливающие нижнюю дату белогрудовской культуры в рамках XI в. до н. э., во всяком случае, с периодом непосредственного перехода от комаровско-тшинецкой культуры к белогрудовской не ранее чем рубеж XII—XI вв. до н. э., безусловно важны для определения возраста обследованных нами поселений на Среднем Днестре. Однако, в материалах Субботовки и Яруги содержатся и собственные данные для их датировки, являющиеся до некоторой степени контролирующими при определении возраста белогрудовской культуры Среднего Поднепровья и примыкающих к нему районов верхнего течения Южного Буга.

Речь идет о находках нескольких фрагментов посуды гальштатского облика — мисок с горизонтальными каннелюрами под краем с внешней стороны и корчаг, в одном случае с каннелированным декором на тулове, имеющих черную, иногда лощеную

⁴ Коллекция из раскопок, проводившихся в Ворошиловке в 1945 (Е. В. Махно, М. Ю. Смишко) и в 1951 гг. (С. С. Березанская, Г. Т. Ковпаненко) хранится в фондах Киевского Института археологии. Грубая керамика представлена, преимущественно, обломками стройных тюльпановидных сосудов с очень узким лепным гладким валиком, дополняемым иногда сквозными проколами. Среди столовой керамики — обломки корчаг и мисок с дырчатыми или жемчужным орнаментом.

наружную поверхность и красно-оранжевую внутреннюю (рис. 2: 1; 5: 3, 6, 7; 6: 1). Поскольку миски с подобным орнаментом являются специфической чертой кишинев-корлэтенского комплекса, есть все основания объединять их с фрагментами корчаг в одну группу неместной посуды на белогородовских поселениях Среднего Поднестровья, попавших сюда от носителей группы кишинев-корлэтен Молдовы, а не другой группы каннелированного гальштата — Гава-Галиграды в украинской части Восточного Прикарпатья. К сожалению, обломки корчаг из Яруги и Субботовки маловыразительны, чтобы судить в деталях о полном профиле и характерным элементам оформления этих сосудов. Во всяком случае, красно-оранжевая подкладка встречается не только на корчагах группы типа Гава-Галиграды, но и Кишинев-Корлэтен (Мелюкова 1961: 37).

Ограничив круг рассматриваемых культур каннелированного гальштата памятниками Кишинев-Корлэтен, мы вправе синхронизировать их с белогородовскими поселениями со Среднего Днестра. По уточненным и наиболее всесторонне обоснованным в последнее десятилетие хронологическим определениям Г. И. Смирновой, появление памятников типа Кишинев-Корлэтен в Молдове относится к концу XII в. до н. э., а их исчезновение — к рубежу X—IX вв. до н. э. (Смирнова 1985: 45—47, рис. 4: 5; 1990а: 26, 27). В рамках двух столетий — XI—X вв. до н. э. — вероятно, и следует искать место поселений у сел Субботовка и Яруга, хотя сделать это не просто из-за ограниченности собранных на поселениях вещевых находок, при полном отсутствии сделанных из металла, и слабой уловимости временных различий в керамике белогородовских комплексов.

И, тем не менее, можно полагать, что Субботовское поселение возникло раньше поселения у села Яруга. Основанием такому утверждению служит архаический облик грубой валиковой керамики, в первую очередь, незаостренный край венчика, массивный, треугольный в сечении оттянутый гладкий валик, значительная примесь толченого камня в тесте и прочее.

Обследованные нами поселения левобережья Среднего Днестра относятся к ранее неизвестной юго-западной ветви белогородовской культуры. Основное отличие последней от наиболее изученной юго-восточной ветви, и особенно от ее приднепровской группы (Андрусовка-Субботов), состоит в том, что она формировалась без участия степной культуры, хотя связи с последней полностью исключить нельзя (например, присутствие в керамическом наборе

корчаг с невысоким горлом и округлым, шаровидным туловом, со светло-желтой не лощеной поверхностью). От белогородовской культуры других регионов Лесостепи ее отличает также отчетливо выраженные контакты с культурами фракийского, точнее каннелированного, гальштата, главным образом, с группой Кишинев-Корлэтен, что обусловлено непосредственной территориальной близостью с последней.

Истоки белогородовской культуры в междуречье Южного Буга и Днестра пока не совсем ясны, так как памятники комаровско-тшинецкого типа в этом микрорайоне неизвестны. Тем не менее, есть основания думать, что эта часть Лесостепи, включая верховья Южного Буга, входила в область распространения комаровско-тшинецкой культуры, точнее, являлась периферией ее ровенской группы, центр которой находился на территории Западной Волыни по течению рек Стырь, Горынь и Случь.

Так называемая ровенская группа, граничившая на западе с тшинецкой культурой Польши, и, возможно, сложившаяся при ее непосредственном участии, была выделена мною в 1952 г. в составе более широкой и менее однородной культурной общности, известной под названием комаровской культуры, и именована волыньско-тшинецкой (Рыбалова 1953: 212). Затем под названием ровенская она была присоединена СС. Березанской к выделяемой ею восточно-тшинецкой культуре, куда вошли также сходные памятники Южной Белоруссии (припятская группа), Поднепровья (киевская группа) и др. (Березанская 1972: 125—155).

Формирование весьма сложной по своему составу комаровско-тшинецкой культуры (восточно-тшинецкая, по Березанской) и широкое ее распространение в восточной направлении представляется мне как длительный процесс расселения относительно небольших групп древних скотоводов и земледельцев в сравнительно слабо заселенные соседние районы Южного Полесья и северной части лесостепной Украины вплоть до Южного Буга и Днепра.

В междуречье Днестра и Южного Буга комаровско-тшинецкий компонент на каком-то, возможно, на позднем этапе проник, конечно, не с Днепра, а непосредственно с территории юго-западной Волыни, вероятнее всего, через р. Горынь, где сосредоточена наиболее компактная группа памятников, и верховья р. Случи, где хронологически и культурно наиболее близким к Печёрскому могильнику является курганный некрополь у с. Войцеховки (ныне Колосовка). В погребальном обряде обоих памятников наблюдаются определенные черты сход-

ства — небольшие курганы, неглубокие могильные ямы, скорченное положение костяков и ориентировка головой на запад (Лагодовська 1948: 63, Рыбалова 1961: 21).

Обращает также на себя внимание большое сходство тюльпановидного сосуда из Печёр (Рыбалова 1961: рис. 10) с некоторыми горшками из Войцеховки (Лагодовська 1948: рис. 4). Сосуды, относящиеся к тому же варианту тюльпановидных, представлены на многих поселениях р. Горынь, таких как Костянец (Swiesznikow 1967: tabl. XIII: 12, Крушельницка 1976: рис. I; II: 1, 2), Святое (Березанская 1972: табл. XLI: 8), Нетешин (Березанская 1972: табл. XXXIX: 5), Славута (Березанская 1972: рис. 3: 8) и др. С печёрским сосудом, прототипами которому они являются, их сближают такие особенности, как более или менее вытянутый корпус, широкие, плавно округленные плечики, несколько суженная шейка и узкое или сравнительно узкое днище.

На территории Среднего Поднепровья в белогрудовское время этот тип сосудов почти неизвестен. В верховьях Южного Буга среди находок на Сандракском поселении представлены сосуды, приближающиеся к ровенско-печёрскому типу (Лагодовська 1954: табл. I: 9; II: 10; III: 8). Некоторые из них (Лагодовська 1954: табл. II: 10), возможно, относятся еще к добелогрудовскому времени или синхронны сосуду Печёрского кургана № 2/7.

Этот тип сосудов, несомненно, существовал и на Среднем Днестре, хотя представлен здесь единичными экземплярами. Сосудам этого типа, по-видимому, принадлежат происходящие из Субботовки единичные обломки узких днищ, высокого, слегка суженного горла и широкого выпуклого плечика с валиком в основании шейки (рис. 1: 6; 2: 9). Судя по некоторым фрагментам из Яруги (рис. 4: 3,11; 8: 7,8), горшки рассматриваемого типа имелись и здесь в позднебелогрудовское — раннечернолесское время. Самым убедительным доказательством длительного бытования и развития ровенско-печёрского варианта тюльпановидных сосудов на Среднем Днестре является сосуд из чернолесского кургана № 2 у села Мервинцы на притоке Днестра р. Мурафе (Артамонов 1964: 115, рис. 48; Смирнова 1977: 97, рис. 5: 1). Он сохраняет наиболее характер-

ные особенности данного вида — вытянутый корпус, выделенная слегка суженная шейка, выступающие плечики и неширокое дно.

Слабопрофилированные тюльпановидные сосуды с более широко открытым устьем, высокой шейкой, плавно отогнутым слегка заостренным краем, наиболее отчетливо представленные в керамическом наборе Яруги (рис. 4: 1,2; 8: 1—4), также имеют прототипы среди тшинецко-комаровской керамики Волыни (Swiesznikow 1967: tabl. XII: 1, 4, XIII: 15; Березанская 1972: рис. 36: 4, табл. III: 3). Их поздние варианты доживают здесь до могилянского (чернолесско-жаботинского времени) (Крушельницка 1976: рис. 27: 12; 28: 10). Правда, эта разновидность тюльпановидных горшков, как правило, сопровождающая первую, менее специфична для Западной Волыни и имеет более широкую область распространения от Вислы до Днестра и верховьев Южного Буга.

На территории Среднего Поднепровья она наиболее характерна для западных и северных районов. Полное представление о классическом варианте этой формы дают сосуды из курганного могильника у села Макеевки недалеко от Белой церкви (Березанская 1982: рис. 21: 10, 11). Нет сомнения, что идентичные формы существовали и на Волыни, где памятники конца бронзового — начала железного веков изучены очень слабо и почти не опубликованы.

Итак, материалы обследованных нами поселений белогрудовского-раннечернолесского времени в совокупности с материалами ранее известных памятников этой культуры на Южном Буге (Печёры, Сандраки) приводят нас к выводу, что белогрудовская культура этой области сложилась на основе юго-восточного ответвления комаровско-тшинецкой культуры, проникшей сюда непосредственно с территории Западной Волыни через притоки Припяти. Никаких специфических элементов комаровской культуры Прикарпатья здесь не наблюдается. Уже на раннем этапе своего существования белогрудовская культура на левобережье Среднего Днестра вошла в контакты с культурами каннелированного гальштата, в первую очередь, с группой Кишинев-Корлэтенъ, а также с белозерской культурой, главным образом, с балтской группой.

Артамонов, М. И. 1955. Археологические исследования в Южной Подолии // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР 59: 100—117.

Березанская, С. С. 1972. Средний период бронзового века в Северной Украине. Киев.

1982. Северная Украина в эпоху бронзы. Киев.

1985. Белогрудовская культура // Археология Украинской ССР 1: 499—512. Киев: Наукова думка.
Березанская, С. С. 1964. Кераміка білогрудівської культури (за матеріалами розкопок біля с. Собківка // Археологія XVI: 49—75. Київ.

- Березаньска, С. С., Б. І. Лобай.* 1994. Курганний могильник бронзової доби поблизу с. Гордівка на Південному Бузі (попереднє повідомлення) // Археологія 4: 148—153.
- Бокій, Н. М.* 1987. Грунтовий могильник у с. Заломы // Киммерійці і скифи. Тезиси докладов Всесоюзного семінара, посвященого пам'яті А. І. Тереножкина I: 22—24. Київоград.
- Ванчугов, В. П.* 1982. О появлении корчаг в памятниках эпохи бронзы Северо-Западного Причерноморья // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья: 44—52. Киев: Наукова думка.
1987. Памятники тудоровского типа в Северо-Западном Причерноморье (К вопросу о белозерской культуре) // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины: 114—131. Киев: Наукова думка.
1990. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка.
- Гершкович, Я. П., В. И. Клочко.* 1987. Связи племен Нижнего Поднепровья в эпоху поздней бронзы (по материалам Завадовской литейной мастерской) // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины: 101—114. Киев: Наукова думка.
- Евдокимов, Г. Л.* 1987. Курганний могильник белозерского времени у с. Первомаевка // Древнейшие скотоводы степей юга Украины: 107—126. Киев: Наукова думка.
- Клочко, Б. И.* 1996. Новые аспекты связей Северного Причерноморья с Восточным Средиземноморьем в позднем бронзовом веке // Мир Ольвии. Материалы юбилейных чтений, посвященных 90-летию со дня рождения проф. Л. М. Славина: 129—131.
- Крушельницька, Л. І.* 1976. Північне Прикарпаття і Західна Волинь за доби раннього заліза. Київ: Наукова думка.
1985. Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи (рубіж епох бронзи і заліза). Київ: Наукова думка.
- Лагодівська, О. Ф.* 1948. Войцехівський могильник бронзової доби на Волині // Археологія II: 62—78. Київ.
1954. Поселення часу пізньої бронзи в с. Сандраки // Археологія IX: 133—141. Київ.
- Лесков, А. М.* 1967. О северо-причерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР: 143—178. Киев.
- Мелюкова, А. И.* 1958. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднепровья // Материалы и исследования по археологии СССР 64: 5—102. Москва-Ленинград.
1961. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии // Материалы и исследования по археологии СССР 96: 5—52. Москва-Ленинград.
- Осокин, И. В.* 1994. Памятники чернолесской культуры левобережья Среднего Поднепровья (по материалам Юго-Подольской экспедиции 1953—1954 гг.) // Петербургский археологический вестник 9: 104—108. Санкт-Петербург.
- Отрошенко, В. В.* 1975. Новый курганний могильник белозерского времени // Скифский мир: 193—206. Киев: Наукова думка.
1985. Белозерская культура // Археология Украинской ССР 1: 519—526. Киев: Наукова думка.
1986. Белозерская культура // Культуры эпохи бронзы на территории Украины: 117—152. Киев: Наукова думка.
- Покровська, О. Ф., Е. О. Петровська.* 1961. Поселення кінця епохи бронзи біля с. Велика Андрусівка // Археологія XIII: 129—144. Київ.
- Рыбалова, В. Д.* 1953. К вопросу о сложении культуры эпохи бронзы в лесостепной полосе Правобережной Украины // Доклады научной конференции Института археологии АН УССР: 209—228. Киев.
1961. К вопросу о хронологии некоторых групп памятников эпохи бронзы и раннего железа на Украине // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 2: 9—25. Ленинград.
1966. Еще раз о начальной дате железного века на Днестре // Вестник Ленинградского государственного университета 2,1: 74—82. Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета.
- Сवेशніков, І. К.* 1958. Підсумки дослідження культур бронзової доби Прикарпаття і Західного Поділля. Львів.
- Смирнова, Г. И.* 1954. Археологические культуры лесостепной правобережной Украины и Молдавии в VII—V вв. до н. э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
1965. Раннеголиградский комплекс Магалы // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 105: 109—118.
1976. Гавско-голиградский круг памятников Восточно-Карпатского бассейна // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 17: 18—34. Ленинград.
1977. О хронологическом соотношении памятников типа Сахарна-Солончены и Жаботин (по материалам курганов у с. Мервинцы на Днестре) // Советская археология 4: 94—107.
1983. Материальная культура Григоровского городища (к вопросу о формировании чернолесско-жаботинских памятников) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 23: 60—72. Ленинград.
1984. О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре. По материалам поселения Днестровка-Лука // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 25: 43—60. Ленинград.
1985. Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР // Советская археология 4: 33—53.
- 1985а. Поселение у с. Днестровка — памятник чернолесской культуры на Днестре // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 26: 5—29. Ленинград.
1986. Последний сезон работ на чернолесском поселении Днестровка-Лука и вопросы хронологии позднего Чернолесья // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 27: 8—26. Ленинград.
1990. Культурно-исторические процессы в бассейне Среднего Днестра в конце II — первой половине I тысячелетий до н. э. Дисс. ... докт. ист. наук. в форме научного доклада. Киев.
- 1990а. Памятники типа Кишинев-Корлатень в Днестро-Сиретском междуречье и группа Белегиш II в югославском Подунавье // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 30: 20—33. Ленинград.
- Тереножкин, А. И.* 1961. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев.
1965. Основы хронологии предскифского периода // Советская археология 1: 63—85.
1976. Киммерійці. Киев.
- Шарафутдинова, И. Н.* 1982. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев: Наукова думка.

1986. Сабатиновская культура // Культуры эпохи бронзы на территории Украины: 83—116. Киев: Наукова думка.
1987. Бронзовые украшения сабатиновской культуры (К вопросу о контактах) // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины: 69—86. Киев: Наукова думка.
- Шарафутдинова, Г. М.* 1964. Поселения эпохи поздней бронзы поблизу Кременчука // Археология XVII: 153—169. Київ.
- Шрамко, Б. А.* 1975. Крепость скифской эпохи у с. Бельск — г. Гелон // Скифский мир: 94—132. Киев: Наукова думка.
- Bočkarev, V., A. Leskov.* 1980. Jung- und spätbronzezeitliche Gussformen in nördlichen Schwarzmeergebiet // Prähistorische Bronzefunde Abt. XIX, I. München.
- Bucowski, Z.* 1966. W sprawie genezy i rozwoju grupy wysockiej kultury łużyckiej // Archeologia Polski XI, 1: 28—98. Wrocław-Warszawa-Kraków.
- Gardawski, A.* 1966. Chronologia kultury trzcinieckiej // Archeologia Polski X, 2: 529—538. Wrocław-Warszawa-Kraków.
- Dabrowski, J.* 1972. Powiazania ziem polskich z terenami wschodnimi w epoce brązu. Wrocław-Warszawa-Kraków.
- Levişki, O.* 1994. Cultura Hallstattului canelat la Răsărit de Carpați. Bucureți.
- Müller-Karpe, H.* 1959. Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. Berlin.
- Sulimirski, T.* 1931. Kultura wysocka. Kraków.
- Swieszniak, I. K.* 1967. Kultura komarowska. (Na podstawie materiałów z płn. Podkarpacia i zach. Wołynia) // Archeologia Polski XII/1: 39—107.
- Vančugov, V. P.* 1996. Das Ende der Bronzezeit im nördlichen Schwarzmeergebiet. Die Belozerska Kultur // Eurasia Antiqua 2: 288—311. Mainz: Deutsches Archäologisches Institut. Eurasien Abteilung.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К СТАТЬЕ В. Д. РЫБАЛОВОЙ «ДВА ПОСЕЛЕНИЯ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЛЕВОБОЕРЕЖЬЕ СРЕДНЕГО ДНЕСТРА И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЛОГРУДОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Г. И. СМЕРНОВА*

Валентина Дмитриевна Рыбалова (1911—1996) не успела завершить работу над рукописью своей статьи. Черновой ее вариант вместе с незаконченными таблицами рисунков Валентина Дмитриевна прислала мне незадолго до смерти из Пензы, где проживала в последнее время. Ухудшающееся здоровье и резкая потеря зрения побуждали ее спешить с рукописью, поэтому она представила не до конца отработанный вариант, попросив меня внести необходимые коррективы и дополнения и подготовить рукопись к печати.

Как известно, научные интересы В. Д. Рыбаловой были сосредоточены на культурах эпохи бронзы и раннего железного века Северного Причерноморья. Она прекрасно знала и тонко чувствовала материал, отличаясь тщательностью подхода к археологическому источнику и являясь его серьезным аналитиком. По этой причине я не сочла возможным вторгаться в содержание второго раздела данной работы, оставив без комментариев авторские представле-

ния по вопросам хронологии, источников формирования и локальных особенностей памятников белогрудовской культуры.

Публикуемые материалы поселений у сел Субботовка и Яруга на Среднем Днестре находились в Эрмитаже, а не под рукой у автора в Пензе, потому их характеристика, с разрешения В. Д. Рыбаловой, была мною существенно переделана и расширена, а таблицы иллюстраций дополнены. Вместе с тем, учитывая длительный отрыв автора от библиотек и научного общения, мне пришлось также досконально выверить все сноски и внести отдельные необходимые дополнения в список использованной литературы.

На мой взгляд, работа В. Д. Рыбаловой является значительной вехой в изучении белогрудовской культуры, находящейся в последние десятилетия в некотором забвении у исследователей. Каждое новое обращение к ныне известным материалам этой культуры, их сравнительный анализ с выходом на во-

* Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири.

просы генезиса и хронологии заслуживает самого пристального внимания при дальнейшем изучении как памятников белогрудовской культуры, так и синхронных им соседних культур, степной белозерской, в особенности.

Из числа рассматриваемых В. Д. Рыбаловой проблем вызывают повышенный интерес дискуссионные вопросы абсолютного возраста белогрудовской культуры, рассматриваемые ею на широком культурно-историческом фоне. Предпринятая автором попытка передатировки белогрудовской культуры привела к закономерному удревнению этой общности до XI—X вв. до н. э., при том что ее становление отнесено к XII в. до н. э. Мне представляется, что нижний рубеж вполне сложившихся белогрудовских памятником должен уходить вглубь, то есть в XII в. до н. э., что, кстати, вытекает из приводимых самим автором аргументов. Однако, к решению далеко непростых и спорных во-

просов хронологии этой и других культур позднебронзового периода в лесостепной и степной полосе Северного Понта ныне надо подходить с учетом не только старых, но и новых материалов, к сожалению, почти еще не введенных в научный оборот. Речь идет, в первую очередь, о Гордеевском курганном могильнике на Южном Буге, то есть в области расселения белогрудовских племен (Березанська, Лобай 1994: 148—153; Клочко 1996: 129—131), полную публикацию материалов которого с нетерпением ждут специалисты-бронзовики.

В заключение хочется надеется, что на новом витке изучения белогрудовской культуры и других одновременных ей культур работа В. Д. Рыбаловой не останется незамеченной и принесет пользу исследователям. Я же считаю, что свой долг перед светлой памятью незабвенной Валентины Дмитриевны, моей старшей коллеги и друга, я выполнила.

TWO PRE-SCYTHIAN SITES ON THE LEFT BANK OF THE MIDDLE DNIESTER: RESULTS OF PILOT EXCAVATIONS CARRIED OUT BY THE SOUTH PODOLSK EXPEDITION IN 1953—54

(with reference to problems in the study
of Belogradovka Culture)

V. D. RYBALOVA (†)

G. I. SMIRNOVA*

Archaeological finds excavated from Late Bronze Age sites at Subbotovka and Yaruga, Mogilev-Podolskij District, Vinnitsa Region, Ukraine, have remained in the background for some 45 years. These are the first, and so far the only, sites representing Belogradovka Culture east of the Middle Dniester. Their discovery has made it possible to extend the distribution area of Late Bronze Age Belogradovka

Culture, which is well known in the forest-steppe region west of the Dnieper (Belogradovka, Sobkovka, Andrusovka, lower level of Subbotov, etc.) and the Bug basin (Pechery and Sandraki) up to the Dniester. Materials from both sites, including both surface finds and those from small trenches, are now in the possession of the Hermitage Department of Archaeology.

* The article was completed and prepared for publication by Dr. G. I. Smirnova, chief scientific worker of the Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia (State Hermitage).

The specialists have no doubts that the collection, mostly consisting of ceramics, represents Belogradovka Culture. This culture is mostly characterized by roughly worked kitchen ware, table ware being less common.

The kitchen ware includes rather unusual tulip-shaped pots of two types (A and B, according to Berezanskaya). Type A pots are elongated and have high necks, slightly everted rims, and globular bodies (Березанська 1964: 50, 51, figs. 1: 2, 4, 5; 2: 1). The bases are narrow and often flanged (figs. 2: 4, 5; 4: 3, 4, 6, 11; 8: 7, 8). Type B pots have gently curved profiles, their necks are less everted, and the rim is almost straight (Березанська 1964: 51, 52, figs. 1: 1, 3; 2: 2) (figs. 1: 1, 2, 4, 6; 4: 1, 2, 5, 7; 8: 1—6).

Pots of both types are decorated with rolls, either modelled from the surface or applied, triangular or semioval in section, mostly plain or, much less often, pinched (Yaruga). While on type A pots the rolls were normally placed along the lower part of the neck, on type B pots they are either in the middle part of the neck or closer to the rim (in the latter case, the rolls are sometimes double). Some type A pots bear rows of pierced holes above the rolls.

The table ware from Subbotovka and Yaruga includes all categories that occur at Belogradovka assemblages from Sobkovka and Andrusovka: bowls, ewers, scoops, and beakers (Березанська 1964: 55, figs. 8—10; Покровська, Петровська 1961: p. 138, figs. 7; 8). The Middle Dnieper table ware assemblage includes a smaller number of types, and some of these are different.

Specifically, there are no helmet-shaped bowls with everted rims or beakers with high necks known from Andrusovka and from the ash pits of the Uman area (Березанська 1964: figs. 8; 10: 10; Покровська, Петровська 1961: 141, 142, fig. 8: 11—16).

In the Dniester region, the most common forms were conical and hemispherical bowls of four varieties (figs. 3: 14; 6: 1—5, 8; 7: 1), Halstatt-type ewers with gently profiled necks and globular bodies (fig. 2: 1, 2; 5: 1; 8: 9, 10), scoops with handles that are either ribbon-type or oval in section and have no knob on the top (figs. 3: 6; 5: 8), and low wide-mouthed beakers (figs. 3: 1, 2; 7: 4).

Some categories of vessels were most likely borrowed from Belozerk Culture of the steppe zone, specifically its Balta group (Ванчуров 1990: 73, fig. 25: 20, photo 1: 14; 4: 6). They include small ewers with low necks, globular bodies and narrow bases, certain varieties of scoops, and possibly low wide-mouthed beakers (figs. 2: 6, 7; 3: 1, 2; 4: 10; 5: 8). In terms of technology, shape, and deco-

ration, an evidently imported group of burnished vessels stands out from the rest. It includes hemispherical bowls with horizontal rows of cannelures on the outer side (fig. 6: 1), and ewers with red-orange inside, decorated with horizontal cannelures along the rim (fig. 5: 3, 5, 7). Nearly identical specimens occur among the cannelured Halstatt bowls and ewers of the Kishinev-Corleten type in the Prut-Siret interfluvium (Мелюкова 1961: 27, fig. 15: 1, 2; Смирнова 1990a: 23, fig. 2: 7, 9; Левюки 1994: 84—89, figs. 27: 2; 28: 13, 14, 16, 18; 26: 3; 27: 2, 5).

The ceramic assemblage from Yaruga includes a group of fragments which is unusual for Belogradovka Culture. They belong to biconical vessels with wide mouths and straight rims which were slightly folded inward (fig. 5: 4, 6). In terms of shape and other details they resemble biconical vessels of Vysotskaya Culture, which derive from biconical vessels of Lusatian Culture (Крушельницька 1976, fig. 7: 20, 22).

Other clay artifacts include a rattle (fig. 1: 3) which has close parallels among the Lusatian and Vysotskaya assemblages (Dněbrowski 1972: 150, fig. XXXII: 1; Sulimirski 1931: 11, 126, 127, tab. XXII: 7, 10, 17). Stone wedge-shaped axes, clay spindle whorls of various shapes, and flint inserts from sickles are typical of Belogradovka Culture (figs. 1: 5; 3: 3, 4, 5, 9, 10, 13; 7: 6, 7).

Based mostly on the characteristics of the kitchen ware, we believe Subbotovka to be earlier than Yaruga. Given the table ware with Chernolesky features, Yaruga I may belong to an earlier stage of late Belogradovka (early Chernolesye) Culture. If so, Yaruga 2 dates to the end of late Belogradovka, transitional to developed Chernolesye.

The most important issues are the chronology of Belogradovka Culture and its place among other Late Bronze Age cultures of the steppe and forest-steppe zones of the Northern Pontic area. Disputing the largely outdated views published in the 50^s and 60^s, we present a detailed analysis of all the scanty data bearing on the relative chronology of Belogradovka and neighbouring cultures, first and foremost, the steppe Belozerk Culture, and a group of cannelured Halstatt-Kishinev-Corleten in the Eastern Carpathian area.

The cross-comparative analysis of artifacts (bronze pins with ring-shaped heads, bispiral head pendants, shafted daggers with parallel edges, spears of the steppe type identical to those found at Zavadovka and Vyshetarasovka, bone cheek-pieces with three openings), and some categories of pottery, has enabled us to link Belogradovka, Belozerk, and Kishinev-Corleten sites.

Given the recently proposed dates of Belozerkka (12th or mid-12th—10th centuries BC, see Отрощенко 1985: 524; 1986: 149; Ванчуров 1990: 110—122), and Kishinev-Corleten (12th or late 12th—10th centuries, see Smirnova 1985: 45—47), we suggest a conservative estimate for Belogradovka: 11th—10th centuries BC, since it would be hasty to assume that the date of Belogradovka is the same as that of Belozerkka.

The materials discussed above enable us to set the lower chronological boundary of Belogradovka at 11th century BC or, at any event, at the period of direct transition from Komarov-Trzciniac Culture to Belogradovka (no earlier than 1100 BC). Although these data are relevant for dating Subbotovka and Yaruga, these sites themselves have yielded important evidence which may help to evaluate the age of Belogradovka in the Middle Dniester and upper Southern Bug area.

Specifically, fragments of Halstatt-type pottery were found, such as bowls with horizontal cannelures on the outer side below the rim (fig. 6: 1) and ewers with cannelures on the necks or bodies. The latter have a black outer surface, which is sometimes burnished, and a red-orange inside (fig. 2: 1; 5: 3, 5, 7).

Because such bowls are a characteristic feature of Kishinev-Corleten assemblage, they must be included in the category of imported ware. The likely source is the Kishinev-Corleten of Moldavia rather than another group of cannelured Halstatt, Gava-Goligrady in the Ukrainian part of Eastern Cis-Carpathian. Regrettably, fragments of ewers from Yaruga and Subbotovka lack characteristic details of shape or decoration. At least, the red-orange inside is a feature not only of Gava-Goligrady ewers (Смирнова 1976: 22), but of Kishinev-Corleten ones as well (Мелюкова 1961: 37).

Having restricted our search to Kishinev-Corleten sites, we can assume that they are contemporaneous with Belogradovka sites of the Middle Dniester area. According to Smirnova's chronological estimates, which appear to be the most accurate ones so far, the Kishinev-Corleten sites appeared in Moldavia in late 12th century BC and disappeared around 900 BC (Смирнова 1985: 45—47, figs. 4, 5; 1990a: 26, 27). Subbotovka and Yaruga, too, must evidently be dated within 1100—900 BC, although more accurate estimates are difficult given the small number of finds (not a single metal artifact was found) and lack of chronological cues in the evolution of Belogradovka ceramic assemblage.

These two sites represent a previously unknown southwestern extension of Belogradovka Culture. Its principal difference from the southeastern variant, which has been

studied in detail, and especially from its Dnieper group (Andrusovka-Subbotov), stems from the fact that that the southwestern variant had not been influenced by the steppe culture, although some connections are possible (as evidenced by low-necked ewers with globular bodies and light-yellow unburnished surface, as well as by certain other categories of table ware). Also, this variant differs from others by exhibiting distinct traces of contact with cultures of the cannelured Halstatt, mostly the Kishinev-Corleten group, apparently thanks to their territorial proximity.

The sources of Belogradovka Culture in the Southern Bug—Dniester interfluvium are not quite clear due to the absence of sites representing the Komarov-Trzciniac Culture in this area.

However, it may be suggested that this part of the forest-steppe, including the Upper Bug, belonged to the distribution area of this culture. Most likely, it constituted the periphery of its Rovno group, the focus of which was in the Styr, Goryn, and Sluch basins, western Volynia.

The Komarov-Trzciniac elements, possibly representing the late stages of this culture, must have been introduced into the Dniester—Southern Bug interfluvium via the Goryn basin, where the largest cluster of sites is known, and via the upper Sluch, where the group of mounds near Kolosovka (formerly Voytsekhovka) is the closest to Pechery in terms of both chronology and cultural attribution. The burial rite of both sites has similar features such as small mounds, shallow pits, flexed burials, and western orientation of the deceased (Лагодівська 1948: 63; Рыбалова 1961: 21).

Notably, the tulip-shaped vessel from Pechery (Рыбалова 1961: fig. 10) is very similar to certain pots from Voytsekhovka (Лагодівська 1948: fig. 4). Tulip-shaped vessels were also found at many Trzciniac-Komarov sites in the Goryn basin, such as Kosciancec (Swiesznikow 1967: tab. XIII: 12; Крушельницька 1976: fig. 1: II: 1, 2), Sviatoye, Slavuta, and Neteshin (Березанская 1972: fig. 3: 8; tab. XXXIX: 5; XLI: 8), etc. Being the likely prototypes of the Pechery specimen, they resemble it in several features such as elongated body, wide and gently rounded shoulders, somewhat narrowed neck, and relatively narrow base.

Such vessels are not represented at Belogradovka sites of the Middle Dnieper area. However, they were found at Sandraki, the upper Southern Bug region (Лагодівська 1954: tabs. I: 9; II: 10; III: 8).

These vessels must have been common in the Middle Dniester basin as well, although

only few of them were found at Subbotovka and Yaruga (figs. 1: 6; 2: 9; 4: 3, 11; 8: 7, 8). The most weighty argument in favour of the prolonged use and evolution of the Rovno-Pechery-type vessels in the Middle Dniester is a specimen from the Chernolesye-type mound № 2 at Mervintsy, the Murafa (Артамонов 1955: 115, fig. 48; Смирнова 1977: 97, fig. 5: 1). It retains the most characteristic features of this type, including the elongated body, distinct neck, protruding shoulders, and relatively narrow bottom.

Elongated tulip-shaped vessels with more open mouths, high necks, and gently everted rims from Yaruga (fig. 4: 1, 2; 8: 1—4), too, have prototypes among the Trzciniec-Komarov ceramics of the Volyn area (Swieszniakow 1967: tab. XII: 1, 4; XIII: 15; Березанская 1972: fig. 36: 4; tab. III: 3). Their late variants sur-

vive here up to the Mogilyansk, or Chernolesye-Zhabotin, stage (Крушельницька 1976: figs. 27: 12; 28: 10).

Finds from the Belogradovka sites in the Middle Dniester, then, along with assemblages from previously known sites representing this culture in the Southern Bug area (Pechery and Sandraki) bring us to the conclusion that the Belogradovka Culture derives from the southwestern branch of Komarov-Trzciniec Culture which was introduced here directly from the western Volynia via the tributaries of the Pripyat. Already at its early stage, Belogradovka Culture in the left bank of the Middle Dniester came into contact with cultures of the cannellured Halstatt, primarily the Kishinev-Korleten group, as well as with Belozerka Culture, mostly the Balta group.

ХРОНОЛОГИЯ И ТОПОГРАФИЯ КЛАДОВ И КОЛЛЕКТИВНЫХ НАХОДОК ХЕРСОНЕССКИХ МОНЕТ IV—II вв. до н. э.

А. М. ГИЛЕВИЧ* (†)

Клады монет принято рассматривать прежде всего как источник для изучения монетного дела, денежного обращения и торговли. Однако информация, которая в них содержится, значительно шире. В свое время мною была сделана попытка выделить группы кладов по времени и условиям их сокрытия, а также рассмотреть хронологию и топографию кладов херсонесских монет IV—II вв. до н. э. с точки зрения развития скифо-херсонесских взаимоотношений и таким образом связать этот нумизматический источник с реконструкцией событий внешнеполитической истории Херсонеса (Гилевич 1973: 10—11). Спустя полтора десятилетия эту тему и в том же направлении продолжил В. Ф. Столба (1990: 6). Он внес некоторые хронологические уточнения в соответствии с результатами новых археологических изысканий, которые велись преимущественно на территории Северо-Западного Крыма. Но обе работы малодоступны и опубликованы только в тезисном виде. Кроме того, они в значительной степени устарели. За прошедшее время накопились новые материалы и исследования, как нумизматические, так и археологические, что требует внести необходимые коррективы. Наконец, кратко изложенные соображения и гипотезы не могут быть проверены, поскольку лишь некоторые монетные комплексы были полностью опубликованы.

Задачи настоящей публикации заключаются в следующем: (1) дать сводку кладов и коллективных находок херсонесских монет IV—II вв. до н. э., по возможности, с наиболее точной топографической и стратиграфической привязкой, а также с кратким анализом сопутствующего им археоло-

гического материала (если таковой есть); (2) уточнить типологическую и хронологическую классификацию монетных комплексов; (3) попытаться выяснить причины образования кладов и коллективных находок и как-то объяснить их появление в тот или иной момент или отрезок времени.

Но прежде всего необходимо сделать несколько предварительных пояснений.

1. Понятия и термины. В статье используются четыре термина: «клад», «коллективная находка», «невостребованные накопления» и «единичная (индивидуальная) находка».

Ниже под словом «клад» будет пониматься только специально сокрытое денежное накопление. Как правило, специально спрятанный клад бывает обнаружен чаще всего случайным путем. В руки специалиста он попадает (если попадает) не полностью, обычно со значительными утратами. Это клады второго уровня по степени содержащейся в них информации. К первому, самому высокому уровню, надо отнести клады, которые находят во время профессиональных раскопок. Но это бывает редко. Наконец, к третьему, низшему, информационному уровню я отношу клады, сведения о которых неполны или отрывочны, а сами монеты не сохранились. Факт преднамеренного сокрытия монетного накопления может быть доказан условиями находки по археологическим условиям обнаружения (например, в сосуде того или иного типа и центра производства, в ограде земельного участка, в стене или под полом датированного по другим признакам помещения и т. д.).

Под «коллективной находкой» понимается скопление монет, обнаруженное в одном

* Публикация А. Н. Щеглова. Россия. Санкт-Петербург. 191186. Дворцовая наб. 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел истории античной культуры.

[А. М. Гилевич не успела отредактировать статью, которую она специально готовила для этого тома. Поэтому в ней могут быть не замеченные мною погрешности. Уточнение некоторых фактических сведений, которые А. М. собиралась внести, сделано благодаря помощи М. И. Золотарева, Ю. П. Калашника и С. Б. Ланцова, которым я весьма признателен. Мои дополнения и комментарии вынесены в сноски в квадратных скобках (А. Щ.).]

месте в процессе археологических раскопок в строго зафиксированном археологическом контексте (пример: монетное скопление на полу сгоревшего помещения). Сюда я отношу и те монетные скопления, для которых нет достаточных доказательств, что они были спрятаны преднамеренно. Состав монет коллективных находок по содержащейся информации может быть, с одной стороны, приравнен к специально спрятанному кладу, так как они обладают теми же характеристиками, что и намеренно сокрытая группа монет. С другой стороны, коллективная находка может составлять (и, как правило, составляет) только часть тех денежных накоплений, которые некогда находились в хозяйстве и принимали участие в денежном обращении (городском доме, сельской усадьбе, отдельном помещении, на поселении или в конкретной местности). Примеры: «клад» монет на полу сельской усадьбы у Евпаторийского маяка (Жолесников 1983: смотри Каталог, II, 6) и «кошелек» из дома У7—15 на поселении Панское I (смотри Каталог, II, 7). Остатки совокупности денежных накоплений в конкретном археологическом комплексе будут ниже обозначаться как *«невостребованные накопления»*. Этим термином описываются *монетные комплексы*, происходящие только из профессиональных раскопок и только из так называемых «закрытых» (или «замкнутых») археологических комплексов, но не образующие компактных скоплений. Примеры: сельские усадьбы у Евпаторийского маяка, здание У6 на поселении Панское I, жилые блоки на центральном участке У7 того же поселения, «Дом Аполлония» в Херсонесе и т. д.

Под *«единичными (случайными) находками»* понимаются находки монет, сделанные при любых обстоятельствах как с более или менее точной привязкой к местности, так и находки отдельных экземпляров в процессе профессиональной разборки дискретно образовавшегося слоя. Сюда же должны быть отнесены монеты из погребений и отдельные находки из слоя некрополей.¹ Картографирование и составление свода единичных находок херсонесских монет — задача, стоящая впереди.

2. Свойства источника. Многолетние наблюдения над топографией херсонесских монет — кладов, коллективных и единичных находок показывают, что обращение выпус-

кавшихся в Херсонесе монет в рассматриваемый период было локальным, то есть, ограничивалось территориальными владениями государства (*полиса*). Лишь отдельные редкие и случайные экземпляры, очевидно, могли попадать за его пределы. Это в целом, по-видимому, типично для большинства греческих полисов, чеканивших свою монету в то же время.

Судя по невостребованным накоплениям и единичным находкам, по-видимому, можно предполагать, что в денежном обращении на отдаленной сельской территории Херсонесского государства могли участвовать в очень небольшом количестве некоторые полновесные выпуски пантикапейской меди конца IV в. до н. э. Но они, вероятно, не играли особой роли. Уже давно было показано, что денежный рынок не только в Юго-Западном, но и в Северо-Западном Крыму, базировался на херсонесской меди (Голенко, Щеглов 1971; Гилевич 1987). Отсюда следует, что топография единичных находок, невостребованных накоплений и особенно кладов и коллективных находок херсонесских монет может служить, наряду с другими данными, одним из весьма надежных индикаторов для определения величины территориальных владений Херсонеса и ее изменений во времени на протяжении около двух столетий. Правда, надо учитывать длительность обращения монет, которые на отдаленной от города сельской территории в Северо-Западном Крыму, как показывают стратиграфические наблюдения, ходили дольше, чем в самом Херсонесе и его ближайших окрестностях в Юго-Западном Крыму (Гилевич 1987: 55). Поэтому требуется особенно внимательно следить за археологическим контекстом. При этом следует отметить, что принятый в археологии способ датирования слоя или погребений по монетам далеко не всегда применим. В данном случае такими примерами являются коллективные находки второй хронологической группы (Каталог: II. 7 и II. 8). В Ольвии и Херсонесе зафиксированы случаи, когда в качестве «обола Харона» использовались чаще всего либо местные монеты, уже вышедшие из обращения, либо иногородние, которые не имели покупательной стоимости (Карышковский 1962: 95; Гилевич 1968: 39 сл.).

Наконец, анализ топографии и хронологии монетных находок с учетом всех

¹ Особыми свойствами обладают монетные комплексы длительного накопления, образовавшиеся в специфических условиях общегреческих святилищ. Примеры: монеты из морских понтийских святилищ Ахилла на острове Левка (Змеином) и на Тендровской косе (подробнее смотри: Зограф 1941; Булатович 1971; Охотников, Островерхов, 1993: 50 сл.; Щеглов 1972). Они, разумеется, несут принципиально другую информацию по сравнению с указанной выше.

других археологических данных, по-видимому, может указывать не только на территориальные изменения, но отражать и какие-то особые события, которые вызывали синхронное сокрытие денежных накоплений или образование коллективных находок.

3. Методика. Хронологические группы. Состав почти всех кладов, которые хранятся в музеях, проверен *de visu* и по сопутствующей документации. Остальные сведения собраны по публикациям и архивным материалам (Херсонесский музей, Евпаторийский музей, Институт истории материальной культуры, Государственный Эрмитаж, Государственный исторический музей). Используются собрания некоторых частных коллекций. Места находок большинства учтенных кладов были разысканы непосредственно на местности. Они, по возможности, точно привязывались и наносились на крупномасштабные топографические карты и планы, или, если этого сделать было нельзя, реконструировались по картам XIX—XX вв. с использованием данных аэрофотосъемки (эту работу мы делали вместе с А. Н. Щегловым).

Для выяснения относительной и абсолютной хронологии кладов и коллективных находок, кроме типологического состава, учитывались датировка сосуда (если таковой был), в котором находился клад, а также условия находки. Особое внимание обращалось на археологическую ситуацию (контекст) в месте обнаружения клада или иного монетного комплекса.

По совокупности указанных признаков выделены четыре основные хронологические группы (I—IV) и одна подгруппа (IVA). К первой относятся клады, содержащие медь типов 3.XXXV, 10, 16, 18 без надчеканок. Во вторую группу входят тоже состоящие только из медных монет без надчеканок клады и коллективные находки, в составе которых кроме указанных типов (за двумя исключениями, где археологический контекст был определяющим) содержатся монеты типов 3.XXXV, 23—25. К третьей группе отнесены крупные клады из серебра и меди; большинство монет в них снабжены от одной до трех надчеканок. В четвертую группу включены клады из серебряных монет типа 3.XXXVI, 12—14 и одна коллективная находка из серебра и меди. Хронологическая подгруппа IVA выделена из состава кладов и коллективных находок

монет II в. до н. э. по типологическому и стратиграфическому признакам, а также по составу сопутствующего керамического комплекса. Она пока единственный пример, который представлен монетами типов 3.XXXVI, 7, 8.

4. Структура каталога. Типологические определения монет даны по А. Н. Зографу (1951 = Zograf 1977) с учетом тех дополнений, которые есть в каталоге В. А. Анохина (1977 = Anokhin 1980).

Первые четыре раздела (I—IV, IVA) несут информацию о типологическом составе кладов и коллективных находок, а также условиях их обнаружения. Она не зависит от существующих в настоящее время абсолютных датировок. Каждый раздел открыт и может быть дополняем в будущем новыми материалами (например, I, 1 ÷ I, ... n). В пятый раздел помещены клады с недостаточной атрибуцией (клады третьей информационной группы). Возможно их перемещение в будущем в основные разделы каталога. В аналитической части и на картах они, по возможности, соотношены с основными группами, хотя сомнения остаются. К каталогу приложены составленные А. Н. Щегловым карты² (рис. 1—7).

Общие сведения

К началу 1995 г. мною зарегистрировано 22 клада и коллективных находок.³ На территории Западного Крыма они распределены неравномерно (рис. 1). Больше всего (16) найдено в Юго-Западном Крыму, в Херсонесе и в его ближайшей земледельческой округе на Гераклеяском полуострове. Из них непосредственно на Херсонесском городище — 2, на территории прилегающих к нему некрополей — 2, на земельных участках, расположенных на Маячном и Гераклеяском полуостровах — 11, на восточной периферии Гераклеяского полуострова — 1. В равнинном Северо-Западном Крыму три пункта находятся в окрестностях г. Евпатории, один — близ г. Саки и два — на северо-западном побережье Тарханкутского полуострова.

Представительность публикуемого материала может быть оценена по соотношению случайных находок и находок, сделанных в ходе профессиональных раскопок. Они показаны в таблице 1:

² [Карты готовились как к этой статье, так и, главным образом, для нумизматического раздела подготавливаемого ландшафтно-археологического атласа Западного Крыма — А. Ш.].

³ В первом сообщении, сделанном более 20 лет назад, было учтено 15 кладов (Гилевич 1973: 11).

Таблица 1

Группы	Раскопки	Случайные находки	Всего
I	1	3	4
II	5	3	8
III	—	4	4
I—III	—	2	2
IVA	1	—	1
IV	—	3	3
Всего	7	15	22

Как видно из приведенной ниже второй таблицы, большая часть кладов была спрятана вне поселений⁴ — на земельных участках или на кладбищах. Коллективные находки происходят только из поселений, причем, за исключением одного случая (Херсонес), из строительных комплексов, которые несут следы разрушения или пожара с образованием «закрытого» слоя.

Таблица 2

	Поселение	Некрополь	С/х территория (земельные участки)
Клад	2	2	12
Коллективная находка	5	—	—
?	1	—	—
Всего	8	2	12

Почти все клады в Юго-Западном Крыму сосредоточены в северной части Гераклейского полуострова (рис. 1). Вряд ли это случайно. Но надо иметь в виду один приводящий фактор. С конца 60-х годов, когда началось расширение г. Севастополя в западном и южном направлениях, несмотря на массовое строительство, сведения о находках кладов прекратились. Это было связано с криминальной деятельностью некоторых подпольных коллекционеров.

Первая группа

Состоит из четырех небольших кладов (кат. I. 1 — I. 4, рис. 2). Три из них найдены в Юго-Западном и один в Северо-Западном Крыму. Типологически они объединяются тем, что содержат только медь типов 3.XXXV, 10, 16, 18 без надчеканок. Но не

только это является главным для их выделения в особую группу. Определяющим служит археологический, точнее — археолого-топографический контекст. Если исходить только из монетной типологии, то в эту группу должны были бы быть включены также две коллективные находки второй группы (кат. II, 7, 8), которые относятся к более позднему времени.

Клад I. 1 из 23 монет обнаружен во время раскопок Н. М. Репникова в 1908 г. на херсонесском некрополе у Карантинной бухты, на участке, который прилегал к протейхизме 20-й куртины крепостных стен города (рис. 2). В 4 м от места сокрытия клада находилось детское погребение № 2811 в синопской амфоре с клеймом Протофана (фабрикант Посидоний), астинома второй группы Б. Н. Гракова (Репников 1927: 181). Здесь же была камнедомня, зафиксированная на плане Скубетова под литерой *i* (Репников 1927: табл. IV). Из упомянутого и других датированных погребений можно заключить, что на этом участке некрополя хоронили, по-видимому, начиная от конца V на протяжении IV вв. до н. э.⁵

Первый пояс 20-й куртины крепостных стен Херсонеса пересек описанный участок некрополя. При ее возведении была уничтожена часть погребений. Основание стены перекрыло, по крайней мере, одно погребальное сооружение типа наиска, а в ее кладку как строительный материал были включены детали надгробных конструкций, в том числе две полихромные стелы, поставленные врачам. Публикаторы надгробий отнесли их по шрифту эпитафий к концу IV или началу III вв. до н. э. (Соломоник, Антонова 1974: 94, 96, 100). Вряд ли есть основания сомневаться в том, что надгробия для постройки куртины снимались с того участка некрополя, который она пересекла. Но поскольку 20-я куртина крепостных стен возводилась одновременно и явно спешно с так называемым «ядром» башни XVII (Зенона), тоже сложным из надгробных сооружений, ее строительство должно быть отнесено, по-видимому, ко времени не ранее рубежа IV—III вв. и не позднее первой четверти/трети III в. до н. э. Такую дату позволяют предполагать не только материалы из башни (СХМ IV 1969, *passim*; Щеглов 1970: 174—175) и 20-й куртины, но, по-видимому, и из находившихся к юго-западу от башни XVII и 19-й куртины

⁴ [Под поселением автор понимает остатки любого типа населенного пункта — от города до одиноко стоявшей сельской усадьбы — А. Ш.]

⁵ [Мог. 2793 — кремация. В качестве урны использована амфора типа Солоха I. Мог. 2798 — площадка погребального костра; в кострище найден чернолаковый лекиф. Мог. 2799. В инвентаре — аттические чернолаковые килик типа AA XII, № 493; солонка и краснофигурные аск с изображением сфинксов и пантер; а также лекиф с изображением лебедя (Репников 1927: 179, рис. 36—38; Белов 1976: 113—117, рис. 1, 3, 6, 8). Остальные погребения без инвентаря. — А. Ш.]

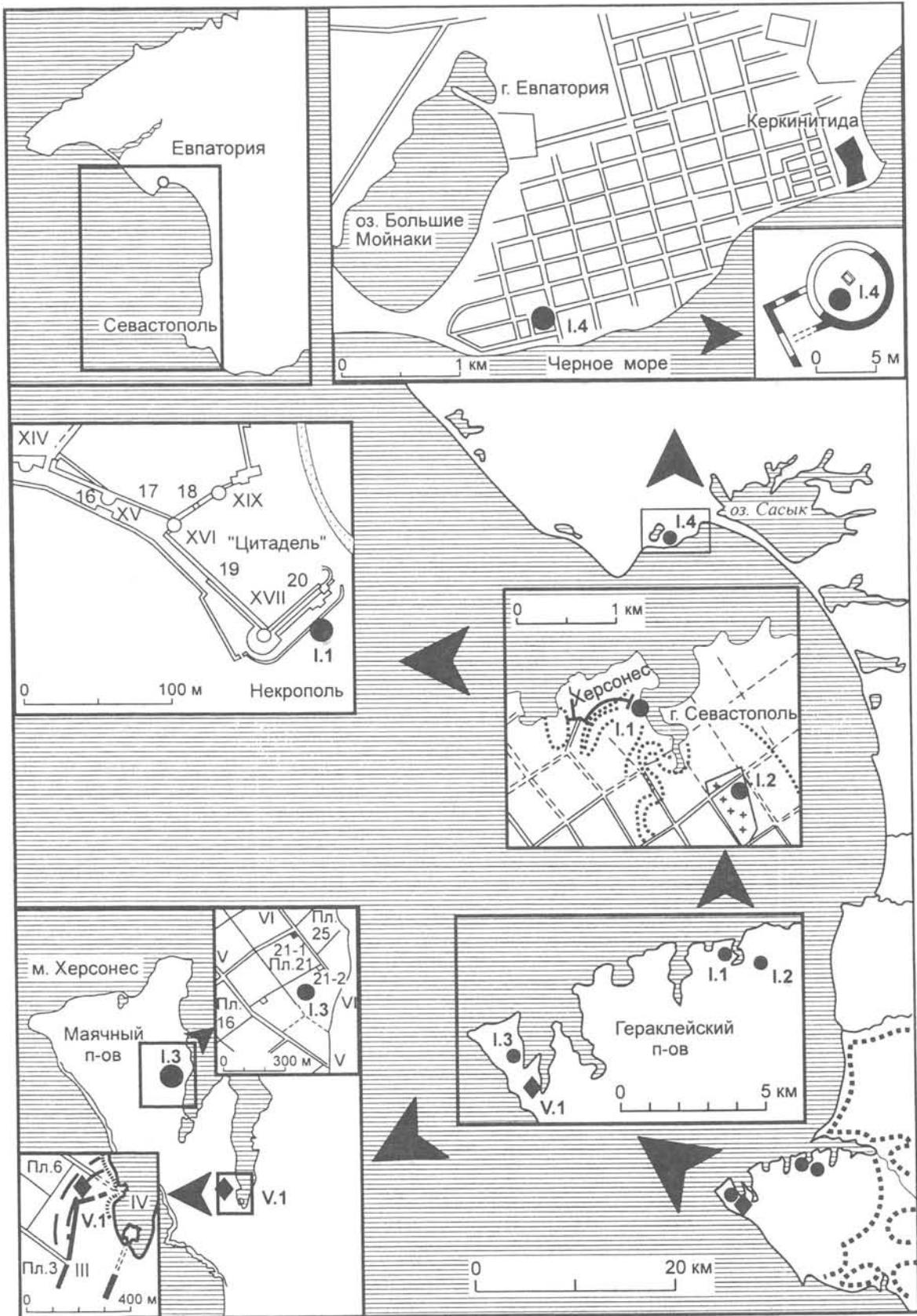

Рис. 2 Топография кладов группы I.

Fig. 2 Topography of hoards of group I.

керамических мастерских (Косцюшко-Валюжинич 1902: 18—23; Борисова 1958; 1966: 25 сл.).⁶

Исходя из сказанного, можно предполагать, что клад был зарыт на территории еще действующего некрополя и, возможно, камеломни в самом конце IV или на рубеже IV—III вв. до н. э.

Клад I.2 был сокрыт сравнительно недалеко от города, очевидно, на одном из херсонесских земельных участков, расположенном примерно в полукилометре к востоку от вершины Карантинной бухты (рис. 2). Существование здесь остатков типичных для Гераклейского полуострова межевых стен зафиксировано нами как при осмотре местности, занятой современным кладбищем «в Карантине» (XVIII—XX вв.), так и по архивным материалам.⁷

Что касается клада I.3 из 47 монет, который был тоже спрятан на древнем земельном участке, и который я сначала относил к последней трети, а затем концу IV в. до н. э. (Гилевич 1960: 170; 1973: 11. Сравни: Столба 1990: 6), то в соответствии с новейшим изучением монетного и археологического комплексов на Маячном полуострове, в районе так называемого «Страбонова Херсонеса» (Щеглов 1994: 42—43; 1994а), его образование и сокрытие более правильно будет датировать рубежом IV—III вв. до н. э.

Нельзя исключать, правда, под очень большим вопросом, что тому же времени мог принадлежать клад V.1, найденный в 1844 г. в южной части Маячного полуострова (рис. 2: V.1) и ставший известным благодаря архивным изысканиям и публикации И. В. Тункиной (1993). Он был спрятан в ограде земельного участка. Смущает величина и состав клада (до 300 медных и 4 серебряных). Нет сведений о наличии или от-

сутствии надчеканок на монетах. Принадлежность ему монет типа (Зограф 1951 = Zograf 1977, XXXI, 6; Анохин 1977 = Anokhin 1980, X, 143) с именем Ксенокла проблематична (смотри — Тункина 1993: 77), даже если учесть предполагаемое понижение даты до середины III в. до н. э. (Столба 1989: 68—69, примеч. 5). Отсутствие в кладе меди выпусков, непосредственно следующих за сериями типов грифон-Дева (Дева-грифон) и квадрига-воин (если сведения верны), характерно для кладов именно первой группы. Это, а также общая нумизматическая и археологическая ситуация, как будто, свидетельствуют в пользу возможной синхронности обоих кладов на Маячном полуострове. С другой стороны, если монеты с изображением головы Девы в венке вправо — лежащего оленя и именем Ксенокла действительно принадлежали данному кладу, то его следовало бы скорее всего отнести к группе IVA (смотри ниже).⁸

Единственный клад первой группы из Северо-Западного Крыма (I.4) найден внутри круглой башни укрепленной сельской усадьбы в ближайших окрестностях Керкинитиды (рис. 2). Клад был спрятан в фрагментированном в древности аттическом краснофигурном аске 1-й — начала 2-й четверти IV в. до н. э. с изображением лебедей (рис. 8). Раскопки башни начал П. И. Филоньчев в 1941 г., а доследовала памятник М. А. Наливкина в 1951—1952 г. (Наливкина 1952; 1953). Хотя материалы из раскопок не опубликованы, специальное изучение керамического комплекса, которое сделал А. Б. Колесников, привело его к выводу, что он сложился не позднее середины IV до н. э. На этом основании автор, отмечая полное отсутствие на усадьбе херсонесской керамики,⁹ время существования усадьбы в

⁶ [Очень широкая датировка гончарных печей в пределах III—II вв. до н. э., предложенная в свое время В. В. Борисовой, устарела. Большая печь в мастерской 1900 г. на момент гибели была загружена амфорами типа I-B классификации С. Ю. Монахова (1989: 51—57, табл. V-XI) с клеймами астинома Истроны, сына Аполлониды. Последнего В. И. Кац поместил сначала в свою хронологическую группу 2В, которую датировал концом 30-х — началом 10-х гг. III в. до н. э. (Кац 1985: 105), а затем в группу 2Б, отнесенную к 262—237 гг. (Кац 1994: 64, 76). Вторая дата более согласуется с археологическими данными. Но, возможно, и она завышена. Руины мастерских перекрыты некрополем, на котором ранние из раскопанных погребений появились в пределах 2-й четверти III в. до н. э. и вряд ли позднее его середины: 1016 (Косцюшко-Валюжинич 1902: 11 сл.) и неопубликованная могила, расчищенная С. Ф. Стржелецким под протейхизмой 19-й куртины. В их инвентаре, кроме соответствующей чернолаковой керамики, были золотые серьги, датируемые М. Пфроммером ок. 300—280 гг. (Pfrommer 1990: 146—157). Расписная амфора из раскопок В. В. Борисовой (1958: 150, рис. 7) не выходит за пределы 1-й половины, или даже 1-й трети III в. до н. э. Из топографической ситуации можно предполагать, что мастерские 1900 г. появились после возведения 19-й куртины крепостных стен и 1-го строительного периода башни XVII («башни Зенона»). — А. III.]

⁷ [К ним относятся найденный И. В. Тункиной в ЦГВИА план Лимудина 1811 г. (смотри: Щеглов, Тункина 1996: 29) и архивные аэрофотоснимки 1954 и 1961 гг. — А. III.]

⁸ [В материалах из раскопок Р. Х. Лепера примерно в том же районе присутствует керамика конца III — начала II в. до н. э. — А. III.]

⁹ [Это не показатель. В самом Херсонесе и его сельской округе до последней трети или четверти IV в. до н. э. керамика херсонесского производства не выделена. Отличимая по визуальным признакам «типичная» херсонесская керамика становится известной не ранее последней трети столетия, главным образом, благодаря началу клеймения амфор. — А. III.]

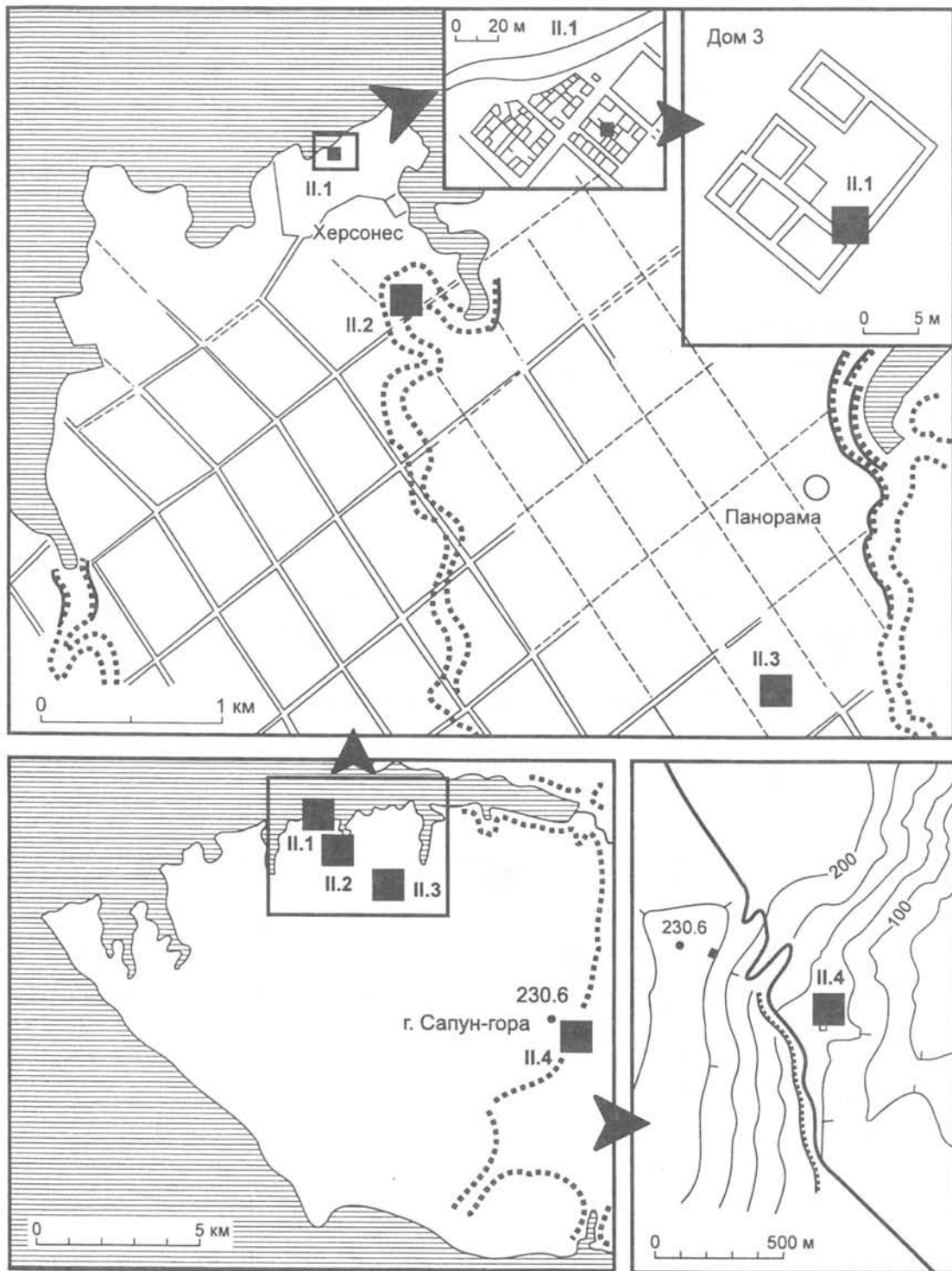

Рис. 3 Топография кладов группы II в Юго-Западном Крыму (Герacleйский полуостров).

Fig. 3 Topography of hoards of group II in the southwestern Crimea (the Heracleian Peninsula).

окрестностях Керкинитиды определил концом 70-х гг.—3-й четвертью (40-ми гг. ?) IV в. до н. э. (Колесников 1985: 14).

В свое время вопрос о причинах сокрытия кладов первой группы я оставила открытым (Гилевич 1973: 11), так как не находила объяснения этому явлению. Впоследствии Т. Н. Высотская (1979: 8), полемизируя

с И. В. Яценко о характере скифо-херсонесских взаимоотношений, предположила, что эти клады были зарыты тогда «когда [то есть, в конце IV в. до н. э. — А. Г.] скифы начали завоевывать хору Херсонеса и угрожать самому полису». Однако признаков отторжения каких-то частей хоры от Херсонеса в конце IV в. до н. э. и заселения ее

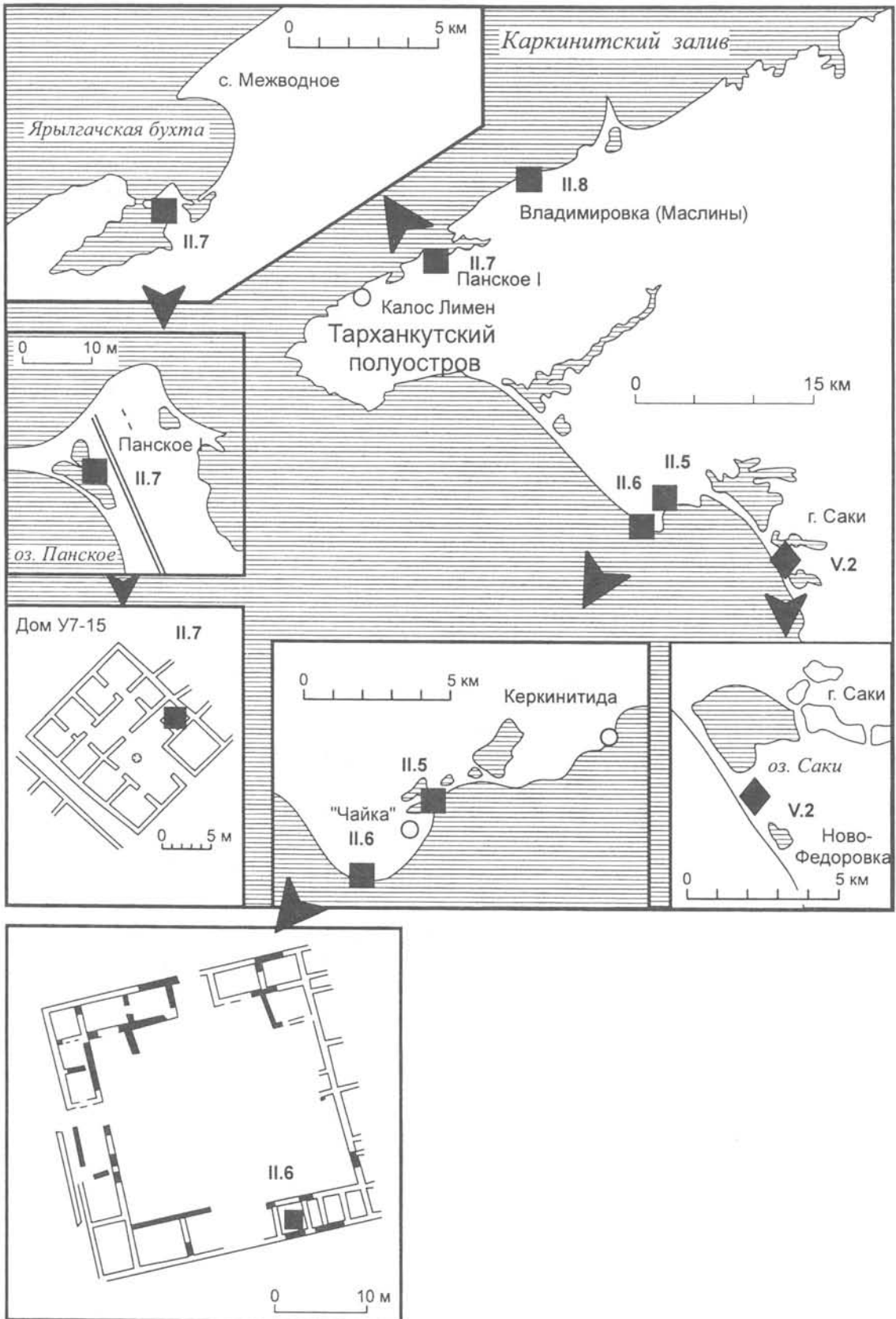

Рис. 4 Топография кладов и коллективных находок группы II в Северо-Западном Крыму.

Fig. 4 Topography of hoards and collective finds of group II in the northwestern Crimea.

скифами археологически не обнаруживается. В то же время, новый анализ эпиграфических и археологических свидетельств позволил Ю. Г. Виноградову и А. Н. Щеглову выдвинуть гипотезу, что острый политический кризис в Херсонесском полисе на рубеже IV—III вв. привел к фактическому раздвоению государства (Виноградов, Щеглов 1990, *passim*). Изучение фортификации херсонесского укрепления на перешейке Маячного полуострова позволяет предполагать, что политическое противостояние в Херсонесском государстве сопровождалось военными действиями, во время которых, по-видимому, были разрушены крепостные стены и башни, ранее перекрывавшие доступ на полуостров (Щеглов 1994а: 37—40; 1995: 49).

Все сказанное позволяет предположительно связать зарытие кладов первой группы и, возможно, V.1, с военно-политическим кризисом внутри Херсонесского государства, который произошел на рубеже IV—III вв. до н. э.

Вторая группа

Самая большая — 8 находок. Ее отличительной особенностью являются: отсутствие серебра в кладах и коллективных находках, отсутствие надчеканок на монетах. Возможно, в нее следует включить небольшой клад V.2, содержащий серебро (смотри ниже).

В Юго-Западном Крыму (Гераклейский полуостров) найдено 4 клада (рис. 3: II.1—4). В Северо-Западном Крыму — один клад (рис. 4: II.5) и три коллективных находки (рис. 4: I.6—8).

Клад II.1 — единственный, обнаруженный во время раскопок на Херсонесском городище. Он состоял из монет одного типа (3.XXXV, 24, 25) и был зарыт в углу внутреннего двора одного из домов квартала XVI в северном районе Херсонеса (дом 3), но не востребован по каким-то причинам до полной перестройки находившихся в этом районе городских усадеб. Дома здесь, по-видимому, существовали со второй половины или, может быть, с третьей четверти IV в., а не с III в. до н. э., как это представлялось ранее (смотри: Белов, Стржелецкий 1953), и, возможно, не позднее первой половины II в. до н. э. (смотри ниже, группа IVA). По хронологии внутри группы этот клад, возможно, самый поздний, так как не содержал монет предшествующих выпусков.

Клад II.2 найден в 1904 г. во время раскопок некрополя первых веков н. э., который расположен в низовье Карантинной балки к юго-востоку от Херсонесского городища, примерно в 80—100 м к югу от загородного крестообразного храма (Косцюшко-Валюжинич 1906: 93, табл. V). Клад обнаружен в слое и с погребениями не связан. Изучение аэрофотоснимков А. Н. Щегловым показало, что некрополь перекрыл один из земельных участков общей межевой системы Херсонеса на Гераклейском полуострове; раскоп 1904 г. расположен в северной части огражденной дорогами земельной площади. Очевидно, что на этом земельном участке и был зарыт клад. Другой клад — II.3 найден в северо-восточной части Гераклейского полуострова, в урочище Куликово поле тоже на территории древнего земельного участка. По своему составу он аналогичен кладу II.1 (Гилевич 1958). По составу оба клада — самые поздние внутри группы, так как они не содержали монет предшествующих выпусков.

С восточной окраины Гераклейского полуострова происходит Сапунгорский клад II.4 того же типа, но несколько иного состава — с большим содержанием ранней меди типов 3.XXXV, 16, 18 и 23. В краткой информации о кладе, кроме указанной особенности, авторы подчеркивали, что «в нем совсем нет монет с надчеканками» (Костромичева, Быков 1974: 294).¹⁰

Клад II.4 кроме состава интересен тем, что он найден у подножия вершины Сапун-горы, на поселении, которое находилось за пределами системы городского межевания территории Гераклейского полуострова и ареала распространения связанных с земельными участками херсонесских сельских усадеб, но среди сельских поселений иного типа. Клад был помещен в небольшой чернолаковый кувшинчик с отбитым в древности венцом (рис. 8). По форме наиболее близок ему простой красноглиняный кувшинчик, происходящий из мусорного слоя с материалом IV—первой половины III вв. до н. э. в северном районе Херсонесского городища (Белов 1938: 234, рис. 74).

Поселение, на котором был спрятан клад, лежит на отроге Сапун-горы под названием Таш-Кулле (Каменная башня), к северо-востоку от так называемой Воронцовской дороги из Севастополя на Ялту (рис. 3). Оно господствует над частью Инкерманской долины. Находившиеся на отроге руины квадратной башни, открытой Л. Н. Соловьевым в двадцатых годах, рас-

¹⁰ [Клад опубликован: Алексеенко 1996 — А. Ш.].

Таблица 3

Тип/комплекс	З.ХХХV, 10	З.ХХХV, 16	З.ХХХV, 18	З.ХХХV, 24, 25	З.ХХХVІІІ, 19	З.ХХХV, 17, 18	З.ХL, 18
Коллект. находка	1	9	9	1			
Невостребованн. накопл.	7	2	5	2	1	2	1
Монетн. накопл.: Σ/%	8/20	11/27,5	14/35	3/7,5	1/2,5	2/5	1/2,5

копаны в 1987—1988 г. О. Я. Савелей. По его словам, башня погибла в результате пожара, а материалы из раскопок датируются концом IV—первой половиной III вв. до н. э. Клад был зарыт примерно в трех десятках метров к северу от башни.¹¹

Сапунгорскому кладу близок Кучук-Мойнакский клад из окрестностей Евпатории, найденный, очевидно, на древнем земельном участке (рис. 4: II.5). Но его отличает как от Сапунгорского, так и от остальных кладов в Юго-Западном Крыму, присутствие большого количества монет типа квадрига — воин (З.ХХХV, 10) — более 20%. Клад хранился в простом аске синопского производства конца IV или рубежа IV—III вв. до н. э. с отбитым в древности горлышком (рис. 8).

Три комплекса из Северо-Западного Крыма представлены коллективными находками. Первая из них (рис. 4: II. 6), опубликованная как клад (Колесников 1991), происходит из раскопок разрушенного по данным исследователей в первой трети III в. до н. э. блока сельских усадеб на Евпаторийском мысу (Яценко 1983: 200; Колесников 1984; 1985: 13). Ее состав хорошо согласуется с невостребованными накоплениями из этого же блока усадеб, что показано в таблице 3.

Еще две коллективные находки происходят из поселений на северо-западном побережье Тарханкутского полуострова — Панское I (раскопки А. Н. Щеглова в 1985 г.) и Владимировка (Маслины) — раскопки В. А. Латышевой в 1973 г. (рис. 4). По типологическому составу обе они должны были бы быть отнесены к первой хронологической группе.¹² Но условия их обнаружения, стратиграфия и сопутствующий монетный и археологический комплексы не позволяют это сделать.

Первая коллективная находка (рис. 4: II.7) состоит из трех монет типа З.ХХХV, 10, находившихся в матерчатом кошельке (грубая ткань простого переплетения). Спекшиеся в один комок монеты лежали на полу помещения 93 в жилом блоке 15, который погиб в пожаре.¹³ Невостребованные накопления, относящиеся к этому блоку, представлены еще одной монетой того же типа — с изображениями квадриги с Девой на лицевой стороне и коленопреклоненного воина на оборотной стороне, а также двумя херсонесскими монетами типа З.ХХХV, 24, 25 и пантикапейской монетой типа З.ХL1,2 (Шелов 1956: табл. V, 21; Анохин 1986: табл. IV, 125). Очевидно, что все они имели хождение на поселении к моменту гибели усадьбы. Анализ всего монетного комплекса поселения Панское I еще более определенно свидетельствует о том, что херсонесская и пантикапейская монетная медь, выпущенная во второй половине и конце IV в., в том числе херсонесские эмиссии типов квадрига-воин, грифон-Дева, Дева-грифон, продолжала обращаться на данном поселении и в первых десятилетиях III в. до н. э. (Гилевич 1996).

Другая коллективная находка (рис. 4: II, 8), по информации В. А. Латышевой, найдена в слое пожара, в очажном развале. Условия ее обнаружения соответствуют находке на Панском I.

Весьма вероятно, что к рассматриваемой группе должен относиться утраченный небольшой клад V.2 из серебра и меди, найденный на поселении Ново-Федоровка. Но это в том случае, если на монетах не было надчеканок.¹⁴ В противном случае его надо отнести к третьей группе. Но последнее маловероятно. Этому противоречит не только топография кладов группы III. Археологический контекст поселения Ново-Федо-

¹¹ Устное сообщение О. Я. Савели, за которое я ему благодарна. Он же показал точное место находки клада.

¹² Так и произошло бы, если бы указанные монетные скопления были найдены случайно и вне археологического контекста.

¹³ [Дом У7—15 с внутренним двориком, жилыми и хозяйственными помещениями на центральном участке поселения (раскоп У7). Все строительные остатки связаны с стратиграфическим горизонтом А всего поселения, который относится примерно к концу IV или рубежу IV—III — первым двум-трем десятилетиям III в. до н. э. — А. Ш.].

¹⁴ [По справке С. Б. Ланцова, на серебряной монете, которую он запомнил, надчеканок не было — А. Ш.].

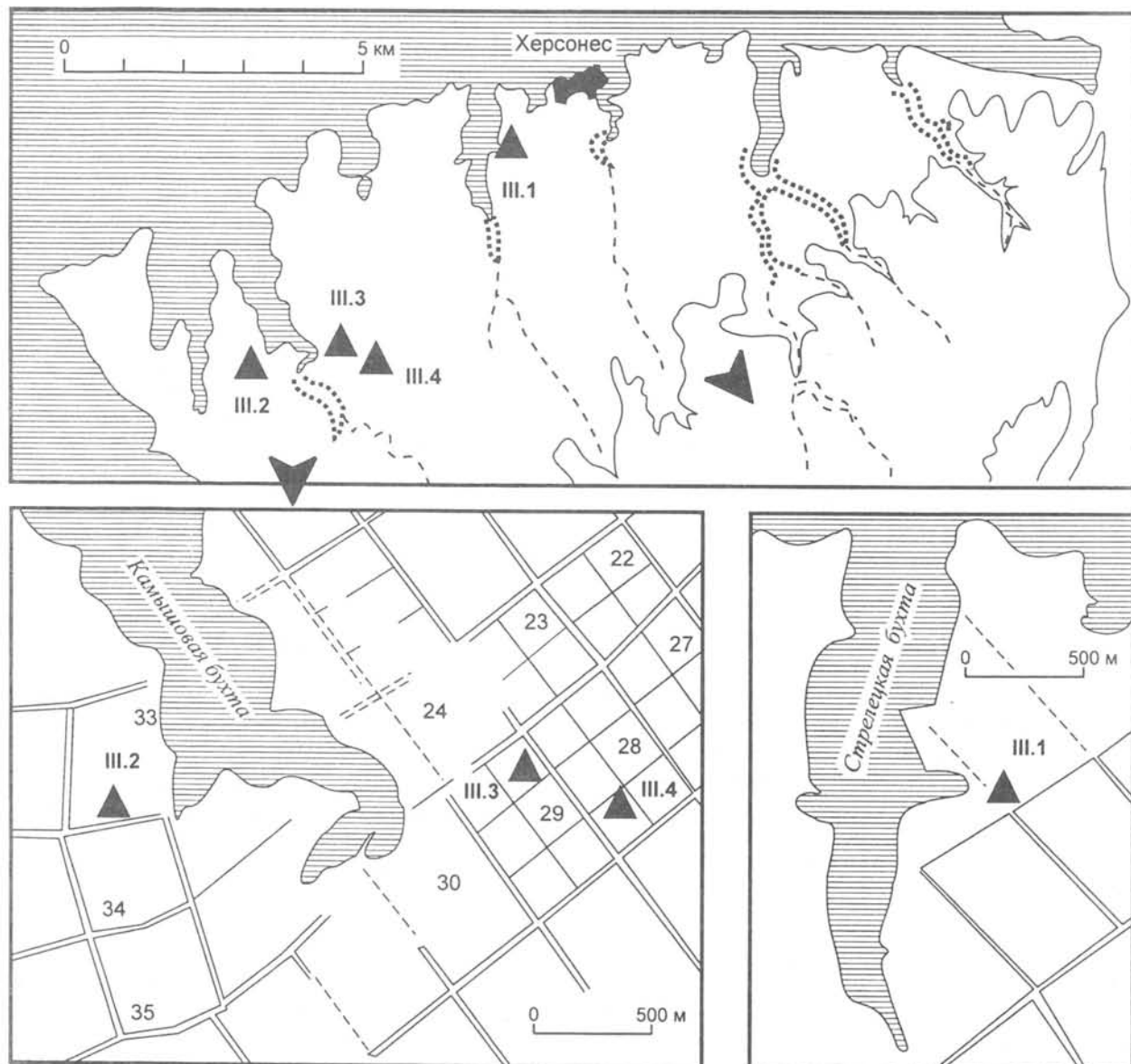

Рис. 5 Топография кладов группы III на Гераклейском полуострове.

Fig. 5 Topography of hoards of group III in the Heracleean Peninsula.

ровка (публикацию материалов раскопок смотри: Ланцов 1994) совпадает с контекстом других синхронных поселений на херсонесской хоре. О том же свидетельствует и топография единичных находок и монет из невостребованных накоплений. Если сказанное справедливо, то это единственный клад группы II, который содержал серебро. В Северо-Западном Крыму мне известна единственная находка серебряной монеты типа голова Геракла — бодающий бык (З.ХХХV, 22). Она вместе с двумя экземплярами меди типа З.ХХХV, 18 составляет комплекс невостребованных накоплений и происходит из раскопок на Южно-Донузлавском городище (Дашевская 1964: 50 сл., прим. 3).

Рассматриваемая группа кладов мною сначала была отнесена в соответствии с ар-

хеологической ситуацией к первой половине III в. до н. э. (Гилевич 1973). В дальнейшем, опираясь на изыскания А. Н. Щеглова, В. Ф. Столба (1990: 6) сузил дату зарытия кладов второй группы до первой трети III в. до н. э. Последняя вписывается в гипотезу о времени разгрома хоры Херсонеса сарматами или теснимыми ими скифами (Щеглов 1985). Кроме разрушения поселений на херсонесской хоре в Северо-Западном Крыму, наблюдается прекращение жизни и на поселениях в Юго-Западном Крыму (Золотарев, Туровский 1990; Туровский 1994: 11 сл.; Щеглов 1994а: 40; 1995: 48 сл.). По условиям находок монет на херсонесских сельских поселениях можно, по-видимому, согласиться с тем, что предложенная В. А. Анохиным датировка эмиссии

монет типа З.ХХХV, 24, 25 с изображением Девы, поражающей лань, именем города — быка на палице и именем магистрата около 300—290 г. наиболее вероятна (Анохин 1977: 26, 139).

Зарытие кладов и образование коллективных находок второй хронологической группы, таким образом, можно отнести с достаточной степенью вероятности к концу первой — середине второй четверти III в. до н. э., примерно около 280—270/260? г. Единственное объяснение причин относительно массового ухода денег в землю — военно-политическая ситуация в Северном Причерноморье, которая, по-видимому, была связана с вторжением сарматов в Скифию и опустошением хоры Херсонеса кочевниками. Последнее вытекает из данных археологии (Щеглов 1985).¹⁵

Второй вывод, который следует из рассмотренных данных, — в Херсонесе и его ближайшей округе в Юго-Западном Крыму медь эмиссий IV в. до н. э. выходила из обращения намного раньше, чем на отдаленной территории Северо-Западного Крыма (хотя, по-видимому, отдельные экземпляры могли находиться в обращении весьма долго). Последний вывод подтверждается в первую очередь анализом монет из раскопок поселения Панское I,¹⁶ а также Херсонеса и других памятников Западного Крыма.

Третья группа

Состоит из четырех самых крупных кладов. Все они найдены случайно в узком ареале в северо-западной приморской части Гераклеяского полуострова (рис. 5). Клады были зарыты на территории древних земельных участков, содержали серебро и медь со всеми известными надчеканками.

Сначала я предполагала, что кладов могут отражать резкое обострение взаимоотношений Херсонеса с крымскими скифами и потерю подвластной Херсонесу территории в Северо-Западном Крыму в начале II в. до н. э. (Гилевич 1973: 11). Но уточнение относительной и абсолютной хронологии монетных выпусков, прежде всего серебра (Анохин 1977; Столба 1989; Гилевич 1992; Туровский 1993), а также материалы

раскопок сельских поселений указывают на более раннюю дату, не выходящую за пределы второй половины III в. до н. э. Свидетельством этому может служить и красноглиняный кувшин (рис. 8), в котором был спрятан первый Камышевский клад (рис. 5: III.3). С. Ф. Стржелецкий (1948: 108—112, рис. 1)¹⁷ отнес его ко II в. и даже к рубежу II—I вв. до н. э. (там же: 112). Однако, сосуды из сельской усадьбы 25 на Гераклеяском полуострове (Стржелецкий 1961: 216, рис. 86) и «Дома Аполлония» в Херсонесе (Белов 1955: 263, рис. 6; 1962: рис. 12—13), а также монетный комплекс из его раскопок (см. ниже, группа IVA) указывают, что такая форма, очевидно, более характерна для III — начала II вв. до н. э.

Политический кризис на рубеже IV—III вв., надо думать, нарушил экономику полиса, что вызвало потребность в полноценной серебряной монете. В первой трети III в. до н. э. город чеканил серию из двух номиналов: дидрахмы и драхмы (З.ХХХV, 20, 22). Такой шаг вместе с крупными выпусками меди должен был упрочить денежное хозяйство. Но, очевидно, уже во второй четверти III в. начался затяжной денежный кризис, который проявился в понижении монетной стопы к середине III в., выпуску новой серии серебра из тетрадрахм и дидрахм (З.ХХХVI, 1, 2), что само по себе уже свидетельствует об инфляции, а также появлением практики контрамаркирования серебра и меди прежних выпусков (Гилевич 1992).

В. А. Анохин (1977: 39), предполагая сложный характер состояния финансов Херсонеса около середины III в. до н. э., объяснял указанные явления сокращением торговых операций и уменьшением притока серебра в город. По его мнению, «старая полновесная монета изымается из обращения и превращается в сокровища», чем и вызвано сокрытие кладов во второй половине столетия (там же). Более верной представляется гипотеза, что денежный кризис, который охватил также Боспор и Ольвию, явился одним из следствий резкого изменения военно-политической обстановки в Северном Причерноморье, связанной в первую очередь с сарматским вторжением в Скифию (Щеглов 1989). В пользу этого говорит археологически зафиксированная катастрофическая гибель поселений на хоре Херсо-

¹⁵ [По краткому сообщению Ю. Г. Виноградова (1997: 221), в херсонесской надписи IOSPE I², 343 могли быть названы сарматы, вторжение которых он датирует около 280 г. до н. э. Но аргументация автора пока не опубликована. Эту же надпись В. Ф. Столба отнес к третьей четверти III в. до н. э. (Stolba 1996: 18 *suiv.*) — А. Ш.].

¹⁶ [Смотри: Гилевич 1996: 12—13. Полностью статья публикуется в Материалах по археологии, истории и этнографии Таврики VII — А. Ш.].

¹⁷ [Чертеж сосуда в указанной работе не точен. — А. Ш.].

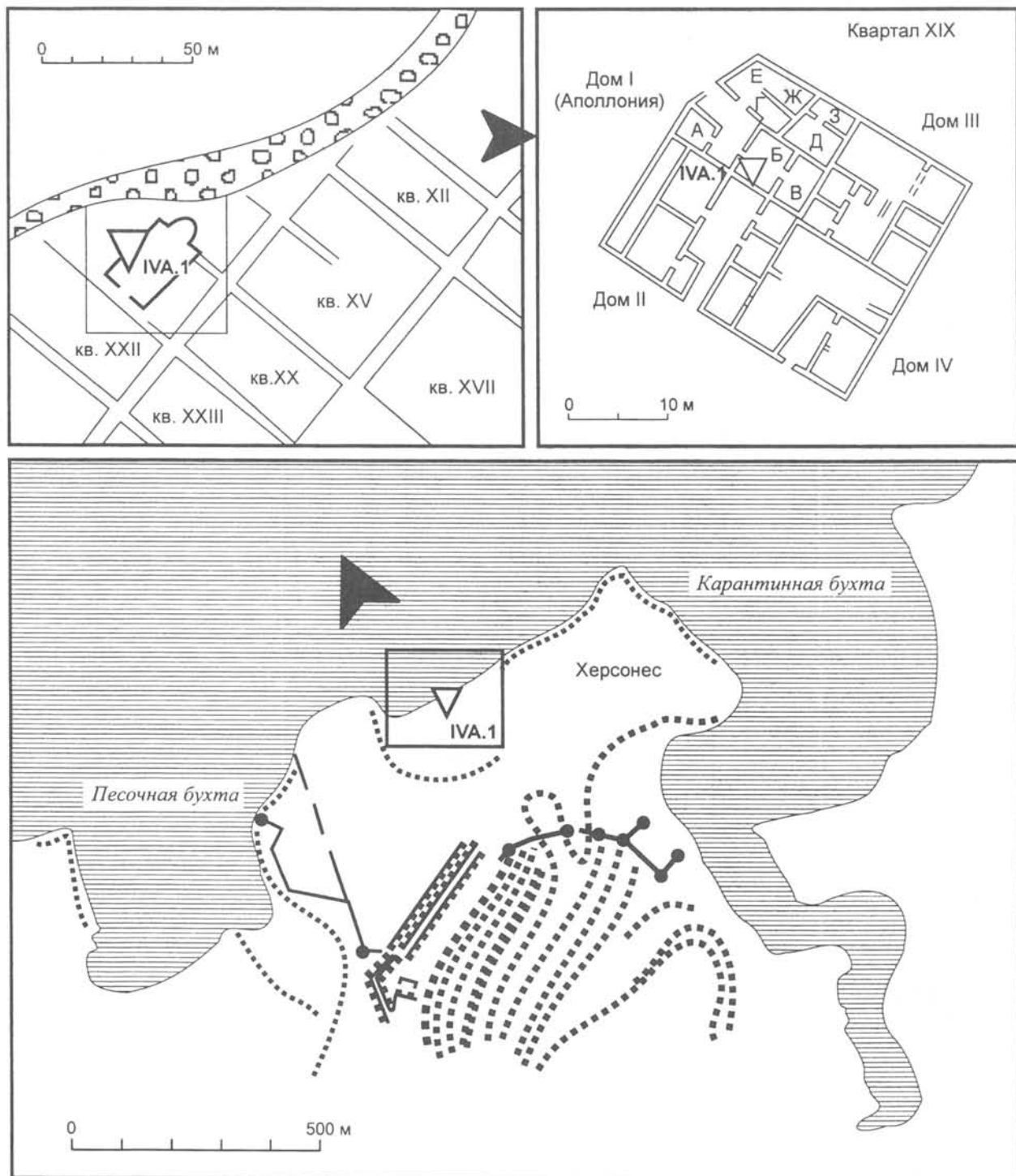

Рис. 6 Коллективная находка подгруппы IVA в Херсонесе. Топография.

Fig. 6 Collective find of subgroup IVA in Chersonesos. Topography.

неса, а также образование кладов и коллективных находок рассмотренной выше второй хронологической группы.

Вслед за В. А. Анохиным ко второй половине III в. до н. э. отнес клады третьей группы В. Ф. Столба, осторожно (под вопросом) предложив сузить их дату до третьей четверти III в. (Столба 1990: 6). В пользу последней датировки определено

свидетельствуют как нумизматические, так и археологические данные.

Три Камышевских и Стрелецкий клады, а также топография единичных находок херсонесских монет в Западном Крыму, фиксируют сокращение территории херсонесского полиса до сельской округи города в Юго-Западном Крыму — на Гераклеийском полуострове, которая произошла после разорения

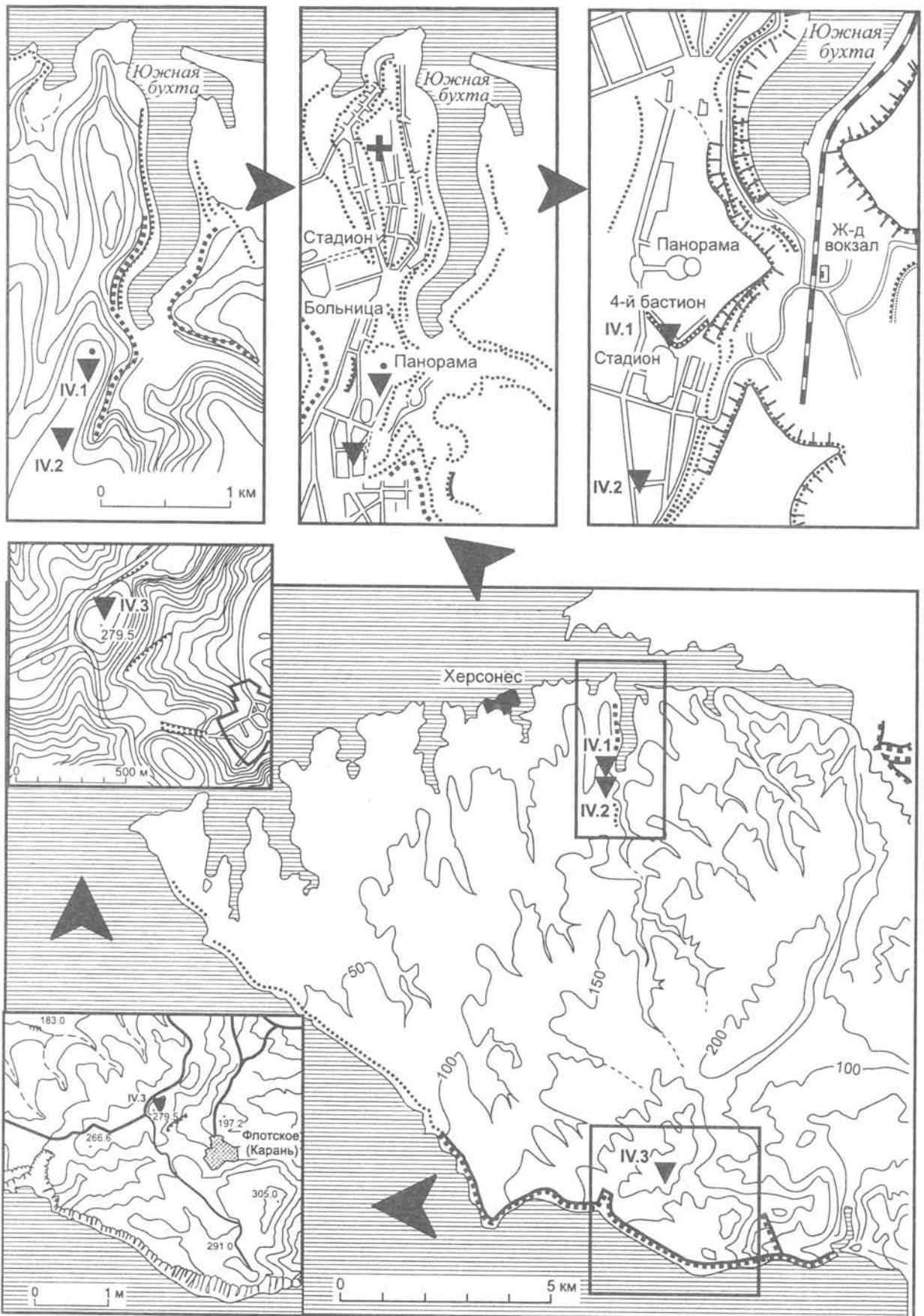

Рис. 7 Топография кладов и коллективной находки группы IV на Гераклейском полуострове (Юго-Западный Крым).

Fig. 7 Topography of hoards and collective finds of group IV in the Heracleian Peninsula (the southwestern Crimea).

хоры в первой трети III в. до н. э. Раскопки указывают на повсеместное запустение сельской территории. Но после некоторого перерыва, в последней трети/четверти III в. до н. э. на Гераклеяском полуострове наблюдается оживление строительной деятельности (Золотарев, Туровский 1990: 81, 84; Туровский 1994: 13), что подтверждается и единичными находками монет на сельских усадьбах (Туровский 1994: 10). Это, очевидно, указывает на некоторое упрочение херсонесской экономики. Наиболее вероятно, что клады были зарыты в промежутке между последним контрамаркированием монет около середины III в. и началом строительства или восстановления усадеб около рубежа его третьей—четвертой четверти.

Нельзя согласиться с В. А. Анохиным о причинах появления кладов. По его мнению, «старая полновесная монета изымается из обращения и превращается в сокровища», чем и вызвано образование кладов (Анохин 1977: 39). Против этого свидетельствует узкий ареал находок: три из четырех кладов обнаружены у Камышевой бухты, а один недалеко от берега Стрелецкой бухты. Это обстоятельство, а также состав монет в них позволяют считать эти клады синхронными. Они прятались, очевидно, только при исключительных обстоятельствах. Наиболее вероятной причиной, по-видимому, была угроза конкретной опасности — внутренней или внешней. В этой связи следует вспомнить известную надпись, в которой говорится о неожиданном набеге «соседних варваров» во время процессии херсонесцев в честь Диониса (IOSPE. I². 343), и фрагмент декрета, в котором шла речь о «спасении народа» (IOSPE. I². 346). Обе надписи, датируемые обычно широко в пределах столетия, В. Ф. Столба (1990: 3) поместил в третью четверть III в. до н. э.¹⁸ Если он прав, то появление кладов третьей группы можно предположительно связать с одним из набегов «соседних варваров», может быть, даже конкретно с тем, который указан в фрагменте декрета IOSPE. I². 343.

Четвертая А подгруппа

Единственная коллективная находка из семи медных монет типов З.ХХХVI, 7, 8

происходит из раскопанного Г. Д. Беловым так называемого «дома Аполлония» в XIX квартале северного района Херсонеса (рис. 6: IVA,1). Монеты лежали в небольшой чернолаковой чашечке со следами починки и граффито (рис. 8), которая стояла на полу помещения Б с алтарем и очагом (Белов 1962: 157, 168).

Остатки дома, как и всего квартала, имели явные признаки разрушения и следы пожара (Белов 1955: 267). Г. Д. Белов предполагал, что дома в северном районе города были разрушены в конце II (там же) или на рубеже II—I вв. до н. э. (Белов 1962: 179). Но этой дате противоречит как опубликованный им керамический комплекс, относящийся в целом ко второй половине III—первой половине II вв. до н. э.,¹⁹ так и состав найденных во время раскопок монет. Последние надо рассматривать как не востребуемые накопления. Кроме коллективной находки, они представлены медью следующих типов: 1 экз. — З.ХХХV, 12 (найдена на вымостке), 3 экз. — З.ХХХVI, 10 (Анохин 1977, табл. IX, 131, 132), 1 экз. — (Анохин 1977: табл. X, 151), 1 экз. — (Орешников 1913: 29, рис. 8). За исключением монеты с изображениями квадриги и воина, все они относятся к выпускам последней трети или четверти III в. и, судя по археологическому контексту, находились в обращении к моменту гибели дома. Самая поздняя медь типа З.ХХХVI, 7, 8 была в составе коллективной находки. Эту серию В. А. Анохин (1977: 144 сл.) отнес к 200—190 г. Возможно, его дата несколько завышена. Но так или иначе пожар и разрушение «дома Аполлония», по-видимому, случились в первой половине (четверти?) II в. до н. э.

Г. Д. Белов предполагал, что катастрофическое разрушение этого и других домов в северном прибрежном районе города могло произойти либо в результате стихийного бедствия (землетрясения), либо «вследствие нападения неприятеля» (Белов 1955: 267; 1962: 179). Не исключая первой версии, следует обратить внимание на вторую. Данные археологических раскопок свидетельствуют, что к середине II в. до н. э. все херсонесские поселения в Северо-Западном Крыму разрушаются и эта территория переходит в руки крымских скифов в результате военных операций (Щеглов 1978: 131).²⁰ К восьмидесятым годам II в. Е. Я. Туровский

¹⁸ [Смотри сноску 15 о гипотезе Ю. Г. Виноградова относительно датировки надписи IOSPE. I². 343 — А. Ш.].

¹⁹ [Дата, вероятно, может быть понижена после более детальной проработки материала. Так, херсонесское асотиномное клеймо Аполлофания, сына Героида из этого комплекса относится к поздней ЗВ группе хронологической классификации В. И. Каца (1994: 69, 77), которую он датирует 200—185 г. — А. Ш.].

²⁰ [Сейчас по материалам раскопок поселения у с. Песчаное (Коваленко 1991), укрепленной усадьбы у бухты Большой Камень и святилища в урочище Джангуль можно, по-видимому, говорить более определенно о захвате скифами херсонесских владений не позднее конца первой — начала второй четверти II в. до н. э. — А. Ш.].

(1993: 14) относит прекращение жизни на большинстве сельских усадеб в окрестностях Херсонеса. Возникает вопрос — не связано ли с этими событиями разрушение домов в северном районе Херсонеса?²¹

Нельзя исключать, что коллективной находке из «дома Аполлония» мог быть синхронен клад V.1 (смотри выше, группа I). Однако доказать его принадлежность к I или IVA группе не представляется возможным.

Четвертая группа

Клады и одна коллективная находка этой группы расположены только по восточной границе межевания земель ближайших окрестностей Херсонеса на Гераклеийском полуострове (рис. 7). Это первая особенность. Вторая — все они найдены на господствующих высотах: клады на 4-м бастоне (рис. 7: IV. 1) и ул. Школьной (рис. 7: IV.2) — на гребне гряды, вершину которой сейчас венчает здание севастопольской Панорамы, коллективная находка IV.3 — на гребне высоты над деревней Флотское (бывшая Карань) в юго-восточной части Гераклеийского полуострова. Третья особенность — оба клада состояли только из серебряных монет типа с головой Девы в башенном венце вправо на л. с. и оленя на о. с. с именем магистрата (З.ХХХVI, 12—14). Все серебро перечеканено из монет предшествующих серий. Коллективная находка, состоявшая из серебра и меди (не исключено, что специально спрятанный клад), обнаружена в сгоревшей постройке, судя по описанию (Бертье-Делагард 1906: 250), сельской усадьбе, стоявшей на юго-восточной границе городских земель.

Образование монетных комплексов рассматриваемой группы достаточно прочно связывается с событиями скифо-херсонесской войны и участием в ней понтийского войска Митридата VI под руководством Диофанта. Их топография показывает, что к началу войны Херсонес владел только своей ближайшей округой на Гераклеийском полуострове. Она же свидетельствует, на мой взгляд, о том, что они ушли в землю во время вторжения скифского войска на

Гераклеийский полуостров, то есть, вероятно, до того, как Херсонес запросил помощь у Митридата. Особенно показательна Каранская находка (рис. 7: IV.3). Декрет в честь Диофанта (IOSPE, I², 352) и свидетельство Страбона (VII. 4.7) позволяют предполагать, что город ко времени прибытия понтийского войска был осажден скифами Палака. Следовательно, монетные комплексы попали в землю самое позднее около 111/110 (если следовать хронологии Т. Рейнака) или около 115/114 г. до н. э. (по хронологии Б. Низе).

Именно поэтому в свое время я предположила, что выпуск монет типа голова Девы в башенной короне — олень, перечеканенных из монет предшествующих эмиссий III—начала II вв. до н. э., следует датировать примерно последним десятилетием перед началом походов Диофанта (1973; 1985: 611), то есть, около 125—115 или 120—110 г. К тому же выводу независимо пришел В. А. Анохин (1977: 33, 146 сл.), который, очевидно, принимая хронологию крымских походов митридатовского войска, предложенную Рейнаком, отнес перечеканку серебра к 120—110 гг.

Возможно, впрочем, что перечеканка серебра и некоторых типов меди могла произойти еще раньше предложенной даты. Во всяком случае, предполагать, что серебро было предназначено для субсидирования Диофанта, оплаты наемников (Зограф 1951: 151; Голенко 1964: 45; Карышковский 1985: 630) маловероятно. Против этого свидетельствует Каранская коллективная находка (рис. 7: IV.3), которая, кроме упомянутых типов серебра, содержала медные и серебряные монеты предшествующих выпусков. Следовательно, это были деньги, которые обращались в самом Херсонесе и остались в сгоревшей усадьбе. Да и клады IV.1 и IV.2 тоже были обнаружены на окраине размежеванной на участки сельской территории. Скорее всего, они были спрятаны владельцами усадеб. Таким образом, монеты типа голова Девы в башенном венце — олень, по-видимому, выпускались для внутреннего обращения в Херсонесе и его округе в 3-й — начале 4-й четверти II в. до н. э.²²

²¹ Это предположение выдвинул А. Н. Щеглов во время устного обсуждения публикуемых материалов.

²² [А. М. Гилевич много лет работала над подготовкой к изданию Корпуса серебряных монет типа Дева в башенной короне — олень (З.ХХХVI, 12—14; Анохин 1977: №№ 179—183). В ее архиве остались картотека, таблицы соотношения штемпелей и черновые наброски свода. — А. Ш.].

КАТАЛОГ КЛАДОВ И КОЛЛЕКТИВНЫХ НАХОДОК МОНЕТ

I. Первая хронологическая группа

I.1. Херсонес, некрополь у Карантинной бухты, 1908 г. Раскопки Н. М. Репникова.

Найден в раскопе IV, который прилегал к наружной стороне протейхизмы 20-й куртины юго-восточной линии оборонительных стен города; куртина ограждает с юго-востока так называемую «цитадель» (рис. 2). Возле основания протейхизмы на расстоянии 30 м к северо-востоку от башни XVII (Зенона) и около 10 м от 20-й куртины в слое *in situ* обнаружены 23 медные монеты, которые лежали в кучке столбиками. Клад картирован М. И. Скубетовым.

Состав по типам:

З.ХХХV, 10 — 16.

З.ХХХV, 18 — 6. ХОРЕИО.

Стертая — 1.

Местонахождение неизвестно.

Литература: Репников 1927: 183, табл. IV. IGCH, 1053.

I.2. Клад Вакъе. Севастополь, конец восьмидесятых годов XIX в., случайная находка. Количество монет неизвестно.

Найден при рытье могилы на городском кладбище Севастополя. Тогда же приобретен местным собирателем древностей П. П. Вакъе. Клад был зарыт на древнем земельном участке на расстоянии около 1,2 км к юго-востоку от Херсонеса (рис. 2). Картирован А. Н. Щегловым.

Состав по типам:

З.ХХХV, 10.

З.ХХХV, 16, 18.

Местонахождение неизвестно. Коллекция Вакъе была куплена великим князем Александром Михайловичем для своего собрания в Ай-Тодоре.

Не публиковался.

Архивные данные: Архив ИИМК, ф. 32, арх. № 53. Картотека А. И. Маркевича, л. 165. Архив ИИМК, ф. 35, оп. 2, 31, арх. 452/4. С. 46. («Гераклейский сборник», гл. III).

I.3. Маячный полуостров, 1895 г. Найден случайно во время посадки деревьев на даче А. Савельевой.

Общее количество — 47 медных монет, из которых 29 поступило в собрание Херсонесского музея, а остальные 18 были украдены сторожем усадьбы. Состав клада определен мною. Место находки определено А. Н. Щегловым: восточная сторона полуострова, в 210—250 м к северо-востоку от древней магистральной дороги V, на земельной площади 21, в северном углу древнего земельного участка (рис. 2). Монеты

не только хорошей сохранности, но и почти не изношены в обращении.

Состав по типам:

З.ХХХV, 10 — 25. Диференты на л. с.: Б-1, В-1, УБ-2; на о. с.: И-1

З.ХХХV, 16 — 4.

Местонахождение: Херсонесский заповедник, нумизматическое собрание, инв. №№ 4508/2, 4509/4, 4510/20.

Литература: ОАК за 1895 г.: 77; Гилевич 1960; IGCH, 1052.

Архивные данные: Архив ГХМ, д. 4, л. 20. Архив ИИМК, ф. 1, 1895.

I.4. г. Евпатория, клад 1941 г. Найден случайно в 1,7 км к западу — юго-западу от городища Керкинитиды (рис. 2) во время земляных работ на территории детского санатория ЦК Железнодорожного Центра в 25,5 м к юго-востоку от оси 5-й Продольной ул. (впоследствии ул. Машковского) и 195 м от угла с пересекающей ее 7-й линией (впоследствии ул. Ив. Франко).

Место находки было точно зафиксировано и обследовано с заложением разведочного раскопа П. И. Филонычевым, а в 1951—1952 г. памятник доследовала М. А. Наливкина (1952: 116; 1953: 130). Монеты, очевидно, были специально спрятаны в ямке в полу внутри круглой башни укрепленной сельской усадьбы в окрестностях Керкинитиды (смотри: Щеглов 1978: 62, 98).

Клад, состоявший из 30 одинаковых по размеру медных монет, был помещен в фрагментированном краснофигурном аске первой половины IV в. до н. э. (рис. 8). Единственная очищенная и определенная монета относится к типу З.ХХХV, 10. Еще 15 неочищенных монет, хранившихся в Евпаторийском музее, М. А. Наливкина показала мне. Все они по фактуре и видимым следам изображений на л. с. и о. с. принадлежали тому же типу. Типы остальных 14 экз., вероятно, относились к тому же или близким типам.

Местонахождение: Евпаторийский музей. Монеты депаспортизированы.

Литература: Наливкина 1952: 116; 1953: 130 (ошибочно указано 16 монет).

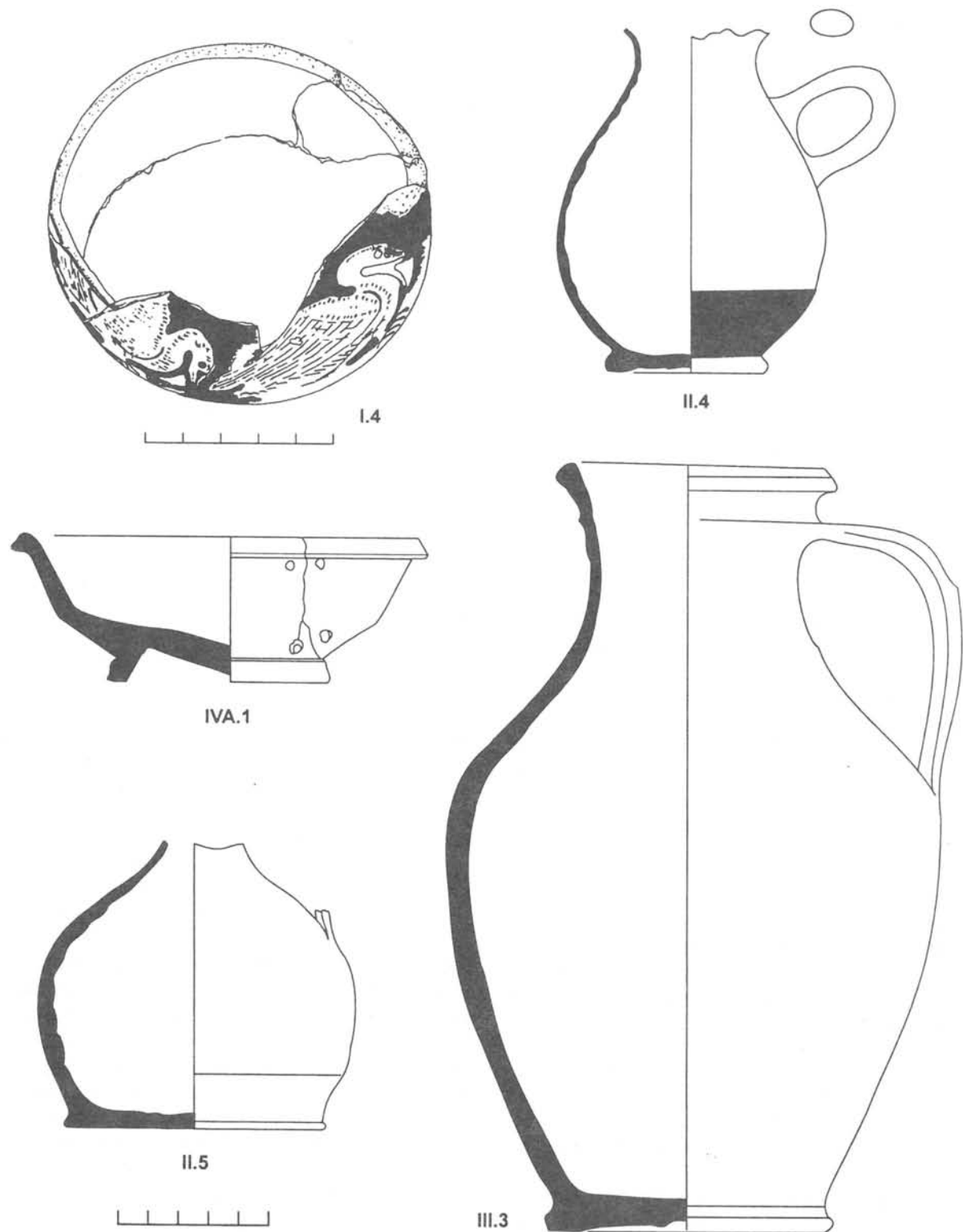
Архивные данные: Архив Евпаторийского музея, № 695, 1/в, 1953.

II. Вторая хронологическая группа

II.1. Херсонес, 1938. Северный район, квартал XVI, дом 3. Раскопки Г. Д. Белова в 1937 г.

Клад из 15 медных монет, лежавших одной стопкой, найден в 1938 г.

Рис. 8 Сосуды, в которых хранились монеты групп I—IV. Номера соответствуют номерам кладов и коллективных находок в Каталоге.

Fig. 8 Vessels in which coins of groups I—IV were found. The numbers correspond to those of hoards and collective finds in the Catalogue.

С. Ф. Стржелецким во время дополнительных зачисток в южной части двора (рис. 3)

Состав: 3.XXXV, 24, 25. ΕΥΔΡΟΜΟΥ — 1, ΔΙΑΓΟΡΑ — 3, ΚΛΕΜΥΤΑΔΑ — 3, ΣΥΡΙΣΚΟΥ — 2, ΘΕΟΧΑΡΕ — 1, имена не читаются — 5.

Местонахождение: Херсонесский заповедник, нумизматическое собрание, инв. № 6703—6708.

Литература: Белов и Стржелецкий 1953: 62.

II.2. Окрестности Херсонеса, 1904 г. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича в низовье Карантинной балки на некрополе у «Загородного храма».

Клад из 11 медных монет найден в слое примерно в 500 м к югу от юго-западной угловой башни XVII крепостных стен Херсонеса (башни Зенона). Находился, по-видимому, в кошельке из органического материала.

Состав по типам:

3.XXXV, 16 — 2. КСБ.

3.XXXV, 18 — 5. ΧΟΡΕΙΟ — 1, ΑΙΛΙΣΤΙΟ — 1, ΒΑΘΥΛΛΟ — 1, имена не читаются — 2.

3.XXXV, 24, 25 — 4. ΔΙΑΓΟΡΑ — 2, ΚΛΕΜΥΤΑΔΑ — 1, ΣΥΡΙΣΚΟΥ — 1.

Местонахождение: отправлены с другими монетами в Императорскую Археологическую комиссию, разошлись по собраниям.

Литература: Косцюшко-Валюжинич 1906: 93; IGCH, 1089.

Архивные данные: Архив Херсонесского заповедника, д. 38, л. 30.

II.3. Южная окраина г. Севастополя, р-н «Куликово поле», 1954. Случайная находка во время строительных работ.

Клад хранился в небольшом красноглиняном кувшине (разбит, выброшен рабочими) и был зарыт на глубине ок. 0,8—1 м на территории древнего земельного участка примерно в 3,5 км к юго-востоку от Херсонеса. Место находки обследовано мною, нанесено на карту 1 : 25000 А. Н. Щегловым (рис. 3) в 1961 г.

В кладе было не менее 45 монет, из которых удалось собрать 39. Все они принадлежали одному типу: 3.XXXV, 24, 25 (ΕΥΔΡΟΜΟΥ — 4, ΔΙΑΓΟΡΑ — 8, ΚΛΕΜΥΤΑΔΑ — 20, ΣΥΡΙΣΚΟΥ — 5, ΘΕΟΧΑΡΕ — 2). Монеты мало изношены в обращении.

Местонахождение: Херсонесский заповедник, нумизматическое собрание, инв. № 8218.

Литература: Гилевич 1958: 136—139, табл. I-II; Gilevič 1963: 6; IGCH, 1088.

II.4. Сапунгорский клад, 1971 г. Случайная находка.

Найден школьниками в 9,9 км к юго-востоку от Херсонеса на восточной окраине Гераклеийского полуострова, на юго-восточном склоне Сапун-горы в 630 м к юго-востоку от ее вершины (высота 230, 6; музей

«Диорама штурма») на отроге Таш-Кулле (Каменная башня) с отметкой 145,8 (рис. 3).

Клад находился в чернолаковом кувшине с отбитым в древности венцом. Тулово сосуда яйцевидно-каплевидной формы с покатыми плечами и вертикальной овальной в сечении ручкой, прикрепленной по середине плеча, поддон кольцевой (рис. 8). Сохранившаяся высота — 11,3 см, максимальный диаметр тулова 8,9 см, диаметр горла 4,0 см, диаметр дна 5,4 см. Часть монет разошлась по рукам, в Херсонесский музей поступил 61 экз., все медные. Можно предполагать, что в кувшине было около ста монет. Определения сделаны мною. Точное место находки показал О. Я. Савеля, что позволило нанести ее на карту М 1: 25 000.

Состав по типам:

3.XXXV, 16 (грифон — Дева) — 19. Б — 5, КСБ — 10, ? — 4.

3.XXXV, 16 (Дева — грифон) — 1. Б.

3.XXXV, 18 — 25. ΒΑΘΥΛΛΟΥ — 12, ΘΕΟΓ — 2, ΦΙΛΙΣΤ — 3, ΧΟΡΕΙΟ — 3, ΙΣΤ — 1, ? — 4.

3.XXXV, 23 — 2. ΕΥΔΡΟΜΟΥ

3.XXXV, 24, 25. ΕΥΔΡΟΜΟΥ — 4, ΔΙΑΓΟΡΑ — 2, ΚΛΕΜΥΤΑΔΑ — 6, ΣΥΡΙΣΚΟΥ — 6.

Местонахождение: Херсонесский заповедник, нумизматическое собрание, инв. № 12828—12888, кувшинчик инв. № КП. 181272.

Литература: Костромичева, Быков 1974: 293—294; IGCH, 1135. [Алексеев 1996: 129—140, рис. 1—7 — А. III.].

II.5. Кучук-Мойнакский клад 1964 г. Окрестности г. Евпатории. Найден случайно во время строительных работ.

Монеты были сокрыты в небольшом кувшине синопского производства, по-видимому, в каменной ограде земельного участка с восточной стороны Кучук-Мойнакского озера, в 6,25 км к западу — юго-западу от городища Керкинитиды и в 1 км на северо-восток от городища «Чайка» (рис. 4) на территории санатория им. Т. Г. Шевченко. В Евпаторийский музей поступило 62 монеты. Место находки осмотрено мною вместе с директором Б. А. Ермаком и А. Н. Щегловым.

Состав по типам:

3.XXXV, 10 — 13. На о. с.: К-1, М-1, - 1. Остальные без дифферентов.

3.XXXV, 16 — 6. ΑΡΙ — 2, ΚΡΑ — 4.

3.XXXV, 18 — 7. ΑΙΣΧΙ — 1, ΒΑΘΥΛΛ — 2, ΙΣΤΙΕΙΟ — 1, ΧΟΡΕΙΟ — 3.

3.XXXV, 23 — 2. ΕΥΔΡΟΜΟ — 1, ΕΥΔΡΟΜΟΥ — 1.

3.XXXV, 23 var.: SNG, Thrace I, Pl. I, 8 — 1. ΕΥΔΡΟΜΟ.

3.XXXV, 24, 25 — 33. ΕΥΔΡΟΜΟΥ — 6, ΔΙΑΓΟΡΑ — 11, ΣΥΡΙΣΚΟ — 2, ΚΛΕΜΥΤΑΔΑ — 13, ΘΕΟΧΑΡΕ — 1.

Местонахождение: Евпаторийский музей, инв. № 4565 (аск), 4565 (монеты).

Литература: Гилевич 1970: 3—16, табл. I-IV; IGCH, 1087.

II.6. Сельская усадьба № 2 у Евпаторийского маяка, 1980 г. Коллективная находка. Раскопки Крымской экспедиции МГУ под руководством И. В. Яценко.

Блок из двух усадеб, исследованных А. Б. Колесниковым, находился на западной оконечности Евпаторийского мыса, на расстоянии ок. 0,5 км от маяка и ок. 2,7—2,8 км к юго-западу от городища «Чайка» (рис. 4). Скопление из 20 медных монет обнаружено в жилом помещении 44 в слое пожара. Археологический контекст позволяет датировать гибель здания в пределах первой четверти или первой трети III в. до н. э.

Состав по типам:

З.ХХХV, 10 — 1. Дифферент М на о. с.
З.ХХХV, 16 (грифон — Дева) — 8.
КСБ — 2, Б — 1, имя не прочитано — 5.
З.ХХХV, 16 (Дева — грифон) — 1. КСБ.
З.ХХХV, 18 — 9. ΑΙΣΧΙ — 1, — ΒΑ-
ΘΥΛΛ — 2, ΧΟΡΕΙ — 2, имя не прочитано — 4.

З.ХХХV, 24, 25 — 1. ΔΙΑΓΟΡΑ.

Местонахождение: Евпаторийский музей.

Литература: Яценко 1981: 328; Колесников 1984: 84, прим. 30; 1991: 186—187, 191—193.

II.7. Панское I. Коллективная находка 1985 г. (рис. 4). Раскопки А. Н. Щеглова (Тарханкутская экспедиция ЛОИА—ИИМК).

«Кошелек» с тремя спекшимися медными монетами типа З.ХХХV, 10 найден на полу помещения 93 в доме У7—15 (раскоп вел Е. Я. Рогов). На окисленной поверхности монет сохранились следы ткани холщового переплетения. На о. с. одного экземпляра дифферент П (?). По археологическому контексту гибель здания в пожаре относится к первой четверти или первой трети III в. до н. э.

Местонахождение: ИИМК, Пан. I — 85 П, Оп. № 1—3.

Монеты определены мною. Публикуются впервые.

II.8. Владимировка («Маслины»). Коллективная находка 1973 г. (рис. 4). Раскопки В. А. Латышевой (экспедиция Харьковского университета).

Шесть спекшихся в кучку, сильно обгоревших и окисленных медных монет обнаружены в слое пожара в очажном развале внутри башни блока укрепленных усадеб (помещение Л). Монеты очень плохой сохранности. Почти полностью превратились в окислы. Точно определена одна — З.ХХХV, 10. К этому же типу, судя по раз-

меру и фактуре, принадлежали, по-видимому, еще 3 экз., а два, скорее всего, к типу З.ХХХV, 16, 18.

Кроме описанного скопления, на поселении в том же слое, на уровне каменной вымостки, была найдена монета типа З.ХХХV, 24, 25 (Клемитад).

Монеты определены мною. Публикуются впервые.

III. Третья хронологическая группа.

III.1. Стрелецкий клад 1944 г. Найден случайно при прокладке водопроводной траншеи на глубине ок. 1,5 м в 150 м от восточного берега Стрелецкой бухты в 1 км от ее вершины на территории древнего земельного участка. Картирован А. Н. Щегловым (рис. 5).

Клад, состоявший как минимум из 110 серебряных и медных монет, находился в глиняном «горшочке» (разбит, не сохранился). В Херсонесский музей поступило 104 экземпляра — 36 серебряных и 68 медных монет.

Состав по типам:

А. Серебро.

З.ХХХVI, 1 — 2. [ΑΓ]ΑΣΙΚΛΕΟ, надчеканки «дельфин», монограмма ΠΑΡ, «молния» — 1; Α[ΡΤΕ]ΜΙΔΩΡΟ(Υ), те же надчеканки — 1.

З.ХХХVI, 2 — 11. ΑΡΤΕΜΙΔΩΡΟΥ — 2, ΑΙΣΧΙΝΑ — 3, ΙΣΤΡΩΝΟΣ — 6. Те же надчеканки на всех экземплярах.

З.ХХХV, 20 — 8. ΑΓΟΛΛΩΝΙΔΟΥ — 2, ΑΓΟΛΛΩΝΙΟΥ — 1, ΔΙΩΝΟΣ — 1, ΝΕΥΓΟΛΙΟΣ — 1, ΓΡΥΤΑΝΙΟΣ — 2, ΓΡΟΤΙΓΓΟΥ — 1. Надчеканки на всех экз. «молния» на л. с. и «дельфин» на о. с.

З.ХХХV, 22 — 15. ΑΓΟΛΛΑ — 2, ΑΓΟΛΛΩΝΙΟΥ — 1, ΑΓΟΛΛΩΝΙΔΟΥ — 2, ΑΓΟΛΛΟ — 1, ΗΡΑΚΛΕΙΤΟΥ — 3, ΙΕΥΓΟΡΟΣ — 2, ΞΕΝΩΝΟΣ — 1, ΓΡΥΤΑΝΙΟΣ — 3. Те же надчеканки в той же позиции на всех экз.

Б. Медь.

З.ХХХV, 16 (грифон — Дева) — 30. ΓΑ — 2, ΑΡΙ — 2, ΚΡΑ — 14, имена стерты — 10, без дифферентов — 2. Надчеканка «дельфин» на л. с. — 17, на о. с. — 9, без надчеканок — 4.

З.ХХХV, 16, 18 (Дева-грифон) — 16. ΓΑ — 1, ΑΡΙ — 2, ΘΕΟΓ — 4, имя стерто — 9. Надчеканка «дельфин» на л. с. — 10, на о. с. — 1, без надчеканок — 5.

З.ХХХV, 23 — 1. [ΕΥΔΡΟΜ].

З.ХХХV, 24, 25 — 21. ΕΥΔΡΟΜΟΥ — 6, ΔΙΑΓΟΡΑ — 2, -ΕΥΡΙΣΚΟΥ — 3, ΚΛΕΜΥΤΑΔΑ — 9, имя вне поля монеты — 1. Надчеканка «дельфин» только на л. с. на 17 экз.

Местонахождение: Херсонесский заповедник, нумизматическое собрание, инв. № 6901—7003.

Литература: Тахтай 1948: 113—121; IGCH, 1131.

III.2. Камышевский клад 1855 г. Найден случайно солдатами 94 пехотного полка французского корпуса, которые разбивали палаточный лагерь после осады Севастополя на территории древней земельной площади 35, расположенной между Камышевой и Казачьей бухтами. Картирован А. Н. Щегловым (рис. 5).

Клад из серебряных и медных херсонесских монет «с довольно разнообразными надчеканками» был сокрыт в глиняном сосуде («вазе»), закопанном почти у поверхности почвы. Количество монет неизвестно: они были распроданы торговцам в французском лагере (город Камыши) и Балаклаве.

Известный состав по типам:

А. Серебро

З.ХХХV, 22. АГОΛΛΑ. Надчеканка «молния».

Б. Медь

З.ХХХV, 16. ΑΡΙ, ΚΡΑ.

З.ХХХV, 18. ΧΟΡΕΙΟ.

З.ХХХV, 24, 25. ΔΙΑΓΟΡΑ, ΚΛΕΜΥΤΑΔΑ.

Литература: Robert 1859: 41—42.

III.3. 1-й Камышевский клад 1944 г. Найден случайно в окопе солдатами трофейной команды в северной части земельной площади 29 (рис. 5). Монеты хранились в красноглиняном кувшине (рис. 8). Привязку к местности и доследование места обнаружения клада сделал С. Ф. Стржелецкий (1948: 107 сл.).²³ В Херсонесский музей поступил 741 экз. — 39 серебряных и 702 медных. Значительная часть монет, по-видимому, несколько сотен, разошлась по рукам и либо попала в частные коллекции, либо утрачена (подробно смотри Стржелецкий 1948: 112). Еще две серебряных монеты — тетрадрахма с именем Аполлониды и дидрахма с именем Истрона, а также медная монета типа З.ХХХV, 24 (ΣΥΡΙΣΚΟΥ, надчеканка «дельфин») из этого клада были куплены московским собирателем Д. А. Мошнягиным (по его устному сообщению они приобретены у офицера из Севастополя, который и рассказал об их происхождении). Таким образом, всего зарегистрированы 41 серебряная и 703 медных монеты, что составляет примерно около двух третей первоначального количества, хранившегося в кувшине.

Состав по типам:

А. Серебро.

З.ХХХVI, 1 — 3. ΑΓΑΣΙΚΛΕΟΣ, ΑΔΩΝΟΣ, ΑΓΟΛΛΩΝΙΔΟΥ. Надчеканки «дельфин», мограмма ΠΑΡ, «молния» на л. с.

З.ХХХVI, 2 — 6. ΑΙΣΧΙΝΑ — 1, ΑΡΤΕΜΙΔΩΡΟΥ — 1, ΙΣΤΡΩΝΟΣ — 4. Те же надчеканки на л. с. всех экз.

З.ХХХVI, 19, 20 — 17. ΑΓΑΘΟΚΛΕΟΣ — 1, ΑΓΟΛΛΑ — 1, ΑΓΟΛΛΩΝΟΔΟΥ — 2, ΑΓΟΛΛΩΝΙΟΥ — 1, ΔΙΩΝΟΣ — 4, ΗΡΑΚΛΕΟΥ — 2, ΗΡΑΚΛΕΙΤΟΥ, Τ — 1, ΞΕΝΩΝΟΣ — 3, ΓΡΩΤΙΓΓΟΥ, Τ — 2. Надчеканки «дельфин» на о. с. и «молния» на л. с. — 16, только «молния» на л. с. — 1.

З.ХХХVI, 22 — 15. ΑΓΟΛΛΑ — 2, ΑΓΟΛΛΩΝΙΔΟΥ — 1, ΑΓΟΛΛΩΝΙΟΥ — 2, ΑΓΟΛ — и ΑΓΟΛΛΩΝ — 5, ΗΡΑΚΛΕΙΤΟΥ — 1, ΝΕΥΓΟΛΙΟΣ — 1, ΞΕΝΩΝΟΣ — 1, ΓΡΥΤΑΝΙΟΣ — 1, ΓΥΡΡΙΝΟΥ — 1. Надчеканки «молния» на л. с. и «дельфин» на о. с. на всех экз.

Б. Медь.²⁴

З.ХХХV, 16 — 134. (Грифон — Дева) — 118. ΚΡΑ, ΑΡΙ, ΓΑ. (Дева — грифон) — 16. Те же имена.

З.ХХХV, 18 — 238. ΑΙΣΧΙ, ΒΑΘΥΛΛ, ΘΕΟ, ΦΙΛΙΣΤΙΟ, ΧΟΡΕΙΟ.

З.ХХХV, 23 — 42. ΕΥΔΡΟΜΟ.

З.ХХХV, 24, 25 — 289. ΕΥΔΡΟΜΟΥ, ΔΙΑΓΟΡΑ, ΣΥΡΙΣΚΟΥ, ΚΛΕΜΥΤΑΔΑ.

Местонахождение: Херсонесский заповедник, нумизматическое собрание, инв. № 7004 — 7745, 8279.

Литература: Тахтай 1948: 113—121; Стржелецкий 1948: 107—112; IGCH, 1130. Монеты из колл. Мошнягина смотри: Анохин 1977: табл. VI, 82, 89.

III.4. 2-й Камышевский клад 1968—1969 г. Найден случайно во время строительных работ.

Клад был сокрыт на глубине около 0,5 м в углу, образованном каменными оградами между двумя древними земельными участками на площади 28 (рис. 5). Первая группа монет поступила Херсонесский музей в 1968 г. При зачистках поверхности скалы на месте находки нами собраны 15 экз., к ним затем добавилось еще несколько экземпляров, что составило в общем 134 экз. Затем была куплена 201 медная монета из этого же клада, а в 1969 г., уже после моего переезда в Ленинград, музей приобрел 283 медных монеты. Таким образом, в собрании Херсонесского заповедника оказалось 619 монет. Еще 51 экз. медных монет мне удалось разыскать и зафиксировать в частных коллекциях в Севастополе. Таким образом, учтено 670 монет: 6 серебряных и 664 медных.

Состав по типам:

А. Серебро.

З.ХХХV, 20 — 3. ΗΡΑΚΛΕΙΤΟΥ, Τ — 2, ΔΙΩΝΟΣ — 1.

²³ Ошибка в ориентации: на с. 107 надо читать «на восток от берега Камышевой бухты...».

²⁴ [Точное распределение монет типов З.ХХХV, 18, а также 24, 25 по именам в рукописи А. М. Гилевич отсутствует, хотя после каждого приведенного имени проставлено тире. Нет указаний на количество монет с надчеканками. По-видимому, эти сведения она собиралась вставить по своей картеке. — А. Ц.]

3.XXXV, 22 — 3. ΠΡΑΚΛΕΙΤΟΥ, — 1, ΓΡΥΤΑΝΙΟΣ — 1, ΓΡΟΤΙΓΓΟΥ — 1. Надчеканки «дельфин» на о. с. и «молния» на л. с.

Б. Медь.

3.XXXV, 16 — 23. (Грифон — Дева) — 16. ΚΡΑ, ΑΡΙ, ΓΑ. (Дева — грифон) — 6. ΚΡΑ, ΓΑ, (Дева, ΗΕΡ — грифон) — 1. ΚΣΒ.

3.XXXV, 18 — 73. ΑΙΣΧΙ, ΒΑΘΥΛΛ, ΘΕΟ, ΦΙΛΙΣΤΙΟ, ΧΟΡΕΙΟ.

3.XXXV, 23 — 12. ΕΥΔΡΟΜΟ.

3.XXXV, 24, 25 — 556. ΕΥΔΡΟΜΟ(Υ), ΔΙ-ΑΓΟΡΑ, ΣΥΠΣΕΚΟΥ, — ΚΛΕΜΥΤΑΔΑ.

Почти все медные монеты имеют надчеканку «дельфин».

Местонахождение: Херсонесский заповедник, нумизматическое собрание, инв. № 12177—12667.

Литература: Гилевич 1969: 285—286; Костромичева, Алексеенко 1983: 40—43. IGCH, 1119.

IV. Четвертая хронологическая группа.

Подгруппа IVA

IVA.1. Херсонес. Коллективная находка 1953 г. Северный район, квартал XIX, дом I («Дом Аполлония»). Раскопки Г. Д. Белова в 1953 г. (рис. 6).

В чернолаковой чашечке (рис. 8), которая стояла на полу в помещении Б (по научному отчету о раскопках помещение, образованное стенами 29—31—30—32), лежали семь медных монет плохой сохранности. Монеты очищались и определялись Л. Н. Беловой в поле; были просмотрены мною.

Состав по типам:

3.XXXVI, 7. ΑΓΑΣΙΚΑ — 1.

3.XXXVI, 8. ΗΡΩΙΔΑ — 2.

Анохин 1977: X, 151. ΒΟΛΛΙΩΝ — 1.

3.XXXVI, 7, 8 (по фактуре) — 3.

Местонахождение. Государственный Эрмитаж, Отдел нумизматики, инв. № 1346, 1347, 1447, 1449. Комплекс разобщен, сохранился не полностью. Сосуд (рис. 8) хранится в Отделе античного мира Государственного Эрмитажа, инв. № X. 1953. 167.

Литература: Белов 1955: 264; 1962: 157, 168, 182, прим. 69.

Архивные данные: Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1953 г. — Архив Отдела античного мира Государственного Эрмитажа. С. 3, 15.

Основная группа IV

IV.1. Клад 1853 г. на 4-м бастионе Севастополя. Найден во время земляных работ на территории Большого (Историчес-

кого) бульвара. Находился в глиняном «горшочке».

Состоял из 100 (Беккер) или 200—300 (Бертъе-Делагард) серебряных монет с изображением головы Девы в согопа *muralis* на л. с., стоящей ланью и именами ΑΓΟΛΛΩΝΙΔΑ и ΜΟΙΡΙΟΣ. Разошелся по рукам. Примерное место находки картировано А. Н. Щегловым (рис. 7).

Литература: Becker 1856: 67—88; Imhoof-Blumer 1878: 145—146; Бертъе-Делагард 1906: 215—276; IGCH, 1133.

IV.2. Севастопольский клад 1956 г. Найден во время сноса ограды школы-интерната № 1, выходящей на Школьный переулок. Клад был зарыт, по-видимому, на территории древнего земельного участка (?). Место находки нанесено на план А. Н. Щегловым и мною в 1966 г. по указанию бывшей учительницы школы И. В. Небритовой (рис. 7).

Состоял из серебряных монет. Количество монет неизвестно, по информации — несколько десятков. Разошелся по рукам. Мною зафиксировано в собраниях Херсонесского заповедника, Государственного Исторического музея и частных коллекциях 14 экз.

Состав: 3.XXXVI, 12, 13 — 14. ΑΓΟΛΛΩΝΙΔΑ — 4, ΔΙΟΤΙΜΟΥ — 2, ΜΟΙΡΙΟΣ — 8.

Местонахождение: Херсонесский заповедник, нумизматическое собрание, инв. № 8249, 8852, 9299, 9300—9302; ГИМ, инв. № 98727—98728, коллекции Л. А. Руденко — 3, В. Н. Орехова — 1, Купермана — 2 экз.

Подготовлен мною к публикации. Упоминания: Гилевич 1968: 38, прим. 168; IGCH, 1132.

IV.3. Каранская коллективная находка 1903 г. Обнаружена случайно при каменоломных работах на высотах Карагач над древней Карань (совр. Флотское) в 11,3—11,4 км к юго-востоку от Херсонеса, в 50—200 м к северу от отметки высота. 279,5 м (рис. 7). Место находки картировано А. Н. Щегловым.

Разработка карьера разрушила остатки сгоревшей сельской усадьбы (или небольшого укрепления, возможно, с некрополем), расположенной на границе размежеванной на надель ближайшей земледельческой округи Херсонеса. Найдено около 50 серебряных и до 200 медных монет, лежавших столбиками. Серебряные монеты (по одной-две) были помещены между медными. Там же был найден плоский серебряный слиток весом около 5—6 фунтов (около 2—2,5 кг).

Состав, зарегистрированный А. Л. Бертъе-Делагардом:

А. Серебро.

З.ХХХVI, 12—14. Монет этого типа «больше всего». Имена: ΑΓΟΛΛΩΝΙΔ, ΜΟΙΡΙΟΣ, ΔΙΟΤΙΜΟΥ.

З.ХХХVI, 22 var. «Несколько» экземпляров. ΝΕΟΓΟΛΙΟΣ.

З.ХХХVI, 15. ΜΟΙΡΙΟΣ, ΔΙΟΤΙΜΟΥ.

Б. Медь.

З.ХХХV, 24, 25.

З.ХХХVI, 11. ΓΥΘΙΩΝΟΣ, ΓΡΟΜΑΘΙΩΝΟΣ.

З.ХХХVI, 5. ΑΓΟΛΛΟΔΩΡΟΥ — 2 (1 экз. с клеймом «дельфин»), ΗΡΑΚΛΕΟΥ — 4 (1 экз. с клеймом «звезда», 2 — «дельфин»).

З.ХХХVI, 10. ΣΙΛΑΝΟΥ — 4 (1 экз. с клеймом «звезда», 1 — клеймен монограммой ΡΒ, 1 экз. имеет оба клейма), ΓΕΡΟΝΤΟΣ — 3 (1 экз. клеймен монограммой ΠΑΡ, 1 экз. — «звезда» и «дельфин» на л. с. и монограмма ΠΑΡ на о. с., 1 экз. — «дельфин» и ΡΒС).

Монеты разошлись по рукам. Часть из них попала в коллекции А. Л. Бертье-Делагарда и, по-видимому, великого князя Александра Михайловича. Пять серебряных монет и одна медная были куплены К. К. Косцюшко-Валюжиничем (отправлены им в Императорскую Археологическую комиссию, откуда поступили в Эрмитаж).

Литература: Бертье-Делагард 1906: 250—257; Minns 1913: 548; IGCH, 1134.

Архивные данные: Архив Херсонесского заповедника, д. 41, л. 533, 536—537; д. 43, л. 275; д. 44, л. 315.

В. Клады первой — третьей групп

В.1. Маячный полуостров, 1844 г. Найден случайно во время земляных работ. Общее количество — до 300 медных монет и четыре серебряных. Клад был сокрыт в каменной ограде древнего земельного участка, по-видимому, на земельной площади I-6 по археолого-топографической карте Маячного полуострова, составленной А. Н. Щегловым (рис. 1; 2).

Состав по типам:

З.ХХХV. 16, 18.

З.ХХХV. 10.

З.ХХХVI, 6 (магистрат ΞΕΝΟΚΛΕ) — 1 экз. Принадлежность этой монеты данному кладу весьма сомнительна.

Разошелся по рукам.

Литература: Тункина 1993: 76 — 78.

Архивные данные: ЦГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4718, л. 4—5. (Цит. по: Тункина 1993).

В.2. Ново-Федоровка, 1972. Найден школьником С. Б. Ланцовым на открытом им античном поселении Ново-Федоровка (рис. 1; 4). Обнаружен случайно во время рытья ямы. Монеты лежали кучно: 6 серебряных и 20 медных. Состав по типам не известен. Сведения есть только об одной серебряной монете: голова Геракла — бык (З.ХХХV, 22), без надчеканок.²⁵

Клад был передан С. Б. Ланцовым в Крымский областной краеведческий музей. Утерян. Местонахождение неизвестно.

Литература: Ланцов 1989: 127; 1994: 73.

Алексеев, Н. А. 1996. Сапунгорский клад херсонесских античных монет IV—III вв. до н. э. // Монета 5. Международный нумизматический альманах: 129—140. Вологда.

Анохин, В. А., 1977. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э.—XII в. н. э.) Киев: Наукова думка.

1986. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка.

Белов, Г. Д., 1938. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—36 гг. Государственное издательство Крымской АССР.

1955. Итоги раскопок в Херсонесе за 1949—1953 г. // Советская археология XXIV: 258—281. Москва.

1962. Эллинистический дом в Херсонесе // Труды Государственного Эрмитажа VII: 143—183. Ленинград.

1976. Керамика конца V—IV века до н. э. из некрополя Херсонеса // Труды Государственного Эрмитажа XVII. Культура и искусство античного мира 5: 112—122. Ленинград.

Белов, Г. Д., С. Ф. Стржецкий. 1953. Кварталы XV и XVI (раскопки 1937 г.) // Материалы и исследования по археологии СССР 34: 32—105. Москва—Ленинград.

Бертье-Делагард, А. Л. 1906. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса // Записки Одесского Общества истории и древностей 26: 215—276. Одесса.

Борисова, В. В. 1958. Гончарные мастерские Херсонеса (По материалам раскопок 1955—1957 гг.) // Советская археология 4: 144—153.

1966. Херсонес и Западный Крым: Гончарные печи // Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. Археология СССР. Свод археологических источников Г 1—20: 25—26.

Булатович, С. А. 1971. Монетные находки на острове Левке // Материалы по археологии Северного Причерноморья 7: 212—225. Одесса.

Виноградов, Ю. Г. 1997. Военные конфликты на Понте с участием эллинистических греческих полисов из-за монопольных и территориальных притязаний // Боспор и античный мир: 214—223. Нижний Новгород.

Виноградов, Ю. Г., А. Н. Щеглов. 1990. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура: 310—371. Москва.

²⁵ [Устное сообщение С. Б. Ланцова. — А. Ш.]

- Высотская, Т. Н.* 1979. Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев: Наукова думка.
- Гилевич, А. М.* 1958. Новый клад монет из окрестностей Херсонеса // Советская археология XXVIII: 136—139. Москва.
1960. Клад монет из округа Страбонова Херсонеса // Советская археология 4: 167—170.
1968. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // Нумизматика и сфрагистика 3: 3—61. Киев.
1969. Клад херсонесских монет IV—II в. до н. э. // Археологические открытия 1968 года: 285—286. Москва.
1970. Кучук-Мойнакский клад херсонесских монет IV—III вв. до н. э. // Нумизматика и эпиграфика VIII: 3—16. Москва.
1973. Хронология и топография кладов херсонесских монет IV—II вв. до н. э. и некоторые вопросы скифо-херсонесских взаимоотношений // Краткие тезисы докладов научной конференции «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир» 19—21 ноября 1973 г.: 10—11. Ленинград.
1985. Херсонес и Понтийская держава Митридата VI по нумизматическим данным // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо-1982: 608—617. Тбилиси.
1987. Херсонес и Северо-Западный Крым по нумизматическим данным // Краткие тезисы докладов и сообщений научной конференции «Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении (к 200-летию Отдела нумизматики Эрмитажа)»: 54—55. Ленинград.
1992. О выпусках серебряных монет в Херсонесе в конце IV—III вв. до н. э. // Краткие тезисы докладов нумизматической конференции «Итоги научно-исследовательской и хранительской деятельности за 1991 г.»: 18—20. Санкт-Петербург.
1996. Особенности денежного рынка поселения Панское I (Северо-Западный Крым) в IV—II вв. до н. э. // Четвертая Всероссийская нумизматическая конференция: 12—13. Москва.
- Голенко, К. В.* 1964. Херсонесская драхма с именем магистрата Деметрия // Сообщения государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина II: 45—52. Москва.
- Голенко, К. В., А. Н. Шеглов.* 1971. Три позднеллинистические тетрадрахмы из Северо-Западного Крыма // Вестник древней истории 1: 41—47. Москва.
- Дашевская, О. Д.* 1964. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961—1962 годах // Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея 1962 г.: 50—56. Одесса.
- Зограф, А. Н.* 1941. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ в Черноморье // Советская археология VII: 152—159. Москва—Ленинград.
1951. Античные монеты // Материалы и исследования по археологии СССР 16. Москва—Ленинград.
- Золотарев, М. И., Е. Я. Туровский.* 1990. К истории античных сельских усадеб Херсонеса на Гераклейском полуострове // Древнее Причерноморье. Материалы I Всесоюзных чтений памяти проф. П. О. Карышковского: 71—89. Одесса.
- Карышковский, П. О.* 1962. Из истории монетного дела Ольвии в эпоху эллинизма // Материалы по археологии Северного Причерноморья 4: 87—107. Одесса.
1985. [Выступление в дискуссии] // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо-1982: 630—632. Тбилиси.
- Кац, В. И.* 1985. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // Вестник древней истории 1: 87—113. Москва.
1994. Керамические клейма. Каталог-определитель. Издательство Саратовского университета.
- Колесников, А. Б.* 1984. Античные сельские усадьбы у Евпаторийского маяка // Вестник Московского университета. Серия 8. История 4: 76—86.
1985. Греческие сельскохозяйственные усадьбы в районе г. Евпатории. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
1991. Монеты из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка // Памятники железного века в окрестностях Евпатории: 186—196. Издательство Московского государственного университета.
- Костромичева, Т. И., Н. А. Алексеенко.* 1983. Клад херсонесских монет IV—II вв. до н. э. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 174: 40—56.
- Костромичева, Т. И., М. Я. Быков.* 1974. Клад херсонесских монет IV—III в. до н. э. // Археологические открытия 1973 года: 293—294. Москва.
- Косцюшко-Валюжинич, К. К.* 1902. Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1900 г. // Известия Императорской Археологической комиссии 2: 18—26. Санкт-Петербург.
1906. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. // Известия Императорской Археологической комиссии 20: 17—95. Санкт-Петербург.
- Ланцов, С. Б.* 1989. Поселение НовоФедоровка на хоре Херсонеса // Проблемы истории та археологі давнього населення Українсько РСР. Тези доповідей: 126—127. Кив.
1994. Античное поселение Ново-Федоровка и некоторые вопросы истории херсонесской хоры // Северо-Западный Крым в античную эпоху: 71—104. Киев.
- Наливкина, М. А.* 1952. Основные итоги работ Евпаторийского отряда // Краткие сообщения Института истории материальной культуры 45: 114—118.
1953. Раскопки в Евпатории // Краткие сообщения Института истории материальной культуры 51: 128—133.
- Охотников, С. Б., А. С. Островерхов.* 1993. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев: Наукова думка.
- Репников, Н. И.* 1927. Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908 году // Херсонесский сборник 2: 147—186. Севастополь.
- Соломоник, Э. И., И. А. Антонова.* 1974. Надгробия врачей из античного Херсонеса // Вестник древней истории 1: 94—105.
- Столба, В. Ф.* 1989. Новое посвящение из Северо-Западного Крыма и аспекты культа Геракла в Херсонесском государстве // Вестник древней истории 4: 55—70.
1990. Херсонес и скифы в V—II вв. до н. э. (проблемы взаимоотношений). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- Стржелецкий, С. Ф.* 1948. Камышевский клад античных монет Херсонеса // Херсонесский сборник IV: 107—112. Симферополь: Крымиздат.
1961. Клеры Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник 6. Симферополь: Крымиздат.
- СХМ IV.* 1969. Сообщения Херсонесского музея IV. Симферополь: Крымиздат.
- Тахтай, А. К.* 1948. Два клада херсонесских античных монет 1944 года // Херсонесский сборник IV: 113—125. Симферополь: Крымиздат.

- Тункина, И. В. 1993. Неизвестный клад херсонесских монет 1844 г. // Петербургский археологический вестник 6: 76—78. Санкт-Петербург.
- Туровский, Е. Я. 1993. О хронологии серебряных монет Херсонеса с магистратскими именами // Петербургский археологический вестник: 44—50. Санкт-Петербург.
1994. Хронология сельских усадеб Херсонеса на Гераклеюмском полуострове в IV—II вв. до н. э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Шелов, Д. Б. 1956. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. Москва: Наука.
- Щеглов, А. Н. 1970. Реп.: Сообщения Херсонесского музея IV. Башня Зенона. Исследования 1960—1961 гг. Симферополь. // Вестник древней истории 3: 172—178.
1972. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды. 3. К Polyb. IV. 41 // Вестник древней истории: 126—133.
1974. О внутренней торговле Херсонеса Таврического в IV—II вв. до н. э. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 138: 44—50.
1978. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Ленинград: Наука.
1985. О греко-варварских взаимодействиях на периферии античного мира // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного Симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо-1982: 185—198. Тбилиси.
1989. Еще раз о причине денежного кризиса III в. до н. э. в античных центрах Северного Причерноморья // Древнее Причерноморье: Чтения памяти проф. П. О. Карышковского. Тезисы докладов конференции: 56—57. Одесса.
1994. Монетные находки на Маячном полуострове в Юго-Западном Крыму // Всероссийская нумизматическая конференция 6—8 апреля 1994 г. Тезисы докладов: 42—43. Санкт-Петербург.
- 1994а. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: топография и фортификация // Проблемы истории и археологии Крыма: 8—42; рис. на с. 295—310. Симферополь.
1995. Крепостные стены «Старого» Херсонеса // Фортификация в древности и средневековье: 44—49. Санкт-Петербург.
- Щеглов, А. Н., И. В. Тункина. 1996. Из истории изучения античного культурного ландшафта в Крыму // Традиции российской археологии. Археологические изыскания Института истории материальной культуры РАН 33: 27—32. Санкт-Петербург.
- Яценко, И. В. 1981. Исследования в окрестностях Евпатории // Археологические открытия 1980 года: 328—329. Москва.
1983. Крепость и сельские усадьбы херсонесцев на окраине современной Евпатории (IV—II вв. до н. э.) // Путешествия в древность: 184—204. Издательство Московского государственного университета.
- AA XII—Sparkes, B. A., L. Talcott. 1970. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. // The Athenian Agora XII. Princeton, New Jersey.
- Anokhin, V. A. 1980. The Coinage of Chersonesus IV Century B. C. — XII Century A. D. // British Archaeological Reports. International Series 69. Oxford.
- Becker, P. 1856. Die Herakleotische Halbinsel in archdologischer Beziehung. Leipzig.
- Gilevič, A. M. 1963. Neuer Münzschatz aus Chersones // Bibliotheca Classica Orientalis 8. Heft 1: 6. Berlin.
- Imhoof-Blumer, Fr. 1878. Griechische Überprägungen // Zeitschrift für Numismatik 5: 145—146. Berlin.
- IGCH. 1973. — An Inventory of Greek Coin Hoards, ed. M. Thompson, O. Mørkholm, C. M. Kraay. New York.
- Minns, E. 1913. Scythians and Greeks. Cambridge.
- Ffrommer, M. 1990. Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks. Tübingen.
- Robert, M. C. 1859. Lettre à m. Adr. De Longpéier sur quelques médailles trouvées en Crimée // Revue Numismatique: 40—47. Paris.
- Stolba, W. F. 1996. La couronne de la déesse Parthénos: a propos d'un aspect du monnayage de Chersonèse au IV—IIe siècle av. J. C. // Bulletin de l'Association des amis du Cabinet des médailles 9: 11—20. Lausanne.
- Zograf, A. N. 1977. Ancient Coinage // British Archaeological Reports. International Series 33. Oxford.

CHRONOLOGY AND TOPOGRAPHY OF HOARDS AND COLLECTIVE FINDS OF 4th—2nd CENTURIES B. C. CHERSONESIAN COINS

A. M. GILEVICH (†)

The article presents a list of monetary hoards containing coins minted in the Taurian Chersonesos in the 4th—2nd centuries B.C., and provides information concerning the typological and chronological attribution of these as-

semblages. An attempt is made to link them with certain changes in the political situation.

The following terms are used. (1) hoard: assemblage of coins that had been accumulated and was intentionally hidden; (2) collec-

tive find: assemblage of coins that had been accumulated but was not hidden on purpose; (3) unclaimed accumulation: monetary assemblage excavated from a closed archaeological association (collective finds belong to unclaimed accumulations, but they can also be regarded as a variety of hoards); (4) separate, or incidental, finds: finds of isolated coins, made under any circumstances. In the present article, only hoards and collective finds are discussed.

Topographical observations suggest that the Chersonesean coins circulated only within the Chersonesean state. Their topography and chronology, then, must reflect temporal fluctuations of the territory controlled by the polis as well as certain events that caused hoarding and the accumulation of coins in the habitation material.

An accurate topographical evaluation of the monetary finds was made by A. M. Gilevich and A. N. Shcheglov using old and recent maps and aerial photographs. The typology of coins was developed by Zograf (1951; 1957) and modified by Anokhin (1977; 1980). Apart from typological considerations, the archaeological and topographical context was used to assess relative and absolute chronology. Based on all the available characteristics, it was possible to separate four chronological groups (I-IV) and one subgroup (IVA). The system allows for further additions. In the last section of the catalogue, insufficiently documented hoards are listed.

By early 1995, 22 collective finds were registered. All are concentrated in western Crimea (fig. 1). Sixteen of them come from southwestern Crimea (Chersonesos and its chora including the Heracleian and Mayachny Peninsulas), and six from northwestern Crimea. Twelve assemblages were found on the ancient plots of land belonging to the agricultural territory of the Chersonesean polis, eight in Chersonesos itself and in the ancient farm houses, and two had been buried in the necropolis.

Group I. It consists of four hoards containing copper coins similar to those described by Zograf (1951; 1957: XXXV, 10, 16, 18). None had been countermarked (Catalogue I.1-4). Three were found in southwestern Crimea and one in the northwest of the peninsula. It is possible that one more hoard (Catalogue V.1) belongs to the same group. The hoards were likely made in late 4th or early 3rd century. The topography of the finds indicate that at that time Chersonesos controlled not only southwestern Crimea but also some territories in the northwest, which agrees with archaeological evidence. The coins could have been hoarded during the acute political crisis that occurred in the Chersonesean polis around 300

B.C. (Виноградов, Щеглов 1990), and may have resulted in warfare (Shcheglov 1994a).

Group II. It is represented by five hoards and three collective finds. One hoard was found in Chersonesos, three in the Heracleian Peninsula which belonged to the Chersonesean chora; one hoard and three collective finds come from ancient farm houses and from an ancient plot of land in northwestern Crimea. Hoards consist only of coins such as those described by Zograf (1951; 1957: XXXV, 10, 16, 18, 23-25). Not a single one is countermarked. One more hoard found in northwestern Crimea (Catalogue V.2) and containing a silver coin of the type described by Zograf (1951; 1957: XXXV, 22) may possibly belong to this group; here as well, there are no countermarked coins.

The hoards and the collective finds may be dated to about 280-270 (260?) B. C. The spatial distribution of finds suggests that at that time vast territories in the southwest and in the northwest of Crimea were controlled by Chersonesos. This fully agrees with archaeological evidence. The large-scale hoarding of money can only be explained by the military and political situation in the Northern Pontic. According to a hypothesis put forward by Shcheglov (1985), this was the time when the Sarmatian nomads invaded Scythia and destroyed the settlements in the Chersonesean chora. The analysis of the metal of which the coins were made demonstrates that Chersonesean copper coins struck in the 4th century B.C. continued to circulate in the northwestern Crimea, which was a remote part of the chora, when they were no longer used either in Chersonesos or in its proximate chora (southwestern Crimea).

Group III. It consists of four large hoards of silver and copper coins with all known stamps (Catalogue III.1-4). All were hidden on ancient plots in a small area in the northwestern (maritime) part of the Heracleian Peninsula, southwestern Crimea. Coins were apparently hoarded in the third quarter of the 3rd century B.C. (about 250-230/225 B.C.). The analysis of coins suggests that a monetary crisis struck Chersonesos following the destruction of its chora in 280-270 (260?) B.C. The topography of the finds indicates that at that time Chersonesos controlled only its proximate chora in the Heracleian Peninsula. The money was evidently hoarded under unusual circumstances, in view of some danger. Possibly one of the invasions of the «neighbouring barbarians» was imminent, as implied by the inscriptions (IOSPE I², 343, 346). But another possibility should also be considered.

Subgroup IVA. One collective find comes from a demolished house in Chersonesos and

consists of copper coins of the type described by Zograf (1951; 1957: XXXVI, 7, 8). Belov (1955: 267; 1962: 179) suggested that the destruction of the residence areas in the northern part of the city was caused either by a natural disaster, possibly an earthquake, or by an invasion and occurred in late 2nd or early 3rd century B.C. The coins of these series, however, were minted in the 3rd century B.C. (Анохин 1977; 1980: 144f), whereas the monetary assemblage of unclaimed accumulations, the archaeological context, and other finds indicate that the likely date is early 2nd century B.C. In the late 1st—early 2nd quarter of the 2nd century B.C. (no later than 150 B.C.), all the Chersonesean settlements in the northwestern Crimea were destroyed and the Scythians gained ultimate control of the territory (Щерлов 1978: 131).

Group IV. It is represented by two hoards of silver coins of the type described by Zograf

(1951; 1957: XXXVI, 12—14), and one collective find of silver and copper coins (Catalogue I.1—3). All were found in the eastern fringes of the Chersonesean cadaster on the heights dominating the Heracleian Peninsula. The silver coins were minted in 125—115 or 120—110 B.C. and circulated in the city until the moment when the Pontian military corps sent by Mithridates VI Eupator and led by Diophantes arrived at Chersonesos. The archaeological context proves beyond doubt that both the hoards and the collective find were buried either in 115/114 or in 111/110 B.C. during the culmination of the Scytho-Chersonesean war, when Scythian troops had invaded the Chersonesean chora and were about to enter the city. According to the epigraphic evidence (IOSPE, I², 352), the Pontian corps of Diophantes helped the Chersoneseans to defeat both the Scythians and the neighbouring Taurians.

МОНЕТЫ МЕЖДУ АРХЕОЛОГИЕЙ И НУМИЗМАТИКОЙ*

П. В. Шувалов**

1. Вместо библиографического обзора и постановки проблемы

Археологи занимаются стратиграфией и датированием различных типов вещей; *нумизматы* описывают монетные коллекции и типологизируют монеты. *Археологи* добывают из-под земли не только пряжки, бляшки и черепки, но и монеты; *нумизматы* признают, что в конечном счете все древние монеты происходят из земли. Однако, *археологи* не описывают монеты, а *нумизматы* не исследуют стратиграфию.

В то же время, *археологи* датируют культурные слои по монетам, а *нумизматы* пытаются определить даты плохо датированных монет по стратиграфии. *Археолог* видит в монете источник абсолютной датировки; *нумизмат* в той же монете видит лишь результат чеканки. В результате: *археологи* остаются археологами, а *нумизматы* — нумизматами.

И никто, кроме редких «чудаков» не пытается увидеть все целиком: *и возникает междисциплинарная научная проблема*. Иногда «чудаки» объединяются, или же выступают по одиночке, но эти попытки не всегда убедительны (например: Coins... 1988; Laing 1969; Suchodolski 1995 = 1983; Moneta nei... 1989; Turek 1987). Иногда кто-то вопиет в пустыне,¹ но его голос не проходит в глу-

бины, до которых дошли узкие специалисты. Попробуем же крикнуть иначе, да погромче...

* * *

Итак, проблема, которой посвящена данная статья, — это проблема междисциплинарного взаимодействия. То есть это проблема, порожденная чрезмерным следованием формальным методологическим предписаниям. Следовательно, пути разрешения этой проблемы также можно формализовать. На мой взгляд, в первую очередь следует выделить следующие четыре формулы: 1. любые найденные монеты имеют (или когда-то имели) стратиграфическую привязку; 2. состав комплекса найденных монет определяется условиями образования соответствующего культурного слоя и ролью данного комплекса в живой культуре к моменту его археологизации; 3. монеты чеканились и обращались по определенным закономерностям; 4. закономерности обращения для каждого периода, региона и типа монет могут быть реконструированы на основе анализа монетных комплексов, веса и типов монет.

Иначе говоря, следует помнить, что каждая монета имеет привязанный к ней археологический и нумизматический контексты. Впрочем, лучше будет в данном случае гово-

* Данная публикация обязана своим появлением теплomu дружественному климату, окружавшему меня в ИИМК РАН на протяжении последних десяти лет. Но еще большее влияние оказал на меня домашний семинар М. Б. Щукина, а также общение с Ю. М. Лесманом. Чрезвычайно полезны были обсуждения отдельных частей работы с Gh. Roenaru Bordea. На последнем этапе эта тема была частично поддержана грантами (Международный научный фонд, грант No. ZZ4000/045; стипендия DAAD, Kennziff. A/12276 — во Франкфурте на Майне при Seminar für Griechische und Römische Geschichte, Abteilung II: Epigraphik, Numismatik, Papyrologie sowie Geschichte und Kultur der römischen Provinzen; Fundmünzen der Antike — FMRD/SFMA), благодаря чему я смог принять участие в работе семинара профессоров М. R. Alföldi и Н.-М. von Kaenel'я во Франкфурте на Майне. Там особое влияние на меня оказало общение с коллегами по семинару, в частности с Н.-Ch. Noeske, D. Wigg'ом и D. Baskendorf'ом. Всем им я приношу свою искреннюю благодарность. Но в самом начале моих нумизматических увлечений в годы аспирантуры в ЛОИА стояла А. М. Гилевич, мягко направлявшая мои фантазии в русло науки.

** Россия. 199034. Санкт-Петербург. Менделеевская лин., 5. Санкт-Петербургский государственный университет. Исторический факультет, кафедра истории Древней Греции и Рима.

¹ Янин 1954; Grierson 1965: X-XIII; Gedai 1985; Потин 1993: 182—185 (о монетах в новгородских ярусах).

речь о едином археолого-нумизматическом контексте, чтобы не возникло соблазна разорвать единое поле науки между самостоятельными описательными дисциплинами. Применение же дисциплин и методик должно зависеть от конкретной проблемы и конкретного материала² (подробнее см. Laing 1969).

* * *

Дальнейшее изложение построено преимущественно на моем опыте изучения позднеантичного времени. В то же время я пытаюсь придать получаемым выводам более универсальное звучание, не претендуя при этом на учет всех тонкостей в тех разделах затронутой темы, которые лежат за пределами IV—VI вв.

II. Теория

II. 1. Общие замечания по нумизматике (вместо введения для археологов)

Монеты чеканятся с различной интенсивностью в различное время.

Эта интенсивность обычно имеет циклический характер: 3 раза в год, 2 раза в год, 1 раз в год, раз в 5 лет и т. д. Но и «случайности» также оказывали влияние на чеканку монет: смена правителя, стихийное или общественно-политическое бедствие, приток больших масс драгоценных металлов, перемены в финансовой политике и состоянии рынка.

Следовательно, мы в состоянии с помощью письменных источников и типологии монет выделить некоторые периоды чеканки. Однако, о реальной интенсивности чеканки, то есть о количестве реально чеканившихся монет, судить нам сложнее. Дело в том, что количество находящихся в коллекциях монет не прямо отражает количество когда-то отчеканенных монет: многие группы монет изымались³ из обращения и отправлялись в переплавку.

Некоторую информацию дает анализ погодичного распределения монет из комплексов (кладов, слоев, по-

селений и т. д.), но до сих пор отсутствуют надежные критерии интерпретации этих данных, т. к. не ясно, как учитывать такие факторы, как: (1) целенаправленное изыятие определенных групп монет в древности, (2) естественный и субъективный отбор монет в комплекс, (3) изменения в структуре денежного обращения.⁴ Единственным подспорьем здесь является метод учета числа штемпелей для каждого отдельного типа монет: зная, сколько монет может быть, теоретически, отчеканено одним штемпелем (пока он не сносился), и зная, количество учтенных штемпелей, можно реконструировать относительный и может быть абсолютный объем данной эмиссии. Однако, этот метод еще только начинает применяться в нумизматике (см. например, Esty 1986; Buttrey 1993). К тому же спорна правомочность его применения по отношению к тем типам монет, которые были в массе переплавлены еще в древности.

Монеты обычно четко датированы: в их легенде, как правило,⁵ содержится имя правителя (должностного лица) или/и год чеканки монеты.

Кроме того, иногда можно провести датирование по нумизматическим данным форм предметов (сосудов, зданий, победных инсигний и т. д.), изображенных на монете, или учесть конкретные указания письменных источников о чеканке монет и реформе монетного дела; данные об открытии/закрытии монетного двора, основании/гибели поселения с монетным двором.

Это основания для «абсолютной» датировки.

Для более же точного датирования («относительной» датировки) в нумизматике используются (подробнее о датировании см. Laing 1969: 19—51): 1. типологический метод; 2. реконструкция денежно-весовой системы (номиналов, монетной стопы); 3. корреляционный (сериационный) метод: сравнительный анализ структуры монетных комплексов; 4. анализ штемпелей и изучение связей лицевых и оборотных сторон разных экземпляров монет одного типа; 5. наблюдения над перечеканками и надчеканками (контрмарками); 6. наблюдения над изменением портрета монарха на аверсе монеты; 7. эпиграфическое изучение легенды монеты (и граффито на ней, если есть).

С помощью относительного датирования, во-первых, удастся, более или менее, привязать к абсолютным датам практически все типы монет, и, во-вторых, достигается более детальное датирование. Однако ясно, что в системе относительных датировок жесткость привязки к абсолютной временной шкале смягчается по мере удаления от точек привязки по логическим цепям относительной хронологии. Следовательно, установленные в результате относительного датирования нижние даты монет не являются бесспорными.⁶

² Впрочем, я никоим образом не посягаю на священный методологический принцип независимой параллельной обработки (!) источников: археологических — археологией, письменных — текстологией, нумизматических — нумизматикой. Отважусь лишь напомнить узким специалистам, что, несмотря на существование множества подходов и методик, древняя реальность была одна.

³ Автор статьи в отдельных случаях придерживается орфографии XIX века (Словарь церковнославянского и русского языка: 123. Санкт-Петербург. 1847) — *Ред.*

⁴ С различными подходами можно познакомиться по материалам парижского коллоквиума 1986 года (Rhythmes... 1987).

⁵ Это не относится обычно к самым мелким номиналам и ранним монетам (например, греческим до Александра). См. также ниже раздел II. 4.

⁶ Это свойство нумизматических датировок обязательно следует учитывать археологам при датировании по монетам: бесспорным (и то лишь с ограничением, указанным в следующем примечании) *terminus post quem* является на практике лишь та дата, указание на которую содержится в самой легенде монеты. Установленные же иными способами нижние даты могут быть археологически оспорены. Это яркий пример того, что далеко не всегда следует слепо следовать принципу независимого внутридисциплинарного анализа источников!

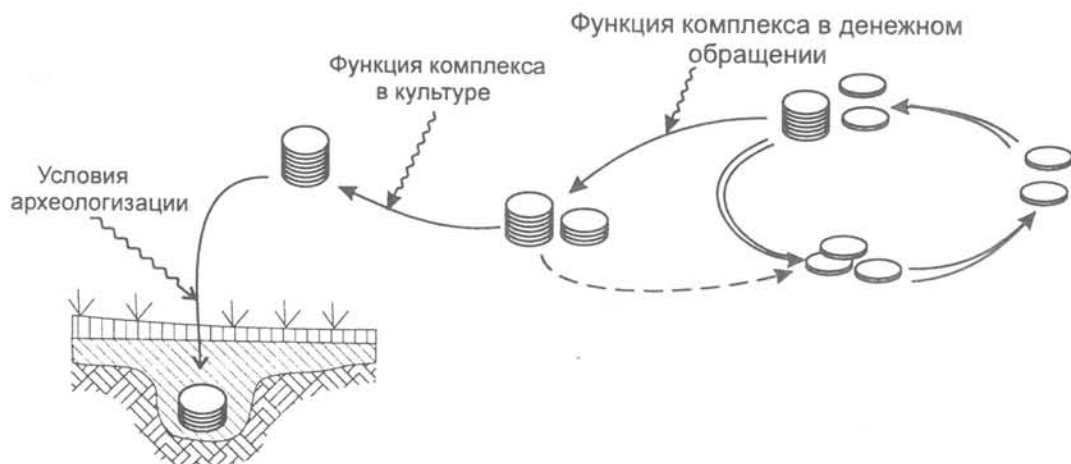

Рис. 1 Факторы, формирующие структуру монетного комплекса

Fig. 1 Factors forming the structure of the monetary association.

Как правило, после завершения периода чеканки, указанного в легенде (напр. после смерти соответствующего императора), монеты данного типа не чеканились. Почти всегда только что отчеканенные монеты быстро поступали в обращение: т. о. дата начала чеканки (= нижняя дата монеты) достаточно точно определяет дату начала обращения монет.⁷

В целом, можно сказать, что, благодаря наличию четкого *terminus post quem*, монеты являются основной опорой для абсолютного датирования в археологии римского времени и раннего средневековья.

Длительность обращения монет определить намного сложнее. Ясно, что в легенде монеты об этом не может быть никакой прямой информации. Тем не менее есть способы установить время выхода из обращения той или иной группы монет: 1. корреляция (сериация) монетных комплексов (кладов, слоев и пр.); 2. учет массовых пере/над-чеканок монет данного типа; 3. наблюдение за развитием денежно-весовой системы; 4. учет письменных источников.

Однако, все эти способы несколько ограничены в своих возможностях: монетные комплексы не однозначно отражают структуру монетного обращения (не все типы монет попадали в комплексы!); в большинстве случаев монеты не просто перечеканивались, а сначала переплавлялись; наши представления о древних

денежно-весовых системах весьма гипотетичны; данные письменных источников отрывочны.

Датировать монетный комплекс можно точнее, чем отдельную монету, поскольку пересечение датировок всех составляющих этот комплекс монет дает более узкую дату. Иначе говоря, монетный комплекс датируется не только (и не столько) нижней датой младшей монеты из этого комплекса, сколько *всей структурой этого комплекса* (сходные рассуждения у Б. Митри — Mitrea 1957: 230). Конечно, дата комплекса не может быть моложе нижней даты младшей монеты, но зато может быть намного старше. Так, например, если в комплексе отсутствуют определенные типы ранних монет, вышедших из обращения уже после того, как была отчеканена самая младшая монета данного комплекса, следует рассмотреть возможность более поздней датировки всего комплекса.

Итак, для точной датировки монетного комплекса нужно учитывать всю его структуру, а не только дату младшей монеты.⁸

II. 2. На стыке археологии и нумизматики: классификация монетных находок

В нумизматической литературе существуют различные предложения по группировке

⁷ Впрочем, нередко бывали случаи, когда определенные типы монет чеканились сильно загодя (к юбилею, например) и тогда возможен и их более ранний ввод в обращение. В таком случае нижняя дата по легенде монеты не может быть бесспорным *terminus post quem*! (см. например, Salomon 1985 — о консульской эмиссии.) И наоборот, теоретически не исключены случаи продолжения в новом периоде использования старых штемпелей со старой датой в легенде.

⁸ См., например, замечания В. Л. Янина о Пейпусском кладе (Янин 1954: 68), при том, однако, что В. Л. Янин все-таки чрезмерно концентрирует внимание на дате младшей монеты. Хороший обзор литературы и убедительную критику позиций В. Л. Янина см. у В. М. Потина (1993: 180—185).

монетных находок.⁹ Обычно выделяемые при этом группы находок можно грубо объединить в пять следующих типов: 1. отдельные, единичные, «свободные» (R. Kiersnowski), изолированные; 2. массовые, скопления; 3. клады накопления и металлического сырья; 4. случайно потерянные кошельки («случайно потерянные клады» по Ph. Grierson'у); 5. клады, сокровища, «возвратные» клады (R. Kiersnowski), «утраченные» клады (S. Tabaczyn'ski) в результате чрезвычайных обстоятельств (Ph. Grierson) или как сбережения в случае смерти владельца без завещания; 6. культовые коллективные находки, безвозвратные вклады (R. Kiersnowski), votивные клады, находки в погребениях, монеты в качестве подвески и этнографические находки (В. М. Потин), строительные жертвы.

Кроме того, обычно нумизматы разделяют клады на «клады быстрого накопления» и «клады длительного накопления». При этом, однако, они не указывают никаких критериев,¹⁰ кроме анализа временной структуры клада, в сравнении с другими комплексами.¹¹ Иначе говоря, выделение «кладов длительного накопления» возможно лишь на основе серии (корреляции) всех кладов одной пространственно-временной структуры (т. е. определенного периода и региона). Многие «клады длительного накопления» после детального анализа их соотношения с другими кладами той же пространственно-временной структуры оказываются обычными кладами («кладами быстрого накопления»), отражающими полную структуру монетного обращения данного времени (в то время как в других кладах мы имеем лишь выборку монет последних лет чеканки!).¹²

Кроме того, основным признаком клада длительного накопления считают обычно наличие в нем монет, уже вышедших из обращения. При этом подразумевается, что такие клады совсем не отражают структуру монетного обращения своего времени. Но какой смысл имело бы сохранять в кладе те монеты, которые уже вышли из обращения и вследствие этого сохранили ценность лишь как металлические кружки, а не как монеты? Разумнее предположить, что такие «устаревающие» монеты их хозяин либо постарается побыстрее сбыть (если они еще не совсем устарели), либо переплавить (если они устарели безнадежно). В последнем случае он их сначала переложит в «клад металлического сырья».

Однако, ясно, что сказанное относится лишь к централизованно регулируемому монетно-денежному обращению (например, на Балканах ранневизантийского периода), когда власть планомерно изымает (орфография автора — *ped.*) из обращения устаревающие группы монет. Правда и в этом случае всегда существуют типы монет, которые уже в подавляющей массе изъяты из циркуляции, но еще продолжают котироваться как деньги. То есть, общественное мнение еще допускает их к обращению. Таким образом, мы имеем в данном случае феномен как бы «остаточной» циркуляции монет.¹³ В случае же стихийного или слабо регулируемого обращения (когда выход монет из обращения происходит лишь через потери или стихийную их переплавку в моменты дефицита металлического сырья), основная масса монетных типов обращается чрезвычайно долго (веками!).¹⁴ В таком случае структура об-

⁹ Критический обзор существующих в литературе группировок см. у В. М. Потина (1993: 171—180). См. также книгу Л. Лэнга (Laing 1969: 56—60) и книгу М. Раднац-Альфелди (Alföldi 1978: 57—59). Особенно хочу выделить подход Г. Шуберта (Schubert 1984: 78—79), обращающего внимание на роль монетных комплексов в древнем обращении. Обычно такие классификации составляются нумизматами для нужд нумизматики и несут, в следствие этого, на себе «родимые пятна» узкой специализации. К тому же, к сожалению, далеко не все существующие классификации удобны и методически безупречны. Приведу один пример. Разделение находок на «случайные» и «археологические» (Ph. Grierson), конечно, важно, но нельзя забывать, что часто у «случайных» очень хорошо известен археологический контекст находки, и, наоборот, у многих «археологических» не известны ни слой, ни место находки. Таким образом, лучше обращать внимание на степень нашей осведомленности, чем делить находки на две такие искусственные группы. Кроме того, археологически нельзя отделить клады преднамеренные («накопления», «торговли») от кладов чрезвычайных обстоятельств (когда люди прячут их в панике), так как это может быть накопление мирного времени. А, в то же время, именно так разделяет клады Лэнг (Laing 1969: 58—61, 65; «с» & «f»).

¹⁰ Строго говоря, любой клад является «кладом длительного накопления», только эта «длительность» бывает различной.

¹¹ Определенную критику концепции кладов длительного накопления см. у Потина (1993: 175). См. также, Янин 1954: 67.

¹² Пример тому — известный клад из Стрелецкой бухты, содержащий новые монеты VI века и подержанные IV века.

¹³ На монетных диаграммах это обычно проявляется в виде длинных хвостов, см. ниже раздел II. 3.

¹⁴ См. сходные рассуждения Г. Ф. Корзухиной: «Монетой пользуются дольше, чем украшением. .... Потому, что украшение *переплавляют, когда оно выходит из моды* (курсив мой — П. Ш.), и передельвают в соответствии со вкусами нового времени. Монеты же, *при отсутствии собственного чекана* (курсив мой — П. Ш.), раз попав в пределы Древней Руси, имели хождение здесь и несколько столетий спустя после их выпуска» (Корзухина

Даты письменных свидетельств или монет	№ контекста	Характер контекста
	1215	фундамент из бетона
	1239	фундамент из бетона
1565	1371	фундамент из бетона
	1511	фундамент из бетона
1545	1400	заполнение ямы
	1274	яма фундамента
1464	1317	слой запустения
	1363	заполнение столб. ямки
	1362	столбовая ямка
117, 330, 347, 1450, 1464	1230	вымостка из щебня
	1361	ремонт вымостки
340, XII	1275	вымостка из щебня
	1380	слой извести
	1490	заполнение столб. ямки
	1489	столбовая ямка
	1396	нивелировка
	1397	нивелировки
307, 1386, 1400, XIV-XV, сер XV, 1455, 1458	1391	вымостка из щебня
	1449	под печи
313, 1414, 1416	1450	вымостка из щебня
	1021	римская постройка

1021	- а	1464	- б	1565	- в
------	-----	------	-----	------	-----

ращения оказывается достаточно стабильной, и проблема клада «длительного» накопления отпадает сама собой.

Из всего сказанного следует, что ккладам «длительного» накопления можно отнести лишь те клады, в которых есть группы «запаздывающих» монет (феномен «остаточной» циркуляции). Это означает, что «клады длительного накопления», даже в своей наиболее «древней» части, отражают отношение к монетам, господствовавшее во время их захоронения («закрытия»). А поскольку отношение населения к монетам в значительной степени и определяет структуру обращения, то ясно, что структура «кладов длительного накопления» отражает структуру обращения. От обычных же кладов «клады длительного накопления» отличает большая доля ранних монет, уже в массе своей вышедших из обращения, вышедших, но еще не совсем!! Но в таком случае нет никакой гарантии, что такие клады действительно собирались долгое время и не являются более или менее разовыми накоплениями с преимущественным отбором более старых монет! Итак, видна научная бессмысленность понятия «клад длительного накопления», поскольку вместо понятия мы здесь имеем дело с произволом воображения исследователей.

* * *

Ясно, что характер классификации, в первую очередь, определяется ее целями. Цель предлагаемой ниже классификации состоит в том, чтобы связать вместе нумизматическую и археологическую стороны проблемы, т. е. соединить вместе, с одной стороны, данные о внутренней структуре монетного комплекса и о предполагаемой роли его в обращении, с другой стороны, объективные обстоятельства обнаружения монетной находки.¹⁵ На мой взгляд, существует определенная закономерность в соотношении археологических, нумизматических

и исторических признаков, что я и пытаюсь показать в таблице.

Особое внимание я уделяю двум факторам:

1. Как и почему данные монеты выпали в культурный слой?¹⁶

2. Какова была функция этих монет в денежном обращении к моменту их выпадения в слой; иначе говоря: зачем и как данные монеты были собраны вместе к моменту их выпадения в слой?

Мне кажется, что именно эти два фактора определяют структуру монетного комплекса. Именно под их непосредственным влиянием определенная группа монет (на своем пути от обращения к формированию археологизированного монетного комплекса) в большей или меньшей степени теряет характерные черты, свойственные структуре монетного обращения того времени (см. рис. 1). Итак, предлагаемая типология¹⁷ представлена в таблице 1. В левой ее части собраны археологические параметры, правая часть посвящена нумизматическим. Все возможные виды археологических параметров («археологических контекстов» — колонка 3, а также частично колонка 4) можно сгруппировать в 8 групп в зависимости от причин образования культурного слоя («пути образования культурного слоя» — колонка 2) или в 6 групп в зависимости от причин, из-за которых монеты вышли из живой культуры («причина археологизации монет» — колонка 1). Этими же факторами определяется и состав монетных находок (колонка 5—6). С другой стороны, любой монетный комплекс до своей археологизации имел определенную культурную функцию и определенное место в системе денежного обращения (колонка 7). Этим и определялась структура этого монетного комплекса до его археологизации (колонка 8). Теоретические соответствия между археологической частью таблицы (колонки 1—6) и нумизматической (колонки 7—8) я указал в таблице тонкими пунктирными линиями (линии в

1954: 15, — цит. по Потину 1993: 182). Следовательно, при наличии собственного чекана монеты тоже могли иметь короткую жизнь?

¹⁵ На необходимость междисциплинарного подхода в этом вопросе указывает В. Михэйлеску-Бырлиба (Mihăilescu-Bîrliba 1993: 57, 58).

¹⁶ См. на полное невнимание к этой стороне проблемы даже у такого серьезного исследователя, как Х.-К. Неске (см. ниже рис. 3 — Noeske 1979).

¹⁷ Предварительный и уже устаревший вариант этой таблицы был опубликован мною ранее (Шувалов 1997: 19—20).

Рис. 2 Матрица контекстов раскопа на Форо Романо: а — археологические контексты (слои, комплексы) с номерами и стратиграфические связи между ним; б — нижние даты монет из соответствующего контекста; в — дата упоминания соответствующей постройки в письменных источниках.

Fig. 2 Matrix of contexts in the excavation at Foro Romano.

1. Причина археологизации монет	2. Археологически устанавливаемые пути образования культурного слоя	3. Археологический контекст	4. Уточнение места находки	5. Размер находки	6. Структура и характер монетной находки (отличие от монетного обращения)	7. Монетные комплексы в системе монетного обращения и в культуре (на примере римского времени)	8. Состав монетного комплексы в обращении (в живой культуре)				
случайная потеря	жизнедеятельность	<ul style="list-style-type: none"> "жидкий" слой (сезонная грязь на улице, в канаве, на дворе, или болото, озеро (торфяник) со многими целыми находками 1 глубокие щели в дер мостовой или выход канализации из-под вымостки основание нивелировочного слоя развалены строительные конструкции (с значачит. кол. находок) свалка (много ломаных вещей) заполнение котлована землянки заполнение хозяйственной ямы строительный мусор (с значачит. кол. находок) яма фундамента и т. п. нивелировочный слой 	<ul style="list-style-type: none"> монеты расположены ниже уровня д. п. с которой они были потеряны здесь монеты предыдущего периода 	<ul style="list-style-type: none"> единичная находка и/или штук вместе 	<ul style="list-style-type: none"> доля более дорогих монет несколько меньше, чем в обращении, монет достаточно много почти так же, но доля дорогих еще меньше 	<ul style="list-style-type: none"> - обращение крупных номиналов (AV, AR) - обращение мелких номиналов (AE, AR) - комплексы в системе обращения - комплексы выведенные из обращения - "объективный" отбор монет в комплекс 	<ul style="list-style-type: none"> особые принципы отбора 				
								запущение	<ul style="list-style-type: none"> с пола и из слоя 	<ul style="list-style-type: none"> монет очень много, доля дорогих монет несколько меньше, чем в обращении 4 	<ul style="list-style-type: none"> клад - коллекция нумизмата жалование или раздача казна к выдаче Перечеканка собранный налог, штрафы и доходы с имущества казны текущая тезаврация на ближайшее будущее клад на случай особых обстоятельств и больших трат металлическое сырье непопулярные монеты чрезвычайная жертва обходная жертва
								помойка	<ul style="list-style-type: none"> в кладовой в обремененном здании (из полу или в слое) в непродолжном полу или в тайнике 6 в проходе внутри постройки на улице 	<ul style="list-style-type: none"> самые мелкие и обесцененные монеты и к тому же в весьма незначительном количестве 	
строительство	<ul style="list-style-type: none"> слой разрушения (следы пожара, кости и масса находок в том числе ценных) 	<ul style="list-style-type: none"> Россыль (иногда с остатками упаковки) 	<ul style="list-style-type: none"> карманные деньги жалование или раздача казна к выдаче Перечеканка собранный налог, штрафы и доходы с имущества казны текущая тезаврация на ближайшее будущее клад на случай особых обстоятельств и больших трат металлическое сырье непопулярные монеты чрезвычайная жертва обходная жертва 								
спешка или невозвращение владельца	гибель постройки (или корабля)	<ul style="list-style-type: none"> в тайнике внутри или около жилых помещений в тайнике вне поселения или около культовых зданий строительная жертва (под углом дома, в маковке церкви) 8 святой источник капище магический камень богатое ("княжеское", "царское") погребение рядовое однократное погребение или погребение из склепа-усыпальницы 		<ul style="list-style-type: none"> клад-накопление клад-вотив 3 одна или неск. штук одна или много клад по 1-2 штуке неск. штук 	<ul style="list-style-type: none"> монет много, возможны очень дорогие монеты много дорогих и лучших монет 	<ul style="list-style-type: none"> копилка мелочи непопулярные монеты чрезвычайная жертва обходная жертва 					
							таинник	<ul style="list-style-type: none"> жертвенное место 	<ul style="list-style-type: none"> казна "обол Харона" 9 "обол Харона" 9 кошелек "торговца" 		
невозвращение владельца	осмысленное захоронивание	погребение	жертвенное место	неск. штук	жертвенное место	<ul style="list-style-type: none"> казна "обол Харона" 9 "обол Харона" 9 кошелек "торговца" 	<ul style="list-style-type: none"> казна "обол Харона" 9 "обол Харона" 9 кошелек "торговца" 				
осмысленная потеря при росте культурного слоя	жертвенное место	погребение	жертвенное место	неск. штук	жертвенное место	<ul style="list-style-type: none"> казна "обол Харона" 9 "обол Харона" 9 кошелек "торговца" 		<ul style="list-style-type: none"> казна "обол Харона" 9 "обол Харона" 9 кошелек "торговца" 			
осмысленное захоронивание монеты	погребение	жертвенное место	жертвенное место	неск. штук	жертвенное место	<ul style="list-style-type: none"> казна "обол Харона" 9 "обол Харона" 9 кошелек "торговца" 	<ul style="list-style-type: none"> казна "обол Харона" 9 "обол Харона" 9 кошелек "торговца" 				

Таблица 1. Классификация монетных находок (исключая монеты в функции подвески и монеты в оправе).
 Table 1. Classification of monetary finds (excluding coins used as pendants and framed coins).

Факторы, связанные с местностью

Факторы, не связанные с местностью

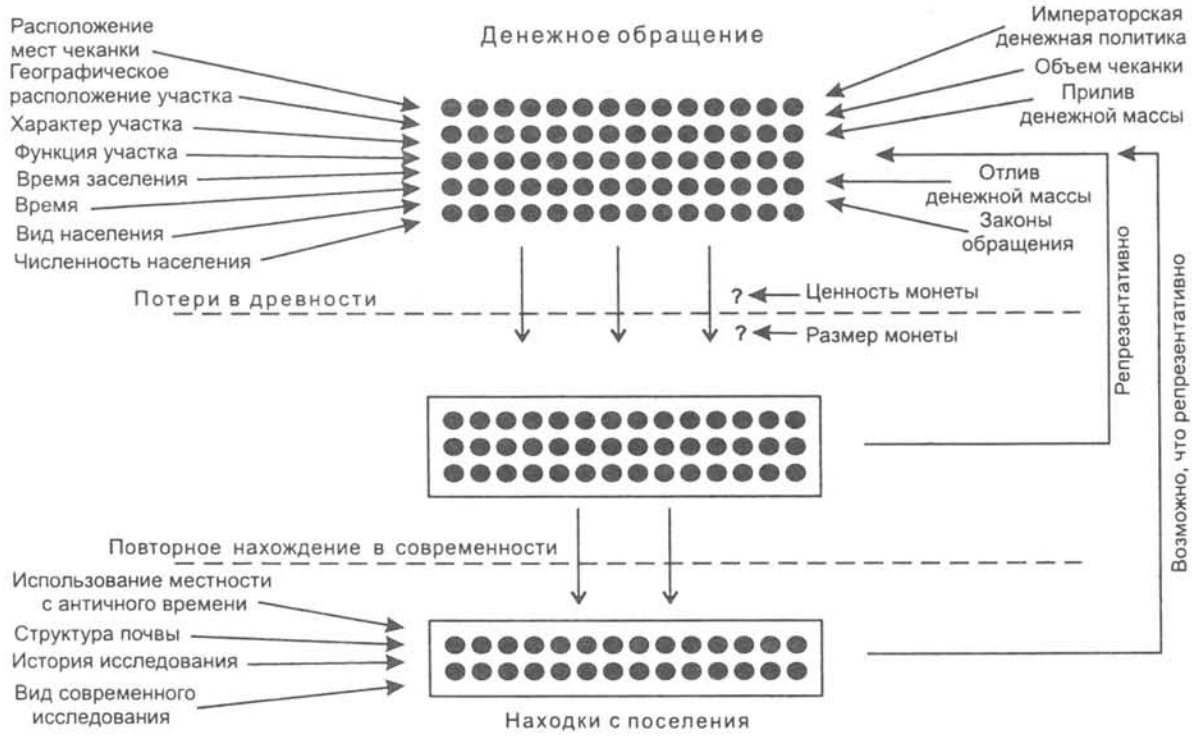

Рис. 3 Формирование находок с поселений (по Noeske 1979).

Fig. 3 Forming of the site-finds according to Noeske 1979.

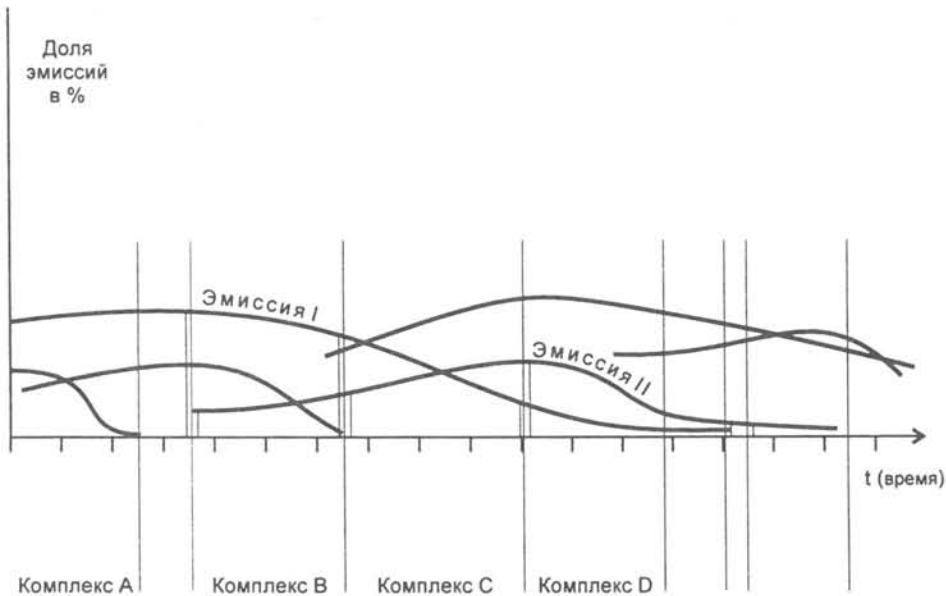
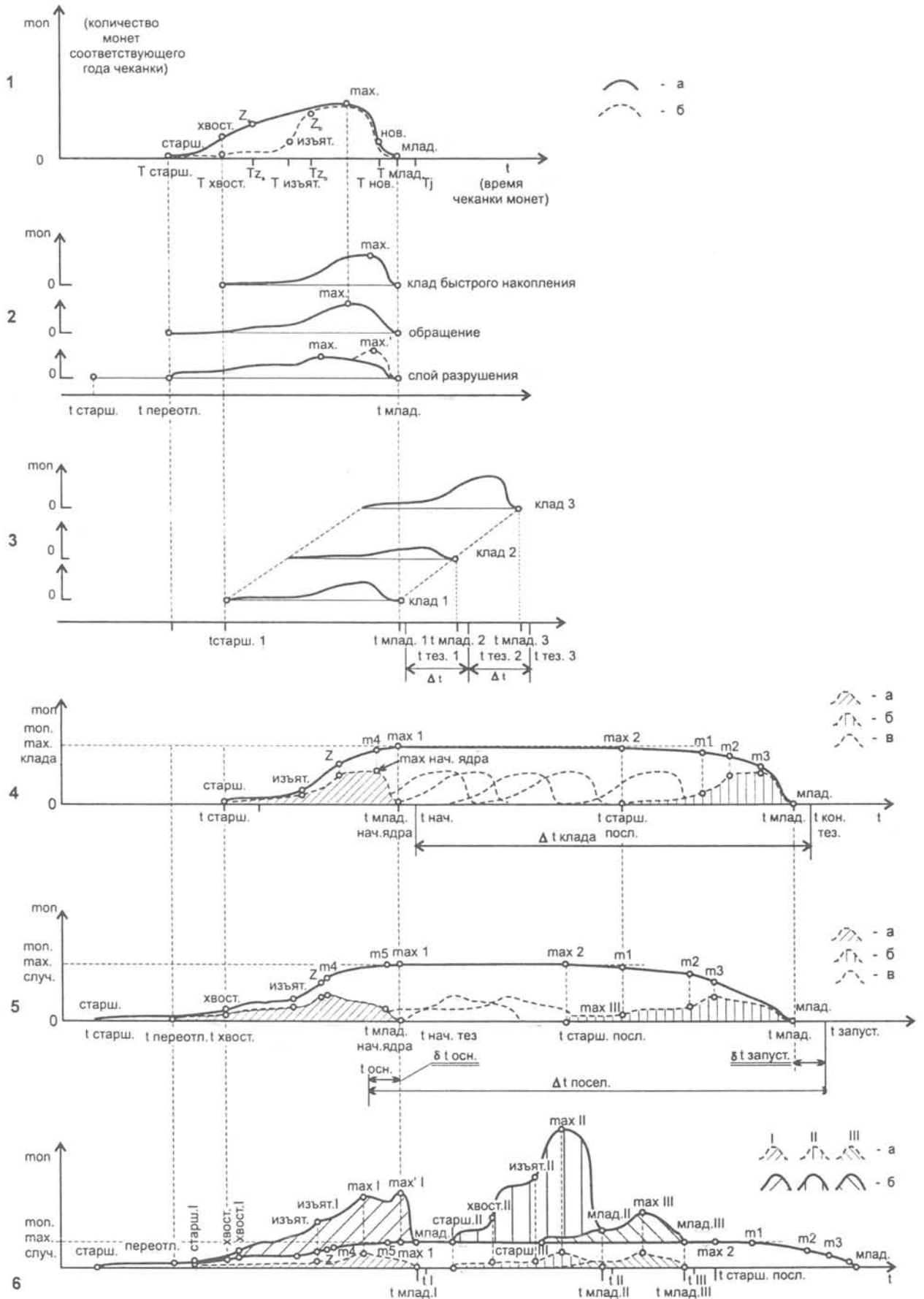

Рис. 4 Соотношение структур закрытых комплексов и структуры обращения (по Noeske 1979).

Fig. 4 Correlation between the structures of the complexes and the structure of coin circulation according to Noeske 1979.

колонке 7 между строками колонок 3 и 6 — с одной стороны, и звеньями системы монетного обращения — с другой). По таблице видно, как формируется структура конкретного археологизированного монетного комплекса под воздействием различных факторов: монетного обращения, роли в знаковой системе живой культуры, обстоятельств археологизации.

Итак, для нужд нумизматики можно суммировать следующее. Следует различать три типа монетных комплексов:

1. *Разовым (более или менее точным) «слепком» со структуры какого-либо звена монетного обращения являются монетные комплексы, происходящие из слоя гибели (кроме монет, собранных как металлическое сырье) или из основания нивелировочного слоя.*¹⁸ Здесь следует отметить, что именно эта группа монетных комплексов дает основную массу монетных находок с поселений (исключая особые случаи свайных поселений и поселений с «жидким» слоем — см. ниже): действительно, именно в моменты гибели или нивелировки происходит наибольшее нарастание культурного слоя в наиболее экстремальных условиях, способствующих массовой потере (и невозвращению обратно) монет и других целых предметов. Иначе говоря, монеты выпадают в слой большинства поселений с совершенно различной во времени интенсивностью, возрастающей в моменты катастроф.¹⁹

2. Характер комплекса из *тайника (клада)* определить сложнее: исходя из археологических данных и самого комплекса (без сопоставления с серией аналогичных кладов) нельзя четко установить ни период формирования его (не клад ли это длительного накопления?), ни предназначение (вотив, металлическое сырье или клад-накопление на особый случай), исключение здесь составляют лишь *клады из тайников из слоев разрушения на поселении*, которые следует рассматривать как явление близкое к монетным комплексам из слоя гибели (см. выше п. 1).

3. Суммарным отражением²⁰ истории монетного обращения за *определенный период* на данном месте являются: *слой жизнедеятельности («жидкий» слой, щели, канализация), слой заустевания, слой помойки, слой строительства, жертвенное место*; но в каждом из этих пяти случаев интенсивность археологизации монет будет определяться совершенно различными факторами.

II. 3. Структура монетного обращения и монетных комплексов: нормативные кривые

Если представить себе идеальную ситуацию, когда *монеты (одного и того же типа и стоимости) чеканятся, вводятся в обращение и выходят из обращения* (в ре-

¹⁸ А вовсе не все клады вообще, как иногда указывается в литературе, например, Фомин 1995: 65.

¹⁹ На это уже не раз указывалось в литературе: А. И. Романчук (1993: 32—33): «Преобладающее количество монет ... происходит из слоев разрушения. ... Поэтому при изучении денежного обращения (анализ — П. Ш.) распределения нумизматических находок по годам их выпуска, без учета условий обнаружения является неэффективным (точнее: ложным, — П. Ш.)»; П. В. Шувалов (1989: 6): «Культурный слой, богатый монетными находками, образуется лишь в случаях больших социально-демографических потрясений (внезапная гибель поселения)...», подробнее см. Шувалов 1994: 40.

Со стороны археологии теоретические основы такого подхода были обоснованы еще В. Д. Блаватским (1967: 42—44, 194) и развиты в настоящее время А. И. Романчук (1991: 33, 42). Вместе с тем, этот тезис до сих пор не привлекает внимание исследователей, что приводит к переоценке информативности монетных гистаграмм: см. напр. R. Reese 1979: 175—195. Впрочем, Х.-К. Неске (H.-Ch. Noeske 1979: 160—161) обращает внимание на роль характера древней поверхности на поселении, но делает это как-то между прочим.

²⁰ Правда, также искаженным: более дорогие, более крупные и более заметные (например, золотые медальоны) монеты чаще возвращаются обратно в обращение и/или в живую культуру, и, таким образом, доля их в земле оказывается меньшей, чем их же доля в структуре древней живой культуры.

Рис. 5 1 — структура монетного обращения (на момент Tj при постоянной интенсивности чеканки): а — при выходе монет из обращения через случайные потери; б — при выходе монет из обращения через изъятие; 2 — различия структур клада, обращения и слоя; 3 — структура кладов быстрого накопления (при искусственном изъятии монет из обращения); 4 — структура клада длительного накопления (при однообразном накоплении): а — начальное ядро клада; б — монеты, добавленные последними, в — промежуточные пополнения; 5 — монеты с заустевшего поселения (ни разу не разрушенного): а — начальное ядро; б — монеты, попавшие в клад последними; в — промежуточные выпадения в слой; б — монеты с трехкратно разрушенного и в конце заустевшего поселения: а — монеты, потерянные случайно в канун катастрофы; б — монеты, потерянные в результате катастрофы.

Fig. 5 1 — structure of monetary circulation; 2 — difference between the structures of the hoard, the circulation, and the layer; 3 — structure of a hoard of rapid accumulation; 4 — structure of a hoard of prolonged accumulation; 5 — coins from an abandoned settlement; 6 — coins from a settlements that had been destroyed three times.

зультате потерь, износа или целенаправленного изъятия) с постоянной интенсивностью, то структуру монетного обращения на какой-то определенный момент (T_1) в каком-то географическом пункте можно представить в виде следующего графика: см. рис. 5: 1. При этом структура обращения будет различной в зависимости от того, как монеты выходят из обращения: через случайные потери (рис. 5: 1; кривая а) или через искусственное целенаправленное (напр., централизованное) изъятие (рис. 5: 1; кривая б).²¹

Пологий участок кривой между точками нов.—млад. определяется тем, что новые только что отчеканенные монеты (в период $T_{нов.}—T_{млад.}$) не сразу же доходят до данного географического пункта. Относительно быстрое падение показателя «мон.» на участке за—хвост определяется тем, что монеты этих и предыдущих (орфография автора — ред.) лет чеканки ($T_{за}—T_{старш.}$) уже безнадежно устарели и встречаются в обращении лишь как исключение («хвост»): участок между точками хвост—старш. Резкое падение кривой «б» в точке zb определяется тем, что при централизованном изъятии монет из обращения (в отличие от модели, когда выход монет из обращения происходит за счет случайных потерь — кривая «а») обычно монеты выходят из обращения целыми хронологическими группами ($T_{zb}—T_{хвост}$ особенно $T_{изъят.}—T_{хвост}$) наиболее старых монет.

На основе структуры монетного обращения формируются структуры монетных комплексов: кладов, монет из слоя и т. д. Важно отметить, что на практике обычно присутствует существенное отличие структуры монетного клада от структуры всей совокупности монет, найденных в слое (см. выше табл. 1): в клад отбираются обычно лучшие монеты (более новые и т. п.), а в слой выпадают, наоборот, менее ценные: см. рис. 5: 2. К тому же в слое может быть некоторое количество переотложенных монет, особенно выделяющихся в виде группы наиболее старших монет ($t_{старш.}—t_{переегл.}$). Если слой, в который выпадают монеты, — это слой гибели, то структура выпавших монет обычно бывает сильно изменена (рис. 5: 2; участок около точки max_1) в сторону приближения к структуре клада, т. к. в слой попадает россыпью много монет из сбережений (см. табл. 1).

Если при таком идеализированном обращении кто-то регулярно через определенное время (Δt) будет откладывать (тезаврировать — в моменты $t_{тез.}$) все имеющиеся у него на этот момент монеты в виде каждый раз нового клада («клад быстрого накопления»), то мы получим следующую диаграм-

му: см. рис. 5: 3; кривые 1,2,3. (Разница величины показателя «мон» между всеми тремя кривыми определяется различным количеством тезаврированных каждый раз монет.) А если этот же человек будет каждый день на протяжении длительного периода ($\Delta t_{клад}$) откладывать в один и тот же клад («клад длительного накопления») строго определенное число имеющихся у него на этот день монет, то картина получится иная: см. рис. 5: 4. Кривая вытянется по оси t и получит плавное все возрастающее падение на участке между точками $max_2—m_1—m_2—m_3$. Сходная картина будет и на участке точек $max_1—z$. При этом в точках max_1 и max_2 значение t будет равно соответственно $t_{млад.нач.ядра}$ и $t_{старш.последн.}$.

Для монет с поселения будут действовать схожие закономерности.

Если на поселении жизнь протекала спокойной и равномерно от основания данного поселения ($t_{осн.}$) до его запустения ($t_{зап.}$) в течение всего его существования ($\delta T_{посел.}$),²² то диаграмма всех найденных на поселении монет будет похожа на клад длительного накопления: см. рис. 5: 5.

Важно отметить, что общее количество потерянных на поселении монет будет в этом случае невелико (кривая не поднимется выше определенного уровня мон. $max_{случ.}$). Кроме того, следует отметить, что начало выпадения монет в слой на поселении ($t_{нач.}$) будет соответствовать дате не самой ранней монеты с поселения ($t_{старш.}$), а дате самой младшей монеты из бывших в обращении на момент начала денежного обращения на данном поселении ($t_{млад.нач.ядра}$) (см. также Noeske 1979: 158—159). Запустение же поселения произойдет несколько позже ($t_{зап.}$), чем нижняя дата наиболее младшей монеты ($t_{млад.}$). Каков будет этот временной разрыв ($\delta T_{зап.}$), определяется интенсивностью поступления новых недавно отчеканенных монет в данную местность: если новые монеты вообще не будут поступать, то $\delta T_{зап.}$ может быть весьма большим. Аналогично также и $\delta t_{осн.}$ ($= t_{нач.}—t_{осн.}$) определяется характером жизни на данном поселении. Важно также, что кривая достигнет максимального уровня показателя «мон» лишь в точке max_1 со значением $t = t_{млад.нач.ядра}$. С максимального уровня показателя «мон» та же кривая уйдет вниз задолго ($t_{старш.последн.}$) до даты младшей монеты ($t_{млад.}$).

Если же поселение было многослойным, несколько раз (t_I, t_{II}, t_{III}) пережившим катастрофические катаклизмы — это могут быть пожары, войны, решительные перестройки, — то график всех найденных на поселении монет получит в добавление к уровню случайных потерь (мон. $max_{случ.}$) соответствующее количество (в нашем примере три) максимумов. В результате кривая будет иметь «бугристый»

²¹ Ниже все модели, кроме особо оговоренных, построены исходя из условия искусственного изъятия монет из обращения.

²² Желательно, также, чтобы слой был бы «жидким» (см. табл. 1).

вид:²³ см. рис. 5: 5. Структура некоторых из этих «бугров» (II и III) будет повторять структуру случайно выпадавших монет, а структура других (I) может сильно отличаться из-за включения в свой состав каких-то отдельных накоплений (см. выше о структуре клада и слоя).

Кроме того, обычно естественный (в результате потерь) выход из обращения последних оставшихся из числа наиболее старших монет имеет в несколько раз меньшую интенсивность, чем чеканка (поступление) новой монеты.²⁴ Поэтому на многослойном поселении, жизнь на котором продолжалась равномерно без особых катаклизмов от основания до запустения, распределение монет по слоям — при том, что выход монет из обращения происходит лишь через естественные потери, и при том, что характер слоев одинаковый, — будет носить следующий характер: см. рис. 6: 1. Видно, что линия, соединяющая даты самых старых монет из всех слоев (сл. 1—сл. 7), и линия, соединяющая даты самых молодых монет из тех же слоев, не параллельны друг другу, а расходятся.

* * *

Все рассмотренные выше в данной главе примеры построены на допущении, что интенсивность чеканки и интенсивность выхода монет из обращения постоянны. В реальности же *интенсивность чеканки была различной*: иногда подчиненной некоторым циклам, а иногда зависящей лишь от случайных причин (см. рис. 6: 2). Соответственно изменятся и все выше приведенные кривые, например, кривая структуры монетного обращения (сравн. рис. 5: 1 и рис. 6: 2).

Выход монет из обращения в реальности также не был регулярным: естественная составляющая (выход в результате потери) возрастала в периоды исторических катаклизмов и катастроф, а искусственная (изъятие властями или населением) в соответствующие периоды монетной политики. Это, конечно, также влияло на структуру монетного обращения и археологизировавшихся монетных комплексов.

В результате доля монетных типов в структуре обращения в различные моменты

времени была различной (см. рис. 4 — Noeske 1979: 165, Abb. 3).

II. 4. Монеты и керамика

Керамика — это другой массовый материал, который практически всегда встречается в культурном слое. Этим объясняется внимание большинства археологов к керамике и связанная с этим хорошая (обычно) разработанность типологии и хронологии керамики. Т. о. положение керамического материала в археологии схоже с положением нумизматического: оба — массовые, оба — хорошо типологизированы, по обоим датируют. Нередки даже споры среди специалистов: а что лучше для датирования: монеты или черепки? *Поэтому следует рассмотреть различие нумизматических и керамических датировок.*

Ясно, что существует принципиальная разница в природе дат керамики и дат монет.

*Дата монеты*²⁵ определяется по легенде монеты и соответствующим письменным источникам и состоит из даты начала чеканки монет данного типа (*terminus post quem* для археологической хронологии) и даты конца чеканки монет данного типа (которая для археологической хронологии практически бесполезна). Монеты обращаются (как деньги и как вещи) дольше, чем их чеканят, и теряются на протяжении всего времени их обращения из-за их небольшого размера и частой транспортировки. Но зато и находят монеты на протяжении всего времени обращения (и позже), и, таким образом, практически все потерявшиеся монеты снова возвращаются в обращение, не успев подвергнуться археологизации. Так продолжается до тех пор, пока этот цикл не будет прерван внезапным нарастанием культурного слоя,²⁶ который ляжет поверх только что потерянных монет. В результате этого монеты окажутся скрытыми от глаз людей и подвергнутся археологизации. Итак, дата монеты — это дата начала чеканки монет данного типа, которая заведомо старше времени начала выпадения монет этого типа в слой (обычно — всего на несколько месяцев, но иногда и на года = $\delta_{\text{мон}}$).

Дата керамики — это дата ее выбрасывания: она определяется по случаям встречаемости различных типов керамики друг с другом, с различными клеймами на этой ке-

²³ Сравни хроническое непонимание этого фактора в литературе, например: King 1979: 84—86; Noeske 1979.

²⁴ Этот тезис верен и для обращения с искусственным изъятием монет, так как отдельные экземпляры мелких монет все равно проходят мимо изъятия (орфография автора — *ред.*) и продолжают циркулировать и позже.

²⁵ Кроме монет без даты и без имени правителя в легенде. Особый случай также представляют плохо сохранившиеся экземпляры монет, датируемые обычно по вещественным признакам (вес, диаметр, тип изображения) в более широких пределах. В таком случае, обычно монета не имеет четкой нижней даты.

²⁶ Здесь я не рассматриваю случаи попадания монет в «жидкий» слой или в западины (см. выше раздел II. 2).

рамике и с монетами в закрытых комплексах.²⁷ То есть, даты керамики — производные от дат монет.²⁸ Встречаются же монеты с горшком или тарелкой в земле не тогда, когда этими горшком и тарелкой еще пользуются, а большей частью тогда, когда их уже разбили.²⁹ Значит, между началом производства определенного типа керамики и началом регулярных встреч сосудов этого типа в земле с монетами, проходит некоторое время (δ_{cer} = несколько лет или даже десятилетий). Ясно, что для разных типов керамики (например, дорогие вазы или амфорная тара) и для разных раскопов (таверна, дом бедняка или дом богача-кутилы) это δ_{cer} будет различным.

Издредка некоторые сосуды, впрочем, бились «преждевременно» — до того, как начинала биться основная масса сосудов данного типа (т. е. до прошествия соответствующего δ_{cer}), — и их фрагменты, естественно, также попадали в землю. При этом, в случае, если количество этих «преждевременно» разбившихся сосудов было невелико, то их фрагменты чрезвычайно редко встречаются в археологических комплексах с одновременно их гибели монетами. Следовательно, эти «преждевременные» случаи оказываются практически не датированными, и находки этих «преждевременно» разбившихся сосудов датируются более поздним временем на основании дат, полученных для находок основной массы сосудов данного типа (разбившихся позже, т. е. «современно» — по прошествии соответствующего δ_{cer}). Таким образом, фрагменты «преждевременно» разбившихся сосудов на практике будут неоправданно завышать (омолаживать) даты своих комплексов.

Отсюда следствия:

1. На малом количестве монет иногда может получиться неоправданно заниженная дата — *terminus post quem* (феномен отдельных «завившихся» монет!) — см. напр. ниже III. 2. б.

2. Очень малая доля (~ 1%?) керамики будет неоправданно завышать (омолаживать) даты комплексов (феномен «прежде-

временно» разбившихся сосудов!) — см. напр. ниже III. 2. б.

3. На разных раскопах и в разных слоях (в зависимости от пути образования культурного слоя — см. выше II. 2) соотношение между датами различных типов керамики и датами монет будет разное — см. ниже III. 2. а—б.

Другая проблема — это поведение монет и керамики в переотлагаемом слое. Здесь важно отметить, что монеты из переотлагаемого (многократно: при перекапывании, например) слоя будут постепенно изыматься (орфография автора — *ред.*) из земли либо как монеты (если они еще сохраняют свою денежную стоимость), либо в качестве сувениров, амулетов, игрушек, подвесок, фишек или металлического сырья. В таком случае, если нет встречного потока выпадения данного типа монет обратно из живой культуры в слой, то количество монет данного типа в слое постепенно сойдет на нет (разумеется в идеале: то есть при бесконечно повторяющемся перекапывании).

Керамика в том же слое будет вести себя совершенно иначе: во-первых, ее (исключая случайные целые сосуды) никто не будет в массе изымать (орфография автора — *ред.*) из слоя и возвращать, таким образом, в живую культуру, во-вторых, при перекапывании черепки будут дробиться и, следовательно, число черепков в переотлагаемом слое будет, наоборот, увеличиваться.

Эту мысль можно проиллюстрировать следующим графиком (рис. 6: 3), на котором представлена идеальная модель: определенная масса земли с керамикой и монетами (переотлагаемого культурного слоя) постоянно с одинаковой интенсивностью перекапывается на протяжении длительного времени $\Delta t_{переотл.}$. При этом в нее не попадает уже ни новых монет, ни новых черепков. Одна кривая показывает распределение черепков и монет (в % от всего количества черепков или, соответственно, монет: $\%_{cer}$ или $\%_{мон}$)³⁰ во времени их перекапывания ($t_{archaeol}$).³¹ Другая кривая показывает соотношение монет и

²⁷ Исключение здесь составляют, конечно, лишь раскопанные гончарные горны с остатками свежей продукции (мысль Е. Я. Рогова, высказанная им на обсуждении моего доклада по данной теме на заседании Отдела истории античной культуры ИИМК). Однако, ясно, что интерес представляют лишь те из них, которые имеют самостоятельную привязку к абсолютной хронологии, а таких надежно датированных горнов не так уж много.

²⁸ Это верно для времени развитой монетной системы, то есть, с начала периода эллинизма для Европы.

²⁹ Исключая случаи осознанного захоронения целых сосудов (1) в погребениях, (2) в качестве упаковки клада («кладовая» керамика — Потин 1993: 195—197) или (3) случайное упокоение целых сосудов под завалом обломков погибшей постройки. Но ясно, что количественно эти три вида сильно уступают находкам фрагментов от битой и выброшенной вследствие этого посуды.

³⁰ Впрочем, для данной абстрактной модели, % не нужны, но они употребляются в таких же графиках ниже (разделе III. 1) при подсчете конкретных величин. Поэтому для единообразия я и здесь привожу %.

³¹ Кривые чисто условно совмещены в начальной точке, хотя их пересечение может попасть на любую точку в пределах диапазона $\Delta t_{переотл.}$

черепков на каждый момент времени ($k = \%_{\text{мон.}} / \%_{\text{сер.}}$).

III. Примеры из научной практики. Материалы из Рима и Остии³²

В 1989 году Итальянский институт нумизматики опубликовал сборник материалов научной встречи, проведенной в этом институте в 1986 году по инициативе Лучано Камилли, Николы Франко Паризе и Сары Сорда. Встреча была посвящена сопоставлению находок монет со стратиграфией и керамическими находками из одних и тех же раскопов. Сборник представляет собой несомненное достижение в исследованиях на грани нумизматики и археологии, сочетая в себе как высокий научный уровень (см. каталоги монет с указанием археологического контекста, исчерпывающий комментарий к редким монетам, диаграммы стратиграфического распределения монет, стратиграфические матрицы и т. д.), так и оригинальность и смелость научного поиска. Тем не менее, объективная сложность и неразработанность проблем не позволили авторам однозначно разрешить большинство из поставленных вопросов. Впрочем, сама Сара Сорда пишет во введении к сборнику, что он представляет собой скорее открытие дискуссии по поставленным вопросам, нежели чем разрешает их.³³ Итак, продолжим дискуссию.³⁴

III. 1. РИМ

III. 1. а. Датирование по верхней дате младшей монеты или по всему монетному комплексу? (по поводу статьи Марии Кристины Молилари)

М. К. Молилари (Molinari 1989) рассмотрела распределение 19 монет по 18 последовательным контекстам (то есть, малым слоям и комплексам, — см. рис. 2) раскопа 1980 года около храма Сатурна на Форо

Романо в Риме, исследованного сорудницей Археологической инспекции Рима Г. Мэтцке (Maetzke). Исходя из верхних (!) дат младших монет из каждого контекста, Молилари попыталась установить (с учетом³⁵ датировок керамики) пределы датирования для каждого контекста. Результат получился «ошеломительным»: *terminus ante quem*³⁷ для всех (!!!) слоев — 1565 год (= год первого упоминания в архивных документах дома, построенного поверх этих слоев); *terminus post quem*³⁸ для начала формирования каждого слоя — верхняя (!?) дата младшей монеты из подстилающего³⁹ слоя. Например, для слоя US-1391 (содержащего монеты, чеканенные в 307—312 гг., 1400 г., 1386—1414 гг., XIV—XV вв., середине XV в., 1455—58 гг. и 1458—64 гг.): *terminus post quem* — 1458 (дата получена из слоя US-1450 с монетами 313, 1414—35 и 1416—58 гг. чеканки), а *terminus ante quem* — 1565 год (Molinari 1989: 17, fig. 4 etc.).

Ясно, что в этих рассуждениях содержится ряд элементарных ошибок:

1. *Terminus post quem* определяется не верхней, а нижней (!) датой младшей монеты (то есть, в нашем случае 1416, а не 1458 год), так как соответствующий археологический контекст мог «закраться» в тот период, когда еще не прекратилась чеканка монет соответствующего облика (типа, варианта и т.д.).
2. *Terminus ante quem* определяется датой не самого верхнего контекста, а датой ближайшего датированного перекрывающего контекста.
3. Абсолютная дата археологического контекста определяется с учетом целой серии параметров, а не только датами младших монет. Так, следует учитывать:
  - пути образования культурного слоя (см. выше, раздел II. 2),
  - структуру всего (!) монетного комплекса как из данного слоя/комплекса, так и из предыдущих (орфография автора — *ред.*) и последующих,

³² La moneta nei... 1989. С благодарностью вспоминаю библиотеку семинара во Frankfurt'e, где я познакомился с этой книгой. Многие из изложенных в нижеследующих разделах мыслей навеяны критической атмосферой семинара профессора Hans'a-Marcus'a von Kaenel'я, в котором мне посчастливилось участвовать.

³³ «I materiali presentati ... i le considerazioni ... suggeriscono ipotesi molto interessanti, che potranno essere successivamente esplicitate e verificate; qui siamo lieti di aver avuto la possibilità di offrirli alla discussione» (La moneta nei... 1989: VI).

³⁴ Нижеследующий текст, по сути своей, является запоздалой рецензией на публикацию итальянских коллег.

³⁵ Правда, лишь для подтверждения монетных датировок: «il materiale ceramico è significativamente concordante», со ссылкой на работы автора раскопок Г. Мэтцке (Molinari 1989: 9).

³⁶ Орфография автора — *ред.*

³⁷ «Предел, до которого», в данном случае — абсолютная дата ближайшего датированного перекрывающего контекста.

³⁸ «Предел, после которого», в данном случае — абсолютная дата ближайшего датированного подстилающего контекста.

³⁹ Исключая те слои, где младшие монеты старше младших монет более глубоких слоев.

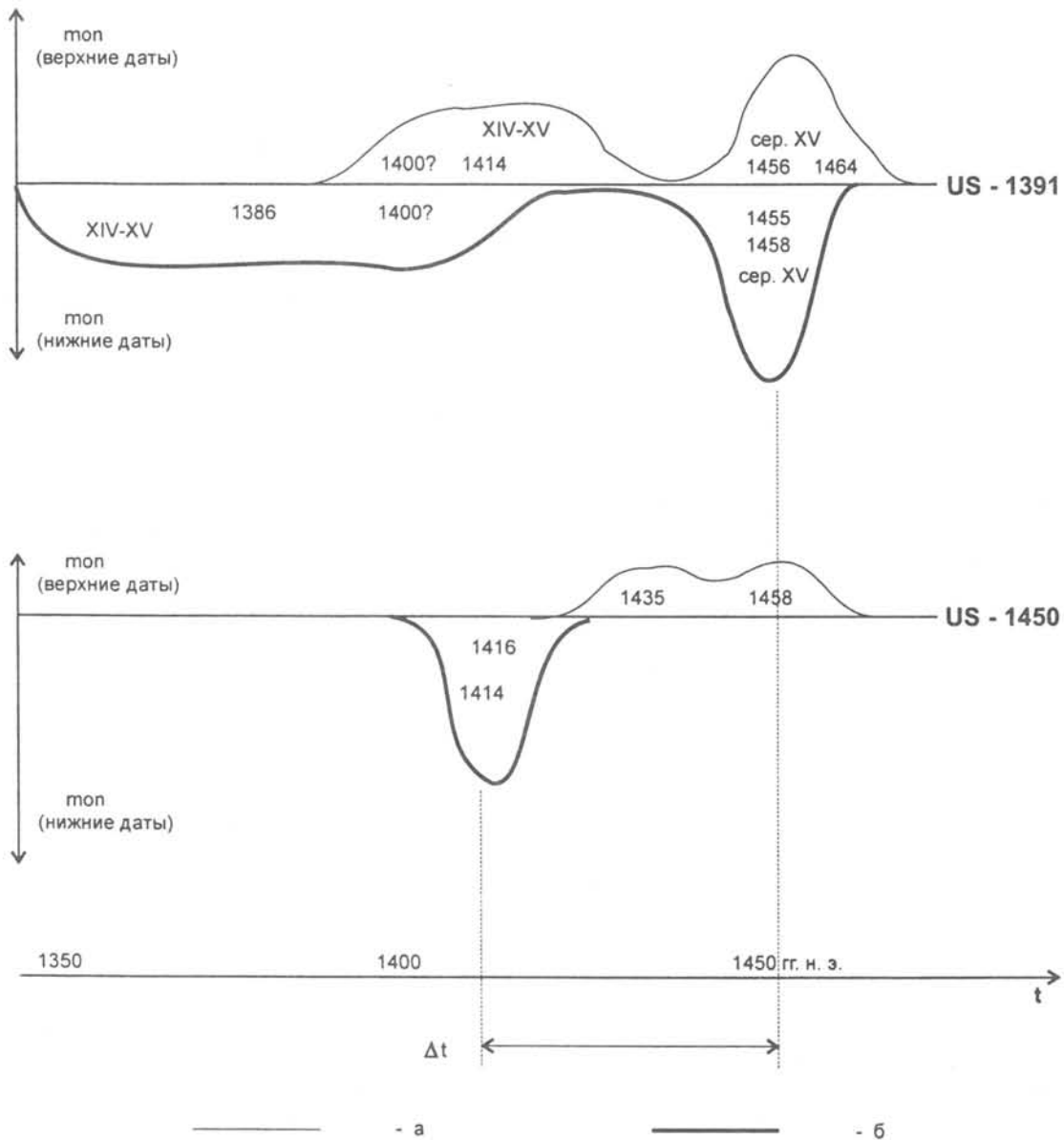

Рис. 7 Верхние и нижние даты монет из слоев US-1391 и US-1450: а — верхняя дата; б — нижняя дата.

Fig. 7 Upper and lower dates of coins from layers US-1391 and US-1450.

— соотношение данных монетных комплексов с общей типологией монетных комплексов и моделью развития монетного обращения на данной территории.

О путях образования культурного слоя Молинари практически ничего не сообщает, анализа структуры монетных комплексов не производит. А между тем, такой анализ в сочетании с принципом «argumentum ex silentio»⁴⁰ дает возможность установить более точный terminus ante quem.

Если принять все это во внимание, то становится отчетливо видно, что структура

комплексов монет из слоев US-1450 и US-1391 весьма различны, в особенности, если придать должное значение нижним (!) датам монет (см. рис. 7). В результате такого перехода от верхних дат, рассматриваемых Молинари, к анализу нижних дат этих же монет — terminus post quem для закрытия слоя US-1450 и начала образования US-1391 омолаживается на 42 (!) года (1416 год вместо 1458 года), в то время как terminus post quem для закрытия слоя US-1391 омолаживается лишь на 6 лет (1458 год вместо 1464 года)!!! Ясно, что образование этих двух слоев разделяет значительный промежуток

⁴⁰ Доказательство по умолчанию источника: в данном случае — если нет признаков более позднего времени, то данный комплекс не может быть датирован этим более поздним временем.

времени (Δt = несколько десятилетий?, между датами 1416... и 1458...), что уже само по себе должно определять соответствующее различие в *terminus ante quem* для обоих слоев. Таким образом, теоретически *termini ante quos* для этих контекстов никак не могут быть одинаковыми.

Итак, ясно, что при более детальном анализе нумизматический материал может дать намного больше информации об абсолютной дате археологического контекста, чем это получилось у Марии Кристины Молинари.

III. 1. б. Римские монеты в средневековых слоях: переотложенный слой или обращение? (по поводу статей Лючии Сагуи, Лидии Пароли и Алеси Ровелли)⁴¹

Три специалиста в различных областях (Л. Сагуи — стратиграфия, Л. Пароли — керамика и А. Ровелли — нумизматика) исследовали результаты раскопок слоев VIII—XVI вв., проведенных в 80-х гг. в театре и крипте Бальба в Риме в районе Марсова поля.⁴² Авторы провели исследование стратиграфии (выделено 17 «периодов»⁴³ и составлена матрица стратиграфической секвенции — Sagui, Paroli 1989: 24 fig. 2), изучили монеты в слоях каждого периода (всего обработано 770 нумизматических объектов (Rovelli 1989: 49), из них определено 208 монет и жетонов и 4 печати (Rovelli 1989: 74) и изучили распределение керамики по слоям (период I: 17 000 фрагментов, периоды VII—XVI — 43 950 фрагментов⁴⁴). Абсолютные даты периодов были определены авторами, исходя из дат младших монет и набора керамики каждого периода (Sagui, Paroli 1989: 26—28).⁴⁵ Все монеты и жетоны в зависимости от соотношения их дат и даты периода, в слое которого

они были найдены, были разделены на «остаточные» («residui»: 101 экз.),⁴⁶ «одновременные» («in fase»: 104 экз.) и «вторгшиеся» («intrusivi»: 5 экз.).⁴⁷ Внимание исследователей привлекли 89 из 101 «остаточной» монеты: дело в том, что эти 89 — это монеты I—VI вв., распределенные по всем (!!!) периодам от VIII до XVI века!

Исследовательницы сопоставили распределение монет (римских и средневековых) с распределением керамики (римской и средневековой) по периодам. В результате этого обнаружилось значительное сходство между распределением монет и распределением керамики римского времени: количество и тех, и других постепенно убывает (Sagui, Paroli: 42 fig. 3). Та же картина обнаружилась и для средневековых монет и керамики (Sagui, Paroli: 42 fig. 4 — постепенное возрастание). На основании этого авторы пришли к выводу, что практически все римские монеты в средневековых слоях (как и римская керамика) происходят из переотложенного слоя. Этот вывод, по мнению авторов, опровергает существующую в литературе гипотезу (Bognetti 1959; Tabacziński 1977 — цит. по А. Ровелли)⁴⁸ о продолжении обращения римских монет III—V вв. в лангобардское⁴⁹ и каролингское время.

Хотя сначала рассуждения авторов кажутся убедительными, но при ближайшем рассмотрении возникают следующие сомнения:

1) Если монеты I—VI и, частично, VII вв. происходят из переотложенного слоя, то соотношение между различными группами внутри этих монет должно быть, скорее всего, более или менее постоянным, вне зависимости от того, в слой какого периода они были переотложены: ведь все равно они происходят, вероятнее, из одного и того же «переоткладываемого» слоя. Однако, например, доля монет VI—VII вв. среди всех монет

⁴¹ (Sagui, Paroli 1989; Rovelli 1989). Вкратце та же идея изложена в другой работе: (Rovelli 1993) Пользуюсь возможностью поблагодарить Алесию Ровелли за любезно присланные мне отски ее работ.

⁴² В крипте Бальба в результате раскопок было выделено четыре последовательные фазы: (1) республиканское время; (2) театр и крипта Бальба 13 г. до н. э.—V в. н. э.; (3) функционирование в средневековье этого же здания как укрепления *Castrum Aureum*; (4) разрушение каstrума и строительство церкви св. Кaterины.

⁴³ Периоды VII—XVI (или I—X по новой нумерации, которую я не использую). Любопытно, что в некоторые из этих периодов объединены по несколько (!) разновременных (!!!) слоев (Sagui, Paroli 1989: 31 — для периода I). Методическое обоснование столь странного подхода остаются для читателя неясными.

⁴⁴ По другим периодам авторы не привели данных.

⁴⁵ Вызывает сомнение дата первого периода, так как она основана на дате анонимной печати (датированной по палеографическим данным) (Rovelli, 1989: 85) и дате анонимных квадратных монет (кат. № 100—133). Ясно, что ни то, ни другое не может служить серьезным основанием для абсолютной датировки данного периода. Скорее всего, его дата: вторая половина VII (?) — начало VIII в. н. э.

⁴⁶ Данные о количестве монет взяты мною из таблицы (Sagui, Paroli 1989: 24—25, fig. 2), а не из каталога, где общее число монет на 2 экз. меньше, чем в таблице.

⁴⁷ Совершенно не ясно, по каким критериям выделена эта группа монет.

⁴⁸ Убедительную критику аргументации Табачинского смотри Rovelli 1996: 185. Но несмотря на слабость системы доказательств, сама гипотеза Табачинского представляется мне достойной внимания.

⁴⁹ Впрочем, в более новой работе (1996: 186—7) А. Ровелли признает, что римские монеты обращались в Италии, по крайней мере, до середины VIII в. н. э.

Таблица 2. Соотношение монет VI—VII и III—IV вв.

Table 2. Relationship between 6th—7th century and 3rd—4th century coins.

Период	Дата периода	Соотношение монет VI—VII и III—IV вв.	Пояснения
I	VIII в.	~ 1 : 2	точнее: 1 : 1,857 (9Ж и 1 AR VII в., ¹ 4Æ VI в. и 26 Æ III—IV вв.)
II	рубеж VIII/IX вв.	1 : 3	
III	перв. пол. IX в.	1 : 4	
IV	втор. пол. IX в.	1 : 4,5	
V	X в.	1 : 6	
VI	рубеж X/XI вв.	—	в слоях этого и последующих периодов есть лишь одна монета VI—VII вв. (в периоде XIV)

¹ Правда для периода I монеты VII века отнесены авторами не к разряду «residui», а к разряду «in fase». Впрочем, это мало влияет на оценку приводимых мною цифр.

III—VII вв. неуклонно понижается от I-ого к VI-ому периоду: см. табл. 2.

Это падение доли монет VI—VII вв. можно было бы объяснить постепенным изъятием (орфография автора. — *ред.*) средневековыми людьми этих монет из многократно переотлагаемого (= перекапываемого) этими людьми слоя: изыматься (орфография автора. — *ред.*) эти монеты должны были как раритеты или как металлическое сырье. Но в таком случае они должны были бы выделяться по каким-либо существенным показателям (весу, диаметру) из всей массы переотлагаемых монет III—VII вв. Однако, этого различия между монетами III—V и монетами VI—VII вв. по каталогу А. Ровелли не наблюдается. Следовательно, изъятие монет VI—VII вв. определялось какими-то другими принципами отбора. Это говорит в пользу того, что на протяжении I—V периодов (VIII—X вв.) эти монеты изымались (орфография автора — *ред.*) не как металлическое сырье или раритеты, но по каким-то нумизматическим критериям. Следовательно, почти наверняка монеты VI—VII вв. изымались (орфография автора — *ред.*) не из переотлагаемого слоя, а еще из монетного обращения живой культуры до их выпадения в слой! В то же время (т. е. в VIII—X вв.) монеты III—IV вв. не подвергались столь же интенсивному изъятию, то есть, продолжали обращаться?!

2) Количество римских монет в постоянно переотлагаемом слое должно было медленно сокращаться (см. выше раздел II. 4). Число же обломков римской керамики в том же слое в то же время должно даже медленно увеличиваться из-за дробления при перекапывании. Таким образом, доля римских монет одного периода (высчитанная от количества всех римских монет за все периоды) от более ранних к более поздним периодам должна падать быстрее, чем аналогичный показатель для римской керамики. На рисунке же в анализируемой статье (Sagui, Paroli 1989: 42 fig. 3 — см. рис. 8) мы видим противоположную картину.

Значит, римские монеты попали в эти средневековые слои также и из какого-то иного источника. Скорее всего, это было средневековое монетное обращение.

3) Допустим, что некоторая⁵⁰ доля римских монет попала в средневековые слои из монетного обращения соответствующих периодов.⁵¹ В таком случае:

а) Эти римские монеты должны были выпадать в слой с интенсивностью близкой (точнее: постепенно уменьшающейся)⁵² к интенсивности выпадения средневековой керамики в соответствующие слои. Действительно, при принятом нами допущении, количество обращающихся римских монет не увеличивается (точнее: медленно сокращается) и они выпадают в слой с интенсивностью, определяемой в первую очередь путем образования данного культурного

⁵⁰ При том, что, конечно, значительная доля римских монет в средневековых слоях происходит из переотложенного римского слоя — отсюда же, откуда и керамика. То есть, я не спорю с тезисом итальянских исследовательниц, что вместе с керамикой были переотложены и монеты; хочу лишь обратить внимание, что одного этого источника поступления монет в средневековый слой не достаточно, чтобы сформировалась та картина, которую мы наблюдаем.

⁵¹ Принимая данное допущение, я фактически становлюсь адептом гипотезы Боньетти-Табачиньского (см. выше).

⁵² По причине их постепенного вымывания из обращения.

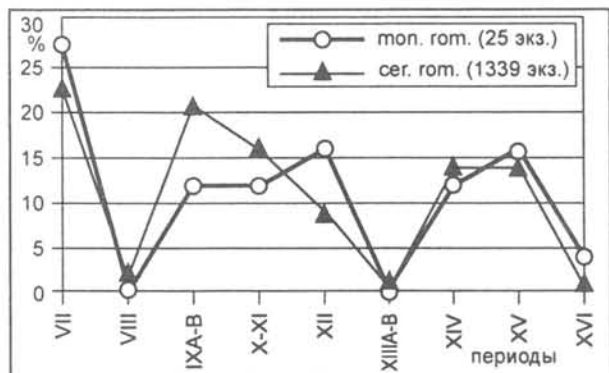

Рис. 8 Римские монеты и керамика в средневековых слоях

Fig. 8 Roman coins and ceramics in medieval layers.

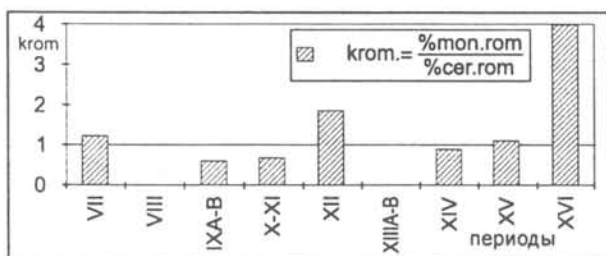

Рис. 9 Соотношение римских монет и римской керамики.

Fig. 9 Proportions of Roman coins and Roman ceramics.

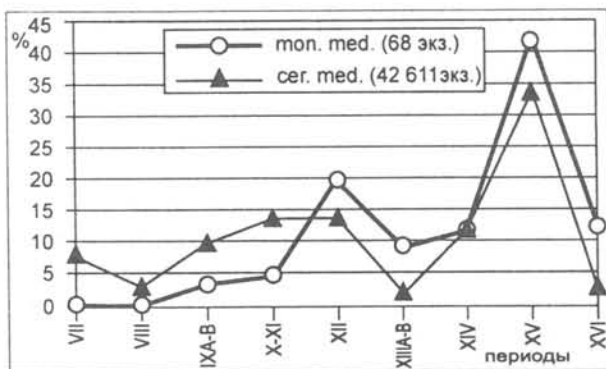

Рис. 10 Средневековые монеты и керамика по слоям.

Fig. 10 Medieval coins and ceramics according to layer.

слоя (см. выше табл. 1: строительство, запустение, помойка или гибель и т. д.). Тем же фактором, в первую очередь, определяется и интенсивность выпадения в слой средневековой керамики.⁵³ В таком случае, отношение доли (вычисленной от всего количества, т.е. за все периоды) римских монет, приходящейся на отдельный период, к соответствующей доле средневековой керамики ($k_{rom.med} = \% \text{ mon. rom.} : \% \text{ cer. med.}$) должно быть близко к единице (точнее: сначала — чуть больше, затем — чуть меньше). Расчеты дают близкую к теории картину: рис. 11 — сплошная линия по точкам).⁵⁴

б) Интенсивность выпадения средневековых и продолжавших обращаться римских монет должна изменяться более или менее одинаково. Выпадение средневековых монет в слой было особенно интенсивным в периоды XII—XVI (Sagui, Paroli 1989: 42, fig. 4 — см. рис. 10). Можно постараться определить, какие из найденных в средневековых слоях римских монет попали в слой из средневекового обращения, а какие — действительно из перерабатываемого позднеантичного слоя вместе с римской керамикой. Так, существенное увеличение доли римских монет по сравнению с долей римской керамики (то есть, когда $k_{rom} > 1$ — см. рис. 9) для отдельных периодов должно соответствовать увеличению доли римских монет, попавших в средневековый слой не вместе с римской керамикой из перерабатываемого позднеантичного слоя, а из средневекового обращения. Действительно, для периодов XII и XV—XVI $k_{rom} > 1$, а для периода XIV $k_{rom} = 0,9$ (что тоже не мало).⁵⁵

Итак, тщательный анализ структуры монетных комплексов и тенденций их изменения от слоя к слою на фоне данных по керамике, собранных Пароли, приводит к несколько иным выводам. Следует признать, что материалы Сагуи-Пароли-Ровелли доказывают как раз обратное, чем то, что утверждают авторы. А именно: следует признать, что значительная доля римских

⁵³ При этом, правда, ее «количество» в живой культуре не постоянно.

⁵⁴ Уменьшения значения $k_{rom.med}$ от ранних периодов к поздним не происходит, вероятно, потому, что оно компенсировалось усилением выпадения монет в слой на этом участке за то же время (ср. резкое увеличение выпадения средневековых монет). Причиной тому могла быть возможная интенсификация монетного обращения в данном месте в XIII—XV вв.

Большая доля римских монет, чем доля средневековой керамики (точнее: большое значение $k_{rom.med}$), для периода VII (первая половина XI в.) может быть действительно объяснено попаданием римских монет в этот слой из подстилающих раннесредневековых слоев. Так, во-первых, слой VII-ого периода сильно нарушили предыдущие (орфография автора — *ped.*) слои (Sagui, Paroli 1989: 44 «movimenti di terra effettuati (...) al momento della costruzione dell'impianto termale»), во-вторых, отношение доли римских монет к доле римской керамики (k_{rom}) из слоя этого периода близко к единице (то есть, они могли попасть в слой из одного источника).

⁵⁵ Низкое (= 0) значение k_{rom} для периода XIII (см. рис. 9) объясняется общей малой информативностью слоя этого периода: в частности, этот слой содержит самое малое количество средневековой керамики (2 % от всей средневековой керамики в слоях VII—XVI).

монет из слоев VIII—IX вв. (что не столь неожиданно) и X—XV вв. (что весьма неожиданно) попали в эти слои не из переотложенного римского слоя, но из средневекового обращения.

Впрочем, эти выводы не входят в противоречие с представлениями о средневековой монетной чеканке: в Западной Европе в период с VII по XVI в. медная монета практически не чеканилась (если исключить монеты, чеканенные во время крестовых походов в центральном и восточном Средиземноморье). А представленные в каталоге Ровелли римские монеты — это исключительно медные монеты и в основном совсем небольшого веса (1—2 грамма). Таким образом, скорее всего, эти римские монеты выполняли в средневековом обращении функцию мелкой разменной монеты до тех пор, пока не была возобновлена чеканка меди.

Действительно, среди римских и византийских монет I—VII вв., найденных в данном раскопе, имеется несколько монет с весом более 4 граммов. Их всего 9 экз., и найдены они только в ранних слоях (= до нач. XII в.). Их доля от общего количества монет I—VII вв. весьма незначительна: см. табл. 3 на с. 394.

Из средневековых монет имеется лишь одна с весом более 4 граммов, и тоже в V периоде. Таким образом, распределение более тяжелых монет говорит в пользу предложенного выше объяснения.

Таблица 3. Доля тяжелых монет среди римско-византийских монет.

Table 3. Proportion of heavy coins among the Romano-Byzantine specimens.

Период	Дата периода	Доля монет с весом более 4 г. среди всех монет I—VII вв.	Число монет I—VII вв. с весом более 4 г.
I	VIII в.	1/10	4
II	рубеж VIII/IX вв.	—	нет
III	перв. пол. IX в.	1/3	2
IV	втор. пол. IX в.	1/11	1
V	X в.	1/9	1
VI—VIII	кон. X—кон. XI вв.	—	нет
IX A	нач. XII в.	S	1

III. 2. ОСТИЯ

Потерянные деньги и разбитая посуда (по поводу статей Арчера Мартина и Сюзанны Зильберштейн-Тревизани)

А. Мартин, выступая в качестве кабинетного археолога («come archeologo da laboratorio») (Martin 1989: 107) и С. Зильберштейн-Тревизани как нумизмат сравнили стратиграфическое распределение датированного материала на двух раскопах в Остии (Martin 1989; Silberstein Trevisani

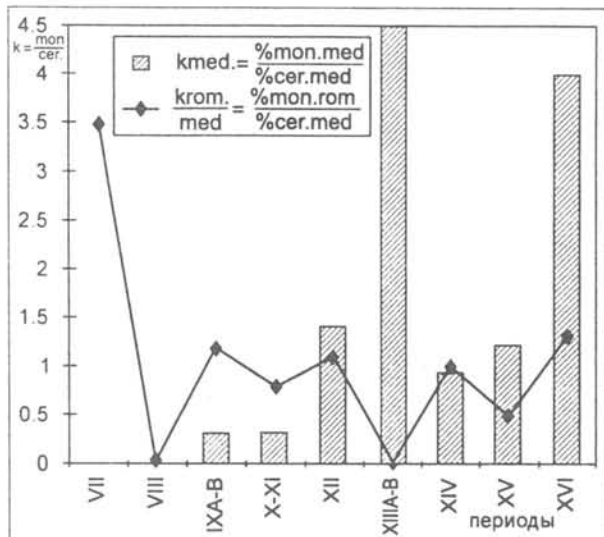

Рис. 11 Соотношение римских и средневековых монет со средневековой керамикой в средневековых слоях.

Fig. 11 Relationship between Roman and medieval coins and those with the medieval ceramics in medieval layers.

1989). Результаты оказались различными: если в первом раскопе (l'ambiente I delle terme del Nuotatore) даты, полученные по монетам, моложе дат, полученных по керамике лет на 10—30, то во втором (раскопки 1971—72 гг. таверны около западных ворот укрепления) наоборот: керамические даты были моложе нумизматических на 100—200 лет!!

III. 2. а. «Старая» столовая керамика, «молодые» амфоры и «умная» канализация (на примере раскопа в terme del Nuotatore)

В этом раскопе был открыт канализационный канал, связанный со зданием терм, для которого было выделено три фазы. Даты младших из обнаруженных в каждом слое монет чрезвычайно близки к датам, полученным по керамике (см. табл. 4). Это не удивительно, так как в канализацию закатывались (и не находились) монеты на протяжении всего времени ее существования, также, как

Таблица 4. Даты фаз терм Нуотатора по керамике и монетам¹.

Table 4. Dates of phases of Nuotator's terms according to ceramics and coins.

Фаза	Историческая активность	Количество найденных монет	Нижние даты найденных монет	Даты по наиболее позднему фрагменту столовой керамики	Примерная разница между датой по монете и датой по керамике
Поздняя (IA—IB)	разрушение канализации	5	II в. <?> ² 161 167 175 232	230/240	- 5 лет
Средняя (IC)	прекращение использования канализации	2	220 232	ок. 200	+ 30 лет
Ранняя (II A)	Использование канализации	17	9 г. до н. э. 71 г. н. э. 72 81 128 161 164 164 164 171 175 176 181 183 186 187 196	III в.	- 10? лет

¹ Обозначения: Курсивом даны серебряные монеты (E), жирным шрифтом даны даты младших монет.

² В тексте статьи (Martin 1989: 108) эта монета не упоминается, но в таблице (Martin 1989: 109) она обозначена как «contestuale» («укладывающаяся в принятую датировку»).

постоянно попадали туда и обломки керамики.

А. Мартин разделил всю керамику на три категории: «datante» («датирующая»), «contestuale» («укладывающаяся в принятую датировку») и «residua» («уже не производящаяся в данное время»). Если, пользуясь данными Мартина, сравнить процентное распределение обеих групп датированной керамики (столовой керамики и амфор) по этим трем категориям (см. табл. 5), то оказывается, что основная масса фрагментов столовой керамики тяготеет к тому, чтобы попасть в категорию «contestuale», а фрагментов амфор — в категорию «datante». То есть, столовая керамика явно в массе своей (именно в массе!) в данном случае дает более заниженные даты, чем амфоры: очевидно, столовая керамика дольше использовалась. Любопытно, что обе категории керамики (и амфоры, и столовую керамику) объединяет некоторая закономерность: в ранней фазе разрыв между датой фазы и датами основной массы керамики наименьший (в таблице в обоих случаях максимум находок сдвинут влево), в средней фазе разрыв наибольший (в

таблице в обоих случаях максимум находок сдвинут вправо), в поздней фазе — разрыв средней величины. Это перекликается с наблюдением о разнице между датировкой по монетам и по керамике, сделанным выше (табл. 4, последний столбец). Ясно, что разрыв между датой слоя и датами основной массы керамики определяется не только типом керамики, но и характером слоя.

III. 2. б. «Омлаживающая» керамика или удревняющие монеты? (Раскопки таверны в regio I, insula X,3)

В результате работ сотрудников Института археологии университета г. Рима в 1971—72 гг. в раскопе на месте римской таверны около крепостной стены в Остии было выделено 10 строительных фаз (Martin 1989: 112, 118—119; Silberstein 1989: tab. A). Из них первые три относятся к периоду активного функционирования крепостной стены и в статьях итальянских коллег не рассматриваются. Четвертая и пятая фазы — это время существования жилых построек; с шестой по девятую — время суще-

Таблица 5. Распределение керамики по датирующим категориям и фазам канала

Table 5. Distribution of ceramics according to dating categories and phases of the canal.

Фаза	Фрагменты столовой керамики				Фрагменты амфор			
	всего	datante	contestuale	residua	всего	datante	contestuale	residua
Поздняя (IA—IB)	122 фрагмента (100%)	25,41%	47,54%	27,05%	22 фрагмента (100%)	50%	50%	—
Средняя (IC)	103 фрагмента (100%)	1,94%	67,96%	30,10%	4 фрагмента (100%)	25%	50%	25%
Ранняя (IIA)	44 фрагмента (100%)	2,3%	90,8%	6,9%	6 фрагментов (100%)	66,7%	33,3%	—

ствования таверны на том же месте. Место это было, видимо, достаточно многолюдным, так как располагалось около крепостной стены несколько южнее западных ворот. Следовательно, циркуляция монет в этой таверне могла быть весьма интенсивной.

А. Мартин определил дату каждой фазы, исходя датирующих эти слои наиболее поздних фрагментов керамики. При этом оказалось, что в разряд «datante» («датирующая») попало чрезвычайно мало керамики — всего лишь около 1% при достаточно репрезентативной выборке. Основная же масса керамики оказалась в категориях «contestuale» («укладывающаяся в принятую датировку») и «residua» («уже не производящаяся в данное время»). Таким образом, вся хронологическая схема А. Мартина оказалась как бы приподнятой над датами основной массы керамических фрагментов: так, для фаз 5—9 она определена лишь по 16 фрагментам (всего же в слоях этих фаз найдено 2192 фрагмента столовой керамики и 430 фрагментов амфор). Даты же, полученные в результате анализа монет, дают еще больший разрыв во времени между датами наиболее поздних фрагментов керамики: минимальный разрыв в датах, соответственно, для периодов 5—9 достигает 60, 180, 40, 150, 100, 200 и 20 лет (см. табл. 6). Таким образом, получается, что монеты отстают от дат по керамике минимум на 93 года в среднем! Такие наблюдения способны подорвать доверие к датирующим возможностям монет вообще.

На мой взгляд, эти несоответствия в датах легко устранить, если предположить следующий характер жизнедеятельности на данном месте в римское время.

1. Примечательно, что монеты, чеканенные до 67 г. до н. э., составляют во всех

слоях обособленную хронологическую группу со стабильным составом (со временем чеканки от IV в. до н. э. до 89 г. до н. э.): действительно (см. табл. 7 и рис. 3), в то время как от фазы к фазе доля монет, чеканенных во второй половине I в. до н. э.—I в. н. э., постепенно сокращается, — эта группа монет присутствует в слоях всего изучаемого периода (фазы 4, 5.1, 6.1, 7, 8, 9). При этом они происходят преимущественно из нивелировочных слоев и ям. Скорее всего, эта группа монет происходит из какого-то переотложенного слоя, может быть, слоя, связанного с возможными разрушениями в Остии, произошедшими в результате катаклизмов 80—60-х гг. до н. э. (например, в результате известного нападения киликийских пиратов на Остию незадолго до 67 г. до н. э.).

2. В этом месте (в период фаз 6—8) не проводилось каких-либо регулярных уборок мусора с земляного пола, и фрагменты постоянно бившейся посуды (это таверна!) постепенно втоптывались в слой. Таким образом, самые поздние фрагменты керамики датируют не начало, а конец периода использования того пола, в который они втоптаны. Монеты же, постоянно теряясь в большом количестве (таверна!), не успевали оказаться втоптанymi в пол, так как их почти сразу же и находили. Когда же мусора накапливалось слишком много, а неровности в полу оказывались слишком большими, поверхность пола нивелировали подсыпкой новой земли.⁵⁶ И в этот момент под слоем новой земли (точнее внутри него) оказывались только что потерянные, но еще не успевшие стать подобранными монеты. При этом, если подсыпанный слой был весьма тонким, то в дальнейшем втоптываемая в него керамика следующего периода могла «встретиться» с этими монетами. В

⁵⁶ По предлагаемым мною передатировкам фаз, такие нивелировки случались не реже, чем раз в 20—30 лет (табл. 7).

Таблица 6. Передатирование фаз таверны.

Table 6. Redating of phases of the tavern.

Номер фазы	Дата фазы по А. Мартину	Скорректированная дата фазы (II. III.)	Дата наиболее молодых монет	Дата наиболее молодых фрагментов керамики	Комментарий	
9	втор. пол. IV—нач. V в. н. э.	~ перв.—втор. треть IV в. н. э.	337	сер. IV в. н. э.		
8	кон. III—IV в. н. э.	~ II—нач. IV в. н. э.	104	IV—V в. н. э.		
7	~ III в. н. э.	~ II в. н. э.	96	время Северов		
6.2	время Траяна—кон. II в. н. э.	~ посл. четв. I в. н. э.—нач. II в. н. э.	42	кон. II в. н. э.	«преждевременно» разбившиеся сосуды	
6.1	время Траяна	~ третья четв. I в. н. э.	41 г. н. э.	80-е гг. н. э.		Дата фазы у А. Мартина рассчитана на основании даты стены!!! (Martin 1989: 114)
5	втор. пол. I в. н. э.	~ перв. пол. I в. н. э.	89 г. до н. э.	кон. I в. н. э.		Любопытно, что в этом же слое найден и фрагмент амфоры, датирующийся сер. II в. н. э. (Martin 1989: 113) ¹
4	время Августа	сер. (?)—втор. пол. I в. до н. э.	91 г. до н. э.	время Августа		

¹ Видимо, эта амфора также относится к «преждевременно разбившимся сосудам». Забавно, что принимая завышенную дату для фазы 5 (втор. пол. I в. н. э.) Арчер Мартин недоумевает по поводу отсутствия в этой фазе италийской и южно-гальской сигиллаты, типичной для слоев втор. пол. I в. н. э.: «È curioso notare l'assoluta mancanza di sigillata italica e sud-gallica, normalmente tipiche di contesti della seconda metà del I secolo ad Ostia» (Martin 1989: 114). А между тем этот *argumentum ex silentio* чрезвычайно важен!!!

результате при раскопках эти монеты и керамика из последующего периода попадали в один слой. Такие (то есть в фазах 6.1, 6.2, 7 и 8) монеты датируют начало использования того пола, в основании которого они оказались: их потеря произошла еще в предыдущей (орфография автора — *ред.*) фазе (в самом ее конце). В результате монеты и керамика дают хронологическую вилку для определения дат периода, в котором использовалась данная поверхность.

Итак, основываясь на этих предположениях, я попробовал передатировать фазы так, чтобы исключить противоречия между датами по керамике и датами по монетам. Это оказалось возможным (см. табл. 7) везде, кроме трех случаев (фазы 5 и 6), где можно предположить попадание в слой «преждевременно» разбитых сосудов (если, конечно, исключить возможность перемешивания слоев).

В распределении монет по слоям этого раскопа наблюдаются некоторые интересные закономерности (см. табл. 7).

(1) В слоях фаз 4 и 5 не найдено ни одной монеты в слоях жизнедеятельности (то есть, в слоях 4.2 и 5.2), в то время как в слое ни-

велировки и в яме (4.1 и 5.1) найдено 15 монет ранней хронологической группы (см. выше). Это, конечно, не означает, что до конца 5 фазы (время Августа и династии Юлиев-Клавдиев, когда, в частности, была перестроена и расширена гавань Остии в 42 г.) у обитателей существовавших здесь жилищ совсем не было денег. Скорее всего, условия образования культурного слоя не были подходящими для археологизации монет.

(2) В слоях, оставшихся от времени функционирования таверны (фазы 6—8) наблюдается отчетливая динамика в составе монетного комплекса: если исключить из рассмотрения явно обособленные монеты из предполагаемого переотложенного слоя 67 г. до н. э., то видно, как от слоя к слою постепенно исчезают более старые монеты (см. рис. 8). Данный факт свидетельствует о том, что эти монеты не происходят из какого-то переотложенного слоя, но попали в землю из обращения, структура которого все время изменялась.

(3) В слоях последней фазы 9 в канализации найдено три монеты второй половины II—IV вв., в то время как в слое поверх

Таблица 7. Стратиграфия и датирующие находки раскопа таверны (regio I, insula X, 3) в Остии.

Table 7. Stratigraphy and dating finds in the excavation of the tavern in Ostia (regio I, insula X,3).

Номер фазы	Историческая активность	Дата фазы по А. Мартину	Нижние даты монет, найденных в слоях соответствующих фаз		Скорректированная дата фазы (II, III.)	Керамические фрагменты, даты которых противоречат скорректированным датам фаз		
			чеканенные до 67 г. до н. э.	чеканенные после 67 г. до н. э.		нижняя дата фрагмента по А. Мартину	число фрагментов	% от соотв. категории в данной фазе
9	разрушение таверны и образование мусорного слоя из обломков кровли	втор. пол. IV—нач. V в. н. э.		101 г. н. э. 97 г. н. э. 14 г. н. э.	~ перв.—втор. треть IV в. н. э.		—	
	яма		I в. до н. э.	обломок; 14 г. н. э.; нечитаемая			—	
	канализация			337 г. н. э. обломок; III в. н. э.; 155 г. н. э.; 85 г. н. э.			—	
8	2-ое повышение уровня и использование таверны	кон. III—IV в. н. э.	114 г. до н. э.	104 г. н. э.; 98 г. н. э.; I в. н. э.; 72 г. н. э.; 71 г. н. э.; нечитаемая			—	
	яма		нечитаемая				—	
	починка и функционир. канализации		обломок				—	
7	1-ое повышение уровня и строительство канализации; использование таверны	~ III в. н. э.	I в. до н. э. I в. до н. э. III в. до н. э.	96 г. н. э.; 73 г. н. э.; 73 г. н. э.; 64 г. н. э.; 42 г. н. э.; 14 г. н. э.; 14 г. н. э.	~ II в. н. э.		—	
6.2	строительство земляного пола и использование таверны	время Траяна—кон. II в. н. э.		42 г. н. э.; 40 г. н. э.; 34 г. н. э.; 22 г. н. э.; 7 г. до н. э.; 22 г. до н. э.	~ посл. четв. I в. н. э.—начало II в. н. э.	кон. II в. н. э.	1	9,1% фрагментов амфор
6.1	повышение уровня, строительство (и начало использования?)—II, III.) таверны	время Траяна		41 г. н. э.— 44 г. до н. э.	~ третья четв. I в. н. э.	70/80-е гг. н. э.	4	1,7% фрагментов столовой керамики
	яма		91 г. до н. э.					
5.2	строительство и функционирование 2-го дома	втор. пол. I—нач. II в. н. э.	—	—		кон. I в. н. э.	1	0,3% фрагментов столовой керамики
5.1	повышение уровня	сер. I в. н. э.	89 г. до н. э.; 89 г. до н. э.; 99 г. до н. э.; до н. э.; III в. до н. э.; IV в. до н. э.		~ перв. пол. I в. н. э.			
4.2	строительство и функционирование 1-го дома	время Августа	—	—				
4.1	повышение уровня	время Августа	91 г. до н. э.; до н. э.; III в. до н. э.		сер. (?)—втор. пол. I в. до н. э.			
	яма		5 обломков до н. э.					
2—3	строительство и функционирование оборон. стены	~ 325 г. до н. э.—время Августа	[данных в статье не содержится]					
1	до строительства оборон. стены	до ~ 325 г. до н. э.						

Обозначения: Курсивом даны 2 AR (в периодах 5.1 и 8), жирным шрифтом даны основные периоды и даты младших монет.

Таблица 8. Хронологическое распределение монет по слоям таверны.

Table 8. Chronological distribution of coins according to layers of the tavern.

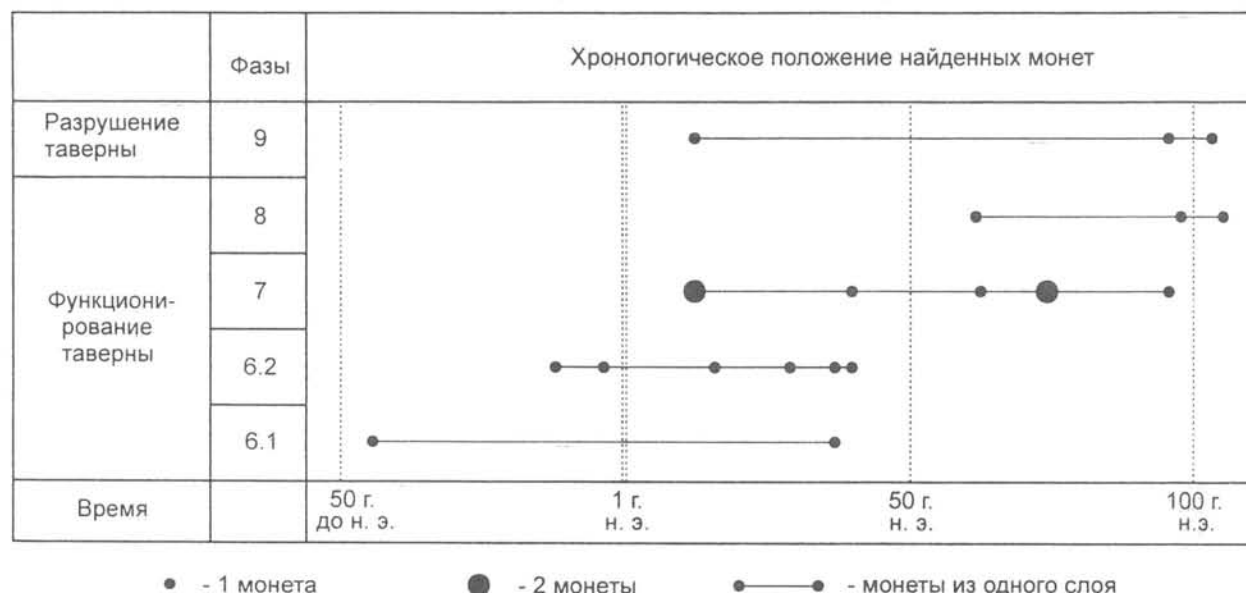

Таблица 9. Числовые значения распределения монет и керамики.

Table 9. Data for distribution of coins and ceramics.

	мон. ром. (25 экз.)	сер. ром. (1229 экз.)	$k_{ром} =$ %мон. ром.:сер.ром.	мон. мед. (68 экз.)	сер. мед. (42611 экз.)	$k_{мед} =$ %мон. мед.:сер.мед.	$k_{ром.:мед} =$ %мон.ром.: %сер.мед.
VII	28	23	1,2	0	8	0	3,5
VIII	0	2	0	0	3	0	0
IXA—B	12	21	0,6	3	10	0,3	1,2
X—XI	12	16	0,7	4,5	14	0,3	0,8
XII	16	9	1,8	19,5	14	1,4	1,1
XIIIA—B	0	1	0	9	2	4,5	0
XIV	12	14	0,9	11,5	12	0,9	1
XV	16	14	1,1	42	34	1,2	0,5
XVI	4	1	4	12	3	4	1,3

пола, в этой же фазе, самая младшая монета чеканена в 101 г. н. э. Так как таверна была заброшена, а не разрушена, монеты из западин и канализации отражают период жизнедеятельности, в то время как монеты из слоя, скорее всего, переотложены из других слоев (7 и 8?).

Итак, отчетливо видно, что керамический материал сам по себе не дает точных дат. Вместе с тем, расхождение между керамическими и монетными датами вполне объяснимо, исходя из традиционных представлений о структуре монетного обра-

нения и дат керамики. Для достижения такого «монетно-керамического» компромисса и передатировки фаз потребовалось: во-первых, рассмотреть характер монетного слоя и структуру монетного комплекса; во-вторых, принять следующие допущения:

1. привлечь гипотезу о факторе преждевременно разбивающихся сосудов (см. выше раздел II. 4);

2. допустить проникновение монет в перекрывающий нивелировочный слой следующего периода.

- Блаватский, В. Д.* 1967. Античная полевая археология // Материалы и исследования по археологии СССР 146. Москва: Наука.
- Корзухина, Г. Ф.* 1954. Русские клады IX—XIII вв. Москва—Ленинград.
- Потин, В. М.* 1974. Нумизматика и памятники архитектуры // Культура средневековой Руси. Ленинград. 1993. Монеты, клады, коллекции. Санкт-Петербург: Искусство.
- Романчук, А. И.* 1991. «Темные века» и Херсон: проблема репрезентативности источников // Византийская Таврика. Киев.
1993. К вопросу об интерпретационных возможностях археологических данных // Научные чтения, посвященные 100-летию со дня рожд. проф. М. Я. Сюзюмова, 21—23 сентября 1993 г. Тезисы докладов: 31—33. Екатеринбург.
- Фомин, А. В.* 1995. Древнерусские денежно-монетные рынки в 70—80-х гг. X в. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования 1992—93 гг.: 63—73. Москва: Наука.
- Шувалов, П. В.* 1989. Этнокультурные процессы на территории Днестро-Дунайского междуречья в сер. I тыс. н. э. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Ленинград.
1997. Классификация монетных находок (на примере поздне римского времени) // Пятая всероссийская нумизматическая конференция, Москва, 21—25 апреля 1997. Тезисы докладов: 19—20. Москва.
1994. Поздне римские и ранневизантийские монеты как основа для абсолютного датирования в археологии // Вторая Всероссийская нумизматическая конференция, 6—8 апреля 1994. Тезисы докладов: 39—40. Санкт-Петербург.
- Янин, В. Л.* 1954. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. Москва: Издательство Московского государственного университета.
- R.-Alföldi, M.* 1978. Antike Numismatik. Mainz: Ph. v. Zabern.
- Bognetti, G. P.* 1959. Il problema monetario dell'economia longobarda // Storia dell'economia italiana (ed. C. M. Cipolla) I: 51—60. Torino.
- Buttrey, T. V.* 1993. Calculating Ancient Coin Production: Facts and Fantasies // Numismatic chronicle 153: 335—351.
- Coins...* 1988. Coins and the Archaeologist. (Ed. by J. Casey, R. Reece). London: Seaby.
- Coins...* 1989. Coins and the Archaeology // British Archaeological Reports International Series 556 (ed. H. Clarcke, E. Schia). Oxford.
- Donderer, M.* 1984. Münzen als Bauopfer in römischen Privathäusern // Bonner Jahrbücher 184: 177—187.
- Esty, W. W.* 1986. Estimation of the Size of a Coinage: a Survey and Comparison of Methods // Numismatic chronicle 146.
- Gedai, I.* 1985. Bemerkungen zum Datierungswert des numismatischen Fundmaterials // Mitt. Arch. Inst. (Bud.) 14: 195—197.
- Gorecki, J.* 1976. Studien zur Sitte der Münzbeigabe in römerzeitlicher Körpergräber zwischen Rhein, Mosel und Somme // Bericht der römisch-germanische Kommission 56 (1975): 182—466.
1979. Auswertungsmöglichkeiten von Münzfunden in römerzeitlichen Gräbern am Beispiel des Nordgallischen Raumes // Studien zu Fundmünzen der Antike (hrsg. von M. R. Alföldi) 1: 29—37.
- Kaminski, G.* 1991. Thesaurus. Untersuchungen zur antiken Opferschmuck // Jahrbuch des Deutschen archäologischen Institutes 106: 63—181.
- King, C. E.* 1979. The Value of Hoards and Site Finds in Relation to Monetary Circulation in the late 3-d and early 4-th Century AD // Studien zu Fundmünzen der Antike (hrsg. von M. R. Alföldi) 1: 79—98.
- La moneta nei...* 1989. La moneta nei contesti archeologici: esempi dagli scavi di Roma // Atti dell'incontro di studio, Roma 1986 (dir. da L. Breglia). Roma: Istituto italiano di numismatica.
- Laing, L. R.* 1969. Coins and Archaeology. London: Weidenfeld & Nicolson.
- Martin, A.* 1989. La datazione di due sequenze stratigrafiche di Ostia: confronto tra monete e ceramica // La moneta nei contesti archeologici: esempi dagli scavi di Roma. Atti dell'incontro di studio, Roma 1986 (dir. da L. Breglia): 107—120. Roma: Istituto italiano di numismatica.
- Mihăilescu-Bîrliba, V.* 1993. Tezaurele monetare. Cercetare și interpretare (with engl. summary) // Studii și cercetări de istorie veche și arheologie 44/1: 53—58. București.
- Mitreă, B.* 1957. La migration des Goths reflétée par les trésors de monnaies romaines enfouis en Moldavie // Dacia NS I.
- Molinari, M. C.* 1989. Il valore e il significato dei rinvenimenti monetari nell'ambito di siti pluristratificati: il caso di via del Foro Romano // La moneta nei contesti archeologici: esempi dagli scavi di Roma. Atti dell'incontro di studio, Roma 1986 (dir. da L. Breglia): 1—20. Roma: Istituto Italiano di numismatica.
- Noeske, H.-Ch.* 1979. Bemerkungen zur Problematik der Siedlungsfunde // Studien zu Fundmünzen der Antike 1: 157—165.
- Reece, R.* 1979. Zur Auswertung und Interpretation römischer Fundmünzen aus Siedlungen // Studien zu Fundmünzen der Antike 1: 175—195.
- Rovelli, A.* 1993. Aspetti numismatici e stratigrafici a Roma tra tardo antico e medioevo: una sintesi sui dati della Crypta Balbi a Roma // Actes du XIe Congrès International de Numismatique 8—13 septembre 1991 II: 385—392.
1989. La Crypta Balbi: I reperti numismatici. Apunti sulla circolazione a Roma nel Medioevo // La moneta nei contesti archeologici: esempi dagli scavi di Roma. Atti dell'incontro di studio, Roma 1986 (dir. da L. Breglia): 49—95. Roma: Istituto italiano di numismatica.
1996. Crypta Balbi: il quadro numismatico // I materiali residui nello scavo archeologico. Testi preliminari per la Tavola Rotonda 16 marzo 1996 — École Française de Rome: 184—188.
- Rythmes...* 1987. Rythmes de la production monétaire de l'antiquité à nos jours. Actes du colloque international organisé à Paris 10—12/I-86 // Numismatica Lovaniensia 7. (Ed. par G. Depeyrot, T. Hackens, et Ch. Mouchaute). Louvain-la-Neuve.
- Sagui, L., L. Paroli.* 1989. La Crypta Balbi: la sequenza stratigrafica // La moneta nei contesti archeologici: esempi dagli scavi di Roma. Atti dell'incontro di studio, Roma 1986 (dir. da L. Breglia): 21—45. Roma: Istituto italiano di numismatica.
- Salamon, M.* 1985. Wczesno bizantjskie emisje konsularne: problem datacji // Wiadomości Numizmatyczne 28 (1984): 1—11.
- Schubert, H.* 1984. Studien zum spätrömischen Münzlauf in Ägypten 1. Folles- und Aes-Schätze aus dem 4. Jh. n. Ch. // Studien zu Fundmünzen der Antike 2: 75—267.
- Silberstein Trevisani S.* 1989. Le monete rinvenute ad Ostia nella taberna presso il muro del castrum (Regio I, Insula X,3) // La moneta nei contesti archeologici: esempi dagli scavi di Roma. Atti dell'incontro di studio, Roma 1986 (dir. da L. Breglia): 121—137. Roma: Istituto italiano di numismatica.

Suchodolski, S. 1983. Numismatique et archéologie. Les avantages de la coopération // *Revue numismatique* 6e sér. XXV: 7—14. Paris.
1995. Numizmatyka i archeologia — korzyści wynikające ze współpracy // *Nunc de Suebis dicendum est. Studia...* J. Kolendo: 231—235. Warszawa.

Tabaczinski, S. 1977. Monete e scambi // *Leciejewicz L. et alii. Torcello: scavi 1961—1962: 271—286.* Roma.
Turek, R. 1987. Možnosti a metody spolupráce numismatiky s archeologií (mit deutsch. Resumée) // *Numismatické listy XLII/ 2: 33—42.*

BETWEEN ARCHAEOLOGY AND NUMISMATICS: COINS IN THE ARCHAEOLOGICAL AND NUMISMATIC

P. V. ŠUVALOV

The article deals with issues concerned with a borderline area between archaeology and numismatics. Special attention is paid to the stratigraphic position of the monetary complex and the formation of its structure with reference to various conditions of monetary circulation and taphonomy.

A new classification of monetary complexes is suggested (sect. II. 2, Table 1). The table shows how the structure of a specific monetary complex is formed under the influence of factors such as monetary circulation, role in the semantics of the living culture, and taphonomic conditions (fig. 1). As seen from the table, three types of monetary complexes can be distinguished:

(1) A single, more or less accurate «cast» of the structure of a certain link in the monetary circulation is a monetary association found in the collapse layer (except for coins collected as scrap) or from the bottom of the make-up layer. Most monetary finds from the settlements belong to this group. Indeed, these are the moments when the growth rate of the cultural deposits is maximal, and extreme conditions promote the large-scale loss of coins and other intact artifacts, which are never retrieved.

(2) The nature of the association from a cache (hoard) is less easy to define. Based on archaeological evidence and on the association itself, without comparing it with a series of similar hoards, one cannot assess either the time of its formation (maybe it was accumulated over a long period) or its purpose (offering, scrap, or actual hoard destined for a special occasion). Hoards from caches in the demolition layer on settlements provide an exception since they are essentially similar to monetary complexes from the collapse layer (see par. 1).

(3) An integral reflection of the history of monetary circulation over a certain period in a certain place is the layer of vital activity («liquid layer», cracks, cesspits), postoccupational layer, rubbish layer, construction layer, sacrificial place; in each of these cases, however, the intensity of the taphonomic processes depends on vastly different factors.

If we assume that coins similar in type and value are minted, introduced and cease to circulate (due to loss, wear, or immobilization) with a constant rate (sect. II. 3), then, proceeding from the structure of monetary circulation (fig. 5: 1—2), it is easy to note the differences in the temporal structure of various associations of coins, such as hoard of rapid circulation (fig. 5: 3), hoard of prolonged accumulation (fig. 5: 4), the entire assemblage of coins from an abandoned but undestroyed settlement (fig. 5: 5), and that from a settlement that had been demolished thrice (fig. 5: 6). Actually, minting and circulation rates are not constant, of course, which affects the circulation structure (fig. 6: 2). The same would apply to associations from layers of a stratified site (fig. 6: 1).

The difference between coins and ceramics as used for dating purposes is as follows:

The date of the coin is the time at which coins of the respective type were first struck. This moment evidently predates the time when these coins began to accumulate in the cultural deposits. If the coins are few, the estimated date may be far too early (see sect. III. 2. b).

The date of the ceramics is the time when it was discarded. It is estimated on the basis of co-occurrence of various types of ceramics, potters' stamps, and co-occurrence with coins in closed associations. Now, coins co-occur

with ceramics only when the latter has been broken, not when it is still being used. The beginning of manufacture of a certain type of ceramics is separated from the time of its co-occurrence with the coins by some interval. Some vessels, however, break too early (before the bulk of the respective pottery begins to break). If the assemblage is dated on the basis of these vessels, the estimated date is younger than the actual one.

Another issue is the behaviour of coins and ceramics in the redeposited layer. Importantly, coins from a layer that has been repeatedly disturbed (as the result of digging, for example) will be gradually extracted from the ground either as valid coins or as souvenirs, amulets, toys, pendants, counters, or scrap. In this case, when there is no movement of coins of that type in the opposite direction, from the living culture into the ground, their number in the cultural layer will gradually diminish, so theoretically they may eventually disappear altogether. The potsherds present in the same layer, however, will behave quite differently (fig. 6: 3 and sect. III. 1. b).

* * *

In the final part of the article (sect. III, tables 2—9, figs. 2; 7—11), a critical analysis of a joint paper by the Italian colleagues is presented,⁵⁷ and specific cases are discussed. The critique is basically as follows:

M. C. Molinari erroneously dates the associations on the basis of the upper rather than the lower date of the coins. Also, the structure of the monetary associations is not used for dating (fig. 7 shows how different these structures are). By ignoring the principle according to which *terminus ante quem* is defined by the date of the closest overlying context, not by that of the uppermost context, Molinari essentially arrives at an absurd conclusion that the hypothetical upper date for all (sic!) contexts coincides with the upper date of the uppermost layer. However, if a more reliable approach is taken, the *terminus post quem* for the closure of context US-1450 and the beginning of formation of US-1391 is 42 years younger than the date suggested by Molinari (1458 vs. 1416), whereas the *terminus post quem* for the closure of context US-1391 is only 6 years younger (1464 vs. 1458, see fig. 7)! Because, clearly, the formation of the two contexts is separated by several decades

(1416-x vs. 1458-x), the *termini ante quos*, too, cannot be the same for these contexts.

Articles by L. Sagui, L. Paroli, and A. Rovelli raise several questions:

(1) If coins struck during various periods from the 1st to the 6th (or even to the 7th) century and found in the medieval layers come from redeposited horizons, then the distribution of coins of various periods is likely to be more or less the same regardless of the date of the layer in which they were secondarily deposited (because the «original» layer is likely to be the same). What we see, however, is that the proportion of 6th—7th century coins gradually decreases from period I to period VI (see Table 2). Also, according to A. Rovelli's catalogue, 3^d—5th century coins do not differ from the 6th—7th century ones either in weight or in diameter. The extraction of late coins, then, must have been due to other causes. If so, people in the 8th—10th centuries (periods I—V) did not view the buried coins as scrap or rarities, but collected them using some numismatic criteria. Consequently, it is possible that 6th—7th century coins were extracted not from a layer that was being redposited but from actual circulation! Could it be that at the same time (8th—10th centuries) coins struck in the 3rd and 4th centuries were not being immobilized with the same intensity, that is, continued to circulate?

(2) The number of Roman coins in a layer that was being constantly redposited should have gradually decreased (see sect. II. 4). The number of fragments of the Roman ceramics in the same layer should even have somewhat increased due to crushing caused by digging. So the proportion of Roman coins of a specific period relative to the total number of all the Roman coins of all periods should have diminished with time more rapidly than the respective index for the Roman ceramics. What the figure in the discussed article shows, however, is the precisely opposite trend (Sagui, Paroli 1989: 42, fig. 3). Roman coins, then, were getting into the medieval deposits from some other source as well. The most likely source is actual circulation.

(3) Let us assume that Bognetti and Tabacziński are right saying that some⁵⁸ Roman coins got into the medieval layers from contemporary circulation. This assumption has several corollaries:

(a) These coins must have been deposited with a progressively decreasing rate close to

⁵⁷ La moneta nei contesti archeologici: esempi dagli scavi di Roma. Atti dell'incontro di studio, Roma 1986/dir. da L. Breglia. Roma: Istituto italiano di numismatica, 1989. 160 pp.

⁵⁸ Of course, many Roman coins in medieval layers got there from the redeposited Roman layer, as did the ceramics. I do not dispute the Italian researchers' view that coins were redeposited together with the ceramics; my point is that this factor alone may not account for the observed pattern.

that of the deposition of medieval ceramics in the same layers. Indeed, if the assumption is correct, the number of circulating Roman coins would not increase (rather, it slowly decreases), and they would deposit with the rate mainly defined by the formation of the respective layer (see table 1 above: construction, post-occupational processes, garbage, destruction, etc.). The same factor also defines the deposition rate of medieval ceramics. If so, the proportion of Roman coins of the specific period relative to the entire number of coins of all periods must be roughly the same as the respective proportion with regard to medieval ceramics (or rather the coin ratio must at first be a little higher and then a little lower than the ceramics ratio). Empirical results (fig. 11, solid line) are close to the predicted pattern.⁵⁹

(b) The rate of change of deposition intensity of medieval coins and that of Roman ones still in circulation must have been approximately the same. The deposition of medieval coins was especially intense during periods XII—XVII (Sagui, Paroli 1989: 42, fig. 4; see fig. 10). One may try and assess which of the Roman coins found in the medieval layers had still circulated prior to deposition and which were redeposited from the Late Classical layer together with the Roman pottery. Indeed, the considerably increased proportion of Roman coins relative to the proportion of Roman ceramics for certain periods must correspond to the increased proportion of Roman coins which had circulated prior to deposition. Indeed, the coin ratio is larger than 1 for periods XII and XV—XVI, and is also large (0,9) for period XIV.⁶⁰

It must be concluded, then, that empirical data published by Sagui et al. demonstrate exactly the opposite of what the authors claim. Specifically, a large number of Roman coins in 8th—9th century layers (which should be expected) and in 10th—15th-century layers (which is quite unexpected) is not due to the redeposition of a Roman layer; rather, these coins had still circulated immediately before deposition.

The article by A. Martin and S. Silberstein Trevisani who address the comparative analysis of dates of the Roman layers obtained on

the basis of ceramics and coins, raises several interesting points.

In the first part, dealing with excavations at Terme del Nuotatore, both categories of ceramics (amphorae and fine ware) display the same regularity: in the early phase, the interval between the date of the phase and the dates obtained for the principal part of the ceramic association is minimal (in the table, the modal class of the distribution of finds is shifted to the left in both cases); in the middle phase, the respective interval is maximal (and the mode is shifted to the right); and in the late phase this interval is medium. This apparently corresponds to the observation concerning the discrepancy between the dates based on coins and ceramics (see above; table 4, last column). Clearly, the interval between the date of the layer and that of the bulk of the ceramics depends not only on the type of ceramics but on the nature of the layer as well (see table 5).

In the second part, focusing on excavations at a tavern in Regio I, insula X,3, the difference between the dates based on coins and those based on ceramics is too large to be acceptable. In my view, the contradiction can be easily removed if certain assumptions are made concerning vital activities at that place during the Roman period:

(1) Notably, all the coins minted before 67 BC form a distinct chronological group the composition of which is similar in all layers (the period of minting extends from 4th century BC to 89 BC); indeed (table 7—8), while the proportion of coins struck in the 2nd half of 1st century BC and in the 1st century AD gradually decreases from one phase to another, this group of coins is present in all the layers of that period (phases 4,1; 5,1; 6,1; 7; 8 and 9). They are found mostly in make-up layers and pits. Apparently, coins of that group come from some redeposited layer possible associated with destructions in Ostia caused by cataclisms of the 80^s—60^s BC, one of these being the well-known assault of Cilician pirates on Ostia shortly before 67 BC).

(2) During phases 6—8, rubbish was evidently not being cleared off the earthen floor,

⁵⁹ Lack of progressive decrease in coin ratio is probably due to the fact that this trend was counterbalanced by increased rate of deposition of coins over the same period (cf. the marked increase in the deposition rate of medieval coins). This might be explained by intensified circulation of coins in the 13th—15th centuries. The larger proportion of coins relative to the proportion of medieval ceramics for period VII (1st half of the 11th century) may be accounted for by the penetration of coins from the underlying early medieval layers. Indeed, deposits of period VII disturbed the earlier horizons to a considerable extent («movimenti di terra effettuati (...) al momento della costruzione dell'impianto termale», see Sagui, Paroli 1989: 44). Also, the proportion of Roman coins is close to that of Roman ceramics, implying that their primary source might have been the same.

⁶⁰ A very low coin ratio (in fact, equal to zero) in period XIII (see fig. 9) is due to the fact that the layer of that period is generally uninformative in that it contains a minimal amount of medieval ceramics (2% its total amount in layers VII—XVI).

and fragments of broken glass ware (one should keep in mind that this was a tavern!) were being gradually trampled into the layer. The youngest fragments, then, mark the end rather than the beginning of the period when the respective floor functioned.

As to the coins, which were being lost in large numbers (because this was a tavern!), they might not have been trampled into the floor as easily, because they were likely to be found soon after having been dropped. After enough rubbish had accumulated [8], and the floor had become too rough, a make-up layer was made. At that moment, coins which had been lost but not found got under the make-up layer, or rather inside it. If the make-up was thin, potsherds trampled into it during the subsequent period might co-occur with these coins. This, indeed, is what excavations reveal. Coins corresponding to phases 6,1, 6,2, 7, and 8, then, mark the beginning of the use of the floor overlying them; actually, they were lost in the very end of the preceding phase. So while ceramics marks the end of the period during which the respective surface was used, coins mark its beginning.

Having made these assumptions, I attempted to redate the phases so as to exclude the discrepancies between dates based on ceramics and those based on coins. The attempt was successful (see table 7) in all cases except three (phases 5 and 6) where it may be suspected that «prematurely» broken vessels got into the layer (provided the layers are not intermixed, of course).

The distribution of coins over the layers in that excavation reveals some interesting regularities (table 7):

While in layers of phases 4 and 5 not a single coin was found in horizons of vital activities (4,2 and 5,2), the make-up layer and the pit (4,1 and 5,1) contained 15 coins of the early group (see above). Clearly, this does not imply that the tenants of the dwellings that existed here before the end of phase 5 (the

time of August and the Julius Claudius dynasty, when the harbour of Ostia was reconstructed and enlarged in 42 BC) used no money. More likely, the taphonomic conditions were unfavourable for deposition.

The monetary association from layers representing the period of the existence of the tavern (phases 6—8) displays a clear-cut trend: if coins from the supposedly redeposited layer of 67 BC, which form an isolated group, are excluded, it becomes evident that older coins gradually disappear (table 8). This demonstrates that before having got into their final context, they did not belong to a redeposited layer. Far more likely, they were still in circulation, the structure of which continuously changed.

A cesspit in layers of the final phase 9 contained three coins spanning the period from the 2nd half of the 2nd to the 4th century. The youngest specimen, which was found in the layer overlying the floor dating to the same phase, was struck in AD 101. Because the tavern was merely abandoned rather than demolished, coins from fissures and cesspits reflect the period of vital activity. In contrast, coins from the layer are likely to have been redeposited from other layers (possibly 7 and 8).

It is evident, then, that the ceramic material per se does not provide clear-cut dates. The discrepancy between dates based on ceramics and those based on coins is easy to explain given the common knowledge concerning the structure of monetary circulation and dates of the ceramics. To reach a compromise between the two categories of finds and redate the phases, one has to examine the nature of the monetary layer and the structure of the monetary association, and make these assumptions:

(1) some vessels break «too early» (see sect. II. 4); and

(2) coins of the earlier period may get into the make-up layer of the next period.

О БАЛТАХ В ЛЕСНОЙ ЗОНЕ РОССИИ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

М. М. КАЗАНСКИЙ*

Присутствие балтских элементов в лесной зоне России в начале средневековья неоднократно отмечалось исследователями. Балтская топонимия хорошо представлена в зоне культуры длинных курганов (Седов 1994: 303), на Северо-Западе она составляет 5% (Агеева 1989: 186), отмечены гидронимы западно-балтского происхождения (Агеева 1989: 199). Балтские украшения, такие как браслеты с расширяющимися концами, спиральные браслеты, гривны присутствуют в погребальном инвентаре псковских длинных курганов III—VII вв. (Александров, Ершова 1992: 19). В этом нет ничего удивительного, балтская экспансия в разных направлениях, в частности в Мазурии и Пруссии, засвидетельствована для III в. археологическим материалом (Godlowski 1980, Godlowski 1981; Кулаков 1994: 14, 23, 31). В данной работе я попытаюсь представить летто-литовские и западно-балтские находки эпохи великого переселения народов происходящие из лесной зоны России и дать их интерпретацию.

Как уже было сказано, балтские металлические изделия отмечены в погребальном инвентаре псковских длинных курганов. В погребальном инвентаре могильников Рысна-Сааре 1 (курган 6), Светлые Вешки, Левоча—Кобоча, Любахин 1 (курган 1) были обнаружены язычки пряжек с широким прямоугольным основанием (рис. 1: 1, 2, 4, 5, 7) (Аун 1992: рис. 52: 7; Корзухина 1978: табл. 14: 10; Пронин 1988: рис. 1: 7; Башенькин 1995: рис. 8: 8). Вне зоны длинных курганов пряжки с такими же язычками происходят с городища Демидовка на Смоленщине (тушемлинская культура) и из могильника рязано-окского типа Борки (рис. 1: 5, 7) (Амброз 1970: рис. 1: 2, 3). Наконец, находка на некрополе колочинского типа Картамышево, в бассейне верхнего Псла (рис. 1: 6), интерпретированная как фибула (Терпиловский 1986: рис. 39: 10), также является по всей видимости язычком массивной пряжки. Пряжки с язычками, имеющими широкое прямоугольное основание особенно хорошо представлены у запад-

ных балтов V—первой половины VI вв. в восточной Пруссии (Aberg 1919: 109; Кулаков 1989: 162). Прототипы их находятся в меровингских и средиземноморских древностях (Merowingerzeit 1995: Taf. 29; Picardie 1986: № 44, 111; Bierbrauer 1975: Taf. 31: 4, 82: 4; Kazanski 1994: fig. 7: 4, 15: 2). Пряжка с трапециевидным основанием язычка из Рысна-Сааре 2 (рис. 1: 8) (Аун 1992: рис. 52: 6) имеет прямые аналоги в Пруссии, на некрополе Тумяны (Кулаков 1989: рис. 35: 2). Прототип этих пряжек подставлен на Дунае, в древностях гепидов, на могильнике Кормадин-Яково (Vinski 1957: pl. 18: 64). Фибула с гарнитурой из колец была найдена на городище Городня на Гдовщине (рис. 1: 11) (Tallgren 1938: fig. 14). Такие фибулы распространяются у прибалтийских финнов в V—VI вв. под влиянием балтов (Аун 1985).

Как мы уже видели, балтские вещи V—VI вв. распространяются в лесной зоне и за пределами территории культуры длинных курганов. Так, на Щербинском городище дьяковской культуры была обнаружена подвеска, аналогичная известным в восточнолитовских курганах V—VI вв. (рис. 1: 9) (Розенфельд 1982: 67: 69). Фасетчатая гривна из Мамекино на Десне (рис. 1: 3) (Корзухина 1978: табл. 3: 4), возможно, также является балтской. По крайней мере такие гривны хорошо известны в кладах Латвии и Эстонии V в. (Корзухина 1978: 59). Но с другой стороны, известны они для того же времени и на Балканах (Miletic 1978: fig. 1). Пряжка с крыльчатым основанием язычка (рис. 1: 13) из Селиксенского могильника в Пензенской области, принадлежавшего древней мордве (Полесских 1962: рис. 4: 5) имеет близкие аналоги в Прибалтике, на литовском некрополе Судата V—VI вв. (Kaczynski 1963: fig. 1). Пряжки из Судаты и Селиксенского могильника принадлежат большой группе изделий с кольцом В-образной формы, удлинненным щитком и язычком с крыльчатым основанием, распространен-

* C. N. R. S.—U. A. 880. Musée des antiquités nationales. 78103. Saint Germain en Laye. France.

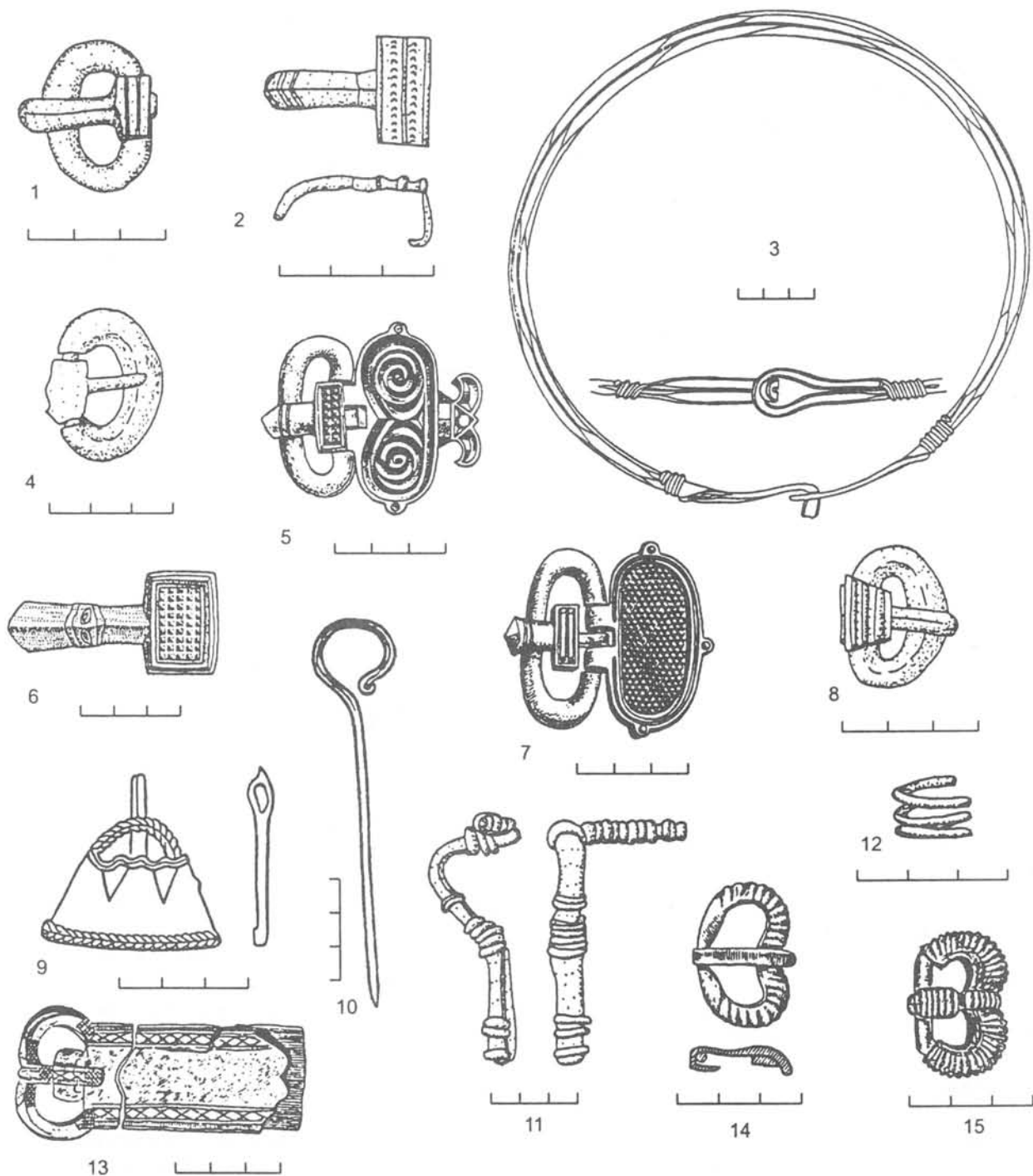

Рис. 1 1 — Левоча—Кобожа; 2 — Рысна Сааре I; 3 — Мамекино; 4 — Любахин I; 5, 10 — Демидовка; 6 — Картамышево; 7 — Борки; 8, 12 — Рысна Сааре II; 9 — Щербинское; 11 — Городна; 13 — Селиксенский; 14 — Полибино; 15 — Усть—Белая IV (по Амброзу 1970, Аун 1992, Башенькину 1995, Каргопольцеву 1994, Корзухиной 1978, Полесских 1962, Пронину 1988, Розенфельд 1982, Седову 1974, Терпиловскому 1986, Шмидту 1970)

Fig. 1 1 — Levocha Kobozha; 2 — Rysna—Saare I; 3 — Mamekino; 4 — Lyubakhin I; 5, 10 — Demidovka; 6 — Kartamyshevo; 7 — Borki; 8, 12 — Rysna—Saare 2; 9 — Shcherbinskoe; 11 — Gorodna; 13 — Seliksenskiy; 14 — Ust—Belaya 4; 15 — Polibino (according to Ambrose 1970; Aun 1992; Bashen'kin 1995; Kargopol'tsev 1994; Korzikhina 1978; Polesskikh 1962; Pronin 1988; Rosenfeld 1982; Sedov 1974; Terpilovskiy 1986; Schmidt 1970).

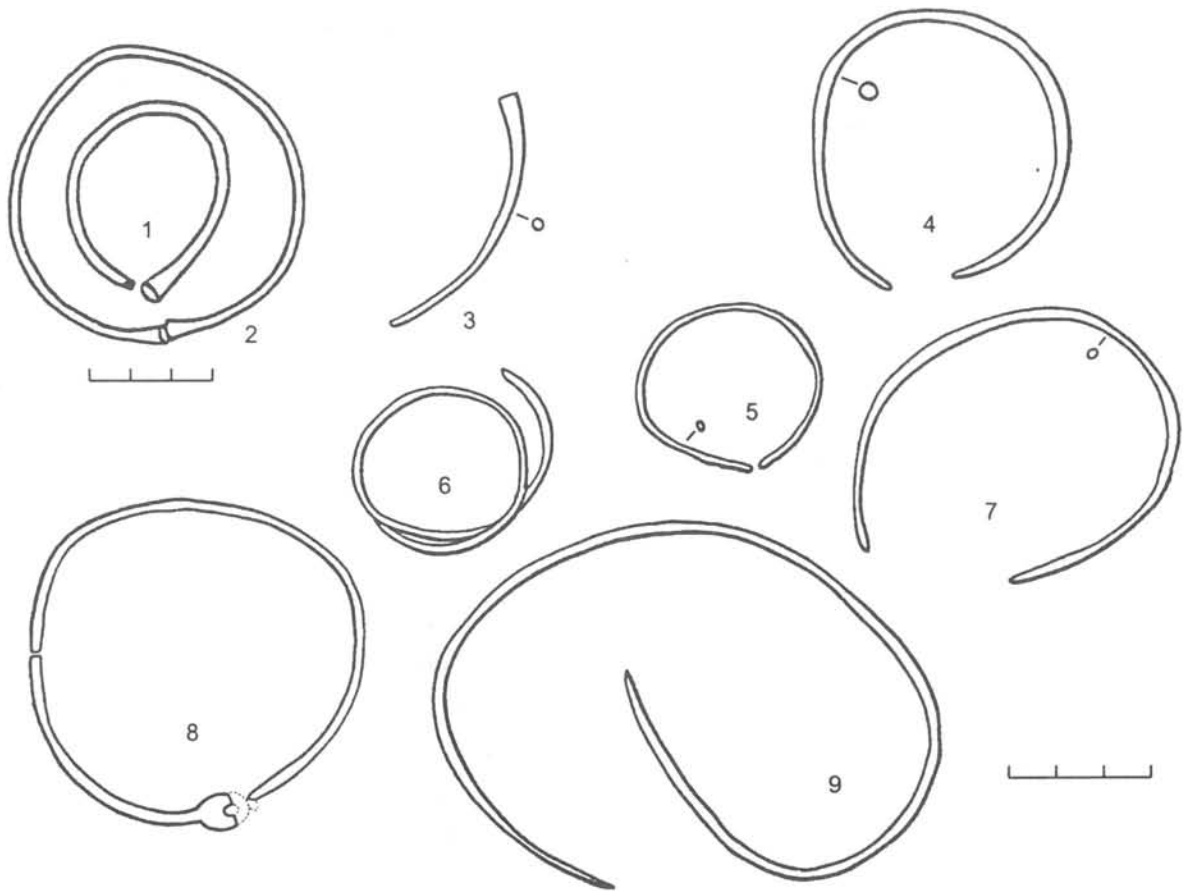

Рис. 2 1, 2 — Демидовка; 3 — Луковня; 4 — Боршево; 5, 7 — Отмичи; 6 — Топорок; 8 — Березняки; 9 — Попадьинское (по Розенфельд 1982, Шмидту 1970)

Fig. 2 1, 2 — Demidovka; 3 — Lukovnya; 4 — Borshvevo; 5, 7 — Otmichi; 6 — Toporok; 8 — Bereznyaki; 9 — Popadyinskoe (according to Rosenfeld 1982; Schmidt 1970).

ной в Юго-Восточной Прибалтике (см. многочисленные примеры: Кулаков 1989).

Многие вещи балтского происхождения из лесной зоны с трудом поддаются датировке. Речь идет о таких украшениях как например посоховидные булавки, существующие до V—VI вв. и найденные на городище Демидовка (рис. 1: 10) (Перхавко 1978: 64). Браслеты с расширенными концами и гравированным декором обнаружены в Полибино, Надпорожье, Съезжем, Репьях (рис. 3: 1, 6, 15, 16), Обрыни, Любахине 1, Бенецком, Шихине, Успенском, Кузьминском, Шатрицах, Безводном, Лукомле, Ульяновке, Курмани, Банцеровщине (Розенфельд 1982: 84, 85; Каргопольцев 1994: рис. 17:19). Они появляются в лесной зоне в поздне римское время (Каргопольцев 1994) и доживают по крайней мере до VII в., как свидетельствует находка в погребении 7 Кузьминского могильника вместе с «антской» фибулой (Спицын 1901: табл. 14: 2, 16: 4). Тем не менее ряд этих находок несомненно принадлежит V—VI вв. Так например браслеты с расширенными концами из кургана Репья (Лебедев 1978) были найдены в одном горизонте с бляшками-скорлупками,

верхняя дата которых VI в. (Седов 1974: 31, 32, 34).

Недавно В. В. Седов обратил внимание на малоизученную категорию украшений, браслетообразные височные кольца (Седов 1994а). Согласно В. В. Седову, распространение этих колец в лесной зоне связано с расселением славян в эпоху великого переселения народов. Такие кольца действительно имеются на славянских памятниках, например на некрополе колочинской культуры Княжий. Имеются они и на памятниках лесной зоны V—VI вв., например на городище Демидовка или на некрополе Безводное (рис. 2) (в погребениях 97 и 150, с вещами характерными для V в.) (Краснов 1980: 181, 182, рис. 40: 3). Однако появляются эти височные кольца в лесной зоне еще в поздне римское время. Так например они известны на поселении Каменная Лава (Лопатин, Фурасев 1995: рис. 2: 1), относящемся к памятникам типа Заозерье (Лопатин 1991). Эти памятники представляют собой вариант культуры типа среднего слоя Тушемли, относящейся к поздне римскому времени. Известны такие кольца и на мощинском горо-

дище Николо-Ленивец (Никольская 1962: рис. 8: 1). Верхнюю дату мощинской культуры принято относить к VII в. (например Седов 1982). На самом же деле, самые поздние вещи на мощинских памятниках относятся к V в., конкретно к периодам Д1—Д2 дунайской хронологии Я. Тейрала (приблизительно 380—410 и 410—440 гг.) (Tejral 1988). Это пряжка с хоботковым язычком из мощинского кургана Кажак (рис. 4: 2) (Булычев 1899: табл. 22: 13) и трехлопастные «гуннские» стрелы с максимальным расширением в средней части пера с Акиншинского городища (рис. 4: 6, 7) (Никольская 1959: рис. 15: 4). К концу IV и к V вв. отнесены пряжки с хоботковидным язычком и в крымской хронологии А. И. Айбабина (Айбабин 1990: рис. 22: 8—11). На городище Серенск была найдена местная Т-образная фибула с трапециевидной ножкой (рис. 4: 5) (Фролов 1970: рис. 1: 1) которую А. К. Амброз отнес к VI—VII вв. (Амброз 1971: 113, рис. 9: 28). Однако эти фибулы существовали уже в V в. Приведем в качестве примера погребение 97 Борковского могильника, где такая фибула найдена вместе с пряжкой с хоботковидным язычком (Спицын 1901: табл. 14: 6, 22: 6). Поздние фибулы окского типа также засвидетельствованы на мощинских памятниках (рис. 4: 3, 4, 9). Но и они существовали уже в IV—V вв., как это видно по находкам в Поречье (Массалитина 1991: 34) и в кургане Каржаки, в последнем случае с уже упоминавшейся «хоботковидной» пряжкой V в. (Булычев 1899: табл. 22: 14). Дунайская фибула типа Гурзуф (Kühn 1974: 727—742; Kiss 1982: 168), происходящая с городища Спас-Перекша (рис. 4: 8) (Никольская 1959: рис. 20: 8), могла бы свидетельствовать о существовании мощинской культуры во второй половине V в. — первой половине VI в. (время появления фибул типа Гурзуф), однако ее связь с мощинскими древностями неясна. Таким образом, у нас есть все основания отнести височные кольца из Николо-Ленивца либо к позднееримскому времени (расцвет мощинской культуры), либо к эпохе великого переселения народов (время ее гибели). Далее, представляется проблематичной и связь браслетообразных колец только со славянами. Согласно сводке В. В. Седова больше всего их найдено в балтских комплексах восточной Литвы (17 памятников, по В. В. Седову), где они появляются в позднееримское время. Таким образом, имеются некоторые основания рассматривать браслетообразные височные кольца в культурах лесной зоны России как признак летто-литовского влияния.

Гривны окского типа, с нанизанными металлическими бусинами и проволоочной обмоткой, довольно широко распространены в лесной зоне (рис. 5: 9—11) (Розенфельд 1982: 59), считаются балтскими (Седов 1987а: 94) или финно-угорскими (Корзухина 1978: 60). У балтов они известны уже для позднееримского времени (Vagnas 1984: fig. 7: 3, 10: 2), но в это же время появляются они и у финно-угров, причем в регионах настолько удаленных на восток (например в Удмуртии) (Семенов 1961: табл. 2: 21; Армагынская 1986: рис. 4: 23), что их исключительно балтская атрибуция представляется сомнительной. Не являются исключительно балтскими и многоспиральные перстни (рис. 1: 12). Уже в III—V вв. они широко распространены у финского населения Эстонии (Аун 1992).

Головные металлические венчики (рис. 5: 1—8), называемые русскими археологами на латышский манер «вайнагами», считаются для лесных культур бесспорно балтским элементом. Дело, однако, представляется сложнее. Головные венчики лесной зоны сделаны из металлических спиралек, соединенных пластинчатыми выгнутыми обоймами. Такие венчики известны для целого ряда памятников лесной зоны позднееримского времени и эпохи великого переселения народов. Можно назвать в качестве примера Мошино, Кузьминский могильник, Шатрици, Луковню, Синьково, Кузнечики, Безводное, Репьи (Булычев 1899: табл. 12: 2, 7; Спицын 1901: табл. 21: 11; Кравченко 1974: рис. 12: 2, 17: 9; Розенфельд 1982: рис. 1: 1—8; Лебедев 1978; Краснов 1980: рис. 22: 1—4). Ранняя датировка венчиков в лесной зоне подтверждается находками в кладе Мощинского городища вместе с балтскими браслетами IV в. и в погребении 67 могильника Безводное с пряжкой типа А по Келлеру, также IV в. Хорошо известны эти венчики и у летто-литовских племен, но появляются они там позднее, к VIII в., например на могильнике Кивты (Зариня 1986: 180, рис. 60в). В более раннее время у балтов доминируют венчики с литыми пластинами, а не с обоймами (Вашкевичюте 1982).

Но как бы там ни было, даже если не принимать во внимание находки окских гривен, многоспиральных перстней и венчиков с пластинчатыми обоймами, балтские, а точнее летто-литовские и западно-балтские вещи отчетливо выступают в материале лесных культур V—VI вв. Более того, есть основания полагать, что некоторые детали костюма западно- или центральноевропейского происхождения попадают в лесную зону России благодаря балтскому посредничеству. Имеются в виду рифленые В-образные пряжки

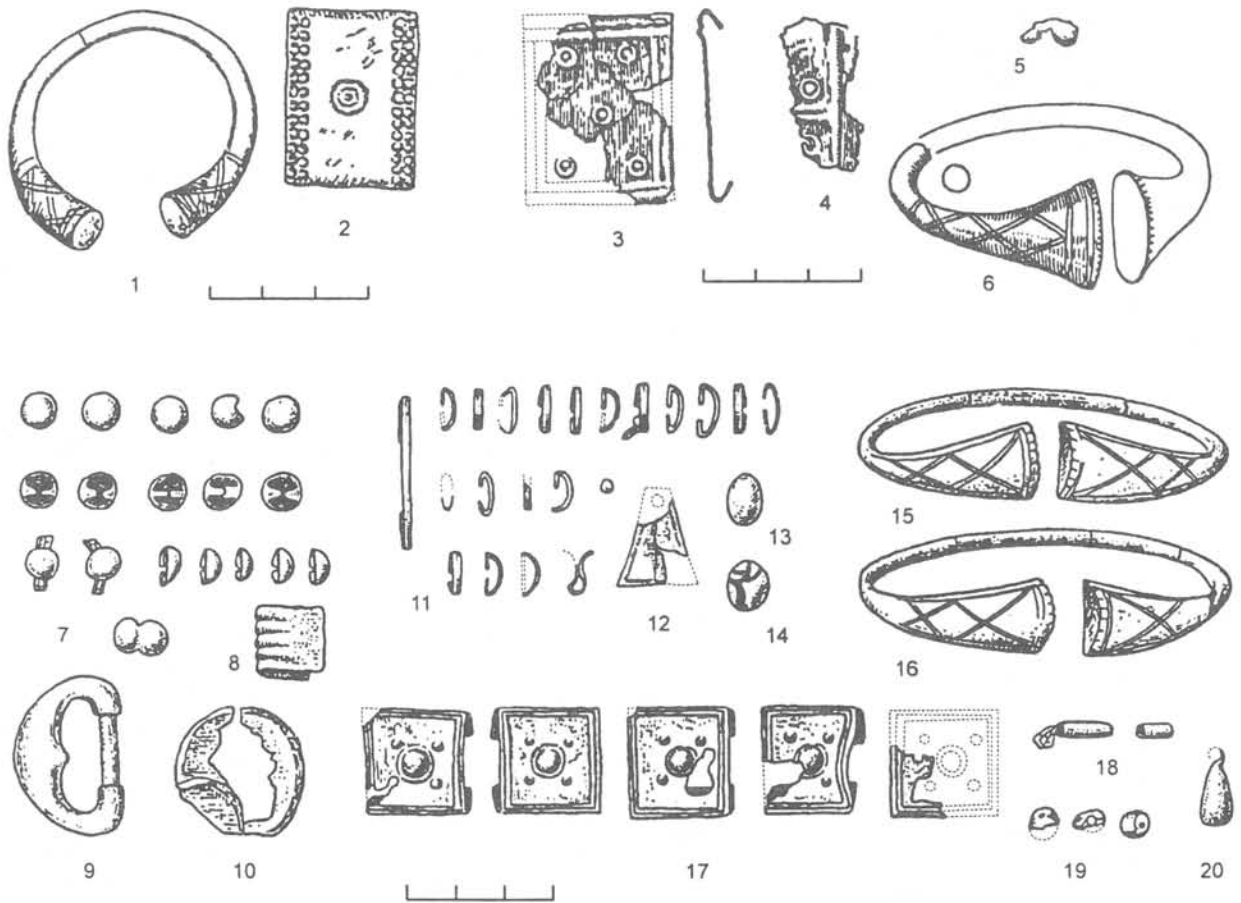

Рис. 3 1, 2 — Любахин 1, курган 3; 3—6 — Полибино, курган 6; 7—20 — Репьи (7—10 — погребение 1, 11—14 — погребение 2, 15—20 — погребение 3) (по Башенькину 1995, Лебедеву 1978, Седову 1974)

Fig. 3 1, 2 — Lyubakhin 1, Kurgan 3; 3—6 — Polibino, Kurgan 6; 7—20 — Relyi (7—10 — burial 1, 11—14 — burial 2, 15—20 — burial 3) (according to Bashen'kin 1995; Lebedev 1978, Sedov 1974).

V—начала VI вв., сравнительно недавно изученные И. А. Бажаном и С. Ю. Каргопольцевым (рис. 1: 14, 15) (Бажан, Каргопольцев 1989). Как предположил И. Вернер, в Северо-Западную Россию эти пряжки попадают через Литву (Werner 1981: 700).

Сложнее выделить в лесной зоне оружие балтского происхождения. Дело в том, что новые типы оружия очень быстро передавались от одного народа к другому и таким образом теряли этническую окраску. Тем не менее можно назвать несколько находок, латто-литовское или западно-балтское происхождение которых представляется бесспорным. Назовем топор литовского типа со щечками, найденный в длинном кургане на могильнике Усть-Белая, прямые аналоги которого известны в литовских комплексах V—VI вв., таких как Рекучай или Таврапилас, курган 6 (Каргопольцев 1994: 67, 68). Копья типа 2 по Казакевичюсу были обнаружены на тушемлинских городищах Близнаки и Демидовка (рис. 6: 4) (Хомутова 1982: 27, рис. 1: 1008; Шмидт 1970: рис. 3: 3). В Литве такие копья отнесены к V—

VII вв., а в Латвии и Скандинавии они имеют более широкую дату — III—VII вв. (Казакевичюс 1988: 36—41, рис. 13: 9). Такие же копья известны у прибалтийских финнов в Эстонии и Финляндии (Tallgren 1926: fig. 19; Appelgren-Kivalo 1907: pl. 1: 7), а также на меровингском Западе (Menghin 1983: 208, № 33, Abb. 2; 244, № 91, Abb. 19). Некоторые двушипные копья типа 7 по Казакевичюсу, найденные на Демидовке, в Шатрицах, в Сууре-Рысна (рис. 6: 5) (Шмидт 1970: рис. 3: 2; Кравченко 1974: рис. 35; Аун 1992: рис. 53), судя по овальной форме пера, явно происходят с Запада. Возможно, что в лесную зону России они попадают из Литвы и из балтского белорусского Понеманья, где этот тип оружия хорошо известен (Казакевичюс 1988: 55—57; Гуревич 1962: рис. 52: 3). Встречаются такие копья и в Финляндии, а также в Скандинавии (Pihlman 1988: fig. 1). Обычно они датируются V—VIII вв., однако С. Ю. Каргопольцев предлагает, на основании финляндской находки Мерола 3, отнести их к IV—началу VI в. (Каргопольцев 1994: 74).

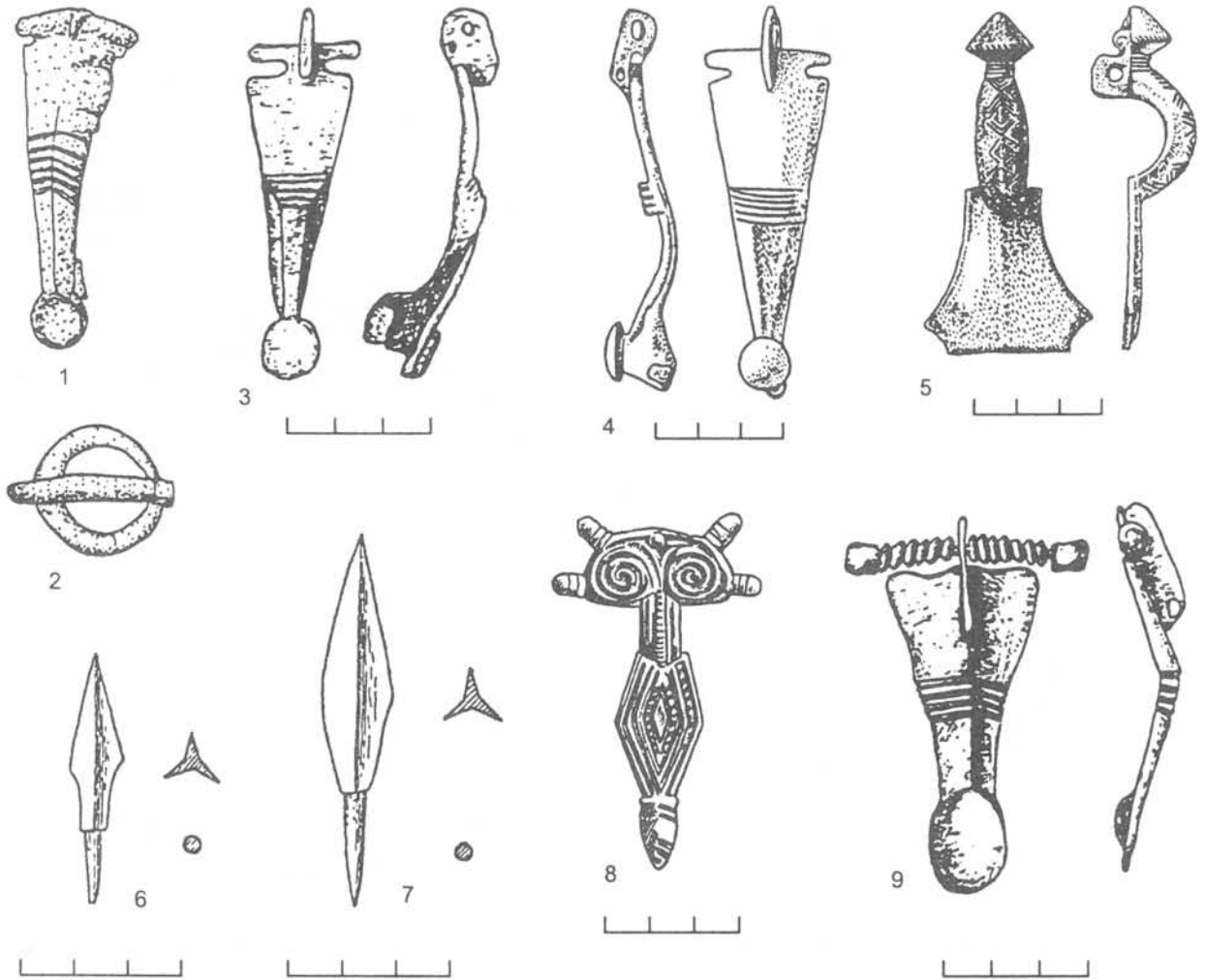

Рис. 4 1, 2 — Кажак; 3 — Огубское; 4, 5 — Серенск; 6, 7 — Акиншинское; 8 — Спас—Перекаша; 9 — Поречье (по Амброзу 1970, Бульчеву 1899, Массалитиной 1991, Никольской 1959, Фролову 1970)

Fig. 4 1, 2 — Kazhaki; 3 — Ogubskoe; 4, 5 — Serensk; 6, 7 — Akinshinskoe; 8 — Spas—Pereksh; 9 — Porechye (according to Ambrose 1970; Bulychev 1899; Massalitina 1991; Nikol'skaya 1959; Frolov 1970).

Но самая показательная находка происходит из Ижорского региона. Речь идет о кургане 45 могильника Доложский погост (Спицын 1896: 5, 109, табл. 18: 7, 16, 26). В кургане обнаружены остатки трупосожжения, перекрытые умбоном типа Либенау с «жемчужным» декором по краю поля. Кроме того в погребении найдены втульчатое копье с ромбическим пером и кольчатые удила с трехчастными грызлами (рис. 6: 1—3). Дата погребения, как мы увидим далее, V в. Погребение было ошибочно отнесено к культуре длинных курганов (Кузьмин 1991: 90), однако, С. Ю. Каргопольцев совершенно справедливо указал на литовские параллели погребального обряда (смотри Вижай 2: Каргопольцев 1994: 66), а мною в свое время было показано литовское происхождение и самого умбона из Доложского погоста (Kazanski 1991).

В самом деле, за редчайшими исключениями, умбоны с «жемчужным» декором известны в первую очередь в Литве и в пролегающих районах Белоруссии. Они представлены в Черной Луже, Григишкесе, Киркштонисе, Памусисе, Таврапиласе, Версекелае, Вижяе (Kazanski 1991: fig. 4—6). За пределами балтской зоны мне известны, помимо умбона из Доложского погоста, лишь одна находка позднеримского времени в Норвегии и одна во Фландрии (Ilkjaer 1990: fig. 189; Kazanski 1991: fig. 3). Восходят умбоны с «жемчужным» декором к редким позднеримским образцам из Скандинавии (Raddatz 1987: Taf. 79: 2), где, однако, этот тип оружия не привился. Умбоны с острым шипом типа Либенау характерны для эпохи переселения народов и окончательно исчезают к рубежу V—VI в. (Kazanski 1994a: 446), что и определяет дату погребения в Долож-

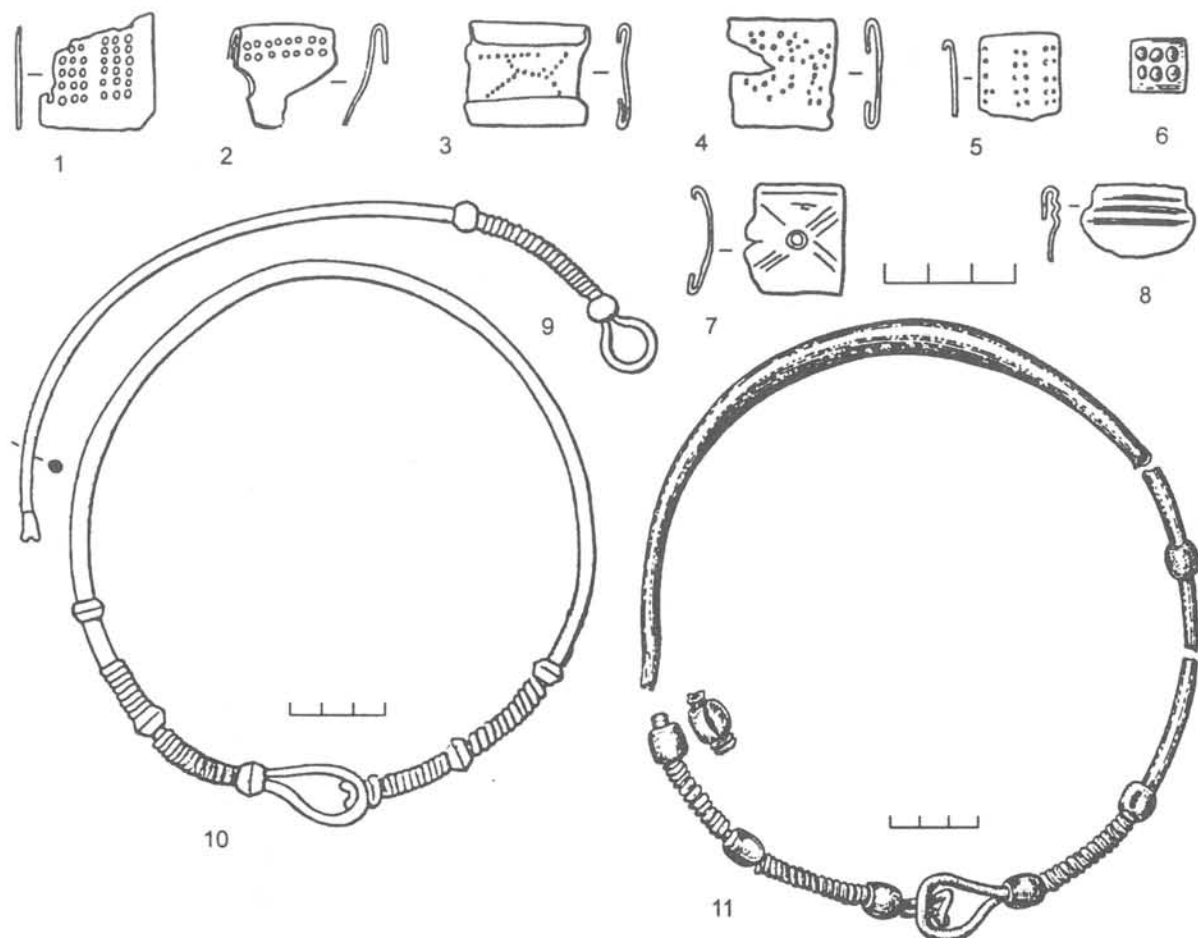

Рис. 5 1—4, 7, 8 — Луковня; 5 — Кузьминки; 6 — Синьково; 9 — Березняки; 10 — Дьяково; 11 — Козловка (по Корзухиной 1978, Розенфельд 1982)

Fig. 5 1—4, 7, 8 — Lukovnya; 5 — Kuzminki; 6 — Sinkovo; 9 — Bereznyaki; 10 — Dyakovo; 11 — Kozlovka (according to Korzukhina 1978; Rosenfeld 1982).

ском погосте. Удила с трехчастными грызлами также характерны, по С. Ю. Каргопольцеву, в первую очередь для западных и латтолитовских балтов (Каргопольцев 1994: 66). Действительно, они были найдены в Пруссии, в частности в могильниках Суворово и Эльблонг (Кулаков 1990: табл. 3: 21, 10: 13, 11: 1, 12: 11, 14: 14), в Литве на некрополях Яунейкай, Каткишкес, Пликайгалис, Таврапилас, Жвиляй (Vaskeviciute 1987: fig. 3: 3; Kulikauskas, Kulikaukene, Tautavičius 1961: fig. 204; Kazakevičius 1993: fig. 80: 1, 5, 6; Tautavičius 1981: fig. 40: 5; Vaitkunskiene 1989: fig. 6) и наконец в Латвии: в Аграриеша, Кентскалсе, Русишах, Сауке (nore 1974: p. 1: 6, 31: 2, 37: 1; Urtāns 1977: № 22, fig. 57: 17), список наверняка может быть продолжен. Из балтской зоны такие удила sporadически попадают на Готланд (Fornvännen 1902: fig. 97), в северную Швецию (Ramqvist 1992: fig. 80: 1, 5, 6), Эстонию (Mandel 1976: Taf. 6: 12), Финляндию (Nackman 1905: Abb. 15: 2). Дата всех этих комплексов V—VI вв. Изредка удила с трехчастными грызлами

фиксируются и в более поздних комплексах, например, Карелии, в эпоху викингов (Кочуркина 1981: табл. 2: 25). Копья с ромбическим пером типа 1Г по Казакевичюсу, хорошо известны у латтолитовских балтов (Казакевичюс 1988: 30—32), у других восточноевропейских народов в V—VI вв. они встречаются гораздо реже. Назовем в качестве примера находки в Эстонии (Шмидехельм 1955: рис. 55) и на Рязанщине, в Шатрищах (Кравченко 1974: рис. 18: 2). Таким образом, набор оружия из погребения в Доложском погосте является типично балтским и возможно свидетельствует о происхождении погребенного.

Сложнее судить о характере погребального обряда. К сожалению погребальные памятники эпохи великого переселения народов и раннего средневековья в Ижорском регионе изучены далеко недостаточно, известны лишь отдельные трупосожжения под каменными перекрытиями (Рябинин 1987). В восточнолитовских курганах, откуда происходит большинство аналогов оружию из Доложского погоста, также известны трупосожжения, но

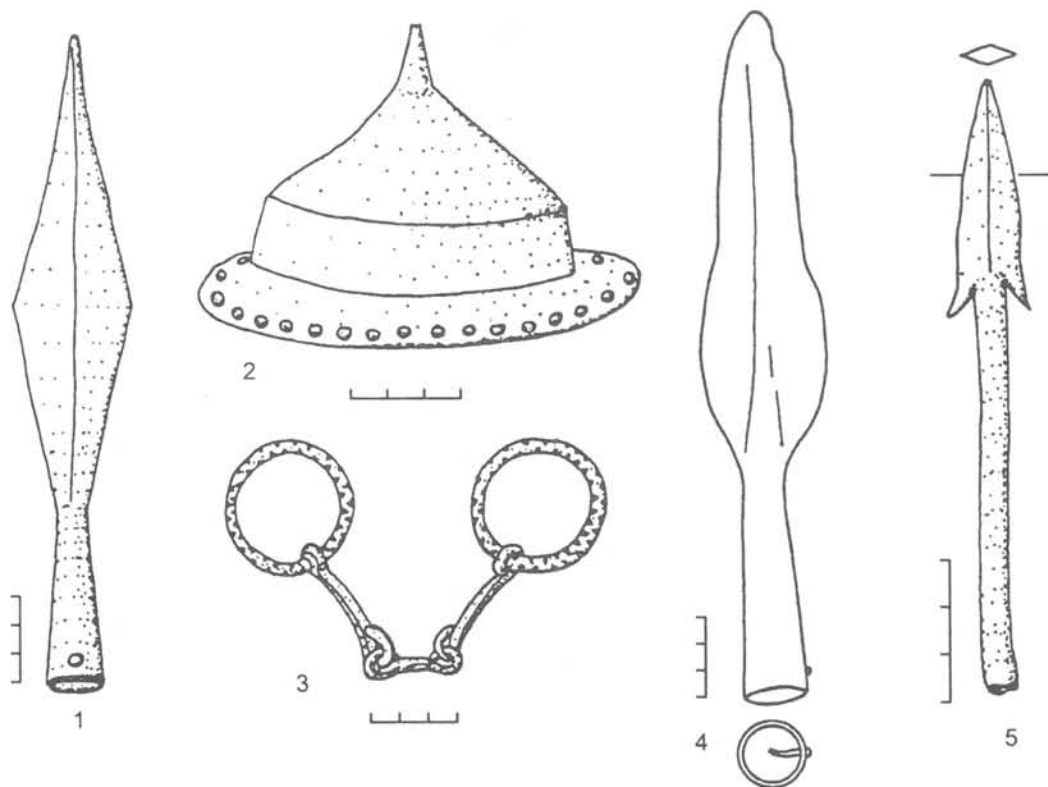

Рис. 6 1—3 — Доложский погост, курган 45; 4 — Демидовка; 5 — Сууре—Рысна (по Аун 1992, Спицыну 1896, Шмидту 1970)

Fig. 6 1—3 — Dolozhskiy Pogost, Kurgan 45; 4 — Demidovka; 5 — Suure—Rysna (according to Aun 1992; Spitsyn 1896; Schmidt 1970).

там остатки кремации обычно находятся в компактных ямах (Таутавичюс 1980: 83). Некий «след» может указать редкое для северной Европы сочетание в могиле умбона и удила. Большинство известных мне случаев такого сочетания опять-таки известны у балтов, в узко ограниченном регионе, в курганах группы Сувалки поздне римского времени и эпохи великого переселения народов. Это погребения Осова 41 (умбон, рукоять щита, удила, копье, шпоры) (Jaskanis D., Jaskanis J. 1961: pl. 10), Осова 71 (умбон, удила, копье) (Jaskanis 1961: pl. 5: 7—9), Швайцария 2 (умбон, удила, копья, меч, топор, шпоры) (Antoniewicz, Kaczynski, Okulicz 1958: pl. 5), Швайцария 52 (умбон, удила, шпора) (Antoniewicz 1961: pl. 5). В Пруссии погребение 23 из Отенхагена (Полесье), где были найдены умбон, удила и шпора датируется ранне римским временем (Varanowski 1973: pl. 6). За пределами балтского мира в Северной Европе сочетание умбона и удила в погребении встречается редко, можно назвать княжеское погребение в Хегом, в Швеции, где в состав погребального оружия входили также меч, седло, узда, шпоры, топор, копье, стрелы (Ramqvist 1992: pl. 16—61), да известные мне две находки в Финляндии: Айнола (умбон, удила, два меча, несколько копий) (Hirvilauto

1976), Маалакти-Юккайсбраунан (умбон, удила, копье, меч) (Nackman 1905: «Fund 54»). Правда, в последних двух случаях нет уверенности, что это действительно индивидуальные погребения.

Балтские вещи эпохи великого переселения народов распространяются и к югу от лесной зоны, в лесостепи, и даже в степи. Так например, балтские фибулы с лопатковидной ножкой периода Д (вторая половина—последняя треть IV в. — первая половина V в.) (Bitner-Wroblewska 1986—1990: 52—58) известны не только в Белоруссии, на тушемлинском селище Гуры (Митрофанов 1978: 110, рис. 39: 1), но и в лесостепи, на поселении киевского типа Каменево 2 (Обломский 1991: рис. 3: 12; Терпиловский, Абашина 1992: рис. 42: 1) а также на территории бывших Каневского или Переяславского уездов (рис. 7: 1—4) (Отчет 1903: рис. 283). Стоит также упомянуть западно-балтскую фибулу V в. типа Шонварлинг (Schulze-Dörrlman 1986: 650—652) из Бабинной горы (рис. 7: 5) (Славяне 1993: 345, рис. 75: 6) и западно-балтский поясной наконечник периода Д, найденный в постройке 26 на черняховском поселении Рипнев (рис. 7: 8) (Bitner-Wroblewska 1989: 173). Зооморфная арбалетная фибула, происходя-

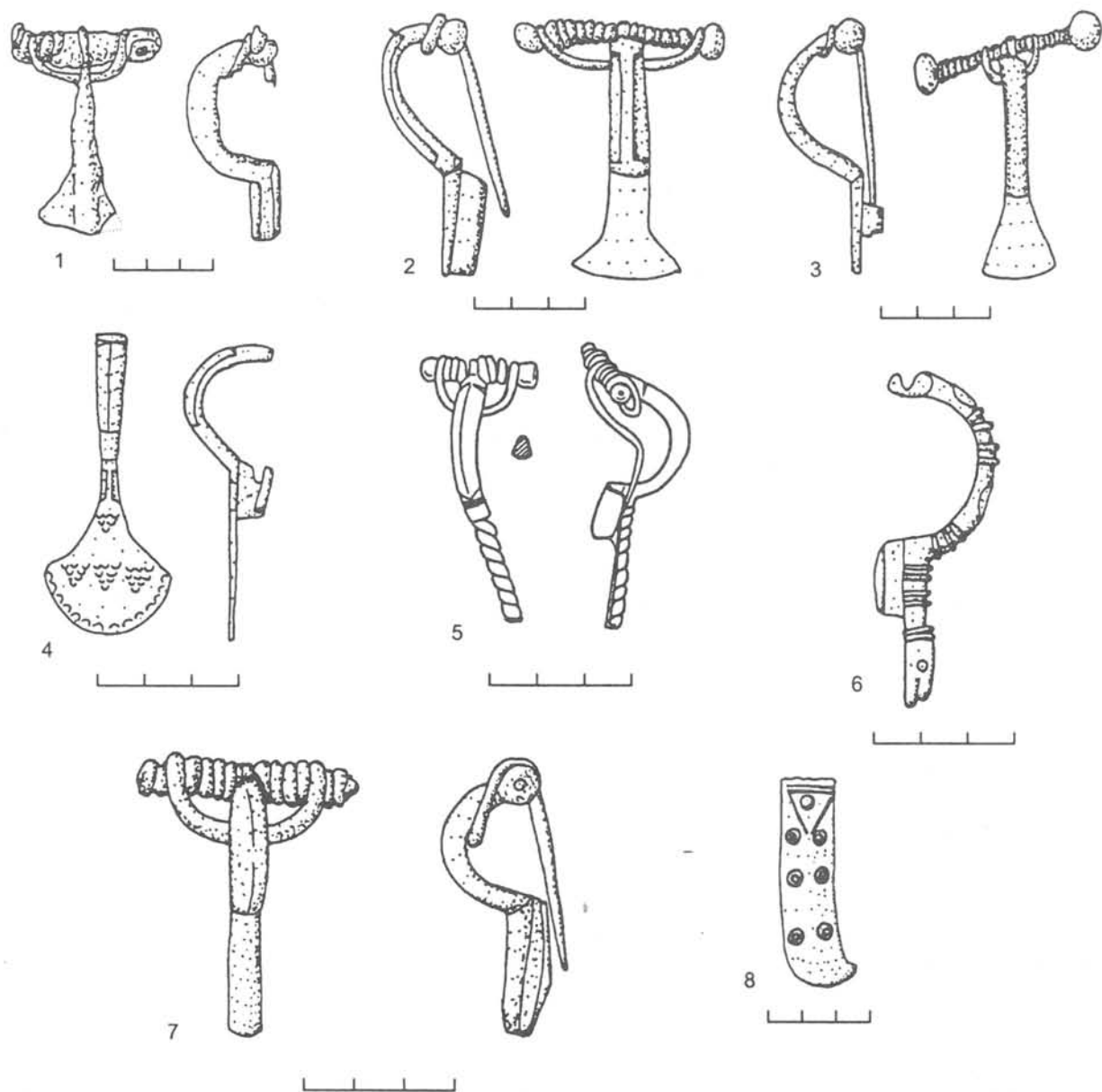

Рис. 7 1 — Гуры; 2, 3 — Каменево II; 7 — Среднее Поднепровье; 5 — Бабина Гора; 6 — Шульговка; 8 — Рипнев (по Митрофанову 1978, Обломскому 1991, ОАК 1903, Славяне... 1992)

Fig. 7 1 — Gury; 2, 3 — Kamenevo 2; 4, 7 — Central Dnieper Regions; 5 — Babina Gora; 6 — Shulgovka; 8 — Ripnev (according to Mitrofanov 1978; Oblomskiy 1991; OAK 1903; Slavonians... 1993).

щая из Шульговки (рис. 7: 6) и хранящаяся в Днепропетровском Историческом музее (инвентарный № А 797), явно родственна прусским фибулам конца V — начала VI вв. (ср. Кулаков 1990а). Наконец, в Краковском Археологическом музее мне удалось ознакомиться, благодаря любезности профессора Казимежа Годловского, с западно-балтской фибулой, происходящей откуда-то из Поднепровья (рис. 7: 7). В качестве параллелей можно назвать находки из Здоррена, Оберхофа (Aberg 1919: Abb. 52, 58), Билвинова (Kaczynski 1961: pl. 25: 1), Детлевсру, Суворова (Кулаков 1990: табл. 8: 5, 9: 14) и Хюненберга (Кулаков 1994: рис. 40: 2).

Таким образом, в восточной Европе в эпоху великого переселения народов выявляется немногочисленная, но выразительная серия балтских вещей, связанная по происхождению с летто-литовским и западно-балтским регионом. Среди этих вещей выделяются как предметы женского убора, так и детали мужского костюма, а равно и предметы вооружения и конского снаряжения. Следует напомнить, что в архаических обществах предметы женского рядового костюма не могут быть предметом импорта или заимствования, поскольку они сакрализованы и отражают систему религиозных взглядов, специфичную для данного народа. Иными сло-

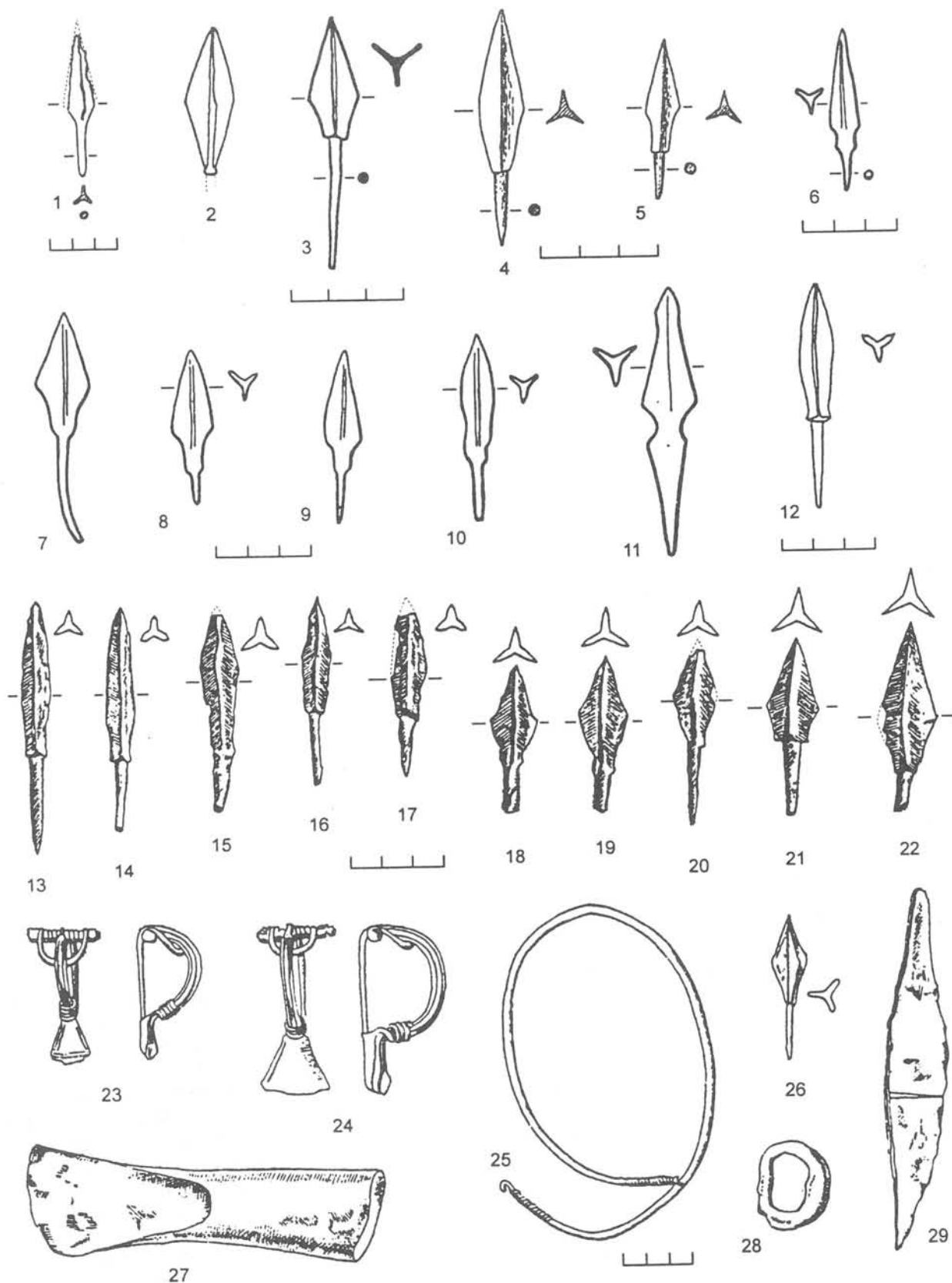

Рис. 8 1 — Колодезный Бугор; 2 — Тайманова; 3 — Песчаное; 4, 5 — Акиншинское; 6 — Кунцево; 7—10 — Демидовка; 11 — Попадьинское; 12 — Узмень; 13—22 — Аукштадварис; 23—29 — Плинкайгалис, погребение 336 (по Горюнову 1981, Казакивичюсу 1993, Розенфельд 1982, Третьякову 1974).

Fig. 8 1 — Kolodeznyi Bugor; 2 — Taymanova; 3 — Peschanoe; 4, 5 — Akinshinskoe; 6 — Kuntsevo; 7—10 — Demidovka; 11 — Popadyinskoe; 12 — Uzmen; 13—22 — Aukstadvāris; 23—29 — Plinkaigalis, burial 336 (according to Kazakiavichus 1993; Goryunov 1981; Rosenfeld 1982; Tretyakov 1974).

вами появление балтских вещей в лесной зоне России связано с реальным присутствием здесь выходцев из юго-восточной Прибалтики. Вряд ли эти выходцы были многочисленны, они не оставили глубоких следов в материальной культуре местного населения, за исключением некоторых деталей металлического убора и отдельных предметов вооружения. Речь может идти о каких-то изолированных группах, проникших в среду местного финно-балто-славянского населения лесной зоны, в частности, в культуры: длинных курганов, тушемлинскую, позднедьяковскую, мощинскую, рязано-окских могильников). Но были они не одни и появление их в лесной зоне России связано здесь с резким обострением военной ситуации.

В эту же эпоху отмечается проникновение в лесную зону восточногерманских вещей, в том числе деталей мужского воинского костюма (пряжки с почковидным щитком) (рис. 1: 5, 7) и предметов вооружения (Амброс 1970; Wegner 1977; Казакевичюс 1986; Kazakevičius 1992; Шименас 1990). Вероятно, тогда же здесь появляются отдельные элементы склавинской культуры пражского типа. К этим элементам можно отнести формы сосудов в некоторых погребениях культуры длинных курганов (Седов 1982: 50, 51) и полуземлянки с печами-каменками на ранних тушемлинских поселениях (Седов 1982: 39, 40), как например в Дедиловичах (Митрофанов 1978: 84—89). Находки дунайско-германских фибул V в. типа Прага (Schulze-Dörrlman 1986: 650) на склавинском поселении Кодын, а также в восточнолитовских курганах показывают существование каких-то связей между этими тремя этносами. Видимо, проникшие в лесную зону России группы, пришедшие с Запада (из Карпатского региона через Литву?) носили смешанный характер. Общее осложнение военно-политической ситуации на среднем Дунае в середине второй половине V в. (падение гуннской «империи», войны между германскими королевствами) могло быть причиной оттока части населения Карпатского бассейна в другие регионы Европы, как это произошло, например, с герулами, ушедшими в Скандинавию. Известный факт посольства балгов-эстиев к Теодориху показывает, что между юго-западной Прибалтикой и Дунаем существовали какие-то налаженные пути сообщения, по которым дунайские дружины (восточные германцы и склавины?) могли пройти в Литву, а оттуда, вместе с балтами, в лесную зону России.

О характере их деятельности можно судить по двум фактам. Во-первых территория лесной зоны, от Литвы до верхней Волги покрывается сетью укрепленных поселений (Дагудис 1990; Шмидт 1970; Штыхов 1978: 7, 8;

Фурасьев 1994; Петров, Фурасьев 1995: 50, 51). Разумеется, городища здесь существовали и ранее (см., например, Фурасьев 1996), но исследователи отмечают резкое возрастание их количества, начиная с V в. На ряде городищ лесной зоны отмечены явные следы разрушений, которые иногда можно датировать V—первой половиной VI в. Я имею в виду в первую очередь такие памятники как Демидовка, Аукштадварис, Аукуро-Калнас. Кроме того, на поселениях, и в частности в трех вышеуказанных пунктах в слое разрушений, найдены явно чужеродные трехлопастные наконечники стрел «гуннского» типа. Они известны также на Демидовке, Узмени, Кунцево, Акиншинском городище, Попадьинском селище, Аукштадварисе, Аукуро-Калнасе, Кунчишкой-Паявонисе, на городище в Вильнюсе. Одна стрела засела в костях скелета человека, погребенного на литовском некрополе Плинкайгалис (Минасян 1979: рис. 2: 27; Шмидт 1970: рис. 3: 7—9; Розенфельд 1982: 127, 128, рис. 31: 18, 27; Никольская 1959: рис. 15: 4, 7; Казакевичюс 1986; 1988: 67—72; Лухтан 1996) (рис. 8: 4—22, 26).

Находки трехлопастных стрел принято связывать с какими-то враждебными акциями кочевников из Подунавья или южнорусских степей (например, Лухтан 1996). Столь глубокое проникновение кочевников в лесную зону мне представляется сомнительным. Даже в эпоху татарского нашествия XIII в. кочевники до Литвы и Псковщины самостоятельно не добирались, хотя их отдельные группы и попадали туда в составе новгородских войск. Во время известного похода Бурундая «на Литву» (то есть против королевства Миндовга в западной Белоруссии и на восточной окраине Литвы), наиболее активные операции вели не татары, а галицкие князья. Далее, и это самое главное, трехлопастные наконечники стрел в V в. не являлись более исключительно гуннским оружием, они известны даже у франков в северной Галлии (Kazanski 1991a: 135, 136, fig. 7: 24). Известны они и у славянского населения поздниекиевской-раннеколячинской культуры в бассейне среднего и верхнего Днепра. По контексту находки или по типу пера к V в. могут быть отнесены стрелы найденные на Колодезном Бугре, в Тайманове, в Песчаном (рис. 8: 1—3) (Третьяков 1974: рис. 16: 6; Гурин 1982: 69, рис. 36: 33; Горюнов 1981: рис. 2: 20). На поселении Хитцы, в жилище пеньковской культуры, датированном по лепной керамике и присутствию черняховских фрагментов посуды ранним этапом (V в.), найдена даже костяная накладка сложного лука, который необходим для использования трехлопастных стрел (Горюнов 1981a: рис. 21: 9).

Вряд ли резкое возрастание военной опасности в лесной зоне в V—первой половине VI вв. связано только с прорывом германо-балто-славянских дружин с Запада. Не исключено и давление со стороны южного населения, например славян раннеколочинской культуры. Ясно, однако, что распространение западно-балтских и летто-литовских элементов происходило здесь в специфической обстановке «смутного времени», когда отдельные военизированные группы западного происхождения могли очень далеко проникать в лесную зону и играть там существенную военную и даже политическую роль. Не исключено, что эта ситуация отражена в этногеографическом описании восточной Европы у Иордана, который помещает балтов-эстиев по соседству с акацирами азовско-кавказских степей (Jordanes, 36). Возможно какие-то отряды балтов действительно могли проникнуть далеко на восток и войти в контакт с кочевым населением южнорусских степей. Таким образом, локализация эстиев Иорданом, от «Океана» (Балтийского моря) до акацир, соответствует скорее зоне военной активности балтов, чем реальной территории их сплошного расселения. Возможно впрочем и иное объяснение. Как известно, античные географы представляли себе восточную Европу в виде узкого перешейка между Меотидой и Балтикой. Иордан в своем экскурсе несомненно следовал той же традиции и в этом случае соседство меотийских акацир с балтами является результатом его «ученой» реконструкции.

Возможно с «западной» экспансией связано появление в лесной зоне России этнонимов западно-балтского происхождения, таких как «кривичи» (Хабургаев 1979: 195; Мачинский 1986: 18) или «голядь» (Вилинбахов, Энгватов 1963; Попов 1973: 94, 95). В свете балтских находок на Северо-Западе особый интерес представляет этноним «нерома» или «нерова», зафиксированный на Северо-Западе России «Повестью временных лет» в бассейне Чудского озера. Топонимия, связанная с неромой распространена шире, она охватывает и район озера Ильмень. Обычно этот народ относят к числу финских (Попов 1973: 70; Мачинский 1986: 7—12). Однако в одной из копий XVI в. Повести временных лет указано, что «Нерома сиречь Жмудь» (Мачинский 1986: 7, 8). Далее, такие топонимы как Нарва, Нерета, Мереть, Мерета и т. д. могут иметь и балтскую этимологию (Агеева 1989: 199). Таким образом, имеются некоторые основания считать нерому балтским этносом. По мнению В. В. Седова под именем неромы скрывается финский народ воль, проживавший в Ижорском регионе (Седов 1987: 41, 42). Не исключено, что эти два этнонима действительно частично перекрывают друг друга и отражают сложную ситуацию в Ижорском регионе, где, как мы видели, имеются погребения с инвентарем балтского характера (Доложский погост) и где действительно позднее зафиксирована финская воль, видимо, ассимилировавшая балтскую нерому.

Агеева, Р. А. 1989. Гидронимия русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии 1: 3—86.

Айбабин, А. И. 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии 1: 3—86.

Александров, А. А., Т. Е. Ершова. 1992. Балтика в Псковской земле: древняя Русь и раннее средневековье // Насельничества Беларуси и смежных территорий у эпоху жалеа: 18—21. Минск.

Амброз, А. К. 1970. Южные художественные связи населения верхнего Поднепровья в VI в. // Древние славяне и их соседи: 70—74. Москва.

1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы 2 // Советская археология 3: 106—132.

Армайтская, О. В. 1986. Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века: 26—46. Устинов.

Аун, М. 1985. Балтийские элементы в материальной культуре Эстонии второй половины I тыс. н. э. // Проблемы этнической истории балтов: 36—39. Рига.

1992. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллин.

Бажан, И. А., С. Ю. Каргопольцев. 1989. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 198: 28—35.

Башенькин, А. И. 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э.—I тыс. н. э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси: 3—29. Санкт-Петербург.

Бульчев, Н. И. 1899. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. Москва.

Вашкевичюте, И. 1989. Древнейшие головные венки земгалов // Древности Белоруссии и Литвы: 56—61. Минск.

Вилинбахов, В. Б., Н. В. Энгватов. 1963. Предварительные замечания о западных галиндах и восточной голяди // Slavia Occidentalis 23: 233—267.

Горюнов, Е. А. 1981. Славянское поселение середины I тыс. н. э. у с. Песчаное Белгородской обл. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 171: 61—65.

1981а. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Ленинград.

Гуревич, Ф. Д. 1962. Древности Белорусского Понемья. Москва-Ленинград.

Гурин, М. Ф. 1982. Древнее железо Белорусского Поднепровья. Минск.

Даугидис, В. 1990. Городища Литвы V—VIII вв. // История и археология Пскова и Псковской земли 1989: 61—63. Псков.

- Зарина, А. Е.* 1986. Одежда жителей Латвии VII—XVII вв. // Древняя одежда народов восточной Европы: 172—189. Москва.
- Казакевичюс, В.* 1986. Погребение с наконечником стрелы из могильника Плинкайгалис // Советская археология 3: 238—243.
1988. Оружие балтских племен II—VIII веков на территории Литвы. Вильнюс.
- Каргопольцев, С. Ю.* 1994. Северо-Запад Восточной Европы в системе общеевропейских древностей III—VI вв. Архив ИИМК РАН. Рукопись дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Корзухина, Г. Ф.* 1978. Предметы убора с выемчатыми эмальями V—первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Ленинград.
- Кочуркина, С. И.* 1981. Археологические памятники корелы V—XV вв. Ленинград.
- Кравченко, А. А.* 1974. Шатрищенский могильник // Археология Рязанской земли: 116—183. Москва.
- Краснов, Ю. А.* 1980. Безводнинский могильник. Москва.
- Кузьмин, С. Л.* 1991. О хронологическом соотношении сопок и длинных курганов // Проблемы хронологии и периодизации в археологии: 87—98. Ленинград.
- Кулаков, В. И.* 1989. Могильники западной части мажурского Поозерья конца V—начала VIII вв. // *Barbaticum* 89: 148—275. Warszawa.
1990. Древности пруссов VI—XIII вв. Москва.
- 1990а. Звериноголовые фибулы балтов (V—VIII вв.) // Советская археология 2: 204—214.
1994. Пруссы (V—XIII вв.). Москва.
- Лебедев, Г. С.* 1978. Сопка у д. Репьи // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 155: 93—99.
- Лопатин, Н. В.* 1991. Южные традиции в керамике смоленского Поднепровья и северной Белоруссии в первой половине I тысячелетия н. э. // Археология и история Юго-Востока Руси: 50—53. Курск.
- Лопатин, Н. В., А. Г. Фурсьев.* 1995. О роли памятников III—V вв. н. э. в формировании культур псковских длинных курганов и Тушемли-Банцевщины // Петербургский Археологический Вестник 9: 136—142.
- Лухтан, А.* 1996. Война в Литве в V веке // Балтусь у системе трансурпейских связях у I тысячагодзи н. э.: 53, 54. Минск.
- Мачинский, Д. А.* 1986. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси // Русский Север: 3—29. Ленинград.
- Массалитина, Г. А.* 1991. Мощинский клад // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 205: 29—37.
- Минасян, Р. С.* 1979. Поселение и могильник на берегу озера Узмень // Труды Государственного Эрмитажа 20: 169—185.
- Митрофанов, А. Г.* 1978. Железный век Белоруссии. Минск.
- Никольская, Т. Н.* 1959. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. Москва.
1962. Городище у деревни Николо-Ленивец // Советская археология 1: 221—240.
- Отчет.* 1903. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1903 г. Санкт-Петербург.
- Обломский, А. М.* 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I—V вв. н. э. Москва.
- Перхавко, В. Б.* 1978. Украшения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана // Вестник Московского университета История 2: 59—72.
- Петров, Н. И., А. Г. Фурсьев.* 1995. Городища культуры псковских длинных курганов и Балтийско-Волжский путь // Древности Северо-Западной России: 47—51. Санкт-Петербург.
- Полесских, М. Р.* 1962. Армиевский могильник // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры: 5—56. Саранск.
- Попов, А. И.* 1973. Названия народов СССР. Ленинград.
- Пронин, Г. И.* 1988. Исследование памятников второй I тысячелетия н. э. в восточных районах Новгородчины // Советская археология 4: 169—188.
- Рябинин, Е. А.* 1987. Об исследовании средневековых могильников в Ленинградской области // Известия Академии наук Эстонской ССР 36/4: 408—410.
- Розенфельд, И. Г.* 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв. Москва.
- Седов, В. В.* 1974. Длинные курганы кривичей. Москва.
1987. Водь // Финно-угры и балты в эпоху средневековья: 34—42. Москва.
- 1987а. Племена культуры рязано-окских могильников // Финно-угры и балты в эпоху средневековья: 93—97. Москва.
1994. Славяне в древности. Москва.
- 1994а. Из этнической истории населения средней полосы Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н. э. // Российская археология 2: 56—69.
- Семенов, В. А.* 1961. Петропавловский могильник VI—VII вв. в Южной Удмуртии // Вопросы археологии Урала 7: 164—171.
- Славяне.* 1993. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев.
- Спицын, А. А.* 1896. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. Материалы по археологии России 20. Санкт-Петербург.
1901. Древности бассейнов Оки и Камы. Материалы по археологии России 25. Санкт-Петербург.
- Таутавичюс, А.* 1980. Балтские племена на территории Литвы в I тысячелетии н. э. // Из древнейшей истории балтских народов: 80—88. Рига.
- Терпиловский, Р. В.* 1986. Колочинская культура // Археология Украинской ССР 3: 167—174.
- Терпиловский, Р. В., Н. С. Абашина.* 1992. Памятники киевской культуры. Киев.
- Третьяков, П. Н.* 1974. Древности второй и третьей четвертей I тыс. н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье // Раннесредневековые восточнославянские древности: 40—118. Ленинград.
- Фролов, И. К.* 1970. Нижний горизонт городища у д. Серенск // Древние славяне и их соседи: 80—82. Москва.
- Фурсьев, А. Г.* 1995. Городища-убежища Псковщины второй половины I тысячелетия н. э. // Петербургский Археологический Вестник 9: 143—150. Санкт-Петербург.
- Хабургаев, Г. А.* 1979. Этнонимия «Повести временных лет». Москва.
- Хомутова, Л. С.* 1982. Кузнечная обработка на поселениях Смоленщины в эпоху железа // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 170: 27—34.
- Шименас, В.* 1990. Великое переселение народов и балты // Археология и история Пскова и Псковской земли 1989: 72—74. Псков.
- Шмидехельм, М. Х.* 1955. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин.
- Шмидт, Е. А.* 1970. О культуре городищ-убежищ левобержной Смоленщины // Древние славяне и их соседи: 63—69. Москва.

- Штыхов, Г. В.* 1978. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). Минск.
- Aberg, N.* 1919. Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit. Leipzig-Upsala.
- Antoniewicz, J.* 1961. Badania kurhanów z okresu rzymskiego dokonane w 1957 r. w miejscowości Szwajcaria, pow. Suwałki // *Wiadomości Archeologiczne* 27/1: 1—26.
- Antoniewicz, J., M. Kaczyński, J. Okulicz.* 1958. Wyniki badań przeprowadzonych w 1956 roku na cmentarzysku kurhanowym w miejsc. Szwajcaria, pow. Suwałki // *Wiadomości Archeologiczne* 25/1—2: 22—57.
- Appelgren-Kivalo, Hj.* 1907. Suomalaisia pukuja myöhemmältä rautakaudelta. Helsinki.
- Baranowski, T.* 1973. Rząd koński z wodzami łańcuchowymi na terenie Europy środkowej w okresie wpływów rzymskich // *Archaeologia Polski* 18/2: 391—477.
- Bierbrauer, V.* 1975. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto.
- Bitner-Wroblewska, A.* 1986—1990. Zapinki z gwiazdzistą i łopatkowatą nóżką z południowo-wschodnich wybrzeży Bałtyku // *Wiadomości Archeologiczne* 51/1: 49—88.
1989. Elementy bałtyjskie w kulturze wielbarskiej // *Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim* 2: 161—177. Lublin.
- Fornvännen. 1902. Tillväxten under år 1907 // *Fornvännen* 2: 267—270.
- Godłowski, K.* 1980. Zur Frage der völkerwanderungszeitliche Besiedlung in Pommern // *Studien zur Sachsenforschung* 2: 63—106.
1981. Okres wędrówek ludów na Pomorzu // *Pomorania Antiqua* 10: 65—129.
- Hackman, A.* 1905. Die ältere Eisenzeit in Finnland. Helsinki.
- Hirvilante, A. L.* 1976. Ainolau aselöytö // *Suomen Museo* 83: 59—67.
- Ilkjaer, J.* 1990. Illerup Adal. 1. // *Die Lanzen und Speere*. Aarhus.
- Jaskanis, D., J. Jaskanis.* 1961. Sprawozdanie z badań w r. 1957 na cmentarzysku kurhanowym w miejscowości Osowa, pow. Suwałki // *Wiadomości Archeologiczne* 27/1: 27—48.
- Jaskanis, J.* 1961. Wyniki badań przeprowadzonych na cmentarzysku kurhanowym w miejscowości Osowa, pow. Suwałki w latach 1958—1959 // *Rocznik Białostocki* 2: 131—191.
- Kaczyński, M.* 1961. Cmentarzysko kurhanowe z V—VI w. m miejscowości Bilwinowo, pow. Suwałki // *Rocznik Białostocki* 2: 199—276.
1963. Materiały z badań 1934 r. na cmentarzysku kurhanowym w miejscowości Sudata, pow. Święciany na Wileńszczybie (LSSR) // *Wiadomości Archeologiczne* 29/2: 138—156.
- Kazakjevičius, V.* 1992. The Great Migration period and the Balts according to the archaeological data from Lithuania // *Peregrination Gothica* 3: 91—102. Oslo.
1993. Plinkaigalio kapinytas (Lietuvos Archeologija 10). Vilnius.
- Kazanski, M.* 1991. Quelques objets baltes trouvés en Gaule, datés entre la fin du IV-e siècle et le VIII-e siècle. A propos des contacts entre l'Occident et le rivage oriental de la mer Baltique // *Archéologie Médiévale* 21: 1—20.
- 1991a. A propos des armes et des éléments de harnachement «orientaux» en Occident à l'époque des Grandes Migrations (IV—V-e s.) // *Journal of Roman Archaeology* 4: 123—139.
1994. Les plaques-boucles méditerranéennes des V—VI-e siècles // *Archéologie Médiévale* 24: 137—198.
- 1994a. Les éperons, les umbo, les manipules de bouclier et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*: 429—485. Marburg-Lublin.
- Kiss, A.* 1982. Germanische Grabfund der Völkerwanderungszeit in Jobbogy // *Alba Regia* 19: 167—185.
- Kühn, H.* 1974. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland. Graz.
- Kulikauskas, P., R. Kulikauskene, A. Tautavičius.* 1961. Lietuvos archeologijos bruoai. Vilnius.
- Mandel, M.* 1976. Ausgrabungen einer Steinsetzung in Lihula // *Известия Академии наук Эстонской ССР* 12: 56—58.
- Menghin, W.* 1983. Das Schwert im Frühen Mittelalter. Stuttgart.
- Merowingerzeit.* 1995. Merowingerzeit Die Altertümer im Museum für Vor- und Frühgeschichte Berlin. Mainz.
- Miletič, N.* 1978. Reflets des Grandes Invasions en Bosnie-Herzégovine // *Problemi seobe naroda u Karpatској котлини*: 97—116. Novi-Sad.
- Picardie.* 1986. La Picardie, berceau de la France. Amiens.
- Pihlman, S.* 1988. Finlands folkvandringstida vapengravar: kontakter och locala drag // *Iskos* 7: 177—182.
- Raddatz, K.* 1987. Der Thorsberger Moorfund Katalog. Teile von Waffen und Pferdgeschirr. Neumünster.
- Ramqvist, P. H.* 1992. Högom I. The Excavations 1949—1984. Neumünster.
- Schulze-Dörrlamm, M.* 1986. Romanisch oder germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust- und Bügelfibeln des 5. und 6. Jahrhundert n. Chr. aus den Gebieten westlich des Rheins und südlich der Donau // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums* 33: 593—720.
- Šnore, E.* 1974. Vidējais dzelzs laikmets (pāreja uz šķiru sabiedrību) 5—9 gs. // *Latvijās PSR Arheoloģija*: 133—179. Rīga.
- Tallgren, A. M.* 1926. Zur Archäologie Eestis II. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr. // *Acta Commentationes Universitatis Dorpatensis* 8, B.
1938. The Prehistory of Ingria // *Eurasia Septentrionalia Antiqua* 12: 79—108.
- Tautavičius, A.* 1981. Taurapilio «kunigaikšio» kapas // *Lietuvos Archeologija* 2: 18—43.
- Tejral, J.* 1988. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donaauraum // *Archaeologia Austriaca* 72: 223—304.
- Urtans, V.* 1977. Senākie depoziiti Latvijā. Rīga.
- Vaitkunskiene, V. L.* 1989. IVa. Lietuvos karys raihlis // *Lietuvos Mosklu Akademijos darbai* 2 (108): 55—67.
- Varnas, A.* 1984. III—Va. Vaitekunu (Radviliskio raj.), pilkapynas // *Lietuvos Mosklu Akademijos darbai* 2 (87): 24—38.
- Vaskeviciute, I.* 1987. Jauneikai (Joniskio raj.) V—XIa kapinytas // *Lietuvos Mosklu Akademijos darbai* 2 (87): 24—38.
- Vinski, Z.* 1957. Arheoloski spomenici velike seobe naroda u Srijemu. Ljubliana.
- Werner, J.* 1977. Der Grabfund von Teodorichs // *Archäologische Beiträge zur Chronologie der Völkerwanderungszeit*: 87—92. Bonn.
1981. Bemerkungen zum nordwestlichen Siedlungsgebiet der Slawen im 4.—6. Jahrhundert // *Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte* 1: 695—701.

ON THE BALTS IN THE FOREST ZONE OF RUSSIA IN THE PERIOD OF THE GREAT MIGRATION OF PEOPLES

M. M. KAZANSKIY

The presence of Baltic elements in the forest zone of Russia in the period of the Great Migration of Peoples was on frequent occasions noted by scholars. Among these elements there are various types of Prussian and Lithuanian arbalest-shaped fibulae, belt tips, the latest crozier-shaped pins, the buckles with a wide rectangular or trapeziform spike bases, and a number of other finds (figs. 1: 1—4, 8—11, 13; 2; 3: 1, 6, 15, 16), as well as certain types of weapon (fig. 6). The most illustrative find of Baltic weapon comes from the region of the Izhora Plateau near St.-Petersburg. The author means here Kurgan 45 of the Dolozhskiy Pogost burial ground (fig. 6: 1—3). In this kurgan remains of cremation roofed with an umbo of the Lebenau type having a «pearl» decoration along the field edge were revealed. In addition, in this kurgan a bush-typed spear with a diamond-shaped point and annulated bit with the three-piece curb-bit were found. Baltic objects appear also in the area to the south of the forest zone (fig. 7). However, a number of finds, the Baltic origin of which is considered as having been proved, are not really the Baltic ones (figs. 1: 12; 3: 2, 3, 4, 17; 5).

To the same period one assigns the penetration of East-Germanian artefacts from the central Danube into the forest zone (see *e. g.* fig. 1: 5, 7, 14, 15). The elements of Sclavenian culture of the Prague type possibly appear at the forest sites at the same time. The finds of Prague type Danubian and Germanian fibulae of the 5th century AD in the East-Lithuanian kurgans as well as at the Sclavenian settlement of Kodyn on the upper Prut indicate the existence of some connection between those three ethnic groups.

Weapons and the items of martial equipment are well represented in the mentioned series of objects of the Baltic, Germanian and Sclavenian origin. One should also pay attention to the items of woman's dress which in the archaic societies, as we know, could not be exported. In other words, these artefacts were connected with the real presence of foreign elements — the Baltic and Germanian ones.

These groups of foreign origin hardly could be numerous as they have not left any considerable traces in the material culture of the local population the artefacts connected with those groups being concentrated only at some separate sites: Demidovka, Bezvodnoe, Borki, *etc.* It seems that the groups that penetrated into the forest zone were rather isolated ones and had a mixed character (Germani, Balts, Sclaveni). The general aggravation of the military and political situation in the region of the central Danube in the middle and the third quarter of the 5th century — *i. e.* the fall of the Hun «empire» and wars between the newly formed Germanian kingdoms — possibly was the cause of the withdrawal of some part of the Carpathian basin population into other regions of Europe, as it was the case *i. g.* with Heruli gone to Scandinavia in about AD 512. Interestingly enough, the Heruli did not pick their way directly to the North but, as the sources state, they went «throughout all the Slavonic tribes» passing, as it seems, around the Carpathian mountains; in the particular case of an entire people's exodus it was possible only if some treaties of alliance existed between Heruli and Sclaveni. The well known fact of an embassy of Balts-Aesti to Theodorich shows that there were connection routes established between the Baltic Sea regions and those of Danube; it is possibly by these routes that the Danube armed forces (evidently the eastern Germani, and the Sclaveni from the eastern Carpathian spurs having joint to the latter) were able to pass first to Lithuania and thence, together with the Letto-Lithuanian Balts, to the forest zone of Byelorussia and Russia.

The appearance of foreign groups in the forest zone was related to a severe aggravation of the military situation. Two facts enable one to arrive at a judgement concerning the character of activities of these groups. Firstly, the forest zone area from Lithuania and as far as the upper Volga was getting covered with a net of fortified settlements. Of course, there had been settlements in that area earlier too; but one registers a sharp increase in their number beginning from the 5th century AD. At some sites of the forest zone distinct traces of

destruction and fires have been noted, some of these traces being dated to the 5th century. Moreover, in the destruction layer of the settlements, undoubtedly foreign three-bladed arrow-heads of the «Hun» type (fig. 8) were found. It was possibly the military activities of the intruders that the death of the Mostchino culture was connected with. The upper dating of the Mostchino culture is assigned to the 7th century, but actually, the latest artefacts from the Mostchino sites belong to the first half or the middle of the 5th century (fig. 4). Finds of the three-bladed arrows are usually assigned to some hostile actions of nomads from the Danube regions or from the South-Russian steppes. However, the three-bladed arrow-heads and the indispensable for their use bows with cover-plates made of bone were not an exclusively Hun's weapon in the 5th century AD. Similar arrow-heads are known by West-European peoples including the Franks in the northern Gaul. The similar weapon is represented also by the Slavonic population of the late Kiev to early Kolochin and the early Penkovka culture in the basin of the upper and central Dnieper.

The drastic increase of the war peril in the forest zone in the 5th century was related only

to a break-through of the Danubian and Baltic armed forces into this area from the West. One can not rule out also a pressure from the side of the southern population, *e. g.* from that of the Early-Kolochin culture Slavs. However, it is clear that the propagation of the Letto-Lithuanian, East-Germanian and, possibly, Sclavenian, *i. e.* the Praguean, elements was taking place here in the specific situation of the «time of troubles» when some separate groups of the western origin were able to penetrate very far into the forest zone and play an essential military and even political role there. This situation is possibly reflected in the ethno-geographical description of the Eastern Europe by Jordan, who places the Baltic Aesti in the neighbourhood of the Acatzirs of the Azov-Caucasian steppes. It is possible that some detachments of the Balts really could penetrate thus far to the East and come into the contact with the nomadic population of now the southern Russia. Thus the localisation of the Aesti by Jordan in the area from the «Ocean», *i. e.* the Baltic Sea, to the Acatzir's region corresponds rather to the zone of Balts' war activities than to the actual territory of their mass settling.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИВОПИСЬ СТРАНЫ БАСКОВ

Jesus Altuna. *L'Art des Cavernes en Pays Basque. Ekain et Altxerri. Avec la collaboration de Amelia Baldeon et Koro Mariezkurrena. 200 pages, 211 figures en texte. 1997. Paris: Seuil.*

Парижское издательство Seuil, публикуемое под руководством директора Доисторических древностей французских Пиренеев Ж. Клотта серию «Наскальное искусство», порадовало читателей очередным великолепным красочным томом, посвященным на этот раз не французским, а испанским гротам-святилищам: Экаин и Альтчерри.¹ Герхарт Бозински, по инициативе которого впервые этот том был издан на немецком языке в 1996 г., в предисловии отметил, что два новых грота в Стране Басков существенно отличаются друг от друга как по изображенным сюжетам, так и по повествовательному содержанию. В Экаине это преимущественно изображения лошадей, красочные или гравированные, занимающие достойное место среди самых выразительных анималистических произведений пещерного искусства палеолита. В Альтчерри значительно преобладают фигуры бизонов, которые несомненно были окрашены черным, но краска сохранилась лишь местами и в настоящее время можно говорить, главным образом, о гравюрах.

Х. Альтуна поставил перед собой достаточно скромную цель: ознакомить широкую публику с двумя подземными святилищами, расположенными в восточной части Кантабрийского региона и известными только по научным статьям. Однако его замечательный труд, содержащий информативный текст со множеством высококачественных цветных фотографий, далеко выходит за рамки первоначального намерения автора.

Публикация Х. Альтуны особенно важна, поскольку гроты-святилища закрыты для публики. Экаин может посещаться в исключительных случаях, а Альтчерри —

только специалистами по палеолитическому искусству. Такие меры были предприняты с самого начала для защиты столь значимых и столь ранимых изображений, дошедших до нашего времени из глубокой древности. От посещений гротов туристами росписи за несколько лет страдают более, чем за тысячелетия их существования от воздействия природных факторов. Увлекательна история открытия гротов. Решающую роль в этом и в последующем сохранении росписей Экаина сыграла фольклорная группа Анциета, патриотическая в лучшем смысле слова. Эта группа была создана в период, когда Страна Басков подвергалась угнетению со стороны франкистской диктатуры и когда многие баскские патриоты обратились к культурной деятельности, единственно дозволенной, но под строжайшим контролем. Хотя фольклорная ассоциация, созданная в 1968 г. и названная именем выдающегося музыканта XVI в. Хуана де Анциета, посвятила себя музыке, тем не менее, она привлекла к своей деятельности также археологов-любителей, особенно интересующихся доисторией страны. Один из таких любителей, работавший на фабрике музыкальных инструментов Антони Альбизури вместе со своим другом Рафаэлем Резабалем обследовал по поручению Х. Альтуны гроты в карстовом массиве Изарраиц («Звездная скала», по-баскски). Во время осмотра маленького грота в холме Экаин в 1969 году Р. Резабаль заметил справа от входа заваленное камнями отверстие, откуда шел холодный воздух. Молодые люди разобрали камни и проползли по узкому проходу 20 м, прежде чем смогли выпрямиться. Пол,

---

¹ Пользуясь случаем высказать глубокую благодарность М. Пеньяс-Моралю за помощь в прочтении баскских названий.

покрытый кальцитом, был твердым. Они устремились вперед по все расширяющейся галерее, куда никто не проникал в течение тысячелетий. Когда галерея повернула вправо, Рафаэль поскользнулся и оказался под скошенной стеной грота, покрытой палеолитическими росписями, которые позднее были названы Большим панно лошадей. Первооткрыватели покинули грот полные впечатлений, и в тот же день сообщили о нем Хозе Мигелю де Барандирану, известному исследователю доистории Страны Басков, а на следующий день — Х. Альтуне. Ученые посетили грот, оценили его значение и закрыли вход металлической дверью, перед тем как объявить об открытии.

Меры, предпринятые для защиты и сохранности наскальных изображений Экаина, поучительны для нас в связи с проблемами открытого на территории Башкортостана уникального памятника Каповой пещеры. Проведенная недавно в Уфе Международная конференция «Пещерный палеолит Урала» (9—15 сентября 1997 г.) подтвердила исключительное значение Каповой пещеры для мировой культуры. В своем приветственном слове президент Республики Башкортостан М. Рахимов отметил: «Нашими учеными и специалистами проведены целенаправленные исследования этого памятника, составляются эскизные проекты благоустройства и использования как объекта туризма. Но во многом мы только в начале пути» (с. 10). Очень важно, чтобы этот путь вел в правильном направлении, чтобы в угоду туризму и сиюминутной выгоде не были утрачены бесценные и невозполнимые сокровища древности.

И в Стране Басков открытие росписей в Экаине положило начало проблемам и спорам между местными властями и Институтом доистории, Научным обществом Аранзади. Это были годы туристического бума, жертвами которого стали многие пещеры, в том числе всемирно известная Альтамира, которую посещали десятки тысяч туристов в год. Институт был решительно против открытия грота для публики, но давление, оказанное сторонниками туристического движения, было слишком сильным и в существовавшей политической ситуации Институт рисковал потерпеть поражение. Пресса обвинила Научное общество в намерении секвестировать часть культурного наследия и требовала немедленного открытия грота, мотивируя это задачами воспитания школьников. Научное общество, напротив, утверждало, что доступ публики в грот удовлетворит любопытство одних и наполнит карманы других, но при этом повлечет

за собой невозполнимую потерю этого наследия для будущих поколений. Игнорируя все приводимые аргументы, Министерство Образования в Мадриде отделило от Общества департамент археологических раскопок в провинции Гуипускоа, но разрешило Обществу составить план раскопок стоянки во входной части, где ранее были выявлены культурные слои. Это оказалось первым шагом к сохранению росписей, поскольку во время раскопок вход в грот должен был оставаться закрытым. За период раскопок с 1969 г. по 1975 г. настроения изменились. Ученые оценили степень повреждений, причиненных толпами посетителей в Альтамире и Ляско. Министерство было вынуждено создать Комиссию для выработки заключения о состоянии полихромных росписей на знаменитом плафоне Альтамиры и о возможности их консервации. Демократический переходный период в стране после смерти Франко позволил Обществу удержать Экаин закрытым. Наибольшая опасность была устранена.

После объявления баскской автономии и создания баскского правительства Научное общество получило большой вес, оно смогло воспрепятствовать проводке электрического освещения в грот и другим работам, облегчающим доступ в грот туристам: устройству лестниц, перил, насыпей из песка или гравия. Благодаря этому грот сохранился в первоначальном виде. Единственное нововведение — две двери: одна во входе в первый зал, другая — во входе в первую галерею. В настоящее время изучается возможность создать реплику грота, как это сделано в Ляско, который теперь посещается только специалистами и только по особому разрешению. Мне посчастливилось осмотреть и сам грот Ляско и его реплику, расположенную в том же скальном массиве. Воспроизведение росписей в точно скопированных полостях, сопровождаемое музейной информативной экспозицией, полностью удовлетворяет потребности широкой публики. Конечно, грандиозные размеры Каповой пещеры не позволяют выполнить такие же работы. Однако, правительство Башкортостана должно взять на себя заботы по спасению Каповой пещеры и ее микроклимата, от которого зависит сохранность живописи.

Но вернемся в Экаин. Во избежание повторений объединим два раздела: описание частей грота и описание изображений, подробно представленных Х. Альтуной. Длинный и узкий «Главный кулуар» приводит в зал с двумя разветвлениями направо, лишенными росписей, и с расширением нале-

во, где обнаружено самое крупное в гроте изображение головы лошади — как бы сигнал, что Экаин является по преимуществу «гротом лошадей».

Первая левая небольшая галерея, кончающаяся тупиком, отличается по своим сюжетам и технике от других частей грота. В ней представлены изображения четырех из пяти горных козлов и двух из трех благородных оленей, причем эти фигуры самца и лани являются единственными в гроте, нанесенными тонкими линиями в технике гравировки. Остальные переданы черным контуром. Здесь нет изображений лошади, но представлена полная фигура лосося с использованием рельефов скалы.

Эта галерея открывается в зал, названный Главным — важный центр подземного святилища. Доминантой зала служит скальный блок, естественные контуры которого напоминают большую голову лошади. От Главного зала на север тянется обширная галерея, разделенная на несколько частей. Вначале это «Пункт лошадей», где открыты два наиболее зрелищных панно с фигурами животных, преимущественно лошадей. На правой стене «Большое панно» включает 23 фигуры: 14 лошадей, шесть бизонов, лань, горного козла и рыбу. Большинство животных повернуты влево и обращены к «Нише медведей». Росписи расположены раздельно, с явным намерением избежать перекрывания, то есть свидетельствуют в пользу заранее спланированной композиции. Семь фигур переданы черным контуром. Семь фигур имеют в дополнение к черному контуру окраску черным же внутри. Лишь одна лошадь нарисована красным контуром. Три фигуры: бизон и две лошади раскрашены черным и красным и сверх того гравированы. Эти наиболее тщательно выполненные изображения находятся в разных местах панно. Автор предполагает, что различные способы воспроизведения имели и различное значение.

На левой стене галереи изображены бизон со скальным рельефом спины и справа от него восемь лошадей, часть которых неполные. Большинство фигур так же ориентированы к «Нише медведей». Бизон и пять лошадей выполнены черным контуром, причем у одной из лошадей к контуру добавлена детальная внутренняя прорисовка — единственный случай в пещере Экаин. На двух фигурах лошадей наиболее четко видны изображения метательных дротиков, что позволяет автору вернуться к вопросу о придании знакам в форме стрел и ран их первоначальный смысл: констатировать, что раненые животные играли свою роль в образном повествовании, но без какой-либо

магической интерпретации. Следует заметить, что на этом панно нет ни красной краски, ни гравюры.

В левой стене, напротив Большого панно, находится маленькая, как бы спрятанная, галерея, имевшая несомненно большое функциональное значение в святилище. На скальной стене сохранилась линза глины с 33-мя ямками диаметром с человеческий палец. Ямки, видимо, были нанесены цилиндрическим сталагмитом или палкой, поскольку глубина некоторых из них достигает 10 см.

Далее, также в левой стене галереи, расположена небольшая ниша с фигурами двух медведей, следующих один за другим. Черный контур медведей нанесен одной уверенной и в то же время упрощенной линией, дополненной гравюрой. Здесь был использован марганец — единственный случай в пещере Экаин, поскольку для всех других черных фигур применялся древесный уголь. При этом краска была взята на месте из порядочно истощенной линзы двуокиси марганца.

«Ниша медведей» является центральным пунктом святилища. Большая часть фигур Галереи Лошадей и Последнего зала ориентированы к ней. На правой стене Последнего зала прослеживается панно из нескольких знаков и семи лошадей. Одна лошадь нанесена черным контуром, остальные — черные и красные, и одновременно гравированные — в этом состоит удивительное отличие от фигур лошадей Большого панно, где гравированные линии видны только на полихромных росписях, особенно детализированных и тщательно выполненных. На левой стене Последнего зала находятся две гравюры, широкие и неглубокие линии которых могли быть нарисованы пальцем на глинистом покрове скалы. Автор полагает, что эти неполные рисунки могут изображать шерстистого носорога и, если принять такую интерпретацию, они будут первыми и единственными фигурами этого животного в Кантабрийском регионе.

Большое внимание в монографии уделено раскопкам (раздел написан Х. Альтуной, Амелией Бальдеон и Коро Мариезкуррена). Раскопки, организованные секцией доистории Научного общества, проводились во входной части грота в течение шести полевых сезонов. Размеры раскопа не указываются. Подробно описана стратиграфия, где наиболее глубокие слои XII и XI стерильны. Слой X содержал, в основном кости пещерного медведя (83%), а также — волка, благородного оленя и пиренейской серны. В верхней части слоя находилось несколько обработанных кремней, возможно, относя-

щихся к началу верхнего палеолита (шательперрон). Из слоя IX (возраст 30 600 лет назад по ^{14}C), происходят главным образом кости пещерного медведя и немногие кремни ориньякского облика. В слое VIII (20 900 лет назад) уже нет костей пещерного медведя. Здесь преобладает пиренейская серна, за которой следует благородный олень. Отмечены также кости быков, горных козлов, косуль и кабанов.

Наиболее плотные слои заселения представлены в слоях VII—II: нижние слои VII—VI датированы мадленом, верхние — азилом.

Слой VII содержал многочисленный кремневый инвентарь древнего мадлена Кантабрии. Нижняя часть слоя образовалась во влажном и умеренном климате, верхняя — в холодную фазу, дриас I. Возраст слоя по радиоуглероду — 16 500—15 500 лет назад. Мощность слоя — 63 см. На одном и том же месте отмечены четыре последовательных очага. Кости благородных оленей составляют 85,2%, причем большая часть остатков принадлежит ланям и новорожденным детенышам. Найдены также и кости козлят. Возраст детенышей позволяет авторам утверждать, что во время образования слоя VII, грот заселялся только летом. Рассматривая вопрос, где могло быть постоянное место обитания охотников, авторы выделяют среди мадленских стоянок района грот Уртиага, наиболее доступный из Экаина. Там, в слое древнего мадлена, отмечено много костей оленят, но убитых в разные сезоны. Кремневый инвентарь этих двух памятников очень сходен.

Слой VI отложен во время холодного периода, возможно, дриас II. По радиоуглероду его возраст — 12 050 лет назад. Главная охотничья добыча — горный козел (71,1%). Благородные олени составляют 20,9%. Нет ни одной кости лошади. При толщине 24 см, слой очень богат каменной индустрией позднего и финального мадлена Кантабрии. Пропорция ретушированных орудий — 10,6% всего инвентаря. Очевидно, часть их была изготовлена в другом месте и принесена в грот. Имеются изделия из кости и рога, в том числе четыре гарпуна с одним рядом зубцов, найденные в верхней части слоя.

Открытие грота Альтчерри произошло дважды. В 1956 г. во время строительства дороги здесь производили разработку известнякового карьера. После взрыва динамита было обнаружено отверстие диаметром около 1 м, за которым простиралась длинная и широкая галерея. Шесть лет спустя, узнав о существовании пещеры, ар-

хеологи, члены Научного общества Аранзанди, решили ее обследовать. Один из них, Хуан Круз Видуния, заметил на стене глубокого колодца несколько черных линий, которые оказались вертикально расположенной фигурой бизона. Вскоре были обнаружены и другие изображения. Спелеологи сообщили о своем открытии Х. М. де Баррандиарану, который подтвердил его, и, благодаря своему опыту, увидел новые фигуры. С первого взгляда была несомненна подлинность и древность этих изображений, покрытых слоем кальцита и имеющих следы трещин и эрозии, которые появились после их выполнения. Научное общество добилось от местного правительства, чтобы грот был закрыт прочной дверью, и только после этого информировало общественность. Многие изображения находились в труднодоступных местах или на слое глины, покрывающем местами стены. Влажность, характерная для большей части полости, повредила росписи, краска которых стекла или стерлась до того, что стала еле различимой. Эти обстоятельства обусловили еще более строгие ограничения посещения грота, которые были сведены к неизбежному минимуму.

Недалеко от отверстия, образованного взрывом, обнаружен древний вход. Там были заложены пробные раскопки, открывшие следы человеческой деятельности. По ряду причин раскопки не были продолжены.

Грот Альтчерри находится на восточном склоне горы в 15 м над дном долины и в 20 м над уровнем моря. Он расположен в третичном известняке, сильно слоистом, с многочисленными диаклазами. Галереи, параллельные пластам известняка, образовались там, где вода встречала наименьшее сопротивление. Горизонтальные, вначале относительно тонкие (редко более 40 см) пласты известняка стали складчатыми в процессе орогенеза. Складки и диаклазы ослаблены отчетливыми размежеваниями пластов, что вызвало обвалы скальных блоков. В некоторых частях грота инфильтрация глины повлекла за собой выравнивание пола. Это сильно отличает Альтчерри от других пещер Страны Басков, которые образовались в ургонском ярусе мелового периода.

Изображения нанесены как на фасах, так и на боковых сторонах пластов. В первом случае размеры фигур ограничены толщиной пласта. За конусом обвала, закрывающего древний вход, на запад-северо-запад идет широкая галерея длиной 45 м, затем меняющая направление на запад-юго-запад (длина 50 м). Дно галереи плоское, влажное, покрытое упавшими

блоками. В начале поворота на первой стене открывается верхняя галерея с красными росписями, трудными для интерпретации. Если предположить, что извилистая линия длиной 3 м является спиной бизона, то это изображение окажется самой крупной фигурой в Альтчерри.

Новый поворот приводит к узкой боковой галерее с расположенными на обеих стенах фигурами группы I, преимущественно бизонов, в большей части гравированных. Главная галерея продолжается на запад, следуя направлению пластов известняка, на которых нанесены группы изображений II—VII. Имеется много росписей, дополненных гравировкой. Влажность стен привела к повреждению и местами полностью исчезновению росписей, особенно в группе II на левой стене, где фигуры расположены в виде двух полос, разделенных скальным выступом. В верхней полосе из 8 изображений различаются отчетливо только четыре бизона и, возможно, горный козел. На нижней полосе определены горный козел, первобытный бык и бизон. На противоположной стене расположена группа III, включающая штриховки и бизона, переданного черным контуром и гравировкой.

В 4-м от группы II на левой стене находится группа IV, состоящая из 14 фигур, главным образом, бизонов. Некоторые гравированы очень тонкими, трудно различимыми линиями, практически недоступными для фотографирования. Здесь галерея разветвляется. Одна ветвь ведет к колодцу, дающему доступ в более глубокие галереи. На пороге этого колодца фигуры группы VII: знак, благородный олень, первобытный бык, три бизона, лошадь расположены на широкой поверхности пласта известняка. На том же пласте, уходящем в колодец, две плохо сохранившиеся фигуры бизонов нанесены в вертикальном положении. находка изображений в колодце позволяла надеяться на открытие росписей в грандиозных нижних галереях, но, несмотря на интенсивные поиски, в глубоких полостях не обнаружены следы пребывания человека.

Пробираясь мимо колодца можно попасть в ответвление галереи с группами фигур V и VI. Группа V включает семь бизонов, две лошади, пиренейскую серну, горного козла и, возможно, первобытного быка; группа VI на противоположной стене — четырех северных оленей, четырех бизонов, змею и несколько знаков. Стена здесь очень влажная и роспись почти полностью исчезла.

В целом, в порядке частоты встречаемости, в Альтчерри представлены: бизо-

ны — 52, северные олени — шесть, горные козлы — пять, лошади — четыре, благородные олени — два, пиренейские серны — одна. К ним могут быть добавлены лисица, птица, змея и пять рыб. Все изображения относятся к мадлену, скорее всего, к поздней его фазе. В Альтчерри раскопки не проводились, поэтому остатки фауны пока не обнаружены. Однако, Х. Альтуна считает, что частота встречаемости изображенных здесь животных может быть сопоставлена с костным материалом из мадленских стоянок Кантабрии. Он включает полученные данные в сравнительный анализ животных, на которых охотились, и животных, изображенных на стенах пещер, отмечая здесь то же несоответствие, что и в других гротах Кантабрийского региона. В этом регионе открыто более 50 гротов с палеолитическим настенным искусством. Однако некоторые из них содержат очень мало изображений; другие лишены культурных слоев или еще не раскопаны; в некоторых гротах раскопки проводятся, но изучение полученных данных еще не закончено. Поэтому материалы лишь немногих гротов могут дать информацию для сравнительного анализа. Прежде всего, это материалы рассмотренного выше Экаина.

Ансамбль фигур в Экаине кажется выполненным в относительно короткий период времени. Об этом свидетельствуют одна и та же техника, одни и те же атрибуты, один и тот же стиль. Хотя изображения на стенах датируются, по всей вероятности, как и гравированная плакетка сланца из слоя VI, поздним мадленом, автор рассматривает остатки охотничьей добычи в обоих слоях. В слое древнего мадлена (VII) благородный олень и горный козел составляют 94,2%, лошадь только 0,8%, бизоны и быки — 1,1%. В позднем мадлене (VI) наиболее встречаемой добычей оказывается горный козел, за ним следует благородный олень. Вместе они составляют 86,6%, а быки и бизоны — 1,3%. Лошадь отсутствует полностью. Изображения на стенах демонстрируют совсем другое распределение видов: лошади — 57,6%, бизоны — 18,6%, тогда как благородные олени и горные козлы соответственно 5,1% и 8,5%. Судя по костному материалу, в мадлене Экаина преобладала специализированная охота на благородного оленя и горного козла, но изображения этих животных представлены значительно реже, чем лошади и бизона, на которых почти не охотились. Соотношение животных изображенных и животных, добытых на охоте, почти обратные. Два изображенных медведя определены как бурые,

исследованные же кости принадлежат пещерным медведям.

В другом гроте — Тито Бустильо — наиболее богатые культурными остатками слои 1a—1c датируются поздним мадленом, нижний слой 2, возможно, — средним мадленом. Сравнение изображенных и охотничьих видов также обнаруживает значительные различия. Установлена специализация охоты на благородного оленя, за которым следует горный козел. Вместе они составляют 90% костей. На стенах грота наиболее часто изображена лошадь, но количество ее костей ни в одном из слоев не превышает 6%. Среди фигур второе место занимает благородный олень. Подчеркивается, что среди изображений в Тито Бустильо и в Альтчерри фигуры северных оленей более многочисленны, чем в любом другом кантабрийском гроте. Однако из более 4000 костей, определенных в Тито Бустильо, нет ни одной кости северного оленя.

Среди изображений в гроте Сантимаинье насчитывается 25 бизонов, шесть лошадей, три горных козла, один благородный олень и один бурый медведь. Здесь снова отмечается различие в соотношении видов изображенных животных и костных остатков из раскопа. Это особенно касается благородного оленя, кости которого преобладают в слое. Зато бизон, широко представленный в росписях, почти не присутствует в фауне. Лошадь и горный козел имеют одинаковую частоту встречаемости и в костном материале, и в изображениях.

В гроте Ла Льюерра недавно изученные настенные изображения по стилю принадлежат к более древнему периоду, чем мадлен. В слое преобладают кости благородного оленя и пиренейской серны, третье место занимает горный козел. Интересно, что среди изображений наиболее часто встречается именно благородный олень. Кроме того, есть несколько изображений лошадей и быков, а также горных козлов. Пиренейская серна полностью отсутствует, хотя отмечено, что на это животное регулярно охотились. Иногда его кости встречались гораздо чаще, чем кости горного козла — например, в солотрейском слое Ла Льюерра и во всех слоях гротов Аицбитарте IV и Амальда. Однако серна почти никогда не изображалась на стенах пещер.

Х. Альтуна, переходя к общим выводам, касающимся палеолитического искусства Кантабрийского региона и фауны той эпохи, останавливается на особенностях охоты в разные периоды верхнего палеолита. В мадлене охотничья специализация становится более выраженной, чем в предшест-

вующее время. Наиболее важной охотничьей добычей продолжает оставаться благородный олень или горный козел, в зависимости от локальных условий: например, близости или отдаленности стоянки от крутых склонов. Лошади, бизоны и пиренейские серны теряют для мадленских охотников свое значение предпочитаемой добычи. Однако в изобразительном настенном искусстве картина иная. Благородные олени занимают первое место (31%), причем лань изображалась чаще самца. Лошадь составляет 24% всех учтенных фигур, бизон — 22%, затем со значительным отрывом следует горный козел (12%). Фигуры первобытных быков составляют 7,5%, северных оленей — 2,5%, других животных — менее 0,7% каждого вида.

Эти соотношения различаются по отдельным районам Кантабрии: если изображения ланей отчетливо преобладают в Астурии и Сантандере, то бизоны и лошади — в Стране Басков. В Сантимаинье, Экаине и Альтчерри всего шесть фигур благородного оленя, а в остальной Кантабрии — 225.

К сожалению, в рецензируемой нами книге, из всех проблем, связанных с палеолитическим пещерным искусством, выбрана только одна — зоологическая, которую, следуя Х. Альтуне, мы изложили выше. Несответствие частот встречаемости фаунистических остатков и изображенных видов констатируется, но не объясняется. Вызывает также вопрос и такое прямое сопоставление статистических данных. А ргіогі подразумевает, что весь пантеон на стенах пещер выполнен людьми, оставившими во входных частях этих пещер достаточно мощные культурные слои.

В предельно кратко изложенных выводах утверждается, что для реконструкции природной среды той или иной эпохи рискованно опираться на произведения искусства. Даже к частоте встречаемости отдельных видов животных среди остатков охотничьей добычи следует подходить с осторожностью, поскольку она может свидетельствовать лишь о том, что охотники могли намеренно выбирать животных, более или менее часто встречающихся в окрестностях стоянки. На стенах же гротов они могли изображать зверей, которых видели в отдаленных районах. В пользу такой возможности свидетельствуют накапливающиеся материалы о существовании связей между памятниками, удаленными друг от друга на значительное расстояние.

Тонкие наблюдения автора о расположении фигур в композициях подтверждают связанный характер не только каждого панно,

но и всего ансамбля, выявляя вместе с тем его особенности. Поэтому был бы полезен сравнительный анализ искусства и Экаина, и Альчерри с другими пещерными ансамблями Кантабрии и Пиренеев. Можно надеяться, что изучение этих памятников будет продолжено, но уже теперь несомненна исключительная ценность публикации еще мало известных нашему читателю материалов сравнительно недавних открытий. Пуб-

ликация тем более важна, что она позволяет еще раз поставить вопрос о сохранности бесценного уральского сокровища — Каповой пещеры.

З. А. Абрамова

Россия. Санкт-Петербург.

Институт истории

материальной культуры РАН.

Отдел палеолита.

О СИСТЕМЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ БРОНЗОВОГО ВЕКА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

C. Lamberg-Karlovsky. Beyond the Tigris and Euphrates. Beer-Sheva. Studies by Department of Bible and Ancient East. v. IX. 1996. Ben-Gurion University of the Negev Press.

Древневосточный центр первых цивилизаций неизменно вызывает заметный интерес исследователей и количество монографий, посвященных этой проблематике, отнюдь не сокращается несмотря на ограничения экспедиционных возможностей в связи с политической ситуацией, сложившейся в Ираке и Иране. К этой тематике вновь обратился известный американский исследователь К. Ламберг-Карловский, чья книга в соавторстве с Дж. Саблоффом, носящая название «Первые цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика», была опубликована в США в 1979 г. и издана в русском переводе в 1992.

Рассматриваемая публикация сложилась на основе семинара, проводившегося в университете Бен-Гуриона, и сам ее жанр носит, скорее, характер публичных лекций, чем скрупулезного типологического анализа артефактов или письменных документов. Достоинством книги являются яркие характеристики культурологического и социологического характера и использование новейшего археологического материала. Особенно заметно в этом отношении, по сравнению с более ранними публикациями по этой тематике, в том числе и самого автора, широкое привлечение советской археологической литературы. Это явно является результатом определенного информационного прорыва, одним из организаторов которого был К. Ламберг-Карловский, по чьей инициативе в 1981—1986 гг. функционировала советско-американская программа по

древневосточным цивилизациям. Материалы второго симпозиума этой программы, происходившего в 1983 г. в Самарканде, опубликованы советской стороной в виде отдельной книги (Древние цивилизации Востока 1986).

В кратком «Предисловии» (с. 1—10) автор отмечает, что успехи региональной археологии по-новому ставят проблему, которую можно именовать по-разному — и «сфера международных взаимодействий», и «центр и периферии». Но содержание ее остается неизменным: взаимодействие областей с централизованной политической властью и более или менее отдаленных регионов.

В первой главе рассматривается развитие археологических знаний по выбранной автором тематике (с. 11—62). К. Ламберг-Карловский отмечает, что в эпоху колониализма практиковался вывоз коллекций, а порой и получение монопольного права на проведение археологических изысканий, как это, например, осуществила Франция в начале XX века в Иране и, добавим, в Афганистане. Подчеркивается особое внимание в последние декады к теоретическим разработкам, в частности, к сравнительному анализу цивилизаций. Поскольку сам автор тяготеет к социологической интерпретации и обобщениям, примечателен предлагаемый им ряд «трех великих социологов XIX века» — Карл Маркс, Макс Вебер и Имиль Дюркгейм (с. 55). Достаточно прямо автор говорит и о политизации науки, о том, что

сейчас на смену колониализму пришел национализм. Как он отмечает, например, вопрос о том, кто «первый собственник» этой страны дебатруется во многих уголках мира (с. 46).

На новом археологическом материале во многом основана вторая глава, которая, учитывая новые интерпретационные разработки, так и называется «Месопотамский город-государство и урукская экспансия» (с. 63—99). В отношении Месопотамии К. Ламберг-Карловский опирается на классические исследования Р. Адамса по типологии и динамике поселения, в социологических разработках и формулировках зачастую использует труды И. М. Дьяконова. По новой хронологии, опирающейся на калиброванные радиоуглеродные датировки, Урук в целом относят ко времени около 3800—3300 гг. до н. э., а первые урукские документы — ко времени около 3400 г. до н. э. Взлет урбанизации в пору Урука и формирование самого Урука как гиперурбанистической структуры были определены еще работами Р. Адамса и его коллег.

Новым является открытие на юго-востоке Турции достаточно ярких археологических комплексов, содержащих урукские артефакты. Контекст этих находок различен. Расположенный на берегу Евфрата памятник Хабуба Кабира представляет собой небольшой городок с такими характерными чертами урукского комплекса как керамика, цилиндрические печати и пиктографические таблички. Есть и более мелкие поселки, а также своего рода урукские колонии, располагавшиеся на территории уже существовавших ранее оседлоземледельческих поселений, где жители с урукской культурой сосуществуют с местным населением, продолжающим развивать собственные культурные традиции.

Интерпретации этих находок посвящена уже довольно обширная литература, где приоритетное положение занимает книга Гильермо Алгазе, который собственно и ввел в оборот понятие «урукская экспансия» (Algabe 1993). Таким образом, зачастую две традиции — урукская и анатолийская сосуществуют бок о бок (с. 83). К. Ламберг-Карловский достаточно скептически относится к несколько прямолинейной трактовке «урукской экспансии» как движения за использование местных ресурсов и развитие торговли, как это утверждал Дж. Алгазе. Сам автор предпочитает говорить о целом ряде факторов, в числе которых он называет в частности демографический стресс, политическую централизацию, изменения эко-

логического характера, связанные с развитием земледелия (с. 85).

Видимо, бесспорный факт появления и чисто урукских комплексов, и урукских влияний на юго-востоке Турции следует рассматривать в более широком историческом аспекте. Движение из Месопотамии в этом направлении, во многом определяемое наличием водных артерий, начиналось еще в пору Халафа и достаточно широко представлено в пору Убейда, когда местная культура получила сильный месопотамский окрас и не без основания именуется «северо-западным Убейдом». Таким образом, появление урукских комплексов на юго-востоке Турции является как бы хронологическим повторением инфильтрации населения и культурных влияний, идущих со стороны древних центров месопотамской цивилизации. Разумеется, воздействие Урука с его мощным культурным потенциалом носило особый характер. Не исключено, что в этом контексте как далекий балканский выброс можно рассматривать появление квазиурукского типа пиктографических документов в румынской Тартарии.

Весьма показательно, что таблички из Тартарии, по заключению изучавшего их А. А. Ваймана, связаны с хозяйственной деятельностью (Вайман 1994), как, впрочем, и большинство документов из самого Урука, да и из анатолийских выселков. Эта деятельность, сосредотачивавшаяся в храмах и святилищах, подчеркивала значимость этих структур как организационно-хозяйственных лидеров. Таблички из Тартарии, видимо, претерпели вторичное использование: в них просверлены отверстия, позволяющие использовать их в качестве амулетов. Правда, эти отверстия сделаны достаточно аккуратно, без нарушения текстов. Трудно говорить, что соответствующий центр организационно-хозяйственной деятельности располагался где-либо на территории Румынии, тем более пока в материальной культуре Балкан не прослеживается выразительных урукских параллелей. Однако в наличии такого центра где-то на пути из Анатолии на Балканы едва ли приходится сомневаться, тем более, что, по заключению А. А. Ваймана, знаки Тартарии наиболее близки документам Урука IV, но, как он пишет, «тартарийская письменность» не идентична полностью собственно шумерским документам (Вайман 1996: 188).

В тексте главы, как и во всей книге К. Ламберг-Карловского, немало интересных формулировок и заключений. Хотелось бы остановиться на одной из них. В анатолийском Хабуба Кабира обнаружены

фрагменты египетской керамики типа Нагда II С, что является одним из важных свидетельств древнейших шумерско-египетских взаимодействий. Шумерские компоненты в герзейском Египте давно известны и порождали порой даже шумероцентристские рассуждения. К. Ламберг-Карловский высказывается в этом отношении достаточно определенно — не было ни египетских, ни шумерских приоритетов, в обеих цивилизациях в равной мере развивались процессы аккультурации и взаимодействия (с. 81).

Глава III посвящена соседнему с Месопотамией Эламу (с. 100—127). Урукские воздействия в Эламе и, в частности, в Сузах, где предполагается даже наличие урукского анклава (сравни с. 84), известны давно. Так же как и шумерские воздействия на эламские культурные стандарты, включая систему письменности, известны давно. Несколько неожиданным является сообщение о наличии в слое Бакун А цилиндрической печати конца V тыс. до н. э., что могло бы рассматривать этот вид артефактов как эламское изобретение (с. 112). Достаточно хорошо известно и сравнительно широкое распространение протоэламских комплексов за пределами собственно эламской метрополии. Здесь важны и раскопки самим К. Ламберг-Карловским Яхья-тепе в юго-восточном Иране, где, судя по всему, располагалась протоэламская фактория. Сейчас протоэламские материалы обнаружены Р. Бесенвалем и на юге Белуджистана. Вслед за ранее использованной для урукских комплексов терминологией автор говорит о протоэламской экспансии, представленной на таких памятниках, как Сиалк, Тепе Яхья и Тали-Малиян. Спорадические находки имеются в Шахри-Сохте в иранском Сеистане и в Тепе Гисаре на северо-востоке Ирана (с. 113).

Более общий характер носит глава IV «Раннединастический город-государство: теократия и община» (с. 128—171). Здесь многие положения основаны на разработках И. М. Дьяконова, о чем автор прямо и пишет (с. 144). Как это характерно для западных исследователей Ближнего Востока последних двух десятилетий, особо большое значение придается торговле, чему автор посвящает немало места, особенно при освещении памятников, расположенных на Аравийском полуострове. Однако такая прямолинейная формулировка, как «Капиталисты в торговой системе Персидского залива» (с. 160), выглядит слишком уж модернизированной. Я могу сослаться на исследование одной из учениц И. М. Дьяконова — Н. В. Козыревой (Козырева 1997). На осно-

вании анализа большого числа конкретных документов Южной Месопотамии конца II тыс. до н. э. она показала бесспорную доминанту централизованного хозяйства. Даже все кредитные операции не выходили за его рамки.

Пятая глава носит название «Загадочные цивилизации — долины Инда и Окса» (с. 172—217). Широкое использование результатов исследований отечественных ученых в Средней Азии заметно отличает эту книгу К. Ламберг-Карловского от традиционных работ по древневосточной археологии. Они обычно используют хараппские материалы, но включение в эту систему данных из Средней Азии является для западной литературы подлинным новаторством. К. Ламберг-Карловский прямо пишет, что, например, раскопки Алтын-депе открыли новую страницу в изучении бронзового века Средней Азии (с. 195). Терминология в этой области, правда, еще не устоялась. В научной литературе говорится о цивилизации Алтын-депе как о самостоятельном культурном явлении и о культуре Саппали, которая практически идентична североафганистанским памятникам типа Дашлы. В. И. Сариниди пользуется термином «бактрийско-маргианский археологический комплекс». Автор этих строк предлагал говорить о целой группе локальных цивилизаций, объединяемых понятием протобактрийский центр, как особом историческом явлении в древневосточном культурно-историческом макрорегионе (Masson V. 1988). Сам К. Ламберг-Карловский тот же круг локальных центров именуется «цивилизацией Окса» по древнему наименованию Аму-Дарьи.

Новые материалы, полученные отечественными археологами, придали новизну и заключительной главе рассматриваемой книги, которую автор назвал «Затмение на востоке» (с. 218—250). Хорошо известен факт упадка, а затем и деградации хараппской цивилизации после 1800 г. до н. э. В равной мере обращало на себя внимание запустение где-то в этих пределах таких крупных центров, как иранское Тепе Гисар и южнотуркменистанское Алтын-депе. Новые материалы в принципе подтверждают эту общую тенденцию, но позволяют более конкретно представить полную картину. Прежде всего, в вопросах хронологии, чему К. Ламберг-Карловский в силу жанра своей книги не уделяет большого внимания. Совершенно ясно, что высокоразвитые культуры урбанистического облика в Бактрии и Маргиане, которые К. Ламберг-Карловский включает в цивилизацию «Окса», заустывают на несколько

столетий позже Хараппы и Мохенджо-Даро. Запустение этих урбанистических гигантов долины Инда К. Ламберг-Карловский, вслед за рядом исследователей, склонен в значительной мере связывать с природными факторами, своего рода естественной катастрофой, где могли играть роль и дефлоризация, и тектонические подвижки, изменившие течение рек (с. 229).

Хорошо известно несколько прямолинейное заключение М. Уиллера о гибели этих городских центров в ходе вторжения ариев. Сейчас совершенно ясно, что здесь нет упрощенной прямой связи. Однако это не снимает самого факта продвижения арийских племен в Индостан, что в свете новых археологических материалов приобретает черты определенной конкретизации. И по этому пути К. Ламберг-Карловский справедливо указывает на свидетельства продвижения племен «цивилизации Окса» на юг, что оставило реальные свидетельства в виде отдельных артефактов и целых комплексов (смотри карту на с. 223). Он склонен связывать это перемещение с появлением колесниц, лошадей и, в конечном итоге, с продвижением индо-иранских племен (с. 243 и сл.). Для такой постановки вопроса, безусловно, есть основания. Однако эту проблему можно рассматривать и в более широком аспекте археологии Евразии. Одним из важнейших открытий российской археологии является выявление в районе южного Урала и прилегающих областях мощного культурного центра, где представлены гробницы знатных воинов на колесницах и крепости — овалы в плане, окруженные двойным кольцом стен. Наблюдается распространение этих традиций, в частности погребений знатных колесничих, как в западном, так и в восточном направлении, и исследователи не без оснований связывают эти явления с судьбами индо-иранской общности. Исключительно важны свидетельства и южного продвижения. Так, овальная в плане крепость с материалами, идентичными южноуральским, обнаружена казахстанскими археологами на Мангышлаке; в верховьях Зеравшана раскопана богатая гробница с псалями от конской узды, идентичными упряжи южноуральских колесничих (Бобомуллоев 1993). О проникнове-

нии элементов степных культур в оседлую урбанизированную среду на юге Средней Азии также неоднократно писалось в литературе. Автор этих строк высказал мнение, что в первой половине II тыс. до н. э. на юге Средней Азии происходила инфильтрация в среду оседлого населения представителей степного этноса. При этом процессы культурогенеза и этногенеза могли идти в двух направлениях — высокоразвитая местная среда ассимилировала пришельцев в культурном отношении, тогда как они, в свою очередь, возможно, как политически господствующая страта, стимулировали лингвистическую ассимиляцию (Masson V. 1985: 35, 1992: 356). В результате таких взаимопересекающихся процессов обитателей южно-среднеазиатских поселений первой половины II тыс. до н. э. можно рассматривать как индо-иранцев, которые продвигались дальше, на более южные рубежи, уже как носители урбанизированных культур, объединяемых К. Ламберг-Карловским в «цивилизацию Окса».

Своего рода заключением книги является небольшая седьмая глава «Цивилизация и другие мифы» (с. 251—264). Центральное положение этой главы — вывод о специфических особенностях каждой конкретной древневосточной цивилизации, несмотря на некоторые общие черты в виде письменности, храмов или царской власти. Наиболее полно это положение иллюстрируется на специфическом облике двух базовых цивилизаций Древнего Востока — шумерской и египетской.

В целом ярко и интересно написанная книга известного американского исследователя заметно продвигает разработку узловых проблем культурогенеза и социогенеза древневосточного макрорегиона. Особенно существенно то, что в этих разработках, наравне с традиционными материалами, добытыми усилиями многих поколений западных исследователей, «на равных» фигурируют и данные, полученные советскими археологами. Говоря об основных особенностях эпохи, как, например, о перенаселении, автор в одном ряду пишет о Месопотамии, Египте, долине Нила и регионах Окса — Аму-Дарьи.

Бобомуллоев, С. 1993. Раскопки погребального сооружения из Зардчахаляфа // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Серия востоковедения, истории, филологии 3: 56—63. Душанбе.
Вайман, А. А. 1994. Квазишумерские таблички Тартарии // Археологические вести 3: 181—191.

Древние цивилизации Востока. 1986. Древние цивилизации Востока. Ташкент: Фан.
Козырева, Н. В. 1997. Южная Месопотамия в начале II тыс. до н. э. (социально-экономические отношения). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Санкт-Петербург.

- Algaze, G.* 1993. The Uruk expansion. World Systems and the origins of Mesopotamia civilization. Chicago: University of Chicago press.
- Masson, V. M.* 1985. La dialectique des traditions et des innovations dans le développement culturel de la Bactriane // *L'archéologie de la Bactriane ancienne*: 32—38. Paris: Éditions de CNRS.
1988. The Proto-Bactrian group of civilizations in the Ancient East // *Antiquity* 63: 536—541.

mn1992. Decline of bronze age civilization and the movement of the tribes // *History of civilizations of Central Asia I*: 337—356. UNESCO. Paris.

В. М. Массон.

Россия. Санкт-Петербург

*Институт истории материальной культуры
Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа*

НОВЫЙ ТРУД ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА

ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

Том 1. Казахстан от эпохи палеолита до позднего средневековья.
540 с. 1996.

Алматы: Атамұра.

Знаменательно, что после обретения независимости, именно Казахстан, первым из Республик Центральной Азии, предпринял новое многотомное издание истории страны с древнейших времен до наших дней. Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова и Институт археологии им. А. Х. Маргулана Национальной Академии наук Республики Казахстан выпустили 1-й том, охватывающий период с древнейших времен — от эпохи палеолита до монгольского нашествия включительно.

В историографии Казахстана это пятое издание (первое вышло в 1943 г., второе — в 1949 г., третье — в 1957 г., четвертое — том 1 в 1977 г., том 2 — в 1979 г.). Все четыре издания «Истории Казахской ССР» отражают определенные этапы накопления источниковедческой базы, опирались на теоретические положения марксизма, исторического материализма и соответствовали требованиям советской исторической науки своего времени.

Рецензируемый труд включает все разделы 1-го тома и часть 2-го тома предыдущего издания.

На переломном этапе современной истории Республики, редколлегия предприняла первую попытку критической оценки исторической науки Казахстана «эпохи социализма». Кратко обозначены основные недо-

статки — «излишняя идеологизация, упрощенческо-прямолинейное понимание исторического процесса, схематизм»; господство классово-социального подхода ко всем явлениям истории прошлого; стремление распространить схему общественно-экономических формаций на самобытную историю казахского народа. Отмечено настойчивое внедрение идеи об особой роли России в истории народов бывшего СССР и мировой истории. Недооценивалось культурное и историческое наследие Казахского народа и роль кочевой цивилизации в мировой истории (с. 7—8). В такой общей форме и без конкретизации эти замечания относятся ко всей истории Казахстана, включая XX в. В меньшей степени, как справедливо подчеркнуто, все это касается древних периодов, которым посвящен 1-й том. Четко обозначена цель книги «по новому осмыслить исторический процесс, найти новые подходы к объяснению исторических явлений прошлого казахского народа с объективных научных позиций» (с. 10).

Новый подход сказался прежде всего в том, что рецензируемый труд, в отличие от предыдущего издания, открывается обширным историографическим разделом, который включает: 1) обстоятельную историю изучения археологических памятников, доведенную до 1994 г.; 2) обзор разнородных

письменных источников и 3) очерк изучения древней и средневековой истории по письменным источникам. В целом этот раздел дает представление о солидной фактологической базе, на которую опирались авторы тома, и о значительных достижениях казахстанских археологов и историков в последние десятилетия.

Много нового и свежих материалов найдет читатель в главе 1 и 2, посвященных каменному веку. Имеются основания предполагать появление древнего человека, современника питекантропа и синантропа, в разных частях Казахстана около миллиона лет тому назад. Основные этапы эволюции культуры каменного века обобщены в таблице на с. 70—71, которая представляет особый интерес для специалистов и более уместна в археологическом труде, но мало понятна для широкого круга без соответствующего пояснения в тексте.

Совсем иное дело в главе 3 «Казахстан в древнюю эпоху», в которой рассматриваются материалы о культуре андроновских племен эпохи бронзы. Новые открытия не вызвали необходимости пересмотра, и текст 1977 г. оставлен практически без изменений. Дополнительные сведения включены, главным образом, в описание памятников четырех географических регионов Казахстана. Выделен новый параграф «Антропологическая характеристика населения бронзового века». Подобные заключения имеются и в других разделах тома, выделение которых свидетельствует о внимании к антропологии в Национальной Академии наук.

Подробнее остановимся на одном из основных — втором разделе «Казахстан в сако-сарматскую эпоху». Глава 1 называется «Эпоха раннего железа». Бросается в глаза неоправданность дублирования конкретно-исторической и археологической периодизации. Авторы стремились, насколько это позволяли имеющиеся материалы, полно и с привлечением новейших материалов осветить развитие культуры кочевого населения всех основных регионов, количество которых удвоилось по сравнению с бронзовым веком. Но при этом отмечается неодинаковый подход. Для Семиречья и Южного Казахстана рассматриваются памятники и особенности культуры только VII—IV вв. до н. э. В остальных регионах эпоха раннего железа непомерно растянута во времени и включает все I тысячелетие до н. э., а для Северного Казахстана до II—IV вв. н. э., в Западном Казахстане — все периоды сарматской культуры. В восьми региональных очерках получилась пестрая картина, отражающая скорее состояние археологической

изученности многокомпонентного состава кочевого населения эпохи.

На обширных материалах убедительно показаны эпохальные изменения в хозяйстве, образе жизни и культуре населения, обусловленные появлением кочевой формы скотоводства, составляющего основу позднейшей экономики казахского народа.

Некоторые части II раздела мало отличаются от предыдущего издания. В этом разделе имеются спорные, дискуссионные утверждения. В казахской историографии давно сложилось предвзятое отношение к сведениям китайских хроник о первоначальном обитании усуней в глубинах Азии и в новой книге на стр. 248 говорится, что эти сообщения не соответствуют действительности. Остается неизвестным читателю, когда и каким образом появились усунь на территории Семиречья. Между тем, переселение усуней — факт исторически достоверный и они обосновались в Семиречье около середины II в. до н. э. Отсюда следует, что археологические памятники, древнеусуньские могильники, датированные III—I вв. до н. э. (с. 263) не имеют прямого отношения к собственно усуням.

Априорное заключение об усуньской принадлежности курганов, изученных М. В. Воеводским и М. П. Грязновым (Воеводский, Грязнов 1938: 162—179), было пересмотрено в 1971 г. (Заднепровский 1971: 30—31) и оно принято в «Истории Киргизской ССР», Том 1, 1984. В недавно опубликованной книге констатируется: «Археологическая культура собственно усуней еще не выделена...» (Койчуев, Мокрынин, Плоских 1994: 17). В предпринятом авторским коллективом пересмотре устаревших точек зрения и догм следовало бы обратить внимание и на спорность определений памятников усуней. В науке также до сих пор не установлены критерии отождествления памятников собственно кангюев и других кочевых народов древности.

В третьем разделе систематически изложена политическая история, начиная с утверждения власти западнотюркского каганата и до караханидов и завершается историей завоевания монголами Чингиз-хана.

Подробно и живо освещено развитие материальной и духовной культуры, архитектуры и искусства, верования и религии, языка, письменности и литературы. Особо отметим заключительную главу «Великий Шелковый путь на территории Казахстана» специально посвященную вопросам торговли и культурного обмена. Все средневековые народы — от тюрков, согдийцев, арабов и до караханидов и монголов оставили

заметный отпечаток в историческом и культурном наследии казахского народа.

В книге встречаются отдельные ошибочные утверждения и противоречивые заключения. Вызывает удивление, что этому способствовала редколлегия. Так, «От редколлегии» на с. 12 сказано, что люди андроновской культуры жили в больших поселениях и древних городах. Однако ни одно поселение ни по величине, ни по функциям не заслуживает названия города. Еще один пример — на с. 13: «В VI—III вв. до н. э. саки создали свое первое государство, центр которого находился в Жетысу (Семиречье)...» В тексте дана более взвешенная оценка: «...саки Семиречья по уровню социальной структуры находились на стадии сложения раннеклассового общества, производственные отношения в котором регламентировались и регулировались органами типа государственного образования» (с. 230).

Обобщая впечатления о книге, подчеркнем, что авторский коллектив, в составе которого произошли значительные изменения, сохранил все ценные разработки предыдущего издания 1977—1979 гг., содержание и многие положения которого, таким образом, выдержали испытание временем. Авторы внесли существенные дополнения и уточнения.

В заключение вернемся к вопросам периодизации истории, которые являются узловыми для истории любых обществ и в решении которых наиболее ярко сказалась научная новизна рецензируемого труда.

Новый подход наиболее отчетливо проявился в структуре тома, которая отражает принятую авторами периодизацию истории. По сравнению с предыдущим изданием внесены существенные изменения — вместо двух разделов, книга состоит из трех разделов, соответствующих трем крупным историческим эпохам. Первый раздел «Древнейший Казахстан» включает три главы и охватывает хронологически огромный период от палеолита и до бронзового века. Впервые появилась возможность выделить в отдельную главу сведения о культуре неолита и энеолита, когда совершался переход к производящему хозяйству. Этот раздел дописменной истории Казахстана написан преимущественно на основании археологических данных. Второй раздел посвящен истории кочевых племен саков, а также хунну, усунь и кангюй времени сложения первых государств кочевников, о которых сохранились краткие сведения в письменных источниках. Появились возможности охарактеризовать некоторые стороны конкретной политической истории. Изложение стало более

четким и последовательным после объединения в первой главе двух глав издания 1977 г. и разделения третьей главы на две самостоятельные — «Государство хунну и усунь» и «Кангюй». В предыдущем издании в одном — втором разделе рассматривалась история кочевых обществ I тыс. до н. э. и I тыс. н. э. В рецензируемом томе принципиальное различие истории ранних кочевников и истории кочевых государств подчеркнуто тем, что они отнесены к разным разделам.

В третьем разделе излагается средневековая история — от западнотюркского каганата и вплоть до монгольского нашествия Чингиз-хана.

Таким образом, первый том посвящен истории трех крупных эпох, каждая из которых в свою очередь делится на периоды.

Авторский коллектив попытался преодолеть схематизм членения истории по социально-экономическим формациям и это сказалось, прежде всего, и, главным образом, в терминологии, в наименованиях разделов и глав.

Деление истории на древнейшую, древнюю и средневековую напоминает периодизацию, принятую в известном труде Б. Г. Гафурова «Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история» (Гафуров 1972). В этом труде к древнейшей истории отнесены периоды от палеолита и до эпохи бронзы. Название «Древнейший Казахстан» не вызывает возражения. Однако, выделение внутри этого раздела главы 3 «Казахстан в древнюю эпоху», в которой речь идет о племенах бронзового века, никак не оправдано и нарушает логическую последовательность.

Наибольшие сомнения вызывает наименование второго раздела «Казахстан в сако-сарматскую эпоху». Оно резко выделяется среди других. Непонятно двойное наименование эпохи. В научной литературе более привычен термин «сако-усуньский». О роли сармат в истории Казахстана практически мало что известно и даже археологически еще не изучено насколько широко распространены на его территории сарматские памятники. Отметим разноречивость в названиях глав: 1 — «Эпоха раннего железа»; 2 — «Государство хунну и усунь» и 3 просто — «Кангюй». В целях унификации логично было бы назвать второй раздел «Казахстан в древнюю эпоху».

В третьем разделе непонятно разделение на государства раннего и позднего средневековья и непосредственный переход от раннего к позднему, минуя пору развитого средневековья. Нет объяснения причин изменения хронологических рамок позднесре-

дневского периода. Ведь не так давно опубликован монографический труд К. А. Акишева, К. М. Байпакова, Л. Б. Ерзаковича — «Позднесредневековый Отрар (XVI—XVIII вв.)» (Акишев, Байпаков, Ерзакович 1981).

Различия между тремя крупными историческими эпохами наиболее отчетливо проявляются в своеобразии общественно-экономического строя и культуры. Три раздела практически мало чем отличаются от периодизации по формационным критериям в предыдущем издании. Можно поставить знак равенства между разделами «Древнейший Казахстан» и «Первобытный строй и его разложение», между разделом «Казахстан в сако-сарматскую эпоху» и «Раннеклассовое общество на территории Южного

Казахстана и Семиречья», третьего раздела «Государства раннего и позднего средневековья» и «Раннефеодальные государства» и «Развитие феодальных отношений на территории Казахстана в X—XIII вв.».

Новая трехчастная структура, если избавиться ее от терминологической нечеткости, лучше соответствует современному уровню исторических знаний и, более того, она в настоящее время представляет оптимальный вариант периодизации древнейшей, древней и средневековой истории Казахстана.

В целом первый том «Истории Казахстана», несмотря на некоторые недостатки и недоработки, представляет определенный шаг на пути создания объективной и правдивой истории казахского и других народов Казахстана.

Акишев, К. А., К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. 1981. Позднесредневековый Отрар (XVI—XVIII вв.). Алма-Ата.

Воеводский, М. В., М. П. Грязнов. 1938. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР: К истории усуней // Вестник древней истории 3: 162—179.

Гафуров, Б. Г. 1972. Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история. Москва.

Заднепровский, Ю. А. 1971. Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усунь-

ского периода II в. до н. э. — V в. н. э. // Страны и народы Востока 10: 30—31.

Койчуев, Т., В. Мокрынин, В. Плоских. 1994. Киргизы и их предки: 17. Биш-кек.

Ю. А. Заднепровский

Россия, Санкт-Петербург

Институт истории материальной культуры РАН

Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа

ПОБЕДИЛИ ЛИ ПЕШИЕ ДРОТИКОМЕТАТЕЛИ КОЛЕСНИЧИХ?

(По поводу гипотезы Р. Дрюса
о причине падения восточномедиземноморских
цивилизаций около 1200 г. до н. э.)

Drews R. The End of the Bronze Age: Changes in Warfare and the Catastrophe ca. 1200 B.C. 252 pages, 4 figures, 10 pls. 1993. Princeton: Princeton University Press.

Монография известного американского исследователя истории древней Греции Роберта Дрюса посвящена одной из переломных эпох в истории человечества — времени очередного переселения народов в конце бронзового века. Для своей работы автор избрал один из наиболее интересных тем

этого периода — изменение военного дела. В первой вводной части книги показано, что за 40—50 лет на рубеже XIII—XII вв. до н. э. происходит разрушение культурных центров в Восточном Средиземноморье и в Эгеиде (с. 3—30). Во второй части монографии «Альтернативные объяснения катастро-

фы» Р. Дрюс рассматривает причины падения данных цивилизаций. Теория землетрясений, гипотеза Г. Масперо о миграциях, предположение Г. Чайлда о превосходстве врагов с железным оружием, гипотеза Р. Карпентера о засухе и теория о комплексном упадке дворцовой системы отвергаются автором (с. 31—90). Р. Дрюс склоняется к мнению, объясняющему катастрофу как следствие пиратских рейдов варварских народов (с. 91—93). Эту теорию автор дополняет военным аспектом проблемы, которому и посвящена основная, третья, часть монографии «Военное объяснение катастрофы» (с. 95—226). Данный раздел книги, несомненно, является наиболее ценным в работе.

В главе «Колесничное военное дело в позднем бронзовом веке» Р. Дрюс указывает, что колесницы в XVII—XIII вв. до н. э. составляли основу армий ближневосточных государств, а колесничие являлись привилегированной социальной прослойкой (с. 104—113). Монархии могли обладать несколькими сотнями — несколькими тысячами боевых упряжек (с. 107). Колесницы в бою служили передвижной платформой для лучника. Оригинальным является обращение Р. Дрюса к такой малоизученной и сложной для исследования теме, как практика использования колесниц на поле боя. В предложенной реконструкции исследователь исходит из основных положений по военному делу, высказанных Дж. Кигеном. Р. Дрюс, отвергая описания колесничной тактики Т. Пауэлла и Т. Уоткинса, считает, что упряжки строились в 3—4 шеренги с интервалом 20—30 м. Далее исследователь предлагает несколько сценариев боя колесниц. Так, при атаке линии упряжек могли проезжать друг сквозь друга, затем разворачиваться и сражаться вновь. Менее вероятными выглядят два других предположения Р. Дрюса о том, что колесничные силы могли атаковать друг друга клином или же что колесничие левого фланга, будучи левшами, двигались в бою налево, тогда как на правом фланге находились правши и, соответственно, они ехали направо (с. 127—128). Если первое предположение ученого базируется на некотором сходстве с действием кавалерии в начале XIX в., то две другие реконструкции являются простыми умозаключениями, не подкрепленными источниками. Для наибольшей полноты картины сложной и практически не освещенной источниками колесничной битвы Р. Дрюсу следовало бы шире привлечь индийские и, особенно, китайские параллели.

Особое внимание автор уделяет развитию колесничного военного дела в Греции.

Р. Дрюс присоединяется к мнению о том, что ахейские биги (колесницы, запряженные парой лошадей) были, как и восточные колесницы, площадками для воина-лучника и лишь в позднеэлладский период III в. до н. э. упряжки стали применять в качестве средства транспорта к полю боя, о чём сохранил воспоминание Гомер (с. 116—119, 161).

Справедливо отвергая мнение о том, что во второй половине II тысячелетия до н. э. пехота господствовала на полях сражений, автор впадает в другую крайность, считая, что пехотинцы были лишь живым кордоном на поле битвы, где сражались колесницы (с. 143, 147). Однако, сопоставляя действия колесниц и пехоты на поле боя с тактикой других периодов, мы можем прийти к выводу о том, что пехотинцы играли в бою роль поддержки колесниц. Вместе с тем нельзя не согласиться с автором, что пехотинцы имели решающее значение в боях на пересеченной местности, во время осад и штурмов (с. 138—141). Особого внимания заслуживает анализ Р. Дрюса действий пеших «бегунов» на поле боя, которые сражались вместе с упряжками в колесничном бою. Этим пехотинцев автор справедливо рассматривает как типичный для ближневосточных монархий род войск (с. 141—147). В рубрике «Набор пехотинцев в позднем бронзовом веке» автор приходит к выводу, что в этот период в монархиях существовала небольшая профессиональная армия, пополняемая наемниками из различных племен и, в случае нужды, плохообученными ополченцами (с. 147—157).

Переходя к главе «Пехота и конные войска в раннем железном веке» (с. 164—173), Р. Дрюс пишет, что в это время пехота становится основным родом войск, а колесницы на Ближнем Востоке сменяются конницей к 750 г. до н. э. Пехотинцы стали строиться в центре боевого порядка, тогда как колесницы и всадники ставились на флангах. Упряжки продолжали использовать царь и знатные воины (с. 164—166). Данная схема развития, в общем, выглядит убедительной. Однако, стоит заметить, что переход от колесницы ко всаднику в Передней Азии происходил в два этапа. Сначала появляется конная пара, лучник и копьеносец-ведущий, которые сражаются вместе с колесницами. По численности в середине IX в. до н. э. такая конница уже сравнивается с упряжками, играя, впрочем, вспомогательную роль. В первой половине VIII в. до н. э. распространяются и настоящие всадники, которые в последней четверти этого же столетия по своему количеству стали превосходить колесницы в несколько

раз, оттесняя упряжку на поле боя на второй план (Maueг 1995: 458).

Далее автор рассматривает «Изменения доспехов и оружия в конце бронзового века» (с. 174—208). Р. Дрюс отмечает, что у пехотинцев в этот период появляется панцирь, поножи и круглый щит, предназначенный для рукопашного, а не для метательного боя, распространяются дротики и длинные рубящие мечи типа Naue II. Всё это, по мнению Р. Дрюса, свидетельствует о переходе к «пешему военному делу», то есть к господству пехоты на поле боя, «продолжавшемуся до конца античности» (с. 210). Отметим, что последнее утверждение излишне категорично. Достаточно вспомнить конницу Фессалии, Македонии, раннего Рима и т. д.

В последней главе «Конец колесничного военного дела в катастрофе» Р. Дрюс излагает свою гипотезу, объясняющую падение дворцовых цивилизаций военным превосходством пеших варваров, которые, послужив наёмниками в монархиях, научились бороться с колесницами, сражаясь в рассыпном строю и забрасывая колесничных коней дротиками (с. 209—225). Именно таким образом более многочисленные племенные отряды разбивали колесничные войска — основу армий противника. Так, пешее ополчение евреев под предводительством Деборы и Барака разбило 900 колесниц хананеев Сисары (добавим: заманив их на неблагоприятную для езды территорию. См.: Yadin 1963: 255—256). Подавляющая же часть населения этих государств была безоружна и не могла противостоять грабительским набегам племен. Таким образом и происходило падение монархий. Египтянам же удалось отбиться от нашествия, набрав пехоту и посадив колесничных лучников на корабли. А лучники действовали эффективнее дротикометателей (с. 222—223). В Греции также готовились отразить нашествие: строили стены, набирали лучников, перевооружали пеших воинов копьями, снабжали их доспехами, учили ходить в строю. Это, по мнению исследователя, напоминает гоэлитскую реформу (с. 224—225).¹

Очевидно, Р. Дрюс пришел к своей гипотезе о конце колесничного военного дела, рассмотрев действия дротикометателей-агриан по отражению атаки серпоносных колесниц в битве при Гавгамелах (с. 182). Однако исследователь не заметил существенной разницы между тактикой серпоносных квадриг, предназначенных исключительно для атаки пешего строя врага, и способом

действия обычных упряжек, являющихся мобильной платформой для лучника (см.: Нефёдкин 1997: 23). Описание способа ведения атаки простой колесницей мы, к примеру, можем обнаружить в «Махабхарате», где колесничий-герой прежде, чем въехать во вражеский строй, «при помощи острых стрел расчистил там путь, достаточно широкий для проезда колесницы» (VII, 74, 4; перевод В. И. Кальянова), а затем уже он крушит вражеские войска в глубине строя. Следовательно, лучник в колеснице мог просто не подпустить на расстояние броска дротика пеших метателей. В то же время колесничий мог вести эффективный огонь по врагу. А если колесницы действовали отрядом, то разрозненные пехотинцы чаще не могли противостоять их атаке. Отметим также, что кони часто были прикрыты защитными попонами. Впрочем, опытные пехотинцы при атаке упряжек могли и не разбегаться от страха в стороны, а лишь ускользнуть от опасности (Dio., LXII, 12, 3—4). Пешие, более мобильные и подвижные, могли таким образом противостоять колесницам. Полковник Дж. Денисон замечает: «...в пешем бою пехотинец превосходит кавалериста и в стрельбе, и в маневрировании...» (Денисон 1872: 5; ср.: Caes. V. G., V, 16). Поэтому хорошо обученные и неплохо вооруженные колесничие подчас предпочитали сражаться пешими против пехоты врага. Так, колесничие цзиньского князя Сюнью, спешившись, поскольку местность была пересеченная, разбила пеших из учжунских племен (541 г. до н. э.) (Караев 1959: 96). Подобную тактику воинов на упряжках можно объяснить тем, что в пылу боя пехотинец может неожиданно поразить воина на колеснице, как это показывают нам некоторые египетские изображения (Wreszinski 1935: Taf. 113—114 (слева, в центре); 136—138 (справа); 169—170 (центр, второй регистр снизу)). В Греции, вероятно, тактика спешивания с колесницы и возникла вследствие столкновения с пешими варварами. Таким образом, колесницы монархий могли противостоять пехоте племенных ополчений.

Египтяне успешно воевали с пешими варварами и другим способом. Так, во время второй ливийской кампании Рамсеса III (около 1176 г. до н. э.) египтяне сражались против пеших лучников. У ливийцев биги имелись в очень небольшом количестве у племенной знати и, соответственно, не могли представлять силу, способную противостоять колесничным войскам фараона.

¹ Отметим, что данное сопоставление выглядит весьма сомнительным.

Рамсес бросил в сражение сначала шарданов и филистимлян, за которыми шли на врага египетские пехотинцы, и лишь затем в атаку помчались колесницы (Wreszinski 1935: Taf. 136—138). Смысл подобной тактики египтян состоял в том, что они первыми пускали в бой вспомогательные войска, которые должны были расстроить пешие отряды врагов, а затем уже в бой вступали колесницы — лучшая часть армии. Кроме того, биги фараонов не безуспешно боролись с пешими бедуинами и филистимлянами, вооруженными дротиками (Wreszinski 1935: Taf. 58b; 164; Yadin 1963: 336). Колес-

ницы последних были весьма немногочисленны и в расчет могут не приниматься.

Таким образом, можно присоединиться к тем исследователям, кто достаточно критически относится к гипотезе Р. Дрюса о причине падения государств в Восточном Средиземноморье и Эгеиде. Впрочем, несмотря на высказанные замечания, монография Р. Дрюса заслуживает внимания исследователей, поскольку она заостряет взгляд ученых на военной стороне проблемы гибели государств. Военное же дело этого периода описано у автора на достаточно высоком уровне.

Денисон, Г. 1872. Организация, вооружение и употребление кавалерии на войне (Пер. с нем. под ред. А. Риттера) // Военная библиотека VIII: 1—194. Санкт-Петербург.

Караев, Г. Н. 1959. Военное искусство древнего Китая. Москва: Воениздат.

Нефёдкин, А. К. 1997. Серпоносные колесницы: проблема происхождения // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета 2/2 (9): 22—26. Санкт-Петербург.

Mayer, W. 1995. Politik und Kriegskunst der Assyrer. Münster: Ugarit-Verlag.

Wreszinski, W. 1935. Atlas zur altägyptischen Kulturgeschichte. II. Leipzig: Hinrichs'sche Buchhandlung.

Yadin, Y. 1963. The Art of Warfare in Biblical Lands in the Light of Archaeological Discovery. London: Weidenfeld and Nicolson.

А. К. Нефёдкин

Россия. Санкт-Петербург.

Государственный университет,

исторический факультет, кафедра истории Древней Греции и Рима.

НОВАЯ СЕРИЯ ПУБЛИКАЦИЙ ДРЕВНОСТЕЙ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ АНТИЧНОЙ ЭПОХИ

M. Mielczarek. Armes grecques, scythes et sarmates du littoral septentrional de la Mer Noire dans la collection du Musée de l'Armée Polonaise a Varsovie. 120 pages, 28 figures. 1995. Torun: Université de Nicolaus Copernicus à Torun.

Недавно изданная книга Мариуша Мельчарека открывает планируемую польскими учеными серию публикаций под названием Monumenta Antiqua Orae Septentrionalis Ponti Euxini Reperta Locisque Externis Deposita (MAOSPER). В предисловии к ней (с. 7—10), написанном Е. Колендо и А. Вонсович, характеризуются цели и задачи серии, призванной ввести в научный оборот ранее недоступные археологические материалы, происходящие с территории Северного Причерноморья, но хранящиеся далеко за его пределами, в собраниях музеев Польши, Чехии, Словакии, Германии, Франции, Англии и США.

Данная работа, которой предшествовал ряд статей, опубликованных автором в

1986—1990 гг., посвящена небольшой коллекции предметов вооружения античного периода из Музея Войска Польского в Варшаве. Все они происходят из собраний польских ученых и коллекционеров, которые в XIX — начале XX вв. временно или постоянно проживали в южных губерниях Российской империи, в частности, в Киеве, Одессе, Николаеве и Керчи.

В связи с этим автор вполне обоснованно включил в книгу очерк под названием «Северное Причерноморье в исследованиях поляков в XIX — начале XX вв.» (с. 13—24). Здесь получила должное освещение деятельность Владислава Юргевича (1818—1898), который в 1875—1883 гг. исполнял обязанности секретаря Одесского общества

истории и древностей, а в 1883—1898 гг. — его вице-президента; Леопольда Воеводского (1864—1901), профессора Одесского университета; генерала Кароля Стахеля (1816—1890), передавшего в 1882 г. свою коллекцию греческих ваз и светильников в Ягеллонский университет в Кракове; врача Йозефа Чаки (1857—1938); историков Йозефа Крашевского (1812—1887), Эдварда Рачинского (1786—1845) и Аполлона Скалковского (1805—1899). В отношении участия поляков в раскопках, проводившихся на территории Северного Причерноморья, М. Мельчарек особо останавливается на той роли, которую сыграли польские исследователи в деле изучения скифских древностей. Среди них упоминается Йозеф Хойновский (1833-ок. 1914 гг.), с именем которого связано изучение ряда памятников на Украине и в Прикубанье; Юлиан Талько-Гринцевич (1850—1936 гг.) и Готфрид Оссовский (1835—1897 гг.), раскопавшие курган Рыжановка в Черкасской области Украины; Александр Быдловский, исследовавший там же курганы в районе Новоселки, и другие.

Завершается очерк краткой информацией о польских коллекционерах и путешественниках в указанный и более ранний период. Следует отметить подробные библиографические ссылки в данном разделе книги, что демонстрирует широту интересов и прекрасную осведомленность автора в историографии вопроса.

Следующая глава (с. 25—31) посвящена общей характеристике рассматриваемой коллекции и её истории. Коллекция составлена из предметов вооружения античного периода, поступивших как дар в Музей промышленности и земледелия и Общество поощрения художеств Царства Польского, находившиеся в Варшаве. Позднее они были сгруппированы в Национальном музее и отсюда в 1920-х гг. переданы Музеем Войска Польского.

Ядром собрания древнего вооружения Музея Войска Польского является коллекция уже упоминавшегося Й. Хойновского. Это частично документированные находки из проведенных им раскопок. Не вполне достоверная информация имеется о предметах, подаренных Й. Чакой и А. Стржалецким (1844—1934). Коллекция последнего формировалась непосредственно в Варшаве и тоже попала в Музей Войска Польского через Национальный музей. Ряд случайных находок с территории Украины был передан С. Дроздовским и Т. Пшолковским.

Далее автор излагает использованные им принципы публикации предметов вооружения (с. 33—34). Они включают детальное описание, информацию о месте и обстоятель-

ствах обнаружения, археологический контекст и указания на предшествующие публикации.

Глава «Описание предметов» (с. 35—67) является самым обширным по объему разделом книги. Она отличается развернутой характеристикой рассматриваемых образцов древнего вооружения, ряд которых публикуется впервые. При этом на основании широкого круга источников М. Мельчарек обосновывает датировку для каждого экспоната.

Защитное вооружение в собрании Музея Войска Польского представлено бронзовыми нагрудником т. н. «мускульной» кирасы и двумя шлемами «кубанского» типа. Нагрудник (дар Й. Чаки) был найден в районе Поволжья и является одним из наиболее хорошо сохранившихся образцов подобного рода продукции греческих оружейных мастерских. Он датируется автором второй половиной IV — началом III в. до н. э. К тому же времени относится «мускульная» кираса из кургана № 1 у села Прохоровка Оренбургской области. В настоящее время этот список можно дополнить за счет железной кирасы, найденной в 1995 г. при исследованиях V Бердянского курганного могильника в 30 км к востоку от Оренбурга (Моргунова, Мещеряков 1996: 278—279). С учетом находки в том же комплексе железного меча с серповидным навершием и прямым перекрестьем кирасу можно предварительно датировать III в. до н. э.

Таким образом, все известные в Восточной Европе находки «мускульных» кирас в указанный период связываются исключительно с территорией расселения раннесарматских племен. Вопрос о путях проникновения этих редких предметов античного защитного вооружения в кочевую среду увязывается автором с торговыми связями греческих центров Северного Причерноморья. Высказывается также предположение, что они могли быть трофеями, захваченными сарматами в ходе участия их в междоусобной войне сыновей боспорского царя Перисада I в 310/309 гг. до н. э.

Оба раннескифских шлема «кубанского» типа изготовлены из бронзы в технике литья и представляют значительный интерес в связи с их хорошей сохранностью. Первый был найден в 1886 г. в Воронцовском кургане близ станицы Крымской в Прикубанье. В этом же погребальном комплексе находились поступившие в Музей Войска Польского наконечник и вток копья, а также позже утраченный биметаллический короткий меч. Впрочем, до публикации М. Мельчарека весь этот комплекс считался многими российскими скифологами утерянным.

Подробно проанализировав данные о находках раннескифского вооружения на Северном Кавказе, автор приходит к выводу о возможности датировки комплекса второй половиной VII в. до н. э. В данном случае он придерживается точки зрения Л. К. Галаниной, которая в своей последней работе связывает происхождение шлемов «кубанского» типа с воздействием ближневосточных культур и датирует их использование в северокавказском регионе серединой — второй половиной VII в. до н. э., после чего, в начале VI в. до н. э., они выходят из употребления (Галанина 1997: 114).

Другой шлем «кубанского» типа является даром коллекционера А. Стржалецкого и происходит, согласно не заслуживающей полного доверия информации, из района Центральной Польши. Он несколько отличается в деталях изготовления от первого, но датируется тем же временем.

Наиболее многочисленной частью рассматриваемой коллекции являются 266 скифских бронзовых наконечников стрел. Три из них найдены, согласно каталогу музея, в окрестностях Ольшанки у г. Звенигородки (Украина). Не исключено, как отмечает автор, что они происходят из богатого скифского кургана, раскопанного в 1845 г. на территории Ольшанского поместья у села Ромейковка, где были найдены единственный пока в Северном Причерноморье шлем коринфского типа и поножи. Если это действительно так, то датировка наконечников стрел первой половиной V в. до н. э., предложенная М. Мельчарком со ссылкой на работы Б. З. Рабиновича, Е. В. Черненко и А. И. Мелюковой, может быть несколько удревлена, поскольку шлемы аналогичные найденному в Ромейковке, были распространены во второй половине VI—начале V в. до н. э. (Connolly 1981: 61).

Пять наконечников стрел фигурируют в музейной описи как «найденные в окрестностях Харькова». Скорее всего, это случайные находки. Остальные 248 наконечников поступили без сопровождающей документации из коллекции Й. Хойновского. Все они разделены на десять комплексов, причем неизвестно кто и когда это сделал.

Одним из самых интересных экспонатов собрания Музея Войска Польского является ранее не публиковавшийся железный меч, найденный в 1878 г. Й. Хойновским в богатой курганной гробнице некрополя Фанатории, где были зафиксированы четыре погребения. На основании обнаруженной здесь медной боспорской монеты царя Рескупорида III с надчеканкой и золотой индикации монеты императора Пупиена 238 г. М. Мельчарек датирует меч и комплекс в целом 30—40-ми гг. III в. н. э.

С этим утверждением вряд ли можно согласиться. Хотя сохранность меча оставляет желать лучшего, тем не менее мы видим здесь бабочковидное перекрестье в сочетании с антенным навершием. Последнее сильно коррозировано, вследствие чего отверстие в имеющейся волоте почти неразличимо.

Несомненно одно: этот меч более ранний, чем представляется М. Мельчарку. Аналогичный скифский меч, случайно найденный в пойме Южного Буга, датируется V в. до н. э. (Гребенников, Недопако 1984: 126—128). По классификации А. И. Мелюковой такие мечи относятся ко II отделу 2 подотдела I типа (Мелюкова 1964: 56, табл. 20, 10) и характерны, главным образом, для конца VI—V вв. до н. э.

Таким образом, Й. Хойновский, очевидно, объединил в один комплекс находки из разновременных погребений. Это ни в коей мере не умаляет научной ценности самого меча, поскольку пока он является единственным экземпляром данного типа в районе Прикубанья.

Еще одно упущение автора, но уже в отношении иллюстративной части книги, — отсутствие графических прорисовок рассматриваемых предметов вооружения, т. к. просто фотографии обладают меньшей информативностью.

В заключении можно отметить, что, несмотря на ряд недостатков, книга М. Мельчарка — несомненно, ценный источник для изучения образов древнего вооружения из северопричерноморского региона. Остается только выразить надежду, что и российские ученые внесут свой вклад в продолжение данной серии публикаций.

Галанина, Л. К. 1997. Келермесские курганы. Москва.
Гребенников, Ю. С., Д. П. Недопако. 1984. Скифский меч с Нижнего Побужья // Вооружение скифов и сарматов: 126—128. Киев: Наукова думка.
Мелюкова, А. И. 1964. Вооружение скифов // Свод археологических источников Д 1—4. Москва: Наука.
Моргунова, Н. Л., Д. В. Мецераков. 1996. Раскопки в Оренбуржье // Археологические открытия 1995 года: 278—279. Москва.

Connolly, P. 1981. Greece and Rome at War. London: Macdonald Phoebeus LTD.

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАРКА В ЦЕНТРЕ АФИН

Н. К. ГУРОВА*

Среди европейских столиц Афины имеют, пожалуй, наиболее древнюю историю и, возможно, наиболее печальную судьбу. На месте поселения микенского времени возникает самый могущественный полис Древней Греции, а затем приходит в упадок, пройдя через серию опустошительных захватов, стерших черты чуждой им цивилизации. Даже после провозглашения независимого греческого государства Афины не сразу вернули себе место и славу древнего города. Первой столицей Греции стал небольшой провинциальный город Навплион, и только в 1833 году столица была перенесена в Афины (Καμπούρογλου 1936). Все путешественники, посетившие город в XIX веке, изображают его небольшим городком вокруг Акрополя с отчетливыми внешними чертами турецкого владычества. Согласно переписи 1824 года, в Афинах проживало 9 тыс. человек (Κωνσταντινίδης 1939: 899; Τραυλός 1993: 232—233). На гравюрах и ранних фотографиях мы видим небольшой поселок восточного типа с узенькими улицами, не всегда мощеными, с почти полным отсутствием растительности, в который искусственным образом встроены немногочисленные парадные здания, возведенные в духе представлений об античности управлявших страной династий, сначала баварской по происхождению, а затем датской, по проектам архитекторов-немцев и датчан. Размеры города еще в конце прошлого века были невелики, его население составляло около 43 тыс. человек (Τραυλός 1993). Развитие Афин отражало общий путь развития государства, которое вплоть до последнего времени, да и сейчас, по преимуществу имело аграрный характер, а структура эко-

номики соответствовала общеевропейским интересам.

Интенсивный рост города начался в период между двумя войнами. После войны в Афины, в поисках лучшей судьбы, переселяется множество крестьянских семей и город стремительно растет. В настоящее время на месте античного города и поселка XIX века вырос город-гигант, который слился с Пиреем и рядом поселков и деревень Аттики. Сейчас, говоря об Афинах, чаще имеют в виду всю Аттику, где границы между поселками и городом и между самими поселками размыты от Элевсина на западе до мыса Сунион на востоке. Этот своеобразный конгломерат вобрал в себя более трети (3,5 млн.) из десятиmillionного населения страны (Στατιστική 1996: 41, 43). Для сравнения укажем, что население Афин в 1951 году составляло немногим более 500 тыс. человек при населении страны 7 млн. человек, население же Аттики, включая Афины и Пирей, составляло около 1 380 млн. человек (Εθνική 1954).

Афины замечательны своим географическим положением и красотой ландшафта, в котором сочетаются горы Аттики, мягкие очертания афинских холмов, Саронический залив и собственно аттическая долина. Почвы Афин состоят, в основном, из глинистых мергелей. Многолетние археологические раскопки показали, что наибольшая мощность культурного слоя на территории древнего города на его самой низкой отметке у Дипилонских ворот составляет 8 м, а в районе площади Синтагма, на самой высокой отметке древнего города, слои находятся почти на поверхности. На Агоре же мощность культурного слоя колеблется от 3 до 6 м (Τραυλός 1993: 258).

* M. Anastasaki, 14; N. Zografou, 157 72, Athens. Greece.

Афинская котловина, расположенная на берегу Саронического залива, окружена горами Парнифа на севере (выс. 1417 м), Пентеликон на северо-востоке (выс. 1109 м), Гиметт на юго-востоке (выс. 1027 м) и на западе горами Эгалео (выс. 470 м) и Пикила (выс. 453 м), между которыми проходила священная дорога, связывавшая Афины с Элевсином. К юго-западу от Эгалео находится Коридаллос (выс. 305 м).

В Афинской котловине расположены холмы Ликабет на востоке (выс. 277 м), серия мелких холмов к юго-востоку Турковуния (древний Анхесмос), холмы Ардиттос (выс. 133 м), Филопаппа (выс. 147 м), Пникс (выс. 109 м) и прилегающий к нему холм Нимф (выс. 104 м).

Между Ликабетом и холмами, к западу от него, возвышается холм Акрополя (156 м), составлявший в древности ядро города. К западу от подножия Акрополя находится холм Ареопага (115 м).

Рядом с холмом Нимф располагается Тессейон, который в древности возвышался на небольшом холме в центре Агоры и назывался поэтому Колонос (невысокий холм). На юго-востоке от Акрополя находится храм Зевса Олимпийского и холм Ардиттос с Панафинейским Стадионом. К северо-западу от Акрополя располагается Керамик и древняя дорога Димосион Сима, в настоящее время археологически не выявленная. В древности на западе Афинской котловины от Парнифы до Фалерского залива протекали реки Кефисс и Илосс, который брал начало у Гиметта и в восточной части соединялся с Кефиссом (Strabo, IX, 1, 24). Эти реки существовали до сравнительно недавнего времени (Μπίρης К. 1996: 326). Более скромная по величине река Иридан начиналась у Ликабета, около Священных ворот она сворачивала к югу и сливалась с Кефиссом. Вокруг Акрополя в древности было много источников, местоположение которых известно и теперь (Τραυλός 1993: 7).

Характерной особенностью Афин является их чудесный средиземноморский сухой субтропический климат. Средняя температура воздуха 18,6, средняя влажность 61%. Число солнечных дней 122 в году (Στατιστικές 1996: 22—23).

Согласно данным древних авторов, Афины не отличались богатой растительностью (Thuc., I, 1, 2, 5; Strabo, VII, 1, 2). Характерными элементами аттического пейзажа всегда были маслина и мелкие кустарники. Начиная с XIX в. сокращение растительности, вызванное выжиганием для рас-

ширения зоны пастбищ и ростом города, становится особенно заметным. Судя по сообщениям путешественников, еще в начале века вокруг Афин были леса (Σφήκας 1985: 82). Разрушение ландшафта и сокращение зеленого массива продолжают в XX в. Это становится официальной политикой государства, в частности, позволившего строительство новых зданий в районе Акрополя-Пникса-Филопаппа (Μπίρης К. 1996: 394—397). После войны уничтожение зелени, связанное с бесконтрольным строительством в центре города, приобрело угрожающие размеры. Сегодня сокращение зеленых зон одна из важнейших проблем города.

Следует отметить, что, со времени провозглашения Греции независимым государством, город, за исключением центральных районов, застраивался крайне хаотично, без единого генерального плана. Что же касается нынешнего центрального района, то первый генеральный план, разработанный в 1831—1833 гг. архитекторами С. Клеантисом и Э. Шаубертом (Βακάς 1931: 77—90; 1935: 509—526; Μπίρης К. 1933: 37—42),¹ был откорректирован Г. Гропиусом ((Μπίρης К. 1938а: 28—30; Πρωτοψάλτης 1947), а в 1834 г. известным архитектором Л. Кленце (Μπίρης К. 1933: 16—21). Новый план превосходно увязывался с рельефом и историческим центром города. Система, предложенная Клеантисом-Шаубертом-Кленце, основывалась на прокладке дорог к северу от Акрополя, на свободном от памятников древности пространстве, по периметру треугольника. Его боковые стороны и улица, идущая по меридиану, сходятся к площади Омония. Улица Эрму, лежащая в основании треугольника, проходила вдоль древней Агоры. В западном углу находился Дипилон, в восточном образовалась новая главная площадь Синтагма. Ось восточной лучевой улицы вела к античному стадиону. Средняя лучевая улица соединяла площадь Омония с Акрополем. Севернее улицы Эрму сохранялась средневековая планировка, а району Плаки на северном склоне Акрополя отводилась роль заповедника старой архитектуры. Таким образом, сохранялась зона античных памятников и новая планировка этому способствовала (Полевой 1984: 434).

В начале века Афины продолжают разрастаться бесконтрольно. Стихийный рост города вынудил в 1920-х гг. принять законы об ограничении высоты городских домов. Это, однако, не остановило, а усилило безудержный рост города. Один за другим предлагались различные проекты (Cantalis 1967; Aravantinos 1970: 56; Δοξιάδης 1964:

¹ План сопровождался докладной запиской (Μπίρης К. 1938: 10—20).

46—59), но они позволяли лишь частично решить проблему. Первый градостроительный комитет города был создан только в 1936 г. (Φιδιλπίδης 1990: 35). Скуденность кварталов, населенных беженцами, видна и ныне в запутанной сети узких улиц. По некоторым из них с трудом движутся современные транспортные средства. Исторически сложилось так, что основные магистрали столицы прошли по главным древним дорогам, а следовательно, через древний центр Афин. В 50-х гг. страшным ударом по историческому наследию города стало разрешение домовладельцам передавать свои участки в центре города под застройку за долевое участие во владении вновь построенным зданием. Последовавший за этим разрешением строительный бум начала 60-х гг. привел к настоящему разгрому центральных районов. В результате на основной части центральных городских улиц на месте неоклассических зданий выросли безликие многоэтажные дома, часто строившиеся инженерами без участия архитекторов. В период между 1950-м—1975-м гг. было построено 90% современных зданий Афин (Μαντουβάλου 1987: 36).

Необходимо кратко описать некоторые из основных градостроительных зон города с точки зрения интересующего нас вопроса.

Афины исторически развивались в ландшафте, который определяли два центральных холма Акрополь и Ликабет. Ядро первой зоны составляет район Акрополя с более низкими прилегающими к нему холмами Филопаппа и Пниксом. Основными археологическими памятниками этой зоны являются сам Акрополь, включающий объекты внутри его стен; театры Диониса и Города Атика с прилегающими остатками античных и средневековых построек; памятник Филопаппа и площадь народного собрания на Пниксе. С севера к Акрополю примыкают зоны древней Агоры с храмом Гефеста (Тесея), а также комплекс Римского Форума и библиотеки Адриана. Ряд районов, окружавших акропольский холм, сохранил малоэтажную застройку, в основном, XIX века. Это Плака, Псири, Монастираки, Анафьотика. Часть этих кварталов объявлены заповедными, часть зоной регулируемой застройки. Особенностью этой градостроительной зоны является ее насыщенность более мелкими разрозненными объектами. К ним относятся хорегический памятник Лисистрата, церкви византийского и поствизантийского времени, как реставрированные, так и перестроенные, но сохранившие отдельные средневековые элементы. Часть районов Куакаки и Макриянни, точнее, их примыкающие к Акрополю кварта-

лы с малоэтажной застройкой, в которых сохранились отдельные жилые особняки XIX века, пространственно и исторически составляют с этой зоной единое целое. Эта градостроительная зона насыщена зеленью. Улицы по сути не являются транспортными магистралями, за исключением улицы Дионисия Ареопагита, проходящей с южной стороны Акрополя и ее западным продолжением улицей Апостола Павла, а также проходящей с севера и отделяющей Плаку и Монастираки от Псири улицей Эрму (Гермеса) в западной части зоны.

Структура второй зоны развивалась на основе градостроительного плана Клеантиса-Шауберга-Кленце. Она исторически сложилась на территории между Акрополем и Ликабетом вокруг центральной площади Афин — площади Синтагма (Конституции). Она продолжается до площади Омония, которую с площадью Синтагма связывают основные транспортные магистрали центра города улицы Академиас, Стадиу и Панелистимиу. Археологические объекты второй зоны сосредоточены в юго-восточной части. Это храм Зевса Олимпийского с аркой Адриана и прилегающими раскопанными остатками древних построек, а также холм Ардиттос с расположенным на его склоне Олимпийским стадионом, отреставрированным в мраморе при подготовке первых Олимпийских игр. На территории Национального парка и прилегающего к нему парка Заппион находятся более мелкие объекты римского времени. Основные здания этой зоны носят административный характер. Прежде всего, это здание Парламента, дворец Заппион, а также комплекс построек на улице Панелистимиу, а именно: Национальная библиотека, Университет и Афинская Академия. В этой зоне сохранились также некоторые здания, являющиеся памятниками архитектуры XIX—первой половины XX в. Для района второй зоны характерна монументальность как старой, так и новой застройки, а также ее компактность. По основным и второстепенным магистралям интенсивно движутся потоки транспорта. Растительность сосредоточена в основном в районе парков и холма Ардиттос.

К третьей зоне следует отнести районы, расположенные к северо-западу от Акрополя. Это районы Метаксургио и Колонос — традиционно промышленная часть Афин. Основными археологическими объектами здесь являются Керамик и Академия Платона. Основу этой зоны составляет малоценная застройка, в которой иногда встречаются старые неоклассические жилые дома и интересные с архитектурной точки зрения промышленные здания. Количество зелени

невелико, высока насыщенность транспортными потоками и степень загрязнения окружающей среды.

Нетрудно заметить, что все три зоны лежат над древними Афинами. Особенно ясно это показало строительство метрополитена. При этом были выявлены важные участки древнего города в районе Макрияни на площади Синтагма, на улицах Панепистимиу, Василисис Софиас и в районе Национального парка и Керамика. Всем известны также многолетние раскопки в Афинах Американской школы классических исследований на Агоре и Немецкой археологической школы в районе Керамика. Эти работы здесь ведутся и ныне. Второй особенностью этих зон является то, что они связаны между собой крупными зелеными массивами, включающими Национальный парк и парк Заппион, парковые зоны на холмах. Третьей особенностью является сочетание во всех трех зонах исторической и современной застройки, что создает плавный пространственный переход к современным городским кварталам.

Целый ряд проблем связан с центральной частью Афин — современного многомиллионного города, где размещаются эти зоны. Нынешним Афинам свойственна очень высокая плотность населения. По данным на 1991 г. в зоне Больших Афин она составляла 6 724,1 чел./кв. км (Στατιστική 1996: 43), при этом в центре столицы проживало 772 072 чел. (Πραγματικός 1994: 47). Крайне опасна для памятников и очень высокая степень загрязнения атмосферы (в 1994 г. среднегодовой показатель содержания двуокиси серы в атмосфере Афин составлял 56 мг/куб. м, окиси углерода — 0,54 мг, двуокиси азота — 103 мг, уровень задымленности атмосферы составлял 132 мг/куб. м — Στατιστικός 1996: 31, 34, 37, 43). Серьезны проблемы транспорта. По данным 1995 г. только легковых автомобилей и мотоциклов афиняне имели 1 569 962 (Στατιστική 1996: 405). Афинам свойственны интенсивная строительная деятельность, компактная застройка центральных районов, ограниченность зеленой зоны.

Если говорить в связи с этим о проблемах археологических, то государственные археологические службы, организованные по бюрократическому принципу, не имеют единой перспективной программы исследований города, что сводит археологические работы только к новостроечным раскопкам.

Все это значительно усложняет задачи выявления и сохранения памятников, а также их включения в градостроительную сеть.

Идея соединения археологических зон Афин и современного города в рамках единой градостроительной системы и использование античного культурного наследия для развития туризма,² а также для обеспечения сохранности памятников, появилась в архитектурных кругах уже в начале века. Однако, Всегреческий архитектурный конкурс на тему объединения зон храма Зевса Олимпийского и Заппиона, был объявлен только в 1943 г. В этом году архитектор и градостроитель, директор градостроительного ведомства Афинского муниципалитета К. Бирис, предложив общий градостроительный план реорганизации города (Μίρης К. 1946; 1958), впервые высказал мысль о создании парка на территории от Олимпийского стадиона до Колоноса. Этот план, к сожалению, так и не был воплощен. В 1966 г. было основано Греческое общество исторических исследований, которое на первом же заседании потребовало принять решение об отчуждении земельной собственности и проведении раскопок Димосион Сима (Πρώτη 1966; Εισήγησις 1966). Правительство это требование не поддержало. В 60-х—70-х гг. Д. Пикионис предложил сделать пешеходной улицу Дионисия Ареопагита и соединить холм Филопаппа с Акрополем и театром Диониса. Тогда же он удачно спроектировал новые пешеходные дорожки на Акрополь, создавшие единство архитектурно-археологической и пейзажной среды. В этот же период И. Травлос предложил соединить Керамик с Агорой и разобрать существующую железнодорожную линию; С. Маринатос — пространственно объединить Римский Форум и Агору. В 1974 году Г. Коколиадис предложил проложить магистрали Саламина-Платеи и Академия Платона-Монастираки, а также археологически выявить дорогу Димосион Сима.³

На основании этих предложений архитектор А. Фотиадис в 1979 г. выдвинул идею создания археологического парка от Керамика до Стадиона протяженностью в 3 км (Ταχυδρόμος 1979: 40—44). Замыслы А. Фотиадиса и его группы, в состав которой входили архитекторы Д. Катаропулос, К. Бирис и специалисты по транспорту М. Влахопулос и К. Либерис, были важны и интересны, но их проект нельзя было считать завершенным. Его существенным недостатком было отсутствие разработок для

² Интересно отметить, что статистические исследования последнего времени указывают на то, что туристы отдают предпочтение посещению археологических объектов, а не музеев (Λαφα 1996; Στατιστική 1996: 439, 441).

³ Данные основаны на материалах выставки Афина-Аттика. Проектирование реконструкции и работы в целях жизнеспособного развития, Афины, Заппион, 22. 05—05. 06. 1996 г.

районов исторической застройки, в частности, для районов Монастираки, Псири и Макриянни. В плане не учитывался такой объект, как Академия Платона. Исследования продолжились и в 1961 г. Группе, в состав которой входили архитекторы А. Фотиадис, Д. Катаропулос, К. Кирцис, градостроитель В. Зотос, инженер-строитель Г. Заврас, специалисты по транспорту М. Влахопулос и К. Либерис и топограф Г. Филиппидис, Министерством общественных работ было поручено провести предварительное обследование, связанное с возможной реконструкцией общественных зон на территории Керамика, а также объединения свободных зон от Ардиттоса до Гази. Примечательно, что на этом этапе первоначальное предложение Фотиадиса было существенно расширено. Это обследование также носило предварительный характер. Проект был передан в Министерство культуры, и на основе предложения группы Фотиадиса в 1965 г. принимается закон Регулирующего плана (з. 1515/85). В 1967 году Министерство культуры передает разработку исследования различным учреждениям для создания генерального плана (Master plan) объединения археологических зон с заповедной зоной исторического центра Афин. Эта работа была завершена в 1989 г. Дальнейшие разработки осуществляются на основе этого плана и ныне. В 1993 г. в Министерстве культуры был образован специальный отдел, которому поручено наблюдение за разработкой генерального проекта (ПД, αρ. 414/1993, Εφτημερίδα κυβερνήσεως, 175/Α, 6.10.1993). В настоящее время выполняются шесть конкретных проектов, касающиеся Керамика, Агоры, Римского форума и Библиотеки Адриана, холма Филопаппа, северо-западного склона Акрополя и храма Зевса Олимпийского. Исследования поручены шести различным проектным группам, работающим в контакте с представителями государственной археологической службы. В настоящее время для дальнейшей координации деятельности по программе, правительством рассматривается вопрос о создании специальной частной организации. Это вызывает ряд возражений со стороны государственной археологической службы, которая ссылается на отрицательный опыт подобного рода при строительстве афинского метрополитена. Общий контроль за разработкой программы одновременно осуществляют особые комиссии, в которые входят представители служб Министерств Культуры, общественных работ и окружающей

среды, городского муниципалитета. В программу включены также проекты реконструкции городского центра. С 1996 г. финансирование производится за счет пакета Делора II Европейского Сообщества.⁴ Параллельно ведется независимое исследование афинским муниципалитетом (в форме предложений по сути проблемы). Следует отметить предложение о создании третьей центральной площади города в районе между Агорой и Керамиком (Ευλοίηση 1995). В отношении ряда центральных районов (Μετακουργιο, Псири, Академия Платона, так называемого торгового треугольника) разработка проекта реконструкции завершена в 1993—1994 гг. и начаты соответствующие работы. В частности, в районе торгового треугольника ограничено движение транспорта, центральная торговая улица Эрму реконструирована в пешеходную зону и перепланирована с понижением уровня площади вокруг византийской церкви Капникареа.

Академия Платона 2500 лет тому назад соединялась с Керамиком большой дорогой, оканчивавшейся у Дипилонских ворот, которая называлась Лимосион Сима. Отсюда же начиналась Панафинейская дорога, идущая через Агору к Акрополю. Она соединялась с Иера Одос (Священной дорогой), которая вела из Афин к храму Деметры в Элевсине. От Агоры начинались две улицы, ведущие к библиотеке Адриана и Римскому Форуму. Дорога, проходящая через Пникс и Ареопаг, вела к театру Диониса. Затем она продолжалась до арки Адриана и храма Олимпийского Зевса. Далее, спускаясь вниз, жители города выходили на берег реки Илисс. За мостом находились Панафинейский Стадион и холмы Авра.

В современной градостроительной среде памятники пространственно разрознены. Это осложняет создание единого археологического ядра города и образование единой археологическо-ландшафтной зоны. Именно поэтому сам факт разработки проекта объединения археологических зон следует считать несомненно положительным явлением.

Цель программы состоит в том, чтобы представить различные археологические и исторические объекты, византийские памятники, а также памятники новейшего времени в едином комплексе на территории исторического центра города. Для разгрузки центра Афин и привлечения новых вложений капиталов для развития туризма, планируется постепенно перенести торговую,

⁴ Сведения получены в Отделе по объединению археологических заповедных зон при Министерстве культуры Греции.

административную и культурную деятельность в другие районы.

В пределах единой зоны общей площадью 700 га проложен маршрут длиной 4 км, включающий следующие объекты: Академию Платона, Димосион Сима (еще не выявленную), Иера Одос (здесь намечается проведение раскопок), Керамик, Тесейон, Агору, Римский Форум, площадь Монастираки, Плаку, Акрополь, холм Муз, Олимпон, холм Ардитос, Панафинейский стадион, Заппион, район культурного центра, отдельные памятники города, неоклассические здания, свободные и зеленые зоны, а также часть градостроительной сети. На всем протяжении этого пути планируются стоянки и места отдыха. Электронная система будет информировать об истории города и его памятниках. Зона объединения будет представлять собой расширенный исторический центр города площадью в 1500 га. В него войдут районы торгового центра, Псири, районы Метаксургион, Тесейон, Экзархия, где проектируются пешеходные дорожки, организация освещения и реставрация исторических зданий.

На всем протяжении пути Иера Одос—Элевсин будет проведена реконструкция ландшафтно-архитектурных зон, таких как византийский монастырь Лафни, организованы смотровые площадки, преобразованы свободные территории. Таких проектов три, и цель их заключается в восстановлении древнего пути. Предлагается соорудить двухуровневый подземный туннель под загруженным транспортом центральным проспектом Амалиас между площадью Синтагма и Парламентом для пространственного объединения Акрополя и района Плаки с парковой зоной в районе Парламента и храмом Зевса Олимпийского. Такой же туннель предполагается построить и под улицей Дионисия Ареопагита, разделяющей Акрополь и холм Филопаппа, перед Олимпийским (Панафинейским) Стадионом, что зрительно объединит районы Стадиона и Заппиона с холмом Ардитом. Планируется также сооружение подземной транспортной магистрали от Иера Одос до Керамика. Это позволит превратить Иера Одос в пешеходную улицу и преобразовать весь район для объединения Керамика с древней Агорой и Акрополем. В районе же завершения Священной дороги планируется создание археологического парка. Программа предусматривает проведение широких реставрационных работ и ограниченных археологических раскопок в основном новостроечного характера. Она разработана Министерством Культуры и Общественных работ и Органи-

зацией Регулирующего плана города (Ευολοίηση 1995).

Градостроительные службы Афинского муниципалитета со своей стороны внесли предложения, дополнения и разработки. Они касаются таких вопросов как проведение восстановительных и реставрационных работ на древних и византийских памятниках, а также памятниках новейшего времени, регулирование транспорта, образование дополнительных зеленых зон и преобразование имеющихся, с целью превращения исторического центра города в экологический и археологический парк. В 1989—1992 гг. по поручению муниципалитета Политехническим институтом был разработан градостроительный проект в отношении городского центра. На основе этого проекта ныне ведутся работы в районе торгового треугольника. В перспективе — преобразование площадей, в частности, площади Монастираки, реставрация фасадов общественных зданий (уже удачно отреставрирован фасад Центрального рынка), реконструкция дорожной сети с параллельной реставрацией зданий в Псири, Метаксургионе и Гази, смыкающихся с зоной объединения археологических объектов. Для Керамика, после проведения архитектурного конкурса, муниципалитет предлагает восстановление городских стен классического времени, реставрацию древних дорог на его территории, где это возможно, восстановление традиционного аттического ландшафта и реки Иридана, а также создание площади перед Керамиком. Существенны и предложения по раскрытию и включению в градостроительную сеть участков Димосион Сима, преобразование промышленного комплекса Гази, основанного в 1857 г. и организация здесь промышленного музея (Ευολοίηση 1995a). Особое внимание проект Афинского муниципалитета уделяет вопросам дизайна малых архитектурных форм.

Остальные проекты существуют пока на уровне предложений, ведется дальнейшая их разработка и корректировка. Некоторые проекты приостановлены. Так, приостановлен проект, выдвинутый в 1993 г. мэром Афин А. Трицисом по воссозданию в Афинах трамвайной линии, что должно было решить острую проблему пассажирских перевозок и разгрузить городской центр, одновременно связав исторический центр и археологические объекты. Привлечение к разработкам большого числа частных и государственных организаций затрудняет и тормозит реализацию всей программы.

Внимательное изучение имеющихся ныне предложений приводит к мысли, что их главной целью и, на наш взгляд, одним из

основных недостатков является установка на развитие туризма. Создание археологического парка, подразумевающего создание единого комплекса археологических, архитектурных и ландшафтных памятников, подчеркивающих облик Афин начала века, несомненно, приведет и к развитию туризма, а, возможно, и к образованию какого-либо научно-исследовательского центра. Это вызвало бы дальнейший культурный подъем страны. Однако, ядром проекта должен стать новый подход к самим памятникам. Для этого необходимо уточнить, что именно следует считать памятником в Афинах. Памятниками, безусловно, в первую очередь, являются археологические объекты, которые, вопреки сложившейся практике последних лет, связанной с интенсивным строительством, должны сохраняться, а не сноиться. К сожалению, много таких объектов уничтожено при сооружении метрополитена, а эта утрата могла бы быть предотвращена. Мы имеем в виду археологический комплекс на проспекте Амалиас, где, в частности, были открыты римские термы, а также около 250 могил, относящихся к восточному некрополю античного города с ограждающей его стеной, объект не меньшего значения, чем некрополь Керамика, древнее русло Иридана, замечательной сохранности водопровод времени Писистрата (Νέα 8.06.1994: 25; Καθημερινή 26.05.1996). Гидротехнические сооружения были открыты и во время строительства станции метрополитена Евангелисмос. Здесь же были найдены керамические печи II в. до н.э. и дорога, ведущая от ворот Диохара в сторону Пентеликона (Καθημερινή 26.05.1996). Ни один из этих памятников не удостоился сохранения и включения в градостроительную сеть. В процессе строительства метрополитена был нанесен огромный ущерб стенам времени Валериана на территории Национального парка, являющимся продолжением оборонительных стен Афин римского времени, что возмутило Археологическую службу (Καριακάτικη 5.05.1996; 12.05.1996). Эти утраты вызвали серьезные опасения по поводу работ в районе Керамика, где, по проекту, линия метрополитена проходит под руслом Иридана и фундаментом оборонительной стены Фемистокла и Священных ворот слишком близко к поверхности (Βήμα 9.06.1996). Тем не менее, на территории Керамика уже уничтожены коллективная могила со 150 погребенными — важнейшим памятником истории и топографии древних Афин, который связывают с третьим годом Пелопоннеской войны. Был также уничтожен 50-метровый участок стены с внешними контрфорсами, которая ограничивала ос-

новную территорию Керамика в его северной части, а также часть Улицы Могил (Μήμα 25.02.1996; Κυριακάτικη 26.05.1996; Ελευθεροτυπία 7.12.1996). Можно продолжить перечень ущерба, нанесенного археологическим объектам при строительстве метрополитена. Следует отметить также, что начало реставрационных работ на Акрополе неопозволительно задерживается (Βήμα 31.03.1996; Κυριακάτικη 15.12.1996).

Подобные утраты связаны, в первую очередь, с тем, что раскопки, проводимые греческими археологическими службами в центре Афин, носят, главным образом, характер новостроечных. Фронт археологических работ определяется строительными проектами, а не наоборот. Другой причиной, несомненно, является то, что на сегодняшний день отсутствует завершённый комплексный проект создания в Афинах археологического парка. На наш взгляд, наряду с проектом и в дополнение к нему, должна быть разработана единая научная программа археологических исследований, предусматривающая общий план раскопок, работы по консервации отдельных объектов и их реставрации, а также включения их в современную среду. Необходимо создать вокруг них парковые зоны и предусмотреть меры по разгрузке движения транспорта на прилегающих улицах, если объекты находятся в центре города.

В понятие памятника следует включить также те здания XIX—первой половины XX вв., которые характерны для облика города. О необходимости принятия комплексного проекта реставрации зданий в центре столицы говорил в свое время профессор Политехнического института М. Бирис (Μπίρης М. 1996). Осуществляемые ныне меры заключаются в реставрации отдельных объектов с консервацией некоторых элементов их охранных зон в существующем виде, с сохранением интенсивного движения транспорта на прилегающих магистралях, что приводит к фактическому дроблению архитектурно-археологического ландшафта. Выборочная реставрация памятников в этих районах чаще всего связана с задачей обеспечить бесперебойное функционирование индустрии туризма.

Главное внимание уделяется в первую очередь памятникам первостепенной важности — Акрополю с примыкающими театрами города — Аттика и Диониса, Ареопагу и Пниксу, холму Филопаппа, району Агоры. Эти памятники даже в их нынешнем виде создают археологическую ландшафтную зону, которая характеризуется единством архитектурно-археологического ансамбля и окружающей среды. Здесь сохранена

орография и морфология зеленой поверхности, парковая зона сформирована с применением наиболее характерной для аттического пейзажа растительности, а тактичное решение малых архитектурных форм не препятствует восприятию памятников. Однако и прилегающие городские районы, Плака, Макриянни и Псири, важны тем, что они сохраняют и характерную для старых Афин малоэтажную застройку неоклассическими зданиями XIX—начала XX вв., и кварталы более ранние. Это способствует формированию органического единства центрального архитектурно-археологического ансамбля древних Афин и современного городского ландшафта. Эти районы создают плавный и гармоничный переход от монументальных и впечатляющих памятников Акрополя и Агоры к современной городской застройке. Но реставрация района Плаки до сих пор продвигается медленными темпами (Καθημερινή 23.06.1996). Картину запустения являет собой и квартал Анафьотика под Акрополем (Καθημερινή 10.03.1996). Реконструкция района Псири в том виде, в котором она проводится сегодня, вызывает определенные опасения из-за превращения его в туристический центр без сохранения особого колорита этого района (Καθημερινή 28.01.1996).

Центральный ансамбль составляет лишь часть градостроительной структуры древних Афин. Находящиеся вокруг Акрополя памятники образуют пояс, включающий Олимпийский Стадион, храм Зевса Олимпийского, арку Адриана, римский форум, Керамик и Академию Платона. Цепь этих памятников зрительно объединяет зеленая зона, которая, несмотря на пространственные разрывы, отчасти формирует как единство самого древнего ландшафта, так и его единство с современной архитектурно-планировочной средой. Но в большинстве конкретных случаев здесь неудачно решены вопросы ландшафтного проектирования. Подбор видов растительности, не характерных для древнего аттического ландшафта, архитектура малых форм, примитивное ограждение охранных зон препятствуют плавному переходу к современному городскому ландшафту. Существенную и сложноразрешимую проблему составляют и пронизывающие эту зону основные городские транспортные магистрали с чрезвычайно интенсивным движением.

Однако предлагаемые решения, которые сводятся в основном к строительству транспортных туннелей, представляются не слишком удачными. С эстетической точки зрения это добавит изрядное количество бетона, загромождив и без того тесное пространство

центра Афин. С археологической точки зрения это грозит опасностью для памятников, расположенных на территории всего района, обозначенного в программе. Естественнее и дешевле было бы решить проблему транспорта, сократив движение или передвинув его на другие магистрали. Туннели же, фактически уничтожив такие магистрали, как улица Дионисия Ареопагита, добавят проблемы более серьезные, чем нынешний поток транспорта. Самым привлекательным районом города окажется все же тот, где наименьшим образом ощущается подобное вмешательство. Поэтому и проект сооружения на площади Монастираки, ставшей любимой жителями и гостями города и имеющей свой особый колорит, современных магазинов представляется крайне неудачным. Хорошим примером деятельности такого рода явился комплекс мер по ограничению движения в так называемом торговом треугольнике Афин.

Наиболее сложными участками для ландшафтной организации являются такие уникальные объекты, как Керамик и Академия Платона, расположенные в промышленной зоне. Однако и здесь существуют удачные примеры превращения промышленных объектов, расположенных в этой зоне, в объекты культурного назначения (Центр Мелены Меркури, Гази).

Конечно, необходимо придать Афинам облик современной европейской столицы. Казалось бы, это должно означать использование всех современных научно-технических средств и методов, чтобы подчеркнуть исключительность этого города, заключающуюся в историческом единстве древних, средневековых, восточных памятников мирового значения и объектов нового и новейшего времени. Все это создает неповторимый облик Афин, где тесно переплетены древность и современность, греческое и восточное, вчерашнее и сегодняшнее. Никто не сомневается в назревшей необходимости гармоничного включения археологических, архитектурных памятников в градостроительную сеть современного города для более полного выявления культурного наследия. Вновь возникает вопрос о конечной цели всех программ, что же, в конечном счете, важнее: сохранить особенности греческой столицы и аттического ландшафта или создать обрамление памятников археологии антуражем современного города западноевропейского типа? На первом этапе достижение цели предполагает запрет любой строительной деятельности в районе создания единой ландшафтно-археологической зоны. Необходимо решить такие насущные проблемы, как урегулирование вопро-

сов отчуждения земельной собственности и частичную разгрузку магистралей. Транспортные потоки и промышленные объекты следует вывести за пределы городского центра. Необходимо также ускорить реставрационные работы на Акрополе и в кварталах исторической застройки. На втором этапе нужно изучить остальные существующие объекты и выявить археологически новые памятники, дополняющие существующую сеть, что делает необходимым создание единого государственного научного органа, наделенного большими полномочиями и пользующегося общественной поддержкой, куда вошли бы археологи всех специальностей, специалисты в области промышленной археологии и архитектуры, ландшафтные архитекторы, музееведы, топографы, геологи, почвоведы, инженеры, архитекторы и дизайнеры, а также транспортники, специалисты в области реставрации памятников и

т. д. Необходимо также участие университетов, иностранных археологических служб, общественных организаций. Кроме того, было бы неплохо на конкурсной основе привлекать и других специалистов, которые смогли бы внести свои предложения. Непременен должен быть учтен весьма положительный опыт развития центрального архитектурно-археологического ансамбля.

Результатом такого исследования и стал бы единый окончательный проект объединения археологических зон, который мог бы постепенно осуществляться в пределах обозначенного срока. Объединение археологических зон стало бы частью общего плана развития города и создания подлинно европейского облика Афин. Необходима единая программа для всего города, которая охватывала бы все аспекты этой очень сложной проблемы.

Полевой, В. М. 1984. Искусство Греции. Москва.

Aravantinos, A. 1970. Planning Objectives in Modern Greece // *Town Planning Review*, January.

Βακάς, Π. 1931. Ο αρχιτέκτων του σχεδίου των Αθηνών Σταμάτης Κλεάνθης // ΗΜΕ.

1935. Ο αρχιτέκτων του σχεδίου των Αθηνών Εδουάρδος, Σάουμπερτ // ΗΜΕ.

Βήμα. 1996. Βήμα 25.02; 31.03; 9.06.

Cantilis, G. 1967. Athènes, problème d'une ville // *L'architecture d'aujourd'hui* 132.

Δαμα, Γ. 1996. 10 σις. από τα αρχαία // *Ελευθεροτυπία* 31.03.1996.

Δοξιάδης, Κ. 1964. 'Η αρχαία ελληνική και σημερινή πόλη // *Αρχιτεκτονική* 46: 46—59.

Ενοποίηση. 1995. 'Ενοποίηση αρχαιολογικών χώρων Αθήνας. Δήμος Αθηναίων. Αθήνα.

Ενοποίηση. 1995a. 'Ενοποίηση αρχαιολογικών χώρων Αθήνας. ΥΠΠΟ—ΥΠΕΧΩΔΕ—ΟΡΣΑ. Αθήνα.

Εισήγησις. 1966. 'Εισήγησις περί της αποκαλύψεως του έν Αθήναις Δημοσίου Σήματος. Αθήναι.

Ελευθεροτυπία. 1996. *Ελευθεροτυπία* 7.12.

Εθνική. 1954. 'Εθνική Στατιστική 'Υπηρεσία της Ελλάδος. Συνοπτική Στατιστική 'Επετηρίς της Ελλάδος. Αθήνα.

Καμπούρογλου, Δ. 1936. 'Απομνημονεύματα Χριστόφορου Νέξερ. Αθήνα.

Καθημερινή. 1996. *Καθημερινή* 28.01; 10.03; 26.05; 23.06; 30.06.

Κωνσταντινίδης, Κ. 1939. 'Απογραφή των Αθηνών κατά το 1824 // *Νέα 'Εστία* Γ.

Κυριακάτικη. 1996. *Κυριακάτικη* 5.05; 12.05; 26.05; 15.12.

Μαντουβάλου, Μ. 1987. 'Η οικοδομή στην Αθήνα: Οικονομικές και κοινωνικές απόψεις μίας εύκαιρης ανάπτυξης. Αθήνα.

Μπίρης Κ. 1933. Τα πρώτα σχέδια των Αθηνών, Αθήναι. 1938. Το υπόμνημα Κλεάνθους και Σάουμπερτ // Αθηναϊκά μελέται. Α, Αθήναι: 10—20.

1938a. 'Ο άγνωστος τρίτος του σχεδίου των Αθηνών // Αθηναϊκά μελέται, Αθήναι: 28—30.

1946. Σχίδιον άνασυγκροτήσεως της πρωτεύουσας Αθήναι.

1958. Για την συγχρονή Αθήνα // *Μελέταις και αγώνες*. Αθήναι.

1996. Ατ Αθήναι από του 19ου εις του 20ου αι. Αθήνα.

Μπίρης, Μ. 1996. Στα άζήτητα αρχιτεκτονικά διαμάντια // *Καθημερινή* 30.06.1996.

Νέα. 1994. *Νέα* 8.06.

ΠΔ, αρ. 414/1993 // *Εφημερίδα κυβερνήσεως*, 175/Α, 6.10.1993.

Πραγματικός. 1994. Πραγματικός πληθυσμός της Ελλάδος κατά την απογραφή 17.03.1991. Αθήνα.

Πρωτονάτης, Ε. 1947. Ο Γεώργιος Χριστιανός Grogrius και η δράσις αυτού εν Ελλάδι. Αθήναι.

Πρώτη. 1966. Πρώτη δημοσία της Ελληνικής Ιστορικών Ερευνών τη 7η Ιανουαρίου.

Στατιστική. 1996. Στατιστική επετηρίδα της Ελλάδος, Αθήνα.

Στατιστικές. 1996. Στατιστικές περιβάλλοντος έτους 1994. Αθήνα.

Σφήκας, Γ. 1985. Η ελληνική φύση μέσα στους αιώνες. Ταχυδρόμος. 1979. Ταχυδρόμος 1.11.

Τραυλός, Ι. 1993. Πολεοδομική εξέλιξις των Αθηνών. Αθήνα.

Φιδιπίδης, Σ. 1990. Για την ελληνική πόλη. Μεταπολεμική πορεία και μελλοντικές προοπτικές. Αθήνα.

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК—ЗАПАД

КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКОМ ПЕЩЕР»

(Ньюкасл, 6—9 июля 1993 г.)

Международная конференция, организованная докторами Кристофером Смитом (университет Ньюкасла) и Клайвом Бонсоллом (Эдинбургский университет) была проведена в г. Ньюкасл-на-Тайне на севере Англии 6—9 июля 1993 г. Она посвящена роли пещер и скальных навесов в жизни человека. Тематика этой встречи охватывала разные районы мира и все эпохи — от палеолита до современности. Рассматривались пещерные археологические памятники и этнографические материалы почти всей Европы, Кавказа, Палестины, Канарских островов, Южной Африки, Северной Австралии и юго-западной части Южной Америки. Было прочитано 27 докладов, а также представлено два стендовых доклада — К. В. Бойл (Англия), М. Симойш ди Абреу и Л. Жаффи (Португалия). Участники конференции (свыше 50 человек) представляли 17 стран мира: Великобританию, Португалию, Испанию, Францию, Бельгию, Данию, Швецию, ФРГ, Австрию, Хорватию, Израиль, ЮАР, Малави и США, а также Россию, Украину и Латвию. Вводный доклад сделал П. Мелларс (Великобритания), а итоги заседаний подвели К. Смит и Д. Бонсолл.

В докладе Р. Макфейла (Великобритания), Р. Гольдберга (США) и М.-А. Курти (Франция) шла речь об изучении микроструктуры седиментных слоев, позволившем выяснить цели посещения первобытными людьми пещер Италии и Гибралтара.

Использованию пещер был посвящен ряд докладов с широким хронологическим охватом материала — от палеолита до средневековья. Л. Г. Штраусом (США) были рассмотрены раскопанные им пещерные памятники Португалии, Испании, Франции и Бельгии. М. Р. Гононлес-Моралес (Испания) исследовал использование пещер Кан-

табрийской Испании на протяжении каменного века, которое включало проживание человека или хранение им добычи при входе; освоение внутренних галерей с культовыми целями и для художественного творчества, а также для совершения погребений. В. П. Любин (Россия) отметил, что на Кавказе более 50 пещерных стоянок относятся к палеолиту, свыше 20 — к мезолиту, а многие сотни пещер — с остатками более поздних периодов; в пещерах размещались базовые поселения, охотничьи лагеря и культовые места; открыты также поздние пещеры-крепости и пещеры-могильники. Доклад Г. М. Бурова (Украина) был посвящен использованию пещер Горного Крыма в первобытную, античную и средневековую эпохи. Автор доказал, что первобытные люди в этом районе пользовались гротами и скальными навесами для обитания, погребения умерших и занятий искусством, тогда как глубокие пещеры в раннем железном веке и в эпоху средневековья служили убежищами от врагов, хранилищами припасов, святилищами и склепами. Учеными из ЮАР Э. Хендерсоном и Й. Биндеманом рассмотрена расположенная в береговой полосе Южной Африки группа глубоких пещер и навесов, которые в среднем и позднем каменном веке служили человеку местом обитания, сваливания отбросов, погребения и, вероятно, местом отправления культа.

В четырех докладах шла речь об изучении плейстоценовых культурных слоев в пещерах и навесах. П. Долуханов (Великобритания) отметил, что Атлантическая Европа верхнего палеолита характеризуется преимущественно стоянками в пещерах и навесах, а Восточно-Европейская равнина — поселениями под открытым небом. Различие заключается также в том, что на многих восточноевропейских стоянках есть сооруже-

ния, определяемые русскими археологами как жилища. Однако, в обеих областях население, состоявшее из небольших подвижных групп, оставило, в основном, следы кратковременного обитания, а крупные поселения, в том числе с сооружениями, были центрами культа. М. Отт (Бельгия) раскрыл роль пещер в палеолите своей страны, которые служили укрытиями и имеются только на юге Бельгии, где нет сырьевых ресурсов кремня. Размещение позднеплейстоценовых поселений в области Юрасской известняковой формации (Центральная Европа) исследовано Б. В. Эриксен (Дания), на основе анализа данных из 144 пещер, скальных навесов и стоянок под открытым небом. Выступление Е. В. Беляевой (Россия) было посвящено палеолиту Северного Кавказа, где в Губском каньоне известно семь гротов и навесов с мустьерскими и верхнепалеолитическими слоями, являвшимися почти во всех случаях постоянными базовыми поселениями.

Три доклада касались проблем позднепалеолитического искусства. В. П. Любин рассмотрел живопись Каповой пещеры на Южном Урале. Автор выступления, сопоставив изображения мамонта с данными палеонтологии, пришел к выводу о реалистическом характере открытых рисунков. В докладе А. Сивкинг (Великобритания) было подчеркнуто, что внутренняя топография пещеры и природные особенности скальных стен влияли на расположение пещерных изображений и технику исполнения: реализм сочетался с условностями, а круг анималистических персонажей и символов был ограничен. По П. Г. Бану (Великобритания) украшение скальных стен — явление, встречающееся преимущественно в глубоких полостях французских Пиренеев; автором доклада было охарактеризовано пещерное искусство Европы и Австралии.

В другой группе докладов шла речь о послепалеолитическом времени. В одном из них, который был сделан Р. Скитсом (Великобритания), освещено использование пещер центральной Италии в эпоху мезолита, неолита и энеолита. Им исследована эволюция роли пещер в сопоставлении с изменениями на синхронных местных поселениях под открытым небом. Л. Остербек (Португалия) сообщил, что в неолите некоторые пещеры в центре Португалии долгое время служили местами погребения. В. Штоль-Туккер (ФРГ) изучил на территории Баварии 32 пещеры и естественные шахты с артефактами всего голоцена. Особый интерес представляют шахты с находками позднего бронзового и раннего железного века. Очевидно, их использование

было связано с отправлением культа, тогда как использование пещер — с погребением умерших или с удалением мусора. К. Брейнигеном (Великобритания) показана специфическая роль пещер в Англии и Уэльсе римского времени, которые использовались преимущественно в качестве временных укрытий, убежищ, жилищ и кладбищ, но в зимний сезон, благодаря стабильному температурному режиму, служили и помещениями для ремесленных мастерских. Доклад Ю. Уртанса (Латвия) был посвящен пещерам этой страны, образованным в песчаных породах. Эти пещеры в XIV—XV вв. служили языческими культовыми местами. Функционирование этих святилищ, судя по находкам монет, активизировались в годы эпидемий, голода и военных набегов. М. Р. Эдди (Великобритания), посвятивший свой доклад пещерным поселениям и погребениям на Канарских островах, показал, что эти памятники могут рассматриваться, как часть доиспанской культуры гуанчей в ее замкнутом проявлении, и могут быть соотношены с древностями Туниса.

Темой доклада М. Вейнштейн-Ефрон (Израиль) был основной, ранненатуфийский комплекс глубокой пещеры Эль-Вад на горе Кармел (район г. Хайфы), в которой существовали крупное поселение и могильник, а дальняя часть пещеры служила, по-видимому, мусорной свалкой. Доклад А. Гофера (Израиль) касался энеолитической погребальной пещеры Нахаль-Канах (Самария), которая представляет собой сложную карстовую систему с комплексами неолита-энеолита и бронзового века. Энеолитический погребальный инвентарь (гассульская культура) включает золотые предметы и вещи совершенной техники исполнения из базальта, металла и кости. В выступлении П. Дренсарт (Великобритания) рассмотрены результаты исследований в пустыне Атакама (север Чили), где благодаря постоянной очень низкой влажности сохранились изделия из органических материалов. Изученные здесь навесы были связаны с наскальным искусством, а также ритуальной деятельностью архаического и последующего периодов.

Наконец, три выступления были основаны на этнографических материалах. Ю. М. Джуваеи (Малави) осветил использование скальных навесов тайным обществом Ниау — маскирующимися танцорами племени чева, которое обитает западнее озера Ньяса. В навесах хранятся костюмы и имеются изображения танцоров. В докладе Дж. Флад (Великобритания) «Использование пещер австралийскими аборигенами» отражены результаты исследований на северной

территории Австралии, где проживает народ уардаман, который еще недавно в сезон летних дождей обитал в пещерах. Отмечены пещеры с наскальными изображениями, подземными святилищами и кладбищами. Третий этнографический доклад Ж. Шпаничека (Хорватия) был посвящен искусственным полостям. Автор сообщил, что в хорватской области Баряня известны вырубленные в скалах жилые пещеры, часто из нескольких помещений, а также подвалы для хранения вина или проведения празднеств.

Прочитанные доклады, ответы на вопросы и дискуссии показали, что пещеры и скальные навесы, имеющие преимущественно карстовое происхождение, служили человеку в разных странах земного шара для самых разнообразных надобностей — как жилища, убежища от врагов, помещения для скота, хранилища припасов, места производственной деятельности, святилища, залы изобразительного искусства, кладбища и в качестве свалок мусора.

Участники встречи 9 июля совершили автобусную поездку в урочище Кресуэлл-Крегс в 30 км к юго-востоку от г. Шеффилда, где находятся пять глубоких пещер, освоенных человеком в эпоху палеолита, в том числе, Черч-хоул-Кейв — полость, которую люди занимали также в римское время и средние века. Были осмотрены две пещеры (Пин-хоул-Кейв и Робин-Гудс-Кейв), у остальных пещер — привходовые участки.

Конференция проведена на высоком организационном уровне и с исключительным гостеприимством.

Г. М. Буров

*Украина. Симферополь
Симферопольский университет*

Ю.-Т. В. Уртанс

*Латвия, Рига,
Госинспекция по охране
памятников культуры*

О РАБОТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПЕЩЕРНЫЙ ПАЛЕОЛИТ УРАЛА»

(Уфа, 9—14 сентября 1997 г.)

Институт истории материальной культуры РАН и Институт истории, языка и литературы Уральского научного центра РАН провели международную конференцию «Пещерный палеолит Урала» (9—14 сентября 1997 г., Уфа). В организации конференции приняли участие АН Республики Башкортостан, Государственный комитет Республики Башкортостан по науке, высшему и среднему профессиональному образованию, Министерство по чрезвычайным ситуациям и экологической безопасности Республики Башкортостан, Научно-производственный центр по охране и использованию памятников Министерства культуры Республики Башкортостан, Восточный институт экономики, гуманитарных наук, управления и права, Государственный природный заповедник «Шульган-Таш». Конференция собрала более 30 ученых, специалистов самых разных отраслей и специализаций, заинтересованных в изучении, спасении и сохранении пещер как исторических и природных памятников.

Работа конференции, проведенной в сжатые сроки, была чрезвычайно насыщенной. Доклады и сообщения участников, сделанные 9 и 10 сентября, можно разделить на три группы.

Первая группа выступлений была посвящена вопросам открытия и исследования пещерных археологических памятников и их месту в общепалеолитической проблематике на широкой территории Евразии. Большой интерес вызвала серия сообщений о палеолитических памятниках Урала и их месте и роли в палеолите России. В выступлениях ученых из Санкт-Петербурга — В. Е. Щелинского, Т. И. Щербаковой, Г. П. Григорьева, А. А. Сеницына и П. Е. Нехорошева — были подняты спорные вопросы о культурных корнях, связях и месте уральского палеолита между Восточной Европой и Сибирью. В возникшей дискуссии вновь были обсуждены гипотезы о восточноевропейском или сибирском происхождении палеолита Урала. В конечном счете все высту-

павшие сошлись во мнении, что для решения этих вопросов пока все еще не достаточно данных. Представляется, что в настоящее время наиболее оптимальной является постановка вопроса о своеобразии уральского палеолита и его самостоятельном характере, проявившемся в виде зоны контактов между западом и востоком.

В докладах Л. Г. Мацкевого (Львов), Ю. Б. Серикова (Нижний Тагил), В. И. Юрина (Челябинск), С. М. Баранова (Челябинск), А. И. Смиринова и Ю. В. Соколова (Уфа) говорилось об открытии новых и изучении уже известных пещерных памятников Урала и Западной Украины. Большой интерес вызвали сообщения Ю. Б. Серикова о новых работах в бассейне р. Чусовой и В. И. Юрина об открытии в 1995—1996 гг. на р. Ай, Челябинская область, целого комплекса пещерных стоянок.

Чрезвычайно информативной была серия докладов специалистов-естествоведов Н. Г. Смирнова (Екатеринбург), Р. М. Сатаева (Уфа), А. Г. Яковлева (Уфа), И. М. Нурмухаметова (Уфа) об изучении стратиграфии, фауны и микрофауны пещерных памятников конца плейстоцена — начала голоцена на Полярном, Северном, Среднем и Южном Урале. Особенно важным представляется вывод Н. Г. Смирнова о существовании в это время на Урале фауны «дисгармоничного» облика, что обязывает археологов быть осторожными при использовании данных по микрофауне для хронологических выкладок.

Доклады второй группы — В. М. Масон, А. К. Филиппов и А. А. Сеницын (Санкт-Петербург); О. В. Лозовская и В. М. Лозовский (Москва); В. Г. Котов (Уфа); Г. Босинский (Германия); П. Банн

(Великобритания); Э. Аутио (Финляндия) и Л. Йыекалда (Финляндия) — были посвящены первобытному искусству и его интерпретации в целом. Большое впечатление произвело выступление Г. Босинского, одного из исследователей грота Шове (Франция), об открытии и начале изучения этого уникального памятника палеолитического искусства. Не менее интересным были сообщения П. Банна о палеолитическом наскальном искусстве Испании и Л. Йыекалда о наскальном искусстве Карелии.

В заключении работы этой части конференции были заслушаны доклады и сообщения, посвященные проблемам Каповой пещеры (Шульган-Таш), одной из двух уникальных, на огромном пространстве к востоку от Франко-Кантабрии, пещер с палеолитической росписью. В выступлениях И. А. Лоскутовой и Н. Н. Фирсовой (Заповедник Шульган-Таш, Екатеринбург), Ю. С. Ляхницкого, Е. П. Мельниковой и С. Б. Шигорец (Санкт-Петербург) было рассмотрено состояние и перспективы спасения и сохранения уникальной красочной росписи в Каповой пещере. В докладах М. Н. Шалашова (Уфа) и В. Г. Котова (Уфа) еще раз были предложены оригинальные системы интерпретации рисунков Каповой пещеры.

Экскурсия участников конференции в Капову пещеру состоялась 11—12 сентября. Учеными еще раз тщательно были обследованы все известные палеолитические рисунки. По итогам этого обследования было принято «Заключение о вопиющих нарушениях экологической безопасности Каповой пещеры (Шульган-Таш)», которое необходимо привести полностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

о вопиющих нарушениях экологической безопасности Каповой пещеры (Шульган-Таш)

Посещение Каповой пещеры в рамках международной конференции «Пещерный палеолит Урала» открыло перед нами удручающую картину.

Бесценным рисункам грозит опасность полного уничтожения из-за почти бесконтрольного посещения пещеры туристами. Туризм в пещере стал доходной статьей администрации заповедника «Шульган-Таш». Иностранцы были обескуражены беспечным отношением к пещере с единст-

венными в России ценнейшими палеолитическими росписями, поражены индифферентностью властей, которые не могут оградить памятник от всеуничтожающих и засоряющих все туристов.

В настоящее время рисунки пещеры (почти все) измазаны глиной. На некоторых из них есть следы механических повреждений, разрушивших кромочный слой, на стенах много современных надписей, в том числе нанесенных в июле 1997 г. студента-

ми Уральского государственного АТУ. От грязи в пещере на рисунках развивается интенсивная плесень.

Для спасения рисунков необходимо принимать срочные меры. Прежде всего пещеру необходимо закрыть для посещения туристов или показывать им только привходовую часть, убрав первую старую решетку. Чрезвычайно важно организовать продолжение научно-исследовательских и реставрационных работ в пещере в рамках программы Института истории языка и литературы Уральского научного центра РАН.

Ученые, впервые в столь представительном составе, 13—14 сентября посетили Игнatieвскую пещеру (Челябинская область). Специалистами, по-настоящему впервые, была обследована настенная роспись памятника. Был сделан вывод, что часть рисунков бесспорно имеет палеолитический облик и находит аналогии в рисунках Каповой пещеры. Но рисунки Игнatieвской пещеры не однозначны и разновременны, что чрезвычайно интересно и значимо, и требует дальнейшего всестороннего изучения. У этого уникального памятника, как и у Каповой пещеры, существуют те же острые проблемы спасения и сохранения. Так же, как в Башкирии, вход в эту пещеру закрыт решеткой, но это точно также не спасает памятник от нежелательных посещений. Уникальные первобытные рисунки, не только известные, но еще и не открытые, постоянно находятся под угрозой уничтожения.

По дороге в Игнatieвскую пещеру 13 сентября участники конференции посетили Сикияз-Тамакский пещерный комплекс на р. Ай (Челябинская область). После осмотра ряда пещер, гротов и навесов с сохранившимися культурными слоями специалисты указали на острейшую необходимость продолжения изучения этого комплекса для решения вопросов палеолитической проблематики Урала, а также на актуальность поиска новых памятников, особенно раннего и среднего палеолита.

В результате работы конференции было принято «Решение международной научной конференции «Пещерный палеолит Урала», в котором отмечалось, что конференция и экскурсии на археологические памятники выявили немало белых пятен в изучении палеолита Урала. Здесь явно недостаточно исследованы ранний и средний палеолит. Пока еще не открыты новые крупные поселения эпохи верхнего палеолита. Необходимо продолжить поиски новых пещер, в которых могли существовать в древности как поселения, так и святилища с настенными красочными рисунками и гравировками. Нельзя считать законченными исследования и самых замечательных памятников палеолита Урала, уже известных во всем мире верхнепалеолитических святилищ в Каповой пещере (Шульган-Таш) и Игнatieвской. Вызывает тревогу отсутствие должной охраны и расточительное использование в туристических целях этих замечательных памятников археологии и культуры. Обе названные пещеры нуждаются в особом режиме охраны, обеспечение которого невозможно без заинтересованного и постоянного контроля со стороны руководства Республики Башкортостан и Челябинской области. Назрела необходимость создания при правительстве Башкортостана и администрации Челябинской области специальных комиссий по охране, изучению и использованию Каповой пещеры (Шульган-Таш) и Игнatieвской пещеры.

Существенным итогом конференции явилось то, что она привлекла внимание и объединила усилия многих исследователей к дальнейшему изучению палеолита Урала и сопредельных с ним территорий.

Тексты «Решения...» и «Заключения...», были направлены в Правительства России и Башкортостана, а также в Российскую Академию Наук.

С. А. Кулаков
Россия. Санкт-Петербург
Институт истории материальной
культуры РАН
Отдел палеолита

КОНФЕРЕНЦИЯ

«КАМЕННЫЙ ВЕК ЕВРОПЕЙСКИХ РАВНИН: ОБЪЕКТЫ ИЗ ОРГАНИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ И СТРУКТУРА ПОСЕЛЕНИЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ»

(Сергиев Посад, 1—5 июля 1997 г.)

Конференция «Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры» была организована Сергиево-Посадским Государственным историко-художественным музеем-заповедником и Институтом истории материальной культуры РАН при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации, Комитета по культуре Администрации Московской области и Института «Открытое общество». Она проходила в Сергиевом Посаде с 1 по 5 июля 1997 г. под патронажем Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО.

К конференции был опубликован сборник тезисов докладов на трех языках — русском, английском и французском, и сборник «Древности Залесского Края», состоящий из статей, материалы которых не были доложены на конференции.

В работе конференции приняло участие 60 человек из России, стран ближнего (Украина, Белоруссия, Литва, Латвия) и дальнего (Англия, Бельгия, Германия, Дания, Польша, США, Франция, Швеция, Швейцария) зарубежья. Помимо представителей ведущих археологических центров России и зарубежья — Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) и Институт археологии РАН (Москва), Национальный центр научных исследований Франции и Университет Сорбонна (Франция), Смитсоновский Институт (США), Институт Археологии и Этнологии РАН и Варшавский Университет (Польша), Национальный Музей Естественной Истории (Швейцария), Национальный музей Дании, в работе конференции приняли также участие представители региональных научных центров (Иваново, Череповец, Самара, Чита и др.). Впервые после распада СССР в конференции на территории России участ-

вовали ученые-археологи из стран Балтии — Литвы и Латвии.

Все доклады были обеспечены профессиональным синхронным переводом, благодаря чему между российскими и иностранными участниками конференции существовало полное понимание, и что способствовало живому обсуждению всех докладов.

Первоначально предполагалось, что тематика конференции будет ограничена проблемами исследований и сохранности органических остатков, в первую очередь, дерева, на торфяниковых стоянках эпохи мезолита-неолита. Однако, в ходе подготовки конференции, выяснилось, что подобная тематика вызывает интерес у большинства специалистов, работающих над проблемами изучения каменного века, поэтому было предложено расширить рамки конференции. Было решено включить в программу вопросы, связанные с изучением палеолита, а также стоянок, где органические остатки практически не сохраняются, однако есть какие-либо поселенческие структуры или комплексы, позволяющие реконструировать картину проживания первобытного человека. Вся работа конференции была разделена на четыре части: доклады, связанные с изучением палеолита, мезолита и неолита, и отдельный блок докладов, посвященный мультидисциплинарным исследованиям стоянки Замостье 2 (Сергиево-Посадский район).

Работу конференции открыл вступительным словом директор Сергиево-Посадского музея К. В. Бобков, который отметил особую значимость проведения подобного рода мероприятий как для науки, так и для российской культуры в целом. С обзорными докладами, посвященными глобальным вопросам изучения органических материалов и структуры поселений выступили профессор В. М. Массон (Россия) («Человек ка-

менного века и использование органических материалов») и доктор Оле Грюн (Дания) («Теория и практика: применение этноархеологии и структуралистики в практической археологии»).

Специальным вопросам методики изучения различных типов поселений и новым естественнонаучным методам были посвящены доклады Д. Рамзеера (Швейцария) «Методика раскопок древних озерных поселений», Е. Шильда (Польша) «Использование съедобных растений в раннем мезолите на севере Европейской равнины» и В. Фитцхью (США) «В поисках Грааля: виртуальная археология Ямала и циркумполярная теория».

Методическим разработкам изучения орудий из кости, раковин и керамики были посвящены доклады Г. Ф. Коробковой «Костяные струги и керамические орудия каменного века» и Г. Ф. Коробковой совместно с Т. А. Шаровской «Экспериментальное изучение костяных орудий каменного века».

В ряде докладов обсуждались вопросы сохранности как самих изделий из органических материалов, так и в целом вопросы консервации памятников с огромными объектами, выполненными, например из костей и бивней мамонта: стоянка Юдиново — доклад З. А. Абрамовой «Мир палеолитических охотников на мамонта на Русской равнине (жилища из костей мамонта)». При археологических исследованиях существенным фактором, помогающим прояснить общую картину обитания на стоянке и решить вопросы хронологии целых регионов, является использование методов естественно-научных дисциплин: антракологического, палинологического, радиоуглеродного и др. — доклады К. Хайнц (Франция) «Методы анализа по древесному углю: отбор образцов, анализ данных», Ф. Дамблони и П. Азара (Бельгия) «Стоянки древнего человека и реконструкция окружающей среды в Центральной Европе после 40 000 л.н.».

Большая часть докладов была посвящена вопросам изучения конкретных памятников с органическими остатками, и поселений с четко выраженной структурной организацией пространства, их значимости для археологии различных периодов каменного века — палеолита (доклады З. А. Абрамовой, Л. В. Кузнецовой, Л. Ю. Яковлевой и Ф. Джинджиана, В. Н. Станко, В. И. Беляевой, Г. П. Григорьева, Г. В. Григорьевой, Н. Д. Праслова, Е. В. Булочниковой, О. В. Кузнецова, А. В. Константинова, С. А. Васильева, З. Сулгостовской); мезолита (доклады И. А. Загорской, С. В. Ошибкиной, Т. А. Поповой, Д. Я. Телегина,

Н. В. Косоруковой и Н. Б. Васильевой, А. Е. Кравцова и Е. В. Леоновой, М. Г. Жилина) и неолита (доклады И. А. Лозе, Р. К. Римантене, М. М. Чернявского, Т. Д. Белановской, В. В. Сидорова, Е. Л. Костылевой и А. В. Уткина, С. Велиндера, В. Я. Шумкина). Памятники, материалы которых были доложены на конференции располагаются на территории от Западной Европы до Восточной Сибири и от Баренцева моря на севере до Черного моря на юге.

В ряде докладов обсуждались вопросы распространения и развития отдельных типов костяного инвентаря (доклады Стефана и Елжбет Козловских «Позднепалеолитические и мезолитические гарпуны и костяные наконечники в Центральной Европе», В. В. Питулько «Общие тенденции в развитии вкладышевых орудий»).

Оживленную дискуссию вызвал вопрос о методах интерпретации полученных материалов. Так, например, западными коллегами — Оле Грюн (Дания), Стиг Велиндер (Швеция) — в настоящий момент разрабатываются вопросы возможности применения структурного анализа при изучении чисто археологических источников, что нашло свое отражение на практике (доклад С. Велиндера). Неоднозначность подобного подхода отразилась в выступлениях при обсуждении докладов.

Ярким примером сочетания исследований стоянки каменного века методами различных дисциплин явился блок докладов, посвященный стоянке Замостье 2 (доклады В. М. Лозовского (СПМЗ), Е. А. Спиридоновой (ИА РАН) и Ю. А. Лаврушина (ГИН РАН), Е. Ю. Гири (ИИМК РАН), О. В. Лозовской (СПМЗ), А. К. Каспарова (ИИМК РАН), Л. Шэ (Музей естественной истории Швейцарии), Е. Дэвид (Университет Сорбона, Франция). В результате подобного подхода получается комплексная, целостная картина жизни древнего человека.

Заседания конференции проходили в Сергиево-Посадском музее-заповеднике с 1 по 4 июля, 5 июля была организована автобусная экскурсия на стоянку каменного века Замостье 2, расположенную в 60 км от г. Сергиев Посад. Участники конференции были ознакомлены с разрезом отложений памятника и условиями залегания вскрытых участков двух культурных слоев периода среднего неолита (4700—6500 л. н.) и позднего мезолита (7300—7900 л. н.). Во время экскурсии были сделаны доклады по палеогеографической характеристике слоев и их культурной атрибутике (Лозовский В. М., Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А.).

К конференции была подготовлена выставка «Древние охотники-рыболовы Русской равнины», на которой были представлены материалы из раскопок стоянок периода мезолита-неолита Замостье 2 (по раскопкам В. М. Лозовского), Сахтыш 2а, Ивановские 3 (по раскопкам Д. А. Крайнова). Эти материалы впервые стали доступны широкому кругу российских и иностранных коллег и вызвали большой интерес. В ходе конференции была также дана высокая научная оценка работам, проводимым Сергиево-Посадским музеем-заповедником на стоянке Замостье 2, обсуждены дальнейшие

планы научных мероприятий, связанных с ее изучением.

Несомненным достижением явилось проведение такой конференции, первой после распада СССР, с широким представительным составом участников. О научной значимости конференции говорит решение провести через три года аналогичную конференцию в Осло на базе национального Института культурного наследия (Норвегия).

В. М. Лозовский

Россия. Сергиев-Посад.

Сергиево-Посадский музей-заповедник

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «50 ЛЕТ РАСКОПОК ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА»

(Пенджикент, 15—20 августа 1997 г.)

Научная конференция, посвященная 50-летию раскопок древнего Пенджикента, проходила с 15 по 20 августа в г. Пенджикенте. Она была организована Хукуматом г. Пенджикента, Институтом истории, археологии, этнографии АН Республики Таджикистан, Государственным Эрмитажем, Институтом истории материальной культуры РАН, Пенджикентским музеем-заповедником при финансовой поддержке Хукумата г. Пенджикента. В работе конференции приняли участие около 30 ученых из России, Франции, Таджикистана, Узбекистана, Киргизстана. По материалам конференции опубликованы тезисы.

Конференцию открыл приветственным словом хоким г. Пенджикента И. Салахиддинов. Затем с вступительным словом выступил директор Института истории, археологии, этнографии АН Республики Таджикистан академик Р. Масов. С приветственными речами выступили также: директор ИИМК РАН, академик РАЕН В. М. Массон, директор Института археологии АН Республики Узбекистан, д. и. н. Т. Ширинов, декан Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, чл.-корр. РАН И. М. Стеблин-Каменский, ведущий научный сотрудник Института истории АН Республики Киргизстан, начальник Южно-Киргизской археологической экспедиции Б. Аманбаева.

На пленарном заседании были заслушаны три доклада. В докладе «Пенджикент и согдийская цивилизация» В. М. Массон подчеркнул, что раскопки в Пенджикенте и в других регионах, в том числе в Восточном Туркестане, показали, что именно согдийская цивилизация, её культурные стандарты и эталоны играли ведущую роль в Центральной Азии. В своем совместном докладе Б. И. Маршак и В. И. Распопова сообщили о раскопках в Пенджикенте и о согдийской культуре. О проблемах Пенджикентского музея-заповедника рассказал его директор И. Рахматуллаев.

Значительное число представленных докладов (около 20) были посвящены археологическим исследованиям. Среди них следует отметить доклад М. А. Бубновой (Душанбе) о янтарных изделиях, найденных в Пенджикенте; В. Г. Шкоды (Санкт-Петербург) об истории изучения пенджикентских храмов; Б. И. Маршака (Санкт-Петербург) и Ф. Грене (Париж), посвященный мифам о Нане в искусстве Согда; Ю. Якубова (Душанбе) о связях горного Согда с Панчекамом в период правления Деваштича.

Был заслушан ряд докладов историографического характера. О ранних этапах раскопок древнего Пенджикента рассказал Б. Я. Ставиский (Москва). Н. Н. Негматов (Ходжент) посвятил свое выступление А. Ю. Якубовскому — основоположнику

археологического изучения древнего Пенджикента.

Доклады А. М. Бляхер и М. П. Винокурова (Санкт-Петербург) были посвящены проблемам реставрации произведений искусства, обнаруженных в древнем Пенджикенте. Некоторые доклады касались вопросов археологических исследований Пенджикентского района. Таковыми являются доклад А. Раззокова (Пенджикент) о древних рудниках долины Зеравшана; выступление С. Бобомуллоева (Душанбе), посвященное памятнику раннеземледельческой культуры Зардча Халифа.

Были заслушаны интересные филологические доклады. В. А. Лившиц (Санкт-Петербург) в своем сообщении остановился на судьбе манихейского епископа V—VI вв. согдийца Санака, а доклад И. М. Стеблин-

Каменского (Санкт-Петербург) был посвящен согдийским топонимам.

Вопросов нумизматики касались доклад Б. Д. Кочнева (Ташкент) о кладе аштарханидских монет из Пенджикента и информация А. Х. Атаходжаева (Самарканд) о новых кладах халифатских фельсов с городища Афрасиаба.

Участники конференции осмотрели экспозицию Пенджикентского музея и совершили поездку в селение Панджруд, где посетили мавзолей основоположника персидско-таджикской классической литературы Рудаки.

Д. Абдуллоев

Россия, Санкт-Петербург

Институт истории материальной культуры

РАН

Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОЛЛОКВИУМ ПО КУЛЬТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ ГОСУДАРСТВА САМАНИДОВ

(Душанбе, 14—19 июня 1998 г.)

Международный коллоквиум «Вклад эпохи Саманидов в культурное наследие Средней Азии», организованный правительством Республики Таджикистана и ЮНЕСКО, состоялся 14—19 июня 1998 г. в Душанбе. Государство Саманидов (892—999 гг.) было одним из политических образований на территории бывшего Арабского халифата, которое приобрело независимый статус. Оно управлялось династией местного происхождения и охватывало территорию современной Средней Азии, Афганистана и северо-восточного Ирана. Государство Саманидов сыграло заметную роль в развитии науки и искусства на Востоке, особенно, в создании поэзии на таджикско-персидском языке, одним из блестящих представителей которой был Фирдоуси. В работе коллоквиума приняли участие представители России, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Англии, Ирана, Индии, Китая, Пакистана и Франции. Представленные доклады и сообщения группировались в три блока: два основных блока по обще-

исторической проблематике и блок по вопросам развития культуры и науки в саманидскую эпоху. Во многих докладах широко использовались данные археологии, а некоторые сообщения были построены на них целиком.

С приветственным словом к участникам совещания обратился президент Таджикистана Э. С. Рахмонов. Он подчеркнул, что открытость общества подразумевает и открытость истории, когда надо знать правду о реальном прошлом наших предков, правду высокую, возвышенную, временами горькую, но всегда правду. Подчеркнув огромные достижения государства Саманидов, особенно в области культурного и интеллектуального развития, Э. С. Рахмонов, вместе с тем, сказал о необходимости извлекать из прошлого соответствующие уроки. Он подчеркнул, что суверенное и независимое государство может развиваться и укрепляться только на основе единства народа, его различных слоев. Особо отмечалось значение государственной поддержки развития

культуры, что на уровне меценатства осуществлялось в государстве Саманидов. Было специально подчеркнуто, что «если в XV—XIX веках мы наблюдаем... падение роста культуры в регионе, то одной из причин такого явления безусловно является то, что культура на этом историческом отрезке времени не имела государственной поддержки, в особенности, ее рационально-светские элементы». Из уроков истории Э. С. Рахмонов отметил, что усиление междуусобной борьбы и региональные противоречия были одной из причин падения государства Саманидов.

В докладе В. М. Массона (Россия) были рассмотрены вопросы политического и культурного наследия государства Саманидов. Это государство создавалось как бюрократическая централизованная монархия, что было шагом вперед по сравнению с конфедерализмом, царившем в доарабском Согде. Эта система, включая сам титул — «эмир», фактически просуществовала в Средней Азии до начала XX века. При изучении традиций в области науки особенно важно не происхождение и место рождения того или иного деятеля, а выявление городов, где складывались центры научного и культурного развития. Одним из таких центров была саманидская Бухара. Обращение к доисламским традициям способствовало интеграции этого огромного пласта культурного наследия в синтетическую культурную систему, создаваемую на основе исламской модели. А. Мухторов и Ю. Якубов (Таджикистан) говорили о большой роли развития товарного производства и торговли в саманидской державе, что нашло отражение в возникновении целой системы торговых магистралей, объединяемых в литературе понятием Великий шелковый путь. К. М. Байпаков (Казахстан) в своем докладе подчеркнул, что время Саманидов было для Южного Казахстана временем активной урбанизации и подъема городской жизни. В городах, различных по составу населения, существовал и поликонфессионализм, но постепенно буддизм и христианство уступают свое место господствующему исламу. Власть Саманидов распространялась на многие городские центры. Обнаружены медные монеты, выпущенные от имени Саманида Насра ибн Ахмеда в 922/923 гг. владетелем Фраба по имени Али. На нумизматических материалах основывалось и сообщение Л. Тредвела (Великобритания), который обнаружил на некоторых саманидских монетах титул «мелик» наряду с традиционным титулом «эмир». Этот титул в доарабское время использовали верховные правители Согда и в этом

проявилось стремление новой династии, местной по происхождению, опираться и на доисламские традиции. Госпожа М. Хейдар (Индия) представила доклад о следовании государственным традициям, заложенным Саманидами, в практике империи Моголов. О. Аширов (Туркменистан) посвятил свой доклад газневидскому государству, как продолжателю культурных традиций Саманидов. Он отметил, что имеются свидетельства о происхождении основателя государства Газневидов Себук-тегина из рода, связанного с туркменским племенем гоклен. Сообщение Ч. Суна (Китай) было посвящено связям Китая со Средней Азией в эпоху Саманидов, главным образом, по линии торгового взаимодействия. Более широкие временные рамки затрагивал доклад М. Исхакова (Узбекистан), посвященный распространению тюркоязычного населения в среднеазиатском междуречье, начиная со времени тюркского каганата.

Большой блок сообщений естественно был связан с культурным наследием саманидской эпохи. М. Оиноршоев (Таджикистан) сосредоточил свое внимание на развитии мусульманского богословия и, в целом, на утверждении ислама, как господствующей идеологии в государстве Саманидов. Тематически с этим докладом смыкалось сообщение У. Уватова (Узбекистан) об исследовании хадисов в IX в. в Средней Азии, которая становилась важным центром исламского богословия. С широким докладом о развитии материальной культуры Мавераннахра выступил Н. Негматов (Таджикистан), который выдвинул понятие «таджикского возрождения» (яхье), понимая это весьма расширительно как в хронологическом, так и в территориальном аспекте. Поскольку в доарабское время здесь существовали различные культуры и даже цивилизации, Н. Негматов предпочел воспользоваться термином «прототаджики», что едва ли в полной мере удачно. Широкую картину развития культуры в государстве Саманидов, в котором участвовали все народы региона, нарисовал М. Хайруллаев (Узбекистан). А. Х. Дани (Пакистан) остановился на характеристике ранней исламской архитектуры Пакистана, перекликающейся с саманидскими традициями. Оценку исторического значения культурного наследия эпохи Саманидов предложили А. Мухаммеджоджаев и К. Расулов (Узбекистан). Конкретному ученому, астроному Ал-Фаргани, было посвящено сообщение А. Ахмедова (Узбекистан). О новых археологических материалах из района Нишапура доложил Р. Лаббав Хеники (Иран). При этом, большое внимание было уделено поливной кера-

мике IX—X веков, в том числе, с арабскими надписями. Ш. Адл (ЮНЕСКО) поднял вопрос о возможном вкладе Саманидов в развитие портретной живописи. Такой форме организационно-идеалистического воздействия в государственном управлении как банкет, посвятил свое сообщение С. Меликян (Франция). Сложную семантическую подоснову этих действий можно видеть и в использовании при возлияниях на официальных торжествах зооморфных сосудов. В ходе коллоквиума было заслушано сообщение П. Шовена (Франция) о деятельности расположенного в Ташкенте Французского института по изучению Центральной Азии по освещению культурного наследия Саманидов.

В целом, коллоквиум подвел определенный итог разработкам по истории и культурному наследию интеллектуальной жизни государства Саманидов, и особенно подчеркнул значение культурного наследия этой эпохи для таджикского народа и других народов Средней Азии. Это было отмечено и в итоговой резолюции, где, в частности, высказано пожелание о поддержке со стороны ЮНЕСКО инициативы Таджикистана в проведении в сентябре 1999 г. юбилейных мероприятий, посвященных саманидскому государству.

В. М. Массон

Россия. Санкт-Петербург

Институт истории материальной культуры

РАН

Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа

НОВОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ АЛТЫН-ДЕПЕ

В октябре 1998 г. группой российских и итальянских исследователей было предпринято новое обследование поселения эпохи энеолита — средней бронзы Алтын-депе в Южном Туркменистане — одного из крупнейших памятников раннегородской цивилизации Средней Азии. Работы проводились при участии туркменской стороны в рамках двусторонних соглашений о совместных научных исследованиях между Институтом Африки и Востока (Рим), ИИМК РАН (Санкт-Петербург) и Туркменским государственным университетом. Финансирование осуществлял Институт Университарио Ориентале (Неаполь).¹

В результате проведенного обследования группой под руководством д-ра С. Сальватори и при участии Л. Б. Кирчо, О. И. Богуславского и Д. Боноре с помощью лазерного теодолита Wild 1010 был снят компьютерный топографический план Алтын-депе (рис. 1), на который затем нанесли все археологические раскопы разных лет, а также все участки, на которых культурный слой поселения был разрушен вследствие антропогенного воздействия на памятник. Таким образом, получен уникальный источник для реконструкции структуры древнего города. Уже в полевых условиях, при обработке топографического плана с помощью программы Surfet, позволяющей подчеркнуть осо-

бенности рельефа, удалось установить, что поселение имело по крайней мере две крупные, пересекающиеся почти в центре, транспортные артерии, проходящие с юго-запада на северо-восток и с юго-востока на северо-запад, и, соответственно, четыре основных въезда.²

Одновременно с топографическими работами, д-р М. Видаль проводил визуальное обследование поверхности поселения для выявления следов древней производственной деятельности. Четыре наиболее перспективных с точки зрения концентрации таких следов участка с остатками металлообрабатывающего, камнеобрабатывающего и гончарного производства были обследованы более детально, с описанием каждого из сотен найденных здесь микрообъектов и их топографической фиксации. В целом подтверждаются уже известные данные о специализированном характере гончарства на Алтын-депе. В период средней бронзы значительные площади в северной и северо-западной части памятника были заняты так называемыми кварталами гончаров с многочисленными следами производства керамики (гончарные горны, шлаки, керамический брак, подставки для формовки сосудов). Следы металлообработки и камнеобработки выявлены на нескольких небольших участках. Следовательно, эти производства были

¹ В рамках проекта «Central Asia and Great Empires», возглавляемого проф. Б. Дженито.

² Юго-западные ворота и ведущая от них в центр поселения магистраль исследованы в 1970-е годы на раскопе 8.

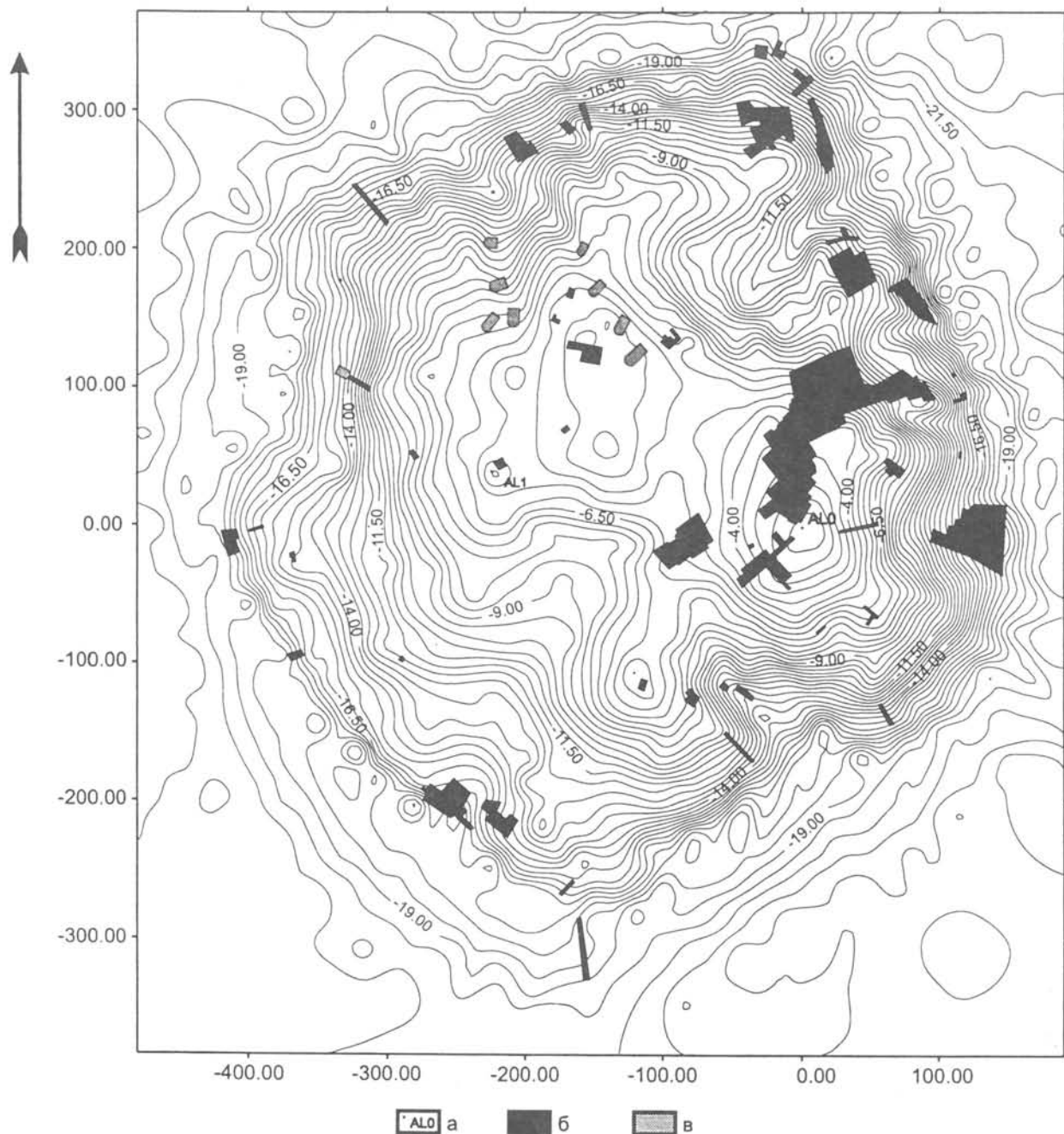

Рис. 1. Алтын-депе, план, съемка 1998 г.: а — базовые точки; б — археологические раскопы; в — остатки современных земляных сооружений, возведенных военнослужащими.

рассредоточены на территории поселения, хотя в ряде случаев и представлены высокоспециализированными орудиями (микросверла, остатки керамических «воронок» для жидкого металла). Дальнейшая обработка полученных данных с помощью специальных методик открывает новые возможности для исследования структуры древнего города (локализация транспортных артерий, об-

щественных сооружений, ремесленных производств, а также выявление системы городской застройки).

Л. Б. Кирчо
Россия. Санкт-Петербург
Отдел археологии Центральной
Азии и Кавказа ИИМК РАН

**ВТОРАЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ
 ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
 посвященная 150-летию
 заслуженного профессора
 Санкт-Петербургской Духовной Академии,
 директора Императорского
 Археологического Института
 Николая Васильевича Покровского (1848–1917)
 Санкт-Петербург, 1–3 ноября 1998 года**

Вторая Всероссийская церковно-археологическая конференция несколько запоздала в своем появлении на свет, поскольку резолюция Первой Всероссийской конференции «Церковная археология», созданной Институтом истории материальной культуры РАН, Псковским музеем-заповедником, Псковским обществом Св. Ольги Российской при поддержке Администрации Псковской области и состоявшейся в Пскове с 20 по 24 ноября 1995 года (См.: Мусин, Грушина, Белецкий 1996: 109—113), предполагала созыв подобных симпозиумов не реже, чем раз в два года. Однако в связи с приближающимся 150-летием «отца русской церковной археологии» Н. В. Покровского, возникла идея провести конференцию в дни юбилея. Неразрывная связь Н. В. Покровского с Санкт-Петербургской Духовной Академией сделала ее естественным инициатором мероприятия и местом проведения конференции. По сравнению с предшествующей конференцией состав ее учредителей, как и спектр участников, стал более широким. В Оргкомитет вошли: от Московского Патриархата — ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии епископ Тихвинской Константин (Горянов) и ректор Московской Духовной Академии епископ Верейский Евгений (Решетников), председатель Учебного Комитета Русской Православной Церкви, от Российской Академии наук — директор Института истории материальной культуры Е. Н. Носов и директор Института археологии Р. М. Мунчаев, от Министерства Культуры Российской Федерации — директор Государственного Эрмитажа М. Б. Пятровский, директор Государственного Рус-

ского музея В. А. Гусев, директор Российского Этнографического музея И. В. Дубов, директор Государственного музея истории религий С. А. Кучинский, директор Государственного Института искусствознания А. И. Комеч, директор Государственной Третьяковской галереи В. А. Родионов и директор Государственного Исторического музея А. И. Шкурко.

К началу конференции был издан сборник «Церковная археология. Выпуск 4» общим объемом в 380 страниц, где были представлены труды 86 авторов, продолжающие серию церковно-археологических материалов, изданных к первой конференции (выпуски 1—3). Сборник открывается обращением Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к участникам и гостям конференции, где Патриарх призвал светские и церковные научные силы к сотрудничеству в деле изучения и сохранения памятников церковной старины, и, в частности, сказал: «В братском общении и деловом сотрудничестве людей, от которых зависит судьба культурного наследия нашего великого Отечества, мне видится залог того, что мы не только сумели сохранить врученное нам историей, но и передать эти богатства последующим поколениям». Патриарх призвал исследователей увидеть в памятниках церковной старины воплощенное Священное Предание, что является залогом успеха научной работы в изучении церковной культуры и соответствует теоретическим определениям I конференции. Участники конференции выразили Патриарху Алексию глубокую признательность за внимание к научному симпозиуму, а также за

помощь в возрождении церковно-археологического музея при СПбДА, временная экспозиция которого открылась к началу конференции. В настоящее время экспозиция состоит из трех разделов, первый из которых посвящен жизни и деятельности основателя Церковно-археологического музея Н. В. Покровского. Здесь представлены фотографии, копии рукописных документов и личные вещи Николая Васильевича. Во втором разделе выставки — материалы недавних археологических раскопок важнейших христианских памятников Петербургского региона: древнейшего храма Санкт-Петербурга — Троицкого собора и храма Св. Блгв. кн. Александра Невского в Усть-Ижоре (П. Е. Сорокин, раскопки 1989—1998 гг.), а также Тесовского погоста (А. А. Селин, раскопки 1998 г.). В третьем разделе экспонируются вещи из фондов Церковно-археологического музея. Здесь можно увидеть коллекцию церковной фалеристики, литургических облачений, древнерусских нательных крестов XI—XVIII вв., а также археологические находки, поступившие на временное хранение в СПбДА из Института истории материальной культуры РАН. Большую помощь в организации временной экспозиции оказали студенты кафедры музееведения СПб Государственной Академии Культуры, в частности А. Н. Ашешева.

Памяти выдающегося исследователя Н. В. Покровского была посвящена выставка в Русском музее, открывшаяся 29 октября. На выставке были представлены экспонаты из фондов музея, собранные в свое время Н. В. Покровским, в том числе и из бывшей коллекции СПбДА, начало которой было положено ученым в 1879 году. Участники конференции посетили выставку и с благодарностью оценили труды научных сотрудников и реставраторов Русского музея, сохранивших эти памятники христианской древности. Там же, в Русском музее, 4—5 ноября прошла научная конференция, посвященная памяти выдающегося ученого, где были представлены доклады искусствоведческого и историографического характера.

Конференция в СПбДА открылась заупокойной службой в день 150-летия Н. В. Покровского в храме Академии. Пленарное заседание открыл ректор Академии, который огласил послание Патриарха Алексия. В своем обращении епископ Константин в частности сказал: «Понимание сути произведений церковного искусства невозможно без учета того религиозного переживания, которым они создавались. Это переживание способна раскрыть только живая церковная традиция, воплощенная в жизни Русской Православной Церкви. Но сегодня без умелого

использования богатейшего опыта, накопленного российским искусствоведением и археологией в деле изучения древнерусского и византийского искусства, и церковная наука неспособна занять подобающее ей место в жизни российского общества... Охрана памятников культуры в дореволюционной России, еще не отягченная спорными вопросами собственности, тоже знала не мало конфликтов между Императорской Археологической комиссией и Духовным ведомством. Однако участие в деле таких людей как Н. В. Покровский, которым были одинаковы близки как интересы церковно-приходской жизни, так и приоритеты науки, заранее предполагало возможность мирного разрешения конфликта на пользу самой святыни, а не просто к славе одного из конфликтующих ведомств. Поэтому сегодня стоит говорить не о сомнительном пути компромиссов в деле охраны памятников церковной старины, а о сближении подходов и установок всех заинтересованных сторон».

На первом пленарном заседании со словами приветствия и пожеланиями в адрес симпозиума обратились к участникам конференции директор РЭМ И. В. Дубов, директор Института искусствознания А. И. Комеч, зам. директора по науке Государственного Эрмитажа Г. В. Вилинбахов, зам. директора по науке ИИМК РАН В. А. Алекшин, представитель губернатора СПб Э. Н. Порецкина, зав. сектором археологии Москвы ИА РАН Л. А. Беляев. Внучка Н. В. Покровского Н. Д. Эвне в своем выступлении рассказала о судьбе потомков Н. В. Покровского и о последних днях выдающегося ученого. Игумен Александр (Федоров), заведующий иконописным классом при СПбДА и преподаватель церковной археологии, зачитал актовую речь «Церковная археология в начале и в конце столетия в свете наследия Н. В. Покровского». В память Н. В. Покровского хор СПбДАиС дал праздничный концерт.

Традиционным стало участие в церковно-археологических конференциях представителей европейской науки, в данном случае археологов из Великобритании Мартина Биддла и Джона Крука. Выступление г-на Биддла, посвященное русским исследованиям храма Гроба Господня в Иерусалиме, вселило надежды на возрождение международного сотрудничества в изучении Святых Мест христианской цивилизации в Палестине. Доклад г-на Крука, посвященный исследованию погребений английских святых раннесредневекового времени, также представлял несомненный интерес для современной церковной археологии. В современной России проблема идентификации чтимых погребений святых и их мощей яв-

ляется не только научной, но и религиозной. Ее острота вызывает подчас жаркие дискуссии, а решения, которые предлагаются, в том числе и в докладах вынесенных на конференцию (О. Г. Ульянов, Москва), вызывают иногда неоднозначную оценку. К сожалению, в конференции не смог принять участие ректор Папского института христианской археологии (Рим) монсеньор Патрик Сен-Рок, который прислал в адрес симпозиума телеграмму с пожеланием творческого успеха.

Стало традицией и обращение к российским властям. На заключительном заседании 3 ноября участники конференции приняли письменное обращение к губернатору Санкт-Петербурга В. А. Яковлеву с просьбой ходатайствовать перед Правительством России о возвращении Санкт-Петербургской Духовной Академии ее исторического здания по набережной Обводного канала, дом 7, что создало бы условия для более полного раскрытия духовного и интеллектуального потенциала Академии на благо всего Российского общества. Текст обращения следующий:

«Многоуважаемый
Владимир Анатольевич!

Участники II Всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной памяти заслуженного профессора Санкт-Петербургской Духовной Академии, директора Императорского Археологического Института Николая Васильевича Покровского (1848—1917), организованной Московским Патриархатом, Российской Академией наук и Министерством Культуры Российской Федерации, которая проходит с 1 по 3 ноября 1998 года в здании Санкт-Петербургской Духовной Академии и Семинарии, обращаются к Вам с просьбой оказать содействие в возвращении Санкт-Петербургской Духовной Академии ее исторического здания по адресу: набережная Обводного канала, дом 7. В течении многих лет Церковь не может добиться передачи специально предназначенного для Духовной Академии и всегда принадлежавшего ей здания. Растет значение Церкви в жизни общества, увеличивается число приходов и монастырей, которые необходимо обеспечить высокообразованными кадрами духовенства. Санкт-Петербургская Духовная Академия в настоящее время, к сожалению, не имеет возможностей для своего дальнейшего расширения, так как ограничена в помещениях. В то же время, как показала конференция, интеллектуальный и научный потенциал Академии огромен, его необходимо использовать для блага всей России. Сегодня невозвращение Духовной Академии ее исторического

здания становится позором для Петербурга — культурной столицы России. Участники конференции надеются на обращение Правительства Санкт-Петербурга в Правительство Российской Федерации, в котором будет содержаться просьба о возвращении старейшему духовному учебному заведению России его исторического здания в преддверии 2000-летия Рождества Христова.»

Как дань памяти Н. В. Покровскому, так и потребности дальнейшего поступательного развития церковной археологии, которая по сути является наукой исторического синтеза исследовательских направлений, посвященных христианской культуре, потребовали включения в тематику конференции не только сугубо археологических и историографических докладов, как это было на Первой Всероссийской конференции, но и особого блока выступлений, связанных с искусствоведением и иконографией, которые были выделены в отдельную секцию. Всего на четырех секциях (№ 1 — «История и теория церковной археологии», № 2 — «Памятники христианской иконографии и искусства», № 3 — «Церковная археология, археологические исследования, прикладное искусство», № 4 — «Церковная археология национальных культур») и на двух пленарных заседаниях выступило более 80 докладчиков из Санкт-Петербурга, Москвы, Новгорода, Пскова, Сергиева Посада, Тулы, Саратова, Тихвина, Калуги, Екатеринбурга и Севастополя. В рамках конференции состоялся круглый стол «Наука о византийском и древнерусском искусстве (перспективы развития: взгляд снаружи и изнутри)», организованный ГРМ и Высшей религиозно-философской школой (куратор И. А. Шалина, проект РГНФ № 98—04—14033). Программа конференции выполнена полностью.

Важнейшими темами пленарного заседания стали — уникальные сфрагистические находки нынешнего полевого сезона (Н. Н. Казанский, А. Н. Кирпичников, СПб), возможности археологических источников в решении вопросов истории епархий РПЦ (архимандрит Никон (Лысенко), Саратов), российское историографическое наследие в изучении святынь Палестины (М. Биддл, Оксфорд). К сожалению, в силу внешних обстоятельств, не смог прибыть на конференцию архиепископ Новгородский и Старорусский Лев, который должен был выступить с докладом на тему «О современном состоянии Софийского собора в Новгороде. К 7-летию возвращения храма Руской Православной Церкви». Такая тема по сути восстанавливала распавшуюся связь времен: на XV Археологическом съезде в Новгороде в 1911

году архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий) выступил с одноименным докладом.

В качестве характерной черты секционных заседаний стоит отметить недостаток собственно археологической тематики, связанной с полевыми исследованиями и анализом массового археологического материала. Такие доклады были практически единичны (Р. В. Клянин, Тула; Т. А. Чукова, СПб; Т. Д. Панова, Москва; А. В. Курбатов, СПб; А. В. Карпов, СПб; М. И. Золотарев, Д. Ю. Коробков, Севастополь). В целом, это представляется достаточно опасным симптомом в процессе возрождения церковной археологии в России. Возрождение должно быть ориентировано не на воспроизведение дореволюционных форм науки, связанной с изучением, прежде всего, памятников высокой художественной культуры, а на активную рецепцию последних достижений полевой археологии в области формирования археологического универсума и методологии анализа массового материала. Именно это позволит в будущем создать живую дисциплину, изучающую быт и культуру церковного общества христиан на основе антропологического подхода в противовес собственно культурологическому, лежащему в основе европейской христианской археологии. Хочется надеяться, что это произошло по ряду случайных причин, в частности, из-за преобладания на II конференции докладов искусствоведческой тематики, так или иначе связанных с творчеством Н. В. Покровского. Примечательным было участие в конференции специалистов-этнографов (А. Б. Островской, О. В. Лысенко, О. В. Карпова, О. Г. Баранова, СПб), исследования которых служили связующим звеном между исследованиями памятников высокой художественной культуры и изучением массового археологического материала, представленным живой повседневной культурой крестьянского мира.

Не удалось так же, вопреки замыслам организаторов конференции, выделить единый блок докладов и одну из секций посвятить современным исследованиям, которые позволили бы по данным археологии реконструировать деятельность епископата в истории Церкви и общества. Конкретную научную проблему предполагалось решить с помощью междисциплинарного подхода, где ценность представляли бы все исследования, изучающие свидетельства деятельности епископата в истории: погребальный обряд, сфрагистика, эпиграфика, архитектура кафедральных соборов, архиерейское облачение, изображение епископов в иконописи и миниатюре и т.д. Подобная задача решалась на XI междуна-

родном конгрессе по христианской археологии «Епископ и город» (1986 г., Лион, Вьен, Гренобль, Женева, Аоста), на котором в центр внимания исследователей была поставлена проблема трансформации античного города в раннехристианский и средневековый. Вместе с тем, ряд докладов на различных секциях отражал намеченную тему: общие направления церковно-археологических исследований в этой области (диакон А. Мусин, СПб), сфрагистика (Н. Н. Казанский, А. Н. Кирпичников, СПб; А. А. Купранис, СПб; С. В. Белецкий, СПб; В. С. Шандровская, СПб), прикладное искусство, связанное с епископским служением (И. А. Стерлигова, Москва; А. А. Пескова, СПб), история епархий и епископальных учреждений (М. И. Золотарев, Севастополь; А. А. Липатов, СПб; А. Б. Мазуров, Коломна; Д. Г. Давиденко, Москва). Был выделен блок докладов о средневековой архитектуре, посвященных, в основном, проблеме заказа в храмовом строительстве (Л. А. Беляев, Москва; Вал. А. Булкин, СПб; Ю. Р. Савельев, Москва; С. В. Белецкий, СПб). Очевидно, решению подобных исследовательских задач на начальном этапе становления науки, следует посвящать более узкие научные симпозиумы.

Существенно изменилась и внутренняя структура симпозиума, по сравнению с первой конференцией, что также характеризует становление нового научного направления и, в целом, соответствует тем структурным изменениям, которые происходили в соотношении отделов Археологических съездов в России (1867—1914). В рамках тех же по количеству четырех секций в 1995 году рассматривались практически те же темы, лишь сгруппированные по иному признаку — прежде всего хронологическому. В целом секция I конференции «Распространение христианства в Восточной Европе» соответствовала «Церковной археологии национальных культур», а «Церковная археология и традиции российской археологической науки» — «Истории и теории церковной археологии в России», тогда как тематика двух секций I конференции «Христианство и древнерусская культура» и «Памятники церковной археологии России» была разделена между археологической и искусствоведческой секциями.

Историографическая секция была традиционно посвящена исследованию персоналий деятелей церковной археологии — Н. В. Покровский, Н. И. Троицкий, А. А. Карелин (Л. А. Щенникова, Москва; Р. Б. Бутова, Москва; Т. А. Яковлева, СПб; А. А. Бовкало, СПб; Н. А. Белова, СПб; Н. Н. Жерве, СПб; И. Г. Ковшарь, Тула), опыту церковно-археологического строительства (иеромонах Антоний (Пока-

нич), Сергиев Посад), опыту европейской христианской археологии (Л. Г. Хрушкова, Москва) и преподаванию церковной археологии (Л. А. Беляев, Москва; А. М. Копировский, Москва).

На секции, посвященной памятникам христианской иконографии и искусства, рассматривались в основном атрибуция и анализ произведений станковой живописи (Э. С. Смирнова, Москва; А. С. Косцова, СПб; Э. К. Гусева, Москва; Н. Н. Чугреева, Москва; Л. А. Колесникова, Тихвин), композиции и сюжеты фресковой живописи древнерусских церквей (Э. А. Гордиенко, СПб; Т. Ю. Царевская, Новгород; Л. И. Лифшиц, Москва), влияния в русском прикладном искусстве и иконописи (А. В. Рындина, Москва; С. В. Гнутова, Москва; И. Л. Бусева-Давыдова, Москва). Ряд докладов (И. Н. Матвеев, СПб; Б. В. Сапунов, СПб) вызвал справедливые замечания участников конференции, поскольку исследовать памятники христианской культуры вне контекста церковной традиции и закономерностей развития христианского искусства по меньшей мере не корректно.

Задачи изучения древнерусского искусства и культуры в настоящее время требуют не только междисциплинарного подхода, но и исследования самого явления в контексте тех христианских культур, которые окружали Древнюю Русь. Поэтому выделение в самостоятельную секцию проблем церковной археологии выглядело более чем своевременным. На данной секции Т. Н. Джаксон (Москва) и А. В. Подосинов (Москва) рассмотрели проблемы интерпретации символов евангелистов; А. Я. Каковкин (СПб); О. В. Ошарина (СПб) — некоторые аспекты коптской культуры; темой сообщений М. И. Золотарева и Д. Ю. Коробкова (Севастополь), Н. И. Барминой (Екатеринбург), А. А. Липатова (СПб) было христианство в Крыму.

Становление новой науки требует постоянного обсуждения ее проблем, поэтому подобные конференции нуждаются в круглых столах. Круглый стол прошедшей конференции, организованный межгородским семинаром «Икона: история, символика, иконография», вызвал продолжительное и бурное обсуждение вопросов, связанных с многоаспектным подходом к изучению восточно-христианского искусства, его художественного образа, стиля, символики, иконографии, литургического содержания, функционального использования, а так же проблем научной терминологии, музейной каталогизации и необходимости новых форм обучения будущих специалистов. Внимание участников было сосредоточено на таком понятии как образ, его

содержание и основанная на этом методология исследования, а так же на иконографическом методе. Был высказан ряд критических замечаний в адрес стилистическо-художественного метода, который, впрочем, имеет массу сторонников, а также отмечено полное соответствие иконографического подхода психологии средневекового мастера. В ходе обсуждения наметились расхождения в подходах к изучению и сохранению святынь и памятников церковной культуры между светскими и церковными участниками конференции, однако, это не вышло за рамки академической дискуссии, и настрой взаимного уважения не пропал ни на минуту. Обсуждение вопросов не раз переходило из чисто теоретической плоскости в практическую, доказывая тем самым несомненную важность решения проблем сохранения культурного наследия для сегодняшней научной и общественной жизни. В этом смысле было высказано предложение, что как в области изучения церковного искусства наиболее успешным оказывается литургический подход, так и в области охраны и использования памятников церковной старины тоже должны соблюдаться литургические и канонические принципы. Эта идея пока еще с трудом находит понимание среди деятелей культуры и музейных работников, однако представляется, что будущее именно за таким подходом. Достаточно вспомнить, что идея литургического подхода к изучению древнерусского и византийского искусства тоже долго добывала себе сторонников в российском обществе. В заседании круглого стола приняли участие А. И. Комеч, Вал. А. Булкин, Л. И. Лившиц, И. Д. Чет, Т. Ю. Царевская, Э. С. Смирнова, О. С. Попова, И. Л. Бусева-Давыдова, протоиерей Александр Салтыков, игумен Александр (Федоров), диакон А. Е. Мусин, А. В. Рындина, И. А. Стерлигова, И. А. Шалина и другие.

В резолюции конференции, принятой на итоговом заседании, как положительные моменты были отмечены выполнение ряда решений I Конференции, в частности, осуществление некоторых изданий, в том числе и учебных пособий, а также сам факт проведения II Конференции. Конференция рекомендовала: 1) одобрить и поддержать дальнейшие усилия СПбДА по восстановлению Церковно-археологического музея, особо отметив плодотворное сотрудничество СПбДА с музейными и научными организациями СПб, а также с кафедрой музееведения Государственной Академии культуры, 2) усилить взаимодействие с научными учреждениями зарубежных стран, 3) поддержать предложение игумена Александра (Федорова) об организации при Московской

Патриархии и при епархиях Русской Православной Церкви сети научно-исследовательских, архитектурно-художественных отделов и церковно-археологических музеев при усилении Академического потенциала и с обязательным продолжением взаимодействия со светскими профессиональными структурами. Было предложено установить памятную доску на доме, где жил Н. В. Покровский по адресу: Санкт-Петербург, Невский проспект, 173. Участники конференции высказались за продолжение церковно-археологических встреч. Также были намечены направления работы следующих форумов, где предполагается усилить развитие источниковедческого аспекта церковно-археологических исследований и разработку историографического наследия, обсудить объем и содержание понятия «церковная археология», провести научно-практическую конференцию «Православная святыня как памятник культуры», где обсудить вопросы сегодняшнего состояния взаимоотношения Церкви и музеев в деле сохранения и использования памятников церковной древности, семинар, посвященный Тихвинской иконе Божией Матери. Необходимо обсудить проблему этики археологических исследований религиозных святынь или погребальных древностей, связанных с останками людей. Прозвучало предложение более активно привлекать студенчество к участию в подобных мероприятиях. Проведение конференции стало возможным благодаря финансовой поддержке «Института «Открытое общество». Фонд содействия», которому была выражена отдельная благодарность. Участники конференции выразили горячую признательность Ректору Академии епископу Константину за радушно гостеприимство и высокий уровень организации встречи, который оказался возможным благодаря четкой работе всех служб Академии и штаба конференции, составленного из студентов Духовных школ.

Примечательно, что в целом между светской и церковной частями конференции царил дружелюбие и взаимопонимание, несмотря на уже отмеченную разность некоторых подходов в области изучения и сбережения христианской культуры, что свидетельствует о возможности диалога и со-

трудничества между Церковью и культурой. Это всегда являлось отличительной чертой петербургской Духовной школы, неотъемлемой частью которой и был Н. В. Покровский. Однако в адрес конференции раздавались критические замечания со стороны, и «справа» и «слева». Руководители некоторых музеев увидели здесь «уступку» Церкви, а со стороны православных околонучных кругов прозвучал упрек Академии, что церковно-археологическая тематика была отдана «на откуп» светским искусствоведам. Подобные замечания еще больше убедили организаторов и участников конференции, что именно «царский путь» диалога и сотрудничества, а также дух мира и взаимопонимания, о котором говорил Патриарх Алексий в своем послании, является единственно возможным в сегодняшней России в области изучения и сохранения христианской культуры. Этот путь осуществим лишь при искреннем сотрудничестве на путях взаимной свободы, в основе которого лежит всецелое стремление к исторической истине, которое требует от христианина Евангельская заповедь, а от исследователя его научная совесть. Мир между Церковью, наукой и культурой создается отнюдь не взаимными компромиссами, которые никого не удовлетворяют, а уважением ценностей каждой из сторон. В результате этого должно произойти сближение исследовательских и охранных установок Церкви и музейного ведомства, когда для одной из сторон станут понятны и доступны канонические и литургические требования хранения и обращения с православной святыней, а другая сторона признает необходимость выполнения современных требований научной охраны и реставрации. Продолжение практики подобных конференций под патронажем Патриарха Московского и всея Руси будет не только способствовать углубленному изучению истории христианской церкви и ее культуры, но и в будущем позволит перейти, вследствие сближения подходов, к изучению и сбережению культурного наследия, к практическому сотрудничеству между Церковью и светской наукой в области охраны и использования православных святынь и памятников церковной культуры.

Мусин, А. Е., Л. Е. Грушина, С. В. Белецкий. 1996. Первая Всероссийская конференция «Церковная археология» (Псков, 20—24 ноября 1995 года) // Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации. Материалы пленума ИИМК РАН 14—17 мая 1996 г. Археологические изыскания 31: 109—113. Санкт-Петербург.

Диакон Александр Мусин
заведующий церковно-археологическим музеем
при СПбДА
секретарь Оргкомитета конференции

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

М. И. АРТАМОНОВ — ДИРЕКТОР ИИМК

Н. И. ПЛАТОНОВА*

3 декабря 1998 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Михаила Илларионовича Артамонова — замечательного ученого и организатора отечественной археологической науки, стоявшего во главе ИИМК АН СССР в 1939—1943 годах. Он ушел от нас сравнительно недавно, на памяти ныне живущего поколения. До сих пор еще многие хорошо помнят его, и многие с благодарностью вспоминают Учителя. Рассказы учеников, знавших Михаила Илларионовича уже после войны, рисуют нам живой образ талантливого человека. Человека очень умного, очень знающего, очень глубокого, но, вместе с тем, очень замкнутого, суховатого в общении, исключительно «закрытого»... (Плетнева 1997; Столяр 1997).

Михаил Илларионович принадлежал к поколению, которое не любило предаваться воспоминаниям о былом. Но даже на этом фоне он выделялся своей особой сдержанностью. Теперь уже не осталось живых свидетелей той поры его зрелости, которая пришлась на 1930-е годы. Однако есть у нас незаменимый собеседник, всегда готовый поделиться воспоминаниями о М. И. Артамонове — директоре ИИМК. Этот «памятливый рассказчик» — архив. И материалы архива однозначно свидетельствуют, что именно предвоенные годы директорства в ИИМК стали звездным часом Михаила Илларионовича, как организатора науки.

М. И. Артамонов стоял во главе института очень недолго. Все его начинания на этом посту, по сути, были оборваны начавшейся войной. К тому времени он лишь два года числился директором де-юре (назначен исполняющим обязанности 15 февраля 1939 г., утвержден в должности 9 ноября 1939 г.) (Архив ИИМК РАН 6: 52, 55). На практике же Артамонов руководил ИИМК несколько дольше — уже с 1938 г. (Архив

ИИМК РАН 9: 9—10 и др.). Формально он сохранял свой пост до середины 1943 г., когда структура института была изменена, а дирекция переведена в Москву. Сложилось так, что к концу блокадного периода в Ленинграде реально оставалась лишь маленькая группа «хранителей» материалов во главе с заведующей архивом О. И. Бич. Научные сотрудники ИИМК, уцелевшие в блокаду, были эвакуированы и рассеяны по разным городам. Счет погибших и умерших от голода шел на десятки (Архив ИИМК РАН 7, 15; см. также Платонова 1991: 55—70). В этих условиях и было принято решение об упразднении понятия «головного учреждения» в составе ИИМК. Формально с середины 1943 г. до января 1945 г. институт состоял из двух равноправных отделений — Московского и Ленинградского. Его директором был назначен академик Б. Д. Греков (Платонова 1991: 68). М. И. Артамонов в июне 1943 г. стал его заместителем и руководителем группы ИИМКовцев, эвакуированных в Елабугу (Архив ИИМК РАН 6: 74).

Годы войны явились крутым поворотом в судьбах советской исторической науки. По сути, все, что случилось с институтом тогда — это проблема особая. Однажды я, в меру сил, уже постаралась осветить ее в одной из своих работ (Платонова 1991). Задача настоящей статьи иная — дать оценку тому своеобразному феномену в истории советской археологии, каковым явился неожиданный взлет научной деятельности в ИИМК накануне войны, после прихода М. И. Артамонова к руководству. Феномен этот вряд ли можно объяснить одними личными качествами нового директора. Корни его уходят глубже. Однако и заслуги человека, сознательно, по собственному почину

* Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

взявшего на себя в то нелегкое время роль лидера, тоже трудно переоценить.

Михаил Илларионович оказался во главе института на гребне событий 1937—1938 гг. На первый взгляд, сама эта дата выглядит ошеломляюще. Казалось бы, обстановка в советских учреждениях эпохи террора не благоприятствовала выдвижению порядочных людей на руководящие посты. Однако в глубокой порядочности Артамонова коллеги не сомневаются в наше время, и, похоже, не сомневались тогда... Чтобы уяснить, почему он оказался «ко двору» в роли директора ИИМК в 1939 г., необходимо хотя бы в тезисном порядке обрисовать, что представляли собой предвоенные годы в истории отечественной археологической науки?

Архивные материалы, главным образом, стенографические отчеты различных заседаний в ГАИМК ИИМК 1936—1937 гг., запечатлели удручающую картину «разброда и шатания» в среде российских гуманитариев. Разброд царил и в умах, и в душах, и в работе. К арестам коллег все давно привыкли, как на войне люди привыкают к смерти. Публично никто уже не говорил: «Такой-то арестован». В ходу было циничное выражение: «Такой-то изъят из оборота». Ответственность — в любой форме — вызвала страх. В ГАИМК накануне ее реорганизации большинство пассивно ожидало хоть какого-нибудь конца, хоть каких-то «руководящих указаний». Между тем, руководящие указания давно были налицо. Скорее, в археологии долго не находилось лидера, способного им последовать.

Действительно, уже в середине 1930-х гг. политика советского государства по отношению к исторической науке стала круто меняться. Идеи Интернационала ветшали, а о грядущей войне говорилось все настойчивее. Неизбежно вставала задача «воспитать историей» будущих защитников СССР... Однако безграмотность советской молодежи в данной области оказалась много чудовищнее, чем можно было себе представить (Алленова 1986: 76—78; Олегина 1986: 26, 31—33). Ее ликвидация, обусловленная политической конъюнктурой предвоенных лет, повелась советским государством с обычной решительностью и обычной неразборчивостью в средствах.

В университетах с 1934 г. были восстановлены исторические факультеты. Вместе с гражданской историей оказались «реабилитированы» вспомогательные дисциплины, источниковедение и само понятие исторического факта. Воззрения пламенного интернационалиста акад. М. Н. Покровского в 1936 г. были объявлены антимарксистски-

ми (Панкратова 1939: 5—6, 68—69). К преподаванию в ВУЗах повсеместно привлекались уцелевшие «буржуазные историки», в том числе и бывшие «враги народа». Им не шутя предоставили «зеленую улицу» в деле обучения студентов свободному и непредвзятому взгляду на источник (Жопржива-Лурье 1987: 153—169). Напротив, историки-партийцы последовательно исчезали в застенках. В течение всего 1937 г., когда на истфаке ЛГУ вновь открылось археологическое отделение, факультет функционировал без декана. Резервы научной номенклатуры, пригодной на эту должность, уже истощились. Одним из трех деканов-партийцев, арестованных в предшествующий период, был, между прочим, А. К. Дрезен, в 1930 г. проводивший политическую чистку ГАИМК (Архив ИИМК РАН 2). Теперь процесс шел в обратном направлении едва ли не с большей беспощадностью.

В кажущемся хаосе арестов, потрясших академию в 1936—1937 гг., отчетливо просматривается логика, хотя и злодейская, но вполне «деловая». На сей раз ГАИМК последовательно «очищали» от товарищей с партбилетами, показавшими свою явную непригодность перед лицом новых задач. Заодно с ними гибли «политически активные» аспиранты новой формации. Дошло до

того, что после преобразования академии в ИИМК АН СССР единственным и последним членом ВКПб в коллективе оставалась некоторое время институтская гардеробщица... Однако археологов-профессионалов ГАИМК, успевших пройти полноценную подготовку еще до «Великого перелома», в этот период, как правило, не трогали. Самые тесные связи с недавними всесильными функционерами, объявленными теперь врагами народа, почему-то не считались основанием для ареста.

Запуганное руководство ГАИМК начала 1937 г. уже не могло предложить никакой плодотворной идеи, кроме призыва покаяться в грехе антимарксизма. И «самокритика» разворачивалась, нагнетая публичную истерию... Молодые сотрудники калялись, что были обмануты врагами народа и помогали им разрушать науку. Старшие — что были запуганы врагами народа и не мешали им разрушить науку. Все вместе — в том, что работают плохо, ибо не знают, что будет с академией завтра. Впрочем, необходимость разрушения «старой» археологии по-прежнему оставалась официальной установкой и не подлежала критике... Наконец, кто-нибудь заявлял, что покаяться недостаточно и призывал руководство вновь «организовать это движение снизу» (см., например, Архив ИИМК РАН 3: 26 и др.).

Подготовленные к печати книги лежали без движения, поскольку никто не смел поставить на них визу. А вдруг потом да обнаружится что-то антимарксистское?.. Попытки создания обобщающих работ наталкивались с самого начала на то же препятствие — страх. В начале 1937 г. и. о. председателя ГАИМК О. О. Крюгер отказался взять на себя ответственность за содержание учебника по истории первобытного общества, который должна была подготовить академия (Архив ИИМК РАН 3: 101 об.). Вопрос об учебнике повис в воздухе. Это было ошибкой непростительной. Проблема создания новых учебников для ВУЗов стояла в тот период исключительно остро. От ее решения в том или ином конкретном случае вполне могла зависеть судьба учреждения. Вскоре О. О. Крюгер был арестован.

Среди участников всей этой неразберихи, смешавшей воедино и фарс, и трагедию, несомненно, присутствовали люди, сохранявшие более-менее трезвый взгляд на вещи. Однако оказаться в 1937 г. в роли организатора и лидера «перестройки» в археологии не спешил никто. Для того, чтобы принять это на себя в тех условиях, требовалось, кроме ясного ума, особое мужество и, пожалуй, особый талант. В конечном счете, в академии нашелся один человек, из-

бравший такой путь совершенно сознательно... Им оказался М. И. Артамонов.

Артамонов неизменно брал слово на общих собраниях ГАИМК 1936—1937 гг. И его выступления, как правило, звучали диссонансом основному тону этих собраний. Как ни странно, при этом они нравились всем. Михаил Илларионович мало говорил о себе, избегал оправдываться за прошлое. Да ему, в общем, и не в чем было оправдываться — в погромных кампаниях 1930—1934 гг. он не участвовал или, по крайней мере, держался в тени. Его взаимоотношения с прежним, «вредительским» руководством ГАИМК были плохими. Теперь и то, и другое можно было публично поставить себе в заслугу. Он не трудился это сделать. За него о том напоминали другие. Однажды вконец издерганная дама-парторг И. Г. Воронина — малограмотная женщина, поставленная «идейно руководить» коллективом ученых — крикнула в ответ тем, кто припоминал ей старые обиды: «Товарища Артамонова тоже травили! Он не сказал об этом!..» (Архив ИИМК РАН 4: 34). В другой раз Э. Рыгдылон, активный комсомолец, высказался в том духе, что не все имеют право на критику партийного руководства ГАИМК. А вот М. И. Артамонов имеет... (Архив ИИМК РАН 3: 164—165).

В выступлениях Михаила Илларионовича почти не затрагивался вопрос, «кто виноват?». Он настойчиво вновь и вновь сворачивал на то, «что делать?». «Неопределенное положение ГАИМК — это факт, — формулировал он в начале 1937 г. — неуверенность в завтрашнем дне и, в связи с этим, демобилизация части сотрудников — тоже факт. Но, товарищи... разве не мы, в конце концов, творцы нашей судьбы?.. Я стою на той точке зрения, что судьба академии, в значительной степени, определится тем, как мы захотим эту судьбу устроить... Разве мы как-нибудь, где-нибудь определили свое отношение к будущности?.. Разве мы внесли какие либо предложения? Разве мы добивались реализации этих предложений? — Нет, ничего этого мы не делали!..» (Архив ИИМК РАН 4: 11)

Политическая атмосфера 1937 г. мало благоприятствовала организационной самостоятельности в науке. Однако М. И. Артамонов был одним из немногих, кто понял вовремя: решающий момент наступил вновь. Судьба не только академии, но и всей отечественной археологии целиком зависит от того, что она сейчас сможет предложить советскому государству?.. В 1929—1930 гг. рухнула этнология — антропологическая парадигма эпохи НЭПа, рассматривавшая археологические работы, как

один из аспектов комплексного изучения человека (Платонова 1997: 147—151). Новая концепция, по которой археология могла бы представлять собой для советского режима хоть какой-то интерес, была сформулирована не сразу. Эта отрасль знания оказалась ненужной. На нее стали смотреть, как на обузу, требующую лишней траты народных денег. Именно здесь надо искать истоки «ликвидаторских» тенденций эпохи «Великого перелома». Как ни парадоксально, но именно в середине 1930-х гг., в преддверии Большого Трора, впереди маячил выход. Государство повернулось «лицом к истории». «Археология-история» стала якорем спасения, новой «экологической нишей» археологической науки.

Надо прекратить обсуждать действия прежнего руководства — звучало лейтмотивом выступлений М. И. Артамонова в 1937 г. Какое это имеет значение для науки сейчас? «Кипарисовы и Быковские очень быстро себя, как ученые, дискредитировали, и я целиком согласен с теми заявлениями... что оценка массой научных сотрудников им была дана очень скоро. Кто же из нас не говорил, что Кипарисов — «шляпа»? Кто же не говорил, что Быковский — вовсе не такая научная величина, авторитет которой следует принимать безоговорочно?.. Что... касается научного авторитета Быковского, то значение это было... ограничено кругом лиц, с ним соприкасавшихся, главным образом, из аспирантской молодежи!.. Почему и Кипарисов, и Быковский не были разоблачены?.. Главное — это отсутствие мужества, боязнь неприятностей и, если хотите, боязнь преследования...» (Архив ИИМК РАН 4: 8 об.—9 об.).

Вряд ли в те дни, предшествовавшие расформированию ГАИМК, хоть один из слушателей М. И. Артамонова предполагал, что этот 39-летний кандидат наук скоро станет директором. После образования нового института, состоявшегося официально 5 августа 1937 г., главой его стал академик И. А. Орбели. Однако устойчивая репутация Михаила Илларионовича — репутация человека невозмутимого, умного и лояльного — явно повлияла на характер новых назначений. Он стал и. о. заместителя директора по научным вопросам (Архив ИИМК РАН 5: 1). В такой ипостаси ему и выпало принять на свои плечи весь груз ответственности за организационное переустройство ИИМК.

И. А. Орбели был человеком по-своему замечательным. О нем немало написано и много напишут еще. Он любил Н. Я. Марра, но отношение его к ГАИМК в 30-х годах было резко отрицательным. Это в

значительной степени оказало влияние на его действия на посту директора ИИМК в 1937—38 гг.

Слов нет, в стенах ГАИМК после «Великого перелома» творилось много несуразного. Но это касалось, в первую очередь, ее «идеологической надстройки». А за уродливым фасадом ни на миг не прекращалась научная работа — черновая, кропотливая и высоко профессиональная. Экспедиционное дело в 1930-х гг. разворачивалось все шире, открытия шли одно за другим. Тогда начались масштабные исследования на новостройках. И даже молодежь из ближайшего окружения С. Н. Быковского — А. Н. Бернштам, П. И. Борисковский, Е. Ю. Кричевский и др. — вся поголовно имела превосходную археологическую подготовку, что, кстати, и сказалось в дальнейшем...

Когда в 1936—1937 гг. в ГАИМК калялись и поносили прежнее «вредительское» руководство, ни один из сотрудников все же не договорился до того, что вредительство велось в новостроечных экспедициях и представляло собою промышленный шпионаж. На такое отважился лишь один человек — И. А. Орбели.

«Я думаю, что все мы достаточно взрослые люди, — объявил он на совещании в ИИМК в ноябре 1937 г., — чтобы понять, почему так усиленно развивалось экспедиционное дело ГАИМК именно на новостройках... Договоримся же в дальнейшем избавить наше строительство от излишне любопытных археологов...». Когда в ответ на это П. П. Ефименко заикнулся, что карта отечественного палеолита имеет огромные белые пятна, что памятники погибают и надо их хоть как-то фиксировать, последовало заявление, что палеолитических стоянок, к сожалению, много больше, чем палеолитчиков, и, «в погоне за обслуживанием всех... мы принесем только больше вреда» (Архив ИИМК РАН 5: 1 об.—2 об., 6 об.—7).

Начало было многообещающим. Но дальше пошло не лучше. В первые же месяцы своего существования ИИМК лишился лаборатории археологической технологии. Были уволены уникальные специалисты по научной реставрации, химии, антропологии (Архив ИИМК РАН 9: 7). На вопрос М. В. Фармаковского, заданный еще в ноябре, кто же будет анализировать органические и антропологические материалы из ленинградских экспедиций, И. А. Орбели ответил, что антропологией занимается соответствующий институт в Москве... (Архив ИИМК РАН 5: 7). Вскоре вся лаборатория была свернута, «за отсутствием помеще-

ния». В новом здании, куда переехал ИИМК, выселенный из Мраморного дворца, дело с помещениями, действительно, обстояло из рук вон плохо. Но свернутой вот так, с самого начала, оказала только ЛАТ. Восстановить Лабораторию археологической технологии как структурное подразделение в составе Института удалось лишь в 1956 г.

Одновременно с ЛАТ институт едва не лишился библиотеки — старейшей и ценнейшей археологической библиотеки страны. Административное управление АН СССР уже собиралось передать все это книжное собрание в БАН, и директор санкционировал такое решение. Библиотеку удалось отстоять. Она осталась в стенах ИИМК, в основном, усилиями М. И. Артамонова (Архив ИИМК РАН 8: 56—57 об., 67 об.).

Впрочем, за одну инициативу И. А. Орбели — директора ИИМК — ему следует сегодня сказать спасибо. Именно он предпринял первый шаг к нормализации положения Московского отделения. «Взаимоотношения ГАИМК и МОГАИМК не носили никогда нормального характера, — говорил он, — ... этому должен быть положен в полной мере конец... Мы... должны приложить все усилия к тому, чтобы, в силу своей большей малочисленности, московские товарищи не находились в иных условиях, чем ленинградские...» (Архив ИИМК РАН 5: 3 об.). В пору директорства И. А. Орбели МОИИМК, действительно, получил для работы значительно лучшее помещение, чем раньше. Но, как и все прочие начинания академика, это не было доведено до конца. В течение 1938 г. в указанном помещении в Черкасском переулке было почти невозможно работать. Реорганизация и создание нормальных условий для работы Московской части института реально имели место позднее — уже при М. И. Артамонове.

Пожалуй, самым скандальным эпизодом, вконец испортившим отношения между И. А. Орбели и коллективом ИИМК, было необоснованное увольнение ряда крупных специалистов. Примириться с этим в институте наотрез отказались. Н. Н. Воронин, В. Ф. Гайдукевич, Е. Ю. Кричевский и другие вскоре оказались приняты туда снова — в обход директора (Архив ИИМК РАН 8: 72). И. А. Орбели почти прекратил посещения ИИМК, перестал созывать ученый совет. В октябре 1938 г. он не явился для собственного отчетного доклада, перепоручив его М. И. Артамонову. Общее собрание выслушало доклад заместителя директора и вынесло резолюцию обратиться в Президиум АН СССР с просьбой о смене руководства. Напрямую имя нового канди-

дата не было названо (Архив ИИМК РАН 8: 85—86). Политическая атмосфера 1938 года мало благоприятствовала «свободным волеизъявлениям коллектива». И без этого, по тем временам, ИИМК взял на себя слишком много...

Месяцы напряженной работы, предшествовавшие проведению этого памятного собрания, были едва ли не самыми тяжелыми для Михаила Илларионовича за все предвоенные годы. Артамонов вовсе не боролся с Орбели за директорское кресло. Но он неизменно выполнял за отсутствующего академика его обязанности в тех случаях, когда отсутствие директора на месте грозило развалить институт. «Я занимаюсь систематическим превышением полномочий!» — признался М. И. Артамонов в конце 1938 г. Систематическое превышение полномочий для пользы дела требовало немалого мужества в эпоху Большого Террора, но именно такое спокойное, не показное мужество у Артамонова имелось. И он тащил на себе весь ворох административных обязанностей, свалившихся на него «сверх плана», не забывая при этом о главном. Главным же была реализация его программы: он заставлял коллег становиться историками. Заставлял последовательно, пользуясь всеми доступными методами, вплоть до жесткого административного нажима. От этого зависело будущее...

Руководство Президиума АН СССР существенно облегчило его задачу, официально определив основное направление института, как изучение истории СССР с древнейших времен до средневековья по археологическим данным (Архив ИИМК РАН 10: 1—2). Тогда же в план работы ИИМК на 1938 г. было включено создание I тома учебника по истории СССР. Вот эту-то задачу заместитель директора ИИМК по научным вопросам и поставил во главу угла.

Правительственные заказы на создание новых учебников приходили в ГАИМК и раньше. Но только М. И. Артамонову удалось превратить эту работу из обычной дополнительной нагрузки в сильнейшее дисциплинирующее средство воздействия. Весь предвоенный период в ИИМК прошел под знаком «коллективных тем». Но об этом — чуть ниже.

Сейчас, обдумывая ситуацию в ИИМК 1938 года, когда была начата работа над «Историей СССР», многие, возможно, не сразу отдадут себе отчет в сложности поставленной задачи. Разумеется, сроки были определены самые «ударные» — в Советском Союзе иначе не бывало. Учебник следовало написать за год. Сама постановка проблемы — широкое историческое обобщение

ние конкретных археологических данных — была принципиально новой. Никто всерьез не занимался этим раньше, по крайней мере, для древнейших эпох. А ведь требовалось создать не «Очерки», не «Этюды» — систематический курс. Но что такое курс древней истории? Как вообще писать ее по археологическим источникам? — Вопрос не праздный.

Современным российским археологам, начинавшим свое образование с прослушивания десятков лекционных курсов по истории, может быть, трудно даже представить себе, что их предшественники, учившиеся в университетах в 1921—1934 гг., историю, как таковую, не изучали. На факультетах общественных наук, имевших археологические отделения, действительно, превосходно было поставлено преподавание этнографии и археологии (Обозрение 1926: 8, 16; Тихонов 1988), но история с них изгонялась. Такова была продуманная политика тех лет. «Преподавание истории замедляло мозг, внедряло идею эволюционизма, кvasного патриотизма и индивидуализма.» — писал А. В. Луначарский в 1918 г. (Волобуев 1986: 59). История официально исчезла из программ высшей и средней школы в 1921—1923 гг. Во главу угла было поставлено «сознательное подчинение истории современности» (Волобуев 1986: 60; Алленова 1986: 75—76). Именно такое «внеисторическое» образование и получила со школьной скамьи та ГАИМКовская молодежь, которая в начале 1930-х увлекалась «схематизмом» и социологизмом «по Быковскому»... Что ж удивляться этому? Удивительнее, пожалуй, другое — то, что аспиранты старшего выпуска, к числу которых принадлежали сам М. И. Артамонов, Н. Н. Воронин, А. А. Иессен, П. Н. Шульц, Г. Ф. Корзухина и др., в большинстве своем оказались самостоятельнее в своих взглядах.

Теперь от всех этих людей требовалось в одночасье стать историками. Следовало дать систематическое обобщение тому огромному материалу, который был добыт раскопками за последние 20 лет и, по большей части, лежал не изданным. Объем информации по многим разделам археологии увеличился за это время на порядок. Следует добавить, что работа по написанию учебника отнюдь не отменяла всего остального — а именно индивидуальных тем, заявленных сотрудниками в конце 1937 г. Условия же их работы в 1938 г. были ужасны. М. И. Артамонов не зря сравнивал переезд ИИМК из Мраморного дворца со стихийным бедствием.

Библиотека и архивы после этого переезда не функционировали нормально не-

сколько месяцев. Читального зала не стало. Многолюдные сектора оказались втиснуты в маленькие комнаты, иногда — по два сектора в одну. Общие собрания и заседания проводились поначалу в коридоре. Камеральную лабораторию и фотолабораторию долго негде было разместить. Технологическая — попавшая в то же положение — без долгих раздумий оказалась разогнана... В создавшихся условиях М. И. Артамонов стал единственным «начальством», к которому можно было обратиться и кто реально пытался что-то сделать. При этом его обычная невозмутимость ему не изменяла. Сотрудников удивляло «излишнее эпическое спокойствие», с которым М. И. повествовал им о положении дел. В ответ звучало: «Не надо лезть на стенку и мебель ломать!..» (Архив ИИМК РАН 8: 56,77). Дальнейшая судьба института будет зависеть не от хождения по начальственным кабинетам, а от работы — эту свою точку зрения Артамонов проводил последовательно. Во что бы то ни стало надо выполнить план 1938 г. Надо положить на стол учебник истории СССР!.. Только тогда с ИИМК будут считаться... «От нас зависит, товарищи!..» (Архив ИИМК РАН 8: 83 об.).

Положение Московского отделения в указанный период тоже было незавидным. Правда, оно переехало в лучшее помещение, чем то, что раньше занимало МОГАИМК, но, как уже говорилось выше, в 1938 г. это помещение еще оставалось нежилым и совершенно не приспособленным для работы. Кроме того, в момент преобразования академии в институт Московское отделение лишилось автономного руководства, и все сотрудники оказались непосредственно подчинены заведующим секторами в Ленинграде (Архив ИИМК РАН 9: 8—12). Можно представить себе последовавшую волну напряженности и недовольства! Этот запутанный клубок проблем прикатился в ИИМК из 1930 г. Тогда официально было заявлено: «стране не нужно больше одного учреждения, занятого историей материальной культуры», ибо это срывает пятилетний план... (ПФА РАН 1: 13). Что ж, в русле политики, направленной на ликвидацию археологии, как таковой, такая позиция удивления не вызывает. Но последствия ее проведения в жизнь носили характер почти катастрофический.

В 1920-х годах в обеих российских столицах уже успели сложиться свои неповторимые и очень жизнеспособные структуры археологической службы. В первую очередь здесь следует назвать АИМК и ИАИ РАН-НИОН, хотя не меньшее значение имели соответствующие подразделения университе-

тов и крупных музеев — ГИМ, МАЭ, Русского музея, Центрального музея народождения и др. Археология процветала и в Академии наук, где к концу 1920-х было создано несколько специальных комитетов и комиссий, занимавшихся комплексным изучением регионов... Творческое взаимодействие археологов Ленинграда и Москвы в рамках этих структур бывало достаточно действенным и, что особенно важно, осуществлялось оно без всякого административного нажима. Однако в эпоху Великого перелома все они оказались разгромлены. ГАИМК из островка свободной науки была превращена в идеологического монстра, встретившего в 1937 г. свой конец... Разбираться с тяжелым наследием предыдущих лет пришлось перед войной тому же М. И. Артамонову, и одним из первых его шагов было восстановление «автономии» московской группы.

В Москве в 1939 г. вновь было создано отделение со своим ответственным руководством в лице заведующего С. П. Толстова и ученого секретаря Т. С. Пассек. С этим проектом Артамонов выступил, не дождавшись даже официального назначения на пост директора — в конце 1938 г. (Архив ИИМК РАН 9: 12). Забегая вперед, можно сказать, что за два с половиной предвоенных года, пока Михаил Илларионович был на посту, атмосфера в институте изменилась очень заметно. Об этом ярко свидетельствуют теплые письма, отправленные МОИИМКовцами своему директору зимой 1941/1942 г. «Дорогой Михаил Илларионович! — писали москвичи в декабре. — ...Все мы, оставшиеся в Москве, пережили немало трудных дней, но нас всегда поддерживал и поддерживает пример того мужества, с которым ленинградцы продолжают работать в несравненно более сложных условиях. Твердо уверены, что близко то время, когда мы вновь встретимся со всеми вами. Шлем наш сердечный привет всем товарищам и будем очень рады получить от Вас известия. Е. Горюнова, Т. Пассек, С. Киселев, В. Чернецов» (Платонова 1991: 53—54). В марте 1942 г. МОИИМКовцы сообщили М. И. Артамонову, что, по слухам, его собираются вызвать в Москву для руководства их коллективом. «Надеемся, что Вы не будете возражать против этого. — писали В. Н. Чернецов и Т. С. Пассек. — До скорого свидания!..» (Платонова 1991:55). Из этого видно, что предвоенные труды Михаила Илларионовича, направленные на то, чтобы создать в Москве нормальные условия и спокойную атмосферу для работы, все-таки не пропали даром, хотя и не в его власти было кардинально изменить ситуацию. Одна-

ко в 1938 г. ему еще только предстояло пройти этот нелегкий путь...

Как получилось, что к концу 1938 г. ИИМК и его Московское отделение, в целом, справились со всеми поставленными задачами, никакому рациональному объяснению не поддается. Но бросается в глаза одно. Именно с этого времени в каждом выступлении Михаила Илларионовича — и в Ленинграде, и в Москве перед лицом академического руководства — появляются настойчивые упоминания об уникальных «кадрах», которыми располагает институт! О «людях, страстно любящих свое дело, готовых ради него на жертвы и спаянных в коллективе». О тех, кто «отдает себя целиком», «участвует во всех начинаниях и обеспечивает их успех» (Архив ИИМК РАН 9: 4, 19 об.—20; 11: 3 об.). М. И. Артамонов не был экзальтированной натурой, легко впадавшей в преувеличения. Без сомнения, и страстная преданность науке, и высокое чувство долга, и готовность на жертвы, действительно, имели место. Что же касается «спаянности в коллективе», то здесь заслуга исключительно его самого. Именно ему принадлежала идея, как спасти институт от окончательного развала. Именно ему удалось довести ее до сознания большинства сотрудников. Именно он своей неустанной работой изо дня в день показывал, как проводить ее в жизнь... Ему поверили.

«Фактически всю (руководящую) работу вел и ведет в настоящее время один тов. М. И. Артамонов» — была вынуждена признать комиссия Президиума АН СССР, приехавшая в начале 1939 г. разбирать конфликт ИИМК с акад. И. А. Орбели (Архив ИИМК РАН 12: 1 об.). Это, действительно, было так. В 1938 г. на М. И. Артамонове лежало все — от рутинных административных дел и хлопот, связанных с бедственным положением института — до научного руководства и координации работ по центральному проекту года — написанию «Истории СССР». А работы по нему оказалось немало...

Поначалу были образованы авторские группы для написания каждого раздела. В группе один автор являлся «основным» и ответственным за работу. Остальные числились «соавторами». С ходу возникли сложности. Первоначально «соавторы» из Москвы засомневались, будут ли сохранены за ними их авторские права?.. Оснований для беспокойства было достаточно. Книга писалась на базе свежих, еще не опубликованных материалов, и представляла собой, по сути, оригинальный исследовательский труд. «Необходимо с самого начала создавать группу соавторов с точным определе-

нием поручений — реагировал на это Артамонов, — и с непременным обязательством... закрепить за ними авторские права...» (Архив ИИМК РАН 9: 15—17 об.).

Исправленные и дополненные рукописи разделов поначалу больше напоминали сводки археологического материала, чем его историческое обобщение. После целого ряда переделок они, наконец, были приняты. «Каждая статья в отдельности... казалась хорошей, — рассказывал М. И. в конце года, — и только в составе они оказались не соответствующими своему назначению...» Превращать эти разрозненные и разнородные куски в то, что могло, действительно, считаться систематическим курсом истории, выпало ему самому. Такая компоновка заняла два месяца напряженной работы. Однако к декабрю 1938 г. книга лежала на столе. Правда, она была непомерно пухлой — ее хватило бы не на один, а на два толстых тома! Но Артамонов признал: сокращать далее невозможно. Материал слишком важен и никому еще не известен... В конце концов, можно постараться добиться, чтобы листаж на древнейший период был увеличен!.. В 1940 г. двухтомник, действительно, был издан в виде макета. Позднее на базе его была подготовлена книга «Очерки истории СССР», т. 1, изданная в 1956 г. (Борисковский 1980: 10, прим. 26; Плетнева 1997а: 8).

Важнейшим итогом завершения работы над учебником в срок явилось резкое повышение «рейтинга» ИИМК в глазах руководства. Это и сыграло главную роль, когда в начале 1939 г., наконец, началось разбирательство дела о причинах конфликта и «самоустранения» акад. И. А. Орбели с поста директора. Не будь учебник готов, на ИИМК, вероятно, полетели бы громы и молнии. Но книга была налицо. Важное правительственное задание выполнено без участия акад. И. А. Орбели. И комиссия, помянув, правда, об отсутствии «товарищеской критики» (явный рецидив былых призывов к «самокритике»!), тем не менее, признала коллектив ИИМК, «безусловно, здоровым» и «высоким по своим возможностям» (Архив ИИМК РАН 12: 1 об, 4). Заслуга М. И. Артамонова в деле решения ответственной задачи оказалась слишком очевидной. Спустя короткое время его назначили и. о. директора. Так в первый раз, вроде бы, оправдалось на практике то, в чем он всеми силами старался убедить коллег раньше: «От нас зависит, товарищи!..»

Именно с этих месяцев работы над «Историей СССР» в 1938 г., по сути, начался «артамоновский период» в жизни ИИМК. Этот период был отмечен постоянным до-

минированием в планах обширных «коллективных тем» и очень заметным творческим подъемом в институте. Что же до стиля и методов руководства, практиковавшихся тогда, то они были достаточно жесткими, вполне в духе времени.

Став сначала «неформальным», а затем и «формальным» лидером коллектива ИИМК, Артамонов сразу же определил ряд направлений, по которым считал нужным высказываться однозначно, категорично и — при каждом удобном случае. Эти высказывания, бывшие в одну точку, преследовали порою «тактические», а порою и «стратегические» цели. «Тактику» представляли собой его постоянные напоминания о необходимости расширения круга археологических изданий, о превращении альманаха «Советская археология» в журнал, о том, что лишь публикация дает стимул к скорейшему завершению исследования и т. д. «Стратегия» заключалась в другом. М. И. Артамонов не уставал повторять следующее: то, что называли «буржуазным вещеведением», в СССР уже изведено с корнем; археология стала «советской»; археологи одновременно являются историками дописьменных и раннеписьменных эпох... Из этого в его подаче следовал однозначный вывод: археологическое источниковедение должно быть полностью восстановлено в правах! Да, археология — историческая наука. У нее нет иных целей, кроме тех, что стоят перед марксистско-ленинской исторической наукой. Но она имеет свой круг памятников, свою методику классификации, свои специфические приемы работы! Еще недавно всем этим можно было заниматься лишь «контрабандой», под личиной истории техники и т. д. Теперь такие явления навсегда должны кануть в прошлое. Археолог должен заниматься классификацией, не подвергаясь опасности заработать ярлык «буржуазного вещеведа»! Именно М. И. Артамонову в этот период принадлежит отточенная формулировка: «Существование археологии в качестве особой исторической науки определяется только кругом тех источников, которые она разрабатывает. Это вещественные памятники прошлого, добытые и изучение которых составляет специфическое содержание археологии как науки» (Архив ИИМК РАН 13: 58).

Смысл таких «идеологических» демаршей Михаила Илларионовича достаточно ясен. Провозглашая «советскую археологию», он реабилитировал археологическое источниковедение, едва не выведенное с корнем в начале 1930-х годов. И одно тут ни в коем случае нельзя отрывать от другого. Каждая эпоха диктует науке свои спосо-

бы выживания. Вне своего исторического контекста тезисы Артамонова о «советской археологии» получают окраску, изначально им не свойственную.

Однако понимание археологии, как части истории, или, точнее, истории культуры, было для М. И. Артамонова отнюдь не конъюнктурным приемом. В значительной степени, это было обусловлено той научной школой, которую он получил. Вся последующая деятельность М. И. в науке заставляет убедиться, что историком он был по призванию, по самой сути своей. Исторический подход к археологическим материалам сформировался у него вполне органично (Носов 1998: 43—46). Университетский руководитель М. И. Артамонова А. А. Спицын, сам пришедший в археологию «от истории», мог лишь способствовать развитию такого взгляда на источники у своего студента. Дальнейшие годы ученичества у А. А. Миллера тоже не прошли даром. Палеоэтнологическая школа, к которой принадлежал его учитель, в конце 1920-х годов подошла к определению этнологии, как «части всеобщей истории человечества». Этнология и археология считались «органически едиными», но специфика последней диктовалась характером источников — вещественных памятников минувших эпох (Совещание 1929: 126—127). Одновременно А. А. Миллером подчеркивалось, что значимость археологических источников «стоит в прямой зависимости от методов их оформления», то есть источниковедческий аспект археологии выдвигался на первый план (ПФА РАН 2: 22).

Преемственность этой точки зрения и той позиции, которую занимал в конце 1930-х годов М. И. Артамонов, налицо. Конечно, отечественная этнология на рубеже 1920/1930-х гг. была разгромлена так основательно, что даже слово это оказалось выведено из оборота. Публично указать на свою идейную преемственность с нею Михаил Илларионович не мог. Под запретом было и имя А. А. Миллера, уже замученного к тому времени тюрьмой и ссылкой. В построениях Артамонова речь идет лишь об одной синтетической науке — истории. Однако корни не меняются от того, куда идет побег — вверх или вбок. Переключка М. И. Артамонова с идеями русских этнологов 1920-х гг. не отмечалась до сих пор лишь потому, что сами эти идеи, увы, оказались прочно забыты.

Представление об археологии, как об истории культуры, последовательно проводилось М. И. Артамоновым, когда он стоял во главе института. Еще в середине 1938 г. руководство Отделения общественных наук АН СССР вступило в переговоры с дирек-

цией ИИМК по поводу участия в написании многотомной «Истории культуры народов СССР». Институту было предложено взять такую задачу на себя. Для Артамонова это был настоящий подарок, долгожданная «новая перспектива» (воистину, новое — это хорошо забытое старое!). За пожелтевшими строчками стенограммы отчетливо улавливается то волнение, с которым он обращался к коллегам. Вот отдельные выдержки из его выступления: «История культуры может и должна являться той спецификой нашего учреждения, которая обеспечит нам возможность плодотворной работы в дальнейшем... Шататься от одного случайного задания к другому — толка большого не будет... «Историю культуры» директивно нам не предлагают... Мы могли прийти к другому выводу, что эта задача нам не по силам, но, по-видимому, наше решение не такое?.. Мы согласны принять организацию этой работы и сплотить вокруг себя силы для решения этой задачи...» (Архив ИИМК РАН 9: 16 об. —19).

По-видимому, работа над «Историей СССР», как «стержневой задачей», все же не до конца удовлетворяла М. И. Артамонова. История культуры — вот что напрямую отражало для него специфику работы археологов. «Археология в своем основном историческом содержании, — сформулирует он вскоре, — является не историей техники и не историей только материального производства,.. а историей культуры в широком значении этого понятия, культуры материальной и духовной, но лишь постольку, поскольку о ней можно судить на основании вещественных археологических памятников» (Архив ИИМК РАН 13: 59).

Создание коллективных обобщающих трудов по истории культуры, одновременно подводящих итог целому этапу археологических исследований, М. И. Артамонов назвал в 1939 г. «основным содержанием» работы института. Его главная идея сводилась к тому, что за деревьями пора увидеть лес. Огромный материал, добытый раскопками в годы советской власти, необходимо обработать до конца, обобщить и опубликовать как можно скорее. Однако обобщение должно вестись соединенными усилиями, чтобы картина получилась целостной. Лучшей организационной формой для этого Михаил Илларионович считал временную авторскую группу, образованную для работы над крупной проблемой. Группа могла включать лиц из других учреждений, работавших по договору, могла включать также представителей смежных наук. Каждый из членов авторского коллектива отвечал за свой, строго определенный раздел работы. Обязательными

являлись периодические обсуждения и доклады на заседаниях группы. Собственно, это и называлось в предвоенном ИИМК «коллективными темами». Организация такого рода была старой идеей М. И. Артамонова. Впервые он выступил с нею еще в 1929 г., будучи старостой аспирантов ГАИМК (Архив ИИМК РАН 1: 1—3). Теперь, 10 лет спустя, ему, наконец, удалось провести ее в жизнь. Работа над коллективной темой предполагала достаточно жесткую дисциплину и отчетность. После «золотой свободы», царившей в ГАИМК в области научных планов, это были весьма ощутимые перемены.

Действительно, в ГАИМК 1930-х годов не было сильного руководства. По сути, каждый занимался, чем хотел, а зачастую, и экспедицию мог снарядить, куда хотел. Общие планы сшивались из мелких тем, заявленных сотрудниками по собственному усмотрению. Никакого влияния на выбор тематики исследований руководство академии не оказывало. Обратной стороной такого порядка были низкие зарплаты и нищенское снабжение большинства экспедиций. Разумеется, ГАИМКовцы работали каждый еще в двух-трех местах по совместительству. Явка в академию была свободной. Ф. В. Кипарисов поговаривал даже, что, кто часто бывает на рабочем месте, тот, значит, мало работает...

В условиях, когда научным учреждением руководили партийные функционеры, такое положение было, пожалуй, единственно приемлемым. Если бы к «идеологическому» руководству начала 1930-х добавилась еще мелочная регламентация, кому, как и что надлежит делать в своей узкой области, жизнь в ГАИМК стала бы вовсе невыносимой. Но в ИИМК к 1939 году ни одного функционера уже и в заводе не осталось — ни в высшем, ни в среднем руководящем звене. Во главе его стоял серьезный ученый, хорошо видевший, в какой яме оказался институт, и понимавший, что выбраться из нее можно лишь ценой крайнего напряжения сил. Для его широких планов сложившийся в ГАИМК стиль работы являлся тормосом. Он приступил к ломке старых стереотипов не только по праву администратора, но и по праву человека, о ком говорили, что он больше всех в институте работает.

Уже в отчетном докладе за 1938 г. Артамонов назвал «важнейшим недостатком» ИИМК привычку «выбирать предмет своей работы, недостаточно считаясь с... теми задачами, которые стоят перед институтом». По мысли Михаила Илларионовича, эти задачи определило появление стержневой

темы по «Истории культуры», и теперь им следовало подчинить «всю деятельность института, все силы, которыми он располагает!» Поэтому требовалось немедленно изжить привычку «не считаться с требованиями к работе», выработанную в ГАИМК — в учреждении, где деятельность сотрудников «почти что не направлялась и, вместе с тем, не обеспечивалась надлежащими условиями ни материально, ни морально.» (Архив ИИМК РАН 9: 4—4 об.).

«Заведующие секторами ведут себя не как ответственные начальники ответственных участков работы, а как председатели вольных обществ! — возмущался М. И. Артамонов. — ...То, что такое положение до сих пор терпелось, свидетельствует об одном — о слабости руководства!» (Архив ИИМК РАН 9: 10 об.—11 об.). Примечательно, что все эти решительные слова, сопровождавшиеся, кстати, уже продуманными предложениями, как перестроить структуру секторов и работу Московского отделения, произносились в декабре 1938 г. не администратором, утвержденным в должности, а работником, все права которого в тот момент держались на одном доверии и уважении коллектива. Положение Михаила Илларионовича в то время было и ложным, и даже опасным, учитывая лихие времена. Вряд ли оно могло не тревожить и не мучить его в глубине души. Тем более стоит отметить, что внешне он не давал этого понять. Он вел себя спокойно и уверенно, планы выдвигал долгосрочные, решения предлагал радикальные и не скрывал от коллег того, что его дальнейшее пребывание на этом посту, возможно, сулит им не одни приятные перемены. Сотрудники ИИМК, только что с большим трудом «вытянувшие» работу по «Истории СССР», устали от него в декабре, что теперь, приобретя нужный опыт, они должны справиться не с одной, а с целым рядом ответственных коллективных тем.

Действительно, список таких тем на 1939 г. был следующим:

«Всемирная история», т. 1 (отв. рук. П. П. Ефименко);

«История первобытной культуры», т. 1 (отв. рук. П. П. Ефименко);

«История античной культуры Причерноморья», т. 3 (отв. рук. С. А. Жебелев);

«История русской культуры», т. 1, (отв. рук. Н. Н. Воронин);

«История культуры мордовского народа» (отв. рук. В. В. Гольмстен);

«Очерки по истории культуры тюркских народов Алтая» (отв. рук. Г. П. Сосновский, в дальнейшем — А. Н. Бернштам);

«Очерки по истории культуры племен и народов Кавказа» (отв. рук. А. П. Круглов);

«Очерки по истории культуры племен и народов Средней Азии» (отв. рук. А. Ю. Якубовский);

«Очерки по истории культуры племен и народов Урала и Зауралья» (отв. рук. Н. А. Прокошев, в дальнейшем — П. А. Дмитриев /МОИИМК/);

«Очерки по этногенезу славян» (отв. рук. П. Н. Третьяков).

Положительно, артамоновское руководство мягкостью не отличалось. Он безжалостно нагружал коллег работой, и соответствовать его стандартам было нелегко. Требовалась полная самоотдача, вроде как на легендарных «стройках коммунизма». М. И. умел требовать, а свое недовольство кем-то не стеснялся высказывать публично. Одновременно он добивался того, чтобы люди, работавшие с полной самоотдачей, получали за это материальные стимулы, а сотрудникам, приходившим в институт «с отработанным паром», грозил понизить зарплату. Но, как бы то ни было, хорошо видно одно: с 1938 г. в институте, как по волшебству, прекратилось муссирование темы антимарксизма в чужих работах, всякая «самокритика», взаимные обвинения и прочая грязь, мешавшая жить и работать прежде. Если теперь на собраниях и ругались, то, в основном, в адрес высокого начальства, которое плохо выполняло заявки на присылку иностранных книг, а, главное, не очень торопилось улучшить «жилищные условия» Института истории материальной культуры! (Архив ИИМК РАН 14: 27—28, 47—48). Между тем, несколько последовавших в 1938—1940 гг. правительственных указов «об укреплении труддисциплины» выдвинули эту проблему на первое место. В 1940 г. сотрудники уже не имели права работать дома. Они должны были в течение 8 часов находиться на рабочем месте. Во что это выливалось, хорошо видно из выступления А. Л. Якобсона на заседании выездного Бюро ОИФ АН СССР в начале 1941 г.:

— Представьте себе комнату, в которой сидит 10 человек... Ясно, что это живые люди: один спросит, другой ответит, третий поправит, а у четвертого, у пятого мысль прервана. В результате — 6 часов... Звонок... Работники, достаточно солидные, имеющие ответственные задания, встают и говорят: «Ну, теперь я пойду домой работать...» ... Как же поступают те, у кого нет дома подходящих условий?.. Они пишут в то время, когда большинство сотрудников уходит, но... количество их все увеличивает-

ся... В прошлом году я писал здесь с 6 до 11 часов вечера, в этом году ... очень многие засиживаются до 10 часов. Положение прямо скандальное... Нужно увеличить срок открытия института — не до 10 часов, а до 12!.. (Архив ИИМК РАН 14: 38 об. —40).

Это запальчивое выступление молодого сотрудника как нельзя лучше позволяет уяснить суровую обстановку «трудовых будней» «артамоновского» ИИМК. Условия предвоенных лет там были тяжелыми, увлеченность делом — колоссальная, а невыполнение темы в срок оправдывалось лишь в одном случае — когда и без того было ясно, что работа шла на пределе.

В конце 1939 г. М. И. Артамонову все же пришлось признать завышенность ряда своих требований к сотрудникам. В отчете ИИМК за этот год упоминается «недооценка работы с точки зрения количества времени, необходимого для ее выполнения» (Архив ИИМК РАН 13: 28). Перевести данную фразу с канцелярского языка на русский, по-видимому, следует так: к великому сожалению, пришлось убедиться, что в сутках только 24 часа!.. Действительно, кроме заданий по коллективным темам, у сотрудников оставались еще индивидуальные, перешедшие с прошлого года. Оставалось и окончательное редактирование двухтомника «Истории СССР». Оставались экспедиции и отчеты (их в том году было проведено 28). Оставалась организация Комитета полевых исследований (заработал по-настоящему именно с 1939 г.). Оставалась подготовка сборников серии КСИИМК (из них два первых оказались тогда изданы и еще два собраны). Наконец, в том же 1939 г. были сданы в издательство выпуски 6 и 7 альманаха «Советская археология», сборники «Палеолит и неолит» и «Отчеты о полевых археологических исследованиях за 1934—1936 гг.».

Успехи ИИМК в деле публикации археологического материала представляют собой едва ли не самую известную сторону деятельности М. И. Артамонова на посту директора. Действительно, за оставшиеся полтора предвоенных года из печати вышло еще 7 выпусков КСИИМК и 6 томов «Материалов и исследований по археологии СССР». Академик-секретарь ОИФ А. М. Деборин, еще недавно не ценивший ИИМК совсем и едва не поставивший институт на грань полного развала, теперь проникся уважением и к нему, и к его директору и в делах оказывал полную поддержку (Архив ИИМК РАН 14: 43). Однако важно понять, что оперативные публикации была лишь одной из сторон, не более, чем «выходом на публику» части той работы, которая производилась в рамках коллектив-

ных тем. И оперативность их отражала собой не что иное, как четкую организацию этой работы. Все публикации 1939—1941 гг. носили, по сути, предварительный характер. В недалеком будущем планировалось выпустить в свет целый ряд обобщающих трудов по истории культуры. Этот замысел, в конечном счете, не осуществился или, точнее, осуществился в ничтожной степени. Примечательно, что даже в таком урезанном виде результаты работы «артамоновского» ИИМК получили недавно высокую оценку в научной литературе (Формозов 1995: 67—70). Поэтому, анализируя отчеты ИИМК, включавшие проспекты коллективных тем, оценивая широту поставленных задач и блестящий подбор авторов, сегодня трудно избавиться от горького чувства. Подавляющее большинство этих проектов должно было получить завершение в середине 1940-х гг., но на пороге уже стояла война — второй трагический перелом в судьбах отечественной археологии.

Провозгласив «археологию-историю», археологи в ИИМК получили возможность беспрепятственно работать с конкретным материалом. После периода начала 1930-х это было, как глоток воздуха. Стала понемногу восстанавливаться преемственность поколений в науке, ибо к работе над «коллективными темами» приступили именно те, кому в ту пору стукнуло 30—40 и кто успел еще до конца 1920-х получить выучку у очень хороших учителей. Выше уже пришлось говорить о преемственности взглядов самого М. И. Артамонова и идей российских этнологов эпохи НЭПа. Туда же, в эпоху 1920-х годов, уходит корнями и другая важнейшая установка ИИМК предвоенных лет. Эта установка представляла собой обязательное требование широты охвата и комплексного подхода к материалу.

«Кооперация специалистов разного рода» при создании обобщающей истории культуры — это насущная необходимость, — считал Артамонов. Но... нельзя же самим не понимать проблемы! А вот такого рода знаний у археологов, по его словам, оказалось «совершенно недостаточно». «Кругозор историка должен быть более широким, — требовал М. И. от своих подчиненных, — и с доскональным знанием материалов по своей узкой специальности он должен вмещать хорошее знание археологии эпохи в целом и знакомство с данными по этой эпохе сопредельных дисциплин. Таким образом, работа над обобщающими историческими трудами есть, вместе с тем, и работа над повышением квалификации сотрудников, над созданием кадров...» (Архив ИИМК РАН 13: 66). Проводя такую точку зрения, Михаил Илларионович выступал,

как достойный ученик археологов — энциклопедистов А. А. Спицына и А. А. Миллера, а, в какой-то степени, и замечательного русского этнолога Д. А. Золотарева, учившего его в начале 1920-х азам этнографической работы... Когда его замученные «кадры» находили время для «расширения своего кругозора» — это другой вопрос. Однако факт — находили! Работать с Артамоновым в конце 1930-х было нелегко. Но уж кто выдерживал до конца эту гонку, тот был просто обречен в дальнейшем сделать в науке что-то серьезное.

Задаваясь вопросом о причинах творческого подъема в ИИМК в «артамоновский» период, хочется ответить следующее. В основе его, конечно, лежит сочетание целого ряда исторических условий. Шаги, объективно направленные на благо отечественной науки — восстановление археологического источниковедения, расширение базы публикаций, создание обобщающих трудов, поиск эффективных организационных форм и т. д. — на короткое время перед войной оказались как бы в русле господствующей политики СССР. Укреплению «исторического фронта» и, особенно, делу создания новых учебников для высшей школы придавалось тогда такое значение, что идеологический пресс на время ослаб. Создалась уникальная обстановка, напоминая, по словам Я. С. Лурье, одновременно и «Афины», и «Апокалипсис»... (Копржива-Лурье 1987: 225). Именно в этот момент среди археологов нашелся лидер, не побоявшийся в полной мере взять на себя ответственность за грядущие перемены. Роль М. И. Артамонова в деле подъема отечественной археологии на рубеже 1930—1940-х годов исключительно велика. То, что все его широкие планы, в действительности, оказались воплощены на долю процента, отнюдь не умаляет его личной заслуги. Времени ему было отведено мало. Война и затем победа резко переставили акценты в области идеологической политики СССР. Ситуация предвоенных лет в отечественной гуманитарной науке более не повторилась. Многие начинания Михаила Илларионовича после 22 июня 1941 г. заведомо были обречены...

Завершить этот очерк, посвященный М. И. Артамонову — директору ИИМК и организатору отечественной науки на рубеже 1930—1940-х — мне хочется так. За Михаилом Илларионовичем давно закрепились репутация одного из создателей «новой», «советской» археологии в СССР (Клейн 1993: 20). В этом есть своя правда. Верно и то, что «советская археология» была политизированной дисциплиной, насквозь пропитанной

идеологическим мифом о собственном превосходстве. Быть в то время другой она не могла. И М. И. Артамонов не мог другим способом реабилитировать археологическое источниковедение, кроме как провозгласив «советскую археологию». Однако целью его

было не создание политизированной версии своей науки, а спасение науки, как таковой. Принимать или нет старые идеологические мифы — это сейчас дело потомков, дело их разума и чести. Артамонову же за его труды следует лишь низко поклониться.

- Алленова, В. А.* 1986. Реформа высшего исторического образования 1934—1940 годов и предшествующий опыт университетской подготовки кадров историков // Развитие исторического образования в СССР: 72—83. Воронеж: Воронежский университет.
- Борисковский, П. И.* 1980. Первые 30 лет Института археологии АН СССР // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 163: 5—10.
- Волобуев, О. В., А. С. Кузина.* 1986. Методическая секция общества историков-марксистов в борьбе за преподавание истории в школе // Развитие исторического образования в СССР: 58—71.
- Клейн, Л. С.* 1993. Феномен советской археологии. Санкт-Петербург: ФАРН.
- Копржива-Лурье, Б. Я.* 1987. История одной жизни. (Лурье С. Я.) Париж: Атенеум.
- Носов, Е. Н.* 1998. М. И. Артамонов как историк Древней Руси (некоторые мысли о формировании концепции) // Проблемы археологии 4: 43—50. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета.
- Обозрение, 1926.* Обзор преподавания на этнологическом факультете 1 МГУ на 1925—1926 академический год. Москва: Московский государственный университет.
- Олегина, И. Н.* 1986. Журнал «Борьба классов» о путях реализации постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКПб «О преподавании гражданской истории в школах СССР» // Развитие исторического образования в СССР: 24—35.
- Панкратова, А. М.* 1939. Развитие исторических взглядов М. Н. Покровского // Против исторической концепции М. Н. Покровского: 5—69. Москва—Ленинград: АН СССР.
- Плетнева, С. А.* 1997. Вспоминая М. И. Артамонова // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии 6: 20—33. Симферополь.
- 1997а. Основные даты жизни и научной деятельности М. И. Артамонова // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии 6: 7—9. Симферополь.
- Платонова, Н. И.* 1991. Институт истории материальной культуры в годы Великой Отечественной войны // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс» 1: 45—78. Москва: Наука.
1997. Об одной попытке уточнения методов в русской археологии (по материалам журнала «Человек» за 1928 г.) // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Сборник статей памяти В. Д. Белецкого 2: 147—151. Санкт-Петербург—Псков.
- Совещание 1929.* Совещание этнографов Ленинграда и Москвы. Тезисы доклада Б. А. Куфтина «Задачи и методы полевой этнологии» // Этнография 8/2: 125—128.
- Столяр А. Д.* 1997. Воспоминания об Учителе // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии 6: 34—75. Симферополь.
- Тихонов, И. Л.* 1988. Организация и развитие археологического отделения Ленинградского государственного университета (1917—1936) // Вестник ЛГУ 2 (история), 16/3: 8—16. Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета.
- Формозов, А. А.* 1995. Русские археологи до и после революции. Москва.
- Архив ИИМК РАН:*
- Фонд 2. Оп. 1. 1929. № 78. Л. 1—3. Записка о реорганизации ГАИМК. Принята общим собранием аспирантов 14 мая 1929 г.
  - Фонд 2. Оп. 1. 1930. № 4. Материалы по чистке сотрудников ГАИМК (стенографические отчеты общих собраний, протоколы и переписка).
  - Фонд 2. Оп. 1. 1937. № 35. Стенографический отчет собрания актива АИМК.
  - Фонд 2. Оп. 1. 1937. № 36. Собрание актива ГАИМК.
  - Фонд 30. Оп. 1. 1937. № 103. Протокол производственного совещания работников ИИМК АН СССР от 28 ноября 1937 г.
  - Фонд 35. Оп. 5. № 10. Личное дело М. И. Артамонова.
  - Фонд 35. Оп. 6. № 29. Список сотрудников Ленинградского отделения ИИМК, погибших на фронте и от голода с 1 сентября 1941 г. по 1 апреля 1942 г.
  - Фонд 312. Оп. 1. 1938. № 6. Стенограмма заседания актива 13 сентября 1938 г. и общего собрания ИИМК по обсуждению работы над 1 томом «Истории СССР» и состоянию издания научных работ в 1938 г. 20 октября 1938 г.
  - Фонд 312. Оп. 1. 1938. № 7. Стенографический отчет расширенного заседания актива по обсуждению работы ИИМК за 1938 год.
  - Фонд 312. Оп. 1. Предисловие к описи 1 фонда 312 ИИМК—ЛОИИМК—ЛОИА АН СССР (составлено К. М. Пескаревой).
  - Фонд 312. Оп. 1. № 26. Стенограмма заседания Отделения общественных наук АН СССР по обсуждению доклада М. И. Артамонова «Достижения советской археологии».
  - Фонд 312. Оп. 1. № 46. Протокол заседания комиссии о результатах проверки работы ИИМК.
  - Фонд 312. Оп. 1. 1939. № 50. Отчет о научно-исследовательской работе ИИМК за 1939 год.
  - Фонд 312. Оп. 1. 1940. № 82. Стенографический отчет о работе ИИМК за 1940 год.
  - Фонд 312. Оп. 1. 1942. № 161. Отчет о научно-исследовательской работе Ленинградской части ИИМК за 1942 год.
- ПФА РАН:* 1. 1924. Фонд 800. № 4331. Г-277 (5 часть). Протокол общего собрания сотрудников ГАИМК, посвященного чистке Академии, от 11 мая 1930 г.
- Фонд 800. № 4430. Г-276 (4 часть). 1926—1929. Л. 20—25. Записка А(лександра) М(иллера) «Некоторые замечания о методах работы ГАИМК».

МИТРОПОЛИТ ЕВГЕНИЙ И Н. Н. МУРЗАКЕВИЧ

Р. Ш. ЛЕВИНА*

М. П. Погодин в программной речи о судьбах русской археологии на I археологическом съезде в Москве в 1869 г., высоко оценивая значение трудов митрополита Евгения, говорил: «Он читал все, отмечал, выписывал и ссужал всем, кому что было нужно для исследований. В его сочинениях «Словарь русских писателей духовного чина», «Словарь светских писателей», «Разговор в древностях Новгорода», «История Псковского княжества в 4-х частях», «Описание Киево-Софийского собора», «Описание Киево-Печерской Лавры», — рассыпано множество сведений, новых и любопытных о всех предметах истории и ее отраслей, а в последних заключается запас собственно для археологии в описании образов и зданий. Относительно готовности содействия ученым трудам Евгений был таков же, как и Востоков, Колайдович, Кеппен» (Погодин 1871: 14). О том же вспоминал и И. И. Срезневский, говоря, что Евгений начал свои изыскания, когда «строгих научных исследований у нас почти не было, продолжал их с тем же успехом и тогда, когда они стали появляться все чаще и чаще; продолжал до последних дней жизни с прежней юношеской любовью, как благородный труженик науки и честный русский, радуясь всякому новому труду и пользуясь своим положением для поддержания и успеха таких трудов, помогал им своими советами и указаниями, своими работами, своим влиянием на других» (Срезневский 1868: 2).

К плеяде ученых, пользовавшихся вниманием, поддержкой и советами митрополита принадлежит и одесский археолог и историк Николай Никифорович Мурзакевич, оставивший воспоминания о встречах с митрополитом в автобиографических записках и опубликовавший письма Евгения к нему (Мурзакевич 1886: 90—93, 97, 120—122; Письма 1868: 377—392).

Н. Н. Мурзакевич родился в 1806 г. в Смоленске. Отец его, Никифор Адрианович — дьякон Успенского кафедрального со-

бора, впоследствии священник Одигитриевской церкви, хотя и окончил лишь 4 класса семинарии, был человеком образованным, много читал, интересовался историей родного края. У него была большая историческая библиотека, основу которой составил дар ректора Московского университета И. П. Тургенева, посылал ему книги и канцлер граф Н. П. Румянцев, с которым он состоял в переписке в 1818—1820 гг. Н. А. Мурзакевич издал в 1804 г. «Историю губернского города Смоленска», большая часть тиража которой сгорела в пожарах Смоленска и Москвы в Отечественную войну 1812 г. Н. П. Румянцев неоднократно обращался к нему с предложением описать древние городища и урочища Смоленщины, а так же заняться разысканием древних русских рукописей в монастырских и иных духовных архивах (Мурзакевич 1877: 58,61). В октябре 1819 г. Н. А. Мурзакевич писал Румянцеву: «Собирание древних бумаг, в особенности касающихся до истории, составляло и составляет единственную мою охоту, но препятствуют ей не только моя бедность, но и недостаток таковых бумаг после разорения, — несмотря на то, что я навлекая чрез сие неудовольствие и негодование от своих начальников и собратьев» (Мурзакевич 1877: 75), а в июне 1820 г. — «Я люблю трудиться и в особенности историю» (Мурзакевич 1877: 80).

Н. Н. Мурзакевич, рано научился читать и под влиянием отца и старших братьев перечел множество книг отцовской библиотеки. С ранней юности любил он бродить по смоленским стенам и башням, посещать древние храмы. «Отечественная история, — вспоминает он, — окончательно им овладела» (Мурзакевич 1886: 33—34). Проучившись 7 лет в Смоленской семинарии, он в 1825 г. поступает в Московский университет на этико-политическое отделение философского факультета. В университетские годы он много болел, страдал от бедности. Он вспоминает: «Летняя шинель, фуражка, без галош и, часто на босу ногу плохонькие сапоги составляли мой скуд-

* Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел Библиотеки Академии наук РАН.

ный покров» (Мурзакевич 1886: 54). По окончании университета он недолго служит домашним учителем, а в 1830 г. по приглашению своего университетского товарища М. М. Кирьякова приезжает в Одессу и поступает чиновником в Таможенное ведомство. С этого времени вся его жизнь связана с Одессой. В некрологе Мурзакевича в «Историческом вестнике» ошибочно указано, что он служил по Министерству просвещения в Петербурге, Киеве и Тифлисе, но большую часть жизни провел в Одессе (Исторический вестник 1883: 646—647) — жил и служил он только в Одессе.

В 1831 г. Мурзакевич переходит на службу в Ришельевский лицей, где, начав с должности учительского помощника в младших классах и надзирателя за внутренними воспитанниками, становится затем преподавателем всеобщей истории и географии, после защиты в Московском университете магистерской диссертации — адъюнктом, читает студентам курс «русских древностей» и русскую статистику, а в 1839 г. утвержден профессором по кафедре российской истории и статистики. В 1852 г. он становится ректором лицея. Прослужив в лицее 27 лет, он из-за разногласий с Н. И. Пироговым, бывшим в 1856—58 гг. попечителем Одесского учебного округа, в 1857 г. выходит в отставку,¹ продолжая интенсивные научные занятия.

Знакомство с митрополитом Евгением произошло в 1834 г. в Киеве при посещении Мурзакевичем Софийского собора. «Давно зная митрополита Евгения Болховитинова, как доказанного знатока русских древностей, я, — вспоминает Мурзакевич, — полагая, что и он, как многие его собратья, недоступен или невнимателен к мелким людям» не сразу решился обратиться к нему, но был тепло принят митрополитом (Мурзакевич 1886: 32). «Четыре вечера были посвящены разговорам о русских древностях, которыми я тогда занимался, имея в виду издать «Сборник русской старины». Тут мне было указано на множество необходимых источников» (Письма 1868: 379). Евгений водил Мурзакевича к «Золотым воротам», беседовал о раскопках и судьбе Десятинной церкви. В то время курский помещик Анненков строил на развалинах Десятинной церкви новую, причем полагал построить церковь небольшую, но «строительный комитет в лице митрополита, генерал-губернатора и других заставил произвести в большем размере по плану архитектора Стасова, хотя и эта (нелепая) по-

стройка не обхватывала древнего фундамента» (Мурзакевич 1886: 32). При расставании «добрый пастырь пригласил меня уведомлять как о предположенных мною трудах, так и о могущих встретиться находках. Ему был я обязан подарком «Описанием Киево-Софийского собора» и знакомством с нумизматом бароном С. И. Шодуаром, имевшим прекраснейшую коллекцию боспорских и ольвийских монет» (Мурзакевич 1886: 93).

Продолжая работу над «Сборником русских древностей», Мурзакевич посетил Киев в 1835 г. «Радостно встретил меня митрополит, — вспоминает он, — до мелочи рассмотрел часть моих работ, одобрил и сообщил мне несколько рисунков киевских древностей. Каждый день, от 5 до 9 часа, беседа наша шла о любимых древностях. И в этот раз старец сетовал на уничтожение исторических следов. Киевский генерал-губернатор Левашов для выпрямления улиц коснулся тех древних валов, которые в нашествие Батюга некоторое время защищали так называемый Старый Киев с княжьими теремами и Десятинную церковь. Остановить вандализм митрополит не мог» (Мурзакевич 1886: 97).

Воспоминаниям Мурзакевича созвучны воспоминания М. А. Максимовича, который писал П. Г. Лебединскому: «Поступив в 1834 г. на кафедру русской словесности в новом университете, я имел счастье пользоваться беседами многознающего Евгения, и видеть его любовь к распространению знаний. В каком памятнике не представлялась надобность для моих лекций, я находил у него немедленно готовое пособие... Бывая у незабвенного владыки обыкновенно по вечерам, с шести часов, я встречался там только с бароном Шодуаром, который подобно мне пользовался его ученым пособием по предмету своих занятий по нумизматике. В предисловии к своей книге, изданной в 1837 г. (под заглавием «Обозрение русских денег» в 3-х частях), он говорит: «В особенности же я весьма чувствую себя одолженным митрополиту Евгению». Эти слова ныне могу повторить от себя, вспоминая тогдашнее мое занятие историей русской словесности!» (Максимович 1871: 125—126).

С 1834 по 1839 г. продолжалась переписка Мурзакевича с митрополитом Евгением, причем последнее письмо написано Евгением за неделю до его кончины. Мурзакевичем опубликовано 11 писем митрополита с пояснительными примечаниями. Письма эти, дополняя обширнейшую переписку Ев-

¹ Смотри выдержки из письма Н. Н. Мурзакевича М. П. Погодину (Барсуков 1904: 227).

гения, освещают его взгляды и научные интересы в последние годы жизни. Позволим себе привести выдержки из писем. 24 декабря 1834 г. Евгений пишет: «В Крыму много еще можно найти гробов и других древних памятников. Там жили хазары, потом греческие, потом генуэзские купцы богатые, не жалевшие издержек для сохранения своей памяти» (Письма 1868: 379). В примечании к этому письму Мурзакевич замечает: «Желание митрополита заняться древними крымскими колониями отчасти выполнено изданием в 1837 г. «Истории генуэзских поселений в Крыму» с картой Черного моря XIII в. и видами Кафы, Солдайи и Чембало» (Письма 1868: 388, примечание 4; Мурзакевич 1837). 27 марта 1835 г. Евгений пишет: «Предприятие Ваше собрать и издать описание древних российских памятников довольно хлопотно. Но с ревностью Вашей Вы можете успеть. Попросите у П. И. Кеппена помощи. Он богат сими сведениями, а из моих сочинений берите все, что Вам угодно» (Письма 1868: 379). 18 февраля 1836 г.: «С удовольствием прочитал я в журнале Министерства народного просвещения Ваши статьи о Смоленске... Об учреждении у нас исторического общества и слуху нет, а только учрежден министром у нас Комитет по отысканию древностей, но и к этому еще не приступали. Говорят, что зимою нельзя. Но будут ли отыскивать и летом? Жатва многа, а делателей мало»... И далее: «Мне наипаче хочется знать, где был город Сурож?» (Письма 1868: 380—381). 6 апреля 1836 г.: «Письмо Ваше от 22 марта с приложением краткой истории Херсона получил. Покорно благодарю. Но Вы слишком много приписали мне чести, назвав меня первым исследователем русских древностей. Я учился оным уже у других... Наша Комиссия об отыскании Киевских древностей спит непробудным сном, да и не имеет приняться, а о заведении исторического общества и слуху нет. Ваше Одесское предводит его» (Письма 1868).²

30 июня 1836 г.: «Поздравляю Вас еще с находкой греческой надписи. Но в этом краю все греческие находки, а нам нужны русские. Греческие игры не диковинка... Гораздо любопытнее, если бы отыскиали в Херсоне русские памятники или генуэзские по Крыму» (Письма 1868: 382).

14 сентября 1836 г. «... Странно Вы думаете, что не пожелает ли Владимирский наш университет перевезти себе одну Корсунскую колонну. Этот университет ничего

не желает, кроме жалованья... Мы с Максимовичем весьма желаем переселить Вас в Киев. Здесь Вы сделали бы и редактором журнала и основателем Русского исторического общества, о чем здешние ученые не думают, да и не умеют приняться. Комитет древностей только описал, что прежде его открыто, а сам ничего не открыл» (Письма 1868: 383).

30 ноября 1836 г. «...Вы меня много обяжете, если сообщите мне отпечатанный у вас Перипл Арриана и план дома Карла XII» (Письма 1868: 384).

21 декабря 1836 г.: «Письмо Ваше и книгу Аррианова объезда около Черного моря я получил и покорно благодарю за сей подарок. Вы много прибавили сей книге Вашими примечаниями» (Письма 1868: 385).³

И, наконец, последнее письмо от 16 февраля 1837 г. «Письмо Ваше от 25 января и при нем план квартиры колобродного Карла XII я получил... Я не видал Кеппенова Крымского сборника. Если можно купить в Одессе, то купите для меня. А Вашу историю генуэзских колоний надеюсь от Вас иметь. При нашем университете думают отделить миц-кабинет и составить Музей Киевских древностей. На днях я говорил с попечителем, я ему советовал Вас определить хранителем и надзирателем сей части. Конечно, жалованье небольшое, но в Киеве много пансионеров и дорого платят учителям» (Письма 1868: 386).

Вспоминая встречи и беседы с митрополитом, Мурзакевич пишет: «Грустно мне было, когда я, приехав в Киев, не застал в живых моего учителя и благожелателя, незабвенного митрополита Евгения... Митрополит Евгений весьма желал, чтобы я перешел в новооткрытый университет Св. Владимира, для совместных занятий киевскими древностями; добрым вниманием он ободрял мои труды и иногда делал на них свои замечания» (Мурзакевич 1886: 120).

Мурзакевич всю жизнь свято чтит память митрополита. В 1872 г. в издаваемых им «Записках Одесского общества истории и древностей» он помещает свою статью «Митрополит Евгений и академик Кеппен» (Мурзакевич 1872: 404—411). Статья состоит из письма П. И. Кеппена митрополиту Евгению, тогда еще архиепископу Псковскому, от 9 апреля 1820 г. с просьбой прочесть его «Историю Ольвии» и «возвратить мне оную с сделанными при чтении замечаниями», ответа Евгения с его замечаниями,

² Об основании Одесского общества истории и древностей смотри ниже.

³ Перипл Арриана издан в Одессе в 1837 г. А. Я. Фабром с подробнейшими комментариями, именным указателем и картой античных поселений, составленными Мурзакевичем.

сокращенного текста труда Кеппена и предисловия и послесловия Мурзакевича. Евгений советует Кеппену сократить этимологические доказательства, «которые, — пишет он, — правильно Шлецер называет пустяжными и по большей части пустошными в истории». И далее: «из указанных Вами источников я имею в своей библиотеке только Геродота, Помпония Мелу, Плиния и Равенского географа и по ним проверял Ваши ссылки». Митрополит указывает на пропуск книги Потоцкого, рекомендует: «Вместо Шлецера, Круга и других, ссылающихся на Нестора, лучше ссылаться на самого Нестора». Примечательно и последнее его замечание: «При ссылках как на иноязычные книги, если они переведены, то по моему мнению, надобно ссылаться на наши переводы (поправить, где не верны), а которые не переведены, тех заглавия только должно ставить из подлинников: но тексты в переводе, а не в подлиннике. Ведь Вы пишете преимущественно для русских» (Мурзакевич 1872: 411).

Мурзакевич отдал дань признательности митрополиту Евгению, посвятив его памяти свой доклад на III Археологическом съезде в Киеве в 1874 г. (Мурзакевич 1878: 131).

Отзываясь с благодарностью о Московском обществе истории и древностей российских, Мурзакевич замечает: «Этому Обществу я признателен за то, что оно после митрополита Евгения, первое меня поощрило к занятиям по отечественной истории!» В апреле 1836 г. Мурзакевич за «полезные труды по части отечественных древностей» был избран действительным членом Общества (Мурзакевич 1886: 217).

Мурзакевич занимался историей России XV—XVIII вв., историей Новороссийского края и Бессарабии, археологическим изучением античных и средневековых памятников Причерноморья, нумизматикой, эпиграфикой, охраной памятников, оставив много трудов. Указатель трудов, собственноручно составленный им по просьбе Предварительного комитета I Археологического съезда, изданный в 1869 г., включает работы по 1868 г. (Мурзакевич 1869), относительно полный список трудов Мурзакевича опубликован Д. Д. Языковым (Языков 1887: 59—61). Мурзакевич печатался в Журнале Министерства народного просвещения, Русском историческом сборнике, Временнике и Чтениях Общества истории и древностей российских, Русском архиве, Русской старине, Новороссийском календаре, Одесском вестнике и других изданиях. Но больше всего материалов опубликовано им в Записках Одесского общества истории и древностей, бессменным редактором первых тринадцати

томов которых он был. Все статьи, им написанные, учтены в Указателе к первым тридцати томам Записок (Попруженко 1914). Всего в 13 томах (12 вышли при его жизни) Мурзакевичем опубликовано 103 статьи, 25 некрологов, 3 рецензии, а так же значительное количество неподписанных сообщений и заметок. В 1839—41 гг. Мурзакевич редактировал и Новороссийский календарь. «Буквально день и ночь я трудился над составлением Новороссийского календаря на 1839 г. Мне хотелось показать, какой должна быть эта настоящая книга, полезная для всякого человека», — вспоминает он (Мурзакевич 1886: 134).

Главной задачей Мурзакевич считал создание в Одессе Археологического общества, о чем писал в 1835 г. митрополиту Евгению. На необходимость создания научного общества для изучения древностей Новороссийского края указывал еще в 1823 г. И. А. Стемповский в Записке, поданной им генерал-губернатору графу М. С. Воронцову (Юргевич 1890: 37; Формозов 1986: 40). Мурзакевич пишет: «В зиму этого же (1838. — *Р. Л.*) года решился: положительно действовать насчет осуществления составленного мною проекта учреждения в Одессе Общества истории и древностей... имея нравственную подпору в одобрении покойного митрополита Евгения» (Мурзакевич 1886: 134). Учредителями Общества, одного из первых исторических обществ в России, стали, кроме Мурзакевича, попечитель учебного округа Д. М. Княжевич, М. М. Кирьяков, А. С. Струдза и А. Я. Фабр; почетным президентом — граф М. С. Воронцов, президентом Княжевич, секретарем Мурзакевич. Общество открыто 23 апреля 1839 г. и высочайше утверждено в ноябре. Обществу позволено было производить археологические разыскания во всей Южной России и назначено ежегодное пособие в 5 000 руб. ассигнациями. В задачи Общества входило собирать, описывать и хранить все остатки древностей, открывающиеся в Южной России, заниматься поиском, разбором и объяснением документов и актов, подвергать критическому исследованию показания древних писателей о местностях края и отыскивать их следы, собирать статистические и географические сведения для будущей истории края, разбирать сочинения, имеющие отношение к истории края и определять степень их достоверности и издавать результаты занятий для всеобщего сведения (Мурзакевич 1840: 62,65). Мурзакевич писал своему университетскому профессору М. П. Погодину: «У нас учредилось археологическое общество. Похваюсь, что дело рук моих идет хорошо.

Хвала и Вам, что умели ученикам Вашим влить влияние к доброму и полезному» (Барсуков 1892: 435). Мурзакевич исполнял обязанности секретаря Общества до 1875 г., когда был избран его вице-президентом. По случаю 50-летия Общества в 1889 г. его вице-президент В. Н. Юргевич отмечал: «Оно не может не отдать так же при этом случае должной дани признательности памяти покойного секретаря и вице-президента Н. Н. Мурзакевича, в течение 44 лет трудившегося на пользу отечественной науке» (Юргевич 1890: 46).

По поручению Общества Мурзакевич производил археологические раскопки на острове Левки (Фидониси), в Ольвии, а так же на городище у села Картал в Нижнем Подунавье, где в 1962 г. начаты планомерные раскопки римского лагеря (Мурзакевич 1844: 627—628; Бондарь 1989: 48—50).

К археологическим раскопкам Мурзакевич проявлял строгие научные требования. Известен его конфликт с керченскими археологами А. Б. Ашиком и Н. Г. Корейшей. «Чиновники Ашик и Корейша, не имея никакого понятия о систематических ученых раскопках древних гробниц и не получив необходимых для них инструкций от Эрмитажного начальства, дело это исполняли от-вратительнейшим способом» — писал Мурзакевич. «Общество Одесское попробывало было попросить Ашика и Корейшу подумать о правильном способе вскрытия курганов, но они словесно, как истые чиновники отвечали: «Они не подчинены Обществу...» (Мурзакевич 1886: 180,181). Этот принципиальный научный спор дал основание современному керченскому археологу Д. С. Кирилину придать конфликту идеологическую окраску. Он пишет: «С легкой руки чиновного одесского профессора Н. Н. Мурзакевича, себялюбца и человека тенденциозного, А. Б. Ашик, стоявший на более низкой ступени социальной лестницы, превратился в одиозную фигуру в отечественной археологии... Конфликт между Н. Н. Мурзакевичем и А. Б. Ашиком — это естественное противоречие между двумя направлениями в науке: более прогрессивным и консервативно-монархическим» (Кирилин 1972: 344—345). Мурзакевичу принадлежит некролог Ашика в Записках Одесского общества (Мурзакевич 1863: 915—916). В 1852 г. Ашик был отстранен от раскопок распоряжением Министра уделов (Бич 1958: 87—90; Формозов 1986: 43, 212 примечание 130) и в 1853 г. сменил Мурзакевича на посту библиотекаря Одесской публичной библиотеки.

В обязанности Мурзакевича, как секретаря Общества, входила и забота об охране памятников. В его отчетах, публиковавших-

ся в Записках Общества, говорится о поездках в Керчь, Феодосию, Судак. В 1869 г. он сообщает, что осмотрев Судакскую крепость, поручил колонистам вычистить находящуюся за крепостью башню и полуразрушенную церковь, а шульца Судакской колонии указал «о неприкосновенности стен крепости на будущее время. Починку поручил колонистам» (Мурзакевич 1872а: 318—321). Его же заботам обязаны своим спасением и Мелек-Чесменский курган в Керчи, разрушавшийся местными жителями для добычи камня, и многие другие памятники.

Мурзакевич с юности начал заниматься нумизматикой, всю жизнь он собирал и описывал монеты. Первой его книгой, вышедшей в 1835 г., было описание собственной коллекции античных монет (Murzakevic 1835). В Записках Общества им опубликованы статьи по нумизматике античной, византийской, русской и западноевропейской. Он постоянно дарил монеты Одесскому обществу, а после его смерти в Музей Общества поступила вся его богатейшая коллекция (Булатович 1989: 31). В 1847 г. он передал в дар Музею 187 русских монет, а в 1881 г. редчайшую монету — златник Владимира Святославича (Тимашкова 1989: 33). Мурзакевич опубликовал и каталог монет Одесского городского музея (*Descriptio* 1841).

Множество статей и заметок посвящено Мурзакевичем античной эпиграфике, им опубликован целый ряд греческих и латинских надписей, важное значение он придавал керамической эпиграфике. В статье «Эллинские памятники, найденные в Новороссийском крае» им подробнее описаны 75 клейм астиномов из раскопок Ольвии (Мурзакевич 1850: 405—412). Крупнейший эпиграфист В. В. Латышев высоко оценил вклад Мурзакевича в изучение античной эпиграфики (Латышев 1888: 46).

Мурзакевичем написано много работ по истории Новороссийского края, опубликован целый ряд исторических документов. Благодаря его участию в разборе архива крепости св. Дмитрия Ростовского и архива села Решетилковки Одесское Общество получило документы, важные для истории края, в частности бумаги времени генерал-губернаторства князя Потемкина-Таврического.

Выдающейся заслугой перед отечественной историей является издание им полного текста Псковской Судной грамоты, а так же писем царевича Алексея Петровича, открытых им в 1843 г. в рукописном собрании графа М. С. Воронцова. М. С. Воронцов обладал огромным рукописным собранием — Мурзакевич пишет, что упаковывая рукописи для сохранения их в случае пожара в доме от попадания ядер и ракет во

время Крымской войны, он упаковал в 17 ящиков 400 манускриптов (Письма 1876: 371—372).

Псковская Судная Грамота первоначально издана Мурзакевичем в Одессе в 1847 г., а в 1868 г. он переиздал ее, причем 100 экз. содержали и полный факсимильный текст (Судная Грамота 1847; 1868). А. И. Никитский даже так ссылался на Псковскую Судную Грамоту: Мурзакевич. Псковская Судная Грамота. Изд. 2-е (Никитский 1873: 120, 121). Важное значение работе Мурзакевича придает и современный исследователь Псковской Судной Грамоты И. Д. Мартысевич (Мартысевич 1951: 3,7,9). В Советской исторической энциклопедии при описании Псковской Судной Грамоты Мурзакевич не упомянут, впрочем он вообще не удостоился чести попасть в этот справочник.

Среди других работ Мурзакевича следует отметить «Историю генуэзских поселений в Крыму» (Мурзакевич 1831), защищенную им как магистерскую диссертацию в Московском университете в 1838 г., «Начало книгопечатания в Новороссийском крае» (Мурзакевич 1848: 211—219), «Очерк заслуг, сделанным наукам графом М. С. Воронцовым» (Мурзакевич 1859: 395—413). Среди заслуг Воронцова Мурзакевич на одно из первых мест ставит учреждение Воронцовым городских публичных библиотек в Одессе в 1829 г. и в Тифлисе в 1850. В 1846 г. он издает «Очерк успехов Новороссийского края и Бессарабии за истекшее 25-летие, т. е. с 1820 по 1846 г.» — речь на Годичном акте в Ришельевском лицее (Мурзакевич 1846). В Очерке были отражены все аспекты хозяйственной и культурной жизни края. Посьялая Очерк О. М. Бодянскому, Мурзакевич пишет: «В очерке верьте всему, что написано. Зная хорошо весь край и имея все сведения, изложил их верно и правдиво» (Письма 1887: 203).

В ведении Мурзакевича находился Музей, учрежденный одновременно с Обществом. «Деятельность Мурзакевича сыграла решающую роль в создании Музея, и в частности его нумизматической коллекции» — пишет С. А. Булатович (Булатович 1989: 31). Мурзакевич целенаправленно собирал музейную коллекцию. Уже в I томе Записок он сообщает о передаче памятников из Одесского городского музея, о памятниках, подаренных С. С. Дестунисом и о коллекции древних памятников, присланных из Николаева (Записки 1844: 636; Мурзакевич 1886: 163). Последняя, по его словам, «дает бытие... Музею Одесского общества истории и древностей» (Мурзакевич 1846: 43). История передачи в Музей памятников из Черноморской штурманской роты

в Николаеве и роль в ней Н. Н. Мурзакевича подробнейшим образом исследованы на основе архивных документов И. В. Тункиной (Тункина 1991: 9—24). В Новороссийском календаре на 1851 г. Мурзакевич опубликовал статью о Музее Общества с описанием его коллекции (Мурзакевич 1850а: 398—403).

Важнейшую роль в культурной жизни общества Мурзакевич придавал библиотекам. Назначенный в 1843 г. библиотекарем Одесской городской публичной библиотеки, он уделял ей массу времени и сил. «Не погневайтесь, — пишет он Бодянскому в ноябре, — что на письмо Ваше от 15 апреля теперь отвечаю. Вот причина — в мае получил место городского библиотекаря: принимал в свою команду 10 000 томов, книжиц и книжечек и провозился до конца августа. Потом устанавливал и достиг даже до дня сего... Книги болгарские, что имею своего, то все спустил в городскую библиотеку: она мое любимое детище». И далее: «Хочу при библиотеке составить отделение чисто славянское... Да будет Одесская книжница рассадницею славянства». Просит прислать в библиотеку дубликаты славянских книг, а так же купить «если дешево» Историю Татищева, Щербатова (Письма 1887: 195). В апреле 1845 г. он просит Бодянского прислать четыре первых тома Русского исторического сборника — «Последние прислал М. П. Погодин; а первых нет» — пишет он, а так же сообщает, что составляет каталог болгарских книг (Письма 1887: 197). В автобиографии Мурзакевич рассказывает, что принял библиотеку в весьма плачевном состоянии. В шкафах «реденько были размещены книги, преимущественно французские и другие; русских книг почти не было заметно. Не было славянской Библии, ни Нового Завета... Не было ни одного русского классика, кроме изъеденной молью Истории государства Российского Карамзина... Библиотека почти постоянно была закрыта». «Давая новый порядок книгам, при распределении по предметам, и невольно знакомишься с каждою. Увлекаясь занимательностью иной книги, я по целым часам просиживал на подставленной к шкафам лестнице. Назначенная для приведения в порядок комиссия, из двух губернаторских чиновников, смотрела на это медведем и лишь подписала приготовленные каталоги. Первым делом было: наполнить главные отделы основными сочинениями, что исподволь систематически я и делал. При выписке новых книг я отдавал предпочтение русским (французских романов было достаточно), притом историко- и географически-статистического содержания,

а главное, преимущественнее всего — тому, что относилось к Новороссийскому краю... В августе 1843 г. библиотека была открыта для публики» (Мурзакевич 1886: 159—161). В 1848 г. Мурзакевич опубликовал небольшую статью «Одесская городская публичная библиотека» (Мурзакевич 1848а: 403—408), в которой изложил историю библиотеки и привел краткий отчет о ее работе. Мурзакевич разработал и правила пользования библиотекой, одно из которых гласило: «Всякий пристойно одетый, в назначенные дни и часы имеет право посещать библиотеку, без платы, читать в ней книги, делать справки и выписки» (Мурзакевич 1848а: 405, 406 примечание 3). Библиотека получала журналы 22-х названий, причем часть из них безвозмездно, в том числе «Журнал Министерства народного просвещения», «Чтения в Обществе истории и древностей российских», «Москвитянин», «Журнал Министерства внутренних дел» и другие. Печатался систематический каталог библиотеки. В 1848 г. фонд ее составлял 10 625 томов. Всего же в библиотеках Новороссийского края по сведениям Мурзакевича на 1846 г. «книжная масса» составляла 84 176 томов (Мурзакевич 1846: 38). Надо отметить, что Н. Н. Мурзакевич участвовал в организации Публичной библиотеки в Тифлисе, возглавляя комиссию для приобретения книг.

В автобиографии Мурзакевича имеются любопытные заметки и о петербургских библиотеках, в которых он занимался в 1837 г. «Пользуясь неограниченным сроком откомандировки, — пишет он, — я пустился по библиотекам. В Публичной библиотеке от суббиблиотекарей я ничего не мог добиться. Хаос был образцовый. Редко являлись на должность библиотекари именитые и не было полных каталогов. Мне нужна была: «Martini Broniovii, Tartaria»; ее в течение 3-х дней не мог найти сам А. Х. Востоков. В библиотеке же Генерального штаба эту книгу отыскивали за 5 минут. В Румянцевском музее, так же как и в Публичной, отвечали, что теперь не время для занятий, теперь вакации. Я отвечал, что для прибывшего за 2000 верст нет вакаций... На требование некоторых рукописей получил ответ, что они далеко закладены, да в них нет ничего... На просьбу у директора Публичной библиотеки А. Н. Оленина позволить моему рисовальщику скопировать несколько рисунков из известного «Ермолаевского сборника» получил чистый отказ, бездоказательный. Вот-то и столица просве-

щения! Зато удивили меня сговорчивостью в Библиотеке Академии наук — Брандт, давший мне на квартиру столько книг, сколько мне понадобилось, и в Артиллерийском арсенале полковник А. А. Эрдманн, с любезностью мне показавший все до мелочи» (Мурзакевич 1886: 117—118).

Мурзакевич интересовался историей славян, публиковал статьи по славяноведению. Он состоял в переписке с П. И. Шафариком, посылал ему книги, поддерживал отношения с В. В. Ганкой. Сообщая Бодянскому о предстоящей посылке просимой Шафариком болгарской грамматики, Мурзакевич пишет: «Сообщите доброму нашему славянофилу г. Шафарику, что его желание иметь рисунки с изображений скифов приводятся в исполнение, а коль скоро окончатся рисовкою не умедлю прислать» (Письма 1887: 187). В июле 1838 г. Бодянский писал Погодину из Праги: «Если Николай Никифорович Мурзакевич обретается теперь в Белокаменной, поклонитесь ему от меня и поблагодарите за его письмо от 24 июня из Одессы... Желаю ему от всей души успеха в его предприятии. В самом деле пора уже ему шагнуть двумя ступеньками вперед на верх.⁴ Сердечно обязан ему за его готовность от одесских болгар письма к их землякам, равно как и за присылку болгарской грамматики Неофита и брошюры Венелина «О зародыше новой болгарской литературы» (Письма Погодину 1879: 75). В связи с вышесказанным странно звучит оскорбительный для Мурзакевича отклик А. А. Кочубинского на некрологи О. М. Бодянского и В. И. Григоровича, опубликованные Мурзакевичем в «Записках Одесского общества» (Мурзакевич 1879: 441; 1879а: 443). В заметке «Непокойный археолог и упокоившиеся антиквари» Кочубинский характеризует Мурзакевича как «местного археолога весьма скромной деятельности», пишет, что оба некролога «исполнены какого-то тщеславия и намеренной неправды», уничижительно отзываясь о занятиях Мурзакевича славяноведением и его славянских связях (Кочубинский 1880: 151—154). Надо полагать, что опубликованные А. А. Титовым в 1887 г. письма Мурзакевича Бодянскому несколько охладили Кочубинского. Во всяком случае в список его трудов, составленный Б. М. Ляпуновым, заметка не включена (Ляпунов 1909: 93—103).

Одной из важных сторон деятельности Мурзакевича было его участие в организации и работе археологических съездов — I в Москве в 1869 г., II в Санкт-Петербурге в

⁴ Речь идет о защите Н. Н. Мурзакевичем магистерской диссертации.

1871 г., где он был членом Предварительного комитета и работал в Комиссии по археологии классической, византийской и западноевропейской (Труды 1881: V, VIII), III в Киеве в 1874 г., где им прочитан доклад «Сведения о Влахернской или Лахернской иконе», посвященный памяти митрополита Евгения (Мурзакевич 1878: 131—135). К V съезду в Тифлисе им составлена записка о судьбах Пицундского Успенского храма за последние 40 лет с предложениями по его реставрации (Труды 1887: XXXIII). До VI съезда, состоявшегося в Одессе в 1884 г., Мурзакевич не дожил (он скончался 16 октября 1883 г.), но принимал активнейшее участие в его подготовке, был председателем Подготовительного комитета, работавшего в Москве в 1882 г. Вспоминая Мурзакевича, И. Д. Мансветов пишет: «... Съезд Одесский поднимал вопросы на разьяснение которых он посвятил большую часть своей жизни и положил столько энергии. И вот, когда в Москве собрался Предварительный комитет по устройству VI съезда, мы видели Николая Никифоровича в этом зале, на этом председательском кресле. Еще бодрый и энергичный, он намечал вопросы для обсуждения на съезде, давал указания на счет его ведения и входил в соображения хозяйственные. Но ему не суждено было видеть это предприятие осуществленным и принять личное участие в съезде» (Мансветов 1885: 3).

Оставив государственную службу в Рижском лицее в 1857 г., Мурзакевич, имея больше свободного времени, совершил несколько поездок за границу с целью изучения археологических памятников, музейных коллекций и архивов. Он посетил Константинополь, Иерусалим, Александрию, Каир, египетские пирамиды; несколько раз был в Вене, Риме, Неаполе, Генуе. В 1862 г. он путешествовал по Австрии, Италии, Испании, Франции, Швейцарии и Германии. Он вел путевые записные книжки, сохранившиеся лишь частично, в которые скрупулезно заносил описание археологических и архитектурных памятников, а так же заглавия найденных в итальянских архивах актов, относящихся к истории итальянских колоний в Крыму (Дабижа 1886: 11,12).

Биограф Н. Н. Мурзакевича В. Д. Дабижа, характеризуя его личные качества, отмечает: «Н. Н. Мурзакевич отличался сердечной добротой, честностью и прямою убежденностью и примерным бескорыстием. Крайне строгий к себе, когда речь шла об исполнении долга, он не менее был строг и в отношении других, и требовал от каждого точного исполнения лежащих на нем обязанностей. Он не допускал никаких послаб-

лений и сделок в нравственных вопросах» (Дабижа 1886: 13). Бескомпромисность сказывалась во всех его поступках. Оставаясь всегда в меньшинстве, он боролся с коррупцией, охватившей лицейских профессоров в начале пятидесятых годов. В 1860 г. он отказался участвовать в Погодинском сборнике в память архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия, ответив Погодину: «Об Иннокентии писать нужно повременить, пока остынет нерасположение к нему большинства духовных...» (Барсуков 1903: 479), в автобиографии Мурзакевич пишет: «О характере преосвященного Иннокентия скажу, что кроме честолюбия, он имел еще страсть к деньгам, которых по смерти оказалось свыше 200 000 р., не считая раскраденных его прислугою. Вот другие его черты: все, что брал, то или терял, или присваивал; по приходах часто перемещал бедных священников, любил связи со знатью и не заботился о расположении к себе простонародья» (Мурзакевич 1886: 210); Мурзакевич считал Иннокентия повинным в перемещении в Тверскую епархию своего предшественника архиепископа Гавриила.

Мурзакевич пишет, что с ранней юности сделал жизненным правилом изречение Цицерона о Божьем гневе за дурные поступки. «Закон нравственного возмездия, непременно следуемого за всякой сделанной гадостью и низостью сделался моим догматом» (Мурзакевич 1886: 28).

Мурзакевич был не богат, получая лишь небольшую пенсию за службу по Министерству народного просвещения. В. Н. Юргевич вспоминает: «Ваточное пальто защищало его достаточно от мороза, и только, когда предстояла ему зимою поездка на север, он брал иногда у знакомых шубу» (Историческая записка 1890: 163). «Мой серый сюртук, — говаривал не без гордости Николай Никифорович, — неизменно служил мне в Петербурге, Москве и Тифлисе; видели меня в нем в Вене, Риме, Севилье и на египетских пирамидах, — и везде я смело смотрел людям в глаза...» — пишет его биограф (Дабижа 1886: 14).

Заслуги Мурзакевича оценены были многими научными обществами в России и за рубежом, избравшими его своим членом: Московским археологическим обществом, Обществом истории и древностей Российских, Русским Географическим обществом, Сельскохозяйственным обществом Южной России, Обществом сербской словесности в Белграде, Обществом северных антиквариев в Копенгагене и др.

Научная и общественная деятельность Н. Н. Мурзакевича подробно освещена в некрологе, помещенном в Журнале Минис-

терства народного просвещения (Журнал 1883: 81—89), в упомянутом выше биографическом очерке В. Д. Дабижа, в исторической записке о деятельности Московского археологического общества за первые 25 лет его существования (Историческая записка 1890: 158—163; Археологическое общество 1915: 240—241). Основанные им «Записки Одесского Общества истории и древностей», редактором которых он был до самой кончины, не поместили даже некролога. Не была опубликована и биография Мурзакевича, первоначально предназначавшаяся для XIV тома Записок (Коциевский 1984: 83, примечание 58; 88, примечание 59). Лишь в 1889 г. В. Н. Юргевич, сменивший Мурзакевича на посту вице-президента Общества поместил заметку «Черновой проект завещания, найденный в бумагах бывшего вице-президента Общества Н. Н. Мурзакевича», отметив, что документ этот «служит новым доказательством его заботливости об общественной пользе» (Юргевич 1889: 844—845).

«Проследив почти полувековую ученую деятельность Н. Н. Мурзакевича, — пишет автор некролога в Журнале Министерства

народного просвещения, — должно сказать, что покойный ученый не мало потрудился на пользу отечественной истории и археологии. Нельзя так же пройти молчанием и того, что каждый ученый, приезжавший в Одессу, встречал в Мурзакевиче полную готовность делиться с ним своими обширными и разнообразными сведениями о Южной России, которой он был живой летописью, начиная с тридцатых годов» (Журнал 1883: 89). Свидетельство это служит ярким подтверждением верности Мурзакевича принципам митрополита Евгения.

В современной литературе долгое умолчание о деятельности Мурзакевича первым нарушил одесский археолог А. С. Коциевский, опубликовав статью к 100-летию со дня его смерти и завершив ее словами: «Настоящая заметка — запоздалая попытка отдать дань уважения памяти одного из первых отечественных историков-разночинцев, скромного труженика, немало сделавшего для развития археологической науки, музейного дела и охраны памятников» (Коциевский 1984: 86).

Археологическое общество. 1915. Московское археологическое общество в первое 50-летие его существования 2. Москва.

Барсуков, Н. П. 1892. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 5. Санкт-Петербург.

1903. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 17. Санкт-Петербург.

1904. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 18. Санкт-Петербург.

Бич, О. И. 1958. Архивные данные о статуях, найденных в Керчи в 1850 г. // Советская археология 28: 87—90.

Бондарь, Р. Д. 1989. К истории исследования римской крепости у с. Орловка (Картал) // 150 лет Одесскому обществу истории и древностей. Тезисы докладов юбилейной конференции: 48—50. Одесса.

Булатович, С. А. 1989. Из истории нумизматического собрания Одесского общества истории и древностей // 150 лет Одесскому обществу истории и древностей. Одесса.

Дабижа, В. Д. 1886. Николай Никифорович Мурзакевич. 1806—1883. Биографический очерк // Мурзакевич Н. Н. Автобиография: 11—13. Санкт-Петербург.

Журнал. 1883. Н. Н. Мурзакевич (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения 12: 81—89.

Записки. 1844. Известия // Записки Одесского общества истории и древностей 1: 636—653.

Историческая записка. 1890. Н. Н. Мурзакевич (некролог) // Историческая записка о деятельности Московского археологического общества за первые 25 лет: 158—163. Москва.

Исторический вестник. 1883. Н. Н. Мурзакевич (некролог) // Исторический вестник 14: 646—647.

Коциевский, А. С. 1984. Из истории Одесского археологического музея: Н. Н. Мурзакевич (1806—

1883) // Северное Причерноморье: Материалы по археологии: 83—89. Киев.

Кочубинский, А. А. 1880. Непокойный археолог и упокоившиеся антикварианты // Русский филологический вестник 3: 151—154. Подпись: А. К.

Кирилин, Д. С. 1972. О роли и месте А. Б. Ашика в развитии скифо-античной археологии (к 170-летию со дня рождения) // Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. Института археологии Академии наук СССР: 344—345. Москва.

Латышев, В. В. 1888. Сообщение о ходе работ по изданию общего сборника греческих и латинских надписей Северного побережья Черного моря // Труды VI Археологического съезда 2: 46—47. Одесса.

Ляпунов, Б. М. 1909. Список печатных трудов А. А. Кочубинского // Сборник в память А. А. Кочубинского: 93—103. Одесса.

Максимович, М. А. 1871. Письма о Киеве и воспоминание о Тавриде. Санкт-Петербург.

Мансветов, И. Д. 1885. Отчет о состоянии и деятельности Общества с 17 марта 1883 г. по 1 марта 1884 г. // Древности: Труды Московского археологического общества 10. Приложение: 1—10.

Мартысевич, И. Д. 1951. Псковская Судная Грамота: Историко-юридическое исследование. Москва.

Мурзакевич, Н. Н. 1837. История генуэзский поселений в Крыму. Одесса.

1840. Записка о состоянии и действиях Одесского общества любителей истории и древностей с 23 апреля 1839 г. по 1 января 1840 г. // Торжественное собрание Одесского общества любителей истории и древностей 4 февраля 1840 г.: 62—65. Одесса.

1844. Открытие древностей близ с. Картал // Записки Одесского общества любителей истории и древностей 1: 627—628. Одесса.

1846. Очерк успехов Новороссийского края и Бессарабии за истекшее 25-летие, то есть с 1820 по 1846 гг. Отдельный оттиск из Годичного акта Ришельевского лицея. Одесса.
1848. Начало книгопечатания в Новороссийском крае // Записки Одесского общества истории и древностей 2/2 2: 211—219. Одесса.
- 1848а. Одесская городская публичная библиотека // Новороссийский календарь на 1849 г.: 403—408. Одесса.
1850. Эллинские памятники, найденные в Новороссийском крае // Записки Одесского общества истории и древностей 2/2: 405—412. Одесса.
- 1850а. Музеум Одесского общества истории и древностей // Новороссийский календарь на 1851 г.: 398—403. Одесса.
1859. Очерк заслугам, сделанным наукам гр. М. С. Воронцовым // Записки Одесского общества истории и древностей 4: 395—413. Одесса.
1863. Антон Балтазарович Ашик (некролог) // Записки Одесского общества любителей истории и древностей 5: 915—916. Одесса.
1869. Библиографическая заметка. Одесса: Типография Алекомати.
1872. Митрополит Евгений и академик Кеппен // Записки Одесского общества любителей истории и древностей 8: 404—411. Одесса.
- 1872а. Донесение Обществу о поездках в Феодосию, Судак и Керчь // Записки Одесского общества любителей истории и древностей 8: 318—321. Одесса.
1877. Никифор Адрианович Мурзакевич, историк города Смоленска: 1769—1834. Санкт-Петербург.
1878. Сведения о Влахернской или Лахернской иконе // Труды III Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. I: 131—135. Киев.
1879. О. М. Бодянский (некролог) // Записки Одесского общества истории и древностей 11: 441. Одесса.
- 1879а. В. И. Григорович (некролог) // Записки Одесского общества истории и древностей 11: 443. Одесса.
1886. Автобиография. Санкт-Петербург.
- Никитский, А. И.* 1873. Очерк внутренней истории Пскова. Санкт-Петербург.
- Письма.* 1868. Письма Евгения митрополита Киевского Н. Н. Мурзакевичу: 1834—1837 // Киевские епархиальные ведомости 10/2: 377—392. Киев.
- Письма.* 1876. Письма графа М. С. Воронцова к профессору Одесского Ришельевского лицея Н. Н. Мурзакевичу // Русский архив 14/3: 371—372.
- Письма.* 1879. Письма М. П. Погодину из славянских земель. Вып. 1: 75. Москва.
- Письма.* 1887. Письма Н. Н. Мурзакевича к О. М. Бодянскому: 1838—1866 // Чтения Общества изучения древностей 1: 195—203.
- Погодин, М. П.* 1871. Судьбы археологии в России // Московский археологический съезд I. Санкт-Петербург.
- Попруженко, М. Г.* 1914. Указатель статей, помещенных в I-XXX томах Записок Одесского общества истории и древностей. Одесса: Славянская типография.
- Срезневский, И. И.* 1868. Воспоминания о научной деятельности Евгения митрополита Киевского // Сборник Отделения русского языка и словесности 5/1: 1—42.
- Судная Грамота.* 1847. Псковская Судная Грамота, составленная на вече в 1467 г. Изд. по списку, хранящемуся в библиотеке гр. М. С. Воронцова. Одесса.
1868. Псковская Судная Грамота (1397—1467). Изд. 2-е. Одесса.
- Тимашкова, Т. Г.* 1989. Коллекция русских монет, составленная членами Одесского общества истории и древностей // 150 лет Одесскому обществу истории и древностей. Одесса.
- Труды.* 1881. Труды II Археологического съезда в Петербурге 2. Санкт-Петербург.
- Труды.* 1887. Записка о судьбах Пицундского Успенского храма // Труды V Археологического съезда в Тифлисе 1881 г. Москва.
- Тункина, И. В.* 1991. Кабинет редкостей Черноморского бюро карт // Очерки истории русской и советской археологии: 9—24. Москва.
- Формозов, А. А.* 1986. Страницы истории русской археологии. Москва.
- Юргевич, В. Н.* 1889. Черновой проект завещания, найденный в бумагах бывшего вице-президента Общества Н. Н. Мурзакевича // Записки Одесского общества истории и древностей 15: 844—845. Одесса.
1890. Исторический очерк 50-летия Императорского Одесского общества истории и древностей: 1839—1889. Одесса.
- Языков, Д. Д.* 1887. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей 5. Санкт-Петербург: Суворин.
- Murzakevic, N.* 1835. Descriptio numorum veterum graecorum atque romanorum, qui inventur in Museo N. N. Murzakevic. Odessae.
- Descriptio.* 1841. Descriptio Musei publici Odessani. Odessae.

ПЕРСОНАЛИИ

ПАМЯТИ Л. Я. КРИЖЕВСКОЙ

Имя Лии Яковлевны Крижевской (1916—1995) стоит в ряду имен наиболее крупных археологов нашей страны. Около 50 лет жизни отдано ею изучению первобытных древностей России.

Л. Я. Крижевская родилась в Санкт-Петербурге, в семье врачей. В июне 1938 г. она закончила Исторический факультет Ленинградского университета и вскоре вошла в штат Института истории материальной культуры (техническим секретарем по сектору палеолита и неолита). К этому времени относится и начало ее многолетнего сотрудничества и дружбы с Н. Н. Гуриной. Их творческий «тандем» во многом определил ряд направлений развития археологии неолита лесной зоны в 1960—1980-е гг. Осенью 1939 г. Л. Я. Крижевская была зачислена в основную аспирантуру ИИМК (вместе с В. Н. Даниленко и П. А. Раппопортом). Научным руководителем Л. Я. Крижевской стал известнейший специалист в области археологии каменного века, профессор П. П. Ефименко. Его широкая научная эрудиция, несомненно, отразилась на формировании круга научных интересов аспирантки. Великая Отечественная война нарушила планы Л. Я. Крижевской, ей пришлось на время резко изменить область своей деятельности. В 1941—1945 гг. Л. Я. Крижевская работала в органах прокуратуры г. Куйбышев (Самара), в том числе, прокурором следственного отдела. По окончании войны, при первой возможности она возвращается в любимую науку. В конце 1940-х гг. Л. Я. Крижевская была заведующей лабораторией камеральной обработки, участвовала в работе ряда экспедиций Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. 20 июня 1950 г. Л. Я. Крижевская защищает кандидатскую диссертацию на тему «Неолитические памятники Валдайского Приозерья». Ее работы этого времени, в частности, заставили по-новому взглянуть на проблему макролитов, много лет дискутировавшуюся в научной литературе. Было доказано, в частности, что для неолита Валдая характерны стоянки-мастерские, а грубо оббитые топоры и тесла

ранненеолитического, «кампинийского», по западноевропейской таксономии, облика широко распространены и в позднеолитическое время. Эти данные, по существу, меняли распространенные стадильные оценки развития материальной культуры и акцентировали внимание на местных, региональных особенностях неолита лесной зоны.

В 1950-е гг. Л. Я. Крижевская начинает исследование в Уральском регионе. Ее первая работа, посвященная археологическим открытиям в Башкирии, была опубликована в 1951 году, последняя итоговая статья по проблемам неолита Урала вышла в свет уже после ее кончины в 1995 г. Фундаментальный вклад в нашу науку внесла монография, обобщившая двадцатилетний опыт исследований неолита Южного Урала (1968 г.). В ней впервые определено место и особенности культуры южноуральского неолита среди памятников лесной и лесостепной зон Евразии. Важное значение для неолитических исследований имело доказательство закономерности совместного залегания орудий на пластинах, двустороннеобработанных изделий и керамики. Сохранение пластинчатой техники изготовления орудий в неолитических комплексах Урала сейчас уже ни у кого не вызывает сомнений. Бывшие дискуссионными в свое время положения о значительном сходстве материалов южноуральского неолита с североказахстанскими и о самобытности памятников, расположенных в лесостепи по рекам Тоболу и Ишиму, получили подтверждение в исследовании последних лет, так же как и высказанные в ряде работ Л. Я. Крижевской идеи о характере связей неолита Южного Урала и Средней Азии. Этапными для изучения древнейшей истории Уральского региона явились разработки, посвященные переходному времени от неолита к эпохе металла («Раннебронзовое время в Южном Зауралье», Ленинград, 1977). В данной работе привлекает, прежде всего, методика подхода, учитывающая и общие закономерности, характерные для этого периода, и конкретную специфику региона. Так, при

анализе каменного инвентаря было сделано важное наблюдение об отсутствии во многих коллекциях постнеолитического времени серийности в наборе орудий труда. Это положение сохраняет свое значение для многих территорий лесной и лесостепной зоны.

Докторская диссертация Л. Я. Крижевской «Неолит и эпоха бронзы на Южном Урале», защищенная в 1979 г., подвела итоги многолетних исследований. В то же время разработку этой проблематики Л. Я. Крижевская продолжила и в последующее десятилетие. Одной из важнейших тем, к которой постоянно обращалась исследовательница, была хронология и культурная принадлежность памятников боборыкинского типа в Зауралье. Она впервые обратила внимание на устойчивое сочетание в материальной культуре памятников керамики развитых неолитических форм с пластинчатой техникой изготовления орудий, включая геометрические микролиты. По мнению Л. Я. Крижевской, находящему определенным новым подтверждением, комплексы боборыкинского типа отражают развитие традиций местного неолитического населения, начиная с эпохи раннего неолита. Важным вкладом последних лет в исследование неолита Зауралья Л. Я. Крижевской было определение особенностей материальной культуры сумпаньинской группы памятников (Крижевская, Гаджиева 1991). В этой работе сформулирована необходимость вычленения из восточноуральской культурной общности более мелких образований, отвечающих понятию «археологическая культура».

Большое значение для изучения, прежде всего, неолита Юга России, имели исследования, проведенные Л. Я. Крижевской в конце 1960—1970-х гг. в Приазовье. Крупные площади были вскрыты многолетними работами на поселениях Матвеев Курган I и II. Эти памятники, относящиеся к относительно узкому отрезку времени (около 7—7,5 тысяч лет назад, по данным C^{14}), фиксируют начальные этапы освоения производства керамики и появления скотоводства в степном регионе. Сейчас комплексы поселений Матвеева Кургана можно рассматривать как эталонные, наиболее представительные для переходного времени от мезолита к неолиту среди материалов широких пространств Юга Восточной Европы. Особое значение имеют в определенной мере спорные, но чрезвычайно интересные данные и соображения относительно появления и развития древнейшего керамического производства. Результаты исследований и полученные материалы были детально опубликованы («Начало неолита в степях Северного Причерноморья», Санкт-Петербург, 1992).

География научных исследований Л. Я. Крижевской была очень широка. Ей принадлежат статьи по каменному веку Прикаспия, Прибайкалья, Карелии. Уже в 1980-е гг. Л. Я. Крижевская провела работы на новой для себя территории, на неолитических памятниках Восточноевропейской лесостепи, получив, в частности, важные материалы по проблеме неолитической ромбо-ямочной керамики.

Л. Я. Крижевская владела основными европейскими языками, следила за новыми изданиями и была одним из немногих российских ученых ее поколения, хорошо знакомых с литературой по неолиту и мезолиту Средней и Западной Европы. Следует отметить важное значение обзорной статьи Л. Я. Крижевской «Новые данные о хронологии позднепалеолитических и мезолитических памятников севера ГДР и ФРГ» (Материалы и исследования по археологии СССР 126, 1966). Её труды знали ученые далеко за пределами нашей страны. Так, на конференции по началу неолита (Польша, Бялы Блота, 1992) — последнем из международных форумов, в котором она участвовала, идеи ее книги и материалы Матвеево-курганских поселений были одними из наиболее дискутируемых.

Л. Я. Крижевской издано свыше 120 научных работ. Для ее публикаций характерны глубокое знание фактического материала, тщательная аргументация выдвигаемых положений. Постоянно сталкиваясь с необходимостью отстаивать свои научные позиции, она неизменно вела дискуссии в корректной и сдержанной форме.

Несомненной заслугой Л. Я. Крижевской является воспитание целой группы сейчас уже зрелых исследователей, занимающихся каменным веком и эпохой раннего металла Уральского и некоторых других регионов. Многие из них усвоили систему обработки материалов, подхода к различного рода реконструкциям поселений и жилищ, использование этнографических данных, руководствуясь ее публикациями и консультациями. Она была редактором многочисленных статей, сборников и книг, оставаясь неизменно строгим, взыскательным, но доброжелательным критиком.

Лия Яковлевна Крижевская — увлеченный, неутомимый исследователь оставила глубокий след в российской археологической науке, в памяти коллег и многочисленных учеников.

Редакция сборника «Археологические вести» публикует в этом томе сохранившуюся в архиве статью Лии Яковлевны.

В. И. Тимофеев, Т. М. Гусенцова

К ВОПРОСУ О РАННЕМ НЕОЛИТЕ УРАЛА И ЕГО ГЕНЕЗИСЕ

Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ

Вопросы периодизации неолита Урала привлекали внимание исследователей еще в 50-е и 60-е года, вставая каждый раз как только появлялся новый более или менее информативный материал. Следует также иметь в виду, что Урал занимает обширную, разнообразную в экологическом отношении территорию, в разных регионах которой вопросы периодизации неолита ставились самостоятельно и независимо друг от друга. Это Приуралье и Урало-Поволжский регион, Среднее Зауралье и прилегающие районы Западной Сибири, Южное Зауралье, в последнее время появился район в Северном Зауралье. Однако сейчас ясно, что все эти отдельные регионы взаимосвязаны в ходе исторического процесса.

В Приуралье, на материалах Верхне-Среднего Прикамья была создана схема развития неолита, ранний этап которого — Боровозерский — не считался и, скорее всего, действительно не являлся ранне-неолитическим. Его хронологическая позиция основывалась как на сравнении со схемой неолита Зауралья, так и на характере каменной индустрии, которая по оценке О. Н. Бадера уже полностью потеряла свой микролитический облик (Бадер 1951: 27). Позднее А. Х. Халиковым была предложена схема развития неолита по материалам Волго-Камья, состоящая из 5 этапов, среди которых первый — докерамический, затем раннекерамический с накольчатой керамикой и далее — этапы зарождения и развития гребенчатой керамики, при постепенном исчезновении накольчатой. Эта схема не получила всеобщего признания и не была использована в обобщающем труде в силу того, что материал, на котором она основывалась, не был введен в научный оборот, и схема носила чисто декларативный характер. Кроме того, обнаружился ряд неточностей. Однако, для раннего неолита установилось понятие «памятник типа второй Щербетской», то есть с накольчатой керамикой и пластинчатой индустрией (Халиков 1969).

В схеме В. Н. Чернецова по неолиту Зауралья ранний неолит представлен памятни-

ками типа Козлов Мыс (козловский этап) с прочерченной керамикой и пластинчатой индустрией. Этот этап, согласно схеме, достаточно отчетливо отделяется от последующих — развитого и позднего, в которых развивается гребенчатая керамика, а накольчатая постепенно исчезает (Бадер 1970: рис. 2). В каменной индустрии на первом этапе сохраняется мезолитический облик, полностью утраченный в дальнейшем. Эта схема Бадера-Чернецова, не имея стратиграфических или каких-либо иных объективных подтверждений, построенная только на типологической основе, с самого начала вызвала некоторые вопросы. Тем не менее, она вошла в научный оборот и используется еще и сейчас как приемлемая систематизация.

Между тем, уже в 60-е годы появились новые материалы, имеющие самое непосредственное отношение к проблеме раннего неолита. Это кошкинско-боборыкинские памятники со специфической керамикой, характеризующейся развитой формой — плоскодонностью, баночной общей формой с прямым краем и архаической орнаментацией, нанесенной палочкой, с прочерченными и накольчатыми мотивами, при полном отсутствии «гребенки». Как оказалось, эта керамика существовала во все периоды неолита, в том числе и позднем. Поэтому, такой орнамент взятый сам по себе не мог являться обязательным признаком раннего возраста. Однако, исключить его при характеристике раннего неолита тоже нельзя. Это значительно осложнило проблему и сейчас еще многие ее аспекты являются дискуссионными. Кроме того, появились достоверные данные о наличии в раннем неолите гребенчатой керамики. Все вместе взятое приводит к еще большей необходимости датировать как керамику, так и соответствующие памятники, исходя из комплекса признаков. К сожалению, для характеристики раннего неолита мы располагаем сейчас данными анализа только керамики и каменного инвентаря. Тип жилищ, хозяйство, погребения и другие компоненты культуры пока

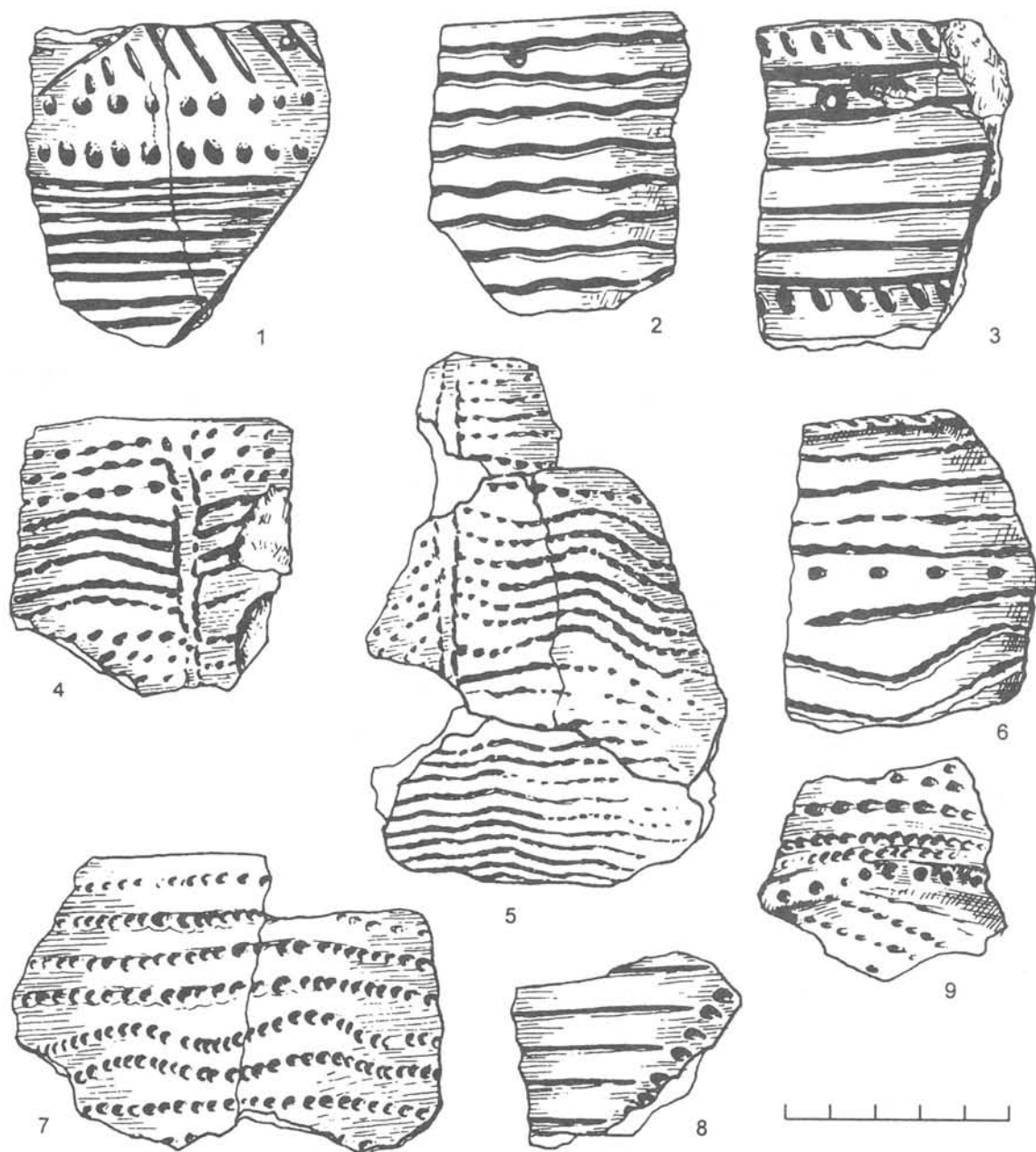

Рис. 1 Неолитическая керамика Среднего Зауралья: 1-3, 8 — поселение Евстюниха; 4-7, 9 — керамика кошкинско-го типа.

не разработаны. Большое значение, иногда первостепенное, имеет абсолютное датирование, но пока этих данных немного.

Итак, в Зауралье ранний неолит исследуется сейчас в нескольких регионах. Одним из них является Среднее Зауралье, где в 70-х годах изучались, ставшее затем эталонным, поселение Евстюниха и памятники этого типа (Россадович, Сериков, Старков 1976). Они характеризуются накольчатой керамикой и каменной индустрией, сохранившей в значительной мере мезолитический облик. Накольчатая керамика, в известной мере, отлична от кошкинской (округлое дно, закрытая форма и др.), но есть и довольно близкие

черты. Евстюниха была отнесена авторами, на наш взгляд совершенно справедливо, к раннему неолиту, на основании своих типологических данных — 78,6% составляет орнамент, выполненный палочкой (рис. 1: 1,2,8), 9,4% — также палочкой, но сопровождающийся короткими гребенчатыми оттисками только по торцевой части венчика (рис. 1: 3), а 12%, на что следует обратить особое внимание, — мотивом «шагающей гребенки», но выполненной гладким штампом. Таким образом, гребенчатая орнаментация имеет явно подчиненное значение и памятник, по единодушному мнению относится к кругу накольчатых.

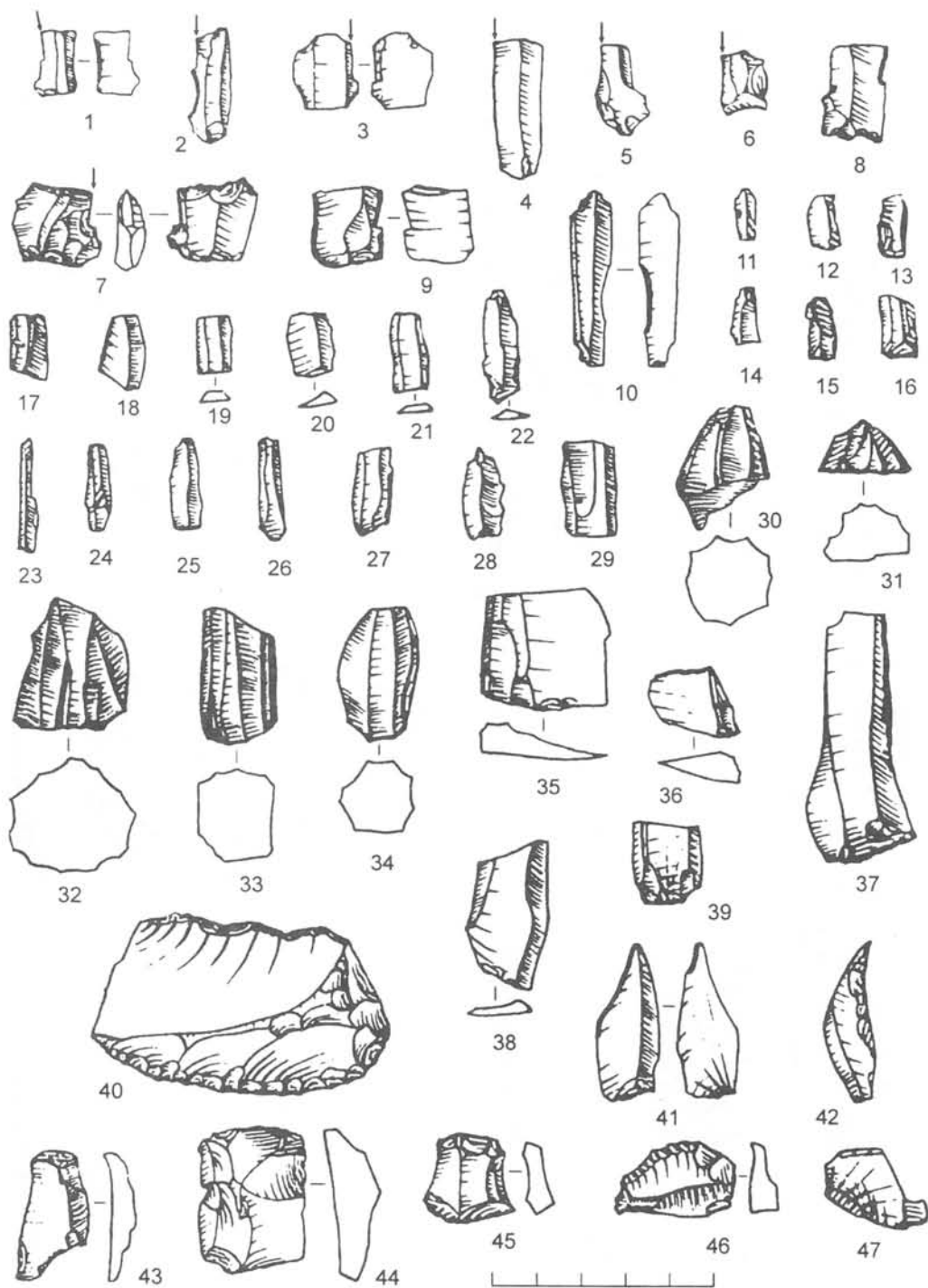

Рис. 2 Индустрия ранненеолитического времени поселения Евстюниха.

В Среднем Зауралье сейчас хорошо изучен мезолит, что позволяет сопоставлять мезолитическую и ранненеолитические индустрии и рассматривать вопрос об их генетической увязке. Как оказалось (Сериков 1984), последняя имеет в мезолите близкие и прямые аналогии в типах орудий и формах заготовки (Выйка I, Крутики I и II и другие), что позволяет достоверно утверждать генетическую связь эпох и автохтонное происхождение неолита (рис. 2: 1—47).

На севере ранний неолит выявлен в бассейне реки Конды, на Сумпаньинских поселениях (С). Опорными являются поселения С IV и С VI, раскопанные на площади 64 кв. м и 196 кв. м соответственно. На обоих поселениях располагалось по одному, сходному друг с другом жилищу — подчетырёхугольной полужемлянке каркасного типа, с некоторыми своеобразными деталями: на С VI — два уровня обитания, отсутствие в жилище очагов, коридорообразный выход к

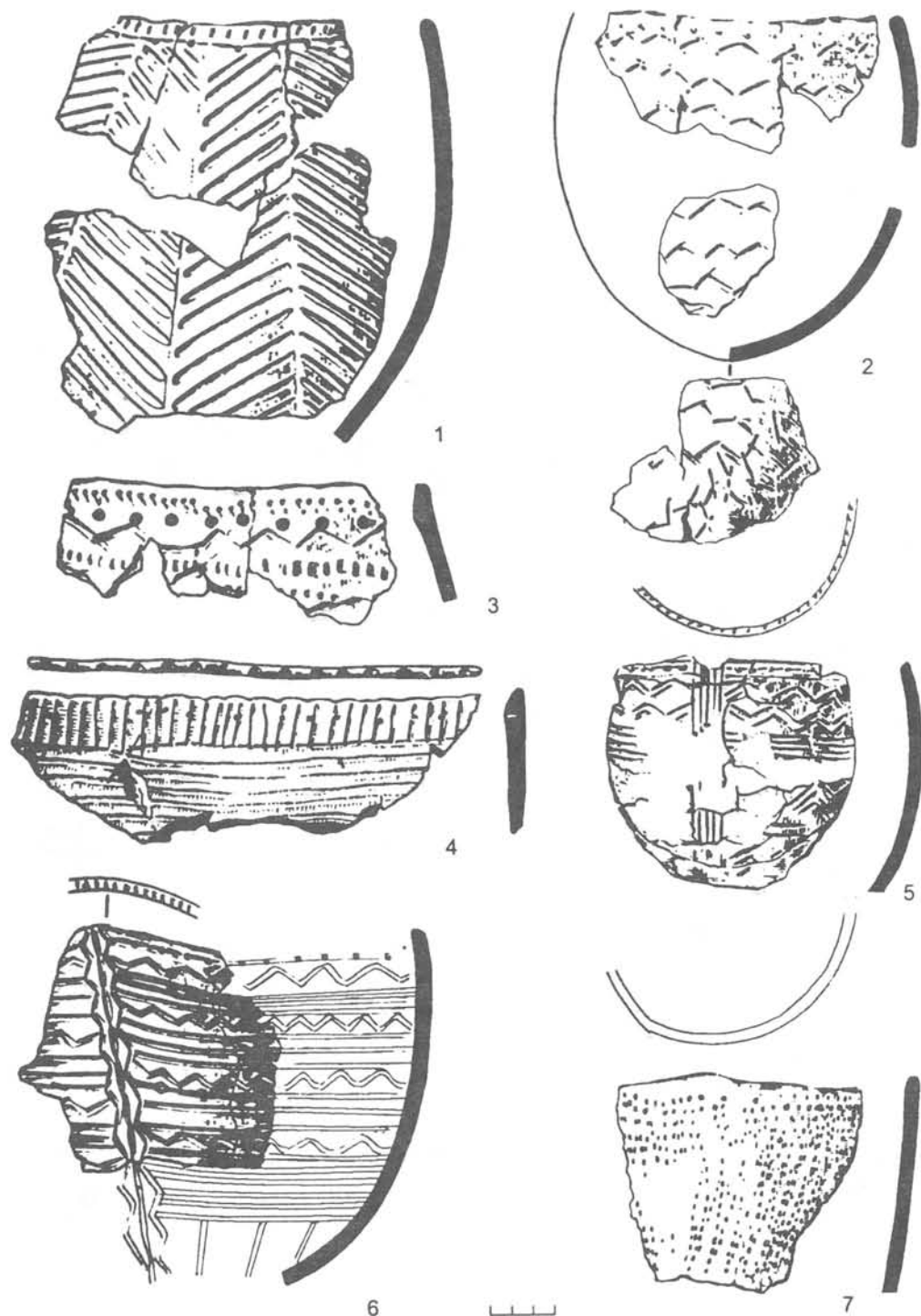

Рис. 3 Керамика Сумпаньинских стоянок.

реке и ряд других. На полу жилища и в нижних горизонтах его заполнения оказалась только ранненеолитическая керамика, что позволило отнести жилище ко времени раннего неолита. Ранненеолитическая керамика тонкостенна, круглодонна и по характеру орнаментальных стилей выделяется три комплекса: гребенчатый, прочерченный и прочерченно-гребенчатый. Последний получил название сумпаньинского. Хотя прочер-

ченная керамика преобладает (около 50%), место гребенчатой достаточно велико. Узоры сложны, разнообразны и состоят из геометрических и «шагающих» мотивов. Плотный нарядный орнамент покрывает всю поверхность сосудов (рис. 3: 1—7). По типологическим признакам эту керамику вначале отнесли к позднему этапу восточно-уральской культуры, но абсолютные даты — 4080 до н. э. и более древние, укладываю-

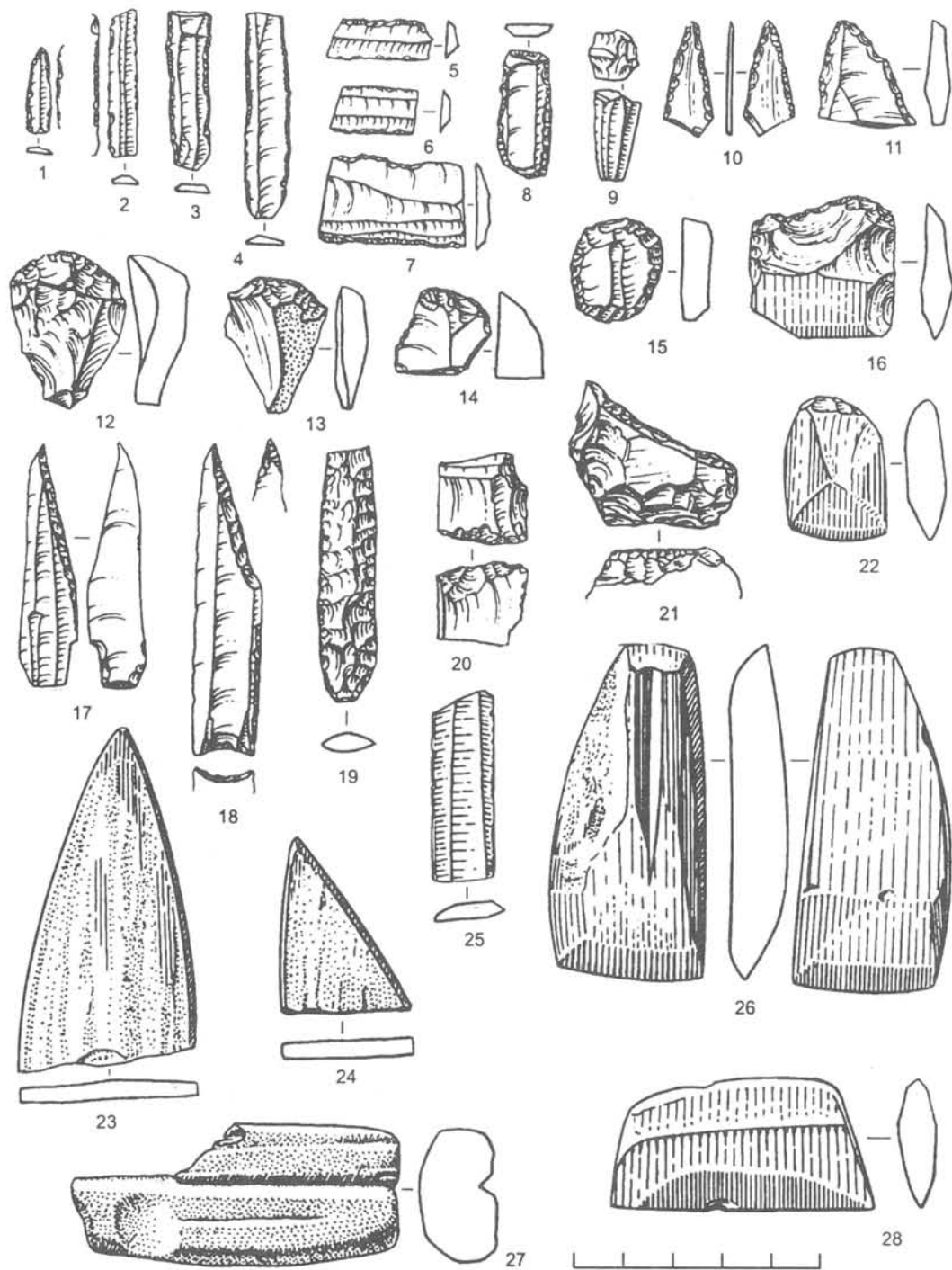

Рис. 4 Кремневая и сланцевая индустрия Сумпаньинских стоянок.

щиеся в V тыс. — заставили изменить датировку на ранненеолитическую. Особое внимание следует обратить на комбинированный орнамент из гребенчатых и прочерченных мотивов (Ковалева, Устинова, Хлобыстин 1984: рис. 4).

Каменный инвентарь, также как керамика типологически не имеет ранних признаков. Он малочисленен, в нем отсутствуют

серийность и характерные для раннего неолита пластинчатые формы; в то же время много сланцевых шлифованных орудий (рис. 4: 1—28). Таким образом, перед нами вторая модель раннего неолита, где изначально, наряду с накольчатой, является гребенчатая керамика, имеющая большой удельный вес. Вопрос о генезисе этого неолита пока неясен. Мы не находим связи его

индустрии ни с мезолитом бассейна Конды, правда еще не введенным в научный оборот, ни с мезолитом Урала вообще.

В Южном Зауралье нам в свое время не удалось выявить ранненеолитический этап и мы ограничились лишь некоторыми предположениями о его возможном характере. На Южном Урале проблема раннего неолита так до сих пор и не решена. Но происхождение южноуральского неолита в целом на базе местного мезолита как автохтонный процесс при определенном влиянии южных культур было очевидным (это было отмечено), хотя и требовало дополнительных работ и подтверждений (Крижевская 1968). И только сейчас, в лесостепье, в бассейне реки Исети появились материалы, которые, возможно, (пока это не совсем доказательно) позволяют охарактеризовать ранний неолит и его генезис. Речь идет о памятниках, кучно расположенных на левом берегу реки Исети у деревни Ташково (Курганская область) среди которых оказался мезолитический памятник (Ташково IV) (Krijevskaja 1989: 31—33) и приблизительно в 300 м от него — по-видимому, ранне-неолитический с пластинчатой индустрией и ранней радиоуглеродной датой (Ташково III). Как будто бы намечается сходство в их индустриях, обладающих специфическими особенностями. Керамика в Ташково III — кошкинского типа (Ковалева 1989), что еще раз поднимает вопрос о ее возрасте, а также о динамике развития накольчатого неолита на протяжении всей неолитической эпохи.

Итак, для раннего неолита Зауралья характерно наличие керамики двух орнаментальных стилей: накольчатой (типа Евстюнихи, а может быть, и Кошкина) (рис. 1: 4—7, 9) и гребенчато-накольчатой, представленных как сумпаньинскими стоянками, так и рядом других, в том числе и среднеуральскими например на Андреевском озере (Тюменская область), где они, судя по радиоуглеродным датам, соответствуют концу раннего неолита — Дуван V, Карьер II (ранние комплексы). Эти ранне-неолитические памятники дали в дальнейшем две параллельные линии развития неолита, вплоть до энеолита. В каменной индустрии памятников раннего неолита Среднего Зауралья, наряду с изделиями из отщепов и крупных пластинчатых заготовок, содержится микрокомплекс, в котором наблюдается близкое сходство с индустриями мезолитических поселений этого же региона, что позволяет сделать уверенное заключение об автохтонном развитии культуры. В северной группе стоянок генетическая проблема остается открытой. На Южном Урале проблема ранне-

го неолита только начинает разрабатываться.

Абсолютный возраст раннего неолита определен радиоуглеродными датами, серия которых для С IV, С VI, Леуши VII кучно ложится во вторую половину V-го до рубежа V-го и IV-го тыс. до н. э. (6520—6130 лет тому назад). Типология жилищ и культурно-хозяйственных типов раннего неолита практически не разработаны. Наиболее информативными являются сумпаньинские жилища. Там же есть указания на значительную (если не основную) роль рыболовства в хозяйстве обитателей на основании выбора мест поселений и длительное существование наиболее удобных для запорного рыболовства (Гаджиева, Крижевская 1992).

Сходная во многих отношениях картина наблюдается в Приуралье. Источниковедческая база, правда, там несколько слабее, в литературу не введены многие важные материалы. Тем не менее некоторые данные существенно дополняют интересующий нас вопрос. Опорными во многих отношениях следует считать стоянки Зиарат (Выборнов, Крижевская 1988) в низовьях реки Белой. Комплекс вещественных остатков первой состоит из кремневых орудий и керамики. Те и другие несут отчетливые признаки ранне-неолитического возраста. В индустрии пластинчатая техника консервирует микролитические мезолитические формы орудий, сочетающиеся с изделиями из более крупных пластинчатых заготовок. Тонкостенная керамика сплошь покрыта гребенчатым орнаментом, состоящим из несложных композиций в виде прямых и наклонных оттисков или вертикального зигзага. Керамика находит аналогии в других ранне-неолитических стоянках Волго-Камья (например, Кабы-Копрынской).

Большое значение для более полного представления о генезисе неолита и ранне-неолитических комплексов, в частности о наличии в них гребенчатой керамики, имеют исследования В. П. Денисова и А. Ф. Мельничука в Чайковском районе Пермской области, где ими обнаружены поздне-мезолитические (типа Косинской I) и ранне-неолитические (типа Усть-Букорок) стоянки. Этот ансамбль имеет прямые параллели в зиаратских памятниках и уверенно подтверждает происхождение неолита из местного мезолита и изначальность гребенчатой керамики. В Зиарате она составляет 87%, а 13% — керамика с насечками, занимающая явно подчиненное положение. По сумме признаков стоянка относится к кругу памятников с гребенчатой традицией в керамике и заполняет в схеме периодизации существующий пробел раннего неолита.

Таким образом четко устанавливается изначальность гребенчатой орнаментации. Вместе с тем, нет оснований для пересмотра датировки таких памятников как Щербетская II и другие. Ведущая позиция в них накольчатой керамики установлена. Но даже если в комплексе имеется какой-то процент гребенчатой, то не меняет их возраста, который устанавливается кроме того признаками каменной индустрии, содержащей архаические формы орудий. Эти памятники относятся к кругу накольчатой керамики. Таким образом, в раннем неолите Приуралья наблюдается та же закономерность, что и в Зауралье: наличие памятников с керамикой двух орнаментальных стилей, дающих впоследствии две параллельные линии развития неолита, вплоть до энеолита, что, очевидно, отражает какой-то сложный этнический процесс.

Генезис неолита довольно четко прослеживается на материалах каменной индустрии той же стоянки Зиарат, поскольку имеет прямые параллели в индустрии рядом расположенной мезолитической стоянке Зиарат I. Это сопоставление позволяет, во-первых, утверждать местное происхождение неолита на базе мезолита как автохтонный процесс и, во-вторых, подтверждает аналогичные выводы, сделанные А. К. Халиковым на материалах Русско-Луговской II стоянки (Халиков 1969: 40—44, рис. 10), а также аналогичные предположения О. Н. Бадера (Бадер 1970: 159).

Итак, в Приуралье, также как в Зауралье в раннем неолите существовали две группы памятников с керамикой гребенчатого и накольчатого орнаментального стиля. Другие элементы раннеолитической культуры — жилища, искусство, хозяйство и так далее — пока не разработаны. Радиоуглеродных дат для раннего неолита Приуралья пока также нет. Памятники датируются по аналогиям.

Обратимся теперь к наиболее дискуссионному вопросу о культурном соотношении двух групп керамики. Как известно, он сводится к признанию их одно- и разнокультурности. Попробуем проанализировать оба тезиса, причем исходным моментом для нас является то, что за керамикой стоят ее носители, судьба которых нас именно и интересует. Предположим правильным второй тезис. Тогда керамика могла попасть на Урал с юга двумя путями: либо с ее носителями, либо путем культурных связей. Первое предположение нереально и не логично, поскольку пришлые люди не занимали бы одно жилище с аборигенами (кроме того, в раннем неолите вообще доминирует оседлость, а не миграции). Попадание путем

культурных связей (обмен и другие) вряд ли могло носить столь широко (территориально) распространенный и устойчивый характер. Поскольку мы исходим из одновременности в раннем неолите обоих стилей, вообще непонятно абсолютное преобладание чужеродной посуды.

Теперь рассмотрим возражения против их однокультурности. Они сводятся, прежде всего, к традиционности наших представлений о принадлежности накольчатой керамики к кругу южных культур. Эти представления имеют реальные основания, поскольку эпицентр ее действительно на юге. Но северная граница ее местного производства не установлена. Таким образом, наша точка зрения сводится к тому, что накольчатую керамику изготавливало местное население — те же аборигены, которые развивали здесь культуру и от мезолита перешли на новый исторический этап. Некоторые вышеупомянутые детали это подтверждают. Таковы наличие обоих стилей на одном сосуде, как в Сумпанье, одни и те же мотивы «шагания», выполненные как гладким (в Евстюнихе) штампом, так и гребенчатым. Кроме того, другие признаки одинаковы: состав формовочной массы, толщина стенок и другое. По-видимому, все же обе группы однокультурны.

Однако, такой однозначный ответ является неполным, а потому и не совсем верным. Импорты, в том числе и керамика, наверное, существовали. Но положение их было иное — прежде всего, их малочисленность, кроме того должны быть иными и другие, вышеупомянутые признаки. Они-то и могли распространить идею своих орнаментальных мотивов. Вопрос об импортах должен на наш взгляд рассматриваться в каждом случае отдельно. Этот вопрос — сами ли придумали или под влиянием — всегда возникает с появлением тех или иных новшеств (металлургия, скотоводство, земледелие и др.) и каждый раз решается самостоятельно. В нашем случае допустимо влияние идей (импорты).

Кроме того, при изучении орнаментов выяснилось, что при использовании для них разных частей зубного аппарата (резцов и латеральной части челюсти бобра), одновременно можно получить морфологически разные орнаменты (Калинина, Устинова 1990: 8—19). Это подкрепляет положение о возможности существования в рамках одной эпохи и одной культуры накольчатой и гребенчатой керамики.

Еще один вопрос, связанный со становлением неолита вообще, касается происхождения керамики. Где и как зародилось гончарное производство? Можно ли найти

такие его очаги, или же искать для него прародину также бесполезно, как, например, для наконечников стрел, то есть лука? Некоторые данные мы получили об этом при изучении глиняных изделий из ранне-неолитического поселения Матвеев Курган. В поисках аналогий мы обратились к материалам Переднего Востока, где (а именно в Загросе) знакомство человека с обожженной глиной началось в VIII тыс. до н. э. с мелких поделок, в том числе мелкой пластики. Была так называемая «дососудная стадия» гончарного дела и население перешло к изготовлению глиняной посуды имея уже определенные навыки.

Это в какой-то мере объясняет высокие технологические качества древнейшей посуды. Нечто подобное отмечено и в матвеевокурганском неолите (Крижевская 1983: 60—64), где знакомство человека со свойствами обожженной глины началось, очевидно, самостоятельно, независимо от передневоосточного очага с эмпирических наблюдений над ее качествами, полученными непреднамеренным образом.

Однако всюду ли было так, не было ли иных путей возникновения керамики и не было ли вначале все же распространения идей? Эти вопросы остаются будущим исследованиям.

Бадер, О. Н. 1951. Стоянки Нижнеадишевская и Боровое озеро I на р. Чусовой // *Материалы и исследования по археологии СССР* 22: 7—32. Москва: Наука.

1970. Уральский неолит // *Каменный век на территории СССР. Материалы и исследования по археологии СССР* 166: 157—171. Москва: Наука.

Выборнов, А. А., Л. Я. Крижевская. 1988. Ранне-неолитическая стоянка Зиярат в низовьях р. Белой // *Краткие сообщения Института археологии АН СССР* 193: 71—75. Москва.

Калинина, И. В., Е. А. Устинова. 1990. Технологическая характеристика орнаментов неолитической-энеолитической керамики // *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* 30: 8—19. Ленинград: Наука.

Ковалева, В. Т. 1988. Некоторые дискуссионные проблемы в изучении раннего неолита лесного Зауралья // *Проблемы изучения раннего неолита лесной зоны Европейской части СССР*: 106—119. Ижевск.

Ковалева, В. Т., Е. А. Устинова, Л. П. Хлобыстин. 1984. Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне р. Конды // *Вопросы археологии Урала* 17: 32—45. Свердловск.

Крижевская, Л. Я. 1968. Неолит Южного Урала. Ленинград: Наука.

1983. Некоторые данные о древнейшей керамике степей Причерноморья // *Изыскания по мезолиту и неолиту*: 63—64. Ленинград: Наука.

Россадович, А. И., Ю. Б. Сериков, В. Ф. Старков. 1976. Древнейшая скульптура лесного Зауралья // *Советская археология* 4: 185—190.

Сериков, Ю. Б. 1984. Мезолит лесного Зауралья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.

Халиков, А. Х. 1969. Древняя история Среднего Поволжья. Москва: Наука.

Krissjevskaya, L. 1989. The new mesolithic site Tashkovo IV in the foreststeppe Ural // *Mesolithic Miscellany* 10/1: 31—32.

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ (к 90-летию со дня рождения А. П. Окладникова)

В 1998 г. Алексею Павловичу Окладникову, одному из самых ярких представителей российской гуманитарной науки, исполнилось бы 90 лет. Он родился 3 октября 1908 г. в глухой таежной деревне Константиновщина на р. Ирге, притоке Лены, в Жигаловском районе Иркутской области, в семье сельского учителя и крестьянки. Еще в школьные годы у мальчика зародился глубокий интерес к краеведению, приведший в дальнейшем к становлению ученого широчайшего профиля, возможно, последнего из энциклопедистов, владеющего всесторонни-

ми знаниями в области истории, археологии, этнографии.

Научный путь А. П. Окладникова и его значение нашли отражение в многочисленных посвященных ему работах учеников и соратников, искренне любивших этого удивительного человека и сохраняющих о нем благодарную память (см. Васильевский и др. 1981; Борисковский 1982). По складу своего характера А. П. Окладников был полевым археологом, обладающим чертами сибирских первопроходцев, пионером, которого влекли неизведанные земли. Вместе с

тем он обладал редкой способностью широкого обобщения, когда из разрозненных фактов создавались целостные картины древнего прошлого. Его перу принадлежит огромное количество разнообразных по тематике трудов, в том числе и научно-популярных книг и статей, рассчитанных на широкий круг читателей.

Основные этапы деятельности А. П. Окладникова связаны с тремя крупными научными центрами России: Иркутском, Ленинградом, Новосибирском, которые представляют последовательные ступени развития: юности, мужества и зрелости. В Иркутске в 1926 г. опубликована его первая научная работа «Неолитические стоянки на Верхней Лене», по материалам, собранным им самостоятельно в 1925 г. В последующие годы проведены археологические разведки в Ленском крае, Приангарье и Забайкалье, собраны этнографические данные по истории западных бурят и эвенков. Под руководством Б. Э. Петри А. П. Окладников был полностью подготовлен для научной карьеры, что позволило ему в 1934 г. поступить в аспирантуру ГАИМК к П. П. Ефименко. Первые годы, проведенные в Ленинграде, оказались хорошей школой и значительно расширили кругозор молодого ученого, прежде всего, за счет новых областей полевых исследований, и, вместе с тем, показали его блестящие способности. Наряду с продолжением работ в Приангарье, он начинает в 1935 г., благодаря содействию В. Г. Богораза, осваивать Дальний Восток, проведя разведки в низовьях Амура от Хабаровска до устья; в 1938 г. по приглашению М. Е. Массона впервые принимает участие в работах по каменному веку Узбекистана, что в первый же год приводит к открытию знаменитой пещеры Тешик-Таш. В 40-х годах наступает поистине героический период широкого освоения великой территории бассейна сибирской реки Лены, в результате которого была написана монография «Очерки по истории Якутии от палеолита до присоединения к Русскому государству», защищенная в 1947 г. в ЛГУ на степень доктора исторических наук. В 1949 г. начинаются исследования каменного века Монголии, которые успешно продолжаются в настоящее время учеником А. П. Окладникова А. П. Деревянко. В 1949 г. А. П. Окладников возглавляет Ленинградское отделение Института истории материальной культуры, с 1951 г. заведует сектором палеолита института, а в 1961 г. по приглашению академика М. А. Лаврентьева переезжает в Новосибирск, где с 1966 г. до конца жизни становится директором ИИФФ СОАН. В 1964 г. А. П. Оклад-

ников был избран членом-корреспондентом, а в 1968 г. действительным членом АН СССР. Под его руководством создан фундаментальный коллективный труд «История Сибири» в пяти томах.

В краткой статье нельзя «объять необъятное», хотя бы мимоходом коснуться проблем, затронутых А. П. Окладниковым за 55 лет научной деятельности. Обладая огромной эрудицией, глубоко освещая вехи человеческой истории от древнейших эпох до современности, А. П. Окладников отдавал предпочтение, я бы даже сказала, питал особые чувства к палеолиту. Неизмеримый вклад внесен им в изучение палеолита России (особенно Сибири и Дальнего Востока), а так же Центральной и Восточной Азии. Повсюду им сделаны замечательные открытия и уже в ранние годы его становления как ученого проявляется интерес к теоретическим вопросам палеолита, о чем свидетельствует опубликованная в 1932 г. развернутая рецензия на книгу М. М. Герасимова о Мальте (Окладников 1932). Открытие в 1936 г. Бурети, поселения полностью аналогичного Мальте, позволило поставить вопросы, которые развиваются и углубляются в дальнейших работах. Здесь и отличие Мальты и Бурети от известного до тех пор «сибирского» палеолита, главным образом, афонтовского облика, и их более ранний возраст. Ставится вопрос о западном происхождении этих памятников, широко осве-

щаются свидетельства материальной жизни палеолитических охотников на Ангаре, дается реконструкция жилища (рисунок мастерски выполнен В. Д. Запорожской, верным другом и помощницей всей жизни Алексея Павловича), много внимания уделяется палеолитическому искусству, открытому в Бурети.

Во время работ на Лене были обнаружены типичные позднепалеолитические стоянки с характерным инвентарем и четкой стратиграфией. Не менее важным, чем открытие самого северного в те годы палеолита, явилась неожиданная находка среди многочисленных петроглифов Шишкинских скал крупных фигур двух лошадей и быка, нарисованных по контуру красной краской, которые А. П. Окладников счел возможным отнести к палеолитическому времени. Хотя эта атрибуция не была принята безоговорочно, само предположение о наличии палеолитического наскального искусства в Северной Азии послужило толчком для дальнейших поисков, в частности, в монгольской пещере Хойт-Ценкер-Агуй также выделена группа писаниц, датированная палеолитом.

В 1950 г. вышли в свет публикации А. П. Окладникова, которые стали основополагающими в понимании важнейших проблем палеолита Сибири. Значительное расширение источниковедческой базы и теоретические установки советской археологии той поры, позволили по-новому поставить вопросы, касающиеся времени и масштабов первоначального расселения палеолитического человека в Северной Азии и своеобразия сибирского палеолита. 50 лет назад еще не было возможности детально рассмотреть хронологию палеолитических памятников. Военный Госпиталь в Иркутске, Мальта и Буреть выделялись как наиболее ранние стоянки верхнего палеолита Сибири. На основании сравнения их материалов с восточно-европейскими данными А. П. Окладников допускал, что первоначальное заселение человеком Сибири шло с запада на восток, из областей «классической», уже давно сложившейся «солютрейской» культуры арктических охотников Русской равнины, где она выросла из культуры предшествовавшего среднего палеолита. На следующем этапе развития сибирские памятники резко возрастают в числе и распространяются далеко на восток и на север. «Такое широкое расселение человека... должно было иметь своей основой и дальнейшие сдвиги в культуре, особенно в способе добывания пищи, в технике и хозяйстве» (Окладников 1950а: 155). Был поставлен вопрос о причинах неожиданно резкого различия в культуре двух

хронологических групп памятников. Речь идет, писал А. П. Окладников, не о приходе новой расы с новой культурой, а о глубоких внутренних изменениях в жизни и культуре палеолитического человека: памятники типа Мальты-Бурети связаны с позднейшей группой не только таким выразительным связующим звеном как Афонтова Гора, но и целым рядом закономерных изменений в материальной культуре, домостроительстве, а также в искусстве и верованиях. Особенности культуры второй хронологической группы памятников А. П. Окладников связывает с переходом от оседлого к подвижному образу жизни, макролитизацией каменного инвентаря и появлением прогрессивной вкладышевой техники, обособлением от запада. Племена Сибири и Монголии образовали особую культурно-этническую область, где историческое развитие шло едиными путями на основе тесных взаимных связей в одних и тех же темпах. Эти построения не потеряли своей актуальности и в настоящее время.

* Сменив П. П. Ефименко на посту заведующего сектором палеолита Института истории материальной культуры (1951—1961 гг.) А. П. Окладников уделяет много внимания общим проблемам древнекаменного века. Подводя итоги исследованиям палеолита в СССР за 40 лет, он отмечает, что новые данные непрерывно ставят перед исследователями сложные неразрешенные вопросы (Окладников 1957: 13). Изучение памятников верхнего палеолита свидетельствует о том, что эта эпоха была временем значительного прогрессивного развития производительных сил древнейшего человечества, больших успехов в развитии хозяйства, труда и технических приемов. Едва ли не самой яркой чертой жизненного уклада верхнепалеолитического времени в приледниковых областях Евразии является возникновение поселений нового типа, когда складывается оседлый образ жизни с умело устроенными зимними жилищами разных размеров и типов. Развитому жизненному укладу верхнепалеолитического времени соответствовали и новые черты духовной жизни древнего человека и, прежде всего, неожиданное по своей выразительности, реалистическое по сути искусство.

А. П. Окладников отмечает, что судьбы верхнепалеолитического населения Северной Азии сложились и протекали иначе, чем на территории Восточной Европы. Проведя исключительно широкие по масштабам исследования каменного века в различных регионах Сибири, в Средней Азии и в Монголии, он уделяет большое внимание проблемам связей этих областей, общим

закономерностям. В его работах отражены и материалы разведок и раскопок и теоретическое осмысление результатов. Новые данные приводили А. П. Окладникова к ярким гипотезам, блестящим построениям, иногда развивающим и дополняющим ранее высказанные им, иногда в чем-то противоречащим, что вполне естественно в связи с развитием науки. Неизменно красной нитью проходит в его работах основополагающая идея о правомерности пути развития сибирского палеолита, категорическое отрицание его отсталости по сравнению с памятниками других крупных регионов.

Привлекало А. П. Окладникова и палеолитическое искусство — загадочный феномен древности. Свидетельством глубокого проникновения в тайны этого непревзойденного источника для освещения духовной жизни человека отдаленного прошлого служит ряд статей и особенно книга с удачно подкazanым А. Д. Столяром названием «Утро искусства» (Окладников 1967). Существовало, что многие идеи и интерпретации А. П. Окладников подкрепляет этнографическими примерами. Заметим попутно, что как зарубежные, так и отечественные специалисты, отрицающие правомочность такого подхода, сами не избежали в своих работах привлечения данных этнографии. Видимо, следует думать, что эти сопоставления скорее иллюстрируют, чем объясняют то или иное явление, от которого до нас дошли лишь материальные остатки, обладающие на этот раз художественной ценностью. Естественно, что многие из проблем палеолитического искусства продолжают оставаться далекими от своего решения, но их постановка и четкая формулировка, представленные А. П. Окладниковым, привлекают внимание.

Прежде всего, основополагающая тема об эстетической стороне этого древнего творчества, о его достижениях с чисто художественной точки зрения. Имеем ли мы вообще право называть его искусством, а создателей настенных росписей и статуэток — художниками? Ответ на этот вопрос был дан А. П. Окладниковым еще во время дискуссии, развернутой в 50—60-х годах и ныне уже забытой. Тогда противники признания палеолитического искусства как искусства, носящего, по их мнению, чисто утилитарный характер, обнаружили полное незнание и игнорирование археологического материала. К сожалению, в наши дни эта концепция без достаточных оснований возрождается на западе (см. Soffer, Conkey 1997). Видные американские исследовательницы О. Соффер и М. Конки знают материал, но не видят в нем эстетического на-

чала. Думается, что они не стали бы развивать эти взгляды, если бы были знакомы с книгой А. П. Окладникова.

В главе VII, носящей название «По законам красоты», опираясь на богатство монументальных росписей и гравировок в пещерах и гротах, на изобилие произведений малых форм в культурных слоях многих верхнепалеолитических стоянок Евразии, А. П. Окладников прослеживает определенную художественную традицию, передававшуюся веками и тысячелетиями, из поколения в поколение. Накопленный предшественниками творческий опыт не пропадал бесследно, а сохранялся и перерабатывался. В завершающую палеолит мадленскую эпоху произошло виртуозное завоевание формы, линии и цвета, возникли композиции, имеющие повествовательное содержание. С этим связана и другая чисто художественная проблема — проблема декоративного единства пещерных изображений, эстетическая гармония в распределении объемов и цветовых пятен. В качественно иной форме, но с еще большей свободой и определенностью декоративное начало выступает в малых формах, среди которых заметное место принадлежит личным украшениям, эстетический характер которых невозможно отрицать.

В главе VIII «Торжество реализма» А. П. Окладников подробно рассматривает существенную разницу в применении к древнейшему творчеству терминов «реализм» и «натурализм», выделяет две характерные черты реалистического направления: 1. лаконизм и скупость в передаче деталей, когда палеолитический мастер отбирал самое важное, наиболее существенное, с его точки зрения, только абсолютно необходимое («он был творцом, а не рабом природы», по словам А. П. Окладникова); 2. выразительная сила экспрессии, стремление передать не только форму в статике, но и движение, динамику. Отсюда вывод: в верхнем палеолите возникло «качественно новое восприятие мира, эстетическое отношение к действительности. Именно это отношение к миру, оценка всего происходящего в природе и обществе по законам красоты, явилась одним из важнейших свойств человека как общественного существа...» (Окладников 1967: 114).

Может быть, А. П. Окладников именно потому так глубоко постиг палеолитическое искусство, что он был сам человеком, всем своим существом тонко чувствующим прекрасное, будь то красота природы, пейзажа, дерева, простого цветка, красота души, красота классической музыки, под звуки которой он любил писать. Его труды написаны

великолепным красочным языком. И оратором Алексей Павлович был блестящим, всегда было наслаждением слушать его яркие доклады, выступления, вносящие ясность и оживление в любые дискуссии.

А. П. Окладников умер 18 ноября 1981 г. За эти годы выросло новое поколение ученых, которые знают его лишь по публикациям и не имеют представления о нем как о личности. Мое великое счастье в жизни — быть ученицей Алексея Павловича и общаться с ним на протяжении более 30 лет: от первого знакомства на защите его докторской диссертации до последней незабываемой встречи в середине мая 1981 г. в Горном Алтае. Алексей Павлович обладал редкостным человеческим обаянием, которое располагало к нему людей разного возраста и общественного положения, для каждого он находил доброе слово и приветливую улыбку. Доброта его была действенной. Из массы примеров, которые знаю, приведу лишь один. Случайно сохранилось рукописное письмо в Совет министров Узбекской ССР, в котором А. П. Окладников, тогда еще доктор наук, заведующий сектором палеолита Института истории материальной культуры, убедительно доказывает право Г. В. Парфенова на персональную пенсию в связи с его заслугами в области музейного строительства и археологии Узбекистана. А сколько писем, рекомендаций, прошений, стремящихся помочь разным людям, написал Алексей Павлович будучи академиком! Но он был живым человеком, мог вспылить, он остро воспринимал критику (не всегда справедливую) своих построений и долго не мог за-

быть обиду. К счастью, такие случаи бывали редко. Недаром к нему тянулись люди, так много у него было учеников, так много друзей из других областей науки. Круг интересов А. П. Окладникова был очень широк, мимо него не проходила ни одна научная публикация, даже достаточно отдаленная по тематике. Он был прост в быту и в обхождении и мало кто мог с первого взгляда угадать в нем крупного ученого, профессора, а позже академика, но уважение к нему было всеобщим. Его знала и любила «широкая публика», знали и любили зарубежные коллеги.

Особенностью характера А. П. Окладникова была неумная энергия, вечный поиск, постоянное движение и при этом полное равнодушие к житейским неудобствам. Алексей Павлович всегда дорожил временем, своим и чужим, избегал досужих разговоров, не терпел нытья и безделья. Он был мужественным человеком, терпеливо переносящим тяготы своей многолетней болезни — сахарного диабета, особенно во времена экспедиций в малоцивилизованные местности. Но экспедиции были жизнью Алексея Павловича, до предела загруженной научной и организаторской работой; он всегда стремился вырваться «на свободу». Особенно любил он археологические разведки с их непрерывным калейдоскопом впечатлений и радостью открытий, благодаря интуиции и громадному опыту. В экспедициях А. П. Окладников черпал вдохновение и с новыми силами садился за рабочий стол. Он писал много, легко и в публикациях отражена вся многогранность его высокого таланта.

Борисковский, П. И. 1982. Алексей Павлович Окладников // Советская археология 3: 291—296.

Васильевский, Р. С и др. 1981. Алексей Павлович Окладников // АН СССР Материалы к библиографии ученых СССР. Серия истор. 13 (Вступительная статья Р. С. Васильевского. Библиография составлена Г. Н. Финашиной и Н. Г. Ворошиловой). Москва: Наука.

Окладников, А. П. 1932. За методологию диалектического материализма в истории доклассового общества (По поводу книги: М. М. Герасимов. Мальта, палеолитическая стоянка. Иркутск, 1931) // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры 3—4: 66—70.

1950. Освоение палеолитическим человеком Сибири // Материалы по четвертичному периоду СССР 2: 150—158.

1950а. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Материалы и исследования по археологии СССР 18.

1957. Итоги и узловые проблемы изучения палеолита в СССР за 40 лет // Советская археология 4: 12—27.

1967. Утро искусства. Ленинград: Издательство «Искусство».

Soffer O., M. Konkey. 1997. Studying Ancient Visual Cultures // Beyond Art: Pleistocene Image and Symbol. Wattis Symposium Series in Anthropology: 1—16. San Francisco, California.

З. А. Абрамова

*Институт истории
материальной культуры РАН
Отдел палеолита*

100-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. А. СЕМЕНОВА

Кажется это было совсем недавно, когда я, только что окончившая Ленинградский Государственный университет, предстала перед строгими пытливыми глазами С. А. Семенова. Это случилось 14 января 1957 года в лаборатории первобытной техники. Структурно она входила в состав лаборатории археологической технологии, возглавляемой в то время С. И. Руденко. Встречу с С. А. Семеновым организовал мой университетский учитель проф. П. И. Борисковский. Он же и представил меня. С. А. Семенов спросил о моих научных увлечениях, планах на будущее, интересах. Во время этого короткого диалога каждый успел составить о собеседнике свое мнение. Сергей Аристархович высказал готовность принять меня на работу с испытательным сроком, чтобы убедиться в моих потенциальных возможностях. Ведь предстоящая работа связана с весьма специализированным исследованием, с изучением каменных, костяных и других неметаллических орудий с помощью микроскопа. Для меня это была загадочная и туманная область, вводящая в мир физиологии, технологии и эксперимента. В тот же день С. А. Семенов показал мне огромный вытянутый в длину стол (для разборки археологического материала), вплотную примыкающий к его простому, выкрашенному белой краской двухтумбовому столу, за которым я должна буду работать.

На следующий день я приступила к работе, стала готовить тематические тексты к экспериментально-трасологическим экспонатам для стендов. В 14 часов пришел Сергей Аристархович, посмотрел на выполненное мною поручение, одобрил. Тут же выложил передо мною карандашные таблички с экспериментальными показателями ряда орудий (С. А. всегда писал только карандашом для облегчения правки текста), чтобы сделать их в туши. Потом мне было поручено оформление стендов. Дело в том, что после экспериментальной экспедиции в г. Каунас в 1956 г. в лаборатории появилась коллекция орудий, нуклеусов, заготовок и фотографий, фиксирующих процесс расщепления кремня, подлежащих экспонированию. Стучать, вбивать гвозди, лазать по столам я могла только до прихода Сергея Аристарховича. С 14 часов я как мышка, сидела рядом с ним за столом, делая какие-то письменные или чертежные работы и боясь скрипнуть стулом или нечаянно уронить линейку. Он не терпел никакого шума, даже

шепота, поэтому изобрел своего рода наушники из двух пластмассовых стаканчиков для бритвы, обтянутых изнутри сукном. На протяжении всего рабочего дня он не снимал их, пока кто-либо не обращался к нему. Мне он казался очень строгим, неразговорчивым и даже суровым. Вероятно, эти черты его характера, строгий дисциплинарный режим и его исключительная требовательность отпугивали моих предшественников и предшественниц, которые не задерживались в лаборатории больше месяца. И только позднее я поняла, что за этой кажущейся суровостью и неразговорчивостью кроется суровое сердце, порою по-детски воспринимающее окружающую жизнь. Сергею Аристарховичу была присуща необыкновенная работоспособность. Я никогда не видела, чтобы он сидел праздно за столом или вел пустые разговоры. Из всех сотрудников он выделял А. Н. Рогачева, с которым часто беседовал о методологических проблемах археологии. Будучи в Институте, Сергей Аристархович писал вчерне статьи, готовил материалы к публикации, производил микросъемку орудий, доверив мне проявление пленок и пластинок, попутно показывая процесс микрофотографирования. А когда я впервые попала к нему в экспедицию (1959 г.), Сергей Аристархович вдруг неожиданно раскрылся. Он оказался и разговорчивым, и добродушным, готовым поделиться своими идеями, планами, знаниями. В хорошем настроении он мог выпить стаканчик крепленого вина, вспомнить прошлое, поделиться результатами текущей работы, пофилософствовать. Передо мною предстал крупный, широко эрудированный, разносторонне одаренный человек, тонко мыслящий ученый, мягкий, порой чудаковатый в быту и по-детски воспринимающий мелочи жизни. Но чтобы понять это, мне потребовалось не меньше года, чтобы привыкнуть к замкнутости, строгости и привычкам Сергея Аристарховича и адаптироваться в лаборатории. При этом было пролито немало слез. Меня приводило в отчаяние его постоянная молчаливость в Институте и отсутствие какого-либо знака одобрения или замечания относительно моей технической работы. Были порывы, а не сбежать ли мне из лаборатории, как это сделали мои предшественники? Но появившийся уже интерес к новому научному направлению и первые коллекции орудий, принесенные мне на определение их функций, заставили меня не только остаться, но и посвятить ему всю

дальнейшую научную жизнь. Я переселила себя, стала чаще обращаться к Сергею Аристарховичу за советами и помощью. Вместе с тем, он обладал удивительной педагогической способностью — никогда не объяснял что-либо до тех пор, пока не выяснял мнения ученика. Он заставлял думать, рассуждать, логически мыслить, проявлять инициативу, подходить к произвольным догадкам с конкретных фактических позиций, видеть и узнавать следы износа на орудиях, интерпретируя и проверяя их через эксперименты. В экспедициях Сергей Аристархович становился более доступным, более открытым, более разговорчивым. Именно там я услышала многое о самой жизни учителя, о его приходе в трасологию, его научных увлечениях (каковых было великое множество), путешествиях, хобби. Постоянная суровость взгляда, с которым я встречалась в Институте, сменилась доброй, не сходящей с лица улыбкой. Как ребенок он радовался любому достигнутому результату. В бытовом плане был непритворлив. В экспедиции Сергей Аристархович поселялся по-соседству с сотрудниками, любил уединяться, тишину, природу. Особенной любовью пользовалась Литва с ее живописными, по-празднично радостными, любовно ухоженными лесами, умиротворенными, скрывающимися в садах и ложбинах хуторами с красиво и замысловато выложенными возле домов поленицами, с утопающими в цветах палисадниками, чистыми аккуратными хозяйственными постройками. Оазисно расположенные леса вдруг разрежались необычайно краси-

выми блюдцеобразными или овально вытянутыми озерами бирюзового или изумрудного, в ненастье серого цвета. Но Сергея Аристарховича влекли безбрежные пространства самых крупных озер Литвы — Дубингяй, Антикайнен и др. Он признавался, что красивее Литвы не знает мест. Дома он жил аскетически. Всегда снимал помещение, где было только все необходимое без лишних вещей. Он стеснялся пользоваться услугами сотрудников и хозяйки, и старался все делать сам, даже готовить еду. Сергей Аристархович привозил всегда небольшую электроплитку, на которой варил самые непритворливые блюда. Чаще всего он называл их экспериментальными из-за необычного, порою спорного состава. Вот, например, как-то утром я зашла к Сергею Аристарховичу за заданием. В это время он готовил себе завтрак. На плитке стояла небольшая кастрюлька с каким-то ржавым раствором и булькающими в нем комочками крупы и плавающими поверх кусочками сосиски. Я не выдержала и спросила: «Сергей Аристархович, что это Вы готовите?». Он ответил: «Я экспериментирую. Вот налил чай, высыпал в него манной крупы и бросил сосиски. Хотите попробовать? Это вкусно». И тут же весело рассмеялся, услышав от меня, что это не завтрак, а какая-то абракадабра, адская смесь.

В оргделах Сергей Аристархович полностью полагался на меня, доверяя проведение опытов, составление документации, заполнение дневников, оформление финансовых ведомостей. Но деньги всегда были при

нем. Он прятал их в носовом платке и хранил высоко под потолком — на балке или на шкафу. После проверки ведомостей Сергей Аристархович выдавал мне необходимые суммы для расчета с сотрудниками экспедиции.

Поражала его удивительная работоспособность, упорство, научная жадность. Когда дело спорилось, Сергей Аристархович был в приподнятом настроении, балагурил и много рассказывал о своем прошлом. Тогда я узнала, что его жизнь была далеко не простой. Было много трудностей, переживаний, смены разных видов деятельности, скитаний.

С. А. Семенов родился 25 сентября 1898 года в г. Вильно в Литве, в семье десятника, возглавлявшего строительные работы на ряде известных объектов. По его рассказам, семья состояла из родителей и пятерых детей, владела небольшим домиком и клочком земли в 3 десятины. Из родственников он больше всего был привязан к своей старшей тете Марии Михайловне Семеновой, широко образованной, утонченной женщине, владеющей кроме русского литовским и польским языками. По сути она была его второй мамой, к советам которой он прислушивался и очень нежно относился к ней. Сергей Аристархович с гордостью показывал мне строения и архитектурные памятники, которые сооружал его отец. Среди них — старое здание центрального банка в Вильнюсе и архитектурный ансамбль в Гидройцах (ныне Гидройчай). До Первой мировой войны Сергей Аристархович закончил низшую школу. Параллельно занимался самообразованием. Наступление германских войск заставило семью С. А. Семенова покинуть Вильно и в 1915 году она переселяется в Нижегородскую губернию. Семья получила пособие для беженцев и испытывала нужду. Сергей Аристархович как мог помогал ей. Он не гнушался никакой работы: учил грамоте детей в с. Тубанаевка Нижегородской губернии, работал конторщиком в уездной земской управе. В 1917 году в поисках заработка он переезжает в г. Оренбург и устраивается чернорабочим в депо Ташкентской железной дороги. Там он узнает о произошедшей в Петрограде Октябрьской революции. В период Гражданской войны он добровольно вступает в ряды Красной Гвардии, участвует в составе Актюбинского фронта против войска атамана Дутова. Уже в то время Сергей Аристархович Семенов, отличающийся своей природной эрудицией, привлекает внимание руководства. За проявленные заслуги он направляется в особый отдел Оренбургского Губчека для борьбы с контрреволюцией.

Это был трудный, полный драматизма, период в жизни ученого, о котором Сергей Аристархович не любил распространяться. Он лишь вскользь упоминал о сложности жизненного пути и многочисленных переменных видов деятельности. Наиболее драматичным для него был период работы в органах ВЧК (1920—1922 года), где служил следователем и уполномоченным. В 1922 году Сергей Аристархович попадает в Среднюю Азию, в Туркменистан. Уже тогда, сражаясь с басмачами, обладая пытливым, все схватывающим природным умом, наблюдательностью и литературным даром, он зафиксировал в памяти картины Среднеазиатской службы, особенно касающиеся жизни местного населения, необычности и таинственности дикой пустынной природы. Позднее запомнившиеся картины среднеазиатского прошлого он воплотил в виде рассказов. Сергей Аристархович признавался мне, что, если бы не археология, он стал бы писателем. И это были не пустые слова. Будучи в хорошем настроении он принес мне как-то две небольшие книжечки из журналов «Мир приключений» и «На далеких окраинах». Подпись автора — Семенов-Виленский (такой псевдоним избрал С. А.). Это были два ранних рассказа Сергея Аристарховича. Один, представленный былью под названием «Урус-Батыр», получил в 1929 г. первую премию на литературном конкурсе журнала «Мир приключений». Второй — «Под жалом скорпиона», был удостоен второй премии в 1930 г. Сюжет, язык, живость, яркость и увлекательность изложения покорили меня. Автор заставил непроизвольно сопереживать своим героям, воспринимать близко их судьбы и жизненные коллизии. У читателя складывалось впечатление, что все изложенное в рассказах, происходит с ним самим. То же произошло и со мной, когда я испытывала невероятный ужас, настоящий страх, как бы воочию ощущая мягкие щекочущие кожу лапки ползущего по груди скорпиона, готового в любую минуту вонзить в тело героя свое страшное смертоносное жало... После этих рассказов появились новые, написанные уже в стиле фантастики. Более того, в последние годы своей жизни он написал фантастическую повесть о космосе. К сожалению, литературная деятельность Сергея Аристарховича Семенова стала одним из его хобби. Его влекла историческая наука с ее первобытным прошлым.

В 1922 г. он, наконец, вырвался из Ашхабада, приехал в Петроград. Здесь в 1923 г. С. А. Семенов успешно заканчивает факультет общественных наук в краткосрочной Высшей военно-педагогической школе, а после демобилизации (1923 г.) поступает

на исторический факультет Государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Его дипломная работа «Возникновение орудий труда» с блеском защищена в 1927 году. Сергей Аристархович получает специальность учителя истории средней школы. Но он не становится им. Его упорно мают проблемы изучения жизни и быта отсталых народностей России, без которых трудно и невозможно понять орудия прошлого, их возникновение, развитие, роль в жизнеобеспечении древних обществ. Поэтому в 1928 г. он отправляется с геоботаником на полуостров Канин в составе Северной экспедиции. Тогда это был малоосвоенный труднодоступный край, таящий в себе много загадочного и непредсказуемого. С. А. Семенов прекрасно понимал, что без наблюдения этнографических процессов и явлений невозможно проникнуть в суть производственной деятельности человечества и раскрыть саму историю первобытных обществ. Ради этой идеи оба исследователя пересекли северную часть Канинского полуострова, знакомясь с бытом и жизнедеятельностью местных аборигенов. Обладая врожденной наблюдательностью, аналитическим умом, литературным даром, С. А. Семенов изложил все увиденное, услышанное и воспринятое в серии увлекательных очерков и рассказов о жизни и обычаях ненцев (самоедов), обитавших на территории Канина.

Путешествие по Канинскому полуострову и, особенно, полученные впечатления оставили глубокий след, отразившийся в дальнейшей научной судьбе ученого.

К сожалению, жизнь распорядилась вопреки задуманному. На пути встали новые испытания. В поисках заработка С. А. Семенов устраивается сначала в издательство «Красная Газета» и «Зиф» (1928 г.), затем на завод «Радист» сборщиком. Но он продолжает мечтать о науке и упорно изучает историю первобытных обществ самостоятельно.

Наконец, в 1931 г. судьба улыбнулась будущему ученому. Он становится аспирантом ГАИМК'а. Оригинальность подхода к материалу и особое аналитико-философское восприятие древней истории обусловили выбор научной темы, связанной с изучением палеолитических обществ. Объектом исследования становятся каменные и костяные орудия труда. В ту пору ГАИМК переживал серебряный век своей истории. Здесь трудились выдающиеся ученые, буквально взорвавшие догматические пути археологии и исторической науки в целом, несмотря на трудности политической обстановки в стране. Среди них — Н. Я. Марр, П. П. Ефименко, Б. Л. Богачевский, Б. Д. Греков, С. А. Жебелев,

В. И. Равдоникас, М. И. Артамонов, П. Н. Третьяков, М. П. Грязнов, С. Н. Замятнин и многие другие видные ученые. Это был незабываемый взлет российской науки, отголоски которого мы ощущаем до сих пор, пользуясь ее идеями, методами и открытиями. Достаточно вспомнить, что уже тогда стоял вопрос о специальном изучении орудий труда. Поставил эту задачу Н. П. Тихонов, возглавлявший лабораторию исторической технологии. Он писал: «Сюда входят и изучение техники обработки, начиная с технического приема получения материала, вплоть до окончательной его отделки в различных видах и манерах. Необходимо изучать с применением микроскопа и спектроскопа вид его поверхности на основании следов инструментов и приемов сверления, выгачивания и т.п. и, пользуясь аналогиями с современными кустарными приемами в этой области, воссоздать техническую обстановку, в которой происходила работа» (Тихонов 1931: 44—45). Археологи стали обращать внимание на изучение технологии расщепления камня (Городцов 1926, 1930) и керамического производства с учетом следов, оставшихся от инструментов (Воеводский 1930, 1936), на наличие заполировки и других признаков на орудиях (Бонч-Осмоловский 1931; Ефименко 1934 и др.). Однако из-за отсутствия в ту пору специальной методики микроанализа орудий труда поставленные задачи не могли осуществиться, хотя отдельные признаки будущего метода начали вырисовываться. Так была замечена округлость рабочих краев у скребков (Greenwell 1865: 101) и наличие линейных следов на их поверхности (Evans 1972: 279—280). Эти наблюдения повторили другие исследователи (Vayson 1919; Curwen 1930, 1935). При чем Е. Карвен впервые использовал для изучения следов микроскоп и сделал попытку объяснить природу возникновения заполировки на жатвенных орудиях. Однако это были только поиски новых подходов к изучению функции орудий. Все вместе взятое составило благоприятный фон для возникновения нового метода. С. А. Семенов шел к его (методу) созданию своим путем, используя данные экспериментов и анализа поверхности орудий под микроскопом. Именно ему впервые удалось выделить и систематизировать генеральные признаки сработанности для дифференцированных групп орудий. Последние стали основой для рождения экспериментально-трассологического или функционального метода. К числу определяющих диагностирующих признаков он отнес линейные следы износа. Первые разработки экспериментально-трассологического метода были изложены в кандидатской диссертации С. А. Семенова «Изучение функций верхне-

палеолитических орудий труда по следам употребления», успешно защищенной в 1937 году. Открытие нового метода позволило поставить его в один ряд с основополагающим методом археологии — типологией. Трасология дополнила последний информацией о функциях орудий труда и палеоэкономических реконструкциях, которой не располагал типологический метод. И даже если бы С. А. Семенов ничего более не сделал в науке, его имя уже было бы вписано в золотой фонд археологии.

Вместе с тем широта интересов ученого, его неукротимая научная энергия, непрестанные поиски чего-то нового не позволяли заикнуться только на археологических проблемах. Параллельно С. А. Семенов работает над древнейшей историей народов Южной Азии и Тихоокеанского бассейна. Из-под его пера выходят разделы для 1 тома «Всемирной истории» — «Каменный век в Индии», «Индокитай и Индонезия в эпоху дикости и варварства», «Австралия и Океания до Европейской колонизации», и др. Он активно печатается в журнале «Вестник знания». В 1940 г. публикуются первые статьи о применении методики микроанализа к конкретным археологическим материалам — «Изучение следов работы на каменных орудиях» и «Результаты исследования поверхности каменных орудий». Свои методические разработки С. А. Семенов переносит на неолитические изделия из Ангарских могильников.

Казалось, ничто не предвещало нарушения успешно налаженного научно-исследовательского ритма ученого. Но... работа была прервана началом Великой Отечественной войны. С. А. Семенов остается в блокадном Ленинграде. И вместе с другими ленинградцами в эти тяжелые для города месяцы он участвует в сооружении оборонительных укреплений, вступает в отряд местной противовоздушной обороны и выполняет другие тяжелые и опасные работы. За самоотверженную героическую работу в осажденном Ленинграде С. А. Семенов награждается медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд» и позднее орденом «Знак Почета».

В 1942 г. в тяжелом состоянии С. А. Семенов эвакуируется через Ладожское озеро в г. Иванов, где ждала его жена Мария Ерофеевна. Эта маленькая худенькая мужественная женщина станет опорой, хранительницей очага, вдохновительницей и помощницей в его трудной, но яркой научной жизни. Мария Ерофеевна была веселым общительным человеком — душой общества, прекрасной гостеприимной хозяйкой. Будучи в экспедиции, она могла просидеть

целую ночь в нашем обществе, распевая песни или рассказывая анекдоты. Без Марии Ерофеевны Сергей Аристархович казался беспомощным в житейском плане. В последние годы он часто говорил, что «боится остаться без нее, а она так больна». Однако, Мария Ерофеевна оказалась более выносливой женщиной, не раз развеивающей мрачные пессимистические мысли мужа.

Кратковременная жизнь в Иванове была насыщена педагогической работой. Около двух лет Сергей Аристархович преподавал древнюю историю на историческом факультете педагогического института, не забывая при этом свою научно-исследовательскую тему. К последней он снова приступил в 1944 г., возвратившись в Ленинград, в родной ИИМК. «Научный голод», который он испытывал в эвакуации, требовал немедленно насыщения. Он с жадностью и неистовостью поглощал археологическую и другую интересующую его литературу, ставил опыты, исследовал эталонные и археологические образцы под микроскопом, производил съемки следов износа на дифференцированных орудиях, накапливал информацию по методическим разработкам. Первоочередной задачей становится изучение проблем первобытной техники и орудий труда. Не оставляет в стороне работу по вопросам Всемирной истории. Широта и разносторонность научных интересов С. А. Семенова проявилась в серии статей разнопланового характера, связанных с общими вопросами археологии, методикой и методологией, особенностями физического строения неандертальского человека, происхождением монгольского расового типа. Но основные силы и внимание отдает методическим и методологическим разработкам нового подхода к изучению древнего инструментария.

В 1957 г. С. А. Семенов завершает многолетний итоговый труд всей его жизни, открывающий новый этап в археологии. Это монография «Первобытная техника». Изложенные в ней методические приемы помогали определять функции дифференцированных орудий, давать правильную оценку древней технике и хозяйству, позволяли углубить возможности исторического осмысления археологических источников. В ней раскрыты теоретические основы методики, приемы лабораторного исследования артефактов, приведены многочисленные примеры применения этой методики к конкретным археологическим материалам разных эпох, обоснованные массой микрофотографий и графических рисунков с расшифровкой микроследов изнашивания. Мертвые, на первый взгляд, каменные и костяные орудия

вдруг заговорили в полный голос, раскрывая свое содержание и назначение. При решении вопросов палеоэкономики орудия труда впервые становятся особым видом источника. До новой методики они использовались как некое приложение к уже имеющейся информации, полученной по данным палеозоологии, палеоботаники и палеоэкологии. Это приложение выглядело как гипотеза, обоснованная морфологическими признаками исследуемых орудий, часто не совпадающими с их функциональным содержанием. Значение вышедшей книги в мировой археологии необычайно велико. Здесь впервые в полном объеме изложены азы экспериментально-трассологического метода, открыто новое направление в археологии — изучение функции орудий труда с помощью микроскопа и эксперимента и восстановление на их базе конкретной картины хозяйственно-производственной деятельности первобытных обществ.

Открытие экспериментально-трассологического метода было настоящей революцией в археологии. Книга С. А. Семенова «Первобытная техника» получила всеобщее признание. Она была издана в Англии (Semenov 1964), в Испании (Semenov 1981) и трижды — в США (Semenov 1964, 1972, 1975). К сожалению, испанское издание С. А. Семенов уже не увидел. Ученый приобрел мировую известность. О его книге заговорили в зарубежных и отечественных научных кругах. Она способствовала развитию и распространению метода микроанализа. Сергей Аристархович, работающий до 1957 года в одиночку, наконец получил помощника, снимающего с него технические заботы. Почти до конца своей жизни он испытывал недоверчивое отношение к своей работе со стороны некоторых археологов, обвиняющих его чуть ли не в шарлатанстве. Естественно, такая обстановка в Институте создавала определенное противостояние и трудности в межличностных отношениях. Однако испытываемая им психологическая напряженность не заставила ученого свернуть с намеченного пути. Он старался не замечать недоброжелательных высказываний своих оппонентов и все больше замыкался на научной деятельности. Наконец, справедливость восторжествовала. В 1957 году С. А. Семенов был награжден первой премией Президиума Академии Наук СССР. Блестящий успех книги «Первобытная техника» позволил автору представить ее в качестве докторской диссертации. Искомую степень он получил в 1958 г.

Казалось, большая часть замыслов претворена и можно было бы сделать передышку. Но он торопится. Семенов постоян-

но находится в состоянии научного поиска. Не раз я слышала от него слова: «Я слишком поздно пришел в науку, на то были веские причины. Поэтому мне нужно спешить, я должен еще кое-что сделать».

На столе ученого уже лежал новый труд, над которым он работал также тщательно и скрупулезно, как и над первой книгой. Это была монография «Развитие техники в каменном веке», опубликованная в 1968 г. Она являлась как бы продолжением «Первобытной техники». В ней на конкретных археологических и экспериментальных материалах с привлечением этнографических свидетельств и описаний рассматриваются способы добычи камня и технология его обработки. Дана подробная характеристика деревообрабатывающего и косточерабатывающего производств (особенно популярных в эпохи палеолита-неолита), разделки добычи и обработки кожи. Вторая часть монографии посвящена освоению и добыче огня, строительству жилищ, путям и средствам передвижения. Особое место в книге занимают разделы, связанные с характеристикой хозяйств первобытных обществ. На широком археологическом и этнографическом фоне С. А. Семенов знакомит читателя с проблемами изучения охоты и рыболовства, акцентируя внимание на способах их ведения и характеристике этих отраслей в Австралии и Океании, тропической и северной зоне, а так же на закономерностях развития охоты и рыболовства в целом. Ученый подробно осветил проблему технического прогресса на начальных этапах человеческого общества. Большое внимание уделено вопросам выявления закономерностей развития древнейшего труда и общих направлений техники в целом.

Обе книги С. А. Семенова («Первобытная техника» и «Развитие техники в каменном веке») были высоко оценены мировой археологической общественностью. И только после того, как они получили всеобщее признание, труды С. А. Семенова были оценены и в России. Воистину — нет пророка в своем отечестве. В 1974 г. великому ученому была присуждена Государственная премия СССР. Какие изменения произошли в жизни С. А. Семенова с этого времени? Наконец, после более чем десятилетнего перерыва с момента появления первой ученицы (Г. Ф. Коробковой) коллектив лаборатории пополнился новыми помощниками и аспирантами (А. К. Филиппов, В. Е. Щелинский, А. Е. Матюхин). Лаборатория первобытной техники приобрела самостоятельный статус. У Сергея Аристарховича стали брать интервью многочисленные журналисты. Его имя стало часто встречаться

на страницах газет, журналов. Работе Сергея Аристарховича уделило внимание и телевидение. Он доказал оппонентам значимость своих исследований, ставящих его, как автора разработанного им метода, выше любых межличностных отношений. С. А. Семенов был глубоко одаренным человеком. В своих трудах он предстает как широко эрудированный исследователь, работающий на грани смежных дисциплин (археологии, истории и философии), как знаток и первооткрыватель функциональной, специалист по первобытной технике и технологии. К этому следует добавить его писательский талант и талант художника. В свободное время он писал маслом картины, с удовольствием столярничал, что-то мастерил, совершенствовал оптические приборы, стеклил стеллажи. Ему все удавалось в силу природной разносторонней одаренности.

Открыв метод экспериментально-трассологического анализа орудий труда, проследив эволюцию в технологии расщепления камня и других производств, показав через функции древних инструментов возможности хозяйственных реконструкций первобытных обществ, С. А. Семенов усиленно ищет новые подходы в изучении орудий. В 1971 г. вместе со своим учеником В. Е. Щелинским он разрабатывает методику микрометрического анализа кремневых изделий (Семенов, Щелинский 1971). На основе данных количественного изучения следов изнашивания и определения степени износа на палеолитических орудиях метод позволял устанавливать функции слабоизношенных или малоизвестных орудий.

Едва автор завершил рукопись о микрометрическом методе, он начал новую работу, — «Происхождение земледелия», которая должна была подвести итог исследованию технологии производств земледельческого хозяйства (1974). Автора интересует все, что связано с созидательным воспроизводством продуктов питания. В книге рассмотрены вопросы происхождения собственно земледелия, начиная от собирательства растительной пищи, характеристики древнейших центров земледелия в мировом масштабе, систем земледельческого хозяйства и способов его ведения, и кончая раскрытием динамики древнеземледельческих орудий и циклов земледельческого хозяйства. Специальное внимание уделено технологии сбора урожая и зернообрабатывающего производства. Продолжая методические разработки С. А. Семенов рассмотрел следы износа на жатвенных инструментах и обосновал причины образования заполировки на их поверхности. К сожалению, объем книги не позволил автору осветить еще одну отрасль

производящего хозяйства — животноводство, хотя материалы для нее уже были собраны.

Особое принципиально важное место в научной деятельности С. А. Семенова занимали эксперименты. Бросалась в глаза их разноплановость, дифференцированность, серийность. В ежегодных экспериментальных экспедициях ставились те или иные задачи, связанные с научными темами С. А. Семенова. Помимо изучения технологии расщепления камня, проблем земледелия и присваивающих форм хозяйства, он исследовал древние транспортные средства передвижения и способы их строительства. Так, в 1958 г. ученый поставил эксперимент по изготовлению крупной лодки, срубленной из мощного ствола сосны и испытанной на бурных водах Ангары и на величавой Неве. Этим опытом С. А. Семенов доказал высокую производительность каменных орудий и опроверг тем самым имеющиеся по этому поводу старые представления.

Специальный сезон был посвящен изучению керамического производства. И как обычно, ученый отталкивался в своих опытах от этнографических свидетельств и наблюдений специалистов-профессионалов. Естественно, при решении каких-то вопросов он шел по пути проб и ошибок. Так, в 1959 г. С. А. Семенов и я (при помощи престарелого местного гончара) стали познавать технологию керамического производства с включением всех циклов. Отсутствие у нас достаточных знаний для проведения некоторых операций иногда приводило к курьезным случаям. Об одном из них хотелось бы вспомнить. Предстоял обжиг керамики. Как его провести, с чего начать? Наши знания явно не хватало. По совету престарелого гончара мы заложили хорошо просушенную керамику прямо в костер, обложили ее сучьями, ветками, дровами и подожгли. Сами уселись благочинно у костра, наблюдая за процессом. Наше блаженное состояние прервалось сильным треском и взрывом обжигаемых сосудов. Высота, радиус и расстояние растрескавшихся и взметнувшихся в воздух черепков напоминало взрыв шрапнели. Мы со скоростью света бросились в разные стороны, прикрывая голову от летящих вдогонку обломков. Отдышавшись после скоростного бега, мы не предались унынию или сожалению. Тишина, возникшая после взрыва, была нарушена нашим громким заразительным смехом. Мы смеялись от нелепости постигшей нас неудачи, комичности ситуации и спринтерского бега от костра. Однако Сергей Аристархович успокоил меня словами: «Отрицатель-

ный результат есть тоже результат». Этот опыт научил нас найти новый выход из сложившейся ситуации. И он оказался более удачным и результативным в научном плане.

Развернутые С. А. Семеновым экспериментальные работы заставили пересмотреть многие устоявшиеся годами представления о палеоэкономике и культуре прошлого, особенно о производительности орудий труда. Серии опытов, поставленных им в 16 специальных экспедициях, показали с достаточной яркостью и аргументированностью значимость экспериментального метода в изучении функций и продуктивности орудий, технологии разных производств, понимании хозяйственно-производственной деятельности. Эксперимент в археологии стал источником получения новой информации, идентификации и верификации функций и производственных процессов, аналогией, объяснением, базой развития методики микроанализа, источником знаний для подготовки молодых специалистов и др. Результаты проведенных опытов были изложены в ряде статей ученого и совместной работе С. А. Семенова, Г. Ф. Коробковой «Технология древнейших производств. Мезолит-энеолит», вышедшей в 1983 году уже после смерти исследователя. В написанных С. А. Семеновым разделах раскрывается характеристика орудий труда и производств эпохи верхнего палеолита и мезолита, обработка волокнистых веществ в первобытном обществе, прядение и ткачество, технология изготовления посуды из дерева, коры, кожи, керамики, шитья меховой одежды. И в этой книге С. А. Семенов верен своей излюбленной теме — выявлению закономерностей в созидательной деятельности древнего человека. Он прослеживает изменения в двигательной сенсорной реакции труда, совершенствовании трудовых навыков и формировании способностей рабочих органов переключаться на динамические нагрузки и разные по кинематике операции при помощи создаваемых и используемых орудий. Особое место уделено прогрессу орудий труда, техники, технологии, благодаря которым осваиваются новые территории, недосыгаемые ранее из-за низкого уровня инструментария и, в первую очередь, его низкой производительности, осуществляется переход к новым формам хозяйства и зачаткам хозяйственно-производственной дифференциации и специализации (Семенов, Коробкова 1983: 236—237).

С. А. Семенов постоянно и неустанно продолжал работать над теорией и методикой экспериментально-трасологического метода. Его доклад «Новейшие методы изуче-

ния древней техники и хозяйства», сделанный на заседании Президиума АН СССР, был опубликован в 1978 г. (Семенов 1978). Зная о своей болезни сердца ученый спешил осуществить научные замыслы. Но...! Смерть опередила его. Это случилось через 10 дней после празднования 80-летнего юбилея ученого. Кажется, ничто не предвещало беды. Сергей Аристархович радовался своему научному признанию, созданию экспериментально-трасологической лаборатории, достижениям своих учеников. На столе лежала рукопись очередной работы. Материалы последней экспериментальной экспедиции в Литве стали объектом его исследования. Параллельно он работал над текстами последней монографии (Семенов, Коробкова 1983). Все говорило о безоблачности, непрерывности, стабильности научного процесса. Но... смерть не позволила осуществить творческие замыслы. Шестого декабря 1978 г. С. А. Семенова не стало. Вместе с тем, его научные труды продолжали выходить, как бы подчеркивая, что он не ушел, он с нами, он вечен.

Научное наследие, оставленное С. А. Семеновым, было с благодарностью воспринято его учениками и последователями. Ученый воспитал группу способных учеников, работающих сейчас в экспериментально-трасологической лаборатории, городах России, СНГ и за рубежом. По сути он создал российскую школу трасологов-экспериментаторов, среди которых Г. Ф. Коробкова, В. Е. Щелинский, А. К. Филиппов, Н. Н. Скаун, А. Е. Матюхин, Н. А. Кононенко, Т. Ш. Ширинов, Т. М. Мирсаатов, К. Стоянов-Кынчев, передав им все, что являлось смыслом, движущим стимулом всей его жизни. Ученики не растеряли бесценного наследия учителя. Они продолжили дело С. А. Семенова, совершенствуя и развивая методику экспериментально-трасологического анализа на базе широкомасштабных экспериментов и огромных археологических коллекций эпох палеолита-бронзы. Разработана новая методика технологического анализа индустриальных функциональных типологий. Применение методики микро-макроисследования к полностью изученным археологическим материалам позволили взглянуть на картину хозяйственно-производственной деятельности древних обществ с конкретных позиций. В настоящее время удается решать вопросы восстановления хозяйственных систем, внутренней структуры стоянок и поселений с привлечением планиграфических данных и функционального определения орудий труда, назначения памятника и т. д. Экспериментально-трасологическая лаборатория пополнилась новыми кадрами: Е. Ю. Гиря, Т. А. Шаровская, Г. Н. Поплевко, Л. Г. Чайкина.

Жаль, что С. А. Семенов не дожил до наших дней и не увидел культурно-историческую значимость его методических и методологических разработок и не отпраздновал со своими учениками и последователями за-

служенный триумф экспериментально-трасологического метода, успешно шагающего вперед во многих археологических центрах Старого и Нового Света.

- Бонч-Осмоловский, Г. А.* 1931. О нарезках на палеолитических костях // Сообщения Государственной Академии Института Материальной Культуры 8: 25—27.
- Воеводский, М. В.* 1930. К истории гончарной техники народов СССР // Советская этнография 4: 55—70
1936. К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР // Советская археология 1: 51—77.
- Городцов, В. А.* 1926. Типологический и сравнительный методы в археологии // Бюллетень конференции археологов в Керчи 5: 1.
1930. Значение изучения древней техники в археологии // Тезисы сообщений археологии Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук 5: 9—14
- Ефименко, П. П.* 1934. Итоги работ в Костенках (август-октябрь 1933 г.) // Проблемы истории докапиталистических обществ 4: 64—71.
- Семенов, С. А.* 1957. Первобытная техника. Опыт изучения древнейших орудий и изделий со следами работы // Материалы и исследования по археологии СССР 54.
1968. Развитие техники в каменном веке. Ленинград.
1974. Происхождение земледелия. Ленинград.
1978. Новейшие методы изучения древней техники и хозяйства // Вестник АН СССР 9: 62—78.
- Семенов, С. А., Г. Ф. Коробкова.* 1983. Технология древнейших производств. Мезолит-энеолит. Ленинград.

- Семенов, С. А., В. Е. Щелинский.* 1971. Микрометрическое изучение следов работы на палеолитических орудиях // Советская археология 1:
- Тихонов, Н. П.* 1931. Истоки и перспективы исторической технологии // Сообщения Государственной Академии Института Материальной Культуры 11—12: 43—51.
- Curwen, E. C.* 1930. Prehistoric flint sickle in Palestine // Antiquity 9: 62—66.
1935. Agriculture and the flint sickle in Palestine // Antiquity 9: 60—66.
- Evans, J.* 1872. The ancient stone implements, weapons and ornaments of Great Britain. London.
- Greenwell, W.* 1865. Notices of the examination of ancient gravehills in the North Riding of Yorkshire // Archaeological Journal 22: 95—105.
- Semenov, S. A.* 1964. Prehistoric technology (an experimental study of the oldest tools and artefacts from traces of manufacture and wear). London.
- 1964, 1972, 1975. Prehistoric technology (an experimental study of the oldest tools and artefacts from traces of manufacture and wear). New York.
1981. *Technologi prehistorica: Estudio de las herramientas y objetos antiguos a traves de las huellas de uso.* Madrid.
- Vayson de Pradenne, A.* 1919. Faucille prehistorique de Solferino // L'Archeology 23: 303—422.

Г. Ф. Коробкова

Институт истории материальной культуры
РАН

Экспериментально-трасологическая лаборатория.

ХРОНИКА

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ И НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН В 1995–1996 ГОДАХ

В 1995—1996 годах, в рамках программы Отделения истории РАН «История мировой цивилизации и судьбы России» ИИМК РАН продолжал работы по теме «Взаимодействие древних культур и цивилизаций». В научной деятельности Института, как и прежде, главным было получение новой археологической информации, разработка интерпретационных и реконструктивных систем изучения данных археологии, внедрение и использование методов точных и естественных наук применительно к археологическим объектам.

В научно-организационном плане основные усилия Института были сосредоточены на сохранении кадрового потенциала; на сохранении и упрочении научного пространства и места ИИМК в системе археологических учреждений России; на активном поиске и развитии долгосрочных контактов и программ в рамках всероссийского и международного сотрудничества.

Несмотря на большие сложности с финансированием, в 1995—1996 гг. в Институте продолжались полевые исследования (работало около 20 экспедиций). Традиционно проводились исследования на Северо-Западе России (О. В. Овсянников), в Ленинградской (В. И. Тимофеев, А. И. Сакса), Архангельской (В. Я. Шумкин), Новгородской (Е. Н. Носов), Тверской (Г. В. Сеницына, В. А. Лапшин, В. И. Кильдюшевский, А. В. Курбатов, Т. А. Чукова) областях, в Республиках Тува (Вл. А. Семенов) и Хакасия (Н. А. Боковенко, И. П. Лазаретов и М. Н. Пшеницына, Н. Н. Николаев), в Красноярском (А. В. Субботин, С. В. Красниенко) и Краснодарском (В. Е. Щелинский и В. А. Трифонов) краях, в Республике Молдова (Н. Н. Скакун). Продолжались работы подводно-археологических экспедиций в Вы-

боргском заливе (А. С. Голенцов и П. Е. Соколин).

В 1995 г. Каракумской экспедицией ИИМК РАН (начальник экспедиции В. М. Массон, начальник отряда Н. Ф. Соловьева), ведущей работы в рамках договора о международном сотрудничестве между РАН и АН Туркменистана, совершено выдающееся открытие мирового значения. При исследованиях поселения Илгындыдепе в Южном Туркменистане на стене дома-святилища конца V — начала IV тыс. до н. э. была найдена и впервые полностью научно зафиксирована и законсервирована сюжетная композиция в технике sgraffito с изображением плодового дерева, змей, мифологического (?) персонажа и геометрических фигур. Эта находка позволяет поставить памятники энеолитической культуры Южного Туркменистана в один ряд с наиболее выдающимися памятниками раннеземледельческих культур Старого Света. Автору открытия — Н. Ф. Соловьевой присуждена Премия для молодых ученых Отделения истории РАН за 1995 год.

В 1995 г., в рамках двух проектов РГНФ, начались работы на верхнепалеолитическом поселении Юдиново (Брянская область) (начальник экспедиции Г. В. Григорьева), которые поэтапно отражаются в ряде публикаций З. А. Абрамовой и Г. В. Григорьевой. В 1996 г. на стоянке сделано важное открытие — была обнаружена уникальная коллекция произведений графического искусства в виде резьбы по бивню и кости.

При поддержке международных фондов и по федеральной программе по сохранению культурного наследия в 1995—1996 гг. продолжались работы Северо-Кавказской палеолитической экспедиции (начальник экспедиции Л. В. Голованова) по изучению

древнейшего памятника пребывания человека на территории России — Треугольной пещерной стоянки (600—700 тыс. лет назад) в Карачаево-Черкессии и не менее интересной Мезмайской пещерной стоянки эпохи среднего палеолита.

В 1996 г. были начаты новые раскопки на верхнепалеолитическом поселении Золотовка на Дону (начальники экспедиции В. Е. Щелинский и Н. Д. Праслов), в Причерноморье на Ахштырской пещерной стоянке (начальник экспедиции С. А. Кулаков), в республике Адыгея на поселении Чишхо (начальник экспедиции А. В. Резепкин), где впервые за все время изучения Майкопской культуры были открыты круглые в плане жилища создателей этой культуры эпохи бронзы.

В эти годы совместно с Институтом Арктики и Антарктики В. В. Питулько продолжил работы на полуострове Таймыр, а сотрудники Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа в Средней Азии совместно с Государственным Эрмитажем и Институтом истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан продолжили работы на городище древнего Пенджикента (В. И. Распопова и Д. Абдуллоев).

Сотрудниками Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН в 1995—1996 гг. проводились международные и комплексные археолого-экологические исследования на Северо-Западе России, в Старой Ладогe (начальник экспедиции А. Н. Кирпичников) и в Новгородской области (начальник экспедиции Е. Н. Носов) по проекту РГНФ и на основе долгосрочных договоров о сотрудничестве с исследовательскими центрами Швеции (Университет Упсалы), Германии (Университет Киля) и Англии (Университет Ботмунда). В ходе этих программ западные коллеги обеспечивают флотацию культурного слоя с последующим анализом органических образцов. В результате анализов, получены новые данные о времени распространения земледелия в этих районах.

В августе 1995 года под Ижевском при поддержке Удмуртского университета была проведена очередная международная трасологическая школа (руководитель Г. Ф. Коробкова). Слушателей ознакомили с основами трасологической методики трех специалистов-археологов. Начата подготовка группы польских специалистов с ориентацией на создание под кураторством ИИМК РАН трасологической лаборатории при Институте археологии университета г. Торунь.

В 1995—1996 гг. ИИМК РАН организовал и принял участие в организации ряда

крупных международных конференций и совещаний.

I Всероссийская конференция «Церковная археология» (Псков, ноябрь 1995 г.) была организована ИИМК РАН, Псковским объединенным историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником и администрацией Псковской области. В конференции приняли участие представители 10 регионов России, Православной и римско-католической церковью. Помимо пленарных заседаний и 4-х научных секций, работали два круглых стола, в частности, по вопросам музеефикации Псковского кремля. В резолюции конференции особо подчеркнуто, что в работе всесторонне был рассмотрен важный аспект российской цивилизации, воспринявшей Православие как ведущую идеологическую концепцию.

Международная конференция «Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы» была проведена совместно с Саратовским государственным университетом (Саратов, август 1995 г.) с участием представителей 7 городов России и 4 — Украины.

Совместно с Санкт-Петербургским государственным университетом была проведена научная конференция «Проблемы изучения окуневской культуры» (Санкт-Петербург, декабрь 1995 г.).

Совместно с Государственным Эрмитажем была проведена конференция «Между Европой и Азией: Кавказ в IV—I тыс. до н. э. К столетию со дня рождения А. А. Иессена» (Санкт-Петербург, ноябрь 1996 г.).

Совместно с Институтом археологии Национальной Академии наук Украины и Донецким научным центром была организована конференция «Приазовье в системе евразийских древностей» (Донецк, декабрь 1996 г.).

В рамках проекта РГНФ «Скифо-Сибирика» совместно с Государственным Эрмитажем работала конференция «Жречество и шаманизм в скифскую эпоху» (Санкт-Петербург, декабрь 1996 г.).

Сотрудники Института приняли активное участие в работе XIII-го международного Конгресса доисториков и протоисториков (U.I.S.P.P.) в г. Форли (Италия, сентябрь 1996 г.). Выступали с докладами на международных конференциях, совещаниях, круглых столах в Великобритании, США, Израиле, Иордании, Швеции, Польше и др.

Важное научно-методическое значение имели ежегодные пленумы ИИМК РАН. В 1995 г. пленум работал по теме «Изучение древних культур и цивилизаций», в его рам-

ках прошли конференция «Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия» и международный методологический семинар «Фортификация в древности и средневековье». В работе пленума принимали участие специалисты Санкт-Петербурга, Москвы, Украины, Казахстана, Молдовы, Болгарии, Польши, Германии, Швеции.

В 1996 г. пленум был посвящен теме «Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации», в рамках которого прошли конференция «Экспедиционные исследования и разработки в 1995 году», заседание методологического семинара на тему «Традиции российской археологии» совместно с Российским археологическим обществом (Москва) и чтения по археологии каменного века, посвященные памяти П. И. Борисковского.

Материалы работы всех этих научных мероприятий нашли отражение в сборниках тезисов докладов, многие из которых были изданы ИИМК РАН.

В 1995—1996 гг. ряд сотрудников Института успешно защитили диссертации: на соискание ученой степени доктора исторических наук — В. Е. Щелинский (1995 г.), С. В. Белецкий (1995 г.), А. Е. Матюхин (1996 г.), С. А. Васильев (1996 г.) и безвременно ушедший от нас Н. Ф. Лисицын (1996г.); на соискание ученой степени кандидата исторических наук — В. В. Питулько (1995 г.).

Научная деятельность сотрудников ИИМК РАН нашла прекрасное отражение в активной издательской деятельности ученых Института. Всего за 1995—96 гг. ИИМК РАН было издано 22 монографии, 7 сборников статей и 10 сборников материалов конференций.

В 1996 г. вышел из печати очередной ежегодник ИИМК РАН «Археологические вести» № 4, объемом около 35 печ. листов. Ежегодник содержит статьи ученых России (Санкт-Петербург, Москва, Новосибирск и др.), Молдовы, Украины, Узбекистана, а также Англии, Дании и Норвегии. Представлены как обобщающие исследования по археологии от каменного века вплоть до средневековья, так и публикации новейших материалов, в частности — впервые публикуется в виде серии статей широкая подборка уникальных по научной и художественной ценности материалов из новейших раскопок кочевнических погребений раннего железного века Сибири, результаты совместных международных экспедиционных и лабораторных научных проектов, обзоры фондов и библиотеки Института. Значительную часть издания составляют оперативные

рецензии на зарубежные публикации, информация о международных конференциях и организации науки за рубежом. Все статьи и заметки снабжены подробными английскими резюме.

Из изданий 1995 г. следует отметить:

— опубликованную во Франции книгу З. А. Абрамовой «Палеолитическое искусство Восточной Европы и Сибири» («L'Art paléolithique d'Europe orientale et de Sibérie»). Работа представляет собой первый полный свод образцов искусства малых форм из палеолитических стоянок России, Украины, Молдовы и Сибири и имеет непреходящую научную ценность. Помимо классификации произведений искусства, раскрываются проблемы их интерпретации, стилистических и хронологических особенностей.

— монография В. А. Лапшина «Археологическая карта Ленинградской области. Часть 2. Восточные и северные районы» — продолжение книги В. А. Лапшина «Археологическая карта Ленинградской области. Часть 1. Западные районы» 1990 г. и является первой полной сводкой сведений об археологических памятниках Ленинградской области.

— российско-датский сборник «Российские древности и древняя история Балтики» является итогом десятилетнего российско-датского сотрудничества в области археологии и состоит из 4-х частей.

В рамках совместного с Государственным Эрмитажем проекта РГНФ «Скифо-Сибирика» издан сборник «Южная Сибирь в древности».

В 1996 г. из наиболее значимых следует отметить:

— книгу Г. Ф. Коробковой и В. Е. Щелинского «Методика микро- и макроанализа древних орудий труда. Ч. 1.» (в рамках проекта РГНФ), представляющую собой первую часть большой коллективной монографии, подготовленной сотрудниками экспериментально-трассологической лаборатории ИИМК РАН. Кроме общих историографических, теоретических и методических вопросов экспериментально-трассологических исследований, в работе особое внимание уделено характеристике следов изнашивания, сохраняющихся на поверхности древних инструментов, которые позволяют определять конкретные функции дифференцированных типов орудий. Издание рассчитано на широкий круг специалистов, как имеющих представление о методике функционального анализа инструментов, так и не владеющих его приемами.

— монографию В. М. Массона «Палеолитическое общество Восточной Европы (вопросы палеоэкономики, культурогенеза и

социогенеза)» (в рамках проекта РГНФ), посвященную рассмотрению некоторых аспектов интерпретации развития первобытного общества, основанных исключительно на данных археологии палеолита.

— монографию трагически погибшего в 1986 г. Д. А. Чистякова «Мустьерские памятники Северо-восточного Причерноморья» (по гранту РГНФ), в которой впервые наиболее полно изданы материалы уникальных памятников палеолита Сочинского и Туапсинского районов Краснодарского края. Эта работа открывает серию монографий, посвященных палеолиту Кавказа, издание которых планируется осуществить в ближайшие годы.

— монографию Л. Б. Вишняцкого «Палеолит Средней Азии и Казахстана» (по гранту РГНФ), где подводятся итоги изучения палеолита данного региона на середину 90-х годов, то есть, фактически за весь со-

ветский период. Эта работа планировалась в качестве раздела одного из томов, прекращенной пока серии «Палеолит мира».

— монографию С. А. Васильева «Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны)» (по гранту РГНФ), которая содержит полную публикацию материалов многослойных позднепалеолитических памятников, исследованных на Верхнем Енисее в 1980—1991 годах.

— монографию С. В. Белецкого «Начало Пскова» (в рамках проекта РГНФ), посвященную проблеме происхождения города Пскова — одного из древнейших городов России. Работа является первой частью подготовленного издания «Городское ядро средневекового Пскова».

Л. Б. Курчо, С. А. Кулаков

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН В 1997 ГОДУ

В 1997 г., несмотря на сложное финансовое положение, ИИМК РАН удалось не только сохранить, но и укрепить все основные направления и позиции научно-исследовательской и научно-организационной деятельности.

В 1997 г. в Институте работало более 20-ти экспедиций, многие сотрудники ИИМК РАН принимали участие в работе совместных и международных экспедиций.

Продолжали работать палеолитические экспедиции на Северном Кавказе (Л. В. Голованова), на верхнепалеолитических стоянках Юдиново, Брянская обл. (Г. В. Григорьева), Авдеевской, Курская обл. (Г. П. Григорьев) и Бирючья балка, Ростовская обл. (А. Е. Матюхин); неолитическая экспедиция в Тверской области (Г. В. Сеницына). В 1997 г. Отдел археологии палеолита ИИМК РАН (Л. М. Тарасов, М. В. Аникович, Е. Ю. Гирия) сотрудничал с Отделом археологии каменного века ИА РАН по исследованию Зарайской верхнепалеолитической стоянки (Московская обл.). М. В. Аникович в сентябре 1997 г. принимал участие в работах Археологического центра Кроу Кэньон, Колорадо, США. В. В. Питулько (июль-август 1997 г.) являлся исполнителем археологической части работ Арктического НИИ по

программе ЛАПЭКС на п-ве Таймыр. В. И. Тимофеев совместно с сотрудниками университета Ньюкаста (Великобритания) произвел разведочные работы на Карельском перешейке, В. Я. Шумкин принимал участие в работах международной карело-шведской археологической экспедиции.

Спасательные работы в Сибири проводили Среднеенисейская (Н. А. Боковенко) и Сибирская (А. В. Субботин) археологические экспедиции. Илгылынский отряд Каракумской археологической экспедиции (Н. Ф. Соловьева) произвел работы в юго-восточном Туркменистане. В. А. Завьялов в качестве эксперта принимал участие в работах международной туркмено-британской археологической экспедиции на трех объектах. В. И. Козлов в течение 2-х месяцев работал в международной археологической экспедиции на Балканах (Сербия). В. И. Распопова и Д. Абдуллоев работали в совместной с Государственным Эрмитажем Пенджикентской археологической экспедиции в Таджикистане. Ю. А. Заднепровский и Д. Абдуллоев в составе Южно-кыргызской археологической экспедиции участвовали в раскопках Ошского поселения.

Е. Я. Рогов (как полевой директор) в июне-июле руководил украинско-американски-

ми раскопками на Гераклеийском полуострове. А. С. Голенцов в качестве научного руководителя принимал участие в подводных работах экспедиции общества «Память Балтики» в Выборгском заливе. Ю. А. Виноградов работал в составе Германской археологической экспедиции на раскопках городища Ребун в Южном Йемене.

Новгородская экспедиция ИИМК РАН (Е. Н. Носов) по проекту РГНФ проводила работы с участием иностранных специалистов-естественников на Рюриковом городище. Староладожская археологическая экспедиция ИИМК РАН (А. Н. Кирпичников), которая во многом финансируется Правительством Ленинградской области, в последние годы стала настоящей полевой школой изучения древнерусских городов для российских и иностранных студентов и специалистов. Спасательные археологические работы на территории Ленинградской, Псковской, Тверской областей осуществляли В. И. Кильдюшевский, А. В. Курбатов, О. И. Богуславский, С. Г. Попов, В. А. Лапшин.

По международному договору о сотрудничестве Л. Г. Чайкина и М. Н. Желтова проводили трасологические исследования в Польше.

В мае 1997 г. состоялся ежегодный Пленум ИИМК РАН — «Новые исследования археологов России и СНГ», к началу работы которого был выпущен сборник материалов. В рамках Пленума было проведено традиционное научное мероприятие — в 1997 г. это была конференция молодых ученых С.-Петербурга и СНГ. Материалы конференции — «Культурные взаимодействия в условиях контактных зон» — опубликованы отдельным изданием.

ИИМК РАН выступил одним из организаторов Международной научной конференции «Пещерный палеолит Урала», которая состоялась в сентябре 1997 г. в городе Уфа. Самым главным в работе Конференции стал вопрос об изучении и спасении двух, единственных на территории не только России, но и Центральной и Восточной Европы, пещер с палеолитической живописью — Каповой в Башкортостане и Игнатьевской в Челябинской области. К работе конференции был издан сборник материалов.

В ноябре 1997 г. ИИМК РАН совместно с Правительством Ленинградской области, Староладожским историко-архитектурным и археологическим музеем-заповедником и Информационным бюро Совета министров Северных стран в С.-Петербурге провел Международные чтения «Современность и археология», посвященные 25-летию Староладожской экспедиции Института, на кото-

рых наряду с вопросами археологии и истории, широко обсуждались вопросы современного состояния и использования культурного наследия России. При финансовой поддержке Правительства Ленинградской области был выпущен сборник материалов Чтений.

Большой научный резонанс имела международная конференция «Каменный век европейских равнин», г. Сергиев Посад, Московская область (июль 1997 г.), собравшая около 100 участников, более 10 сотрудников Института приняли самое активное участие в ее подготовке и работе.

Определенный вклад в решение ряда проблем морской археологии внесла международная конференция «Выборг и морская археология» (сентябрь 1997 г.), проведенная ИИМК РАН совместно с Историко-археологическим морским центром С.-Петербургского научного центра РАН и Выборгским музеем, издан сборник материалов конференции.

1997 г. может быть отмечен как год начала проведения Институтом самостоятельной выставочной деятельности. Первыми работами в этом направлении стало открытие в апреле 1997 г. в Санкт-Петербурге совместно с Музейно-выставочным и издательско-полиграфическим центром «ЭГО» (С.-Петербург) выставки «Древние святилища в Каракумах» (Н. Ф. Соловьева). Важнейшим продолжением этой деятельности стало участие в работе выставки «Арктика-Антарктика» (В. В. Питулько) в г. Бонн (Германия), по Соглашению с Центром Искусств и Выставок ФРГ. Эта выставка (декабрь 1997 г.) позволила гражданам Германии ознакомиться с уникальными экспонатами, полученными при раскопках ИИМК археологических памятников крайнего Севера России.

В 1997 г. продолжала успешно развиваться публикационная деятельность сотрудников ИИМК РАН. По проекту РГНФ З. А. Абрамова подготовила и выпустила второй выпуск монографии «Верхнепалеолитическое поселение Юдиново». Г. В. Григорьева закончила работы по 3-х летнему проекту РГНФ изданием «Исследования верхнепалеолитического поселения Юдиново в 1996 и 1997 гг.». По издательскому гранту РГНФ В. И. Тимофеев подготовил и издал монографию Н. Н. Гуриной «История культуры древнего населения Кольского полуострова». Ю. А. Заднепровский выпустил сборник своих работ разных лет «Древние номады Центральной Азии». Монография К. Х. Кушнаревой «South Caucasus in Prehistory» была издана в Филадельфии (США). А монография В. П. Никонорова

«The Armies of Bactria, 700 B.C. — 450 A.D.» была издана в Великобритании. В рамках проекта РГНФ вышла из печати монография Е. Ю. Гири «Технологический анализ каменных индустрий», которая стала 2-ой частью большого методического издания Экспериментально-трассологической лаборатории ИИМК РАН. А. К. Филиппов по завершающемуся гранту РГНФ опубликовал монографию «Происхождение изобразительного искусства». В рамках хозяйственных работ А. В. Субботин и С. В. Красниенко опубликовали «Археологическую карту Шарыповского района Красноярского края». В. А. Семенов издал монографию «Монгут-Тайта (археологические исследования в Туве в 1994—1995 гг.)».

В рамках завершающегося проекта РГНФ издан сборник «Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла». Ряд сотрудников ИИМК РАН приняли самое деятельное участие в подготовке и издании крупного междисциплинарного сборника статей «Окуневский сборник. Культура, искусство, антропология», выпущенного совместно с С.-Петербургским госуниверситетом и Хакасским отделением ВООПИК. В рамках проекта РГНФ был подготовлен и издан сборник статей «Древности Поволховья». С. В. Белецкий подготовил сборник статей,

посвященный памяти В. Д. Белецкого, «Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии.», который был издан в г. Пскове совместно с Администрацией Псковской области, Псковским музеем-заповедником, Псковским обществом Святой равноапостольной Ольги Российской. По завершающемуся гранту РГНФ опубликован второй выпуск ежегодника «Радиоуглерод и археология» Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН. Совместно с МАЭ РАН издан сборник «Развитие культуры в каменном веке», по материалам работы Международной конференции, посвященной 100-летию Отдела археологии МАЭ РАН.

Важным вкладом в развитие археологии стало издание очередного тома многотомной «Советской археологической литературы. Библиографический указатель 1982—1984 гг.», подготовленного совместно библиотекой ИИМК РАН и Библиотекой РАН.

Диссертационный совет ИИМК РАН (Д 200. 15. 01) провел в 1997 г. защиту 1 диссертации на соискание степени доктора исторических наук и 7 диссертаций на соискание степени кандидата исторических наук.

С. А. Кулаков

Ученый секретарь ИИМК РАН

ПАМЯТИ ЮРИЯ ВИКТОРОВИЧА АНДРЕЕВА (1937–1998)

17 февраля 1998 года на 61 году жизни скоропостижно скончался Юрий Викторович Андреев — выдающийся ученый, прекрасный преподаватель и замечательный человек. Его неожиданная смерть в расцвете творческих сил не только потрясла всех знавших его, но и горестно отозвалась в сердцах людей его лично не знавших, но знакомых с его трудами.

Биография Юрия Викторовича, на первый взгляд, может показаться небогатой внешними событиями, но это была напряженная и насыщенная жизнь духа.

Юрий Викторович родился 3 марта 1937 г. Его отец был ученым электротехником, мать — инженером-газовщиком. Родители, люди образованные, во многом способствовали развитию интересов и дарований своего сына.

Детство Юрия Викторовича совпало с очень трудными годами в истории страны, да и вся дальнейшая его жизнь была нелегка. По характеру он был типичным интровертом, но не был эгоцентриком; любя людей, он слишком часто сталкивался с равнодушием, его обостренное чувство прекрасного и зоркий глаз часто оскорбляло несовершенство жизни, его духовную свободу очень долго сковывали идеологические рамки, его беззаветное служение науке слишком часто встречало непонимание. Все это Юрий Викторович болезненно переживал. Кроме того, его довольно рано стали одолевать серьезные недуги с которыми он, однако, мужественно боролся.

Учился Юрий Викторович легко и с удовольствием, поскольку природа наградила его не только недюжинным умом и талан-

том, но и любознательностью и трудолюбием.

Окончив школу с золотой медалью, Юрий Викторович в 1954 г. поступил на кафедру истории Древней Греции и Рима исторического факультета ЛГУ. Уже на первых курсах университета у Юрия Викторовича определился интерес к тем периодам греческой истории, которые в дальнейшем стали предметами его научных изысканий: крито-микенскому, гомеровскому и архаики.

Университет Юрий Викторович так же, как и школу, окончил с отличием. Проработав около года корректором в издательстве, Юрий Викторович в 1960 г. поступает в аспирантуру исторического факультета ЛГУ. Свою почти 500-страничную кандидатскую диссертацию «Мужские союзы в дорийских городах-государствах» он защищает в 1967 г. Четырьмя годами ранее он становится ассистентом кафедры древней Греции и Рима, с 1976 г. — доцентом, с 1981 г. — и.о. профессора (звание профессора он получил в 1991 г. уже в ИИМК РАН). На протяжении ряда лет он читает общий курс по истории Древней Греции для студентов истфака, ведет спецкурсы и спецсеминары, в том числе: «Источниковедение истории Греции и Рима», «Греческая эпиграфика», «Введение в изучение античности», «Минойский Крит», «Раннегреческая цивилизация», «Древняя Спарта» и др.

В 1976 г. в издательстве ЛГУ вышла в свет монография Юрия Викторовича «Раннегреческий полис», которая подводит итог его многолетним исследованиям в этой области. В ноябре 1979 г. он успешно защищает докторскую диссертацию на тему «Гомеровское общество», где дается содержательный анализ и принципиально новая оценка большого периода истории Греции, прослеживаются истоки классической греческой цивилизации. В 1982 г. Юрий Викторович стал старшим научным сотрудником ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН).

В 1986 г. он занял должность заведующего Группой античной археологии ЛОИА АН СССР, которая затем была преобразована в Отдел истории античной культуры. Этим подразделением он беспрерывно руководил почти 12 лет. За время работы в Институте Юрий Викторович опубликовал десятки статей и книги: «Островные поселения Эгейского мира в эпоху бронзы» (Ленинград, 1989) и «Поэзия мифа и проза истории» (Ленинград, 1990), а также выступил автором целого ряда разделов и глав в коллективных трудах «Античная Греция», «История древнего мира», «История Европы» и др.

Последние годы жизни Юрия Викторовича были тесно связаны с Государственным Эрмитажем, где он принял активное участие в подготовке международной выставки «Шлиман-Петербург-Троя». Для ее научного каталога им были написаны разделы «История и миф в предании о Троянской войне», а также «Троя-Гиссарлык среди Эгейских культур и цивилизаций бронзового века».

Завершив эту работу, Юрий Викторович начал писать книгу, в которой задумал изложить свою концепцию истории Эгеиды от начала бронзового века до конца эпохи архаики. Но успел написать только первые главы...

Многие годы Юрий Викторович плодотворно сотрудничал с «Вестником древней истории» и как автор, и как член редколлегии. На страницах журнала он опубликовал много статей по различным вопросам античности, а в последние годы — серию работ о ранних цивилизациях Эгейского мира, о его природной среде и культурогенезе, специфике минойской цивилизации, духовном мире микенского общества, проблеме послемикенского регресса.

Благодаря новизне подхода, глубине исследования и широте охвата материала, труды Юрия Викторовича внесли неоценимый вклад в изучение цивилизаций Эгейского бассейна, различных аспектов истории и культуры Эллады и, наряду с педагогической деятельностью, снискали ему всеобщее признание. «Юрий Викторович — один из самых уважаемых отечественных антиковедов», — отмечается в официальном приветствии к 60-летию Юрия Викторовича, опубликованном в Вестнике древней истории.

Юрий Викторович постоянно обращался к кардинальным или мало разработанным проблемам, к переломным эпохам в судьбах Эллады. К числу таких принципиально важных тем относятся: характер полиса как особой формы общины, его возникновение и ранние этапы развития. Этот круг вопросов Юрий Викторович осветил в своей книге «Раннегреческий полис» и целом ряде статей.

Юрий Викторович виртуозно владел самыми разнообразными источниками — литературными, эпиграфическими, археологическими, этнографическими и др. Так, размышляя над генезисом греческого полиса, он обратился к Эгейской археологии. Итогом его исследований стала книга «Островные поселения Эгейского мира в эпоху бронзы», — первая и до сих пор единственная монография по проблеме Эгейской урбанизации в III—II тыс. до н. э. Глубоко проанализировав археологические памятники

ки Эгейды и сопоставив их с широким спектром данных по архитектуре жилищ и процессом урбанизации у самых разных народов (от древневосточных и майя до йоруба и современных кавказских) он пришел к выводу, что из всех известных сейчас форм и типов Эгейского протогорода именно островные поселения в наибольшей степени отвечают представлениям о древнейшем образе греческого полиса.

Итогом многолетних размышлений над уникальным феноменом греческой цивилизации, лебединой песней Юрия Викторовича, стала изданная уже после смерти автора книга «Цена свободы и гармонии» (Санкт-Петербург, 1998). В этом замечательном по глубине и многогранности произведении со скромным подзаголовком «Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации» Юрию Викторовичу удалось изящно, доходчиво и увлекательно изложить свои оригинальные взгляды на важнейшие аспекты и проблемы эллинской культуры с позиций исторической психологии.

Не имея возможности подробно останавливаться на всех аспектах обширного научного наследия Юрия Викторовича, нужно отметить, что последние годы он все более и более углубленно занимался проблемами античности в русской культуре, русской культурой как феноменом мировой культуры, преимущественно периодом «серебряного века». В самом Юрии Викторовиче были черты, столь характерные для ярчайших представителей этой эпохи русского ренессанса: мощный интеллект, артистизм натуры, широта взглядов, огромная разносторонняя эрудиция, утонченный эстетизм, пронзительная ирония, трагическое восприятие бытия.

Юрий Викторович был чрезвычайно скромным, однако масштаб его личности таков, что без преувеличения можно говорить о его кончине как о невосполнимой утрате не только для отечественного антиковедения, но и для российской культуры в целом.

И. Ю. Шауб

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ

№ 6

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института истории материальной культуры
Российской Академии наук*

Редактор издательства *Н. В. Хвоцинская*
Художник *Г. А. Кузнецова*
Технический редактор *Н. Ф. Соколова*
Компьютерная верстка *Л. Ю. Егоровой*

Издательство «Дмитрий Буланин»

ЛР № 061824 от 11.03.98
Сдано в набор 04.01.99. Подписано к печати 30.04.99
Формат 60 × 90¹/₈. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 65. Уч.-изд. л. 60.
Тираж 400. Заказ № 440.

Отпечатано с оригинал-макета
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, С.-Петербург, 9 линия, 12

Заказы присылать по адресу:

«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
199034, С.-Петербург,
наб. Макарова, 4

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

Российской Академии наук
Телефон: (812) 235-15-86
Телефакс: (812) 346-16-33
E-mail: bulanina@nevsky.net